

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

17

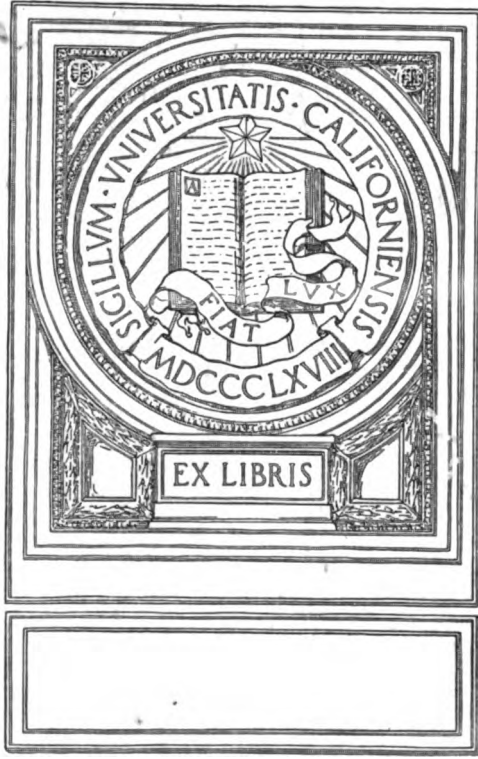
ОТЪ КОМИТЕТА ДИРЕКТОРОВЪ БИБЛИОТЕКИ.

На поляхъ, между строками и на переплетахъ книгъ, принадлежащихъ библиотекъ, пишутся членами надписи, счѣты и т. п.; чтобы остановить порчу книгъ, Комитетъ Директоровъ обращаетъ вниманіе членовъ библиотеки на слѣдующее извлеченіе изъ устава библиотеки:

§ 119. Всякій членъ, въ продолженіи того времени, что взяты имъ книги изъ библиотеки находятся у него на рукахъ, обязанъ внимательно осмотрѣть состояніе всей книги, въ особенности же чертежи, картилы и рисунки и, въ случаѣ какой либо неисправности, заявить объ этомъ библиотекарю.

§ 120. Если членъ возвращаетъ книгусъ вырваннымъ листомъ, чертежомъ или рисункомъ, незаывивъ о неисправности книги, согласно § 119, то объ этомъ библиотекарь или его помощникъ тотчасъ увѣдомляетъ Секретаря-Казначея, который предлагаетъ члену заплатить въ пользу библиотеки половину цѣны книги или представить новую.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОЯВРЬ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СС.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами. д. № 90—1.

1878.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами. (Продолженіе). С. ШАФРАНОВА.

О нѣкоторыхъ славянскихъ и по славянски писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ Ѳ. УСПЕНСКАГО.

Законодательство иконоборцевъ (Окончаніе). В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.

Римская литература при Калигулѣ, Клавдіѣ и Неронѣ. В. И. МОДЕСТОВА.

Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени. Л. Н. МАЙКОВА.

Критическія и библиографическія замѣтки.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXIII. Н. И.

Исторія среднихъ вѣковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Рождественскій. Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ VI класса гимназій. И. ТИХОМИРОВА.

О дѣленіи классовъ въ начальныхъ школахъ на группы В. ВАХТЕРОВА.

Отчетъ о двадцати первомъ присужденіи наградъ графа Уварова.

Новыя ученныя работы о феодализмѣ въ Италіи. П. ВИНОГРАДОВА.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты; б) институты; в) низшія училища.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ПРИЛОЖЕНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки.)

Russia Min. par. pro

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СС.

UNIV. OF
CALIFORNIA

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90-1.

1878.

L457
A4
v. 200

70 1111
AMERICAN

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (14-го августа 1878 года). — Объ учрежденіи стипендій при Муромскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе представленнаго душеприкащиками муромской почетной гражданки Маріи Ефимовой Ермаковой капитала въ 4,600 р. и на учрежденіе, на проценты съ онаго при Муромскомъ реальномъ училищѣ, трехъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи А. В. и М. Е. Ермаковыхъ“.

2. (14-го августа 1878 года). — Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 6-й гимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе собраннаго членами общества вспоможенія нуждающимся ученикамъ С.-Петербургской 6-й гимназій капитала, заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа и наличныхъ деньгахъ, всего на сумму 1,663 руб. 85 коп., для учрежденія на проценты съ онаго, при названной гимназій, одной стипендіи съ наименованіемъ избираемаго на эту стипендію ученика „стипендіатомъ Ея

1*

Императорскаго Высочества, Великой Княгини Цесаревны Маріи Теодоровны“, и повелѣлъ благодарить жертвователей.

3. (14-го августа 1878 года). — Объ учрежденіи стипендій при Харьковской маріинской женской гимназіи.

Надворный совѣтникъ Ѳ. Ѳ. Даниловичъ, представивъ въ попечительный совѣтъ Харьковской маріинской женской гимназіи два 5% государственные банковые билета, пятихоть рублеваго достоинства, всего тысячу рублей, ходатайствовалъ объ учрежденіи при гимназіи, изъ процентовъ съ сего капитала, двухъ стипендій, съ наименованіемъ: одной—„стипендія имени Екаторины Алексѣевны Даниловичъ“ (покойной жены его), а другой—„Зинаиды Теодоровны Даниловичъ“—его дочери, съ предоставленіемъ права выбора стипендіатока пожизненно ему, Даниловичу, а послѣ его смерти—попечительному совѣту гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій и изъявленіе жертвователю Высочайшей благодарности за его пожертвованіе.

4. (14-го августа 1878 года). — Объ учрежденіи стипендій при Муромской женской прогимназіи.

Душеприказчики муромской потомственной почетной гражданки Марьи Ефимовой Ермаковой, желая увѣковѣчить память Ермаковыхъ для гор. Мурома, внесли въ Муромское уѣздное казначейство три тысячи руб. 5% облигаціями восточнаго займа 1877 г., для учрежденія, на проценты съ этого капитала, трехъ стипендій при муромской женской прогимназіи, имени А. В. и М. Е. Ермаковыхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій.

5. (19-го сентября 1878 года). — Объ учрежденіи стипендіи при 6-й С.-Петербургской прогимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе представленнаго женою титулярнаго совѣтника Любовью

Константиновною Стахѣвою инспектору 6-й С.-Петербургской прогимназіи билета 1-го восточнаго займа въ 1000 р., для учрежденія на проценты съ онаго при названной прогимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія памяти Евгенія Стахѣва“.

6. (2-го сентября 1878 года). — О назначеніи четвертаго штатнаго учителя русскаго языка въ Дерптской гимназіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о назначеніи четвертаго штатнаго учителя русскаго языка въ Дерптской гимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о назначеніи четвертаго штатнаго учителя русскаго языка въ Дерптской гимназіи, мнѣніемъ положилъ:

1. Сверхъ имѣющихся нынѣ трехъ штатныхъ учителей русскаго языка въ Дерптской гимназіи, назначить въ оной съ 1-го января 1879 г. четвертаго учителя для этого предмета, съ производствомъ ему содержанія изъ государственнаго казначейства по восьмисотъ пятидесяти руб. въ годъ, полагая въ томъ числѣ 700 руб. жалованья и 150 руб. квартирныхъ, и съ присвоеніемъ всѣхъ правъ и преимуществъ, коими пользуются старшіе учителя въ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа.

2. Потребный на означенный предметъ расходъ вносить съ будущаго года въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствующими и членами.

7. (19-го сентября 1878 года). — Объ учрежденіи стипендіи при Воронежской мужской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе пожертвованнаго вдовою генераль-маіора Надеждою Ми-

хайловою Коровкиною капитала въ пять тысячъ руб., заключающагося въ 5% билетѣ государственнаго банка, для учрежденія на проценты съ онаго при Воронежской мужской гимназій одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія вдовы генераль-маіора Надежды Михайловны Коровкиной“.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (13-го іюня 1878 г.). Уставъ общества естествоиспытателей при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ.

(Утвержденъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. При Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ состоитъ общество естествоиспытателей, имѣющее цѣлю способствовать вообще развитію естественныхъ наукъ, въ особенности содѣйствовать естественно-историческимъ изслѣдованіямъ какъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, такъ и смежныхъ съ ними губерній.

§ 2. Для достиженія этой цѣли общество:

а) созываетъ собранія членовъ по предметамъ, въ § 12 обозначеннымъ;

б) ведетъ корреспонденцію и обмѣнъ сочиненій съ другими обществами естествоиспытателей и учеными учрежденіями;

в) печатаетъ и издаетъ свои труды въ видѣ отдѣльныхъ или періодическихъ изданій; съ соблюденіемъ установленныхъ закономъ правилъ;

г) собираетъ предметы, относящіеся къ естествознанію и бібліотеку.

д) снаряжаетъ экспедиціи и экскурсіи и выдаетъ вспоможенія для ученыхъ изслѣдованій по естественнымъ наукамъ.

е) производитъ физико-химическія и другія научныя изслѣдованія надъ предметами, присылаемыми для этой цѣли членами общества.

§ 3) Общество имѣетъ свою собственную кассу, образуемую изъ членскихъ взносовъ, вырученныхъ отъ продажи изданій онаго денегъ, пожертвованій частныхъ лицъ и обществъ и другихъ, могущихъ быть источниками дохода.

§ 4. Общество естествоиспытателей при Дерптскомъ университетѣ состоитъ изъ неограниченнаго числа дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, равно какъ членовъ-корреспондентовъ.

§ 5. Въ дѣйствительные члены избираются какъ естествоиспытатели живущіе въ Балтійскихъ губерніяхъ, такъ и лица, желающія способствовать цѣлямъ общества словесными и письменными сообщеніями о сдѣланныхъ ими наблюденіяхъ и изысканіяхъ, или содѣйствовать денежными взносами.

§ 6. Въ почетные члены избираются лица, которымъ общество желаетъ выразить особое свое почтеніе за услуги, оказанныя наукѣ въ качествѣ естествоиспытателей или покровителей естествознанія.

§ 7. Въ члены-корреспонденты избираются лица, которыя способствовали цѣлямъ общества и готовы далѣе дѣйствовать на пользу его присылкою предметовъ и сообщеніемъ естественно-историческихъ наблюденій.

§ 8. Выборъ тѣхъ и другихъ членовъ происходитъ по предложенію одного изъ дѣйствительныхъ членовъ, простымъ большинствомъ голосовъ. Избранные представляются для утвержденія попечителю Дерптскаго учебнаго округа.

§ 9. Для усиленія потребныхъ обществу денежныхъ средствъ, всѣ дѣйствительные члены или вносятъ въ кассу ежегодно 5 руб., или покрываютъ годовой взносъ разъ навсегда уплатою одновременно 50 руб. въ общественный капиталъ, изъ котораго лишь проценты могутъ быть израсходованы. Денежныя пожертвованія отъ членовъ, или покровителей общество принимаетъ съ благодарностью, и, если при передачѣ ихъ обществу не будетъ сдѣлано жертвователемъ особаго назначенія, то пожертвованныя деньги присоединяются къ капиталу общества.

§ 10. Веденіе текущихъ дѣлъ принадлежитъ правленію Общества, состоящему изъ президента, вице-президента, секретаря и казначея. Должность казначея можетъ быть поручена, по опредѣленію Общества, секретарю. На означенныя должности дѣйствительные члены избираютъ изъ среды своей лицъ, имѣющихъ жительство въ Дерптѣ. Лицо, избираемое на должность въ первый разъ, избирается только на годъ, при вторичномъ же избраніи такое послѣдуетъ на три года.

§ 11. Правленіе собирается такъ часто, какъ того потребуютъ обсужденіе предметовъ и необходимыя распоряженія; оно заботится объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ, завѣдуетъ кассою и имѣетъ право раз-

рѣшать свою властію расходы до 100 р.; на расходы же свыше этой суммы необходимо согласіе самого Общества. При томъ правленіе наблюдаетъ и за правильнымъ употребленіемъ суммъ, назначенныхъ для опредѣленныхъ цѣлей.

§ 12. Засѣданія Общества имѣютъ мѣсто въ одномъ изъ зданій Дерптскаго университета ежемѣсячно, за исключеніемъ академическихъ лѣтнихъ и зимнихъ ваканцій. О дняхъ засѣданій должна быть предварительная публикація въ мѣстныхъ газетахъ. Въ случаѣ необходимости, засѣданія могутъ быть назначаемы и въ другіе сроки. Въ февралѣ мѣсяцѣ засѣданіе должно быть, если это только возможно, 17 числа, т. е. въ день рожденія академика К. О. фонъ-Бэра, оказавшаго въ теченіе многихъ лѣтъ Обществу великія заслуги, въ качествѣ президента его. Образованные люди всѣхъ сословій могутъ присутствовать при засѣданіяхъ Общества, какъ годовыхъ въ январѣ мѣсяцѣ, такъ и мѣсячныхъ, по предварительнымъ о томъ заявленіямъ секретарю Общества.

§ 13. Въ засѣданіяхъ разсматриваются и разрѣшаются: извѣстія о движеніи и успѣхахъ работъ и изслѣдованій, назначенныхъ обществомъ, о пополненіи библіотеки, равно какъ естественно-историческихъ коллекцій и о состояніи кассы; сочиненія, присланныя для помѣщенія въ издаваемомъ имъ архивѣ, предварительно правленіемъ Общества уже просмотрѣнныя, предложенія о предполагаемыхъ вновь работахъ и объ избраніи новыхъ членовъ; чтенія по предметамъ, принадлежащимъ къ разнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Въ декабрьскомъ засѣданіи избираются, изъ числа дѣйствительныхъ членовъ, два ревизора для повѣрки счетовъ и кассы Общества за истекшій годъ, а въ январьскомъ засѣданіи секретарь обязанъ представить подробный годовой отчетъ о дѣятельности Общества, съ изложеніемъ всѣхъ измѣненій въ личномъ его составѣ, денежныхъ расходовъ и приходовъ и наличнаго состоянія кассы, равно какъ всѣхъ измѣненій въ состояніи библіотеки и естественно-историческихъ коллекцій.

§ 14. Годовой отчетъ о дѣятельности Общества препровождается къ ректору университета для приобщенія къ отчету по университету.

§ 15. Всѣ члены Общества получаютъ бесплатно отчеты; „Архивъ естествознанія“ и всѣ прочія изданія Общества уступаются членамъ за половинную цѣну, авторы сочиненій получаютъ бесплатно 50 экземпляровъ оныхъ.

§ 16. Библіотека и коллекціи предоставляются для пользованія членамъ Общества по правиламъ, установленнымъ для того правленіемъ.

§ 17. Библіотека и естественно-историческія коллекціи находятся подъ присмотромъ консерваторовъ, избираемыхъ Обществомъ.

§ 18. Обь измѣненіяхъ въ этомъ уставѣ, еслибы въ нихъ оказалось со временемъ надобность, Общество сообщаетъ совѣту Дерптскаго университета, для представленія, черезъ попечителя учебнаго округа, министру народнаго просвѣщенія. О времени засѣданій, въ которыхъ предположено будетъ обсужденіе измѣненій устава, должно быть опубликовано въ газетахъ, съ объявленіемъ предмета совѣщанія по крайней мѣрѣ за 8 дней впередъ. Измѣненія же въ Уставѣ могутъ быть рѣшаемы лишь большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ наличныхъ членовъ.

2. (7-го октября 1878 г.). Правила о стипендіи Александра Извъкова, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Императорскомъ Московскомъ университетѣ, на проценты съ пожертвованнаго вдовою тайнаго совѣтника Извъкова капитала въ двѣ тысячи рублей, учреждается одна стипендія въ память покойнаго сына ея, Александра, которая на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29 мая 1878 г., именуется „стипендіею Александра Извъкова“.

2) Размѣръ стипендіи сто рублей въ годъ.

3) Стипендія назначается недостаточнымъ студентамъ, отличающимся успѣхами въ наукахъ, безъ различія факультетовъ.

4) Назначеніе стипендіи принадлежитъ факультету, съ утвержденія совѣта университета.

5) Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ, а равно и въ томъ случаѣ, если будетъ замѣченъ въ чемъ-либо предосудительномъ.

III. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

25-го августа 1878 года (№ 14). Утверждаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ чистой математики Андреевскій—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ чистой математики, съ 1-го августа 1878 года.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ философіи Зеленогорскій—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ философіи, съ 5-го мая 1878 года,

Приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ физики Егоровъ—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ физики, съ 18-го августа 1878 года.

Окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Адриановъ — преподавателемъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, съ 1-го августа 1878 года.

Доцентъ института сельскаго хозяйства и дѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ, надворный совѣтникъ Малевскій — профессоромъ минералогіи съ геогнозіей и почвовѣдѣнія сего института, съ 11-го августа 1878 года.

Окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нейлисовъ — наставникомъ-руководителемъ гимназій при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ и завѣдывающимъ сею гимназією, съ 15-го августа 1878 года.

Исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургской шестой гимназій, заслуженный преподаватель сей гимназій, статскій совѣтникъ Пустонскій—директоромъ этой гимназій, 11-го августа 1878 года.

Исправляющій должность директора Мозырской прогимназій, статскій совѣтникъ Носовичъ—въ настоящей должности, съ 3-го августа 1878 года.

Инспекторъ Царицынской мужской прогимназій, преобразуемой въ шестиклассную, коллежскій совѣтникъ Третьяковъ — директоромъ сей прогимназій, съ 16-го августа 1878 года.

Директоръ Минской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій ассесоръ Котельниковъ—директоромъ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, съ 5-го августа 1878 года.

Инспекторъ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, коллежскій совѣтникъ Тимофеевъ—директоромъ Минской дирекціи народныхъ училищъ, съ 5-го августа 1878 года.

Наставникъ Гатчинской учительской семинаріи Блюдухо — директоромъ Вышегорской учительской семинаріи, съ 1-го августа 1878 года.

Коллежскіе секретари Сапожниковъ и Шиповъ, директоры Нижегородскаго Александровскаго банка Хотяинцевъ и Бологовскій, потомственный почетный гражданинъ Рукавишниковъ, Казанскій 1-й гильдіи купецъ Курбатовъ и непремѣнный членъ Нижегородскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Приклонскій — членами попечительства Нижегородскаго реальнаго училища на три года, съ 11-го августа 1878 года.

Назначаются: учитель Виленскаго учительскаго института коллежскій ассесоръ Морель—исправляющимъ должность директора Поливановской учительской семинаріи, съ 16-го августа 1878 года.

Дѣйствительные статскіе совѣтники Зыбинъ и Садовковъ и Нижегородскій 1-й гильдіи купецъ Зуревъ — членами попечительства Нижегородскаго реальнаго училища на три года, съ 11-го августа 1878 года.

Опредѣляется на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: надворный совѣтникъ Урусовъ, съ утвержденіемъ директоромъ Мелитопольскаго реальнаго училища, съ 14-го іюля 1878 года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: исправляющій должность медицинскаго инспектора врачебнаго отдѣленія Калишскаго губернскаго правленія, докторъ медицины, статскій совѣтникъ Вейсъ, съ утвержденіемъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Вельяминовъ-Зерновъ, съ 31-го іюля 1878 года.

Оставляются на службѣ: директоръ Тверской гимназіи, статскій совѣтникъ Фрезе—на одинъ годъ, съ 31-го іюля 1878 года.

Директоръ Пержской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грацинскій—на два года, съ 24-го августа 1878 года.

Директоръ Гатчинской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Садоковъ — на пять лѣтъ, съ 31-го іюля 1878 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу; на восемнадцать дней: учителю Варшавской V мужской гимназій Машевскому, по болѣзни.

Сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1878 года, на двадцать восемь дней: исправляющему должность доцента Дешидовскаго юридическаго лицея Грегоровичу, по болѣзни.

На два мѣсяца: сверштатному учителю городскихъ начальныхъ въ Москвѣ училищъ Малюкову, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на шесть недѣль: директоръ Вологодской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Красовъ—въ С.-Петербургѣ, по болѣзни.

За границу: на двѣ недѣли: почетный попечитель Одесской второй прогимназій Росси, учитель Лубенской гимназій Фаворовъ и учитель Новогеоргіевскаго училища Федоровъ.

На двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Волковъ и врачъ С.-Петербургской пятой гимназій, статскій совѣтникъ Станевичъ; послѣдній по болѣзни.

На два мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Гиршгорнь.

Увольняются, согласно прошеніямъ: членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, ординарный профессоръ Императорской медико-хирургической академіи и непремѣнный членъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Склифасовскій — отъ званія члена ученаго комитета, съ 1-го августа 1878 года.

Наставникъ-руководитель гимназій при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, завѣдывающій сею гимназіею, дѣйствительный статскій совѣтникъ Струве—отъ службы, съ 15-го августа 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александровичъ — отъ службы, съ 1-го августа 1878 года.

Помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ Кузнецовъ — отъ службы, съ 1-го августа 1878 года, съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полкафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: потомственному почетному гражданину Салькову — за пожертвованіе земли и строительнаго матеріала для постройки дома для Вязниковской женской прогимназіи.

Почетному гражданину Кокуеву — за пожертвованіе въ пользу городскихъ училищъ шести энтомологическихъ коллекцій.

Попечительницѣ Тихвинской женской прогимназіи Фалевой — за пожертвованія въ пользу этой прогимназіи.

Землевладѣлицѣ Оршанскаго уѣзда, Могилевской губерніи, Озмидовой — за пожертвованія въ пользу Любовицкаго и Шиловскаго начальныхъ народныхъ училищъ.

Исключается изъ списковъ умершій: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Матюшенковъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу „Курсъ опытной физики“ А. П. Шимкова, профессора Харьковскаго университета 1) Общая физика и акустика, съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Харьковъ, 1878 г. — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги подъ заглавіями: 1) „Краткій курсъ естествовѣдѣнія“ Составилъ Гердъ. Съ 173 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1878 г. Ц. 1 руб. 60 коп. — одобрить какъ учебное руководство для преподаванія естествовѣдѣнія въ гимназіяхъ. 2) „Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ“. Составилъ Е. Пржевальскій, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Съ 86 фигурами въ текстѣ.

Москва. 1878 г. Ц. 1 руб. 25 коп.—допустить въ видѣ учебнаго пособия въ реальныя училища съ тѣмъ, чтобы авторомъ приложено было изъясненіе указаннымъ ученимъ комитетомъ опечатокъ. 3) „М. Фостера: Начальный практическій курсъ физиологій“. Переводъ съ англійскаго С. В. Пантелѣевой. С.-Пб. 1878 г. — допустить въ фундаментальныя бібліотеки реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ. 4) „Географія для элементарныхъ училищъ. Съ 42 типами народовъ и 88 другими рисунками. Составилъ Ѳ. Пудыковичъ. Изд. 2-е дополненное и исправленное. С.-Пб. 1878 г.“—одобрить въ видѣ руководства для городскихъ училищъ и въ видѣ пособия для двухклассныхъ сельскихъ училищъ.

— Книгу: „Конструкторъ“. Руководство къ проектированію машинъ для инженеръ-механиковъ, строителей, фабрикантовъ и техническихъ и реальныхъ училищъ. Соч. профессора Рело, директора королевской промышленной академіи въ Берлинѣ. Перевели подъ редакціею профессоровъ Императорскаго техническаго училища, инженеръ-механики: Е. Зотиковъ, П. Тетеревъ и Н. Зиминъ. Съ 714 полнотипажамъ въ текстѣ. Выпускъ 1-й. Москва 1878 г. Ц. 1-го выпуска 1 руб. 50 коп., а всей книги для подписывающихся при покупкѣ перваго выпуска 5 руб., по окончаніи же печатанія—6 руб.—допустить въ число учебныхъ пособій для реальныхъ училищъ, а также рекомендовать для основныхъ бібліотекъ этихъ учебныхъ заведеній.

— Книги подъ заглавіями: 1) „Русскія достопамятности. Изд. А. Мартынова. Томы I и II. Москва. 1878 г.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. 2) „Leitfaden für den Unterricht in der Geschichte mit besonderer Berücksichtigung der neueren deutschen Geschichte für die mittleren Klassen der Gymnasien, für Realschulen, höhere Bürgerschulen, höhere Töchter Schulen und Schullehrer-Seminarien, von Wilhelm Müller. Heilbronn 1877 г.“ — одобрить въ видѣ учебника для реальныхъ училищъ Прибалтійскаго края. 3) „Lateinisches Lesebuch für Anfänger enthaltend zusammenhängende Erzählungen aus Herodot von D-r G, Weller etc. Ausgabe 14“. 4) „Словарь въ латинской книгѣ для чтенія изъ Геродота. Д-ра Г. Веллера. Перевелъ съ вѣмецкаго О. П. Витешинскій, преподаватель древнихъ языковъ въ Псковской гимназіи. С.-Пб. 1878 г.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособия по латинскому языку въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣ-

щенія. 5) „Краткая грамматика латинскаго языка. Сост. Л. Пальмцвейгъ и Э. Кесслеръ, преподаватели 3-й С.-Петербургской гимназій. С.-Пб. 1878 г.“ — одобрить какъ руководство по латинскому языку въ 4-хъ низшихъ классахъ гимназій и въ прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. 6) „Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ. Книга 1-я. Сост. заслуженный преподаватель при С.-Петербургской 6-й гимназій М. Николенко. 5-е изданіе, исправленное. С.-Пб. 1878 г. Ц. 60 коп. для учебныхъ заведеній 50 коп.“ — внести въ списокъ пособій при изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. 7) „Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и другихъ странъ. Сост. А. П. Субботинъ, магистрантъ Московскаго университета, преподаватель коммерческихъ наукъ въ С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ. С.-Пб. 1878 г. Ц. 2 руб.“ — одобрить въ видѣ пособія для реальныхъ училищъ и, сверхъ того, для приобрѣтенія въ основную бібліотеку среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а равно и въ учительскія семинаріи.

— Книгу: „Руководство къ геометрическому линейному черченію. Составлено для реальныхъ училищъ, примѣнительно къ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія, Директоромъ Казанскаго реального училища А. И. Орловымъ. Выпускъ 1-й. Съ атласомъ чертежей въ 28 таблицъ. Казань 1878 г. Цѣна книги съ атласомъ чертежей 1 руб. 60 коп., съ пересылкой въ другіе города 1 руб. 75 коп.“ — признать цѣннымъ вкладомъ въ педагогическую литературу и весьма полезнымъ учебнымъ пособіемъ, для употребленія въ реальныхъ училищахъ.

— Книги подъ заглавіями: 1) „Учебникъ химіи. Сост. С. Ковалевскій, преподаватель химіи и физики въ С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ. С.-Пб. 1878 г. Ц. 1 руб. 50 коп.“ — одобрить какъ руководство для преподаванія химіи въ реальныхъ училищахъ. 2) „Латинскія упражненія“. Курсъ 2 кл. гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія. Сост. Ф. Ф. Райманъ, преподаватель Новгородской гимназій. Ц. 1 руб. (Цѣна курса 1 кл. 50 коп.). Для учебныхъ заведеній, выписывающихъ не менѣе 150 экз. — даровая пересылка и 15 даровыхъ экземпляровъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ. Приложение къ грамматикѣ. Ц. 10 коп. Новгородъ. 1878 г. — одобрить какъ руководство по латинскому языку для гимназій и про-

гимназій министерства народнаго просвѣщенія. 3) „Хрестоматія по древне-греческой исторіи и литературѣ“. Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій. Для четырехъ высшихъ классовъ гимназій. Составили Ѳ. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназій, Н. Ватагинъ, преподаватель русскаго языка въ Московской 6-й гимназій. Часть III. Статьи для повторенія всего синтаксиса, съ прибавленіемъ латинскихъ статей. Москва. 1878 г. Ц. 1 руб. 20 коп. — одобрить въ видѣ пособія по греческому языку въ высшихъ классахъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. 4) Для разбора и письменныхъ упражненій. „Хрестоматія для употребленія при преподаваніи русскаго языка“. Курсъ второй. Сост. П. Басиновымъ. Изд. 8-е. Москва. 1878 г. Ц. 75 коп. — одобрить какъ учебное пособие при преподаваніи русскаго языка въ 3, 4 и 5 кл. гимназій и въ женскихъ училищахъ 1-го разряда. 5) „Русская Хрестоматія“. Сост. Левъ Поливановъ. Часть III. Для V, VI, VII и VIII классовъ среднеучебныхъ заведеній. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи, и при руководствованіи учениковъ въ сочиненіяхъ. Съ присовокупленіемъ краткой теоріи слога, прозы и поэзіи, разборовъ и многихъ примѣчаній, и сборникъ для класснаго и внѣ-класснаго чтенія. Москва 1878 г. Ц. 2 руб. 25 коп. — одобрить какъ пособие при практическомъ изученіи словесности и при упражненіи учениковъ въ сочиненіяхъ въ V, VI, VII и VIII классахъ среднеучебныхъ заведеній. 6) „Руководство къ всеобщей и отечественной исторіи“. Курсъ VI класса классическихъ гимназій, составленный примѣнительно къ примѣрной программѣ министерства народнаго просвѣщенія. Выпускъ первый. Средняя исторія и отечественная до княженія Василія III включительно. Сост. И. Беллярминовъ. С.-Пб. 1878 г. Ц. 80 коп. — одобрить для ученическихъ и фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. 7) „Orthographiae et prosodiae latinae summarium“. In usum sodalium instituti historici-philologici Petropolitani. Conscriptit Lucianus Mueller. Petropoli. 1878 г. Ц. 75 коп. — признать за весьма полезное пособие и благонадежную справочную книгу, преимущественно для молодыхъ преподавателей латинскаго языка, а также одобрить какъ пособие по этому языку и для воспитанниковъ высшихъ классовъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія. 8) „Xenophontis Anabasis“. Текстъ съ словаремъ, составленнымъ Я. Кремеромъ, преподавателемъ древнихъ языковъ при Московской 4-й гимназій. Изд. 6-е.

Москва. 1878 г. Ц. 80 коп.—допустить къ употребленію въ видѣ пособія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. 9) Изданіе: „Атласъ по всеобщей и русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. преподаватель Николаевской Царскосельской гимназіи И. Тихомировъ. С.-Пб. 1878 г. Ц. 2 руб.—одобрить какъ полезное учебное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Быть Грековъ и Римлянъ“. Соч. Ф. Ф. Велитскаго. Переводъ съ чешскаго членовъ Кіевскаго отдѣла общества классической филологіи и педагогикѣ подъ редакціей И. Я. Ростовцева. Выпускъ 2-й. Прага. 1878 года—одобрить для ученическихъ и фундаментальныхъ библиотекъ гимназій и для библиотекъ реальныхъ училищъ.

— „Полный словарь польскаго и русскаго языка, составленный П. П. Дубровскимъ. Часть польско-русская. Томъ I. Варшава. 1877 г.“—рекомендовать какъ учебное пособие для учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа.

— Книгу: „Концентрической учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ 3 частей. Курсъ элементарный. Сост. В. С. Игнатовичъ. Части I и II. Изданіе 5-е, совершенно передѣланное съ указаніями учебнаго плана, утвержденного г. министромъ народнаго просвѣщенія. С.-Петербургъ. 1878 г. Цѣна 1-й части 40 коп., 2-й части 60 коп.“—признать вполне заслуживающею быть рекомендованною какъ весьма полезное руководство 2-го и 3-го класса гимназій и прогимназій, а также соответствующихъ классовъ другихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Употребленіе знаковъ препинанія въ русскомъ письмѣ. Съ приложеніемъ синтаксиса русской рѣчи и синтаксическаго диктанта. Сост. П. И. Богдановъ. 1878 г. Цѣна 60 к.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособія при изученіи грамматики въ гимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ, прогимназіяхъ, реальныхъ и городскихъ училищахъ.

— Книги подъ заглавіями: 1) Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Курсъ III и IV классовъ гражданскихъ гимназій. Составилъ И. Беллярминовъ. Изданіе 9-е, съ рисунками въ текстѣ и съ 2-мя картами. С.-Петербургъ. 1878 г. Цѣна 1 руб.“—рекомендовать для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, въ гим-

назіяхъ, мужскихъ и женскихъ, также въ реальныхъ, уѣздныхъ и другихъ мужскихъ и женскихъ училищахъ. 2) „Византійскіе этюды топографическіе и историческіе, съ весьма большимъ количествомъ политипажей. А. Г. Паспати. Въ Константинополѣ. 1877 г. Цѣна 50 фр., или по настоящему курсу 19 р. 75. (Βασαντίαι μελέται. Τοπογραφικάι καί ιστορικάς μετά πλειστον ἐκχονων ὑπὸ Α. Γ. Πασκατι. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1877 г.)—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія ¹⁾. 3) „Руководство для учителей къ преподаванію ариметики въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ, а также въ приготовительныхъ классахъ и 1-й классъ гимназій. Сост. Θ. Π. Еленевъ. С.-Петербургъ. 1878 г. Цѣна 65 коп.“ и 4) „Руководство для учителей къ преподаванію ариметики въ 2-хъ классныхъ начальныхъ училищахъ. Сост. Θ. Π. Еленевъ. С.-Петербургъ. 1878 г. Цѣна 1 р.“—включить въ каталоги книгъ для основныхъ библиотекъ начальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій. 5) Начальная геометрія. Сост. Е. Пржевальскій, преподаватель 3-го военного Александровскаго училища. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 коп.“—допустить въ основныя библиотекы среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также учительскихъ семинарій и институтовъ. 6) Изданіе: „Руководство къ полному курсу русскаго чистописанія, въ трехъ отдѣлахъ, съ приложеніемъ французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ прописей. Сост. учитель каллиграфіи въ гимназіяхъ В. Пожарскій. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1878 года. Цѣна 40 коп.“—одобрить для употребленія въ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, выслушавъ утвержденное св. синодомъ заключеніе учебнаго комитета о книгѣ С. Ширскаго: „О преподаваніи закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Кострома. 1876 г.“—призналъ возможнымъ одобрить оную для библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

¹⁾ Желающіе приобрѣсти эту книгу могутъ адресоваться въ складъ оной—Невскій Проспектъ, д. № 75, кв. 6.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ составленную А. Антоновымъ книгу, подъ заглавіемъ „Басни и Эскизы“ съ приложеніемъ краткаго біографическаго очерка автора. Изданіе 5-е, исправленное. Рязань. 1878 г. Цѣна 40 коп., мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. управлявшимъ министерствомъ, призналъ возможнымъ, согласно данному на 4-е изданіе одобренію, допустить эту книгу въ бібліотеки народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

31-го іюля сего года Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Сергій Александровичъ, Константинъ Константиновичъ и Дмитрій Константиновичъ изволили осчастливить своимъ посѣщеніемъ мужскую и женскую гимназіи въ г. Олонецкѣ.

Ихъ Высочества прибыли въ мужскую гимназію въ сопровожденіи лицъ своей свиты и Олонецкаго губернатора въ половинѣ 12-го часа дня и были встрѣчены имъ директоромъ у подъѣзда дома, причемъ директоръ имѣлъ честь представить Великому Князю Сергію Александровичу почетный рапортъ на имя Его Высочества. Войдя въ актовую залу, гдѣ были собраны неразѣхавшіеся на ваникулы воспитанники въ числѣ 87-ми человекъ, а также находящіеся въ городѣ преподаватели, Великій Князь Сергій Александровичъ привѣтствовалъ дѣтей словами: „Здравствуйте, господа“, на которыя воспитанники отвѣчали единодушнымъ возгласомъ: „Здравія желаемъ, Ваши Императорскія Высочества!“ Затѣмъ Его Высочество обратился къ директору съ вопросами о числѣ учащихся въ гимназіи и числѣ находящихся на лицо учениковъ, о числѣ оканчивающихъ курсъ и поступающихъ въ высшія учебныя заведенія, о времени начала вакацій въ гимназіи и оканчаніи ихъ; о томъ, есть ли при гимназіи пансіонеры или всѣ—приходящіе. По выслушаніи отвѣтовъ директора, Ихъ Высочества изволили обойти помѣщеніе гимназіи, причемъ Великій Князь Сергій Александровичъ спрашивалъ объ удобствахъ гимназическаго зданія и на объясненіе директора, что гимназическій домъ,

строенный еще при Императрицѣ Екатеринѣ II для главнаго народнаго училища, заключаетъ въ себѣ комнаты равной величины, такъ что классы, состоящіе изъ 7-ми и изъ 40 человѣкъ, пользуются одинаковымъ пространствомъ, Его Высочество изволилъ выразить сожалѣніе о такомъ важномъ неудобствѣ. Во время осмотра классовъ обратила на себя вниманіе Его Высочества толщина стѣнъ верхняго этажа, достигающая 1½ аршинъ. Въ одной изъ библиотечныхъ комнатъ Ихъ Высочества изволилъ разсматривать алфавитный каталогъ, состоящій изъ карточекъ, съ названіемъ книгъ и помѣщающійся въ небольшомъ ящикѣ въ видѣ книги, и отозвались, что устройство каталога очень удобно. Тутъ же на столѣ находился экземпляръ писемъ о путешествіи блаженной памяти Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, а въ особомъ стеклянномъ шкафу—модель человѣка доктора Озу. Библиотекаръ гимназіи, учитель Данилевскій доложилъ Великимъ Князьямъ, что то и другое суть драгоценныя для гимназіи памятники Высокаго вниманія къ Олонецкой гимназіи августѣйшаго брата Ихъ Высочествъ, пожалованные оной въ Божѣ почившимъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ память посѣщенія Имъ Олонецкой гимназіи 14-го іюня 1863 года. Послѣ того Великій Князь Сергій Александровичъ изволилъ обратиться къ библиотекарю съ вопросомъ о томъ, какъ велика библиотека гимназіи и г. Данилевскій доложилъ, что она состоитъ изъ 3,500 названій въ 7,300 томахъ. Затѣмъ вниманіе Ихъ Высочествъ привлекла небольшая коллекція монетъ и медалей, помѣщающихся въ библиотекѣ; изъ числа ихъ Они изволили разсматривать медаль, выбитую въ память столѣтія Петрозаводскаго Александровскаго пушечнаго завода. Пройдя изъ библиотеки въ физическій кабинетъ, и осмотрѣвъ его, Ихъ Высочества возвратились въ залу черезъ ряды разступившихся учениковъ. Здѣсь Великіе Князья простились съ дѣтьми и оставили гимназію при громкомъ „ура“ воспитанниковъ.

Изъ мужской гимназіи Великіе Князья изволили пѣшкомъ пройти въ Маріинскую женскую гимназію. У входа встрѣтили Ихъ членъ попечительнаго совѣта отъ городского общества дѣйствительный статскій совѣтникъ Дейхманъ и начальница гимназіи, которые были представлены директоромъ Ихъ Высочествамъ. Поднявшись во второй этажъ, Высокіе посѣтители изволили войти въ залу, гдѣ съ одной стороны стояли 80 наличныхъ воспитанницъ, а съ другой—законоучители и преподавательницы гимназіи. Привѣтствовавъ дѣтей, Великій Князь Сергій Александровичъ и здѣсь предлагалъ директору

вопросы о числѣ учащихся вообще и сколько ихъ на лицо, а также о числѣ окончившихъ курсъ въ нынѣшнемъ учебномъ году и числѣ существующихъ классовъ. При взглядѣ на обширную залу женской гимназіи, Его Высочество отозвался, что она гораздо больше чѣмъ въ мужской гимназіи, и спросилъ: давно-ли построена домъ. Г. директоръ доложилъ, что домъ выстроенъ не болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ для существовавшего при Олонецкой гимназіи пансіона дѣтей канцелярскихъ служителей, послѣ перехода къ женской гимназіи значительно передѣланъ и въ настоящее время вполне приспособленъ для своего назначенія. Затѣмъ Великіе Князья обошли классы и возвратясь въ залу, простились съ воспитанницами, которыя отвѣчали пожеланіемъ счастливаго пути Ихъ Императорскимъ Высочествамъ.

Во все время пребыванія Великихъ Князей въ городѣ, дома гимназій были украшены флагами, а вечеромъ иллюминированы.

— Его сіятельство г. управляющій министерствомъ разрѣшилъ открыть при 5-мъ классѣ основнаго отдѣленія Виленскаго реальнаго училища, съ 1878—1879 учебного года, параллельное отдѣленіе, съ отнесеніемъ расхода по содержанію его на сумму сбора за ученіе въ этомъ отдѣленіи и съ назначеніемъ платы за ученіе въ ономъ по 60 р. въ годъ съ ученика.

— Попечитель Одесскаго учебнаго округа телеграммою донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что въ присоединенной къ Россіи Румынской Бессарабіи учебныхъ заведеній оказалось 145, въ томъ числѣ: 2 гимназіи, 19 городскихъ и 124 сельскихъ училищъ; Болградская гимназія—семиклассная, ученіе идетъ на болгарскомъ языкѣ; во всѣхъ училищахъ преподаваніе прекратилось за выѣздомъ учителей.

— По случаю истеченія 11-го будущаго ноября 50-ти лѣтъ со дня учрежденія Уфимской гимназіи, день этотъ, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго 26-го апрѣля текущаго года, будетъ отпразднованъ по слѣдующей программѣ:

1) 10-го ноября, наканунѣ дня празднованія, въ 6 часовъ вечера, имѣетъ быть совершено въ гимназической церкви всенощное бдѣніе, предъ началомъ котораго гг. директоръ, инспекторъ и преподаватели, вмѣстѣ съ учениками, отправляются въ кафедральный соборъ за пріятіемъ мѣстной явленной иконы Божіей Матери.

2) 11-го ноября, въ день праздника, въ 9 ч. утра,—торжественное богослуженіе съ предварительно приглашенными господиномъ преосвященнымъ епископомъ Уфимскимъ и Мензелинскимъ, ректоромъ

семинаріи и другими священно-служителями. По окончаніи литургіи, соотвѣтствующее случаю слово законоучителя и затѣмъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему царствующему дому, а также начальствующимъ, учащимъ и учащимся, и провозглашеніемъ вѣчной памяти въ Возѣ почившимъ Императорамъ Александру I-му и Николаю I-му и умершимъ какъ учившимъ, такъ и учившимся въ Уфимской гимназій.

3) Тотчасъ по окончаніи богослуженія,—торжественное собраніе въ одной изъ залъ гимназій, въ присутствіи учениковъ и предварительно приглашенныхъ на оное мѣстныхъ властей и почетныхъ лицъ города. Собраніе начинается хоромъ пѣвчихъ изъ учениковъ гимназій, который пропоетъ „Царю Небесный“. Затѣмъ будутъ прочтены: а) однимъ изъ преподавателей извлеченіе изъ исторической записки объ Уфимской гимназій и б) начальникомъ заведенія или секретаремъ совѣта извлеченіе изъ отчета за 1877—1878 учебный годъ. По прочтеніи отчета, послѣдуетъ раздача ученикамъ наградъ за успѣхи, оказанные ими на послѣднихъ переводныхъ испытаніяхъ. Затѣмъ, хоръ пѣвчихъ пѣніемъ „Коль славень нашъ Господь“ и гимна „Боже Царя храни!“ закончитъ торжество этого дня.

4) Завтракъ для педагогическаго персонала и приглашенныхъ лицъ.

5) На другой день, 12-го ноября, устраивается въ зданіи гимназій дѣтскій увеселительный вечеръ для учениковъ гимназій.

6) Въ теченіи трехъ дней, 11-го, 12-го и 13-го ноября, ученики освобождаются отъ классныхъ занятій.

Открытіе училищъ.

10-го сентября открыто Елабужское реальное училище въ составѣ двухъ низшихъ классовъ. Учащихся поступило 65: въ 1-ый классъ 41, во 2-й—24.

— 17-го сентября сего года открыта въ г. Нѣжинѣ женская прогимназія имени „Пелагеи Ивановны Кушакевичъ“; общее число воспитанницъ, принятыхъ въ прогимназію 118; за обученіе обязательнымъ предметамъ по постановленію попечительнаго совѣта прогимназій определено взискать по 25 р., а каждому изъ необязательныхъ по 5 р. въ годъ.

— 30-го августа сего года, въ г. Костромѣ открыто трехклассное городское училище и въ день открытія принято въ училище 154 ученика.

— 22-го минувшаго сентября открыто двухклассное народное училище въ м. Тальномъ, Уманскаго уѣзда, Кіевской губерніи, на собственные средства крестьянъ.

— 15-го августа текущаго года послѣ Божественной литургіи и молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему царствующему дому, въ присутствіи духовенства и гражданскихъ властей, открыто Аккерманское двухклассное городское училище при 33-хъ учащихся.

— 24-го минувшаго сентября открыто въ городѣ Арзамасѣ двухклассное городское училище, и въ день открытія принято въ училище 74 ученика.

— 24-го августа сего года открыто двухклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Земетчинѣ, Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Въ день открытія сего училища поступило 40 учащихся, въ томъ числѣ: 28 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ.

— Открыты слѣдующія одноклассныя начальныя училища министерства народнаго просвѣщенія:

1) 11-го марта текущаго года въ с. Терновкѣ, Херсонской губ. и уѣзда, и

2) 5-го сентября текущаго года въ с. Кукуловкѣ, Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи при 12 ученикахъ;

3) 27-го августа одноклассныя мужское и женское училища въ селѣ Нижнихъ-Деревенькахъ, Льговскаго уѣзда, Курской губерніи, и 1-го сентября двухклассное училище въ м. Карловкѣ, Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Въ день открытія сего послѣдняго училища поступило въ оное 60 учащихся.

О СКЛАДѢ НАРОДНО-РУССКОЙ ПѢСЕННОЙ РѢЧИ, РАЗМАТРИВАЕМОЙ ВЪ СВЯЗИ СЪ НАПѢВАМИ ¹⁾.

II.

Стихосложене слоgочислительное и тоническое по отношенію къ народно-русскому пѣсенному.

«Очень прискорбно, что мы (Нѣмцы) не можемъ подражать греческимъ метрамъ на нѣмецкомъ языкѣ, но мы не можемъ». *Westphal, Griechische Metrik, стр. 52.*

Изъ четырехъ возможныхъ, по Вестфалу, родовъ стихосложенія количественно-тоническое не возможно и теоретически.—Въ силлабическихъ стихахъ Зевдвесты и ведъ нельзя предполагать искусственныхъ удареній; они могли быть выполняемы и ритмически (то-есть, пѣты по какому-либо напѣву), но также и речитативно (безъ мелодіи), именно, унисономъ и однотонно, какъ нѣкоторыя изъ нашихъ церковныхъ молитвословій.—Народно-русскіе пѣсенные стихи потому не могутъ быть отнесены къ слоgочислительнымъ, что въ языкѣ считаются не слоги текста, а музыкальныя мѣры времени (*χρόνοι κρῆσις*) напѣва.—Утрата языками слоgовой количественности произошла вслѣдствіе постепеннаго сліянія звуковой протяжности съ граматическимъ удареніемъ.—Тоническое стихосложене столь же чуждо ритму, какъ и слоgочислительное, и возникло не на почвѣ самобытной вокальной музыки, какъ древнегреческое и народно-русское, а по всей вѣроятности, изъ подражанія латинской метрикѣ.—На риторическомъ (логическомъ) удареніи не возможно основать, вопреки мнѣніямъ Востокова и Классовскаго, ни пѣсеннаго народно-русскаго стихосложенія, ни какого бы то ни было другаго.

„Размѣръ и языкъ“, говоритъ Вестфаль (ч. II, стр. 11),—составляютъ основныя условія ритма. Языкъ есть нѣчто данное, вполне готовое и законченное, не имѣющее, само по себѣ, ничего общаго

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую книжку *Ж. М. Н. Просв.* за текущій годъ. ЧАСТЬ СС, ОТД. 2.

съ ритмомъ. Только художникъ, въ свободной дѣятельности духа, обрабатываетъ языкъ ритмически, подчиняетъ языкъ ритму. Но языкъ, хотя самъ по себѣ и не имѣетъ ритма, представляетъ однако стихотворцу извѣстными своими свойствами какъ бы нѣкоторыя орудія, съ помощью которыхъ этотъ послѣдній подчиняетъ его ритму, и прежде всего—орудіе для ритмической протяжности. Слоги въ языкѣ—сами по себѣ бываютъ различны по своей количественности: гласная долгая требуетъ больше времени для своего произнесенія, чѣмъ короткая, и опять слогъ, оканчивающійся на гласную, произносится быстрѣе, чѣмъ оканчивающійся на одну или нѣсколько согласныхъ. Стихотворецъ и композиторъ, составляя изъ слоговъ такты опредѣленнаго размѣра, могутъ примѣняться къ тѣмъ существующимъ уже въ языкѣ даннымъ, относящимся къ протяжности слоговъ. Языкъ представляетъ также подобіе и относительно ритмическаго икта, потому что слогъ различается по акценту, или по повышенію и пониженію голоса, вслѣдствіе чего тотъ слогъ, который имѣетъ надъ собою удареніе, выдвигается изъ среды прочихъ слоговъ того же слова и называется ударяемымъ. Поэтъ можетъ употребить это свойство языка въ пользу ритмическаго икта, прилаживая сей послѣдній къ грамматическимъ удареніямъ. Именно, между грамматическимъ удареніемъ и ритмическимъ иктомъ все-таки есть нѣкоторая аналогія, хотя они отнюдь не тождественны, потому что грамматическое удареніе относится къ повышенію или къ пониженію голоса, а ритмическій иктъ къ усиленію голоса, при произношеніи гласныхъ.

„Стихотворецъ, обрабатывающій языкъ ритмически, съ художническою свободой, отнюдь не связанъ вышеуказанными данными свойствами языка, относительно ритмической протяжности и ритмическаго икта: онъ воленъ пользоваться тѣми свойствами языка, но отнюдь не обязанъ. Тутъ возможны слѣдующіе четыре случая:

„1) Стихотворецъ, относительно ритмическихъ протяженій, соотнозуется съ естественною просодіей слоговъ въ языкѣ, а относительно ритмическаго икта—съ грамматическимъ удареніемъ. Но такого принятія къ соображенію обоихъ вышеприведенныхъ свойствъ языка въ дѣйствительности нигдѣ не встрѣчается, если не отнестъ сюда нѣкоторыхъ явленій, наблюдаемыхъ при переходѣ древнегреческой поэзіи въ византійскую.

„2) Стихотворецъ владетъ въ основаніе ритмическаго размѣра естественную количественность слоговъ, но распоряжается ритмическимъ иктомъ съ художническою свободой, не обращая вниманія на грама-

тическое удареніе. Такое стихосложеніе называется количественнымъ (quantitierende Poesie).

„3) На оборотъ; стихотворецъ прилаживаетъ ритмическій икъ къ грамматическимъ удареніямъ, но за то опредѣляетъ ритмическую протяжность слоговъ по своему художническому усмотрѣнію, не соображаясь съ естественною просодіей языка. Такое стихосложеніе называется тоническимъ (accentuierende Poesie).

„4) Стихотворецъ опредѣляетъ ритмическую протяжность помимо естественной количественности слоговъ, равно какъ и ритмическій икъ — помимо грамматическихъ удареній. Такое стихосложеніе, ни количественное, ни тоническое, противоположно упомянутому въ первой рубрикѣ количественному и вмѣстѣ тоническому“.

Привная фактъ существованія приводимыхъ Вестфалемъ трехъ видовъ стихосложенія, мы не можемъ, однакоже, съ точки зрѣнія народно-русской пѣснной рѣчи, согласиться ни съ равноправностію указываемыхъ имъ основныхъ условій версификаціи (размѣръ и икъ), ни съ самымъ числомъ ихъ, а потому и съ числомъ основываемыхъ на нихъ видовъ стихосложенія. Прежде всего сождемся на довазанную (какъ надѣмся) разницу между ритмомъ и метромъ, что ритмъ есть тактовый размѣръ напѣвнаго и вообще музыкальнаго движенія, а метръ есть стихотворный строй рѣчи, слагающейся безъ подчиненія такту ¹⁾, хотя и подчиняющейся ему, при распѣваніи. Затѣмъ припомнимъ, что икъ не есть кабая-либо особая основа ритма, нѣчто отдѣльное отъ размѣра, а есть только внѣшнее указаніе внутренней размѣренности музыкальнаго движенія. Какъ знакъ наступленія такта, икъ собственно имѣетъ приложеніе только къ распѣваемой, а не къ декламируемой поэтической рѣчи.

Упомянемъ, наконецъ, и о томъ, что грамматическое удареніе въ тоническомъ стихосложеніи, даже и въ соединеніи съ икомъ, если съ нимъ не сливается (по приводимому ниже утвержденію Вестфала) особая протяжность, не можетъ служить элементомъ ритма, сущность котораго заключается въ протяжности, а не въ высотѣ звука. Но если подъ ритмомъ разумѣть (какъ оно и слѣдуетъ) напѣвный строй, то ритму можетъ подчиняться рѣчь всякаго языка и любого стихосложенія. Сколько есть теперь оперъ, съ равнымъ удобствомъ выполняемыхъ и тоническими нѣмцами, и силлабическими французскими стихами!

¹⁾ «Oratio non descendet ad crepitum digitorum». Quintil.

Изъ приводимыхъ Вестфалемъ четырехъ видовъ стихосложенія въ ближайшемъ отношеніи къ ритмическому или музыкальному строю находится, конечно, второе, то-есть, количественное, имѣющее общую съ нимъ основу—протяжность звука, хотя едва ли много чрезъ то выигрывающее въ музыкальномъ отношеніи. Стихосложеніе перваго вида, которое слѣдовало бы назвать количественно тоническимъ, не только не существуетъ въ дѣйствительности, но не возможно и въ теоріи, потому что, распредѣляя такты мелодіи или стопы поэтической рѣчи на основаніи долготы и краткости слоговъ, нельзя же для постановки интоновъ, служащихъ именно указателями наступленія этихъ самыхъ тактовъ и стопъ, принять не ту же самую просодическую основу, а совершенно другую—высоту слога.

Въ совершенной противоположности тому фиктивному, количественно тоническому стихосложенію существуетъ съ древнѣйшихъ временъ стихосложеніе слогочислительное, не соображающееся ни съ количественностію, ни съ удареніями и бывшее, какъ думаетъ Вестфаль (ч. II, стр. 13) первоначально общимъ для всѣхъ Индоевропейскихъ племенъ, начиная съ Зендскаго или съ Иранцевъ.

„Зендами (ч. II, стр. 14) назывались древніе обитатели восточнаго Ирана, на языкѣ которыхъ написаны священныя преданія религіи Агурамазда, извѣстныя подъ именемъ Авесты или Зендавесты. Только не большой остатокъ этого памятника сохранился до эпохи Александра Македонскаго, частію въ прозѣ, частію въ метрической формѣ. Метрическую часть составляютъ пѣсни религіознаго содержанія, такъ-называемыя *gathas*, то-есть, оды, раздѣленныя на стихи и строфы различныхъ метровъ. Метрическая форма стиха состоитъ въ опредѣленномъ числѣ слоговъ и въ цезурѣ. Въ остаткахъ эпической поэзіи стихъ состоитъ изъ 16-ти слоговъ, съ цезурой послѣ восьмаго:

Видѣтъ со стихомъ заканчивается обыкновенно и предложеніе; оба полустипія, или ритмическія колѣна, по смыслу обыкновенно составляютъ двѣ части предложенія. Каждые два стиха по содержанію составляютъ строфу, двоестипіе. Другія стихотворенія написаны метрами изъ другаго числа слоговъ и въ строфахъ, содержащихъ болѣе чѣмъ два стиха, даже до пяти. О слоговой количественности и о грамматическомъ удареніи въ зендскомъ языкѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; но изъ появленія одного и того же слова въ различ-

ныхъ мѣстахъ того же самаго метра оказывается, что въ Авестѣ обращалось столь же мало вниманія на грамматическое удареніе, какъ у древнихъ Грековъ, но что и слоговая просодія не была принимаема въ соображеніе. Стихосложеніе въ Авестѣ не количественное, не тоническое, а только слогочислительное. Но и въ немъ соблюдался же какой-нибудь ритмъ: иначе къ чему же служила бы одинаковость въ числѣ слоговъ, цезуры и числа стиховъ въ строфѣ? Безъ опредѣленныхъ протяженій и безъ ритмическихъ иктовъ не мыслимъ никакой ритмъ, и въ зендскомъ стихосложеніи наблюдалось вѣроятно то и другое, но только независимо отъ естественной слоговой просодіи и отъ грамматическихъ удареній. Это и не покажется очень страннымъ, если сообразить, что то была поэзія пѣсенная,—что при пѣніи грамматическія ударенія сглаживаются, и мѣсто ихъ занимаетъ гораздо большее разнообразіе повышеній и пониженій голоса, и что, съ другой стороны, слоги въ пѣніи получаютъ гораздо болѣшую долготу, чѣмъ въ говоренія, и потому обыкновенная просодическая долгота слоговъ оставляется безъ вниманія. Относительно иктовъ (вѣрнѣе: грамматическихъ удареній) Греки поступали подобно Зендскому племени, но относительно протяжности придерживались естественной долготы слоговъ.

„Въ вышеприведенной схемѣ эпическихъ стиховъ каждое ритмическое колѣно (Reihe) содержитъ ровно восемь слоговъ, и изъ нихъ, конечно, тяжелые и легкіе члены такта постоянно смѣняются другъ друга такъ, что или тяжелый членъ предшествуетъ легкому:

⌣ — ⌣ — ⌣ — ⌣ — | ⌣ — ⌣ — ⌣ — ⌣ —

или же легкій членъ предшествуетъ тяжелому:

— ⌣ — ⌣ — ⌣ — ⌣ — | — ⌣ — ⌣ — ⌣ — ⌣ —

„Каждое колѣно, вѣроятно, содержитъ въ себѣ тетраподію (четыре такта), а цѣлый стихъ состоитъ изъ двухъ тетраподическихъ колѣнъ, что въ греческихъ номенлатурахъ называется тетраметромъ. Но этого тетраметра нельзя назвать ни трохеическимъ, ни ямбическимъ, потому что нѣтъ основанія приписывать тяжелому въ немъ члену вдвое большее протяженіе сравнительно съ легкимъ. Вѣроятно же всего, что оба члена равны по протяженію. Выражаясь терминами нѣмецкой метрики, мы опредѣлимъ сущность древняго стихосложенія Зендаветы, сказавъ, что въ ней стихъ состоитъ изъ постоянно чередующихся

повышеній и пониженій, *Hebungen und Senkungen*—¹⁾, но только повышенія эти независимы отъ грамматическихъ удареній, а протяжность тактовъ отъ слоговой просодіи²⁾.

Трудно и почти совсѣмъ не возможно представить себѣ зендское стихосложеніе въ такомъ видѣ, какъ предполагаетъ Вестфаль, то-есть, будто бы въ немъ не соблюдались ни естественная просодія, ни общеупотребительная въ томъ языкѣ акцентуація, а ставились будто бы ударенія искусственныя. Несостоятельность такого предположенія сейчасъ видна будетъ изъ опыта надъ живымъ (нашимъ, наприимѣръ) языкомъ, если подчинить его предложеннымъ у Вестфалья схемамъ:

$$\begin{array}{c} \overset{\cdot}{\text{М}}\overset{\cdot}{\text{о}}\overset{\cdot}{\text{ж}}\overset{\cdot}{\text{е}}\overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{ь}} \quad | \quad \overset{\cdot}{\text{л}}\overset{\cdot}{\text{и}} \quad \overset{\cdot}{\text{к}}\overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{о}} \quad | \quad \overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{а}}\overset{\cdot}{\text{к}}\overset{\cdot}{\text{ь}} \quad \overset{\cdot}{\text{г}}\overset{\cdot}{\text{о}} \quad | \quad \overset{\cdot}{\text{в}}\overset{\cdot}{\text{о}}\overset{\cdot}{\text{р}}\overset{\cdot}{\text{и}}\overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{ь}} \quad || \\ \text{—} \quad \overset{\cdot}{\text{и}}\overset{\cdot}{\text{л}}\overset{\cdot}{\text{ь}} \quad \overset{\cdot}{\text{п}}\overset{\cdot}{\text{о}} \quad | \quad \overset{\cdot}{\text{н}}\overset{\cdot}{\text{и}}\overset{\cdot}{\text{м}}\overset{\cdot}{\text{а}}\overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{ь}} \quad | \quad \overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{а}}\overset{\cdot}{\text{к}}\overset{\cdot}{\text{у}} \quad | \quad \overset{\cdot}{\text{ю}} \quad \overset{\cdot}{\text{р}}\overset{\cdot}{\text{ѣ}}\overset{\cdot}{\text{ч}}\overset{\cdot}{\text{ь}}? \end{array}$$

или:

$$\begin{array}{c} \overset{\cdot}{\text{М}}\overset{\cdot}{\text{о}}\overset{\cdot}{\text{ж}}\overset{\cdot}{\text{е}}\overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{ь}} \quad | \quad \overset{\cdot}{\text{л}}\overset{\cdot}{\text{и}} \quad \overset{\cdot}{\text{к}}\overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{о}} \quad | \quad \overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{а}}\overset{\cdot}{\text{к}}\overset{\cdot}{\text{ь}} \quad \overset{\cdot}{\text{г}}\overset{\cdot}{\text{о}} \quad | \quad \overset{\cdot}{\text{в}}\overset{\cdot}{\text{о}}\overset{\cdot}{\text{р}}\overset{\cdot}{\text{и}}\overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{ь}} \quad || \quad \overset{\cdot}{\text{и}}\overset{\cdot}{\text{л}}\overset{\cdot}{\text{ь}} \quad \overset{\cdot}{\text{п}}\overset{\cdot}{\text{о}} \quad | \quad \overset{\cdot}{\text{н}}\overset{\cdot}{\text{и}}\overset{\cdot}{\text{м}}\overset{\cdot}{\text{а}}\overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{ь}} \quad | \\ \text{—} \quad \overset{\cdot}{\text{т}}\overset{\cdot}{\text{а}}\overset{\cdot}{\text{к}}\overset{\cdot}{\text{у}} \quad | \quad \overset{\cdot}{\text{ю}} \quad \overset{\cdot}{\text{р}}\overset{\cdot}{\text{ѣ}}\overset{\cdot}{\text{ч}}\overset{\cdot}{\text{ь}}? \end{array}$$

Такого принципиальнаго насилія надъ языкомъ мы не встрѣчаемъ ни въ греко-латинскомъ количественномъ, ни въ нѣмецкомъ тоническомъ стихосложеніяхъ. Въ первомъ грамматическое удареніе въ ритмѣ (въ распѣваемой рѣчи, въ напѣвѣ), положимъ, также не имѣетъ значенія, но въ метрѣ (въ рѣчи говоримой, въ декламациі) постоянно соблюдаются, по утверженію самого Вестфалья (ч. II, стр. 25)³⁾. Правда Нѣмцы, (а за ними и мы), декламируя греко-латинскіе стихи, не соблюдаютъ естественныхъ удареній, а ставятъ свои искусственныя ударенія на всѣхъ иктовыхъ слогахъ; но они же вѣдь и признаются⁴⁾ въ невѣрности своего произношенія, которое Грекамъ и Ла-

¹⁾ То именно, что въ нѣмецкой метрикѣ и называется трошеемъ.

²⁾ Черты подъ слогами указываютъ на нарушеніе общеупотребительныхъ удареній.

³⁾ «Греки, подобно Римлянамъ, читая стихи, соблюдали столь же строго грамматическое удареніе, какъ и въ прозѣ».

⁴⁾ *Вестфаль*, ч. II, стр. 24: «Для Грековъ нашъ обычай произносить греческіе стихи съ невѣрнымъ удареніемъ показался бы искаженіемъ языка». Тамъ же, стр. 20: «Декламируя греческіе стихи, мы никакъ не можемъ отдѣлаться отъ

тинамъ (какъ и свѣжему русскому слуху) показалось бы не музыкальнѣе кукушечьей пѣсни. И въ тоническомъ нѣмецкомъ стихосложеніи, хотя оно строится частію на естественныхъ, частію на фиктивныхъ удареніяхъ, безъ вниманія къ естественной просодіи, все-таки фиктивные ударенія, фигурируя въ скандовѣ, въ живомъ произношеніи, въ декламации остаются не слышными.

Но тѣ же самыя, приведенныя Вестфалемъ схемы, за исключеніемъ удареній, прировненныхъ къ нѣмецкому способу выполненія иктовъ ¹⁾, становятся совершенно понятными, если относить ихъ только къ ритмическому, декламационному строю священныхъ пѣсень Зендавесты: въ пѣніи, дѣйствительно, не соблюдаются грамматическія ударенія, какъ ничего общаго съ ритмомъ не имѣющія, но въ декламации (какъ въ греко-латинской, такъ и въ нѣмецкой) непременно выполняемыя. Въ пѣніи можетъ быть также оставляема безъ вниманія (какъ въ нѣмецкомъ, напримѣръ, стихосложеніи) и естественная просодія, принимаемая греко-латинскимъ ритмомъ въ соображеніе. Затѣмъ каждое двуступеніе можетъ быть пропѣто любую мелодіей, лишь бы она, подобно тексту, расчленилась на два періода (стиха) и четыре колѣна (полуступенія). Впрочемъ, и нѣтъ особенной надобности предполагать, что эти священные молитвы пѣты были по какой-либо мелодіи; онѣ, подобно молитвословіямъ первыхъ вѣковъ христіанства, когда мелодійнымъ благозвучіемъ опасались отвлечь вниманіе отъ содержанія, могли быть выполняемы хотя на распѣвъ и коромъ, но унисономъ и однотонно (на одной линейкѣ). Какъ бы въ память этого обычая, въ нашей церкви до сихъ поръ исполняются такъ стихи: Честнѣйшую; Утверди Боже; а въ великій постъ: Достойно и Отче нашъ; Иже въ шестой день же и часъ идр., съ перерывомъ (цезура) приблизительно также на половинѣ стиха и съ протяженіемъ послѣднихъ слоговъ въ стихахъ или колѣнахъ. Раздѣленіемъ рѣчи на строфы, каждая въ два стиха, распадающіеся каждый на два равныя колѣна, имѣлось, конечно, въ виду облегчить запоминаніе о выполненіи коромъ, въ ладъ. Подобное стихосложеніе находитъ Вестфаль и въ индійскихъ ведахъ (ч. II, стр. 16): „Метръ мифическихъ пѣсень въ Зен-

своего (нѣмецкаго) способа произношенія и выполняемъ греческіе икты съ повышеніемъ голоса, а на грамматически ударяемые греческіе слоги не обращаемъ вниманія».

¹⁾ Передавая греческіе $\acute{\alpha}\rho\alpha\iota\varsigma$ и $\theta\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$ своими *Hebung* и *Senkung* и постоянно сливая въ произношеніи икты съ удареніями, Нѣмцы собственно продвываютъ голосомъ то, что древніе выполняли только ногой, рукой или пальцемъ.

давестѣ и въ ведахъ почти тождественны. Въ пѣсняхъ ведъ мы встрѣчаемъ почти всѣ тѣ же метры Зендавесты съ совершенно одинаковымъ числомъ слоговъ, съ такою же цезурой и съ такимъ же распредѣленіемъ строфъ. Но при этомъ встрѣчается одно видоизмѣненіе, которое мы считаемъ переходомъ отъ слогочислительнаго стихосложенія къ количественному, именно—конецъ каждаго стиха, а часто и конецъ колѣнъ, внутри стиха, въ ведахъ твердо опредѣленъ просодически. Вышеприведенный эпическій стихъ изъ Зендавесты является въ ведахъ въ слѣдующемъ видѣ:

„И здѣсь цезура послѣ восьмага слога, и здѣсь съ концемъ стиха, но возможности, оканчивается и предложеніе; и здѣсь два таковыя стиха соединяются, по связи мысли, въ одну строфу—двостешиіе. Въ зендскомъ стихосложеніи не соблюдаются ни граматическія ударенія, ни количественность; въ ведахъ также не обращается вниманіе на граматическое удареніе; но количественность принимается отчасти въ расчетъ: она соблюдается въ концѣ стиха, рѣже въ концѣ колѣна, внутри стиха; въ началѣ же стиха просодія, какъ и у Иранцевъ, не соблюдается. Какъ въ вышеприведенномъ стихѣ, такъ и во всѣхъ стихотвореніяхъ ведъ всѣ стихи слогочислительныя; періоды состоятъ изъ двухъ колѣнъ, съ постоянною между ними цезурою. Во всѣхъ стихахъ въ началѣ просодія не соблюдается, заключеніе же стиховъ ямбическое или трохеическое, но послѣднее можно считать ямбическимъ каталексисомъ. Долгіе слоги въ концѣ, безъ сомнѣнія, произносились съ иктомъ (съ усиленіемъ голоса). Но были ли такты дѣйствительно ямбическіе, то-есть, трехмѣрные, какъ у Грековъ, или же короткіе слоги, относительно ритмической протяжности, равнялись долгимъ, — это остается неизвѣстнымъ.... Отъ чего количественность соблюдалась только въ концѣ стиха, а не во всемъ стихѣ? Отъ того, что, когда стихъ поется, то заключеніе его составляетъ наиболѣе выдающуюся часть; а стихи ведъ первоначально, конечно, пѣлись, какъ бы ни былъ монотоненъ напѣвъ ихъ. По этой же самой причинѣ въ послѣдствіи времени Романскіе народы и Византійцы, привязавъ тоническое стихосложеніе, соблюдали совпаденіе ритмическаго икта съ граматическимъ удареніемъ только въ концѣ стиховъ, или колѣнъ, а не соблюдали въ первыхъ частяхъ ихъ. По этой же причинѣ являлась и рима во всѣхъ стихосложеніяхъ въ средніе вѣка“.

Приведеннымъ выше способомъ унисоннаго и однотоннаго, речитативнаго выполненія нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній наилучшимъ образомъ объясняется несоблюденіе грамматическихъ удареній и просодической протяжности слоговъ въ стихосложеніи Авесты и ведъ. И даже, подобно тому, какъ въ сихъ послѣднихъ, стихи, а иногда и колѣна внутри стиховъ, заванчиваются ямбомъ или трохеемъ, въ вышеупомянутыхъ церковныхъ нашихъ стихахъ послѣдній или предпослѣдній слогъ заключительныхъ словъ выполняется протяжнѣе и съ большимъ напряженіемъ голоса (съ иктомъ), въ сравненіи съ другими; такъ:

„Честнѣйшую... серафимъ, || безъ ислѣвія... величаемъ“.

Причина, почему въ этихъ случаяхъ лишь конецъ стиха или колѣна (внутри стиха) распѣвается, заключается ближе всего именно въ отсутствіи мелодіи, въ речитативномъ способѣ выполненія: въ пѣніи завершеніемъ самой мелодіи указывается конецъ рѣчи или періода; а при монотонномъ речитативѣ не чѣмъ иначе указать окончаніе періода, или предложенія, какъ растяженіемъ послѣдняго или предпослѣдняго (иногда и третьяго отъ конца) слога (смотря по долготѣ или по ударенію) заключительнаго слова.

И такъ, приводимые Вестфалемъ примѣры изъ Авесты и ведъ несомнѣнно относятся къ стихосложенію слогочислительному, потому что въ нихъ каждый стихъ или періодъ состоитъ изъ одинаковаго числа слоговъ, раздѣляясь на два колѣна, состоящія также изъ равнаго числа слоговъ; въ этомъ единственно и состоитъ метръ или складъ. И при этомъ складъ стихи могли быть также ритмическими, не въ томъ же однако смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это слово Вестфаль, а въ томъ, что стихи эти могли быть распѣваемы по какому-либо напѣву. Но точно также они могли быть выполняемы речитативно, хоромъ, не только безъ соблюденія удареній, но и безъ различія протяженій, кромѣ какъ въ концѣ стиховъ, а можетъ быть, и колѣнъ. Что поэтическая рѣчь и при слогочислительномъ стихосложеніи столь же удобно можетъ быть распѣваема, какъ и при количественномъ, доказательствомъ, можетъ сверхъ опыта романскихъ языковъ служить приводимое у Вестфала свидѣтельство Аристоксена (ч. I, стр. 31), что древніе Греки считали свое стихосложеніе также слогочислительнымъ: „Древніе ритмисты“, говоритъ онъ,—„принимали слогъ за единицу мѣры и утверждали, что слогъ такъ относится къ

ритму, какъ мѣра къ намѣряемому. Аристоксенъ первый училъ, что не слогъ, а *χρόνοι πρῶτοι* суть единица ритмической мѣры⁴. Отвергнутое Аристоксеномъ мнѣніе древнихъ ритмистовъ о слогочислительности греческаго стихосложенія могло образоваться только вслѣдствіе господствованія въ древней ритмикѣ такъ-называемыхъ частныхъ тактовъ, то-есть, такихъ въ которыхъ, каждому звуковому движенію въ напѣвѣ соответствуетъ особый слогъ текста⁵), какъ это почти всегда наблюдать можно въ приводимыхъ у Вестфала (ч. I, Supplement стр. 54) древнегреческихъ пѣсняхъ, напримѣръ:

Въ музѣ¹).

Ἄ εἶδε | μούσα | μοι φί | λη, || μολ | πῆς δ' ἐ | μῆς κατ | ἄρ | χου,

αὖ | ρη δὲ | σὼν ἀπ' | ἀλαί | ων || ἐ | μάς φρέ | νας δο | νει | τω.

Καὶ λιό | παια σο | φά μου- || σὼν προχα | θαγ ἐτι | τερπῶν

Καὶ σοφὲ | μυστο δό | τα Λα | τοῦς γό νε | Δήλιε | Παιάν.

Въ первыхъ двухъ (трохейскихъ, съ анакрузой) стихахъ, въ восьми тактахъ (стопакъ) каждаго, полагая по два слога на тактъ, надобно было ожидать по 16-ти слоговъ; а ихъ насчитывается только по 15-ти, вслѣдствіе того, что стихосложеніе это не слогочислительное, а количественное, и тактъ должно считать не въ два слога, а въ три единицы мѣры (— ◡). Не смотря на неодинаковое число слоговъ и самыхъ тактовъ (въ первыхъ двухъ стихахъ по 15-ти слоговъ, въ послѣднихъ двухъ по 18-ти; въ первыхъ такты трехмѣрные; въ послѣднихъ четырехмѣрные), количество музыкальнаго времени во всѣхъ четырехъ стихахъ одинаково, именно 24 единицы мѣры (*χρόνοι πρῶτοι* = ◡). Уравненіе достигнуто тѣмъ, что тогда какъ во всѣхъ тактахъ первыхъ двухъ стиховъ по одному двухмѣрному и по одному

¹) Вестфаль, (ч. II, стр. 9) говоритъ: «Самое первоначальное построение періода состоитъ въ томъ, что всѣ какъ тяжелые, такъ и легкіе члены тактовъ, входящихъ въ составъ періода, выражаются каждый своимъ особымъ слогомъ. Такъ бываетъ въ датиллическомъ гексаметрѣ и въ ямбическомъ триметрѣ».

²) Напѣвъ этого стихотворенія, см. въ гл. I.

одномѣрному слогу, въ предпоследнихъ тактахъ тѣхъ же стиховъ одному слогу дано три мѣры. Доказательство это могло быть извлечено только изъ навѣва, а не изъ количественнаго метра, который не знаетъ слоговъ протяженіемъ свыше двухъ мѣръ. Такое же доказательство можно представить и въ народно-русскомъ пѣсенномъ стихосложеніи, именно—что оно не слогочислительное.

Вотъ примѣръ:

Вдоль по морю, вдоль по морю, вдоль по морю морю си - не - му, вдоль по морю морю си - не - му.

Ритмическая схема текста:

1) Вдоль по | морю, | вдоль по | морю ¹⁾, | — 8 слоговъ, 22 мѣры (—),

2) Вдоль по | морю, морю си | н ему, || вдоль по | морю, морю си -
не му | — 18 слоговъ, 26 мѣръ.

3) Плыветъ лебедь... (слѣдуютъ стихи съ совершенно одинаковымъ количествомъ слоговъ, до стиха):

17) Лебедя | товь всѣхъ | лебедя | товь всѣхъ | — 10 слоговъ, 22 мѣры.

¹⁾ Недостающая для полноты музыкальнаго періода четверть такта переносится на первые два слога слѣдующаго четнаго стиха, и чрезъ то оба стиха сливаются въ одно цѣлое, въ строфу. Оба музыкальные періода (стихи) окажутся совершенно равными по объему музыкальнаго времени, если первый періодъ пополнить двумя начальными мѣрами втораго, а ко второму прибавить двѣ мѣры, служащія переходомъ къ третьему періоду. Эти переходные звуки служатъ для связи смежныхъ строфъ.

или:

17) Лебедя | тушекъ всѣхъ || лебедя | тушекъ всѣхъ | — 12 слоговъ,
22 мѣры.

18) Лебедать всѣхъ сиротать пустиль (bis).

Въ 17-мъ стихѣ вмѣсто восьми слоговъ, какъ въ первомъ (и во всѣхъ нечетныхъ стихахъ пѣсни), встрѣчаемъ 10 слоговъ, двумя слогами болѣе, а въ его вариантѣ даже 12 слоговъ, слѣдовательно, четырьмя слогами болѣе: но ни тотъ, ни другой стихъ ни мало не разстраиваютъ ритма, потому что ведется счетъ не слоговъ, а единицъ музыкальнаго времени, которыхъ и въ томъ, и въ другомъ стихѣ 22, ровно столько же, какъ въ прочихъ нечетныхъ стихахъ. Уравненіе достигнуто такимъ образомъ, что въ 17-мъ стихѣ для двухъ лишнихъ слоговъ двѣ двухмѣрные ноты разложились каждая на двѣ одномѣрные, а въ вариантѣ этого стиха для четырехъ лишнихъ слоговъ четыре двухмѣрные ноты разложились каждая на двѣ одномѣрные.

Ясно, что въ народно-русской пѣсенной рѣчи, какъ и въ греко-латинской, стихосложеніе не слогочислительное, потому что число слоговъ въ стихахъ можетъ быть не одинаковое, и не смотря на то, стихи въ ритмическомъ отношеніи, то-есть, по количеству музыкальнаго въ нихъ времени, совершенно равны между собою,—такъ какъ при этомъ считаются не слоги, а мѣры времени (*χρονοί πρώτοι*¹⁾), которыхъ количество во всѣхъ стихахъ одинаково. Изъ того же сравненія строя греческой и народно-русской пѣсни оказывается, что счетъ количества ведется въ той и въ другой по ритму, а не по метру, и что народно-русская пѣсенная рѣчь, хотя сама по себѣ не количественная, въ нагѣвѣ принимаетъ количественность и въ этомъ смыслѣ становится ритмическою.

Приступая къ разсмотрѣнію тоническаго стихосложенія и считая его древнѣйшимъ достояніемъ германскихъ нарѣчій, Вестфаль (ч. II, стр. 53) указываетъ „на явленіе, въ высшей степени загадочное, что Византійскіе Греки и позднѣйшіе Римляне совершенно независимо отъ вліянія германской поэзіи отказались отъ своей древней

¹⁾ У Вестфалля (ч. I, стр. 503) приводится свидѣтельство Квинтиліана (Institut. 9. 4, § 48): «*Tempus solum metitur, ut a sublacione ad sublacionem idem spatii sit*».

количественной стихотворной рѣчи и ввели у себя тоническую, довольно впрочемъ отличную отъ германской“. Разгадка этого явленія заключается впрочемъ въ общей судьбѣ количественности во всѣхъ языкахъ. „Различіе между долгими и короткими гласными“, говоритъ Вестфаль (ч. II, стр. 67),— „принадлежитъ къ древнѣйшимъ свойствамъ языковъ. Въ продолженіе времени мы находимъ въ каждомъ языкѣ, относительно количественности, большія перемѣны, и можно сказать, что чѣмъ далѣе языкъ подвигается въ своей вѣковой или тысячелѣтней исторіи, тѣмъ равнодушнѣе онъ становится къ количественности. Въ исторіи греческаго языка это замѣтно не такъ до тѣхъ поръ, пока мы называемъ его греческимъ, а лишь по превращеніи его въ новоэллинискій. Но совершенно ясно усматриваемъ мы въ латинскомъ языкѣ переворотъ въ древней количественности, происшедшій отъ склонности къ сокращенію первоначально долгихъ гласныхъ въ окончаніяхъ словъ. Еще далѣе идетъ эта страсть къ сокращеніямъ въ романскихъ языкахъ. И германскіе діалекты подверглись тому же процессу, но въ нихъ вмѣстѣ съ сокращеніемъ конечныхъ долгихъ гласныхъ произошло удлинненіе коренныхъ слоговъ“.

Послѣднее замѣчаніе имѣетъ большое значеніе при опредѣленіи истинныхъ свойствъ тоническаго стихосложенія: если звуковая протяжность перенесена въ нѣмецкомъ языкѣ съ флексій на коренные слоги, а коренной слогъ держитъ на себѣ обыкновенно удареніе, то и въ нѣмецкомъ языкѣ, подобно тому какъ въ нашемъ русскомъ, звуковая протяжность слилась съ грамматическимъ удареніемъ, и слѣдовательно, тоническое стихосложеніе основывается не на одномъ удареніи, а на удареніи, соединенномъ съ протяженіемъ, чего, какъ увидимъ, никакъ не хотеть допустить Вестфаль. Подробнѣе будемъ говорить о томъ въ своемъ мѣстѣ; теперь же прослѣдимъ процессъ утрачиванія языками количественности.

„Подобно тому“, говоритъ Вестфаль (ч. II, стр. 53—4),— „какъ перерожденіе греческаго языка въ новоэллинискій, а латинскаго въ романскій, началось въ низшихъ слояхъ общества, между тѣмъ какъ высшее общество держалось языка литературнаго,—такъ и тоническое стихосложеніе возникло въ простомъ народѣ, не заботившемся объ традиціонныхъ искусственныхъ нормахъ ученой поэтической рѣчи¹⁾). Переходъ къ тонизму проявляется сперва въ отрасли словесности, назна-

¹⁾ Переводъ нашъ, начиная отсюда, отчасти сокращенный. С. III.

чаемой преимущественно для народа, въ басняхъ Вабріа, у котораго предпоследній иктовый (онъ же и долгій) слогъ постоянно сливается съ грамматическимъ удареніемъ. Та же склонность замѣтна и въ собраніи стихотвореній, извѣстныхъ подъ названіемъ анакреонтиі (Anakreonteen-Sammlung). Напримѣръ:

— — — — —
 'Επεί | δὴ βροτὸς ἐτ' ἐχθρὺν

— — — — —
 Βιό | του τρίβον ὀδεύειν,

— — — — —
 Χρόνον | ἔγνων, δὲν παρ' ἡλθον

— — — — —
 'Ὀν δ' ἔ | χω δρ αμ εἶν, οὐκ οἶδα¹⁾.

Греческій языкъ поддерживался тогда уже лишь искусственно, въ качествѣ языка литературнаго; а какъ языкъ общедоступнаго, онъ уже значительно подвергся тому перевороту, вслѣдствіе котораго изъ древне-греческаго языка образовался нынѣшній. Переворотъ этотъ не могъ не отозваться и на произведеніяхъ ученыхъ поэтовъ, а народныя пѣсни слагались тогда уже вполне тонически. Въ латинскомъ языкѣ переходъ отъ количественности къ тонизму замѣченъ сперва также въ народныхъ или собственно солдатскихъ пѣсняхъ, напримѣръ, изъ временъ Авреліана.

Mille, mille, mille
 decollávimús.

Unus homo mille
 decollávimús...

Tántum víni habet némo
 Quántum fúdit sánqvínis..

„Христіанская гимнодіа совершенно отвернулась отъ древней метрики, и имѣя дѣло преимущественно съ народомъ, приняла понятный ему тоническій размѣръ, напримѣръ, у св. Амвросія:

¹⁾ Первые два слога въ началѣ стиховъ составляютъ двойную анакрузу.

Apparēbit repentinā,
 dies magna domini
 in obscura velut nocte
 improvisos obscurans.

На этихъ примѣрахъ видно, что хотя икты еще часто совпадаютъ съ долготою, но скорѣе случайно, потому что просодія уже не соблюдается: слова: homo, habet, dies, velut, domini, по своему положенію въ тактѣ имѣютъ ритмическое значеніе древняго трохея. Что же касается количества музыкальнаго времени въ тактѣ, то едва ли можно признать его за трехмѣрный (— —); высокій и низкій слоги равны по протяжности⁴.

Не видно, на чемъ основываетъ Вестфаль такое заключеніе, между тѣмъ какъ изъ того явленія, что въ приведенныхъ примѣрахъ въ слогамъ, сохранившимъ свою долготу, приравнены метрическіе короткіе слоги, имѣющіе на себѣ удареніе, и что симъ послѣднимъ дано въ тактѣ такое мѣсто, которое приличествуетъ долгимъ слогамъ, то-есть, мѣсто тяжелаго члена, — необходимо сдѣлать совершенно обратный выводъ, именно — что отголѣ ударяемые слоги дѣлаются равными по протяжности прежнимъ долгимъ, которые постепенно приходятъ въ совершенное забвеніе, и что количественность стихотворной рѣчи вытѣсняется акцентуаціей. Но ни здѣсь и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Вестфаль не приводитъ доказательствъ, почему онъ не признаетъ ударяемыхъ слоговъ (въ новыхъ языкахъ), сосредоточивающихъ на себѣ, сверхъ ударенія, еще протяжность, ритмически равными греко-латинскимъ долгимъ слогамъ. Подставимъ въ греческому тексту пѣсни „Къ музѣ“ русскую рѣчь, такъ чтобы наши ударяемые слоги пришлись подѣ греческими долгими:

А | вѣ | е | мо | ѡ | а́ | мо | ѡ | ф | і | λη || μ | ο | λ | π | η | ς | δ' | έ | μ | η | ς | κα | τ | ά | ρ | χ | ο | υ ,
 П | о | д | по | й | мн | ѣ́ | му | з | а | дру | г | ѣ́ | ду | ши || и | ск | рас | ь | мо | ю́ | т | ѣ́ | м | ѣ́ |
 п | ѣ́ | с | и | ю́ !
 α | ῥ | η | δ | έ | σ | ὧ | ν | ἀ | π' | ἄ | λ | ο | έ | ὠ | ν || έ | μ | ἄ | ς | φ | ρ | έ | ν | α | ς | δ | ο | ν | ε | ἰ | τ | ω .

Пусть | вѣтеръ | изъ дуб | равъ тво | ихъ || на | вѣть | въ ду | шу
 думы.

Чѣмъ же наши высокіе слоги уступаютъ греческимъ долгимъ, если мы какъ въ пѣніи, такъ и въ декламации, можемъ тянуть ихъ, сколько угодно? Разница остается, конечно, въ томъ, что Греки умѣли еще непонятнымъ для насъ образомъ соблюдать при этомъ свои ударенія, не совпадающія съ долготой (Ἄσίδα, φίλη и проч.). Но разница эта по отношенію къ ритму не имѣетъ никакого значенія, потому что при построеніи ритма удареніе въ расчетъ не принималось.

„Спустя недолгое время“, говоритъ Вестфаль, (ч. II, стр. 61),— „народы латинскаго языка должны были подвергнуться неизбѣжному для всѣхъ древнихъ языковъ процессу утраты большей части флексій и сильному перевороту въ системѣ гласныхъ. Переворотъ этотъ совершился распаденіемъ римскаго языка на нѣсколько романскихъ нарѣчій, соотвѣтствующихъ разнымъ провинціямъ Западной Римской имперіи. Но еще въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, когда народы этихъ странъ уже говорили и пѣли на своихъ мѣстныхъ языкахъ, тамъ искусственно держалась и латинская рѣчь, въ качествѣ языка церкви и литературы. Ранѣе чѣмъ въ другихъ бывшихъ римскихъ провинціяхъ развилась своенародная поэтическая рѣчь въ Испаніи, гдѣ встрѣчаемъ ужь и риему; но риема эта еще не полная и состоитъ только въ тожезвучіи гласныхъ, безъ созвучія окружающихъ тѣ гласныя согласныхъ, между тѣмъ какъ у Отфрида нѣмецкая риема, тоже не полная, состояла на оборотъ только въ созвучіи однихъ согласныхъ“¹⁾.

Между тѣмъ какъ въ романскихъ и германскихъ средневѣковыхъ нарѣчійхъ начинаются робкія попытки риемованія, оно, въ господствовавшемъ литературномъ латинскомъ языкѣ, кажется, находилось уже въ полномъ развитіи. По крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ бібліотекѣ Московской духовной академіи, при отыскиваніи полнаго латинскаго текста амброзіанскаго гимна „Te Deum laudamus“,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ русскихъ пословицахъ замѣчаются какъ бы зародыши особаго рода риемы, состоящей не въ тожезвучіи, а въ звуковомъ родствѣ, и не послѣднихъ только слоговъ, а цѣлыхъ словъ и даже нѣсколькихъ, напримѣръ:

Мірская молва—морская волна.

Мнѣ случилось найти въ одномъ сборникѣ съ этимъ гимномъ приемованный гимнъ Богородицѣ (вмѣстѣ съ напѣвомъ), доказывающій въ творцѣ его весьма искусное и свободное владѣніе риемою. Не встрѣчавъ никогда въ печати этого гимна, считаю не лишнимъ подѣлиться имъ съ любителями:

Flos pudicitiae, aula munditiae,
Mater misericordiae,
Salve, virgo sirena, vitae vena,
Lux amoena, rore plena,
Septiformis spiritus,
Virtutibus ornantibus,
Et moribus vernantibus! ¹⁾

Rosa jucunda, castitatis lilium,
Prole fecunda, gignis Dei filium,
Virgoque munda tu post puerperium!

Modo miro, sine viro
Prole fecundaris,
Summi ducis, veræ lucis
Partu decoraris;
Virga, flore, rubro rore
Virgo designaris,
Vellereque madenteque
Digna dominaris.
Virgo prolem, stella solem
Profers, expers maris.
Ob hoc rite via vitae
Jure prædicaris.

Tu spes et refugium
Lapsorum humilium!
Tu medela criminum,
Salus poenitentium!
Tu solamen tristem,
Levamen debilium!
Tu purgatrix sordium,
Confirmatrix cordium!
Tu laus, tu remedium
In te confidentium!

¹⁾ Строй стиховъ въ два ритмующія колѣна опредѣленъ согласно периодамъ мелодіи, въ которой второе колѣно служитъ повтореніемъ перваго.

Tu vitale praemium
Tibi servientium!

O pia Maria! lapsis advocata!
Tu cunctis miseris dulcis spes et grata!
Erige, dirige corda tuorum
Ad pia gaudia regni coelorum!
Quo vere gaudere per te possimus,
Cum natoque tuo regnantes simus.

Сложеніе стиховъ не стихирное ¹⁾ (στιχηδόν или κατὰ στίχον), которое сначала и до конца пишется однимъ и тѣмъ же метромъ, а системное (κατὰ σύστημα), состоящее изъ неодинаковыхъ метровъ (μέτρα μεταβολικά), потому что стихъ начинается то съ легкаго, то съ тяжелаго члена такта.

„Главными представителями тонического стихосложенія“, говоритъ Вестфаль (ч. II, стр. 29)—, „не обращающаго вниманія на естественную долготу слоговъ, а избравшаго грамматическое удареніе, для слитія съ игомъ, обыкновенно считаютъ Германцевъ. Къ сожалѣнію, не смотря на самыя тщательныя изысканія, до сихъ поръ еще не разбѣяны сомнѣнія о размѣрахъ древне-нѣмецкаго стиха, доселѣ не могутъ согласиться относительно даже самыхъ общихъ основаній. И такъ, что за симъ будетъ говорено, можетъ впоследствии оказаться невѣрнымъ на основаніи новыхъ изслѣдованій“.

„Древнѣйшую поэзію Нѣмецкихъ племенъ: Норманновъ, Англосаксовъ, Нижнесаксовъ и Верхненѣмцевъ (Hochdeutschen) считаютъ основанною на аллитераціи... Два или три слова двухъ смежныхъ стиховъ начинаются съ одной и той же согласной или гласной; и это обыкновенно такія слова, на которыя приходится главное (логическое (?)) удареніе. При такой аллитераціи не требуется ни ритма, ни риѣмы, потому что какъ риѣма соединяетъ два стиха конечнымъ созвучіемъ, такъ здѣсь начала двухъ смежныхъ стиховъ соединяются общею буковою. Аллитерація, какъ и риѣма, возможны и не въ ритмической рѣчи. Многія мѣста въ древне-германской поэзіи (напримѣръ, въ Heliand) дѣйствительно представляются какъ бы не имѣющими ритма; но вообще, присутствіе его не подлежитъ сомнѣнію (?).. Элементарное условіе ритма есть присутствіе тактовъ... Пѣвцы Авесты и ведъ образуютъ такты изъ равнаго числа слоговъ... Но древне-германскіе стихи есть

¹⁾ Вестфаль, ч. II, стр. 254.

въ 4, 5, 6, 7, 8 слоговъ, а иные и въ три слога. Все-таки, стихи одного и того же метра должны имѣть одинаковое число тактовъ. Тактъ состоитъ изъ тяжелаго иктоваго и изъ легкаго члена, но бываетъ и такъ, что тактъ состоитъ изъ одного слога, изъ одного звука; въ такомъ случаѣ этотъ слогъ заключаетъ въ себѣ и тяжелый, и легкий членъ такта (?). Это—иктовый высокій слогъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ мѣсто низкаго члена такта, для котораго недостаетъ соответственнаго слога въ текстѣ. Единственный слогъ выражаетъ то лишь членъ такта, тяжелый или легкий, то цѣлый тактъ... Слогъ съ грамматическимъ удареніемъ принимается за ритмическій иктовый слогъ; но за таковой же могъ быть принятъ и слогъ не ударяемый... Въ ритмѣ этой поэзіи нѣтъ гибкости и подвижности: онъ выступаетъ тяжелымъ, мѣрнымъ шагомъ. Его нельзя изображать слоговыми схемами, потому что это не количественная поэзія; нагляднымъ его можно сдѣлать только посредствомъ нотъ.

„Англо-саксонскій стихъ:

What! | we | year- | dena | in | gear- | da- | gum...

„Древне-саксонскій:

that | sla | bi- | gun- | num | w | ord | go- | des.

„Такое всегда древне-германскій ритмъ: тяжелый, малоподвижный, пренебрегающій короткими звуками. Его можно бы представить въ слѣдующей общей схемѣ, очень напоминающей собою древне-иранскую:

древне-германская:

⊖() ⊖() ⊖() ⊖() | ⊖() ⊖() ⊖() ⊖()¹⁾.

иранская:

⊖ ⊖ ⊖ ⊖ ⊖ ⊖ ⊖ | ⊖ ⊖ ⊖ ⊖ ⊖ ⊖

„Такимъ образомъ, древне-германскій метръ оказывается чадомъ древне-азиатской родины Индо-германскихъ племенъ... Но у Иранцевъ онъ сохранилъ прежнюю форму, а на суровомъ сѣверѣ онъ потерялъ свою юношескую подвижность; тяжелые члены такта стаиваются въ немъ между собою, нарядка лишь перемежаясь съ легкими“.

„Германскіе діалекты²⁾, одни ранѣе, другіе позже, отказываются

¹⁾ Заключенные въ скобки члены въ любомъ мѣстѣ могутъ быть выпускаемы.

²⁾ Переводъ нашъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, отчасти сокращенный.

отъ древней аллитераціи и принимаютъ заключительную риму въ колѣнахъ и періодахъ (стихахъ). Переворотъ этотъ начался прежде всего у Верхне-Нѣмцевъ въ ихъ Отфридовомъ *Evangelienharmonie*, которое такимъ образомъ представляетъ собою первый въ Европѣ образецъ большого римованнаго стихотворенія. Здѣсь также икты не состоятъ ни въ какой связи съ долгой и краткостію слоговъ, а скорѣе съ грамматическимъ удареніемъ, такъ какъ грамматически ударяемый слогъ непременно иктовый.

„Важнѣйшее отличіе отъ древняго аллитеративнаго стиха замѣчается въ меньшей приверженности къ синкопамъ, къ скучиванію ударяемыхъ слоговъ, что придавало рѣчи особенную жесткость; напротивъ, видна наклонность смягчать рѣчь болѣе тщательнымъ чередованіемъ ударяемыхъ слоговъ съ неударяемыми. Но въ эпоху возрожденія древне-верхне-нѣмецкой рѣчи въ средне-верхне-нѣмецкую, въ Нибелунгахъ и другихъ памятникахъ народнаго эпоса, снова встрѣчаемъ скопленіе ударяемыхъ слоговъ до трехъ рядомъ.... Напротивъ того, въ придворномъ эпосѣ соблюдается постоянное чередованіе высокихъ и низкихъ слоговъ, и каталексисъ допускается только въ концѣ колѣна. За то здѣсь не встрѣчаемъ уже ни сочетанія двухъ колѣнъ въ одинъ періодъ единствомъ мысли и ея выраженія, ни строфъ—этихъ двухъ необходимыхъ признаковъ пѣсеннаго склада древнѣйшей поэзіи. Періоды распались на самостоятельныя колѣна, и это осталось уже навсегда въ нѣмецкой версификаціи, въ которой есть такты, колѣна, а пожалуй, и строфы, но нѣтъ періодовъ въ древнемъ значенія этого слова.

„При переходѣ средне-верхне-нѣмецкой рѣчи въ ново-верхне-нѣмецкую, въ концѣ среднихъ вѣковъ, удержалось тоже стихосложеніе, какое мы видѣли въ рыцарскомъ средне-нѣмецкомъ эпосѣ, ограничивавшемся, подобно греческому эпосу одною метрическою формою (то-есть, съ оставленіемъ ритмической?)... Нормальный (нынѣшній) размѣръ состоитъ въ непрерывномъ чередованіи повышенія и пониженія, начиная съ того или другаго. Простекающимъ изъ того главнымъ формамъ нѣмецкаго стихосложенія неправильно придаютъ названіе трохеевъ и ямбовъ; съ такимъ же правомъ можно бы ихъ назвать тетическими ¹⁾ и анакрузными спондеями, потому что тѣ такты наши вовсе не трохеи и не ямбы, или по крайней мѣрѣ, не

¹⁾ То-есть, начинающимися съ тезиса и ударяемаго слога, или съ легкаго (не ударяемаго) члена, не принимаемаго въ счетъ тактовъ.

похожи на греческіе трехмѣрные трокеи и ямбы; а это скорѣе прямые такты, въ которыхъ тяжелый и легкій члены, при чтеніи, совершенно равны по протяженію, хотя бы композиторъ, полагая ихъ впоследствии на ноты, и придалъ имъ различную протяжность.

Непрямые, или трехмѣрные такты, каковы они въ греческомъ стихосложеніи, могутъ быть приравняемы не къ трохеямъ и ямбамаъ нашимъ, а скорѣе къ нашимъ такъ-называемымъ дактилямъ и анапестамъ, или говоря правильнѣе, къ нашимъ метрамъ, состоящимъ изъ трехсложныхъ тактовъ (съ двойнымъ пониженіемъ); потому что каждый изъ трехъ слоговъ въ этихъ метрахъ мы произносимъ съ одинаковою протяжностію, а не такъ, чтобы повышаемый слогъ, по протяженію, одинъ равнялся обоимъ понижаемымъ слогамъ, взятымъ вмѣстѣ. Хотя Гейне пытался ввести смѣшеніе двухсложныхъ тактовъ съ трехсложными, но при чтеніи, мы и трехсложные стараемся приравнивать къ двухсложнымъ, выговаривая ихъ въ ритмической формѣ, подобной триолію. Но проведенію точной параллели съ греческою метрикою препятствуетъ самое различіе въ положеніи, какое занимаютъ у насъ поэзія и музыка, въ сравненіи съ древнею Греціей. У насъ стихотворенія пишутся для чтенія, пожалуй, для декламации; музыка сдѣлалась вполне самостоятельнымъ искусствомъ, и вполне отъ усмотрѣнія композитора зависитъ, насколько онъ захочетъ соблюсти распредѣленіе тактовъ стихотворнаго текста (Λέξις). Другое существенное различіе состоитъ въ томъ, что ритмическая протяжность слоговъ въ текстѣ нашихъ стихотвореній совершенно независима отъ грамматической просодіи. Кто повышеніе голоса въ нашемъ стихосложеніи называетъ протяженіемъ или долготою, тотъ еще не умѣетъ различать понятіе объ удареніи и о просодіи. Въ нѣмецкомъ языкѣ есть гласныя долгія и короткія, ударяемые и не ударяемые слоги точно такъ, какъ и въ греческомъ; но поэзія наша, со времени Отфрида, и пожалуй, уже за нѣсколько вѣковъ до того, не хотѣла пользоваться количественными элементами языка для ритмическихкихъ построеній, а основала эти послѣднія на тоническихкихъ элементахъ языка, придавъ каждому ударяемому слогу значеніе нѣта. Законъ нашего стихосложенія таковъ, чтобы нѣтъ приходился, по возможности, на ударяемый слогъ. Но наше ритмическое чувство уже удовлетворяется, если соблюденіе этого закона преобладаетъ; а впрочемъ мы охотно допускаемъ, если ритмическій нѣтъ падаетъ и на слово, не нѣблющее ударенія (служебное), или на не ударяемый слогъ. Что же касается до количественности, то въ нашемъ стихо-

сложениі не обращается ни малѣйшаго вниманія на то, долгая или короткая гласная принимаетъ на себя ить, то-есть, составляетъ тяжелый членъ такта... Съ перерожденіемъ средне-верхне-нѣмецкаго нарѣчія въ ново-верхне-нѣмецкое, совершился переворотъ въ системѣ гласныхъ, вслѣдствіе котораго итвыми слогами въ нашемъ стихосложеніи служатъ долгіе слоги гораздо чаще, чѣмъ какъ это было въ древнемъ и средне-верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи. Подъ вліяніемъ грамматическаго ударенія, почти каждый открытый слогъ, который прежде выговаривался за короткий, сдѣлался у насъ долгимъ. Мы говоримъ: sagen, legen, Vater, viel и т. п., произнося протяжно тѣ гласныя, ко-

торыя въ древности были короткими: sagen, legen, Vater, viel; и главнымъ образомъ вслѣдствіе этого переворота въ системѣ нашихъ гласныхъ произошло то, что подобныя слоги, какъ скоро въ стихосложеніи принимаютъ на себя ить, представляются (?) долгими. Но въдь и въ такихъ словахъ, въ которыхъ первоначальная краткость ударялась, напримѣръ, lachen, Sache, essen и т. п., короткий, но ударяемый слогъ точно также служитъ въ нашемъ стихосложеніи за ритмическій ить, какъ и въ вышеприведенныхъ словахъ долгій итвный слогъ...

Нѣмецкій языкъ, не смотря на нѣкоторыя просодическія колебанія, есть все-таки языкъ просодическій и имѣетъ гласныя долги и короткія; но стихосложеніе нѣмецкое основалось не на просодіи языка, а на акцентуаціи, и имѣло на то такое же право, какое имѣлъ греческій языкъ основать свое стихосложеніе на просодіи, съ обходивіемъ акцентуаціи“.

Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ изъ Вестфалева сочиненія выписокъ становится яснымъ, что такъ-называемое тоническое стихосложеніе возникло первоначально не у Германцевъ, а у тѣхъ же самыхъ народовъ, у которыхъ господствовало и вполнѣ разившееся количественное стихосложеніе, именно у Византійскихъ Грековъ и у Римлянъ. Происхожденіемъ своимъ оно обязано тому неизбежному для всѣхъ языковъ процессу, по которому слоговая долгота, существовавшая сперва отдѣльно и независимо отъ слоговой высоты, мало по малу утрачивается и переносится на ударяемые слоги, которые отсюда совмѣщаютъ въ себѣ звуковую высоту и протяжность. Возникло новое стихосложеніе тамъ же, гдѣ подготавливалось и перерожденіе языка, то-есть, въ простомъ народѣ, мало знакомомъ съ лите-

ратурными образцами и еще менѣе съ учеными о нихъ изслѣдованіями, и возникло на общей почвѣ всякой исто-народной поэзи, именно—на почвѣ пѣсни, слѣдовательно, въ подчиненіи условіямъ вокальной музыки, стало быть, и ритму. Подчиняясь ритму или музыкальному размѣру, при распѣваніи, греко-латинская народная (впоследствии и церковная) пѣсня, подобно народно-русской, могла, конечно, остаться совершенно свободною отъ ритмическихъ узъ въ говореніи или въ декламациі: но при господствѣ въ то же время въ высшихъ сословіяхъ стихосложенія количественнаго, усвоившаго себѣ, хотя отчасти только номинально, ритмическій (напѣвный) строй, она не только не избѣгла вліянія ученой метрики, но приняла даже высшія метрическія формы, какія только могла ¹⁾. Съ такимъ сравнительно новымъ стихосложеніемъ латинскій языкъ въ средніе вѣка сдѣлался въ западной Европѣ языкомъ литературы и церкви, и тонически сложенныя богослужебныя пѣсни не могли не послужить образцами версификаціи и для свѣтской поэзи туземныхъ нарѣчій.

И такъ, тоническое стихосложеніе, по сущности своей, не оправдываетъ своего названія, потому что основалось не на высотѣ слоговъ, не на грамматическомъ удареніи, которое никакъ не можетъ служить основой напѣвнаго ритма (звуковая высота и долгота суть совершенно разнородные элементы музыки, и одна другую замѣнить никакъ не могутъ), а на такомъ же чередованіи долготы и краткости, какъ и количественное стихосложеніе, съ тою лишь разностию, что долгота оказывается перемѣщенною на ударяемые слоги; а если нѣтъ придется на слогъ не ударяемый, то и этому послѣднему фактивно присвоивается долгота, хотя въ живемъ произношеніи и не выполняемая ²⁾. Принятіе фактивныхъ долготъ оказалось необходимымъ для тоническаго стихосложенія, вслѣдствіе подражанія количествен-

¹⁾ Что въ удачѣвшихъ образцахъ народной, и потомъ народно-христіанской греко-византійской поэзи, а также въ позднѣйшей римской, тоническое стихосложеніе является въ смѣшеніи съ количественнымъ, — это объясняется весьма понятнымъ вліяніемъ послѣдняго на первый. Народъ, сколько могъ, усиливается подражать принятому въ образованныхъ сословіяхъ количественному стихосложенію, — подобно тому какъ въ теперешнихъ русскихъ солдатскихъ пѣсняхъ, по мѣрѣ распространенія въ арміи грамотности, все болѣе и болѣе замѣчается воздѣйствіе литературнаго тоническаго стихосложенія.

²⁾ См. выше: Mille, mille, mille décollavitis и проч.; послѣднее слово произносится въ декламациі только съ однимъ повышеннымъ протяженіемъ на среднемъ слогѣ, хотя скандуется на три стопы.

ному, съ которымъ оно не могло сравниться метрическими сред-ствами, такъ какъ ударяемыхъ слоговъ въ рѣчи гораздо менѣе, чѣмъ долгихъ, которыхъ можетъ быть по два въ одномъ словѣ и болѣе, а ударяемый обыкновенно только одинъ, нѣкоторыя же слова даже и того не имѣютъ. Такимъ образомъ, по общей участи всякихъ подражаній, тоническое стихосложеніе усвоило себѣ частію только внѣшнія формы образца своего, — стихосложенія количественнаго, безъ его сущности, подобно тому какъ само количественное стихосложеніе первоначально было внѣшнимъ сколомъ съ напѣвнаго ритма, лишь отчасти напоминающимъ его сущность. Хотя главными представителями тоническаго стихосложенія въ западной Европѣ считаютъ Германцевъ, но на основаніи всего вышесказаннаго слѣдуетъ заключить, что не имъ оно обязано своимъ происхожденіемъ, а перешло къ нимъ изъ латинской литературы; по крайней мѣрѣ въ приведенныхъ Вестфалемъ образцахъ древнихъ германскихъ стиховъ бросается въ глаза такая особенность, которая никакъ не подходитъ подъ правила тоническаго стихосложенія; таково постоянное опущеніе, или вѣрнѣе, частое отсутствіе легкаго члена такта и скучиваніе даже до четырехъ будто бы ударяемыхъ слоговъ, стоящихъ рядомъ (in | zear | da | zum), и появленіе трехъ удареній на одномъ словѣ (Kriemhilté). Объяснить себѣ это можно лишь тѣмъ, что слоги, отмѣченные здѣсь знакомъ [˘] или [˙] не всѣ ударяемыя, а всѣ долги лишь по напѣву, то-есть, что представленныя Вестфалемъ схемы относятся не къ метру, не къ складу пѣсенной рѣчи, а къ ритму или къ напѣвному складу, гдѣ, конечно, нѣсколько слоговъ сразу могутъ имѣть каждый протяженіе цѣлаго такта, и односложное слово можетъ быть протянуто на два такта, какъ въ приведенномъ примѣрѣ: w | ord. Иначе, какъ выполнить два ударенія на одномъ слогѣ? Такимъ образомъ аллитерація остается несомнѣннымъ отличительнымъ признакомъ древняго самобытнаго нѣмецкаго стиха, который очень свободно могъ быть распѣваемъ, какъ видно, весьма протяжнымъ напѣвомъ ¹), не нуждаясь, пожалуй, ни въ стопахъ ²), ни въ иктахъ, подобно народно-русскому пѣсенному стиху.

¹) Однообразная, на нашъ слухъ, протяжность, или скорѣе, растяженность составляетъ и теперь отличительную черту нѣмецкой церковной пѣсни, для которой напѣвы, какъ извѣстно, большею частію взяты изъ народной пѣсни,

²) Иначе, чтѣ бы это была за стопы, состоящія изъ одного слога, предъ-

Первые признаки сближенія съ тоническимъ стихосложеніемъ въ Отфридовомъ Evangelienharmonie объясняются весьма естественно предполагаемымъ въ составителѣ ея короткимъ знакомствомъ съ церковной средневѣковою латинскою тоническою версификаціей, которая затѣмъ во всѣхъ подробностяхъ привилась къ нѣмецкой рѣчи въ рыцарскомъ эпосѣ. Что тоническое стихосложеніе сего послѣдняго не выросло на родной почвѣ древней нѣмецкой пѣсни, а привито извнѣ, отъ чужой литературы, несомнѣннымъ доказательствомъ служить отсутствіе въ немъ періодическихъ и строфныхъ построеній, необходимаго признака пѣсенной поэзіи.

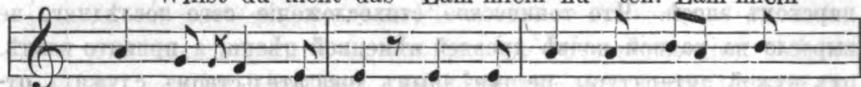
Доказывая происхожденіе тоническаго стихосложенія въ перерожденіи классическихъ языкахъ изъ количественнаго, вопреки мнѣнію Вестфала, приписывающаго ему, такъ сказать, самозарожденіе въ нѣмецкомъ языкѣ, мы должны въ подробности рассмотреть, почему Вестфаль не признаетъ за ударяемыми слогами большей протяжности, сравнительно съ неударяемыми, что такъ ясно для нашего слуха въ нашемъ языкѣ, и что прямо наводитъ на мысль о происхожденіи тоническаго стихосложенія изъ количественнаго. Вестфаль говоритъ: „Кто повышеніе голоса въ нашемъ (то-есть, нѣмецкомъ) стихосложеніи называетъ протяженіемъ или долготою, тотъ еще не умѣетъ различать понятіе объ удареніи и о просодіи“ (ч. II, стр. 50). Изъ этого порицанія прежде всего явствуетъ, что и между Нѣмцами были или есть люди, которые въ ударяемыхъ слогахъ слышатъ большую протяжность, нежели въ неударяемыхъ. Но на чемъ же основываетъ Вестфаль свое порицаніе этого мнѣнія? По видимому, ни на чемъ, кромѣ убѣжденія собственнымъ своимъ слухомъ. Но вѣдь на это же основаніе опирается и противное мнѣніе. Первенство тонкости слуха необходимо предоставить композиторамъ, а они, по видимому, держатся мнѣнія, противнаго Вестфалеву. Вотъ примѣры:

ставляющаго собою вмѣстѣ и тяжелый и легкій членъ такта, какъ вездѣ почти въ приведенныхъ примѣрахъ.

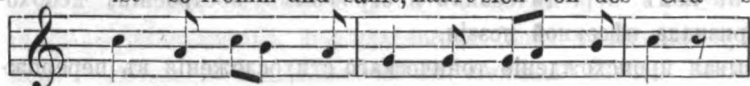
Der Alpenjäger.

1. *I. F. Reichhardt.*

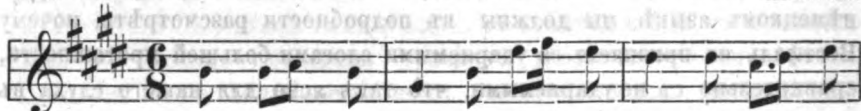
Willst du nicht das Läm-mlein hü - ten? Läm-mlein

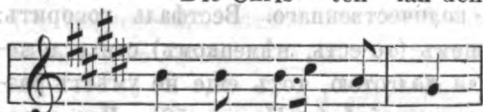
ist so fromm und sanft, nährt sich von des Gra - ses

Blü - then, spie - lend an des Ba - ches Rand.

2. *Kuhlau.*

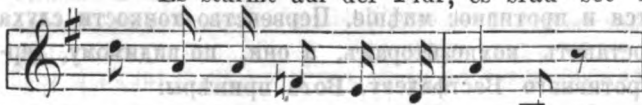
Die Chris - ten lan-den kühn am Strand und strei-ten

für das heil' ge Land.

3. *E. M. v. Weber.*

Es stürmt auf der Flur, es brau - set im Hain, es

wogt in der mä - chti-gen Bu - sen.

4. *Gyrowetz.*

Mir leuch-tet die Hoff-nung, sie täuscht mich nicht, ich

wer - de sie wec-ken zum strah-len - den Licht.

Въ ритмическомъ начертаніи тексты получать слѣдующій видъ:

1) Willst du | nicht das | Lämmlein | hüten?

Lämmlein | ist so | fromm und | sanft;

Nährt sich | von des | Grases | Blüten,

Spielend | an des | Baches | Rand.

2) Die Chri | sten lan | den kühn | am Strand'

Und strei | ten für | das hei | l'ge Land.

3) Es | stürmt auf der | Flur, es | brauset | im Hain,

Es | wogt in der | mächtigen | Busen.

4) Mir leuchtet | die Hoffnung, | sie täuscht | mich nicht,

Ich werde | sie wecken | zum strahlen | den Licht.

Въ первомъ примѣрѣ хорей, принимаемый Вестфалемъ за двухъ-мѣрный тактъ, композиторомъ принятъ за трехъ-мѣрный, въ которомъ ударяемый слогъ по долготѣ равенъ двумъ не ударяемымъ; слѣдовательно, не разбираю, по крайней мѣрѣ музыкальному, въмецкій хорей совершенно равенъ греческому.

Во второмъ примѣрѣ въ ямбическихъ стихахъ ударяемымъ слогамъ придава двойная протяжность, сравнительно съ не ударяемыми, хотя здѣсь какъ и въ первомъ примѣрѣ ритмическіе такты распределены иначе, чѣмъ метрическія стопы.

Въ третьемъ примѣрѣ въ дактило-хоренческихъ стихахъ ударяемые слоги также вдвое протяжнѣе не ударяемыхъ.

Въ четвертомъ примѣрѣ также вездѣ ударяемый слогъ приравненъ къ двумъ не ударяемымъ; принять ли эти стихи за амфибрахи-

чекіе, какъ сдѣлано въ метрической схемѣ, или за дактилическіе съ анакрузою, какъ это сдѣлалъ композиторъ.

Правда, что столь же часто, можетъ быть, даже чаще, композиторы даютъ одинаковую ритмическую протяжность и ударяемому, и не ударяемому слогу, но сему послѣднему они, сколько мнѣ известно, никогда не даютъ большей протяжности, чѣмъ первому, слѣдовательно, мнѣніе ихъ все-таки склоняется въ пользу преимущественной протяжности слоговъ ударяемыхъ.

Конечно, нельзя утверждать, чтобы и въ декламация ударяемый слогъ произносился ровно вдвое протяжнѣе не ударяемаго, какъ часто въ напѣвѣ; но вѣдь доказано уже, что и въ греко-латинской версификаціи долгому слогу лишь искусственно присвоены ровно двѣ мѣры протяженія, а въ естественной живой рѣчи отношеніе между долгою и короткою гласною было также неопредѣленно. „Хотя намъ и кажется“, говоритъ Вестфаль (ч. I, стр. 522),— „что долгій слогъ и въ прозѣ также вдвое протяжнѣе короткаго, какъ и въ ритмѣ, но это ошибочно. Что долгій слогъ и въ прозѣ протяжнѣе короткаго, это вѣрно; но нельзя утверждать, чтобы и въ разговорной рѣчи мы произносили долгій слогъ ровно вдвое протяжнѣе короткаго. Легко замѣтить, что разность эта менѣе, чѣмъ 2 : 1, а въ точности опредѣлить эту разницу не возможно. Изъ разницы, которую Аристоксенъ находитъ между $\varphi\omega\eta$ $\lambda\omicron\upsilon\chi\eta$ и $\varphi\omega\eta$ $\delta\iota\alpha\sigma\tau\eta\mu\alpha\tau\iota\chi\eta$, мы ясно усматриваемъ, что и Аристоксенъ признавалъ протяжность слоговъ въ говореніи, $\varphi\omega\eta$ $\lambda\omicron\upsilon\chi\eta$, неопредѣленною. Отношеніе 1 : 2 имѣютъ слоги, какъ составныя части ритмуемаго матеріала, только въ количественномъ стихосложеніи; только поэты установили для нихъ эту мѣру. Они опредѣлили ритмическую протяжность слоговъ, которые въ языкѣ сами по себѣ лишь неопредѣленно отличаются протяжностію“. Впрочемъ Вестфаль и самъ, хотя косвенно и лишь только для стихосложенія, признаетъ за ударяемыми слогами большую протяжность сравнительно съ не ударяемыми. „Съ перерожденіемъ средне-верхне-нѣмецкаго нарѣчія“, говоритъ онъ (ч. II, стр. 51),— „въ ново-верхне-нѣмецкое, совершился переворотъ въ системѣ гласныхъ, вслѣдствіе котораго иктовыми (значитъ и ударяемыми) слогами служатъ долгіе слоги гораздо чаще, чѣмъ какъ это было въ древнемъ и средне-верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи. Подъ вліяніемъ грамматическаго ударенія почти каждый открытый слогъ, который прежде выговаривался за короткій, сдѣлался у насъ долгимъ. Мы говоримъ: *legen, sagen, Vater, viel* и т. д., произнося протяжно тѣ гласныя, которыя въ древности были

короткими: *lügen, sagen, Väter, viel*, и главнымъ образомъ вслѣдствіе этого переворота въ системѣ нашихъ гласныхъ произошло то, что подобные слоги, какъ скоро въ стихосложеніи принимаютъ на себя икъ, представляются долгими“.

Прервемъ здѣсь Вестфала, прибавивъ, что подобные слоги въ стихосложеніи не представляются только долгими, но долги въ самой дѣйствительности, потому что и въ обыкновенной рѣчи (какъ самъ же Вестфаль только что предъ симъ призналъ) слова *legen, sagen, Väter, viel* выговариваются протяжнѣе не ударяемыхъ. Но онъ продолжаетъ: „Но вѣдь въ такихъ словахъ, въ которыхъ первоначальная краткость удержалась, напримѣръ: *lachen, Sâchen, essen* и т. д., короткий, но ударяемый слогъ точно также служитъ въ нашемъ стихосложеніи за ритмическій икъ, какъ и въ вышеприведенныхъ словахъ иктовый слогъ“.

Противъ этого нужно сказать, что нѣмецкіе ученые, какъ извѣстно, далеко еще не согласились между собою въ томъ, какія гласныя признавать долгими, и какія не признавать; нѣкоторые, какъ и самъ Вестфаль тутъ же говорить, готовы признать въ словахъ: *lâchen, Sâchen, éssen* гласныя *a* и *e* долгими по положенію (*per positionem*). Но пусть эти звуки, не въ примѣръ другимъ, остаются короткими, и лишь въ стихосложеніи имъ, по мѣсту (на мѣстѣ иктовыхъ слоговъ), придается долгота, въ такомъ случаѣ, фиктивная. Что же? Фиктивная въ стихѣ протяжность самихъ по себѣ короткихъ слоговъ развѣ можетъ служить опроверженіемъ долготы тѣхъ иктовыхъ слоговъ, которые несомнѣнно остаются долгими и въ обыкновенной рѣчи! Несостоятельность такого довода становится очевидною въ примѣненіи къ русской рѣчи. Такъ въ стихѣ Пушкина:

„Ду́ховъ | ной жаждъ | дѣю | то́мимъ, |

Неужели изъ того, что въ словѣ жаждою, надъ слогомъ *ю*, какъ надъ иктовымъ, пришлось, ради метра, поставить фиктивное удареніе, неужели изъ этого можно заключить, что и въ словахъ: *духовной, жаждою, томимъ*, надъ слогами *хо, жа, ми*, ударенія также фиктивныя, и что слоги эти выговариваются не протяжнѣе стоящихъ съ ними рядомъ короткихъ слоговъ? Но живое произношеніе рѣзко обличаетъ такой нелогичный выводъ: фиктивное удареніе надъ слогомъ

ю, въ словѣ жѣждѣю, [!] остается фиктивнымъ, то-есть, въ живомъ произношеніи вовсе не выполняется, и слогъ выговаривается совершенно также, какъ и прочіе не ударяемые, слѣдовательно, короткіе слоги въ томъ же стихѣ, именно:

„Духовной жѣждою томимъ“.

Припомнимъ здѣсь встати то приведенное уже разъ нами мѣсто въ сочиненіи Вестфала (ч. II, стр. 67), гдѣ онъ самъ указываетъ (въ другихъ, впрочемъ, видахъ) и причину, вслѣдствіе которой первоначально короткіе ударяемые слоги, въ нѣмецкомъ языкѣ, сдѣлались долгими: „Въ латинскомъ языкѣ мы совершенно ясно усматриваемъ переворотъ въ древней количественности, происшедшій отъ склонности къ сокращенію первоначально долгихъ гласныхъ въ окончаніяхъ словъ. Еще далѣе идетъ эта страсть къ сокращеніямъ въ романскихъ языкахъ. И германскіе діалекты подверглись тому же процессу, но въ нихъ, вмѣстѣ съ сокращеніемъ конечныхъ долгихъ гласныхъ, произошло удлиненіе коренныхъ слоговъ“. Повторимъ сдѣланное уже разъ и само собою вытекающее изъ этихъ словъ заключеніе: если звуковая протяжность перенесена въ нѣмецкомъ языкѣ съ флексій на коренные слоги, а на коренныхъ слогахъ, какъ извѣстно, ставятся и ударенія, то и въ нѣмецкомъ языкѣ, подобно тому какъ въ нашемъ русскомъ, звуковая протяжность слилась съ грамматическимъ удареніемъ, и слѣдовательно, тоническое стихосложеніе основывается не на удареніи, какъ это съ виду представляется, а на соединенной съ удареніемъ протяжности гласныхъ, той же самой протяжности, размѣренность которой положена въ основаніе и количественному стихосложенію.

Ко всему сказанному прибавимъ, что, отказывая своимъ ударяемымъ слогамъ въ долготѣ, Вестфаль лишаетъ нынѣшнее нѣмецкое стихосложеніе ритмической, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякой основы, потому что удареніе, относясь къ высотѣ звука, само по себѣ не можетъ служить основою ритма, если не соединено будетъ съ протяжностію. Между тѣмъ Вестфаль самъ же говоритъ ¹⁾, что размѣренность протяженій и икты составляютъ основныя условія ритма.

Если въ нѣмецкомъ стихосложеніи ударяемые слоги не отличаются отъ короткихъ большею протяжностію, а природная долгота нѣкото-

¹⁾ Ч. II, стр. 11: «Zeitmass und Ictus sind die Grundbedingungen des Rhythmus».

рыхъ гласныхъ тоже въ расчетъ не принимается, то въ немъ нѣтъ разнообразія протяженій, ни слѣдовательно, икъ размѣренности, а безъ размѣренности протяженій нѣтъ мѣста и иетамъ, которые суть только указатели этой самой размѣренности; при отсутствіи же ея и при отсутствіи иетовъ, согласно съ утверженіемъ самого Вестфала, нѣтъ и ритма.

Подобно тому и относительно просодіи русскаго языка, издавна утвердилось мнѣніе, будто въ немъ всѣ гласныя произносятся съ одинаковымъ протяженіемъ. Но въ ошибочности этого мнѣнія легко убѣдиться, прислушиваясь внимательно къ произношенію (только не спѣшному) хотъ, напримѣръ, слѣдующихъ стиховъ народной пѣсни:

„Будешь ли, ревнивый мужъ, пускать меня въ гости?“

— Государыня, жена! ступай хотъ вовсе!

Здѣсь односложныя слова: ли, мужъ, хотъ, оставлены безъ удареній, такъ какъ они выговариваются съ предшествующими словами за одно удареніе, какъ бы за одно слово. Въ прочихъ словахъ слоги не ударяемые произносятся быстрѣе, чѣмъ ударяемые, а сіи послѣдніе выговариваются съ повышеніемъ голоса и съ большею протяжностью, а въ двухъ словахъ: въ гости и вовсе, слоги го и во, сверхъ повышенія и протяженія голоса, выговариваются еще съ особеннымъ протяженіемъ. Легко также замѣтить, что тогда какъ протяжностію всѣ ударяемые слоги равны, повышеніе голоса въ нихъ не одинаково, именно наибольшее повышеніе отмѣчено двойными удареніями на словахъ будешь и государыня; потому что на эти слова приходятся ударенія риторическія, которымъ подчиняются грамматическія ударенія остальныхъ словъ предложенія. На послѣднихъ словахъ: въ гости и вовсе, голосъ нарочито усиливается, какъ бы въ замѣтъ риторическаго ударенія, которое слѣдовало бы поставить на этихъ словахъ, по ихъ риторической (а не синтаксической или логической) важности; но оказалось уже не возможнымъ поднять къ концу рѣчи голосъ, съ самаго начала ея постепенно опускавшійся.

Здѣсь умѣстно поговорить нѣсколько подробнѣе о возможныхъ измѣненіяхъ голоса. Голосъ, при произнесеніи словъ въ пѣніи или въ говореніи, способенъ лишь къ тремъ измѣненіямъ: 1) къ повышенію или къ пониженію, 2) къ большому или меньшему протяженію, и

3) къ усиленію или къ ослабленію ¹⁾. Съ наибольшимъ разнообразіемъ голосъ измѣняется въ пѣніи (сравнительно съ говореніемъ), будучи повышаемъ или понижаемъ до крайнихъ предѣловъ своего объема, будучи протягиваемъ до истощенія дыханія или дробимъ съ быстротою, съ какою только способны двигаться органы рѣчи, и наконецъ, будучи усиливаемъ до наибольшаго напряженія груди и голосовыхъ связокъ или ослабляемъ такъ, что лишь едва бываетъ слышимъ. Разнообразясь по многоразличнымъ степенямъ вышеуказанныхъ трехъ направленій, голосъ, сверхъ того, способенъ измѣняться въ разныхъ сочетаніяхъ тѣхъ направленій: такъ, онъ можетъ быть повышаемъ вмѣстѣ съ протяженіемъ и усиленіемъ, или только съ тѣмъ, или другимъ изъ нихъ, или независимо отъ обоихъ, можетъ быть усиленъ вмѣстѣ съ повышеніемъ и протяженіемъ, но также и независимо отъ того или другаго или обоихъ. Такъ въ пѣніи. Въ говореніи же, хотя измѣненія голоса совершаются въ тѣхъ же направленіяхъ, но эти измѣненія гораздо ограниченнѣе: увлекаемый теченіемъ мысли, голосъ не задерживается такъ долго, какъ это бываетъ въ пѣніи, на той или другой части слова, повышается и понижается рѣдко болѣе, чѣмъ на два интервала вверхъ и внизъ, считая отъ той ноты, съ которой кто любитъ начинать рѣчь (обыкновенно это самая удобная нота для даннаго голоса). Другіе предполагаютъ болѣе широкій діапазонъ голоса въ говореніи. „Что мы не въ состояніи“, говорятъ Вестфаль (ч. II, стр. 21),—„дать себѣ точный отчетъ въ разнообразіи звуковыхъ ступеней при говореніи (φωνή λογική), причину того Аристоксенъ находитъ въ значительной быстротѣ движеній голоса при говореніи. Діонисій (De sonor., 11) говоритъ, что движенія звуковъ (голоса) при говореніи происходятъ въ предѣлахъ интервалловъ квинты; голосъ не повышается болѣе чѣмъ на квинту и на столько же понижается. Онъ могъ бы присовокупить къ тому, что не всѣ ударяемые слоги мы произносимъ одинаково высоко, что въ рѣчи спокойной, не взволнованной голосъ движется въ интервалахъ меньшаго объема, чѣмъ въ рѣчи возбужденной и страстной. Въ гнѣвѣ или въ отчаяніи голосъ можетъ заходить и за предѣлы квинты“.

Это говорилось о движеніи голоса по звуковой лѣстницѣ, въ предѣлахъ предложенія, начиная отъ слова, держащаго на себѣ ритори-

¹⁾ Первые два измѣненія голоса суть какъ бы внѣшнія; одно—такъ сказать въ вертикальномъ, другое—въ горизонтальномъ направленіи, третье же измѣненіе есть внутреннее, состоящее въ одномъ напряженіи.

ческое удареніе, до низшаго слога въ предложеніи. Возвышеніе же голоса, въ предѣлахъ одного слова, называется удареніемъ грамматическимъ (въ отличіе отъ риторическаго). Изъ всѣхъ нынѣшнихъ языковъ въ западной Европѣ съ наибольшою явственностью удареніе слышится въ нѣмецкомъ языкѣ, по всей вѣроятности, именно вслѣдствіе того, что въ немъ на ударяемые, большею частью коренные слоги, по свидѣтельству Вестфала, перенесена и протяжность, съ прежнихъ, сократившихся флексій. Это не имѣло мѣста въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ удареніе оказывается прикрѣпленнымъ къ одному и тому же слогу, что и дѣлаетъ его неспособнымъ къ усвоенію всѣхъ размѣровъ тоническаго стихосложенія, какъ это послѣднее, въ свою очередь, не могло принять многихъ размѣровъ количественнаго. Но какъ ни явственно нѣмецкое грамматическое удареніе въ сравненіи съ другими западно-европейскими, оно все-таки далеко уступаетъ относительно рѣшительности русскому, потому что въ словахъ сложныхъ или имѣющихъ длинныя окончанія, распадается на два ударенія, на главное и второстепенное (*Nebenaccent*) и тѣмъ, конечно, ослабляется; между тѣмъ въ русскомъ языкѣ, оно имѣетъ надъ собою всегда только одно удареніе, которое за то выполняется рѣзко рѣшительно и съ весьма замѣтною протяжностью, тогда какъ прочіе слоги выговариваются, чѣмъ дальше отъ ударяемаго, и чѣмъ ближе къ концу слова, тѣмъ съ большимъ ускореніемъ и съ меньшею внатностію, а конечные иногда совсѣмъ, какъ говорится, проглатываются. Вслѣдствіе того, какъ западно-европейскаго уроженца, выучившагося русскому языку не въ дѣтствѣ, всегда узнаешь по его, на нашъ слухъ, размысчатому, вялому, какъ бы плоскому произношенію, такъ и русскій, на родномъ языкѣ воспитавшійся человекъ, вѣроятно, откроетъ себя западному иностранцу, говоря на его языкѣ, своимъ энергическимъ, какъ бы выпуклымъ произношеніемъ. По этой же самой причинѣ, именно—что русскій языкъ имѣетъ только по одному ударенію на словѣ, и что не мало словъ вовсе не ударяемыхъ, онъ менѣе способенъ къ тоническому стихосложенію, чѣмъ нѣмецкій. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что при вырожденіи (*sit verba verbo*) греко-латинскаго тоническаго стихосложенія изъ количественнаго, вслѣдствіе меньшаго числа удареній въ словахъ, чѣмъ сколько было долготъ, ими замѣненныхъ, принуждены были прибѣгать къ искусственнымъ удареніямъ¹⁾, каковыхъ не мало допускается и въ теперешнемъ нѣ-

1) Примеры у *Вестфала* изъ сочиненія св. Амвросіа:

Rex aeternae Domine

мецкомъ тоническомъ стихосложеніи, а въ русскомъ литературномъ найдешь ихъ чуть ли не въ каждомъ стихѣ, даже у лучшихъ поэтовъ, на примѣръ:

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влечися
И шестиврылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явися.

Къ счастью, русская живая рѣчь не допускаетъ исказить себя такимъ искусственнымъ произношеніемъ: тоническіе стихи мы читаемъ также свободно какъ прозу, не связывая себя выполненіемъ тѣхъ фивтивныхъ удареній.

Русскіе ударяемые слоги протяжностію своею отнюдь не уступаютъ греко-латинскимъ долгимъ, но между ними есть существенная разница. Тогда какъ греко-латинская долгота прикрѣплена къ извѣстнымъ гласнымъ, и въ какомъ бы словѣ эти гласныя ни встрѣтились, въ приставкѣ ли, въ корнѣ ли, въ окончаніи ли слова, онѣ вездѣ выговариваются протяжнѣе другихъ, не имѣющихъ природной долготы,—въ русскомъ языкѣ долгота гласныхъ подвижна, какъ и самое удареніе, съ которымъ она сливается; такъ, извѣстная гласная, принявъ на себя удареніе, произносится съ повышеніемъ и протяженіемъ; но та же самая гласная, повторившись въ слѣдующемъ не ударяемомъ слогѣ, лишается вмѣстѣ съ повышеніемъ и протяжности, на примѣръ:

головы, головы, головы.

Указываемъ на этотъ естественный недостатокъ тоническаго стихосложенія (фивтивныхъ ударенія) вовсе не потому, чтобъ имѣлось въ виду средство уравнивать его съ его первообразомъ, съ стихосложеніемъ количественнымъ; это послѣднее, какъ мы въ своемъ мѣстѣ видѣли, имѣло также свои несовершенства, обуславливаемыя самымъ его происхожденіемъ—черезъ первоначальное подражаніе ритму, то-есть, напѣвному складу, чрезъ усвоеніе метру музыкальныхъ формулъ ритма.

Поэтическая греко-латинская рѣчь чрезъ то едва ли выиграла что-либо относительно музыкальности, но столько утратила естественной свободы движенія, что это подало кому-то поводъ сказать: выражать свои мысли стихами есть то же, что плясать съ башмаками на ногахъ ¹⁾.

Regum Creator omnium
Qui eras ante saecula
Semper cum patre filius.

Курсивные слоги имѣютъ на себѣ фивтивные ударенія.

¹⁾ «Oratio numeris vineta».

Посмотримъ, сколько музыкальнаго элемента могло быть перенесено изъ напѣва (ритма) въ метръ. Изъ употребившихся въ греческомъ ритмѣ пяти родовъ протяженія въ одну, двѣ, три, четыре и пять мѣръ (\cup , — , ┆ , ┆┆ , ┆┆┆), въ метръ принято только два, одне-мѣрное и двумѣрное ($= \cup$ и —), какія соблюдались приблизительно и въ обыкновенной рѣчи. Въмѣсто разнообразнаго движенія голоса въ мелодіи по цѣлой октавѣ, доступной для всѣхъ голосовъ унисоннаго греческаго хора (въпротиву, отъ средняго до верхняго *ре*) метру доступно повышеніе голоса только на одну какую-либо изъ восьми ея ступеней, то-есть, простое соблюденіе грамматическихъ удареній, какъ и въ разговорной рѣчи. Чтò же музыкальнаго перешло изъ ритма въ метръ? Ничего, кромѣ тактнаго построенія, въ которомъ также мало музыкальности, какъ въ выдѣленной изъ оркестра партіи барабана, выбивающей также тактное построеніе шама.

Остается сказать о третьемъ родѣ измѣненія голоса въ пѣніи и въ декламации стиховъ, о его усиленіи. Мы видѣли, что Вестфаль указываетъ ему также неподвижное мѣсто въ стиховномъ механизмѣ, именно прикрѣпляетъ его къ нитовому слогу. Замѣтимъ сперва, что такое однообразное усиленіе голоса на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ еще спосно было бы слышать, еслибы съ нитомъ соединилась протяженность; но какъ Вестфаль отрицаетъ протяжность въ ударяемыхъ слогахъ, объявляя ихъ равно короткими, какъ и не ударяемые, то такое отрывистое налеганіе голоса надъ каждымъ однимъ изъ двухъ или трехъ слоговъ придавало бы дикціи отнюдь не музыкальность, но пѣвучесть, а совершенное подобіе равнанья. Напротивъ того, усиленіе голоса въ напѣвѣ, выражаемое знаками *f* (*forte*) или *ff* (*fortissime*) или $\blacktriangleleft \blacktriangleright$, какъ извѣстно, не всегда ограничивается однимъ слогомъ, и притомъ непременно нитовымъ, а можетъ распространяться на цѣлыя такты и даже на нѣсколько тактовъ. На вышеприведенномъ примѣрѣ изъ русской пѣсни: „Будешь ли, ревнивый мужъ“, видно было, что усиленіе голоса въ русской пѣсенной рѣчи обуславливается риторическими, а не музыкальными требованіями.

И такъ, изъ рассмотрѣнія свойствъ тоническаго стихосложенія съ точки зрѣнія народно-русской пѣсенной рѣчи, вытекаетъ почти то же самое заключеніе, какое мы вывели изъ разбора основъ стихосложенія количественнаго, послужившаго первообразомъ тоническому, именно— наша народная пѣсенная рѣчь, съ полною неспринуженностію распѣваемая по напѣвнымъ ритмамъ, складывается однако главнѣйше по требованіямъ логическимъ, а не музыкальнымъ, чтò и слѣдуетъ на-

звать вполне цѣлесообразнымъ,—такъ какъ наибѣе дѣйствуетъ на внутреннее чувство чрезъ внѣшнее чувство слуха, а рѣчь дѣйствуетъ на то же внутреннее чувство чрезъ посредство другой, внутренней же силы—ума, чрезъ пониманіе.

Переходу къ изложенію мнѣній отечественныхъ ученыхъ объ изслѣдуемомъ предметѣ.

Господствующая нынѣ теорія народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія обязана своимъ происхожденіемъ Востокову, изложившему ее въ своей книгѣ: „Опытъ о русскомъ стихосложеніи“.

Употребляя греческіе стихотворные термины долготы и краткости, преимущественно въ ударяемыхъ или не ударяемыхъ слогахъ въ русскихъ словахъ, Востоковъ указываетъ, какъ на преобладающую въ русскихъ стихахъ мѣру, на пиррихій. „Они (стр. 94) изобилуютъ пиррихіемъ. Можно насчитать до десяти и болѣе видовъ русскаго размѣра, между которыми разность только въ количествѣ и порядкѣ стопъ (?), строеніе же оныхъ пиррихическое“.

Съ этимъ утвержденіемъ Востокова нельзя безусловно согласиться, потому что въ русскомъ языкѣ вовсе нѣтъ отдѣльныхъ словъ, которыя можно было бы подводить подъ размѣръ пиррихія, какіи *Ойі*, *бѣі*. Приводимыя Востоковымъ пере и наи нельзя собственно называть словами; это прикладныя частицы, отдѣльно неуотребляемыя, подобно латинской *ге* въ герато, или нѣмецкой *де* въ *beneshen*. Пиррихія, то-есть двух-сложныхъ словъ безъ ударенія (не греко-латинской метрией, состоящихъ изъ двухъ краткихъ слоговъ), вовсе нѣтъ въ русскомъ языкѣ точно также, какъ нѣтъ въ немъ и спондея, то-есть, ни одного такого слова, на которомъ стояло бы два ударенія рядомъ, какъ въ греко-латинскихъ стихахъ два долгие слога рядомъ: *ζῆτῶν, λαιδῶς*. И какъ подобіе спондея мы не можемъ указать въ своемъ языкѣ, развѣ только поставимъ рядомъ два односложныя слова, на примѣръ, у Востокова: азъ есмь: такъ и пиррихій можетъ указать, по словамъ самого Востокова, не иначе, какъ „отсѣвая отъ какаго либо слова нѣсколько слоговъ краткихъ“ (стр. 7). Олѣдовательно, русскому народному стиху преимущественно пиррихическое строеніе столь же мало свойственно, какъ и спондейное.

Во всемъ стихѣ“, продолжаетъ Востоковъ,—, слышимъ только два либо три долгие слога; проше всѣ, въ томъ числѣ обыкновенно послѣдніе два (иногда три) слога суть краткіе, такъ что стихъ оканчивается дактилемъ, либо трибрахіемъ. Снъ только стопы на концѣ остаются непремѣнными и образуютъ, такъ сказать, ритмическую

основу стиха, которыми прочія части, то-есть, начало и середина, не имѣютъ опредѣленнаго степасложенія. Но это не мѣшаетъ стихамъ быть равными, ибо мѣра ихъ состоитъ въ удареніяхъ, коихъ число не измѣняется“.

Принявъ удареніе (безъ означенія: какое) за основу русскаго народнаго стиха, Востоковъ тѣмъ самымъ устраняетъ только что принятое имъ предъ тѣмъ за основу стиха пиррихическое окончаніе стиха. Оно и дѣйствительно столь же мало можетъ служить основой, какъ одно начало, или одна середина стиха. Стихъ пѣсенный во всемъ своемъ составѣ долженъ имѣть соразмѣрный строй; иначе онъ не можетъ быть пропѣтъ, развѣ только речитативно, какъ поется у насъ церковная проза, гдѣ, какъ извѣстно, кромѣ заключительныхъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, не существуетъ тактнаго дѣленія. А извѣстно, что наши пѣсни поются не такъ, и въ каждой есть своя мелодія, состоящая изъ соразмѣрныхъ музыкальныхъ періодовъ, изъ которыхъ каждый по объему совершенно равенъ пѣсенному стиху и обыкновенно раздѣляется на два также соразмѣрныхъ музыкальныхъ волема, соответствующихъ полустипіямъ. Безъ соразмѣрности частей нѣтъ стиха, какъ нѣтъ мелодіи безъ ритма.

„Удареніе или сила“, продолжаетъ Востоковъ,—„есть повышеніе голоса въ каждомъ словѣ, на одномъ или на нѣсколькихъ слогахъ, рождающееся необходимо отъ переводимаго дыханія (?), при произнесеніи слова, и способствующее между тѣмъ внятности или явственному раздѣленію словъ въ произношеніи. Русскій языкъ имѣетъ въ каждомъ словѣ, сколь бы оно ни было многосложно, по одному только ударенію, то-есть, одинъ только слогъ повышается голосомъ, а прочіе всѣ произносятся съ равнымъ пониженіемъ... Другіе языки, напирмѣръ богемскій и нѣмецкій, имѣютъ и по два, и по три ударенія въ словѣ, однакоже въ неравной степени, ибо и у нихъ одно которое-нибудь удареніе сильнѣе или слышнѣе прочихъ, кои между нимъ главнымъ повышеніемъ и между совершеннымъ пониженіемъ голоса составляютъ средину. Слѣдовательно, слогуудареніе сихъ языковъ приемиетъ тройной переходъ голоса по лѣстницѣ тоновъ: высокій, средній и низкій; русское же слогуудареніе имѣетъ только два перехода—высокій и низкій,—разумѣется, въ отдѣльныхъ словахъ; ибо въ цѣлыхъ періодахъ или въ совокупленіяхъ словъ способенъ и русскій языкъ къ такому тройному переводу голоса ¹⁾. Слоги, повышаемые назы-

¹⁾ Это удареніе, значеніе котораго распространяется на цѣлое предложеніе называется у меня постоянно *риторическимъ*.

ваются у насъ долгими, а понижаемые краткими,—хотя и не свойственно бы такъ называть ихъ, ибо пониженіе голоса совсѣмъ не то, что протяженіе оного. Сего послѣдняго нѣтъ въ русскомъ языкѣ, а потому и нѣтъ у насъ собственно долгихъ слоговъ, каковы, напримѣръ, у Французовъ *mânes, art, zèle, jaune*; у Нѣмцевъ: *Aal, Föder, Lied, Söhn* и пр. Сія-то долгіе, по времени протяженія своего, содержатся въ краткимъ какъ 2:1. Напротивъ того, нижеслѣдующіе изъ тѣхъ же языковъ взятые и подобозвучные: *mâque, arme, sâl; alt, Vätter, litt, sbust*, не протягиваются подобно прежнимъ, а только повышаются голосомъ, такъ какъ и всѣ русскіе, такъ называемые долгіе слоги. Они столь же коротко (?) и скоро произносятся, какъ и прочіе слоги, на коихъ голосъ понижается, и которые слывутъ краткими“.

Это послѣднее утвержденіе, будто ударяемые слоги въ русскихъ словахъ также коротко и скоро произносятся, какъ слоги не ударяемые, совершенно невѣрно, и принято, по видимому, изъ слогочислительной версификаціи романскихъ языковъ, безъ провѣрки собственнымъ русскимъ слухомъ. Въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ доказано было, что съ перерожденіемъ древне-греческаго языка въ греко-византійскій, древне-латинскаго въ ново-латинскій, какъ и древне-верхне-нѣмецкаго въ средне-верхне-нѣмецкій, слоговая долгота перенесена въ нихъ съ окончаній на коренные, и слѣдовательно, большею частію ударяемые слоги. Этотъ переворотъ, совершившійся въ тѣхъ языкахъ на памяти исторіи, въ русскомъ языкѣ совершился въ незапамятное время; мы не знаемъ другихъ долгихъ слоговъ, кромѣ ударяемыхъ; а въ ударяемыхъ слогахъ протяжность слышна всякому, кромѣ развѣ не желающихъ слышать ея. Въ этомъ свойствѣ русскаго ударенія, совмѣщающаго въ себѣ, сверхъ повышенія голоса, также его протяженіе и усиленіе, въ этой энергичности ударенія и заключается существенное различіе русскаго произношенія отъ произношенія въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, гдѣ удареніе слабо и состоитъ только въ легкомъ повышеніи голоса, безъ его протяженія и усиленія. Говорить такъ весьма не въ нашемъ духѣ и называется тянуть канитель, при чемъ, какъ извѣстно, требуется совершенно ровное дѣйствіе, безъ малѣйшаго ускоренія или усиленія.

Перехода затѣмъ отъ ударенія, которое свойственно каждому слову, произносимому отдѣльно, и которое потому называется обыкновенно грамматическимъ, въ ударенію, которымъ въ ряду всѣхъ другихъ словъ предложенія отмѣчается одно какое-либо слово, сообразно намѣренію говорящаго, и которое мы здѣсь вездѣ называемъ ритори-

ческимъ, Востоковъ утверждаетъ, будто, за исключеніемъ того ударяемаго слѣга (стр. 99), прочія слова того же предложенія лишаются на ту пору своихъ удареній и произносятся всѣ съ равнымъ пониженіемъ голоса, на подобіе того, какъ бываетъ въ сложныхъ словахъ съ составными частями, изъ которыхъ только одна сохраняетъ свое удареніе: человѣколюбіе, выработать и пр.

И съ этимъ нельзя вполне согласиться, тѣмъ болѣе, что и самъ Востоковъ, какъ выше видно было, признаетъ въ русскомъ произношеніи цѣлыхъ періодовъ три перевода голоса: высой, средній и низкій; слѣдовательно, кромѣ главнаго, риторическаго ударенія допускаетъ два другія, ему подчиненныя, но возвышающіяся надъ остальными, грамматическими удареніями. И въ примѣрахъ, приводимыхъ Востоковымъ (стр. 99): „1) Пойдѣшь ли ты со мною? 2) Ты ли со мною пойдешь? 3) Со мною ли ты пойдешь?“ видно, что, кромѣ словъ, отмѣченныхъ въ каждомъ предложеніи, не безъ ударенія произносятся въ 1-мъ предложеніи слово мною, во 2-мъ оба послѣднія слова: мною пойдѣшь, въ 3-мъ: пойдѣшь. А если такъ, то совсѣмъ безъ ударенія произносятся въ тѣхъ предложеніяхъ лишь односложныя слова: ли, ты, со. Еще явственнѣе слышно по нѣскольку риторическихъ удареній въ каждомъ изъ приведенныхъ мною выше стиховъ народной пѣсни:

„Будешь ли, ревнивый мужь, пускатъ меня въ гостя?”

— Государыня, жена! Ступай хоть вовсе.

Видимъ, что, кромѣ риторическихъ удареній, въ первомъ стихѣ надъ словами ревнивый и въ гостя, подчиняющихся главному ударенію надъ словомъ будешь, и кромѣ риторическаго же ударенія во второмъ стихѣ надъ словомъ вовсе, подчиняющагося главному ударенію надъ словомъ государыня, и другія слова, не отмѣченныя риторически: меня, жена, ступай, все-таки сохраняютъ свои грамматическія ударенія и произносятся такъ, что легко отличить ударяемые въ нихъ слоги отъ неударяемыхъ. Такимъ образомъ въ простомъ предложеніи всѣ односложныя слова удерживаютъ свое грамматическое удареніе, хотя и подчиняющееся риторическому, которое

ставится на нарочито отличаеомъ словѣ. Можетъ встрѣтиться даже нѣсколько равносильныхъ риторическихъ удареній въ одномъ предложени; напริมѣръ: утромъ ты пойдешь со мною на базаръ, за мясомъ (а вечеромъ на рѣку купаться и на лодкѣ кататься). Въ сложныхъ же предложеніяхъ, какъ это видно на только что представленномъ примѣрѣ, каждое изъ главныхъ предложеній, если ихъ нѣсколько, удерживаетъ свое риторическое удареніе, или нѣсколько таковыхъ, въ совершенной равноправности съ другими главными; каждое придаточное предложеніе произносится также съ своимъ риторическимъ удареніемъ, хотя не столько выдающимся, какъ риторическое удареніе въ главномъ предложеніи. Наконецъ, даже всякое сочетаніе словъ въ рѣчи, не составляющихъ предложенія, но ограниченныхъ запятою, произносится не безъ особаго риторическаго ударенія. Слѣдовательно, риторическое удареніе ставится совершенно независимо отъ внѣшней звуковой стороны слова, но исключительно обусловливается смысломъ, всѣмъ содержаніемъ рѣчи, большею или меньшею важностію слова въ данномъ сочетаніи. Въ одномъ и томъ же предложеніи каждое слово, смотря по намѣренію говорящаго, можетъ получить риторическое удареніе и лишиться его. Въ доказательство употребимъ тотъ же примѣръ:

— Утромъ (а не вечеромъ) ты пойдешь со мною на базаръ.

— Утромъ ты (а на другой кто) пойдешь и пр.

— Утромъ ты пойдешь (а не поѣдешь) со мною и проч.

— Утромъ ты пойдешь со мною (а не съ сестрою) на базаръ.

— Утромъ ты пойдешь со мною на базаръ (а не въ театрѣ).

Можетъ ли быть положено въ основу пѣсеннаго стиха, складывающагося въ каждой пѣснѣ не иначе, какъ по однообразной и непрерывно соответствующей напѣвному ритму схемѣ, такое начало, которое отличается именно своею зыбкостію и непостоянствомъ? Не смотря на такую бѣглость риторическаго ударенія, Востоковъ считалъ возможнымъ урядочить его постановку въ стихахъ народной пѣсни такъ названными у него просодическими періодами, простымъ и сложнымъ или двойнымъ. „При одномъ слогѣ“, говорить

онъ,—„повышаемъ или съ удареніемъ, можно произнести не болѣе слоговъ понижаемыхъ или безъ ударенія, какъ сколько вынесетъ грудь человѣческая, не переводя дыханія. Въ реченіи ¹⁾):

сдѣла е м ся ли мы ко г да семь та ко вы хъ сло го в ѣ, и это го чис ла сло го в ѣ (се ми, мно го что во сь ми), ка жет ся, до воль но для объ ят но сти про со ди че с ка го пе ри о да. Но въ это м ѣ примѣ рѣ у да ре ніе сто итъ на пер во м ѣ сло гѣ; ко г да же слу ча ет ся оно въ сре ди нѣ или на кон цѣ

фра зы, на примѣ рѣ: Ко ль ско ро он и вам ѣ зна къ да дут ѣ, то для со блю де нія рав но вѣ сія, не об хо ди мо у ма ля ет ся чис ло пос лѣ дую щихъ о по му сло го в ѣ, по мѣ рѣ ум но же нія пред ы ду щихъ, а пе ри о дъ изъ оп ре дѣ лен на го чис ла се ми или во сь ми сло го в ѣ рѣ дко вы ступ а ет ѣ. Бо ль ше е се го чис ло сло го в ѣ на до бно уже про из но сит ѣ въ

д ва при е ма, или съ дву мя у да ре ні я ми; на примѣ рѣ Ты ли со мно ю по й де шь ту да?

Здѣ сь слы шно уже и вто рое, сла бѣ й ше е у да ре ніе на сло вѣ ту да. По до б ный пе ри о дъ про со ди че с кій, въ ко то ром ѣ, кро мѣ глав на го у да ве нія, слы шно еще дру гое, сла бѣ й ше е, на зо вем ѣ мы дво й ным ѣ или сло ж ным ѣ пе ри о дом ѣ. Е же ли глав ное у да ре ніе слы шом ѣ да ле ко от сто итъ от ѣ на ча ла „или от ѣ кон ца рѣ чи, то на до бно на пред ы ду щихъ или на пос лѣ дую щихъ се му у да ре нію сло га х ѣ: еще сле гда пе ре ве сти дух ѣ“ (стр. 101—103).

Об ыч но вен ным ѣ мѣ ст ом ѣ для глав на го у да ре нія Во сто ко в ѣ счи та ет ѣ пер вые сло ги рѣ чи, „по то му что для гру ди че ловѣ че с кой во об ще удо бнѣ спер ва по вы сит ѣ, по том ѣ уже по низ итъ го лос ѣ ²⁾. По сей то при чинѣ хо тя рус скій язы к ѣ из бо ли у ет ѣ ям ба ми и ана ста ма ми, бы ва ют ѣ сія мѣ ры слы шны то ль ко въ от дѣ лъ ныхъ сло ва х ѣ и еще раз вѣ въ са мыхъ ко рот кихъ фра за х ѣ; со во ку п ле ніе же мѣ с то лъ ныхъ сло в ѣ об ыч но вен но о за на чив а ет ся хо ре ем ѣ, да кти ле м ѣ, три бра хі ем ѣ и то му по до б ными мѣ ра ми. Про со ди че с кій пе ри о дъ, про сто й ли ко н ѣ или сло ж ный, лю бит ѣ окан чив а ть ся по низ же ні ем ѣ или от ды хо м ѣ го лос а“.

Здѣ сь все гдѣ го во рит ся смѣ шан но о гра ма ти че с ком ѣ и ре то

¹⁾ Приводятся подлинныя слова Востокова, но въ сокращеніи.

²⁾ Это проще объясняется обыкновенною инверсіей. Слово, держащее на себѣ риторическое удареніе, обыкновенно выдвигается къ началу предположенія, на примѣ рѣ: Честью отъ него ничего не добьешься.

рическомъ удареніяхъ. Первое, свойственное отдѣльнымъ словамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будто бы короткимъ фразамъ, Востоковъ находитъ въ изобиліи и на послѣднемъ слогѣ словъ (ямбъ, анапестъ), а второму, риторическому ударенію онъ указываетъ мѣсто на первыхъ слогахъ рѣчи, оканчивающейся будто бы всегда не ударяемыми слогами. Въ своемъ мѣстѣ приведено будетъ не мало примѣровъ ямбическаго окончанія народныхъ стиховъ. Теперь ограничимся замѣчаніемъ, что риторическое удареніе никогда не ставится на слогѣ, грамматически не ударяемомъ, и слѣдовательно, всегда совпадаетъ съ грамматическимъ, и совпадая съ грамматическимъ въ одномъ какомъ-либо словѣ предложенія (или, какъ выше было указано, въ нѣсколькихъ), оно вовсе не лишаетъ прочія слова ихъ грамматическихъ удареній, какъ полагалъ Востоковъ ¹⁾, а возвышаетъ только данное слово надъ прочими словами, которыя при этомъ, хотя не выдаются порознь, но и не сливаются въ одну безразличную массу звуковъ, а удерживаютъ свои грамматическія ударенія, тѣмъ болѣе, что эти послѣднія состоятъ отнюдь не въ одномъ повышеніи голоса, но также въ протяженіи его и усиленіи (въ различной степени громкости). Удареніе состоитъ не изъ одного, а изъ тѣхъ трехъ элементовъ, и въ разнообразіи употребленія каждаго изъ нихъ заключается достаточно средствъ отгнать всякое слово, сообразно съ его важностію въ рѣчи. При томъ же, если бы риторическое удареніе поглощало всѣ грамматическія въ рѣчи, вмѣстѣ одного, съ которымъ совпадаетъ, то, при постановкѣ его въ началѣ рѣчи, нельзя было бы различить, какъ это однако дѣлаетъ Востоковъ (стр. 104), хорей и дактили въ концѣ рѣчи, потому что хорей и дактиль узнаются вѣдь не иначе, какъ по мѣсту, занимаемому въ нихъ грамматическимъ удареніемъ. Что голосъ говорящаго къ исходу законченнаго предложенія опускается (если по риторическимъ соображеніямъ не потребуетъ обратное тому), такъ это дѣлается само собою и одинаково во всѣхъ языкахъ, потому что этимъ самымъ затиханіемъ голоса какъ бы наглядно означается заключеніе рѣчи. Преобладаніе у насъ въ концѣ рѣчи не ударяемыхъ слоговъ едва ли также можно считать нарочитымъ, потому

¹⁾ «Цѣлое предложеніе или періодъ пріемлетъ какъ бы за одно большое сложное слово, коего составныя части должны по законамъ единства періодическаго подчиняться одной главнѣйшей: а сіе не иначе произойти можетъ, какъ съ отпаденіемъ у насъ удареній, какъ признака изъ отдѣльности или независимости» (стр. 29).

что въ такомъ случаѣ часто встрѣчалась бы инверсія или искусственная разстановка словъ, къ которой народная рѣчь врядъ ли когда прибѣгаетъ единственно въ видахъ благозвучія. Проще всего это явленіе объясняется обиліемъ въ русскомъ языкѣ длинныхъ, многосложныхъ словъ, въ которыхъ обыкновенно удареніе не на концѣ приходится.

„На семь же самомъ прозодическомъ дѣйствіи“, говоритъ Востоковъ (стр. 103),—основана мѣра русскихъ стиховъ. Въ нихъ считаются не стопы, не слоги, а просодическіе періоды, то-есть, ударенія, по коимъ и должны размѣрять стихи старинныхъ русскихъ пѣсень. Мы опредѣлили объятность прозодическаго періода до 7-ми или 8-ми слоговъ ¹⁾, однакоже въ русскихъ стихахъ никогда онъ такъ великъ не бываетъ, а по самой большей мѣрѣ имѣетъ до шести слоговъ ²⁾, обыкновенно же по 4, по 3, нерѣдко и по два только слога, такъ что самый большой стихъ русскій, о трехъ удареніяхъ, имѣетъ рѣдко болѣе 13-ти слоговъ, и слѣдовательно, величиною будетъ съ шестистопный ямбическій. Стихъ же о двухъ удареніяхъ соотвѣтствуетъ четырехстопному. Кромѣ сихъ, есть еще короткіе стихи объ одномъ удареніи“.

И такъ, Востоковъ предлагаетъ измѣрять народные пѣсенные стихи удареніями, но какими? Грамматическими или риторическими? Конечно не грамматическими, потому что на такихъ строятся тоническія стопы, существованіе которыхъ Востоковъ совершенно справедливо отрицаетъ въ народномъ стихѣ. Стало быть, онъ строитъ пѣсенную рѣчь на удареніи риторическомъ, принимая риторически ударяемое слово какъ бы за центръ или за основу просодическаго періода, который, въ такомъ случаѣ, оказывается чуть ли не равнозначительнымъ предложенію, такъ какъ и на предложеніе можно, пожалуй, смотрѣть, какъ на совокупность словъ, которыхъ ударенія подчинены одному главному. Въ такомъ случаѣ Востокскіе стихи объ одномъ, о двухъ

¹⁾ Но Русскій человѣкъ съ здоровыми легкими можетъ произнести при одномъ риторическомъ удареніи хоть 20 слоговъ, напримеръ: Сдѣлае¹мся ли мы когда-нибудь такими умными людьми, какъ всѣ здѣшніе жители?» (26 слоговъ).

²⁾ Но вотъ примѣръ стиха съ 11-ю короткими слогами:

— — — — — — — — — — — — — — —
 . Вы лузьяхъ, вы лузьяхъ

— —
 Какъ и вы лузьяхъ, въ зеленыхъ лузьяхъ (bis).

и о трехъ удареніяхъ были бы не что иное, какъ строчки, вмѣщающія въ себѣ по одному, по два или по три предложенія. Но въ примѣрахъ, приводимыхъ Востоковымъ, видимъ совсѣмъ не то Въ пѣснѣ:

•Ты воспой, воспой,

Младъ жаворопочиѣ,

Сидючи весной

На проталинкѣ.

Востоковъ видитъ стихи объ одномъ удареніи; а между тѣмъ ни одинъ изъ обоихъ четныхъ стиховъ не содержитъ въ себѣ отдѣльнаго предложенія. И опять, если написать эти стихи такъ, чтобы они казались о двухъ удареніяхъ:

«Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ,

Сидючи весной на проталинкѣ»,

то въ каждомъ изъ нихъ окажется по два ударенія, но лишь по одному предложенію. Въ данномъ примѣрѣ второй и четвертый просодическіе періоды состоятъ лишь изъ двухъ словъ каждый; но, по Востокову, такой періодъ можетъ состоять даже только изъ двухъ слоговъ, значить, только изъ одного слова. Примѣровъ однословнаго періода у Востокова не приведено; но ихъ легко найти, потому что не рѣдки такіа предложенія, гдѣ почти равно важно каждое слово, и каждое произносится съ риторическимъ удареніемъ. Напримѣръ, „сдѣлаемся и мы людьми“; или пословицы: „только у молодца и золотца, что кусочекъ оловца“; „радъ дуракъ, желѣзце нашелъ; сталь найдеть, сума сойдетъ“. Обѣ пословицы имѣютъ видъ готовыхъ стиховъ, но въ каждомъ окажется просодическихъ періодовъ больше, чѣмъ сколько допускается ихъ у Востокова. Но какъ не можетъ лечь въ основаніе предложенія, такъ равно и стиха, такой зыбкій, непостоянный и случайный признакъ, каково риторическое удареніе, которое въ приведенномъ, напримѣръ, выше предложеніи: „Утромъ ты пойдешь со мною на базаръ“, состоящемъ изъ пяти словъ (считая только знаменательныя), можетъ стоять по очереди на каждомъ, ни разу не измѣнивъ общаго смысла и указывая только на случайную связь предложенія съ предыдущею или съ послѣдующею рѣчью, или

даже только съ подразумеваемою мыслью. Да риторическаго ударенія собственно вовсе нельзя и отнести къ просодіи, такъ какъ оно относится не къ грамматикѣ, а къ риторикѣ.

Говоря объ отличіи стиховъ пѣсенныхъ отъ повѣствовательныхъ Востоковъ совершенно справедливо приписываетъ сравнительную единослѣдность первыхъ тому обстоятельству, что они слагались подлѣ музыки. Здѣсь-то и есть истинное основаніе народнаго пѣсеннаго склада рѣчи.

По общему, единоголосному утверженію всѣхъ метристовъ, древнѣйшая, первобытная форма поэтической рѣчи была пѣсенная, основанная на напѣвѣ, на мелодіи. „Въ древности“, говоритъ Брамбахъ (Einleit., стр. 5),— „какъ и во всѣ времена, пѣніе является сочетаніемъ мелодическихъ и ритмическихъ предложеній или фразъ. Эти фразы у Грековъ такъ и назывались членами, *κῆλα* (русск. пѣсенное колѣно)¹⁾, которые заканчиваются поворотными или завершительными точками. При поворотныхъ точкахъ заканчивается одинъ отдѣлъ мелодіи и ритма, не удовлетворяя однако слуха, а заставляя ожидать чего-то дальша. Напротивъ того, завершительныя точки суть тѣ, при которыхъ слухъ остается вполне удовлетвореннымъ, какъ мелодіей, такъ и ритмомъ. Завершительною точкой или точкой успокоенія (*ἠαερσις*) заканчивается музыкальный періодъ, составленный изъ меньшихъ отдѣловъ или членовъ періода, соответствующихъ вышеупомянутымъ поворотнымъ точкамъ. Члены періода относятся между собою, какъ предыдущіе, посредствующіе и послѣдующіе члены грамматическаго періода... Члены (колѣна) греческой пѣсни такъ располагаются, что въ нихъ очевидно единство построенія. Единство это достигается тѣмъ, что или повторяются тождественныя члены, или приводятся въ связь нетождественныя, но родственныя по строенію и объему группы тактовъ. Повтореніе тождественныхъ членовъ есть самый простой и древнѣйшій способъ“ (стр. 78).

Въ послѣдней части этого труда мы увидимъ, что начертанный Брамбахомъ въ приведенныхъ словахъ способъ образованія формъ древнѣйшаго греческаго стиха на почвѣ народнаго пѣсеннаго какъ бы

¹⁾ Востоковъ также употребляетъ простонародный пѣсенный терминъ *колено*, но неправильно придаетъ ему значеніе цѣлаго музыкальнаго періода (стиха) или даже всей мелодіи (строфы): «Куплеты (стр. 127) или строфы въ пѣсняхъ всѣхъ народовъ образуются колѣнами пѣнья... Въ некоторыхъ русскихъ пѣсняхъ мелодическіе періоды или колѣна объемлютъ только по одному стиху».

повторился черта въ черту на русской народной рѣчи. Теперь же, возвратившись къ дальнѣйшему изложенію системы Востокова, увидимъ, что онъ самъ какъ бы призналъ удареніе риторическое за недостаточную основу стиха, призывавъ на помощь нѣкоторыя положенія тоническаго стихосложенія, основаннаго, какъ извѣстно, не на риторическомъ, а на грамматическомъ удареніи, и даже нѣкоторыя черты силлабическаго стихосложенія (счетъ слоговъ) „Русскіе пѣсенныя стихи“, говоритъ онъ, — „имѣютъ по ровну и въ одинаковомъ порядкѣ ударенія, и ежели бъ это всегда наблюдалось, то въ нихъ было бы правильное стопосложеніе, и можно было бы размѣрять ихъ по стопамъ (!). Но какъ порядковъ сей въ нихъ не всегда остается неизмѣннымъ, а только одно число удареній не измѣняется, то и должно размѣрять ихъ по удареніямъ или по періодамъ просодическимъ. Впрочемъ, для бѣльшаго различенія можно, ежели угодно (!), раздѣлить ихъ еще по мѣсту, на которомъ стоитъ въ нихъ послѣднее удареніе ¹⁾, то-есть, по окончаніямъ. Большая часть русскихъ пѣсенъ оканчивается дактилемъ, но нѣкоторые виды пѣсенныхъ стиховъ хореемъ оканчиваются, въ нихъ же опять удареніе на 4-мъ и на 5-мъ отъ конца, но на послѣднемъ слогѣ не бываетъ оно никогда“.

Но вотъ примѣры, доказывающіе совершенно противное:

«Какъ на горѣ на горѣ||распѣвалъ дѣвѣти алн;
Сорву, сорву алнѣ дѣвѣтъ||кого люблю здѣсь нѣтъ и т. д. до самаго конца пѣсни.

Или:

Какъ у нашихъ у воротъ...
Стоялъ дѣвокъ хороводъ...
Меня дѣвѣи кликала... и т. д. до конца пѣсни.

Или:

Ахъ Дуношка Юминна
По берегу ходила,
Чулочки вязала и т. д. до конца пѣсни.

Такихъ примѣровъ нашлось бы, можетъ быть, не одинъ десятокъ. Къ приведеннымъ примѣрамъ нельзя уже примѣнить поставленное Востоковымъ правило: „Ежели долгій, или съ удареніемъ слогъ и придется когда въ концѣ стиха, то онъ сокращается по законамъ періода просодическаго“. Конечныхъ ямбовъ здѣсь не только нельзя превратить

¹⁾ О риторическомъ ли удареніи здѣсь говорится, или о грамматическомъ? По видимому безразлично, между тѣмъ какъ основанія того или другаго совершенно различны. С. III.

въ хорехъ, а совершенно напротивъ, природные хорехъ превращены въ ямбы, конечно, не въ угоду просодической періодичности, а по требованію напѣвнаго ритма.

Разсмотримъ теперь приводимые Востоковымъ примѣры разнаго вида пѣсенныхъ размѣровъ.

„I. Стихи объ одномъ удареніи дактилическаго окончанія отъ 5 до 6 слоговъ:

Ты́ воспо́й, воспо́й (5 слоговъ)

Младъ́ жаворо́ночекъ (6 слоговъ)

Сидю́чи весно́й (5 слоговъ)

На прота́линикѣ́ (6 слоговъ)».

Четыре ли здѣсь короткіе стихи, или они должны были быть написаны въ видѣ двухъ длинныхъ, съ цезурою по срединѣ, какъ пишутъ нѣкоторые,—не могу рѣшить, не зная напѣва, который одинъ рѣшаетъ дѣленіе стиховъ, такъ какъ оно обыкновенно совпадаетъ съ дѣленіемъ мелодіи или напѣва на двѣ половины, изъ которыхъ одну можно назвать восходящею, а другую нисходящею. Но почему удареніе (здѣсь уже несомнѣнно реторическое) поставлено на первомъ воспо́й, а не на повторенномъ, какъ было бы, кажется, естественнѣе, такъ какъ прямою причиною повторенія слова служить предположеніе, что слово не дослышано, и слѣдовательно, въ другой разъ оно должно быть произнесено громче, то-есть, съ усиленнымъ (реторическимъ) удареніемъ?

Въ словѣ жавороночекъ ударенію, кажется, тоже естественнѣе стоять на пятомъ, чѣмъ на 3-мъ отъ конца слогѣ ¹⁾; въ третьемъ стихѣ слову весной реторическое удареніе не менѣе приличествуетъ, какъ и слову сидючі. Въ такомъ видѣ стихи будутъ мало похожи на дактилическіе:

Ты́ воспо́й, воспо́й,

Младъ́ жаворо́ночекъ,

Сидю́чи весно́й

На прота́линикѣ́.

¹⁾ При удвоенномъ ласкательномъ окончаніи, словъ, кажется, сохраняютъ окончаніе простыхъ уменьшительныхъ: поросёнокъ—поросёночекъ, жаворонокъ—жавороночекъ.

II. О полутора удареніяхъ дактилическаго или трибрахическаго окончанія отъ 7 до 9 слоговъ:

А́ мы́ про́со сѣ́яли,
Ой́ дидь́ и́ ладо́, сѣ́яли.

Или семисложные въ сочетаніи съ шестисложными:

Вострепѣнется соколъ
На дубу сидючи;
Какъ расплѣчется дѣвва,
Въ терему подь окномъ».

Въ первомъ примѣрѣ слова дидь и мы, принятыя за не ударяемыя, въ произношеніи имѣютъ однако такое же удареніе, какъ и со-сѣднія съ ними слова просо и ладо. Главное же или риторическое удареніе можетъ стоять на любомъ изъ трехъ словъ перваго стиха:

мы́ про́со сѣ́яли. Это совершенно зависитъ отъ намѣренія говорящаго, которое въ данномъ случаѣ съ совершенною ясностію обнаруживается въ возраженіи отвѣтнаго хора: „А мы́ про́со вы́топчемъ“. Выходить что по риторической важности въ стихѣ этомъ равно выдвигаются два слова ¹⁾, и въ немъ, слѣдовательно, два, а не полтора ударенія. Во второмъ примѣрѣ поставленное Востоковымъ на третьемъ отъ конца слогѣ удареніе въ словѣ вострепѣнется явно насильственное и придумано лишь подь ладо въ слову восплѣчется, чтобы вышло дактилическое окончаніе. Естественное же удареніе въ томъ словѣ на предпоследнемъ слогѣ встрепенется. Подобно тому Востоковъ видитъ трибрахическое окончаніе въ слѣдующихъ стихахъ семи-и осьми сложныхъ въ сочетаніи съ пяти-сложными:

Научить ли ты, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить?
Ты не улицей ходи,
Переулками.

¹⁾ Но слово *про́со* произносится безъ риторическаго ударенія. Зная напѣвъ этой пѣсни, я за вѣрное утверждаю, что въ такомъ видѣ стиховъ этихъ спѣть нельзя, а послѣднія слова (*сѣяли*) должны быть повторены, иначе обѣ половины мелодіи окажутся не оконченными. Потому-то и говорится: «изъ пѣсни слова не выгнешь». И стихи должны имѣть такой видъ:

А мы́ про́со сѣ́яли, сѣ́яли,
Ой́ дидь́ ладо́ сѣ́яли, сѣ́яли.

Между тѣмъ въ первомъ стихѣ, удареніе, если рѣчь идетъ о грамматическомъ, очевидно—на предпоследнемъ слогѣ; если же Востокъ говорить о риторическомъ удареніи, то и оно въ 1-мъ стихѣ тоже совсѣмъ не трибрахическое (то-есть, не на 4-мъ отъ конца слогѣ), а приходится на 6-мъ отъ конца слогѣ (научить). Во 2-мъ же стихѣ риторически равно важны всѣ три слова, и стало быть, въ немъ три риторическія ударенія:

Научить ли те, Ванюша (bis),
Какъ ко мнѣ ходитъ (bis).

III. Семисложные стихи о двухъ удареніяхъ дактилическаго окончанія:

Дитя мое, дитятко,
Дитя мое милое и пр.

Но почему эти стихи надобно произносить въ два ударенія, а не въ одно, такъ:

Дитя мое, дитятко,
Дитя мое милое!

Во второмъ же, приводимомъ у Востокова примѣрѣ четные стихи даже нѣтъ возможности произнести съ двумя удареніями:

Цѣли, цѣли цѣлители,
Да победимъ,
Любилъ меня милый другъ,
Да довинуть.

IV. О трехъ удареніяхъ или въ три періода просодическіе, отъ 6 до 13 слоговъ:

Выду на новыя сѣни,
Я на частыя переходы,
Я обогнусь о перья,
Я обогнусь соболями,
Вся обольюся слезами.

Въ этихъ стихахъ, пожалуй, можно находить по три ударенія, если скандовать ихъ не по риторическимъ удареніямъ, а какъ тоническіе, дактило-хорейческіе, основывающіеся на грамматическомъ удареніи:

Выду на | новыя | сѣни
Я на ча | сти пере | ходы..

Риторическихъ же удареній ужь никакъ нельзя насчитать болѣе двухъ въ каждомъ стихѣ.

$\begin{array}{c} \text{I} \qquad \qquad \qquad \text{I} \\ \text{Выду на новыя сѣни} \\ \qquad \qquad \qquad \text{I} \qquad \qquad \qquad \text{I} \\ \text{Я на часты переходы.} \end{array}$

Но всего удобнѣе, кажется произносить эти стихи съ однимъ удареніемъ, которое въ такомъ случаѣ будетъ падать на послѣднія слова стиховъ.

У Востокова есть попытка приурочить размѣръ стиховъ къ настроенію чувствъ: „Стихи трибрахического окончанія“, говоритъ онъ (стр. 125),— „о трехъ удареніяхъ, особливо, когда послѣднее удареніе на 5-мъ отъ конца слогѣ, каковое окончаніе можно бы собственно назвать тетрабрахическимъ (четверократнымъ), имѣютъ размѣръ чисто лирической и притомъ свойственный наиболѣе шумному, веселому или живому выраженію страстей, словомъ сказать, дифирамбамъ на русскую статью“. Въ числѣ примѣровъ приведена извѣстная пѣсня:

«Ивушка, ивушка зеленая мол!
 Что же ты, ивушка, не зелена стоишь?»

Но въ пѣснѣ этой ничего нѣтъ шумнаго и веселаго и ничего, похожаго на дифирамбъ, а напѣвъ ея довольно унылый, вполне соответствующій содержанію. Содержаніемъ служитъ грусть молодки, вышедшей за мужъ убѣгомъ, противъ воли родителей, изъ досады на нихъ за то, что они „младшую сестру прежде за мужъ отдадутъ“. То правда, что цыганскіе хоры, вообще не понимающіе русскихъ тихихъ пѣсенъ, выполняютъ ихъ иногда съ дикимъ бѣшенствомъ и тѣмъ искажаютъ ихъ до отвратительности. Такъ они исполняютъ и эту пѣсню съ постоянно ускоряющимся темпомъ, превращая ее подъ конецъ въ плясую.

Въ „общемъ заключеніи о гаданіи русскаго стиха“ (стр. 133) Востоковъ говоритъ: „Поелику размѣръ сей (то-есть, русскихъ народныхъ стиховъ) основанъ не на равносложности и не на порядкѣ стопъ, то и не составляетъ въ немъ разночисленность слоговъ и разномѣстность удареній существенной негладкости или разноголосицы. Вольность сія нерѣдко еще благоприятствуетъ непринужденному выраженію и языку чувствъ. Но тамъ, гдѣ она кажется неумѣстною и нарушаетъ гладкость стиха, должно винить въ томъ, конечно, не пѣснотворца, а изуственное преданіе, по произволу своему отнимающее или

прибавляющее слова въ пѣсняхъ, не могущее однако, при всѣхъ своевольствахъ своихъ, нарушить число удареній, неотъемлемой основы, на коей утверждается гармонія стиховъ русскихъ*.

На сколько это утверждение Востокова о свойствахъ народно-русскаго пѣсеннаго размѣра оправдывается подробнымъ разборомъ строения пѣсенныхъ стиховъ, выше было показано. Отвергая въ русскихъ народныхъ стихахъ присутствіе тоническихъ стопъ, основывающихся на грамматическомъ удареніи, онъ однако дѣлитъ стихи, именно по роду ихъ конечныхъ стопъ, на стихи съ дактилическимъ, хоренческимъ и трибрахическимъ окончаніемъ.

Не признавая также равносложности въ народныхъ стихахъ, Востоковъ однако вездѣ высчитываетъ въ нихъ слоги и выводитъ дѣленіе ихъ на семисложные, въ сочетаніи съ пяти или съ восьми-сложными и т. п., хотя и не объясняетъ причинъ таковой ихъ разносложности.

Полагая наконецъ въ основу русскаго стиха удареніе, конечно, риторическое (потому-что на грамматическомъ основываются тоническіе размѣры), но впрочемъ оставляя его безъ особаго названія, Востоковъ признаетъ однакожъ его разномѣстность и считаетъ достаточною основою строя стиховъ единственно равночисленность въ нихъ риторическихъ удареній. Но уже не говоря о томъ, что и равночисленность риторическихъ удареній, на которой Востоковъ такъ настаиваетъ (стр. 134), не вездѣ строго соблюдается, даже по его собственному счету (стр. 114), самый способъ нахождения и счета удареній остается совершенно произвольнымъ—по самой природѣ риторическаго ударенія, которое въ предложеніи можетъ ставиться на любомъ словѣ, безъ всякаго отношенія къ музыкальнымъ требованіямъ, а единственно по намѣренію говорящаго.

Наконецъ, еслибы стихъ строился на риторическихъ удареніяхъ, то разномѣстность ихъ въ стихѣ, долженствующемъ соотвѣтствовать данному напѣвному ритму, отнюдь не мыслима, потому что при каждомъ перемѣщеніи ударенія стихъ выбивался бы изъ своей ритмической еднѣи и не могъ бы быть пропѣтъ по данной мелодіи.

И такъ, придуманная Востоковымъ теорія просодическихъ періодовъ, принимающихъ къ риторическимъ удареніямъ, не въ состояніи объяснить особенностей склада народно-русской пѣсенной рѣчи уже по своей собственной несостоятельности, такъ какъ разномѣстность въ ней риторическихъ удареній, неминуемо нарушающая всякую послѣдовательность въ просодическихъ періодахъ, не можетъ быть по-

стоянно относима, по примѣру Востокова, къ недостаткамъ устного преданія: для устной литературы и не можетъ быть другаго источника, кромѣ устной передачи. Вѣрнѣе и проще равномѣтность риторическаго ударенія объясняется самымъ содержаніемъ рѣчи, требованіями смысла, не зависящими отъ условій благозвучія. Отстаиваемая Востоковымъ равночисленность удареній, при ихъ разномѣтности въ народныхъ стихахъ, не сдѣлаетъ ихъ способными въ пѣніи, если бы таковая равночисленность удареній и дѣйствительно существовала, между тѣмъ какъ она нерѣдко зависитъ отъ совершенно произвольныхъ толкованій.

Вообще складъ народно-русской пѣсенной рѣчи, по ея первобытной безыскусственности, подобно складу древнѣйшихъ греческихъ стиховъ, не можетъ быть объясняемъ независимо отъ музыкальнаго элемента, и потому слѣдовало показать, какими напѣвными свойствами соответствуютъ стихотворныя ударенія съ ихъ просодическими періодами, какъ укладываются стихи неравносложные, съ разномѣтными удареніями, въ одну и ту же мелодію. Но Востоковъ, хотя приписывалъ относительно большую единобръность пѣсенныхъ стиховъ именно ихъ пѣсенности, вовсе однако не коснулся соотношенія между музыкальною стороною пѣсенъ и ихъ стихосложеніемъ.

Послѣ Востокова, сколько мнѣ извѣстно, съ наибольшимъ подробностію и самостоятельностью писалъ о народно-русскомъ стихосложеніи В. Классовскій (Версификація. С.-Пб. 1863).

Стихомъ называетъ онъ (стр. 2) „опредѣленной длины строюку, спеціально благозвучную, вслѣдствіе присутствія въ ней ритма, или, что все равно, вслѣдствіе совмѣщенія въ ней слоговъ не только разнообразныхъ по отношенію къ удареніямъ¹⁾, но и повторяющихся въ томъ или другомъ видѣ единообразія“.

Подъ это опредѣленіе, очевидно, совсѣмъ не подходитъ стихъ количественный, и Классовскій какъ бы говоритъ здѣсь только о стихосложеніи тоническомъ, основывающемся, какъ извѣстно, на одне-

¹⁾ Мы уже знаемъ, что ритмъ и акцентуация отнюдь не все равно. Ритмъ собственно возможенъ лишь въ стихосложеніи, основанномъ на различіи протяжности гласныхъ, а не на ударяемости ихъ; но какъ выше я доказывалъ, что ударяемость слоговъ потому лишь легла въ основу тоническаго стихосложенія въ греко-византійскомъ, въ позднѣйшемъ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, что съ удареніемъ стала сливаться прежняя слоговая протяжность, то оставляю сдѣланное Классовскимъ опредѣленіе стиха безъ поправки, хотя, какъ увидимъ ниже, онъ не подозрѣвалъ слятія повышенія голоса съ протяженіемъ.

образной разстановкѣ удареній. Но какихъ удареній? Классовскій различаетъ троякое удареніе:

„а) Грамматическое, указывающее на сравнительно болѣшую напряженность (голоса) въ выговорѣ одного изъ слоговъ въ данномъ словѣ.

б) „Логическое, которымъ отмѣняется сравнительная важность одного слова или одного предложенія (!) передъ другими словами или предложеніями“.

Такого рода удареніе отличалось бы отъ называемаго нами реторическимъ лишь тѣмъ, что послѣднимъ отмѣчается одно слово, въ ряду другихъ словъ того же предложенія, а первое ставится будто бы на предложеніи, въ ряду другихъ находящихся въ связи съ нимъ предложеній. Но какъ представить себѣ удареніе не на одномъ словѣ, а на цѣломъ предложеніи, слѣдовательно, на нѣсколькихъ словахъ вдругъ? Въ приводимомъ у Классовскаго примѣрѣ: завтра, я думаю, онъ уѣдетъ, главное предложеніе, конечно, отличается отъ вводнаго (я думаю) и въ произношеніи; но чѣмъ? двухкратнымъ перерывомъ голоса (преинаніемъ), передъ вводными словами и послѣ нихъ; а кромѣ того вводное предложеніе отмѣняется ускореннымъ и нѣсколько пониженнымъ выговоромъ. Главное же предложеніе выговаривается здѣсь совершенно такъ, какъ оно выговаривалось бы, еслибы не прерывалось вводнымъ. Конечно, можно и слѣдуетъ главное предложеніе, если оно не разъ прервано или обставлено нѣсколькими придаточными, произносить громче, чѣмъ эти послѣднія; но развѣ можно громкое произнесеніе цѣлаго ряда словъ назвать удареніемъ? Удареніе есть только кратковременное повышеніе голоса, а не цѣлое голосоведеніе, и таково именно свойство ударенія, какъ грамматическаго, такъ и реторическаго. Въ данномъ примѣрѣ реторическое удареніе въ главномъ предложеніи можетъ быть поставлено попеременно на каждомъ изъ составляющихъ его трехъ словъ, смотря по намѣренію говорящаго, то-есть, согласно съ общимъ смысломъ предшествующей или послѣдующей рѣчи: Завтра (уже) онъ уѣдетъ.

Завтра онъ (а не другой кто) уѣдетъ. Завтра онъ уѣдетъ (его здѣсь уже не будетъ). Очевидно, реторическое удареніе, гдѣ оно ставится, тамъ неперемѣнно совпадаетъ съ грамматическимъ и употребляется только въ связной рѣчи, въ предложеніи. Напротивъ того, по мнѣнію Классовскаго, такъ названное имъ логическое удареніе

„падаетъ иногда не только на слова, сами по себѣ незначительныя (логическое удареніе на незначительныхъ логически словахъ), каковы вообще, напримѣръ, служебныя части рѣчи, но даже на отдѣльные слоги словъ, напримѣръ: Дѣлать-то онъ дѣлаетъ, да все какъ-то не додѣлываетъ. Логическое удареніе привязано здѣсь къ различію составныхъ звуковъ въ употребленныхъ глаголахъ¹. Какихъ же звуковъ? Различіе звуковъ глагола додѣлываетъ отъ глагола дѣлаетъ состоитъ въ прибавочныхъ слогахъ: до, въ началѣ и ѣв, предъ окончаніемъ; но удареніе къ этимъ прибавочнымъ слогамъ вовсе не „привязано“, то-есть, не переходитъ ни на до, ни на ѣв, а остается на томъ же коренномъ слогѣ дѣ: дѣлаетъ, додѣлываетъ. Такимъ образомъ названіе риторическое болѣе прилично упоминаемому ударенію, нежели логическое.

в) Удареніе третьяго рода Клавовскій называетъ стихотворнымъ, именно „когда имъ обуславливается ритмъ“. И въ этомъ состоитъ все опредѣленіе, которое даетъ ему Клавовскій въ этомъ мѣстѣ. Но какъ этими словами нисколько не опредѣляется свойство стихотворнаго ударенія, то мы совокупимъ все, что говорится въ другихъ мѣстахъ сочиненія Клавовскаго о свойствахъ и постановкѣ такъ называемаго у него стихотворнаго ударенія.

Ислагая стопочислительную или латинскую версификацію, Клавовскій (стр. 8) говоритъ: „Стопы сами по себѣ, то-есть, на сколько онѣ состоятъ изъ долгихъ и краткихъ слоговъ, составляютъ только такъ называемый метръ¹); но одно ихъ присутствіе не образуетъ собою стиха. Для того, чтобъ изъ даннаго метра вышелъ стихъ, какъ спеціально благозвучная строка, нужно въ стопахъ повышать и понижать голосъ²). Только отъ перелива вышней и пониженій

¹) Словомъ *метръ*, какъ въ первой статьѣ этого сочиненія объяснено, въ древнихъ теоріяхъ версификаціи означаютъ былъ иногда *стихъ*, иногда *полустихіе* или *вогъно*, но также и вообще количественный складъ поэтической рѣчи. Нынѣ же нѣкоторые употребляютъ это слово синонимомъ слова *размѣръ*.

III. С.

²) Не только не нужно, но и не должно, такъ какъ теперь всѣми признано доказанное, что древніе не повышали никтоваго слога тамъ, гдѣ на немъ не было грамматическаго ударенія, а слогъ, на которомъ стоитъ грамматическое удареніе, произносился съ повышеніемъ, хотя бы онъ былъ и не никовый. Только у Нимцевъ и у насъ, вслѣдствіе слиянія въ нашихъ языкахъ протяжности съ повышеніемъ, образовалась дурная привычка повышать неударяемые никовые слоги и въ греко-латинскихъ стихахъ.

С. III.

голоса образуется ритмъ ¹⁾, въ котораго стихъ не возможенъ. Эти повышенія голоса называются ударами (ictus), или метрическими акцентами. Слогъ, стоящій подъ метрическимъ акцентомъ называется подъемомъ ²⁾ (ἀρσις отъ ἀρσῶ поднимаю), а не имѣющій на себѣ этого акцента — пониженіемъ или положеніемъ (θέσις отъ τίθημι кладу) ³⁾.

Но какіе же слоги въ стихѣ отмѣчаются этимъ, новаго рода, удареніемъ (стихотворнымъ), и по какимъ правиламъ происходитъ постановка его, — этого Класовскій не объясняетъ, давая только понять, что стихотворное удареніе отличается какъ отъ грамматическаго, такъ и отъ другаго, названнаго у него логическимъ (реторическимъ).

„Этого стихотворнаго акцента“, говоритъ онъ (стр. 8), — „связаннаго съ арсисомъ, отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ удареніемъ, какого держались Греки и Римляне въ разговорномъ, прозаическомъ языкѣ. При чтеніи стиховъ, арсисъ и тезисъ идутъ у нихъ совершенно независимо отъ прозаическаго разговорнаго ударенія; даже частое нарушеніе послѣдняго, нѣтъ угожденія первому, считалось условіемъ достоинства въ стихахъ“.

Но ни Греки, ни Римляне, какъ теперь доказано, грамматическаго ударенія, при чтеніи стиховъ, никогда не нарушали, то-есть, всегда его выполняли, хотя и непостижимымъ для насъ и для Нѣмцевъ образомъ, а мы, вслѣдъ за Нѣмцами, дѣлая неправильно удареніе на иктовыхъ, не ударяемыхъ грамматически слогахъ, уже не умѣемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выполнить удареній грамматическихъ и не выполняемъ ихъ. Слѣдовательно, столкновенія грамматическихъ удареній съ иктами никакого не бываетъ, потому что нѣтъ не есть удареніе или повышеніе голоса, а только выбиваніе такта пальцемъ (ictus digitorum),

¹⁾ Ритмомъ, какъ объяснено было въ своемъ мѣстѣ, называется собственно музыкальный размѣръ пѣнья; но какъ термины музыкальнаго дѣленія перенесены на дѣленія пѣсенной рѣчи или на метръ; то нѣкоторые стали смѣшанно употреблять ритмъ и метръ, ритмическій и метрический.

²⁾ Ἀρσις дѣйствительно означаетъ подъемъ только не голоса, а подъемъ ноги, или руки, или пальца, дѣлаемый для того, чтобы затѣмъ можно было снова опустить ту, или другую, или палецъ и сдѣлать тонъ ногою, махъ внизъ рукою или ударъ пальцемъ, въ знакъ наступленія (новаго) такта. Термины арсисъ и тезисъ здѣсь перемѣшаны: икъ падаетъ не на арсисъ, а на тезисъ. Метрическимъ акцентомъ икъ названъ лишь по недоразумѣнію, вслѣдствіе того, что Нѣмцы (а съ ними и мы) не умѣютъ иначе выполнить иктовый слогъ, какъ дѣлая надъ нимъ удареніе, чего не дѣлали ни Греки, ни Римляне, если иктовый слогъ не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и грамматически ударяемымъ.

топомъ ноги, или махомъ внизъ руки. Слѣдовательно, въ количественномъ стихосложеніи вовсе не было особаго стихотворнаго, то-есть, искусственнаго ударенія, и такъ называемый метрическій акцентъ есть только фикція, обязанная своимъ происхожденіемъ нѣмецкому (и вѣстѣ нашему) способу чтенія греко-латинскихъ стиховъ, способу, который теперь хотя и признанъ неправильнымъ, но отъ котораго ни Нѣмцамъ, ни намъ отстать невозможно, по свойству нѣмецкаго и русскаго языковъ, въ которыхъ слоговая протяжность перенесена на ударенія и слилась съ ними, такъ что повышаемый (удареніемъ) слогъ мы непремѣнно протягиваемъ, а стало быть, и протягиваемый непремѣнно повышаемъ, а затѣмъ уже не выполняемъ дѣйствительныхъ грамматическихъ удареній, гдѣ они не сходятся съ нѣтами.

Но не находить ли Классовскій это особое стихотворное удареніе въ стихосложеніи, обыкновенно называемомъ тоическимъ, а у него тоико-метрическимъ? Оно строится, какъ извѣстно, на удареніи грамматическомъ, слѣдовательно, естественномъ, то-есть, свойственномъ каждому односложному отдѣльно произносимому слову и каждому не односложному въ связной рѣчи. Эта естественность удареній нарушается въ литературныхъ стихахъ нашихъ на столько, что неударяемые слоги иногда принимаются за ударяемые; говорю: принимаются, то-есть, только въ теоріи считаются ударяемыми, а въ самомъ произношеніи стиховъ, надъ этими слогами вовсе не слышно ударенія.

„Въ отношеніи къ ударяемымъ и къ неударяемымъ слогамъ“, говоритъ Классовскій (стр. 63),— „у насъ держатся, высказаннаго еще Ломоносовымъ, слѣдующаго правила: односложныя слова принимаются то за ударяемыя, то за неударяемыя, смотря по надобности; напри- мѣръ у Пушкина:

Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ...

И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

„Сюда же примыкаетъ присвоеніе ударенія неударяемымъ слогамъ:

Цыгана дикаго разказъ...

Тянетъ медленно другой.

„Это искусственное, придуманное стихотворцами удареніе, и потому удареніе только воображаемое и нисколько не слышимое въ про-

интонаціи даже стиховъ, пожалуй, можно бы назвать удареніемъ стихотворнымъ¹⁾.

„Если этого стихотворнаго, воображаемаго, но не слышнаго ударенія нѣтъ возможности смѣшать съ удареніемъ грамматическимъ, какъ живымъ и дѣйствительнымъ, то тѣмъ менѣе оно можетъ имѣть что-либо общее съ удареніемъ рѣторическимъ, также живымъ и дѣйствительнымъ, такъ какъ оно состоитъ въ особенномъ усиленіи одного изъ дѣйствительныхъ грамматическихъ удареній.

Но у Классовскаго встрѣчается еще разъ стихотворное удареніе тамъ, гдѣ онъ строитъ на немъ русское народное стихосложеніе: „Если, для достиженія стихотворной музыкальности“, говоритъ онъ (стр. 39 и сл.), — „преобладающее значеніе дать повышеніямъ голоса въ тѣхъ слогахъ, которые имѣютъ на себѣ стихотворное удареніе, то ритмъ, происходящій отъ увеличенной такимъ образомъ важности стихотворнаго ударенія, называется тоническимъ. Эта версификація самая естественная (!) и по преимуществу музыкальная (!), свойственна русскимъ народнымъ стихотвореніямъ.

«Голова ль ты моя, голбвухка,
Голова ль ты моя, послушная!
Послужила ты, моя голбвухка,
Ровно тридцать лѣтъ и три года».

„Стихотворный ритмъ видимо держится здѣсь повышеніями голоса, до того выдвигаящими нѣкоторые слоги, что при этомъ подавляется (!) выговоръ не только другихъ слоговъ, но даже цѣлыхъ словъ“.

Рѣчь идетъ здѣсь о стихотворномъ удареніи, но стихотворныхъ удареній мы видѣли не одно, а два, и оба оказались только фикціями въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они расходятся съ живыми грамматическими удареніями. Въ приведенныхъ же Классовскимъ народныхъ стихахъ удареніе выставлено вездѣ согласно съ грамматическимъ. Мало того, Классовскій находитъ, что этому ударенію въ народныхъ стихахъ дается преобладающее значеніе, что важность этого ударенія нарочито увеличена, именно ударяемые слоги на столько выдвинуты повышеніями голоса, что прочіе слоги и даже цѣлыя слова подавляются. Вслѣдъ за тѣмъ Классовскій прямо называетъ это удареніе тоническимъ¹⁾ и приравниваетъ его, съ нѣкото-

¹⁾ Да удареніе и не можетъ быть инымъ, какъ тоническимъ: по гречески удареніе и называется, вѣдь, τόπος.

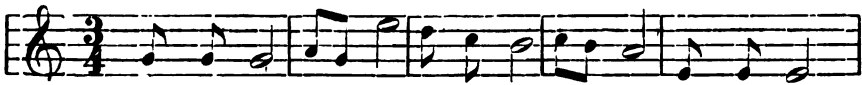
рими отмѣнами, въ такъ называемому у него логическому ударенію: „Тоническое удареніе (стр. 41) большею частью совпадаетъ въ нашихъ народныхъ стихахъ съ логическимъ, но не всегда, на примѣръ:

- а) Ахъ ты, солнце, ты солнце красное!
Ты къ чему рано за лѣсъ кѣтнисья?..
- б) Ужь какъ палъ туманъ на синѣ море,
А злодѣй-тоска въ ретивѣ сердце...
- в) Ты рябинушка, ты кудрявая!
Ты когда взошла, когда выросла?..

Если въ примѣрѣхъ подѣ литерою *а* ударенія тоническія совпадаютъ съ логическими, то никакъ нельзя того же приписать и примѣру подѣ литерою *б*; именно: передѣлавъ, для доказательства нашего замѣчанія, стихи въ прозаическую рѣчь, нисколько, разумѣется, не нарушая ни мысли ихъ, ни ея оттѣнковъ, получимъ: на ретивое сердце пала злая тоска, какъ (или „когда“) туманъ палъ на синѣ море. Очевидно, здѣсь логическому ударенію законное мѣсто на словахъ, взаимно противопоставляющихся (сердце—море, тоска—туманъ), а не на эпитетахъ, которые, какъ показываетъ контекстъ, не играютъ здѣсь видной роли въ предложеніи. Сравнительная незначительность въ фразѣ глагола палъ, а слѣдовательно, и отсутствіе на немъ логическаго ударенія видны ужъ и изъ того, что онъ подвергся элипсису при второмъ подлежащемъ (при злодѣй-тоска только подразумѣвается этотъ глаголъ), а между тѣмъ на этомъ глаголѣ поставлено удареніе стихотворное. Наконецъ, второй стихъ въ примѣрѣхъ подѣ литерою *в*, показываетъ опять несопаденіе ударенія стихотворнаго съ логическимъ. Что-нибудь изъ двухъ: или тутъ имѣется въ виду время, и въ такомъ случаѣ логическое удареніе должно стоять на обоихъ когда, или тутъ взаимно противопоставляются только глаголы взойти и вырости, и въ такомъ случаѣ логическое удареніе (совпадающее, положимъ, съ грамматическимъ въ выросла) должно достаться глаголу взойла, а не нарѣчію времени.

Источникъ всѣхъ этихъ недоумѣній Классовскаго заключается въ неудачности названія того ударенія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, логическимъ. Логическимъ удареніемъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ и быть не можетъ, потому что нельзя поставить ударенія надъ цѣлымъ рядомъ словъ, и еслибы такія ударенія ставились, то ставились бы постоянно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ,

то-есть, на главныхъ членахъ сужденія ¹⁾. А между тѣмъ отличительное свойство упоминаемаго ударенія есть его непостоянство, нагибчивость, случайность. Оно не ставится постоянно на важнѣйшемъ членѣ предложенія, а ставится на томъ словѣ, которое получаетъ случайную важность, по соответствію съ особымъ нагнбреніемъ, или даже съ настроеніемъ говорящаго,—на томъ словѣ, которое мы, такъ сказать, голосомъ подчеркиваемъ. Этихъ удареній, которое мы, кажется, по праву, называемъ риторическимъ, какъ уже выше показано, можетъ быть попеременно отмѣчаемо каждое изъ словъ (или нѣсколько таковыхъ,—въ такомъ случаѣ — нѣсколькими удареніями), входящихъ въ составъ предложенія, что и видно было въ примѣрѣ: Утромъ ты пойдешь со мною на базаръ. И такъ, сомнѣнія Класовскаго относительно постановки ударенія во второмъ примѣрѣ разрѣшаются тѣмъ, что въ этихъ стихахъ нѣтъ ни логическихъ, ни стихотворныхъ (какъ вообще не существующихъ) удареній, а есть и соблюдаются ударенія грамматическія и риторическія, то-есть, тѣ же самыя, какія бывають всегда и въ прозѣ. Складъ пѣсенной рѣчи главнѣйше опредѣляется нагнбвомъ; нагнбвъ же этой пѣсни, сколько я его припоминаю, встрѣчая въ печати дѣтъ 30 тому назадъ, приближительно таковъ:

Ужъ какъ палъ ту-манъ на си-не мо - ре а зло-дѣй

тос-ка въ ре - ти - во серд - це.

Въ ритмической схемѣ стихъ этотъ получаетъ слѣдующій видъ:

Ужъ какъ палъ | ту-манъ | на си-не | море, |
 А злодѣй | тоска въ ре | тиво | сердце. |

Очевидно, что, если слоги, выполняемые въ пѣніи съ наибольшою протяжностію, при чтеніи риторически ударяемы, то такихъ удареній

¹⁾ Въ предложеніи такимъ удареніямъ, еслибъ они существовали, пришлось бы всегда стоять на главныхъ его членахъ, то-есть, на подлежащемъ и сказуемомъ, и слѣдовало бы называться ужъ синтаксическими.

въ каждомъ стихѣ не по два, какъ у Классовскаго, а по три, или пожалуй, по четыре. Почему столько, и почему не на тѣхъ словахъ, которыя рекомендуетъ Классовскій,—то распредѣленіе протяженій въ напѣвѣ, какъ и риторическихъ удареній въ текстѣ зависятъ отъ движеній чувства, въ которыхъ отъ пѣснеслагателя, бывшаго съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, и творцемъ напѣва, отчета требовать нельзя.

И такъ, Востоковъ, предлагавшій въ основу русскихъ народныхъ стиховъ риторическое удареніе, а за нимъ Классовскій, давшій этому самому ударенію названіе стихотворнаго, были введены въ заблужденіе самимъ произношеніемъ этихъ стиховъ. Народные стихи дѣйствительно, при чтеніи, не могутъ быть иначе произнесены, какъ соблюденіемъ риторическихъ удареній, которыхъ въ одной и той же пѣснѣ приблизительно бываетъ поровну въ каждомъ стихѣ, потому что въ этомъ и состоитъ отличительный признакъ неискusstvenный пѣсенной рѣчи, что стихи въ ней большею частію равны по самому объему содержанія своего, слѣдовательно, и по числу входящихъ въ нихъ предложеній (или частей ихъ), произносимыхъ каждое со своимъ особымъ риторическимъ удареніемъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что стихи эти и строятся на риторическихъ удареніяхъ, а слѣдуетъ только, что они произносятся съ соблюденіемъ такихъ удареній, такъ какъ соблюденіе ихъ равно обязательно и при осмысленномъ чтеніи прозы, и при декламациі тоническихъ стиховъ. Такъ, стихи Пушкина:

Какъ нынѣ собираетсѣ вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хазарамъ.

произносятся не иначе, какъ съ соблюденіемъ примѣрно вставленныхъ риторическихъ удареній; но иной декламаторъ можетъ, пожалуй, отгѣнить риторическими же удареніями (менѣе сильными) и другія слова въ тѣхъ же самыхъ стихахъ, напримѣръ, нынѣ и неразумнымъ, и имѣлъ бы на то право; а иной, съ не меньшимъ же правомъ, удовольствовался бы однимъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ каждаго стиха. Равнымъ образомъ слѣдующіе два стиха:

Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ
Обрежь онъ мечамъ и пожарамъ

могутъ быть произнесены и съ двумя удареніями каждый, какъ написано, и съ тремя, если отгѣнить удареніями слова села и обрежь.

Такиъ образомъ, реторическое удареніе, хотя и составляетъ условіе осмысленнаго пронашенія всякихъ стиховъ и прозы, не можетъ однако служить основой ни прозы, ни какъхъ бы то ни было стиховъ.

Затѣмъ слѣдуемъ у Классовскаго разнобразнѣйшія раздѣленія русскихъ народныхъ стиховъ: а) по числу удареній, б) по началу не ударяемыхъ словъ между двумя ударяемыми, в) по мѣсту перваго ударенія, считая слогъ отъ начала стиха, г) по мѣсту ударенія отъ конца стиха. Въ примѣры идутъ безразлично не только пѣсенные стихи и былинныя, но даже послесловія и новоборья, которыя, конечно, не имѣютъ напѣвовъ и не по напѣвнымъ требованіямъ складывались. Ни одна пѣсня не приводится вполне, такъ, чтобы можно было видѣть постоянное и полное на ней оправданіе постановленнаго правила, а приводятся подходящія (по мнѣнію автора) къ правилу стихи; но два или нѣсколько больше или равныхъ пѣсень. При этомъ остается подъ сомнѣніемъ, подходят ли остальные стихи тѣмъ же мѣстамъ подъ данный размѣръ. Кроме того, вычисленные четыре основныя дѣленія стиховъ излагаются у Классовскаго безъ всякой связи и соотношенія между собой, такъ что не имѣемъ возможности установить извѣстнаго количества опредѣленныхъ и постоянныхъ стихотворныхъ типовъ, кромѣ развѣ стиховъ одноударныхъ (объ одномъ удареніи), двухударныхъ и т. д., также однако весьма неустойчивыхъ по знанію реторическаго ударенія, на которомъ предположалось основать ихъ.

Послѣ разсмотрѣннаго предъ симъ сочиненія Классовскаго теорія русскаго народнаго стихосложенія, сколько мнѣ извѣстно, не была болѣе никѣмъ самостоятельно разрабатываема. Но крайней мѣрѣ въ появившейся въ самое послѣднее время стилистикѣ В. А. Лебедева (Филологическія Записки 1877 г., выпуски 5 и 6, стр. 59) повторяется теорія Классовскаго, отчасти даже съ тѣми самыми примѣрами.

Этимъ заканчиваю историко-литературный отдѣлъ, предпосланный подлежащему труду о народно-русскомъ пѣсенномъ стихосложеніи съ цѣлію очистить и указать ему подобающее мѣсто въ ряду другихъ стихосложеній, извѣстныхъ въ европейскихъ литературахъ. Разсмотрѣны съ точки зрѣнія склада народно-русскаго пѣсеннаго главнѣйшія основанія стихосложенія слогочислительнаго, количественнаго и тоническаго ¹⁾. Вообще въ стихосложеніяхъ этихъ господствуютъ два

¹⁾ О первомъ, въ древнѣйшемъ его видѣ (Зендавестъ и ведахъ), заключенія

основныя начала, по своей искусственности равно чуждыя складу народно-русской пѣсенной рѣчи, а именно—или въѣшняя равнообъемность, или внутренняя (условная) единобѣрность. Первая наблюдается въ слогочислительномъ стихосложеніи, основывающемся на неудобовыятой для слуха равночисленности слоговъ въ рѣчующихъ стихахъ; внутренняя же единобѣрность выражается въ количественномъ и въ составившемся по образцу его тоническомъ стихосложеніи тактвымъ построеніемъ, принятымъ въ уподобленіе музыкальному складу, примѣнимому къ живой рѣчи только тѣми сторонами, которыя отразились и въ народно-русской пѣсенной рѣчи (дѣленіемъ на строфы, періоды, волѣна). Затѣмъ народная пѣсенная рѣчь наша является свободною какъ отъ силлабической шуровки, такъ и отъ искусственныхъ узъ мнимотактнаго построенія. Очевидная своеобразность ея склада навела нѣкоторыхъ изъ отечественныхъ нашихъ ученыхъ на мысль искать основъ его въ риторическомъ, а также въ стихотворномъ (оказывающемся призрачнымъ) удареніи, а поэтовъ писать, по ихъ указанію, подражанія народнымъ пѣснямъ, мало на нихъ похожія по невѣрности самаго основанія. Истинной основы строя своеобразной русской народной пѣсенной рѣчи слѣдуетъ искать тамъ же, гдѣ найдена основа и древне-греческой: это—пѣсенныя напѣвы, исходя отъ которыхъ Греки изобрѣли все разнообразіе своихъ метровъ, и которыхъ отношеніе къ народно-русскому стихосложенію, сколько мнѣ извѣстно, еще никѣмъ не было подвергаемо обстоятельному изслѣдованію.

могли быть только гадательными, по причинѣ утраты напѣвовъ и по неизвѣстности просодіи и акцентуаціи подлежащихъ языковъ.

С. Шафрановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О НѢКОТОРЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ И ПО СЛАВЯНСКИ ПИСАННЫХЪ РУКОПИСЯХЪ, ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ЛОНДОНѢ И ОКСФОРДѢ ¹⁾.

II.

Глаголическая рукопись Бодлеевой библиотеки.

Во время занятій моихъ въ Оксфордѣ, вмѣстѣ съ затребованными мною греческими рукописями, была однажды принесена рукопись глаголическаго письма. Занятый совершенно другими вопросами, я отложилъ эту рукопись въ сторону и едва ли бы обратился къ ближайшему съ нею ознакомленію, еслибы помощникъ бібліотекаря, г. Ньюбауеръ, не попросилъ меня черезъ нѣсколько времени сказать ему, что это за рукопись. „Не зная ея содержанія“, прибавилъ онъ, —, мы до сихъ поръ еще не могли внести ее въ каталогъ. Постоянно пользуясь весьма предупредительнымъ вниманіемъ чиновниковъ бібліотеки, я далъ слово г. Ньюбауеру познакомиться съ рукописью и сообщить ему результатъ своихъ наблюденій. Не располагая въ Оксфордѣ всѣми необходимыми средствами для изученія вопроса о глаголической литературѣ, я могъ сказать тогда весьма немногое о рукописи, именно, что это написанный глаголическими знаками „Миссалъ по закону римскаго двора“; но былъ ли описанъ или издавъ этотъ памятникъ, равно какъ къ какому времени относится происхожденіе его, этого я не могъ сказать въ Оксфордѣ; времени же написанія рукописи не знаю и теперь.

По возвращеніи изъ Оксфорда въ Лондонъ, я навелъ нужныя

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

Слѣдующіе исправить одно недоразумѣніе, относящееся къ началу этой статьи. На стр. 21, строка 8 (*Ж. М. Н. Пр.*, сентябрь 1878 г.) г. Иначеъ разумѣеть тѣ же родственныя отношенія, о которыхъ мы говоримъ. *Θ. У.*

справки въ Британскомъ музеѣ и сообщили боѣе подробныя свѣдѣнія объ этой рукописи въ письмѣ на имя бібліотекаря Bodleian Library. Нѣсколько данныхъ изъ моего письма напечатано въ The Athenaeum № 2602, Sept. 8. 1877 стр. 310.

Занимающая насъ глаголическая рукопись писана въ два столбца форматъ ея четвертка, состоитъ она изъ 238 лл. На корешкѣ переплета отчеканено: Messale in ling. schlav. DA. Gerolom. Cod. Membran. 349. Заглавія статей, равно какъ заставныя буквы, писаны киноварью, по мѣстамъ встрѣчаются золотомъ расписанныя буквы. Написана рукопись однимъ почеркомъ на прекрасномъ пергаменѣ и сохранилась весьма хорошо. Листъ 147-й разорванъ сверху до низу и шитъ шелковой ниткой. Текстъ начинается на оборотѣ перваго листа; передъ текстомъ, на лицевой сторонѣ перваго листа, также на оборотной послѣдняго 238 л., находятся приписки.

Предлагаемъ транскрипцію нѣкоторыхъ мѣстъ рукописи.

Л. 1-й на лицевой сторонѣ (запись):

Мѣса в' част' флориѣна ¹⁾ м'ч. ор
 бе иже с'і оп горними бж'го бж
 наго ²⁾ флориѣна м'чка тво
 его слвною мукою его праздни
 комъ веселиши подаи м'с
 твѣ да воспоминающе премо
 жене его достоиню люб
 вію. инастни ³⁾ и да друж
 стно веселиб' его тобою да
 ищими в' нбсѣхъ пріѣти ут
 ехъ мне ⁴⁾...

Сне прѣдъ зракмі с'лви ве
 лица вевнѣ твоего прино
 шениб' жертви... в'с
 мого бѣ и блж'наго флор

¹⁾ Знакомъ ѣ мы передаемъ глаголическій знакъ, похотій на малый юсъ съ соединенными внизу ножками.

²⁾ Просто повтореніе слова, въ пераый разъ неудачно написаннаго.

³⁾ і почти всегда выражаетъ знакъ ѣ, въ подлинникѣ надъ знакомъ ѣ нѣтъ точки.

⁴⁾ Далѣе слѣдуетъ, вѣроятно, имя: тещтъхъ Ідиранъ?

іѣна мѣна твоего досто
 ена мѣтва да препоручи
 ті еже отъ стѣ мѣсти тв
 ое преможе любвію вѣ
 ащаго тлѣс (е?) своего
 жртву блго уханіе
 тбѣ принесе живу...?
 Сіе нси ѣже... гї
 жрт'ва р.б.сва да очис
 титі. отъ неприѣтела вр
 . . . течени защи
 титі и го... своему
 флоріѣну дшмі ншмі по
 мощі принесеті вѣчну
 ю гї ншмі.

Ходатаиствомі Гї сви
 хі мчкі твоикі могора и фор
 туната цркви просимо
 гласи блго вол'но прими
 да раздро..ъ но противно
 мі и бл. рномі всѣм' изба
 влена тбѣ да работает'
 свободою...

Весьма вѣроятно, что мы имѣемъ здѣсь не одну приписку, а нѣ-
 сколько; по письму можно догадываться, что онѣ сдѣланы не одною
 и тою же рукой.

На оборотѣ перваго листа начинается самый миссалъ, начало пи-
 сано киноварью:

ва име божие и свѣте м
 арне вину дѣви чмні поче
 тие мисала позаконі римс
 каго двора и ибжние апду
 твоею петра и павла и вс
 ѣхі свѣтихі божихі прва не
 дѣла о (отъ?) пришаства стоеще у
 стѣ мрне велике....

Слѣдуютъ общія наставленія о совершеніи миссы, которыя мы выпускаемъ.

Къ тбѣ Гѣ възвихі дшю мою
 бѣ мои нѣте уповахі. да непости
 ждѣсе ввкѣ. ни посмѣютъ мисе вра
 зи мои. ибо вси жадающеи те
 .. постидетъ се. сѣх. Пути твое
 Гѣ скажи ми. и стазами твоими
 научи ме ...

Листъ 4-й, первый столбецъ:

. Послані
 бисті анді 1) Габри
 лі отъ ба вграді га
 лилѣиски. емуже и
 ме назараті кдвѣ
 обрученѣи мжу емуже
 бѣ име осипі отъ дму
 давидва. име дви
 мриѣ. и вшаді кнеи анді рче
 здрава мриѣ млсти плна гь
 стобою...

Листъ 141-й, первый столбецъ:

блюдѣтъ се
 убо тако опасно ёко
 и ходите. не ёко безу
 мни на ёко премудри искъ
 уплающе врме ё
 дни зли суті. Се
 го ради не бивайте без
 умни. на разумѣвающе
 что ё вола божіѣ. И не
 опиѣитесе виномі внемі
 же есті вски блуді. на па
 че исполнитесе дхмі ст
 имі. Глѣюще мею собою ві

1) Знакъ нр подъ титломъ, написанный вязью.

пслмѣхі и имнхі впѣснхі
дхвнхі поуще и вспѣв.

На оборотѣ 238-го листа, послѣ текста миссала слѣдуетъ приписка:

бе иже бжние мрие дѣи з
ачетне андлским ¹⁾ пррче
ниемі родителема ²⁾ вз
вести . . . си подаи су
щен чел (ю) ри твоеи ее
поштни зашититисе ее
же зачетиѣ празник
умиленими службами
частим гміна(?)

Ясно, что рукопись относится къ глаголическимъ памяткамъ, и именно къ тому роду ихъ, который извѣстенъ подъ именемъ миссаловъ; несомнѣнно также, что она написана для южныхъ Славянъ католическаго обряда и была въ употребленіи въ церквахъ, посвященныхъ имени св. Флоріана, св. Фортуната и Могора. Лишь приписка, помѣщенная на самомъ концѣ книги, можетъ быть разсматриваема какъ приписка частнаго лица, владѣвшаго когда-то рукописью. Тѣ приписки, которыя находятся на первомъ листѣ, содержа въ себѣ молитвенныя обращенія къ святымъ, могутъ служить основаніемъ къ приблизительно вѣроятнымъ заключеніямъ о мѣстѣ, гдѣ употреблялся этотъ миссалъ какъ богослужебная книга.

Память св. Флоріана празднуется 4-го мая: Acta Sanctorum (Maii 1 томъ): S. Florianus princeps officii; socii eiusdem varii, martyres Laureaci in Norico Ripensi sev Superiore Austria. Во время гоненія, воздвигнутаго Діоклетіаномъ и Максиміаномъ (284 — 305 гг.), когда полученъ былъ въ Норикѣ эдиктъ „нечестивыхъ императоровъ“, президентъ Аввиліній началъ приводить его въ исполненіе въ castrum Lauriacense; тогда схвачено было сорокъ святыхъ, къ исповѣданію которыхъ радостно присоединился и блаженный Флоріанъ. Онъ жилъ apud Cetiam civitatem. О родѣ смерти его жизнеописатель говоритъ: jussu praesidis ligato ad collum eius saxo, in flumen Anisi praecipiti-

¹⁾ Знакъ НР подъ титломъ вязью.

²⁾ Въ словѣ родителема слогъ ДИ вырванъ, вырвано также и то, что не читается въ слѣдующей строкѣ.

tatus est (Acta SS., Maii I. p. 461, 462; ср. также Appendix ad diem 4 Maii, Maii T. VII, p. 574).

Память св. Флоріана чтилась не только у южныхъ Славянъ (близъ Laureacum былъ построенъ въ честь его монастырь), но и въ другихъ мѣстахъ. Мощи его были принесены въ Римъ, откуда частица была передана въ Болонью (въ V в.), потомъ еще частица въ Польшу (XII в.).

Память свв. Могора и Фортуната празднуется 12-го іюля. Acta Sanctorum, Iulii T. III. Sanctus Hermagoras episcopus, s. Fortunatus archidiaconus, MM. Aquileiae in Italia.

Св. Могоръ и доселѣ пользуется особеннымъ почтениемъ въ землѣ юго-западныхъ Славянъ, какъ первый насадитель христіанства, первый епископъ Аввилей и ученикъ евангелиста Марка. По словамъ жизнеописателя (Acta SS. p. 249), св. Могоръ a beato Petro accipiens baculum pontificatus et velamen sacramenti, factus est proton episcopus provinciae Italiae. In Aquileia... plurima poenarum genera expertus, ad ultimum cum Fortunato archidiacono suo, capitali supplicio perpetuum meruit triumphum. Мученическая кончина ихъ относится ко времени императора Нерона (54—68 г.).

Трудно узнаваемое въ славянской формѣ Могора, имя св. Гермора приводило насъ въ немалое смущеніе: правильно ли было прочитано это имя? Но тожество именъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. У Славянъ именно и употребительна сокращенная форма Могоръ вмѣсто полной. Въ Цѣльонцѣ и теперь существуетъ общество св. Могора (Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku, кн. III. U Zagrebu, 1854) ¹⁾.

На нѣкоторые вопросы относительно этого памятника мы можемъ отвѣчать безъ колебанія. Глаголическихъ рукописей (Monumenta lingua slavica literis Hieronymianis conscripta), называемыхъ миссалми, известно всего двѣнадцать ²⁾.

1. Codex membraneus glagoliticus Missalis secundum legem Romanae curiae scriptus a knezo Novak, milite palatii Ludovici regis Hunga-

¹⁾ Этими указаніями мы обязаны известному ученому о. I. Мартынову.

²⁾ См. *Dobrovsky*, Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Windobonae 1852 p. XXX и 697 и 702; *Assemani*, Kalendaria ecclesiae universae. Romae 1755. vol. IV p. 422 и слѣд.; *Šafařík*, Památky Hlaholského Pisemnictví. U Praze 1853 str. 69. *Kopitar*, Grammatik der slavischen Sprache 1808 p. XXIX. Болѣе удобную справку представляетъ *Šafařík*, Geschichte der südslavischen Literatur. Prag. 1864. I. p. 171 и слѣд.

гисе, anno 1368 in folio. Этотъ кодексъ хранится въ императорской библиотекѣ въ Вѣнѣ.

2. Missale glagolit. Mss. in folio, sine nota anni; ibidem.

3. Фрагментъ миссала въ два листа, находящійся въ королевской библиотекѣ въ Прагѣ.

4. 5. 6. Три рукописи, хранящіяся въ Римѣ: а) Missale exaratum ante a. 1387, Romae, in Bibl. Collegii Urbani de propaganda fide; б) Missale scriptum a. 1402 jussu sacerdotis Lupi; в) Missale scriptum a. 1441.

7. 8. Два миссала въ Лайбахѣ, оба писаны на пергаменѣ, in folio: одинъ въ 245 листовъ, другой въ 196, послѣдній безъ даты.

9. 10. Два миссала въ Зарѣ: а) Missale Mss. in ecclesia collegiata S. Michaelis Jaderae; б) Fragmenta missalium et breviariorum Mss. apud Patres Tertii Ordinis S. Francisci Jaderaae.

11. Фрагментъ, о которомъ упоминаетъ Копитаръ.

12. Фрагментъ миссала въ библиотекѣ Landshuensis (Dobrowsky, Institutiones, p. 702).

Имѣя въ виду частію описанія, хотя и не всегда полныя, глаголическихъ рукописей, относящихся къ разряду миссаловъ, частію снимки съ нихъ, данные Шафарикомъ (Památky hláholského písemnictví), можно съ увѣренностію сказать, что Оксфордская рукопись не относится къ числу бывшихъ извѣстными памятниковъ глаголической письменности. Она должна увеличить собою число извѣстныхъ славистамъ глаголическихъ миссаловъ, то-есть, всего будетъ 13 рукописей¹⁾.

Часть глаголическихъ миссаловъ была уже напечатана. Не принадлежитъ ли наша рукопись къ этимъ послѣднимъ? Глаголическій миссалъ былъ издаваемъ всего только шесть разъ:

1. Missale Romanum, по мнѣнію Добровскаго, Institutiones XXXV, первый напечатанный глаголическій памятникъ, былъ изданъ въ 1488 году, folio, sine indicio loci.

2. Missale Slavo-Latinum, Venetiis, a. 1528, opera Fr. Pauli de Modrusza, in 4°.

3. Въ 1531 году тотъ же самый миссалъ перепечатанъ былъ въ Фіуме²⁾.

¹⁾ Уже будучи въ Лондонѣ, мы получили извѣстіе, что въ Bodleian Library отыскалась еще рукопись глаголическаго миссала, безъ начала и конца; намъ не привелось однако видѣть эту рукопись.

²⁾ На экземплярѣ фіумскаго изданія, имѣющагося въ Британскомъ музеѣ, есть пометка: apparently the third glagolitic edition of the Missal.

4. *Missale Romanum lingua slavonica, caractere Illyrico, jussu Urbani VIII editum, quarto, Romae, typis s. Congr. de propaganda fide, 1631.*

5. Второе издание того же миссала было сдѣлано въ Римѣ, въ 1706 году, in quarto. Шафарикъ (*Geschichte der südslav. Literat. I, p. 176*) замѣчаетъ объ этомъ изданіи: *ist... in allem mit der Ausgabe vom J. 1631 übereinstimmend.*

6. Наконецъ, еще *Missale Romanum slavonico idiomate jussu papae Urbani VIII editum, Romae typis s. congregationis de propag. fide. 1741, in quarto, 666p.* Можно заключать, что это новое издание сдѣлано было по изданію 1706 года, хотя въ немъ и произведены были нѣкоторыя измѣненія архіепископомъ Караманомъ: *Immensum laborem subiit (Caramanus) in emendando fere toto Missali, servando proprietatem vocabulorum, et Grammaticam literalis locutionis; ap. Assemani, Kalendaria, IV, p. 435.*

Такимъ образомъ, не говоря ужь о томъ, что напечатанные экземпляры теперь также рѣдки, какъ самыя рукописи, основными изданіями миссала мы должны считать три: изданіе въ листъ 1483 года, венеціанское 1528 и первое римское 1631 года. Въ Британскомъ музеѣ можно видѣть всѣ изданія глаголическаго миссала, за исключеніемъ перваго, 1483 г. Но и самое сличеніе изданій съ Оксфордскою рукописью не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ рѣшенію вопроса, была ли извѣстна издателямъ эта рукопись. Содержаніе книгъ одно и то же, отличаются онѣ лишь нѣкоторыми дополнительными статьями въ началѣ или въ концѣ, ни въ одномъ изданіи нѣтъ предисловія, знакомящихъ съ рукописями, по которымъ оно сдѣлано.

Что касается до характера письма, объ этомъ можно сказать слѣдующее: въ роду знаковъ, какими написана наша рукопись, всего ближе подходятъ знаки, данныя Копитаромъ: *Glagolita Glorianus, Vindobonae, 1836, см. alphabetum на концѣ книги: 4 (Кор.) и 6 (1483), то-есть, рукопись относится къ числу сравнительно позднихъ; ср. также Šafaric, Uber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Prag, 1858.*

III.

Румынскія рукописи Британскаго музея и Бодлеевой библиотеки.

1. Между значащимися по каталогамъ Британскаго музея славянскими рукописями мы нашли одну весьма любопытную во многихъ

отношеніяхъ румынскую рукопись (British Museum, Harl., 6311. B.). Это—Четвероевангеліе въ 276 листовъ, въ восьмушцу. Рукопись относится къ XVI вѣку (1574 г.), языкъ румынскій, писана кириллицей. Первый листъ раскрашенъ, оглавленіе сдѣлано золотомъ, золотомъ же росписаны многія заглавныя литеры.

2-я строка:

нѣ вѣстире. ѿ доуминикъ май ѿанитедекъ ѿдоу нѣ скоудоум-
незеоу.

Картѣнъ скоутеплоу іс. хс. фію коу двѣ фіюлоу авраамъ. ав-
раамъ нѣ скоу ісаака, ісаакъ нѣ скоу іаковъ¹⁾.

нѣ	Картѣ
вестире	нѣскоутеплоу
ѿ	фіюл
доуминикъ	лоу

май
ѿанитедекъ
ѿдоу
нѣскоу
доумнезеоу.

évangile. (dans) le dimanche avant le jour naquit dieu.

Le livre des naissances I. Ch. fils de david fils d'avraam, avraam
naquit isaak, isaak naquit jacob.

Далѣе переводъ набранъ петитомъ.

Л. 49-й. Маттея зач. 85:

1. ... врѣмѣ ачѣѿ. мѣрсерь кѣтрельѿ
въ цѣ идѣ ѿтъни преѿци жи бытръ
ниѿ оменещи грѣндѣ. коу акоуи
поутѣре ачѣлѣ фачи. чѣ нецидѣ
5. де деспоу соу ѿчестѣ. рѣ споунсѣ
іс зиселѿ. ѿ требоваю вои ши еу
оуѿкоуѣ нѣтъ. десѣмъ вещи споуне ни
еоу воу споуне воаѿ. коу ѿкоуи нутѣ

¹⁾ Въ рукописи нѣрѣдко одно слово раздѣлено на два, и два слова соединены въ одно. Наблюденіями этого рода, а равно французскими переводами румынскаго текста, мы обязаны г. Вазеано.

ре ачѣлѣ факъ. боте жоунѣ лоу Юбанъ
 10. де оунде ера. дѣмчерю ера аоудела о
 мь. еякоу цетарѣ афроу сине грвинъ
 дь. девѣмъ зиче дѣмчерю зиче ва но а'w
 дерешѣ ченоу крѣдеци ель. есъ а'мъ
 зиче де омь. тѣме моуне деглоате.

15. ктоци іванъ каоу пррокъ. ширь
 споунсеръ лоу іс зисеръ ноушимъ. зисе
 лѣ. вѣчѣугрѣскѣ воа'w коу а'коу нноу
 тѣрѣ ачѣстѣ факъ. коньць вторъ
 никъ, чесѣ воа'w парѣ. срѣдѣ і вѣлѣ.
 кѣтръ

ель

авъцьидѣ (первая и вторая строка).

чине

ци

де (четвертая строка).

де деспоусоу (пятая строка).

рѣспоуисе (тамъ же).

зисе лор (шестая строка).

оу'w коувъить (седьмая).

путѣре (восьмая и девятая).

дѣа черю аоу дела омь (десятая и одиннадцатая).

афроу грвиндѣ (одиннадцатая).

девѣ мь де ачерю зичева ноаодерешѣ (двѣнадцатая).

че ноу (тринадцатая).

тѣмемоуне де глоате (четырнадцатая).

кѣ тоци ши рѣспоунсеръ (пятнадцатая и шестнадцатая).

лор неч еу грѣскѣ аоу (семнадцатая).

че се воао паре (девятнадцатая).

Dans ce temps-là les premiers prêtres et les vieillards du peuple allèrent vers lui enseignant et lui dirent: avec le pouvoir de qui fais-tu celles-là, qui te donne ce pouvoir; Jésus leur répondit en disant: je vous demanderai aussi moi un mot, si vous me le direz, je vous dirai aussi avec le pouvoir de qui je fais celles-là: le baptême de Jean d'où est-il, de ciel ou des hommes. Ils pensèrent en eux-mêmes se disant: si nous disions de ciel il nous dira justement pourquoi vous ne le croyez pas; si nous disions des hommes, nous craignons les foules, car tous tiennent Jean comme un prophète; et ils répondirent à Jésus lui disant: nous n'en savons pas. Il leur dit: ni moi je ne vous dis pas avec le pouvoir de qui je fais celles-là.

Л. 199-й. Иоанна зач. 7:

В врѣмѣ ачѣмъ винѣ іс капернау
мъ лсушь ши му малоун. ши фра
ціи луи. ши ученичии луи. ши
ачиа нулзиле мулте фюурь. ши
апроале ерѣ пащиле овре ещи.
а капернаумъ
мума луи фраціи (вторая и третья строки).
нулзиле (четвертая строка).

Ce temps-là vint Jésus lui même au Capernaum et la mère et ses frères et ses disciples et là ils ne passèrent pas beaucoup de jours et les pâques juives étaient proches.

Л. 252-й на оборотѣ, конецъ 68 зач. отъ Иоанна:

... честа асте оученикоуль мѣ
ртоуриси де ачѣстѣ. чеши
скриси ача ста. ши шиу. къ
аде верить. асте мъртоу
риа лоуи сънтъ. ши аде моу
лте къ тѣоу фѣ коутъ іс.
мъртоуриси (1-я и 2-я строки).
ачаста къ адеверить (3-я и 4-я строки).
мъртоуриа моулте (4-я и 5-я строки).
фѣкоутъ (6-я строка).

C'est ce disciple qui témoigna de celles-là et il les a même écrites et je sais que son saint témoignage est vrai, et sur beaucoup d'autres choses que Jésus a faites.

Послѣ указателя зачалъ Евангелій на воскресные и праздничные дни—

Л. 264-й:

подобаетъ вѣты яко не дрѣжеть
преви вселенскаа ни на блженѣ ни
на литургии чисти апостоли или евангеліе стѣ
нѣ тѣчию рѣдовное. рекше стѣль
что ѣ на реду прѣзь всьогодище. и...

Далѣ идутъ святцы.

На оборотѣ 274-го листа начинаются записи, которыя продолжаются на 275-мъ и 276-мъ листахъ:

Изволеніемъ отца и споспѣшеніемъ сына и совершеніемъ святаго

духа... сего ради азъ трудѣхъ грѣшна и окаяннаго радуль¹⁾ граматикъ сынъ драги ѿ мѣнища блѣ приру паза (то-есть пазарь) а реци въде-тога прибогохъ отътуду на македонская земля на градъ никополь. и пакы отъ туду пришьду на единое село поменовачани. а реци нарицаетсе осъмь. Тамо убо мнози писахъ книги стии божественниі глани. тетруевгли и стии фалтиры и пендекостаре и минѣ и офътангъ и триоре и метофрасти и правила и разумни и стихъ аплы. мнози же бо писахъ мали и велици и причекохъ въ глѣбини стаго писаніе. елико умѣ члѣ ѿ не мѣть съмыслити. и злѣ досаждахъ мене чюженици понеже бѣхъ невѣрны безаконици и не милостиви. хохѣ прибогнуги въ влашское земле на александру воево и пакы се обоѣ да мене погубеть. азъ се чюждахъ и помисли како да сътвару. да иду на петрашкѣ снѣ понеже бѣше на далѣ. и не имаху дружина. дондеже приде нѣкыи члѣ помѣ иванъ отъ нѣкое града нарѣсе дрѣнопо. и сказа мнѣ все истина како ѣ ходи на петрашкѣ снѣ. азъ грѣшнаго радуль. Елико въстуж отъ нѣ. якоже влѣнующе въ нучинѣ морствѣ. желаютъ. принти въ пристанище отишное. такоже и азъ жадаеть отъ него, хавѣ ему слѣти яко и бѣ. и отидѣ съ ива. на анадѣскаа земле на градъ родѣ. и поклонисе азъ на петрашко воево. онъ же ми рече да му испиш сии стию бжтвниі кни, глѣми еуліе. и почеше мѣсаца Юли 3 день, а съврѣшитсе мца Юли 4 днѣ²⁾ отъ битіа въ лѣто 7082, кругъ солнцу 26, кругъ лунѣ 14, и много грѣшихъ паче власъ главы моеи. И млюсе вамъ всѣмъ книжникомъ и милисе дѣю и коленомъ касаюсе. виі попове духовници или діаци или поддіаци. или граматници. или чѣтъци чѣтъцимъ или пишешемъ. или стихологосуещимъ (стѣлѣсѣщѣ). аще будетъ что погрѣшено. или съ умомъ или ѣ бѣ изводомъ. исправлѣте и насъ же о семъ трудившихсе благословите а не клѣнѣте. понеже не писахъ духъ святъ ни аглѣ, нѣ роука грѣшнаго и уста брена и духъ унилю грѣшніе.

Повелѣніемъ господнимъ и отца нашего ѿ петрашко воеводи. снѣ благовѣрнаго и православнаго и прѣдобраго и прѣмилостивникъ старца ѿ петрашко воевода господинъ угру-влахійское земле. богъ да проститъ ему. вечна ѣ память понеже ѣ билъ добръ. и пакы се молю

¹⁾ Вездѣ писано подъ титломъ: р, а и у въ строку, д и л надъ строкой.

²⁾ Ю Г. АНЬ... Ю. АІ. АНЬ. За провѣрку этого мѣста п за сличеніе сдѣланной мною копии съ оригиналомъ приношу искреннюю благодарность П. В. Марову.

вамъ братію мою и прѣвзылюблені мое. поюще любве радї христове. да и ви улучити услышите страшніи владѣніи гласъ. иже речеть къ сущимъ одесную его. Приидите благословеніе отца моего наследуете уготованною вамъ царствію отъ съзлованіе миру. его же будї въсемъ намъ улучити славеще. обою купно. Отца и сына и святаго духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На оборотѣ 275-го листа приписка другой руки:

Хоче сказовати вамъ братіе мое чыстии и благословени. аще не би ѿ прѣкланяѣ главу свое и ирїель прещеніе отъ іоанна въ іорданѣ како хощете бити. почитати царіе и господаріе и велмужїи и полове, понеже суть убоги. Видите ли братію мою како знаменіе сътвори гъ нашъ іс хс за насъ христіане да съхраниме вѣра христіанскаа. понеже есь добра и правда истинна. и помѣнѣ бъ рѣхудѣліе свое первозданнаго адама и съниде съ небесе и въселісе въ двїце и воплотішасе отъ духа свята и маріе дѣвы и родісе сынъ божіи ісусъ нарицаютсе Еммануиль. и мног знаменіе сотвори по всей землѣ.....

На оборотѣ 276-го листа еще приписка на новогреческомъ языкѣ; изъ шести строкъ этой приписки сообщаемъ только три первых:

ἐ τοῦτον το εβαγγέλιον (τὸ βλάχηνον, приписано надъ строкой)
ἦνεν ἔμου του μαρκου βοηβόδα του
ηγνούτου πατράζκου βοηβόδα καὶ ἦ.....

Первое слово последней строки, написанное весьма неразборчиво, мы понимаемъ какъ genit. sing., отъ ἄχρονος; окончаніе του относимъ, какъ членъ, къ слѣдующему слову: πατράζκου.

Важность этой рукописи не подлежитъ сомнѣнію. До сѣихъ поръ еще не открыто помятаго румынскаго текста евангельской исторіи и напечатано лишь нѣсколько отрывковъ изъ Четвероевангелія: наша рукопись восполняетъ этотъ пробѣлъ. Немногіи, извѣстїи по настоящее время, рукописи румынскаго языка, всѣ безъ исключенія относятся къ позднѣйшему времени, наша рукопись старше на шесть лѣтъ древнѣйшаго, извѣстнаго доселѣ, румынскаго текста ¹⁾.

Мы имѣли случай высказаться въ другомъ мѣстѣ ²⁾, что едва ли справедлива мысль, будто памятники румынскаго языка не восходятъ

¹⁾ *Roesler*, *Romänische Studien*. Leipzig, 1871. S. 277: Das älteste Romänisch endlich das wir kennen ist aus dem Jahre 1580, ein Predigtbuch das in Kronstadt gedruckt wurde.

²⁾ Une page d'histoire roumaine, въ *Revue Historique*, январь-сентябрь, 1878.

даже конца XVI вѣка. Если свидѣтельство Догіеля о существованіи памятниковъ румынскаго языка въ Краковскомъ архивѣ¹⁾ до сихъ поръ не подтверждено новыми розысканіями, необходимо ли слѣдуетъ отсюда заключеніе, что Догіель не видалъ договоровъ Румынскихъ воеводъ съ Польскими королями, писанныхъ на румынскомъ языкѣ? Правда, что Краковскій архивъ нерѣдко подвергался пожарамъ, и легко можетъ быть, что теперь уже не отыщется въ немъ тѣхъ актовъ, которые видалъ Догіель въ первой половинѣ XVII вѣка.

Ключъ къ разрѣшенію вопроса, однако, еще не потерянъ. Историкъ Нарушевичъ, въ свое время, снялъ копію со всѣхъ историческихъ актовъ Краковскаго архива. Его бумаги сначала находились въ библиотекѣ князей Чарторыйскихъ, а потомъ были переданы въ Краковскую академію наукъ. Въ послѣднее время румынское правительство распорядилось списать изъ этого сборника тѣ документы, которые относятся къ исторіи Молдавіи и Валахій²⁾. Такимъ образомъ, скоро, вѣроятно, разрѣшится вопросъ о древнѣйшихъ памятникахъ румынскаго языка и письма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о достовѣрности Догіеля. И теперь уже можно сдѣлать нѣкоторые указанія въ подтвержденіе свидѣтельства Догіеля о памятникахъ румынскаго языка, древнѣе XVI вѣка. Эти указанія тѣмъ болѣе заслуживаютъ цѣны, что они извлечены изъ другихъ архивовъ, помимо Краковскаго.

Въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, извѣстный историкъ Моравіи, г. Дудикъ, описывалъ архивы австрійской Польши, по порученію академіи наукъ въ Вѣнѣ³⁾. Рядомъ съ румынскими актами, писанными на славянскомъ языкѣ, ему попадались и такіе, которые написаны по румынски. Такъ, договоръ Мирчи съ Владиславомъ Ягелло и Витольдомъ, находящійся въ архивѣ магистрата во Львовѣ и относящійся, слѣдовательно, къ началу XV вѣка, написанъ на румынскомъ языкѣ⁴⁾. Два такіе же памятника хранятся въ университетской библиотекѣ во Львовѣ⁵⁾.

¹⁾ *Dogiel*, Codex diplomaticus regni Poloniae. I. Vilnae, 1758, p. 597: *Litterae homagiales palatinorum Moldaviae scriptae sunt lingua valachica, cuius neminem gnarum Cracoviae... reperire potui* (рѣчь идетъ о памятникахъ XIV в.): 117

²⁾ *Columba las Traian*, VII (1876), 472.

³⁾ *Dudik*, Archive im Königreiche Galizien und Lodomerien, помещено въ Archiv für Oesterreichische Geschichte, XXXIX B. 1 Hälfte. Wien, 1868.

⁴⁾ *Archiv für österr. Gesch.* B. 39, 132: In den Urkunden d. XV Jahrh. von № 47 an bis 354 liegt unter № 69 eine walachische Urkunde mit der Kyrilica, ohne Datum, aber wahrscheinlich um 1410.

⁵⁾ *Ibid.* S. 117. Die Handschriften-Sammlung, 315 Nummern, gehört zu den

Автору этихъ замѣтокъ удалось отыскать еще новое тому подтвержденіе въ государственномъ архивѣ, во Флоренціи. Между посольскими дѣлами ¹⁾ есть одна бумага, упоминающая объ актѣ на румынскомъ языкѣ:

Lettera sopra lo stato di Polonia e del consiglio degli Ottomani di moverli guerra, scritta dal ambasciatore del Moldavo 1587.

Подлинная записка посла Молдавскаго господаря не сохранилась въ архивѣ, осталось лишь краткое изложеніе ея содержанія на латыни. Передъ извлеченіемъ содержанія читается любопытная замѣтка:

Legatus Palatini Moldaviensis in Poloniam missus dedijt literas ad vaivodam Warsavia, quas vaivoda huc misit. Cum autem literae sint scriptae lingua valachica hodierna die supremus Vesigis per me misit filio fratris vaivodae Moldaviensis Vlad nuncupato, ut ille interpretaretur, qui est interpretatus, scribitque sit modo...

Рукопись румынскаго Четвероевангелія, съѣздемъ думать, обратитъ на себя вниманіе румынскихъ ученыхъ, которые съ большою ревностью занимаются теперь изслѣдованіемъ и издаваніемъ памятниковъ исторіи и литературы своего народа.

Длинная приписка словоохотливаго переписчика рукописи возбуждаетъ цѣлый рядъ поисковъ и изслѣдованій.

Радуль граматикъ. Има, весьма часто встречающееся въ румынской исторіи, не новое также и между книжниками XVI в. „Прѣходитъ съ матерію своею аггеиною в савроматію къ началнику земле тое ішану радоулу воеводѣ“, — *Safaik, Ramatik, str. 64.* Въ лѣто 1462 бысть царь мхмедъ на влахе на дракоулика влада. бысть же съ царемъ и братъ его радоуль, — *Ibid. 80.* Въ лѣто 1509 оумръ радоуль воевода влашки, — *Ibid. 82.* Іваннъ Радоу воевода божію милостию господарь земле влашское, — и еще то же имя въ грамотѣ Яна Радула отъ 1665 года, *Ibid. 117, 118.* Ср. также Венелина, Влахо-Болгарскія грамоты. С.-Пб., 1840. Изъ приписки видно, что назвѣ Радуль сначала занимался перениской церковныхъ книгъ въ славянскихъ земляхъ, на югъ отъ Дуная. Дѣйствительно, на многихъ земляхъ, угдѣльскихъ отъ того времени, сохранилось это имя. Въ сообществѣ іеромонаха Мардарія и священника Живко, дьяконъ Радуль занимался

kleineren, hat aber für die slav. Sprachforscher durch ihre hübsche Sammlung altruthenischer Manuscripte einen bedeutenden Werth. Sie zählt 27 ruthenische und 2 moldavische.

¹⁾ Firenze, Archivio di Stato, Segreteria vecchia, Filza 54.

печатаніемъ и перениской многихъ церковныхъ книгъ, изъ которыхъ извѣстны: Пендикостарій (около 1552 г.), Трїюдъ цвѣтная (1566 г.)¹⁾ и др. Правда, что главнѣйшія мѣста дѣятельности этого товарищества (Бѣлградъ и монастырь Мркшина церква, близъ Черногоріи) не совпадаютъ съ тѣми, которыя показаны въ нашей припискѣ (Никополь и село Новачаны на рѣкѣ Осъмѣ); но это еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ отрицать тожество между писцомъ нашей рукописи и товарищемъ іеромонаха Мардарія и священника Живко; приблизительно до 1570 годовъ они дѣйствовали вмѣстѣ въ Сербіи, Волгаріи и близъ Черногоріи, потомъ Радуль, по весьма понятнымъ изъ приписки причинамъ, рѣшился искать болѣе спокойнаго пристанища въ Валахіи или Молдавіи. Что же касается того, что въ румынской рукописи онъ называетъ себя граматикомъ, а въ памятникахъ славянскаго происхожденія упоминается діаконъ (въ словарѣ Даничича дьякъ) Радуль, то званія эти нисколько не исключаютъ одно другое, такъ какъ граматикъ обозначаетъ здѣсь просто книжнаго человѣка. Небольшая доля тиеславія весьма свойственна, впрочемъ, лицу, которое говоритъ о себѣ: много я написалъ книгъ, малыхъ и большихъ, и проникъ въ глубину Святаго Писанія. Весьма возможно также, что онъ носилъ званіе нотарія или секретаря воеводы Петрашиа: граматикъ=notarius: Десое граматикъ бана Нинослава великаго босньскаго 1384—40. Степанъ Бенчуликъ граматикъ оукине дубровачка 1382. См. Даничича, Рјесникъ.

Снѣкъ Драгичъ, отъ Мънчища (или Мничища), близъ прирушъ пазаръ, а реки Вѣде. Въ дарственныхъ грамотахъ находимъ огромное множество именъ, произведенныхъ отъ слова драгъ; особенно богата ими дарственная грамота монастырю Жичи, Šafarik, Památky děvniho Pisemnictvi Iihoslovaniu str. 6, 7. а се власи что сьмо дали сѣи цркви, имена си соуть... Между историческими лицами также встрѣчаются имена какъ Драгиша, Драгичичъ, см. въ Словарѣ Даничича. Такъ какъ имя свойственно и славянской, и румынской исторіи (у Румынъ и теперь многіе носятъ фамилію Драгичъ), то имъ склонны были предпологать въ нашемъ пискѣ сворѣи Болгарина, чѣмъ Румына. Названія рѣкъ: Вѣда и Осъмъ, упоминаніе о Никополѣ, все вело насъ къ тому, чтобъ искать и другія, названныя въ припискѣ, мѣстности также въ Болгаріи. Однако пришлось потомъ

¹⁾ Šafarik, Geschichte d. südslav. Literatur. III. 126—127, ср. также Daničić Рјесникъ, подъ словами Мардарій, Мркшина церква.

убѣдиться, что Радуль Драгичъ родился въ Валахiи, а не въ Болгарiи. Есть двѣ почти созвучныя рѣки Vid (Utus) въ Болгарiи и Vede въ Валахiи. Первая вытекаетъ изъ Балканскихъ горъ, проходитъ близъ Тетова и впадаетъ въ Дунай неподалеку отъ Никополя; объ области, орошаемой теченiемъ Вида, см. Hochstetter, das Becken von Ichtiman und der falsche Wid въ Mittheilungen der k. k. geograph. Gesellschaft, 1870. Вторая—Vede беретъ начало въ Трансильванскихъ горахъ, протекаетъ по Валахiи и впадаетъ въ озеро Dürtz, неподалеку отъ Зимницы и Систова. Селенiе Мничище и Рущь-Пазаръ нужно искать по теченiю этой послѣдней рѣки. Лучшiя карты, которыми мы пользовались (карты австрiйскаго генеральнаго штаба, также Handtke, Special-Karte Europ. Turkei), правда, не показываютъ селенiя Мничище, но онѣ даютъ такiя мѣстныя названiя, изъ которыхъ можно убѣдиться, что окончанiе ište или ești есть употребительнѣйшее и любимѣйшее въ мѣстныхъ румынскихъ именахъ. На рѣкѣ Вѣде показаны: Tziganesti, Kalomfiresti, Nemeiulesti, Stirbesti, Kukuesti, Poresti и др. Всего вѣроятнѣе между ними предполагать и наше Mničesti. Не на однихъ впрочемъ догадкахъ основываемся мы. Радуль родился близъ (при—едва ли не то же, что близъ) Рущь-Пазаръ. На картѣ австрiйскаго генеральнаго штаба отмѣченъ Rușe de Vede или Rusch-Vede, и при немъ находится именно знакъ, принятый для отличенiя торговыхъ мѣстъ (der Markt). Такимъ образомъ, Рущь на рѣкѣ Вѣдѣ вполне соответствуетъ Рущь-Пазаръ нашей приписки ¹⁾. Румынскимъ происхожденiемъ Радула объясняется между прочимъ и странный географическiй терминъ: „Македонская земля, градъ Никополь“, равно какъ сильное желанiе его избраться какъ-нибудь изъ Болгарiи въ Молдавию или Валахию.

Тогда прибѣгохъ отъ тѣду на македонскаяа земле на градъ Никополь. Для жителя Валахiи страна по ту сторону Дуная слыла подъ именемъ Македонiя. Такой терминъ въ приложенiи къ Болгарiи, а также, весьма вѣроятно, и къ Сербiи свойственъ не одному Радулу. На ряду съ правильнымъ употребленiемъ географическаго термина Македонiя: въ лѣто 1371 погibe влькшинъ и углеша въ македонiи (Safaik, Památky 54), обои погiboше въ Македонiи на Марици (ibid. 72), встрѣчаемся и съ фактами, свидѣтельствующими въ весьма широкомъ значенiи этого термина. Благодѣтеливи кнѣзъ лазарь дасть дщерь свою мару влькоу бранковикоу. роди же съ нею

¹⁾ Венелингъ, Влахо-болгарскiя грамоты, 15, видитъ здѣсь русскую колонию.

З сыне—сіихъ отецъ вѣдь отроуень бысть въ Македоне (Šafarik, Památky 73).—Въ лѣто 1898 прѣстависе вѣдь бранковинъ оу белиградку. (Ib. 75). Съ турецкимъ завоеваніемъ географическая терминологія Балканскаго полуострова, и прежде того довольно сбивчивая, подверглась новымъ измѣненіямъ. Трудно было бы сказать, какія именно области входили въ административный турецкій округъ Македоніи, но не подлежитъ сомнѣнію, что Македонія въ XVI вѣкѣ была обширнѣе Македоніи византійской эпохи ¹⁾. Для Болгаріи собственно, и послѣ турецкаго завоеванія, иностранные писатели удерживаютъ еще терминъ Мизія ²⁾. Древностямъ и исторіи Никополя посвящено не мало прекрасныхъ страницъ въ недавно вышедшемъ второмъ томѣ сочиненія г. Каница ³⁾: Болгарія и Балканъ. Извѣстно, что при Никополѣ, 26 сентября 1396 г., произошла битва между королемъ Сигизмундомъ и султаномъ Баязидомъ; со времени этой битвы можно считать окончательнымъ утвержденіе Турокъ въ Болгаріи, Сербіи и пограничныхъ земляхъ. Г. Каницъ задается постановкой и разрѣшеніемъ весьма любопытнаго вопроса: гдѣ произошла эта знаменитая и тяжелая до своимъ послѣдствіямъ для христіанской Европы битва (стр. 184—189), при Никополѣ ли Дунайскомъ, или при Никополѣ на рѣкѣ Рашица—Росита (нынѣшній Никупъ)? Аргументація его направлена главнѣйше противъ глубокоуважаемаго профессора Новоросійскаго университета Ф. К. Бруна, который разъ высказалъ мнѣніе, что Никополь, при которомъ разбиты были войска короля Сигизмунда, не есть извѣстный городъ этого имени на Дунаѣ, но другой, находящійся ближе къ Балканамъ (Великій Никополь) ⁴⁾.

Мы далеки отъ покушенія вмѣшиваться въ споръ, въ которомъ одна сторона по справедливости опирается на опытное знакомство и внимательное изученіе мѣстности ⁵⁾, а другая съ неменьшимъ правомъ можетъ ссылаться на цѣлый рядъ показаній лѣтописцевъ и цу-

¹⁾ *Hopf*, Griechenland. s. 303 (Allgem. Encykl. v. Ersch und Gruber, I. 83).

²⁾ *Cromer*, Annal. Silesiae, p. 116: Ad Nicopolin Mysiae urbem conditam a Trajano.

³⁾ *Kanitz*, Donau-Bulgarien und der Balkan. II Band. Leipzig, 1877.

⁴⁾ Статья профессора *Бруна*, посвящаемая оцнѣкѣ извѣстій Шильдбергера, участника въ Никопольской битвѣ, напечатана въ *Sitzungsber. der k. bayer. Ak. d. Wissensch. zu München*, 1869.

⁵⁾ Каницъ (S. 189) приводитъ одно мѣсто г. Каница: Die Reisen nehmen einen mehr prüfenden Charakter an. Die Entscheidungen über schwebende Fragen werden nicht im Studirzimmer, sondern unter freiem Himmel getroffen.

тешественниковъ, плодъ удивительной и рѣдкой эрудиціи. Самое сильное, по нашему мнѣнію, возраженіе противъ мысли Ф. К. Бруна представляется въ томъ, что Никополь на рѣкѣ Рашица=Росита почти совсѣмъ забытъ въ эпоху XIV, XV и XVI вв., и что это имя вызвано изъ забвенія лишь въ концѣ XVIII вѣка ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, Радуль весьма точенъ въ географическихъ показаніяхъ. Лишь благодаря такой точности можно было прійти къ безспорнымъ, смѣемъ сказать, выводамъ о его происхожденіи. Называя мѣсто, онъ упоминаетъ рѣку, на которой находится это мѣсто; называя лицо, опредѣляетъ его по званію или происхожденію. Если „градъ Никополь“ не сопровождается болѣе точными опредѣленіями, не было нужды, можетъ быть, обособлять и отличать это имя, потому что Радуль не зналъ другаго Никополя. Точно также и лѣтописецъ, говоря о событіяхъ конца XIV в. и называя Никополь, не считаетъ нужнымъ поясненія: разби Баязить краля угрьскаго Жигмоуна на Никополю. прими царь паязить бдинь и никополіе. *Şafatık, Ramátık* str. 74.

Съ извѣстіемъ Шильтбергера, что послѣ битвы пришелъ Германъ фонъ-Цилли и Гансъ бургграфъ Нюрембергскій и взялъ короля и повелъ его и посадилъ въ лодку,—весьма согласно свидѣтельство Кромера ²⁾ въ томъ отношеніи, что тотъ и другой писатель позволяютъ предполагать весьма небольшое разстояніе между Дунаемъ и мѣстомъ битвы ³⁾.

И пакы отъ тьду пришьдшу на единого село по име новачани. Такъ понимаемъ мы слитно написанныя снова рукописи: поменовачани. Между дарственными грамотами есть одна, упоминающая село этого имени: Царства ми монастырю прѣчистой богоматери, иже есть въ витоши... да не смѣеть метехати надъ тѣмъ монастыремъ ни кефалие срѣдешъкое, надъ стасиа монастырьцкѣй и

¹⁾ *Kanitz*, s. 185... blieb selbst der Name dieses Nicopolis (на Рущицѣ) verschollen, bis D'Anville zu Ende des 18 Jahrhunderts dessen Andenken wieder auffrischte. Г. Брунъ склоненъ уже принять доводы Канича; см. его статью О названіяхъ Добруджи, на страницахъ *Ж. М. Н. Пр.* за 1877 годъ.

²⁾ *Cromer*, De rebus Polonorum p. 251: Sigismundus rex Ungarorum infeliciter pugnavit apud Nicopolim; elapsus tamen, traiecit navi Danubio Constantinopolim fuga delatus est.

³⁾ *Kanitz*, S. 188: Wäre das Schlachtfeld aber nicht so nahe der Donau und Galeeren gewesen, dürfte der schwergerüstete König den leichtbeflügelten türkischen Reitern wohl glücklich entronnen sein?

надъ людьми село новачаны, иже са находятъ въ градѣ царства ми софи; Šafarik, Památky dřevního písemnictví vydání druhé. V Praze 1873. Хризовулы str. 109. Софійская митрополия и области, къ ней принадлежація, до паденія Болгарскаго царства, правда, зависѣли отъ Тернова, перейдя потомъ въ вѣдомство Константинопольскаго патриархата, Miklosich, Acta patr. Const., I, 551; но мы сомнѣваемся, чтобы приведенное мѣсто грамоты указывало именно на Новачаны на рѣкѣ Осъмѣ. На подробныхъ картахъ Болгаріи мы нашли село Новача на Осъмѣ, неподалеку отъ впаденія этой рѣки въ Дунай, то-есть, близъ Никополя, что вполне согласно съ контекстомъ приписки Радула. У Handtke, Special-Karte, у Лежана (Le Tour du Monde 1873), а равно на картѣ австрійскаго генеральнаго штаба отмѣчена эта мѣстность.

Осьма (Escapus, тур. Osem) выходитъ изъ Балканскихъ горъ, образуется изъ соединенія Черной и Бѣлой Осьмы и впадаетъ въ Дунай противъ устья Алути. На ней находятся города Троянь и Ловечъ.

Излѣ досаждахъ мене чужденици понеже бѣхъ невѣрны, безаконици и не милостиви. То-есть, и я подвергался тяжкимъ оскорбленіямъ со стороны чужеземцевъ, ибо это былъ народъ невѣрный, незаконный и немилосердный. Досаждати — iniuria, ignominia afficere, ὀβριζέω, ἀτιμάζω—ар. Miklosich, Lexicon palaeoslovenico graeco-latinum, Vindob. 1862. Досаждати—vexare, Daničić, Pječnik.

Хочехъ прибѣгнути въ влашское земле на Александру воеводи пакы се обояхъ да мене погубеть. азъ се чюждахъ и помыслихъ како да сътвару, да иду на петрашковъ снъ понеже бѣше на далѣ. То-есть, (вслѣдствіе оскорбленій и несправедливостей, которымъ я подвергался въ землѣ невѣрныхъ, незаконныхъ и немилосердыхъ чужеземцевъ) думалъ было искать защиты и пристанища во Влашской землѣ, у воеводи Александра, но и тамъ могла ожидать меня гибель. Я былъ въ недоумѣніи и размышлялъ, какъ мнѣ быть: не пойдти ли къ сыну Петрашка, такъ какъ онъ былъ далеко (на чужбинѣ).

По поводу называемыхъ Радуломъ господарей Александра и Петрашка нужно сдѣлать предварительное замѣчаніе. Одновременное существованіе двухъ лицъ, носившихъ титулъ воеводи, не есть ошибочное мнѣніе Радула. Правда, его намеки на современные событія (пакы се обояхъ да мене погубеть) были бы для насъ болѣе понятны, еслибы можно было въ Александрѣ видѣть господара Молдавіи,

а не Валахія. Болѣе чѣмъ двадцатилѣтній періодъ молдавской исторіи (1552—1574) представляетъ собою непрерывный рядъ внутреннихъ переворотовъ, кровавыхъ усобицъ, жестокихъ казней и преслѣдованій. Таково было время Александра IV Лопушняна, два раза вырывавшаго у своихъ соперниковъ власть надъ Молдавіей (1552—1561, 1564—1566) ¹⁾. Еще болѣе смутно было время правленія Ивоиіи, посаженнаго Турками. Онъ ожесточенно преслѣдовалъ приверженцевъ народной партіи, епископовъ и монаховъ подвергалъ лишенію жизни и имущества, многихъ приказалъ закопать въ землю живыми. Возвращеніемъ нѣкотораго порядка Молдавія обязана была Валашскому воеводѣ Александру III (1568—1577), который въ 1574 г. посадилъ въ ней своего брата Петра ²⁾.

Такимъ образомъ, почти одновременное правленіе двухъ господрей одного и того же имени: Александра III въ Валахіи и Александра IV въ Молдавіи, нѣсколько затрудняетъ рѣшеніе вопроса о томъ, котораго изъ нихъ имѣеть въ виду Радулъ въ своей припискѣ.

Но приписка Радула имѣеть точную дату—7082, то-есть, 1574 г. отъ Р. Х., который дѣйствительно совпадаетъ съ временемъ Валашскаго воеводы Александра III. Уроженецъ Валахіи, Радулъ имѣеть въ виду и называетъ именно Валашскихъ воеводъ.

Ни въ Молдавіи, ни въ Валахіи не было опредѣленнаго порядка престолонаслѣдія. Власть попадала въ руки того, кто въ данное время успѣвалъ заручиться благорасположеніемъ и вооруженною помощію могущественнаго сосѣда: султана, короля Польскаго, царя Москов-

¹⁾ Engel, Geschichte der Moldau, S. 213. Ipse tyrannus cum paene nobilitatem trucidasset, praeter eos qui se eruentis eius manibus fuga eripuerunt, in convivio... *Vaillant*, La Romanie. Paris, 1844, I, p. 309. Отъ его времени сохранился актъ, изд. *Венемимъ*, Влахо-Болг. грам. 171; другой актъ изд. *Милошичемъ*, Monum. Serbica, str. 556. Едва ли къ этому времени относится перенесеніе мощей І. Трапезундскаго въ Сучаву, о чемъ говоритъ Ф. А. *Терновскій*, Изученіе византийской исторіи, II, стр. 256, прим. 2. Въ лѣтописи Мирона Костина приписывается это воеводѣ Александру Доброму (1401—1432): ἐμὴ τὸν δεύτερον χρόνον τῆς εὐθεντίας τοῦ ἔφερε καὶ πολλὴν ἔξοδον τὸ λείψανον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Ἰωάννου τοῦ νέου ἀπὸ τῆν Τραπεζοῦνταν, καὶ τὸ ἐκατέθεσεν ἐν τῇ περιφήμῃ πόλει Σοτάβα.

²⁾ Engel, Gesch. der Moldau S. 219 приводитъ одинъ актъ времени Ивоиіи. Nos Iohan Vajvoda terrarum Moldaviae et Valachiae dominus atque haeres juro per deum omnipotentem ac ritu feudali promitto, nos successoresque nostros fideles constantes oboedientesque fore serenissimo regi Sigismundo Augusto. Отъ времени воеводы валашскаго Александра III Мирчевича сохранилось нѣсколько актовъ, *Венелинъ*, стр. 132 и слѣд.

скаго, воеводы Трансильванскаго или даже малороссійскихъ казаковъ. Богатые и родовые бояре румынскіе непрерывно интриговали при иностранныхъ дворахъ, желая произвести переворотъ въ отечествѣ и захватить власть въ свои руки. Нерѣдко также Грекъ, казакъ или цыганъ появлялись во главѣ управленія несчастною страной. Въ XVI вѣкѣ турецкое правительство приобрѣло рѣшительное вліяніе на Румынскія княжества и сажало въ воеводы того претендента, который обѣщался собрать и уплатить большее количество дани. Чтобы облегчить новому владыкѣ задачу управленія страной, Порта принимала на себя заботу устранять всѣхъ другихъ менѣе счастливыхъ искателей власти воеводы, заключая ихъ подѣ стражу или ссылая въ разныя отдаленныя провинціи имперіи. Такимъ образомъ, въ Малой Азіи и на островахъ жило не мало отставленныхъ господарей Молдавіи и Валахіи. Какъ и всякій разъ бывшій господаремъ, они продолжали и въ изгнаніи, и въ заключеніи тщеславиться своимъ титуломъ: *Palatinus* или *Princeps, Dominus et Haeres*. Они не теряли надежды на переимѣну дѣлъ, поддерживали тайныя сношенія съ пашами и нерѣдко снова покупали власть воеводы. Иные, узнавъ о назначеніи на ихъ мѣсто другаго воеводы, успѣвали однако спастись бѣгствомъ за границу. Въ Вѣнѣ, Римѣ, Парижѣ, Венеціи, Варшавѣ и Москвѣ можно было встрѣчать румынскихъ воеводъ, которые сочиняли проекты, сулившіе неисчислимыя выгоды дружественному государству, еслибы оно рѣшилось поддержать права ихъ на управленіе Молдавіей или Валахіей. Рѣдая страна видѣла во главѣ своей, какъ Румыніа, такихъ искателей приключеній, часто, впрочемъ, весьма способныхъ и предприимчивыхъ, прошедшихъ сѣвѣзъ огонь и воду.

Родъ, къ которому принадлежалъ воевода Александръ III, считалъ уже не одного господаря Валахіи въ числѣ своихъ членовъ. Въ теченіе второй половины XVI вѣка, за немногими перерывами, почти всѣ лица, носившія титулъ воеводы, происходили изъ этого рода. Большею извѣстностью между ними пользуется Мирча III, въ первый разъ появляющійся въ 1545 году. Онъ заручился расположеніемъ визири Рустапа паши и при его содѣйствіи устранилъ изъ Валахіи соперничающую съ нимъ родъ воеводы Петрашка, отца того лица, для котораго Радуль написалъ Четвероевангеліе и о которомъ идетъ рѣчь въ припискѣ.

Ни тотъ, ни другой родъ не могъ похвалиться ни древностью, ни особенными заслугами; лишь искусно веденная интрига и подкупъ вліятельныхъ лицъ въ Константинополѣ обусловливали перевѣсъ

одного надъ другимъ. О Петрашкѣ, по прозванію Добрый, извѣстно весьма мало ¹⁾; сынъ его Михаилъ Храбрый пользуется по справедливости почетною извѣстностью въ румынской исторіи. Весьма любопытные документы, относящіеся къ исторіи другаго сына его, Петра Черчеля, частію недавно еще изданы и потому остаются не исчерпанными, частію хранятся еще въ архивахъ.

Петръ, сынъ воеводы Петрашка, — весьма привлекательное лицо въ румынской исторіи какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по разнообразнымъ сношеніямъ со многими государственными людьми того времени. Дабы получить неревѣсь надъ родомъ Мирчи, пользовавшимся особеннымъ расположеніемъ совѣтниковъ султана и имѣвшимъ связи въ сералѣ, Петръ придумалъ и съ полнымъ успѣхомъ привелъ въ исполненіе весьма сложный, смѣлый и умный планъ. Защитниками его правъ на господство въ Валахіи оказались сильнѣйшіе государи Европы — папа и Французскій король. Первый рекомендовалъ его второму, король же Генрихъ III отнесся къ личному дѣлу Петра Черчеля какъ къ вопросу достоинства и чести Французскаго короля, и въ письмахъ къ султану настойчиво хлопоталъ за своего „cousin“, „en faveur de nostre tres cher et bon Amy, le Prince de la grande Vallachie“. Съ 1578 по 1585 годъ французское посольство въ Константинополѣ, по видимому, было занято „singulierement de l'accomplissement de la grace et reintegration en son Estat du Prince de Vallachie“, то-есть, Петра Черчеля, сына воеводы Петрашка.

Онъ былъ весьма образованный человѣкъ, говорилъ и писалъ на многихъ языкахъ, имѣлъ сношенія съ просвѣщеннѣйшими людьми того времени во Франціи и Италіи ²⁾. Отсюда объясняется, почему нашъ книжникъ Радуль съ такимъ чувствомъ говоритъ о Черчелѣ: якоже волнующіеся въ пучинѣ морствѣи желаютъ прити въ пристанище отишное, такожде и азъ.... хове ему служити.... Изъ той же любви Петра Черчеля къ просвѣщенію объясняется появленіе румынскаго четвероевангелія.

¹⁾ Engel, Gesch. der Walachey, S. 220 — 221. Der Gute wird er wohl auch deswegen genannt, weil von ihm nicht vorkommt, dass er einen Bojagen habe umbringen lassen. Онъ оставилъ двухъ сыновей Михаила и Петра, оба они были потомъ воеводами Валахіи, устранивъ потомковъ Мирчи III. Ср. Vaillant, La Romanie, I, 309, 325; Kogalnitzschan, Histoire de la Valachie. Berlin, 1854 p. 128, 133.

²⁾ Vaillant, La Romanie, I, 325, написалъ о немъ больше, чѣмъ другіе историки. Но и у него Петру Черчелю посвящено лишь полторы страницы!

Слова приписки — понеже бѣше на далѣ, понимаемая нами: потому что онъ былъ далеко, на чужбинѣ, должны быть сопоставлены съ дальнѣйшими терминами, употребленными Радуломъ: на анадольская земле, на градъ Родосъ. Ошибочно написанныя падежныя и глагольныя формы крайне затрудняютъ пониманіе этого мѣста, но мы имѣемъ руководящія указанія, извлеченныя изъ другихъ источниковъ, которыя и приведемъ ниже.

И не имаху дружина. Мы принимаемъ глагольную форму въ смыслѣ перваго лица ед. числа и фразѣ даемъ такой смыслъ: я не имѣлъ сообщниковъ, то-есть, попутчиковъ. Дружина—societas, socii: коупьцемъ дубровъчскимъ годиться съмръть въ земляхъ светога ти царства, а дружину си не биху имели, добитке онога мърьца будутъ спасена.... Да ꙗ порота дубровчанину негова дружина дубровчане, у Даничича, Речинь. Дружина въ смыслѣ *соотрѣтиѣта* *comphilitones* едва-ли приложима къ этому мѣсту. Радуль находился тогда въ Новачанахъ или въ Никополѣ и былъ въ раздумьи, какъ бы добраться до воеводы Петрашка. Путь, занятый Турками, не былъ безопасенъ, между тѣмъ Радуль не имѣлъ проводника и едва-ли точно зналъ, гдѣ въ то время находился Петрашко. Приходитъ изъ Адрианополя нѣкто Иванъ и объясняетъ ему, какія мѣры предосторожности нужно было принять, чтобы безопасно совершить путешествіе. Отъ этого же Ивана Радуль могъ узнать нѣкоторыя подробности и о самомъ Петрѣ Черчелѣ. Словомъ, въ Иванѣ онъ нашелъ дружину, которой прежде не было.

И отидохъ съ Ива^т на анадольская земле на градъ Родосъ. и поелонисе азъ на петрашко воевод. Здѣсь трудность представляется въ томъ, какъ понимать съ Иван: сей Иванъ, или съ Ивановъ? Въ первомъ случаѣ форма глагола должна быть признана ошибочною, во второмъ надежное окончаніе. Необычно употребленіе творит. падежа въ такой формѣ сокращенія, ожидалось бы съ Ивано^т. Мы понимаемъ фразу такъ: и отошелъ съ Ивановомъ. Дѣйствительно, въ 1574 г. воевода Петрашко, полузабытый турецкимъ правительствомъ, находился въ изгнаніи въ Трапезундѣ, на Родосѣ или на Кипрѣ. Этотъ фактъ, указанный припиской Радула, вполне подтверждается депешей французскаго посла въ Константинополь Жака де Жерминьи, отъ 1-го октября 1579 г. ¹⁾ Приводимъ то мѣсто этой депеши, которое касается П. Черчеля:

¹⁾ Collection de Documents inédits sur l'histoire de France. Négociations de

„Quant au fait du prince de Vallaquie, j'ay présenté les lettres de V. M. audict G. S. (Grand Seigneur—титулъ султана) et à Méhemét bassa (Мохамметъ Союзль, знаменитый великій визирь славянскаго происхожденія), ensemble celles dudict prince, et usé de recommandation si estroite de vostre part, qu' enfin, après longs discours avec ledit bassa, il a condescendu et promis de faire office envers ledit G. S... Les discours et excuses dudit bassa ont esté qu' il estoit bien informé du fait; que ce prince, qui se présentoit de la part de V. M. n'estoit le vray et légitime prince de la Vallaquie... que bien qu' il fust fils de Petrasco, il ne pouvoit éstre légitime d' autant que ledit Petrasco avoit ordinairement dix ou douze concubines; et outre, iceluy Petrasco avoit esté serviteur d' ung religieux, esleu (избранный) et favorisé pour prince par aucuns factieux du pays, contre les vrais héritiers y establis du temps de sultan Soliman par Rustan passa (намежь на Мирчу III-го и его родъ); que luy — mesme y avoit esté despesché de ce mesme temps pour rompre le cours de cette faction, et de fait, en auroit fait exécuter plusieurs; et auroit esté lors, ledit Petrasco père estant peu auparavant décedé, le fils confiné à Rhodéz, Trebizonde et puis à Cypre, et ne pouvoit croire qu' il fust en France ny ailleurs qu' audict Cypre. Sur quoy je respondis qu' il estoit le vray, seul et naturel seigr de ladite Vallaquie, et seroit pour tel prouvé et recogneu de la pluspart des plus grands du pays. Que V. M. comme prince benin et rempli de piété le recommandoit très estroitement à S. H., et la prioit avoir esgard que semblables accidens peuvent advenir avec la force à tous princes...

Что касается даты, въ ней не все представляется яснымъ, именно не вѣрно показана цифра 26 для круга солнца. Лѣто 7082 соответствуетъ 1574 г. христіанской эры. Этотъ годъ падаетъ на индиктъ 2, циклъ луны 14, циклъ солнца 15, эпактъ 26.

Повелѣніемъ Господнимъ и отца нашего ѿ Петрашко воеводы. — понеже есть билъ добръ. Послѣ всего сказаннаго, это мѣсто не возбуждало бы болѣе особенныхъ сомнѣній, еслибы не странная прибавка ѿ въ имени Петрашки отца и сына. Объ этой формулѣ, неразлучной, по видимому, съ титуломъ господарей Молдавіи и Валахін, говорилъ Венелинъ ¹⁾; старался дать ей правдоподоб-

la France dans le Levant. T. III. Paris, 1853. Correspondance de Jacques de Gernigny, ambassadeur de France à Constantinople, p. 814 и слѣд.

¹⁾ Влахо-болг. грамоты, 27—30.

ное объясненіе и издатель „Акты русскаго на святомъ Аѳонѣ монастыря“ (стр. 446, 452). Сознаемся, она остается для насъ мало понятною: въ самомъ дѣлѣ, трудно поддерживать и защищать догадку, будто „это есть сокращенное Іоаннъ въ знакъ принадлежности къ династіи Болгарскаго царя І. Асѣня, при коемъ Молдавія была воеводиной его царства“. Почти несомнѣнно, что ω = Іоаннъ; но еслибы эта формула указывала на зависимость отъ Болгарскихъ царей, то въ ней слѣдовало бы быть родовому имени Асень, а не личному. Не отыщется-ли въ румынской исторіи національныхъ мотивовъ, по которымъ воеводы считали важнымъ присоединять къ своему имени заветное имя Іоанна? Съ личными именами въ румынской исторіи происходитъ неизбѣжная путаница. Нерѣдко дѣла одного лица приписываются другому, частію по сходству, частію по разнообразію именъ, носимыхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Любопытно, напримѣръ, что нашъ воевода (сынъ) во французскихъ депешахъ и въ припискѣ Радула называется Петрашко; въ письмѣ на имя великаго герцога Тосканскаго отъ 2-го октября 1588 онъ подписался: *Il Principe della Gran Valachia Petrus*, въ письмѣ къ намъ изъ Парижа, отъ 1-го февраля 1579 года:

*Humilissimus servus et orator
Petrus Demetrius Princeps
et Haeres Magnae Valachiae.*

Замѣтимъ еще, что встрѣчаются официальные акты румынскіе, въ которыхъ нѣтъ въ титулѣ воеводы прибавки $\Gamma\omega$.

Относительно лица воеводы Марка, которому принадлежало когда-то румынское Четвероевангеліе, какъ свидѣтельствуеть о томъ приписка на греческомъ языкѣ, не имѣется почти никакихъ фактическихъ указаній. Разъ, правда, упоминается Марко, котораго Михайлъ Храбрый (1592—1601), братъ Петра Черчеля, посадилъ въ господари Молдавіи въ 1600 г. Гаммеръ называетъ этого Марка сыномъ Петрашки ¹⁾, — Вальянъ, младшимъ братомъ Михаила Храбраго ²⁾. то-есть, оба историка считаютъ воеводу Марка сыномъ Петрашки и роднымъ братомъ Михаила Храбраго и Петра Черчеля. Еслибы мы

¹⁾ *Hammer*, *Gesch. d. osman. Reichs*, trad. par *Hellert*, VIII. p. 3: Michel... installa dans la Moldavie comme son vassal *Marc, fils de Petrisco*.

²⁾ *Vaillant*, *La Roumanie* I, p. 374 il (то-есть, Михайлъ) jette ses vues sur *Marcus* son frere cadet, et sitôt qu'il a obtenu son acceptation, il établit un gouvernement provisoire...

остановились на этихъ данныхъ, тогда пришлось бы въ греческой припискѣ читать не *ἐκγούου τοῦ πετράσκου*, но *ὁμοῦ*, что никакъ не согласуется съ тѣми наблюденіями, которыя мы сдѣлали надъ написаніемъ этого слова въ рукописи.

Имя Петрашко повторяется еще разъ въ нисходящей линіи рода Петрашки Добраго. Мы имѣемъ документальное свидѣтельство, именно письмо самого Михаила Храбраго, въ которомъ упоминается это имя ¹⁾: „*Ut diem solemnitatis nuptiarum sue serenitatis mihi perscribat Mag. D. V. rogo, ut possim Petrasco vaivodam filium meum, quemadmodum M. D. V. quoque perscripsit, isthuc expedire. Familiam quoque meam libenter isthuc mitterem, si sua serenitas eiusmodi bona mihi dedisset, ubi possent sese intenterere, quia cum familia mea alii quoque affines et consanguinei sunt futuri*“... И такъ, у Михаила Храбраго былъ сынъ, по имени Петрашко, третій въ родѣ, носившій это имя. По всей вѣроятности, Марко греческой приписки есть именно сынъ этого послѣдняго Петрашки. При такомъ предположеніи, имѣющемъ за собою весьма много вѣроятности, нашъ Петръ Черчель приходился бы именно дѣдомъ воеводы Марка, то-есть, послѣдній былъ бы по отношенію къ первому *ἐκγούος*.

Лица, выведенныя нами при объясненіи приписокъ румынскаго Четвероевангелія, находятся между собою въ такой родственной связи:

Петрашко Добрый

Петрашко Черчель

Михаилъ Храбрый

Петрашко

Марко.

2. Между каноническими греческими рукописями библиотеки Бодлея, въ Оксфордѣ, скрывается прекрасная славянская рукопись, по искусству письма лучшая изъ разсмотрѣнныхъ нами доселѣ, Сапонісі Gгаесі № 122. Славянскому тексту евангельской исторіи сопутствуетъ греческій, первый писанъ съ большою роскошью, крупными литерами. Вверху, внизу и по бокамъ каждой страницы остаются не записанными широкія поля, на одномъ изъ которыхъ и написанъ греческій текстъ. О роскоши письма славянскаго текста можно су-

¹⁾ Firenze, Archivio di Stato, Carteggio di Polonia № II, между бумагами 1590 г. Начало: *Ex iisdem Magn. D. V. literis intellexi*. На оборотъ: *Cancellario Transylvaniae*.

дять уже потому, что евангеліе Матѳея занимаетъ 159, Марка 104, Луки 174 и Іоанна 128 страницъ. За оглавленіемъ содержанія Евангелія Матѳея слѣдуетъ „прѣдисловіе Теофилакта архіепископа блъгарскаго. Иже убо прѣжде закона ѿни бжествѣнни мѣже неписанни и книгами просвѣщаахася—ни чистъ имѣше съмысль“¹⁾. За раскрытымъ листомъ, съ изображеніемъ евангелиста Іоанна, слѣдуетъ текстъ Евангелія съ греческимъ подлинникомъ на сторонѣ. На оборотѣ 159 листа, послѣ текста евангелія Матѳея, запись слѣдующаго содержанія:

Въ дни благочѣстиваго и холюбиваго ІѠ Александра воеводи. господарѣ всѣи молдовлахинской земли и благочѣстивои его госпожи Маринны. еже она желаніемъ въжделѣвши любви Х-вихъ словесъ рачителница, потѣщавсѣ даде и съписа сій тетроеуль. в лѣто 6937 и съврѣшисѣ мѣа марта въ 13 день.

Эта запись повторяется послѣ всѣхъ евангелистовъ, при чемъ послѣ евангелія Іоанна, на послѣдней страницѣ рукописи, она имѣетъ дополненія въ началѣ и на концѣ:

Благоизволеніемъ отца и наученіемъ сына и съврѣшеніемъ сгго дха оучини сій тетраеуль въ дни (какъ приведено выше) рѣждѣ Гавріила монаха сна оурякова иже и списавъ въ нѣмско монастыри.

Замѣтимъ прежде всего, что, по всей вѣроятности, наша рукопись есть именно та мнимая славянская Библия, о которой говоритъ Соларичъ, и въ которой еще Добровскій, со свойственною ему чуткостью и осторожностью, предполагалъ либо Евангеліе, либо Апостолъ²⁾. Библия Соларича писана въ Молдавіи, въ 1429 г., изъ Венеціи она попала въ Англію, гдѣ и оставалась въ неизвѣстности: эти признаки довольно приблизительно указываютъ на нашу рукопись.

Время правленія Молдавскаго господаря Александра 1401—1432 гг.

¹⁾ И проч. какъ можно находить въ большинствѣ сохранившихся рукописей четвероевангелія, напр. *Bibliothèque Nationale* № 18 въ отдѣлѣ слав. рук.

²⁾ Сказавъ, что до сихъ поръ не удалось отыскать полной библии между рукописями сербскаго происхожденія, Шафарикъ (*Geschichte der südslawischen Literatur. Prag. 1835, III, s. 185*) продолжаетъ: *Zwar erwähnt P. Solarič in s. Pominak knižeskij, Venedig 1810. 8°. s. 33—34, einer slawischen, im Kl. Njeme in der Moldau geschriebenen, ehemals bei Pericinotti in Venedig befindlichen, nun nach England ausgeführten Bibel vom J. 1429; allein Dobrowský war geneigt, den scheinbar sehr bestimmten Ausdruck „ljepu rukopisnu bibliju našu“ nur von einem Theile des Neuen Testaments (Evangelium oder Apostel) zu verstehen.*

представляетъ собою сравнительно менѣ спутанный періодъ молдавской исторіи. Правда, недостаточно еще разъяснено, чей онъ былъ сынъ и какъ получилъ власть; но отъ его времени сохранилось нѣсколько актовъ дипломатическихъ сношеній съ Польшей, которые, вмѣстѣ съ лѣтописными извѣстіями, позволяютъ возстановить по крайней мѣрѣ главнѣйшіе факты его времени.

Догіель въ своемъ изданіи Актвъ польскихъ даетъ краткое содержаніе пяти актовъ времени Александра: 1402, 1404, 1407, 1419 и 1421 гг.¹⁾ Первые четыре свидѣтельствуютъ о вассальной зависимости Молдавіи отъ Польскаго короля: Alexander Palatinus Moldaviae promittit fidelitatem Vladislao regi et regno Poloniae. Кромеъ также неоднократно ссылается на хранящіеся въ архивѣ акты²⁾. Изъ его указаній можно понять, что договоры между Польшей и Молдавіей касались еще совмѣстной политики этихъ странъ относительно Угрии. Въ силу этихъ особыхъ отношеній Молдавскій господарь считался не клиентомъ только, но союзникомъ Польши противъ Сигизмунда, короля Угорскаго.

Что касается внутренней дѣятельности воеводы Александра, преданіе приписываетъ ему устройство церковныхъ отношеній въ странѣ. Онъ отправлялъ посольства въ Константинополь и Охридъ и получилъ разрѣшеніе основать въ Молдавіи митрополию и двѣ епископіи; устроилъ два монастыря Быстрицу и Молдавицу, надѣливъ ихъ землями и богатыми вкладами. Для занятія церковныхъ мѣстъ и должностей вызвалъ онъ изъ Болгаріи духовныхъ лицъ; отсюда же перенесены были въ Молдавію церковныя книги, отсюда же пришли лица, знав-

¹⁾ Dogiel, Codex Diplomaticus regni Poloniae, I. Vilnae 1758. Первый документъ изъ сношеній Польши съ Молдавіей относится къ 1387 г. Издатель дѣлаетъ слѣдующее любопытное примѣчаніе: Literae Homagiales Palatinorum Moldaviae scriptae sunt lingua Valachica, cuius neminem gnarum Cracoviae, cum in Tabulario Reipublicae Instrumentorum Originalium exemplaria conficerem, reperire potui: inde est, quod illarum summarium tantum ex Regesto, quod in eodem Tabulario extat, descriptum hic subiungitur. На это указывалъ впрочемъ, еще Engel, Geschichte der Moldau, S. 35.

²⁾ Cromer, De origine et gestis Polonorum, Basileae 1568, p. 249. Extant etiam in archivio regio diplomata.... quo cautum est ne alteruter altero inscio Ungarorum regi bellum inferat: inducias vero aut foedus ab altero ictum uterque ut appobet; p. 274 cum Alexandro palatino Valachorum, iam prius foederato et cliente suo contra Sigismundum regem Ungarorum societatem iniit.

шія славянскій языкъ и переписывавшія въ монастыряхъ Молдавіи богослужебныя книги для распространенія ихъ по церквамъ ¹⁾).

Продолжительное правленіе Александра Добраго, не нарушаемое внутренними усобицами и опустошеніями, позволило ему сдѣлать значительныя сбереженія; онъ ссужалъ деньгами своего сюзерена Польскаго короля Ягелло, для покрытія издержекъ въ войнѣ съ Уграми, занялъ у Александра 1000 рублей подъ залогъ нѣкоторыхъ городовъ: *acceptis ab eo mille rublis sev ciclis argenti* (Cromer, lib. XVIII).

Не совсѣмъ ясны семейныя отношенія этого воеводы. Въ изданіи Краковской академіи наукъ замѣчено ²⁾ подъ однимъ актомъ Александра, что онъ былъ сынъ Петра, но мы не нашли свидѣтельствъ, подтверждающихъ это замѣчаніе. Онъ былъ женатъ два раза, и второй бракъ заключенъ въ семьѣ Ягелло-Владислава, короля Польскаго, въ 1421 г. Сохранился актъ, находящійся, по всей вѣроятности, въ связи съ брачнымъ союзомъ между польскимъ и молдавскимъ домомъ ³⁾, гдѣ сестра Польскаго короля названа именемъ Рингала (Ringala). По всей вѣроятности, Рингала, выходя замужъ за воеводу Александра, перемѣнила языческое имя на христіанское и была извѣстна въ Молдавіи подъ этимъ вторымъ именемъ, которое встрѣчается въ первый разъ въ припискѣ на молдавскомъ Четвероевангеліи (ѿ благочестивой его госпожи Маринѣ) ⁴⁾).

¹⁾ *Миронъ Костинъ*, Исторія Молдавіи. Не знаемъ, извѣстенъ ли греческій переводъ этой хроникѣ, хранящійся въ Парижѣ, въ Национальной библиотекѣ—Codd. gr., Suppl. № 6. Βιβλίον ἱστορικὸν περιέχον τὰς ἡγεμονίας καὶ διαγωγὰς τῶν ἐν Μολδαβίᾳ ἡγεμονευσάντων ἀδελφῶν... Συντεθέν μὲν πρῶτον παρὰ τοῦ μεγάλου λογοθέτου Μυρῶν Κωστήν εἰς молδαβικὴν γλῶτταν. Μεταφρασθέν δὲ διὰ προσταγῆς τοῦ ὑψηλοτάτου καὶ θεοσεβαστάτου ἀδελφέντου καὶ ἡγεμόνος πάσης Μολδοβλαχίας κυρίου Ἰωάννου Γρηγορίου Γγίχα βοεβόδα εἰς τὴν ἡμετέραν ἀπλὴν διάλεκτον παρὰ τοῦ ἀρχοντος πρώην μέγα Σλουτζάρου Ἀλεξάνδρου ἀμηρὰ τοῦ σμυρναίου. Ἐν Γλασιῶς ἐν ἔτει ἀπὸ Χριστοῦ 1729 κατὰ μῆνα φεβρουάριον. Объ воеводѣ Александрѣ Добромъ листъ 12, verso.

²⁾ *Inventarium omniaum et singulorum privilegiorum...* quaecunque in archivio regni in arce cracoviensi continentur. Lutetiae Parisiorum 1862, p. 133.

³⁾ *Dogiel*, I, p. 600: Alexander Palatinus Moldaviae cum Elia palatino fratre suo, Ringalae sorori Vladislai regis obligat ad vitae eius tempora oppida Sereth et Rothconsiec... ac insuper sexcentos ducatos sev florenos rubleos Hungaricales promittit se eidem annuatim sub poena dupli solutum.

⁴⁾ Правда, есть еще одинъ документъ, упоминающій о воеводѣ Александрѣ и его супругѣ. Онъ напечатанъ у *Hisdau*, *Archiva istorica a României*. I. 1. Bucuresci 1864, 113: Милостію Божію мы Петръ воевода... оучинили есми въ задущие святопочившихъ родителей нашихъ Александра воеводы и матери нашей госпожи Маріа... Можетъ быть, Хиждеу неправильно прочелъ славянскій текстъ: вмѣсто Маринъ — Маріа?

Съ вопросомъ о семейныхъ отношеніяхъ Александра Добраго имѣетъ еще связь вопросъ объ имени Иліа. У Догіеля онъ названъ братомъ Александра, въ Инвентарѣ Краковской академіи наукъ — сыномъ ¹⁾). Это разнорѣчіе вообще характеризуетъ состояніе источниковъ по занимающему насъ предмету. Воевода Иліа дѣйствительно сынъ, а не братъ Александра Добраго ²⁾); онъ играетъ довольно видную роль въ событіяхъ первой половины XV в. Въ особенности любопытны и мало разъяснены его отношенія къ Польшѣ ³⁾).

Рукою Гавріила монаха, сына Урикова. Имя монаха Гавріила, какъ писца книгъ въ XV вѣкѣ, не помѣчено у Шафарива, въ его Исторіи южнославянскихъ литературъ. Между лицами, приписанными королемъ Милутиномъ подъ монастырь Хиландарь, встрѣчается Оуричь Радомиръ ⁴⁾.

Иже исписавъ въ нѣмьскомъ монастыри. Это первый изъ монастырей, основанныхъ въ Молдавіи. Воевода Стефанъ I, въ 1392 году, надѣлилъ его вкладами и приношеніями и построилъ въ немъ церковь Вознесенія. Первые старцы въ немъ были Софроній, Пимень и Сильванъ ⁵⁾.

Къ фактамъ и отношеніямъ, выводимымъ на основаніи только что описанной румынской рукописи, имѣетъ ближайшее отношеніе приписка на болгарскомъ Четвероевангеліи г. Р. Курзона ⁶⁾). Она свидѣтельствуетъ о тѣсной культурной связи между Славянскими зем-

¹⁾ Inventarium, p. 134: et Elias palatinus dicti Alexandri filius. Нужно замѣтить, что въ Инвентарѣ перепечатанъ тотъ же самый актъ, который сообщенъ Догіелемъ.

²⁾ Венелингъ, Влахо-Болгарскія граматы, стр. 61, грамата воеводы Александра: А на то есть въра... възлюбленнаго сына Г-ва ми Иліаша воеводы и въра всѣхъ дѣтей нашихъ...

³⁾ Dudik, Archive im Königreiche Galizien und Lodomerien, S. 156 (*Archiv für Osterr. Gesch.*, B. 39): 12. Scultelia wurde in Galizien auch kniazstwo genannt. Urkunde des Nikolaus de Konjescpole, succamerarius et capitaneus Premisl. Er hat in dem Dorfe Makowa ein solches kniazstwo Elie walacho (?) gegeben.

⁴⁾ Miklosich, Monumenta Serbica, 61. Мысль, впрочемъ, безспорная и не требующая доказательства: первые монахи и переписчики книгъ въ Молдавіи были Болгаре или Сербы.

⁵⁾ Frunzescou, Dictionaru topograficu, Bucuresci, 1872, p. 314. Какъ видно, такъ и нѣкоторыми другими указаніями по румынской литературѣ мы обязаны Г. Пико (G. Picot), профессору въ Ecole des langues orientales vivantes, въ Парижѣ.

⁶⁾ Въ Британскомъ музеѣ между рукописями г. Курзона, Bulgarian № 153. Объ этой рукописи было уже сообщено ранѣе; здѣсь считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и поправки.

лями и Румыніей. „Воевода Александръ, сынъ воеводы Стефана, выкупилъ изъ залога это Четвероевангеліе“, то-есть, болгарскую рукопись, попавшую въ Молдавію послѣ завоеванія Турками Болгаріи.

Мы склонны были отождествить Александра, о которомъ идетъ рѣчь въ припискѣ на болгарскомъ Четвероевангеліи, съ воеводой Александромъ Добрымъ молдавскаго Четвероевангелія 1429 года. Но до сихъ поръ не удалось намъ отыскать доказательствъ на то, что этотъ воевода дѣйствительно былъ сынъ Стефана, хотя, нужно сознаться, нельзя съ рѣшительностію назвать отцомъ его и другое какое-нибудь лицо. Профессоръ Пико, приготовляющій въ настоящее время къ изданію румынскую лѣтопись Григорія Уреча ¹⁾, обѣщаетъ присоединить къ своему изданію и генеалогическую таблицу Румынскихъ господарей, то-есть, сдѣлать для румынской исторіи то же, что сдѣлалъ своими таблицами Кііжек для хронологіи славянскихъ исторій ²⁾. Библиотека г. Пико богата букарештскими и пештскими изданіями, ему доступны также относящіяся къ его вопросу славянскія книги.

Кромѣ воеводы Александра Добраго, существуетъ въ исторіи Валахіи еще другой Александръ, сынъ Стефана Великаго. Отъ его времени имѣется актъ, данный въ Сучавѣ 9-го іюля 1466 года. Хиждеу даетъ слѣдующую таблицу воеводъ XV вѣка ³⁾:

Александръ Добрый
Богданъ — его супруга Марія
Стефанъ Великій — Евдокія
Александръ — Елена.

¹⁾ Grigorie Urechi, писатель конца XVI в.; см. объ немъ *Roesler*, *Romänische Studien* S. 277.

²⁾ *Dějiny národu slovanských.*

³⁾ *Hisdan*, *Archiva istorica a României*, I, II, 114.

Ф. Успенскій.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ИКОНОБОРЦЕВ¹⁾.

IV.

Уставъ о земскихъ дѣлахъ.

Во многихъ, притомъ наиболѣе древнихъ, рукописяхъ Эклога Льва и Константина является съ разнаго рода дополнительными приложеніями, изъ которыхъ особенно важное значеніе имѣетъ такъ называемый „земледѣльческій законъ“ (*vómos γεωργικός*; и во множ. *vómoi γεωργικοί*). Какъ бы по наслѣдству, это приложение переходитъ къ другимъ позднѣйшимъ руководствамъ и ручнымъ книгамъ, предназначеннымъ замѣнять осужденное произведеніе еретическихъ государей. Прокиронъ и Эпанагога Василия Македонянина, а равно и частныя переработки официальныхъ законниковъ, въ особенности такъ называемый „Шестикнижникъ“ Арменула (XIV в.), нерѣдко украшаются прибавкою земледѣльческаго закона, обыкновенно приписываемаго здѣсь Юстиніану. Уже въ Ватиканскомъ сборникѣ X вѣка законы императоровъ Льва и Константина, Василия и Александра сопровождаются крестьянскимъ уставомъ, какъ мы можемъ иначе называть *vómos γεωργικός* (*leges rusticae, agrariae*)²⁾. Изъ пяти сборниковъ Московской синодальной библіотеки, содержащихъ въ себѣ этотъ уставъ, въ двухъ онъ слѣдуетъ за Шестикнижникомъ Арменула; въ самомъ древнемъ, относимомъ къ XI или XII вѣку, имѣетъ впереди

¹⁾ Окончаніе. См. октябрьскую книжку *Ж. М. Н. Просв.* за текущій годъ.

²⁾ *Recensio manuscriptorum codicum, qui ex universa bibliotheca Vaticana selecti. procuratoribus Gallorum jure belli—traditi fuere* (Lipsiae, 1803), pag. 70 № 1168.

„Избраніе отъ закона, Богомъ даннаго Израильтяномъ Моисеемъ“ (Ἐκλογὴ τοῦ Θεοῦ διὰ τοῦ Μοϋσῆως δοθέντος νόμου), известное по печатной Кормчей и находящееся также въ сейчасъ упомянутой Ватиканской рукописи ¹⁾. Не приводимъ указаній на кодексы Парижской, Оксфордской и другихъ библиотекъ; свѣдѣнія о нихъ можно найти въ сочиненіяхъ Цахаріэ, Геймбаха и Мортрейля (Mortreuil, Histoire du droit Byzantin). Замѣтимъ только, что крестьянскій уставъ вошелъ уже въ самый составъ Эклоги, измѣненной по Прохирону (Ecloga ad Prochiron mutata), и образуетъ въ ней титулы XXIV-й и XXV-й, удѣливъ не малое число статей и для смежныхъ титуловъ.

Крестьянскій уставъ является въ различныхъ редакціяхъ или изводахъ, смотря по тому, при какомъ юридическомъ памятникѣ онъ находится. До сихъ поръ въ печати существуетъ только самая младшая редакція, именно та, которую Арменопуль присоединилъ къ своему руководству. Здѣсь Земледѣльческій законъ раздѣляется на титулы (пятнадцать въ изданіи Леунклавія, десять въ новомъ изданіи Геймбаха) и содержитъ въ себѣ 97 статей, не считая предисловія (praefatio), состоящаго изъ 6 параграфовъ. О древнѣйшей редакціи мы знаемъ, что она вовсе не имѣетъ раздѣленія на титулы и состоитъ только изъ 83 статей, расположенныхъ совершенно въ другомъ порядкѣ, чѣмъ у Арменопула, притомъ съ значительными отступленіями въ самомъ ихъ текстѣ. Статьи, являющіяся въ изданіяхъ Арменопула позднѣйшими прибавками или вставками, суть слѣдующія (по изданію Геймбаха, Const. Armenopuli Manuale legum sive Hexabiblos Lipsiae, 1851): tit. A' § 17. tit. Δ' §§ 2 и 8. tit. E' § 3 tit. Eт. § 6 и 7. tit. Z' §§ 5 и 6. tit. H'. § 6. tit. I. §§ 2, 3, 5, 10, 11, ²⁾.

Въ надписаніяхъ, которыя придаются въ рукописяхъ крестьянскому уставу, онъ нерѣдко называется „земледѣльческимъ закономъ Юстиніана“ (νόμος γεωργικὸς Ἰουστινιάνου), и подобнымъ же оглавленіемъ онъ обнаруживаетъ свое присутствіе въ „Эклогѣ измѣненной по Прохирону“, гдѣ двадцать-пятый титулъ обозначается слѣдующимъ обра-

¹⁾ *Matthaei*, Codicum graec. bibliothec. Mozquens. notitia (Lipsiae, 1805), р. II. №№ XLI, XLIV, XXXVIII. Два остальные кодекса (№№ LI; LVI) принадлежатъ XV и XVI столѣтіямъ; послѣдній замѣчательнъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ и Эклогу въ 18-ти титулахъ.

²⁾ По свидѣтельству *Цахаріэ*, у котораго мы заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія, предисловіе (prooemium), а равно и раздѣленіе на обозначенные численіемъ титулы, находятся не во всѣхъ рукописяхъ Шестивинишника и не во всѣхъ изданіяхъ земледѣльческаго закона.

зомъ: „О земледѣльцахъ — царя Юстиніана“ (περὶ γεωργῶν Ἰουστινιάνου τοῦ βασιλέως). На основаніи этого надписанія прежде полагали, что изданіе „земледѣльческаго закона“ принадлежитъ ближнему по времени предшественнику иконоборцевъ, печальной и трагической памяти Юстиніану II Ринотмету (695—695 и 705—711 гг.). Но есть другія нѣсколько позднѣйшія заглавія, которыя представляютъ дѣло въ иномъ видѣ. Въ нихъ указывается только на происхожденіе крестьянскаго устава изъ Юстиніановыхъ книгъ путемъ выбора, то-есть, извлеченія, при чемъ, конечно, разумѣется законодательство Юстиніана 1-го ¹⁾. Однако, и на этомъ указаніи нельзя остановиться. Только не многія статьи устава могутъ быть возведены къ Юстиніановымъ книгамъ, какъ своему источнику; большая часть ихъ даетъ совершенно новое право, такъ что считать земледѣльческій законъ простою компиляціей изъ древнѣйшихъ источниковъ представляется невозможнымъ.

Такимъ образомъ мнѣніе, которое долго было общепринятымъ, что земледѣльческій законъ есть *частная компиляція* какого-нибудь юриста VIII или IX вѣка, оказывается не соответствующимъ содержанию нашего памятника. Оно не соответствуетъ также и его стилю, такъ какъ въ немъ постоянно господствуетъ повелѣвающая законодательный способъ выраженія, указывающій на официальное происхожденіе. Если же поставить вопросъ о времени, когда могъ быть изданъ новый крестьянскій уставъ, то предположеніе о VIII вѣкѣ, основанное на томъ, что онъ въ рукописяхъ часто образуетъ составную часть древняго приложенія въ Эклогѣ (Appendix Eclogae), нужно признать имѣющимъ весьма большую вѣроятность. Вѣроятность эта приобретаетъ степень совершенной достовѣрности, если мы обратимъ вниманіе на внутреннее и внѣшнее родство Земледѣльческаго закона съ Эклогою Льва и Константина. Наказанія, которыми угрожаетъ Земледѣльческій законъ, не только тѣ же самыя, что и въ Эклогѣ, но и описываются они тѣми же самыми выраженіями. Терминъ, употребляемый для обозначенія судей, и самое обращеніе къ нимъ (τρεῖς ἄκροται, да разсудатъ послуси), встрѣчаются одинаково въ Эклогѣ (V, 5. X, I. XVII, 47) и въ Земледѣльческомъ законѣ (1 § 9 и др.). Постановленіе Земледѣльческаго закона о различномъ вознагражденіи за вола или осла, смотря по тому—

¹⁾ Эти заглавія весьма разнообразны; наиболѣе краткія: «νόμος γεωργικός κατ' ἐκλογὴν ἐκ τῶν Ἰουστινιάνου βιβλίων». «Νόμοι γεωργικοί κατ' ἐκλογὴν τῆς θείας λήξεως Ἰουστινιάνου βασιλέως» и т. п.

паль ли онъ на той работѣ, для которой былъ выпрошенъ у хозяина, или на другой (§ 18), совершенно аналогично съ известнымъ намъ правиломъ Эклоги о чужомъ конѣ. Постановленія Эклоги о поджогѣ или порубкѣ чужаго лѣса и о поджогѣ въ городѣ (XVII, 40, 41) совершенно соотвѣтствуютъ статьямъ крестьянскаго устава о поджогѣ чужаго тростника, деревьевъ или гумна и сноповъ (VIII, 2 и 4). Въ крестьянскомъ уставѣ пастуху назначается различное наказаніе, смотря по тому—какимъ орудіемъ онъ убилъ или ослѣпилъ известное животное изъ своего стада (III, 7); подобное же различіе орудій убійства въ Эклогѣ принимается въ отношеніи къ убійству челоуѣка (XVII, 47). Эклога и Земледѣльческій законъ иногда восполняютъ себя взаимно самымъ яснымъ образомъ. Въ Эклогѣ предвидится тотъ случай, когда быкъ или баранъ будетъ убитъ въ дракъ съ соотвѣтствующею скотиною другаго хозяина (XVII, 9), а также предусматриваются случаи угона чужаго стада (*ibid.* 13); но только въ Земледѣльческомъ законѣ находится постановленіе, что если кто найдетъ въ лѣсной чащѣ вола, и зарѣзавъ его, вовесть себѣ его мясо, то подвергнется отсѣченію рукъ (VI, 4). Нѣкоторые случаи разногласія между Земледѣльческимъ закономъ, и Эклогою (XVII. 11, 13; ср. *Leg rust.* II, 1—7) объясняются какъ особенности крестьянскаго права. Все приводитъ насъ къ тому заключенію, что Земледѣльческій законъ изданъ или современно съ Эклогою Льва и Константина; или же немного послѣ, и во всякомъ случаѣ долженъ считаться памятникомъ Исаврійскаго иконоборческаго законодательства.

По своему содержанию „*νόμος γεωργικός*“ можетъ быть характеризованъ какъ земское полицейское уложеніе. Онъ главнымъ образомъ занимается разнаго рода кражами: лѣса, полевыхъ и садовыхъ плодовъ и т. п., проступками и недосмотрами пастуховъ, поврежденіями животныхъ и отъ животныхъ—въ родѣ отравы и т. д., и здѣсь частію повторяетъ съ большими или меньшими измѣненіями опредѣленія Юстиніанова права (*interdictum de arboribus caedendis*), частію вводитъ свои собственныя новыя правила. Сверхъ того, здѣсь и тамъ, а главнымъ образомъ въ началѣ выставляются такія положенія, которыя совершенно справедливо могутъ быть счѣтаемы принципиальными нововведеніями, созданіемъ особеннаго и своеобразнаго крестьянскаго права и открываютъ намъ весьма драгоцѣнный и совершенно не ожидаемый просвѣтъ на положеніе земледѣльческаго класса въ VIII вѣкѣ по Р. Х.

Первое, что бросается въ глаза при изученіи данныхъ, находя-

щихся въ Земледѣльческомъ законѣ, есть совершенное отсутствіе всякихъ указаній на колонатъ, или другими словами, на вѣрностное право, господствовавшее въ Римской имперіи отъ временъ Константина Великаго до Юстиніана. Знаменитое установленіе, созданное государственнымъ гениемъ Римскаго народа уже въ періодъ упадка, но можетъ быть, послужившее орудіемъ величайшаго прогресса въ исторіи человѣчества, если мы признаемъ, что оно возникло не только въ замѣну рабства-невольничества, но даже изъ нѣдръ его, установленіе, переданное потомъ въ наслѣдство новому западно-европейскому міру, совершенно, но видимому, исчезло въ имперіи, справедливо почитавшей себя прямою преемницею стараго Рима ¹⁾. О колонахъ, адскрипціяхъ (*adscriptitii*, *ἀναπόγραφοι*), вообще о прикрѣпленіи къ землѣ нигдѣ въ Законѣ земледѣльческомъ нѣтъ рѣчи; точно также ничего не знаетъ крестьянскій уставъ иконоборцевъ и о патронатѣ (*patrocinium*) крупныхъ землевладѣльцевъ, чтó служило почти только другимъ выраженіемъ для обозначенія того же самаго отношенія. Существовать, конечно, крестьяне, обрабатывающіе не свои участки, а земли крупныхъ землевладѣльцевъ, но все показываетъ, что они не крѣпки землѣ и обладаютъ правомъ свободного перехода. Если сбѣжать съ своего участка крестьянинъ, то ему угрожаетъ не насильственное водвореніе на прежнее жительство, а совершенно иного рода невыгоды ²⁾. Если крестьянинъ, снявшій для обработки участокъ земли у землевладѣльца, броситъ его, не докончивъ своего

¹⁾ Въ высшей степени интересный и важный вопросъ о происхожденіи колоната едва ли можетъ почитаться окончательно разрѣшеннымъ, не смотря на появленіе новаго изслѣдованія, специально посвященнаго этому вопросу: (*Die Entstehung des Colonats. Von B. Heisterbergk. Leipzig, 1876*). Все, чтó новый изслѣдователь говоритъ противъ теоріи, производившей колонатъ отъ *германскихъ поселеній* на Римской почвѣ (*Capitulanten-theorie*), можетъ быть признано совершенно вѣрнымъ. Но мы вовсе не находимъ, чтобы д-ръ Гейстербергкъ успѣлъ окончательно устранить теорію Родбертуса, развитую съ такимъ знаніемъ и блескомъ въ его статьяхъ, помѣщавшихся въ журналѣ *В. Гилдебранда* (*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*) за 1864 годъ (*Zur Geschichte agrarischen Entwicklung Roms unter den Kaisern oder die Adscriptitii, Inquilinen und Colonen*). По второй теоріи, изложеніе которой здѣсь завело бы насъ слишкомъ далеко и потому должно быть оставлено до другаго удобнаго случая, римскіе свободные люди, прикрѣпленные къ землѣ и обязанные известными повинностями къ государству и землевладѣльцу (=колони), ведутъ свою родословную отъ прежнихъ рабовъ-невольниковъ классической древности.

²⁾ Leg. rust., I, 13, 14; ср. *Zachariae, Geschichte*, pag. 238, 241 и здѣсь ниже.

дѣла, то онъ обязывается закономъ только вознаградить господина за нанесенный ему ущербъ. Если крестьянинъ безъ вѣдома землевладѣльца распашетъ или засѣетъ на его землѣ участокъ земли, то хозяинъ можетъ согнать его безъ всякаго вознагражденія ¹⁾. Правильнымъ образомъ крестьяне могутъ пользоваться чужою землею только на основаніи прямой передачи (*ἄχθος*) или на основаніи молчаливой терпимости земледавца (τοῦ χωροδότηου). Въ первомъ случаѣ отношенія крестьянина къ господину и количество платимаго имъ оброка или аренды опредѣлялись, конечно, самыми условіями передачи. Въ нѣскольکو позднѣйшихъ источникахъ этотъ оброкъ называется „договоромъ“ (*κακτων*: *Παῖρα XV, 2*), или же, какъ въ урбарныхъ описяхъ латинскаго времени, *arrastuaciones* ²⁾. Но другой случай, вѣжется, былъ самымъ распространеннымъ, то-есть, крестьяне чаще всего садились на чужой землѣ только съ невняскаваннаго согласія владѣльца: въ этомъ случаѣ крестьяне платили свою дань извѣстнымъ процентомъ съ своей жатвы. Отъ стараго названія этой дани—морта (*μόρτη*) сами крестьяне такого рода назывались мортитами (*μортίτης*, по новогречески: *ἑμортίτης* или *ἐπίμортος*). Относительно мортитовъ земледѣльческій законъ содержитъ слѣдующее весьма любопытное постановленіе, которое мы приводимъ съ начала по Уставу о земскихъ дѣлахъ, носящему имя Ярослава Мудраго. „Десятина нивы: сѣявшему девять сноповъ, а имѣющему землю десятый снопъ. Аще ли кто инако раздѣлитъ, Богомъ проклять будетъ“. *Μορτίτου μέρος δεκάτια θ'. χωροδότηου μέρος δεκάτιον εἰν. 'Ο δὲ ἄχθος τοῦτων μερίζμενος θεοκατάρατος.* (Часть мортита—девять сноповъ, часть земледавца—одинъ снопъ и т. д.) Отсюда видно, что подать, именуемая мортотю, равняется простой десятиной, какъ это подтверждается документами позднѣйшаго времени. Сверхъ того, приведенное нами постановленіе, очевидно, основывается на Моисеевомъ законѣ (Левитъ XXVII, 30 или Числь XVIII, 21), чтò становится болѣе понятнымъ, когда мы припомнимъ, кому главнымъ образомъ принадлежали въ среднія вѣка недвижимыя поземельныя имущества. До Константина Копронима, стремившагося совсѣмъ уничтожить монастыри и конфисковавшаго въ пользу казны ихъ землі, болѣшая часть удобной для

¹⁾ *Leg. rust.*, I, 11, 2, 7; *Zachariae*, *Gesch.*, pag. 240, Anmerk. 841 и здѣсь ниже.

²⁾ *Buchon*, *Nouvelles recherches sur la princ. franc. de la Morée*, I, p. 419, II, pag. 55, 74, 245; *Tafel und Thomas*, *Urkunden*, II, 208.

сельскаго хозяйства территоріи на востоѣ находилась въ рукахъ церкви, точно такъ, какъ то же самое было на западѣ до временъ Карла Мартела, проводившаго свою секуляризацію параллельно съ мѣрами иконоборцевъ и едва ли безъ всякаго вліянія со стороны византійскаго движенія.... Однако, простая десятина за пользованіе чужою землею должна показаться тѣмъ болѣе низкою платою, чтò, какъ мы далѣе увидимъ, рядомъ существовалъ другой обычай — отдачи земли нѣз—полу. Какъ можно было ожидать, что помѣщикъ отдастъ свою землю мортитамъ за десятину жатвы, когда ему представлялась другая возможность вступить въ договоръ съ половникомъ? Сомнѣніе это уже давно разрѣшалось предположеніемъ, что половниковъ было не довольно, и указаніемъ на то, что половникъ обыкновенно заключалъ свой договоръ только на одинъ годъ, а слѣдовательно, только мортить или десятичникъ могъ обезпечить постоянную обработку земли. Цахаріэ прежде считалъ такіа объясненія недостаточными и думалъ, что мортить, кромѣ десятины собственнику земли, долженъ былъ внести за себя и всѣ общественныя подати, между тѣмъ какъ половникъ, принимающій участіе только на короткій срокъ отъ посѣва до жатвы, уже поэтому не могъ быть обязанъ уплатою поземельной подати. Но теперь, въ новомъ изданіи своей Исторіи Греко-Римскаго права, Цахаріэ тоже отказался отъ своего первоначальнаго объясненія, которое онъ придумалъ для загадочной десятины. Онъ полагаетъ теперь, что въ тѣмъ безпокойныя времена, особенно тяжелыя для земледѣльческаго класса, большимъ землевладѣльцамъ, которые не могли сами хозяйничать на своихъ владѣніяхъ и только развѣ отчасти могли хозяйничать чрезъ управителей, и въ самомъ дѣлѣ трудно было бы найдти крестьянъ, которые согласились бы на иныхъ условіяхъ и на болѣе долгій срокъ обрабатывать ихъ земля. Помѣщикамъ по неволѣ приходилось считать себя счастливыми, когда находился кто-нибудь, бравшійся хотя бы за своевольную и случайную обработку ихъ полей. Можетъ быть, пониженіе до простой десятины той дани, которая прежде все-таки составляла болѣе большой процентъ, именно простиралась до шестаго снопа ¹⁾, послѣдовало въ

¹⁾ *Du Cange, Glossarium graecit. sub v. μόρτη.* Здѣсь приводится мѣсто изъ комментарій Евстація Солунскаго къ Одиссею, которое гласитъ, что морта есть народное выраженіе, что оно означало *шестую* часть плодовъ, которая давалась эктиморіямъ: Евстацій дѣлаетъ при этомъ ссылку на какой-то анонимный риторическій словарь.

земледѣльческомъ законѣ именно въ видахъ поощренія къ воздѣлыванію въ пустѣ лежащихъ полей. Впрочемъ, въ крестьянскомъ уставѣ разныхъ редакцій находится указаніе на то, что такой порядокъ не правился землевладѣльцамъ и что они принимали мѣры къ его измѣненію—вѣроятно, вскорѣ послѣ иконоборческой эпохи. Еще въ очень древнихъ рукописяхъ нашего памятника помѣщается въ концѣ въ старинномъ извлеченіи эдиктъ префекта Зотика, изданный въ 512 году и воспрещающій приемъ чужихъ крестьянъ ¹⁾, а въ новѣйшихъ изводахъ это приложение входитъ уже во внутренній составъ Земледѣльческаго закона (Leg. rust. 1, 17). Соотвѣтственно съ возможностью свободного перехода на сторонѣ крестьянъ, за землевладѣльцами, конечно, признавалось право во всякое время удалять ихъ со своей земли. Однако, существовало, по видимому, такое правило, что помѣщикъ не могъ согнать крестьянина съ участка, на которомъ тотъ сидѣлъ въ продолженіе тридцати лѣтъ: въ этомъ случаѣ въ пользу крестьянина начинала дѣйствовать давность. Вѣроятно, этою давностію объясняется та статья Эклоги, которая запрещаетъ отдавать въ наемъ (аренду) государственныя, императорскія и церковныя земли болѣе чѣмъ на 29 лѣтъ, дабы право свободного распоряженія оставалось неограниченнымъ и не стѣсненнымъ.

Помимо крестьянъ, обрабатывающихъ чужую землю, Земледѣльческій законъ знаетъ также и крестьянъ собственниковъ. Что для насъ особенно важно и что составляетъ вторую любопытную и характеристичную черту нашего памятника, онъ содержитъ несомнѣнныя указанія на общинное устройство и общинное землевладѣніе, какъ принадлежность быта свободныхъ земледѣльцевъ. Вся земля, исключая усадебной и находящейся подъ садами, разсматривается, какъ собственность цѣлой общины (*κοινότης τοῦ χωρίου*); члены ея (*χωρίται*) въ отношеніи пользованія суть какъ бы члены товарищества (*κοινωνοὶ = socii*), что впрочемъ вовсе не исключаетъ фактическаго отдѣльнаго пользованія ²⁾. Когда житель известнаго поселенія найдетъ подходящее для себя мѣсто внутри общинной земли и построить на немъ

¹⁾ Эдиктъ изданъ Цахаріε въ его *Ἀνάκτοτα*, pag. 275: *Μηδεὶς ἀλλότριον ὑποδεχέσθω γεωργόν. εἰ δὲ ὑποδέξηται ἀποδιδότω αὐτὸν τῷ χωρίῳ, ὃ καταλείπει, καὶ εἰ τινα λόγον ἔχει περὶ αὐτοῦ ἢ αὐτὸς ὁ ὑποδεχάμενος ἢ ὁ πρὸς τὸ χωρίον ἐπαναχθεὶς, τοῦτῃ κερήσθω παρὰ τῷ ἀρχόντι. Εἰ δὲ παραβῆ, δίδότω τῷ ταμίειν ἰβ' λίτρας ἀργύρου, διπλασίας δὲ τῷ χωρίῳ τοῦ χωρίου, καὶ οὕτως ὑπὸ τοῦ ἀρχόντος ἀναγκαζόμενος ἀποδοῦναι τὸν γεωργόν, μετὰ τοῦ rescilii καὶ πάσης ζημίας καὶ βλάβης.*

²⁾ *Leges rusticæ*, VII, 1: *Ἐὰν δένδρον ἀνατραφῆ ὑπὸ τινος ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ.*

мельницу, то остальные члены общины не только могут объявить свои притязанія на мѣсто, какъ принадлежащее всей общинѣ, но даже имѣютъ право, возмѣстивъ издержки, сдѣлаться совладѣтелями (κοινοῦοί) въ самой мельницѣ ¹⁾. Впрочемъ, всегда есть возможность предложить дѣлежъ общинной земли, что называется μερισμός или μερισία. Каждый получаетъ тогда свой участокъ (μερίς, σκαρτίον), свое мѣсто (τόπος), дѣлается самостоятельнымъ господиномъ (κύριος или δεσπότης) того куска земли, поля или виноградника, который выпалъ на его ²⁾ долю. Нужно думать, что пастбища, служащія выгономъ для скота, оставались все-таки въ общинномъ владѣннн. Принципъ дѣленія остается неяснымъ въ крестьянскомъ уставѣ, а позднѣйшіе источники допускаютъ толкованія какъ въ пользу равенства участковъ, такъ и въ пользу соразмѣрности ихъ съ тою долей участія въ платимыхъ всею общиною податяхъ, которая до тѣхъ поръ лежала на каждомъ отдѣльномъ членѣ ³⁾. Дѣлежъ можетъ быть признанъ неправильнымъ и отмѣненъ, если при этомъ потерпѣлъ одинъ изъ членовъ общины ⁴⁾. Своимъ участкомъ крестьянинъ или пользуется самъ, обрабатывая его съ помощью рабовъ, или отдаетъ другимъ свои отдѣльныя поля или свой виноградникъ—для обработки изъ-полу, что представляется обычнымъ явленіемъ. Такой половникъ называется ἡμισιαστὴς (а въ новогреческомъ μεσσηχάρης (ἡ)μισσηχικός). Какъ полный хозяинъ своего участка, крестьянинъ всегда можетъ воспротивиться вторженію третьяго посторонняго лица въ его долю. Но если онъ допустилъ, что кто-либо другой разработалъ его заросшую дѣсомъ землю (ἀβολὸν χῆραν), то онъ долженъ дозволить этому постороннему пользоваться плодами его трудовъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, и только по истеченіи ихъ можетъ потребовать возвращенія своего земельного участка ⁵⁾. Если хозяинъ находится въ отсутствіи, и кто-нибудь выстроится на его землѣ или разведетъ на ней свой виноградникъ, то по возвращеніи своемъ прежній владѣлецъ долженъ примириться съ тѣмъ, что случилось, если ему предложено будетъ эквивалентъ или соразмѣрное вознагражденіе въ видѣ такого же поземельнаго участка (ἀντιτοπία) ⁶⁾. Что ка-

¹⁾ Leg. rustic., X, 6; ср. Ecloga at Prochiron. mutata XXV, 20 и 21.

²⁾ Zachariae, Gesch. pag. 237. Παῖρα XXXVII, 1. 2 и Sententia Cosmae in Leunclav. Ius Graecorum. II, 167.

³⁾ Leg. rustic., I, 8; ср. Sententia Cosmae magistri.

⁴⁾ Leg. rust., I, 12.

⁵⁾ Leg. rust., X, 1, 4.

сается общественныхъ податей, то само собою разумѣется, нога общинная земля еще не поступала въ раздѣлъ, онѣ вносились всею общиною; но и послѣ раздѣла отвѣтственность за всю совокупность податей лежала на всѣхъ вмѣстѣ ¹⁾. Такимъ образомъ все-таки оставалось то юридическое воззрѣніе, что земли, принадлежащая известной совокупности членовъ, составляющихъ общину, есть общія ихъ собственность, и что отдѣльное владѣніе не уничтожаетъ первоначальнаго принципа общинности. Взглядъ этотъ остался господствующимъ и въ позднѣйшемъ византійскомъ правѣ. Сотни лѣтъ послѣ нашей эпохи все еще говорится объ „сельскомъ мирѣ“ (*οἰκός τῶν χωρίων*) и о „сельскихъ общинахъ“ (*ἀνακοινωνεὶς χωρίων* или *κέντητων*), и остается въ силѣ то вытекающее изъ названнаго принципа правило, что общинная земля не можетъ быть разсматриваема какъ имѣніе, лишенное хозяина, нога остается на лицѣ хотя одинъ крестьянинъ (*χωρίτης*), и что участокъ, сдѣлавшійся пазднимъ, то-есть, безгосподнымъ, достается общинникамъ (*συχωρίταις*) въ известномъ отношеніи къ ихъ участию во взносѣ общей подати ²⁾.

Если теперь поставить вопросъ, откуда появились въ Византійскомъ государствѣ и въ византійскомъ общественномъ устройствѣ такія совершенно новыя начала, какъ свобода крестьянскаго перехода и общинное владѣніе землею, то уже на первый взглядъ представляется болѣе правдоподобнымъ, что оба эти принципа находятся между собою во внутренней связи и соединены не одною только хронологическою одновременностію проявленія. Въ такомъ случаѣ, едва ли даже одну минуту можно останавливаться на теоріи фискальнаго происхожденія общиннаго землевладѣнія, которая уже выставлялась въ видѣ, конечно, простаго предположенія самимъ Цахаріемъ. Возможно, говорить онъ,—что воззрѣніе о коллективномъ правѣ собственности на общинную землю всѣхъ живущихъ на ней образовалось совершенно простымъ образомъ изъ фискальнаго правила, по которому каждый членъ общины отвѣчаетъ за исправное поступленіе подати, слѣдующей со всей общинной земли: правило это очень легко могло привести къ теоріи, что собственно и первоначально

¹⁾ Leg. rustic., I, 13, 14. См. объясненіе этихъ статей у Цахарія, Gesch, pag. 238, Anmerk. 837 и здѣсь ниже.

²⁾ См. новеллы императоровъ Романа Лекапина и Константина Багрянороднаго (935 и 947 годовъ); Zachariae, Jus Graecorom., III, 243, 252; ср. pagg. 284, 315; Πεῖρα, IX, 9, XV, 10, XXXV, 11, 2.

каждый имѣеть извѣстныя права по отношенію ко всей этой землѣ. Однако, римскіе куріалы очень долго страдали вслѣдствіе подобнаго принципа круговой отвѣтственности, а не пришли къ воззрѣніямъ, противорѣчившимъ складу греко-римскаго общественнаго и юридическаго быта. А главное—возможно ли, чтобы законодатель возлагалъ на общину отвѣтственность за исправное поведеніе поземельныхъ податей и въ то же время давалъ ея членамъ право переходить съ одного мѣста на другое? Освобожденіе крестьянъ отъ патроната крупныхъ землевладѣльцевъ, конечно, могло быть декретировано императорскимъ постановленіемъ; но весьма невѣроятно, чтобы во время всеобщей неустойчивости населенія, бывшей послѣдствіемъ славянскихъ передвиженій, какой-либо законодатель, обладающій здравымъ смысломъ, рѣшился провозгласить и съ своей стороны, притомъ безъ всякаго принужденія, что всякій можетъ искать себѣ кровъ и землю, гдѣ онъ хочетъ. Совершенно иное дѣло, если мы предположимъ, что законъ не предшествовалъ этнографическому и вмѣстѣ соціальному перевороту, а послѣдовалъ за нимъ, и только призвалъ то, что уже существовало въ жизни. Второе возможное объясненіе, которое также представлялось знаменитому историку греко-римскаго права, несравненно вѣроятнѣе. Съ первой половины VII вѣка по Р. Х. цѣлыя массы славянскихъ народностей вступаютъ въ предѣлы имперіи и занимаютъ здѣсь опустошенныя ихъ предшественниками области; равнымъ образомъ цѣлыя толпы изгнаннаго туземнаго населенія должны были сообща искать себѣ убѣжища въ другихъ областяхъ. Здѣсь лежитъ начало свободы крестьянскихъ переходовъ, и здѣсь же, безъ сомнѣнія, кроется источникъ новыхъ воззрѣній на способъ владѣнія землею. Еще въ X вѣкѣ славянскія поселенія Сагудатовъ и Дреговичей около Солуны, сохраняли, судя по описанію Каменіаты, свою старинную общинную организацію ¹⁾. Мы имѣемъ полное право предполагать, что именно для новаго славянскаго населенія имперіи и назначался преимущественно тотъ уставъ, который болѣе соответствовалъ его воззрѣніямъ, быту и привычкамъ, чѣмъ традиціи строгаго римскаго права о личной собственности и позднѣйшія установленія Римской имперіи въ родѣ колоната или прикрѣпленія къ землѣ.

Уставъ, явившійся на свѣтъ не безъ славянскаго вліянія, не дол-

¹⁾ Cameniat. in Theophan continuat., p. 495; ср. *Iretek*, Gesch. der Bulgar. pag. 410.

жонъ былъ оставаться совершенно чуждымъ славянскому языку и въ позднѣйшія времена. Мы переходимъ къ славянскимъ переработкамъ и переводамъ Земледѣльческаго закона. Прежде всего предстоить намъ сказать нѣсколько словъ о небольшомъ сербскомъ сборникѣ законодательныхъ статей, обменовенно встрѣчающемся въ рукописяхъ вмѣстѣ съ Номоканономъ и Законникомъ Стефана Душана (впереди послѣдняго) и носящемъ слѣдующее заглавіе: „благовѣрнаго и христілюбиваго цара Иоустиніана законъ“. Этотъ сборникъ, имѣющій двѣ рецензіи краткую и болѣе пространную, — въ первой болѣе древней, состоящей изъ 38 статей, раздѣляется на слѣдующія обозначенныя особыми надписями рубрики: 1) о записаніи, 2) о блудѣ, 3) о продажіи и купленіи законъ, 4) о виноградѣхъ и нивахъ, 5) законъ дѣлательскій, 6) о залогахъ, 7) о краги (кражѣ) законъ, 8) о повтореніи законъ, 9) о женахъ, 10) о раздѣленіи земли, законъ ¹⁾. Общее надписаніе указываетъ источникъ любопытнаго сборника, предназначавшагося служить дополненіемъ Душанову законнику, въ Юстиніановомъ правѣ. Въ самомъ дѣлѣ, постановленія, находящіяся въ первомъ отдѣлѣ, отсюда ведутъ свое начало, хотя и не всѣ, и не прямымъ, непосредственнымъ образомъ, такъ какъ матеріалъ, почерпнутый въ Юстиніановыхъ книгахъ, подвергся переработкѣ въ духѣ позднѣйшаго времени. Составитель сборника, конечно, относилъ свое надписаніе не къ одному только первому отдѣлу, но желалъ освятить авторитетомъ великаго римскаго законодателя цѣлую свою компіляцію. Тѣмъ не менѣе, въ сборникѣ обнаруживается присутствіе нѣкоторыхъ статей изъ Эклоги Льва и Константина; болѣе десяти постановленій заимствовано изъ Земледѣльческаго закона (весь пятый отдѣлъ и весь четвертый), и наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ довольно важное постановленіе о правѣ выкупа взято изъ новеллы Константина Багрянороднаго 922 года. Статьи, взятыя изъ Эклоги (28, 31), касаются одна кражи въ церкви (ср. Ecloga, XVII, 15), другая — наследства жены послѣ мужа (Ecloga, II, 4).

¹⁾ Краткая редакція напечатана въ видѣ приложенія къ означенному въ заголовкѣ нашей статьи сочиненію Р. Губе, а также въ книгѣ 1. *Земля* (Законникъ цара Стефана Душана. С.-Пб., 1872), по списку, сообщенному В. И. Ламанскимъ. Болѣе подробная редакція, не представляющая, впрочемъ, особаго для насъ интереса, находится въ *Сербскомъ летописи* 1859. Изданіе принадлежитъ Георгиевичу.

Въ примѣръ того, какъ переведены греческія статьи Земледѣльческаго закона, мы приводимъ слѣдующій образецъ:

Ἐάν γεωργός μορτίτης θερίσας ἄνω γυνώ-
μης τοῦ χωροδότη, κουβαλίση τὰ δράγματα
αὐτοῦ, ὡς κλέπτης ἀλλοτριωθῆσεται πάσης
τῆς ἐπιχαρτίας αὐτοῦ.

Аще дѣлать раздѣлитъ снопіе де-
сетноѣ кромѣ волкѣ имоущаго ниву и
снопіе однѣсетъ, да ѡтженетсе ѡко
татъ ѡтѣ вѣсего плода нивнаго ¹⁾.

Изъ разсмотрѣнія составныхъ частей сборника, являющагося, по видимому, мѣстною сербскою компиляціей изъ разныхъ византійскихъ источниковъ, вытекаетъ то заключеніе, что въ земляхъ сербскихъ не только привилось Юстиніаново право, но въ частности укоренились Эклога и Крестьянскій уставъ, что Эклога, отмѣненная въ своемъ дѣйствиіи Василиемъ Македоняниномъ, все-таки могла сохранять въ Сербіи свое значеніе, какъ это доказываютъ взятая изъ нея статьи о наслѣдствѣ вдовъ, не вошедшія въ Прохиронъ и византійское право, но замѣненные тамъ восстановленными Юстиніановскими правилами. Этотъ послѣдній фактъ дорогъ тѣмъ, что онъ еще разъ указываетъ на особенное значеніе Эклоги для Славянскихъ племенъ. То явленіе, что постановленія новеллы 922 года вполнѣ были приняты въ Сербіи, служитъ доказательствомъ непрерывнаго вліянія Византіи на юридическій бытъ сосѣднихъ Славянскихъ народовъ, не смотря на ихъ большую или меньшую независимость. Частое употребленіе греческихъ словъ (діатакси, пригія, номикъ) въ сербскомъ „Законѣ Юстиніана“, обличающее крайнюю невыработанность собственнаго юридическаго языка, заставляетъ догадываться, что его текстъ появился на свѣтъ гораздо ранѣе XIV вѣка и эпохи Душанова Законника.

Переходимъ теперь къ тѣмъ слѣдамъ, которыя оставилъ вѣросъ γεωργικός въ древней русской письменности.

Первый слѣдъ мы находимъ въ такъ-называемой Ефремовской Кормчей (Синод., № 227), относимой теперь къ XI или XII вѣку (И. И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, XLIV, 66), и слѣдовательно, самой древней представительницѣ русскаго Номоканона. При ней находится перечень статей, вошедшихъ въ собраніе, переведенный съ греческаго извѣстнаго изслѣдователямъ текста (А. С. Павловъ, Первоначальный Номоканонъ; Voelli, Biblioth. juris canon. 11, 793), но въ концѣ представляющій значительное къ нему дополненіе. Въ числѣ восьми статей, отмѣченныхъ въ этой послѣдней части перечня, находится, между прочимъ:

¹⁾ Въ изданіи Губе напечатаны en regard по сербски и по гречески всѣ статьи, заимствованныя изъ Земледѣльческаго устава.

24) Иоустиниана иже въ блаженной памяти царя законъ.

— Того же законъ морьскми.

25) Василиа Костытина и Льва благочестивныхъ царь законъ, и т. д. (остальные шесть статей духовнаго содержанія).

Къ сожалѣнію, порядокъ расположенія главъ въ самой книгѣ былъ не тотъ, какой въ перечнѣ; поименованныя нами статьи занимали въ Кормчей самое послѣднее мѣсто, если только онѣ въ ней когда-нибудь были, а въ настоящее время, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ утрачены.

Такъ какъ дополненіе перечня не взято, по видимому, изъ греческаго подлинника, то все-таки нужно предполагать существованіе на славянскомъ языкѣ тѣхъ статей, на которыя въ немъ дѣлается указаніе. Но какія же это статьи?... Касательно закона царей Василиа, Константина и Льва не можетъ быть никакого сомнѣнія: это — Прохиронъ или Законъ градскій послѣдующихъ Кормчихъ. Труднѣе рѣшить, чтѣ разумѣлось подѣ № 24-мъ...

Ефремовская Кормчая была переписываема въ позднѣйшее время. Соловецкая рукопись XV вѣка (Казанской духовной академіи) представляетъ почти совершенную съ нея копію, въ которой находится то, чего недостаетъ въ подлинникѣ; но опять-таки и въ Соловецкой Кормчей нѣтъ Іустиніанова особаго закона, равно какъ и морскаго закона. На этомъ основаніи А. С. Павловъ (Первоначальный Номокононь, стр. 52) полагалъ, что слова перечня: „Иоустиниана царя законъ“ имѣли въ виду тѣ три новеллы Юстиніана, которыя въ Соловецкомъ спискѣ находятся подѣ отдѣльными заглавіями и присутствуютъ также въ Ефремовской Кормчей, хотя безъ окончанія третьей новеллы. Очевидно, что такая догадка не можетъ быть признана основательною. Ни сами по себѣ, ни въ соединеніи съ 87-ю главами Іоанна Схоластика, новеллы никогда не называются закономъ, а постоянно — новыми заповѣдями. Притомъ, чтѣ еще важнѣе, Юстиніана Царя законъ стоитъ рядомъ съ морскимъ закономъ, приписываемымъ, по обыкновенію, тому же законодателю. Но морской законъ (*νόμος ναυτικός*) совсѣмъ не имѣетъ никакой связи съ новеллами, а напротивъ, однороденъ по своему происхожденію и по своему характеру съ Закономъ земледѣльческимъ. Мы уже видѣли, что Земледѣльскій законъ надписывается въ греческихъ спискахъ подлинника: „Законъ Юстиніана царя“, или какъ въ одномъ сборникѣ (№ XLIV по каталогу Маттеи) Синодальной бібліотеки: „Законы земледѣльскіе, по избранію изъ книгъ блаженной памяти (*τῆς θαύρας λήξεως*) Юстиніана

царя", то-есть, почти тѣми же словами, какія стоятъ въ перечнѣ Ефремовской Кормчей (ср. выше). Къ этому слѣдуетъ прибавить наблюдение, которое легко можетъ быть почерпнуто изъ любого каталога рукописей. Земледѣльческій законъ, вмѣстѣ съ морскимъ закономъ, нерѣдко встрѣчаются въ греческихъ сборникахъ каноническаго содержания и при этомъ весьма часто стоятъ рядомъ¹⁾. Все это заставляетъ насъ думать, что въ перечнѣ Ефремовской Кормчей содержится указаніе на крестьянскій уставъ иконоборцевъ—въ той или другой его редакціи.

Но затѣмъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ объ интересующемъ насъ памятникѣ слѣдуетъ большой пробѣлъ. Правда, мы теперь же можемъ сказать то, что уже было отчасти замѣчено другими: Уставъ о земскихъ дѣлахъ, приписываемый Ярославу Мудрому (такъ, въ изданіи Л. Максимовича, Указатель россійскихъ законовъ, т. II, 5. Москва, 1805) есть, въ сущности, тотъ же самый „Земледѣльческій законъ“ (*νόμος γεωργικός*), которымъ мы до сихъ поръ занимались. Напрасно нѣкоторые русскіе ученые полагаютъ, что земскій уставъ только отчасти, хотя и во многомъ, заимствованъ изъ византійскихъ источниковъ (Лешковъ, Русскій народъ и государство, стр. 161), или что онъ представляетъ извлеченіе изъ греческихъ сельскихъ законовъ (Неволинъ, Полное собраніе сочиненій, II, 464). Земскій уставъ есть совершенный и буквальный переводъ съ греческаго и уже потому не можетъ быть приписываемъ Ярославу (какъ полагаетъ г. Лешковъ), не говоря о томъ, что новостъ его слога и свойство наказаній, опредѣляемыхъ въ немъ за различныя преступленія, не допускаютъ мысли о древнемъ русскомъ его происхожденіи. Несомнѣнно, что текстъ земскаго устава, изданный Максимовичемъ, носитъ всѣ признаки XVIII столѣтія, едва ли даже XVII. Можно было бы подумать, что онъ заимствованъ изъ рукописей Епифанія Славинецкаго, переведшаго на славянскій языкъ съ эллинскаго весь сборникъ Леуноклавія (см. Розенкампфъ, Обзорніе Кормчей). Однако, это предположеніе не оправдывается; земскій уставъ, приписываемый Ярославу, переведенъ съ иного греческаго извода, чѣмъ изданный Леуноклавіемъ, какъ это обнаруживается при первомъ же сличеніи системы и порядка статей въ томъ и другомъ.

¹⁾ См. напримѣръ, Catalog. cod. manuscr. Bibliothecae regiae, II, 303, и описаніе Бодлеевой библіотеки при изданіи Прохирона *Παχαρίῶ*, pag. 316, 323; *Matthaei*, II, 319, № 38.

Опять нѣсколько иной и притомъ болѣе старинный видъ Устава земледѣльческаго представляютъ „древніе законы изъ Юстиніановыхъ книгъ“, изданные Семеновъ Башкиловымъ, императорской академіи наукъ переводчикомъ, при Судебникѣ царя Ивана Васильевича (въ С.-Петербургѣ, 1768 г.). Здѣсь нашъ памятникъ напечатанъ по рукописи, подаренной въ 1746 г. Академіи наукъ Устюжской епархіи канцеляристомъ Поповымъ, писанной, по мнѣнію Башилова, въ прошедшемъ, то-есть, въ XVII вѣкѣ и содержавшей въ себѣ Судебникъ и рядомъ съ нимъ законы изъ Юстиніановыхъ книгъ. Последніе начинаются предисловіемъ, которое для насъ имѣетъ большой интересъ. „Предисловіе книгъ законницъ, имже годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ князьямъ...“ Затѣмъ слѣдуетъ текстъ предисловія, который мы приводимъ вполнѣ, наряду съ греческимъ подлинникомъ, дабы читатель имѣлъ предъ глазами образецъ и языка и перевода.

Господу и Спасу нашему Іесу Христу рекшу: не судите на лица, но праведный судъ судите; — всякаго мздоимства оттужитесь праведно. Писано бо есть: горе оправдающимъ нечестиваго мзды ради и путь смиренныхъ отлучающаго, правду праведнаго въсхищающихъ отъ него, иже коренія яко персть будетъ, занеже закона Господня исполнити не въскотѣша; мзды бо и дарове ослѣпляютъ мудрыхъ очи. Отнюдуже таковаго сквернаго прибытка отложение всячески творити тщимся отъ благочестивыхъ князѣи и славныхъ судїи, и отъ всѣхъ, идеже воли пригодится расужати, праведными главизнами приимати, и всякому лицу праведный судъ даяти, мзду отъ Бога чающе прияти праведную, и не посулова дѣля правду презрѣти, да и не на насъ

Τοῦ κυρίου καὶ σωτῆρος ἡμῶν ἰησοῦ χριστοῦ εἰρηχότος μὴ κρίνετε κατ' ὄψιν, ἀλλὰ τὴν δικαίαν κρίσιν κρίνατε, πάσης δωροληψίας ἀπέχεσθαι δικαίον. γέγραπται γάρ οὐαὶ οἱ δικαιοῦντες τὸν ἀσεβῆ ἕνεκα δώρων καὶ ὁδὸν ταπεινῶν ἐκκλίνοντες, τὸ δίκαιον τοῦ δικαίου ἀφροντες ἀπ' αὐτοῦ ὧν ἡ ρίζα ὡς χοῦς ἔσται, καὶ τὸ ἄνθος αὐτῶν ὡς κονιορτός ἀναβήσεται, ἀνθ' ὧν τὸν νόμον κυρίου πληροῦν οὐκ ἐθέλησαν. ξένια γὰρ καὶ δῶρα ἐκτυφοῖ σοφῶν ὀφθαλμούς. Ὅθεν τῆς τοιαύτης αἰσχροκερδίας ἀναστολὴν παντελῶς ποιῆσθαι σπουδάζοντες, ἐκ τοῦ εὐσεβοῦς ἡμῶν σακελλίου ὤρισαμεν τῇ τε ἐνδοξοτάτῃ κοιναιστωρί, τοῖς ἀντιγραφῆσαι, καὶ πᾶσι τοῖς ἐπὶ τοῖς δικαστικῶς κεφαλαίοις καθυπουργοῦσι τοὺς μισθοὺς παρέχεσθαι, πρὸς τὸ ἐξ οἰουδήποτε προσώπου παρ' αὐτοῖς κρινόμενου μηδὲν αὐτοὺς λαμβάνειν τὸ σύνολον, ἵνα μὴ τὸ ὑπὸ τοῦ προφή-

пророческое слово исполнится глаголющее: отдана на серебрѣ правду; и гнѣва божия привлечемъ на ся, заповѣдей преступницы бывше.

τοῦ λεγόμενου καὶ εἰς ἡμᾶς πληρωθῆ-
ἀπέδοντο ἀργυρίᾳ τὸ δικαίον, καὶ
μέλλομεν ἐνταῦθ' ἐν θεῶν τοῦ χάριτι
ἀνανακτήσασθαι τῶν ἐντολῶν αὐτοῦ πα-
ραβάται γενόμενοι.

И такъ, это есть послѣдняя часть предисловія Эклоги Льва и Константина, выше переведенная нами по русски¹⁾; нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ адѣсь у Башилова, она изложена въ Кормчей (вмѣстѣ со всѣмъ введеніемъ къ закону царей Леона и Константина); наконецъ, тотъ же самый отрывокъ изъ Эклоги встрѣчается и отдѣльно въ рукописяхъ: „Предисловіе книгъ законныхъ, ими же годится всяко дѣло исправити всѣмъ православнымъ царемъ и княземъ и всѣмъ властелемъ православнаго христіанства“. (Строева, Описаніе рукописей Царскаго № 414; ср. № 48).

За предисловіемъ въ изданіи Башилова слѣдуютъ: „Законы земледѣлннн отъ Оустьяновыхъ книгъ“, съ двумя еще частными оглавленіями. Въ самомъ началѣ, въ слѣдъ за общимъ оглавленіемъ, стоятъ слова: „О земледѣлцехъ“, и затѣмъ, гораздо ниже (на стр. 16): „О мельницахъ“. Этими собственно кончаются законы земледѣльческіе. Законъ о казняхъ (стр. 17), главы о прелюбодѣйствѣ (стр. 32), о раздѣленіи бравовъ (стр. 34), о послушѣхъ (стр. 39),—подходятъ только подъ общую рубрику „книгъ законныхъ, ими же годится всякое дѣло исправити“, но уже не принадлежатъ къ „законамъ земледѣлннн“; источникъ ихъ—Прохиронъ Василія Македонянина.

Если мы сравнимъ Башиловское изданіе законовъ земледѣлнннхъ съ Уставомъ о земскихъ дѣлахъ Ярослава (у Максимовича), то приддемъ къ тому заключенію, что въ сущности мы имѣемъ одну и ту же переводную редакцію греческаго Земледѣльческаго устава, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ недостаетъ „предисловія“, принадлежащаго собственно къ болѣе обширному дѣлому, и затѣмъ въ самомъ началѣ текста недостаетъ восьми статей или параграфовъ (точнѣе семи съ половиной, такъ какъ восьмая обрѣтается не въ полномъ и искаженномъ видѣ). Все остальное совершенно

¹⁾ См. октябрьскую книжку *Журн. Мин. Н. Просв.* стр. 284—285. Нужно замѣтить, что это предисловіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ прооешіиш, которое находится при греческомъ земледѣльческомъ законѣ въ новыхъ его редакціяхъ (см. въ изданіи Арменопула у *Геймбаха*).

тожественно по содержанию и по изложенію, за исключеніемъ неправильностей и подновленій языка, а также небрежностей редакціи въ изданіи Максимовича.

Башиловскій текстъ Земледѣльныхъ законовъ, хотя болѣе исправный и толковый, а въ то же время и болѣе древній, чѣмъ текстъ Устава о земскихъ дѣлахъ, все-таки еще слишкомъ новъ, чтобы мы могли приписать его Евремовской Кормчей, въ которой упоминается о Юстиніановомъ законѣ. Нужны были бы указанія на существованіе другихъ изводовъ, чтобы промежутокъ могъ быть признанъ выполненнымъ. Но такъ какъ славянскія рукописи не представляютъ, по видимому, никакихъ желательныхъ данныхъ ¹⁾, то мы обратимся къ сравненію русскаго текста съ греческимъ печатнымъ. При этомъ намъ представляются слѣдующія явленія:

1) Русскій текстъ отличается отъ печатныхъ греческихъ изданій совсѣмъ другою системою и порядкомъ расположенія отдѣльныхъ статей.

2) Русскій текстъ отличается отъ греческаго печатнаго количествомъ статей; вмѣсто 97 статей, считающихся въ текстѣ Арменопула, нашъ переводъ заключаетъ въ себѣ, если мы сосчитаемъ статьи надлежащимъ образомъ, только 83. Правильный счетъ состоитъ въ томъ, что мы раздѣляемъ на двѣ статьи одну Башиловскую статью, тамъ, гдѣ она соответствуетъ двумъ греческимъ и т. п. Такихъ случаевъ, впрочемъ, немного (всего три), потому что и въ рукописи Попова статьи хотя и не были отличены цифрами, но начинались красною литерою, такъ что издатель „только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздѣленіе статей дѣлалъ по ихъ разуму и по своему разсмотрѣнію“. Въ одномъ случаѣ двѣ отдѣльно напечатанныя статьи пришлось намъ соединить вмѣстѣ, сообразно съ греческимъ подлинникомъ.

3) Изъ тѣхъ четырнадцати статей, которыя были перечислены выше и которыя, составляя принадлежность болѣе новыхъ печатныхъ греческихъ изводовъ, не встрѣчаются въ древнѣйшихъ рукописяхъ, въ русской редакціи нѣтъ дѣльныхъ тринадцати. Такъ, прежде всего, нѣтъ статьи, запрещающей одному землевладѣльцу принимать крестьянъ другаго. Но 83-я статья, то-есть послѣдняя статья русскихъ земледѣльныхъ за-

¹⁾ «Законы о земледѣльцахъ» находятся въ отмѣченной нами рукописи, бывшей Библиотекѣ Царскаго (№ 414), и здѣсь онѣ отдѣлены отъ *предсловія* статьями «о судіяхъ и о властеляхъ», которыя встрѣчаются и въ Кормчихъ. Но самая рукопись принадлежитъ только XVII столѣтію.

коновъ, гласящая, что пасущіе овецъ на чужой землѣ отдадутъ вдвое, соответствуетъ третьей статьѣ пятаго титула, отсутствующей въ рукописяхъ греческихъ

4) На основаніи двухъ послѣднихъ чертъ мы могли бы заключить, что русскій уставъ о земскихъ дѣлахъ почти вполне соответствуетъ тому древнѣйшему составу греческаго „земледѣльческаго закона“, о которомъ мы знаемъ только по сообщеніямъ Цахаріе. Но если данныя, сообщаемыя изслѣдователемъ, изучавшимъ юридическіе памятники почти во всѣхъ книгохранилищахъ Европы, вполне точны, то-есть, если въ греческихъ рукописяхъ земледѣльческаго закона въ 83 статьяхъ вѣтъ другаго отличія отъ состава печатныхъ его изданій при Арменулуѣ, кромѣ недостающихъ 14 статей, то нужно будетъ признать, что русскій текстъ не вполне тождественъ по составу статей съ древнѣйшимъ греческимъ первообразомъ. Именно, въ русской Башиловской редакціи недостаетъ, сверхъ указанныхъ 13, еще цѣлыхъ 6 статей, которыя мы можемъ читать въ νόμος γαωρικός, печатаемомъ при Арменулуѣ. Статьи эти находятся въ разныхъ титулахъ, которые мы, по примѣру Геймбахова изданія, означимъ греческими буквами: Α 23, Β 5, Ε 1, Στ 9, Ι 3, 5.

Теперь спрашивается: чѣмъ же, при недостаткѣ этихъ шести статей, восполняется русская редакція до показаннаго выше числа 83? Кромѣ сейчасъ упомянутой статьи о пасущихъ овецъ на чужомъ полѣ, одной изъ 14 не находящихся въ греческихъ древнихъ рукописяхъ, мы должны здѣсь указать: а) еще одну статью (81-ю), находящуюся только въ русскомъ текстѣ и заимствованную изъ источника, котораго мы не могли отыскать (иже отъ древа падай плодъ на землю моя доли побравъ неповиненъ есть), и б) четыре статьи, заимствованныя изъ Эклоги (52, 64, 65, 66), но тоже не встрѣчающіяся даже и въ полныхъ редакціяхъ греческаго Земледѣльческаго закона (слѣдовательно 83 статьи = 97 — 13 — 6 + 5). Заимствованныя изъ Эклоги статьи не всѣ даже подходятъ къ содержанію Земледѣльческаго закона. Статья, угрожающая наказаніемъ тому, кто запретъ вепря или пса чужого и уморить и соответствующая XVII, 4 Эклоги Льва и Константина, можетъ быть считаема совершенно умѣстной; но статьи о свотоложствѣ и мужеложствѣ (=Eclog. XVII. 38, 39) попали въ „земледѣльные законы“ неизвѣстно почему. Статья о невольномъ поджогѣ (=Eclog. XVII, 41) опять соответствуетъ остальному содержанію Закона.

Полезно будетъ для облегченія дальнѣйшихъ занятій любопытнымъ часть ѡс, отд. 2.

памятникомъ приложить таблицу, объясняющую соотвѣтствіе русскаго текста по Башниловскому изданію съ греческимъ, печатаемымъ при изданіяхъ Арменопула. Титулы мы означаемъ буквами греческаго алфавита (при чемъ для облегченія типографіи, греческую букву *сигма* обозначаемъ посредствомъ σ), но при статьяхъ перваго титула мы не ставимъ никакой буквы. Цифры, относящіяся къ русскому изданію, мы, понятно, выставили сами, по способу, упомянутому выше.

Баш.	Арм.	Баш.	Арм.	Баш.	Арм.
1	— 1	29	— 2, β	57	— 8, β
2	— 2	30	— 2, ζ	58	— 9, β
3	— 4	31	— 1, ζ	59	— 10, β
4	— 3	32	— 3, β	60	— 11, β
5	— 5	33	— 4, β	61	— 4, η
6	— 6	34	— 19	62	— 15
7	— 9	35	— 18	63	— 12, β
8	— 20	36	— 1, δ	64	— Эклога
9	— 21	37	— 1, σ	65	— Эклога
10	— 8	38	— 2, σ	66	— Эклога
11	— 10	39	— 6, β	67	— 13, β
12	— 22	40	— 7, β	68	— 4, ϵ
13	— 25	41	— 3, σ	69	— 3, θ
14	— 24	42	— 4, σ	70	— 5, θ
15	— 11	43	— 1, θ	71	— 16
16	— 12	44	— 2, θ	72	— 12, σ
17	— 13	45	— 3, θ	73	— 11, σ
18	— 14	46	— 3, δ	74	— 8, σ
19	— 7	47	— 4, δ	75	— 2, ϵ
20	— 1, ι	48	— 5, δ	76	— 3, ζ
21	— 1, β	49	— 6, δ	77	— 6, ι
22	— 2, γ	50	— 5, σ	78	— 7, ι
23	— 1, γ	51	— 7, δ	79	— 8, ι
24	— 3, γ	52	— Ecloga	80	— 9, ι
25	— 4, γ	53	— 10, σ	81	— ?
26	— 5, γ	54	— 1, η	82	— 4, ι
27	— 6, γ	55	— 2, η	83	— 3, ϵ
28	— 7, γ	56	— 4, ζ		

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ статей, которыя мы рѣшились привести вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ (въ замѣну греческаго подлинника), и притомъ въ довольно значительномъ количествѣ. Выбраны такія статьи, которыя имѣютъ наибольшую важность по содержанію и въ то же время не могутъ быть оставлены безъ всякихъ объясненій и примѣчаній, или же такія, которыя содержатъ въ своей русской редакціи болѣе или менѣе ясныя намеки на время появленія Земскаго

устава и т. п. Всѣ вмѣстѣ онѣ служатъ образцами языка въ русской редакціи его:

1. Достоитъ земледѣльцу дѣлающую свою ниву быти праведну, и не въскыщати бразну (бразду) ближняго своего. Аще ли же кто въскыщая разореть, и оумалитъ долю ближняго своего, аще ораную землю се створи; отступится поновления своего: аще ли всѣйбу се створи; отступится и сѣмени і дѣла своего и плода приходящаго, ниже се створивый земледѣлецъ ¹⁾.

2. Аще кыі земледѣлецъ, неповѣданію осподаря земли или селищу, видеть, и поновить, разорявъ сѣть, да не приіметъ за трудъ поновления своего, ниже отъ плода сѣмени, ниже самое то сѣмя.

7. Аще двѣ селѣ сварятся о межи или о селищи; да смотрятъ судиі, и кто держалъ будетъ лѣтъ болше, то той правъ будетъ: аще ли же межа давна есть, и давное держаніе, да будутъ недвижима.

8. Аще землдѣлецъ десятину отмѣрить, а не по вѣданію осподаря земли, и сберетъ все жито свое, яко тать; да отступится всего жита своего ¹⁾.

Agricolam suos colentem agros oportet esse justum neque sulcos vicini transgredi. Quod si quis fecerit et partem sibi proximam deurtaverit, si quidem in novali (ἐν νεατῷ) hoc fecit, amittit novationis operam (τὴν νέωσιν αὐτοῦ); sin et in semente terminos transgressus est, et semen et operam suam et fructum (ἐπιχαρτίαν) is agricola amittit ¹⁾.

Si quis agricola inscio fundi domino eum ingressus novaverit aut conseverit, neque pro labore suo neque pro novatione neque fructum pro satione, immo nec semen sparsum recipito.

Si duo fundi (χωρία) de limite aut agro litigent, cognoscant iudices (τηρείτωσαν οἱ ἀρχαταί), eique qui pluribus annis possederit, ius suum reddant. Sed si antiquus sit limes, antiqua possessio inconcussa maneat.

Si colonus partarius citra voluntatem locatoris agrum demetens circa mergites illius fraudulenter egerit, omni suo fructu ut fur privabitur ²⁾.

¹⁾ Эта статья стоитъ на первомъ мѣстѣ во всѣхъ рукописяхъ, не имѣющихъ предисловія. Въ пяти сборникахъ Московской синодальной библіотеки Земледѣльческій законъ начинается словами: χρὴ τὸν γεωργόν.

²⁾ Здѣсь начинается Уставъ о земскихъ дѣлахъ въ редакціи, напечатанной Максимовичемъ: «Аще градеть жито, а не по вѣданію осподаря земли, и сберетъ все жито свое, яко тать да отступитъ всего жита своего».

9. Десятина нивы: сѣявшему девять сноповъ, а имѣющему землю десятый снопъ. Аще ли кто инако раздѣлитъ, Богомъ проклять будетъ ¹⁾).

10. Аще раздѣленіе земли будетъ, и пообидитъ кто въ жребихъ; волно будетъ порушати и бывшее раздѣленіе.

13. Аще кто село възметъ исполу дѣлати, отшедшу осподарю земли тоя, и розгадавъ повержетъ; сугубо плодъ того отдасть.

14. Аще же иже исполу приемый дѣлати, преже времени дѣлания розгадасть, и откажетъ господареву села, яко не могый дѣлати, и осподарь села небрежетъ; безвиненъ будетъ половинникъ.

15. Аще земледѣлецъ приметъ дѣлати землю, и оуцончаетъ со осподаремъ земли тоя, и задатокъ възметъ, и оучнетъ дѣлати, и обратився повержетъ; цѣну достойную земли тоя да отдасть, землю ту же да имѣетъ осподарь ея.

16. Аще кто земледѣлецъ приемъ оудѣласть нечистую землю иного земледѣлца; три годы да сѣетъ, и приемлетъ плодъ, и потомъ отдасть имѣющему ея.

Partiarii pars novem sunt manipuli, locatoris autem manipulus unus. Qui vero extra haec partitur deo execrabilis est ¹⁾).

Si facta partitio aliquos laeserit in pastinationibus aut laboribus (ἐν σάφαις—σαρφίους—ἢ ἐν τόποις), licentia iis sit factam partitionem rescindere.

Si is qui absentis coloni inopis agrum pro semisse suscepit (ὁ τὴν ἡμισίαν λαβὼν τοῦ ἀγροῦ), poenitens agrum non coluerit, fructus in duplum praestet.

Si colonus, qui semissem fundi inopis suscepit, ante culturae tempus poenitens domino fundi indicaverit se eum colere non posse, dominus autem fundum neglexerit, insons erit partiarius (ὁ ἡμισιαστής).

Si colonus culturam vineae vel agri (ἀμπελωνος ἢ χώρας) suscipiens cum domino illius conventionem inierit acceptaque arrha primitias perceperit (ἀρραβῶνα λαβὼν ἀπάρηται), sed resiliens ea neglexerit, iustum pretium agri aut vineae dato, agrumque aut vineam dominus ejusdem recipiat.

Si colonus alterius coloni locum senticosum laboraverit, per triennium fructus inde percipiet ac deinde domino eum restituet.

¹⁾ Текстъ Максимовича опять является въ искаженномъ видѣ: «А десятина нивы сѣяшему 10 сноповъ, а имѣющему землю 10 сноповъ; аще ли кто инако раздѣлитъ, Богомъ проклять будетъ».

17. Аще изнеможеть земледѣлецъ, еже дѣлати свое село, отбѣжить и устранится; волостель назираеть то, да не имѣеть области ники земледѣлецъ оутанти што оттого.

18. Аще земледѣлецъ отбѣжить своего села; волостель емлетъ десятину отдѣлающихъ села того: аще ли что утаятъ; сугубо отдадутъ.

19. Аще кто истребитъ ниву не по вѣданію осподаря ея, и оудѣлавъ посѣеть; да ничтоже принметъ от плода того.

21. Аще земледѣлецъ оукрадетъ ралныхъ желѣзъ или лыскаръ, и по времени познается; да отдаетъ на всякъ день по грошю на день: также иже оукрадетъ во время жнитвы серпъ, или косить выкосу, или сеkerу во время дѣлания. (Слова косить выкосу прибавлены въ рукописи другою рукою).

29. Аще кто отрѣжетъ колоколь отъ вола, или от овци, или от коня; яко тать биенъ будетъ: аще-ли же погибнетъ животное она; да заплатитъ иже татбу колоколу сотворивый.

Si colonus propter inopiam fundo suo colendo impar peregre abierit ac fugerit, tributorum exactores agri fructus colligant, nec tamen redeunte colono ejus mulctandi aut quidquam exigendi facultatem habeant.

Si ex agro suo aufugerit colonus, quotannis extraordinaria tributi nomine persolvant, qui agrum possident et fructus percipiunt. Quod si non faciunt, in duplum mulctentur.

Qui alienam silvam inscio ejus domino caedit (ὁ κόπτων ἀλλοτρίαν ὕλην) ac deinde eam elaborat et conserit, nihil consequitur ex fructibus.

Si colonus in pastinatione (σκάφη), lignem (λίγρον) vel bidentem abstulerit et post tempus detectus fuerit, luat pro eo in singulos dies siliquam unam sive folles duodenos (καράτιον ἐν ἡγρον φόλλας δώδεκα). Similiter qui tempore putationis falcem putatoriam aut messis tempore falcem messoriam aut lignationis tempore securim et similia subripuerit ³⁾.

Si quis tintinnabulum ex bove aut ove aliove quo animali abstulerit, detectus ut fur verberetur; si nec ipsum animal reperiatur, restituat illud qui tintinnabulum furatus est.

³⁾ Здѣсь текстъ Максимовича, противъ обыкновенія, представляется болѣе яснымъ: «во время жатвы серпъ или коситвы косу или сѣкору во время дѣлания».

31. Аще дрѣво възращено будетъ кимъ на мѣстѣ нераздѣлене, и потомъ раздѣленію бывшю прилучится во иного доли дрѣво то быти; да не имѣеть области инъ, но иже возрастивъ дрѣва того... Аще ли же вопиеть осподарь мѣста того, яко обидимъ есмь дрѣвомъ тѣмъ; да подасть дрѣво и дрѣва мѣсто токовожъ воспитавшему, и да имѣеть то.

32. Аще обращается сторожъ саду краднй овощъ того мѣста, его же нялся стеречи, да отдасть найма своего, и зѣло да биенъ будетъ.

33. Аще обращается пастырь нанятый, и доя овецъ или коровъ втай осподаря своего и продая, биенъ буди, и найма своего лишень будетъ.

39. Аще кто оукрадетъ вола, или осли, и обличень будетъ; да биенъ будетъ, сугубою ценою отдасть то, и дѣланіе ихъ все.

43. Аще кнй холопъ зарѣжетъ вола, или борана, или кую иную животину въ чащи; осподарь его заплатитъ.

59. Аще кто оукрадетъ рало, или лемешъ, или подузу; казненъ будетъ по числу дни оттого дни, отнелиже оукраде, на всякъ день по грошеви, а лицемъ отдасть.

63. Аще нѣщии вжитници обрѣтутся, крадуще жито бени будутъ сто калановъ, а жито заплатятъ; аще-ли и вдругый обря-

Si arbor ab aliquo enutriatur in loco indiviso, et partitione deinde facta alterius parti obtigerit, hic arboris dominium non habeat, sed solus qui eam enutrivit. At si dominus loci reclamet, se injuria adfici, aliam pro illa arborem nutritori det et ipse hanc salvam retineat.

Si custos pomarius deprehendatur furans in loco, quem custodit, mercedem suam amittat et vehementer flagellatur.

Si pastor mercenarius (ποιμὴν μισθωτός) deprehendatur clam domino suo oves mulgens et lac vendens, verberatus mercede sua excidat.

Si quis bovem aut asinum subripuisse convictus fuerit, verberatus in duplum reddito una cum omni illius opera.

Si quis servus bovem vel arietem aut suem in silva mactaverit, dominus illum restituet.

Qui aratrum, vomerem (ὄνυστρον) aut jugum (ζυγός) furantur, multentur pro numero dierum, ex quo furtum est factum, in singulos dies follibus duodecim (τρεῖς φόλας).

Qui in horreo invenitur furans frumentum, si quidem semel, centum verberibus castigatur, (τοπτάσθω μάλιστα ἑκατόν) et frumen-

шутся; бжени будутъ, сугубо краденое заплатятъ. Аще-ли же втретье; да ослеплени будутъ.

ti domino damnum resarciat: si secundum deprehenditur hoc faciens verberatus duplam furti aestimationem luito: si tertium, excaecator.

Наконецъ, приводимъ статью о мельницахъ, которая, будучи ясна сама по себѣ, не требуетъ латинскаго комментарія: „Аще кто жива въ селѣ и разсмотритъ то мѣсто общее (τόπον κοινόν) прилично мельницы, и се доспѣеть (займетъ оное), и по свершении мельницы, и потомъ станутъ вси селяне (ἢ τοῦ χωρίου κοινότης) вопиюще на осподаря мельницы, яко общее мѣсто (τὸν κοινόν τόπον) за свое имѣть; весь подобный ему отдадутъ проторь, елико на мельницу испротори, и будутъ причастни (ἔτρωον κοινωνοί) дѣлу тому“.

Ближайшее сличеніе вышеприведенныхъ статей Земскаго устава съ греческимъ подлинникомъ и отчасти съ самымъ латинскимъ переводомъ даетъ намъ возможность сдѣлать слѣдующія новыя замѣчанія:

1) Очевидно, что русскій текстъ соотвѣтствуетъ одному изъ болѣе древнихъ и болѣе исправныхъ греческихъ списковъ — редакціи доселѣ никѣмъ не изданной. Такъ, вторая статья, въ которой идетъ рѣчь о земледѣльцѣ, распахавшемъ или засѣявшемъ чужую землю безъ вѣдома хозяина, лучше и толковѣе изложена (по крайней мѣрѣ, вторая ея половина) въ русскомъ переводѣ, чѣмъ въ латинскомъ. Послѣдній правильно и точно передаетъ печатную греческую редакцію земледѣльческаго закона, а первый—ближе къ чтенію древнихъ рукописей, о которомъ мы узнаемъ изъ замѣтки Цахаріэ ¹⁾. Точно также въ десятой статьѣ латинскій переводъ является неловкимъ и темнымъ потому, что онъ говоритъ объ окапываніяхъ (in rastinationibus) въ соотвѣтствіе съ греческимъ выраженіемъ, находящимся въ общепринятомъ текстѣ (ἐν σκάφαις); русскій же текстъ, просто гласящій о жребіяхъ (участкахъ земли), опять совпадаетъ съ чтеніемъ старинныхъ рукописей ²⁾.

2) Однако мы должны признать, что хорошій и замѣчательно

¹⁾ Gesch. des griech.-röm. Rechts, pag. 240, примѣч. 841: Μὴ λαμβάνετω μήτε ἐργατίας (заработную плату) ὑπὲρ τῆς νεύσεως, μήτε ἐπισκαρτίαν (буквально—приплодъ), μηθεο печатнаго: μὴ λαμβάνετω μήτε ὑπὲρ τῆς ἐργατίας αὐτοῦ, μήτε ὑπὲρ τῆς νεύσεως.

²⁾ См. тамъ же, pag. 237, примѣч. 829.

исправный греческій текстъ не вездѣ былъ правильно понятъ русскимъ переводчикомъ. Девятнадцатая статья представляетъ надлежащій смыслъ только въ латинскомъ переводѣ, но не въ русскомъ изложеніи того и другаго изданія (Максимовича и Башилова). Въсто того чтобы сказать: „если кто вырубить (разчислить) лѣсъ (ὁ κόπτων ἀλλοτρίαν ὄλην) безъ вѣдома хозяина“, русскій переводъ говоритъ объ истребленіи нивы, чтò совсѣмъ не согласно со смысломъ дальнѣйшихъ словъ статьи даже и въ русскомъ изложеніи. Статья девятая на первый взглядъ представляетъ то же самое явленіе, то-есть, она изложена на русскомъ не только съ отступленіями отъ печатнаго греческаго текста, но, по видимому, и безъ яснаго пониманія смысла, въ ней заключающагося. Однако, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что русскій переводчикъ, во всякомъ случаѣ, имѣлъ вѣрное представленіе о византийской мортѣ (μортή) и считалъ ее десятиною, хотя собственно ему слѣдовало говорить о мортитѣ (десятинникѣ). Смыслъ статьи въ греческомъ подлинникѣ тотъ, что „если крестьянинъ мортитъ, собравъ жатву безъ вѣдома земледавальца, обчисляетъ его относительно (величины или количества) сноповъ, которые тому слѣдовали, то онъ (такой крестьянинъ), какъ воръ, лишень будетъ всего плода своего“¹⁾. Хотя въ русскомъ изложеніи, кромѣ замѣны десятичника десятиной, и нѣтъ буквальной рѣчи о жатвѣ и о снопахъ, оно все-таки можетъ быть объяснено въ томъ же самомъ смыслѣ; нужно только подѣ десятиной, отмѣриваемой земледѣльцемъ, разумѣть снопы, слѣдующіе господину, которые, безъ его надзора, могутъ оказаться меньше и количествомъ, и объемомъ. Можно даже предположить соотвѣтствующій греческій текстъ, такъ какъ въ рукописяхъ и въ этомъ отношеніи встрѣчаются отступленія отъ Арменопуловскаго извода и взаимныя разногласія между ними самими²⁾.

3) Есть случаи, въ которыхъ разногласіе русскаго текста съ греческимъ и латинскимъ можетъ быть объясняемо стремленіемъ рус-

¹⁾ Ἐάν γωρωτός μωρτίτης θηρίσας ἀνευ γνώμης τοῦ χωροδότου, κουβαλήσῃ τὰ δράγματα αὐτοῦ, ὡς κλέπτης ἀλλοτριωθήσεται πάσης τῆς ἐπιχαρτίας αὐτοῦ.

²⁾ Послѣ того какъ предыдущія строки были уже написаны и напечатаны, мы замѣтили, что русскимъ переводомъ предполагается тотъ самый (греческій) текстъ статьи, который находится въ Эклогѣ измѣненной, т. XXV, § 6 (Jus Graeco-rom., IV, 122): «Ἐάν γωρωτός τὴν μωρτὴν μερίσας и т. д. Слова: «яко тать» и въ русскомъ, и греческомъ могутъ быть относимы и къ первой, и ко второй части періода. Знаки препинанія здѣсь и тамъ поставлены издателями.

скаго переводчика къ нѣкоторому примѣненію статей устава къ русскому быту. Такъ, въ пятнадцатой статьѣ опущены виноградникъ, а говорится только о землѣ, подлежащей обработкѣ, хотя, впрочемъ, виноградники встрѣчаются въ другихъ статьяхъ (§§ 48, 58, 76, 80); въ статьѣ тридцать-третьей въ русскомъ переводѣ прибавлены коровы, которыхъ нѣтъ въ печатномъ греческомъ текстѣ; въ статьѣ двадцать-девятой прибавленъ конь, тоже опущенный въ подлинникѣ.

Вообще греческій текстъ при исчисленіи домашнихъ животныхъ довольствуется поименованіемъ вола и осла, всѣхъ прочихъ обозначая неопредѣленнымъ указаніемъ на иную какую-либо животину; только Эклога, издѣнная по Прохирону, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отмѣчаетъ и коня тамъ, гдѣ его нѣтъ въ нашемъ текстѣ Земледѣльческаго закона: русскій же текстъ Земскаго устава обыкновенно прибавляетъ въ такихъ случаяхъ къ волу и ослу еще и коня ¹⁾. Въ статьѣ двадцать-первой, гдѣ, между прочимъ, встрѣчается какъ будто обрусѣвшее греческое лискаръ (λίχος λιζάριον) въ той самой формѣ, какъ оно читается и въ Лаврентьевской лѣтописи, мы находимъ два обратные случая замѣны греческихъ предметовъ и наименованій русскими: 1) ножъ для обрѣзыванія винограда (κλαδευτήριον, falx putatoria) замѣненъ косою во время косыбы, и 2) вмѣсто византийской монеты кератія, равняющейся теперешнимъ 20—25 копѣйкамъ (пяти нѣмецкимъ серебрянымъ грошамъ) (κεράτιον ziliqua, карать) поставленъ русскій или обрусѣвшій грошъ, который будетъ вполне соответствовать кератію, если мы отыщемъ время, когда грошъ стоилъ впятеро больше нынѣшняго. Любопытно, что этотъ грошъ является и въ 59-й статьѣ, гдѣ въ печатномъ греческомъ наведѣ слова кератій нѣтъ, а вмѣсто него названы двѣнадцать фолъ (φόλα, φόλλα;= пула), каковая сумма, правда, равняется именно одному кератію. Гроши, конечно, не говорятъ за глубокую древность русскаго устава о земскихъ дѣлахъ. Точно также не говорятъ за нее и волостели, отмѣченные нами въ вышеприведенныхъ статьяхъ. Вмѣстѣ со многими другими признаками, терминъ волостели свидѣтельствуетъ о принадлежности — по крайней мѣрѣ, извѣстнаго намъ извода крестьянскихъ русскихъ законовъ къ Московскому періоду. Не лишено значенія то обстоятельство, что оба раза слово волостель

¹⁾ Такъ, въ статьѣ 34-й (здѣсь нѣтъ коня въ обоихъ греческихъ текстахъ), въ 36-й (здѣсь конь находится только въ Элогѣ названной), въ 48-й (то же самое), и въ 41-й (нѣтъ въ греческомъ).

соотвѣтствуетъ такимъ греческимъ выраженіямъ, которыя могли быть истолкованы, хотя и не совсѣмъ вѣрно, какъ относящіяся къ сборщикамъ государственныхъ податей. Относительно семнадцатой статьи уже одно сличеніе русскаго перевода съ латинскимъ показываетъ, что волостель здѣсь тождественъ со сборщикомъ податей (*tributorum exactores*). Въ слѣдующей статьѣ онъ появился въ замѣну такихъ двухъ словъ подлинника, которыя тоже говорятъ о сборѣ или улатѣ государственной подати (*tributi nomine, τῷ δημοσίου λόγῳ*). Однако русское изложеніе статей, какъ оно читается въ Вашиловскомъ изданіи, если и казалось совершенно понятнымъ переводчику, представляется намъ весьма сомнительнымъ даже безъ всякаго сличенія съ цѣльнымъ текстомъ греческаго ихъ подлинника. Семнадцатая статья является совершенно излишнею наряду съ восемнадцатою, которая сверхъ положенія о взиманіи десятины содержитъ и все то, что есть въ предыдущей... Если же мы обратимся къ греческому подлиннику, то и вторая статья, по видимому, такъ просто и ясно изложенная, окажется точно также сомнительною... Главная бѣда въ томъ, что и самый греческій подлинникъ не представляетъ здѣсь совершенно яснаго и несомнѣннаго смысла; сличеніе печатнаго текста съ рукописнымъ не разрѣшаетъ всѣхъ недоразумѣній. Въ печатномъ греческомъ текстѣ Земледѣльческаго закона, какъ онъ былъ принятъ въ свой сборникъ Арменопуломъ, семнадцатая статья содержитъ въ себѣ именно тотъ самый смыслъ, который хорошо передавъ въ приведенномъ нами латинскомъ переводѣ: „Если крестьянинъ оказавшись несостоятельнымъ, перестанетъ обрабатывать свое поле, уйдетъ на чужбину или убѣжить, то сборщики государственныхъ податей пусть собираютъ хлѣбъ съ его поля, не имѣя права, въ случаѣ его возвращенія, подвергнуть его какому-либо новому взыскаію или штрафу“¹⁾. Но въ XXV-мъ титулѣ Эклоги измѣненной (*Ecloga ad Prochiron mutata*), содержащемъ тѣ же самые законы о земледѣльцахъ, сейчасъ приведенная нами статья изложена съ нѣкоторыми отступленіями, хотя и незначительными съ точки зрѣнія буквальности, но сообщающими совершенно другой смыслъ ея содержанію. Смыслъ этотъ будетъ слѣдующій: „Если земледѣлецъ, лишившись возможности обрабатывать собственное поле, убѣжить и уйдетъ на чужбину, то его участ-

1) Ἐάν ἀπορήσας γεωργὸς πρὸς τὸ ἐργάζεσθαι τὸν ἴδιον ἀγρὸν καὶ ἐπιτεθεῖν καὶ διαφύγῃ, οἱ τὰ δημόσια ἀπαιτούμενοι τρυφίτωσαν τὸν ἀγρὸν, μὴ ἔχοντες ἄλλαν ἐπαρχομένου τοῦ γεωργοῦ ζημιῶν ἢ ζητεῖν αὐτὸν τὸ οἰκοῦν.

комъ пусть пользуются тѣ лица, которыя на основаніи податныхъ порядковъ подвергаются взысканію, при чемъ воротившійся земледѣлецъ не можетъ привлечь ихъ къ отвѣту“¹⁾. Важно то, что, по свидѣтельству Цахаріа, и въ болѣе древнихъ рукописяхъ Земледѣльческаго закона встрѣчается то же самое чтеніе, особенно интересное потому, что оно говоритъ объ отвѣтственности общины за правильное поступленіе казенныхъ податей со всей земли, находящейся во владѣніи ея членовъ. Если и не въ (измѣненной) Эклогѣ, то въ рукописныхъ текстахъ Земледѣльческаго закона соотвѣтствующимъ образомъ измѣняется смыслъ и послѣдующей (восемнадцатой) статьи. Вопреки печатному греческому тексту, о которомъ можно судить по латинскому переводу, въ неизданныхъ редакціяхъ Земледѣльческаго закона здѣсь говорится не объ обязательности другихъ крестьянъ платить за ушедшаго товарища (о чемъ уже было упомянуто и въ предыдущей статьѣ), а о томъ случаѣ, когда самъ оставившій свой участокъ крестьянинъ платитъ свои повинности: „Если ушедшій съ своего поля земледѣлецъ ежегодно уплачиваетъ обычныя казенныя подати, а его сотоварищи пользуются его землей, то они въ свое время должны возмѣстить пожатое въ двойномъ количествѣ“²⁾.“ Легко убѣдиться, что русскія статьи Устава о земскихъ дѣлахъ не соотвѣтствуютъ вполнѣ ни тому, ни другому греческому тексту. Сомнительно, чтобы для нихъ нужно было предполагать еще третью неизвѣстную намъ греческую редакцію; но точно также—относительно восемнадцатой статьи, представляющей ясный и опредѣленный смыслъ, и притомъ довольно близкій къ греческому печатному изводу, нельзя утверждать, что отступленія ея отъ подлинника объясняются однимъ недоразумѣніемъ.

4) Приведенныя нами статьи о похищеніи чужаго скота и вообще чужой собственности служатъ образцомъ цѣлаго ряда такихъ статей въ Земскомъ уставѣ. Если онѣ вызываютъ какое замѣчаніе, то уже не

1) 'Εάν ἀπορήσας γεωργός τοῦ ἐργάσασθαι τὸν ἴδιον ἀγρὸν καὶ διαφύγῃ καὶ ξενιτεύσῃ, οἱ τῷ δημοσίῳ λόγῳ ἀπακτούμενοι τρυφείτωσαν αὐτόν, μὴ ἔχοντος ἄδειαν τοῦ ἐπανερχομένου γεωργοῦ ζημιῶν αὐτοῦς τὸ οἰνοῦν. Ср. *Zachariae*, *Gesch. des gr. röm. Rechts*, прим. 838 (pag. 238).

2) Въ печатномъ текстѣ (почти одинаково при изданіи Арменопула и въ Измѣненной Эклогѣ): 'Εάν γεωργός ἀποδράσῃ ἐκ τοῦ ἰδίου ἀγροῦ, τελείτωσαν κατ' ἔτος ἐξτραρέθια τοῦ δημοσίου λόγῳ οἱ τρυφῶντες... А въ рукописяхъ (см. *Zachariae*, I. c.): 'Εάν γεωργός ἀποδράσας ἐκ τοῦ ἰδίου ἀγροῦ τέλῃ κατ' ἔτος ἐξόρθια τοῦ δημοσίου λόγῳ...

относительно своего сходства съ греческимъ текстомъ, а относительно сходства по содержанію съ постановленіями XVII титула Эклоги. Въ одиннадцатой статьѣ этого титула говорится, что воровство, совершенное въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, только не въ войскѣ и не во время похода, въ первый разъ наказывается возвращеніемъ украденнаго съ прибавленіемъ его двойной цѣны, если виновный свободный и состоятельный человѣкъ; если же онъ бѣденъ (*ἄπορος*), то онъ въ первый разъ подвергается тѣлесному наказанію и ссылкѣ; а во второй разъ (тотъ и другой?) подвергается отсѣченію руки. — А тринадцатая статья гласитъ: „Кто угоняетъ какой бы то ни было скотъ изъ чужаго стада, въ первый разъ подвергается тѣлесному наказанію, во второй ссылкѣ, въ третьей—отсѣченію руки, при чемъ разумѣется, что похищенное всякій разъ возвращается настоящему владѣльцу“. Уже въ самомъ началѣ главы было сдѣлано замѣчаніе, что если съ этими статьями Эклоги постановленія нашего устава и не совсѣмъ сходятся, то различіе оказывается только въ частныхъ подробностяхъ и объясняется, какъ особенность примѣненія общихъ началъ къ крестьянскому быту.

Сверхъ того, мы должны указать здѣсь два дополненія, относящіяся къ статьѣ о мельницахъ и встрѣчающіяся въ той редакціи греческихъ земледѣльческихъ законовъ, которую намъ даетъ Эклога измѣненная по Прохирону. Если кто, живя въ извѣстномъ селеніи, безъ вѣдома владѣльца построить мельницу, то если онъ человѣкъ пришлый (*ξένος*), пусть владѣть ею девятнадцать лѣтъ и потомъ будетъ удаленъ (*ἀφθεισθῶ*)... Если случится гоненіе отъ иноплемениковъ, и по истеченіи времени (*μετὰ χρόνον*) одинъ изъ братьевъ (*τῶν ἀδελφῶν* — общинниковъ) освободившись построить мельницу, то остальные братья послѣ своего возвращенія могутъ возмѣстить расходы и безпрепятственно войти въ долю ²⁾.

²⁾ О военномъ законѣ и о морскомъ уставѣ, которые были изданы, по мнѣнію Цахаріа, тоже иконоборцами, мы не имѣли намѣренія разсуждать въ нашей статьѣ... О дальнѣйшихъ отдѣлахъ Башиловскаго сборника «Древнихъ законовъ изъ Юстиніановыхъ книгъ» мы уже замѣтили, что источникъ ихъ—Прохиронъ, такъ что и глава о казняхъ (или «Зиконъ о казнехъ») хотя и ведетъ свое начало изъ Эклоги Льва и Константина, именно представляетъ ея семнадцатый титулъ, но передаетъ ту его редакцію, въ какой онъ находится въ Прохиронѣ.

V.

ПѢРИКИ.

Въ видѣ заключенія къ нашему изслѣдованію, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ тѣхъ вольныхъ крестьянъ, съ которыми познакомилъ насъ земледѣльческій законъ. Мы воспользуемся при этомъ тѣмъ же самымъ сочиненіемъ Цахаріа, которымъ руководились до сихъ поръ, и которое обозначено въ заглавіи нашей статьи. Замѣтимъ только, къ удивленію нашему, высокоуважаемый изслѣдователь византійскаго права, не смотря на сорокалѣтнюю ученую дѣятельность, все еще неутомимо трудящійся надъ своимъ любимымъ предметомъ, по какому-то случаю опустилъ изъ виду недавно (именно въ 1871 году) появившійся четвертый томъ изданія Миклошича и Мюллера (*Acta et diplomata graeca medii aevi*) и не воспользовался имъ при пересмотрѣ своего сочиненія для новаго изданія ¹⁾. Означенный томъ, заключающій въ себѣ акты трехъ византійскихъ монастырей, владѣвшихъ, конечно, населенными имѣніями, представляетъ въ настоящее время наиболѣе обильный и важный источникъ для изученія исторіи средневѣковаго греческаго землевладѣнія и крестьянскихъ отношеній. Къ сожалѣнію, чтеніе и пониманіе любопытныхъ документовъ оказывается не совсѣмъ-то легкимъ и безпрепятственнымъ; цѣлый рядъ техническихъ выраженій, для которыхъ не находится объясненія въ существующихъ словаряхъ (Дюканжа, и тѣмъ менѣе Софоклеса, очень плохомъ), заставляетъ насъ останавливаться на каж. домъ шагу. Еслибы кто могъ проложить здѣсь желанную дорогу и облегчить другимъ путь, то всего скорѣе такой ученый, который располагаетъ не только научнымъ знаніемъ прошедшаго, но и живымъ знакомствомъ съ современнымъ новогреческимъ бытомъ и языкомъ, какъ Захаріа фонъ-Лингенталь. Несомнѣнно притомъ, что данныя, заключающіяся въ сборникѣ Миклошича, могли бы послужить не только къ восполненію, но даже къ исправленію нѣсколькихъ мѣстъ въ исто-

¹⁾ При перечисленіи источниковъ на четвертой страницѣ Исторіи Греко-Римскаго права отмѣчены только три тома указаннаго изданія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что Цахаріа давно былъ знакомъ съ кодексомъ Вѣнской бібліотеки, въ которомъ заключалась часть изданныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ актовъ: въ своемъ собраніи новеллъ онъ помѣстилъ два или три Хрисовула оттуда заимствованныхъ.

ріи Греко-Римскаго права. Примѣръ тому представляетъ вопросъ о мортѣ или о десятинѣ.

Крестьянское право Исаврійскихъ императоровъ, въ сущности, сохранило свое значеніе и для послѣдующихъ столѣтій. Правда, земледѣльческіе законы, подобно другимъ частямъ иконоборческаго законодательства, не были приняты въ составъ Царскихъ книгъ (Василикъ), изданныхъ первыми императорами Македонской династіи. LV-я книга Василикъ, занимавшаяся крестьянскими отношеніями, не сохранилась въ полномъ и подлинномъ своемъ видѣ; однако, дошедшіе до насъ указатели и заглавія различныхъ ея титуловъ позволяютъ намъ судить о ея содержаніи и приводятъ къ тому убѣжденію, что здѣсь ничего не было, кромѣ старыхъ постановленій Юстиніановскаго права. Но за то, съ другой стороны, иныя данныя—многочисленность рукописей Земледѣльческаго закона за послѣдующіе вѣка, включеніе его въ видѣ приложенія въ Шестикнижникъ Арменопула—съ достаточно убѣдительною свидѣтельствуютъ о существованіи такихъ возрѣвнѣй, по которымъ Земледѣльческій законъ и въ позднѣйшее время оказывался дѣйствующимъ источникомъ права. Новая публикація Юстиніановскаго права въ Василикахъ ничего не могла измѣнить въ фактическомъ положеніи вещей. Хотя въ Василикахъ снова и много говорилось о прежнихъ крѣпостныхъ отношеніяхъ (*adscriptitii*, *ἑναπόγραφοι*), но тѣмъ не менѣе самый институтъ остался чуждымъ дѣйствительной жизни, какъ это обнаруживается уже изъ той неясности представленій, какая замѣчается по этому предмету у позднѣйшихъ Византійцевъ. Въ сочиненіи, по самой своей сущности практическомъ, въ сборникѣ неизвѣстнаго автора, излагающемъ разныя затруднительные юридическіе случаи и рѣшенія, по нимъ постановленныя знаменитымъ византійскимъ юристомъ конца X и начала XI вѣка, Евстафіемъ Римляниномъ (*Eustathius Romanus*), въ такъ называемой „Петра“, нигдѣ не говорится о крѣпостныхъ прежняго рода. Позднѣйшіе писатели, какъ Валсамонъ, комментаторъ Фотіева Номоканона (1. 36), имѣютъ о предметѣ совершенно смѣтныя представленія. Такимъ образомъ Василики, по видимому, скорѣе запутали, чѣмъ подвинули впередъ разумнѣе вопросы крестьянскаго права...

Въ сущности крестьяне и послѣ Василикъ являются раздѣленными на два большіе класса, на свободныхъ, но податныхъ крестьянъ (*χωρίται* въ ихъ *χωρητοῦρα*, *ὄμωτες* или *ἀναχωιώσεις*), и на зависящихъ крестьянъ.

Въ числѣ послѣднихъ опять выступаютъ впередъ особенно замѣт-

нымъ образомъ первоначально вольные и владѣвшіе землею крестьяне-общинники, которые въ полномъ общинномъ составѣ попали подъ власть или добровольно поддались подъ покровительство какого-нибудь сильного человѣка. Это случалось частію вслѣдствіе большой нужды, какъ на примѣръ, во время голода и мора, свирѣпствовавшихъ въ 927—933-хъ годахъ ¹⁾, частію вслѣдствіе постепеннаго разширенія монастырскаго и церковнаго землевладѣнія, чему разительные и поучительные примѣры можно найти въ упомянутыхъ нами актахъ трехъ византійскихъ монастырей, частію, наконецъ, вслѣдствіе императорскихъ пожалованій и появившейся уже въ XI вѣкѣ системы кормленій или проній (прѳона). Основанныя такимъ образомъ зависимости отношенія напоминаютъ отчасти до-юстиніановскій патронатъ (patrocinium). При своемъ происхожденіи они могли быть весьма разнообразны, соотвѣтственно различію обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ; но тѣ изъ этихъ отношеній, которыя удержались на долгое время и приобрѣтали прочность, все болѣе дѣлались похожими на обыкновенныя отношенія крестьянъ къ своимъ господамъ или помѣщикамъ. Является на сцену десятина (δεκάτη), платимая господину, и пастбищное (ἐνομόιον) ²⁾.

Что касается крестьянъ, обработывавшихъ чужую землю, то те-нерь, при Македонской династіи, было принято и признано такое правило, что крестьянинъ, просидѣвшій на владѣльческой землѣ законный срокъ давности,—какъ самъ не можетъ сойти съ нея по прозволу, такъ не можетъ быть и согнанъ съ нея собственникомъ. При такомъ положеніи представлялось естественнымъ признать за крестьяниномъ также нѣкоторое право на ту землю, на которой онъ водворился, признать извѣстнымъ образомъ собственность подчиненную (nutzbares Eigentum) рядомъ съ верховною собственностію помѣщика. Слѣды такого возрѣнія находятъ уже въ Земледѣльческомъ законѣ, если только тѣ статьи, которыя позволяютъ крестьянамъ мѣняться своими участками; относится къ крестьянамъ-мортитамъ, обработывавшимъ чужія земли. Совершенно опредѣленно высказалъ такой взглядъ Евстацій Римлянинъ (Eustathius Romanus), какъ мы узнаемъ изъ сборника, составленнаго его почитателемъ: „Если окажется, что парики непрерывно обрабатывали свои участки и пла-

¹⁾ Объ этомъ см. въ Новеллѣ Романа Лакапина. 935-го года съ примѣчаніями *Пазаріе, Jus Graecorom.*, III, 242 и сл.

²⁾ Пѣтра, XXVII, 2.

тили оброкъ (аренду) въ продолженіе тридцати лѣтъ, то господинъ не имѣеть права согнать ихъ. Ибо они являются какъ бы господами этихъ участковъ, вслѣдствіе долговременнаго пользованія, хотя и обязаны платить оброкъ. Онъ (то-есть Евставій) сказалъ это, услышавъ, что покойный императоръ кѣрь Василій (Болгаробойца, 975—1025 гг.) часто согналъ своихъ париковъ“¹⁾.

Сейчасъ употребленное нами выраженіе парики (*παροίκιοι*) вскорѣ послѣ изданія Земледѣльческаго закона сдѣлалось общимъ терминомъ для обозначенія крестьянскаго земледѣльческаго сословія за исключеніемъ крестьянъ-собственниковъ.

Въ одной надписи 834 года сказано объ императорѣ Теофилѣ, что онъ былъ добръ къ своимъ парикамъ (*πρὸς τοὺς αὐτοῦ παροίκους ἀντὶ ἀγαθός*). Василики часто употребляютъ выраженіе парики вмѣсто латинскаго *coloni*. Иногда они называются *δοουλοπαροίκιοι* не потому, чтобъ они приравнивались къ рабамъ (*δοῦλοι*), а въ отличіе отъ *κλήροπαροίκιοι*, церковныхъ париковъ. Первоначальное понятіе сообщается въ Пандектахъ (I. 239 § 2) въ главѣ о значеніи словъ (*de significatione verborum*): парикъ есть *incola, qui aliqua regione domicilium suum contulit* (перенесъ свое мѣстожителство въ какую-либо область), не принадлежа къ ней, подразумѣвается, по своему происхожденію (*origo*). Юстиніанъ, который нѣсколько разъ упоминаетъ о *παροικίων* или *παροικίων δικαίων* (право париковъ), соединяетъ съ этимъ побочное представленіе, что парикъ есть крестьянинъ, поселившійся на чужой землѣ, и притомъ безъ формальнаго соглашенія съ землевладѣльцемъ, только вслѣдствіе его терпимости. И такъ, „присельничество“ (то *παροικίων*) первоначально есть временное, при извѣстныхъ условіяхъ съ обѣихъ сторонъ, расторгимое отношеніе между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ²⁾. Но, по истеченіи долгаго и весьма долгаго времени (*longum et longissimum tempus*), оно можетъ превратиться въ постоянное помѣщичье-крестьянское отношеніе. Какъ мы уже знаемъ, вскорѣ послѣ Юстиніана большая часть имперіи подверглась вторженію славянскихъ народностей, и старое крестьянское населеніе отчасти было вытѣснено съ своихъ

¹⁾ Παῖρα XV, 2 (*Zacharias, Ius Graecorum*, I, 42). "Οτι παροίκους εὐρισχομένους ἀκλόπως νεμηθέντας τὰ τῆς παροικίας αὐτῶν τόπια καὶ τὸ πάκτων δίδοντας ἐπὶ τριακονταετία, ὁ βέσιτης" (Евставій) ἔλεγε μὴ ἔχειν τὸν δεσπότην ἰσχὺν ἐκδιώκειν αὐτοὺς, δεχοῦσι γάρ οὗτοι ὡς δεσπόται μὲν τῶν τόπων διὰ τῆς χρονίας νομῆς, ἀνάγκη δὲ ἔχειν παρέχειν πάκτων... Ср. § 2. Βοηθῆται τῇ τριακονταετία εἰς τὸ δεσπόσαι...

²⁾ Leg. rust. X, I.

прежнихъ мѣсть. Большая часть новыхъ поселеній на латифундіяхъ прежней аристократіи должны были образоваться именно въ формѣ присельничества, парикіи. Такъ объясняется, почему имя париковъ могло мало по малу сдѣлаться общимъ обозначеніемъ для всѣхъ крестьянъ, сидѣвшихъ за господами (затребетниковъ, гинтерзассовъ). Мортиты, которые извѣстны намъ изъ Земледѣльческаго закона, являются только частнымъ видомъ париковъ; это суть парики, обработывавшіе владѣльческую землю на условіяхъ простаго десятиннаго сбора. Однако, такое положеніе не могло удержаться на долго. Одна десятина жатвы тѣмъ менѣе могла удовлетворять землевладѣльца, что она не представляла никакого вознагражденія за пастбище, которымъ крестьянинъ пользовался помимо пахатнаго поля, а равнымъ образомъ за подати, вносимыя въ казну господиномъ. Притомъ, и самый десятинный сборъ, при всей своей недостаточности, долженъ былъ казаться неважнымъ для владѣльца, потому что парики-мортиты, если только они не подверглись дѣйствию тридцатилѣтней давности, могли по произволу мѣнять свое мѣстожительство. Понятно послѣ этого, что землевладѣльцы старались прикрѣпить своихъ париковъ къ землѣ и возвысить въ то же время ихъ повинности и оброки. Они пользовались для достиженія своей цѣли тяжелыми временами, затруднительнымъ положеніемъ крестьянъ, прибѣгали къ угрозамъ — согнать ихъ съ находящихся въ ихъ пользованіи участковъ, и достигали того, что крестьяне покорялись тяжелымъ условіямъ и повышеннымъ требованіямъ. Хотя морта (десятина) и не исчезла, а напротивъ, вопреки мнѣнію Цахаріа, встрѣчается довольно часто въ источникахъ вновь изданныхъ (акты трехъ монастырей, составляющіе четвертый томъ изданія Миклошича) но все-таки парики или владѣльческіе крестьяне, называемые въ позднѣйшее время также *κροσχωδῆται* (присѣдшіе), кромѣ этой десятины, обременены были разнообразными барщинами и оброками въ пользу своихъ помѣщиковъ ¹⁾.

¹⁾ Ограничиваемся пока однимъ указаніемъ страницъ, на которыхъ встрѣчается морта, такъ какъ, съ одной стороны, мы намѣрены въ скоромъ времени воротиться къ монастырскимъ актамъ Миклошича и посвятить имъ отдѣльную статью, а съ другой четвертый томъ изданія, гдѣ напечатаны наши акты, не имѣетъ никакого указателя, который бы могъ облегчить занятія интересующихся вопросомъ Мортѣ, см. на стр. 35, 39, 40, 145, 218, 220, 231, 232, 235, 255, 419 (=δεκατία, стр. 420). Отмѣчаемъ кстати и мѣста, гдѣ встрѣчается греческая провія, соответствующая сербской (о которой см. статью В. В. Макушева въ Ж. М. Н. Просвѣщ., сентябрь 1874 г.: О провіи въ древней Сербіи). Прѣвога — стр. 37, 38, 39, 71, 81, 139 и 242.

В. Васильевскій.

РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПРИ КАЛИГУЛЪ, КЛАВДІЪ И НЕРОНЪ.

(Изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ Св. Владиміра).

Философъ Сенека.

Со смертію Тиберія (37 г. по Р. Х.) римская литература вступаетъ въ новый фазисъ, какъ и само римское общество. Долговременнымъ правленіемъ двухъ первыхъ императоровъ новый государственный порядокъ укрѣпился, и пора лицемѣрія для деспотизма окончилась. Ничѣмъ не сдерживаемый, онъ является теперь во всей своей ужасающей силѣ, разрушая и созидая по произволу, ни въ комъ не уважая человѣческой личности, возвышая людей и низвергая по минутной прихоти, ставя себѣ божескіе храмы и обращая императорскій дворецъ въ домъ самаго необузданнаго разврата и коварнаго убійства. Таково было положеніе вещей при трехъ послѣднихъ императорахъ Кесарскаго дома—при Калигулѣ, Клавдіѣ и Неронѣ. Римское общество, слѣдуя тону, подаваемому изъ Палатинскаго дворца, представляетъ въ это время картину распущенности нравовъ, смотря на которую мутится умъ и теряется вѣра въ достоинство человѣческой природы. Глядя на безумія Калигулы, дѣлающаго изъ храма Кастора и Поллукса переднюю для своего дворца и строящаго четырехверстные мосты на морѣ, затѣмъ чтобъ проѣхать въ коласкѣ и верхомъ на лошади по морю, смотря на чудовищныя оргіи Мессалины, совершающей формально брачный обрядъ съ любовникомъ во время ко-

¹⁾ *Продолженіе.* См. августовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

роткаго отсутствія своего законнаго мужа, Римскаго императора, на капризную развращенность Нерона, страстнаго пѣвца, музыканта, наѣздника и убійцу, на этотъ истинный позоръ челоуѣческаго рода, невольно чувствуешь, во очію видишь, что присутствуешь при такомъ состояніи общества, гдѣ уже нѣтъ надежды на спасеніе, и гдѣ люди, какъ помѣшанные, спѣшатъ испить до дна всю чашу яда, одуряющаго умъ и убивающаго тѣло. Читая повѣствованія древнихъ историковъ объ этомъ своеобразномъ времени, на каждомъ шагу встрѣчаешь явленія поразительныя по своей чудовищности, — преступленія, подавляющія своей грандіозностью. Тутъ предпринимаются отдаленные походы, гдѣ дѣло оканчивается сраженіемъ съ деревьями на правомъ берегу Рейна и собраніемъ раковинъ въ океанѣ, а между тѣмъ устраивается триумфальное шествіе въ Римъ, какое прежде выпадало на долю лишь дѣйствительныхъ побѣдителей; тутъ мы видимъ императора, живущаго открыто со своею сестрой въ супружескихъ отношеніяхъ; видимъ, какъ погибаютъ въ пламени десять частей Рима изъ четырнадцати, и тутъ же видимъ главу государства, наслаждающагося видомъ страшнаго зрѣлища пожара и декламирующаго въ это время стихи о разрушеніи Трои; встрѣчаемся съ фактомъ сожиганія людей вмѣсто факеловъ на общественныхъ увеселеніяхъ; наталкиваемся на постройку посреди Рима дворца, имѣющаго три съ половиной мили въ окружности, дворца, внутри котораго помѣщаются пруды, поля, засѣяныя пшеницей, виноградники, пастбища, лѣса съ домашними и дикими животными; слышимъ, какъ артистъ-императоръ, умертвивъ свою мать, издѣвается надъ ея трупомъ, и въ заключеніе, присутствуемъ при глубоко трагической сценѣ, какъ этотъ же самый повелитель вселенной, когда совершились его судьбы, позорно убѣгаетъ изъ своего облитаго золотомъ дворца, босой, въ одной рубашкѣ, и затѣмъ прикрытый только чьимъ-то потерявшимъ уже всякій цвѣтъ плащомъ, — какъ его сенатъ заочно присуждаетъ къ засѣченію розгами до смерти, и какъ онъ, наконецъ, испытавъ всякое униженіе, умираетъ голодный въ хижинѣ, принадлежащей его вольноотпущеннику.

Недавно одинъ нѣмецкій ученый выпустилъ весьма ученую книгу въ защиту Нерона и его правленія ¹⁾ передъ судомъ исторіи, единственнымъ неподкупнымъ судомъ для наказанія людей, въ продолженіе цѣлой жизни безнаказанно глумившихся надъ всѣмъ дорогимъ и священ-

¹⁾ Geschichte der Römischen Kaiserreichs unter der Regierung des Nero von Hermann Schiller. Berlin, 1872.

нымъ для человѣчества. Книга эта не должна однако никого ввести въ заблужденіе: не слѣдуетъ обольщаться ученостью, поднимающею руку на величіе нравственныхъ идеаловъ и не руководящеюся уваженіемъ къ высшимъ требованіямъ человѣческой природы и истины. Время Нерона, по свидѣтельству всей древней литературы и по памяти народной, долго сохранявшейся, принадлежитъ къ самымъ печальнымъ эпохамъ бытія человѣческаго. Это было время, въ которое, въ глазахъ первоначальнаго христіанства, исполнились всѣ ужасы, сопровождающіе, по Писанію, пришествіе антихриста, время величайшихъ преступленій и неслыханнаго извращенія человѣческой природы ¹⁾.

Тридцать слишкомъ лѣтъ правленія трехъ послѣднихъ Кесарей, представителей Юліево-Клавдіева дома, Калигулы, Клавдія и Нерона, не были однако безплодны для литературы; напротивъ того, послѣ угрюмаго ея молчанія при Тибериѣ наступило для нея въ это время значительное оживленіе. При всемъ своемъ безуміи, Калигула, думавшій было сжечь произведенія Гомера и удалить изъ публичныхъ библиотекъ сочиненія Вергилія и Тита Ливія — перваго за отсутствіе-де всякаго таланта и за скудость образованія, *ut nullius ingenii minimaque doctrinae*, а втораго за многоглаголаніе и небрежность въ повѣствованіи, *ut verbosum in historia negligentemque*, не преслѣдовалъ систематически литературы. Онъ даже разрѣшилъ обнародованіе сочиненій Лабіена, Кассія Севера и Кремуція Корда, запрещенныхъ при Августѣ и Тибериѣ (Suet. Cal. 16). Ему даже первому пришла въ голову мысль устроить состязаніе въ краснорѣчіи на греческомъ и латинскомъ языкахъ, хотя онъ и обставилъ эти состязанія условіями неблагоприятными для ихъ развитія: побѣжденные должны были платить премію побѣдителямъ и говорить имъ похвальные рѣчи; тѣхъ же участниковъ въ состязаніи, которые оказывались особенно неудовлетворительными, онъ заставлялъ написанное ими уничтожать губкой или языкомъ, если они не предпочитали подвергнуться тѣлесному наказанію, или быть погруженными въ воду въ ближайшей рѣкѣ (Suet. Cal. 20).

Что касается до императора Клавдія, то онъ самъ былъ литераторъ и въ особенности много занимался исторіей, къ которой еще въ юности получилъ склонность, будучи побужденъ къ занятію ею Т. Ливіемъ. Онъ взялся—было за составленіе исторіи отъ времени убійства Юлія Кесаря, но встрѣтивъ затрудненія говорить свободно о

¹⁾ См. *L'Antechrist par Ernest Renan*. Paris, 1873.

непосредственно затѣмъ слѣдовавшей эпохѣ междоусобій, долженъ былъ прервать свой трудъ на двухъ книгахъ и считать за лучшее начать свое повѣствованіе съ времени окончанія междоусобныхъ войнъ и возстановленія мира между гражданами, а расе civili (Suet. Claud. 41), и написалъ 41 книгу. Кромѣ того, онъ изложилъ въ восьми книгахъ свою біографію magis inepte, quam ineleganter, какъ выражается по этому поводу Светоній (ibid.), изъ котораго мы беремъ всѣ эти свѣдѣнія. Написалъ онъ также сочиненіе въ защиту Цицерона, въ опроверженіе Азинія Галла. Зная хорошо греческій языкъ, онъ написалъ на немъ двадцать книгъ объ Этрускахъ и восемь книгъ о Кароагенацахъ: то и другое сочиненіе онъ подарилъ Александрійской бібліотекѣ. Считаая себя филологомъ, онъ изобрѣлъ три новыя буквы ¹⁾, о необходимости которыхъ издалъ цѣлый томъ своихъ соображеній. Онъ не чуждъ былъ и дара краснорѣчія, въ особенности когда говорилъ не экспромптомъ (Tac. Ann. XIII, 3), хотя сохранившіяся въ Лионѣ двѣ мѣдныя таблицы ²⁾, передающія отрывокъ изъ его рѣчи о допущеніи знатныхъ Галловъ къ засѣданію въ сенатѣ и къ занятію должностей въ Римѣ, и не говорятъ много въ пользу достоинства его ораторскихъ пріемовъ. Однимъ словомъ, Клавдій былъ большимъ любителемъ литературы, и время его правленія принадлежитъ къ наиболѣе производительнымъ въ литературномъ отношеніи, хотя онъ не устраивалъ никакихъ литературныхъ состязаній ни на манеръ своего предшественника Калигулы, ни въ духъ своего преемника Нерона.

Страсть Нерона къ поэзіи, равно какъ къ музыкѣ и пѣнію, извѣстна. Въ удовлетвореніе этой страсти онъ устроилъ въ 60 году по Р. X. (819) пятилѣтнія періодическія празднества (quinquennale ludicrum) для состязаній въ разныхъ искусствахъ, между прочимъ въ поэзіи и краснорѣчій. На этихъ-то празднествахъ онъ самъ выступалъ не только въ качествѣ пѣвца и музыканта, но и въ качествѣ поэта; тутъ же онъ, именно въ 65 (818) году, прочелъ и свою знаменитую поэму о разрушеніи Трои, которую онъ, говорятъ ³⁾, распѣвалъ въ театральной одеждѣ съ гитарой въ рукахъ, глядя на пожаръ, испепелившій

¹⁾ См. мои Лекціи, I, стр. 27, 2-го изданія (1876).

²⁾ Таблицы эти издавались много разъ, какъ некоторыми издателями Таблицъ, у котораго содержаніе рѣчи Клавдія передано въ переправѣ въ Ann. XI, 24, такъ и разными другими учеными (Нибуромъ въ *Kleine Schriften*, Целлемъ въ *Opuscula academica lat.*), въ особенности эпиграфистами, какъ *Boissieu*, *Inscriptions antiques de Lyon, reproduites etc.* Lyon, 1846, и некоторыми другими.

³⁾ Tac. Ann. XV, 39; Suet. Nero, 38; Dio Cass. LXII, 18.

въ 64 (817) болѣе двухъ третей Рима. Отъ этой поэмы до насъ дошло лишь нѣсколько стиховъ у разныхъ древнихъ писателей, какъ то: у Сенеки (Quaest. nat. I, 5, 6), у Луканова схолиаста (ad Phars. III, 26) у Светонія въ біографіи Лукана; сюда же, быть можетъ, относятся и тѣ бессодержательные стихи, которые приводитъ Персій въ первой своей сатирѣ (ст. 93—95 и 99—102), и которые схолиастъ этого сатирика прямо называетъ Нерововыми ¹⁾. По свидѣтельству Светонія (Nero, 52), Неронъ писалъ стихи охотно и безъ затрудненія, libenter ac sine labore. У Светонія находились въ рукахъ тетради стиховъ, писанныхъ собственною рукою Нерона, съ поправками и пометками, исключавшими всякую мысль о томъ, будто, какъ нѣкоторые увѣрили, онъ выдавалъ за свои чужіе стихи. Не хорошо было только то, что капризный тиранъ не любилъ соперничества. Исторія съ Луканомъ будетъ вѣчно служить печальнымъ тому подтвержденіемъ. Своенравный деспотъ не желалъ допустить, чтобы кто-либо пѣлъ, игралъ на гитарѣ или писалъ стихи лучше его. Соперничество въ этомъ отношеніи его тревожило гораздо болѣе, чѣмъ пасквили, которые писались на него въ изобилии (Suet. Nero, 39), и на которые, можно сказать, онъ не обращалъ вниманія, ибо не только не розыскивалъ ихъ авторовъ, но и не позволялъ сенату слишкомъ строго судить тѣхъ, на кого донось уже былъ сдѣланъ. Въ этомъ отношеніи снисходительность его была такъ велика, что когда философъ цинической школы Исидоръ громко порицалъ его на улицѣ за то, что онъ хорошо пѣлъ дурные стихи, а дурно распоряжался своимъ добромъ, или когда актёръ Дать, въ одной изъ Ателланъ, сдѣлалъ живой намекъ на умерщвленіе имъ отца и матери, онъ удовольствовался лишь изгнаніемъ того и другаго изъ Рима и Италіи (Suet. *ibid.*).

Говоря вообще, время трехъ послѣднихъ императоровъ дома Кесаря не только не было совсѣмъ не благопріятно для литературы, но даже въ нѣкоторой степени способствовало значительному ея оживленію. Ни одинъ изъ означенныхъ Кесарей не былъ ей враждебенъ по принципу, а напротивъ каждый изъ нихъ — на своемъ, конечно — старался даже содѣйствовать ея развитію, считая самъ себя однимъ изъ ея представителей.

И дѣйствительно, римская литература этого времени представляетъ большое оживленіе, хотя и не во всѣхъ своихъ частяхъ. Слѣ-

¹⁾ См. впрочемъ о нихъ примѣчаніе г. *Благовѣщенскаго* въ его *Сатирахъ Персія* (Спб. 1873) р. 104 и слѣд.

одной стороны, политической гнетъ, дѣлавшій жизнь человѣка игрушкою деспотизма, съ другой — крайне распущенное состояніе нравовъ, при которомъ люди, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, старались какъ можно скорѣе извлечь изъ жизни всѣ наслажденія, какія она могла дать въ это время всевозможныхъ преступленій, вызвали въ избранной части общества такое сильное влеченіе къ философіи, какого мы не замѣчаемъ ни прежде, ни послѣ въ римской исторіи. Привлекши къ себѣ общественное вниманіе еще въ вѣкъ Цицерона, столь обильный общественными бурями и переворотами, и сдѣлавшись однимъ изъ необходимыхъ предметовъ образованія въ вѣкъ Августа, философія вступаетъ во всѣ свои права при слѣдующихъ за нимъ непосредственно императорахъ и налагаетъ свою печать на всю выдающуюся часть литературы времени Нерона. Сообразно условіямъ времени, главнымъ направленіемъ ея теперь является стоицизмъ, важнѣйшимъ представителемъ котораго въ литературѣ выступаетъ философъ Сенека, составляющій собой средоточіе и всего литературнаго движенія разсматриваемаго теперь нами времени.

Л. Анней Сенека, одинъ изъ трехъ сыновей знакомаго намъ уже ритора Сенеки ¹⁾, былъ родомъ изъ Испаніи, изъ римской колоніи Кордубы (нынѣ Кордова). Годъ рожденія его въ точности неизвѣстенъ, но есть одинъ изъ годовъ, ближайшихъ ко времени Рожденства Христова. Извѣстно однако, что онъ еще въ младенческомъ возрастѣ переселился вмѣстѣ съ семействомъ отца своего въ Римъ, будучи во время не легкаго морскаго путешествія много обязанъ попеченіямъ своей тетки (по матери), которая и въ послѣдующее время играла въ его судьбѣ немаловажную роль ²⁾. Поставленный самимъ своимъ происхожденіемъ въ кругъ людей литературныхъ, онъ рано успѣлъ развить въ себѣ вкусъ къ умственной дѣятельности подъ вліяніемъ своихъ учителей, между которыми онъ во всю жизнь не забывалъ преагорейца Сотіона, стоика Аттала и эклектика Паирија Фабіана, исполненный чувства самой теплой къ нимъ благодарности ³⁾.

¹⁾ См. *Жур. Мин. Нар. Просв.*, августъ, стр. 303—310.

²⁾ Вотъ что самъ онъ говоритъ по этому поводу въ утѣшительномъ посланіи къ своей матери (Сона, ad Helviam matrem, 19): *illius manibus in urbem perlatus sum; illius pio maternoque nutricio per longum tempus aeger convalui; illa pro quaestura mea gratiam suam extendit, et quae ne sermonis quidem aut clarae salutationis sustinuit audaciam, pro me vicit indulgentia verecundiam.*

³⁾ См. мою рѣчь: *Философъ Сенека и его письма къ Луцілю*. Кіевъ, 1872, стр. 4 и слѣд.

Время своей юности, падающее на правление Тиберія ¹⁾, онъ провелъ въ занятіяхъ краснорѣчіемъ и ко времени Калигулы приобрѣлъ уже столь значительную извѣстность въ адвокатурѣ, что едва не погибъ жертвой своего успѣха ²⁾, который былъ не по вкусу слабоумному и бѣшеному сыну Германика. Около этого времени онъ вступилъ на поприще государственной службы и отправлялъ должность квестора, приобретенію которой онъ, по его словамъ (см. выше въ примѣч.), былъ обязанъ всего болѣе энергическому вмѣшательству своей тетки, возвратившейся къ тому времени изъ Египта, гдѣ она прожила 16 лѣтъ съ своимъ мужемъ, Ветразіемъ Полліономъ, управителемъ этой важной провинціи. Вскорѣ по вступленіи въ управленіе Клавдія, Сенека былъ сосланъ (41 по Р. Х.) по интригамъ Мессалины на островъ Корсику за любовную связь съ дочерью Германика, Юліей Ливиллой. Ссылка эта имѣла на дальнѣйшее направленіе его умственной дѣятельности рѣшительное вліяніе. Она обратила его къ занятію философіею, вкусъ къ которой пробужденъ былъ въ немъ еще въ юности, но предаться которой онъ не могъ, отвлекаемый и вліяніями родныхъ, и общественною дѣятельностью. Именно въ продолженіе восьми лѣтъ ссылки въ немъ развился и окрѣпъ тотъ философскій духъ, который сдѣлалъ изъ него представителя философіи своего времени и главу римскаго стоицизма. Къ этому времени относится цѣлый рядъ его философскихъ сочиненій. Возвращенный въ Римъ по смерти Мессалины новою женой Клавдія Агриппиной (въ 49 г. по Р. Х.) для воспитанія сына ея, будущаго императора Нерона, онъ тогда же получилъ преторскую должность и вскорѣ занялъ при дворѣ весьма значительное положеніе, которое сдѣлалось первенствующимъ, когда по смерти Клавдія вступилъ (въ 54 г. по Р. Х.) въ управленіе его воспитанникъ. Въ 58 г. онъ былъ облеченъ въ консульское званіе. Но не будучи въ состояніи сдержать необузданность молодаго императора и терявъ, наконецъ, всякое на него вліяніе, онъ рѣшился удалиться отъ кесарскаго двора, а вскорѣ затѣмъ (въ 65 г.) долженъ былъ умереть по приказанію тиранна, будучи обвиненъ какъ участникъ въ Пизоновомъ заговорѣ.

Сенека принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ въ исторіи человѣческаго развитія и заслуживаетъ

¹⁾ Epist. ad Luc. 108, 22: in Tiberii Caesaris principatum juventae, tempus inciderat.

²⁾ Dio Cass. LIX, 19.

внимательнаго изученія и какъ человекъ, и какъ писатель. Правда, въ новѣйшее время, въ особенности въ нѣмецкой литературѣ, а за нею и въ нашей, очень часто высказывались противъ него самыя неблагопріятныя мнѣнія и дѣлались самыя враждебныя выходы какъ относительно его нравственной стороны, такъ и относительно его литературной дѣятельности. Въ первомъ отношеніи съ особенною охотой повторяются многими тѣ обвиненія, которыя ввоздвигались на римскаго философа его политическими врагами, каковы обвиненія въ прелюбодѣяннѣ, страсти къ стяжанію и т. п., обвиненія, перечисляемыя у Тацита (Ann. XIII, 42, XIV, 52) и Діона Кассія (LXI, 10). Но при этомъ не берется во вниманіе ни слабая степень основательности обвиненій, исходящихъ изъ устъ политическихъ противниковъ, ни свидѣтельство такого серьезнаго человека и строгаго судьи, какъ Тацитъ, который прямо приписываетъ эти обвиненія дурнымъ людямъ ¹⁾, и сообщая ихъ читателю, не хочетъ придавать имъ какой-либо цѣны, а напротивъ, отзывается о представителѣ римскаго стоицизма съ видимымъ уваженіемъ и рисуетъ кончину философа самыя симпатическими красками (XV, 62 слѣд.) ²⁾. Стремленіе чернить замѣчательныхъ людей, произносить сужденіе о ихъ общественномъ, ученомъ и литературномъ значеніи на основаніи дошедшихъ до насъ сплетней о частной жизни человека, это стремленіе, особенно любезное нашей журнальной литературѣ, есть, безъ сомнѣнія, одно изъ печальнѣйшихъ явленій на-

¹⁾ Ann. XIV, 52: Nero ad deteriores inclinabat. Hi variis criminationibus Senecam adoruntur, tamquam ingentes et privatum modum evectas opes adhuc auget, quodque studia civium in se verteret, hortorum quoque amoenitate et villarum magnificentia quasi principem supergrederetur. Objiciebant etiam eloquentiae laudem uni sibi adsciscere et carmina crebrius facititate, postquam Neroni amor eorum venisset. Кто не видитъ побужденій, диттовавшихъ подобныя обвиненія на близкаго къ императору человека? Естественно думать, не одинаковаго ли свойства и цѣны и все остальное, вводимое на сцену его личными недругами?

²⁾ Въ описаніи Тацитомъ послѣднихъ минутъ жизни Сенеки нѣкоторыя черты особенно трогательны и указываютъ на то, какъ думалъ о воспитателѣ Нерона великій историкъ. Сюда относится сообщеніе, что Сенека, когда центуріонъ не позволилъ ему завѣщать что-либо своимъ друзьямъ, заявилъ, что онъ въ такомъ случаѣ завѣщаетъ имъ свое единственное, но самое драгоцѣнное достоинство—образъ жизни своей, quod unum jam et tamen pulcherrimum habeat, imaginem vitae suae relinquere testatur (Ann. XV, 62). Таковъ же разказъ о томъ, какъ Сенека проситъ свою жену не предаваться безконечной печали, а утѣшаться «созерцаніемъ его жизни, проведенной въ добродѣтели» (XV, 63).

шей литературной жизни и очевидное свидѣтельство недостаточности нашего общественнаго и литературнаго развитія. Этому жалкому стремленію мы обязаны цѣлымъ рядомъ оскорбленій, нанесенныхъ памяти Карамзина, Пушкина и Лермонтова, безспорно самыхъ сильныхъ представителей нашего литературнаго слова, людей, слава которыхъ составляетъ истинную гордость и честь Россіи. Въ послѣднее время у насъ появились писатели, историки и романисты, находящіе въ опозореніи лучшихъ именъ нашей исторіи какое-то особенное для себя наслажденіе и въ своемъ ослѣпленіи воображающіе себя титанами, для которыхъ ничего не стоитъ низвергнуть съ гранитнаго пьедестала даже самого Петра Великаго. Но эти и подобныя писатели забываютъ, что всѣ люди, даже самые великіе, въ силу несовершенства человѣческой природы, имѣютъ свои слабости; брать же эти слабости—если даже они безспорно доказаны—за основаніе сужденій о достоинствѣ историческаго дѣятеля, забывая о той его сторонѣ, которою онъ всего болѣе соприкасался съ обществомъ и обнаружилъ на него свое вліяніе, значитъ показывать только свою ограниченность и неспособность возвыситься до той широты взгляда, до того гуманнаго отношенія къ недостаткамъ человѣческой природы, какія требуются отъ цѣнителя историческихъ личностей и ихъ общественной дѣятельности.

Главною стороною общественной дѣятельности Сенеки была литература. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неоспоримо первый человѣкъ своего времени, и при всѣхъ своихъ недостаткахъ первостепенный писатель въ римской литературѣ. Вліяніе его на литературную дѣятельность своего времени было колоссально. Онъ до такой степени владѣлъ умами современной молодежи, что она, по свидѣтельству Квинтиліана (X, 1, 126), почти одного только его и читала ¹⁾. Тайна такого обаянія скрывалась въ постиженіи имъ духа и потребностей своего времени ²⁾. Такъ понималъ это дѣло и главный противникъ литературнаго направленія Сенеки—Квинтиліанъ, объяснявшій его непомѣрное вліяніе на современниковъ испорченностью ихъ литературнаго вкуса ³⁾, хотя и признававшій за нимъ многія несомнѣнныя

¹⁾ Tum autem solus hic fere in manibus adolescentium fuit.

²⁾ Tac. Ann. XIII, 3: Fuit illi viro ingenium amoenum et temporis ejus auribus accommodatum.

³⁾ Inst. or. X, 1, 127: Sed placebat propter sola vitia et ad ea se quisque dirigebat effingenda, quae poterat.

достоинства ¹⁾. Свое значеніе въ литературѣ Сенека утвердилъ цѣлымъ рядомъ сочиненій самаго разнообразнаго характера, начиная съ рѣчей и мелкихъ стихотвореній до трагедій и нравственно философскихъ разсужденій, которымъ онъ по преимуществу и обязанъ громкою славой своего имени. *Tractavit omnem fere studiorum materiam*—говоритъ о немъ Квинтиліанъ (*ibid.* 128), котораго, по видимому, поражаало это разнообразіе таланта, обнаружившаго способность говорить легко и обильно въ разныхъ формахъ и о разныхъ предметахъ знанія. Знаменитый римскій критикъ останавливается однако лишь на философскихъ сочиненіяхъ Сенеки и по нимъ произноситъ свое сужденіе о главѣ противнаго ему литературнаго направленія. Квинтиліанъ не находитъ въ философіи Сенеки тщательности (*in philosophia parum diligens*), но въ то же время отдаетъ ему честь за нравственную строгость, съ какою онъ преслѣдуетъ пороки, и потому, не смотря на полное неодобреніе ²⁾ литературныхъ приемовъ философа, находитъ въ его сочиненіяхъ много достойнаго вниманія и назидательнаго ³⁾, и въ заключеніе прибавляетъ: „Многое въ немъ, какъ я сказалъ, достойно одобренія, многое достойно даже удивленія, только нужно позаботиться о выборѣ“. Такъ смотрѣлъ на литературную дѣятельность Сенеки человѣкъ, главною заботой котораго было искорененіе литературнаго вліянія римскаго философа и замѣна его направленіемъ, основаннымъ на изученіи классическаго періода римской литературы. Съ тѣхъ поръ протекло восемнадцать столѣтій: языческую нравственность стоицизма смѣнила христіанская проповѣдь евангельскаго ученія; успѣлъ потухнуть свѣтъ древней образованности; послѣ тысячелѣтняго броженія въ потемкахъ, европейское человѣчество снова возвратилось къ тому же свѣту греко-римской культуры и шумно отпраздновало въ XV и XVI столѣтіяхъ свой свѣтлый праздникъ умственнаго возрожденія; пришла вслѣдъ затѣмъ новая эпоха, вѣкъ просвѣщенія и гражданскаго освобожденія человѣка отъ пути средневѣковаго феодализма и безправія; наступило, наконецъ, наше время положительнаго знанія и признанія правъ человѣка на умственную независимость и гражданскую свободу

¹⁾ *Ibid.* 128: *Cujus et multae alioqui et magnae virtutes fuerunt, ingenium, facile et copiosum, plurimum studii, multa rerum cognitio.*

²⁾ *Ibid.* 129: *Sed in eloquendo corrupta pleraque atque eo perniciosissima quod abundant dulcibus vitiis.*

³⁾ *Ibid.* *Multae in eo claraeque sententiae, multa etiam morum gratia legenda.*

не въ теоріи только, но и на практикѣ: во всѣ эти великіе періоды всемірной исторіи, и у проповѣдниковъ христіанства первыхъ столѣтій, и среди гуманистовъ эпохи Возрожденія, и въ эпоху XVIII столѣтія, и наконецъ, въ наше время сочиненія Сенеки не переставали пользоваться особеннымъ вниманіемъ со стороны людей, которымъ дорогъ созданный имъ высокій идеаль челоуѣка и чистота нравственнаго ученія. Если между почитателями представителя римскаго стоицизма мы можемъ указать на такихъ, какъ Тацитъ, Лактанцій, Иеронимъ, Августинъ, Петрарка, Эразмъ, Муретъ, Монтанъ, Линсіи, Лабрюйеръ, Дидро, а между его противниками и порицателями не находимъ никого, кромѣ бездарныхъ риторовъ и компиляторовъ древняго ¹⁾ и новаго времени, то спору о значеніи Сенеки въ исторіи европейскаго просвѣщенія нѣтъ болѣе мѣста ²⁾.

Количество дошедшихъ до насъ сочиненій Сенеки весьма значительно. Но сверхъ того еще многое потерялось. Такъ потерялось почти все, что относится во времени, предшествующему его ссылкѣ на Корсику, и значительное количество сочиненій послѣдующаго періода. Въ изданіи Гаазе, какъ и во многихъ другихъ изданіяхъ, сведены отрывки этихъ потерянныхъ сочиненій и указанія на нихъ у древнихъ писателей. Изъ свода этого видно, какъ великъ рядъ не дошедшихъ до насъ литературныхъ трудовъ Сенеки, и какого они были разнообразнаго характера. Сюда относятся такимъ образомъ: его стихотворенія, то-есть, указываемыя Квинтилианомъ *romata*; разные сочиненія, относящіяся къ естественной исторіи и физикѣ, какъ-то: *De motu terrarum*, *De lapidum natura*, *De piscium natura*, *De forma mundi*; географическія сочиненія: *De situ Indiae*, *De situ et sacris Aegyptiorum*; дѣльный рядъ нравственно-философскихъ сочиненій: *Exhortationes*, *De officiis*, *De immatura morte*, *De superstitione (dialogus)*, *De matrimonio*, *De paupertate*, *De moribus liber*, *De amicitia*, *Moralis philophiae libri*, *De remediis fortuitorum*; далѣе, рѣчи, какъ тѣ, которыя онъ говорилъ въ судахъ еще до ссылки, занимаясь адвокатурой, и за одну изъ которыхъ чуть было не заплатилъ жизнью при Каллигулѣ, такъ и тѣ, которыя онъ сочинялъ для Нерона; кромѣ того, письма (*Epistolae*); наконецъ, предсмертныя его записки (*Codicilli*).

¹⁾ Къ таковымъ относится въ особенности Геллій, рассуждающій о немъ въ своихъ *Noctes Atticae*, XII, 2. Раньше его ополчался противъ Сенеки риторъ Фронтонъ, который хотѣлъ бы «съ корнемъ вырвать краснорѣчіе Сенеки», p. 155 ed. Nab.

²⁾ Ср. мою рѣчь: Философъ Сенека и его письма къ Луцилію, стр. 10—13.

Между сохранившимися сочиненіями Сенеки прежде всего обращаетъ на себя вниманіе рядъ его нравственно-философскихъ сочиненій, который состоитъ изъ 12 отдѣльныхъ трактатовъ, носящихъ въ миланской рукописи названіе Діалоговъ. Но установить хронологическій порядокъ между этими сочиненіями трудно; не подлежитъ однако сомнѣнію, что они обнимаютъ весь періодъ жизни философа отъ времени Калигулы до времени удаленія его отъ Неронова двора. Первое по происхожденію мѣсто между ними признается обыкновенно за сочиненіемъ О гнѣвѣ (*De ira*), написаннымъ Сенокой въ трехъ книгахъ для старшаго брата своего Новата, усмиренного впоследствии Юніемъ Галліономъ и являющагося съ этимъ именемъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (гл. 18) въ качествѣ проконсула Ахаіи.

Въ первой книгѣ сочиненія *De ira* Сенека изображаетъ прежде всего отвратительность вида этой страсти и соглашается съ тѣми философами, которые называютъ гнѣвъ кратковременнымъ сумасшествіемъ (гл. 1) ¹⁾; затѣмъ переходитъ къ опредѣленію гнѣва, изслѣдуетъ, подлежатъ ли гнѣву животныя, сообразенъ ли гнѣвъ съ природою человѣка, и рѣшая этотъ послѣдній вопросъ отрицательно, спорить съ Аристотелемъ, по мнѣнію котораго гнѣвъ необходимъ для совершенія военныхъ подвиговъ (гл. 9). Сенека убѣжденъ, что добродѣтель никогда не нуждается въ помощи порока и не должна пользоваться его услугами ²⁾. Онъ полагаетъ, что гнѣвъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полезенъ и всего менѣе для наказанія за преступленія. При этомъ упоминаетъ изреченіе Сократа, сказавшаго рабу: „я высѣкъ бы тебя, еслибы не находился въ раздраженномъ состояніи“ (гл. 15), указываетъ замѣчательные примѣры несправедливыхъ наказаній, вызванныхъ гнѣвомъ (гл. 18), и заключаетъ заявленіемъ, что гнѣвъ не можетъ произвести ничего великаго: иначе можно было бы находить величіе въ роскоши, въ сладострастіи, въ корыстолюбіи и въ другихъ страстяхъ, коль скоро одѣ знаменуются крупными проявленіями. „Возвышенна одна добродѣтель, и нѣтъ ничего великаго, что не было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и безмятежно“ ³⁾. Этими, восходящими до нравственной высоты христіанства словами, заканчивается первая книга О гнѣвѣ.

¹⁾ *Quidam e sapientibus veris iram dixerunt brevem insaniam.*

²⁾ Гл. 9: *Nunquam virtus vitio adjuvanda est, se contenta.*

³⁾ Гл. 15: *Sola sublimis et excelsa virtus est, nec quidquam magnum est, nisi quod simul et placidum.*

Во второй книгѣ этого сочиненія Сенека обращается къ изслѣдованію вопроса о происхожденіи гнѣва, о томъ, есть ли гнѣвъ страсть сознательная, рождающаяся при помощи разсудка, или онъ есть аффектъ новольный, то-есть, происходитъ безъ участія нашего желанія, *utrum ira judicio, an impetu incipiat*. Скававъ о томъ, какъ зарождается и развивается гнѣвъ, и нашедши въ немъ обѣ стороны, невольную и сознательную, онъ обращаетъ вниманіе на то, что отъ гнѣва нужно отличать жестокость или зѣрство, находящее наслажденіе въ людскомъ страданіи, и что эта послѣдняя страсть есть „зло большее и неизлѣчимое“ (гл. 5). — Гнѣвъ продолжаетъ Сенека, никакъ не вяжется съ добродѣтелью. Мудрый, то-есть, обладающій добродѣтелью, не гнѣвается: иначе, разгнѣвавшись разъ, онъ долженъ былъ бы всю жизнь проводить въ раздраженномъ состояніи, такъ какъ, куда бы онъ ни обернулся, вездѣ нашелъ бы предметъ для гнѣва (гл. 9). Въ противоположность Аристотелю и перипатетикамъ, его послѣдователямъ, Сенека утверждаетъ, что гнѣвъ не такъ сроденъ съ человѣческой природой, чтобы нельзя было одолѣть въ себѣ эту страсть. По его мнѣнію, нѣтъ ничего столь труднаго, надъ чѣмъ не могъ бы восторжествовать человѣкъ умомъ, размышленіемъ и самообладаніемъ. Многіе отказываются отъ вина, другіе—отъ сладострастія, третьи—отъ всякой влаги, нѣкоторые довольствуются короткимъ сномъ, иные научились бѣгать по тонкимъ канатамъ, поднимать неимоверныя тяжести, опускаться въ безпредѣльную глубину моря. Однимъ словомъ, чего не можетъ преодолѣть твердо рѣшившійся на что-нибудь человѣческой духъ ¹⁾? Сенека никакъ не согласенъ съ мнѣніемъ, что гнѣвъ заключаетъ въ себѣ что-либо благородное—на томъ основаніи, что имъ преисполнены свободные народы, какъ Германцы и Скифы. Склонность къ гнѣву у этихъ народовъ есть свойственная также и дикимъ животнымъ свирѣость, происходящая отъ грубости нравовъ (гл. 15). Одинаково неосновательно и то мнѣніе, которое въ примѣръ благородства гнѣва приводитъ благороднѣйшихъ животныхъ, обладающихъ въ большой степени гнѣвомъ: животные эти руководствуются порывомъ (*impetus*), вмѣсто котораго у человѣка есть разумъ (*ratio*). Гнѣвъ не нуженъ и для оратора: для него требуется, какъ и для актѣра, лишь подражаніе гнѣву (гл. 17). Съ 18-й главы Сенека переходитъ къ средствамъ противъ гнѣва, которыя двоякаго рода: предохранительныя (*ne inci-*

¹⁾ Гл. 12: *Quodcumque sibi imperavit animus, obtinuit.*

damus in iram) и исправительныя. Къ первымъ относится соотвѣтствующее тому воспитаніе и затѣмъ такія средства, какъ размышленіе о томъ, когда наносится обида, справедливо или незаслуженно, избѣганіе самомнѣнія и стремленія всеми мѣрами къ самообладанію. Средства исправительныя составляютъ содержаніе третьей книги.

Въ сочиненіи О гнѣвѣ Сенека не разъ приводитъ въ примѣръ безумныя поступки Калигулы ¹⁾. Слѣдовательно, сочиненіе это, если оно написано было и при Калигулѣ, выпущено въ свѣтъ во всякомъ случаѣ послѣ его смерти. Написано оно вполне въ стоическомъ духѣ. Сенека проводитъ здѣсь уже во всей силѣ то ученіе стоиковъ, по которому для мудраго нѣтъ ничего неодолимаго, онъ можетъ проходить безстрастно мимо всѣхъ явленій жизни и ничто не въ состояніи возмутить его. Сочиненіе это дошло и до насъ съ пропускомъ въ началѣ (см. вторую главу).

Безспорно къ раннимъ философскимъ сочиненіямъ Сенеки принадлежитъ его утѣшительное посланіе къ дочери историка Кремуція Корда ²⁾, Марціи, по поводу смерти ея сына, *Consolatio ad Marciam*, въ одной книгѣ. Сочиненіе это, какъ и предыдущее, по всей вѣроятности, предшествовало ссыльѣ автора и есть первое изъ его трехъ Утѣшеній, съ которыми мы теперь же и познакомимся.

Въ самомъ началѣ Утѣшенія къ Марціи Сенека излагаетъ побужденіе къ сочиненію и говоритъ, что онъ не рѣшился бы обращаться съ утѣшеніемъ, еслибы не зналъ, что онъ обращается къ женщиноу, извѣстной силою духа и испытанною добродѣтелью. Она перенесла смерть своего отца, и сохранивъ его запрещенныя сочиненія, издала ихъ въ свѣтъ, чѣмъ оказала большую услугу римской литературѣ и сберегла для потомства память челоуѣка, который будетъ всегда служить образцомъ того, чѣмъ долженъ быть Римлянинъ. Но ее повергла въ уныніе смерть сына, и печаль ея не утихаешь, хотя отъ смерти сына прошло три года. Онъ намѣренъ обратиться къ ней поэтому не съ совѣтами, а съ примѣрами, и обращаетъ ея вниманіе на то, какъ Октавія, сестра Августа, перенесла потерю сына своего Марцелла, а Ливія, жена его, смерть — Друза. Примѣръ этой послѣдней долженъ быть особенно приятенъ Марціи, такъ какъ она состояла съ Ливіей въ близкихъ отношеніяхъ. Марція знаетъ, какъ на Ливію подѣйствовали утѣшительныя бесѣды философа Арея.

¹⁾ II, 33; III, 18 и 22.

²⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, августъ, стр. 286—288.

Онъ хочетъ служить для нея самой Ареемъ. Онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что скорбь по близкимъ существамъ свойственна природѣ человѣка; но эта скорбь должна имѣть границы. И животныя сильно тоскуютъ въ началѣ по своимъ дѣтямъ, но затѣмъ перестаютъ. Смерть есть удѣлъ всѣхъ людей. Умеръ у нея сынъ: значитъ, онъ достигъ того предѣла, къ которому стремятся и другія ея дѣти. Чѣмъ объясняется, далѣе, ея скорбь? Имѣетъ ли Марція въ виду свои личныя утраты, или утраты умершаго? Если она не испытала еще удовольствія отъ обладанія этимъ сыномъ, то тѣмъ легче можетъ перенести его потерю; если жъ испытала уже много удовольствія, то должна не жаловаться на утрату того, что у нея отнято, а благодарить судьбу за то, что ею было получено. Чѣмъ удовольствіе сильнѣе, тѣмъ оно кратковременнѣе. Къ тому же, не съ нею одной приключилось такое несчастье: его испытали и Сулла, и Павелъ, побѣдитель Персея, испытали Помпей, Августъ, Тиберій, Калигула; да и какое семейство его не испытываетъ? Можно указать на прижъры мужественнаго перенесенія потери дѣтей не въ однихъ мужчинахъ, но и въ женщинахъ: можно указать на Лукрецію, Клею, двухъ Корнелій. Наконецъ, она лишившись сына, имѣетъ въ утѣшеніе себѣ двухъ дочерей, и кромѣ того, ввучатъ. Конечно, человѣческая природа такова, что мы болѣе всего любимъ то, что потеряли, дѣлаясь чрезъ то несправедливыми къ остальному; но все-таки оставшіяся у ней дѣти и ввучата могутъ служить слишкомъ достаточнымъ утѣшеніемъ. Въ мірѣ человѣческомъ вездѣ добро перемежано со зломъ. Она знала напередъ, что если дѣти у насъ рождаются, то и умираютъ. Но есть и другія утѣшенія. Такъ, она можетъ представлять себѣ сына не умершимъ, а отсутствующимъ. Главное же утѣшеніе то, что смерть есть величайшее благо: она конецъ всѣмъ скорбямъ и возвращаетъ насъ въ состояніе вѣчнаго спокойствія. Особенно хорошо умереть рано, не испытавъ разныхъ бѣдствій. Все человѣческое кратковременно и непрочное. Вся земля съ ея городами, народами, рѣками и морями есть точка во вселенной, и жизнь наша занимаетъ меньше точки въ сравненіи со всѣмъ безпредѣльнымъ временемъ. Напрасно Марція думаетъ, что ея сынъ жилъ недостаточно, такъ какъ неизвѣстно, что ожидало бы его въ будущемъ. Легче путь къ богамъ для тѣхъ, кто умеръ въ раннемъ возрастѣ. Ей нечего ходить на могилу сына, гдѣ ничего не осталось, кромѣ костей и пепла, а самъ онъ переселился въ тѣ горнія селенія (*ad excelsa sublatus*), гдѣ обитаютъ блаженныя души, и находится въ сонмѣ Сципіоновъ

и Катонѣ, тамъ, гдѣ находится и отецъ ея, который призываетъ ее оттуда къ превращенію печали.

Будучи сосланъ въ 41 по Р. Х. на островъ Корсику, Сенека скорѣе отправилъ оттуда утѣшительное посланіе къ своей матери (*Consolatio ad Helviam matrem*), которая сильно горевала по своему сынѣ. Послѣ прекраснаго и трогательнаго вступленія, гдѣ авторъ излагаетъ причины, почему онъ раньше не послалъ матери утѣшеній, онъ обращаетъ вниманіе ея на то, что ссылка сына не есть первое горе, которое ей пришлось перенести, и что судьба не щадила для нея ударовъ съ самаго дѣтства. Новое горе она тѣмъ легче можетъ перенести, что самъ онъ не находитъ себя несчастнымъ. Онъ не считаетъ счастьемъ или несчастьемъ того, что приходитъ случайно ¹⁾. Противъ несчастій онъ находитъ существенную опору въ философіи, которая достаточно вооружаетъ человѣка ко встрѣчѣ всякихъ случайностей. Несчастія тяжелы для тѣхъ, кто къ нимъ не приготовленъ; онъ же никогда не довѣрялъ судьбѣ и не придавалъ существеннаго значенія ея милостямъ. Кромѣ того, ссылку и вообще нельзя называть несчастьемъ. Ссылка въ сущности есть перемѣна мѣста, къ которой человѣкъ имѣетъ естественное расположеніе, что доказывается наплывомъ въ Римъ людей со всѣхъ концовъ міра и подтверждается исторіей разныхъ народовъ. Къ тому же, перемѣнивъ мѣсто, человѣкъ не теряетъ того, что для него особенно дорого. „Этотъ міръ, больше и прекраснѣе котораго ничего не произвела природа, духъ созерцающій и удивляющійся міру, лучшая часть его, остаются съ нами постоянно и пребудутъ съ нами до тѣхъ поръ, пока мы сами будемъ существовать“ (гл. 8). Никакая ссылка не можетъ изгнать его изъ предѣловъ міра. Вездѣ надъ нимъ будетъ небо, вездѣ онъ будетъ видѣть солнце, луну и звѣзды, подвижныя и неподвижныя. Скучность корсиканской природы не можетъ производить на него непріятнаго дѣйствія. Человѣкъ, занимающійся философіей, не цѣнитъ богатства и роскоши; онъ достаточно закаленъ къ перенесенію всякихъ лишеній, сколько бы ихъ ни было. Слѣдовательно, скорбѣть именно о немъ мать не имѣетъ основаній. Съ другой стороны, ссылка его не подвергаетъ ее никакимъ лишеніямъ, такъ какъ и до ссылки она не нуждалась въ его помощи, а напротивъ сама лишь хлопотала о своихъ дѣтяхъ. Что же касается до того, что,

¹⁾ Гл. 5: *Leve momentum in adventiciis rebus est... nec secunda sapientem evehunt, nec adversa demittunt.*

разъединенная съ сыномъ, она не можетъ наслаждаться его лицезрѣніемъ и бесѣдой, то для перенесенія этого лишенія она должна вооружиться мужествомъ, которое до нея обнаруживали многія римскія женщины. Для этого нѣтъ нужды обращаться къ забавамъ, путешествіямъ и другимъ развлеченіямъ, которыя не излѣчиваютъ отъ печали, а могутъ только остановить ее на время. Лучше всего ей обратиться къ литературнымъ и ученымъ занятіямъ, которымъ мѣшалъ ей предаться вполнѣ отецъ его, приверженецъ старинныхъ обычаевъ. Въ этихъ занятіяхъ она найдетъ надежную опору и средства для борьбы съ судьбой. Наконецъ, къ ея утѣшенію служатъ другихъ два сына, внуки, отецъ ея, сестра; а когда она будетъ вспоминать о немъ самомъ, то пусть представляетъ его себѣ веселымъ и бодрымъ, находящимся какъ бы въ самомъ лучшемъ положеніи. Да оно и въ самомъ дѣлѣ таково, коль скоро онъ можетъ безъ всякой помѣхи предаваться любимымъ занятіямъ, поэзіи и философіи.

Другое утѣшительное посланіе съ Корсики было адресовано Сенекой служившему при дворѣ Клавдія вольноотпущеннику Поливію (*Consolatio ad Polybium*), по случаю смерти его брата. Сочиненіе это, какъ это ни прискорбно сказать объ авторѣ Писемъ къ Луцілію, лежитъ пятномъ на памяти Сенеки. Пламенный поклонникъ его, знаменитый Дидро, не хотѣлъ признавать это сочиненіе за подлинное: такъ оно мало похоже по духу на другія сочиненія философа и такъ мало достойно его имени! Но въ настоящее время подлинность его не подвергается сомнѣнію, такъ какъ трудно найти для этого какія-либо вѣсныя основанія, а одного желанія спасти честь Сенеки для того недостаточно. Для этой послѣдней цѣли можетъ служить, хотя въ очень слабой степени, соображеніе, высказанное Липсіемъ, что это сочиненіе, исполненное лести развратному царедворцу, равно какъ и самому Клавдію, такъ ѣдко осмѣянному Сенекой въ другомъ сочиненіи, едва ли было предназначено авторомъ къ обнародованію и имѣло въ виду лишь достиженіе скорѣйшаго освобожденія его изъ изгнанія.

Будучи искусственно по содержанию, Утѣшеніе къ Поливію отличается искусственностью и по формѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе другихъ сочиненій Сенеки подобнаго рода. Въ рукописяхъ оно обыкновенно слѣдуетъ за сочиненіемъ О кратковременности жизни (*De brevitae vitae*), съ которымъ оно составляетъ какъ бы одно цѣлое, такъ какъ начало его потеряно. Содержаніе сохранившейся части таково:

Въ мірѣ семъ нѣтъ ничего вѣчнаго; все тѣмъ или другимъ образомъ погибаетъ. Поэтому было бы страннымъ высокоуміемъ требовать для себя исключенія изъ этого закона. Очень большое утѣшеніе доставляетъ человѣку мысль, что случившееся съ нами случилось раньше и будетъ случаться со всѣми. Можетъ служить утѣшеніемъ и то соображеніе, что скорбь наша не доставляетъ пользы ни намъ самимъ, ни тому, во комъ мы грустимъ: слезами мы ничего не измѣнимъ, судьбы неумолимы. Кромѣ того, слезы наши никому не доставляютъ удовольствія. Братъ Поливій или не слышитъ ихъ, или не желаетъ. Поливій долженъ служить примѣромъ своимъ друзьямъ и мужественно переносить удары судьбы. Скорбь не достойна ни его положенія, ни высокаго о немъ мнѣнія. Ему не дозвоительно многое, что можетъ годиться для людей низкаго положенія. Не подобаетъ плавать тому, кто обязанъ выслушивать многихъ плачущихъ. А главное утѣшеніе его заключается въ мысли о Кесарѣ (Клавдіѣ), который забываетъ о себѣ для пользы другихъ, которому все дозволено (*сui optima licent*), и который между тѣмъ долженъ отказываться отъ многого для того, чтобы другимъ было хорошо ¹⁾. Новое средство утѣшенія Поливій найдетъ въ литературныхъ занятіяхъ, которыми онъ такъ преданъ. Можетъ служить къ утѣшенію и размысленіе о томъ, скорбитъ ли онъ о себѣ, или о братѣ: скорбѣтъ о собственной пользѣ по поводу смерти брата значило бы не имѣть къ нему истинной любви, а скорбѣтъ о немъ собственно нѣтъ причины, ибо смерть избавила его отъ всѣхъ золъ, и онъ находится въ состояніи полного спокойствія. Достаточно утѣнительна для Поливія мысль, что онъ имѣлъ такого брата и наслаждался его любовью. Къ тому же, у него остаются еще въ утѣшеніе другіе братья, жена, сынъ, и наконецъ, у него остается главная опора и утѣшеніе — Кесарь, котораго достаточно видѣть, о которомъ достаточно подумать, чтобы получить величайшее утѣшеніе. Да охранять его боги и богини на землѣ на многая лѣта! Наконецъ, не одинъ Поливій испытываетъ руку судьбы: ее испытывали также Циціоны и Павлы, Лукуллы и Помпей, божественный Августъ и М. Антоній, ее испыталъ и Г. Кесарь (Калигула), „котораго природа произвела на гибель и поношеніе человѣческаго рода“.

¹⁾ Гл. 7 (26): *Omnium somnos illius vigilia defendit, omnium otium illius labor, omnium delicias illius industria, omnium vacationem illus occupatio.* Мѣсто это даетъ въ некоторомъ понятіи о нравственномъ и литературномъ характерѣ сочиненія.

Пусть Поливій лучше обратится къ обычнымъ своимъ литературнымъ занятіямъ, которыя могутъ служить какъ бы оградой отъ всякой печали. Въ заключеніе авторъ извиняется въ слабости своего сочиненія и напоминаетъ, что не можетъ хорошо утѣшать другихъ тотъ, кто самъ страдаетъ, и что не легко ему, живущему среди варваровъ, выражаться хорошою латинскою рѣчью.

Однимъ изъ первыхъ сочиненій Сенеки, слѣдовавшихъ за возвращеніемъ его изъ ссылки, можно считать сочиненіе О душевномъ спокойствіи (*De tranquillitate animi*), написанномъ для друга его Серена, который просилъ философа помочь ему въ его неспокойномъ состояніи духа, не ощущающаго въ себѣ достаточной нравственной силы и крѣпости. Первая глава и заключаетъ въ себѣ изложеніе Сереномъ своего нравственнаго состоянія, вынуждающаго его обратиться за помощію къ Сенека. Сенека отвѣчаетъ ему, что это спокойствіе духа, которое Греки называли *εὐνομία*, есть то высшее состояніе, къ которому вообще стремятся философы, но достиженіе котораго соединено съ необыкновенными трудностями. Для избѣжанія недовольства собою прежде всего слѣдуетъ не быть празднымъ, а посвятить себя той или другой дѣятельности, при выборѣ которой надобно оценивать свои силы и смѣрять, достаточно ли онѣ соотвѣтствуютъ избираемой дѣятельности. Важно при этомъ дѣлать выборъ людямъ, съ которыми мы желаемъ входить въ соприкосновеніе. Много содѣйствуетъ душевному спокойствію добрый другъ, на котораго можно положиться, которому можно все повѣрить, который можетъ усвоить ласковой рѣчью, дать совѣтъ, разогнать печаль, самый видъ котораго доставляетъ удовольствіе. Напротивъ наиболѣе доставляетъ безпокойства обладаніе большимъ состояніемъ. Для спокойствія духа достаточно умѣренныхъ средствъ жизни. Кто бережливъ и воздерженъ, у того и бѣдность будетъ богатствомъ; безъ бережливости же никакое богатство недостаточно. Умѣренность наша должна простираться и на такіе предметы, обладаніе которыми вполне благородно, какъ на примѣръ, книги. По мнѣнію Сенеки, основательность котораго трудно оспаривать, гораздо лучше предаться изученію немногихъ писателей, чѣмъ блуждать между многими ¹⁾. Кромѣ того, надобно умѣть примиряться и съ несовсѣмъ пріятнымъ положеніемъ. Въ этомъ случаѣ много значить привычка. Къ тому же, во всякомъ положеніи есть

¹⁾ Гл. 9: *Onerat discitentem turba, non instruit, multoque satius est paucis te auctoribus tradere, quam errare per multos.*

свои пріятности и непріятности; не слѣдуетъ только простираť слишкомъ далеко свои желанія. Въ началѣ 11-й главы Сенека заявляетъ, что онъ велъ всю эту рѣчь къ людямъ слабымъ и далекимъ отъ совершенства. Совсѣмъ другое дѣло—говорить о мудрецахъ. У этого столько вѣри въ себя, что онъ смѣло идетъ на встрѣчу всякой случайности. Онъ не боится и самой смерти. Для него нѣтъ ничего неожиданнаго: онъ знаетъ, что все можетъ случиться. Затѣмъ авторъ возвращается опять къ прежней мысли, что не нужно желать ничего лишняго, и заявляетъ, что не слѣдуетъ брать на себя никакихъ дѣлъ, которыхъ мы не въ состояніи выполнить, или таковыхъ, которыя не стоятъ того, чтобъ ими заниматься. Не нужно ни слишкомъ поглощаться дѣлами, ни относиться къ нимъ легкомысленно. Легкомысленность, по словамъ Сенеки, есть „перокъ всего болѣе враждебный спокойствію“ (гл. 14). Надобно, чтобы духъ нашъ отъ вѣшняго міра чаще обращался къ самому себѣ. По отношенію къ людскимъ порокамъ не нужно быть слишкомъ мрачнымъ, а скорѣе находить ихъ смѣшными, подражая больше Демокриту, чѣмъ Гераклиту. Не слѣдуетъ мучиться чужими бѣдствіями и не доводить скорби о своихъ дальше надлежащаго. Есть причина скорѣть, когда видишь, что на долю хорошихъ людей достается дурной конецъ, какъ это случилось съ Сократомъ, Рутеліемъ, Цицерономъ, Катонмъ, Регуломъ; но они кратковременнымъ страданіемъ достигли бессмертія. Не нужно предаваться всецѣло уединенію: бываетъ полезно и общество. Иногда не мѣшаетъ предаваться игрѣ и развлеченію по примѣру Сократа, Солона, Арзезилая, Сципіона, Катона. Не даромъ законодатели устанавливали праздничные дни, чтобы люди, отложивъ на время въ сторону труда, собирались для общественнаго веселія. Нашъ духъ также требуетъ отдыха для восстановленія силъ своихъ. Для этой цѣли служатъ прогулки, путешествія и даже пирушки, на которыхъ позволительно доходить и до нѣкотораго опьяненія.

Другое сочиненіе, адресованное къ тому же Серену и написанное, вѣроятно, около того же времени, какъ и предыдущее, есть сочиненіе О твердости мудраго (*De constantia sapientis*). Иначе оно озаглавливается: *Ad serenum, nec iniuriam nec contumeliam accipere sapientem*. Сочиненіе это, какъ еще замѣтилъ Дидро, есть апологія стоицизма, прославляемаго выше другихъ философскихъ ученій. Начинается оно заявленіемъ, что между стоиками и другими философами такая же разница, какая между мужчинами и женщинами. Въ то время, какъ другіе философы обращаются ласково и вѣжливо, какъ домашніе врачи,

которые лѣчатъ не тѣми средствами, которыя прямо и быстро ведутъ къ цѣли, но такими, какими приходится, стоики заботятся не о томъ, чтобъ ученіе было пріятно, а о томъ, чтобы вывести человѣка возможно скорѣе на высоту, гдѣ онъ становится не досягаемъ ни для какихъ стрѣлъ и возвышается надъ всѣми случайностями. Вслѣдъ за такимъ заявленіемъ Сенека переходитъ къ доказательству стоическаго положенія (парадовса), что мудрый не удручается оскорбленіемъ. Это не значить, что онъ его не испытываетъ, но только—что онъ не чувствуетъ его. Даже и тогда, когда сильные міра сего умышляютъ причинить зло мудрому, всѣ ихъ удары не достигаютъ цѣли. Все равно, какъ люди, разрушая храмы, не могутъ причинить зла божеству, такъ все, что они по своей дерзости и высокомерію умышляютъ противъ мудраго, остается тщетнымъ (frustra temptatur). Показавъ, далѣе, различіе между обидой (injuria) и поношеніемъ (contumelia), Сенека говоритъ, что обидѣть мудраго нельзя, потому что нанести обиду значить причинить зло (male afficere), а мудрость не знаетъ никакихъ золъ. Зло для мудраго есть только гнусность (turpitude), но она не можетъ проникнуть туда, гдѣ обитаетъ добродѣтель и честность. Обида есть, далѣе, умаленіе того, кого она касается, нанесеніе ему какого-либо ущерба нравственнаго или физическаго; но мудрый не можетъ ничего потерять, такъ какъ все его достоиніе при немъ, а это есть добродѣтель, которая не нуждается въ случайныхъ благахъ и потому не можетъ быть ни увеличиваема, ни умаляема. Людская несправедливость для мудраго не есть обида; ибо мудрому никто не можетъ ни причинить вреда, ни принести пользы. Обидѣть нельзя, не причинивъ человѣку волненія, а мудрый не знаетъ волненія (perturbatio). Для него обида можетъ быть только полезна, испытывая силы его добродѣтели. Переходи къ поношенію (contumelia), Сенека говоритъ, что и оно не можетъ взволновать мудраго, такъ какъ онъ знаетъ свое величіе, и потому его нельзя тронуть, ни клеветой, ни презрѣніемъ, ни ругательствами. Есть, пожалуй, безумные люди, которые думаютъ, что можетъ быть причинено поношеніе отъ дѣтей или женщины. Мудрый или обращаетъ всякія поношенія въ шутку, или смотритъ на людей, какъ врачъ на больныхъ, и что бы ни случилось, всему противостоитъ спокойно.

Къ первому времени правленія Нерона относится посвященное ему сочиненіе О милости или милосердіи (Ad Neronem Caesarem de clementia). Оно не входитъ въ число его двѣнадцати Диалоговъ. Написано въ двухъ книгахъ; во второй книгѣ такъ

коротка, что или сочиненіе это не окончено, или не дошло до насъ въ цѣлости. Въ вступленіи ко второй книгѣ Сенека излагаетъ поводъ къ сочиненію: „Писать о милости, Неронъ кесарь, побудило меня одно твое изреченіе, которое, я помню, не безъ удивленія какъ слушалъ, когда оно высказывалось, такъ затѣмъ и другимъ разказывалъ изреченіе благородное, великодушное, кроткое, которое не было придумано и раздалось не для чужихъ ушей, но внезапно высказалось и выставило твою доброту въ борьбѣ съ твоимъ положеніемъ. Имѣя въ виду наказаніе двухъ разбойниковъ, твой префектъ Бурръ, человѣкъ превосходный и рожденный для твоего правленія, настаивалъ передъ тобой, чтобы ты написалъ, кого и на какомъ основаніи тебѣ угодно наказать. Ты откладывалъ, а онъ настаивалъ, чтобы это когда-нибудь да совершилось. Когда онъ противъ воли вынулъ бумагу и подавалъ тебѣ, (бравшему ее) противъ воли, ты воскликнулъ: „Хотѣлъ бы я не умѣть писать“ (vellem nescirem ¹⁾) litteras!

Начинается сочиненіе похвалой Нерону за его милосердіе и восхваленіемъ душевныхъ доблестей молодого государя. Затѣмъ опровергается возраженіе, будто милость служить на пользу дурныхъ людей, и указывается, что она приходитъ на помощь также невинности и добродѣтели. Никакая добродѣтель, говоритъ далѣе Сенека,—не свойственна человѣку болѣе милосердія, такъ нѣтъ добродѣтели человѣчнѣе ея. Изъ людей же никому она такъ не прличествуетъ, какъ государю. Государь долженъ поступать, какъ поступаютъ боги, которые оказываютъ намъ милость. Милости требуетъ отъ царей и государей достоинство ихъ и величіе. Безъ милости Августъ не принесъ бы Риму и Италиіи мира послѣ Актійской побѣды. Любящіе жестокости тираны возбуждаютъ противъ себя ненависть и создаютъ опасность для своей жизни. Хорошій государь долженъ быть похожъ на добраго отца, и кротость только увеличиваетъ его власть. Онъ долженъ быть похожъ на хорошаго врача, который обходится съ больнымъ мягко. Нѣтъ царямъ никакой славы за жестокое управленіе. Надобно быть милостивымъ, не только въ свободнымъ, но и къ рабамъ; тысячи смертей заслуживалъ Ведій Полліонъ, который бросалъ рабовъ въ пруды на съѣденіе муренамъ. Лучше не родиться на свѣтъ, чѣмъ быть въ числѣ людей, ненависть къ которымъ сохраняется въ теченіе вѣковъ, и считаться рожденнымъ для общественнаго бѣдствія. Какъ жестокость ужасна, такъ милость служить луч-

¹⁾ Мѣсто приведено по изданію Гаазе.

шимъ украшеніемъ государей. Во второй книгѣ опредѣляется понятіе о милости, которому противопоставляется понятіе о жестокости. Далѣе говорится о томъ, что такое сострадательность (*misericordia*), коей, по мнѣнію Сенеки, хорошіе люди должны избѣгать. Сострадательность свойственна женщинамъ, которыя готовы проливать слезы о самыхъ вредныхъ людяхъ. Сострадательность есть душевная скорбь при видѣ чужихъ бѣдствій, скорбь же не есть дѣло мудраго. Равнымъ образомъ мудрый не можетъ быть на сторонѣ прощенія (*venia*); ибо „прощеніе оказывается тому, кто долженъ былъ быть наказанъ“. Отъ него отличается милость тѣмъ, что освобождаетъ отъ наказанія людей, въ которыхъ не считаетъ подлежащими наказанію.

Ко времени высшаго политическаго могущества Сенеки и полной зрѣлости его таланта относится одно изъ самыхъ лучшихъ его сочиненій — трактатъ О счастливой жизни, адресованный имъ къ старшему брату его Новату, принявшему имя своего усноовителя Галліона (*Ad Gallionem de vita beata*). Надобно пожалѣть, что оно дошло до насъ не вполне. Кромѣ прекрасныхъ мыслей, оно важно для насъ тѣмъ, что содержитъ въ себѣ отвѣтъ на обвиненія, какія дѣлались философу его врагами, утверждавшими, что онъ, пренебрегая суровую стоическую добродѣтель, самъ обладалъ большимъ богатствомъ и обнаруживалъ въ своей жизни большое стремленіе къ роскоши (гл. 17). Содержаніе сочиненія слѣдующее:

Начавъ съ заявленія, что всѣ люди хотятъ жить счастливо, только находятся въ невѣдѣніи относительно того, что составляетъ эту счастливую жизнь, Сенека выставляетъ стоическое положеніе: счастливая жизнь заключается въ добродѣтели, и въ то же время, опровергаетъ основное положеніе эпикурейцевъ, по которому блаженство заключается въ удовольствіи. Удовольствіе не согласо съ добродѣтелью ¹⁾. Но ставя единственнымъ благомъ, единственнымъ основаніемъ счастливой жизни добродѣтель, Сенека допускаетъ, что, покуда человѣкъ еще не закалился въ слѣдованіи правиламъ стоической мудрости, покуда ему еще нужно бороться съ человѣческими потребностями, обладаніе земными благами дозволительно. От-

¹⁾ Вообще надобно замѣтить, что эпикурейское ученіе нашло между римскими философами очень мало поклонниковъ. Знакома Римлянъ съ греческою философіей, Цицеронъ рѣшительно высказывается противъ ученія Эпикура и повсюду не находитъ въ немъ отвѣта на вопросъ о высшемъ назначеніи человека и его благъ. Также мало сходился съ школой Эпикура даже въ основномъ ея пунктѣ и Сенека.

вѣчая на обвиненіе, обращенное противъ него самого, онъ замѣчаетъ, что онъ и не считаетъ себя совершеннымъ; онъ только лучше дурныхъ людей (*malis melior*), и съ него достаточно, если онъ, постоянно заботясь о своемъ исправленіи, каждый день освобождается отъ того или другаго порока и порицаетъ свои заблужденія. Упреки, одѣланные ему людьми злонаѣренными и враждебными всѣмъ лучшимъ людямъ, дѣлались и Платону, и Эпикуру, и Зенону. Но вѣдь „всѣ эти философы говорили не о томъ, какъ они живутъ, а о томъ, какъ имъ слѣдовало бы жить“ (гл. 18). Пожалуй, найдутся люди, которые циника Деметрія станутъ упрекать въ томъ, что онъ недостаточно былъ бѣденъ. Вы, продолжаетъ Сенека, — разсуждаете о жизни и смерти другаго, и какъ шавки при встрѣчѣ незнакомныхъ людей, лаете на имя мужей, великихъ своими заслугами... Но если философы сребролюбивы, сладострастны и честолюбивы, то что же такое вы, вторыми ненавидяте самое имя добродѣтели? (гл. 19)? Богатство для мудраго не составляетъ предмета постоянныхъ заботъ; оно даетъ ему лишь больше средствъ обнаружить свою добродѣтель воздержаніемъ, щедростью, хорошою распорядительностью и т. п. Большая разница—находится ли богатство въ рукахъ мудраго (*sapientis*), или въ рукахъ обыкновеннаго человека (*stultus*). У перваго оно находится въ подчиненіи, а надъ вторымъ господствуетъ (гл. 26). Продолжая свою защиту, Сенека, между прочимъ, влагаетъ въ уста Сократу слѣдующую рѣчь: „Откуда эта ярость? Откуда это бѣганье и людямъ враждебное свойство влословить добродѣтельныхъ людей и злонаѣренными рѣчами оскорблять то, что свято? Если можете, похваляйте добрыхъ; если нѣтъ, оставьте ихъ. Если же вамъ пріятно упражняться въ этой отвратительной необузданности, нападайте другъ на дружку. Когда же вы безумствуете противъ неба, то не говорю—совершаете святотатство, а напрасно трудитесь“ (гл. 27). Но эта пламенная рѣчь Сенеки, вложенная въ уста Сократу, обрывается въ рукописяхъ. Она не дошла до насъ въ цѣльномъ видѣ.

Въ рукописяхъ вслѣдъ за этимъ сочиненіемъ непосредственно слѣдуетъ приложенное къ нему сочиненіе *О досугѣ* (*Ad Serenitatem de otio*), о времени происхожденія котораго нельзя сказать ничего положительнаго. Къ тому же, оно дошло до насъ въ весьма неполномъ видѣ и составляетъ въ изданіи Галле всего восемь главъ. Подъ досугомъ (*otium*) разумѣлось у Римлянъ, между прочимъ, время, свободное отъ исполненія своихъ обязанностей по отношенію къ государству, которое многие изъ нихъ посвящали литературнымъ и уче-

нымъ занятіямъ. Сенека раздѣляетъ вопросъ на двѣ части, желая доказать, что человѣкъ можетъ, съ юныхъ лѣтъ также посвятить себя всецѣло созерцанію и исканію истины, и 2) прослуживъ государству время, определенное для возраста военной службы, посвятить себя въ старости, съ полнымъ правомъ, жизни созерцательной. У человѣка, говоритъ Сенека, — два государства: одно великое, къ которому относятся боги и люди, которое не ограничивается тѣмъ или другимъ угломъ земли, а составляетъ всю вселенную, другое малое, къ которому человѣкъ принадлежитъ по рожденію. Это послѣднее можетъ называться Аѳинскимъ, Кароагенскимъ или другимъ какимъ именемъ, и обнимаетъ собою не всѣхъ людей, а часть ихъ. Нѣкоторые стараются служить въ одно время и тому, и другому государству. Для службы первому, важнѣйшему, и нуженъ досугъ. Природа создала людей не только для дѣйствія, но и для созерцанія, что доказывается врожденнымъ человѣку стремленіемъ къ познанію всего сокровеннаго. Досугъ, употребленный для исканія истины, не есть однако бездѣйствіе. Столбы стоической философіи, Зенонъ, Клеанъ и Хризиппъ, не бездѣйствовали, когда учили людей, какъ слѣдуетъ жить, и можно сказать, что они сдѣлали больше, чѣмъ еслибы предводительствовали войскомъ, занимали почетныя должности, издавали законы, такъ какъ они дѣйствовали на пользу не одного какого-либо государства, а всего рода человѣческаго. Изъ трехъ родовъ жизни, именно жизни, преданной удовольствію, общественной дѣятельности и созерцанію, стоическій мудрецъ выбираетъ послѣдній. — Конечъ сочиненія, какъ и начало его, потерять.

Въ сочиненіи О кратковременности жизни, адресованномъ къ Павлину (*Ad Paulinum de brevitae vitae*), Сенека изслѣдуетъ весьма интересный вопросъ о благоразумномъ употребленіи времени. Начавъ съ того, что люди обыкновенно жалуются на ограниченность и скоротечность времени, даннаго имъ для жизни, Сенека заявляетъ, что времени намъ дано достаточно, но что мы теряемъ много попусту, и что, слѣдовательно, намъ жаловаться на природу нечего. Люди обыкновенно такъ злоупотребляютъ жизнію, что тратить одинъ годъ за другимъ въ суетныхъ удовольствіяхъ и занятіяхъ, какъ бы надѣясь жить вѣчно. На кратковременность жизни жаловались Цицеронъ, Августъ, Ливій Друзъ, вѣчно желая досуга и не имѣя его. вслѣдствіе занятія дѣлами общественными. Но ихъ примѣры не заставили другихъ благоразумнѣе пользоваться временемъ. Чтò сказать о людяхъ, которые свободное время посвящаютъ вину и сладостра-

стыи? Но и тѣ, которые гонятся за славою и заняты разными дѣлами общественными и частными, не пользуются временемъ, какъ слѣдуетъ. Этимъ людямъ принадлежитъ только настоящее, самое краткое время жизни. Всѣ они желаютъ, чтобы жизнь ихъ длилась долго, хотя для надлежащаго употребленія времени это было бы совершенно бесполезно. Указавъ на множество разнаго рода пустыхъ занятій, въ которыхъ проводятъ время люди, Сенека говоритъ, что только тѣ люди имѣютъ истинный досугъ и только тѣ дѣйствительно живутъ, которые посвящаютъ себя изученію философіи. Этимъ людямъ принадлежитъ и настоящее, и прошедшее, и будущее. Жизнь этихъ людей длинна; жить, на оборотъ, коротка жизнь тѣхъ, которые забываютъ прошедшее, не обращаютъ вниманія на настоящее и боятся за будущее. После этого Сенека (гл. 18) обращается къ Павлину съ увѣщаніемъ оставить дѣла государственныя (Павлинъ завиднвалъ общественнымъ продовольствіемъ въ Римѣ) и посвятить себя философіи, чтобы такимъ образомъ войти въ тихое пристанище. Кто былъ этотъ Павлинъ, мы не знаемъ. Вѣроятно братъ или родственникъ жены философа, Павлины. Незнаваемо также и время происхожденія этого сочиненія. Липсий относитъ его ко времени, слѣдовавшему ближайшимъ образомъ за смертію Калигулы, но, кажется, вѣрнѣе будетъ отнести его къ послѣднему періоду жизни философа, во времени оналы его при Нерововомъ дворѣ.

Въ этому же времени, по всей вѣроятности, относится и небольшая трагатъ О провидѣніи (*De providentia*), носящій и болѣе полное заглавіе, передаваемое Латтанжемъ и миланскою рукописью: *Quare aliqua incommoda bonis viris occidunt, cum providentia sit?* Сочиненіе посвящено Лудилію, прокуратору Сидиліи, которому адресованъ и цѣлый рядъ философскихъ писемъ, и сочиненіе по физикѣ. Содержаніе его таково:

Что провидѣніе существуетъ, и Богъ заботится о насъ, — это не подлежитъ сомнѣнію. Было бы излишнимъ доказывать, что міръ, движеніе въ немъ звѣздъ, все устроено на земли на землѣ и порядкомъ въ вселенной, все это не могло бы существовать безъ нѣкаго стража (*sine aliquo custode*) и не можетъ быть объяснено случайнымъ блужданіемъ матеріи. Почему же въ такомъ случаѣ добрые люди претерпѣваютъ несчастія? Отвѣтъ на это заключается въ томъ, что несчастія, постигающія добрыхъ людей, не суть несчастія. Они служатъ лишь въ тому, чтобы хорошія качества людей имѣли возможность

обнаружиться во всемъ блескѣ ¹⁾. Поэтому добрые люди не должны жаловаться на судьбу. Богъ поступаетъ съ нами, какъ родители поступаютъ съ дѣтьми, укрѣпляя ихъ въ силахъ испытаніями. Развивая даждѣ свое положеніе; кто несчастія добрыхъ людей не суть несчастія, Сенека говоритъ, что ихъ, напротивъ, добродѣтель ищетъ, чтобы, закалившись въ борьбѣ съ ними, больше возвыситься, что нельзя считать несчастіемъ того, что таковымъ считаетъ толпа, что добрые люди охотно подвергаютъ себя испытаніямъ и безысходно подвергаются судьбѣ, которая предназначаетъ отъ вѣны и радости, и печали. Нельзя, впрочемъ, говорить, что Богъ попускаетъ добрыхъ людей терпѣть зло: напротивъ, онъ удаляетъ отъ нихъ всякія бѣдствія, каковы: преступленія, дурные помысли, жадность, сладострастіе, корыстолюбіе. Но въ важнѣхъ бранныхъ и ложныхъ блягахъ, которыми наслаждаются злые люди, онъ даровалъ добрымъ блага прочныя и настоящія; научилъ ихъ презирать опасности, вооружилъ ихъ души противъ всякихъ бѣдствій; и въ то время, какъ самъ онъ находится въѣ страданія, ихъ онъ поставилъ выше страданій.—Сочиненіе это, богатое мыслями, повторявшимися часто христіанскими писателями, особенно рекомендуется Лактанціемъ всякому, кто хочетъ узнать, почему Богъ возвышаетъ злыхъ и допускаетъ страдать праведныхъ.

Самое большое изъ сочиненій Сенеки, относящихся къ нравственной философіи, есть сочиненіе О благодѣланіяхъ, написанное въ семи книгахъ и посвященное Эбуцію Либералу изъ Ліона (Ad Aebutium Liberalem De beneficiis libri VII). Сочиненіе это, также какъ и трактатъ De clementia, не входитъ въ число 12-ти Діалоговъ, именемъ которыхъ обозначены разсмотрѣнныя нами сочиненія Сенеки въ миланскомъ спискѣ. Оно занимается однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ нравственной философіи и наследуетъ съ большою, даже съ излишнею подробностью вопросы о томъ, въ чемъ состоитъ обязанность дѣлающаго благодѣланіе и получающаго.

Въ началѣ первой книги авторъ заявляетъ, что люди обыкновенно не умѣютъ надлежащимъ образомъ ни оказывать благодѣланій, ни получать ихъ. Неблагодарность есть одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ и большихъ пороковъ, но она не должна удерживать насъ отъ благодѣланій. Опредѣливъ, что такое благодѣланіе, Сенека заявляетъ, что

¹⁾ Гл. 2: Nihil accidere bono virō mali potest: non miscentur contraria... Marcet sine adversario virtus: tunc adparet, quanta sit quantumque polleat, cum, quid possit patientia, ostendit.

главное въ благодѣяніи не предметъ его, то-есть, не золото и серебро или что-либо подобное, а расположеніе оказывающаго благодѣяніе (*ipsa tribuentis voluntas*). Далѣе слѣдуетъ вопросъ: какого рода благодѣянія должны быть оказываемы и какими образомъ? На первую часть этого вопроса Сенека отвѣчаетъ указаніемъ на то, что одни благодѣянія относятся къ необходимому въ жизни, другія—къ полезному, третьи—къ пріятному, но всѣ они должны быть разчитываемы на продолжительность дѣйствія (*mansura*). Вторая часть вопроса, какъ должны быть оказываемы благодѣянія,—составляетъ содержаніе второй книги. Прямое всего здѣсь высказывается, что мы должны давать другому такъ, какъ мы сами желали бы получать: во первыхъ, охотно, быстро и безъ всякаго колебанія; затѣмъ, что благодѣяніемъ не должно быть примѣшиваемо никакой горечи въ видѣ замѣчаній или упрековъ. Иногда можно оказывать благодѣянія открыто, иногда тайно, иногда скрывая свою личность. Не слѣдуетъ напоминать о нихъ, и вообще въ этикъ случаяхъ должна имѣть мѣсто полная гуманность, *omnis humanitas* (гл. 11). Не слѣдуетъ оказывать благодѣяній, приносящихъ вредъ, равно какъ и такихъ, за которыя ожидался бы гнусный уделъ. Давать надо ни больше, ни меньше того, сколько можемъ, и надобно приравниваться въ этомъ случаѣ къ лицу, которое получаетъ. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ рѣчь о томъ, какъ должны вести себя люди, получающіе благодѣянія (гл. 18). Не слѣдуетъ, учить Сенека,—получать отъ всѣхъ; получая, слѣдуетъ обнаруживать удовольствіе; не искать случая отблагодарить втихомолку; не слѣдуетъ получать ни униженно, ни съ высокомеріемъ. Ничто такъ не дѣлаетъ людей неблагодарными, какъ жадность и зависть. Оканчивается вторая книга разсужденіемъ о благодарности. Въ третьей книгѣ Сенека разсуждаетъ о неблагодарности и о неблагодарныхъ людяхъ, которые бываютъ разнаго рода. Наиболѣе неблагодарный человѣкъ тотъ, кто забылъ о благодѣяніи. Возникающій при этомъ вопросъ о томъ—слѣдуетъ ли преслѣдовать неблагодарныхъ людей судебнымъ порядкомъ, Сенека по разнымъ соображеніямъ рѣшаетъ отрицательно; входитъ въ разсужденіе о томъ, обязанъ ли быть господинъ благодарнымъ рабу и можетъ ли получать отъ него благодѣянія. Тотъ, кто отрицаетъ способность раба оказывать благодѣяніе, по его мнѣнію, не знаетъ человѣческаго права: „ибо важно, какой души тотъ, кто оказываетъ благодѣяніе, а не какого состоянія: добродѣтель ни передъ кѣмъ не закрыта, а открыта всѣмъ, всѣхъ допускаетъ къ себѣ, всѣхъ приглашаетъ—свободнорожденныхъ, отпу-

щенниковъ, рабовъ, царей, изгнанниковъ¹⁾. Кончается эта книга разсужденіемъ о томъ—могутъ ли дѣти оказывать благодаренія родителямъ. Рѣшивъ эту задачу въ утвердительномъ смыслѣ, Сенека ватѣмъ въ слѣдующихъ книгахъ (IV—VII) пускается въ разныя философскія тонкости по тѣмъ же вопросамъ, тонкости, передавать которыя нѣтъ нужды въ настоящемъ случаѣ.

Вообще объ этомъ сочиненіи надобно сказать, что авторъ черезъ чуръ распространился о своемъ предметѣ и тѣмъ ослабилъ впечатлѣніе, получаемое читателемъ отъ чтенія этого полезнаго и важнаго во своей задачѣ и ея рѣшенію сочиненія. Написаніе его безспорно относится ко времени правленія Нерона, хотя и трудно рѣшить, принадлежитъ ли оно именно къ послѣднему періоду жизни философа, какъ полагають нѣкоторые ученые.

Къ послѣднимъ годамъ жизни Сенеки относится рядъ его писемъ къ Луцілію, дошедшихъ до насъ въ числѣ 124 и разбѣщенныхъ въ двадцати книгахъ (Ad Lucilium Epistolarum moralium libri XX). Письма эти содержатъ въ себѣ въ разсѣянномъ видѣ всю сущность нравственной философіи Сенеки и составляютъ какъ бы гезнше всѣхъ остальныхъ его сочиненій этого рода. Господствующею темой ихъ служитъ разсужденіе о добродѣтели и о средствахъ достигнуть наибольшаго нравственнаго величія съ точки зрѣнія стоической философіи. Добродѣтель и есть то верховное благо, summum bonum, въ которому должны стремиться люди, обращая къ нему свои взоры, и которое одно дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Путь, ведущій къ достиженію этого блага, есть занятіе философіей, въ жертву которому должно быть приносимо, если можно, все остальное. Только мудрецъ, то-есть, философъ, можетъ быть счастливъ, можетъ бороться съ превратностями судьбы и находить внутри себя достаточную опору при встрѣчѣ съ разными случайностями; мудрость же не есть принадлежность лишь людей высшаго званія или общественнаго положенія: она одинаково можетъ быть достояніемъ не только всякаго свободнаго человѣка, какъ бы низко онъ ни стоялъ на общественной лѣ-

¹⁾ Вотъ это важное мѣсто въ подлинникѣ (III, 18): *Servum qui negat dare aliquando domino beneficium, ignarus est juris humani; refert enim, cujus animi sit, qui praestat, non cujus status: nulli praeclusa virtus est, omnibus patet, omnes admittit, omnes invitat, ingenuos, libertinos, servos, reges, exules.* Оно, какъ и множество другихъ подобныхъ въ сочиненіяхъ Сенеки, показываетъ, что христіанскія идеи, обновившія міръ человѣческій, носились въ это время, такъ сказать, въ воздухѣ.

стницѣ, но и раба. Въ главахъ философіи названія всадника, вольноотпущеника, раба не существуютъ и „порожденны честолюбіемъ или несправедливостію“. Всѣ люди, просвѣтившіеся свѣтомъ философіи, благородны. Особенно видное свойство мудраго есть твердость духа, которая въ высшемъ своемъ проявленіи выражается неустрашимостію предъ какимъ бы то ни было бѣдствіемъ, не исключая мученій и смерти. Смерть не есть несчастіе; она есть благо, освобождающее человѣка отъ предстоящихъ ему въ жизни несчастій и униженій. Поэтому смерти не только не должно бояться, а напротивъ, слѣдуетъ искать ея. Основатели стоической философіи, Зенонъ и Клеанъ, кончили жизнь самоубійствомъ.

Я считаю себя въ правѣ не останавливаться долѣе на содержаніи писемъ Сенеки, такъ какъ посвятилъ имъ особое, хотя и небольшое, сочиненіе, раньше указанное: Философъ Сенека и его письма къ Луцилію¹⁾.

Письма Сенеки къ Луцилію не дошли до насъ вполне, какъ это явствуетъ изъ смысла Геллія (XII, 2) на 22-ю книгу этихъ писемъ, между тѣмъ какъ мы имѣемъ ихъ только двадцать книгъ.

Чтобы заключить рѣчь о философскихъ сочиненіяхъ Сенеки, намъ остается сказать нѣсколько словъ о его сочиненіи по физикѣ, посвященномъ тому же Луцилію и носящемъ заглавіе: *Quaestionum naturalium libri VII*. Сочиненіе это относится также къ послѣднимъ годамъ жизни Сенеки и окончено никакъ не раньше 63 г. по Р. Х., такъ какъ въ первой главѣ VI книги упоминается о бывшемъ въ этомъ году землетрясеніи въ городахъ Кампаніи (въ Помпеяхъ, Геркуланѣ и др.), такъ навугавшемъ тамошнихъ жителей, что многіе, по словамъ Сенеки, выѣхали оттуда съ намѣреніемъ никогда не возвращаться въ эту мѣстность. Цѣль сочиненія—познакомить Римлянъ съ изслѣдованіями греческихъ философовъ о видимой природѣ, изученію которой стоики придавали большую важность на томъ осно-

¹⁾ Кіевъ, 1872. Въ западной Европѣ письмами Сенеки съ особеннымъ усердіемъ занимался знаменитый Дидро, посвятившій имъ значительную часть своего знастнаго сочиненія: *Essais sur les régnes de Claude et de Néron et sur les moeurs et les écrits de Sénèque pour servir d'introduction à la lecture de ce philosophe*. Paris, 1779. Въ изданіи сочиненій Дидро, сдѣланномъ Нежономъ (Naijeon)—*Oeuvres de Denis Diderot etc.*, сочиненіе, относящееся къ Сенецѣ, составляетъ VIII томъ. Paris, an VI—1798. Въ новѣйшее время лучший трактатъ о письмахъ Сенеки написалъ парижскимъ профессоромъ Марта (Marta) въ его образцовомъ трудѣ: *Les moralistes sous l'empire Romain*. Paris 1886 (2-е изд.), p. 1—100.

вані, что оно ведетъ къ лучшему познанію божества, а черезъ это и къ лучшему познанію природы человѣка. Въ семи книгахъ Вопросы о природѣ, Сенека разсуждаетъ о предметахъ, относящихся къ метеорологіи, астрономіи, физической и математической географіи и геологіи, сопровождая свое изложеніе нравственными размышленіями и замѣчаніями и давая понять не одними только предисловіями къ I-й и III-й книгамъ, что главная мысль, руководившая этимъ сочиненіемъ, была возбудить человѣка къ высшимъ представленіямъ о человѣческой природѣ и къ болѣе совершенной нравственной жизни. Сообразно съ этою мыслью, Сенека пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ къ тому, чтобы поговорить или о презрѣннй смерти, или о людскомъ раболѣпнн, или о сладострастнн, обжорствѣ и другихъ порокахъ, которыми зараженъ родъ человѣческій. Для ученой стороны своего труда Сенека пользовался огромнымъ количествомъ сочиненій, начиная съ трактатовъ, излагавшихъ ученіе Палеса и пифагорейцевъ, и кончая сочиненіями Гераклита, Демокрита, Аристотеля, стоиковъ и эпикурейцевъ. Источники, откуда Сенека почерпалъ свои знанія, онъ обыкновенно приводитъ въ своихъ мѣстахъ, спорить съ ними, опровергаетъ или соглашается. Вообще въ этомъ сочиненіи Сенека разсыпаетъ передъ читателемъ необыкновенную массу свѣдѣній о видимой природѣ, что доставило его книгѣ значеніе руководства по физикѣ въ продолженіе многихъ столѣтій. Важное значеніе Вопросы о природѣ было признаваемо вплоть до эпохи Возрожденія, когда эта книга, служившая главнымъ источникомъ физическихъ свѣдѣній въ западной Европѣ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, естественно должна была перестать служить оракуломъ въ виду новой науки о природѣ, возвѣщенной трудами Коперника и Галилея. Но не будучи уже руководствомъ, сочиненіе Сенеки занимаетъ все-таки почетное мѣсто въ исторіи физики, какъ это признано за нимъ учеными авторитетами новаго времени.

Содержаніе Вопросы о природѣ слѣдующее: въ первой книгѣ рѣчь идетъ о метеорологическихъ явленіяхъ, сначала—объ огненныхъ метеорахъ, затѣмъ о радугѣ, о радужныхъ явленіяхъ около солнца и луны, объ отраженіи свѣта въ зеркалѣ, о ночныхъ сіяніяхъ, падающихъ звѣздахъ и тому подобныхъ метеорологическихъ явленіяхъ. Во второй книгѣ, раздѣливъ ученіе о природѣ на ученія о явленіяхъ небесныхъ, воздушныхъ и земныхъ, Сенека разсуждаетъ, главнымъ образомъ, о воздушныхъ явленіяхъ, громѣ, молніи и т. п. Третья книга занимается водой—рѣками, источниками, дождемъ, наводне-

ниами и потоками. Въ четвертой книгѣ рѣчь идетъ о рѣкѣ Нилѣ и ея разливахъ, затѣмъ о градѣ, снѣгѣ и лядѣ. Въ пятой Сенека распространяется о вѣтрахъ, въ шестой—о землетрясеніяхъ, и въ седьмой—о кометахъ, изъ движеній и отношеній къ другимъ небеснымъ тѣламъ. Сочиненіе это не дошло до насъ вполнѣ, такъ объ этомъ основательно разсуждаетъ Гаазе въ предисловіи ко 2-му тому своего изданія сочиненій Сенеки.

Разсмотрѣвъ философскія сочиненія Сенеки, мы видимъ ясно, что имѣемъ дѣло съ писателемъ первостепеннаго значенія въ римской литературѣ. Намъ невольно и прежде всего поражаетъ та настойчивость, съ какою римскій философъ предавался разработкѣ разнообразныхъ вопросовъ нравственной философіи, стараясь ввести своихъ соотечественниковъ въ ближайшее знакомство съ ученіемъ о добродѣтели, какъ его главнымъ образомъ понимали стоики. Въ цѣломъ рядѣ сочиненій Сенека старается развить одну и ту же господствующую мысль, что благо заключается въ одной добродѣтели, и что въ этой послѣдней нѣтъ ничего, къ чему человекъ не могъ бы относиться съ полнымъ равнодушіемъ. Но развивая это положеніе стоической философіи, Сенека обнаруживаетъ такое богатство мыслей, такую тонкость наблюденія, столько знанія природы человеческого духа и столько умѣнья возбудить и поддержать интересъ читателя, что намъ становится совершенно понятнымъ и необыкновенное вліяніе его на современниковъ, и то обаяніе, которое производили эти сочиненія на христіанскихъ писателей древности и среднихъ вѣковъ, и то увлеченіе, которому поддались по отношенію къ Сенецкѣ многіе гуманисты и философы, изучавшіе его со времени Возрожденія. Талантъ автора проявляется съ особенною силой всини разъ, какъ онъ пытается затронуть чувство читателя и вызвать въ душѣ его ту нравственную бодрость, которая служитъ основаніемъ стоической добродѣтели. Въ этихъ случаяхъ краснорѣчіе автора нестерпимо, слова и остроумные обороты льются потокомъ, одна мысль смѣняетъ другую съ быстротой, обличающею въ авторѣ какъ замѣчательную живость ума, такъ и рѣдкое литературное дарованіе. Правда, этимъ послѣднимъ Сенека сплосъ да рядомъ злоупотребляетъ, стараясь нерѣдко блестяще вышніми, то-есть, риторическими средствами въ ущербъ глубинѣ и отчетливости мысли, что составляетъ общепризнанную слабую сторону литературной дѣятельности римскаго философа; но этотъ недостатокъ до такой степени былъ въ нравствѣ современной ему литературы, такъ сильно правился публикѣ перваго столѣтія

ншери, что критика не может не быть въ нему снисходительною. При оцѣнкѣ литературной дѣятельности Сенеки надобно имѣть въ виду прежде всего то множество высокихъ нравственныхъ истинъ, которое наполняетъ его сочиненія, тѣ новыя стороны міросозерцанія, которыхъ мы не встрѣчаемъ до него у римскихъ писателей, и которыя, приближая его такъ сильно къ христіанской морали, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ его близкимъ къ гуманнымъ интересамъ нашего времени. Разсматривая эти сочиненія, я не разъ особенно ударилъ на мѣста, проповѣдующія кротость въ обращеніи съ низшими, уваженіе къ достоинству человѣческой природы даже въ лицѣ раба, поставленнаго римскимъ законодательствомъ наравнѣ съ вещью, мужество въ перенесеніи несчастій и несокрушимую вѣру въ могущество добродѣтели. Вотъ та сторона сочиненій Сенеки, которая привлекала къ нему вниманіе лучшей части современниковъ, нуждавшихся въ нравственной опорѣ среди окружавшаю ихъ хаоса жизни, возбудила къ нему почитателей среди христіанскихъ писателей древности, среди гуманистовъ и философовъ новаго времени, и которая никогда не перестанетъ производить свое обаяніе.

Кромѣ прозаическихъ сочиненій философскаго содержанія, до насъ дошло отъ Сенеки небольшое сочиненіе, носящее разныя заглавія, но обыкновенно извѣстное подъ шутливымъ греческимъ заглавіемъ 'Αποχολούνησις (отъ χολούνητι, тьква), представляющимъ пародію слова ἀποθέσις (обоготвореніе, возведеніе кого-либо въ число боговъ¹⁾). Сочиненіе это есть не что иное, какъ образчикъ Менипповой сатиры, введенной въ римскую литературу еще знаменитымъ Варрономъ Реатинскимъ,²⁾ и состоящей въ шутливомъ разсужденіи о серьезныхъ предметахъ въ прозѣ и стихахъ разныхъ размѣровъ. Написана сатира эта съ чрезвычайною ѣдкостью по поводу смерти императора Клавдія, которому вмѣсто апоѳеоза, присоединенія къ сонму безсмертныхъ, приписывается какъ бы обращеніе въ тькву, служившую символомъ глупости.

¹⁾ Въ рукописяхъ сочиненіе это носить однако другія заглавія. Въ лучшей изъ нихъ, Сангалленской, оно называется: Divi Claudii Apotheosis Annaei Senecae per satiram. Обыкновенное же заглавіе его, слѣдующее: Ludus de morte Claudii. Оно усвоено и новѣйшими изданіями. Но что настоящее заглавіе, съ какимъ появилось сочиненіе это на свѣтъ, есть 'Αποχολούνησις, это прямо указывается намъ Діономъ Кассіемъ, который говоритъ (LX, 35): Συνέθηκε μὲν γὰρ καὶ ὁ Σενεχᾶς εὐγυραματῶν 'Αποχολούνησιν αὐτῷ ὡς περὶ τινὰ ἀπαθανάτισιν ὀνομάσας.

²⁾ См. мой Лекція, I, стр. 426 и слѣд. (2-го изданія).

Начинается сатира разговоромъ боговъ о Клавдіѣ въ минуты перехода его отъ жизни къ смерти, замедляемого—по словамъ одной изъ Паркъ—тѣмъ, что онъ еще не успѣлъ вѣсть Грекамъ, Галламъ, Испанцамъ, Британцамъ и разнымъ другимъ варварамъ даровать права римскаго гражданства. Клавдіѣ, наконецъ, испускаетъ духъ и является на небо. Юпитеру докладываютъ, что явился какой-то человѣкъ, рослый, весь сѣдой. На вопросъ, изъ какого онъ племени, Клавдіѣ отвѣчаетъ такъ невнятно, что Юпитеръ, не явну его, не могъ узнать, къ какому народу принадлежитъ пришедшій. Царь боговъ посылаетъ Геркулеса, бывавшаго во всѣхъ странахъ земли и видѣвшаго всякіе народы, узнать, что это за человѣкъ. Геркулесъ, безстрашно смотрѣвшій въ глаза всякимъ чудовищамъ, увидѣвъ Клавдія, струхнулъ и уже начиналъ думать, что ему придется совершать тринадцатый подвигъ, какъ, наконецъ, догадался, присмотрѣвшись внимательно, что существо это похоже на человѣка. Обратившись къ нему по гречески словами Гомера, Геркулесъ получаетъ въ отвѣтъ также стихъ Гомера, изъ котораго все-таки не было ясно, откуда пришедшій явился на небо. Сопровождавшая Клавдія богиня Лихорада объясняетъ Геркулесу, что онъ Галль изъ Лугдуна (Лиона), и какъ подоаетъ Галлу, взявъ Римъ. Клавдіѣ сердится и что-то бормочетъ; изъ жеста его можно было однако заключить, что онъ приказываетъ отрубить Лихорадѣ голову, но оказалось, что тутъ нѣтъ его вольноотпущенниковъ, для исполненія его приказаній. Наконецъ Геркулесъ попросилъ его не дурачиться, а серьезно отвѣтить, откуда онъ. Оказывается, что онъ Клавдіѣ, Римскій императоръ, и хочетъ попасть въ число боговъ. На устроенномъ Юпитеромъ совѣщаніи боги готовы были уже согласиться на просьбу Клавдія, какъ Августъ обвинилъ его въ жестокости и неправосудіи, которыя лишаютъ его всякаго права на поступленіе въ сонмъ небожителей; такого бога, по его мнѣнію, никто не станетъ почитать, да тогда пожалуй и въ настоящихъ боговъ никто не станетъ вѣрить. Мнѣніе Августа одержало верхъ, и Меркурій, схвативъ Клавдія за воротъ, потащилъ его въ преисподнюю. Спустившись къ „Священной улицѣ“ Рима, они замѣтили погребальную процессію. Оказывается хоронятъ самого Клавдія. Народъ веселъ, влечуть только гласно адвокатовъ, для которыхъ, какъ это имъ замѣтилъ кто-то, прошла масляница. Поютъ гимнъ¹⁾ по Клавдіѣ.

¹⁾ Такъ назывались похоронныя пѣсни, въ которыхъ восхвалялись заслуги покойника. См. Левціи, I, стр. 70 (2-го изд.).

Ему хотѣлось бы послушать ее, но Меркурій тащить его скорѣе въ подземное царство. Тамъ его окружаютъ всѣ тѣ, кого онъ умертвилъ, и тащить его на судъ. Обвинителемъ является Педонъ Помпей. Онъ обвиняетъ его на основаніи закона Суллы объ убійцахъ (*de vicariis*) и свидѣлствуетъ, что имъ умерщвлено 30 сенаторовъ, 200 всадниковъ и 221 челоѣкъ прочаго званія. Испугался Клавдій, ищетъ защитника и никого не находитъ. Наконецъ является и Петроній, его собутыльникъ, и берется защищать его, требуетъ только отсрочки. Эакъ отказывается и на основаніи одного обвиненія Педона Помпея, которому хотѣлъ-было все-таки возражать Петроній, признаетъ Клавдія виновнымъ. Послѣ разныхъ споровъ о томъ, какое ему присудить наказаніе, Эакъ присуждаетъ его бросать кости въ игрѣ безъ всякаго результата. Но вдругъ является Калигула и объявляетъ, что Клавдій—его рабъ, и требуетъ, чтобъ его возвратили ему, при чемъ представляетъ свидѣтелей, что онъ не разъ угощалъ его бичомъ, розгами и пощечинами. Эакъ уступаетъ требованію Калигулы, который даритъ его Эаку, а этотъ послѣдній своему вольноотпущеннику Менандру, чтобы служить ему для полицейскихъ розысковъ.

Бдкость и грубость сатиры, отличающія это сочиненіе, суть свойства, не знакомыя намъ по другимъ сочиненіямъ Сенеки, и рѣзко выдѣляютъ его изъ всего того, что намъ дошло изъ литературныхъ произведеній философа. Это было причиною, почему значительное количество ученыхъ прежняго и нашего времени отказывались признать *Αποκολοκύντως* за сочиненіе, дѣйствительно принадлежащее Сенекѣ. Нѣкоторые, какъ Гейнрихъ, издатель Персія (см. примѣч. къ сат. 3-й, 29 ст.) считаютъ дѣйствительнымъ авторомъ этого сочиненія Нерона, а Сенека приписываютъ только его редакцію; другіе, какъ Штаръ въ своей *Агриппинѣ* (Берл., 1867) и Ризе въ *Philologus* (XXXII, 321 слд.), видятъ въ этомъ сочиненіи памфлетъ неизвѣстнаго автора Неронова времени, впоследствии приписанный Сенекѣ. Но вышеуказанное свидѣтельство Діона Кассія и согласіе многочисленныхъ списковъ, сходящихся, правда, къ одному источнику, въ имени автора, не даютъ намъ большого права отнимать это сочиненіе у Сенеки, хотя оно и не достойно той нравственной строгости и высоты воззрѣній, какія мы привыкли встрѣчать всегдѣ въ произведеніяхъ знаменитаго философа¹⁾.

¹⁾ См. впрочемъ объ этомъ сочиненіи *Бухелера* въ *Symbola philologorum Bonnensium in honorem Frederici Ritschellii collecta* (Bonn, 1864), гдѣ оно издано съ критикою текста и предисловіемъ.

Но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что 14 писемъ, составляющихъ переписку между Сенекой и апостоломъ Павломъ (изъ нихъ 8 приходится на долю Сенеки, а 6—апостола) принадлежатъ къ подложнымъ сочиненіямъ, не смотря на то, что эта переписка была хорошо извѣстна уже бл. Иерониму, который внесъ по этому Сенеку въ списокъ христіанскихъ писателей, въ свой *Catalogus Sanctorum*, и бл. Августину, отцамъ латинской церкви VI—V столѣтій. Вопросъ этотъ въ послѣднее время разработанъ съ особенною тщательностію Обертэномъ въ его сочиненіи *Sénèque et Saint Paul*, Paris, 1869, и затѣмъ Гастономъ Буассье въ *Revue des deux mondes* 1-er mars 1871, а также во 2-мъ томѣ его большого, переведеннаго на русскій языкъ, сочиненія о римской религіи¹⁾. Входить въ обсужденіе его не принадлежитъ къ нашей задачѣ, такъ какъ къ римской литературѣ онъ не имѣетъ никакого отношенія.

Въ средніе вѣка съ именемъ Сенеки ходили разные философскіе трактаты, составленные по его сочиненіямъ или составлявшіе выборку изъ нихъ. Таковы трактаты: *Ad Gallionem de remediis fortuitorum liber*, *De paupertate*, *De moribus*, *De formula honestae vitae* (vel *De verborum copia*, vel *De quatuor virtutibus cardinalibus*). Это послѣднее сочиненіе, какъ видно изъ его посвященія, принадлежитъ епископу Мартину и написано для Готскаго короля Мирона. Всѣ эти трактаты, помѣщавшіеся въ старинныхъ изданіяхъ философовъ, можно видѣть въ концѣ 3-го тома изданія Гаазе (*Lipsiae*, 1853), гдѣ напечатана также и переписка между Сенекой и апостоломъ Павломъ. Приписывавшіеся же философу нравственныя изреченія *Proverbia Senecae*, печатаются обыкновенно въ изданіяхъ сентенцій мимोगрафа Публія Сира²⁾.

Прозаическія сочиненія Сенеки дошли до насъ во многихъ спискахъ, хотя большая часть ихъ позднѣйшаго происхожденія. Къ древнѣйшимъ относятся: Миланская рукопись, содержащая въ себѣ 12 книгъ Діалоговъ вмѣстѣ съ посланіями апостола Павла къ Сенецѣ и Сенеки къ апостолу Павлу, и относящаяся, по Фирмерту, извѣстному надателю Сенеки, не позже, какъ къ IX столѣтію; *codex Na-*

¹⁾ *La religion Romaine d'Auguste aux Antonins*. Paris, 1874. Раньше занимались этимъ вопросомъ болѣе или менѣе научнымъ образомъ: А. Fleury въ сочиненіи *St. Paul et Sénèque*. Paris, 1853, и Baur въ *Zeitschrift für wissenschaft. Theologie*, I и др.

²⁾ См. Левцин I, стр. 421 (2-го изд.).

zarianus, одинаковой древности съ предыдущимъ, содержащій въ себѣ сочиненія De clementia и De beneficiis. Онъ былъ въ рукахъ у Грутера, одного изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ XVI и XVII столѣтій, издатель знаменитаго въ свое время собранія надписей и нѣсколькихъ латинскихъ авторовъ, и съ тѣхъ поръ не показывался на свѣтъ, хотя извѣстно, что онъ изъ Гейдельберга перешелъ въ Ватиканскую бібліотеку. Для писемъ къ Луцилію стоитъ на первомъ планѣ Парижскій кодексъ № 8540. Онъ служитъ для первой части писемъ по 88-е письмо включительно, тогда какъ остальная ихъ часть передана въ хорошихъ спискахъ — Страсбургскомъ (Argentoratensis) и Вамбергскомъ, принадлежащихъ къ IX или X столѣтію и писанныхъ, быть можетъ, даже одною рукою. Для Quaestiones naturales лучшими списками служатъ Вамбергскій XI столѣтія и Берлинскій XIII столѣтія. Лучшій изъ списковъ, сохранившихъ сагиру на Клавдія, есть Савгалленскій X или XI столѣтія.

Первое изданіе прозаическихъ сочиненій Сенеки вышло въ Неаполѣ въ 1475. Одинъ экземпляръ его хранится въ Парижской національной бібліотекѣ, другой — въ Римѣ въ бібліотекѣ Барберини. Въ томъ же году вышло въ Парижѣ изданіе Писемъ къ Луцилію съ прибавленіемъ писемъ къ апостолу Павлу. Между другими изданіями отмѣтимъ слѣдующія: Эразма, съ примѣчаніями на поляхъ, въ Базелѣ 1515 г. (есть въ Кіевской университетской бібліотекѣ) и затѣмъ 1529 г. въ новой исправленной редакціи; Мурета, съ примѣчаніями, въ Римѣ 1585 г.; Грутера въ Гейдельбергѣ 1594 г.; парижское изданіе 1602 г. съ примѣчаніями Эразма, Мурета и другихъ; Липсія, съ примѣчаніями, въ Антверпенѣ въ 1605 г., затѣмъ въ 1615 г. и въ послѣдній разъ въ 1652 г. съ примѣчаніями Фромонда къ Quaestiones naturales и къ Ludus de morte Claudii (есть въ Кіевской бібліотекѣ, также какъ и первое); Гроневія, съ примѣчаніями, въ Лейденѣ 1649 и 1658 гг.; Руконфа, критическое изданіе съ примѣчаніями, въ Лейпцигѣ 1797—1811 гг., въ пяти книгахъ; Фикерта, важное критическое изданіе, въ Лейпцигѣ 1842—1845 гг.; Гаазе, изданіе, содержащее одинъ очищенный критикою текстъ, съ предисловіемъ и указателемъ, въ трехъ книжкахъ, въ Лейпцигѣ 1852—1853 гг.¹⁾

¹⁾ Въ Кіевской университетской бібліотекѣ есть очень рѣдкій экземпляръ изданія Писемъ къ Луцилію, относящагося къ 1493 году и напечатаннаго въ Лейпцигѣ Арнольдомъ изъ Кельна—per Arnoldum de Colonia. Тамъ же есть и Венеціанское изданіе Бернардина изъ Кремоны, гдѣ подъ трактатомъ De paupertate значится 1490 годъ.

Критикой текста Сенеки занимались въ послѣднія три десятилѣтія въ Германіи многіе: Гаазе, Шенкль, Маттіэ, Гауптъ и другіе. Послѣдняя работа, вышедшая отдѣльно, принадлежитъ М. Герцу (Gertz): *Studia critica in L. Annaei Senecae Dialogos*. Naupliae, 1874 ¹⁾. Во французской литературѣ, гдѣ теперь обратили большое вниманіе на критику текста древнихъ авторовъ, относится сюда трудъ Шателена въ *Revue de philologie*, I (1877) 1, p. 101—115: *Etude critique sur les Lettres de Sénèque à Lucilius*.

Литературная дѣятельность Сенеки не ограничивалась прозаическими произведеніями. Онъ занимался, какъ мы уже знаемъ это, и поэзіей. Дошедшія до насъ свидѣтельства говорятъ, что занятія эти облегчали ему горестъ изгнанія ²⁾, но мы знаемъ, что онъ не прекращалъ ихъ и послѣдствіи. Враги его обвиняли его въ томъ, что онъ даже усилилъ свои поэтическія упражненія съ того времени, какъ сдѣлалась известною страсть Нерона къ стихотворству ³⁾. Обвиненія эти Тацитъ сообщаетъ въ числѣ событій 62 (815) года; слѣдовательно, Сенека не переставалъ писать стихи до послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Есть основаніе думать, что онъ не былъ чуждъ этимъ занятіямъ и по удаленіи отъ Неронова двора.

До насъ дошли съ именемъ Сенеки десять трагедій: *Hercules furens*, *Thyestes*, *Phaedra*, *Oedipus*, *Troades*, *Medea*, *Agamemno*, *Hercules Oetacus*, *Octavia* и два отрывка трагедій *Thebais—Oedipus* и *Phoenissae*. Трагедіи эти съ давнихъ поръ служатъ предметомъ большихъ несогласій между учеными. Прежде всего былъ выдвинутъ вопросъ о ихъ подлинности. Въ рукописяхъ эти трагедіи приписываются имени Сенеки. Въ древнѣйшемъ спискѣ, Флорентійскомъ, недостаетъ только *Octavin*; но трагедія эта несомнѣнно есть позднѣйшее произведеніе какъ потому, что въ ней упоминается о сверженіи Нерона, послѣдовавшемъ послѣ смерти Сенеки, такъ и потому, что она рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ по своей крайней слабости, которая отнимаетъ у нея всякое право считаться произведеніемъ Сенеки. Что же касается другихъ трагедій, то мы имѣемъ не мало

¹⁾ Ему же принадлежитъ вышедшее недавно отдѣльное изданіе сочиненій *De beneficiis* и *De clementia* (Берлинъ, 1876, у Вейдмана).

²⁾ Въ угнѣзительномъ посланіи къ своей матери съ мѣста ссылки (*Consolatio ad Helviam*) Сенека (гл. 20) говоритъ: *animus omnis occupationis expertis operibus suis vacat et modo se levioribus studiis oblectat, modo etc.*

³⁾ Tac. Ann. XIV, 52: *Obiiciebant etiam eloquentiae laudem uni sibi adsciscere et carmina crebrius factitare, postquam Neroni amor eorum venisset.*

свидѣтельствъ изъ самой древности, которыя, по видимому, должны были бы поставить принадлежность ихъ философу вѣдъ всякаго сомнѣнія. Таковы свидѣтельства Квинтилиана ¹⁾ и грамматиковъ Диомеда, Присциана, Валерія Пропа, Теренціана Мавра и Лактанція, которые приводятъ стихи или мѣста изъ этихъ трагедій, какъ принадлежащихъ Сенека ²⁾. Внутреннихъ основаній для отнятія ихъ у Сенеки, то-есть, различія въ мысляхъ, въ языкѣ и способѣ выраженія съ другими сочиненіями философа, нѣтъ. Поэтому мы не видимъ причинъ долго останавливаться на опроверженіи аргументовъ, приводимыхъ въ пользу мнѣнія о сомнительномъ происхожденіи этихъ произведеній отъ философа, мнѣнія, которое главнымъ образомъ основывается на заявленіи Сидонія Аполлинарія о двухъ Сенекахъ—одномъ почитателѣ Платона и воспитателѣ Нерона, то-есть, нашемъ философѣ, и другомъ, воспроизводившемъ греческихъ трагиковъ ³⁾. Въ виду этого страннаго свидѣтельства Сидонія Аполлинарія нѣкоторые старинные ученые считали авторомъ этихъ трагедій риторика Сенеку, другіе—немецкаго философа, третьи—его сына, но большею частію прежніе ученые, какъ Липсій, Гейнзій и Фоссій, признавали эти трагедіи происходящими отъ нѣсколькихъ авторовъ, въ числѣ которыхъ они давали мѣсто и философу, считая его авторомъ Меды и еще двухъ трагедій—Троянокъ и Федры. Въ настоящее время скептики въ этомъ вопросѣ, представителямъ которыхъ можно считать Бернгарди ⁴⁾, полагаютъ, что эти трагедіи получили имя Сенеки, какъ представители известной литературной манеры или школы, но что въ сущности онѣ составляютъ сборникъ произведеній разныхъ современниковъ знаменитаго философа. Но рѣшительный поворотъ въ пользу мнѣнія о принадлежности трагедій философу Сенека совершился, и новѣйшіе издатели его, Пейперъ и Риктеръ, не согласны лишь

¹⁾ Inst. orat. IX, 28: ut Medea apud Senecam: Quas peti terras jubes (стр. 456) ср. VIII, 3, 31.

²⁾ См. цитаты у Пейпера въ дополненіи къ его изданію трагедій, вышедшемъ въ Вреславлѣ 1870 г. подъ заглавіемъ: Praefationis in Senecae tragoedias... supplementum.

³⁾ Carm. IX, 231.

⁴⁾ Geschichte der Röm. Litteratur, p. 433 (5-е изд.): «Alle Warscheinlichkeit führt... zu der Annahme, dass die Tragödien des Seneca nach dem geistigen Begründer der Manier benannt wurden; sie bilden eine mehr oder weniger gleichartige Sammlung aus mancherlei Material, zu der Kunst- und Zeitgenossen derselben declamatorischen Schule beisteuerten».

счетъ принадлежности ему двухъ послѣднихъ (исключая Октавіи) трагедій—Агамемнона и Геркулеса Этейскаго, нашедшихъ однако защитниковъ въ изслѣдователяхъ этихъ трагедій со стороны просодии и метрики. Въ настоящее время несомнѣнно не принадлежащее Сенека считается лишь трагедія, или лучше, претекста—Октавіа.

Въ литературномъ отношеніи эти трагедіи представляютъ любопытный образецъ произведеній перваго времени имперіи. Содержаніе ихъ заимствовано, какъ это дѣлали и прежніе римскіе трагикъ, у греческихъ трагиковъ—у Софокла и еще болѣе у Еврипида. Мало того, здѣсь даже введенъ хоръ, который былъ чуждъ стариннымъ римскимъ трагическимъ писателямъ, Эннию, Пакувійю и Аттию, строго соблюденъ правило о трехъ лицахъ діалога ¹⁾ и вообще вся форма греческихъ трагедій; но кромѣ внѣшности, онѣ ничѣмъ не напоминаютъ греческихъ трагедій. Въмѣсто живыхъ дѣйствующихъ лицъ здѣсь говорятъ и дѣйствуютъ тѣни, изъ устъ которыхъ выходятъ сентенціи, общія мѣста и нравственныя разсужденія, приравненныя холоднымъ пафосомъ и изложенныя по всѣмъ правиламъ риторіи. Очевидно съ перваго раза, что эти трагедіи писаны не для сценическихъ представленій, а для публичныхъ чтеній и декламаций, съ одной стороны, и для домашняго чтенія, съ другой ²⁾. Пьеса имѣетъ совершеннѣе чужда натура и истинность изображенія характеровъ, свойственная греческой драмѣ, хотя нельзя не видѣть въ авторѣ ихъ способности къ психологическому анализу и обладанія живою фантазіей. По содержанию онѣ какъ бы философскіе трактаты и полны разсужденій о судьбѣ, о непостоянствѣ и скоротечности всего земного и т. п.; но формѣ онѣ могутъ служить образчиками тѣхъ упражненій въ декламации, о которыхъ мы достаточно говорили въ своемъ мѣстѣ ³⁾, хотя этимъ упражненіямъ въ данномъ случаѣ не чужды были и имѣвшія дѣйствительный смыслъ политическія выходки и намеки на ужасы современной тиранніи ⁴⁾.

Развивать содержаніе этихъ трагедій я не считаю нужнымъ. Кто желаетъ съ нимъ ознакомиться, можетъ обратиться въ извѣст-

¹⁾ См. *Weil* въ *Revue Archéologique*, 1865, I: La règle des trois acteurs dans les tragédies de Sénèque.

²⁾ См. объ этомъ *Gaston Buassé*: Les tragédies de Sénèque ont-elles été représentées? Paris, 1861.

³⁾ *Жур. Мин. Нар. Просв.* августъ, стр. 280.

⁴⁾ Не мало примѣровъ этихъ выходокъ и намековъ собрано у *Gaston Buassé* въ его *L'Opposition sous les Césars*, стр. 88 и сл.

ному сочиненію Низара: *Études sur les poètes latins de la décadence*, Bruxelles, 1834. Впрочемъ, я этимъ не хочу сказать, что трагедіи Сенеки совсѣмъ не заслуживаютъ того, чтобы ближе съ ними познакомиться. Онѣ важны для насъ уже тѣмъ, что имѣли значительное вліяніе на трагедію новыхъ европейскихъ народовъ, и въ особенности, на произведенія Корнеля и Расина, а черезъ нихъ и на нашу трагедію прошедшаго столѣтія. Ихъ вліянія не избѣгнулъ ни Шекспиръ; ни испанскіе драматурги. Главное достоинство ихъ заключается въ замѣчательной выдѣлкѣ формы. Языкъ ихъ, независимо отъ риторической окраски, правиленъ и представляетъ образчикъ лучшаго поэтического языка этого времени. Стихотворные размѣры отличаются разнообразіемъ и строго выдержанн. О нихъ желающіе могутъ прочесть у Ноше въ сочиненіи: *Die Metra des Tragikers Seneca*, Halle, 1862, у Шмидта въ диссертациі: *De emendandarum Senecae tragoediarum rationibus prosodiacis et metricis*. Berlin, 1860, равно какъ и у Луд. Мюллера въ его *De re metrica poet. latin.*, p. 118—1830 и въ *Neue Jahrbücher für Philologie*, т. 99, p. 473 sqq.

Интересную тему для работъ молодыхъ филологовъ можетъ составить сличеніе трагедій Сенеки съ соответствующими греческими трагедіями. Такого рода сличенія дѣлались не разъ въ нѣмецкой и во французской литературахъ. Укажу для примѣра изъ новѣйшихъ сличеній на Видала: *Études sur trois tragédies de Sénèque, imitées d'Euripide*. Paris, 1854, или на Кёлера (Köhler): *Senecae tragoedia, quae Oedipus inscribitur, cum Sophoclis Oedipus Rex comparata*. Neuss. 1865, а также на сличенія Брауна въ *Rhein. Museum*, XX и XXII.

Списковъ трагедій Сенеки много. Древнѣйшій и лучшій изъ нихъ есть *codex Etruscus* или *Florentinus*, находящійся въ Медичейской библиотекѣ (*Bibliotheca Laurentiana*) во Флоренціи. Онъ, какъ мы упоминали, не содержитъ въ себѣ Октавіи. Одной редакціи съ нимъ отрывки Парижскаго кодекса (*cod. Thianensis*), принадлежащаго къ IX или X столѣтію. Всѣ остальные списки гораздо ниже достоинствомъ, происходятъ изъ плохого источника и не древнѣ XIV—XVI столѣтія¹⁾. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ списковъ, *Pulaviensis* или *Varsoviensis*, принадлежавшій князю Чартерижскому, долженъ находиться въ Варшавѣ. Онъ писанъ въ Падуѣ въ 1396 году.

Первое изданіе трагедій сдѣлано въ Феррарѣ около 1484 г. Съ

¹⁾ О спискахъ трагедій Сенеки см. предисловіе къ изданію Лейфера и Рихтера.

комментаріями Вернардина Марини и Давида Казтана вышли рядъ изданій въ Венеціи съ 1493 по 1510 г. Изъ другихъ изданій наиболѣе замѣчательны: Фабриція въ Лейпцигѣ 1565 г., Дольфия (Delgus и Delgio) въ Антверпенѣ 1576 г., Липсія въ Лейденѣ 1588 г., Грутера въ Гейдельбергѣ 1604 г., Скриверія въ Лейденѣ 1611 г., Гроновія въ Лейденѣ 1661 г. и въ Амстердамѣ 1682 г., Вотъ въ Гальберштадтѣ 1822 г. и Шерро въ Парижѣ 1829—1833 г. (въ 8-хъ книжкахъ). Въ предисловіи къ изданію Пейнера и Рихтера желающіе ближе познакомиться съ дѣломъ могутъ найти указанія, какими рукописями пользовался каждый изъ указанныхъ нами издателей. Какъ на сдѣланное по правиламъ современной критики изданіе можно указать только на изданіе Пейпера и Рихтера (Лейпцигъ, Гейбнера 1867 г.). Въ 1877 г. появился первый томъ новаго критическаго изданія, выходящаго въ Берлинѣ у Вейдмана. Томъ этотъ содержитъ въ себѣ только „Observationes criticas“; авторъ его Ф. Лео.

Кромѣ трагедій, въ стихотворномъ родѣ до насъ дошло отъ Сенеки нѣсколько эпитаграммъ, которыя помѣщены въ 1-мъ томѣ изданія Гааге. Онѣ писаны элегическимъ размѣромъ. Двѣ изъ нихъ относятся къ Корсикѣ, мѣсту ссылки Сенеки, гдѣ онъ нашелъ природу, наводящую уныніе, и гдѣ люди, по его мнѣнію, какъ бы погребаются за живо. Поэтому онъ и обращается къ пустынному острову со словами:

*Parce relegatis, hoc est, jam parce sepultis:
Vivorum cineri sit tibi terra levis.*

Двѣ эпитаграммы, относящіяся къ Корсикѣ, считаются несомнѣнно принадлежащими Сенекѣ. Къ такимъ можно прибавить еще одну¹⁾: *De qualitate temporis*. Вотъ какъ поэтъ-философъ характеризуетъ въ ней время:

*Omnia tempus edax depascitur, omnia carpit
Omnia sede movet, nil sinit esse diu.
Flumina deficient, profugum mare littora siccant,
Subsident montes et jura celsa ruunt.
Quid tam parva loquor? Moles pulcherrima coeli
Ardebit flammis tota repente suis.
Omnia mors poscit. Lex est, non poena, perire:
Nec aliquo mundus tempore nullus erit.*

Это значить: „Прожорливое время все пожираетъ, все поѣдаетъ, все сдвигаетъ съ мѣста, ничему не позволяетъ пребывать долго. Рѣки

¹⁾ См. объ этомъ статью *Puse* въ *Neue Jahrbücher für Philologie*, т. 99, р. 279 и слѣд.

изсякають, море убѣган осушаетъ берега, осѣдаютъ горы, и низвергаются высокія вершины. Да что говорить о такихъ пустякахъ? Вся прекраснѣйшая громада неба вдругъ запылаетъ своимъ огнемъ. Смерть требуетъ всего. Изчезнуть—это законъ, а не наказаніе: міръ этотъ когда-нибудь перестанетъ существовать⁴.

Кончая рѣчь о Сенецѣ, я считаю нужнымъ сказать еще разъ нѣсколько словъ объ огромномъ значеніи этого писателя въ римской литературѣ и для новыхъ народовъ. Едва ли кто изъ латинскихъ писателей, послѣ Цицерона и Виргилія, пользовался какъ среди современниковъ, такъ и въ отдаленномъ потомствѣ, такою славой и имѣлъ столь громкое имя, какъ Сенека. Основаніемъ для этой славы была его стоическая мудрость, которая, будучи принята христіанскими писателями, перенесла его имя въ средніе вѣка, сдѣлавъ его какъ бы своимъ синонимомъ, такъ что отъ имени Сенеки издавались цѣлыя сочиненія о предметахъ нравственной философіи, и его же именемъ озаглавливались сборники нравственныхъ изреченій. Эпоха Возрожденія нашла въ его философскихъ сочиненіяхъ такую богатую запасъ высокихъ нравственныхъ истинъ, что не было ни одного моралиста до восемнадцатаго столѣтія включительно, который не отдавалъ бы высокой дани уваженія римскому философу, дани, переходившей иногда въ восторженное поклоненіе. Эразмъ, Монтанъ, Дидро, люди первостепеннаго значенія въ исторіи европейской образованности, утвердили за римскимъ философомъ то высокое мѣсто въ нравственной философіи, котораго у него не можетъ отнять и наше время, равнодушное ко всякой, а тѣмъ болѣе нравственной, философіи. Все, что писалось и говорилось противъ обаянія имени Сенеки, далеко ниже того, что говорилось въ его защиту, и потому не могло произвести впечатлѣнія. Что ни говорили бы противники Сенеки, на его сторонѣ всегда будетъ стоять высокій литературный талантъ, снискавшій ему пламенныхъ приверженцевъ среди современниковъ, и проповѣдь высокихъ нравственныхъ истинъ, которыя признало своими христіанство¹⁾, и къ голосу которыхъ никогда не можетъ оставаться равнодушнымъ человѣчество.

¹⁾ Будетъ не лишнимъ указать здѣсь на недавно вышедшее сочиненіе *Бруно Бауера*: *Christen und die Caesaren* (Berlin, 1877), въ которомъ Сенека возводится на такое высокое мѣсто въ исторіи христіанства, какого ему не приписывалъ ни одинъ изъ самыхъ пламенныхъ поклонниковъ прежняго времени. Сочиненіе это, впрочемъ, намъ извѣстно лишь по рецензій его въ *Literarisches Centralblatt*, 1878, № 16.

НЕИЗВѢСТНАЯ РУССКАЯ ПОВѢСТЬ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

(АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАВИЧУ ВЕОЛОВОСКОМУ).

Въ числѣ рукописей Московскаго Публичнаго музея есть небольшая тетрадь въ четвертую долю листа, весьма безграмотно писанная обыкновеннымъ канцелярскимъ или писарскимъ почеркомъ второй половины XVIII вѣка. Эта тетрадка, безъ заглавія и даже безъ начальныхъ листовъ, содержитъ въ себѣ произведеніе повѣствовательнаго характера, героемъ котораго является русскій матросъ: соответственно тому, въ каталогѣ музея рукопись эта значится подъ названіемъ повѣсти о русскіи матросѣ Василии и о прекрасной флорентійской королеви Иракліи¹⁾.

Послѣ того какъ мы имѣли случай ознакомиться съ означенной рукописью, и даже—благодаря любезности одного изъ хранителей музея, И. Д. Бердникова—приобрѣсти съ нея списокъ, мы встрѣтили въ дополненіяхъ къ извѣстной книгѣ А. Н. Пыпина о литературной исторіи русскихъ повѣстей и сказокъ указаніе, что и въ рукописномъ собраніи И. Е. Забѣлина также есть списокъ „Гисторіи о русскіи матросѣ Василии Коріотскомъ и о прекрасной королеви Иракліи Флоренской земли“²⁾. Почтенный владѣлецъ этого списка также обяза-

¹⁾ Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1870 и 1872 года, стр. 66.

²⁾ Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, А. Н. Пыпина, стр. 360.

тельно доставилъ намъ возможность имъ воспользоваться. Списокъ этотъ входитъ въ составъ небольшого сборника (по нынѣшнему каталогу г. Забѣлина № 229), въ 4-ю долю листа, писаннаго также во второй половинѣ XVIII вѣка и содержащаго въ себѣ, кромѣ повѣсти о матросѣ Василии, только одно еще произведение, именно: „Гисторію о французскомъ князѣ Петрѣ Златыхъ Ключей и о неполитанской королевнѣ Магилентѣ“. Въ этомъ списокѣ, писанномъ нѣсколько болѣе грамотно, чѣмъ музейный, „Гисторія о матросѣ Василии“ сохранилась въ цѣлости, съ подлиннымъ заглавіемъ и началомъ. Вообще отношеніе между обоими списками таково, что хотя они весьма близки между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ и нѣкоторыя различія въ изложеніи: въ списокѣ г. Забѣлина оно нѣсколько многословнѣе и мѣстами нѣсколько болѣе книжно, чѣмъ въ списокѣ музейному, однако то гораздо удобопонятнѣе, между тѣмъ какъ въ послѣднемъ часто вовсе нельзя добраться до смысла рѣчи. Къ числу вышнихъ различій обоихъ списковъ должно отнести и то, что музейный списокъ раздѣленъ на главы, чего въ списокѣ г. Забѣлина нѣтъ.

Въ виду интереса, который представляетъ эта повѣсть, мы рѣшаемся познакомить съ нею читателей; а такъ какъ она совершенно неизвѣстна въ печати, то прежде всего предлагаемъ ее въ видѣ цѣпкомъ по списку г. Забѣлина, какъ болѣе исправному; нѣтъ смысла: въ музейнаго замѣствуемъ нѣкоторые варианты, болѣе необходимые для пониманія смысла рѣчи. При печатаніи нами удержаны: въ особенности правописанія рукописи, которыя представляютъ интересъ въ фонетическомъ отношеніи, и въ скобкахъ означены нѣкоторыя очевидныя пропуски.

Исторія о российскомъ матросѣ Василіи Коріотской и о прекрасной королевицѣ Иракліи Флоренской земли.

И

Во Российскихъ Европѣяхъ нѣкоторый живяше дворянинъ, имяше ему Іоаннъ, по малой фамилии Коріотской. Имѣлъ у себя сына Василія, лицомъ зѣло прекрасна. А оной дворянинъ (въ) великую скупость приде и не имѣяше у себя ница. Во единѣ же время оной его сынъ рече отцу своему: „Государь мой батюшко! Прошу у тебе родительскаго благословенія, зоволи мене отнустись въ службу,—то мнѣ будетъ въ службѣ даваться знанія, отъ котораго и вѣкъ буду приислать на нужду и на превормленія“. Выслушавъ же отецъ его и даде ему благословеніе, отнуетя отъ себя. Василій же, взявъ отъ отца своего благословеніе, приде въ Санктпетербургъ и записался въ морскою флотъ въ матросы. И отослали его на корабль по опредѣленію; на корабль призываше (его) по обыкновенію матросскому зѣло неостере и прочіихъ всѣхъ матросовъ; въ наукахъ пребываше и (у) всѣхъ версоновъ ¹⁾ знатникъ въ услуженіи колюбился, котораго зѣлъ любилъ и жаловали бегъ мѣры. И слава объ немъ велика прошла за его науку и услугу; понесе онъ знатъ въ наукахъ матросскихъ велики остро—по морямъ гдѣ острова и пучины морскія и мели, и быстрины, и вѣтры, и небесныя планеты, и воздухи. И за ту науку на корабляхъ старшинъ пребывае и отъ всѣхъ старшинъ матросовъ въ великой слави прославлялся.

Во единѣ же время указали ²⁾ маршировать и добирать младшихъ матросовъ за моря въ Галандію для науки ариметическихъ и разныхъ языковъ; токмо оная Василія въ старшіе не командировали съ младшими матросами, но оставленъ бысть въ Кронштадтѣ; но токмо онъ по желанію своему просился, чтобъ его съ командированными матросами послать за моря въ Галандію для лучшаго познанія наукъ. По его врененію былъ командированъ съ прочими матросами, отнущенъ за моря въ Галандію съ младшими матросами.

По отбытіи изъ Кронштагата, по нѣкоторыхъ дняхъ прошедшихъ, прибыли въ Галандію матросы на корабляхъ, и съ ними Василей Коріотской. Въ Галандіи учинили имъ квартиры и поставлены были всѣ

¹⁾ Въ рукописи: «персонажъ».

²⁾ Въ рукописи: «указалъ».

младшіе матросы по домамъ купецкимъ, а ему, Василию, за его услуги и за старшинство—къ знатному и богатому гостю въ домъ поставили равно (со) Штатами. И оной матросъ Василей у гостя стоялъ велики смирно и слушалъ его во всемъ. И оной галандской гость усмотрѣлъ его въ послушаніи и въ наукахъ зѣло остра ¹⁾ и зѣло возлюбилъ и послалъ его на своихъ корабляхъ съ товарами въ Англію, которому лучше всѣхъ своихъ прикащиковъ сталъ вѣрить и во всемъ ему приказывать и деньги, и товары ему вручилъ. И какъ въ Англію съ кораблями пришли, то товары по обычаю купецкому объявивъ всѣ и спровадивъ, и принадлежащихъ въ Галандію товаровъ на корабль (взялъ) и поѣхалъ обратно, — въ которой оны Василей посылалъ великой прибитокъ гостю галандскому присовокупилъ, такожь и накупи всякія воспріалъ, и знатенъ былъ въ Англіи и въ Галандіи. Ко отцу своему въ Россію чрезъ вексель послалъ четыре тысячи ефимковъ златыхъ двурублевыхъ, которые отецъ его и получилъ, и писалъ къ нему, чтобъ оны къ нему пріѣхалъ повидаться, ко отцу своему, и благословеніе принять.

А какъ урочный терминъ пришелъ, чтобъ ученикамъ матросамъ маршировать въ Санктпетербургъ въ Россію, то всѣ матросы поѣхали, а Василія Коріотскаго оной гость нача просити, чтобъ въ Россію не ѣздилъ, понеже оны гость его Василей возлюбилъ яко сына роднаго. Но ²⁾ токмо оны, Василей Коріотской, нача отъ гостя проситися въ домъ ко отцу для свиданія и объявилъ ему, что отецъ его въ великой находится въ древности; то оны гость его пріятно увѣщевалъ, дабы отъ него не отлучился, — и общался во всемъ, яко родного сына, наслѣдникомъ учинить. И рече оной гостю: „Любезнѣйшій мой російскій матросъ, нареченный мой сынъ, изволь хотя еще чрезъ вексель послать ко отцу своему отъ имени моего, токмо ты, мой дражайшій, не отлучайся отъ мене“. Слышавъ же оны Василей отъ него зѣло прослезился и любезно просился, чтобъ его ко отцу въ Россію отпустилъ взять благословеніе, и общался къ нему обратно быть. Видѣвъ же гость непреклонную его просьбу, и просилъ его чтобъ оны во Францію (сходилъ съ товарами, и когда) возвратится, то общалъ его въ домъ отпустить, — по которому прошенію оны Василей не ослушался, онаго гостя взявъ корабли и убрався съ товары и отыде во Францію, и во Франціи былъ два года и спровадивъ то-

¹⁾ Въ рукописи: «остро».

²⁾ Въ рукописи: «не».

варь, возвратился въ Галандію и учинилъ оному гостю великой прибытокъ въ хожденіи своемъ, что оной гость никогда такого прибытка не видалъ и сердечно его возлюбилъ.

Но токмо онъ Василей нача еще съ прилежаніемъ въ Россію къ отцу своему проситься, и видѣвъ гость его несклонную просьбу и по желанію его уволилъ ему ѣхать въ Россію, и даде ему оной гость три корабля съ разными товарами и суммы своей, денежной казны, довольно, и просилъ его, чтобъ, бывъ у отца своего, къ нему возвратился, и отпустилъ его съ великою печалью. И оной матросъ Василей Коріотской, принявъ корабли и работниковъ-матросовъ и поднявъ парусы, побѣжали къ Россійской Европѣ. И по отбытіи на корабляхъ оной Василей взялъ тысячу червонцевъ и зашилъ въ кафтанъ свой въ клинья тайно, чтобъ никто не зналъ, для всякой приключищающейся между ¹⁾.... И минувшихъ семи дѣлъ какъ корабли изъ Галандіи поплыли, воста время и неукротимая буря, яко всему морю возліялися, съ пескомъ смутитися; и корабли всѣ врознь разбишася. И на которомъ кораблю былъ Василей, и оной корабль волнами разбить, и люди всѣ утопоша. Токмо Божією помощію единого Василея на доскѣ корабельной прибило къ нѣкому великому острову. И отъ великаго ужеса павъ на землю яко мертвъ; а какъ волны утишилися, два корабля, видѣвши, что корабль, на которомъ былъ Василей, разбиенъ былъ весь, и чаяли, и что и Василей утопоша въ водахъ морскихъ; возвратишася назадъ въ Галандію и повѣдаша гостю о приключившемся несчастіи. Слышавъ же гость велми нача плавати и тужить не о корабляхъ и не о товарѣ, но о Василіи Коріотскомъ.

И какъ онъ Василей отъ великаго ужеса, лежа на островѣ, очнулся и взыде на островъ, и веліе благодареніе воздавъ Богу, что его Богъ вынесъ на сухое мѣсто живаго: „Слава Тебѣ, Господи Боже, небесный Царю и Человѣколюбче, яко не остави мя грѣшного за грѣхи мои погубити, въ водахъ морскихъ погрызнутися!“

Потомъ стоящу ему на островѣ, много мысляще и осматривающе сѣбе и овамъ—въ которыхъ страны принесло и какой островъ; токмо хотя и много время по моряцѣ ходилъ, а тамога острова не видалъ, понеже на ономъ островѣ великой непроходимой гѣсъ и великія трясины и болота, что отъ моря никуда и проходу нѣтъ; а уже ему дѣсть зѣло хотѣлось, и хотя у него червонцы были зашиты въ клинья въ кафтанѣ, токмо негдѣ и не у кого было (купить), и помощи

¹⁾ Въ рукописи пропускъ.

ему въ нихъ никакой не было. И ходя ¹⁾ по берегу на многія часы, усмотрѣлъ какъ бы ему куда пройтись къ жилищу, и ходя ²⁾ нашель малиновую тропку въ лѣсъ, яко хожденіе человѣческое, а не звѣрское. И о томъ размышлялъ, какая та стежка: ежели поидти, то зайти невѣдомо куда; и потомъ размышлялъ на долгъ часъ, и положась на волю Божию, пошелъ той стежкой въ темной лѣсъ тридцать верстъ къ великому буграку. Видѣ великой, огромной дворецъ, принца на три, весь кругомъ стоящимъ тѣномъ огороженъ. И подошелъ ко двору близко къ воротамъ, — тѣ ворота крѣпко заперты; и хотѣлъ посмотрѣть на дворецъ, токмо скважины не нашель, и страхомъ обдержимъ и убоялся. Помышлялъ потомъ, что вонечно зашелъ къ разбойникамъ, и думалъ—какъ сказаться: ежели добрымъ человекомъ, то убьютъ; ежели сказаться разбойникомъ, то въ разбояхъ не бывалъ. А въ томъ дворѣ великой шумъ и крикъ, и въ разныя игры играютъ. И вдумалъ сказаться разбойникомъ, и нача у ворота крѣпко толкаться; то оныя услышали, въ скорости ворота отворяли и спроша его: что за человекъ и откуда. Видѣвъ же Василей, что разбойники и множество ихъ народа стояще и играюще въ разныя игры и музыки пьяныхъ, то отвѣтствовалъ имъ Василей: „Азъ емь сего острова разбойникъ, единъ разбивалъ плавающихъ по морю“. И оныя разбойники взяша и приведоша его къ атаману. Атаманъ же, видѣвъ его молодца удалого и остра ³⁾ умою и врачна, лицомъ прекрасна и осмыкою добра вѣло, нача его вопрошати: „Чего ради пришелъ къ намъ?“ Василей же рече, яко: „Единому мнѣ жити скушно, и слышавъ васъ въ семъ островѣ живущихъ и весело играющихъ, — того ради къ вамъ приидохъ и прошу, чтобы вы меня въ товарищи приняли“. И атаманъ принявъ его и опредѣлилъ къ разбойникамъ въ товарищи.

Минувшу же дни по утру рано прибѣжалъ отъ моря осулъ ихъ команды и объявилъ: „Господинъ атаманъ, изволь командировать партію молодцовъ на море, понеже по морю ѣдутъ галеры купецкія съ товаромъ“. Слышавъ то, атаманъ закричалъ: „Во фронтъ!“ То во едину часа минуту ⁴⁾ всѣ вооружившася и стали во фронтъ. Токмо російской матросъ Василей единъ стоитъ безъ ружья особо, понеже не опредѣленъ. Тогда разбойники рѣша атаману: „Что намъ ново-

¹⁾ Въ рукописи: «хотя».

²⁾ Въ рукописи: «хотя».

³⁾ Въ рукописи: «остро».

⁴⁾ Въ рукописи: «минуты».

пріемной товарищъ стоитъ безъ ружья и не въ нашемъ фрунтѣ; извольте приказать оружія выдать". И атаманъ вскорѣ повелѣ ему оружія выдать и во фрунтъ встать. И оной матросъ хотя того не желалъ, но токмо чрезъ боязнь взявъ оружія, и сталъ во фрунтъ. И при командированіи сталъ Василей просить атамана: „Господинъ атаманъ и вы всѣ, молодцы товарищи, прошу васъ, пожалуйте уволте меня одного на добычу, понеже я извнѣ одинъ разбивать и хочу вамъ прибыль принести". То слышавъ, атаманъ и всѣ разбойники рѣша: „Отпустимъ его одного и посмотримъ прибыли отъ него". И по командировкѣ разбойники поѣхали на три партіи, а Василія единаго отпустили. Тогда матросъ Василій пошелъ на морскую пристань и не желалъ разбивать, но токмо смотрѣлъ того, какъ бы ему путь сыскать; и пришелъ на берегъ моря, взираше сѣмо и овамо—не идутъ ли наки суда, чтобъ ему уѣхать. И смотрѣвъ ходя по берегу весь день, токмо никого не видалъ и въ великую печаль впаде, нача горю плакати и рыдати, Господа Бога на помощь призывать, чтобъ его Господь вынесъ изъ рукъ разбойническихъ; и въ томъ размышленіи и великой печали уснулъ вѣрнѣкимъ сномъ на берегу моря. И своимъ вѣрнѣкимъ спалъ, что уже ночь; и нача думати—съ чѣмъ ему покажется, что добычи никакой не получилъ. И вспомявъ, что у него въ кафтанѣ въ кліньяхъ зашиты червонцы, и распоролъ, вынулъ сто червонцовъ и завезалъ въ платокъ шелковой; и пришелъ ко атаману, и предложилъ предъ него червонцы и сказавъ, что „нѣкоторые люди въ маломъ суднѣ плыли и толко у нихъ было, которыя вамъ представляю". Видѣвъ же атаманъ и вси разбойники зѣло тому начаша дивитися и вси же его хвалили. И веселъ того еще его отпустили одного на разбой дважды, и онъ къ нимъ принесилъ по двѣсти червонцовъ, которыя его добычи какъ атаманъ, и вси разбойники зѣло дивились—что очесливъ.

Во одно же время соидошася вси разбойники и начаша думать о россійскомъ матросѣ, чтобъ его поставить во атаманы, понеже видѣвъ его молодца удалаго и остра ¹⁾ умомъ. И придона вси ко атаману къ старому и начаша ему говорить: „Господинъ нашъ атаманъ, изволь свое старшинство сдать новопріемному нашему товарищу, понеже твое управленіе къ вамъ худо; изволь съ нами быть въ рядовыхъ, и которая наша казна, изволь съ рукъ сдать". Тогда атаманъ дая отвѣщаль: „Братцы молодцы, буди по воли вашей". И вси единогласно россійскому матросу Василю рѣша: „Буди намъ ты атаманъ,

¹⁾ Въ рукописи: «остро».

изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать". Тогда отвѣща имъ Василей: „Братцы молодцы, пожалуйте оставте меня отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ; радъ бы съ вами въ товарищахъ быть, а атаманскаго управленія не знаю". И нача предъ ними горько плакати; разбойники же, его зѣло видя влчущаго, вси яко звѣри единогласно российскому матросу Василю рѣша: „Буди ты намъ атаманъ, изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать". Отвѣща къ нимъ Василей: „Братцы молодцы, пожалуйте оставте мене отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ, радъ бы съ вами въ товарищахъ быть; атаманскаго управленія не знаю". И нача предъ ними горько плакати; разбойники же, видѣвши его зѣло плачуща, вси яко люты звѣри единогласно закричали: „Ежели ты атаманомъ быть не желашь, то сего часу мы тебе изрубимъ въ пирожныя части". Видѣвъ же Василей зѣло убоишася, чтобъ отъ нихъ не быть и въ правду убиту, глаголя имъ: „Буди по воли вашей; токмо прошу васъ—будите во всемъ меня послушны". Тогда вси единогласно рѣша: „Господинъ нашъ атаманъ, во всемъ слушать будемъ". И старой атаманъ отдаде ему ключи и поведе его по погребамъ. Видѣвъ же Василей казны многое множество, злата и серебра и драгихъ каменіевъ и всякихъ драгихъ парчей, яко умомъ чловѣческимъ невозможно описать всѣ суммы; и оную всю сумму принялъ, и ключи Василю разбойники отдали и стали его поздравлять: „Здравствуй, нашъ господинъ атаманъ, на многія лѣта". И нача пити и веселитися про его здравіе и во всякія игры играть. Потому рѣша ему: „Господинъ атаманъ, изволь съ нами идти до нѣкотораго чулана". И какъ къ тому чулану придоша, и ключи ему даша отъ него, точію рѣша ему: „Господинъ атаманъ, изволь ключи принять, а безъ насъ во оной чуланъ не ходите; а ежели безъ насъ станешъ ходить, а съѣдаешъ, то тебѣ живу не быть". Видѣвъ же Василей оной чуланъ устроенъ зѣло изрядными красками и златомъ украшенъ, и окны сдѣланы въ верху онаго чулана, и рече имъ: „Братцы молодцы, извольте вѣрить, что безъ васъ ходить не буду и въ томъ дамъ свой пороль".

И въ то время приближалъ отъ моря есаулъ, и разбойники сказали ему, что „у насъ атаманъ новой". И онъ, подошедъ къ нему, отдалъ поклонъ и сталъ его поздравлять и говорить ему: „Господинъ атаманъ, изволь сего часу отправлять всѣхъ молодцовъ на добычу, понеже по морю четыре корабля купецкіи изъ Ландова плывутъ".

Тогда новый атаманъ Василей крикнулъ великимъ гласомъ: „Мо-

люды удалые, во фрунты!“ И вси разбойники единымъ окомъ мигнуть— всѣ во фрунты стали, и Василей нарочно предъ ними, якобы чѣмъ знаетъ волшебное, взявъ два замка болшія, привезавъ къ ногамъ своимъ и около всѣхъ разбойниковъ обѣжалъ, заговаривая имъ оружія, нога объ ногу замками воступалъ, и обидѣ ихъ, поклонился и выставилъ бочку вина, всѣмъ по ковчу поднесъ. Тогда вси разбойники между собою рѣша: „Хорошъ, братцы, нашъ атаманъ новый, лучше стараго; мы сами видимъ и знаемъ, что замками крѣпко заговариваетъ, и для бодрости по чарки вина поднесъ; а старой атаманъ былъ дуракъ; какъ и былъ въ атаманахъ, заговоревъ не зналъ и во отпускахъ намъ никогда вина пить не давалъ“. И весьма во отпускѣ имъ полюбился. И поѣхали на добычу въ смѣлости и въ надеждѣ его заговору замками страсти никакой не возымѣли.

И какъ спуска ихъ на добычу, думалъ самъ: чѣмъ у нихъ въ чуланѣ имѣется, понеже всю сумму сдали, а въ этотъ чуланъ ходить не велѣли, хотя ключъ у него. И на долгъ часъ размыслилъ и смѣлился отпереть чуланъ и дверь отворить и видѣ дѣвицу зѣло прекрасну, въ златомъ одѣяніи королевскомъ одѣту, яко той красоты во всемъ свѣтѣ слызать не возможно. И какъ увидѣ Василей, паде отъ ея лѣноты на землю, яко Лодвикъ королевичъ російскій ¹⁾, токмо не такъ, какъ Лодвикъ себя отягчилъ любовію силною и въ болѣзнь впаде ²⁾. Сей Василей, ставъ на колѣнки, рече: „Государыня, прекрасная дѣвица, королева, ты роду какого, и како сими разбойниками взята“. И отвѣща дѣвица: „Изволь, милостивый государь, слушать, я тебѣ доведу: азъ есмь роду королевскаго, дочь великаго короля Флоренскаго, а имя мое Ираклія; токмо одна была у отца своего дочь; и уже тому два года, пришли моремъ въ наша государства изъ Европіи кораблями російскіи купцы, и я въ то время гуляла съ дѣвцами въ шлюпкахъ и смотрѣла російскихъ товаровъ и всякихъ диковинокъ. И какъ мы на шлюпкахъ отъ кораблей поплыли, то они разбойники набѣжали въ буеракъ и всѣхъ гребцовъ у насъ убили и дѣвицъ въ море побросали, мене одну въ сей островъ уведоша, и держатъ ³⁾ по сіе время,—что между ними великая распря: тотъ хочетъ взять себѣ, а другой не даетъ; и затѣмъ

¹⁾ Въ другомъ спискѣ: «раклиски».

²⁾ Въ рукописи: «отягчилъ любосклонною и въ любовь впаде»; исправлено по другому списку.

³⁾ Въ рукописи: «держаютъ».

споромъ хотѣлъ меня изрубить. И я предъ ними горко плакати...“ И стала его вопрошать: „Молю те, мой государь, кака фамилія како, седа зайде изъ котораго государства,—понеже я у нихъ разбойниковъ до сего часу васъ не видала, и вижу васъ—что не ихъ команды, но ¹⁾ признаю васъ быти нѣкотораго кавалера“. Тогда Василей нача ея о себѣ сказывать, исповѣдать: „Государниа королевна, что я Россійской Европѣи, посланъ для науекъ въ Галандію и такъ былъ почтенъ отъ галанскаго купца, отъ котораго ходилъ съ товарами въ Англію и Францію на корабляхъ, и оттуда возвратился, и великіи ему учинилъ прибитки, почтенъ былъ вмѣсто сына родного; потомъ просился я у онаго гостя въ домъ къ отцу своему, по нѣкоторому прошенію былъ уволенъ, и дано мнѣ было три корабля съ товарами; и чтобъ бывать ²⁾ у отца, возвратиться назадъ въ Галандію. И по отбытіи изъ Галандіи семь дней на морѣ были благополучно, а потомъ заста великая буря и корабли всѣ разбила, и мене ³⁾ одного въ сей островъ на доскѣ ворабелной принесло,—въ которомъ разбойниковъ обрѣлъ и поставленъ отъ нихъ атаманомъ, чего не желалъ. Доношу вамъ, изволь вѣрить: ежели меня Богъ вынеситъ отъ нихъ, то и тебя не оставлю, токмо прошу не проколвиться имъ, что я у васъ былъ“. Королевна же, слышавъ отъ него, паде на колѣнѣи и нача его цѣловать любовно и просить, чтобъ ея онъ не оставилъ; какъ самъ поидеть. Василей же клятвою обѣщался не оставить и заперъ чуланъ и отыде въ великой печали.

Потомъ разбойники пріѣхавши съ добычи, и онъ ихъ встрѣтилъ по обычаю атаманскому, и вси ему веселымъ образомъ отдали поклонъ и объявили, что его счастіемъ три корабля и семь галеръ талианскихъ разбила и великую сумму казны получили и товаровъ. И начаша ясти и пити въ великомъ веселіи, что его крѣпкимъ заговоромъ великіи получили прибыли. Потомъ рѣша ему: „Господиныхъ нашихъ атаманъ, изволь приказати на блюда хорошихъ яствъ положить и ключи возми отъ заповѣднаго чулана“. Пришли, и отперъ, и видѣлъ королевну, и введе къ разбойникамъ и кушанья велѣлъ поставить на уборной столъ, а самъ пландуъ и вонъ пошелъ въ свой покой. Видѣвъ же разбойники, что онъ на королевну ни мало не сталъ смотрѣть, и рѣша къ себѣ: „Зрите ли, братцы молодцы,

¹⁾ Въ рукописи: «не».

²⁾ Въ рукописи: «бывать».

³⁾ Въ рукописи: «именно».

каковъ нашъ атаманъ, что женской полъ не хоцетъ смотрѣть; не какъ нашъ прежній атаманъ—всѣ глаза растерялъ; и можно вѣрить во всемъ господину новому нашему атаману¹⁾. И съ того времени нашаче стали вѣрить, и какъ онъ ихъ на добычу ни отпускалъ, и во отпусканъ его великія прибыли были. И отпускалъ ихъ на городки португальскія и другія земель, и его счастиемъ вездѣ безъ урону и съ великимъ прибыткомъ прѣвжали. А какъ ихъ ни отпустить¹⁾, то всегда къ королевнѣ хаживаль, и думали, какъ бы отъ нихъ видти.

Во единое же время нача говорить Василей всѣмъ разбойникамъ, чтобъ великія суммы порознь разбирать, золото и серебро и драгія каменія сыпать въ сумы²⁾, и по его приказу множество сумъ (понили) и начала разбирать все порознь и въ сумы сыпать. И какъ все равобраша, то атаманъ рече имъ: „Братцы молодцы, приведите мнѣ коня, и я ножду по острову, ногулю³⁾. Они же тотъ часъ приведоша коня въ нему и есѣдлане драгимъ уборомъ. Василій же видѣлъ весь день во острову сему, но³⁾ токмо кругомъ моря, а сухого пути слѣду нѣтъ. И узрѣвъ на одной сторонѣ—пристасть рыболовы; онъ же ихъ спрашивать—что изъ котораго государства. „А прѣвзаемъ сюда⁴⁾ для продажи въ семь островъ живущимъ разбойникамъ рыбы“. А того они не вѣдали, что ихъ атаманъ. Онъ же рече имъ: „Братцы молодцы, пребудьте здѣсь два дня, и я вамъ дамъ великую плату; вывезите меня до цыцарскихъ почтовыкъ буеровъ⁴⁾. Они же обещалися подождать.

Позомъ прѣвхалъ атаманъ Василей къ разбойникамъ въ великомъ веселіи; они же тотъ часъ у него вина приняли и съ честію его приведоша до горницы и начала вси пити и веселитися. И какъ ночь прошла, то Василей тотъ часъ велѣлъ всѣмъ собраться во фронтъ. Какъ скоро всѣ во фронтъ собрались, то онъ нача къ нимъ говорить: „Братцы молодцы, вчерашнего числа я видѣлъ на морѣ корабли плывутъ, семь кораблей съ Португаліи: изволте за ними гнать; и я признаю, что куведкія“. И они тотъ часъ вси поѣхали въ буеракъ.

Митросъ Василей тотъ часъ взялъ двухъ коней и собравъ рос-

¹⁾ Въ рукописи: «отпустить».

²⁾ Въ рукописи: «сумы».

³⁾ Въ рукописи: «не».

⁴⁾ Въ рукописи: «судя».

пуски и нажавъ сумъ съ златомъ и серебромъ и драгими каменіями, елико можно было двумъ конямъ везти, и пришелъ къ королевѣ и ее взялъ съ собою. Тотъ часъ поѣхали въ море, гдѣ рыбаки царскія. И убрався, взявъ судно и съ королевною, и злато, и серебро взяша, а коней на берегу оставиша и на гребкахъ поплыша моремъ къ пристани, отъ которой пристани къ Цесарію почтовые буеры бѣгаютъ. И въ то время разбойники вскорѣ возвратишася во двору своему и не обрѣтоша аламана, также и королевны. Тотъ часъ бросишася на море къ той пристани, гдѣ рыбаки пристають, и увидѣвши коней и роспуски; тотъ часъ въ малыхъ судахъ въ погоню погнаша, а рыболовы уже моремъ далеко гребутъ, что на силу можно въ трубку человѣку видѣть. Разбойники же начаша догонять и великимъ гласомъ кричать: „Стойте, сдайте намъ сихъ людей, а не отдадите, то мы васъ живыхъ не пустимъ“. Рыболовы же убоишася и хотѣли возвратиться къ нимъ. Василей же, выневъ свою шапку, и пихнулъ одного въ море: „Аще возвратитесь, то васъ всѣхъ побью и въ море побросаю“. Они же убоишася и начаша елико мочно вдоль моремъ угребать, и по ихъ частію воста покосной вѣтръ, и они подняли малинкія парусы и поплыша, изъ виду ушли. А у разбойниковъ парусовъ нѣтъ, и тако возвратишася разбойники въ великой печали. Потомъ приплыша рыболовы съ російскимъ матросомъ и съ королевною на ночтовую пристань. Тогда Василей, вышедъ изъ судна и всѣ мѣнья выбравъ, и тѣмъ рыболовамъ далъ едину суму злата, и они рыболовы той казнѣ велики были ради и обѣщались рыбы по морю не ловить и къ тому острову разбойническому не ѣздить. А Василей нанелъ почтовое судно до Цесарія, въ которое убравшись и съ королевною Ираклію, и поѣхали моремъ до Цесарія; и пріѣхали въ Цесарію благополучно, и за наемъ по договору денги заняли.

Приплыша же въ Цесарію, нанелъ нѣкоторой министерской домъ зѣло украшенъ, за которой платилъ на каждой мѣсяцъ до пятидесять червонцевъ, и въ томъ домѣ стоялъ и съ королевною въ великой славі. И нанелъ себѣ въ лакеи пятьдесятъ человѣкъ, которыми подѣлалъ ливрен, велики съ богатымъ уборомъ, что при дворѣ царскомъ такихъ ливрей нѣтъ чистею; а королевѣ нанелъ дѣвцъ самыхъ дѣлообразныхъ тридцать, которыхъ зѣло украсилъ. Случися нѣкоторой праздникъ,—то російской матросъ, убравшись въ драгоцѣнное платье, великии лучи отъ него сіяютъ—также приказалъ и людямъ убраться, а корету приказалъ заложить златокованную и коней добрыхъ, съ богатымъ конскимъ уборомъ, яко во всей Цесаріи та-

коваго сѣбра нѣтъ не у кого, и поѣхалъ къ церкви, въ которой будетъ цесарь самъ, и сталъ въ церкви у праваго крылоса.

Потомъ пріѣхалъ и цесарь къ церкви, и вшедъ въ церковь и увидѣвъ Василея въ богатомъ убранствѣ и чая каковъ пріѣзжай царевичъ или король, тотъ часъ призвалъ къ себѣ каморгера, которому всерасно приказалъ его: что за человекъ. И онъ каморгеръ съ почтениемъ приступилъ къ россійскому матросу и по обычаю нача его спрашивать: что за человекъ, и котораго государства. Матросъ: „А фамилія моя небожная—Василей Ивановъ сынъ Коріотской, а сюда ¹⁾ привела меня нѣкоторая нужда быть“. Которой выслушалъ каморгеръ и цесарю объявилъ. И какъ отслушалъ церковное пѣніе, то цесарь присилъ къ себѣ россійскаго матроса. И обѣщалъ быть, его величеству поклонъ отдать. И цесарь поѣхалъ во дворецъ свой, а Василей остался въ церкви для нѣкоторой своей Богу должности.

Потомъ поѣхалъ къ цесарю во дворецъ; пріѣхалъ и принять былъ отъ цесаря съ великою славою, подобно яко нѣкоего царевича. И какъ вошелъ внутрь царскихъ палатъ, въ палату убранную, въ которой былъ доставленъ столъ со всѣмъ убранствомъ и кушаньемъ; потомъ цесарь сталъ россійскаго матроса сажать за столъ кушать, Василей же нача съ почтениемъ отговариваться: „Пожалуй, государь великій царь, меня недостойнаго остави, понеже я вашъ рабъ, и недостойно мнѣ съ вашимъ персоною сидѣть, а достойно мнѣ предъ вашимъ величествомъ стоять“.

Тогда цесарь рече: „Почто напрасно отговариваешься, понеже я вижу васъ достойно разума, то васъ жалую ²⁾ своимъ сердцемъ искреннимъ, хотя бы мой которой и подданной рабъ, а я его жалую ³⁾ — велю садиться съ собою, и тотъ меня слушаетъ; а ты—пріѣзжай ко мнѣ гость, извалте садиться“. Тогда россійской матросъ, поклонясь рече: „Буди воля нашего величества“. И сѣлъ за столъ съ цесаремъ кушать.

Тгда началъ кушать, тогда цесарь нача разговаривать и россійскаго матроса спрашивать о его службѣ и нахожденіи. И онъ Василей его цесарскому величеству отъ начала своего похождения и служби подробно объявилъ: какъ на корабляхъ разбило бурю, и какъ пришелъ къ разбойникамъ и былъ атаманомъ, и какъ отъ нихъ увезъ

¹⁾ Въ рукописи: «туда».

²⁾ Въ рукописи: «желаю»; исправлено по другому списку.

³⁾ Въ рукописи: «желаю».

прекрасную королеву Ираклію Флоренскую, даже до прибитія ея въ Цесарію все по ряду. Слышавъ же цесарь вѣло дивился россійскому матросу: „Государь мой братецъ Василей Ивановичъ, во истину всякой чести достойной! Я вамъ донесу, что сію королеву Флоренскаго короля за себя сваталъ, токмо такое несчастіе учинилось (что безвременно пропала) ¹⁾; отъ Флоренскаго короля адмираль старшей посланъ ея искать по всей Европѣ, и гдѣ сыщутъ, то за него король обѣщалъ отдать оную королеву Ираклію и послѣ себя наследникомъ хочеть учинить. И оной адмираль собою не младъ. И я вѣкъ, мой государь Василей Ивановичъ, имѣть буду вѣсто брата роднаго“ — котораго велѣлъ во всей Цесаріи за роднаго брата почитать. И по откушаніи много было разговоровъ, и поѣхалъ цесарь съ россійскимъ матросомъ, названнымъ братомъ своимъ, гулять. И россійской матросъ послалъ своего раба къ прекрасной королеви Иракліи, чтобъ убралась хорошенько, понеже цесарь съ нимъ будетъ. И какъ тотъ посланной пріѣхалъ и объявилъ ей о пріѣздѣ цесаревомъ ²⁾, и королева убралась хорошенко и съ дѣвницами. И какъ цесарь съ Василемъ гулял ³⁾, то россійской матросъ Василей нача просить цесаря, чтобъ къ нему пожаловать на квартиру, и цесарь поѣхалъ съ нимъ; и какъ пріѣхали, и королева ихъ встрѣтила, и цесарь въ полатахъ долго бесѣдовалъ и спрашивалъ королеву, какъ она увезена отъ Флоренской земли разбойниками. И она цесарю все объявила. И цесарь веселился до самаго вечера и поѣхалъ во дворецъ, а ему, матросу Василію, и съ королевою велѣлъ переѣхать въ свой особой ⁴⁾ дворецъ и отъ своего дворца всѣ напитки и кушанья приказалъ отпускать и драбантамъ своимъ на караулѣ быть, и министрамъ, и пажамъ, и камергерамъ неотступно быть; а королеви дѣвицъ фрейлинь опредѣлилъ быть. И по утру россійской матросъ (перебрался) ⁵⁾ во дворецъ данный отъ цесаря, и сталъ у цесаря ⁶⁾ въ великой славіи пребывать; а министрамъ, и пажамъ, и камергерамъ, и драбантамъ всѣмъ давалъ великое жалованье; и всѣ его министры возлюбилъ, и все цесаря почитали, а королева Ираклія — всѣмъ велии сердцемъ, и говорила что до законнаго браку сохранить во всякой дѣвической чистотѣ, а

¹⁾ Пропускъ возстановленъ по другому списку.

²⁾ Въ рукописи: «цесаревой».

³⁾ Въ рукописи: «гулять».

⁴⁾ Въ рукописи: «особой».

⁵⁾ Пропускъ возстановленъ по другому списку.

⁶⁾ Въ рукописи: «цесаря».

кромѣ его въ супружество ни за кого ¹⁾ иного не посягать; а ежели кто оденъ изъ нихъ какими ни есть прилючившимися резонами отлучится, ни за кого иного не посягать и до смерти пребывать въ дѣвической чистотѣ. И онъ ей клятвою обѣщался, что хранить дѣвичество ея. Прекрасная же королева Ираклія велики была горазда играть на арфѣи и Василия Коріотскаго такожде выучила, какъ и сама играть, и говорила ему, что: „Въ нашемъ Флоренскомъ государствѣ, кромѣ меня, никто на арфѣи не играетъ и не умѣетъ“. И всегда тѣмъ цесаря забавляла. И къ цесарю ²⁾ во дворецъ безпрестанно ѣзжали.

Во одно же время російской матросъ Василій былъ у цесаря; въ время изъ Флоренскаго государства адмиралъ къ пристани цесарской (пріѣхалъ) ³⁾ и великую палбу учинилъ изъ пушекъ. Тогда цесарь послалъ каморгера освѣдомиться — кто прибылъ. И каморгеръ ⁴⁾ освѣдомился, объявилъ, что адмиралъ Флоренскаго государства. Потомъ цесарь послалъ его просить къ себѣ, и какъ адмиралъ флоренской во дворецъ къ цесарю прибылъ, и будучи въ полатахъ, объявилъ, что: „Ваша королева у меня въ Цесаріи“, — и показалъ, что: „У брата моего Василія, понеже онъ ее избавилъ отъ разбойниковъ, и ежели вамъ онъ ее покажетъ или отдастъ, въ томъ воля его“. Адмиралъ работнино російскаго матроса просилъ, чтобъ его государынѣ показать, и онъ велѣлъ быть на другой день по утру во дворецъ его. Адмиралъ поѣхалъ на пристань, а російской матросъ въ свой дворецъ. Пріѣхавши объявилъ прекрасной королеви Иракліи о пріѣздѣ отъ отца ея адмирала. То королева слышавъ, зѣло опечалилась всѣмъ сердцемъ; и просила королева у Василія, чтобы приказалъ сдѣлать ей черное платье печальное, которое во всякой скорости сдѣлано.

И по утру рано королева убралась въ черное платье, и въ то время съ пристани адмиралъ пріѣхалъ во дворецъ къ нему, и вшедъ въ полату къ російскому матросу и работнино поклонъ отдалъ, яко своему королю Флоренскому. А прекрасная королева была съ дѣвцами въ особой полатѣ. Потомъ адмиралъ просилъ російскаго матроса, чтобъ его государынѣ показать, и Василей, взявъ его за руку и введе его въ ту полату, гдѣ сидѣла прекрасная королева Ираклія. Вшедъ адмиралъ къ королеви въ полату, и королева противъ

¹⁾ Въ рукописи: «незаконнаго».

²⁾ Въ рукописи: «цесарію».

³⁾ Въ рукописи пропускъ; дополнено по другому списку.

⁴⁾ Въ рукописи: «каморъ пашъ».

его не встала, сидѣла въ великой печали. Адмиралъ же королевнѣ, какъ должно своей государынѣ, поклонился до земли и подшедъ цѣловаль ея руку. „Государыня наша, великая и прекрасная королева Ираклія, многолѣтно и благополучно, государыня, здравствуй! О семъ вамъ, государыня, представляю, что вашъ батюшка, король Флоренской (Эвгеръ) ¹⁾, здравствуетъ, и матушка такожде благополучно пребываетъ, токмо уже о васъ, государыня, въ великихъ печальхъ по вся дни сокрушается, а нынѣ имъ великое веселье, и печаль превратится на радость; прошу васъ, изволте со мною отправиться“. Слышавъ же то, королева воздохнувъ и слезы изъ очей испусти и рече „Благородный адмиралъ, я вамъ доношу, что къ родителямъ моимъ: рада ѣхать, токмо не моя воля, но того, которой меня избавилъ отъ разбойниковъ“. Тогда рече Василей адмиралу: „Изволте вы ѣхать возвратно во Флоренское государство и донести королю своему, что его дочь, прекрасна королева Ираклія, благополучно въ Цесаріи обрѣтается; и прошу васъ все подробно представить, что какъ мною избавлена она отъ разбойниковъ; и съ вами ее не отпущу, дондеже самъ вашъ король, а ея родитель, будетъ въ Цесарію“. Понеже слышавъ же адмиралъ поѣхалъ на пристань въ великомъ сумнѣніи и приказалъ убраться въ походъ совсѣмъ; а самъ къ цесарю поѣхалъ поклонъ отдать и объявить, что Василей не отдалъ ему королевну. И цесарю зѣло о томъ весело было, что російской матросъ Василей велѣлъ Флоренскому королю быть самому въ Цесарію. И адмиралъ отдавъ цесарю поклонъ и объявилъ, что скоро въ маршъ во Флоренцію плыть имѣеть ²⁾, и поѣхалъ на корабли свои, въ великую печаль впаде и думалъ, какъ бы ему королевну увезти. И вздумалъ къ себѣ звать російскаго матроса на корабль и съ королевною и увезти. И поѣхалъ во дворець, нача прочать: „Государь мой Василей Ивановичъ, покорно прошу государя моего, пожалуй завтрешняго числа ко мнѣ, рабу вашему, со всѣми министрами и пажами, такожде ежели возможно и съ прекрасною королевною Ираклією, на корабли погулять и нашихъ кораблей посмотрѣть и убранства флоренскаго“. И Василей рече ему: „За вашу просьбу быть готовъ“. И которые были при адмиралѣ флоренскомъ, всѣмъ Василей давалъ дары и напитки на корабли посылалъ. И на другой день поутру рано адмиралъ вторично просилъ Василія, и онъ обѣщалъ въ нему быть. И

¹⁾ Имя дополнено по другому списку.

²⁾ Въ рукописи: «плыть».

нача просить Василей по просьбѣ адмиралеской, звалъ съ собою королеву на корабль. Тогда королева рече ему: „Государь мой, я опасна того, что сей адмиралъ воровать, не сдѣлалъ бы чего надъ нами; того ради весьма опасуюсь“. И рече Василей: „Государыня, съ нами много будетъ генераловъ и министровъ и пажей и драбантовъ нашихъ; что намъ можетъ сдѣлать?“ Королева же рече: „Будь, государь мой, по воли вашей; я готова съ вами хотя и смерть принять, а волю вашу исполнять“. И поѣхали Василей и королева во дворецъ къ цесарю и о всемъ ему томъ объявили ¹⁾. И цесарь рече: „Вратецъ, изволь ѣхать, и съ собою изволь взять моихъ генераловъ и министровъ, также чтобъ и драбанты ²⁾ были при васъ“. И отъ цесаря Василей съ королевой, съ генералы и министры и множество драбантовъ какъ къ адмиралу на корабли поѣхали, и какъ на пристань прѣехали, тогда адмиралъ съ великою радостію встрѣтилъ, и принявъ Василія и королеву, пошли въ корабль. А королева въ черномъ платьѣ была и въ великой печали. И какъ въ корабль пришли, тогда адмиралъ нача всякими напитками понти жестоко всѣхъ генераловъ и министровъ и пажей и драбантовъ; великіе бочки вина выставилъ и во всякія игры играть приказалъ ³⁾. А какъ всѣ пьяны стали, тогда адмиралъ, вышедъ изъ корабля, и велѣлъ своимъ офицерамъ и солдатамъ, чтобъ цесарскихъ генераловъ и министровъ съ кораблей бросать и драбантовъ бить и подымать парусы, чтобъ изъ Цесарія уйтить. И оныи его офицеры приказъ приняли и начаша всѣхъ съ кораблей въ море бросать и въ цесарскія суда пьяныхъ метать. И поднявши парусы поѣхали къ Россійской Европѣ. И оныи адмиралъ вшедъ въ корабль, нача Василія Кориотскаго бить по щекамъ и за власы терзать, и рече адмиралъ: „Тебѣ ли, каналія непотребный, бестія, сею прекрасною королевною Ираклією владѣть“. И бивши ⁴⁾ его, едва жива оставилъ и велѣлъ своимъ офицерамъ, навесавши едро пушечное, бросить въ морскую глубину. Тогда офицеры, взявъ Василія изъ корабля и помня прежнюю ⁵⁾ его къ себѣ милость, взявъ поможили въ малую лодку и спустили на море, шляпу его съ едромъ пушечнымъ съ корабля бросили и сказали адмиралу, что

1) Въ рукописи: «объявить».

2) Въ рукописи: «драбантовъ».

3) Въ рукописи: «приказать».

4) Въ рукописи: «беша»; исправлено по другому списку.

5) Въ рукописи: «прежнюю».

бросили, и онъ въ глубину морскую съ едремъ уйде, только шляпа его наверху плаваеъ. Королева же, видя сіе приключившееся надъ ними несчастіе, паде, обмерла отъ великой ужести, пала на землю. Адмиралъ же, приступивъ къ королеви и поднявъ, дулъ въ уши и лилъ на перся ея воду, дондеже могла прійтти въ чувство; и какъ прінде въ память, нача горко плакати. Тогда адмиралъ, вынесъ изъ ноженъ свою шнагу, и съ пристрастіемъ рече: „Ежели станешъ плакати, сейчасъ главу твою отсѣку.“ И приведе ея къ присягѣ, что отцу ея и матери о томъ своемъ несчастіи не сказывать, а сказала бы, яко съ Цесаріи боемъ взялъ. И она страху ради дала присягу, что по волѣ его сдѣлать, и отъ той печали прінде въ великую бо-
лѣзнь.

И какъ цесарю сказали, что такое несчастіе учинилось, и брата его Василя въ море бросили, и весьма печалился о братѣ своемъ и распалился сердцемъ, скоро велѣлъ собрать войско четырехъ тысячъ и съ войсками послалъ своего генерала и ковалера Флегонта, съ которымъ писалъ королю Флоренскому все подробно объ его адмиралѣ, какъ увезъ прекрасную королеву Ираклію и брата его Василя кинулъ въ море, (за) которое непотребство, при посланномъ его генералѣ и ковалерѣ Флегонтѣ¹⁾, велѣлъ (бы) съ живого кожу снять и жилы всѣ вытянуть: „А ежели сего не учинишь, то все ваше царство разорю“.

Василея же въ томъ маломъ суднѣ принесло къ нѣкому малому острову, но который островъ вышелъ, нача горко плакати о своемъ несчастіи и привалъ Господа Бога на помощь, и съ той печали на томъ островѣ уснулъ крѣпкимъ сномъ. И въ то время приста нѣкій мужъ, старый рыболовъ, и видѣвъ челоука сънаца въ драгомъ одѣяніи, и пришедь, возбуди его. И виде Василей, наде на ноги его, плача и рыдая. Онъ же мужъ его вопроси о приключившейся, како на сей островъ заиде и котораго государства. Василей же все ему подробно сказалъ. Слышавъ же оной мужъ рече: „Не плача, брате, молися Господу Богу, Богъ все помощаетъ, можетъ тя и помиловать, и будешъ въ прежней своей славі. Аще хочемъ въ Цесарію или во Францію, азъ тя имамъ отвезти“. Василей же нача просити, чтобъ во Флоренское государство его отвезти, и старый мужъ, посадивъ его въ свое судно, въ три дни во Флоренское государство его поставилъ; Васи-
лей же веліе ему возладе благодареніе и вииде во Флоренское государ-

¹⁾ Въ рукописи: «елентъ».

ство. И выпросился у нѣкоторой старуки въ богадѣлю, на которую дрова сѣкъ и воду носилъ и плетнемъ ея хижину оплелъ: А она богадѣля была на пути близъ кирки, въ которую король хаживалъ. И видѣвъ короля и королеву ¹⁾ весьма печална и спрашивалъ у старуки, чего ради король и королева въ великой печали; она же ему говорить: „Уже три года и слуху нѣтъ—пропала королева, и посылать для исканія ея адмиралъ по разнымъ государствамъ, которой еще и понинѣ не бывалъ“. Тогда уразумѣ Василей, что еще его прекрасной королевы Иракліи нѣтъ.

По прошествіи же трехъ мѣсяцовъ, какъ Василей во Флоренцію приде, прибылъ флоренской адмиралъ и съ прекрасною королевною Иракліею на пристань, и начаша изъ пушекъ палить и въ барабаны бить и во всякія игры играть. Тогда увѣдалъ король Флоренской, что адмиралъ его дочь, прекрасную королеву Ираклію, привезъ; тотъ часъ и съ королевою своею на пристань поѣхалъ, и увидѣвши дочь свою, отъ радости (нача) горко плакати; а королева съ печали на силу вышла и ни о чемъ ни говорить, лицомъ помрачена. Видѣвши отецъ ея и мать и начаша горко плакати и говорить: „Государыня наша, любезная дщерь, прекрасная королева! Или ты недомогаешь, что ты видомъ очень печална?“ Она же воздохнувъ жалостно и нача плакати и река: „Государь мой батюшко и государыня матушка, нынѣ я вижу васъ, (только) мало порадовалась сердцемъ своимъ, отъ печали своей, которая въ сердце мое вселилась, (не могу отбыть)“ ²⁾. И поѣхавши во дворецъ король, и королева весьма была печална и въ черномъ платьѣ.

Потомъ адмиралъ объявилъ королю: „Я королеву взялъ приступомъ“. И просилъ адмиралъ королевскаго величества, что ему обѣщана отдать въ жену, въ чемъ и король свое ³⁾ королевское (слово) не преминеть. И какъ утро и день наста, къ законному браку совсѣмъ уготовились и пришедь къ вѣрѣ; а прекрасную королеву повелѣ убраться въ драгоцѣнное платье королевское. И адмиралъ поѣхалъ со всѣмъ убранствомъ къ киркѣ.

И король приде къ королеви Иракліи и рече: „Возлюбленная моя дщерь, прекрасная королева Иракліа! Изволь убраться, время

¹⁾ Въ рукописи: «королеву».

²⁾ Означенное въ скобкахъ въ рукописи пропущено и взято изъ другаго списка.

³⁾ Въ рукописи: «свою».

въ законному браку". Слышавъ же королева отъ отца своего, горко стала плакати и паде на ноги его и рече: „Милостивый мой государь батюшко, прошу вашей государской и родителской милости, пожалуй не отдавай меня въ жену сему адмиралу". „Чтобъ тебя не отдать, я не хошу пороль свой оставить; изволь убираться и ѣхать до киркѣ". И видѣвъ королева, что уже никакъ у отца не отговориться, залилась слезами и воздохнувши рече: „На чтѣ мнѣ убираться, когда у меня единого нѣтъ: ежели бъ у меня едино было, то бы я веселилась". Слышавъ же отецъ ея и мать начаша дивитися и ее вопрошати: „Повѣжда намъ, милѣйшая наша дщерь, прекрасная королева Иракліа". Королева же въ великой своей печали не отвѣща и поиде во уготованную полату и вышла, и пала въ корету въ черномъ платѣ. И поѣхали въ киркѣ, и какъ стали подъѣзжать близъ той богадѣлни, видѣже російской матрость,—Василей, взявъ арфу, нача жалобную играть и нѣтъ арію:

- Ахъ дражайшая, всего свѣта милѣйшая, какъ ты пребываешь,
- А своего милѣйшаго друга въ свѣтѣ жива зрѣти не чаешь!
- Вспомни, драгая, како возмогъ тебѣ отъ морскихъ ¹⁾ разбойническихъ
рукъ свободити,
- А сей злы губители повелѣ во глубину морскую меня утопити!
- Ахъ прекрасный цвѣтъ, изъ очей моихъ нынче угасаешь,
- Меня единого въ сей печали во гробъ вселяешь.
- Или ты прежнюю любовь забываешь,
- А сему злomu губителю супругою быть желаешь.
- Точію сей мой пороль объявляю
- И моей дражайшей воспѣваю:
- Аще и во отечествѣ своемъ у матери ²⁾ пребыти,
- Прошу вѣрныя моя къ вамъ услуги не забывать!

Слышавъ же королева играюща на арфѣ и поюща къ ней арію, тотъ часъ повелѣ коретѣ стати и разумѣла, что ея вѣрный другъ Василей живъ; повелѣ спросити: кто играетъ. Пажъ принде и повѣда, яко нѣкій ковалеръ играетъ. Королева же изъ кореты тотъ часъ сама встала и желала видѣть—кто играетъ. И какъ увидѣла, что милой ея другъ ³⁾ Василей Ивановичъ, и пришедъ ухвати его, нача горко плакати и во уста цѣловати. И взяла его за руку и посадила въ корету и повелѣ поворотити и ѣхать во дворецъ. Видѣвъ же сіе министры, и начаша зѣло дивитися, что такое несчастіе, всѣмъ пре-

¹⁾ Въ рукописи: «мирскихъ».

²⁾ Въ рукописи: «и пою отечестви своемъ и матери».

³⁾ Въ рукописи: «другой».

великое подивленіе. И какъ пріѣхали во дворець, тогда королева Василія взяла за руку, (повела) російскаго матроса Василія ко отцу своему и матери и рече: „Государь мой батюшко и государыня матушка, чего не чаяла до смерти своей видѣть, сіе во очію мою нынѣ явилось!“ И нача имъ подробно о всемъ предъявлять ¹⁾, како оцъ ее избавилъ отъ разбойниковъ, и какъ самъ въ Цесаріи былъ названъ отъ цесаря братомъ роднымъ, и какъ ее адмиралъ увезъ изъ Цесаріи и его билъ, въ море повелѣ бросити, и цесарскихъ министровъ и драбантовъ били,—за которое извольте ожидать отъ цесаря вскорѣ силы за продерзость онаго нашего адмирала“. Слышавъ то, король и королева ²⁾ и пріидоша въ великой ужесъ; и вси ковалеры стали говорить, чтобъ Флоренцы бытъ не разореной. Тотъ часъ посла каморъ-гера къ киркѣ и велѣлъ арестовать адмирала; каморъ-геръ арестовалъ. Королева же тогда просія красотою, яко солнце не одѣянное; черное сняла и въ драгѣннѣе платье убралась и бысть въ великомъ веселіи.

По прошествіи трехъ дней прибылъ изъ Цесаріи генералъ цесарской Флегонтъ съ войскомъ цесарскимъ къ Флоренскому государству и приказалъ безпрестанно битъ изъ пушекъ и въ барабаны; а самъ генералъ Флегонтъ, взявъ присланной листъ отъ цесаря, и поѣхалъ къ королю Флоренскому, и какъ пріѣхалъ, то объявилъ королю, чтобъ приказалъ адмирала своего, которой былъ въ Цесаріи, и брата цесарева Василія зазавать въ себѣ на корабли съ генералами и министри цесарскими, великое учинилъ непотребство, повелѣ въ море побросать и прекрасную королеву увезъ, которая была избавлена отъ разбойниковъ онымъ цесарскимъ братомъ Василюемъ,—и за оныя ³⁾ его адмираловы непотребства чтобъ предъ войскомъ цесарскимъ учинить тиранственное мученіе—съ живого кожу снять. Король же Флоренской рече генералу цесарскому Флегонту, что Василій Ивановичъ живъ и въ его королевствѣ, и вземъ его за руку. Видѣвъ же Флегонтъ Василія и королеву, яко своему цесарю поклонъ отдалъ и велми тому порадовался. Василей же повелѣ адмирала предъ войскомъ цесарскимъ вывестъ и съ живого кожу снять, а генералу цесарскому король Флоренской и Василей даша великія дары и всему войску цесарскому жалованье.

¹⁾ Въ рукописи: «поуробно всемъ...». Исправлено и дополнено по другому списку.

²⁾ Въ рукописи: «королева».

³⁾ Въ рукописи: «онее».

И послѣ той казни король Флоренской дочь свою, прекрасную королевну Ираклію, отпусти съ Василіемъ къ законному браку къ кирѣ, и вѣнчались въ той кирѣ, на которомъ ихъ законномъ бракѣ былъ генераль десарской Флегонтъ и всѣ генералы и министры флоренскія. И было великое веселіе во всей Флоренцы три недѣли. И по прошествіи трехъ недѣль генерала цесарскаго и съ войсками Василій отпустилъ въ Цесарію, писалъ съ великимъ благодареніемъ и общался быть самъ къ цесарю.

И какъ къ цесарю генераль Флегонтъ пріѣхалъ, и объявилъ что Василей Ивановичъ живъ и въ добромъ здоровьи обрѣтается и совокупился законнымъ бракомъ и прекрасную королевну Ираклію взялъ, и подалъ отъ него присланной листъ, которой принялъ цесарь, въ великой радости былъ, что его братъ Василей Ивановичъ живъ, въ добромъ здравіи обрѣтается. Василей спустя время самъ ѣздилъ къ цесарю и благодареніе цесаря за его прежнюю къ себѣ милость получилъ и возвратился во Флоренцію и поживе въ великой славѣ и послѣ короля Флоренскаго былъ королемъ Флоренскимъ; и поживе многія лѣта и съ прекрасной королевною Ираклією и потомъ скончался.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что „Гисторія о матросѣ Василю Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли“ есть произведеніе оригинальное русское. Конечно, нѣкоторымъ мотивамъ ея содержанія, каковы, наприимѣръ, отирашываніе Василю у родителей, плѣненіе Иракліи разбойниками и освобожденіе ея изъ плѣна влюбившимся въ нее русскимъ матросомъ, похищеніе Иракліи флоренскимъ адмираломъ посредствомъ внезапнаго отплытія корабля, на которомъ она находилась гостѣй, узнаніе Василю Иракліей по голосу,—мотивамъ этимъ не трудно подыскать соответствующія положенія въ обширномъ кругѣ такъ-называемыхъ странствующихъ повѣстей, обнимающемъ литературы, какъ запада, такъ и востока; но какъ бы ни были обыкновенны и общераспространены эти мотивы,—въ томъ сочетаніи, въ какомъ представляетъ ихъ фабула „Гисторіи о матросѣ Василю“, они, кажется, нигдѣ не встрѣчаются. Къ тому же постановка сюжета на русскую почву, но крайней мѣрѣ въ лицѣ героя повѣсти, также до известной степени свидѣтельствуетъ о ея оригинальномъ происхожденіи. Съ другой стороны слишкомъ очевидно и то, что основа повѣсти не коренится и въ старыхъ преданіяхъ собственно русскаго эпоса. А если такъ, то

стало бытъ, „Гисторiа о матросѣ Василю“ есть не только сочиненiе русское, но и произведенiе личнаго автора, который измыслилъ повѣсть только силою собственной фантази.

Не извѣстно—кто былъ этотъ авторъ; и ими, и личность его могутъ раскрыться предъ нами развѣ только въ томъ случаѣ, если найдется новый списокъ „Гисторiа“ съ прямымъ указанiемъ о сочинителѣ. Не задаваясь поэтому малонадежными поисками въ этомъ направленiи, мы съ большою пользою можемъ остановиться на другомъ вопросѣ, рѣшенiе котораго болѣе настоятельно необходимо для насъ,—о томъ: когда была написана разбираемая повѣсть?

Признаки, по которымъ повѣсть не можетъ быть отнесена ко времени ранѣе 1700 года, такъ очевидны и въ языкѣ ея, и въ разныхъ бытовыхъ подробностяхъ, въ ней приводимыхъ, и наконецъ, въ упоминанiи Кронштадта и Петербурга, что распространяться объ этихъ данныхъ рѣшительно не представляется нужнымъ. Но съ другой стороны, есть возможность указать и на тотъ предѣлъ времени, позже котораго нельзя предположить сочиненiе повѣсти. Дѣло въ томъ, что въ началѣ ея говорится, какъ о живомъ современномъ фактѣ, объ отправкѣ русскихъ матросовъ „за моря въ Голландiю для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ“. Такого рода послыи, какъ извѣстно, были нерѣдки въ царствованiе Петра I, но послѣ его смерти немедленно вышли изъ обычая и уже не возобновлялись болѣе. Принимая это обстоятельство во вниманiе, можно бы думать, что повѣсть о матросѣ Василю написана не позже первыхъ трехъ, много четырехъ десятилѣтiй прошлаго вѣка. Въ пользу той же эпохи свидѣтельствуютъ и крайне смутныя свѣдѣнiя автора повѣсти о странахъ западной Европы: даже въ половинѣ XVIII столѣтiя, а тѣмъ болѣе позже, трудно допустить столь низкiй уровень познанiй въ челоувѣкѣ, живущемъ притязанiе на занятiе литературою.

Рѣшенiе хронологическаго вопроса, хотя бы приблизительное, кажется намъ существенно важнымъ въ настоящемъ случаѣ: изъ него несомнѣнно слѣдуетъ, что предъ нами беллетристическое произведенiе изъ эпохи преобразованiя, произведшаго столь сильный переворотъ какъ во внѣшнемъ строѣ, такъ и во внутренней жизни русскаго общества. Какъ бы ни казалось ничтожно это произведенiе собственно въ литературномъ отношенiи, все же въ немъ можно подмѣтить нѣкоторый слѣдъ той необыкновенной эпохи, къ которой оно принадлежитъ. Къ тому же это — одно изъ очень немногихъ сочиненiй того времени въ повѣствовательномъ родѣ.

Нельзя не сказать, что исходная точка содержания повѣсти выбрана авторомъ очень удачно; онъ вѣрно разчиталъ на интересъ и сочувствіе современныхъ ему читателей. Посылка Русскихъ людей за границу была однимъ изъ главныхъ способовъ, которые употребляло Петровское правительство для подготовленія нужныхъ ему людей; молодежь была отправляема въ заграничное ученіе во множествѣ, проповѣдники съ церковной кафедрой объясняли образовательное значеніе путешествій, а враги реформы ожесточенно порицали эту мѣру, какъ подрывающую любовь и уваженіе къ роднымъ обычаямъ и преданіямъ отцовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ путешествіе въ чужіе края, ставившее Русскихъ людей въ непосредственныя отношенія съ образованностью и строемъ жизни въ западной Европѣ, составляло для тогдашняго русскаго общества одинъ изъ существеннѣйшихъ интересовъ: что за люди живутъ на чужбинѣ, какъ устроена ихъ жизнь, какъ „наши“ сживаются съ ними, какія невзгоды терпятъ они вдали отъ родины, выпадаетъ ли имъ хоть малая доля удачи или счастья, — всѣ эти вопросы неминуемо должны были тревожить русскіе умы, и понятно, что попытка послышнаго отвѣта на нихъ могла быть встрѣчена съ живымъ сочувствіемъ.

Такая попытка и была сдѣлана авторомъ „Гисторіи о матросѣ Василю“. А что она отвѣчала сильно возбужденному въ обществѣ интересу, это доказывается тѣмъ, что она была не единственная въ своемъ родѣ: въ скудномъ составѣ повѣствовательной литературы начала XVIII вѣка есть, кромѣ этой „Гисторіи“, еще другая повѣсть на ту же тему: мы разумѣемъ: „Исторію о славномъ храбрѣ Александрѣ, кавалерѣ російскомъ“¹⁾. Она представляетъ собою много общаго съ разбираемымъ памятникомъ и потому при разсмотрѣніи его должна въ особенности быть принимаема во вниманіе. Какъ и въ нашей повѣсти, въ „Исторіи о кавалерѣ Александрѣ“ мы также на-

¹⁾ Повѣсть эта до сихъ поръ не издана вполне; описки ея находятся: 1) въ Имп. Публ. Библиотекѣ въ С.-Петербургѣ, XV. Q. 66; 2) въ Моск. публ. музеѣ, собр. Ундольскаго, № 916; 3) въ церковно-археол. музеѣ при Киевск. дух. акад., № 440, и 4) въ библиотекѣ гр. Уварова, №№ 601 Q и 880 Q, первый изъ собранія Царскаго (Описаніе *И. М. Стресса*, № 453). Содержаніе повѣсти изложено съ приведеніемъ, небольшихъ выписокъ, *М. И. Сухолинимъ* въ *Библиотекѣ для Читателѣ* 1858 г., № 12; ср. также въ статьѣ *И. Н. Петрова*: О вліянніи западно-европейской литературы на древне-русскую, въ *Трудахъ Киевск. дух. акад.* 1872 г., № 8.

ходимъ попытку очертить отношенія Русскаго человѣка къ той иноземной средѣ, въ которую заинула его судьба. Подобно матросу Василию, кавалеръ Александръ посланъ въ чужіе края для приобрѣтенія полезныхъ свѣдѣній; но въ городѣ Лижѣ, во Франціи, его плѣняетъ красота одной дѣвицы, и съ ухаживаній за нею начинается длинный рядъ его любовныхъ приключеній, изъ-за которыхъ онъ подвергается многимъ бѣдствіямъ, столбовеніямъ съ разными врагами, нападеніямъ разбойниковъ, плѣву и рабству. Въ концѣ концовъ онъ однако успѣваетъ освободиться отъ рабства и уже направляется въ Россію, въ сопровожденіи своей послѣдней возлюбленной и своего друга Владимира, но при переправѣ чрезъ какую-то рѣку погибаетъ. Надъ трупомъ его сходятся двѣ женщины, въ разное время пользовавшіяся его любовью, и обѣ лишаютъ себя жизни, а другъ Александровъ возвращается въ Россію. Въ повѣсти эпизодически разказываются и похождения Владимира, также исключительно любовнаго свойства и также имѣющія мѣсто за границей.

Мы, разумѣется, не намѣрены утверждать, чтобы повѣсти такого содержанія, какъ „Гисторія о матросѣ Василии“ или сейчасъ нами изложенная, могли служить къ ознакомленію Русскихъ людей съ настоящими условіями западно-европейской жизни. Напротивъ того, мы не можемъ не имѣть въ виду, что даже тѣ русскіе путешественники, которые брались серьезно описывать видѣнное ими въ своихъ странствованіяхъ, платя такимъ образомъ дань поучительному зрѣлищу культуры болѣе зрѣлой, болѣе сложной и утонченной, чѣмъ русская, даже и эти путешественники, не смотря на все свое усердіе и добросовѣстность, не въ состояніи были отнестись достаточно осмысленно къ предметамъ своихъ наблюденій и не высказывали никакихъ почти сужденій о нихъ. Чѣмъ менѣе, слѣдовательно, можно ожидать, чтобы такая задача была на самомъ дѣлѣ выполнена въ произведеніяхъ беллетристическаго содержанія. Но за авторами ихъ все-таки остается то намѣреніе, на которое мы сейчасъ указали.

Изъ самаго череднаго чтенія повѣсти о матросѣ Василии можно видѣть, что авторъ не только не былъ знакомъ съ характеромъ западно-европейской жизни, но даже не обладалъ и самыми элементарными свѣдѣніями о западной Европѣ: онъ, напримѣръ, полагаетъ, что Флоренція и столица цесаря суть города приморскіе, что государь Флоренскій имѣетъ титулъ короля; онъ допускаетъ существованіе какого-то обитаемаго разбойниками острова на морѣ между Фран-

ціей, Цесаріей и Флоренскою землею¹⁾). Очевидно, онъ знаетъ о чужихъ краяхъ и ихъ обитателяхъ только по наслышкѣ, а потому и отношеніе своего русскаго героя къ иноземной общественной средѣ онъ могъ вообразить себѣ только своимъ домысломъ. Но при всемъ томъ, нельзя не замѣтить, что иноземная жизнь представляется ему вообще въ очень выгодномъ свѣтѣ. Свѣдѣнія „Исторіи о кавалерѣ Александрѣ“ о западной Европѣ, по видимому, нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ свѣдѣнія автора повѣсти о Василии; по крайней мѣрѣ, авторъ повѣсти объ Александрѣ, сдѣлавъ своего героя единственно искателемъ любовныхъ приключеній и ухаживателемъ за женщинами, тѣмъ самымъ засвидѣтельствовалъ, что общественное положеніе женщины въ западной Европѣ представляется ему нѣсколько инымъ, чѣмъ положеніе женщины русской. Впрочемъ, тѣмъ и ограничивается западно-европейская *couleur locale*, которую онъ былъ въ состояніи ввести въ свое повѣствованіе.

Недостатокъ знакомства съ условіями и особенностями иноземной жизни не поставилъ однако автора „Гисторіи о матросѣ Василии“ въ затрудненіе, или лучше сказать, писатель не сознавалъ тѣхъ трудностей, который открывалъ предъ нимъ избранный имъ сюжетъ: онъ просто на просто ввелъ въ свой разказъ объ иноземныхъ похожденияхъ своего героя черты и обстановку русскаго быта, которыя и утвердилъ на чужой почвѣ. Не приводя многихъ примѣровъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ ихъ легко видѣть въ самой повѣсти, замѣтимъ только, что этому наивному приему мы обязаны едва ли не лучшими въ ней страницами: мы разумѣемъ ту часть ея, гдѣ описывается похождение Василия среди разбойниковъ и жизнь послѣднихъ. Подъ перомъ нашего автора это описаніе вышло вполнѣ картиной быта русскихъ воровскихъ людей, какихъ не мало было по окраинамъ и вообще по глухимъ мѣстностямъ Россіи въ Петровское время, когда множество народа укрывалось и отъ наборовъ, и отъ ревизій, и отъ

¹⁾ Только съ значительною натяжкой можно бы допустить, что подъ разбойниками, къ которымъ попадаетъ Василий, разумѣются морскіе разбойники изъ Варварійскихъ владѣній, промышлявшіе на Средиземномъ морѣ еще въ началѣ XVIII вѣка и дѣйствительно внушавшіе страхъ тогдашнимъ путешественникамъ, между прочимъ и русскимъ (см. статью А. Г. Брикнера: Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи въ концѣ XVII вѣка, *Русск. Вѣстн.* 1877 г., № 4, стр. 585 ^и 588). Но Варварійцы вовсе не обитали на какомъ-либо островѣ, такъ разбойники нашей повѣсти. Притомъ, еслибы авторъ имѣлъ въ виду изобразить Варварійцевъ, онъ не преминулъ бы назвать ихъ Турецкими людьми или бусурманами.

паспортной системы, и отъ преслѣдованія старой вѣры. Чрезвычайно замѣчательна полнѣйшая объективность этого описанія, въ которомъ вовсе не замѣчается осужденія промыслу разбойничества. Когда Василий попадаетъ на разбойничій островъ, онъ боится встрѣчи съ его лихими обитателями, но ни мало не затрудняется выдать себя предъ ними также за разбойника: „Авъ есмь сего острова разбойникъ“, говоритъ онъ, приходя къ нимъ, — „единъ разбивать плавающихъ по морю“. Очевидно, разбойничій промыселъ представляется автору не преступнымъ противообщественнымъ явленіемъ, а только своеобразнымъ занятіемъ, имѣющимъ однако свое право на существованіе. Такое воззрѣніе недалеко отъ взгляда народныхъ пѣсень, откровенно прославляющихъ лихихъ людей, — точно такъ, какъ и вообще описаніе жизни разбойниковъ въ нашей повѣсти совпадаетъ во многихъ отношеніяхъ съ изображеніями разбойничьяго быта въ упомянутыхъ пѣсняхъ ¹⁾.

Укажемъ еще на одинъ примѣръ изъ разбираемой повѣсти, въ которомъ положенія и образы, начертанные авторомъ, соприкасаются съ представленіями русскаго народнаго эпоса, съ понятіями и обычаями русской старины. Извѣстно, что родительская власть пользовалась въ старинномъ русскомъ быту непререкаемымъ авторитетомъ: къ такому порядку вещей одинаково приводили и древнія формы славяно-русскаго общественнаго и семейнаго строя, и идеи, принесенныя на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ такомъ полновластномъ значеніи изображается родительская власть и въ древне-русской литературѣ, какъ книжной, такъ и народной. Не далѣе какъ въ половинѣ XVII вѣка мы находимъ нѣсколько произведеній, въ которыхъ развивается эта мысль, и только въ одномъ изъ нихъ, принадлежащемъ перу человѣка, который несомнѣнно являлся новаторомъ среди тогдашняго московскаго общества, только въ драмѣ Симеона Полоцкаго о Блудномъ сынѣ вопросъ о значеніи родительской власти пріобрѣтаетъ нѣсколько новый отбѣнокъ: въ пѣснѣ этой, содержаніе которой заимствовано изъ евангельской притчи, отецъ изображенъ уже не съ тѣмъ характеромъ непреклонной суровости, и вмѣстѣ съ тѣмъ, безусловной правоты, который приписывала ему болѣе древняя литература, но какъ носитель власти мягкой и снисходительной, способной понимать и удовлетво-

¹⁾ См. статью *Н. Я. Аристова*: Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсень, въ *Филолог. Запискахъ* 1874 г., кн. III—IV и V, и 1875 г. кн. I и II.

рять законныя стремленія молодого поколѣнія ¹⁾. Что касается повѣсти о матросѣ Василии, то авторъ ея сохраняетъ относительно родительской власти вообще преданія старины: въ первыхъ же строкахъ повѣсти онъ изображаетъ своего героя испрашивающимъ родительское благословеніе для того, чтобъ идти на службу, точно такъ, какъ наприимѣръ, въ былинѣ молодой Добрыня Никитичъ проситъ свою мать, матерую вдову, благословить его на поѣздку богатырскую. Но тутъ же немедленно обнаруживается и то различіе, которое существуетъ между взглядомъ нашей повѣсти и понятіями болѣе старыхъ произведеній литературы: мать Добрыни даетъ свое согласіе на просьбу сына не безъ возраженій; поставленный въ такое же положеніе, отецъ Блуднаго—въ пѣснѣ Полоцкаго—также старается отговорить сына отъ его попытки удалиться изъ родительскаго дома; въ Повѣсти о Горѣ-Злосчастіи (гдѣ опять встрѣчается тотъ же мотивъ) сынъ уходитъ изъ отчужаго дома, по видимому, тайкомъ, вопреки волѣ родителей. Въ повѣсти о матросѣ Василии, напротивъ того, отецъ не дѣлаетъ сыну никакихъ возраженій, и между тѣмъ, какъ у Полоцкаго и въ „Горѣ-Злосчастіи“ именно удаленіе сына изъ-подъ родительскаго надзора навлекаетъ на него рядъ бѣдствій, въ нашей повѣсти несчастія Василя вовсе не выставляются какъ послѣдствіе его неповиновенія родителямъ. Очевидно, авторъ нашей „Исторіи“ умѣетъ провести черту между значеніемъ родительскаго авторитета и свободною волей взрослого представителя молодого поколѣнія. Такой же компромиссъ между двумя поколѣніями представляетъ намъ, въ соответствующемъ положеніи дѣйствующихъ лицъ, и „Исторія о кавалерѣ Александрѣ“: въ ней сцена отпрашиванія сына у родителей разработана даже нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ повѣсти о Василии. Рѣчь Василя къ отцу коротка; онъ приводитъ только одинъ предлогъ для отпуска: онъ-де будетъ помогать родителямъ изъ своего жалованья. Напротивъ того, Александръ излагаетъ свою просьбу пространно и витіевато, со многими доводами, какъ подобаешь доброму школяру: „Премилостивѣйшіе и дражайшіе родители“, говоритъ онъ,—„уже извѣстно вашему благородію, что, по волѣ вашей, желаемого отъ здѣшнихъ школъ я не лишился, и къ тому о присовокупленіи охоту воспріять, дабы видѣть въ европейскихъ государствахъ славно процвѣтающія въ наукахъ академіи, и въ томъ дерзость возымѣлъ, еже бы у васъ милость упросити“.

¹⁾ См. о комедіи о Блудномъ сынѣ мою статью: «Симеонъ Полоцкій» въ *Др. и Н. Россіи* 1875 г., № 12.

И конечно, безсовѣстная моя была дерзость, ежели бы не многие образцы въ тому свидѣтельствовались, понеже во всемъ свѣтѣ до еди-наго обычай имѣють родители чадъ своихъ обучать и потомъ въ дру-гя государства для приобрѣтенія лучшей чести и славы отпускать... Прошу учинить ми равна съ подобными мнѣ, понеже чрезъ удержа-нiе свое можете мнѣ вѣчное поношенiе учинить, и како могу назва-тися и како похваляюся, — не токмо похвалитися, но и дворяниномъ назватися не буду" ... ¹⁾). Не смотря на работливый тонъ этихъ слово-извитiй моледаго „россiйскаго кавалера“, въ нихъ уже слышится опре-дѣленное сознание потребности искать себѣ совершенствованiя и науки самостоятельнымъ путемъ.

Итакъ, старое русское представленiе о родительской власти при-обрѣтаетъ въ повѣстяхъ начала XVIII вѣка нѣсколько болѣе мягкой характеръ. Но должно сказать, что и въ нихъ такое смягченiе не всегда находятъ себѣ мѣсто: въ той же „Гисторiи о матросѣ Васи-лiи“ можно видѣть примѣръ и очень рѣзкаго проявленiя безапелля-цiоннаго родительскаго авторитета: такъ, едва царевна Ираклiя воз-вратилась къ своимъ родителямъ въ городъ Флоренскъ, какъ король, ея отецъ, велитъ ей изготовиться къ законному браку, ни мало не заботясь о томъ — нравится ли ей избранный имъ женихъ, и не лю-бить ли она кого-либо другаго; и Ираклiя, со своей стороны, от-вѣчаетъ на это приказанiе лишь робкимъ протестомъ, который, ко-нечно, не измѣняетъ отцовскаго рѣшенiя. Быть можетъ, непреклон-ность отцовской воли въ данномъ случаѣ должна быть объяснена тѣмъ, что младшее поколѣнiе представляется тутъ въ лицѣ дочери, а не сына: но какъ бы то ни было, старый обычай и старое воззрѣ-нiе обнаруживаются въ этой сценѣ съ полною силою, не смотря даже на то, что дѣйствiе происходитъ не на русской почвѣ. Впрочемъ, и различiе между русскою и иноземною средою не оставлено повѣство-вателю начала XVIII вѣка совершенно безъ вниманiя: между тѣмъ какъ героиня повѣсти о матросѣ Василю еще не выходитъ изъ-подъ освященной древнимъ обычаемъ полной независимости отъ родитель-скаго авторитета, въ „Исторiи о кавалерѣ Александрѣ“ иноземныя красавицы, поочередно обладающiя сердцемъ русскаго путешествен-ника, представлены уже какъ пользующiяся весьма значительною долею свободы, и въ противоположность скромной и покорной ца-

¹⁾ См. упомянутую выше статью М. И. Сукомлинова въ *Библ. для чт.* 1858 г., № 12. Въ спискѣ Имп. П. Вибл. начала повѣсти недостаетъ.

ревнѣ Иракліи, обнаруживаютъ свою самостоятельность въ такихъ именно обстоятельствахъ жизни, въ которыхъ—по старымъ русскимъ понятіямъ—скорѣе всего слѣдовало бы ожидать вмѣшательства родителей.

Отношенія между родителями и дѣтьми, давшія главное содержаніе для нѣсколькихъ литературныхъ произведеній XVII вѣка, не составляютъ однако господствующаго мотива въ „Гисторіи о матросѣ Василии“; повѣсть затрогиваетъ ихъ только мимоходомъ, слегка, но за то выдвигаетъ на первый планъ иного рода людскія отношенія—основанныя на взаимномъ влеченіи мужчины и женщины. Герой повѣсти влюбляется въ случайно встрѣченную имъ красавицу, и эта любовь, немедленно дѣлающаяся взаимною, волнекаетъ ихъ обоимъ въ рядъ приключеній, которыя и составляютъ содержаніе повѣсти. Такимъ образомъ, „Гисторія о матросѣ Василии“ по существу своему есть исторія любовная.

Повѣсть такого рода была совершенно новымъ явленіемъ въ тогдашней русской литературѣ. Старые русскіе книжники, исходя изъ аскетической точки зрѣнія, смотрѣли на женщину враждебно и охотнѣе говорили о ея порокахъ, чѣмъ о свѣтлыхъ сторонахъ женской природы; даже въ повѣстяхъ свѣтскаго содержанія чаще всего рѣчь шла о лукавствѣ и коварствѣ женщинъ, въ житіяхъ же святыхъ и въ другихъ религиозныхъ сказаніяхъ допускалась нѣкоторая похвала только семейнымъ добродѣтелямъ женщины, ея нищелюбію, милосердію, набожности и т. п. Эпосъ народный, нѣкогда создавшій типъ женщины богатырской, съ теченіемъ времени также сталъ усваивать себѣ тѣ взгляды, которые преобладали въ книжной литературѣ. Но ни тотъ, ни другая не представляли ни одного произведенія, въ которомъ любовь между женщиной и мужчиной являлись бы господствующимъ предметомъ разказа, главнымъ двигателемъ описываемыхъ происшествій. Такое явленіе въ литературѣ, естественно, объясняется тѣмъ, что было въ самой жизни общества. Если даже мы и не будемъ преувеличивать своихъ представленій о затворничествѣ женщинъ въ старинной Руси, все же должны признать, что строгая обрядность, опредѣлявшую въ старину, въ особенности въ высшихъ классахъ общества, каждый шагъ чловѣка, не благоприятствовала частнымъ сношеніямъ и не представляла удобныхъ случаевъ для сближенія женщины съ чужимъ ей мужчиной, для развитія между ними сердечнаго влеченія. Когда же реформы Петра I коснулись и общественнаго положенія русской женщины, открывавшаяся предъ нею свобода должна

была повліять самымъ рѣшительнымъ образомъ и на ея внутреннюю жизнь, на ея индивидуальное чувство.

Одинъ изъ умныхъ иностранцевъ, наблюдавшій русское общество въ третьемъ и четвертомъ десятилѣтіяхъ XVIII вѣка, секретарь прусскаго посольства Фокеродтъ, дѣлаетъ о русскихъ женщинахъ того времени слѣдующее замѣчаніе: „Нельзя предполагать, чтобы женщины, которыя по древнему обычаю обязаны были жить весьма уединенно и почти ни съ кѣмъ не смѣли разговаривать, охотно согласились лишиться добытой ими въ царствованіе Петра I свободы, хотя она и до сихъ поръ весьма ограничена и далеко не такъ обширна, какъ во Франціи, въ Польшѣ и даже въ Германіи“. Впрочемъ, прибавляетъ правоучительно тотъ же наблюдатель, — дальнѣйшая эмансипація русскихъ женщинъ и не особенно желательна — ради прочности ихъ супружескаго союза, потому что ихъ страсти большею частью пылки и воспитаніемъ весьма рѣдко сдерживаются, такъ что когда онѣ влюбляются, то романическія приключенія ихъ имѣютъ весьма скорый исходъ“¹⁾. Въ извѣстномъ сочиненіи князя Щербатова: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ также находимъ нѣсколько замѣтокъ о томъ, какъ отразились на нравахъ женщинъ Петровскія нововведенія: „Учредилъ (Петръ) разныя собранія, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣянiami и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошей станъ; не малое же имъ удовольствіе учинило, что должны прежде видѣть — съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей не покрыты стали колючими бородами. А съ другой стороны, пріятно было молодымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ видѣть и познать своихъ невестъ, на которыхъ прежде, повѣря взору родителей своихъ, женивались. Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ не знаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувства произошло. А сіе самое учинило, что жены, до того не чувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣянiami и болѣе предковъ своихъ распространили

¹⁾ Записки Фокеродта въ *Русскомъ Архивѣ* 1873 г., кн. II, ст. 1414—1415.

роскошь въ украшеніи“¹⁾). Итакъ, относительно положенія женщины дѣло Петровской реформы состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы дать женщинѣ возможность сознать свое чувство и допустить ее къ участию въ устройствѣ своей судьбы, въ выборѣ себѣ мужа по собственному желанію²⁾).

Конечно, переворотъ такого рода не могъ совершиться иначе какъ постепенно, и въ русскомъ обществѣ Петровскаго времени должны были высказываться еще весьма различныя воззрѣнія на общественное положеніе женщины; очень наглядное изображеніе этихъ разногласій, и притомъ со всею наивною рѣзкостью старинной рѣчи и понятій, мы находимъ въ одной эпизодической вставкѣ, внесенной въ „Исторію о кавалерѣ Александрѣ“. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти передаетъ слышанный имъ разговоръ на эту тему между тремя иностранцами „кавалерами“, и хотя по повѣсти эти собесѣдники не Русскіе, нельзя сомнѣваться въ томъ, что выражаемыя ими мнѣнія принадлежать именно русскому обществу Петровской эпохи и находятся въ прямой связи съ тогдашними переиѣнами въ русскихъ нравахъ и обычаяхъ. Вотъ этотъ въ высшей степени любопытный разговоръ³⁾:

„Случилось мнѣ на дорогѣ наѣхать полату, а въ ней сидѣли три челоуѣка, и именно Турецкой націи баронъ Старкъ, датской баронъ Фонгердъ да саксонской дворянинъ Силберстенъ, и разговаривали о женахъ,—въ которую полату и я вошелъ, и слушалъ ихъ разговоръ долгое время, изъ которыхъ и нынѣ въ памяти имѣю, кто что говорилъ. Извольте послушать:

Баронъ Старкъ. Много въ свѣтѣ добрыхъ женъ?

Дворянинъ Силберстенъ. Всѣ добрыя жены, которыя еще не публиковались.

Баронъ Фонгердъ. Сколько хорошихъ — не знаю, а всѣя.

Баронъ Старкъ. Правда, всѣ жены, которыя еще не публикованы, хороши, понеже тѣ доказательства требуютъ, и всякуюъ, надѣюсь, труднѣе пристыдить, нежели добрую жену, и ты, господинъ Фонгердъ, правду говоришь, что всѣ хорошія жены —я, понеже ихъ танцованіе и прелестная музыка, особливо острѣе на все отвѣты, не токмо амуръ содѣвають, но и намъ дають трезвую бодрость и

¹⁾ Сочиненіе *Щербатова* въ *Русской Старинѣ* 1870 г., ч. II, стр. 27.

²⁾ Ср. въ *Исторіи Россіи*, *С. М. Соловьева*, т. VХ, стр. 114.

³⁾ По рукописи Имп. П. Библ., XV. Q. 86, л. 54 об. и слѣд. Правописаніе и нѣкоторыя опечатки писца исправлены.

смѣлость милости въ нихъ искати; да и не возможно хорошей женѣ не бытью, понеже множество искателей милости передъ нею и за нею ходитъ.

Силберстенъ. По злобѣ, надѣюсь, ты господинъ баронъ, порицаешь. Неужели политива всѣхъ европейскихъ странъ, которыя учатся за великія деньги, глѣбообразнымъ дамамъ сіе непристойно рекомендовать? А безъ замѣшательства на все острѣе отвѣты отъ ума даются. Сами вы виноваты, почто чрезъ письма, пѣсни и презенты домогаются и всюду получить желаете.

Баронъ Фонгердъ. Господинъ Силберстенъ, мнится мнѣ, что ты дамою бываешь, для того ихъ выпраиваешь. Правда, письма, пѣсни и презенты имъ яко сѣти, въ которыя онѣ впадаютъ, и въ томъ мы не виноваты, понеже всякой по желанію своему удобнаго ищетъ, и что достанемъ, то и наше; а какъ же танцованіе ихъ амуры не содѣетъ, — разсуди: первый намъ случай въ танцахъ рукою или ногою въ стѣну толкнуть, и многіе проказы дѣлаются, которыхъ со стороны присмотрѣть никакъ не можно.

Баронъ Старкъ. Господа мои, пожалуйста послушайте: и кромѣ танцовъ, можно всякуюь съ глазъ познать, и аще кто не вѣрнѣ, сдѣлай пробу: токмо приди къ дѣвницѣ или къ какой жанницѣ и говори съ нею со умилежемъ, и взирай ей прямо въ очи,—то не тѣмо изъ очей ея будетъ сѣмо и овамо, но ꙗ на словахъ отгадаешь о совѣсти ея, и сама собою скажетъ, понеже такія изъ нея пріятныя мины содѣваться будутъ, что ежели которой изрещи постыдился, по своимъ постуромъ ¹⁾ сдѣлаетъ и приведетъ каждаго въ соблазнъ.

Дворянинъ Силберстенъ. Я удивляюсь, какъ вы противъ совѣсти своей борониться можете и порицаете безвинно. Извольте разсудить: первое что всякой женѣ надлежитъ,—ежели которая умѣетъ пріятно встрѣтить и угостить и проводить; а надѣюсь, ласковый женскій привѣтъ, умилыныя взоры, которые пристойны и постуромъ ихъ столько каждаго веселятъ, что, всѣ пріятности остави, взирати на то будутъ и наслаждаться; и то назвати надобно модою, а не такъ злословить, какъ отъ васъ слышу. Кто тѣхъи порицаетъ, которыя понурою ходятъ и думаютъ о себѣ: „свѣтъ не милъ, дай Боже, ночь пришла бѣ“,—тому я не спорю.

Баронъ Фонгердъ. Неправду, господинъ Силберстенъ, говоришь; которыя жены ходятъ понурою, къ тѣмъ не всякой дерзаетъ присту-

¹⁾ Postura, польское слово—видъ, фигура.

пать, понеже ходять и амурь имѣють съ кѣмъ, но зѣло скрытно, а другому товарищу тамъ и мѣста нѣтъ; да и пристать нельзя—которыхъ ты изъ политики привлекаешь. Дѣло есть удивительно, понеже четыре имѣеть, а всѣмъ вѣрность общааетъ: провались та вѣрность, да и ты пожалуй объ нихъ покинь стараться!

Баронъ Старкъ. Хорошо разсуждаешь, что трехъ или четырехъ имѣть довольствоваться всѣмъ умная жена, а не такъ—всѣмъ посылала. А ниня такія мерзкія дуры, что сдѣлають, а концы спрятать не умѣють, и отъ того дѣлается между нами ссора, а она останется въ великомъ поношеніи. Хотѣлъ бы я вѣдать, что ихъ льститъ такъ непостоянствовать, понеже уже многіе образцы есть — кто любитъ дѣвицу или вдову, всегда ей смѣется; а безумныя жены все ни во что вмѣняють, понеже въ надеждѣ впредь получить остаются, и всегда въ непотребныхъ и скверныхъ разговорахъ упражняются, и ничего не желаютъ слышать, кромѣ амuru; а ежели кто имъ отъ чего будетъ совѣтовать чтобъ воздержаться, тѣхъ бранять и непотребными называютъ.

Дворянинъ Силберстенъ. Не онѣ, но вы виноваты, почто всегда предъ ними уничтожаетесь и показываете себя яко бы отъ сердца всякаго добра желаете, хранители чести ихъ называетесь, а потомъ проницательствомъ своимъ приводите въ позоръ; онѣ же, бѣдныя, яко не весьма въ разсужденіи далеки, повѣря ласканію вашему, отдаютъ вамъ во охраненіе, а вы, яко волки, не токмо отъ прочихъ охраняете, но и сами не бережете и въ посмѣланіи оставляете; тогда имъ что же иное дѣлать, кромѣ прониску на упалое мѣсто кого получить, и тѣмъ ихъ не вина, но ваше непостоянство.

Баронъ Фонгердъ. Ха, ха, ха, дивно! Послушай, мой другъ, уже и всякая дѣвка давно знаетъ, ко услугамъ готова; но всему компанія—вина, ибо ежели которая дѣвка гдѣ въ компаніи видѣла хорошаго молодца, то приѣхавъ домой, руки ломаетъ, ахаетъ, часто вздыхаетъ; буде мать спроситъ: что сдѣлалось, то говоритъ: простудилась, а день насталь — изъ окошка не выйдетъ. Изъ чего я признаваю, что желаніе ея было, да достать не умѣла.

Баронъ Старкъ. Не токмо персты ломаетъ и часто вздыхаетъ, но и впредь случая ищетъ гдѣ бы повидаться; а того и смотреть, чтобъ другая не перехватила; ежели услышитъ, что полюбилъ другую, а не ее, то называетъ мерзкою и непотребною, да къ тому жъ уже которая имѣеть; а увидать другого, лучше того, то никакъ стерпѣть не можетъ, чтобы себя не показать глазами или руками,

что бѣ нибудь сдѣлаетъ, дабы можно объ ней дознаться, что она ...ь. А нашъ братъ къ такой проказѣ тотъ часъ прилѣпится.

Силберстенъ. И я бѣ что-нибудь объ нихъ сказалъ, да опасася, ежели ихъ буду злословить, то останусь нищъ и не буду имѣть счастья въ нихъ впредь, того ради хотя и вижу, да умолчу.

Баронъ Фонгердъ. Дивлюся я твоему безумію, братецъ! Имѣешь вѣру въ мерзкихъ жѣнахъ, и бойся ихъ пожалуй, не бойся,—я тебѣ совѣтую: ежели имѣешь которую въ любви, то приди къ ней и разгнѣвайся на нее столько, сколько тебѣ надобно будетъ, и съ тѣмъ гнѣвомъ уйди отъ нея,—то посмотри чтѣ сдѣлается: понеже не только у ней будетъ мыслей объ опасеніи, болѣе того будетъ—дабы ея не оставилъ, и у тебя будетъ просить прощенія.

Баронъ Старкъ. На чтѣ бѣ имъ такъ себя поназывать. Лучше бѣ дѣлала тайкомъ, а не явно; а мины ихъ прелестныя отложить можно. Мнѣ то давно (извѣстно), что всякая ...ь кого она любитъ, новыя вѣсти ему сказываютъ, будто она слышала, что онъ иную любить; и надѣюсь, онѣ о семъ своею головою выдумываютъ, и думаютъ конечно, что можете и за то гнѣваться,—не явноль те ихъ безчинство?

Силберстенъ. Кто ихъ тайну можете истинно вѣдать? И я самъ много такихъ знаю, что имъ амуръ, пометка и пріятныя мины отъ природы содѣвають и принуждаютъ(?), и со всякимъ готовы обходиться, и всѣ склонны ко глаголанію, однакожь звать въ нихъ никогда не присмотрю, но всегда — постоянна; а что ...и любимыиъ своимъ частыя вѣсти сказываютъ, въ томъ есть причина, понеже хотя ни одного не слышать мышленія своя и желаютъ отъ него тотъ часъ обличаютъ что признаютъ но не на долго ¹⁾).

Баронъ Фонгердъ. И ты, господинъ Силберстенъ, правду говоришь, да вѣрить нечему, понеже вѣдь никакая тебѣ ...ь о своихъ дѣлахъ рапорту не приващивала, и впредь не надѣюсь. А чтѣ баронъ Старкъ говоритъ, почто ...и себя оказываютъ, для того что со вѣсть ихъ мучить, и не можете сего утаить, понеже изъ дѣтства въ то онѣ свыкли,—бѣжать бѣ намъ отъ нихъ было, ежели бѣ не рожденіе дѣтей воспрещало, понеже всякая бы ...ь о себѣ не стыдилась громко и безъ политики сказать да въ нихъ не безъ дивовенки въ томъ признаваться. Ежели которая дастъ минами своимъ поводъ, а

¹⁾ Мѣста, означенныя точками, въ рукописи вырваны.

нашъ братъ не врозумится или не пожелаетъ съ ней искать, такого она при своихъ сестрахъ называетъ дуракомъ и прочимъ съ такимъ знаньемъ запрещаетъ. А еще жь между тѣмъ и добрыхъ женъ много, которыхъ скоро признать можно, понеже тѣ всегда въ своихъ терцініяхъ состоятъ, и очи ихъ на слезахъ, сѣмо и овамо не бѣгаютъ, шутокъ и шпынскихъ рѣчей чужды; а которыя политикою всегда обходятся и въ веселыя компаніи часто свыкаютъ и знакомства просить и всегда смѣются и веселы, то уже бѣсы въ ребрахъ ихъ конечно домъ построили; да на тѣхъ смотря, и малѣйшія дѣвочки въ тотъ рачать, какъ бы поамуриться, да не мыслить, бѣдненькія, чего ради младенческія лѣта употребляютъ, часто забѣгаютъ, а потомъ какъ выскнетъ, то и мѣтлою не сгоняшь.

Баронъ Старкъ. Отчего то дѣлается— не знаю; а видѣлъ, многое наша братья отдаемъя подъ власть мерзкимъ женамъ и тѣмъ послушны бываютъ,—того онѣ любятъ лучше всего свѣта.

Силберстень. Помнишь ли, господинъ баронъ, когда были въ Мадритѣ, сколько твоего было ходатайства и старанія за придворную дамою Шарлотою, что твоя другая персона пріятной на себя насъ возлагала, и самъ баронъ сколько раболѣпствовалъ и всякія службы ко увеселенію ея проискивалъ и за едино лобзаніе множество злата просипалъ, и волю ея исполнялъ, а нишѣ того чуждаешься. Миѣ видится, всякой любимой своей вполне отдается, что натура противиться не можетъ, а что одну лучше всего свѣта ставить, на то и старая пословица не мимо говорится: у умнаго нѣтъ постылаго, а у постылаго милаго нѣтъ, и особливо: чтò кому мило, то и дорого и для того лучше всего свѣта.

„И больше вамъ сихъ рѣчей сказать не умѣю“.

Заключеніе этого разговора довольно ясно показываетъ, что симпатіи автора склонялись въ пользу новыхъ обычаевъ и понятій; но въ то же время очевидно, что аргументація защитниковъ старины ему самому была доступнѣе и знакомѣе, чѣмъ серьезныя доводы въ пользу новыхъ порядковъ.

Въ разныхъ мемуарахъ, относящихся къ исходу Петровскаго царствованія и ближайшему къ нему времени, можно встрѣтить иногда отдѣльныя черты и даже цѣлыя рассказы о томъ, какъ—по крайней мѣрѣ среди высшаго общества—слагались въ дѣйствительности новыя отношенія между полами; новилась извѣстная утонченность, галантность въ обращеніи, какъ внѣшнее выраженіе сердечнаго влеченія, и хотя на первыхъ порахъ она была, конечно, очень ограничена въ своихъ про-

явленіяхъ, но при всемъ томъ представляла нѣкоторый шагъ впередъ въ дѣлѣ смаченія нравовъ и способствовала въ нѣкоторой степени развитію въ женщинѣ личныхъ вкусовъ, влеченій и понятій, словомъ—того, что въ совокупности мы называемъ нравственною личностью. Въ 1716 г. брауншвейгскому резиденту Веберу случилось присутствовать при церемоніи постриженія одной дѣвицы въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, среди большаго общества женщинъ, безъ сомнѣнія, принадлежавшихъ къ высшему классу общества. „Послѣ богослуженія“, разказываетъ Веберъ, — „онѣ, съ большими любезностями впрочемъ, задержали меня цѣлый часъ, спрашивали о разныхъ предметахъ въ Нѣмецкихъ земляхъ, и въ особенности о положеніи дѣвицъ, въ томъ же ли онѣ гнетѣ и униженіи, въ какомъ содержатся въ Россіи? На все это я далъ имъ удовлетворительные отвѣты, и онѣ были такъ довольны, что на прощаньи вовсе не тихо проговаривали: какъ бы желали онѣ выйдти замужъ въ тѣхъ Нѣмецкихъ земляхъ“¹⁾. Къ 1718 году относится учрежденіе ассамблей, а въ началѣ 1720 года голштинскій камеръ-юнкеръ Берхгольцъ записывалъ въ своемъ дневникѣ, что на петербургскихъ придворныхъ собраніяхъ онъ видѣлъ многихъ молодыхъ русскихъ дамъ, которыя, по его мнѣнію, „не уступали Нѣмкамъ и Француженкамъ въ привѣтливости, тонкости обращенія и свѣтскости“. И самъ молодой герцогъ Голштинскій, при которомъ состоялъ Берхгольцъ, и всѣ лица его свиты оказывали большое вниманіе русскимъ придворнымъ красавицамъ, но когда въ какомъ-нибудь собраніи устраивались танцы, то русскія дамы—наивно жалуется Берхгольцъ,—„охотнѣе выбирали неотесанныхъ Русскихъ, своихъ родственниковъ, большею частію унтеръ-офицеровъ гвардіи, и не стыдились приглашать ихъ и тогда, когда они стояли около и даже позади насъ“²⁾. Все это, конечно, мелочи; но если принять въ разчетъ ту точку зрѣнія, на которую ставится вопросъ въ вышеприведенной бесѣдѣ тѣхъ кавалеровъ, этимъ мелочамъ нельзя отказать въ характеристичности не только какъ чертамъ новаго общежитія, но и какъ робкимъ еще проявленіямъ женской личности, слагавшейся среди новыхъ общественныхъ условій.

По сохранившимся свѣдѣніямъ о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицахъ женскаго пола изъ первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка можно еще нагляднѣе прослѣдить этотъ новый шагъ въ развитіи русской жен-

¹⁾ Записки Вебера въ *Русскомъ Архивѣ* 1872 г., ст. 1381.

²⁾ Дневникъ Берхгольца, ч. I, стр. 55 и 101; ч. II, стр. 97 и 152.

щины. Въ такихъ, напримѣръ, характерахъ, какъ „государыня-невѣста“—княжна Е. А. Долгорукая, какъ жена ея брата—княгиня Наталья Борисовна, какъ Н. Ѳ. Лопухина, сказываются уже натуры съ гораздо большими потребностями, съ большою самостоятельностью, чѣмъ женщины предшествовавшихъ поколѣній, въ которыхъ строгая уставность и эпическая обрядность старинной жизни почти вполнѣ убивали самостоятельныя проявленія. Замѣтимъ въ особенности романтическую сторону въ жизни названныхъ лицъ—любовь, или разлученную, или вовлекшую ихъ въ рядъ несчастій. Тотъ же романтискій характеръ можно замѣтить въ жизни правительницы Анны Леопольдовны и молодой цесаревны Елизаветы Петровны. Извѣстны отношенія послѣдней къ А. Б. Бутурлину и особенно къ А. Я. Шубину, сосланному въ Сибирь по повелѣнію императрицы Анны; но въ исторію нашей лирики, кажется, еще занесенъ тотъ фактъ, что любовь, или точнѣе, разлука съ любимымъ человѣкомъ внушила Елизаветѣ слѣдующіе стихи:

Всякій разсуждаетъ, какъ въ свѣтѣ бѣ жить,
А недоумѣваетъ, какъ съ рокомъ бы быть;
Что така тоска и жизнь не мила,
Когда другъ не зрится, лучше бѣ жизнь лишиться—
Вся то красота.

Я не въ своей мочи огонь утушить,
Сердцемъ я болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебя скучно,
Легче бѣ ты не знати, нежели такъ страдати
Всегда по тебѣ.

О, несчастіе злое, долго ль мя мучишь!
О чемъ я страдаю, то не даешь зрѣть;
Или я одна тебѣ отданна,
Что меня мучити, тѣмъ ся веселити
И жизни лишити.

Куда красивые дни тогда бывали,
Когда мои очи ты не видали,
Ахъ, не были въ скукѣ и ни въ какой мукѣ,
Какъ цвѣтъ процвѣтали! ¹⁾.

¹⁾ Стихи эти напечатаны съ собственноручнаго подлинника Елизаветы въ Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1870 г., стр. 159 — 160; здѣсь перепечатываются съ исправленіемъ правописанія. Еще одно стихотвореніе Елизаветы находимъ въ Архивѣ кн. Воронцова, I, стр. 9, и другое — въ Разсужденіи о лирической поэзіи—*Державина* (въ *Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей рос. слова*, кн. XIV) и въ сборникѣ пѣсень *Н. А. Львова (Прага)*, изд. 2-е, въ обихѣ съ равнорядными. Ср. замѣтки *П. А. Безсонова* при пѣсняхъ *Киртескаго*, вып. 9-й, стр. 196 и слѣд.

Какъ далеко высказанное въ этихъ нескладныхъ стихахъ чувство, напримѣръ, отъ того горя, которое еще вполне эпически выражается въ извѣстныхъ старинныхъ пѣсняхъ, усвоиваемыхъ царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ! Ксенія оплакиваетъ свое прежнее житье-бытье въ отцовскомъ домѣ, свое сиротство и свои бѣдствія въ тѣхъ же обычныхъ формулахъ эпоса, въ какихъ — по народному свадебному чину — невеста предъ вѣнцомъ оплакиваетъ свою дѣвическую волю ¹⁾. Напротивъ того, въ стихахъ Елизаветы слышится личное горе, не умѣющее, да и не желающее найти себѣ успокоенія и именно протестующее противъ обычныхъ, ходячихъ утѣшеній разсудка.

Приведенное выше стихотвореніе — не единственное въ своемъ родѣ изъ той эпохи, о которой мы говоримъ. Напротивъ того, зарождавшаяся галантность въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами высшаго, болѣе образованнаго сословія породила значительное количество любовныхъ стиховъ. „Самая нѣжная любовь, только подтверждаемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками“, разказываетъ въ своихъ запискахъ А. Т. Болотовъ, — „тогда получила первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и поминутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была не спускаема“ ²⁾. Слова Болотова относятся уже къ срединѣ XVIII вѣка, но мы можемъ отодвинуть содержащееся въ нихъ указаніе къ болѣе раннему времени, ибо имѣемъ факты, что любовные стихи стали у насъ появляться и распространяться задолго до пѣсенъ Сумарокова и прежде даже, чѣмъ Тредіаковскій напечаталъ свою „Ѣзду на островъ любви“. Еще около 1720 года одинъ изъ случайныхъ людей Петровской эпохи, большой франтъ и пожиратель женскихъ сердецъ, самъ изъ-за любви кончившій жизнь трагически, камергеръ В. И. Монсъ высказывалъ въ стихахъ свои чувства и признанія разнымъ знатымъ петербургскимъ красавицамъ. Хоть и иноземецъ по происхожденію, но родившійся и воспитанный въ Россіи, Монсъ одинаково писалъ стихи по нѣмецки и по русски, только послѣдніе нѣмецкими буквами, за незнаніемъ русской грамоты. Вотъ образецъ его стихотворства, въ ко-

¹⁾ *Буслаевъ*, Истор. очерки, I, стр. 525 и слѣд.

²⁾ Записки А. Т. Болотова, I, ст. 179.

торомъ мы находимъ то же настроеніе, то же томное выраженіе сердечнаго недуга, каково замѣтили въ стихахъ цесаревны Елисаветы:

Ахъ, что есть свѣтъ и въ свѣтѣ! охъ, все противное!
 Не могу жить, ни умереть! Сердце тоскливое,
 Долго ты мучилося! Не упокоя сердца,
 Купидонъ, воръ проклятый, вельми радуется.
 Пробилъ стрѣлою сердце; лежу безъ памяти,
 Не могу очнуться и очи плакати,
 Тоска великая, сердце кровавое,
 Рудою запеклося, и все пробитое ¹⁾.

Секретарь и конфедентъ Монса, Е. Столѣтовъ, былъ стихотворецъ столь же плодовитый, какъ его начальникъ, и въ бумагахъ того и другого, сохранившихся въ дѣлахъ тайной канцеляріи, уцѣлѣло не мало стихотвореній Столѣтова въ чувствительномъ родѣ, какъ на-примѣръ:

О, коль тягость голубю безъ перья летати,
 Столь мнѣ безъ мила друга тошно пребывати.
 И теперь я младенька въ слезахъ унываю,
 Что я друга сердечна давно не выдаю, и т. д. ²⁾.

Подобныя же стихотворныя піесы, обыкновенно безъ имени автора, нерѣдко попадаются, на ряду съ народными піснями, духовными стихами и кантатами, и въ рукописныхъ сборникахъ прошлаго вѣка, и хотя эти сборники по письму по большей части принадлежатъ уже ко второй половинѣ столѣтія, силлабическій разиѣръ нѣкоторыхъ помѣщенныхъ въ нихъ стихотвореній не оставляетъ сомнѣнія, что эти произведенія, въ которыхъ обыкновенно воспѣвается любовь съ разными ея перипетіями, сочинены значительно ранѣе, до введенія тоническаго стихосложенія. Для образца приводимъ двѣ такія піесы изъ одного имѣющаго у насъ подъ руками сборника:

I.

Фартуна злая, чѣмъ такъ учишаешь,
 Почто съ милою меня разлучаешь?
 Я хотѣлъ до смерти въ любви пребыти, —
 Ты жь меня тщишься отъ нея отрыти.
 Или ты не знаешь, фартуница злая,
 Коль ми есть сладва та моя милая?

¹⁾ Семейство Монсовъ, *М. И. Семейскаго*, стр. 61.

²⁾ Тамъ же, стр. 115—116.

Нѣсть ея краснѣе на семъ зримомъ свѣтѣ,
 На вертоградѣ прекрасномъ цвѣтѣ.
 Хоть воззрю на цвѣты — они пропадаютъ
 И по натурѣ скоро исчезаютъ:
 Ты, моя милая, не такъ быть хотѣла,
 Колись ты, злая, скоро приспѣла,
 Скоро возлетѣла какъ перната птица;
 Мою милую златую голубицу
 Отъ меня—ничто же ей злое сотворша—
 Днесъ ее вижу отъ себя отторгну.
 Ахъ, фаргуна злая, отъ меня отстани,
 А любовію паки ко мнѣ пристани,
 За чтѣ благодарень являтися буду
 И до конца вѣка отнюдь не забуду!

II.

Ахъ, дивно въ мірѣ стало,
 Что въ людяхъ правды не стало;
 Прежде между нами была вѣрность,
 Нынѣ явилась некрѣпость.
 Мню, яко люди сіе разлучили
 И лестными словами прельстили.
 Не грѣхъ ли тѣмъ себѣ получаютъ,
 Что между нами любовь разлучаютъ?
 Трудно смерти вскорѣ искоренити,
 Не возможно и въ правду жити.
 Ей, ей, да явлюсь вѣрна,
 И никогда буду другу непотребна ¹⁾.

Близость этихъ произведеній къ приведеннымъ выше образцамъ стихотворства Елизаветы, Монса и Столѣтова, кажется, не требуетъ особыхъ доказательствъ. Но нельзя не замѣтить, что, съ одной стороны, сходство нѣкоторыхъ пѣсенъ въ упомянутыхъ сборникахъ по слогу съ семинарскими духовными кантами, а съ другой—присутствіе малорусскихъ и даже польскихъ словъ въ иныхъ пѣсняхъ указываетъ на элементы, среди которыхъ преимущественно слагались такого рода стихотворенія. Припомнимъ также, что, по свидѣтельству Берхгольца, малорусскіе бандуристы появлялись въ его время въ лучшихъ домахъ Петербурга и были очень любимы ²⁾.

¹⁾ Считаю долгомъ выразить нашу искреннюю признательность В. П. Мордвинову за сообщеніе того стариннаго рукописнаго сборника, изъ котораго заимствованы приведенныя пѣсмы.

²⁾ Дневникъ Берхгольца, ч. I, стр. 243, ч. II, стр. 301 и др.

Итакъ, изъ всего сказаннаго видно, что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка нравы и обычай высшихъ слоевъ русскаго общества уже на столько измѣнились, что какъ для мужчины, такъ и для женщины, явилась возможность свободнаго увлеченія любовью; для извѣстной среды любовь сдѣлалась въ нѣкоторомъ родѣ общественнымъ интересомъ. При такихъ-то условіяхъ и стало возможнымъ появленіе такого произведенія, какъ „Гисторія о матросѣ Василии“. Мы уже знаемъ къ тому же, что оно было не единственное въ своемъ родѣ: къ упомянутымъ десятилѣтіямъ прошлаго вѣка относится еще, кромѣ „Исторіи о кавалерѣ Александрѣ“, цѣлый рядъ переводныхъ любовно-рыцарскихъ романовъ, которые, по современному свидѣтельству, нравились читателямъ не только разказами о храбрыхъ подвигахъ своихъ героевъ, но и повѣствованіемъ о „любвонной страсти со стороны нѣжной и романической“ ¹⁾. Наконецъ, тѣмъ же настроеніемъ въ обществѣ, о которомъ мы говорили, объясняется и появленіе въ 1730 году перевода Тредіаковскаго „Ѣзды на островъ любви“, хотя, быть можетъ, аллегорическій романъ аббата Талльмана, со своею утонченною галантностію во вкусѣ *m-le* Скудери и Ла-Кальпренеда, былъ уже слишкомъ изысканною пищею для тогдашнихъ русскихъ читателей. Что касается отношенія повѣсти о любви Василия къ любовнымъ стихотвореніямъ начала прошлаго вѣка, то ихъ непосредственная связь между собою видна ужъ изъ того, что въ повѣсти помѣщена одна именно такая піеса. Въ повѣсти о кавалерѣ Александрѣ пѣсни или „аріи“ также служатъ однимъ изъ обычныхъ выраженій любовнаго чувства.

Конечно, въ „Исторіи о матросѣ Василии“ нечего искать ни анализа чувства, ни хотя бы описанія его развитія. Любовь очерчена авторомъ только во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ, но все же этими проявленіями ей приданъ извѣстный характеръ. Любовь, какъ Василия, такъ и Ираклія, рождается внезапно, при первомъ взглядѣ ихъ другъ на друга. Но проникая въ сердце нашего героя, любовь не убиваетъ его волю, а напротивъ, внушаетъ ему энергическій порывъ — извлечь свою возлюбленную изъ того бѣдственнаго состоянія, въ которомъ она находится. Любовь эта чиста и возвышенна съ обѣихъ сторонъ: Ираклія, отдавая свою судьбу въ руки Василия, ста-

¹⁾ Записки Болотова, I, ст. 182. Болотовъ находитъ, что въ юные годы чтеніе такого романа, какъ „Эпаминондъ и Целеріана“, принесло ему большую пользу.

вить непремѣннымъ условіемъ сохраненіе ея дѣвственной чистоты впредь до счастливой минуты совершенія брака, и въ то же время любовники клянутся другъ другу въ вѣчной вѣрности: если судьба разлучитъ ихъ, ни тотъ, ни другая не должны ни съ кѣмъ вступать въ супружество. Но вотъ приходитъ тяжелая пора; разлученные любовники томятся въ глубокой печали, выражая ее притомъ наружными проявленіями: Ираклія не снимаетъ съ себя чернаго платья, Василій слагаетъ жалобныя пѣсни. Когда же наконецъ враждебныя обстоятельства измѣняются въ ихъ пользу, они спѣшатъ найдти себѣ удовлетвореніе въ законномъ бракѣ.

Таково изображеніе любви въ повѣсти о Василии; сравнивая его съ тѣми мотивами, которые представляютъ приведенные нами образцы любовной лирики начала XVIII вѣка, нельзя не согласиться, что и тамъ, и здѣсь любовь имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ: въ обоихъ случаяхъ она выражается неопредѣленнымъ томленіемъ, смутною тоской и какимъ-то робкимъ, нерѣшительнымъ заявленіемъ своего нравственного права. Автору и въ голову не приходитъ придать этому чувству отгѣнозъ сильной страсти, которая готова была бы пренебречь всякими житейскими условіями; въ самыя горькія минуты разлуки выведенные авторомъ любовники не впадаютъ въ безвыходное отчаяніе, какъ бы поджидая, что судьба сама смируется надъ ихъ бѣдствіями; даже влагая въ уста Василию пѣсню, въ которой разлученный со своею красавицей герой высказываетъ закравшееся въ его душу сомнѣніе о вѣрности ему его возлюбленной, — авторъ не рѣшается развить это сомнѣніе до порыва ревности. Напротивъ того, изображенная въ нашей повѣсти любовь какъ бы для того только и стремится преодолѣть встрѣчающіяся ей препятствія и удалить сомнѣнія, чтобы скорѣе облечься въ формы, установленныя обычаемъ.

Въ этомъ еще робкомъ выраженіи свободнаго голоса сердца, въ этомъ уваженіи къ обычаю нельзя не признать самой характеристичной черты отношеній нашего автора къ изображаемому имъ чувству, и вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя, кажется, не видѣть вліянія на него со стороны окружавшей его дѣйствительности, которая едва только начинала допускать установленіе новыхъ болѣе свободныхъ отношеній между полами ¹⁾.

¹⁾ Сравненіе повѣсти о матросѣ Василии съ повѣстью о кавалерѣ Александрѣ въ отношеніи изображенія любви завлекло бы насъ слишкомъ далеко, и потому мы его опускаемъ. Замѣтимъ только, что въ повѣсти объ Александрѣ лю-

Но приводя разбираемую повѣсть въ связь съ дѣйствительными условіями русской жизни первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка, мы не можемъ отрицать и того, что въ этомъ произведеніи замѣчаются и нѣкоторыя литературныя вліянія. Одно прямое указаніе на такое вліяніе даетъ намъ сама повѣсть. При описаніи первой встрѣчи героя съ героиней авторъ сравниваетъ положеніе Василія съ положеніемъ какого-то Лодвика, который отъ сильной любви впалъ въ болѣзнь. Это мѣсто повѣсти въ спискѣ Московскаго музея читается нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ рукописи г. Забѣлина: „И какъ увидѣвъ“² російскій матросъ (Ираклію), паде отъ ея лѣпоты на землю, яко Лодвикъ, королевичъ рахлинскій, отъ прекрасныя королевы Флоренты Римскія, токмо не такъ, какъ единъ (то-есть, Лодвикъ) себя отягчилъ любовію сильною и въ болѣзнь впаде“. Закрывающійся въ этихъ словахъ намекъ указываетъ на одно изъ литературныхъ произведеній, знакомыхъ нашему автору, и потому не можетъ быть пропущенъ безъ вниманія въ литературной его характеристикѣ.

Литературное произведеніе, въ которомъ находится разказъ о Лодвикѣ и Флорентѣ Римской, есть извѣстная въ средневѣковой литературѣ, переведенная и у насъ въ XVII вѣкѣ Повѣсть о семи мудрецахъ. Въ старинномъ русскомъ переводѣ этотъ разказъ занимаетъ, въ ряду другихъ разказовъ Повѣсти, послѣднее мѣсто и вложенъ въ уста самому королевичу Діоклитіану, о судьбѣ и жизни котораго мудрецы препираются съ его мачихой. По рукописи Императорской Публичной Библіотеки (О. XV. 2), которою мы пользовались, онъ озаглавленъ такъ (л. 338 об.): „Повѣсть Діоклитіана о дву слугахъ цысарскихъ и о Александрѣ и Лодвикѣ“. Содержаніе ея слѣдующее: Рыцарскій сынъ Александръ, брошенный своимъ отцомъ, попадаетъ въ Египетъ, гдѣ за свое умѣнье толковать сны, становится любимцемъ царя, который даетъ ему обѣщаніе выдать за него свою дочь и сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Александру приходитъ на мысль посѣтить дворъ Римскаго цесаря; царь Египетскій отпускаетъ его, но съ условіемъ скорого возвращенія. Александръ пріѣзжаетъ къ цесарю на службу, а вслѣдъ затѣмъ туда является съ тою же цѣлью Лодвикъ, сынъ короля Израильскаго. Цесарь назначаетъ Александра своимъ кравчимъ, а Лодвика—чашникомъ. „И даде ему (Лод-

бовъ изображена менѣе идеально, чѣмъ въ повѣсти о Василіи, — безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ существовавшихъ уже въ старой литературѣ разказовъ о женскомъ лукавствѣ и т. п.

вику) дворъ съ Александромъ; бяху же Александръ и Лодвикъ лицомъ и возрастомъ, и власы, и глаза приличны другъ другу и въ молвахъ и въ речѣхъ во всемъ приличны, токмо мудростью другъ отъ друга различны, и между собою любляхуса. Александръ же баше зѣло мочентъ, а Лодвикъ младъ и немошанъ; токмо въ томъ разньство межъ ими баше. Цысарь же имяше у себя дщерь единочадну, именемъ Флоренту, зѣло ее любляше, понеже гѣпа. Цысарь же на всякъ день на исходъ стола своего посылая съ ѣвствою Александра; цысаревна же Александра видѣвъ, зѣло его любаше и хотѣла бы его имѣти мужемъ, понеже баше храбръ и мудръ. Случи же ся нѣкогда единого дне Александру сотворше пиръ на свою братью, Лодвику же приказа, чтобы про него сказалъ цысарю немочна. Лодвикъ же прѣхавъ къ цысарю и ста на Александровѣ мѣстѣ и учалъ цысарю ѣсти готовити; назвася Александромъ, Лодвика же сказавъ немочна, понеже никогда человѣкъ во обличье ихъ не могъ познати — кое Александръ, и кое Лодвикъ. Цысарь же, егда столъ исхожаше, рече Лодвику, мня его Александра суща: „Милый сыну Александре, иди, отнеси отъ мене ѣвству дочерѣ моей“. Лодвикъ же цысаревны преже того николи не видаше, и вниде къ ней въ полату и поклонися, и вдасть ей ѣвству отъ цысаря отца ея. Увидавъ же его цысаревна и позна иже не Александръ бѣ, и рече ему: „Како есть имя твое, и чій еси сынъ?“ Онъ же рече ей: „Имя ми есть Лодвикъ, сынъ краля Израильскаго, слуга же цысарской, отца твоего“. Она же рече: „Добре, иди въ покой и бей челомъ отцу моему“. Лодвикъ поклонився и иде и отъ того часу разнемогся и легъ на ложѣ своемъ зѣло немошентъ. Александръ, узнавъ о его болѣзни, догадался о причинѣ ея, высказалъ ее Лодвику и предоставилъ ему жениться на Флорентѣ, а самъ уѣхалъ въ Египетское царство, гдѣ женился на царской дочери и сталъ царемъ, между тѣмъ какъ Лодвикъ сдѣлался цесаремъ. Впоследствии оба друга успѣли оказать взаимно большія услуги, еще болѣе скрѣпившія ихъ дружбу. Разказъ о томъ составляетъ значительную часть повѣсти ¹⁾).

¹⁾ Та же повѣсть встрѣчается переписанною отдѣльно, какъ напримѣръ, въ одной рукописи Имп. Публ. Библиотеки: «Повѣсть вѣло предивна и полезна о Египетскомъ королѣ Александрѣ и названномъ его братѣ Лодвикѣ». Въ 4-ю, конца XVIII в. (Отчетъ за 1861 г., стр. 55), а также перескарана въ небольшомъ печатномъ сборникѣ: Историческія сказки. Въ С.-Пб. 1793, стр. 59—98, подъ заглавіемъ: «Сказка о славныхъ витязяхъ, Александрѣ и братѣ его Лод-

Изъ этого изложенія видно, что весьма немногое въ Діоклитіановомъ разказѣ имѣеть отношеніе къ нашей повѣсти. Въ разказѣ „Семи мудрецовъ“ любви отведено, собственно говоря, очень небольшое мѣсто, между тѣмъ какъ въ нашей повѣсти она составляетъ главный нервъ. Въ обоихъ случаяхъ любовь героевъ зарождается внезапно; но это положеніе принадлежитъ къ числу самыхъ обычныхъ въ старинной повѣствовательной литературѣ. Гораздо любопытнѣе, что наша повѣсть не хочетъ допустить дѣйствія любви въ томъ видѣ, въ какомъ оно обнаружилось на Лодвикѣ: Василій не заболѣваетъ послѣ первой встрѣчи съ Иракліей, а напротивъ исполняется новою энергіей. Вообще, повторяемъ—намекъ, свидѣтельствующій о знакомствѣ автора нашей „Гисторіи“ съ „Повѣстью о семи мудрецахъ“, любопытенъ только въ своемъ общемъ значеніи—какъ указаніе на тотъ кругъ литературныхъ произведеній, который интересовалъ нашего автора.

Съ большимъ успѣхомъ можемъ мы найти признаки литературныхъ вліаній въ нѣкоторыхъ чертахъ любовной исторіи матроса Василя, каковы, напримѣръ: освобожденіе имъ своей возлюбленной изъ плѣна, соблюденіе ея дѣвической чистоты, взаимная клятва любовниковъ о вѣчной вѣрности другъ другу, и вообще—въ томъ тонѣ аристократической вѣжливости, который авторъ „Гисторіи“ придалъ взаимнымъ отношеніямъ большей части дѣйствующихъ лицъ: Василій, прельщенный красотой Иракліи, падаетъ предъ нею на колѣни; отецъ ея хочетъ отдать ее за мужа за адмирала, чтобы не нарушить своего пароля, и т. д. Все это—обычные мотивы и формулы тѣхъ любовно-рыцарскихъ романовъ, которые размножились въ западной Европѣ послѣ появленія „Амадиса Гальскаго“, выразившаго собою идеальныя стремленія позднѣйшаго рыцарства, и которыхъ совершенно выродившіеся остатки переводились у насъ въ значительномъ количествѣ въ началѣ XVIII вѣка. Нашъ авторъ учился изъ этихъ книгъ тому галантному обращенію, потребность котораго обнаруживалась въ его время и въ дѣйствительной жизни.

Любовною темой не ограничиваются отличія нашей повѣсти отъ старой русской литературы: ихъ можно найти также въ общемъ міросозерцаніи ея автора. Въ старинныхъ произведеніяхъ даже чисто

вигъ, жившихъ между собою въ великомъ согласіи и готовыхъ умереть другъ за друга». Этотъ пересказъ весьма близокъ къ изложенному выше, но дочь цесаря не названа Флорентой, а именуется просто царевной.

беллетристическаго содержанія, за немногими исключеніями, преобладалъ характеръ религіозный: въ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ дурной совѣтникъ олицетворяется еще въ видѣ бѣса; въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти о Синагрипѣ премудрый Агиръ называется угодникомъ Божиимъ. Напротивъ того, въ нашей повѣсти поступки дѣйствующихъ лицъ, какъ дурные, такъ и хорошіе, совершаются ими только по ихъ свободной волѣ, безъ непосредственнаго вмѣшательства высшихъ силъ, но не смотря на то, безъ ущерба нравственному значенію самихъ дѣлъ; влияніе же высшихъ силъ замѣняется дѣйствіемъ случая, судьбы, той „фартуны“, жалобы на которую мы видѣли и въ стихотвореніяхъ, современныхъ нашей повѣсти.

Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе приглядываемся мы къ „Гисторіи о матросѣ Василии“, тѣмъ болѣе замѣчаемъ въ ней признаковъ новаго, болѣе широкаго міросозерцанія, внесеннаго въ русскую жизнь Петровскою реформой. Но въ то же время въ ней слышатся еще и отзвуки старыхъ понятій, осколки того, что отжило свой вѣкъ и подлежитъ уничтоженію или измѣненію. Такое смѣшеніе составляетъ отличительную особенность всѣхъ произведеній, великихъ и малыхъ, всякихъ переходныхъ эпохъ, и въ этомъ смыслѣ „Гисторія о матросѣ Василии“ есть явленіе, безъ сомнѣнія, характеристичное для эпохи Петровской. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей должно быть отведено довольно видное мѣсто и въ общемъ ходѣ русской литературы—какъ первой попыткѣ романическаго разказа съ замѣтнымъ идеалистическимъ отбѣнкомъ.

Л. Майковъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XXIII.
С.-Пб. 1878.

Въ появившемся недавно XXIII-мъ томѣ Сборника Русскаго Историческаго общества помѣщены письма императрицы Екатерины II къ Гримму, подлинникъ коихъ хранится въ государственномъ архивѣ. Издатель ихъ, почтенный нашъ академикъ Я. К. Гротъ, оказалъ еще разъ важную услугу нашей исторической литературѣ. Гриммъ, какъ извѣстно, приобрѣлъ славу своею „корреспонденціей“, въ которой онъ сообщалъ иностраннымъ дворамъ извѣстія и критическія замѣтки о всемъ, что появлялось замѣчательнаго въ литературномъ мірѣ Франціи. Императрица Екатерина также получала эту „корреспонденцію“, но не зависимо отъ того она вела съ Гриммомъ, сдѣлавшимся лично извѣстнымъ ей при посѣщеніи имъ Петербурга, интимную переписку, которая продолжалась съ 1774 по 1796 годъ. Письма Гримма къ сожалѣнію не найдены, но письма къ нему императрицы находятся теперь передъ нами. Сначала пересылались они по почтѣ, что давало иногда поводъ августѣйшей корреспонденткѣ издѣваться надъ любопытствомъ почтовыхъ чиновниковъ; такъ, напримѣръ, она писала отъ 20-го января 1776 года: „Письмо ваше за № 24, замѣшгавшись съ 27-го сентября до 17-го января Богъ вѣсть у какого почтоваго чиновника или же на конторѣ какого-нибудь преисполненнаго важности министра маленькаго или большаго государства, который—не сомнѣвайтесь въ этомъ—былъ проникнуть гордостью отъ тонкой политики, внушившей ему мысль распечатывать письма, адресованныя не къ нему, наконецъ пришло; влянусь вамъ, что почтовые чиновники и министръ не поняли и половины вашей прелестной болтовни, и вотъ почему, быть можетъ, письмо такъ долго оставалось въ дорогѣ: они

выбивались изъ смѣхъ, чтобъ понять его". Вслѣдствіи, по предложенію Гримма, корреспонденція велась чрезъ особыхъ курьеровъ, которыхъ рѣшено было отправлять чрезъ каждые три мѣсяца. Такимъ образомъ письма составлялись постепенно, въ продолженіе долгаго времени, и часто имѣли видъ подробнаго дневника.

Чтобы составить себѣ понятіе о ихъ значеніи, нужно обратить вниманіе на то, какъ отзывалась о нихъ сама императрица. „Нынче очень кѣтривно“, говоритъ она однажды, — „а вотъ два вашихъ письма, требующіе отвѣта. Правда, есть у меня также два письма отъ короля Прусскаго, три отъ короля Шведскаго, два отъ Вольтера, и еще втрое больше Богъ знаетъ отъ кого, всѣ полученныя прежде вашихъ, но такъ какъ они меня не забавляютъ, такъ какъ отвѣты на нихъ нужно сочинять, для васъ же я никогда не сочиняю, а болтаю съ вами (avec vous je jase), то я предпочла развлечься и предоставить полную волю моей рукѣ, моему перу и моей головѣ“. Въ другомъ мѣстѣ императрица убѣждаетъ Гримма никому не показывать ея писемъ: „Нашъ стиль“, говоритъ она, — „хорошъ только для насъ“. Это была бесѣда непринужденная, откровенная, — на сколько откровенность была возможна въ положеніи императрицы, — бесѣда, въ которой, не стѣсняясь ничѣмъ, переходила она отъ одного предмета къ другому, иногда выражала подробно, а иногда намекомъ свою мысль, бесѣда, касавшаяся безразлично всего, что занимало ея умъ. Политика, литература, искусство, сужденія о разныхъ лицахъ, находившихся при ея дворѣ или игравшихъ видную роль въ Европѣ, домашній ея бытъ, ея занятія, все входило сюда и о всемъ можно почерпнуть здѣсь драгоцѣнныя свѣдѣнія. Въ XVIII вѣкѣ любили писать письма несравненно болѣе, чѣмъ теперь; до насъ дошло много писемъ Екатерины, но едва ли въ обнародованныхъ до сихъ поръ нравственный ея образъ выражается съ такою полнотою, какъ въ тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Къ великой чести императрицы именно эти письма, столь чуждыя всякаго сочинительства, не предназначенныя для огласки (напротивъ, она очень заботилась о томъ, чтобъ они не попали кому-нибудь въ руки), и представляютъ ее съ лучшей стороны, заставляютъ насъ цѣнить ея великій умъ, поражавшій одинаково и глубиною своихъ политическихъ соображеній, и необыкновенною привлекательностью, которую сообщалъ онъ всему, чего ни касался.

Мы позволимъ себѣ привести здѣсь лишь двѣ или три выдержки изъ обнародованной нынѣ корреспонденціи императрицы.

„Хотите ли“, писала она въ 1779 году,— „я скажу вамъ что думаю объ этомъ Тешенскомъ мирѣ, который такъ у васъ возвеличенъ, и о славіи, которая, по вашему, подобаешь миротворителямъ? Въ жизнь мою я не приписывала славы дѣламъ, о которыхъ было много крику. Всякій кричить или молчить сообразно своей выгодѣ. Это не то. Слава, которую я люблю, часто всего менѣе разглашается; ею творится добро не для настоящаго только времени, но и для временъ будущихъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію до безконечности. Эта слава иной разъ создается однимъ словомъ или одною буквою, прибавленною или опущенною. На поиски ея даже ученые люди пойдуть съ фонаремъ въ рукѣ и стукнутся о нее носомъ, ничего въ ней не понимая, коль скоро нѣтъ въ нихъ генія, способнаго къ разъясненію. Ахъ, милостивый государь, передъ долею такой славы меркнуть въ глазахъ моихъ всѣ славишки, о которыхъ стали бы мнѣ говорить. Но полно, — будемъ работать втихомолку, будемъ дѣлать добро для добра и всему остальному предоставимъ болтать...“

Вотъ отзывъ Екатерины о Петтевинѣ, тотчасъ послѣ его кончины:

„Снова страшный ударъ разразился надъ моею головою! Послѣ обѣда, часовъ въ шесть, курьеръ привезъ горестное извѣстіе, что мой выученикъ, мой другъ, можно сказать—мой идолъ, князь Потемкинъ-Таврический умеръ въ Молдавіи отъ болѣзни, продолжавшейся почти цѣлый мѣсяцъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я огорчена. Это былъ человекъ высокаго ума, рѣднаго разума и превосходнаго сердца; цѣли его были всегда направлены къ великому. Онъ былъ человѣколюбивъ, очень свѣдущъ и крайне любезенъ. Въ головѣ его непрерывно возникали новыя мысли; какою онъ былъ мастеръ острить, какъ умѣлъ сказать слово кстати! Въ эту войну онъ выказалъ поразительныя военныя дарованія: умѣлъ дать хорошій совѣтъ, умѣлъ его и исполнить. Его привязанность и усердіе ко мнѣ доходили до страсти; онъ всегда сердился и бранилъ меня, если, по его мнѣнію, дѣло сдѣлано было не такъ, какъ слѣдовало; съ лѣтами, благодаря опытности, онъ исправился отъ многихъ своихъ недостатковъ. Когда онъ пріѣзжалъ сюда, три мѣсяца тому назадъ, я говорила генералу Зубову, что меня пугаетъ эта перемѣна, и что въ немъ не замѣтно прежнихъ его недостатковъ, и вотъ, къ несчастію, мои опасенія оказались пророчествомъ. Но въ немъ были качества, встрѣчающіяся крайне рѣдко и отличавшія его между всѣми другими людьми: у него былъ смѣлый умъ, смѣлая душа, смѣлое сердце. Благодаря этому мы

всегда понимали другъ друга и не обращали вниманія на толки тѣхъ, кто меньше насъ смыслилъ. По моему мнѣнію, князь Потемкинъ былъ великій человекъ, который не выполнилъ и половины того, что былъ въ состояніи сдѣлать“.

Любопытно сопоставить съ этимъ, какъ судила императрица о двухъ другихъ замѣчательныхъ людяхъ ея царствованія, скончавшихся почти одновременно, князь Гр. Гр. Орловъ и графъ Н. И. Панинъ:

„Они были совсѣмъ различныхъ мнѣній и вовсе не любили другъ друга: какъ они удивятся встрѣтившись опять на томъ свѣтѣ! И то сказать, больше сходства у воды съ огнемъ, чѣмъ у нихъ. И оба они столько лѣтъ были моими ближайшими совѣтниками! Однако дѣла шли, и шли большимъ ходомъ. За то мнѣ часто приходилось поступать, какъ Александру съ Гордіевымъ узломъ, и тогда противорѣчивыя мнѣнія приходили къ соглашенію. Одинъ отличался отвагой ума, другой мягкимъ благоразуміемъ, а ваша покорнѣйшая слуга слѣдовала между ними укороченнымъ скакомъ (*kurz Galop*), и отъ всего этого дѣла великой важности принимали какую-то мягкость и измяцество. Вы мнѣ скажете: „Какъ же быть теперь“? Отвѣчу: „Какъ сможемъ“. Во всякой странѣ всегда есть люди, нужные для дѣла, и какъ все на свѣтѣ держится людьми, то люди могутъ и управиться. Геній князя Орлова былъ очень обширенъ; въ отвагѣ, по моему, онъ не имѣлъ равнаго. Въ минуту самую рѣшительную ему приходило въ голову именно то, что могло окончательно направить дѣло въ ту сторону, куда онъ хотѣлъ его обратить, и въ случаѣ нужды онъ проявлялъ такую силу краснорѣчія, которой никто не могъ противостоять, потому что онъ умѣлъ колебать умы, а его умъ не колебался никогда. Но при этихъ великихъ качествахъ, ему недоставало послѣдовательности по отношенію къ предметамъ, которые въ его главахъ не стояли заботы, и лишь немногіе предметы онъ удостоивалъ своихъ заботъ, или скорѣе, своего труда, ибо занять былъ однимъ предметомъ. Отъ этого онъ казался небрежнымъ и неуважительнымъ болѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Природа небаловала его, и онъ былъ лѣнивъ во всему, что внезапно не приходило ему въ голову. Графъ же Панинъ былъ лѣнивъ по природѣ и обладалъ искусствомъ придавать этой лѣности видъ благоразумія и разчитанности. Онъ не былъ одаренъ ни такою добротой, ни такою свѣжестью души, какъ князь Орловъ, но онъ больше жилъ между людьми и лучше

умѣла скрывать свои недостатки и свои пороки, а они были у него великіе“.

Какія мѣткія характеристики! Читая ихъ нельзя не замѣтить, что императрица Екатерина имѣла право не завидовать лучшимъ писателямъ своего времени въ искусствѣ дѣлать „портреты“...

Русское Историческое Общество, еще недавно обнародовало обширный томъ чрезвычайно важной переписки Фридриха II съ прусскимъ посланникомъ при С.-Петербургскомъ дворѣ графомъ Сольмсомъ (изданіе ея принадлежало члену Общества Г. Θ. Штендеману), а теперь обнародованіемъ писемъ Екатерины II къ барону Гриму оказываетъ новую драгоценную услугу исторической наукѣ.

И. И.

Исторія среднихъ вѣковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Рождественскій. Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ VI-го класса гимназій. С.-Пб. 1878 г.

Пересмотръ „учебныхъ плановъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія“, произведенный въ прошломъ году, коснулся болѣе или менѣе всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, кромѣ закона Божія и новыхъ языковъ. Вслѣдствіе этого пересмотра измѣнилась и программа систематическаго курса исторіи; именно вновь составлена программа по всеобщей средней исторіи: „Расширяется нѣсколько курсъ общей исторіи среднихъ вѣковъ, въ особенности внесеніемъ въ оный фактовъ изъ исторіи восточныхъ и западныхъ Славянъ и Византійской имперіи“, — такъ гласитъ циркулярное предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія, при которомъ были разосланы почитателямъ учебныхъ округовъ примѣрная программа. Само собою разумѣется, что измѣненіе программы по исторіи среднихъ вѣковъ должно было повлечь за собою и измѣненіе учебниковъ, употреблявшихся въ гимназіяхъ, тѣмъ болѣе, что въ существующихъ учебникахъ, скопированныхъ по большей части съ иностранныхъ руководствъ, исторія Славянства и Византіи отодвинута на задній планъ. Такимъ измѣненнымъ, примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ, руководствомъ по исторіи служить книга, заглавіе которой мы выписали выше. Посмотримъ на сколько эта книга составлена примѣнительно къ новой примѣрной программѣ, на сколько она удовлетворяетъ ея требованіямъ.

Программа начинается краткимъ очеркомъ состоянія Римской имперіи во второй половинѣ IV вѣка, при чемъ указывается на противо-

положность между западными провинціями имперіи, жители которыхъ были уже романизованы, приняли латинскій языкъ и подчинились римской цивилизаціи, и восточными, гдѣ цивилизація распространялась изъ Византіи и органомъ ея былъ языкъ греческій. Когда ученикъ уяснитъ себѣ состояніе, въ которомъ находилась Римская имперія предъ великимъ переселеніемъ народовъ, тогда ему должны сообщаться свѣдѣнія о Германцахъ, игравшихъ такую важную роль въ судьбѣ Западной Римской имперіи, при чемъ указывается на враждебныя и мирныя отношенія ихъ къ имперіи, на службу ихъ въ ея войскахъ и колонизацію въ ея предѣлахъ. Далѣе говорится о постепенномъ заселеніи всѣхъ земель въ западной Европѣ, принадлежавшихъ нѣкогда Римскому государству, объ основаніи на этихъ земляхъ различныхъ германскихъ государствъ и о подчиненіи Германцевъ, поселившихся въ предѣлахъ имперіи, римскому вліянію въ бытѣ и языкѣ. Въ рассматриваемой книгѣ различія между западною и восточною половинами Римской имперіи не проведено; не выяснено, при какихъ условіяхъ стали дѣлать свои нападенія Германцы. Составитель учебника прямо знакомитъ насъ съ Германцами и послѣдовательно излагаетъ исторію Готовъ, Франковъ, исторію которыхъ онъ въ этомъ отдѣлѣ доводитъ до изложенія Карла Толстаго, и Англо-Саксовъ, до покоренія послѣднихъ Норманнами. Въ этомъ же отдѣлѣ говорится о Галлахъ, Лонгобардахъ, о началѣ свѣтской власти папъ, Норманнахъ и т. д. Изъ этого можно вывести заключеніе, что нѣкоторые вопросы въ учебникѣ не разъяснены съ тою полнотою, какая требуется примѣрною программой; такъ на примѣрѣ, вопросъ о возвышеніи папства долженъ по программѣ быть рассматриваемъ въ связи съ исторіей Византіи для того, чтобы рельефнѣе выставить причины этого возвышенія; между тѣмъ при изложеніи, принятомъ въ учебникѣ, эта рельефность ступивывивается; причиною возвышенія папъ представляется только ихъ союзъ съ Франкскими королями, а не разрывъ съ Византійскими императорами вслѣдствіе иконоборства послѣднихъ.

Во второмъ отдѣлѣ рассматриваемаго учебника излагается исторія Византіи, Славянъ и Арабовъ въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ; при этомъ авторъ, для ознакомленія съ бытомъ и правами Славянъ, рекомендуетъ обратиться къ составленному имъ же курсу „Отечественной исторіи“. Намъ кажется, что характеристику Славянъ было бы умѣстнѣе помѣстить въ „Исторіи среднихъ вѣковъ“, какъ потому, что здѣсь излагаются судьбы всѣхъ Славянъ отъ ихъ появленія на сценѣ исторіи до паденія ихъ государствъ, такъ и потому еще, что

не вездѣ же отечественная исторія проходитса по учебнику г. Рождественскаго.

Начиная съ третьяго отдѣла, носящаго заглавіе: „Развитіе феодализма и папства въ Западной Европѣ“ и вплоть до конца распредѣленіе учебнаго матеріала, порядоко статей тѣ же самыя, какъ и въ учебникѣ „Отечественной исторіи въ связи со всеобщей“, составленномъ примѣнительно въ примѣрной программѣ 1872 года; новая программа рѣдко принимается въ соображеніе, вслѣдствіе чего на нѣкоторые поставленные въ ней вопросы нельзя найти отвѣта въ учебникѣ; такъ, напримѣръ, нигдѣ не говорится о византійской образованности и просвѣщеніи, о состояніи искусствъ, и въ особенности—архитектуры и мозаики, о династіи Комненовъ и о походѣ Роберта Гвискарда на Византію; проходитса молчаніемъ состояніе Византійской имперіи при Ангелахъ; не указаны владѣнія Венеціанцевъ на востокѣ.

Изъ сказаннаго видно, что составителю учебника нужно еще не мало поработать надъ своею книгой: восполнить недостающее и расположить нѣсколько иначе находящійся въ ней матеріалъ; тогда только его заявленіе, выставленное на первой заглавной страницѣ книги (что она составлена примѣнительно къ послѣдней программѣ VI-го класса гимназій), будетъ соответствовать истинѣ.

Относительно внѣшнихъ качествъ изданія слѣдуетъ замѣтить, что ни бумага, ни шрифтъ не могутъ быть признаны удовлетворительными. Мелкій и убогистый шрифтъ на сѣровой бумагѣ—это такія условія, которыя въ своей совокупности губительно дѣйствуютъ на зрѣніе учениковъ. Странно, что авторъ, онъ же и издатель, будучи педагогомъ, нисколько не позаботился объ одномъ изъ весьма существенныхъ педагогическихъ требованій, на которое уже нѣсколько разъ было обращено вниманіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія ¹⁾.

Ив. Тихомировъ.

¹⁾ Редакція считаетъ при этомъ нужнымъ замѣтить, что книга г. Рождественскаго не находится въ числѣ одобренныхъ ученымъ комитетомъ М. Н. Пров.; впрочемъ, сколько ей извѣстно, она и не была доселѣ представлена въ оный на разсмотрѣніе и одобреніе.

О ДѢЛЕНИИ КЛАССОВЪ ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ НА ГРУППЫ ¹⁾.

По мнѣнію многихъ, близко стоящихъ къ нашей начальной школѣ, лицъ, успѣхи учениковъ обратно пропорціональны числамъ отдѣленій, падающихъ на одного учителя; и съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, если существующія теперь системы преподаванія въ нашихъ народныхъ училищахъ признать за наилучшія изъ всѣхъ, какія допускаются условіями нашей начальной школы. Мы не говоримъ о системѣ, принятой въ нашихъ гимназіяхъ, потому что въ послѣднихъ, при достаточномъ числѣ преподавательскихъ силъ, классы не дѣлятся на отдѣленія. Едва ли нужно говорить и о системѣ взаимнаго обученія. Хотя во французскихъ и англійскихъ начальныхъ школахъ она еще и до сихъ поръ пользуется правомъ гражданства, но въ Россіи, какъ и въ Германіи, давно уже уступила свое мѣсто другой системѣ, такъ какъ, по общему мнѣнію нашихъ педагоговъ, взаимное обученіе, будучи вполне пригоднымъ для развитія механическихъ навыковъ, не даетъ самаго важнаго, чего всякій въ правѣ требовать отъ школы, а именно умственнаго развитія. Въ наше время, во всѣхъ нашихъ народныхъ училищахъ, гдѣ классъ при одномъ учителѣ дѣлится на два и болѣе отдѣленія, принято упражнять учениковъ, находящихся въ прямомъ и непосредственномъ воздѣйствіи преподавателя, самостоятельными работами.

¹⁾ Не думаемъ, чтобъ мысли, изложенныя въ этой статьѣ, не встрѣтили возраженій, но тѣмъ не менѣе охотно печатаемъ статью, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ много думалъ о занимающемъ его предметѣ *Ред.*

Если одною изъ главнѣйшихъ задачъ школы справедливо ставится развитіе въ дѣтахъ умѣнья и привычки къ самостоятельному труду, то, очевидно, существующая система, въ принципѣ своемъ, оспариваема быть не можетъ, и самостоятельныя ученическія работы всегда занимали и будутъ занимать важное мѣсто въ дѣлѣ обученія и воспитанія. Но осуществленіе этой системы на практикѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она принята въ нашихъ народныхъ училищахъ ¹⁾, имѣетъ весьма важные недостатки.

Вотъ наиболѣе важныя и менѣе спорныя изъ нихъ:

1) При существующей системѣ, когда часовой урокъ дѣлится на части, по числу отдѣленій въ классѣ, каждый ученикъ находится подъ прямымъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ на него преподавателя не цѣлый часъ, а половину, треть и т. д. часа, смотря по тому, сколько отдѣленій составляютъ классъ. Уже это одно, уменьшая вдвое и болѣе разъ продолжительность вліянія руководящей и развивающей силы преподавателя на учениковъ, во столько же разъ уменьшаетъ успѣшность преподаванія.

2) Извѣстно, что та или другая, рациональная или дурная, дисциплина въ школѣ прямо вліяетъ не только на склонности учениковъ, но и на результаты преподаванія, а въ школѣ, гдѣ большая или меньшая часть учениковъ, при занятіяхъ учителя только съ одною какой-либо группой, всегда предоставлена самой себѣ, хотя и занята самостоятельными работами, дисциплина, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ быть правильно поддерживаема.

3) Вниманіе учителя, который ведетъ урокъ въ одномъ отдѣленіи, когда другія, одно или два, выполняютъ заданныя имъ работы, делится: объясняя что-либо однимъ ученикамъ, онъ развлекается, то вопросами остальныхъ, встрѣтившихъ непреодолимая для нихъ затрудненія въ исполненіи заданнаго, то шалостями покоячившихъ съ своими упражненіями.

4) Самостоятельныя работы, раздаваемые въ виду необходимости чѣмъ нибудь занять отдѣленія, которыя безъ того были бы неизбѣжно праздными, должны быть такъ многочисленны, что уже по этому одному ихъ трудно привести въ какую-либо правильную систему; еще труднѣе серьезное отношеніе къ нимъ учителя. Представимъ себѣ классъ, состоящій изъ трехъ отдѣленій. Въ такомъ классѣ учи-

¹⁾ Насколько намъ извѣстно, наиболѣе усердно и успѣшно распространялъ систему дѣленія класса на группы баронъ Корфъ.

тель, если хочетъ въ одинъ и тотъ же урокъ заняться со всѣми тремя отдѣленіями, по очереди переходя отъ одного къ другому, въ одинъ часъ даетъ три самостоятельныя работы, по одной на каждое отдѣленіе. Чтобы ученики серьезно отнеслись къ своимъ упражненіямъ, чтобы послѣднія имѣли какой-либо иной смыслъ, кромѣ желанія отвлечь свободныхъ безъ того учениковъ отъ шалостей, необходимо исправлять работы и при томъ въ классѣ же разяснять всѣ замѣченныя недоразумѣнія и исправлять ошибки. Такимъ образомъ, въ одинъ и тотъ же часовой урокъ, учитель долженъ дать три самостоятельныя упражненія, а, слѣдовательно, и разяснить — какъ ихъ сдѣлать, затѣмъ исправить три разнородныя упражненія, сдѣланныя тремя отдѣленіями въ какой-либо изъ минувшихъ уроковъ, сверхъ того, удостовѣриться, хорошо ли и во всѣхъ ли отдѣленіяхъ приготовлены домашнія работы, и, наконецъ, объяснить новые три урока, по числу отдѣленій. Не забудемъ, что при раздачѣ упражненій въ началѣ урока 1-му отдѣленію, два другія будутъ сидѣть безъ всякаго дѣла; при раздачѣ работы 2-му, остается не занятымъ 3-е отдѣленіе. Если предположить, что учитель въ одинъ часъ сумѣетъ сдѣлать втрое болѣе, нежели обыкновенно дѣлаетъ преподаватель, занимающійся съ однимъ отдѣленіемъ, то и тогда онъ успѣетъ только на половину выполнить начертанную нами программу урока. Отсюда видно, что учитель не можетъ отнестись, какъ слѣдуетъ, ни къ письменнымъ самостоятельнымъ работамъ, ни къ повѣркѣ домашнихъ приготовленій, ни къ объясненію новаго урока. Предъ нами росписаніе учебныхъ занятій въ Московскихъ земскихъ сельскихъ училищахъ, помѣщенное въ „Семь и Школѣ“, вѣроятно, какъ образецъ, которому надо слѣдовать ¹⁾). Мы видимъ, что, напримѣръ, въ среду занимаютъ съ учителемъ ученики I-го отдѣленія—2 часа, II-го—1 часъ и III-го—2 часа, всего 5 часовъ; самостоятельными же работами, безъ учителя, ученики I-го отдѣленія—3 часа, II-го—4 часа и III-го—3 часа, а всего 10 часовъ. Изъ всего класснаго времени дѣти находятся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ учителя только третью часть. Но это еще на бумагѣ, гдѣ не сдѣлано необходимаго въ дѣйствительности и довольно значительнаго вычета на раздачу письменныхъ работъ. Мы не видимъ также въ росписаніи, чтобы назначалось какое-либо время для исправленія въ классѣ всего того, что будетъ написано въ продолженіе 10-ти часовой самостоятельной

¹⁾ См. *Семь и Школѣ*, 1877 г. № 3, стр. 302.

работы. Мы недоумѣваемъ, какія работы придумываются дѣтямъ, только что начинающимъ учиться и не умѣющимъ ни читать, ни писать, а между тѣмъ, по росписанію, они самостоятельно занимаются три часа въ день.

Изъ сказаннаго нельзя не видѣть, какъ ничтожно вліяніе учителя на учениковъ, составляющихъ нѣсколько отдѣленій.

Справедливо говорить, что душа школы — учитель, но нигдѣ его вліяніе не имѣетъ такого громаднаго значенія, какъ въ начальной школѣ. Ученики среднихъ учебныхъ заведеній въ изобиліи снабжены всѣми нужными книгами и учебными пособіями; при томъ же они настолько развиты, что могутъ въ извѣстной степени пользоваться руководствами и безъ помощи преподавателя; наконецъ, и въ семьѣ своей они нерѣдко находятъ къ кому могли бы обратиться за разъясненіями; между тѣмъ, ученики начальной школы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, окруженные невѣжественными родителями и средой, едва имѣютъ одну книжку, часто весьма сомнительнаго достоинства, да еслибы и были снабжены всѣми нужными пособіями, то, по своей неразвитости, безъ посторонней помощи не могли бы пользоваться ими, а эту помощь можетъ оказать имъ только учитель. Вотъ почему, если гдѣ всего менѣе желательно уменьшать вліяніе учителя на учениковъ и сокращать уже безъ того не долгое время его непосредственнаго воздѣйствія на нихъ, такъ это въ нашихъ начальныхъ школахъ.

Не говоря уже о томъ, какъ вредно отзываются исчисленные нами недостатки общепринятой системы на наклонностяхъ дѣтей, привыкающихъ легко относиться къ своимъ обязанностямъ, невыгоды эти до того задерживаютъ успѣхи самого обученія, что многіе серьезно спрашиваютъ, не лучше ли ужь отнести всѣ упражненія, предназначенныя для незанятыхъ съ самимъ учителемъ отдѣленій, къ домашнимъ работамъ, а свободныхъ учениковъ высылать изъ класса? И въ самомъ дѣлѣ, еслибы не нашлось никакой другой лучшей системы, то выгоднѣе было бы распредѣлять уроки такимъ образомъ, чтобы учитель имѣлъ предъ глазами только тѣхъ учениковъ, къ которымъ онъ непосредственно относится, а всѣ самостоятельныя работы производились бы на дому. Въ послѣднемъ нѣтъ ничего страннаго, потому что вездѣ, гдѣ учитель занимается со всѣми учениками одновременно, самостоятельныя работы, за весьма рѣдкими исключеніями, не составляютъ классныхъ упражненій.

Всѣ, кому приходилось или самимъ давать уроки двумъ и болѣе

отдѣленіямъ разомъ или присутствовать на нихъ, по опыту знаютъ, что упомянутыя выше неудобства весьма серьезны, и что, вызываясь необходимостью дробленія класса на группы, они будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуетъ эта необходимость, и легко уничтожаются только тогда, когда классъ не дѣлится на отдѣленія и учитель учить всѣхъ учениковъ одному и тому же.

Французы хорошо понимали эту истину, когда, по словамъ отчета за 1875 г. главнаго инспектора Парижскихъ школъ Греара, позаботились настолько увеличить число преподавательскихъ силъ въ городскихъ начальныхъ школахъ, что училища эти раздѣлены теперь на три и болѣе классовъ, по числу лѣтъ обученія, и на каждый классъ приходится по одному учителю.

Очевидно, что наилучшимъ исходомъ и для нашей народной школы было бы елибы каждый классъ представлялъ одно отдѣленіе. Но для этого нужны огромныя матеріальныя средства, а пока ихъ нѣтъ, пока нельзя даже надѣяться, что школы будутъ обладать ими въ недалекомъ будущемъ, необходимо попытаться найти другой исходъ.

Попытки такого рода уже проявлялись, но нѣкоторыя изъ нихъ не выдерживаютъ критики. Такъ, на примѣръ, одно изъ городскихъ училищъ ходатайствовало о разрѣшеніи принимать учениковъ вновь не каждый годъ, а только одинъ разъ въ два года. Правда, при такомъ порядкѣ приѣма число отдѣленій уменьшается вдвое и успѣхи учениковъ весьма значительно увеличиваются, но едва ли проистекающія отсюда выгоды окупаютъ неудобства родителей, которымъ пришлось бы въ такомъ случаѣ весьма часто на цѣлый годъ опаздывать отдачей дѣтей своихъ въ школу, а это тѣмъ болѣе вредно, что простой народъ нуждается въ поощрительныхъ къ образованію мѣрахъ, и всякія стѣсненія въ этомъ дѣлѣ, какими бы вѣскими поводами они ни обставлялись, по меньшей мѣрѣ не желательны.

Нужна система, которая, не требуя увеличенія бюджета на школы, не стѣсняя населеніе неудобными условіями приѣма учениковъ, въ значительной степени парализовала бы то зло, какое заключаетъ въ себѣ необходимость для одного учителя заниматься съ учениками различными по возрасту, по знаніямъ и времени своего пребыванія въ школѣ.

Такая система возможна и сущность ея заключается въ соединеніи двухъ-трехъ отдѣленій въ одно общее для совмѣстнаго преподаванія.

Хотя первоначальная попытка осуществить на практикѣ эту си-

стему, новую, правда, только для Россіи, но получившую право гражданства въ германскихъ начальныхъ школахъ, сдѣлана была на тѣсной почвѣ одного изъ городскихъ училищъ Московскаго учебнаго округа, но результаты, достигнутые благодаря ей, такъ утѣшительны, дѣло преподаванія съ ея введеніемъ было настолько облегчено и переходъ въ этомъ училищѣ отъ прежняго порядка, къ сожалѣнію, слишкомъ похожаго на полный беспорядокъ и неурядицу, къ новому стройному порядку въ преподаваніи такъ освятеленъ, что попытка эта имѣетъ болѣе, нежели мѣстное значеніе.

Да и не въ однихъ городскихъ училищахъ этотъ методъ можетъ имѣть мѣсто. Наши сельскія двуклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія также съ успѣхомъ могли бы примѣнять къ преподаванію соединеніе двухъ отдѣленій въ одно, и это тѣмъ болѣе, что утвержденныя для нихъ программы не только допускаютъ систему, о которой идетъ рѣчь, но, повидимому, построены на ней. Въ самомъ дѣлѣ, не безъ умысла въ инструкціи для сельскихъ министерскихъ училищъ не упоминается о числѣ отдѣленій въ каждомъ классѣ; не безъ намѣренія въ программахъ, дополняющихъ инструкцію, съ опредѣлительною точностію обозначается только то, что должно быть пройдено въ каждомъ классѣ, но не то, что нужно пройти въ тотъ или другой годъ обученія. Такой же совѣтъ данъ учителямъ еще А. Коменскимъ. Въ своей „Великой Дидактикѣ“ онъ говоритъ: „пусть учитель никогда не обучаетъ учениковъ по одному ни частнымъ образомъ, ни въ классѣ, но всѣхъ одновременно и вразѣ. И такъ, учитель не подходитъ ни къ кому въ особенности и не дозволяетъ, чтобы и отдѣльные ученики подходили къ нему; онъ сидитъ на каедрѣ (съ которой всѣ должны его видѣть и слышать, подобно солнцу, разливающему на всѣхъ свои лучи); всѣ же ученики направляютъ къ нему свой слухъ, зрѣніе и мысли, живо схватываютъ то, что онъ общаетъ имъ въ своемъ разказѣ и что показываетъ рукою или на картинахъ“ ¹⁾. Еще въ „Руководствѣ для учителей“, изданномъ у насъ въ 1793 г. и назначенномъ для учителей I и II классовъ, состоявшихъ тогда изъ учениковъ различныхъ по возрасту и познаніямъ, излагалась метода, сущность которой сводилась также къ тому, чтобы „учитель постоянно владѣлъ вниманіемъ всѣхъ учащихся“. Въ современныхъ германскихъ начальныхъ школахъ усилія учителей избѣжать дѣленія классовъ на группы съ самостоятельными работами

¹⁾ Великая дидактика А. Коменскаго, стр. 135.

уже увѣнчались значительнымъ успѣхомъ, и теперь почти во всѣхъ начальныхъ училищахъ Германіи исторія, географія, естествовѣдѣніе (впрочемъ, рѣдко изучаемое тамъ въ школахъ со многими отдѣленіями), пѣніе, черченіе и письмо преподаются одновременно цѣлому классу ¹⁾.

Перехода къ изложенію того, какимъ образомъ можно это сдѣлать, упомянемъ, что введеніе совмѣстныхъ занятій однимъ и тѣмъ же учителемъ съ двумя и болѣе группами дѣлается легко и удобно въ предметахъ, части которыхъ не имѣютъ той тѣсной логической связи между собою, когда все послѣдующее органически вытекаетъ изъ предыдущаго, и, наоборотъ, оно труднѣе въ предметахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ геометріи, всякая послѣдующая теорема опирается на предыдущія и не можетъ быть сознательно воспринята ученикомъ прежде, нежели онъ не усвоилъ основательно предшествующаго ей курса. Къ первой группѣ предметовъ относятся законъ Божій, биографическіе курсы отечественной и всеобщей исторіи, ботаники, зоологіи и минералогіи, отчасти географія, къ другой—геометрія, арифметика и грамматика.

Чтобы дать наглядное представленіе о легкости, съ какою можно измѣнить существующій теперь обычай дробленія класса на группы при обученіи предметамъ первой категоріи, возьмемъ, напримѣръ, преподаваніе исторіи во 2-мъ классѣ 3-х-класснаго городского училища. Въ этомъ классѣ, курсъ котораго двухгодичный и ученики обыкновенно дѣлятся на два отдѣленія, проходится биографическій курсъ русской исторіи. Представимъ себѣ, что учитель, дѣлвшій до сихъ поръ каждый урокъ на двѣ части, по числу отдѣленій, и съ младшимъ изъ нихъ проходившій древнюю исторію, а со старшимъ новую, вмѣсто того будетъ заниматься съ обоими отдѣленіями разомъ и по одной программѣ,—въ первый годъ пройдетъ древнюю, во второй—новую, въ слѣдующій опять древнюю и т. д. Ученикъ, который перейдетъ въ 3-й классъ и, значитъ, пробудетъ во-2-мъ классѣ 2 года, будетъ знать въ той или другой послѣдовательности всю исторію, но усвоитъ ее несравненно лучше по слѣдующимъ причинамъ:

- 1) все классное время онъ будетъ находиться подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ на него преподавателя;
- 2) онъ сдѣлается внимательнѣе, такъ какъ разумная дисциплина,—эта *conditio, sine qua* поп обученія—почти невозможная, когда $\frac{1}{2}$ и $\frac{2}{3}$ класса предоставлены самимъ себѣ, возстановится, лишь только

¹⁾ См. Всеобщ. Ист. Педаг. Ю. Паротца, отд. Нѣмецк. педаг., § 5.

каждый изъ учениковъ станетъ подѣ непосредственное наблюденіе учителя;

3) преподаватель не будетъ двоиться, какъ двоился онъ, когда ему приходилось въ одинъ и тотъ же часъ давать урокъ одному отдѣленію, объяснять самостоятельную работу другому, да еще водворять дисциплину въ отдѣленіяхъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, и

4) самостоятельныя работы будутъ отнесены, какъ въ гимназіяхъ, къ домашнимъ занятіямъ, а исправленіе ихъ класснымъ образомъ потребуетъ вдвое менѣе времени, чѣмъ при существующей теперь системѣ.

Такъ и поступилъ при обученіи исторіи педагогическій совѣтъ того городского училища, о которомъ мы упомянули выше. При обученіи же закона Божія во 2-мъ классѣ, гдѣ положено пройти священную исторію, законоучитель занимается со всѣмъ классомъ—одинъ годъ преподаваніемъ ветхозавѣтной, а въ слѣдующемъ году—новозавѣтной исторіи; въ 3-мъ классѣ, гдѣ, по положенію, проходитъ катихизисъ и объясненіе богослуженія, эти два предмета проходятъ также порознь одинъ за другимъ, но со всѣмъ классомъ. При преподаваніи естествовѣдѣнія во 2-мъ классѣ, куда относятся біографическіе курсы зоологіи, ботаники и минералогіи, чтобы соблюсти переходъ отъ болѣе доступнаго и нагляднаго къ болѣе трудному и отвлеченному, курсы эти распределены между двумя годами такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ, представляя законченное цѣлое и дополняя другой, начинается изученіемъ наиболѣе доступныхъ пониманію отдѣловъ; въ 3-мъ же классѣ, куда отнесена физика и краткій курсъ анатоміи, въ одинъ годъ ученики знакомятся съ первымъ изъ этихъ предметовъ, а въ слѣдующій—съ другимъ.

При такомъ порядкѣ преподаванія въ каждомъ классѣ проходитъ все требуемое положеніемъ и при томъ ученики дѣлятся на отдѣленія только въ спискахъ, что необходимо для перевода изъ одного класса въ другой, во время же уроковъ они составляютъ одинъ классъ и вся разница въ результатахъ этой системы отъ принятой въ гимназіяхъ заключается въ томъ, что ученикамъ часто приходится изучать предметъ не въ той послѣдовательности, какая, можетъ быть, была принята при другой системѣ.

Если подобный порядокъ и представляетъ нѣкоторыя неудобства, что, впрочемъ, не доказано, то неудобства эти не могутъ быть и сравниваемы съ невыгодами, составляющими естественное и неизбежное послѣдствіе общепринятой у насъ системы дробленія класса на группы. Если, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы, слѣдуя общепринятому обычаю,

начинать изученіе священной исторіи съ ветхаго завѣта, ученики начнутъ съ новаго, то трудно безошибочно сказать, выиграютъ они отъ того въ своихъ знаніяхъ или проиграютъ. Весьма многіе изъ педагоговъ серьезно убѣждены, что слѣдуетъ начинать преподаваніе закона Божія съ событій новаго завѣта, которыя болѣе доступны дѣтскому пониманію, сильнѣе говорятъ сердцу дѣтей, болѣе имъ знакомы изъ разказовъ взрослыхъ членовъ семьи и, наконецъ, болѣе важны для христіанина, чѣмъ событія ветхозавѣтной церкви. Программы для двуклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія предлагаютъ также начинать изученіе закона Божія съ событій новаго завѣта и затѣмъ уже переходить къ исторіи ветхозавѣтной церкви.

Что касается до возможнаго возраженія, что нѣкоторыя изъ новозавѣтныхъ событій тѣсно связаны съ прообразовательными событіями ветхаго завѣта и безъ усвоенія послѣднихъ будетъ не полно пониманіе первыхъ, то это возраженіе перестаетъ имѣть мѣсто, лишь только преподаваніе исторіи новаго завѣта будетъ ведено, какъ этого и требуютъ самыя общезвѣстныя правила дидактики, въ связи съ соотвѣтствующими событіями ветхаго завѣта. Излагая, напримѣръ, исторію рождества Христова, необходимо разказать при этомъ, хотя вкратцѣ, о паденіи первыхъ людей и объ обѣщаніи искупленія ¹⁾. Такое важущееся отступленіе будетъ полезно, какъ для учениковъ, знакомыхъ уже съ ветхозавѣтною исторіей, такъ равно и для остальныхъ. Для первыхъ оно полезно, потому что, связывая уже воспринятія свѣдѣнія съ новыми, помогаетъ болѣе сознательному и полному усвоенію разказа, служитъ повтореніемъ прежде пройденнаго, и по свойству нашей памяти, удерживающей надолго идеи и образы, связанные съ прежде воспринятыми, дѣлаетъ новыя свѣдѣнія болѣе прочными и трудно забываемыми. Для остальныхъ учениковъ оно также полезно, какъ потому, что облегчаетъ для нихъ трудъ изученія ветхозавѣтной исторіи въ слѣдующемъ году, такъ и потому, что способствуетъ полному усвоенію разказа. Точно такъ и при изученіи исторіи необходимы отступленія, когда рѣчь идетъ объ эпохахъ, имѣющихъ логическую связь съ событіями, хотя и известными однимъ ученикамъ, но незнакомыми другимъ. Повторенія для первыхъ въ такомъ случаѣ будутъ и полезны, и гораздо болѣе

¹⁾ Ср. программы по закону Божию для двуклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

интересны, чѣмъ практикуемыя до сихъ поръ періодическія повторенія, обыкновенно дѣлающіяся въ той же формѣ, связи и послѣдовательности, въ какихъ повторяемое было пройдено вновь ¹⁾). Дистервегъ разумѣлъ именно изложенные нами приемы, когда совѣтовалъ учителямъ: 1) „на каждой отдѣльной ступени преподаванія указывать и даже сообщать отдѣльныя части изъ ступени послѣдующей, чтобы такимъ образомъ возбуждать въ учащихся охоту къ ознакомленію съ нею“, и 2) „раздѣлять и располагать учебный матеріалъ такъ, чтобы на каждой послѣдующей ступени новаго всегда повторялось старое“.

Неудобства же, заключающіяся будто бы въ томъ, что одни ученики начнутъ изученіе съ событій новѣйшаго времени, а другіе съ древнѣйшихъ эпохъ, только кажущіяся. Въ Германіи и до сихъ поръ спорятъ о томъ, съ чего начинать преподаваніе исторіи: одни начинаютъ изученіе исторіи съ древнихъ вѣковъ, другіе, напримѣръ, Дермштедъ и Якоби, начинаютъ съ современной исторіи и постепенно переходятъ къ предшественнымъ вѣкамъ.

Опытъ показалъ, что при изученіи біографическаго курса естественной исторіи удобнѣе дѣлать весь матеріалъ на курсы такимъ образомъ, чтобы изъ cadaго семейства (въ ботаникѣ), изъ cadaго отдѣла (въ минералогіи) разсматривалось по одному или нѣсколькимъ представителямъ, какъ въ первый годъ, такъ и во второй. При подобномъ способѣ распредѣленія учебнаго матеріала, каждый курсъ представляетъ законченное цѣлое и служитъ (для одного отдѣленія) какъ бы повтореніемъ предшествующаго подготовительнаго курса, но повтореніемъ не дословнымъ, а заключающимъ въ себѣ много новаго и потому интереснымъ.

Не трудно представить себѣ распредѣленіе матеріала географіи, черченія, рѣнія и письма, какого требуетъ защищаемая нами система. Нѣмецкіе учителя, напримѣръ, изъ географіи въ первый годъ изучаютъ мѣстность съ ея окрестностями, въ слѣдующій—отечество, а въ третій—всеобщую географію; потомъ вновь начинаютъ тотъ же самый кругъ. Такимъ образомъ каждый ученикъ изучаетъ географію, при шестилѣтнемъ курсѣ тамошнихъ училищъ и при одномъ учителѣ, два раза, что вовсе не лишне. Наши учителя, слѣдуя общепринятой у насъ системѣ, на мѣстѣ нѣмецкаго учителя, раздѣлили бы часовой

¹⁾ Подробнѣе я изложилъ эту мысль въ своей статьѣ «Повторенія», помещенной въ *Семь и Школѣ*, 1874 г., № 1.

урокъ между шестью группами, и, очевидно, не достигли бы никакого положительнаго результата.

Черченіе и пѣніе удобнѣе всего было бы раздѣлить на части ¹⁾, изъ коихъ каждая, представляя законченное цѣлое, начиналась бы съ наиболѣе простаго и легкаго и составляла бы постепенный переходъ къ болѣе сложному и трудному.

Такимъ образомъ всѣ предметы преподаванія въ нашихъ низшихъ училищахъ, за исключеніемъ счисленія, языка и геометріи, допускаютъ полную возможность для учителя обращаться непосредственно ко всему классу, благодаря лишь извѣстному расположенію по годамъ учебнаго матеріала.

Что же касается до геометріи, ариѳметики и грамматики, то нельзя безнаказанно разрывать тотъ стройный логическій порядокъ, въ какомъ находятся между собою математическія и грамматическія свѣдѣнія; невозможно изучать дѣйствія съ простыми и десятичными дробями, не зная основныхъ ариѳметическихъ дѣйствій; нельзя преподавать стереометрію ученикамъ, не имѣющимъ понятія о планиметріи; никто не станетъ учить синтаксисъ прежде, чѣмъ не усвоитъ главнѣйшихъ свѣдѣній изъ этимологіи. Значитъ, при обученіи этимъ предметамъ, долженъ быть принятъ другой порядокъ, возможный, правда, только тамъ, гдѣ классъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Чтобы избѣжать дробленія такого класса на группы, можно каждый годъ проходить курсъ цѣлаго класса, то-есть то, что должно было бы пройти въ два года. Напримѣръ, во 2-мъ классѣ 3-хласснаго городского училища по ариѳметикѣ проходятся первыя четыре дѣйствія съ отвлеченными и именованными числами и элементарный курсъ дробей. Пусть преподаватель вмѣсто того, чтобы дѣлить классъ на отдѣленія и съ однимъ изъ нихъ проходить дѣйствія съ отвлеченными числами, а съ другимъ дѣйствія съ составными именованными и элементарныя свѣдѣнія о дробяхъ, весь курсъ класса пройдетъ въ одинъ годъ. Такимъ образомъ, каждый ученикъ будетъ слушать одинъ и тотъ же курсъ два раза; но это не только не вредно, а даже необходимо, такъ какъ только при основательномъ повтореніи пройденнаго возможны прочныя свѣдѣнія. Нельзя опасаться, что при такомъ порядкѣ расположенія учебнаго матеріала, когда учитель постоянно преподаетъ всему классу вмѣстѣ, не будетъ въ одинъ годъ пройдено все то, что предполагалось пройти въ два года, при раздѣленіи класса

¹⁾ По числу лѣтъ обученія.

на группы. Если принять во вниманіе, что при этомъ ученикъ будетъ слушать учителя вдвое больше времени, что дисциплина будетъ строже и вниманію учителя и учениковъ, сосредоточенному на предметахъ преподаванія, не будетъ помѣхъ, то приходишь почти къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что весь 2-хъ лѣтній курсъ не только будетъ пройденъ въ одинъ годъ, но и усвоенъ учениками лучше, чѣмъ усваивается теперь въ два года. Допустимъ, однако, что предметы, о которыхъ идетъ рѣчь, въ первый годъ усвоены будутъ хуже; но, вѣдь, ученики, выслушавшіе курсъ одинъ разъ, весь слѣдующій годъ посвящаютъ повторенію и повторяютъ пройденное въ годичный срокъ, нѣтъ сомнѣнія, основательно.

Не трудно видѣть, что изложенный методъ имѣетъ много неоспоримыхъ достоинствъ и въ воспитательномъ отношеніи. Сюда относятся: а) строгій порядокъ въ преподаваніи и обученіи, смѣняющій неурядицу, неизбежную при раздѣленіи класса на группы; б) легко поддерживаемая при этомъ методѣ правильная дисциплина, которая не можетъ не отражаться на характерѣ учениковъ; в), всегда напряженное вниманіе,—эта способность, развивающаяся только путемъ упражненія и переходящая въ разсѣянность при неблагоприятныхъ для ея развитія условіяхъ; г) соревнованіе между учениками, сильно возбуждаемое тою особенностію этой системы, что младшіе ученики изучаютъ одно и то же съ болѣе взрослыми, а слѣдовательно, и болѣе развитыми, слышать отвѣты вполне обстоятельныя, что не можетъ не возбуждать въ нихъ желанія стать въ уровень съ своими старшими товарищами; е) бѣлая солидарность между старшими и младшими учениками одного и того же класса, выражающаяся между прочимъ въ томъ, что, какъ показалъ опытъ, старшіе ученики весьма часто добровольно берутся объяснять младшимъ недостаточно усвоенное послѣдними,—та солидарность, которая ведетъ къ развитію чувства симпатіи, лежащаго въ основѣ христіанской любви къ ближнему и которая представляетъ наилучшій оплотъ противъ узкокорыстныхъ побужденій.

Не говоря уже о томъ, что въ Германіи, гдѣ въ значительныхъ размѣрахъ практикуется защищаемая нами система и вытѣсняетъ всѣ другія, школы, конечно, не хуже тѣхъ изъ нашихъ, гдѣ классы дробятся на ненужныя группы, даже судя по опыту того городского училища, въ которомъ она была введена, практическіе результаты ея весьма утѣшительны. Открытое сначала въ 2-хъ классномъ составѣ

училище это только въ минувшемъ 1877—1878 учебномъ году было преобразовано въ 3-хъ классное.

Въ день открытія въ него поступили ученики урядовенной тогда приходской школы, не возвышавшейся надъ общимъ уровнемъ мѣстныхъ начальныхъ училищъ. Царившая тамъ механическая долбня и отсутствіе всякой разумной дисциплины при обученіи,—вотъ вліянія, формировавшія тѣхъ дѣтей, изъ коихъ впервые пришлось образовать городское училище. Нельзя было и думать, что при шестилѣтнемъ курсѣ городскихъ училищъ, при нѣсколькихъ отдѣленіяхъ, падающихъ на одного учителя, удастся сдѣлать первый выпускъ изъ училища ранѣе 5 или 6 лѣтъ, и это тѣмъ болѣе, что примѣры другихъ преобразованныхъ изъ приходскихъ школъ городскихъ училищъ, существовавшихъ съ большимъ числомъ преподавателей, доказывали недостижимость такого желанія. Однако, менѣе чѣмъ черезъ три года, первый выпускъ былъ сдѣланъ и его составляли ученики, прежде обучавшіеся въ приходскомъ училищѣ, и ученики эти, по мнѣнію всѣхъ ревизовавшихъ училище лицъ, стояли на степенн требованій оканчивающихъ курсъ въ городскихъ училищахъ. Успѣхъ этотъ объясняется не предварительною подготовкою учениковъ (они не могли быть хорошо подготовлены въ приходскомъ училищѣ), не особыми способностями ни ихъ самихъ, ни преподавателей: весь секретъ заключался въ методѣ соединенія нѣсколькихъ группъ въ одинъ классъ для совмѣстнаго преподаванія.

Въ то время, какъ въ другихъ городскихъ училищахъ преподаватели почти бесплодно бились надъ составляющими классъ нѣсколькими отдѣленіями, занутиваясь въ массѣ самостоятельныхъ работъ и во множествѣ неудобствъ, неизбѣжно сопровождающихъ принятую ими систему, здѣсь учитель всегда и постоянно обращался къ дѣлому классу.

Къ сожалѣнію, методомъ, о которомъ идетъ рѣчь, нельзя пользоваться съ учениками перваго года обученія — „звукониками“. Такъ какъ ученикамъ, не научившимся ни читать, ни писать, нельзя приисвать и подходящей самостоятельной работы, то нѣмецкіе учителя дѣлаютъ дневныя классныя занятія на двѣ перемѣны: одну для самыхъ маленькихъ дѣтей, начинающихъ учиться чтенію и письму; другую для болѣе успѣвшихъ;—способъ, можетъ быть, и удобный для дѣтей, но крайне отягчающій и безъ того тяжелый трудъ учителя. Въ англійскихъ и французскихъ начальныхъ школахъ, при первоначальномъ обученіи чтенію и письму, какъ и въ преподаваніи другой части сѣхихъ отд. 3.

гихъ предметовъ, употребляютъ взаимное обученіе, и, можетъ быть, ланкастерская система нигдѣ не имѣетъ лучшаго приложенія, какъ при первоначальномъ обученіи чтенію и письму. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ возраженія противъ нея сводятся къ ея механичности; но, вѣдь, при обученіи азбукъ прежде всего и преслѣдуются чисто механическіе навыки, хотя, конечно, необходимы старанія, чтобы и эти навыки приобрѣтались болѣе сознательно. Въ нѣкоторыхъ министерскихъ училищахъ недавно начали вводить въ употребленіе способъ, которому нельзя не пожелать возможно большаго распространенія. Онъ очень простъ. Во всякой школѣ, кромѣ учителя, есть еще и законоучитель. Обыкновенно, когда занимается законоучитель, не занимается одинъ изъ учителей; если же и законоучитель и учителя всегда будутъ заниматься одновременно, то на каждого изъ нихъ придется меньше отдѣленій. Этимъ способомъ распредѣленія уроковъ съ большимъ удобствомъ можно бы пользоваться, особенно въ занятіяхъ съ младшимъ классомъ.

Если упомянуть еще о нѣмецкомъ обычѣ—въ городахъ, гдѣ существуетъ нѣсколько начальныхъ училищъ, соединять ихъ въ одно, причемъ каждый учитель занимается уже съ учениками приблизительно одного возраста и развитія, то мы перечислимъ, кажется, все, что выработала теорія и практика въ вопросѣ о томъ, какъ избѣжать тѣхъ весьма существенныхъ неудобствъ, которыя вызываются необходимостью для одного учителя заниматься съ дѣтми различными по возрасту, развитію и времени пребыванія въ школѣ.

И такъ, общепринятый способъ занимать свободныя безъ того отдѣленія самостоятельной работой, усердно и успѣшно распространявшійся у насъ барономъ Корфомъ, оказывается невыдерживающимъ критики. Пусть не говорятъ защитники его, что неудобства, нами указанная, необходимое зло: мы уже видѣли, что зло это, неизбежное, правда, при существующей системѣ, весьма легко уничтожается при другой. Наилучшею системой оказывается соединеніе отдѣленій въ одинъ цѣлый классъ для совмѣстнаго преподаванія; но она не примѣнима къ дѣтямъ, начинающимъ учиться чтенію и письму; по отношенію къ послѣднимъ полезно привлекать законоучителя къ занятіямъ одновременно съ учителемъ, въ крайнемъ случаѣ остается прибѣгнуть въ самомъ младшемъ классѣ или къ системѣ взаимнаго обученія или къ раздѣленію дневныхъ занятій, по примѣру Германіи, на двѣ перемѣны.

В. Вахтеровъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О ДВАДЦАТИ ПЕРВОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ¹⁾.

На соисканіе, въ настоящемъ году, наградъ графа Уварова было представлено самими авторами одиннадцать сочиненій по части русской и славянской исторіи; сверхъ того, къ нимъ присоединилось два сочиненія, отложенныя отъ предыдущаго конкурса; такимъ образомъ, въ соисканіи участвовало тринадцать сочиненій, изъ которыхъ два были рукописныя.

Коммисія, назначенная общимъ собраніемъ Академіи для разсмотрѣнія этихъ сочиненій и для постановленія о нихъ приговора, состояла, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ академикомъ: М. И. Броссе, И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. Э. Вычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника и А. Н. Веселовскаго.

Между конкурсными трудами особое вниманіе коммисіи остановила на себѣ составленная г. Варановымъ „Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С. Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ“, въ 3-хъ объемистыхъ томахъ, съ слѣдующими къ нимъ, очень хорошими указателями. Признавая несомнѣнную пользу этого обширнаго труда въ смыслѣ первоначальнаго источника для отечественной исторіи, коммисія тѣмъ не менѣе должна была, въ отношеніи его, подчиниться тому обязательному для нея

¹⁾ Читанъ къ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1878 г. непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ К. С. Веселовскимъ.

параграфу правилъ объ Уваровскихъ наградахъ, по которому къ ихъ соисканію не допускаются собранія актовъ, грамотъ и вообще не обработанныхъ матеріаловъ. Заявляя отъ имени Академіи и всѣхъ занимающихся исторіей благодарность почтенному составителю „Описи“, и желаніе, чтобы трудъ его былъ продолжаемъ, комиссія искренно сожалѣетъ, что, вслѣдствіе вышеупомянутаго формальнаго постановленія, она не имѣетъ права отличить это важное и заслуживающее всякаго поощренія изданіе Уваровскою преміей.

Для остальныхъ двѣнадцати сочиненій комиссія избрала рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить подробные разборы конкурсныхъ произведеній къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока, комиссія признала необходимымъ одно изъ сочиненій отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ рецензій этого сочиненія отъ лица, принявшаго на себя ея составленіе.

Затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ сочиненій, комиссія назначила слѣдующимъ пяти малымъ Уваровскія награды (въ 500 р. каждая):

I.

Древніе города и другіе болгарско-татарскіе наметки въ Казанской губерніи. С. Шпилевскаго. Казань. 1877.

Желая получить разборъ этого сочиненія, составленный лицомъ, близко знакомымъ съ предметомъ, Академія обратилась съ просьбой о содѣйствіи ей въ этомъ случаѣ къ самому учредителю премій, графу А. С. Уварову, какъ къ такому ученому, который не только неуспынными заботами своими объ изслѣдованіи древностей въ Россіи, но и собственными литературными трудами по этой части, способствовалъ успѣхамъ русской археологии и приобрѣлъ право на уваженіе и признательность ученаго-міра. Съ готовностью принявъ приглашеніе Академіи, почтенный критикъ внимательно разсмотрѣлъ книгу г. Шпилевскаго, и взвѣсивъ ея достоинства и недостатки, пришелъ къ заключенію, благопріятному для автора.

Давно занимаясь этнолого-историческими изслѣдованіями Казанскаго края, г. Шпилевскій постоянно останавливался на вопросахъ о происхожденіи и древнемъ мѣстожителствѣ казанскихъ инородцевъ. Назначенный въ Казани четвертый съѣздъ археологовъ направилъ

его занятія къ спеціально-археологическому обследованію вещественныхъ памятниковъ бывшихъ тутъ царствъ, такъ какъ эти памятники, при недостаткѣ письменныхъ источниковъ, имѣютъ особенное значеніе для исторіи означеннаго края. Плодомъ этихъ занятій было сочиненіе, явившееся нынѣ на судъ Академіи.

Оно распадается на три главныя части: въ первой, авторъ разбираетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, свидѣтельства арабскихъ, персидскихъ и монголо-татарскихъ писателей о Камско-Волжскихъ Булгарахъ; во второй — разсматриваетъ сказанія о Булгарахъ и Булгарской землѣ, находящіяся въ русскихъ лѣтописяхъ; наконецъ, въ третьей — прилагаетъ вышеупомянутыя письменныя показанія къ разъясненію вещественныхъ памятниковъ древности, доселѣ сохранившихся въ Казанскомъ краѣ.

Вообще свѣдѣнія, собранныя въ первыхъ двухъ отдѣлахъ труда г. Шпилевского, по отзыву графа Уварова, доказываютъ, что авторъ обладаетъ глубокимъ и обширнымъ знаніемъ источниковъ, относящихся до Булгарскаго народа. Онъ не только ознакомился со всѣмъ матеріаломъ, изданнымъ до сихъ поръ по этому вопросу, но и критически разобралъ значеніе многихъ отдѣльныхъ памятниковъ. Однако въ такомъ научномъ и обширномъ сводѣ всѣхъ источниковъ, какъ тотъ, что сдѣланъ авторомъ, всякій пропускъ или всякую недомолвку рецензентъ считаетъ гораздо болѣе ощутительными, чѣмъ у другаго какаго-либо писателя, не на столько овладѣваемаго своимъ предметомъ. Поэтому онъ выражаетъ сожалѣніе прежде всего о томъ, что письменныя свидѣтельства, собранныя г. Шпилевскимъ, далеко не обнимаютъ всего того періода времени, къ которому относятся памятники, описанные имъ въ третьемъ отдѣлѣ его труда. Хотя топографія находокъ ограничена у него предѣлами почти одной только Казанской губерніи, однако приводимые имъ источники не въ состояніи разъяснить значеніе всѣхъ памятниковъ, найденныхъ даже въ этихъ предѣлахъ. Принявъ за основаніе сказанія однихъ лишь восточныхъ писателей, онъ не можетъ разъяснить состояніе Булгарскаго народа до самаго X вѣка. Только по поводу похода Кія, упоминаемаго въ русскихъ лѣтописяхъ, онъ касается IX вѣка, но и тутъ не упоминаетъ о византійскихъ и другихъ источникахъ, которые отчасти освѣщаютъ именно времена, предшествовавшія принятію Булгарскимъ народомъ ислама и остающіяся доселѣ какъ бы не изслѣдованными. Между тѣмъ эта древнѣйшая эпоха исторіи Булгарскаго народа тѣмъ болѣе любопытна, что въ тѣ времена преобладаніе ислама и мусуль-

манской культуры не измѣнили еще быта Булгарь и не изгладили своеобразныхъ чертъ ихъ народности.

Затѣмъ рецензентъ указываетъ на то, что, упустивъ изъ виду всѣ византійскіе источники и начавъ свою исторію булгарскихъ поселеній только съ X вѣка, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ не затронулъ вопроса и о народности Булгарскаго племени, тогда какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія, по необходимости, долженъ былъ бы коснуться этого вопроса хотя мимоходомъ. Между тѣмъ изслѣдованіе о народности Булгарь и о племенахъ, входившихъ въ составъ Камско-Волжскаго Булгарскаго царства, могло бы способствовать къ разъясненію многихъ изъ тѣхъ памятниковъ, которые описаны г. Шпилевскимъ. Даже позднѣйшее культурное развитіе Булгарскаго народа подъ вліяніемъ ислама не можетъ быть разъяснено безъ такого предварительнаго этнографическаго изслѣдованія. Поэтому читатель былъ бы въ правѣ ожидать отъ автора критической оцѣнки различныхъ взглядовъ на булгарскую народность. При его глубокомъ знаніи не только самаго края, но и всѣхъ его памятниковъ, критическій разборъ мнѣній Венелина, Шафарика, Гильфердинга, Бестужева-Рюмина, Иречка и другихъ могъ бы, по мнѣнію рецензента, разъяснить и сказанія византійскихъ историковъ, и значеніе записи о первыхъ Булгарскихъ князьяхъ, внесенной въ наши хронографы.

Кромѣ свѣдѣній о первоначальномъ размѣщеніи Булгарь, сообщаемыхъ византійскими писателями, существуютъ еще новыя указанія, дополняющія эти свѣдѣнія, въ тѣхъ находкахъ, которыя были сдѣланы въ приволжскихъ губерніяхъ. По тѣмъ и другимъ можно не только до известной степени опредѣлить границы Булгарскаго царства до наплыва мусульманскаго вліянія въ X вѣкѣ, но и объяснить, какимъ образомъ эти границы вліяли на торговлю Булгарь съ сосѣдями. Не подлежитъ сомнѣнію, что вѣнчяная торговля занесла къ Волжскимъ и Камскимъ Булгарамъ большую часть предметовъ, отрывааемыхъ въ Казанской и смежныхъ съ нею губерніяхъ. Видѣлить изъ всѣхъ находокъ по Волгѣ и Камѣ только тѣ, которыя были сдѣланы собственно въ Казанской губерніи, рѣшительно невозможно; даже изучать ихъ въ отдѣльности неудобно, такъ какъ всѣ онѣ происходятъ изъ однихъ общихъ торговыхъ источниковъ. Еслибъ авторъ обратилъ серьезное вниманіе на это обстоятельство и не упустилъ изъ виду нѣкоторыхъ армянскихъ источниковъ, а также свидѣтельства скандинавскихъ писателей и даже скандинавскихъ сагъ, то могъ бы, какъ полагаетъ рецензентъ, — представить весьма любопытныя подробности

не только о сношеніяхъ Булгарь съ сосѣдними племенами, но и о границахъ Великой Булгаріи, и не сталъ бы, какъ онъ это дѣлаетъ теперь, указывать на слѣды ислама, какъ на отличный признакъ Булгарскаго царства.

Послѣдній отдѣлъ труда г. Шпилевскаго содержитъ въ себѣ описаніе всѣхъ укрѣпленій, могилъ, мѣстъ находженія вещей и монетъ. Вступленіемъ въ этотъ отдѣлъ служитъ библиографія всѣхъ описаній Булгарскаго городища. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе окружности древняго города, вала, рововъ, городской стѣны, и наконецъ, зданій, бывшихъ въ городѣ. При этомъ авторъ приводитъ, съ замѣчательною полнотою, всё до нынѣ извѣстныя описанія этихъ зданій и критически разбираетъ справедливость и точность сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній объ уцѣлѣвшихъ развалинахъ. Послѣ внѣшняго ихъ обзора, онъ приводитъ также и все то, что было писано о технической сторонѣ этихъ построекъ, о времени, стилѣ, матеріалѣ и способѣ кладки булгарскихъ развалинъ. Съ такою же подробностью сообщены имъ описанія надписей, какъ существовавшихъ при Петрѣ Великомъ, такъ и доселѣ сохранившихся; въ этомъ отношеніи, можно только пожелать, чтобы при обѣщанномъ второмъ томѣ своего сочиненія, онъ издалъ въ хронологическомъ порядкѣ и самыя надписи. Сверхъ того, рецензентъ выражаетъ желаніе, чтобы авторъ дополнилъ свой трудъ собственными изслѣдованіями относительно мѣстностей, составляющихъ окрестности города. Согласившись съ мнѣніемъ, что описаніе Ибнъ-Фодлана относится къ Булгарскому городищу, онъ долженъ былъ бы изслѣдовать, гдѣ находилась та гавань и тѣ мѣста, которыя упоминаются у этого арабскаго писателя. Тогда, быть можетъ, открылъ бы онъ и тѣ курганы, въ которыхъ погребались умершіе чужестранцы, и такимъ образомъ указалъ бы на отличительныя признаки настоящихъ могилъ древнихъ Руссовъ.

Въ концѣ статьи о Булгарскомъ городищѣ г. Шпилевскій перечисляетъ древнія издѣлія, которыя были найдены въ этой мѣстности. Но матеріалъ, которымъ при этомъ онъ пользуется, по замѣчанію рецензента, далеко не полонъ, особенно въ отношеніи нумизматическихъ находокъ, а между тѣмъ монеты, находимыя въ Поволжьи, весьма важны для исторіи торговыхъ сношеній Булгарскаго народа. Указавъ на эти и другіе менѣе ощутительныя пробѣлы въ разсмотрѣнномъ имъ трудѣ, графъ Уваровъ тѣмъ не менѣе отдаетъ полную справедливость ученымъ заслугамъ г. Шпилевскаго и признаетъ, что изданная имъ книга, по богатству собраннаго въ ней

матеріала для изученія древностей Волжско-Камскихъ Булгаръ, составляетъ значительный вкладъ въ отечественную исторію.

II.

Очерки древней Казани, преимущественно XVI вѣка. Соч. протоіерея *Платона Заринскаго*. Казань. 1877.

Разборъ этого сочиненія былъ составленъ профессоромъ Казанскаго университета Н. А. Фирсовымъ.

Авторъ, давъ своей книгѣ слишкомъ широкое заглавіе, не оправдываемое ея содержаніемъ, представилъ въ ней, собственно говоря, рѣшеніе лишь одного спеціальнаго, чисто археологическаго вопроса — о топографіи татарской Казани въ половинѣ XVI вѣка и о планѣ осады ея войсками царя Іоанна IV. Разъясненіе этой задачи авторъ построилъ какъ на внимательномъ изученіи сдѣланныхъ покойнымъ Невоструевымъ обширныхъ извлеченій изъ Казанскихъ писцовыхъ книгъ, такъ и на критическомъ сопоставленіи извѣстій, находимыхъ въ Исторіи князя Курбскаго, въ Царственной Книгѣ, въ Казанской Исторіи неизвѣстнаго и въ другихъ второстепенныхъ источникахъ, въ ихъ связи съ указаніями, извлекаемыми изъ разсмотрѣнія естественныхъ условій казанской мѣстности. Рецензентъ признаетъ, что выводы, полученные отцемъ Заринскимъ путемъ добросовѣстнаго изученія этихъ источниковъ и наглядно изображенныя въ приложенномъ къ книгѣ планѣ Казани, имѣютъ немаловажное значеніе въ наукѣ. Если относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ татарской Казани заключенія автора еще могутъ подлежать спору, то въ общемъ очертаніи представленный отцемъ Заринскимъ планъ ея укрѣпленій осады и штурма ея Русскими въ 1552 году можно, кажется, признать весьма близкимъ къ истинѣ.

Но отдавая должную справедливость положительной сторонѣ труда отца Заринскаго, рецензентъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что авторъ напрасно не ограничился рѣшеніемъ одного вопроса о топографіи татарской Казани. Писцовая книга Невоструева нѣсколькими, заключающимися въ ней данными касательно разныхъ сторонъ быта христіанской Казани, преимущественно быта духовенства, привлекла также его вниманіе, и подъ вліяніемъ увлеченія этимъ матеріаломъ, онъ нашелъ умѣстнымъ сдѣлать отступленіе отъ главнаго предмета своего изслѣдованія, вставивъ въ средину его двѣ главы, изъ которыхъ одна (III-я) трактуетъ объ административно-полицейскомъ, судебномъ

и военномъ устройствѣ въ христіанской Казани, а другая (IV-я)—о разныхъ элементахъ ея населенія. Эти трактаты автора, разсматриваемые безъ отношенія ихъ къ прочимъ частямъ его труда, представляютъ нѣкоторый научный интересъ лишь по тѣмъ, впрочемъ, отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя почерпнуты имъ изъ вышеназванной писцовой книги. Остальныя въ нихъ разсужденія автора объ указанныхъ сторонахъ быта Казани въ первое время господства надъ нею Русскихъ не имѣютъ, по мнѣнію рецензента, особаго значенія для науки, такъ какъ они отличаются неполнотою, неопредѣленностію, а нерѣдко невѣрностію, и основываются во многихъ случаяхъ на позднѣйшихъ источникахъ, напримѣръ, XVII столѣтія, вмѣсто имѣющихся на лицо современныхъ. Разсматриваемыя же въ связи съ прочими частями труда отца Заринскаго, эти главы не только не служатъ къ уясненію существенной его задачи, но портятъ ея, прерывая связь и нарушая послѣдовательность въ изложеніи предмета.

Съ другой стороны увлеченію отца Заринскаго писцовою книгою Невоструева, бывшему причиною появленія въ трудѣ его сейчасъ отмѣченныхъ главъ, мы обязаны слѣдующими затѣмъ превосходными главами V-й и VI-й. Эти главы, въ которыхъ, въ соединеніи съ II-ю главой собственно и рѣшается авторомъ главный вопросъ его труда—вопросъ о топографіи татарской Казани и планъ осады ея Русскими, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ, съ большимъ умѣньемъ и любовію, описаніе Казани, какъ она была чрезъ 15 лѣтъ послѣ покоренія ея Русскими. Ни въ какомъ другомъ ученомъ трудѣ такъ ясно и отчетливо не представлены результаты жизни и дѣятельности русскаго населенія въ столицѣ прежняго татаро-магометанскаго царства въ теченіе перваго періода русскаго въ ней господства, какъ въ этихъ главахъ почтеннаго труда отца Заринскаго. Всякій, кто вздумаетъ заняться изученіемъ древностей Казани, не можетъ обойтись безъ содѣйствія и руководства, доставляемыхъ этою частію его изслѣдованія.

Въ заключительной (VI-й) главѣ, посвященной изображенію хода осады и взятія Казани въ 1552 г., сначала вѣрно опредѣляется значеніе этого событія въ исторіи русскаго развитія и излагаются ближайшія къ нему и подготовившія его обстоятельства и отношенія, а затѣмъ авторъ, вооруженный основательнымъ знаніемъ топографіи Казани, съ замѣчательною ясностію представляетъ дѣло, преимущественно съ техническо-военной точки зрѣнія; онъ рельефно выставляетъ главнѣйшіе моменты и фазы борьбы, закончившейся водру-

женіемъ христіанскаго знамени на развалинахъ столицы магометанскаго царства.

III.

Мурманскій и Терскій берега по Книгѣ Большаго Чертежа. Исслѣдованіе Е. К. Огородникова. С.-Пб. 1869.

Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей съ ихъ притоками, по Книгѣ Большаго Чертежа. Исслѣдованіе Е. К. Огородникова. С.-Пб. 1877 г.

Постановляя свой приговоръ объ этихъ сочиненіяхъ, комиссія имѣла передъ собою подробный разборъ его, составленный, по вызову Академіи, доцентомъ Варшавскаго университета Н. П. Барсовымъ.

Въ нашей исторической литературѣ уже давно по достоинству оцѣнили значеніе Книги Большаго Чертежа, какъ одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ древней русской географіи. Еще ея издатель 1792 г. старался показать, какой драгоцѣнный источникъ составляетъ она для исслѣдователя минувшихъ судебъ нашего отечества; еще со времени Татищева она сдѣлалась настольною книгою для каждаго историка Россіи. Но мысль о необходимости спеціальнаго изученія этого памятника подалъ впервые Невольинъ, внесши въ 1851 г. въ Императорское русское географическое общество предложеніе объ этомъ. Съ тѣхъ поръ Общество ставило задачу о разъясненіи Книги Большаго Чертежа въ числѣ другихъ важныхъ, предлагавшихся имъ вопросовъ. Но конкурсъ на эту задачу долгое время оставался открытымъ, такъ какъ являвшіяся на него отвѣтныя работы оказывались не вполне удовлетворяющими цѣли. Честь перваго опыта научно-критической разработки Книги Большаго Чертежа принадлежитъ г. Огородникову, который въ изысканіи о Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ по этой книгѣ, изданномъ въ 1869 г., далъ весьма основательные отвѣты на вопросы о происхожденіи утраченнаго чертежа, его назначеніи и времени составленія. Извѣстно, съ какимъ сочувствіемъ сочиненіе г. Огородникова было принято въ средѣ Географическаго общества, которое, основываясь на донесеніи особой комисіи и на рецензій Д. А. Кропотова, увѣнчало этотъ трудъ золотою медалью. Уже тогда авторъ заявилъ о своемъ намѣреніи продолжать разработку Книги Большаго Чертежа, и новое его исслѣдованіе о Прибрежьяхъ Бѣлаго и Ледовитаго морей составляетъ результатъ этихъ дальнѣйшихъ занятій.

Оба труда г. Огородникова построены по одному плану; въ томъ и въ другомъ приняты однѣ и тѣ же критическіе приемы и одина-

ковный способъ изложенія; оба они привели автора къ одинаковымъ заключеніямъ по вопросу объ источникахъ и времени возникновенія Книги Большаго Чертежа. Вслѣдствіе того рецензентъ рассматриваетъ ихъ какъ одно цѣлое, при чемъ прежде всего останавливается на той части изслѣдованія г. Огородникова, которая служитъ какъ бы введеніемъ къ нему и содержитъ въ себѣ разъясненіе этнографическаго и географическаго положенія сѣвернаго поморья въ эпоху, предшествовавшую возникновенію Большаго Чертежа.

✧ Передавъ въ краткихъ словахъ содержаніе этой части и представивъ автору возраженія противъ нѣкоторыхъ изъ выставленныхъ имъ здѣсь положеній, рецензентъ тѣмъ не менѣе признаетъ, что, за немногими исключеніями, она отличается обстоятельнымъ изложеніемъ предмета, которое показываетъ, что г. Огородниковъ близко ознакомился съ литературою затронутыхъ имъ вопросовъ, трудился съ большою осмотрительностію и чрезъ то уяснилъ многія изъ тѣхъ данныхъ, которыя должны быть приняты въ основаніе при критическомъ разборѣ Книги Большаго Чертежа. Такое вступленіе дѣйствительно подготавливаетъ читателя къ дальнѣйшему изученію положенія края, какимъ онъ представляется въ этомъ географическомъ памятникѣ, и конечно, не пройдетъ безслѣдно для будущихъ разработчиковъ русской исторической географіи. Въ особенную заслугу автора рецензентъ ставитъ то, что онъ, на основаніи историко-географическаго матеріала XVI—XVII столѣтій, почти вполне имъ ичерпаннаго, отмѣтилъ массу населенныхъ мѣстъ, которыя въ Книгѣ Большаго Чертежа вовсе не упоминаются, опредѣлилъ ихъ положеніе на современной картѣ края, сообщилъ о многихъ изъ нихъ разныя историческія подробности, и такимъ образомъ, въ значительной мѣрѣ восстановилъ географію русскаго сѣвера въ предѣлахъ нынѣшнихъ Архангельской и Вологодской губерній за XVI и XVII столѣтія.

Обращаясь къ изслѣдованію о самомъ текстѣ Книги Большаго Чертежа, рецензентъ свидѣтельствуетъ, что и здѣсь авторъ воспользовался почти всѣмъ матеріаломъ, который можно найти въ изданіяхъ историческихъ памятниковъ, и сверхъ того, имѣлъ подъ рукою пособія, очень рѣдкія и не всѣмъ доступныя. На сколько критику удалось, при помощи бывшихъ въ его распоряженіи средствъ, прозрѣть этотъ трудъ, вездѣ точность и добросовѣтность являются отличительными качествами изслѣдованія. Г. Огородниковъ не опустилъ изъ виду ни одного, даже самаго мелкаго указанія Книги Большаго Чертежа, и для каждаго даннаго онъ старался найти на-

стоящее положеніе на современной картѣ. Дѣлая свои заключенія о той или другой мѣстности только послѣ тщательной провѣрки картографическихъ указаній, онъ не довольствуется сходствомъ и даже тождественностью именъ, но по возможности подкрѣпляетъ свои выводы свидѣтельствомъ другихъ историческихъ памятниковъ, современныхъ Книгѣ Большаго Чертежа. Наблюдательность и осторожность, съ которыми онъ разбираетъ темныя и сомнительныя данныя Книги, придаютъ особенный вѣсъ его критическимъ соображеніямъ.

При такихъ условіяхъ многосложный трудъ г. Огородникова привелъ къ разнообразнымъ и весьма важнымъ результатамъ. Къ наиболѣе цѣннымъ изъ этихъ результатовъ рецензентъ относитъ, сверхъ почти точнаго приуроченія данныхъ Книги Большаго Чертежа къ нынѣшней картѣ страны, опыты автора, по большей части удачныя, исправить текстъ изслѣдованнаго имъ памятника и его предположенія относительно времени и способа его составленія. Г. Огородниковъ нашелъ въ немъ слѣды четырехъ редакцій, изъ которыхъ самая древняя относится къ XV вѣку. Впрочемъ свои выводы по вопросу о времени возникновенія и постепеннаго исправленія чертежа онъ считаетъ еще не окончательными, а доказанными только въ извѣстной степени, и совершенно справедливо замѣчаетъ, что могутъ представиться новые факты, способные измѣнить и дополнить эти выводы.

Въ заключеніе своей рецензіи г. Барсовъ признаетъ, что не смотря на нѣкоторые недостатки и пробѣлы въ изслѣдованіяхъ г. Огородникова, не смотря на то, что отъ изложенія его трудовъ можно было бы пожелать болѣе ясности и опредѣленности, эти труды поставили разработку одного изъ важнѣйшихъ нашихъ историческихъ памятниковъ на твердую почву и уяснили критическій методъ, который можетъ привести послѣдующихъ изслѣдователей къ положительнымъ результатамъ. Вслѣдствіе того сочиненіе г. Огородникова онъ считаетъ весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для русской исторической науки.

IV.

Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи, написанныхъ Ф. Бруномъ (1852—1877). Часть I. (Рукопись).

Историческая географія южной Россіи всегда составляла любимый предметъ занятій Одесскаго ученаго, Ф. К. Бруна. Собравъ нынѣ статьи по этому предмету, напечатанныя имъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, онъ подвергъ нѣко-

торыя изъ нихъ переработкѣ соответственно измѣнившимся его взглядамъ на дѣло, и представилъ Академіи двѣнадцать такихъ статей въ качествѣ рукописи, назначенной къ изданію въ видѣ первой части сборника подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Въ составъ этой части входятъ слѣдующія статьи: 1) Островъ Тирагетовъ и греко-латинская надпись, найденная въ селѣ Коротномъ; 2) Островъ св. Еверія; 3) Нѣчто о Добруджѣ; 4) Островъ Певки; 5) Къ вопросу о древней топографіи Ираклійскаго полуострова; 6) Берегъ Чернаго Моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій; 7) Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море; 8) Обмелѣніе Азовскаго моря; 9) Донесеніе о поѣздкѣ къ устьямъ Буга и Днѣпра; 10) Судьбы мѣстности, занимаемой Одессою; 11) О поселеніяхъ италіанскихъ въ Газаріи, и 12) О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами.

Рецензію этого сборника, по приглашенію Академіи, составилъ профессоръ В. Г. Васильевскій, который призналъ трудъ г. Бруна на столько важнымъ, что многія изъ его положеній провѣрилъ самостоятельнымъ пересмотромъ данныхъ, выработанныхъ наукою. Подробно разсмотрѣвъ каждую изъ статей сборника, онъ заключаетъ свой отзывъ о нихъ слѣдующимъ общимъ выводомъ: „Не смотря на довольно строгую критику, которой мы должны были подвергнуть эти статьи, мы убѣждены въ томъ, что „Черноморье“ Ф. К. Бруна, появившись въ томъ видѣ, какъ оно теперь представлено Академіи, составитъ драгоценное приобрѣтеніе для русской ученой литературы. Академіи наукъ, много разъ печатавшей на страницахъ своихъ изданій труды Ф. К. Бруна, хорошо извѣстна его дѣятельность, только отчасти представляемая собранными теперь двѣнадцатью статьями. Еслибъ Академія наукъ въ представленіи Ф. К. Бруномъ первой части его предполагаемаго сборника къ соисканію Уваровской преміи могла усмотрѣть удобный случай къ тому, чтобы вообще почтить многолѣтнюю, безкорыстную и полезную ученую дѣятельность соискателя, то было бы вполнѣ прилично присудить ему высшую награду. По нашему мнѣнію, Академія наукъ, имѣя предъ своими глазами труды человѣка, почти цѣлую жизнь посвятившаго наукѣ, не можетъ ограничиться одною поощрительною наградою, развѣ только она усвоитъ ту точку зрѣнія, что ея обсужденію подлежитъ только представленная теперь первая часть Сборника, и что поощрительною наградою

полезно будетъ побудить автора къ скорѣйшему изданію прочихъ его изслѣдованій“.

V.

Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Йосефа II 1780—1790 гг. Историческое изслѣдованіе А. Трачевскаго. С.-Пб. Часть I. (Рукопись).

Это сочиненіе было, по просьбѣ Академіи, рассмотрѣно членомъ Археографической комиссіи Г. О. Штендманомъ, который, въ своей рецензіи, указываетъ на достоинства и слабыя стороны труда г. Трачевскаго и опредѣляетъ значеніе этого изслѣдованія въ ряду другихъ ученыхъ работъ по тому же предмету.

Предсмертное созданіе Фридриха II, „союзъ князей“, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ событій въ новѣйшей исторіи Европы, такъ какъ имъ положено первое основаніе къ объединенію Германіи, завершаемому на нашихъ глазахъ. Хотя въ нѣмецкой литературѣ ужь имѣются нѣкоторые почтенные труды по этому предмету, однако многое въ исторіи союза князей остается недостаточно объясненнымъ, потому что иностраннѣмъ ученымъ оставались неизвѣстными русскіе архивные матеріалы. Между тѣмъ союзъ князей составляетъ такое историческое явленіе, которое не можетъ быть вполне основательно изслѣдовано безъ пособія именно этихъ матеріаловъ, такъ какъ онъ былъ заключенъ въ пору самаго близкаго участія Россіи во внутреннихъ дѣлахъ Германіи. Имѣя это въ виду, г. Трачевскій рѣшился пополнить такой пробѣлъ разработкой относящихся сюда матеріаловъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Ближайшее ознакомленіе съ трудомъ г. Трачевскаго привело рецензента къ убѣжденію, что дѣла, которую авторъ поставилъ себѣ, выполнена имъ съ замѣчательнымъ талантомъ и добросовѣстностью. Читатель, знакомясь въ интересномъ и живомъ разказѣ, съ однимъ изъ важнѣйшихъ фазисовъ исторіи Германіи, получаетъ возможность выяснить себѣ многія стороны русской политики въ ту эпоху.

Собственно изслѣдованію о союзѣ князей авторъ предпослалъ общее опредѣленіе историческаго значенія главнѣйшихъ политическихъ дѣателей разсматриваемаго имъ времени, и затѣмъ, въ особой вводной главѣ, разбираетъ отношенія Россіи къ Германіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ до Екатерины II. Сдѣлать это онъ счелъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что въ русской исторической литературѣ до

сихъ поръ не существуетъ цѣльнаго изложенія этого предмета. Эта глава, по отзыву рецензента, содержитъ въ себѣ много любопытнаго, но страдаетъ неполнотою и кое-гдѣ запутанностью сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, происшедшими частью по винѣ автора, не воспользовавшагося нѣкоторыми наличными матеріалами для ея обработки, частью отъ того, что многіе изъ документовъ, которые могли бы служить для его цѣли, въ особенности хранящіеся въ австрійскихъ архивахъ, остаются до сихъ поръ не обнаруженными.

Тѣ же самыя недостатки г. Штендманъ находитъ и въ существенныхъ главахъ изслѣдованія г. Трачевскаго, содержащихъ въ себѣ изложеніе исторіи возникновенія союза князей и нѣмецкой политики Екатерины, Фридриха и Иосифа. Со строгостью ученаго критика онъ дѣлаетъ автору возраженія на нѣкоторыя изъ его положеній, выставляетъ на видъ сдѣланные имъ пропуски, указываетъ на тѣ печатныя пособія и архивныя источники, которыми онъ не воспользовался. Въ особенности рецензентъ сожалеетъ о томъ, что г. Трачевскій не прибѣгъ къ государственному архиву въ Петербургѣ, гдѣ могъ бы найти довольно много документовъ, относящихся къ предмету его изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе г. Штендманъ признаетъ, что это изслѣдованіе въ значительной степени служитъ къ разъясненію одного изъ важнѣйшихъ событій новѣйшей исторіи. Комиссія, присуждая этому сочиненію премію, приняла въ соображеніе ту часть труда г. Трачевскаго, которою обогащается новыми свѣдѣніями запасъ данныхъ для исторіи русской политики въ прошломъ столѣтіи.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Академія наукъ сочла своимъ долгомъ публично выразить признательность свою постороннимъ рецензентамъ, оказавшимъ ей содѣйствіе сообщеніемъ отзывовъ о конкурсныхъ сочиненіяхъ, и шестерымъ изъ этихъ критиковъ, а именно графу А. С. Уварову, Р. Ф. Гаусману, В. И. Срезневскому, В. Г. Васильевскому, И. А. Водуэну-де-Куртенэ и Г. Э. Штендману присудила по золотой Уваровской медали.

Независимо отъ большихъ и малыхъ наградъ графа Уварова, положеніемъ объ этихъ наградахъ установлена особая поощрительная премія, въ 500 руб., за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіей по исторіи и древностямъ русскимъ.

На нынѣшній разъ Академія вновь обращаетъ вниманіе занима-

ющихся русскою исторіей на вопросы, предложенные ею прежде, и приглашаетъ ихъ доставить ей рѣшеніе слѣдующихъ задачъ:

1. Исторія древне-русскихъ княжествъ.
 2. Историческія отклоненія Польскаго народа и государства къ Русскому племени.
 3. О составѣ западно-русскихъ, такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописей.
 4. Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемиическихъ сочиненій, статей и брошюръ, наданныхъ въ свѣтъ Русскими въ сѣверо-и юго-западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтій.
 5. Коментарій на договоры Кіевскихъ великихъ князей съ Византійскими царями.
 6. Исторія мореплаванія у Славянскихъ народовъ до XIII вѣка.
- Сверхъ того, Академія предлагаетъ слѣдующую новую задачу:

О языкѣ Балтійскихъ Славянъ.

Южное Балтійское поморье отъ Эльбы до Вислы, какъ страна, въ которой и доселѣ въ разныхъ мѣстахъ остались слѣды когда-то господствовавшего въ ней Славянскаго народа, много разъ было предметомъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій и повѣствованій; но языкъ Славянъ, населявшихъ это поморье въ средніе вѣка, до сихъ поръ еще не былъ, въ полномъ своемъ объемѣ, предметомъ подробнаго изученія. Хотя о языкѣ Кошубовъ и восточныхъ Поморянъ, равно какъ о языкѣ Люнебургскихъ Долянъ и Горянъ существуютъ нѣкоторыя филологическія работы, но онѣ относятся исключительно къ языку новому, а средневѣковые говоры всего Балтійскаго поморья, между прочимъ и говоры Велетовъ и Оборитовъ, остаются не изслѣдованными. Между тѣмъ источниковъ для изслѣдованій этихъ говоровъ не мало. Это—лѣтописи, разказы и записки, относящіяся къ исторіи Балтійскихъ Славянъ и географіи ихъ земли, граматы разнаго рода, относящіяся къ разнымъ славянскимъ мѣстностямъ Балтійскаго поморья,—имена родовныя потомковъ Славянъ и названія разныхъ мѣстностей, доселѣ сохранившіяся,—славянскія слова, вошедшія въ нѣмецкіе говоры Балтійскаго поморья. Изъ этихъ источниковъ извлекаются: 1) въ очень значительномъ количествѣ нарицательныя слова, превратившіяся въ собственныя имена лицъ и мѣстностей, 2) нарицательныя слова, относящіяся къ быту народа,

3) нѣкоторыя сочетанія словъ,—а эти данныя даютъ свѣдѣнія о фонетикѣ разныхъ говоровъ, о множествѣ коренныхъ созвучій и обликовъ образованія слова, частію о склоненіи, спряженіи и словосочетаніи. Все это должно быть выработано. Надобность въ отобраніи и разработкѣ данныхъ о языкѣ Балтійскихъ Славянъ тѣмъ настоятельнѣе, что черезъ это не только освѣтится яенѣ народность и образованность этой замѣчательной отрасли Славянскаго племени, но и вскроется все, что можетъ быть приводимо изъ языка въ доказательство ближайшихъ отношеній въ нимъ Славянъ Русскихъ, въ чемъ уже не разъ встрѣчалась надобность.

Главная и наиболѣе тяжелая часть труда о языкѣ Балтійскихъ Славянъ заключается въ вѣрномъ и полномъ выборѣ данныхъ изъ источниковъ и постановка ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобъ ими можно было пользоваться съ наибольшимъ удобствомъ. Эта часть работы и предлагается какъ задача по Уваровскому конкурсу.

Въ отвѣтъ на эту задачу должны заключаться:

1) Перечень всѣхъ источниковъ, изъ которыхъ извлечены данныя въ повременномъ порядкѣ, съ обозначеніемъ изданій, по которымъ каждый изъ источниковъ былъ изучаема.

2) Списки словъ и выраженій въ азбучномъ порядкѣ, съ указаніемъ источниковъ и съ букввальнымъ написаніемъ каждаго по подлиннику, именно: Списокъ именъ личныхъ и родовыхъ, съ обозначеніемъ по источнику званія лицъ и мѣста ихъ жительства.—Списокъ именъ мѣстностей съ обозначеніемъ, на сколько возможно, положенія каждой мѣстности.—Списокъ нарицательныхъ словъ, съ обозначеніемъ ихъ значенія, гдѣ можно, по источнику.—Особый списокъ сочетаній словъ, вошедшихъ въ предыдущіе списки.

Всѣ эти списки могутъ быть ограничены пространствомъ времени отъ VIII до XV вѣка, такъ что всѣ болѣе позднія показанія могутъ быть приведены только какъ объяснительныя дополненія къ словамъ, вошедшимъ въ списки. Азбучный порядокъ въ спискахъ словъ и выраженій не можетъ быть сдѣланъ по подлиннымъ написаніямъ, потому что въ подлинникахъ одно и то же слово написано различно и менѣе или болѣе неправильно въ отношеніи къ выраженію звуковъ языка. Для этого надобно употребить какой-нибудь одинъ однообразный способъ чтенія—всего лучше такой, который возстановлялъ бы звучность балтійскаго нарѣчія, при чемъ могла бы быть употреблена азбука старославянская или же латино-славянская въ томъ видѣ,

какъ она теперь усвоена большою частію Западныхъ Славянъ. Само собою разумѣется, что желаніе сдѣлать чтеніе сколько возможно болѣе правильнымъ заставитъ составителя быть осмотрительнымъ въ постановкѣ чтенія каждаго слова и для этого пользоваться сравнительными приѣмами. Нужно будетъ сравнивать не только различныя написанія слова, но и различныя слова одинаковаго строя по образованію временныхъ созвучій и ихъ сочетанію, а равно и слова тѣ же или похожія по образованію въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Срокъ присылки отвѣтовъ на вышеприведенныя задачи назначается двухлѣтній, то-есть, въ январю 1880 года.

НОВЫЯ УЧЕНЫЯ РАБОТЫ О ФЕОДАЛИЗМѢ ВЪ ИТАЛІИ ¹⁾

Будучи командированъ для ученыхъ работъ за границу, я получилъ отъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета инструкцію, въ которой были указаны двѣ цѣли моей поездки: 1) занятія въ Берлинской библиотекѣ и 2) собраніе матеріала для избранной мною для диссертациі темы (о происхожденіи феодализма въ Италіи) въ италіанскихъ архивахъ и библиотекахъ. Имѣя въ виду, что занятія въ Берлинѣ могутъ относиться только къ общей части диссертациі или къ изученію нѣмецкой литературы по отдѣльнымъ специальнымъ вопросамъ, между тѣмъ какъ самыя источники находятся исключительно въ Италіи, я рѣшился начать свои занятія во Флоренціи, затѣмъ, по возможности, объѣздить другіе, важные для меня, города Италіи, и уже въ концѣ посвятить остающееся время на изученіе нѣмецкой специальной литературы въ Берлинѣ.

Во Флоренцію я прибылъ 16/23 апрѣля. Національная библиотека представляетъ для иностранца сравнительно наибольшую возможность ориентироваться въ италіанской литературѣ по какому-либо вопросу или эпохѣ ²⁾. Поэтому первыя двѣ недѣли я употребилъ на ознакомленіе съ италіанскими сочиненіями по первой половинѣ среднихъ вѣковъ вообще и по исторіи развитія феодальныхъ отношеній въ особенности. Весьма скоро могъ я прійти къ заключенію, что мнѣ

¹⁾ Эта статья составляетъ отчетъ, представленный въ министерство народнаго просвѣщенія командированнымъ для приготовления къ профессорскому званію кандидатомъ Московскаго университета г. П. Виноградовымъ.

²⁾ Въ Римѣ, напротивъ, какъ я увидѣлъ впоследствии, литература XIX вѣка почти отсутствуетъ.

не придется посторониться передъ нашимъ ильбудъ національно-итальянскимъ трудомъ, который уже разрѣшилъ бы поставленные мною себѣ вопросы. Въ 1878 году остается справедливымъ то, что писалъ Вайцъ въ началѣ шестидесятыхъ: „Все еще остается желать, чтобы подверглась подробному и точному изученію исторія введенія бенефициальнаго порядка и вообще исторія итальянскихъ учреждений въ зависимости отъ первоначальной лангобардской основы и позднѣйшаго франкскаго вліянія“¹⁾. Не входя въ разборъ причинъ этого вліянія и не останавливаясь на характеристикѣ различныхъ обстоятельствъ, задерживавшихъ до сихъ поръ развитіе итальянской исторіографіи²⁾, укажу вкратчѣ главныя сочиненія, касающіяся прямо или косвенно происхожденія различныхъ частей феодальной системы.

Главная монографія по этому предмету написана въ 1836 году знаменитымъ впоследствии издателемъ лангобардской Правды—Бауди ди-Весме и Спирито Фоссати³⁾. Самаго краткаго обзора книги достаточно, чтобы показать, что они коснулись всѣхъ главныхъ сторонъ предмета.

Уже въ исторіи Римской имперіи мы встрѣчаемся съ фактомъ, который въ значительной степени содѣйствовалъ образованію общественныхъ условій позднѣйшей феодальной системы. Колонаты и стоящія съ нимъ въ связи явленія дали первый толчекъ къ сліянію полусвободившихся рабовъ и утратившихъ свою независимость свободныхъ людей въ одинъ классъ прикрѣпощенныхъ земледѣльцевъ. Но что дало начало колонату?—Политика Римскихъ императоровъ, отвѣчаютъ Весме и Фоссати;—начиная со временъ Константина, они переселяютъ на опустѣвшую отъ жителей римскую почву цѣлыя племена варваровъ, и эти земледѣльцы по принужденію были первыми колонатами. Колонаты представляетъ вкладъ Римской имперіи въ исторію феодализаціи. Господство Готтовъ пустило корни слишкомъ неглубоко, чтобы оказать замѣтное вліяніе въ этомъ направленіи. На сколько содѣйствовала феодализаціи лангобардская эпоха? Право собственности, или лучше сказать, право на вещи, не представляетъ еще соединенія владѣнія земель и политическихъ правъ и обязанностей, отличающаго бенефициальную собственность. Лангобардское завоеваніе различаетъ слѣдующіе виды правъ на вещи. Ариманнамъ принадлежатъ

¹⁾ *Waits, Deutsche Verfassungsgeschichte*, III, 309; IV, 152.

²⁾ Ср. напримѣръ, *Paddaletti, Fontes juris italici*, предисловіе.

³⁾ *Vicende della proprietà fondiaria in Italia*. Torino, 1836.

полная собственность по отношенію къ доставшемуся имъ по дѣлу имуществу; король и герцоги имѣютъ, помимо своей частной собственности, вытекающія изъ ихъ правительственнаго положенія права на собственность подчиненныхъ имъ лицъ; встрѣчаются, хотя не часто, случаи, что извѣстное лицо (лангобардскій comes, напримѣръ) получаетъ пожизненное право распорядиться и начальствовать въ извѣстной мѣстности, что обвязываетъ его къ особенной вѣрности по отношенію къ лицу, сообщавшему это право; нѣкоторые изъ лангобардскихъ чиновниковъ, напримѣръ, гастальды, имѣютъ право на извѣстную долю продуктовъ какого-либо подчиненнаго имъ участка, но только какъ на вознагражденіе за исполненіе обязанностей. Во всемъ этомъ весьма мало элементовъ, которые могли бы; привести къ феодализму. Но есть другая черта лангобардской исторіи, которая весьма содѣйствовала паденію Лангобардскаго королевства и распаденію Италіи—особенное положеніе герцоговъ, которые были въ одно и то же время и самыми крупными собственниками, и главными правительственными лицами. Здѣсь начинается сліяніе правъ на землю и верховныхъ правъ—главный отличительный признакъ феодализма. Напротивъ, въ весьма употребительныхъ либелларныхъ договорахъ нельзя никакъ видѣть позднѣйшій вассалитетъ. Это, собственно говоря, простыя наймы, не ведущіе сами по себѣ къ политическому подчиненію. Въ отношеніи землевладѣнія и политическаго вліянія церкви Весме и Фоссати признаютъ уже въ лангобардскую эпоху существованіе двухъ весьма важныхъ предвѣстниковъ феодализма—церковныхъ иммунитетовъ и церковныхъ бенефиціевъ. Но все-таки главную услугу феодализациі оказали Франки. Какъ только появились въ Италіи франкскіе гарнизоны, началась раздача бенефицій въ вознагражденіе за службу франкскихъ воиновъ. Тѣ въ свою очередь пріучили туземное населеніе къ этой формѣ владѣнія землею.

На основаніи бѣлаго обзора результатовъ, къ которымъ приходятъ Весме и Фоссати, нельзя однако судить о самомъ способѣ изслѣдованія и о матеріалѣ, послужившемъ для него основаніемъ. Нѣкоторая неопредѣленность точки зрѣнія, отсутствіе цѣльности и ясности замѣты, впрочемъ, ужь изъ подобнаго обзора и объясняются именно свойствомъ труда и матеріала. Книга написана на сроекъ и на тему; написана съ академическою широтой и склонностью къ общимъ разсужденіямъ въ противоположность точному и подробному изслѣдованію; написана, наконецъ, въ 1836 году, когда матеріалъ для разрѣшенія задачи едва начиналъ собираться: не было еще порядочнаго

изданія лангобардской Правды, изданія грамотъ; даже изданія дурныя были своего рода роскошью¹⁾. Не мудрено, что трудъ Бауди ди-Весме и Фоссати въ настоящее время не удовлетворяетъ ни въ какомъ отношеніи.

Весьма опредѣленную и характеристическую физіономію, если можно такъ сказать, представляетъ теорія Энрико Поджи²⁾. Она высказана гораздо ранѣе появленія въ свѣтъ сочиненія Фюстель-Куланжа, который въ свою очередь ничего не зналъ, вѣроятно, о Энр. Поджи, а между тѣмъ во многихъ подробностяхъ, и главное, въ общемъ пониманіи среднихъ вѣковъ представляютъ самое поразительное сходство. Оба принадлежатъ къ романской расѣ и въ исторіи прежде всего ищутъ ея вліянія; Германскія племена имѣли, по ихъ мнѣнію, гораздо меньше значенія въ исторіи Франціи и Италіи, чѣмъ вообще полагаютъ. Въ частности феодализмъ, который обыкновенно выводятъ исключительно изъ завоеванія и сліянія двухъ національностей, въ главныхъ чертахъ подготовился уже ранѣе. „Обычай и учрежденія, возникшіе въ концѣ императорской эпохи“, говоритъ Поджи, — „приготовили наилучшій цементъ для образованія феодальной системы“. Періоду видимаго развитія феодализма предшествовалъ во время господства Римской имперіи періодъ менѣе замѣтнаго образованія самыхъ основъ феодализма. Прикрѣпленіе колоновъ, уплата податей натурою, замѣна арендной платы натуральными повинностями, вся система земельного хозяйства въ латифундіяхъ, *enfiteusis*, которая, видоизмѣнившись нѣсколько, дала происхожденіе лену, наконецъ — патронатъ могущественныхъ и богатыхъ надъ слабыми, всѣ эти зародыши феодализма сложились уже въ послѣдніе вѣка имперіи, до завоеванія. Затѣмъ, они развивались постепенно, и послѣдующіе факты ускоряли, видоизмѣняя въ подробностяхъ, но не въ главномъ, это развитіе. Поэтому не слѣдуетъ придавать исключительнаго значенія въ процессѣ феодализаціи франкскому завоеванію. Феодализмъ не былъ принесенъ Франками въ Италію, а сложился и

¹⁾ Весме и Фоссати ссылаются изъ грамотъ только на изданныя *Брунетти, Муратори, Учелло* и *Аффо*.

²⁾ *Cenni storici delle leggi sull' agricoltura*. Firenze, 1845; рецензія на сочиненіе *Gloria* о земледѣліи въ Падовано въ *Archivio Storico Italiano*, Nuova Serie, IV; De prime origini e le principale vicende degli istituti feudali in Italia, *Arch. st. It.* N. Ser., VI.

во Франціи, и въ Италиі въ одинаковыя формы вслѣдствіе одинаковыхъ, хотя независимыхъ другъ отъ друга, условий.

Чтобъ характеризовать сочиненіе Габріеля Розы о феодахъ и коммунахъ¹⁾, достаточно будетъ привести слѣдующія слова автора: „Бенефиціи впервые встрѣчаются во время Цезаря; раздача ихъ была приведена въ систему Августомъ, который внесъ ихъ въ особенный реестръ. Феоды отличаются отъ первоначальныхъ бенефиціевъ тѣмъ, что послѣдніе жаловались въ полную собственность, безъ удержанія *dominium*'а относительно пожалованной недвижимости. Кромѣ того, бенефиціи не сообщали никакого права на лицъ, проживавшихъ въ пожалованномъ участкѣ, между тѣмъ какъ феоды“ и т. д. Вся книжка представляетъ „en grand“ такое же смѣшеніе понятій и теорій, какъ приведенное мѣсто. Габ. Роза заглянулъ даже въ нѣмецкія сочиненія, но это только увеличиваетъ путаницу.

Кромѣ этихъ сочиненій, ставящихъ себѣ главною задачею разрѣшеніе вопроса о происхожденіи феодализма²⁾, необходимо обратить вниманіе на нѣсколько другихъ, касающихся отдѣльныхъ сторонъ предмета или затрагивающихъ его вообще на ряду съ другими.

Въ первомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія труды, посвященные исторіи земледѣлія и землевладѣнія и нѣкоторыхъ земледѣльческихъ договоровъ, имѣвшихъ большое значеніе въ процессѣ феодализаціи. А. Глорія³⁾ переноситъ интересныя и остроумныя, но мало подкрѣпленные фактами заключенія Энрико Поджи на реальную почву. Гораздо ранѣе Джироламо Поджи⁴⁾ соединилъ въ одномъ сочиненіи юридическое изслѣдованіе относительно либеллярныхъ договоровъ и ихъ исторію. Историческая часть въ настоящее время, конечно, недостаточна, и въ этомъ отношеніи едва ли удовлетворяетъ вполне даже послѣдній трудъ Латтеса, удостоенный преміи Туринскою академію⁵⁾. Дѣйствительно полезную часть этого труда составляетъ, мнѣ кажется, исторія, или лучше сказать, матеріалы для исто-

¹⁾ G. Rosa, Feudi e comuni. Brescia, 1875. Первоначально появилось подъ заглавіемъ: Feudi e comuni nella Lombardia.

²⁾ Не останавлиюсь на трудахъ Сартори и Орландо, потому что они занимаются феодализаціей Венеціи и Сициліи, то-есть, провинцій, лежащихъ за предѣлами лангобардской Италиі; книги Winspeare, Storia degli abusi feudali, я еще не видалъ.

³⁾ Storia e collezione delle legi riferibili all' agricoltura nel Padovano.

⁴⁾ Saggio d'un trattato teorico-pratico sul sistema livellare. Firenze 1829.

⁵⁾ Напечатанъ въ *Memorie dell' Accademia di Torino* за 1871 годъ.

рѣи эмфитевтическаго договора и колоната въ концѣ Римской имперіи: приведены всѣ мѣста классическихъ юристовъ и законодательныхъ постановленій императоровъ до Юстиніана включительно, которыя прямо или косвенно относятся сюда. Напретивъ того, часть сочиненія, посвященная исторіи тѣхъ же институтовъ въ средніе вѣка, не представляетъ ни новыхъ взглядовъ, ни сколько-нибудь полнаго собранія матеріала. Драгоценный источникъ всѣхъ подобнаго рода изысканій—грамоты, едва затронуть.

Перехожу къ общимъ сочиненіямъ, по той или другой причинѣ, важнымъ для моей задачи. Вопросъ о степени развитія феодальныхъ отношеній въ Италіи еще до франкскаго завоеванія имѣетъ значеніе для всякаго, занимающагося исторіей лангобардскихъ учрежденій и права. Джино Каппони ¹⁾ находитъ, что самое лангобардское завоеваніе и раздѣлъ земель, за нимъ послѣдовавшій, были уже первыми поводами къ распаденію. Лангобарды не дали римскому населенію какого-либо опредѣленнаго государственнаго положенія и тѣмъ помѣшали конечному сліянію расъ. Распределеніе Римлянъ и римской собственности между отдѣльными частными людьми также содѣйствовало только разложенію каждаго изъ двухъ племенъ, а не соединенію ихъ въ національное и государственное единство. Къ подобному же результату приводитъ чрезвычайное могущество герцоговъ: въ лангобардскомъ государственномъ строѣ „опредѣленнѣе выражена феодальная идея, нежели въ Франкскомъ королевствѣ при Меровингахъ. Приведеніе феодальныхъ отношеній въ систему есть дѣло Карла Великаго, который сообщилъ имъ силу и единство, но самый феодальный принципъ, могущество сеньеровъ въ мѣстностяхъ и превращеніе чиновниковъ въ бароновъ, все это существовало уже при Лангобардахъ“. — Шупферъ въ своей замѣчательной книгѣ ²⁾ не задаетъ себѣ общаго вопроса о феодализаци въ Италіи до франкскаго завоеванія, но въ частности разбираетъ, по обновленію весьма внимательно, два учрежденія, появившіяся уже при Лангобардахъ и подготовившія феодализмъ, то есть, королевскія пожалованія и церковные иммунитеты. Относительно первыхъ онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Пожалованіе не давало владѣльцу права распоряжаться по произволу данною ему во владѣніе землею: онъ могъ хозяйничать

¹⁾ Sulla dominazione dei Langobardi in Italia въ *Archivio Storico Italiano*, Append. alla I Serie, I.

²⁾ Istituzioni politiche langobardiche. Firenze, 1863.

на ней, пользоваться ею, но такъ, чтобъ она не потеряла въ качествѣ; притомъ онъ не могъ передать ее кому-либо другому безъ разрѣшенія короля; отчужденіе участка казною, если только оно имѣло мѣсто, не совершалось на вѣчныя времена, касалось только пользованія участкомъ, то-есть, извѣстнымъ доходомъ съ него, и не связывало представителей государственной власти, которые не дали на него прямого согласія. Отсюда необходимость испрашивать утвержденія пожалованій¹⁾. Однимъ словомъ, Шупферъ вполне признаетъ условный, „бенефициальный“, характеръ королевскихъ пожалованій у Лангобардовъ, который Ротъ²⁾ отрицаетъ относительно меровингскихъ Франковъ. Здѣсь не мѣсто входить въ анализъ подробностей его аргументаціи, но необходимо обратить вниманіе на важность самаго заключенія въ виду извѣстнаго спора о ходѣ феодализаціи у Франковъ. Имунитеты, по мнѣнію Шупфера, являются у Лангобардовъ только въ видѣ исключенія, притомъ простираются только на освобожденіе отъ податей или повинностей, и такимъ образомъ, имѣютъ весьма мало общаго съ имунитетами Франскихъ императоровъ и королей.

Изъ всѣхъ италіанскихъ ученыхъ, занимавшихся исторіей лангобардскихъ учреждений, самый знаменитый, конечно, Карло Тройя, но онъ сосредоточиваетъ свои изысканія главнымъ образомъ на вопросѣ о роли и судьбахъ лангобардской и римской расы, о ихъ юридическомъ положеніи и вліяніи на законодательство. Мимоходомъ онъ упоминаетъ о комментаціи³⁾, о бенефицияхъ, но только, чтобъ отложить изслѣдованіе этихъ явленій до болѣе удобнаго времени. Къ сожалѣнію, ему удалось довести свою „Исторію Италіи“ только до лангобардской эпохи, но не было дано написать исторію этого періода.

Остается сказать о двухъ историкахъ италіанскаго права—Склописѣ⁴⁾ и Пертиле⁵⁾, которые, каждый по своему, коснулись нашего вопроса. Первый посвящаетъ ему нѣсколько общихъ разсужденій на двухъ трехъ страницахъ своего перваго тома, по моему мнѣнію, слабѣйшаго изъ всѣхъ. Феодализмъ, по мнѣнію Склописа, занесенъ Франками и всегда оставался чуждымъ явленіемъ въ Италіи. За исключеніемъ Неаполя и Сициліи, Пьемонта, и пожалуй Ломбардіи, онъ пустилъ весьма слабые корни въ италіанскихъ провинціяхъ. Если

¹⁾ Geschichte des Beneficialwesens.

²⁾ Sulla condizione dei Romani vinti dai Langobardi.

³⁾ Storia della legislazione italiana, 3 тома, Torino, 1863.

⁴⁾ Storia del diritto italiano, Padova, 1873—1877. Пока вышли 4 тома.

отыскивать первый толчекъ, данный къ образованію феодальныхъ отношеній, то придется признать его въ движеніи, выражавшемся въ дружинномъ бытѣ, и т. д.

Пертле написалъ свою главу о причинахъ происхожденія феодализма, какъ и вообще все свое сочиненіе, подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкаго научнаго движенія. Въ данномъ случаѣ еще слѣдуетъ Роту и подробно налагаетъ его теорію, подтверждая ее отчасти примѣрами изъ итальянскихъ грамотъ и законодательныхъ постановленій. Попятно, что при подобной точкѣ зрѣнія, Пертле придаетъ главное значеніе въ процессѣ феодализаціи франкскому завоеванію.

Изъ этого весьма краткаго обзора можно заключить, что новѣйшіе итальянскіе писатели, занимавшіеся исторіей феодализаціи, мало сдѣлали пока для разрѣшенія связанныхъ съ нею вопросовъ. За исключеніемъ Шупфера и Пертле, они всѣ болѣе или менѣе въ зависимости отъ возрѣвнй школы, которую можно назвать для краткости французской. Гизо, Лаферрьеръ, Шампньеръ, Секретанъ имѣли на нихъ рѣшительное вліяніе. Оттого, не смотря на уваренную форму и на богатство общихъ разсужденій, у итальянскихъ историковъ весьма мало оригинальности, ясности и законченности во взглядахъ (за исключеніемъ Энр. Поджи). Иначе и быть не могло при способѣ работы и пользованія матеріаломъ, который отличаетъ почти всѣ эти сочиненія. Читая ихъ, можно подумать, что имѣемъ дѣло съ одною изъ тѣхъ эпохъ и задачъ, для которыхъ матеріала почти не сохранилось, и все приходится дополнять гипотезами, общими предположеніями. Между тѣмъ, затрудненіе заключается въ противоположномъ — въ необыкновенномъ изобиліи матеріала. Не говоря о летописяхъ и законодательныхъ памятникахъ, мы имѣемъ тысячи грамотъ, которыя раскрываютъ намъ всѣ подробности экономической и юридической жизни первой половины среднихъ вѣковъ. Мало того, что никто не попытался систематически заняться разработкой этихъ памятниковъ, — они даже не собраны и не приготовлены для разработки. Навѣрное половина грамотъ IX и X вѣковъ еще не видана совсѣмъ; заглавія изъ напечатанныхъ, нѣкоторымъ изданы весьма дурно. Когда я, ознакомившись съ новѣйшею итальянскою литературой по вопросу о началѣ феодализма въ Италіи, обратился къ источникамъ и въ частности къ грамотамъ, то скоро пришелъ къ заключенію, что придется составлять себѣ собственными средствами своего рода Codex diplomaticus, по крайней мѣрѣ для доловинъ лангобардскихъ провинцій Италіи. Имѣя въ виду, что летописи и законодательные па-

материал изданъ въ большинствѣ случаевъ отлично, и притомъ доступнымъ вездѣ, я рѣшился посвятить свое пребываніе въ Италіи ознакомленію съ ненаданными или затерянными въ рѣдкыхъ сочиненіяхъ грамотами IX и X вѣка, обращаю притомъ главное вниманіе на Тоскану, Сиену и Беневонте, такъ какъ для Ломбардіи и Пьемонта уже существуютъ хорошія изданія ¹⁾.

По самому свойству работы, могу представить вамъ только вышній и бѣднѣйшій обзоръ моихъ свѣдѣній въ этомъ направленіи ²⁾. Май и первую недѣлю іюня (по старому стилю) я работалъ въ Флорентинскомъ архивѣ надъ христианскими грамотами. Древнѣйшія собраны въ изданіяхъ Тройи ³⁾ и Брунетти ⁴⁾. Первый въ большинствѣ случаевъ не выдалъ самыхъ подлинниковъ, а ограничивался перепечатываніемъ изъ подлинниковъ рѣдкѣ сочиненій и изданій; притомъ, онъ относился къ своему материалу безъ надлежащей критики и потому въ его свѣдѣніи вошло очень много подложныхъ памятниковъ ⁵⁾. Брунетти, ограничиваясь предѣлами Тосканы, самъ выдалъ и переписалъ документы своего изданія. Оно доведено до 814 года и хотя не удовлетворяетъ въ томъ отношеніи современной палеографіи, но въ главномъ представляетъ совершенно достаточную и прочную основу для историческихъ и юридическихъ изысканій. Но истинное сокровище для издѣлвателя это собраніе грамотъ Луккской епархіи, составленное канониками Бергиди и Бароккиани ⁶⁾. Оно содержитъ въ себѣ 1776 документовъ VIII, IX и X вѣковъ, которые почти воф сохранились въ архіепископскомъ архивѣ. Притомъ, они изданы весьма тщательно. Мы не имѣемъ ничего подобнаго для другихъ частей Тосканы; изъ грамотъ Сиенскаго государственнаго архива выданы только древнѣйшія въ вышеупомянутомъ собраніи Брунетти; изъ соборныхъ

¹⁾ Не говоря о замѣчательныхъ, но устарѣвшихъ трудахъ *Fumagalli*, *Luni* и др., мы имѣемъ полный свѣдѣніи, относящихся свѣдѣ грамотъ въ I, VI и XIII томахъ туринскаго изданія *Monumenta historicae patriae*.

²⁾ Считаю нужнымъ оговорить, что въ большинствѣ случаевъ я ограничивался переписываніемъ существенныхъ частей грамотъ и опускалъ постоянно повторяющіяся формулы, такъ какъ моею цѣлью было воспользоваться грамотами для моей работы, а не приготовить достаточно полную коллекцію лангобардскихъ грамотъ; это дѣло самихъ Итальянцевъ.

³⁾ *Codice diplomatico langobardo*. Napoli, Б. тронъ (4-я часть «*Historia Italiae*»).

⁴⁾ *Codice diplomatico toscano*. Firenze, 1803.

⁵⁾ Напримѣръ, *Вримоסקіе*. См. *Wattenfeld* въ *Arch. St. It.*, N. S., X, 71.

⁶⁾ *Memorie e documenti spettanti alla storia di Lucca*, IV и V.

архивовъ Пизы и Арrezzo много сообщилъ Муратори ¹⁾, но изданныя имъ грамоты переписаны весьма неправильно; то же замѣчаніе еще въ гораздо большей степени, относится къ изданіямъ Захаріи ²⁾, Пуччинелли ³⁾ и Галлетти ⁴⁾, Косма делья Рена и Камичи ⁵⁾, Лами ⁶⁾, Угелли ⁷⁾. Гораздо лучше изданіе—*Annales Camaldulenses ordinis S. Benedicti*, но къ сожалѣнію, въ немъ напечатано весьма мало тосканскихъ грамотъ IX и X вѣковъ.

Я началъ свои занятія въ Флорентинскомъ архивѣ со сличенія изданныхъ документовъ съ оригиналами, а затѣмъ перешелъ къ не изданнымъ Пистойскимъ грамотамъ. Ихъ оказалось тринадцать ⁸⁾, и я переписалъ ихъ цѣликомъ (*Patrimonio eccles. di Pistoja*—одна, 801 года; *Capitolo di P.*—девять, отъ 857 до 998 года; *Vescovado di P.*—одна, 941 года; *S. Mercuriale di P.*—двѣ, 945 и 985 годовъ); Гораздо многочисленнѣе не изданныя грамоты аббатства Пассиньяно ⁹⁾. Я свѣлъ копию съ шестидесяти-одного документа, изъ которыхъ изданы только два ¹⁰⁾. Всѣ относятся къ десятому вѣку, за исключеніемъ одной грамоты 884 года; почти всѣ сохранились въ оригиналѣ (только три копии). Наконецъ, даже относительно „флорентинскаго аббатства“, основаннаго графиней Виллой ¹¹⁾, нашлось три не изданныя грамоты.

Въ началѣ іюля я отправился въ Римъ, разчитывая пробить тамъ недѣли двѣ, и уѣхать на время самой сильной жары въ Сіену. Вместо двухъ недѣль, однако, пришлось пробить цѣлый мѣсяцъ. Правда, пришлось отказаться отъ достиженія главной цѣли, которую я задавался при путешествіи въ Римъ: объ изученіи *Regestrum Farfense* нечего было и думать въ виду громадности кодекса и крат-

¹⁾ *Antiquitates*, vol. III, VI.

²⁾ *Anecdota medii aevi*, историческія грамоты.

³⁾ *Istoria di Ugo il Grande*. Milano. 1664. *Cronica dell'abbadia di Firanze*.

⁴⁾ *Ragionamento dell'origine e dei premieri tempi della Badia Fiorentina*. Roma. 1773.

⁵⁾ *Duchi e marchesi toscani*.

⁶⁾ *Monumenta ecclesiae florentinae*. Florentiae, 1758.

⁷⁾ *Italia Sacra. Venetis, 1717—1722* (изд. Коллетти).

⁸⁾ Большинство издано Захаріей.

⁹⁾ Основано въ концѣ X вѣка.

¹⁰⁾ *Soldanius*, *Storia della Badia di S. Michele di Passignano*, напечаталъ грамоты 903 и 987 гг.

¹¹⁾ *Galletti*, *Ragionamento sui primi origini*, etc., p. 30—33, доказалъ, что монастырь основанъ въ 978 году, а не въ 998, какъ полагалъ Пуччинелли.

кости времени: оставалось всего недѣля для занятій въ Ватиканской библиотекѣ. Притомъ, какъ я узналъ въ Римѣ, Римское историческое общество уже приступаетъ къ издаванію этого драгоценнаго памятника ¹⁾. Не имѣя возможности пользоваться оригиналомъ, я попробовалъ достать, по крайней мѣрѣ, копию, но и въ этомъ случаѣ не имѣлъ успѣха; изъ трехъ полныхъ копій, о которыхъ упоминаетъ Ветмацъ ²⁾, одна, составленная Галлетти, находится въ Варшавѣ и потому въ настоящее время также недоступна, какъ и оригиналъ; другая, хранившаяся въ библиотекѣ монастыря S. Paolo fuori le mura, по видимому, затерялась; третья—копія Фаттески, находилась въ архивѣ S. Croce in Gerusalemme, но однако, не была передана въ библиотеку Виктора-Эмануила послѣ упраздненія монастыря. Остается ждать изданія римскаго историческаго общества, а пока довольствоваться тѣми отдѣльными грамотами, которыя напечатаны у Галлетти, Фаттески, Мабильона, Муратори и т. д. Но если мнѣ удалось только видѣть издали *Regestum Farsense*, собраніе всѣхъ дарственныхъ грамотъ, купчихъ крѣпостей, привилегій, завѣщаній и судебныхъ рѣшеній, касающихся одного изъ знаменитѣйшихъ и могущественнѣйшихъ монастырей Италіи и Кверини ³⁾, то я имѣлъ полную возможность заняться остальными частями компіляціи Григорія Катинскаго, которыя изъ упраздненнаго монастыря Фарфи перенесли въ библиотеку Виктора-Эмануила. Вторая, составленная около 1067 г., заключается въ себѣ собраніе либелларныхъ и эмфитевтическихъ договоровъ аббатства ⁴⁾. На сколько первая часть, *Regestum*, интересна для научающаго собранія земель монастыремъ, на столько вторая, *Largitorium* или *Codex emphyteuticus*, драгоценна для исторіи монастырскаго хозяйства, управленія этими громадными землями. Третья часть, хроника, составлена между 1105 и 1119 гг. и напечатана у Муратори ⁵⁾. Четвертая, *Flevisiger*, составленная около 1032 г., представляетъ нѣчто въ родѣ указателя въ остальные: матеріалъ расположенъ въ ней не въ хронологическомъ, а въ алфавитномъ порядкѣ, по именамъ церквей, имѣній и земельныхъ участковъ. Въ теченіе трехъ недѣль я занимался второю частью, собраніемъ прекарій, ко-

¹⁾ См. *Archivio della Società romana di Storia patria*, vol. I, fasc. II.

²⁾ *Monum. Germ. historica*, X, 552.

³⁾ *Mon. Germ. S. XI*, p. 548. *Regestum* составлено въ промежуткѣ между 1092 и 1099 годомъ.

⁴⁾ *M. G.*, p. 552—554.

⁵⁾ *Scriptores rerum italicarum*, II b, 299 и сл.

торое для моей задачи, можетъ быть, интереснѣе самое *Regestum*. Притомъ изъ провѣданаго напечатаннаго все-таки весьма многие документы, а изъ „*Largitoria*“ не болѣе десяти. Мнѣ удалось сдѣлать самую полную выдержку той части *Largitoria*, которая относится къ VIII, IX и X вѣкамъ до 998 года, когда аббатомъ былъ Гуго, знаменитый „*restitutor*“ имѣній монастыря. Повторяю, для исторіи церковнаго землевладѣнія, которое играетъ первостепенную роль въ процессѣ феодализаціи, не можетъ быть болѣе интереснаго замѣтка: не говоря уже о числѣ документовъ, необходимо обратить вниманіе на исключительное положеніе самого аббатства, имѣнія котораго лежатъ то волостальными, сплошными массами, то отдѣльными островами въ Сабинѣ и Папской области, въ герцогствѣ Сполето, въ Примерской маркѣ, въ Аbruццахъ и герцогствѣ Беневентскомъ. Хотя монастырь находится въ непосредственной сферѣ вліянія Рима и папы, хотя исторія римскихъ Альбериковъ и Пресценціевъ переплетается съ исторіей аббатства монастыря, тѣмъ не менѣе Фарфа остается лангобардскимъ аббатствомъ, живетъ по лангобардскому праву ¹⁾, когда можно — возстать противъ римскаго вліянія и идти въперевѣстельства императора ²⁾. Аббаты X вѣка — тѣ же бароны, и исторія монастыря въ эту эпоху представляетъ одинъ изъ самыхъ характеристичныхъ примѣровъ феодализаціи.

Первую недѣлю моего пребыванія въ Римѣ, пока была открыта Ватиканская бібліотека, я занимался въ ней сліченіемъ хроникъ Беневентскаго монастыря св. Софіи in Ponticello, напечатанной у Угелли ³⁾, съ оригиналомъ ⁴⁾. Хроника эта въ сущности тоже хартуларій монастыря и составлена въ началѣ VII вѣка. Даже не имѣя въ рукахъ подлинника, можно видѣть, что изданіе Угелли очень плохо: при сліченіи я убѣдился, что оно не могло быть хуже, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Хроника написана прекраснымъ лангобардо-беневентскимъ шрифтомъ, и потому только человекъ, не имѣющій никакого понятія о палеографіи и притомъ совершенно невнимательный, могъ переписать ее такъ, какъ она напечатана у Угелли. Пропуски на каждомъ ша-

¹⁾ См., напримѣръ, судебный протоколъ 998 года апрѣля 9-го, напечатанный *Muratori, Mabillon, Gallotti* (Primisero), но лучше всего у *Coppi, Sui modi di procedere nei giudizi medievali di Roma*, въ *Archiv Stor. It.*, III Serie, Vol. XIII.

²⁾ Въ XI и XII вѣкѣ эта черта обнаруживается еще яснѣе.

³⁾ *Italia Sacra*, vol. X—*Anecdota Ughelliana* (изд. *Pollettini*).

⁴⁾ *Cod. Vatic. Lat. № 4939*.

гу, пропуски не буквъ, не словъ, а цѣлыхъ строкъ. Чтобы можно было судить объ ошибкахъ, приведу два-три примѣра; *jure quinto* вм. *jure quieto*; *portis alarum* вм. *portis ad largum*; *Corvo* вм. *Camro* и т. п. При подобныхъ условіяхъ слѣдуетъ въ подробностяхъ бесполезно: это было бы все равно, что переписывать вновь. Я принужденъ былъ ограничиться восстановленіемъ смысла, устраненіемъ ошибокъ, искажающихъ его, и пополненіемъ пропусковъ. Къ сожалѣнію, даже этого я не успѣлъ сдѣлать вполнѣ до закрытія Ватиканской бібліотеки.

Въ настоящее время я работаю въ Сіенскомъ архивѣ надъ грамотами монастыря *S. Salvadore di Monte Siniata*, а затѣмъ думаю побывать еще разъ во Флоренціи и отправиться въ Аренцо.

Сіена, $\frac{16\text{-го}}{28\text{-го}}$ іюля 1878.

И. Виноградовъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ И ИНСТИТУТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета въ 1877 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры и мѣры къ замѣщенію ихъ; объ усиленіи учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе наградъ за представленныя на заданныя темы сочиненія; ученые труды преподавателей и читанныя ими публичныя лекціи; испытанія на ученые степени и званія; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. — О состояніи и дѣйствіяхъ ветеринарныхъ институтовъ: Харьковскаго, Казанскаго и Дерптскаго.

Въ Новороссійскомъ университетѣ состояло къ 1-му января 1878 года, сверхъ профессора православнаго богословія, слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ—3, изъ нихъ одинъ исправляющій должность, экстраординарныхъ—2, доцентовъ—4, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ—3; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ—11, экстраординарныхъ—3, доцентовъ—4, лаборантовъ—4, астрономъ-наблюдатель—1; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ—7, экстраординарный—1, доцентъ—1. Вообще при университетѣ, сверхъ профессора православнаго богословія, находилось: ординарныхъ профессоровъ—21, экстраординарныхъ—6, доцентовъ—9, астрономъ-наблюдатель—1, лекторовъ—3, лаборантовъ—4. Сверхъ того, на историко-филологическомъ факультетѣ три бывшихъ профессора читали лекціи въ качествѣ стороннихъ преподавателей по найму, а на физико-математическомъ состояли сверхштатные: 1 ординарный профессоръ и 3 лаборанта. Приватъ-доцентовъ не имѣлось. Незамѣщенными оставались слѣдующія каѳедры: въ историко-филологическомъ

факультетъ философіи—съ октября 1876 года, римской словесности—съ августа 1877 года, сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ—съ октября 1874 года и исторіи всеобщей литературы; въ физико-математическомъ: физической географіи—съ мая 1865 года; въ юридическомъ: энциклопедіи права—съ іюня 1875 года, государственнаго права и церковнаго законовѣдѣнія—съ того же времени и международного права—съ мая 1865 года. Общее число преподавательскихъ вакансій къ 1-му января 1878 года было: относительно временнаго штата—4 ординарныхъ профессора, 4 экстраординарныхъ, 1 доцентъ, 1 лекторъ, а всего—10; сравнительно же съ постояннымъ штатомъ—6 ординарныхъ профессоровъ, 7 экстраординарныхъ, 7 доцентовъ, 1 лекторъ, а всего—21.

Въ 1877 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—24, физико-математическій—30, въ томъ числѣ два публичныхъ, и юридическій—30, изъ коихъ два публичныхъ. Въ видахъ устраненія по возможности ущерба въ преподаваніи отъ некомплекта вакантныхъ кафедръ, а также усиленія преподаванія болѣе важныхъ факультетскихъ предметовъ, чтеніе неважныхъ кафедръ было поручено наличнымъ преподавателямъ другихъ предметовъ, а преподаваніе по важнейшимъ кафедрамъ распределено между нѣсколькими преподавателями. Такъ, а) на историко-филологическомъ факультетѣ читались дополнительныя лекціи въ первой половинѣ года: профессоромъ римской словесности Юргевичемъ—по кафедрѣ греческаго языка и словесности (исторія греческой литературы 2 лекціи въ недѣлю), профессоромъ русскаго языка и русскаго языка Некрасовымъ—по вакантной кафедрѣ русскаго языка (исторія Пскова, 2 лекціи); стороннимъ преподавателемъ, профессоромъ Бруномъ—по всеобщей исторіи (исторія Востока до Персидскихъ войнъ, 2 лекціи, исторія среднихъ вѣковъ, 2 лекціи); доцентомъ греческой словесности Воеводскимъ—по вакантной кафедрѣ философіи (исторія греческой философіи, 2 лекціи); во второй половинѣ года: стороннимъ преподавателемъ Юргевичемъ—по вакантной кафедрѣ римской словесности (объясненіе Горация, 2 лекціи, римская древности—1 лекція, объясненіе Тацита *Dialogus de oratoribus*—1 лекція); профессоромъ славянскаго языка Кочубицкимъ—по сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ (литовскій языкъ въ связи съ сравнительною грамматикою основныхъ индо-европейскихъ языковъ, 2 лекціи); стороннимъ преподавателемъ Бруномъ—по всеобщей исторіи (исторія землевѣдѣнія и географическихъ открытій до

Колумба—2 лекціи, исторія открытій и поселеній Европейцевъ съ XV по XVIII в.—2 лекціи); старшимъ преподавателемъ Орбитскимъ—по философіи (философія Канта, 2 лекціи); доцентомъ греческой словесности Воеводскимъ—по философіи (исторія греческой философіи начиная съ софистовъ—2 лекціи), б) по физико-математическому факультету: преподаваніе математики было раздѣлено между профессорами Сабининымъ и Ярошенко и доцентомъ Пресображенскимъ. Затѣмъ въ первой половинѣ года преподаваніе практической астрономіи и теоріи вѣроятностей (способъ наименьшихъ квадратовъ) было поручено астроному-наблюдателю Блону; преподаваніе по вакантной кафедрѣ физической географіи было раздѣлено между двумя преподавателями: математическая часть была поручена астроному-наблюдателю Блону, а геологическая—профессору минералогіи Головинскому; во второй половинѣ года: преподаваніе практической астрономіи принялъ на себя профессоръ Берзевичъ, а теоріи вѣроятностей—профессоръ математики Ярошенко; преподаваніе физической географіи было поручено профессору физики Швадову, а преподаваніе теоретической механики раздѣлено между профессорами Коростелевымъ и Лигинымъ; преподаваніе начертательной геометріи принялъ на себя профессоръ Лигинъ, а физиологію животнымъ—доцентъ Бернштейнъ; в) на юридическомъ факультетѣ, вслѣдствіе того, что на первыхъ двухъ курсахъ, чтеніе лекцій по исторіи славянскихъ законодательствъ, во случаѣ заграничной командировки профессора Богинича, не было, поручено было, для усиленія занятій студентовъ, профессору судостроительства и гражданского судопроизводства Мамыну чтеніе институцій римскаго права на двухъ означенныхъ курсахъ; въ тѣхъ же видахъ русское государственное право, обыкновенно преподаваемае на III и IV курсахъ, читалось и на первыхъ двухъ курсахъ. По вакантнымъ кафедрамъ чтеніе было поручено: энциклопедіи права—профессору исторіи русскаго права Леонтовичу, международнаго права—профессору полицейскаго права Шнилевскому, церковнаго законовѣдѣнія—профессору православнаго богословія Будряцеву. Засимъ вовсе не читалось лекціи: на историко-филологическомъ факультетѣ: въ первомъ полугодіи—сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ и исторіи всеобщей литературы, а во второмъ—по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы; на физико-математическомъ, въ первой половинѣ года—физиологія животныхъ, чтеніе которой, за выходомъ профессора Съченова, не было никому поручено, на томъ основаніи, что факультетъ нашель возможнымъ отложить преподаваніе до второй половины

года, безъ ущерба для всего хода преподаванія этого предмета; на юридическомъ факультетѣ—по кафедрѣ исторіи славянскихъ законодательствъ. Для приготовленія къ профессорскому званію оставлены при университетѣ кандидаты: Гохманъ—по механикѣ, Августиновичъ—по физикѣ, Панкевичъ—по гражданскому праву и Каллистовъ—по государственному праву, а кандидатъ Освяникс-Куликовскій отправленъ за границу для приготовленія къ профессурѣ по сравнительному языкованію.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ практиковались слѣдующія мѣры: на историко-филологическомъ факультетѣ происходили установленныя еще въ прежніе годы практическія занятія со студентами, на которыхъ въ первомъ полугодіи посвящались: профессоромъ Юркевичемъ—1 часъ въ недѣлю на упражненіе въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, профессоромъ Кондаковымъ—1 часъ на демонстративныя занятія по исторіи искусства въ музеѣ, профессоромъ Кочубинскимъ—1 часъ на толкованіе лужицкаго перевода новаго завѣта 1568 года, во второмъ полугодіи: профессоръ Кондаковъ устроилъ при музеѣ изящныхъ искусствъ студентское отдѣленіе съ библіотекою пособій по предмету исторіи искусства для дневныхъ и вечернихъ занятій подъ его непосредственнымъ руководствомъ; у профессора Кочубинскаго, по одному разу въ недѣлю, происходили занятія по славянской филологіи *privatissime* со студентами преимущественно старшихъ курсовъ; сверхъ того, всѣ студенты, желающіе получить стипендію, взаимно устныхъ полугодичныхъ испытаній на стипендію, представили на заданныя преподавателями темы письменныя работы: на первыхъ двухъ курсахъ—по три, а на двухъ старшихъ—по одной, относящейся къ избранной специальности. На юридическомъ факультетѣ студентамъ точно также давались темы для письменныхъ работъ, которыя были представлены всѣми студентами факультета. Кроме того, студенты первыхъ двухъ курсовъ, желавшіе получить стипендію, подвергались полугодичному контрольному устному испытанію. Въ тѣхъ же видахъ усиленія учебной дѣятельности студентовъ, профессоръ Леонтовичъ занимался съ ними переводомъ и толкованіемъ памятниковъ исторіи русскаго права, профессоръ Малининъ—имѣлъ практическія занятія со студентами IV курса по гражданскому судопроизводству въ теченіе перваго полугодія, а профессоръ Цитовичъ—имѣлъ практическія занятія съ тѣми же студентами по гражданскому праву во второмъ полугодіи. На физико-математическомъ факультетѣ практическія занятія составляютъ

необходимое условіе успѣшнаго занятія студентовъ, но, къ сожалѣнію, встрѣчаютъ затрудненіе на отдѣленіи естественныхъ наукъ въ томъ, что, по недостатку средствъ, не достигаютъ полнаго развитія и по необходимости должны быть ведены на суммы, назначенныя на содержаніе кабинетовъ, въ ущербъ послѣднимъ.

За представленныя на заданныя темы сочиненія удостоены: золотой медали — студентъ III курса юридическаго факультета Евгений Полетаевъ за сочиненіе на тему „Ученіе о юридическомъ лицѣ въ римскомъ правѣ“, серебряной — студентъ II курса историко-филологическаго факультета Фердинандъ Черховскій за сочиненіе „Характеристика Фемистокла“, а за сочиненіе на эту же тему студентъ I курса того же факультета Владиміръ Городецкій удостоенъ похвального отзыва.

Въ 1877 году преподаватели Новороссійскаго университета и другія служащія въ ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: исправляющій должность профессора православнаго исповѣданія Кудрявцевъ — напечаталъ: въ Христіанскомъ Чтеніи — „Рождественскій вечеръ у Славянъ“ и въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ — „Христіанскія обязанности въ отношеніи къ войнѣ и взаимному отношенію между юношами и старцами“ и нѣсколько словъ и рѣчей, произнесенныхъ при разныхъ случаяхъ; ординарные профессора: Шведовъ — напечаталъ: „Idées nouvelles sur l'origine des formes cométaires“ и „Прицѣльный дальномѣръ, какъ новое средство обороны и атаки“. Вериго — напечаталъ въ *Berichte d. deutsch. Chem. Gesellschaft*, вмѣстѣ съ лаборантомъ Мелизовымъ, „Ueber Bichlarpropionsäure aus Glycerinsäure“; Синцовъ — напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей статьи: „Описаніе нѣкоторыхъ видовъ мезозойскихъ окаменѣлостей изъ Симбирской и Саратовской губерній“, „Описаніе новыхъ и малоизслѣдованныхъ формъ изъ третичныхъ образованій Новороссіи“ и „Замѣтку по поводу статьи профессора Тратшильда „Ueber die Kreidefossilien Russland's“; Патлаевскій — помѣстилъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній статью „О подоходныхъ налогахъ“; Цитовичъ — началъ печатать въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Теорію гражданскаго права“; Ярошенко и Вальцъ — помѣстили въ Запискахъ Новороссійскаго университета статьи: первый — „Курсъ проективной геометріи“, второй — „Index seminum, quae hortus botanicus Universitatis Cesareae Novae Rossiae mutuo commutando offert“; Войтковскій — помѣстилъ въ Херсонскихъ Епархіальныхъ

Вѣдомостяхъ: два Слова, сказанныя въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ: а) на воспоминаніе страданій и смерти Господа нашего Иисуса Христа и б) въ день вѣнчанія и помазанія на царство Государя Императора Александра Николаевича, и двѣ рѣчи къ воспитанницамъ Одесскаго института благородныхъ дѣвицъ при выпускѣ ихъ и при переѣздѣ въ С.-Петербургъ и Москву. Экстраординарные профессора: Кондаковъ—напечаталъ: въ Трудахъ Московскаго археологическаго общества — „Миніатюры греческой псалтири А. И. Хлудова“ и въ „Revue archéologique — „Les sculptures de la porte de Sainte Sabine à Rome“; Кочубинскій—помѣстилъ: въ Запискахъ Новороссійскаго университета—отчетъ о занятіяхъ славянскими нарѣчійми съ 1-го февраля по 1-е июня 1876 года, томъ I-й и выпускъ 1-й тома II-го сочиненія „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій“, и въ Новороссійскомъ Телеграфѣ—рѣчь на 11-е мая 1877 года; Лигинъ—помѣстилъ: въ Запискахъ математической секціи Новороссійскаго общества естествоиспытателей — „Очеркъ новыхъ возрѣній Рело на математику“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета— „Замѣтку о способѣ Кемпе для механическаго рѣшенія уравненій“; Малининъ — напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета двѣ статьи: „Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣлахъ“ и „Комментарій къ 366-й статьи устава гражданского судопроизводства“. Доценты: Успенскій—напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: „Отчетъ о занятіяхъ въ теченіе минувшаго полугодія (май—октябрь 1876 года) заграничной командировки“ и „О рукописяхъ исторіи Никиты Акомината въ Парижской національной библіотекѣ“; Воеводскій—помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Этнологическія и мифологическія замѣтки. I. Чаши изъ человѣческихъ череповъ и тому подобныя примѣры утилизаціи трупа“; Перетятковичъ—напечаталъ отдѣльнымъ сочиненіемъ „Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ“ и помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Вступительную лекцію по русской исторіи“; Посниковъ — помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Общинное землевладѣніе“; Клименко—напечаталъ въ тѣхъ же Запискахъ двѣ статьи: „Матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ“ и „Отвѣтъ на замѣтку профессора Алексѣева по поводу сей статьи; Бернштейнъ—напечаталъ въ Протоколахъ общества Одесскихъ врачей статью „Разъ позвоночника“; Преображенскій и Петріевъ — помѣстили въ Запискахъ Новороссійскаго университета: первый—„Объ интегрированіи

нѣкоторыхъ уравненій съ частными производными“, второй—„О монои ди-оксиманоловыхъ кислотахъ“. Консерваторы Ритави и Репеховъ—напечатали въ Запискахъ Новороссійскаго университета статьи, первый—„Къ вопросу о дыханіи растений“, второй—„Взглядъ на современное состояніе вопроса о зародышевыхъ пластахъ“. Сторонній преподаватель, заслуженный профессоръ Брунъ—печаталъ русскій переводъ книги Иречки „Geschichte der Bulgaren“, и помѣстилъ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета—„О разныхъ названіяхъ Керчи и ея окрестностей въ древности и среднихъ вѣкахъ“. Студентъ IV курса юридическаго факультета Панкевичъ—напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Объектъ авторскаго права“. Публичныя лекціи читали профессора: Шведовъ: одну—„О телефонѣ и двѣ—о происхожденіи солнечнаго міра, Вальць: одну—о вліяніи внѣшнихъ дѣятелей на растительность и одну—о паразитизмѣ въ растительномъ царствѣ. Отъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей читали лекціи профессора: Головкинскій—по минералогіи, Вальць—морфологіи и систематику растений, Мечниковъ—зоологію, Умовъ—физику, Вериго—органическую химію, и стипендіатъ, приготавливающийся къ профессорскому званію, Слѣшинскій—математиву.

Совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ въ теченіе 1877 года 24 засѣданія. Утверждены: въ степени доктора: Малининъ—гражданскаго права и Петріевъ—химіи, въ степени магистра ботаники кандидатъ Ришави. Возведенъ, на основаніи университетскаго устава, въ степень доктора ботаники докторъ медицины Линдеманнъ. Затѣмъ удостоены степени кандидата—21, въ томъ числѣ: по историко-филологическому факультету—7, по физико-математическому—4, по юридическому—10; званія дѣйствительнаго студента: по историко-филологическому факультету—4, по физико-математическому—3, по юридическому—14, всего—21, изъ коихъ 12-и предоставлено право представить, въ установленный срокъ, диссертациі на степень кандидата.

Финансовыя средства Новороссійскаго университета находились въ 1877 году въ слѣдующемъ положеніи: изъ суммъ государственнаго казначейства ассигновано было: по содержанію личнаго состава—134,601 руб., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы—49,400 руб., на стипендіи и пособія студентамъ—18,000 руб., на по-

собіе состоящему при университетѣ обществу естествоиспытателей—2,500 руб., на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и на ученныя командировки—2,560 руб., на біологическую станцію въ Севастополѣ—1,500 руб., всего—208,561 руб., что вмѣстѣ съ остаткомъ отъ смѣты 1876 года, 14,575 руб. 28 коп., составляетъ 223,136 р. 28 к. Изъ этой суммы израсходовано было—202,507 р. 92 к.; затѣмъ къ 1-му января 1878 года оставалось 20,628 р. 36 к. Спеціальныхъ средствъ было: а) со студентовъ за слушаніе лекцій въ остаткѣ отъ 1876 года—1,166 руб. 81¹/₂ коп., въ теченіе года поступило—5,010 руб., израсходовано—4,472 руб. 95 коп., къ 1-му января 1878 года оставалось—1,703 руб. 92¹/₂ коп.; б) сбора платы со студентовъ за матрикулы отъ 1876 года—300 руб. ¹/₂ коп., въ 1877 году поступило—384 руб., израсходовано—82 руб. 18 коп., оставалось къ 1878 году—601 руб. 82¹/₂ коп.; в) пожертвованныхъ капиталовъ къ 1-му января 1877 года имѣлось—120,567 руб. 44¹/₄ коп., въ теченіе года поступило—18,642 руб. 83 коп., израсходовано—5,065 руб. 97 коп., къ 1878 году въ остаткѣ было—134,144 руб. 30¹/₄ коп.

Студентовъ къ 1-му января 1877 года состояло на лицо—344, въ теченіе года вновь поступило—127, въ томъ числѣ: изъ гимназій—36, изъ духовныхъ семинарій—76, изъ другихъ университетовъ—13, изъ Демидовскаго юридическаго лицей—1, изъ медико-хирургической академіи—1; въ теченіе года выбыло—114, изъ нихъ до окончанія курса—72, по окончаніи курса—42; затѣмъ къ 1-му января 1878 г. оставалось—357, которые были распределены по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—99, на юридическомъ—121, на физико-математическомъ—137 (въ разрядѣ математическихъ наукъ—38, въ разрядѣ естественныхъ наукъ—99). Постороннихъ слушателей было: къ 1-му января 1877 года—28, къ 1-му января 1878 года—26. Изъ общаго числа состоявшихъ въ 1877 году 471-ти студентовъ освобождено отъ платы—277, то-есть 58% общаго числа; слушавшихъ за половинную плату было—5. Въ числѣ вышепоказанныхъ 277 студентовъ освобождено по прошеніямъ—160, и какъ стипендіаты—117, изъ коихъ университетскихъ—98, кавказскихъ—10, пансіонеровъ Государя Императора—2, славянскихъ—2 и кубанскихъ—5. Стипендіями пользовались 141 студентъ на сумму 27,311 руб. 38 коп.; размѣръ стипендій—отъ 90 рублей до 500 рублей включительно; лишены стипендій—18 студентовъ. Пособій выдано было изъ штатныхъ и частныхъ суммъ—на 639 руб. 90 коп., въ размѣрѣ отъ 5 до 100 рублей включительно.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библіотекѣ числилось: книгъ русскихъ и иностранныхъ—38,734 сочиненія 66,980 томовъ, періодическихъ изданій—711 названій 13,893 томовъ, рукописей—119 тетрадей, картъ, рисунковъ, портретовъ чертежей—590 названій 598 томовъ, всего въ библіотекѣ на сумму 166,489 руб. Въ студентской библіотекѣ: книгъ—6,910 томовъ 4,189 названій, періодическихъ изданій—196 названій 1,321 томъ, всего на 4,639 руб. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ и журналовъ—1 названіе 21 томъ на 320 руб.; моделей, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—248 номеровъ 249 экземпляровъ на сумму 15,156 руб. Въ кабинетъ практической механики: книгъ—8 названій на 34 руб.; подвижной утвари, моделей и другихъ принадлежностей—256 номеровъ на сумму 10,413 руб. Въ физическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и атласовъ—55 названій 67 томовъ на 308 руб.; инструментовъ, приборовъ, препаратовъ, посуды и мебели—611 номеровъ 743 экземпляра на сумму 16,738 руб. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей—1,445 номеровъ 1,507 экземпляровъ на сумму 23,550 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: минераловъ, геологическихъ и географическихъ картъ, разной утвари и другихъ принадлежностей—783 номера на 12,487 руб. Въ кабинетѣ физической географіи: книгъ, атласовъ, глобусовъ, картъ и инструментовъ—91 номеръ 112 экземпляровъ, на 2,902 руб. Въ метеорологической обсерваторіи: инструментовъ, снарядовъ, книгъ, атласовъ и моделей—47 номеровъ 61 экземпляръ на 2,242 руб. Въ кабинетѣ геологическомъ и палеонтологическомъ: книгъ и другихъ изданій—на 1,505 р.; моделей, коллекцій, утвари и другихъ принадлежностей—на 5,273 р. Въ ботаническомъ кабинетѣ: сухихъ растений—49,300 номеровъ на 3,013 руб., книгъ—83 названія 100 томовъ на 676 руб.; инструментовъ, приборовъ, коллекцій, препаратовъ, утвари, посуды и проч.—53 номера на 3,769 руб. Въ ботаническомъ садѣ: оранжерейныхъ растений, кустарниковъ, травъ, утвари и другихъ принадлежностей—697 номеровъ 1,402 экземпляра на 389 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій—270 названій 678 томовъ; чучель, препаратовъ, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—3,831, всего на сумму 19,415 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій—78 названій 88 томовъ; скелетовъ, препаратовъ, инструментовъ и другихъ

принадлежностей—680 номеровъ 387 экземпляровъ, всего на 6,735 р. Въ физиологическомъ кабинетѣ: приборовъ, реактивовъ, препаратовъ и лабораторной мебели—172 номера на 3,211 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторією: книгъ и другихъ изданій — 26 названій и столько же томовъ; приборовъ, посуды, инструментовъ, утвари и другихъ принадлежностей—573 номера 1,452 экземпляра, всего на 10,384 руб. Въ техническомъ кабинетѣ съ лабораторією: техническихъ надѣлій и принадлежностей, химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды—289 номеровъ 4,616 экземпляровъ на 8,554 руб. Въ музей изящныхъ искусствъ: изданій съ эстампами, сочиненій съ рисунками и атласовъ—200 названій на 5,025 руб.; слѣпковъ, статуй, бюстовъ, барельефовъ, обелисковъ и другихъ принадлежностей—3,405 номеровъ 3,171 экземпляръ на 5,493 руб. Въ милицъ-кабинетѣ: монетъ и медалей—3,905 номеровъ на 1,735 руб.

ВЕТЕРИНАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ:

а) Харьковскій институтъ.

По общимъ для всѣхъ трехъ ветеринарныхъ институтовъ, Высочайше утвержденнымъ 8-го мая 1873 года уставу и штату, въ каждомъ изъ нихъ полагается слѣдующее число преподавателей существенныхъ ветеринарныхъ предметовъ: ординарныхъ профессоровъ, въ числѣ коихъ и директоръ института — 3, экстраординарный — 1, доцентовъ—4, прозекторъ—1 и ученый кузнецъ—1. Въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ состояло въ 1877 году: ординарныхъ профессоровъ—2, экстраординарный—1, доцентъ—1, прозекторъ—1, ученый кузнецъ—1; такимъ образомъ вакансій преподавательскихъ имѣлось 4, именно ординарнаго профессора и 3-хъ доцентовъ, изъ коихъ одна замѣщена была по найму бывшимъ доцентомъ фармаціи и фармакогнозіи, а вторая исполнялась временно приватъ-доцентомъ.

Совѣтъ Харьковскаго ветеринарнаго института имѣлъ въ 1877 году 18 засѣданій по разнымъ предметамъ и 16 особыхъ экзаменационныхъ засѣданій. Для замѣщенія свободныхъ за некомплетомъ преподавателей вакансій совѣтомъ сдѣлано было слѣдующее распределение: завѣдываніе клиниками внутреннихъ и заразительныхъ болѣзней поручено профессору клиники наружныхъ болѣзней, директору института Мельниченко, чтеніе ученія о поварныхъ и заразительныхъ болѣзняхъ—ему же, чтеніе частной патологіи и терапіи—про-

фессору Журавскому, гигиену и діетику—профессору Полють, учение о заводах—доценту Павловичу, патологию общую и судебную ветеринарную медицину—помощнику прозектора Ковалевскому, акушерство и оперативную хирургию—привать-доценту Остапеню.—Вслѣдствіе запроса главнаго военно-медицинскаго управленія о томъ: не признаеть ли Харьковскій ветеринарный институтъ возможнымъ совершить выпускъ студентовъ послѣдняго курса ранѣе установленнаго срока безъ сокращенія предметовъ преподаванія, совѣтъ института нашель возможнымъ сдѣлать выпускъ къ 1-му марта 1878 года. Для достиженія этой цѣли, признано было необходимымъ, по примѣру 1876 года, установить слѣдующее: эпизоотиологию предметъ годовой, обратить въ семестровой, съ удвоеніемъ числа часовъ чтенія лекцій, вмѣсто двухъ, до четырехъ часовъ въ недѣлю; теоретическую хирургию—вмѣсто двухъ четыре часа; родовспомогательную науку вмѣсто трехъ—четыре часа; судебную ветеринарную медицину—три часа; отдѣлъ фармакологіи вмѣсто одного часа въ недѣлю—три часа; оперативную хирургию—4½ часа. Остальные предметы, излагаемые въ 4-мъ курсѣ, читались въ удвоенномъ числѣ часовъ, наличными преподавателями, которые преподавали эти предметы съ начала 1877—1878 академическаго года.—Для усиленія учебной дѣятельности и поощренія студентовъ къ научнымъ работамъ, предложена была тема для полученія золотой или серебряной медали и почетнаго отзыва, слѣдующаго содержания: „Подробное описаніе явленій перенесенія эввины на телятъ чрезъ пять генераций для полученія вакцинной лимфы, и затѣмъ прививаніе послѣдней лошадямъ съ цѣлью развитія процесса, дающаго эввину“.—Утверждено въ ученыхъ ветеринарныхъ степеняхъ и званіяхъ: ветеринарнаго врача—12, ветеринарнаго фельдшера—1.

Преподаватели Харьковскаго ветеринарнаго института издали въ свѣтъ слѣдующіе труды: ординарный профессоръ, директоръ института, Мельниченко, за недостаткомъ отлитографированныхъ первымъ изданіемъ лекцій теоретической хирургіи, читанныхъ студентамъ 3-го и 4-го курсовъ, изготвилъ къ печати отъ института эти лекціи; экстраординарный профессоръ Журавскій—отлитографироваль: а) экстерьеръ, читанный 4-му курсу студентовъ института, и б) остеологию, міологию и синдесмологию, читанныя 1-му курсу; доцентъ Павловичъ—издалъ лекціи сельскаго хозяйства, читанныя студентамъ 1-го и 2-го курса; привать-доцентъ Остапеню—отлитографироваль курсъ акушерства, читанный 4-му курсу.—Командированъ былъ за границу

съ ученою цѣлью экстраординарный профессоръ Журавскій—для собранія свѣдѣній въ важнѣйшихъ заграничныхъ ветеринарно-учебныхъ заведеніяхъ относительно сохраненія анатомическихъ препаратовъ, устройства прозекторіи и анатомическаго театра, а также для разсмотрѣнія и подробнаго изслѣдованія замѣчательнѣйшихъ анатомическихъ препаратовъ.

Финансовыя средства института въ 1877 году находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: оставалось отъ 1876 года—5,982 руб. 24 коп., ассигновано было изъ государственнаго казначейства—35,291 руб., именно: на личный составъ—23,091 руб., отопленіе, освѣщеніе и другіе хозяйственные расходы—2,450 руб., на бібліотеку и кабинеты—2,300 руб., на вознагражденіе бібліотекаря изъ преподавателей—150 руб., на клинику съ ветеринарною аптекою—1,400 руб., на содержаніе служителей и педеля—1,600 руб., на кухню—100 руб., на канцелярскіе припасы—150 руб., на печатаніе сочиненій отъ института—400 руб., на медали—100 р., на поѣздки съ ученою цѣлю—550 руб. и на стипендіи студентамъ—3,000 руб. Сверхъ того по смѣтѣ главнаго управленія государственнаго коннозаводства на содержаніе стипендіатовъ сего вѣдомства ассигновано было—2,327 руб.; такимъ образомъ всего поступило—43,600 руб. 42 коп.; въ теченіе года израсходовано—38,299 руб. 66 коп., затѣмъ къ 1-му января 1878 года было въ остаткѣ—5,200 р. 76 коп., б) спеціальныхъ средствъ института, т. е. суммы, собранной за слушаніе лекцій, оставалось отъ 1876 года—886 руб. 85½ коп., въ теченіе 1877 года поступило—1,708 руб., израсходовано—1,751 руб. 22 коп., затѣмъ въ остаткѣ къ 1-му января 1878 года имѣлось—43 р. 63½ к.

Учащихся къ 1-му января 1877 года состояло—213, въ томъ числѣ студентовъ—193, фельдшерскихъ учениковъ—20; въ теченіе 1877 года вновь поступило: въ студенты—109, въ фельдшерскіе ученики—2; въ теченіе года выбыло: студентовъ до окончанія курса—39, фельдшерскихъ учениковъ, по окончаніи курса—1, неокончившихъ оного—8, изъ коихъ четверо подверглись экзаменамъ въ гимназіяхъ и, представивъ надлежащія свидѣтельства, поступили въ число студентовъ института; затѣмъ къ 1-му января 1878 года состояло на лицо: студентовъ—263, фельдшерскихъ учениковъ—13. Изъ общаго числа студентовъ освобождено отъ платы за слушаніе лекцій—28, отсрочены взносы платы—5-ти, принято на казенное содержаніе—8. Изъ находившихся на лицо студентовъ стипендіатами института состояло—18, области войска Донскаго—5, стипендіатовъ разныхъ земствъ изъ

фельдшерскихъ учениковъ—8. Стипендіаты института получаютъ стипендіи въ размѣрѣ 20-ти руб. въ мѣсяцъ каждый изъ суммы, ассигнуемой ежегодно по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, а прочіе стипендіаты содержатся на счетъ суммъ тѣхъ вѣдомствъ, къ которымъ они принадлежатъ, или съ которыми вошли въ добровольное соглашеніе.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго ветеринарнаго института къ 1-му января 1878 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ институтской бібліотеки: книгъ, періодическихъ изданій, гравюръ и эстамповъ — 2,991 названія 4,403 тома на сумму 12,841 руб., въ физическомъ кабинетѣ—246 номеровъ на 4,420 руб., въ химической лабораторіи — 677 номеровъ на 695 руб., въ фармакогностическомъ кабинетѣ—267 номеровъ на 204 руб., въ минералогическомъ кабинетѣ — 1,666 руб. на 430 руб., въ гербаріѣ и ботаническомъ саду—6,000 номеровъ на 151 руб., въ музеѣ анатомическаго театра: въ физиолого-анатомическомъ отдѣленіи—3,715 номеровъ на 4,715 руб., въ патологико-анатомическомъ—282 номера на 1,626 р.; въ кабинетѣ моделей разныхъ домашнихъ животныхъ—61 номеръ на 255 руб., въ кузницѣ—72 номера на 157 р., въ сельско-технологическомъ кабинетѣ—91 номеръ на 281 руб.; въ физиологико-химической лабораторіи—145 номеровъ на 2,643 руб.; въ аптекѣ—1,553 номера на 3,177 руб., въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ—218 номеровъ на 635 р.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ—40 номеровъ на 105 руб.; въ собраніи зоохиргическихъ инструментовъ—349 номеровъ на 2,070 руб.; въ клиникѣ—91 номеръ на 488 рублей; въ зоотомическомъ кабинетѣ—2,802 номера на сумму 3,835 рублей. Движеніе больныхъ животныхъ въ университетскихъ клиникахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ постоянной клиникѣ: къ 1-му января 1877 года состояло—11, въ теченіе 1877 года поступило—341, изъ нихъ выздоровѣло—253, получило облегченіе—43, признано неизлечимымъ—1, пало — 44; б) въ амбулаторной клиникѣ было—409; в) въ поликлиникѣ: поступило—2,394, изъ нихъ выздоровѣло—2,179, пало—101, убито—114. Больныя животныя поликлиники были наблюдаемы и пользуемы ассистентами институтской клиники, подъ руководствомъ клиническаго профессора, у окрестныхъ, какъ пригородныхъ, такъ и болѣе отдаленныхъ отъ Харькова землевладѣльцевъ, преимущественно въ Волчанскомъ, Зміевскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ. Въ землѣ войска Донскаго свирѣпствовала преимущественно чесотка (Scabies) какъ на лошадяхъ, такъ и на

овцахъ. Молочница сильно свирѣствовала въ пограничныхъ съ Полтавскою и Харьковскою губерніяхъ мѣстахъ Екатеринославской губерніи.

б) Казанскій институтъ.

Казанскій ветеринарный институтъ, открытый въ 1877 году, достигъ полного своего развитія, такъ какъ съ начала 1877—1878 академическаго года открылось преподаваніе на послѣднемъ, 4-мъ курсѣ; существующая же при этомъ институтѣ фельдшерская школа достигла своего развитія еще въ 1876 году, а въ 1877 году состоялся уже первый выпускъ ветеринарныхъ фельдшеровъ. Съ достиженіемъ институтомъ полного четырехкурсоваго состава, въ 1877 году, кромѣ вспомогательныхъ предметовъ, слушаемыхъ студентами въ университетѣ, налагались имъ въ институтѣ всѣ положенные уставомъ существенные предметы, за исключеніемъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которые назначены были къ слушанію на 4-мъ курсѣ со второй половины 1877—1878 академическаго года, а также физической географіи и энциклопедіи ветеринаріи, признанныхъ къ преподаванію необязательными, первая — потому, что предметъ этотъ не преподается и студентамъ - медикамъ мѣстнаго университета, а вторая — въ виду того, что свѣдѣнія, относящіяся къ этой наукѣ, входятъ въ составъ всего ветеринарнаго курса. Сверхъ того, изъ числа вспомогательныхъ предметовъ, русскій языкъ съ теоріей и исторіей литературы преподается въ самомъ институтѣ за особое вознагражденіе изъ средствъ онаго; въ институтѣ же велись занятія по аналитической химіи, тоже за особое вознагражденіе. Ученикамъ ветеринарно-фельдшерской школы, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ — закона Божія, ариѳметики, русскаго и латинскаго языковъ — преподавались, по утвержденной совѣтомъ программѣ, въ соответствующемъ ихъ назначенію объемѣ, анатомія и физиологія домашнихъ животныхъ, зоогигіена и діететика, экстерьеръ и ученіе о коvkъ лошадей, а также фармакологія, частная патологія съ терапіей и хирургія, независимо отъ практическихъ занятій по упражненіямъ — въ коvkъ лошадей, въ приготовленіи лекарствъ и въ уходѣ за больными животными.

Въ 1877 году штатныхъ преподавателей состояло: а) въ институтѣ: ординарныхъ профессоровъ — 3, доцентовъ — 2, преподавателей — 5, помощникъ прозектора — 1, ученый кузнецъ — 1, лаборантъ фармаціи — 1, ассистентовъ клиникъ — 2, б) въ ветеринарно-фельдшерской школѣ: законоучитель — 1, преподаватель русскаго языка — 1. Сверх-

штатныхъ преподавателей и преподавателей по найму состояло въ институтѣ — 5, для преподаванія: физиологіи, сельскаго хозяйства, русскаго языка съ теоріей и исторіей литературы, фармакологіи (части теоретической) и общей терапіи, судебной ветеринаріи и клинической части фармакологіи.

Совѣтъ Казанскаго ветеринарнаго института имѣлъ въ теченіе 1877 года 28 засѣданій. По воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія на порученіе ординарному профессору Казанскаго университета Догелю чтенія лекцій студентамъ института по теоретической части фармакологіи съ рецентурой и ученому кузнецу Кальнингу — клинической части фармакологіи и прочихъ предметовъ фармакологической группы, какъ-то общей терапіи и судебной ветеринаріи, — съ начала 1877 года введено преподаваніе предметовъ фармакологической группы по программамъ, рассмотрѣннымъ въ совѣтѣ и принятымъ для руководства. Вслѣдствіе разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія заготовлять продовольственные припасы хозяйственнымъ способомъ, совѣтомъ былъ рассмотрѣнъ вопросъ объ открытіи постоянныхъ клиникъ съ содержаніемъ животныхъ и доставленіемъ для нихъ лекарствъ изъ институтской аптеки, за установленную плату по таксѣ, особо утвержденной, и, согласно постановленію совѣта, постоянныя клиники были открыты съ марта мѣсяца. Въ связи съ открытіемъ постоянныхъ клиникъ, рассмотрѣнъ былъ и вопросъ объ отпускѣ изъ институтской аптеки лекарствъ больнымъ животнымъ по вольной продажѣ. Совѣтъ, принимая во вниманіе заявленіе завѣдывающаго аптекой о неудобствѣ вести въ первый годъ открытія аптеки вольную продажу лекарствъ впредь до указанія опыта въ теченіе по крайней мѣрѣ одного года, опредѣлилъ: вольную продажу лекарствъ изъ институтской аптеки не производить до 1-го января 1878 года, каковое постановленіе утверждено начальствомъ учебнаго округа. По случаю открытія въ 1877 году 4-го курса, совѣтъ института призвалъ своевременнымъ, на основаніи Положенія о ветеринарныхъ институтахъ, приступить къ избранію и возведенію въ почетные члены и члены-корреспонденты института лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами и покровительствомъ по части ветеринарныхъ наукъ и во вниманіе къ заслугамъ предложенныхъ въ совѣтѣ лицъ, единогласно были избраны и начальствомъ учебнаго округа утверждены: въ почетные члены—14, въ члены-корреспонденты—23 лица. Для опредѣленія обязанностей студентовъ при исполненіи ими дежурствъ по

клиникѣ, составлены и совѣтомъ института утверждены особня по этому предмету правила.

На заданную въ 1876 году для соисканія награды задачу „Какое вліаніе имѣетъ на внутреннюю температуру тѣла у рогатаго скота время дня и температура окружающей среды“ представлено было къ назначенному сроку, 1-го декабря 1877 года, сочиненіе съ эпиграфомъ: „Gutta cavat lapidem non vi sed saepe cadendo“, но разсмотрѣнія этого труда всѣми членами совѣта и оцѣнки научнаго его достоинства по краткости времени послѣдовать не могло. Въ 1877 году, съ изясненною цѣлью предложена тема: „Изяснить, путемъ цѣлесообразныхъ опытовъ, какими явленіями обнаруживается прямое дѣйствіе атмосфернаго воздуха, при различныхъ кодификаціяхъ, на вскрытую брюшную полость, съ точнымъ описаніемъ клинической и анатомо-патологической картины и т. п.“

Преподаватели Казанскаго ветеринарнаго института издали въ свѣтъ слѣдующіе труды: профессоръ, директоръ института Зелфманъ — издалъ отдѣльною брошюрою и помѣстилъ въ архивѣ ветеринарныхъ наукъ статью: „Трихины и трихинная болѣзнь“ (Trichinae et Trichinosis); профессоръ Ланге — окончилъ литографированіемъ лекціи по частной патологіи и терапіи, преподаватель фармакологіи Догель — напечаталъ: въ Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg — „Anatomie und Physiologie des Herzens der Larve von Corthra plumericornis“ и въ Archive de Physiologie normale et de pathologie — „De la structure et des fonctions du coeur des crustacés“. Командированы были съ ученою цѣлю ordinарные профессеры: Стржедвинскій — за границу, и Ланге — въ разные города Имперіи, послѣдній для обозрѣнія конскихъ заводовъ государственнаго коннозаводства.

По финансовой смѣтѣ на содержаніе Казанскаго ветеринарнаго института въ 1877 году ассигновано было изъ государственнаго казначейства: на личный составъ—23,091 р., на содержаніе, отопленіе, освѣщеніе и другіе хозяйственные расходы — 2,450 руб., на библиотеку и кабинеты—2,300 руб., на вознагражденіе библиотекаря—150 руб., на клинику съ ветеринарною аптекою—1,400 руб., на содержаніе служителей и педелея—1,600 р., на кузницу — 100 руб., на канцелярскіе расходы—150 руб., на печатаніе сочиненій отъ института—400 руб., на изготовленіе медалей—100 руб., на поѣздки съ ученою цѣлью—550 руб., на стипендіи студентамъ — 3,000 руб., на наемъ дома подъ помѣщеніе института—5,000 руб., всего — 40,291 руб., а

съ присоединеніемъ къ сему остатка отъ штатной суммы 1876 г. — 10,862 руб. 92 коп., итого составило—51,153 руб. 92 коп. Изъ этой суммы въ теченіе 1877 года израсходовано—44,424 руб., и затѣмъ къ 1-му января 1878 года оставалось на лицо—6,729 руб. 15 коп. Специальныя средства института составляютъ: а) сборъ за право слушанія лекцій студентами и б) сборъ за леченіе домашнихъ животныхъ, взимаемый по особой, утвержденной попечителемъ учебнаго округа таксѣ. Перваго сбора поступило въ теченіе 1877 года 3,490 руб., что вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прежняго времени составляетъ 6,047 руб. 51 коп.; изъ этой суммы въ 1877 году израсходовано—5,435 руб. 99 коп., затѣмъ къ 1-му января 1878 года имѣлось на лицо—611 руб. 52 коп. Сбора за леченіе животныхъ поступило въ 1877 году — 248 руб. 38 коп., которые не были расходуемы.

Число учащихся въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ и состоящей при ономъ ветеринарно-фельдшерской школѣ въ 1877 году было слѣдующее: въ институтѣ къ 1-му января 1877 года оставалось—152, въ теченіе 1877 года вновь поступило—76, въ томъ числѣ: изъ гимназій—45, изъ духовныхъ семинарій—30, изъ другихъ заведеній—1, въ 1877 году вышло—28, всѣ до окончанія курса; затѣмъ къ 1-му января 1878 года состояло на лицо—200 студентовъ, которые распредѣлены были по курсамъ слѣдующимъ образомъ: на I курсѣ—65, на II—56, на III—41, на IV—38; въ ветеринарно-фельдшерской школѣ къ 1-му января 1877 года было—17, въ 1877 году поступило—7 (1 изъ духовной семинаріи и 6 изъ другихъ заведеній), вышло — 9, изъ коихъ 2 до окончанія, а 7 — по окончаніи курса, затѣмъ къ 1878 году имѣлось на лицо — 16. Изъ общаго числа состоявшихъ въ 1877 году въ институтѣ 228 студентовъ, освобождено было 96, что составляетъ 43% общаго числа; слушали за половинную плату—5 студентовъ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института къ 1-му января 1878 года находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ библиотекѣ: книгъ, періодическихъ изданій, плановъ, гравюръ и эстамповъ—1,530 названій 2,281 томъ на сумму 5,387 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ—914 номеровъ на 3,720 руб.; въ музеѣ анатомическаго театра: въ физиолого-анатомическомъ отдѣленіи — 60 номеровъ на 1,076 руб., въ патолого-анатомическомъ отдѣленіи—400 номеровъ на 2,083 руб.; въ кабинетѣ моделей домашнихъ животныхъ — 127 номеровъ на 663 руб.; въ кузницѣ—197 номеровъ на 603 руб.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ — 141 номеръ на 904 руб.; въ

физиолого-химическомъ кабинетѣ—823 нумера на 5,475 руб.; въ аптекѣ—909 номеровъ на 2,626 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ—101 номеръ на 341 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ—22 нумера на 63 руб.; въ собраніи 300 хирургическихкихъ инструментовъ—322 нумера на 823 руб.; въ клиникѣ—837 номеровъ на 4,923 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ—844 нумера на 2,406 руб. Въ названныхъ учрежденіяхъ производились слѣдующія практическія упражненія: по зоотоміи, подъ руководствомъ профессора Стржеждинскаго и помощника прозектора Гриспина, студенты II курса занимались по группамъ, въ зоотомической прозекторіи, преподаваніемъ всѣхъ органовъ и частей тѣла домашнихъ животныхъ, ежедневно въ послѣ-обѣденное время. Материаломъ для этого служили какъ живыя животныя (лошади, собаки, кошки и овцы), такъ и отдѣльныя части ихъ, которыхъ было приобрѣтено, въ теченіе семи мѣсяцевъ, на 104 руб. 67 коп. Ежедневно, по приготовляемымъ и представляемымъ студентами препаратамъ были дѣлаемы повѣрочныя испытанія. Въ гистолого-физиологическомъ кабинетѣ производились преподавателемъ физиологіи и гистологіи Навалихинымъ физиологическіе опыты для демонстраціи студентамъ II курса и демонстраціи препаратовъ по общей и частной гистологіи и эмбриологіи студентамъ первыхъ двухъ курсовъ. Кромѣ того 17 студентовъ II и III курсовъ постоянно занимались въ кабинетѣ общей и частной гистологіи. Въ аптекѣ, фармакогностической и химической лабораторіяхъ, подъ руководствомъ доцента Лемана и лаборанта Эйхенфельда, были дѣлаемы демонстраціи микроскопическихкихъ препаратовъ фармакогнози студентамъ I курса; студенты II—группами занимались въ аптекѣ и лабораторіи изготовленіемъ лекарствъ по рецептамъ и изготовленіемъ фармацевтическихкихъ препаратовъ. Въ этой же лабораторіи, подъ руководствомъ доцента Лемана, студенты III курса занимались практически опытами по аналитической химіи, причемъ особенное вниманіе было обращено на изслѣдованіе болѣе употребительныхъ въ медицинѣ химическихкихъ препаратовъ. По патологической анатоміи практическія занятія доцента Блумберга со студентами IV курса состояли въ производствѣ вскрытій труповъ животныхъ, съ составленіемъ о томъ протоколовъ; всѣхъ труповъ для вскрытій было доставлено, въ теченіе года, въ анатомическому театру—33. Студенты III курса практически занимались, по три часа въ недѣлю, по патологической гистологіи; сверхъ того доцентомъ Блумбергомъ во второмъ полугодіи были дѣлаемы экспериментальныя изслѣдованія надъ бугор-

чаткой, съ участіемъ четырехъ студентовъ III курса. Занятія въ фармакологической лабораторіи состояли въ демонстрированіи студентамъ преподавателемъ фармакологіи Догелемъ прочитаннаго на лекціи, для чего употреблялось по два часа въ недѣлю; кромѣ того, для желающихъ спеціально заниматься, фармакологическая лабораторія была открыта ежедневно. Одинъ изъ студентовъ занимался спеціально изслѣдованіемъ вліянія виѣшней температуры на животный организмъ. Въ кабинетѣ преподавателя частной патологіи и терапіи Ланге производились въ теченіе года экспериментальныя изслѣдованія надъ чумою рогатаго скота, сапомъ, сибирскою язвою и оспою.. Въ лабораторіи постоянно занимались два студента IV курса. По оперативной хирургіи и родовспомогательной наукѣ студенты IV курса подъ руководствомъ профессора Зейфмана, упражнялись производствомъ, по болѣе употребительнымъ методамъ, различныхъ операцій хирургическихъ и родовспомогательныхъ. Хирургическія операціи производились частью надъ трупами животныхъ, частью же надъ живыми животными, которыхъ приобрѣтено для этой цѣли 10 лошадей и нѣсколько собакъ; по родовспомогательнымъ операціямъ демонстраціи производились на фантомѣ. Въ клиникахъ терапевтической и хирургической, какъ постоянной такъ и амбулаторной, подъ руководствомъ профессора Зейфмана, производились ежедневно, въ назначенные на это часы, изслѣдованіе и леченіе больныхъ животныхъ, съ относящимися сюда клиническими объясненіями студентамъ высшихъ двухъ курсовъ. Въ хирургической клиникѣ, по мѣрѣ встрѣчавшихся случаевъ, производились надъ больными животными операціи, въ которыхъ студенты IV курса приглашались къ участію въ качествѣ ассистентовъ. Важнѣйшихъ этого рода операцій произведено было — 33, въ томъ числѣ: надъ лошадьми—27, надъ собаками—4, надъ коровою и кошкою—по одной. Въ стаціонарныхъ клиникахъ, студентамъ двухъ высшихъ курсовъ поручалось поочередно наблюденіе за ходомъ болѣзни, въ качествѣ кураторовъ, съ составленіемъ исторіи болѣзни, или же въ помощь и для приобрѣтенія навыка въ обращеніи съ больными животными назначались фельдшерскіе ученики подъ надзоромъ ассистентовъ клиникъ. Въ теченіе 1877 года доставлено было въ институтъ, какъ клинической матеріалъ, 331 животное; изъ этого числа поступило въ стаціонарную клинику—109, представлено какъ амбулаторныя животныя—222; изъ нихъ было съ внутренними болѣзнями—87, съ внутренними—244; изъ животныхъ, пользовавшихся въ стаціонарной клиникѣ, выздоровѣвшихъ и получившихъ облегченіе

было—80, пало—15, убито—5, затѣмъ осталось въ клиникѣ на 1878 годъ—9. Изъ числа животныхъ, показанныхъ съ внутренними болѣзнями 9 числилось въ эпизоотической клиникѣ, руководимой профессоромъ Ланге; изъ нихъ 8 пало и 1 убито для научной цѣли. — Въ состоящей при институтѣ кузницѣ для ковки лошадей, подъ руководствомъ ученаго кузнеца Кольнинга, со второй половины 1877 года студенты IV курса упражнялись въ выдѣлкѣ подковъ, сперва изъ свинца, а потомъ изъ желѣза. Ученики ветеринарно-фельдшерской школы занимались: 1-й классъ, въ 1-мъ полугодіи, изготовленіемъ подковъ изъ свинца, во 2-мъ—изъ желѣза, а ученики 2-го и 3-го классовъ—какъ выдѣлываніемъ подковъ изъ желѣза, такъ и расчисткою и подковываніемъ копытъ.

в) Дерптскій институтъ.

Къ 1-му января 1878 года въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ состояло штатныхъ преподавателей—9, именно: ординарныхъ профессоровъ—3 (въ томъ числѣ директоръ института), экстраординарный—1, доцентовъ—4, прозекторъ—1. Вакантна должность законоучителя для фельдшерскихъ учениковъ, по немѣнѣю учениковъ православнаго исповѣданія. Вспомогательные предметы учебнаго курса въ институтѣ преподаются за особое вознагражденіе, на что ежегодно отпускается изъ государственнаго казначейства по 1,500 руб.

Въ теченіе 1877 года совѣтъ института имѣлъ 38 засѣданій. Въ отношеніи расиределенія предметовъ совѣтъ постановилъ усилить число уроковъ по общей патологіи на 3 часа въ недѣлю вмѣсто 2-хъ; касательно же порядка преподаванія совѣтъ разрѣшилъ допустить со II семестра преподаваніе общей терапіи въ VII учебномъ семестрѣ вмѣсто V-го. Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ заключались въ назначеніи лучшимъ изъ нихъ стипендій изъ назначенной для сего штатной суммы, а также пособій изъ специальныхъ средствъ института. На заданную на 1877 годъ, для награжденія медалью, тему „Versuche über die Verwendbarkeit des Vaporimeters von Deissler zur Prüfung aetherischer Oele auf Verfälschungen“—не было представлено разсужденій. На 1878 годъ совѣтомъ съ тою же цѣлью предложена слѣдующая задача: „Untersuchungen über die Entwickelung des Omasus“.

Преподаватели института и другія служащія въ ономъ лица издали въ свѣтъ слѣдующіе труды: директоръ и профессоръ Ф. Унтербергеръ—помѣстилъ въ приложеніи къ Рижской Газетѣ— „Ist der Ge-
часть сс, отд. 4.

nuss des Fleisches und der Milch von perlstüchtigen Rindernals Nahrungsmittel für Menschen unbedingt zu verbieten?“, въ журналѣ Коннозаводства—, По поводу статьи „Объ астонской лошади и Торчельскомъ конскомъ заводѣ“, въ Revue vétérinaire à Toulouse—, Enseignement officiel de la médecine vétérinaire en Russie. Etablissements d'outils dont il dispose. Détails sur l'Institut vétérinaire de Dorpat“, въ архивѣ ветеринарныхъ наукъ—, Торжественная рѣчь въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ 12-го декабря 1877 года по поводу празднованія юбилея императора Александра I“; ординарный профессоръ Е. Земмеръ—напечаталъ: въ изданномъ профессоромъ Вирховомъ Архивѣ— Zur Genesis der septischen Blutzersetzungen“, въ Zeitschrift für Thiermedizin und vergleichende Pathologie — „Ueber Blutveraenderungen bei Gelenkentzündungen und Gelenkeiterungen bei Pferden“, „Zur Pathologie der Wuth“ и „Vergiftungsfälle mit Leinsamenkapseln bei Schweinen“, въ Oesterreichische Monatsschrift für Thierheilkunde — „Zur Frage über die Geniessbarkeit des Fleisches von Pferden, die mit rotzigen zusammen gestanden, ohne deutlich inficirt worden zu sein“, „Ueber das Rotzcontagium“; доцентъ Клеверъ помѣстилъ въ Pharmaceutische Zeitschrift für Russland статью „Reisenotizen vom Jahre 1876“; доцентъ Книримъ напечаталъ: въ Zeitschrift für Biologie—, Ueber das Verhalten der im Säugethierkörper als Vorstufen des Harnstoffs erkannten Verbindungen zum Organismus der Hühner“, и въ Baltische Wochenschrift—, Zur Errichtung einer Samencontrollstation in Dorpat“ „Untersuchung des Maschinentorfes von Forel in Estland“, „Die Sämereien auf der Dorpater Ausstellung“ и „Analyse von landwirthschaftlichen Sämereien“; лаборантъ фармаціи Марки напечаталъ въ Archiv für Experimental Pathologie und Pharmakologie статью „Ueber die Alkoloide des delphinium Staphisagria“. Публичные лекціи читали: директоръ-профессоръ Ф. Унтербергеръ—, „О вліяніи законодательства императора Александра I на развитіе ветеринарныхъ учрежденій“, и, прозекторъ А. Земмеръ—, „Объ источникахъ теплоты животнаго организма“. Командированъ былъ за границу съ ученою цѣлію прозекторъ Земмеръ.

Денежные средства института въ 1877 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: штатныхъ суммъ отъ 1876 года оставалось—1,430 р. 35 коп., на 1877 годъ ассигновано изъ государственнаго казначейства: на содержаніе личнаго состава и на вознагражденіе преподавателямъ вспомогательныхъ предметовъ—24,591 руб., на хозяйственные расходы и учебныя пособия — 9,200 руб., на стипендіи студен-

тамъ—3,000 руб., всего—36,791 руб.; въ теченіе 1877 года израсходовано—37,848 руб. 23 коп., затѣмъ къ 1-му января 1878 года имѣлось въ остаткѣ — 873 руб. 12 коп.; специальныхъ средствъ: а) сбора за слушаніе лекцій: остатка отъ 1876 года — 150 руб. 44 коп., въ теченіе 1877 года поступило — 456 руб., израсходовано — 589 руб. 12 коп., къ 1-му января 1878 года оставалось на лицо — 17 руб. 32 коп.; б) сбора за леченіе животныхъ: оставалось отъ 1876 г.—129 р. 69 коп., въ 1877 году поступило — 687 руб. 20 коп., израсходовано въ то же время—356 руб. 8 коп., затѣмъ къ 1-му января 1878 года оставалось на лицо—460 руб. 81 коп.; в) пожертвованныхъ: остатка отъ 1876 года—7,280 руб. 55 коп., поступило въ 1877 году—358 р. 25 коп., израсходовано въ теченіе года — 294 руб., къ 1-му января 1878 года имѣлось на лицо—7,344 руб. 80 коп.

Учащихся въ институтѣ и въ состоящей при ономъ ветеринарно-фельдшерской школѣ было: а) студентовъ къ 1-му января 1877 г.—49, въ теченіе 1877 года поступило — 22, въ томъ числѣ: изъ высшихъ учебныхъ заведеній—1, изъ ветеринарныхъ училищъ—2, изъ гимназій—10, изъ реальныхъ училищъ—1, домашняго образованія—8; изъ нихъ вышло—8, въ томъ числѣ до окончанія курса—3, по окончаніи курса — 5; затѣмъ къ 1-му января 1878 года оставалось на лицо—63; б) стороннихъ слушателей въ 1877 году поступило—3, въ томъ числѣ: изъ гимназій—1, домашняго образованія—2, вышло—3, всѣ до окончанія курса; в) фельдшерскихъ учениковъ къ началу 1877 года находилось—11, въ 1877 году прибылъ — 1, вышло — 8, изъ нихъ до окончанія курса 4 и столько же по окончаніи курса; затѣмъ къ 1-му января оставалось — 4. Изъ общаго числа бывшихъ въ 1877 году 71 студента освобождено отъ платы — 26, что составляетъ 36,6% общаго числа. Стипендіями воспользовались 21 студентъ по 150 руб.; четыремъ изъ нихъ выдано прибавочныхъ по 100 руб., а двумъ—по 75 руб. каждому.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго ветеринарнаго института къ 1-му января 1878 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библиотекѣ состояло книгъ, періодическихъ изданій, плановъ, гравюръ, эстамповъ — 4,927 названій 9,763 тома на сумму 27,793 руб.; въ физическомъ кабинетѣ—546 номеровъ на 6,480 руб.; въ химическомъ кабинетѣ — 571 номеръ на 1,805 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ — 645 номеровъ на 259 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ — 3,079 номеровъ на 1,272 руб.; въ зоологическомъ собраніи—430 номеровъ на 67 руб.; въ музеѣ анатомическаго

театра: въ отдѣленіи фізіолого-анатомическомъ — 564 номера на 7,754 руб.; въ отдѣленіи патологико-анатомическомъ — 1,373 номера на 2,917 руб.; въ кабинетъ чертежей и рисунковъ — 186 номеровъ на 179 руб.; въ кабинетъ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ — 94 номера на 388 руб.; въ кузницъ — 88 номеровъ на 572 руб.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ — 18 номеровъ на 614 руб.; въ фізіологико-химическомъ кабинетѣ — 50 номеровъ на 601 руб.; въ аптекъ — 339 номеровъ на 2,066 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ — 378 номеровъ на 306 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ — 146 номеровъ на 79 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ — 217 номеровъ на 902 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ — 1,100 номеровъ на 843 руб.; въ клиники — 286 номеровъ на 2,623 руб. Въ клиникѣ оставалось отъ 1876 г. больныхъ животныхъ — 17; въ теченіе 1877 года вновь поступило — 2,844; выздоровѣло — 2,283, пало — 71, съ согласія владѣльцевъ, для анатомико-патологическихъ и ветеринарно-судебныхъ изслѣдованій предано смерти — 16, страдавшихъ неизлечимыми болѣзнями — 20, исходъ болѣзни остался неизвѣстенъ у 454, затѣмъ въ 1-му января 1877 года находилось въ клиникѣ — 17 животныхъ. Въ теченіе 1877 г. произведено всего операций — 484, изъ нихъ менѣе важныхъ — 381, болѣе значительныхъ — 108. Въ патологическомъ отдѣленіи зоотомическаго театра въ теченіе года вскрыто труповъ — 198; изъ нихъ 87 находились въ клиникахъ, а остальные представлены живыѣ. Въ лабораторіи, подъ руководствомъ доцента фармаціи, произведены четыре анализа для изслѣдованія отравленія, и одинъ анализъ для изслѣдованія мочи. Въ клинику доставлено было 13 животныхъ, подозрѣваемыхъ въ бѣшенствѣ, что и подтвердилось произведеннымъ вскрытіемъ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Низшія училища Виленской дирекціи народныхъ училищъ въ 1877 году.

Въ истекшемъ году въ Виленской дирекціи находилось низшихъ училищъ: городскихъ по положенію 31 мая 1872 года — 1 (трехклассное въ Свенцянахъ); уѣздныхъ двухклассныхъ — 5; двухклассныхъ народныхъ училищъ: городскихъ 7 (всеѣ они мужскія, но при четырехъ изъ нихъ находятся женскія отдѣленія); сельскихъ — 1; началь-

ныхъ народныхъ училищъ: городскихъ мужскихъ 5 (при каждомъ изъ нихъ женскія отдѣленія), городскихъ женскихъ 1; сельскихъ мужскихъ 1; сельскихъ для обоюго пола 176; частныхъ училищъ 3-го разряда 2; училищъ при церквахъ иностранннхъ исповѣданій 1; еврейскихъ казенныхъ 10; еврейскихъ частныхъ 7, хедеровъ 186. Кромѣ того къ указаннымъ выше училищамъ слѣдуетъ присоединить небольшія сельскія школы, находящіяся въ отдаленныхъ отъ училищъ деревняхъ—88, училище при Виленскомъ воспитательномъ домѣ „Исусъ Младенецъ“, мужскія и женскія послѣобъденныя смѣны при еврейскихъ училищахъ—3.

Число всѣхъ обучавшихся въ означенныхъ училищахъ прострало-лось къ 1-му января 1878 года до 14,326, между коими 13,237 мальчиковъ и 1,091 дѣвочекъ, а именно въ городскомъ трехклассномъ и уѣздныхъ двухклассныхъ училищахъ было 342, въ двухклассныхъ народныхъ училищахъ 510, въ начальныхъ народныхъ 8,496, въ частныхъ школахъ 109, въ школахъ при церквахъ иностранннхъ исповѣданій 60, въ еврейскихъ казенныхъ 1,049, въ еврейскихъ частныхъ 2,295, въ школахъ, не подошедшихъ подъ всѣ вышеозначенныя рубрики, 1467.

Сообщаемъ здѣсь свѣдѣнія о каждомъ изъ разрядовъ исчислен-ныхъ нами училищъ.

Городскія училища. Свенцянское уѣздное училище было преобразовано въ трехклассное городское по положенію 31 мая 1872 года. Дѣйствительное открытіе его, на первое время въ составѣ первыхъ двухъ классовъ, послѣдовало 19 сентября, послѣ произведен-ныхъ въ предыдущіе дни, начиная съ 15 сентября, приемныхъ экзаменовъ. Всѣхъ явившихся къ испытанію было 54 человекъ; изъ нихъ приняты въ 1-й классъ 1-е отдѣленіе 3, во 2-е отдѣленіе — 19, во 2-й классъ 1-е отдѣленіе—13 и 2-е отдѣленіе—5, а всего 40 чело-вѣкъ. Подъ помѣщеніе Свенцянскаго училища занята та часть зда-ній бывшей Свенцянской гимназій, гдѣ помѣщались прежде Свенцян-скія уѣздное и еврейское училища; послѣднее изъ нихъ, по преобра-зованіи въ начальное, переведено въ наемную квартиру, а занимае-мый имъ на дворѣ гимназическаго дома флигель обращенъ подъ квартиру учителя - инспектора и, такимъ образомъ, открылась воз-можность расположить городское училище съ достаточнымъ удоб-ствомъ: кромѣ двухъ довольно просторныхъ и одной меньшей клас-скихъ комнатъ, оно имѣетъ еще большую залу для гимнастическихъ упражненій, сборную комнату для учащихся, три комнаты для канце-

лярій, бібліотеки и кабинета, особый хороший деревянный домъ для квартиры учителя-инспектора и небольшой флигелькъ для училищной прислуги. Впрочемъ, какъ жилища, такъ и хозяйственныя строенія, не смотря на производившіяся въ нихъ почти ежегодно небольшія починки, требуютъ болѣе основательныхъ исправленій. Классовой мебели на открытые два класса пока достаточно, но она сдѣлана по старому фасону и не вполне удобна для учебныхъ занятій, почему нужно построить новую болѣе приличную и удобную мебель; равнымъ образомъ необходимо пополнить училищную бібліотеку пріобрѣтеніемъ соответствующихъ программъ городского училища книгъ, руководство и разнаго рода учебныхъ пособій, а для гимнастическихъ занятій устроить надлежащіе приборы. Всѣ эти нужды новооткрытаго заведенія могутъ быть въ нѣкоторой части удовлетворены на счетъ образованныхъ въ концѣ года остатковъ отъ штатной суммы, о чемъ уже сдѣлано надлежащее представленіе. На наемъ прислуги, отопленіе, ремонтъ дома и другіе расходы по училищу ассигнуется ежегодно, по положенію о городскихъ училищахъ, достаточная сумма и потому Свенцянское училище въ матеріальномъ отношеніи обезпечено вполне удовлетворительно.

Учебныя занятія въ новооткрытомъ городскомъ училищѣ производятся правильно, во всемъ согласно съ требованіями утвержденныя министерствомъ программъ и тѣми указаніями, какія сдѣланы въ приложенной къ программамъ объяснительной запискѣ. Учители обоихъ классовъ обладаютъ достаточнымъ знаніемъ какъ своихъ предметовъ, такъ и методики ихъ, и ведутъ обученіе разумно и занимательно. Можно думать, что къ концу учебнаго года учебныя программы по всѣмъ предметамъ будутъ выполнены надлежащимъ образомъ и ученики успѣютъ усвоить себѣ пройденное прочно и сознательно, такъ какъ уже въ декабрѣ была пройдена почти половина положеннаго по программѣ и учащіеся на вопросы преподавателей отвѣчали болѣею частію правильно и толково. Изъ дополнительныхъ предметовъ преподается только пѣніе учителямъ, который въ короткое время, при помощи скрипки, успѣлъ приучить мальчиковъ пѣть не только гаммы, но и нѣкоторыя молитвы и народный гимнъ. Обученіе гимнастикѣ до сихъ поръ еще не производилось по недостатку лица, хорошо знающаго это искусство; на будущее же время преподаваніе его, по всей вѣроятности, придется поручить одному изъ учителей Свенцянскаго еврейскаго начальнаго училища, прошедшихъ въ институтъ полный курсъ гимнастическихъ упражненій.

Уѣздныя двухклассныя училища. За преобразованиемъ Свенцянскаго уѣзднаго училища въ городское въ вѣдѣніи дирекціи осталось пять уѣздныхъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ: Ошмянѣ, Вилейкѣ, Лидѣ, Тркахъ и Диснѣ. Во внѣшнемъ ихъ состояніи въ отчетномъ году не произошло никакихъ перемѣнъ противъ прошлогодняго: помѣщались они въ тѣхъ же наемныхъ домахъ, вообще довольно просторныхъ и удобныхъ, но не имѣющихъ достаточно обширныхъ, по числу учениковъ, комнатъ для вторыхъ классовъ; книгами, учебными пособиями и классною мебелью снабжены были въ потребномъ количествѣ, хотя мебель, особенно ученическіе столы со скамьями, не вездѣ соответствовала возрасту учащихся; наконецъ, отопленіе, покупка канцелярскихъ принадлежностей, наемъ прислуги и другія матеріальныя нужды удовлетворялись надлежащимъ образомъ на счетъ суммы, ассигнуемой на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства.

Положеніе учебнаго дѣла также мало измѣнилось сравнительно съ прошлымъ годомъ. Обстоятельства, оказывавшія неблагоприятное вліяніе на ходъ учебныхъ занятій и успѣхи учащихся, а именно частыя перемѣны въ личномъ составѣ учащихся и продолжительныя отлучки нѣкоторыхъ членовъ педагогическихъ совѣтовъ училищъ для производства испытаній въ народныхъ школахъ на льготу по воинской повинности, — продолжались въ равной мѣрѣ и въ настоящемъ году; такъ, изъ 15 учителей во всѣхъ пяти уѣздныхъ училищахъ въ продолженіи года уволились отъ службы или перешли на другія должности 7 человекъ и мѣста ихъ, по недостатку кандидатовъ, не могли быть замѣщены въ скоромъ времени; равнымъ образомъ, нѣкоторые изъ штатныхъ смотрителей и учителей училищъ должны были цѣлые мѣсяцы употреблять на разъѣзды по народнымъ школамъ для испытанія оканчивающихъ курсъ учениковъ, оставляя нерѣдко свое училище на одного законоучителя или учителя рисованія. Естественно, что при такихъ условіяхъ учебная программа не во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ могла быть выполнена по всей подробности и съ надлежащею основательностію; впрочемъ, во многихъ случаяхъ неизбежныя упущенія были восполняемы самодѣятельностію учениковъ, которые вообще занимались своимъ дѣломъ внимательно и усердно и потому достигли болѣею частью удовлетворительныхъ успѣховъ по всѣмъ предметамъ.

По закону Божію мальчики православнаго исповѣданія совершенно правильно и сознательно произносятъ всѣ указанныя въ программѣ

молитвы; подробно и толково разказываютъ священную исторію ветхаго и новаго завѣта и важнѣйшія событія какъ изъ общей, такъ особенно изъ отечественной церковной исторіи; указываютъ порядокъ и объясняютъ смыслъ и символическое значеніе главнѣйшихъ частей церковнаго Богослуженія; наконецъ, основательно отвѣчаютъ на вопросы изъ пространнаго катихизиса о догматическомъ и нравственномъ ученіи православной церкви. Такіе успѣхи по одному изъ самыхъ трудныхъ предметовъ въ курсѣ уѣздныхъ училищъ слѣдуетъ приписать усердію православныхъ законоучителей (особенно Вилейскаго, Дисненскаго и Лидскаго), простотѣ и ясности ихъ уроковъ и старанію, на сколько возможно, приблизиться къ дѣтскому пониманію учениковъ. Законоучители римско-католическаго исповѣданія почти вовсе не объясняютъ назначаемыхъ дѣтямъ уроковъ и довольствуются однимъ только буквальнымъ заучиваніемъ на память краткаго катихизиса и св. исторіи, а потому, хотя ученики ихъ и даютъ часто весьма бойкіе и быстрые отвѣты, но въ нихъ не видно прочности и сознательности усвоенія выученнаго. Кромѣ того, почти всѣ ксендзы-законоучители неудовлетворительно знаютъ русскій языкъ и дѣлаютъ много ошибокъ противъ удареній; исключеніе составляетъ законоучитель Лидскаго училища, бывшій нѣкогда преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ, хорошо владѣющій русскою рѣчью и допускающій по временамъ на своихъ урокахъ объясненіе догматическихъ истинъ вѣры.

По русскому языку ученики 2-го класса читаютъ свободно, быстро и сознательно не только прочитанныя въ классѣ, но и вовсе нечитанныя статьи, съ соблюденіемъ грамматическаго и логическаго удареній; пересказъ прочитаннаго дѣлаютъ послѣдовательно, связно, не придерживаясь слишкомъ близко словъ книги; выученныя наизусть стихотворенія произносятъ правильно, разумно и съ должною экспрессіей; грамматическій и логическій разборъ производятъ скоро и толково съ указаніемъ простыхъ, сложныхъ и придаточныхъ предложений, съ объясненіемъ правилъ согласованія и управленія словъ, разстановки знаковъ и проч.; подъ диктовку пишутъ довольно безошибочно и, наконецъ, приучены нѣсколько къ письменному изложенію собственныхъ мыслей въ формѣ краткихъ описаній, разказовъ, писемъ и другихъ простѣйшихъ словесныхъ произведеній. Лучшіе успѣхи по этому предмету найдены въ Трокскомъ, Ошмянскомъ и Вилейскомъ училищахъ, имѣвшихъ въ продолженіи года хорошихъ преподавателей.

Изученіе славянскаго языка, при разновѣрномъ составѣ учащихся, идетъ менѣе успѣшно; но лучшіе ученики, особенно православнаго исповѣданія, читаютъ правильно и довольно бѣгло славянскія книги, преимущественно евангеліе, и могутъ не только объяснить значеніе труднѣйшихъ словъ и перевести прочитанное на русскій языкъ, но и указать отличіе главнѣйшихъ формъ славянскихъ отъ русскихъ.

Преподаваніе русской исторіи производилось примѣнительно къ учебнику Иловайскаго и отчасти Пудыковича, но о важнѣйшихъ событіяхъ и знаменитѣйшихъ дѣятеляхъ были сообщены болѣе подробныя свѣдѣнія въ разказахъ преподавателей, или посредствомъ чтенія въ классѣ, съ повтореніемъ учениками отдѣльныхъ біографій и отрывковъ изъ извѣстнѣйшихъ историческихъ сочиненій, причемъ особенное вниманіе было обращено на разъясненіе дѣтямъ древней и православной русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ и вообще на развитіе въ нихъ чувствъ преданности и любви къ престолу и отечеству. Въ нѣкоторыхъ училищахъ (напримѣръ Омшанскомъ) для закрѣпленія въ памяти учениковъ ясныхъ историческихъ представленій, по мѣрѣ пройденнаго, по эпохамъ, составлялся краткій хронологическій конспектъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ событій и производилась подробная катихизація пройденнаго. При такомъ способѣ преподаванія большинство учениковъ оказало въ исторіи надлежащія успѣхи.

Изъ географіи какъ общей, такъ особенно отечественной, въ предѣлахъ учебниковъ Смирнова и Лебедева, учащіеся приобрѣли достаточное количество подробныхъ и основательныхъ свѣдѣній, чему весьма много способствовали имѣющіяся въ училищахъ хорошія коллекціи учебныхъ пособій по этому предмету, какъ-то: глобусовъ, теллуріевъ, атласовъ, рельефныхъ и простыхъ географическихъ картъ и т. п. Преподаваніе географіи, согласно программѣ, было постоянно сопровождается черченіемъ картъ на доскахъ и въ тетрадяхъ, отчего нѣкоторые ученики приобрѣли немалую опытность въ картографическомъ искусствѣ. При изученіи ариметики письменное счисленіе по возможности соединялось съ умственнымъ и всѣ правила были объясняемы сперва на примѣрахъ съ малыми числами, а затѣмъ уже съ большими, что способствовало скорому и легкому усвоенію дѣтскими ариметическихъ положеній и приучало ихъ къ быстрому и вѣрному рѣшенію предлагаемыхъ задачъ. Многіе ученики какъ изъ христіанъ, такъ особенно изъ евреевъ, весьма основательно и подробно изучили всю ариметику, въ предѣлахъ программы, до тройнаго правила вклю-

чительно и извлеченія квадратныхъ корней, а при рѣшеніи довольно сложныхъ задачъ выказывали замѣчательную сообразительность и навыкъ въ производствѣ дѣйствій. За то по геометріи успѣхи во всѣхъ училищахъ значительно слабѣе и преподавателями допускается больше отступленій отъ программъ уѣздныхъ училищъ Сѣверо-Западнаго края. Въмѣсто того, чтобы ознакомивъ учениковъ съ главнѣйшими правилами планиметріи и стереометріи безъ всякихъ доказательствъ, а съ геометрическими тѣлами только нагляднымъ образомъ, все свое вниманіе сосредоточить затѣмъ на изученіи геодезій, составленіи межевыхъ плановъ и рѣшеніи, по возможности, большаго числа практическихъ задачъ по геометріи и геодезій, учителя, не имѣя подъ руками хорошаго, приспособленнаго къ программамъ учебника, заставляютъ учениковъ заучивать подробныя доказательства геометрическихъ теоремъ по руководствамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Такое направленіе преподаванія вредитъ успѣхамъ учениковъ и уменьшаетъ практическую примѣняемость приобретаемыхъ ими познаній, которая особенно имѣлась въ виду составителями программъ для уѣздныхъ училищъ.

Чистописаніе, преподаваемое специалистами этого дѣла, воспитанниками Строгановскаго училища, шло вездѣ съ очень хорошимъ успѣхомъ: ученики 1-го класса, послѣ начальныхъ упражненій для развитія руки, писали подѣ тактъ въ генетическомъ порядкѣ сперва элементы буквъ, потомъ буквы, слова и цѣлыя фразы; ученики же 2-го класса списывали съ прописей и книгъ и изучали различные каллиграфическія почерки. Обученіе производилось въ строгомъ систематическомъ порядкѣ и имѣло своимъ результатомъ пріобрѣтеніе большинствомъ учащихся хорошаго почерка и достаточнаго навыка писать быстрою и четкою скорописью. Черченіемъ геометрическихъ фигуръ и тѣлъ по чертежамъ и съ натуры, а равно межевыхъ и простыхъ архитектурныхъ плановъ и фасадовъ, ученики занимались также не безъ успѣха, особенно въ Троекскомъ и Лидскомъ училищахъ, гдѣ не было переменъ въ составѣ учителей; рисованію же были обучаемы только желавшіе и болѣе способные ученики, которые въ продолженіи года успѣли приготовить по нѣсколькѣ довольно хорошихъ рисунковъ цвѣтовыхъ, головокъ, отдѣльныхъ фигуръ, цѣлыхъ группъ, видовъ и т. п.

Церковное пѣніе, по недостатку людей, знающихъ это искусство и способныхъ обучать ему дѣтей, не было вовсе преподаваемо въ Троекскомъ, Ошмянскомъ и Вилейскомъ училищахъ, и только нѣкото-

рые ученики Лядскаго и Диевенскаго участвовали въ первоначальныхъ хорахъ, устроенныхъ надъ руководствомъ мѣстныхъ принадлежныхъ учителей.

Двухклассныя народныя училища. Изъ 8-ми двухклассныхъ народныхъ училищъ шесть находятся въ губерновомъ городѣ, одно въ уѣздномъ (Диснѣ) и одно въ м. Щучинѣ (Лядскаго уѣзда). Всѣ они имѣютъ достаточно удобное, восторженное, свѣтлое и теплое помѣщеніе въ наемныхъ кварталахъ, съ несомнѣнною арендной платой: отъ 150 руб. (въ Щучинѣ) и 180 р. (въ Диснѣ) до 240, 280 и 300 р. (въ г. Вильнѣ); такъ какъ на наемъ помѣщенія для Виленскихъ училищъ отнуждается по штату только 240 р., то недостающую сумму по историческимъ училищамъ приходится относить на счетъ свободныхъ остатковъ отъ содержанія тѣхъ же, или другихъ того же рода училищъ. При удобствѣ помѣщенія двухклассныя училища отличаются вполнѣ приличною обстановкою и достаточно обезпечены во всѣхъ своихъ матеріальныхъ нуждахъ, имѣютъ востанную прислугу, потребное количество классной мебели, книгъ и учебныхъ пособій и нескучно снабжаются отопленіемъ, хотя, при постоянно усиливающейся цѣнности рабочихъ рукъ, весьма нелегко вести училищное хозяйство и особенно трудно нанимать прислугу за назначенную штатнымъ положеніемъ плату—6 руб. въ мѣсяць.

Обученіе въ двухклассныхъ училищахъ производилось въ теченіи всего года правильно, аккуратно и съ надлежащимъ успѣхомъ. На произведенныхъ предъ лѣтними вакаціями экзаменахъ ученики, особенно старшихъ классовъ, отвѣчали бойко, толково, сознательно и обнаружили достаточную степень умственного развитія.

По закону Божію православнаго исповѣданія они разказывали всѣ важнѣйшія событія изъ священной исторіи ветхаго и новаго завета, читали наизусть и объясняли главнѣйшія молитвы, могли указывать порядокъ и составъ православнаго Богослуженія, а также символическое значеніе принадлежностей онаго; наконецъ, давали разумные отвѣты о догматическихъ истинахъ православной вѣры по краткому катихизису. Познанія учениковъ римско-католическаго исповѣданія ограничивались только краткою св. исторіей, краткимъ катихизисомъ и важнѣйшими молитвами и вообще были слабѣе, чѣмъ у православныхъ, что происходитъ отъ недостаточнаго знанія русскаго языка католическими законоучителями.

По русски мальчики старшихъ классовъ читали бѣгло, сознательно

и довольно выразительно не только читанныя въ теченіи года, но и нечитанныя статьи, могли воспроизвести прочитанное въ связномъ и подробномъ разказѣ; грамматическій и логическій разборъ производили толково, указывая не только отдѣльныя предложения и части ихъ, но и зависимость придаточныхъ предложений отъ главныхъ, а также части рѣчи и ихъ измѣненія по склоненіямъ и спряженіямъ; подъ диктовку писали почти безошибочно, съ соблюденіемъ важнѣйшихъ правилъ орфографіи и съ надлежащею разстановкой знаковъ препинанія; наконецъ, выученныя въ продолженіи года басни и стихотворенія произносили толково, выразительно и съ пониманіемъ какъ главной, такъ и второстепенныхъ мыслей заученнаго произведенія.

По славянски читали достаточно правильно, какъ отрывки изъ священныхъ книгъ, помѣщенные въ книгѣ для чтенія Паульсона, такъ особенно Евангеліе, и прочитанное могли перевести на русскій языкъ, съ указаніемъ главнѣйшихъ отличительныхъ формъ славянскаго языка.

По русской исторіи довольно подробно разказывали о важнѣйшихъ событіяхъ изъ древней и новой жизни нашего отечества, съ достаточно полными и точными хронологическими указаніями. Изученіе землѣвѣдѣнія не ограничивалось одними только общими понятіями изъ математической, физической и политической географіи, но преимущественно было обращено вниманіе на подробное ознакомленіе съ отечествовѣдѣніемъ, усвоенію котораго весьма много способствовало производившееся въ нѣкоторыхъ училищахъ довольно успѣшно черченіе картъ.

По ариѳметикѣ лучшіе ученики весьма быстро и вѣрно производили умственное счисленіе на всѣ 4 ариѳметическія дѣйствія, а на доскѣ рѣшали довольно трудныя задачи не только надъ простыми и именованными, но отчасти и надъ дробными числами; кромѣ того, довольно бѣгло производили ариѳметическія выкладки, особенно сложеніе и вычитаніе на счетахъ, которыми двухклассныя училища снабжены въ достаточномъ количествѣ.

Чистописанію дѣти обучались по образцамъ, написаннымъ самими учителями, и по печатнымъ прописямъ, и хотя обученіе производилось не по тактическому способу, который съ трудомъ можетъ быть употребляемъ въ начальныхъ училищахъ, тѣмъ не менѣе учащіеся успѣли приобрести правильный и красивый почеркъ, а нѣкоторые усвоили себѣ весьма быструю скоропись, что составляетъ главное въ изученіи этого предмета.

Обученіе церковному и свѣтскому пѣнію шло по прежнему съ весьма хорошимъ успѣхомъ: ученики обоихъ классовъ въ каждомъ училищѣ составляютъ трехголосный хоръ, который очень стройно и правильно можетъ пропѣть важнѣйшія молитвы, гимны— „Боже Царя храни“ и „Богъ славенъ нашъ Господь“ и до 30 нумеровъ русскихъ народныхъ пѣсенъ по сборнику Садова и Крачковскаго и руководству Рожнова. Кромѣ того, нѣкоторые мальчики принимаютъ участіе въ церковномъ пѣніи во время Богослуженія, принадлежа къ церковнымъ хорамъ. Вообще, учебная часть въ Виленскихъ двухклассныхъ училищахъ въ отчетномъ году была въ состояніи вполнѣ удовлетворительномъ, программы, утвержденныя для начальныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа, были выполнены надлежащимъ образомъ и учащіеся не только получили достаточное умственное и нравственное развитіе, но приобрѣли нескудный запасъ свѣдѣній, которыя принесутъ имъ въ жизни несомнѣнную пользу. Выше другихъ, какъ по успѣхамъ учащихся, такъ по усердію и опытности преподавателей и правильности школьнаго порядка, стояли училища: Замковое, Островотное и Снѣпийское; слабѣе—Зарѣчное, вслѣдствіе неакуратнаго кожденія дѣтей въ училище. Изъ 93 человекъ, обучавшихся въ 2-хъ классахъ всѣхъ 6-ти Виленскихъ двухклассныхъ училищъ, окончилъ курсъ 61 человекъ, изъ коихъ 49 удостоены по особому экзамену, произведенному въ испытательной комиссіи, свидѣтельства на льготу по отбыванію военной повинности.

Училища Дисненское и Щучинское, хотя и принадлежать къ разряду двухклассныхъ, но должность вторыхъ учителей въ нихъ не заводится съ 1864 года и потому по успѣхамъ они не могутъ сравняться съ настоящими двухклассными училищами и должны быть отнесены къ числу одноклассныхъ.

Начальныя народныя училища.

Городскія мужскія. Городскія одноклассныя училища имѣются въ 5-ти уѣздныхъ городахъ: Лидѣ, Опшынѣ, Трокяхъ, Вилейнѣ и Свенцянѣхъ. Въ матеріальномъ отношеніи они обезпечены нѣсколько бѣднѣе двухклассныхъ, особенно находящихся въ г. Вилейнѣ, тѣмъ не менѣе они не испытываютъ недостатка въ самонужнѣйшихъ книгахъ и учебныхъ пособіяхъ, отопленіи и прислугѣ, снабжены также достаточнымъ количествомъ мебели и занимаютъ приличное и удобное помѣщеніе въ наемныхъ домахъ съ платой отъ 100 до 150 руб. въ годъ, причесть, въ дополненіе къ штатной суммѣ на наемъ помѣ-

щенія (100 р.) ассигновано было изъ средствъ учебнаго округа 70 р. (для Виленскаго и Опшанскаго училищъ) и, по распоряженію г. начальника губерніи, управленіемъ г. Лиды назначено къ ежегодному отпуску изъ городскихъ доходовъ на помѣщеніе Лидскаго училища по 50 р., что дало возможность приискать для этого училища, вѣсто прежней не вполне сухой и теплой квартиры, болѣе удобное, въ гигиеническомъ отношеніи, помѣщеніе.

Учебныя занятія въ 5-ти одноклассныхъ городскихъ училищахъ, равно какъ и близкихъ къ нимъ по устройству двухклассныхъ—Дисненскомъ и Щучинскомъ, происходили въ теченіи всего года правильно и безъ перерыва, но, при меньшемъ количествѣ учебныхъ силъ, естественно здѣсь не могли быть достигнуты такіе результаты, какіе оказались на экзаменахъ въ Виленскихъ двухклассныхъ школахъ. Хотя и въ одноклассныхъ городскихъ училищахъ мальчики старшихъ отдѣленій знаютъ все болѣе существенное изъ программы по закону Божію, особенно молитвы съ объясненіемъ, краткій катихизисъ и священную исторію; по русски читаютъ бѣгло и съ вниманіемъ, довольно связно разказываютъ прочитанное, пишутъ подъ диктовку безъ большихъ ошибокъ, выразительно произносятъ выученныя наизусть стихотворенія и могутъ указать части простаго предложенія, части рѣчи и ихъ измѣненія; читаютъ по славянски съ объясненіемъ труднѣйшихъ словъ; довольно бѣгло производятъ умственное счисленіе и могутъ рѣшать не очень трудныя задачи на всѣ 4 ариметическія дѣйствія надъ простыми и именованными числами; наконецъ, пишутъ довольно скоро и многіе правильнымъ и красивымъ почеркомъ,—но они не были въ состояніи пройти основательно все положенное по программѣ для народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа. Особенно замѣтный пробѣлъ въ этомъ отношеніи оказался по русской исторіи и географіи, изъ которыхъ учащимися усвоено только главное и существенное, безъ тѣхъ подробностей, какія могутъ быть переданы во 2-мъ классѣ двухкласснаго училища. Что же касается гвѣія, то оно было преподаваемо только въ Дисненскомъ, Лидскомъ и Щучинскомъ училищахъ; учителя же остальныхъ 4-хъ училищъ сами не знатоки гвѣія и потому не могутъ обучать ему своихъ учениковъ. Вообще же состояніе учебнаго дѣла въ городскихъ одноклассныхъ училищахъ слѣдуетъ назвать удовлетворительнымъ: изъ 270 обучавшихся въ нихъ мальчиковъ — 45 окончили курсъ и получили льготныя по воинской повинности свидѣтельства. Выше другихъ по успѣхамъ оказались училища: Дисненское, Лидское и Опшан-

ское, слабѣе—Трокское и Свенцянское, учителя которыхъ, при всемъ своемъ стараніи, не могутъ надлежащимъ образомъ усвоить себѣ хорошей методы преподаванія, что и было имъ поставлено на видъ вслѣдствіе заявленія участковыхъ инспекторовъ.

Женскія отдѣленія при двухклассныхъ и одноклассныхъ городскихъ училищахъ. Всѣхъ женскихъ отдѣленій или смѣнъ считалось девять: 6 при одноклассныхъ училищахъ въ уѣздныхъ городахъ и 3 при двухклассныхъ въ г. Вильнѣ; изъ нихъ 8 содержатся на суммы, ассигнуемныя государственнымъ казначействомъ, и одна (Замковая) на средства Вилейскаго Свято-Духовскаго братства. Помѣщеніемъ, мебелью и учебными пособиями женскія смѣны пользуются отъ тѣхъ училищъ, при которыхъ состоятъ, и только одна Островоротная имѣетъ особое просторное и удобное помѣщеніе въ „Домѣ милосердія“, изъ жильцовъ котораго главнымъ образомъ составляется контингентъ учащихся этой смѣны. Учебныя занятія большей части смѣнъ происходятъ послѣ выхода мальчиковъ изъ училищъ, т. е. отъ 2-хъ до 4-хъ или 5-и часовъ пополудни, и только въ Островоротной, Дисненской, Вилейской и Свенцянской смѣнахъ, имѣющихъ особыя комнаты въ училищныхъ домахъ, дѣвочки собираются для руководящихъ занятій въ предъобѣденные часы. Чистописанію и женскимъ работамъ обучаютъ дѣвочекъ особыя наставницы смѣнъ; прочіе же предметы преподаются учителями городскихъ училищъ, получающими за свой трудъ дополнительную плату (50 р. с. въ годъ) и только въ Островоротной смѣнѣ преподавательницей всѣхъ предметовъ состоитъ наставница.

Такъ какъ число учебныхъ часовъ, назначенныхъ на преподаваніе общихъ предметовъ въ женскихъ смѣнахъ, значительно меньше, чѣмъ въ городскихъ мужскихъ училищахъ, при которыхъ онѣ состоятъ, и самое обученіе происходитъ въ послѣобѣденное время, когда учителя бываютъ сильно утомлены утренними занятіями, то понятно, что успѣхи дѣвочекъ должны быть значительно ниже, нежели мальчиковъ, и программа, назначенная для городскихъ одноклассныхъ училищъ, въ женскихъ смѣнахъ выполняется только отчасти. Успѣшному ходу учебныхъ занятій весьма много мѣшаетъ также крайне неакуратное посѣщеніе классовъ учащимися, особенно еврейками, по недостатку одежды, обуви и другимъ препятствіямъ, которыхъ весьма много встрѣчается въ домашнихъ обстоятельствахъ бѣдныхъ людей. При всемъ томъ, женскія смѣны приносятъ мѣстному населенію значительную пользу и доставляютъ дѣвочкамъ нижнихъ классовъ до-

вольно основательное элементарное образованіе: онѣ выучиваются порядочно русской грамотѣ, счисленію, основнымъ истинамъ вѣры, пѣнію, а главное—столь полезному въ домашнемъ обиходѣ—женскому рукодѣлію. На годичныхъ испытаніяхъ въ Райской, Островоротной и Замковой смѣнахъ ученицы старшихъ отдѣленій читали по русски съ пониманіемъ, довольно свободно и выразительно, складно разказывали какъ прочитанное по книгѣ, такъ и выученное наизусть; писали по одной и двумъ линейкамъ хорошимъ почеркомъ; довольно бѣгло производили умственное счисленіе и рѣшали небольшія задачи въ предѣлахъ 4-хъ ариметическихъ дѣйствій; могли стройно и правильно пропѣть нѣсколько молитвъ и народныхъ пѣсенъ и наконецъ представили значительное число выполненныхъ въ продолженіи года работъ, состоявшихъ въ вязаньи, вышиваньи и шитьѣ; многія изъ этихъ рукодѣлій отличались прочностію, тщательною и красивою отдѣлкой, и свидѣтельствовали о достаточномъ искусствѣ юныхъ рукодѣльницъ. Такими же успѣхами могутъ похвалиться и другія женскія смѣны, находящіяся въ уѣздныхъ городахъ, особенно Дисненская, Лидская и Трокская; нѣсколько ниже стоятъ Вилейская, Ошмянская и Свенцянская, въ которыхъ преимущественно замѣчена неаккуратность каждаго ученицы на уроки.

Городскія женскія училища. Въ этому разряду принадлежитъ одно только учебное заведеніе—Виленская бесплатная для бѣдныхъ дѣвицъ школа. Въ матеріальномъ отношеніи она обезпечена вполнѣ достаточно: занимаемое ею, въ домѣ учебнаго округа, казенное помещеніе сухо, тепло, свѣтло, чисто и было бы во всѣхъ отношеніяхъ удобно, если бы классныя комнаты были просторнѣе и позволяли принимать всѣхъ, желающихъ поступить въ училище. Прислужкой, отопленіемъ, книгами и учебными пособиями школа снабжается также по мѣрѣ надобности и ни въ чемъ необходимомъ не испытываетъ недостатка. И безъ того нескудный запасъ учебныхъ пособій въ настоящемъ году увеличенъ приобрѣтеніемъ карты полушарій, изд. Ильина, карты Палестины и значительнаго числа учебныхъ книгъ, всего на сумму до 37 руб.; кромѣ того, выписывался, по примѣру прежнихъ лѣтъ, полезный при занятіяхъ рукодѣліемъ журналъ „Молный свѣтъ“ и изъ безмезднаго склада дирекціи выдано 67 экземпляровъ книгъ, на сумму до 15 руб.

Учебныя занятія въ бесплатной школѣ производились въ продолженіи всего года правильно и аккуратно: какъ состояшія при самомъ заведеніи учительницы, именно—надзирательница школы, ея помощ-

ница и учительница руководили, такъ и приглашенные по найму изъ другихъ учебныхъ заведеній преподаватели исполняли свои обязанности съ примѣрнымъ усердіемъ; только законъ Божій римско-католическаго исповѣданія не былъ преподаваемъ за болѣзнію престарѣлаго законоучителя и за неназначеніемъ на его мѣсто другаго преподавателя, о чемъ неоднократно было извѣщаемо управленіе Виленской римско-католической епархіи. Ученицы съ своей стороны также отличались большею частію похвальнымъ прилежаніемъ и аккуратнымъ исполненіемъ классовъ: часто повторявшіяся въ прежнее время мажорировки значительно уменьшились, вслѣдствіе принятыхъ въ прошедшемъ году мѣръ. При такомъ добросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ какъ учащихъ, такъ и учащихся, учебное дѣло въ бесплатной школѣ находилось въ состояніи вполне удовлетворительномъ и данная ей въ руководство программа для народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа была выполнена надлежащимъ образомъ. На произведенныхъ предъ лѣтними каникулами годовичныхъ испытаніяхъ ученицы всѣхъ 3-хъ классовъ выказали и достаточное умственное развитіе, соотвѣтственно своему возрасту, и удовлетворительные по всѣмъ предметамъ успѣхи, на сколько они могутъ быть достигнуты при незначительномъ количествѣ назначеннаго на общіе предметы учебнаго времени.

По закону Божию православнаго исповѣданія ученицы 3-го класса отвѣчали связно, подробно и основательно изъ священнои исторіи новаго завѣта, кратко катихизиса и ученія о Богослуженіи и его составныхъ частяхъ, о храмѣ и его принадлежностяхъ, а также читали наизусть молитвы и нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія; дѣвочки 2-го класса разказывали хорошо исторію ветхаго и важнѣйшія событія новаго завѣта и объясняли символъ вѣры и 10 заповѣдей; въ 1-мъ классѣ сообщено понятіе о Богѣ, молитвѣ, крестномъ знаменіи и иконахъ; выучены употребительнѣйшія молитвы съ объясненіемъ и разказаны важнѣйшія событія изъ исторіи ветхаго и новаго завѣта; изъ 13 ученицъ только одна отвѣчала неудовлетворительно.

По русски въ 3-мъ классѣ почти всѣ читали довольно свободно, безъ крупныхъ ошибокъ, не читанныя въ классѣ статьи изъ „Дѣтскаго Міра“; связно разказывали и большею частію удачно дѣлали этимологическій и синтаксическій разборъ прочитаннаго; недурно произносили выученныя наизусть, басни и стихотворенія. Изъ русской исторіи по книгѣ Водовозова, съ дополненіемъ изъ руководства Пущыловича, отвѣчали болѣе или менѣе полно и складно. По географіи,

какъ отечественной, такъ и общей, успѣхи всѣхъ, кромя одной, были удовлетворительны.

Ученицы 2-го класса, всѣ, за исключеніемъ 4-хъ, читали довольно свободно, выразительно и съ пониманіемъ смысла, разказывали складно и хорошо дѣлали разборъ вещественный и грамматическій — о главныхъ частяхъ предложенія и частяхъ рѣчи съ ихъ назмѣненіями; удачно декламировали выученныя стихотворенія и недурно писали подъ диктовку. Въ 1-мъ классѣ всѣ дѣти, даже поздно поступившія, читали съ значительною легкостію, и, что особенно важно, правильно, и со смысломъ, и недурно разказывали прочитанное; чтеніе заученныхъ басенъ было также удовлетворительно.

По ариметикѣ дѣвочки младшаго класса отвѣчали очень удовлетворительно въ предѣлахъ отъ 1 до 20; учительница Горбачевская въ преподаваніи этого предмета строго держалась руководства Евтущевского и положила основаніе для дальнѣйшаго развитія ученицъ. Во 2-мъ классѣ рѣшали письменныя задачи на всѣ 4 ариметическія дѣйствія, на любую величину, и умственные въ предѣлахъ сотни; наиболѣе способныя дѣвочки отвѣчали очень хорошо, но многія оказались слабыми въ умственномъ счисленіи и недостаточно сообразительными, на что было обращено вниманіе учительницы. Въ 3-мъ классѣ рѣшали задачи по руководству Евтущевского на всѣ дѣйствія надъ именованными числами, а двумъ лучшимъ ученицамъ дано понятіе о дробяхъ.

По славянски ученицы 2-го и 3-го классовъ читали статьи повѣствовательнаго содержанія изъ Евангелія съ буквальнымъ переводомъ на русскій языкъ и приобрѣли достаточный навыкъ въ чтеніи и пониманіи славянскаго текста.

По чистописанію упражненія ученицъ 1-го класса отличались особеннымъ разнообразіемъ: кромя изученія элементовъ буквъ и всего алфавита въ генетическомъ порядкѣ, письма словъ и отдѣльныхъ предложений, дѣвочки выписывали слова, по указанію учительницы, изъ книги, перемѣняли изъ единственнаго числа въ множественное, списывали названія предметовъ и подводили ихъ подъ родовое понятіе, оканчивали недоконченныя фразы и т. п. Обиліе и разнообразіе письменныхъ упражненій, оживляя преподаваніе, дѣйствовало благотворно на развитіе дѣтей. Не менѣе успѣшно велось обученіе письму во 2-мъ и особенно въ 3-мъ классѣ, гдѣ преподаваніе этого предмета поручено было учителю Виленской прогимназіи: большинство ученицъ приобрѣло красивый почеркъ и быструю скоропись. Дѣвочки старшаго

класса съ успѣхомъ занимались черченіемъ геометрическихъ тѣлъ и рисованіемъ орнаментовъ, цвѣтовъ, узоровъ, головокъ и т. п.; начала черченія были преподаны и ученицамъ 2-го класса.

Руководѣіемъ, которое составляетъ главный предметъ въ школѣ и изученію коего посвящена большая часть учебнаго времени, дѣвочки занимались съ усердіемъ и отличнымъ успѣхомъ. Въ 1-мъ классѣ ученицы упражнялись въ болѣе простыхъ, элементарныхъ работахъ: вязанью, вышиванью и шитью; въ продолженіи года онѣ приготовили болѣе 50-ти разныхъ вещей изъ казеннаго матеріала. Во 2-мъ классѣ руководѣнные занятія усложнялись и дѣвочки работали какъ изъ казеннаго и собственнаго матеріала, такъ и по заказу; всего сдѣлано до 102 штукъ разныхъ работъ. Ученицы 3-го класса обучались, подъ руководствомъ особой наставницы, кроить бѣлья и платьевъ, шитью ручному и на машинахъ, вязанью, вышиванью и т. п., и во всѣхъ этихъ работахъ достигли значительнаго искусства: выполненныя ими работы отличаются сколько прочностію, столько же чистотой отдѣлки и красотой рисунка. Въ теченіи года ими приготовлено изъ казеннаго матеріала и по заказу множество платьевъ, мужскихъ и женскихъ сорочекъ, чепцевъ, передниковъ, юбокъ, салфетокъ и разныхъ мелкихъ вещей, всего штукъ до 150-ти. Отъ продажи руководѣній, сдѣланныхъ изъ казеннаго матеріала, и отъ заказовъ поступило въ спеціальныя средства заведенія болѣе 100 руб. въ годъ. Кромѣ того, было приготовлено не мало корпіи для военныхъ госпиталей, а также сшито безмездно халатовъ, наволочекъ, косынокъ, носковъ и нижняго платья для раненыхъ воиновъ, находящихся въ госпиталяхъ Виленскаго отдѣленія общества Краснаго Креста.

Пѣніе шло также вполне успѣшно: дѣвочки всѣхъ трехъ классовъ составляютъ трехголосный хоръ и весьма стройно могутъ пропѣть многія молитвы и церковныя пѣснопѣнія, особенно изъ литургіи и великопостной службы, гимны— „Боже Царя храни“ и „Коль славенъ нашъ Господь“, и до 30 русскихъ народныхъ пѣсень, различныхъ дѣтскому возрасту.

На нравственно-воспитательную часть было также обращено надлежащее вниманіе: дѣвочки приучались къ порядку, аккуратности, чистотѣ и приличному поведенію, и дѣйствительно вели себя скромно, благопристойно, одѣвались опрятно, а въ высокаторжественные дни ходили, вмѣстѣ съ надзирательницей, въ церковь; никакихъ предосудительныхъ поступковъ, даже грубыхъ шалостей, замѣчено не было. Изъ 18 ученицъ 3-го класса окончило курсъ 14; получили свидѣтель-

ства 10 и изъ этихъ послѣднихъ 3 изъявили желаніе остаться въ томъ же классѣ еще на одинъ годъ для большаго усовершенствованія въ наукахъ.

Сельскія начальныя училища. Между низшими учебными заведеніями Виленской губерніи первое мѣсто занимаютъ сельскія начальныя училища какъ по ихъ численности, такъ и по болѣе близкому отношенію къ народнымъ массамъ. По своему матеріальному обезпеченію и средствамъ содержанія они раздѣляются на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, именно: 84 штатныя училища получаютъ содержаніе отъ дирекціи, изъ суммъ, ассигнуемыхъ на этотъ предметъ государственнымъ казначействомъ; 35 школъ, устроенныхъ прежде министерствомъ государственныхъ имуществъ, содержатся на счетъ общественнаго съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ сбора; 13 полустатныхъ—на счетъ сельскихъ обществъ съ пособіемъ изъ суммъ дирекціи; 2 одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія—на счетъ тѣхъ же обществъ, съ пособіемъ изъ суммъ министерства; 42 общественныя—исключительно на средства сельскихъ обществъ и, наконецъ, одно (Будславское приходское училище)—на сумму государственнаго казначейства, съ пособіемъ отъ мѣстнаго общества и процентовъ съ капитала, завѣщаннаго ксендзомъ Ясинскимъ. Всего, къ концу отчетнаго года, состоитъ въ вѣдѣніи Виленской дирекціи 176 сельскихъ одноклассныхъ училищъ, изъ коихъ только при одномъ имѣется особое отдѣленіе для дѣвочекъ; въ прочихъ дѣвочки обучаются вмѣстѣ съ мальчиками. Общее число сельскихъ училищъ осталось то же, что было въ 1876 году, за исключеніемъ одного закрытаго, по недостатку помѣщенія, женскаго отдѣленія (при Ижскомъ училищѣ, Вилейскаго уѣзда); такъ какъ въ Виленской губерніи сельское населеніе раздѣляется на 153 волости, то каждая изъ нихъ имѣетъ по одному, въ 21 волости существуетъ по два, и въ двухъ по три правильно устроенныхъ училищъ, не считая училищныхъ отдѣленій, которыя составляютъ особый разрядъ учебныхъ заведеній, а равно 3-хъ городскихъ училищъ и состоящаго при Молодечненской учительской семинаріи начальнаго училища, въ которыхъ также обучаются дѣти крестьянъ. По отношенію къ общему числу христіанскаго сельскаго населенія, котораго въ настоящее время считается въ Виленской губерніи 688,995 душъ обою пола, приходится 1 училище на 3914 человекъ.

Число учащихся въ 179 правильно устроенныхъ сельскихъ школахъ (считая здѣсь указанныя сейчасъ 176 сельскихъ одноклассныхъ

училищъ для обоого пола, 1 сельское двухклассное училище, 1 одноклассное для мальчиковъ и 1 женское при немъ отдѣленіе) состояло къ началу 1878 года изъ 8131 чел., изъ которыхъ мужскаго пола 7919 и женскаго 212. Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, ово уменьшилось на 695 человекъ, или на 7,8⁰/₁₀₀ общаго числа. Объясненія этого явленія слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ климатическихъ особенностяхъ отчетнаго года: прошедшая осень была необыкновенно продолжительна и тепла, отъ этого сборъ учащихся въ сельскихъ школахъ начался очень поздно, большею частію въ половинѣ, или даже въ концѣ ноября; между тѣмъ, въ первыхъ числахъ декабря учителя должны были сообщать дирекціи свѣдѣнія о числѣ учащихся къ 1 января 1878 года, и такимъ образомъ они уважали число только самаго начала сбора дѣтей въ школы. Число это было бы значительно больше, ежели бы свѣдѣнія были доставлены въ дирекцію въ концѣ января мѣсяца, когда сельскія училища болѣе всего наполняются учащимися. Подтвержденіемъ того могутъ служить данныя, внесенныя въ отчетовъ, представляемыхъ народными учителями къ 1 мая: число учащихся въ тѣхъ же 179 сельскихъ школахъ къ концу 187⁰/₁₀₀, учебнаго года состояло изъ 8397 человекъ, т. е. на 266 больше, противъ показаннаго къ 1 января 1878 года. Не могли также не произвести неблагоприятнаго вліянія на положеніе сельской школы, особенно на сборъ учащихся, финансовыя и экономическія затрудненія военнаго времени, а равно два, произведенныя въ теченіи года, общіе призыва къ воинской службѣ и нѣсколько частныхъ оборотовъ отпускныхъ солдатъ.

Чтобы опредѣлить отношеніе числа лицъ, получающихъ элементарное образованіе, къ общему числу сельскаго населенія, нужно принять во вниманіе учащихся не только въ сельскихъ школахъ, но и въ ихъ отдѣленіяхъ, а равно въ уѣздныхъ, городскихъ и другихъ низшихъ училищахъ. Всего къ 1 января 1878 года обучалось въ этихъ училищахъ сельскаго сословія 9052 чел. Считая сельское населеніе губерніи въ 688,995 душъ обоого пола, получимъ 1 учащагося на 76 человекъ; если же принять, что дѣти школьнаго возраста (т. е. имѣющіе отъ 7 до 14 лѣтъ) составляютъ 15⁰/₁₀₀ населенія, то выйдетъ, что изъ 100 человекъ этого возраста обучается только 9, или $\frac{1}{11}$ часть всего числа. Такое отношеніе, конечно, должно быть признано весьма неудовлетворительнымъ, но при этомъ не нужно забывать, что Виленская губернія принадлежитъ къ числу самыхъ бѣдныхъ не только въ сѣверо-западномъ краѣ, но почти во

всей Россіи, и потому экономическое положеніе сельскаго населенія представляет мало благопріятныхъ условій для широкаго развитія грамотности. Кромѣ того, число дѣйствительно обучающихся крестьянскихъ дѣтей будетъ гораздо больше вышеуказаннаго, если прибавить къ нему учениковъ, находящагося при Молодечненской учительской семинаріи, начальнаго училища, нѣсколькихъ существующихъ въ губерніи церковныхъ школъ и частію Вилемскаго городского (при христіанскомъ учительскомъ институтѣ) училища.

Вышнее устройство и матеріальное обезпеченіе сельскихъ училищъ можетъ быть названо достаточно удовлетворительнымъ. Почти всѣ они, за немногими исключеніями, размѣщаются или въ особыхъ общественныхъ домахъ, нарочно для того построенныхъ, или же въ однихъ домахъ съ волостными правленіями. Помѣщеніе обыкновенно состоитъ изъ классной комнаты, просторной, высокой и достаточно свѣтлой, двухъ комнатъ для учителя, сѣней и кухни; при многихъ училищахъ имѣются особыя комнаты для ночлега мальчиковъ, приходящихъ изъ дальнихъ деревень, или же особыя ночлежныя избы; кое-гдѣ устроены и бани для учениковъ; тѣсныхъ и неудобныхъ въ гигиеническомъ отношеніи школьныхъ помѣщеній весьма немного: они составляютъ едва 10-ю или 12-ю часть общаго числа. Классная мебель, какъ-то: ученическія доски, шкафы для книгъ, столы и стулья для учителей имѣются во всѣхъ училищахъ, хотя не вездѣ въ достаточномъ количествѣ, весьма простаго устройства и не всегда соответственные возрасту учащихся, что переходитъ отъ недостатка по селамъ хорошихъ мастеровъ и неизбѣжна образцовъ мебели, удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ школьной гигиены. Для устраненія на будущее время указанныхъ неудобствъ, дирекція просила волостныя правленія при постройкѣ новой мебели для училищъ, особенно же ученическихъ столовъ, обращаться за указаніями къ учителямъ, окончившимъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, имѣвшимъ, очевидно, возможность видѣть мебель, устроенную вполне рационально. Отопленіе училища получаютъ отъ сельскихъ обществъ натурой, хотя не вездѣ въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ во многихъ, особенно безлѣсныхъ мѣстностяхъ сами крестьяне испытываютъ крайнюю нужду въ дровахъ; въ школахъ же, содержимыхъ на общественный съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ сборъ, на отопленіе отпускается особая, впрочемъ весьма незначительная, сумма (15 р.). Въ тѣхъ же училищахъ на заемъ прислуги назначено по 17 р. въ годъ; прочія школы пользуются или общою съ волостными правле-

нѣтъ прислугой, или имѣють отдѣльныхъ сторожей; напимасныхъ на счетъ обществъ. Кроме того, весьма многимъ училищамъ наръзаны небольшие участки опородной, пахатной и даже сѣновосной земли, отъ $\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ десятины; а по мѣстамъ какъ учащимся, такъ и учителямъ отпускается отъ обществъ освѣщеніе натурой или деньгами. Книгами, учебными пособиями и принадлежностями всѣ штатныя и два одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія снабжаются изъ безмеднаго склада дирекціи и на счетъ средствъ министерства, а потому въ этомъ отношеніи обеспечены лучше другихъ школъ; департаментъ министерства народнаго просвѣщенія въ настоящемъ году выслалъ для своихъ училищъ весьма значительное число книгъ разнаго содержанія, картинъ и другихъ учебныхъ принадлежностей. Бывшія училища палаты государственныхъ имуществъ получаютъ на книги и учебныя пособия по 27 руб. въ годъ, а полустатныя и общественныя снабжаются дирекціей на деньги, изрѣдка и весьма въ небольшомъ количествѣ высылаемыя сельскими обществами, и только по временамъ получаютъ небольшія пособия книгами, безмедно жертвуемыми святѣйшимъ синодомъ, управленіемъ округа и частными лицами въ складъ дирекціи; послѣдняго разряда училища часто испытываютъ большой недостатокъ въ учебныхъ пособияхъ и вообще въ этомъ отношеніи бѣднѣе прочихъ сельскихъ школъ. Наконецъ, ремонтъ училищныхъ помѣщеній и застрахованіе ихъ отъ пожаровъ производится исключительно на счетъ сельскихъ обществъ.

Такъ какъ большая часть расходовъ по содержанию сельскихъ училищъ, именно: постройка, ремонтъ и застрахованіе училищныхъ домовъ и прочихъ строеній; слабленіе отопленіемъ и освѣщеніемъ, прислугой и мебелью и отчасти приобрѣтеніе учебныхъ пособій—приходится на долю сельскихъ обществъ и расходы эти бывають весьма значительны, напр.: постройка школьнаго дома обходится отъ $1\frac{1}{2}$ до 4 и 5 тысячъ, на ремонтъ нужно въ годъ не менѣе 50 р. и пр.,—то несправедливо было бы обвинять крестьянъ въ равнодушіи къ сельской школѣ и въ недостаточной заботливости объ ея нуждахъ. Конечно, случается нерѣдко, что училищное помѣщеніе долго остается безъ надлежащей починки, скудно или несвоевременно доставляются дрова; неакуратно производится учителю жалованье; отнимается на значительнаго прѣжде хлѣбная дача, или же измѣняется прежній приговоръ объ обеспеченіи школы, но всѣ эти неуройства неизбѣжны въ школьной жизни и безъ труда устраняются настоящими дирекціи

предъ волостными правленіями и мировыми посредниками. Вообще же крестьяне, при вліяніи на нихъ со стороны мировыхъ посредниковъ и православнаго духовенства, охотно жертвуютъ свои небогатыя средства на пользу сельскихъ училищъ: кромѣ ежегодныхъ взносовъ на содержаніе школъ отъ всѣхъ вообще волостей, нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаютъ по временамъ весьма значительныя затраты на постройку училищныхъ домовъ и тому под. Такъ, въ отчетномъ году Гончарская волость (Лидскаго уѣзда) построила прекрасный, просторный училищный домъ, съ ночлежною для учениковъ, стоявшею обществу до 1,500 р. с.; кромѣ того, во многихъ училищахъ были произведены необходимыя ремонтныя исправленія.

Самую существенную часть матеріальнаго обезпеченія училищъ составляетъ содержаніе учащихся. Къ сожалѣнію жалованья, получаемое учителями и учительницами сельскихъ школъ, не можетъ быть названо достаточнымъ. Общая норма денежнаго вознагражденія за труды сельскихъ учителей—150 р.; немногіе получаютъ больше, хотя справедливость требуетъ сказать, что почти вовсе нѣтъ и получающихъ меньше. Такой разбѣръ окладовъ для сельскихъ учителей установленъ былъ при первоначальномъ устройствѣ народныхъ училищъ въ сѣверозападномъ краѣ въ 1862 году. Въ продолженіи 15-ти лѣтняго періода ихъ существованія цѣна на всѣ жизненныя потребности значительно увеличилась, а соотвѣтственно этому уменьшилась цѣнность денегъ и слѣдовательно сократилось содержаніе учителей; хотя нѣкоторые изъ нихъ, сверхъ нормальнаго оклада, получаютъ еще 48 рублей приварочныхъ и хлѣбную ссылку, примѣрно рублей на 50, но этимъ преимуществомъ пользуются только лица, вызванныя изъ внутреннихъ губерній на должность сельскихъ учителей и весьма немногіе изъ мѣстныхъ уроженцевъ, число которыхъ постоянно увеличивается въ составѣ народныхъ учителей, вслѣдствіе ежегодныхъ выпусковъ изъ учительскихъ семинарій, между тѣмъ какъ вызванные прежде изъ внутренней Россіи выбываютъ поемногу, а новый притокъ ихъ невозможенъ, потому что и во внутреннихъ губерніяхъ чувствуется недостатокъ въ способныхъ дѣятеляхъ на поприщѣ элементарнаго обученія. Такимъ образомъ, въ настоящее время настоятъ неотложная надобность въ увеличеніи содержанія и вообще въ улучшеніи быта сельскихъ учителей, безъ чего трудно на эту далеко не легкую должность привлечь людей способныхъ и хорошо подготовленныхъ, и еще труднѣе удержать ихъ долгое время на службѣ: при скудости содержанія и большихъ неудобствахъ удивенной жизни въ

деревенской глуши многие из учителей стараются прискаты для себя другие роды занятий. Въ видахъ выясненія средствъ къ лучшему обезпеченію хотя нѣкоторой части учителей, училищный совѣтъ затребовалъ отъ волостныхъ правленій, чрезъ мировыхъ посредниковъ, свѣдѣнія о количествѣ производимаго по нѣкоторымъ волостямъ, на основаніи распоряженія бывшего губернскаго начальника сѣверо-западнаго края, графа Муравьева, подесятиннаго сбора; но какъ обремененъ этотъ источникъ и сколько можно будетъ изъ него почерпнуть на пользу народныхъ учителей—въ настоящее время опредѣлить невозможно, за недоставленіемъ свѣдѣній.

Не вполне достаточное матеріальное обезпеченіе училищъ и ограниченность содержанія учителей имѣютъ безспорно неблагоприятное вліяніе на успѣхи начального обученія въ сельскихъ школахъ. При всемъ томъ, сравнивая прошедшее съ настоящимъ, нельзя не замѣтить хотя медленнаго, но постепеннаго улучшенія всѣхъ сторонъ школьнаго дѣла въ элементарныхъ училищахъ. Сознаніе пользы грамотности повсюду увеличивается въ темной массѣ простаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и сочувствіе ея къ народной школѣ, которая уже признается необходимою принадлежностію если не каждому селу, то по крайней мѣрѣ каждой волости; внѣшняя обстановка школы улучшается; число книгъ и учебныхъ пособій возрастаетъ; учебные методы и приемы обученія совершенствуются, а также совершенствуется и самъ личный составъ учащихся посредствомъ продолжительной практики и замѣны лицъ, мало подготовленныхъ или неспособныхъ къ педагогической дѣятельности, людьми болѣе благонадежными и спеціально приретенными къ этому важному дѣлу. Въ теченіи отчетнаго года оставили учительскую должность въ народныхъ училищахъ 10 человекъ, для которыхъ учебная служба была только прибавочной и которые не могли совмѣстить ее съ своими прямыми обязанностями (приходскіе священники); уволены отъ службы за неудовлетворительное веденіе учебныхъ занятій и за неимѣніе свѣдѣтельствъ на званіе начального учителя—6 человекъ; выбыли по прошеніямъ 20 человекъ, а всего вышло изъ вѣдомства дирекціи 36 сельскихъ учителей и учительницъ. На мѣсто выбывшихъ вновь поступило 41 человекъ, въ томъ числѣ 19 лицъ женскаго пола, преимущественно дѣвицъ, окончившихъ курсъ въ женскихъ гимназіяхъ и училищахъ для дѣвицъ духовнаго вѣдомства, 4 мужчинъ изъ обучавшихся въ уѣздныхъ училищахъ, и наконецъ 15 человекъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Воспитанники этихъ послѣднихъ заве-

деній, какъ люди специально подготовленные къ элементарному обученію и большею частію на всю жизнь избравшіе для себя скромную долю сельскаго учителя, составляютъ самое дорогое приобрѣтеніе для народныхъ школъ и съ увеличеніемъ числа ихъ будутъ непременно возрастать и успѣхи народнаго образованія. Въ настоящее время въ составѣ сельскихъ учителей дирекціи имѣется 53 человекъ, вышедшіе изъ учительскихъ семинарій, что составляетъ $\frac{1}{3}$ всего числа учащихся. вмѣстѣ съ тѣмъ значительно уменьшилось количество лицъ, не имѣющихъ свидѣтельства на учительское званіе: ихъ оставалось всего 13 человекъ. При увеличеніи числа учительскихъ семинарій въ предѣлахъ Виленскаго учебнаго округа и обращеніи затѣмъ всѣхъ, оканчивающихъ курсъ въ Молодечненской семинаріи, на службу въ народныя училища Виленской губерніи, можно ожидать, что въ скоромъ времени почти всѣ учительскія мѣста въ сельскихъ школахъ будутъ заняты людьми, по призванію избравшими учебную службу и получившими специальную къ ней подготовку.

Руководящею нитью при обученіи въ сельскихъ училищахъ служили утвержденныя въ 1871 году программы для народныхъ школъ Виленскаго учебнаго округа; но онѣ, подобно какъ и въ предыдущіе годы, могли быть выполнены только въ нѣкоторой ихъ части и притомъ не вездѣ. По обыкновенію въ большинствѣ школъ не успѣли пройти всего, положеннаго по программѣ, изъ отечественной исторіи, географіи, первыхъ началъ грамматики и естествовѣдѣнія; но больше всего пробѣловъ оказалось у законоучителей какъ православныхъ, такъ особенно католическихъ. Съ одной стороны трудность самого предмета, съ другой — приходскія обязанности и занятія по хозяйству не позволили преподавателямъ закона Божіа освилить программу во всей полнотѣ, особенно же по отношенію къ ученію о Богослуженіи. Общими же препятствіями къ надлежащему и полному изученію элементарнаго курса служили, не говоря уже о неподготовленности и малоспособности нѣкоторыхъ учителей, поздній сборъ учениковъ въ школы, неакуратное посѣщеніе ими уроковъ, раннее прекращеніе учебныхъ занятій, по мѣстамъ недосытокъ учебныхъ книгъ, отопленія и т. п. Всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства, какъ зависящія отъ климатическихъ и экономическихъ условій, съ трудомъ могутъ быть устранены при всѣхъ усиліяхъ учебнаго вѣдомства; такъ, рекомендованная министерствомъ народнаго просвѣщенія мѣра — назначеніе опредѣленныхъ сроковъ для пріема учениковъ въ многолюдныя

училища, оказалась недостаточной, по отзыву учителей; она не побуждала крестьян къ своевременной отдачѣ дѣтей въ училища.

Впрочемъ, и въ настоящее время успѣхи учениковъ въ большей части сельскихъ училищъ можно назвать достаточно удовлетворительными по всемъ предметамъ.

По закону Божию православнаго исповѣданія ученики старшаго отдѣленія читаютъ наявустъ правильно и сознательно всѣ важнѣйшія молитвы и могутъ объяснить въ нихъ отдѣльныя мысли и выраженія; довольно подробно рассказываютъ о главнѣйшихъ событіяхъ изъ священной исторіи ветхаго и новаго завета, придерживаясь преимущественно священныхъ картинъ, украшающихъ стѣны почти каждого училища, или же находящихся въ руководствѣ по библейской исторіи Базарова; даютъ удовлетворительные отвѣты изъ краткаго катихизиса о молитвѣ Господней, символѣ вѣры, 10-ти заповѣдяхъ и таинствахъ православной церкви; наконецъ, имѣютъ свѣдѣнія о св. храмѣ и его принадлежностяхъ, составѣ, порядкѣ и символическомъ значеніи Богослуженія и особенно священнѣйшей части онаго — Божественной литургіи. Ученики римско-католическаго исповѣданія изучаютъ общія молитвы, священную исторію обоихъ заветовъ и отчасти краткій катихизисъ; но пройденное усвоится ими не такъ основательно и съ меньшею сознательностію, чѣмъ у православныхъ, ибо всендѣзъ-заочники мало объясняютъ дѣтямъ уроки и довольствуются однимъ механическимъ заучиваніемъ на память, и притомъ довольно неаккуратно посѣщаютъ училища, отвлекаемые отъ нихъ занятіями по приходамъ и по хозяйству.

По русскому языку начальное обученіе грамотѣ почти во всѣхъ училищахъ производится по звуковой методѣ, хотя не вездѣ съ одинаковою правильностію и послѣдовательностію; съ чтеніемъ соединяется изученіе письма, при чемъ руководствомъ служитъ совмѣстное обученіе письму и чтенію Гербача, хотя по мѣстамъ употребляются и другіе буквари, напримѣръ: Водовозова, Тихомирова и Главинскаго. Для упражненія въ бѣглому чтенію, равно какъ для пересказовъ, вещественнаго и частію грамматическаго разбора, служитъ первая учебная книжка Паульсона; лучшіе же изъ учителей, особенно воспитанники учительскихъ семинарій, пользуются съ успѣхомъ Роднымъ Словомъ Ушинскаго, приучая дѣтей къ классификаціи предметовъ по ихъ признакамъ и вообще къ правильному мышленію. Въ старшемъ отдѣленіи статьи для чтенія заимствуются изъ различныхъ книгъ, особенно изъ Дѣтскаго міра Ушинскаго, книги для чтенія Водовозова, Пауль-

сема, Главинскаго, издавшея Виленскимъ учебнымъ округомъ и другихъ. Употребляемый въ училищахъ рациональный способъ обученія грамотѣ весьма много облегчаетъ и ускоряетъ изученіе этого важнаго предмета, такъ что у хорошихъ учителей дѣти въ два-три мѣсяца читаютъ уже правильно, хотя и не скоро, всякую четкую печать: ученики же старшей группы могутъ прочитать бѣгло, правильно и со смысломъ не только читанную въ классѣ, но и нечитанную статью и возстановить ее въ довольно полномъ и послѣдовательномъ разказѣ; сознательно и съ надлежащею выразительностію произносятъ выученныя наизусть басни и стихотворенія; подъ диктовку пишутъ безъ грубыхъ орфографическихъ ошибокъ и съ соблюденіемъ знаковъ препинанія; кромѣ того, ознакомлены съ составомъ простаго предложенія, частями рѣчи, склоненіями, спряженіями и другими грамматическими свѣдѣніями; были приучаемы къ письменному пересказу прочитаннаго, переложенію, составленію небольшихъ описаній, писемъ, и вообще къ правильному изложенію своихъ мыслей. Такъ какъ употребляемыя въ училищахъ книги для чтенія содержатъ въ себѣ много статей историческихъ, географическихъ и естествоописательныхъ, то дѣти приобрѣли значительный запасъ свѣдѣній изъ отечественной исторіи, географіи и естествовѣдѣнія, могутъ разсказать о важнѣйшихъ событіяхъ изъ жизни своего отечества, указать главнѣйшія горы, рѣки, города и т. п., какъ въ Россіи и Европѣ, такъ и въ другихъ частяхъ, и объяснить замѣчательнѣйшія явленія и законы природы. Такіе успѣхи въ наукахъ, конечно, можно найти не во всѣхъ училищахъ, а только въ лучшихъ, то-есть тамъ, гдѣ ученики ходятъ аккуратно въ классъ, ученіе продолжается довольно долго, учитель знаетъ свое дѣло и усердно имъ занимается, преимущественно же въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ; ученики сельскихъ школъ, находящихся въ средѣ инородческаго племени Литовцевъ (въ значительной части Свенцянскаго, Виленскаго, Троянскаго, Лидскаго и Ошмянскаго уѣздовъ), поступаютъ въ училище, не понимая ни слова по-русски, и потому, естественно, не могутъ успѣвать наравнѣ съ мальчиками, которые говорятъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, весьма близкимъ къ великорусскому.

Славянскій языкъ преподается преимущественно въ училищахъ, состоящихъ изъ православныхъ мальчиковъ, хотя и католики не чуждаются этого предмета. Изученіе славянской грамоты обыкновенно начинается послѣ того, какъ дѣти выучатся порядочно читать по-русски, сабдовательно уже во второмъ, а главнѣйш образомъ въ

третьемъ, старшемъ отдѣленіи. Послѣ объясненія особенностей славянской азбуки, дѣтей приучаютъ къ чтенію славянской печати на книгахъ для чтенія Виленскаго учебнаго округа и Паульсона, по Евангелію, часослову и псалтири. Чтеніе сопровождается объясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій, а иногда переводомъ на русскій языкъ и сравненіемъ формъ славянскихъ съ русскими. Мальчики большою частію весьма охотно занимаются славянскимъ языкомъ, находя возможность практическаго примѣненія приобретеннаго знанія въ чтеніи Апостола, часовъ и псалтири, что не только доставляетъ большое удовольствіе ихъ родителямъ, но и приноситъ матеріальную пользу самимъ чтецамъ. Нѣкоторые способнѣйшіе ученики настолько совершенствуются въ пѣніи и славянскомъ чтеніи, что могутъ заступать мѣсто псаломщиковъ и нерѣдко помогаютъ священникамъ при совершеніи Богусложенія и церковныхъ требъ.

Преподаваніе ариѳметики производится по методѣ Грубе, развитой въ руководствѣ Паульсона; въ послѣднее же время стали распространяться въ школахъ учебники Евтушевскаго. Въ видѣ пособія употребляются сборники задачъ: Воленса, Томаса, Малияна и Вуренина и особенно Евтушевскаго. Обученіе счисленію начинается обыкновенно со счета находящихся подъ руками у учениковъ видимыхъ предметовъ: камешковъ, прутиковъ и т. п.; затѣмъ переходятъ къ изученію въ послѣдовательномъ порядкѣ чиселъ именованныхъ и отвлеченныхъ и къ производству надъ ними всѣхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, причемъ главное вниманіе обращается на умственное счисленіе, какъ способствующее развитію сообразительности въ дѣтяхъ и по преимуществу приложимое въ практикѣ крестьянской жизни. Въ старшихъ отдѣленіяхъ мальчики занимаются рѣшеніемъ ариѳметическихъ задачъ надъ простыми, именованными и частію дробными числами на доскѣ, тетрадяхъ и умственно, и нѣкоторые приобретаютъ такой навыкъ, что могутъ довольно быстро и вѣрно рѣшать трудныя задачи, относящіяся къ знакомымъ предметамъ, взятымъ изъ сельскаго быта. Во многихъ школахъ ученики старшаго отдѣленія приучены къ производству выкладокъ на счетахъ, хотя рѣдко приобретаютъ надлежащую бѣглость въ этомъ дѣлѣ, по недостатку упражненія и ограниченному числу имѣющихся въ училищахъ счетовъ. Въ виду немалой пользы, каковую могутъ принести счеты, какъ учебное пособіе при начальномъ обученіи счисленію и для усвоенія навыка къ надлежащему ихъ употребленію въ жизни, училищный

совѣтъ рѣшился сдѣлать заказъ значительнаго числа ихъ для всѣхъ училищъ, получающихъ содержаніе отъ дирекціи.

Обученіе письму начинается вмѣстѣ съ грамотой и производится непрерывно во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ; состоитъ оно большею частью въ списываніи съ образцовъ, находящихся въ прописяхъ, или составляемыхъ самими учителями, а затѣмъ съ книгъ. Тактический способъ обученія чистописанію, признанный самымъ успѣшнымъ, не можетъ быть прирѣченъ въ сельскихъ училищахъ, гдѣ, при раздѣленіи учащихся на три отдѣльныя группы, письмо составляетъ всегда предметъ самостоятельныхъ занятій учениковъ. Кромѣ того, неудобство ученическихъ столовъ, несоразмѣрность ихъ съ возрастомъ и числомъ учащихся, темнота и краткость зимнихъ дней, недостатокъ грифелей и асидныхъ досокъ, вслѣдствіе трудности пересылки ихъ въ училища, и нѣкоторыя другія неблагоприятныя условія въ жизни сельскихъ школъ мѣшаютъ успѣшному ходу письменныхъ упражненій. Впрочемъ, въ тѣхъ училищахъ, гдѣ сами преподаватели пишутъ хорошо, и большинство учениковъ приобретаетъ правильный и красивый почеркъ, хотя немногіе могутъ похвалиться быстрою скорописью; обыкновенно же пишутъ на одной, или даже въ двухъ линейкахъ. Пособіемъ для пишущихъ служатъ прописи Градобоева и Чемоданова, а для учителей—руководство Гербача.

Пѣніе имѣетъ большое образовательное вліяніе не только въ эстетическомъ и религіозно-нравственномъ отношеніи, но и какъ проводникъ въ народъ чистой русской рѣчи. Есть немало школъ, въ которыхъ учителя съ любовью и знаніемъ дѣла занимаются этимъ предметомъ и учащіеся приобретаютъ въ немъ значительное искусство. Обыкновенно употребляется пѣніе двухголосное, какъ самое легкое и болѣе гармоническое; ученики всѣмъ классомъ поютъ важнѣйшія молитвы и церковныя пѣснопѣнія, гимны — „Боже Царя храни“ и „Коль славенъ“ и не мало народныхъ пѣсней по сборнику Садокова и Крачковскаго. Пѣніе унисонное встрѣчается рѣдко и служитъ или приготовительною ступенью въ двухголосному, или доказательствомъ неумѣлости самого учителя. Въ нѣкоторыхъ же училищахъ, кромѣ общаго пѣнія, составляются особые трехголосныя и четырехголосныя хоры изъ учениковъ съ лучшими голосами. Особенно извѣстны своимъ пѣніемъ хоры при училищахъ: Дикущскомъ, Бѣлицкомъ, Голдовскомъ и Жирмунскомъ — Лидскаго уѣзда, Словенскомъ — Опшянскаго, Богинскомъ — Дисненскаго, Вязинскомъ и Долгиновскомъ — Вилейскаго и другіе. Вообще церковное пѣніе болѣе развито въ пра-

восславлять мѣстностяхъ, гдѣ вѣстѣ съ православными нерѣдко поютъ на вѣпросѣ и мальчижи—наголки; въ училищахъ же, состоящихъ изъ учениковъ одного католическаго исповѣданія, дѣтей учать пѣть только общія молитвы: Отче нашъ, Спаси Господи; предъ ученіемъ и послѣ ученія, гимны и въ особенности народныя пѣсни.

Результаты воспитательнаго вліянія сельской школы на учащихся мѣже замѣтны и не такъ легко могутъ быть опредѣлены, какъ успѣхи въ наукѣ. При всемъ томъ несомнѣнно, что школьная жизнь оказываетъ весьма сильное образовательное дѣйствіе на дѣтскія сердца въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Ученики въ народныхъ школахъ приучаются къ трудолюбію, порядку въ занятіяхъ, аккуратности, вѣжливому и дружелюбному обращенію съ товарищами, почтению къ старшимъ и наконецъ къ усердному и искреннему исполненію религіозныхъ обязанностей: они читаютъ ежедневно молитвы не только предъ ученіемъ и послѣ ученія, но утреннія и вечернія, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда; въ воскресные и праздничные дни, по мѣрѣ возможности, ходятъ, вмѣстѣ съ учителями, въ церковь и подъ ихъ руководствомъ читаютъ и поютъ на клиросѣ, а во время св. сорокадвятиницы исполняютъ христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія. Нравственному развитію дѣтей весьма много содѣйствуетъ гуманное обращеніе съ ними учителей, которые, согласно данной имъ инструкціи, никогда не употребляютъ ни тѣлесныхъ наказаній, ни бранныхъ и рѣзкихъ словъ; случавшіяся во временахъ небольшихъ нарушеній школьнаго порядка или незначительныя дѣтскія шалости исправляютъ одними нравственными мѣрами—совѣтомъ, увѣщаніемъ, выговоромъ и т. п. Хотя при поступленіи въ училища крестьянскія дѣти бываютъ весьма робки и застѣнчивы, иногда кажутся совершенными дикарями, но они скоро свыкаются съ школьною обстановкою и приобретаютъ смѣлость и развязность; ученики же старшихъ отдѣленій обыкновенно отвѣчаютъ бойко, смотрятъ весело и своими чистыми, открытыми лицами, искренностію и наивностію бесѣды производятъ на всякаго самое пріятное впечатлѣніе. Больше благопріятныя условія для полнаго нравственнаго воздѣйствія школы на учащихся представляютъ тѣ училища, при которыхъ существуютъ общія ученическія квартиры, дающія учителямъ возможность установить правильный порядокъ въ жизни своихъ питомцевъ и имѣть за ними бдительный надзоръ не только въ классѣ, но и въ часы свободныя отъ занятій, особенно во время обѣда и ужина, утренней и

вечерней молитвы и т. п. Устройство этихъ квартиръ почти вездѣ одинаково: ученики помѣщаются въ особой ночлежной комнатѣ при училищѣ, или же въ отдѣльной комнатѣ за классомъ: спать на нарахъ, иногда на кроватяхъ; кормятся на счетъ общества, которое нанимаетъ для приготовления пищи особую кухарку, или назначаетъ поочередно матерей учащихся, отпускаетъ изъ общественнаго магазина хлѣбъ и муку, покупаетъ на собираемыя съ крестьянъ деньги сало, говядину, масло и другіе припасы и чрезъ волостнаго старшину или особаго выборнаго наблюдаетъ за правильностію расходовъ и порядкомъ въ содержаніи учениковъ. Сознавая важное значеніе ученическихъ обществъ при сельскихъ училищахъ, какъ въ гигиеническомъ, такъ и въ учебно-воспитательномъ отношеніи, училищный совѣтъ дирекціи постоянно заботится объ учрежденіи ихъ при каждомъ училищѣ и въ настоящемъ году циркулярнымъ отношеніемъ къ мировымъ посредникамъ требовалось ихъ содѣйствіа по этому предмету. Къ сожалѣнію, крестьянъ весьма трудно склонить на новыя расходы по училищу и потому старанія мировыхъ посредниковъ большею частію остаются безуспѣшными и число правильно устроенныхъ ученическихъ квартиръ почти не увеличивается: въ отчетномъ году ихъ было не болѣе 25. Въ остальныхъ же училищахъ мальчики, приходящіе изъ дальнихъ деревень, ночуютъ въ училищной кухнѣ или классной комнатѣ, спятъ на столахъ и на полу и сами себѣ готовятъ кушанья, каждый отдѣльно, изъ принасовъ, доставляемыхъ имъ родителями.

Обученіе столярному ремеслу производилось при двухъ училищахъ: Собакинскомъ (Лидскаго) и Полочанскомъ (Ошмянскаго уѣзда) и сопровождалось незначительнымъ успѣхомъ. Нѣсколько мальчиковъ, въ свободныя отъ учебныхъ занятій часы, упражнялись преимущественно въ начальныхъ приемахъ этого мастерства,—строганіи, пиленіи, сверленіи дыръ, клеикѣ досокъ и проч., и только подъ руководствомъ самихъ учителей могли приготовить нѣкоторыя простѣйшія вещи, напримѣръ: табуретку, столъ, кровать и т. п. Обученіемъ мальчиковъ занимались сами учителя народныхъ училищъ, получавшіе за свои труды и вмѣстѣ на ремесленные матеріалы по 20 р. въ годъ изъ средствъ учебнаго округа. Вообще нужно сказать, что при непродолжительности учебнаго времени, малолѣтствѣ и слабосиліи учениковъ, недостаткѣ мѣста для станковъ и матеріаловъ и неимѣніи средствъ на вознагражденіе учащихся и покупку инструментовъ,—ре-

месленность не можетъ развиваться при народныхъ училищахъ, и не приносить существенной пользы сельскому населенію.

Особыя женскія отдѣленія существовали только при двухъ народныхъ училищахъ: Дикунскомъ (Лидскаго) и Ижанскомъ (Вилейскаго уѣзда). Каждому изъ нихъ было ассигновано изъ суммъ учебнаго округа по 65 р. 25 к. на вознагражденіе учащихся и приобрѣтеніе руководящихъ матеріаловъ. Учительницами состояли дочери мѣстныхъ священниковъ; онѣ не только преподавали дѣвочкамъ первыя начала русской грамоты и счисленія, но и знакомили ихъ съ простѣйшими и употребительнѣйшими въ крестьянскомъ быту женскими руководящими,—вязаньемъ чулковъ, шитьемъ рубахъ и т. п.

ПОПРАВКИ.

При печатаніи первой статьи С. Н. Шафранова: „О складъ народной русской пѣсенной рѣчи“ въ октябрьской книгѣ Ж. М. Н. Пр. вкврались нѣкоторыя опечатки, которыя считаемъ долгомъ исправить:

СТРАН.	<i>Напечатано:</i>		<i>Должно быть:</i>
	СТРОКА.		
137	5	сверху Проза (пропускъ) опредѣляетъ слоги	Проза опредѣляетъ ихъ протяженность по естественному свойству слоговъ; но ритмика и музыка опредѣляютъ слоги и т. д.
138	18	> развитіе	различіе
141	33	> 2)	3)
—	40	> 3)	2)
142	27	> Становятся лишь	Становятся способными лишь
144	34	> —	—
145	14	> началѣ	начѣвѣ
156	9	> βάνι	βάνις
—	14	> χρόνοι	χρόνος
—	17	> τιθέναι	τιθέναι
163	9	> акты	икты

167. Стихи и колѣна напечатаны сплошь безъ раздѣленія на строки.

Примѣчанія на стран. 157, 158 и 159 должны быть подписаны не *Н. Ш.* а *С. Ш.*

PETREIS.

Notum est Petrum Primum magno fuisse amore Batavorum, quorum plurimi faciebat peritiam et curam rei navalis, ac diutius in eorum terra versatum. Atque adeo hodie quoque hominum curiosorum frequentia sunt celebres aedificulae, quas per breve tempus incoluit Zaan-dani; eiusque memoriam etiam nunc inter Batavos popularem esse neque temporis spatio intermortuam ipsi, cum in Batavia essemus, intelleximus. Et extat numerus haud spernendus librorum de Petri rebus Batava conscriptorum lingua. Sed minus notum illud inter Batavos qui Latinos versus fecerunt fuisse qui carmen epicum de Petro ederet, quod quidem inscripsit Petreidem.

Notum est apud nullam gentem olim magis floruisse studium pangendi carmina Latina quam apud Batavos, ut non modo philologi ac theologi, sed iurisperiti ac medici vel qui in regenda republica versarentur plerique scribendis eis gloriam quaerent. Talium poetarum quantus fuerit numerus, apparet ex Hofmanni Peerlecampii libro „de vita, doctrina et facultate Nederlandorum, qui carmina latina composuerunt“ (Harlemi a. MDCCOXXXVIII), quamquam haud paucos praetermisit. Rationes eorum et consilia a me exposita sunt in opusculo, cui inscriptum est „die lateinische Versification der Niederländer“, quod extat in fine libri mei „Geschichte der Klassischen Philologie in den Niederlanden“ (Lipsiae, 1868). Scio equidem vulgo nunc sordere studium scribendi versus Latinos, quamquam utilissimum est non modo illis, qui poetarum antiquorum rimantur intima, sed etiam eis, qui nullam rem magis commodam ad informandum et excolendam ingenium putant quam Latini usum sermonis. Itaque exercitia pangendi versus

Latinos cum olim frequentissima essent in gymnasiis totius paene Europae, nunc in maiore parte sunt intermissa. Quae incuria quantum afferat damni humanitatis studiis, in libello quem supra memoravi pgg. 178 sqq. est demonstratum.

Sed hac de re fortasse alibi pluribus. Nunc ad propositum redeo.

Igitur qui de Petri rebus latinum carmen ederet Batavus nomine fuit Gadso Coopmansius, natus Franequerae a. 1746, mortuus a. 1810. Qui cum in gymnasio Alcmariensi usus esset disciplina Gulielmi Higtii, in Academia Franequerana Ioannis Schraderi, qui viri fuerunt et studiosissimi poetarum Latinorum et carminum Latinorum pangendorum peritissimi, et ipse magno est accensus poesis Latinae amore, quem ut exueret posthac neque condicionis diversitate (nam Medicinae erat Professor) neque variis vitae casibus quibus est iactatus adduci potuit. Etenim cum addictus esset hominibus popularibus, qui principis Arausiaci factioni essent adversi, restituta hac Borussia, auxilio munere suo se abdicavit, ac primum Germaniam, mox Belgicum petiit, donec a Christiano VII in Daniam est evocatus. Tandem cum in patriam revertisset, paulo post diem obiit.

Magnam autem est adeptus laudem a. 1783 edito carmine de Variolis (quem morbum olim multis constat fuisse exitiosum, donec vis eius insitione variolarum infringeretur), atque adeo illud est conversam ab alijs in Germanicam linguam et Batavam. In eo deplorat Ioannes filius, quam insitione variolarum a tabe grassante et cuncta foedante defensurum se frustra speraverat, immaturum obitum. Particularum carminis sane quam luculentam proponit Peerlcampius l. m. pg. 525, 6.

Annis satis multis interpositis carmen epicum de Petro Primo scribere aggressus est. Cuius quidem primi duo libri cum pagina una tertii typis expressi prodierunt a. 1807. Opus inchoatum cur non ad finem perduxerit, parum constat. Ceterum in eo scribendo priora felicitate est destitutus, sive festinatio nimia ei obstitit, sive natura epici carminis gravitati non satis apta. Itaque, ut Peerlcampius refert, pg. 526, Petreis nec apta rerum est varietate, nec verborum elegantia et gratitate, nec artificiosa versuum modulatione, in quibus saepius vim infert legi metricae, et quasi luctatur cum Russorum nomipibus.

Notum est, quantas praebent difficultates gentilia Russorum nomina in versus Latinos vel Graecos inclusuro, cum abundant consonis in lingua Latina vel Graeca aut omnino non exstantibus aut utique rarissimis. Veteres, quamdiu vigeat lingua atraque, alienarum gentium nomina proprii sermonis accommodabant plerumque indoli. Ultima tamen aetate

litterarum Latinarum Corippus, qui fuit circa annum 570, in libris Iohannisos haud raro nomina Vandatica vel Afra parum mutata adhibuit, veluti haec *Languantan*, *Gantal*, *Guentan*, *Iutungun*, *Autiliten*, *Catubar*, *Geisirich*, *Gurzil*, *Astit*, *Anzatal* alia. Sed hoc fuit artis deficientis et exempli non probandi.

Coopmansius quo modo usus sit nominibus Russicis, docent versus a *Peerlcampio* adlati pg. 526:

Soltikof et Shepeleff, atque inelytus ense Kurakin,

Et Dolgoruki et Stresneff.

Itaque auctor non par extitit rebus, quas susceperat versibus celebrandas. Quod eo magis dolendum, quoniam „vita Russi illius vere magni (ut *Peerlcampii* verba faciam mea) tam felicem et divitem materiam praebet carmini heroico, qualem haud scio an nullius“.

Videntur tamen in *Petreide* fuisse loci quidam florentes et argumenti gravitate non inferiores. Talis est ille, ubi *Alexis Petro* in somnio apparens futuram imperii Russici praedicit magnitudinem.

Obicibus pulsus, non ulla gente morato

Victori in Scythiam meditantem ferre triumphos,

Riphaeasque arces, tandem praeclara nepotum

Gloria, virtutum regnorum heresque tuorum

Primus Alexander, Sancti de nomine dictus,

Palladis oblati ramis, ac foedere iuncto,

Europae requiem reddet, solatia mundo,

Et gemini claudet stridentia limina Iani.

Imperii extendet fines hic, pignora famae

Auferet, infensosque arcebit finibus hostes.

Hic cinctus lauru et cumulatus honore perenni

Laeta revocabit populis Saturnia regna.

His sine fine dedit, posuit nec tempora magnus

Iupiter imperio.

Apparet auctorem urbana usum assentatione *Alexandri Primi* tempora denotare, sicut *Vergilius* saepe in *Aeneide* praesagia facit de *Augusto*, ac respicere bella cum *Napoleone* suo tempore gesta. Mirus tamen error eorum, qui rati sunt his versibus significari expeditionem illam, quam anno 1812 suscepit *Napoleo*, cum editum sit carmen a. 1807. Ceterum per somnia pandere res futuras frequentissimus fuit mos poetis epicis iam inde ab *Homeri* tempore.

Imitatus autem est *Coopmansius* ut omnes, qui medio aevo vel a saeculo inde XV latine carmina epica composuerunt, atque ipsorum

Romanorum veterum epici Aeneidem Vergilii, cuius eum fuisse studiosissimum totus locus quem attuli declarat. Veluti ultima eius verba:

His sine fine dedit, posuit nec tempora magnas

Iupiter imperio,

minus quidem elegantia illa, in memoriam revocant quae de Romanis libro I (vv. 278, 9) Aeneidos dicit Iuppiter:

His ego nec metas rerum nec tempora pono,

Imperium sine fine dedi.

Atque adeo apparet ei in toto somnio describendo observatam esse orationem illam, qua Veneri deploranti Aeneae filii tempestate vexati et parte navium orbatu miserias futuram populi Romani et domus Iuliae magnitudinem pandit Iuppiter. Vellem tamen, cum scriberet verbum talem:

laeta revocabit populis Saturnia regna,

memor fuisset orationis Veneris, in qua haec leguntur (v. 235):

hinc fore ductores revocato a sanguine Teucri.

Quam si respexisset, timuisset utique revocandi verbum producta adhibere syllaba altera.

Haec ideo pluribus duxi exponenda, quia Coopmansii Petreis unicum est exemplum Petri Magni rerum carmine epico latino celebratarum. Haec autem ut ad finem non est adducta, ita paucorum in manus pervenit, cum exemplaria eius non prostarent apud bibliopolas, sed amicis essent distributa a Coopmansio. Quod cum ita sit, non potest esse mirum, quod ne in bibliotheca quidem publica Petropolitana, quam constat Korffii Comitum nuper defuncti labore et industria ita esse auctam libris ad historiam Russicam pertinentibus, ut omnes reliquas vincat, ne in hac quidem, inquam, exemplar invenitur Petreides.

Ceterum quae hic sunt proposita, eorum maior pars petita est ex libro Peerlcampii, qui quidem et ipse rarus est admodum in Russia et paucorum usu teritur.

L. Mueller.

VERGILIANA.

I.

Aen. l. II, vv. 108 sqq. Sinon narrat Troianis Graecos saepe voluisse re infecta a Troia domum reverti, sed semper tempestatibus atque procellis esse retentos. Cum denique iam equo ligneo exstructo naves solvere vellent, tantam tempestatem esse exortam, ut navigare nullo modo possent. Itaque ignaros, quid facerent, Eurypylum ad Apollinem consulendum misisse; deum autem haec respondisse:

„Sanguine placastis ventos et virgine caesa,
Cum primum Iliacas, Danaï, venistis ad oras:
Sanguine quaerendi reditus, animaue litandum
Argolica“.

Quid igitur haec oraculi verba significant? Nihil aliud nisi Graecis, qui initio expeditionis contra Troiam immolata Iphigenia deorum iram placaverint, etiam sub finem eiusdem expeditionis humano capite reditum esse redimendum. Itaque bellum Troianum et incepit ab hominis sacrificio, et eodem modo finiendum est.

Haec universa oraculi sententia prorsus plana est, nec quisquam de ea dubitare potest. Quomodo autem poeta dicere potuit Graecos Iphigeniam immolasse, cum ad Iliacas oras, id est, Troiam venissent? Quod, ut neminem fugit, fabulae de Iphigenia, Aulide immolata, prorsus repugnat. Quamquam deo, oraculum proferenti, concedi potest obscure loqui, tamen eiusmodi error de re in vulgus nota minime ferri potest. Itaque medicina adhibenda est. Videamus prius, quid interpretes de hoc loco dicant.

Qui hunc locum silentio non praetermittunt, ut Ladevigus, Kappesius, verbum venistis ita interpretantur, ut significet: cum venire volebatis. Ita iam antiquissimus ille Vergilii enarrator Servius ad h. l. haec dicit: venistis ad oras: figuratum, cum primum venire velletis. Servium secuti sunt recentiores, ut Weidnerus, qui venire vocem per ziehen, ziehen wollen vertens paene idem valere atque proficisci censet et ad explicationem suam confirmandam hunc Livii locum adfert (XLII, 40, 7): venientem aliquem ad Romanos interficere.

Haec interpretatio falsa est et prorsus omnibus grammaticae rationibus repugnat. Nam perfectum tempus „cum venistis“ tantum actionem iam absolutam significat, non autem conatum, ut illi volunt, quos supra enumeravi. Ad conatum exprimendum non perfectum tempus, sed imperfectum usurpatur, quod grammatici de conatu nominare consueverunt. Livianus locus, quo Weidnerus explicationem suam fulcire vult, minime aptus est, quoniam ibi participium praesentis exstat, non autem tempus perfectum.

Simili modo non sufficit et repudianda est Wunderi sententia, quae Forbiger probatur. Wunderi verba sunt: „Mera est temporis notatio, ex qua, utrum ante profectionem, an in itinere, an post adventum in agrum Troianum sacrum illud factum sit, non patet. Neque in re nota opus erat notatione accuratiore“. Igitur Wunderus quoque concedit hanc temporis definitionem minus accuratam esse, putat autem rem, quae notissima sit, verbis accurate exprimere non opus esse. Quo argumento nihil demonstratur.

Cum igitur locus quem tractamus nullo modo apte explicari possit ad coniecturam confugiendum est. Ac mea quidem sententia omnes difficultates facillime tollentur et versus optime sese habebit, si in ultimo hexametri pede iam in archetypo a librario mendum factum esse statuerimus et pro „oras“ levi mutatione „aras“ reposuerimus. Vox aras posita est per metonymiam et significat idem atque sacrificium, Iliacus autem non est hoc loco, qui Ilio reperitur, sed tantum qui ad Ilium pertinet. Sententia autem totius loci haec est: Ut homine immolato deorum iram placastis, cum primum fecistis sacrificium ad expeditionem Troianam pertinens, ita nunc quoque idem vobis faciendum est. Ita et initium expeditionis contra Troiam, et finis eiusdem optime sibi respondent, initium expressum toto versu 117 „cum primum Iliacas, Danaï, venistis ad aras“, et finis per unam reditus vocem expressus.

Iam videndum est, quibus argumentis hanc coniecturam tueamur.

1) Quod ad librorum scripturam attinet, mendum, ut supra dixi,

iam in archetypo statuendum est. Quod facillime fieri potuisse intellegemus, si, quod Ribbeckius proleg. p. 257 docuit, archetypum dictatum esse tenebimus. Ora et ara voces in libris manuscriptis facillime confundi potuerunt et confusae sunt. Ita apud Vergilium Aen. XI, 269 pro „aris“ codices in (Minoraugensis) et X (Vindobonenses), tum Oblongus Pierrii „oris“ praebent, et Ge. II, 47 pro „oras“ codex Gudianus γ „aras“ exhibet, u superscripto. Idem testatur Drakenborgius de Sil. Ital. III, 651 et XIII, 81, ubi pro oris in codicibus Coloniensi et Oxoniensi manifesto aras legi et librarios frequenter ita lapsos esse docetur. Idem animadversum est in Ovid. Met. XI, 546 et Catulli epithal. Pel. v. 132. Cum igitur alijs locis ora et ara voces confusae sint, hic quoque confundi potuerunt.

2) In eis verbis, quibus Vergilius hexametrum claudere solet, ara quoque est; invenitur enim variis casibus in sola Aeneide in ultimo hexametri pede tricies octies ¹⁾).

3) Quod ad verborum Iliacae arae significationem attinet, hic quoque res optime sese habet. Nam aram vel numero plurali aras pro sacrificio Vergilius ipse adhibuit, ut Aen. II, 129 Sinon de Calchante dicit:

Composito rumpit vocem et me destinat arae, h. e., sacrificio; et VI, 252 ibid. de Aenea ante iter in Orcum sacrificante dicitur:

Tum Stygi regi nocturnas incohat aras.

Huc quoque equidem retulerim Aen. VI, 56, ubi de Didone atque eius sorore Anna haec legimus: pacemque per aras exquirunt, i. e., per sacrificia, quae statim enumerantur; exstat autem alia huius loci explicatio (ab una ara ad alteram euntes).

Restat Iliacus vocabulum, quod id significare supra statuimus, quod ad Ilium vel expeditionem contra Troiam pertinet. Simili modo ab Ovidio ex Ponto IV, 16, 6 Macer poeta, qui Augusto imperatore versu res Iliacas conscripserat, Iliacus Macer appellatus est. Cum quo conf. Aen. III, 386 Aeaenae insula Circae, et ibid. 466 Dodonaeosque lebetas.

Quae cum ita sint, pro „oras“ v. 117 „aras“ reponere haud dubitaverim.

¹⁾ Homerus quoque Il. II, sacrificium, quod Aulide fuit, describens, ultima hexametri sede βώμους posuit: ἡμεῖς δ' ἀμφὶ περὶ κρήνην ἱεροῦς κατὰ βώμους ἔρδομεν ἀθανάτοισι τελέεσσας ἑκατόμβας.

II.

- Eiusdem libri vv. 261 sqq. Vergilius novem proceres enumerat, qui cum Sion claustrum resolvisset, ex equi utero per funem demittantur. Primo autem loco Thessandrum nominat. Mihi hoc nomen corruptum et pro Thessandro Thersandrus reponendum esse videtur. Quae me ad hanc emendationem proponendam permoverunt, sunt haec:

1. Primum inspiciendi sunt antiqui scriptores, qui de equo Troiano narrant. Homerus primus Od. VIII, 493 sqq. hac de fabula mentionem faciens v. 512 in universum tantum dicit lectissimum quemque in equo inclusum fuisse: δουράτειον μέγαν ἵππον, ὃθ' εἶατο πάντες ἄριστοι. Posteriores vero et numerum et nomina eorum qui in equo abditi erant, varie memorant, ut Heynius ad h. l. optime docuit; ita Quintus XII, 310 sqq. triginta, Tryphiodorus v. 153 sqq. duo ac viginti, multo plures Tzetzes ad Lycophron. 930 et Eustathius ad Od. et p. 1698 memorant. Gravissimum, quod ex Heynii disputatione discimus, est, quod ex eis quos Vergilius enumerat Thessandrum et Machaonem nemo habet alius praeter Hyginum f. 108. Quid igitur inde concludendum est? Cum Vergilii heroum in equo latentium nomina neque apud Homerum inveniantur, neque cum posterioribus mythographis congruent, Vergilium ipsum ea finxisse manifestum est. Homerus dixit modo πάντες ἄριστοι, Vergilius autem e Graecis eos delegit, quorum ipsis nominibus propriis praestantia atque virtus designaretur. Ita Sthenelus (σθένης), Acamas (infatigatus), Thoas (celer), Neoptolemus (πόλεμος), Machaon (μάχη), quibus adiungitur fabricator equi Epeos. De Ulixis et Menelai virtute non opus est monere. Quomodo autem potest cum his nominibus Thessandrus coniungi, in quo nomine, ut Curtius in libro qui inscribitur Grundzüge etc. p. 508 docet radix θεσ inest, quae preces vel supplicationem significat, ut Hesychius θεσοάμενοι idem atque αἰτησάμενοι esse statuens testatur. Aliter res sese habebit, si iam in archetypo mendum fuisse statuerimus et pro Thessandro „Thersandrus“, scripserimus. Ita cum verbis σθένης, ἀκάμας, θόας, πόλεμος, μάχη — θέρσος quoque ad heroum virtutes exprimendas optime quadrat. Poetae haud raro notiones in nominibus propriis interpretabantur vel eas denotabant, aut eiusmodi nomina fingeant, in quibus, quod homini proprium esset vel ad eum referretur, expressum esset. Hoc optime docuit Papius in praefatione lexicum nominum priorum p. XIII his verbis: Es giebt eine nicht zu geringe Zahl von Namen, welche eine besondere Eigenthümlichkeit ei-

ner fingierten Person ausdrücken. Et porro: Dichter haben den mythischen Personen, ihren Thaten und ihrer Beschäftigung entsprechende Namen gegeben. Ita iam apud Homerum Ulixes nominis sui originem ab ὀδοσάμενος repetit Od. XIX, 407: πολλοῖσιν... ὀδοσάμενος τόδ' ἰκάνω... τῷ δ' Ὀδυσσεὺς ὄνομ' ἔστω ὀμάνομον. Astyanactis nomen Il. VI, 403 hoc modo explicatur: οἷος γὰρ ἔρόετο Ἴλιον Ἐκτωρ. Porro in Odyssea, ubi somniorum domicilia describuntur (XIX, 562, sqq.) luditur verbis ἐλέφας—ἐλεφαίρομαι, κέρως—κράνω. Porro apud Sophoclem (480) Ajax nomen suum ab exclamatione αἰαῖ ducit dicens:

αἰαῖ· τίς ἄν ποτ' ᾤεθ' ὦδ' ἐπώτομον
τοῦμόν ξυνοίσειν ὄνομα τοῖς ἐμοῖς κακοῖς;

Vergilium quoque ab eiusmodi ludo non alienum fuisse docet exempli gratia Aen. II, 318, ubi poeta Panthum telis graecorum elapsam, cursu salutem quaesivisse narrat. Quem ludum optime processisse videmus, cum Πάνθοος, i. e. qui omnes cursu superat, cursu vitam servavit.

Quod haec scriptura omnium codicum auctoritati repugnat, non prohibebit, quominus propter hanc causam corrigamus: nam in nominibus propriis quam foedi errores librariorum reperiantur, nemo est qui nesciat. Vergilii archetypum eiusmodi erroribus abundasse Ribbeckius optime docuit. Scribitur autem in optimis ll. mss. Thessandrus, in Gudiano, Bernensibus Thesandrus. Ceterum in nostris quoque optimis codicibus alibi saepe R littera visa est S librario, ut idem Ribbeckius exemplis allatis docuit. Itaque hac in re codicum auctoritas minime valet.

Mendum iam in archetypo exstitisse ex eo quoque intellegi potest, quod apud Hyginum f. 108, qui solus in numero et nominibus heroum equo inclusorum cum Vergilio congruit, Thessandrus exstat; pro quo tamen iam Buntius, qui Hygini fabulas edidit, „Thersandrus“ scribere vult. Ceterum hic liber falso illi libertino et bibliothecario Augusti attribuitur et excerpta ex epicis cum Graecorum tum Romanorum poetis incerto tempore facta continet. Idem mendum reperitur in libro, qui sub Dictyis Cretensis ephemeride belli Troiani vulgo circumfertur.

2. Ipsum Thessandri vocabulum per duo s scriptum suspicionem movet. Si vera est sententia, quam Curtius proposuit, Θεσσαῆδος cum θεσσαῆμοι coniungens, quaeritur, unde additum sit alterum σ, cum in radice θεσ unum reperiatur? Equidem putaverim hoc modo nihil aliud fieri potuisse nisi Θεσσαῆδος, per unum σ scriptum, quod nomen apud Suidam exstat: Θεσσαῆδας οὗτος εἰς παιδεραστίαν δεινῶς διαβάλλετο. Θεσσα-

ῥος vero per duo e scriptum nusquam in Graecis lexicis reperire potui. Ex Thersandro autem per assimilationem litterae R in S Thessandrum factum esse minime cogitari potest, quoniam s in r saepe mutatur, r in s nunquam, ut Curtius (Grundzüge, p. 445) docet: Von dem umgekehrten Uebergang (r in s) gibt es kein einziges sicheres Beispiel im Kreise der indo-germanischen Sprachen.

3. Cum igitur veram scripturam esse Thersandrus persuasum habeamus, quaeritur quis fuerit ille Thersandrus. Servius ad h. l. haec dicit: Thessandrus, Polynicis et Argiae filius. Intellexit igitur illum Thersandrum epigonorum unum, cuius nomen epicis poetis aliisque scriptoribus notissimum erat. Cui tamen interpretationi unum obstat: Pausanias enim (descript. Graeciae IX, 5, 14) illum Thersandrum ante bellum Troianum in Mysia, quo contra Troiam profectus delatus erat, a Telepho occisum et Elea in urbe apud Caicum flumen monumentum ei exstructum esse narrat. Hoc tamen non prohibebit, quominus Servii interpretatione utamur: nam Vergilii Aeneis non est opus perfectum multique errores reperiuntur, quos poetae praematura morte abrepto emendare non licuit. Quosdam ἀναρχοντες ipse de industria fecit; ita Aeneam ad Didonem adduxit, quae trecentis annis post bellum Troianum fuit; Agrigentum, quod sexto saeculo ante Chr. n. conditum est; iam Aeneae temporibus memorat III, 703. Quae si respicimus, non mirabimur, si unius herois vitam decem annis longiorem fecit.

Haec sunt quibus emendationem, quam proposuimus, confirmari putamus.

Ioannes Luniak.

ХАРОНЪ ИЛИ НАБЛЮДАТЕЛИ.

Диалогъ Лукіана Самосатскаго.

Въ длинномъ ряду произведеній великаго сатирика Лукіана Самосатскаго, этого „Вольтера древности“, какъ его называютъ, диалогъ нодъ вышеприведеннымъ заглавіемъ *) занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ по остроумному выбору сюжета, живости изложенія, яркости красокъ, которыми сатирикъ обрисовываетъ людскія заблужденія и невѣжество. Содержаніе діалога, вкратцѣ, слѣдующее: Харонъ, извѣстный мифологическій перевозчикъ душъ умершихъ черезъ Стиксъ, выпросилъ у Гаде-са позволеніе посѣтить на одинъ день здѣшній свѣтъ, чтобы познакомиться съ жизнью на немъ людей. Выйдя изъ подземнаго царства, онъ случайно встрѣчается съ своимъ старымъ знакомымъ, богомъ Гермесомъ, и проситъ его служить проводникомъ, такъ какъ ему, Гермесу, хорошо извѣстенъ міръ живыхъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, Гермесъ соглашается на это. Чтобы удобнѣе было сразу обозрѣть всю землю, они взваливаютъ гору Оссу на Олимпъ, на Оссу — Пелій и, такъ какъ и эта высота показалась недостаточною, сверху наваливаютъ еще Иту и Парнасъ. Съ этой высоты Гермесъ показываетъ Харону, силу зрѣнія котораго онъ чудеснымъ образомъ увеличилъ при помощи заклинанія, взятаго у Гомера, — жалкія и суетныя стремленія и занятія смертныхъ. Лукіанъ относитъ время этого наблюденія къ эпохѣ Кира и Креза. Передъ глазами его „Наблюдателей“ проходятъ

*) Принадлежность этого діалога Лукіану неосновательно заподозривается нѣкоторыми вѣмецкими учеными и издателями.

одни за другими: Милонъ Кротонскій, Киръ, Крезъ, Сологъ, Камбизъ, Томиря, Поликрать Самосскій, Лакедемоняне, сражающіеся съ Аргосцами, наконецъ все множество людей. Все въ жизни людей кажется страннымъ и смѣшнымъ Харону, особенно же то, что всѣ нисколько не помнятъ и не боятся смерти, которая рано ли, поздно ли, всѣхъ покищаетъ. Онъ хотеть крикнуть на весь міръ, чтобы люди бросили свои суетныя заботы и помнили о смерти, но Гермесъ останавливаетъ его, говоря, что даже буравомъ нельзя просверлить уши людей,—такъ забиты они невѣжествомъ и заблужденіями.

Гермесъ. Харонъ.

Гермесъ (*встрѣчая Харона на землѣ*). Чему ты смѣешься, Харонъ? Зачѣмъ ты пришелъ сюда, въ нашъ міръ, оставивъ свою лодку? Вѣдь ты не особенно привыкъ бывать здѣсь наверху.

Харонъ. Знаешь, Гермесъ, мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какова жизнь человѣческая, что люди здѣсь дѣлаютъ и чего лишаясь всѣ они такъ вопятъ, являясь къ намъ; вѣдь ни одинъ изъ нихъ не переживаетъ безъ слезъ. Вотъ я и попросилъ Гадеса, какъ извѣстный Фессалійскій юноша¹, позволить мнѣ оставить на денегъ мою лодку, и явился на этотъ свѣтъ. И, мнѣ кажется, я очень кстати встрѣтился съ тобой: ты будешь моимъ проводникомъ и все покажешь, такъ какъ, конечно, все здѣсь знаешь.

Г. Недосугъ мнѣ, перевозчикъ! Я спѣшу исполнить для вышняго Зевса кое-какія порученія на землѣ². А онъ ужасно вспыльчивъ и, если я замѣшкаюсь, пожалуй сдѣлаетъ меня совсѣмъ вашимъ, сославъ въ преисподнюю, или — какъ онъ сдѣлалъ недавно съ Гефестомъ, — „бросить, за ногу схвативъ, и низвергнуть съ небснаго прага“, такъ что и я, хромой, буду служить посмѣшищемъ, наливая богамъ вино³.

Х. Неужели же ты оставишь меня одного бродить по землѣ, — ты, мой другъ и товарищъ по плаванію и переправѣ душъ?⁴ Не мѣшало бы тебѣ, сынокъ Май, вспомнить, что я никогда еще не заставлялъ тебя отливать изъ лодки воду или грести; ты хранишь себѣ, бывало, растянувшись на палубѣ, —хоть плечи-то у тебя вонъ какія могучія, —или, если встрѣтишь какую-нибудь словоохотливую тѣнь, болтаешь съ ней во все время переѣзда, а я, старикъ, одинъ гребу обоими веслами... Но ради твоего отца, миленькій Гермочка, не оставь меня, покажи все на этомъ свѣтѣ, чтобы я вернулся, увидавъ хоть

что-нибудь. Вѣдь если ты меня помянешь, я буду все равно, что слѣпой: какъ слѣпые спотыкаются и падаютъ, ничего не видя, такъ и я буду бродить здѣсь ощупью. Сдѣлай мнѣ одолженіе, Килленецъ, а этого во вѣкъ не забуду.

Г. Достанется мнѣ за это одолженіе! Уже я вижу, что при расплатѣ за это путевожденіе придется мнѣ получить по шеѣ. А все-таки надо тебѣ угодить! Что прикажете дѣлать, когда другъ просить? Только вотъ что, перевозчикъ: видѣть все до мелочей тебѣ невозможно, — на это понадобилось бы много лѣтъ. Зевсу придется тогда оповѣстить обо мнѣ, какъ о бѣглецѣ⁵, да и тебѣ это помѣшаетъ исполнять твое дѣло, и царство Плутона потерпитъ уронъ, если ты долго не будешь перевозить тѣни; ванъ сборщикъ Закъ⁶ придетъ въ ярость, не получая ни обота⁷. Приходится подумать, какъ позвать тебѣ самое главное.

Х. Ты самъ, Гермесъ, смотри, какъ будетъ лучше. Я ничего не знаю на этомъ свѣтѣ, — вѣдь я адѣсь гость.

Г. Коротко говоря, намъ нуженъ какой-нибудь высокой пунтъ, чтобы съ него все видѣть. Еслибы тебѣ можно было подняться на небо, то нечего было бы и толковать: ты отлично все увидалъ бы, какъ будто съ сторожевой вышки. Но такъ какъ тебѣ, постоянно нѣльзящему дѣло съ тѣнями, воспринять доступъ во дворецъ Зевса, то намъ нужно поискать какой-нибудь высокой горы.

Х. Ты знаешь, Гермесъ, какъ я обыкновенно говоривалъ ванъ во время наредѣдовъ. Когда бурный вѣтеръ ударитъ, бывало, въ бокъ паруса и поднимутся высокія волны, тогда вы, ничего не смысли въ дѣлѣ, велите то убрать парусъ, то опустить нежного каната, то пустить лодку на волю вѣтра; а я, бывало, велю ванъ сидѣть смирно, потому что самъ знаю, что дѣлать. Такъ вотъ и ты дѣлай, какъ по твоему лучше, — теперь ты ворчишь; а я, какъ слѣдуетъ пассажиранъ, буду сидѣть смирно и во всемъ тебя слушаться.

Г. Что правда, то правда. Я самъ буду знать, что дѣлать и найду удобный постъ для наблюденія. Не годится ли Кавказъ, или не выше ли Парнасъ? А, можетъ быть, ванъ тотъ Олимпъ выше ихъ обоихъ? А не дурную штуку я вспомнилъ, глядя на Олимпъ! Только и тебѣ нужно поработать и помочь мнѣ.

Х. Приказывай. Я буду помогать на сколько силъ хватить.

Г. Поэтъ Гомеръ говоритъ, что сыновья Алоя⁸, — тоже двое, — будучи еще мальчиками, захотѣли поднятъ Осу съ основанія и взвалить на Олимпъ, а сверху еще Пелій⁹; они думали, что это будетъ

удобная лѣстница для восхожденія на небо. Эти мальчишки были наказаны, и по дѣломъ: ужъ слишкомъ были держки. А вѣсть съ тобой, — вѣдь не на зло бокамъ ми задумываемъ это, — почему бы не взгромоздить точно такъ же горы одна на другую, чтобы лучше видѣть съ болѣе возвышеннаго пункта?

Х. И мы вдвоемъ въ состояннн будемъ поднять и навалить Пемй или Оссу?

Г. Почему же нѣтъ, Харонъ? Неужели ты считаешь насъ хуже этихъ мальчишекъ, — насъ, боговъ?

Х. Нѣтъ, но самое предпріятіе, по моему, невѣроятно велико.

Г. Оно и понятно: ты, Харонъ, человекъ простой и ужъ вовсе не поэтъ. Вотъ почтенный Гомеръ, такъ тотъ сразу двумя стихами открывъ дорогу въ небо и прелегко сложилъ горы. Я удивляюсь, однако, какъ это кажется тебѣ чудомъ, когда ты знаешь Атланта ¹⁰, который одинъ несетъ тяжесть цѣлаго неба, держа на себѣ всѣхъ насъ; а, быть можетъ, слышалъ ты и о моемъ братцѣ Гератѣ, какъ онъ когда-то замѣстилъ этого самаго Атланта и освободилъ его на время отъ тяжести, ввавъ небо на свои плечи.

Х. Слышалъ я и про это. Но правда ли это, — знать тебѣ, Гермесъ, да постанъ.

Г. Истинная правда, Харонъ! Съ какой стати умные люди стали бы врать?.. И такъ, примемся сначала за Оссу, какъ указываетъ намъ въ стихахъ поэтъ-зодчій, а затѣмъ „Пемйотъ многолѣсннй взбробимъ на Оссу“. (*Взвалнмъ гору Пемй на Оссу*). — Видишь, какъ легко ми это сдѣлали, и притомъ совершенно такъ, какъ указалъ поэтъ. Ну-ка, я войду на верхъ и посмотрю, не нужно ли будетъ еще что нибудь навалить. (*Свержу*). Плохо дѣло, — мы все еще внизу и до неба очень далеки. На востокъ одна виднѣется Іонія и Лидія, на западѣ — немножко Італія и Сицилія, на сѣверѣ — только скрина по сю сторону Истра ¹², съ той стороны (*указывая на югъ*), валь те туманъ, виднѣтъ Крнвъ (*сводитъ выказъ*). Придется, вѣзотся, сдвинуть и Иту ¹³, а сверхъ всего навалить Нарнасъ.

Х. Такъ и сдѣлаемъ. Смотри только, не слишкомъ ли шаткое построимъ, ми зданіе, нагромоздивъ его выше всякаго вѣроятія? Не пришлось бы намъ, рухнувъ вмѣстѣ съ нимъ и разбивъ себѣ черепа, испытать неудобства гомеровской архитектуры.

Г. Будь спокоенъ, — все сойдетъ благополучно. Двигай Иту! Навалимъ Парнасъ! Вотъ гляди, я опять пойду наверхъ. Отлично! Все видно. Взабирайся и ты!

Х. Прогони мнѣ руку, Парисей! Видѣшь: нѣ шутка возвратиться на такую громаду.

Г. За те ты все угадываешь. Нельзя ли побольше вѣсть трусливый и любознательный. Держись за мою руку и будь осторожен, чтобы не ступить на скользкій камень. Вотъ отъижди — вообрази мнѣ ты лавочницу. Парисей, идѣшь двѣ вершинки — свота мнѣ и усядемъ, катя одну, ты на другую. Ну, теперь смотри кружокъ и плавайдайся!

Х. Я вижу большую землю, вертуть нея какое-то громадное озеро, горы; рѣки шире Койка и Шарифовскаго ¹³, вижу пресеченныхъ холмиковъ и всякаго-то вернишка.

Г. Это ты города считаешь горками.

Х. Значитъ, Парисей, что мы ничего хорошаго не сдѣлали, — но напрасну только сдвинули Парисей камень съ Масганей ¹⁶. Иду на другія горы.

Г. Какъ такъ?

Х. Съ такой вѣсоти я ничего порядочно не вижу. Мнѣ хотѣлось видѣть все города только, да горы, какъ въ парисей, а тамъ много людей, что они дѣлають, что гадать. Вотъ направишь, куда ты мнѣ пошла на вершину и спросишь, чему я сдѣлала, — а какъ разъ тогда услыжашъ презабвенную вещь.

Г. Что же такое?

Х. Одинъ человекъ, приглашенный жить со мной друзей, какъ то, на завтрашній обѣдъ, сказалъ: „Неправильно введу“. И впрямь кончилась съ отъѣдомъ, какъ вдругъ черепица съ кровли — не знаю отъ чего — хлопъ ему на голову и убила на мѣлать. Я и засмѣялся, что онъ не сдержалъ слова. Я думаю и теперь сойти, чтобы душевнѣе жить в надеждѣ.

Г. Сиди спокойно. Я и въ этомъ тебѣ помогу и въ минуту сдвинуть тебя необыкновенно зоркими, какъ и люди этого особое заклинаніе у Гомера. Мнѣ только а яриваю. Все слова, свое зрѣніе прескитен и ты будешь отягчиво все видѣть.

Х. Говори скорѣе!

Г. „Мракъ у тебя отъ очей я отвелъ, окружавшій ихъ прежде: и ты увидишь ясно познаніе и бога и смертнаго мужа“.

Ну что? видишь уже? ¹⁷

Х. Превосходно! Самъ Линлей ¹⁸ — сдвинуть въ сравненіи со мной. Теперь ты мнѣ объясни и отвѣчай на вопросы. А хочешь, я тоже спрошу тебя по гомеровски, чтобы ты могъ узнать, что и я не незнаю съ его поэмами?

Г. Откуда же ты можешь знать хоть одинъ его стихъ, — ты, простой перевозчикъ, не расстающийся съ веслами?

Х. Внишь ты! Онъ еще презираетъ мое ремесло! Когда я перевозилъ умершаго Гомера, то наслушался досита его стиховъ и кое-что еще помню. Тогда еще захватила насъ сильная буря. Именно, онъ началъ гдѣть стихи, не совсѣмъ благопріятные для пловцовъ, — какъ Посейдонъ собралъ тучи и взмутилъ море своимъ трезубцемъ будто какимъ-нибудь половникомъ, взбутажило всѣ выкри и пр. и пр.¹⁹ Отъ его стиховъ море забушевало, налетѣла буря съ выкормъ и чуть-чуть не перевернула вверхъ дномъ нашу лодку. У Гомера отъ качки началась рвота и онъ извергъ множество стиховъ про Скиллу, Харибду, Киклона... Изъ такого изверженія не трудно было кое-что сберечь въ памяти. Итакъ, скажи мнѣ:

Кто этотъ мужъ, сей толстѣйшій, столько могучій, огромный?

Онъ и главою и плечами могучими всѣхъ перевысилъ.²⁰

Г. Это Милонъ, атлетъ изъ Кротона²¹. Греки рукоплещутъ ему за то, что онъ взвалилъ себѣ на плечи быка и несеть его по аренѣ.

Х. А, пожалуй, гораздо справедливѣе будетъ — не правда ли, Гермесъ? — рукоплескать мнѣ, когда я чрезъ нѣсколько времени возьму самого Милона и посажу въ мою лодочку. Вѣдь и онъ придетъ къ намъ, побѣжденный самымъ сильнымъ бойцомъ — Смертью, даже не замѣтивъ, какъ она подставитъ ему ногу. Поплачетъ онъ тогда у насъ, вспоминая о своихъ вѣнкахъ и объ акробатическихъ! Теперь же онъ очень счастливъ и гордъ тѣмъ, что возбуждаетъ удивленіе толпы, неся быка... Приходить-ли ему въ голову, что и онъ рано-ли, поздно-ли, умретъ?

Г. Съ какой стати ему помнить теперь о смерти, когда онъ въ полномъ цвѣтѣ силъ.

Х. Ну, въ сторону его! Скоро носивъеся мы надъ нимъ въ волю, когда онъ будетъ сидѣть въ моей лодкѣ, не будучи въ силахъ поднять комара, не только что вола. А ты мнѣ воть что скажи, „кто еще онъ, почтеннаго вида?“ На сколько можно судить по платью, онъ не Грекъ.

Г. Это Киръ, Камбизовъ сынъ, который передалъ Персамъ господство, отнятое у Мидянъ²². Недавно онъ покорилъ Ассирію и завладѣлъ Вавилономъ, а теперь хочетъ идти на Лидію и думаетъ, что, побѣдивъ Крезу, онъ все будетъ имѣть въ своей власти²³.

Х. А гдѣ-же этотъ Крезь?

Г. Взгляни сюда. Видишь городъ, укрѣпленный тройною стѣною?

Это Сарды, а вотъ, видишь, и самъ Крезъ сидитъ на золотомъ ложѣ и разговариваетъ съ Солонѣмъ Аѳинскимъ ²⁴. Хочешь послушать, что они говорятъ?

Х. Съ большимъ удовольствіемъ.

(Внизу) Крезъ. Гость изъ Аѳинъ, ты видѣлъ мое богатство, мои сокровища, несчетное количество золота и другихъ драгоценностей,—такъ скажи мнѣ, кого ты считаешь счастливѣйшимъ изъ всѣхъ людей?

Х. Что-то скажетъ Солонъ?

Г. Тише. Веди себя какъ слѣдуетъ, Харонъ!

Солонъ. Счастливыхъ мало, Крезъ! Изъ извѣстныхъ же мнѣ людей я считаю самыми счастливыми Клеобиса и Битова, сыновей одной аргосской жрицы ²⁵.

Х. А, это онъ говоритъ объ юношахъ, недавно умершихъ вмѣстѣ, послѣ того какъ они впряглись въ повозку и привели на ней къ храму свою мать.

Кр. Пусть такъ, — отдадимъ имъ палму первенства. А кто бы могъ быть вторымъ?

Сол. Аѳинянинъ Теллъ, который жилъ счастливо и умеръ за отечество.

Кр. А я развѣ не кажусь тебѣ счастливымъ, негодный человѣчишка?

Сол. Я еще не знаю, потому что ты не достигъ конца жизни. Смерть представляетъ собою конечное рѣшеніе этого вопроса; чтобы быть признаннымъ счастливымъ, нужно дожить счастливо до кончины.

Х. Молодецъ Солонъ, что насъ не забылъ и думаешь, что сужденіе объ этомъ дѣлается у моей лодочки! Но скажи мнѣ, Гермесь, что это за людей отправляетъ буда-то Крезъ и что они несутъ на плечахъ?

Г. Это онъ посылаетъ Аполлону Пидейскому золотые кирпичи въ уплату за предсказанія, отъ которыхъ онъ погибнетъ чрезъ нѣсколько времени ²⁶. Онъ до страсти любитъ предсказанія.

Х. Такъ это-то и есть золото, — блестящее, желтое съ красноватымъ отливомъ вещество? Я его въ первый разъ вижу, хоть и слышу про него постоянно.

Г. Оно самое. Его именно всѣ воспѣваютъ и жаждутъ.

Х. Я вовсе не вижу, что въ немъ за прокъ, кромѣ того только, что оно тяжело для несущихъ его людей.

Г. Неужели ты не знаешь, сколько изъ-за него войнъ, коварства, грабежей, влѣтвопреступленій, убійствъ, тюремныхъ заключеній, далекихъ путешествій, барышей, рабства?

Х. Изъ-за него? Да многихъ ли оно разнится отъ мѣди? Мѣдь-то я знаю: съ каждаго пассажира, какъ тебѣ извѣстно, получаю по оболу.

Г. Такъ-то такъ; но мѣди, видишь-ли, много, такъ что изъ-за нея не особенно хлопочуть; а золото рудокопы достаютъ изъ большой глубины, да и то немного. Оно, вѣдь, тоже изъ земли добывается, какъ олово и прочее.

Х. Люди, оказывается, порядочные глупцы, если до такой степени любятъ эту желтую и тяжелую вещь.

Г. Вотъ Солонъ, кажется, не любитъ ее. Какъ видишь, онъ смѣется надъ Крезомъ и его хвастовствомъ и повидимому хочетъ что-то спросить у него. Ну-ка, послушаемъ.

Сол. Скажи, пожалуйста, Крезъ, неужели ты думаешь, что Аполлону нужны эти кирпичи?

Кр. Конечно, клянусь Зевсомъ: вѣдь у него въ Дельфахъ нѣтъ ни одного подобнаго вклада.

Сол. Итакъ, ты думаешь осчастливить бога, если онъ кромѣ другихъ вещей получить отъ тебя золотые кирпичи?

Кр. Почему-же нѣтъ?

Сол. Велика-же, значить, бѣдность на небѣ, если богамъ надо получать золото изъ Лидіи, когда оно понадобится.

Кр. Да гдѣ же можетъ быть столько золота, сколько у насъ?

Сол. Скажи, пожалуйста, а желѣзо добывается въ Лидіи?

Кр. Его у насъ вовсе нѣтъ.

Сол. Значить у васъ нѣтъ того, что лучше золота.

Кр. Да какъ же желѣзо лучше золота?

Сол. Увидишь, если станешь отвѣчать безъ гнѣва.

Кр. Спрашивай, Солонъ.

Сол. Кто лучше, спасающіе кого-нибудь, или спасаемый?

Кр. Безъ сомнѣнія—спасающіе.

Сол. Итакъ, если Киръ объявитъ Лидіи войну, о чемъ носятъ слухи, ты сдѣлаешь войску золотыя сабли, или тогда понадобится желѣзо?

Кр. Конечно, желѣзо.

Сол. И если ты его не заготовишь, то твое золото можетъ достаться Персамъ.

Кр. Замолчи лучше! ²⁷

Сол. Не дай богъ, чтобы это случилось. А, кажется, ты согласенъ, что желѣзо лучше золота.

Бр. Не хочешь ли, чтобы я и богу пожертвовалъ желѣзные кирпичи, а золото возвратилъ назадъ?

Сол. Не нужно ему и желѣза. Пожертвуешь-ли ты мѣдь или золото, ты дашь прибыль и находку другимъ, Фокейцамъ или Бiotiйцамъ, или самимъ Дельфійцамъ, или какому нибудь тирану или разбойнику, а богу мало дѣла до твоихъ золотыхъ вещей.

Бр. Ты постоянно говоришь противъ моего богатства изъ зависти, конечно.

Г. Видишь, Харонъ, Лидіецъ не можетъ переварить смѣльныхъ и правдивыхъ словъ; ему кажется страннымъ, что бѣдный человѣкъ не пресмыкается передъ нимъ, а свободно высказываетъ свои мысли. Скоро онъ вспомнитъ Солона, когда попадетъ въ руки Киру и будетъ введенъ на костеръ. Я недавно слышалъ, какъ Клооо ²⁸ читала судьбу каждому человѣку: тамъ, между прочимъ, было написано, что Крезъ попадетъ въ плѣнъ къ Киру, а самъ Киръ погибнетъ отъ этой вотъ Массagetской царицы. Видишь эту Скиѣскую женщину, скачущую на бѣломъ конѣ?

Х. Вижу.

Г. Это Томирія. Она-то и отрубитъ Киру голову и броситъ ее въ мѣхъ, наполненный кровью ²⁹. А видишь молодого человѣка, сына его? Это Камбизъ. Онъ будетъ царствовать послѣ отца и, испытавъ тѣмъ поражений въ Ливіи и Эѳіопіи, сойдетъ съ ума и умретъ, убивъ Аписа ³⁰.

Х. Пресмѣшно это, право! А теперь кто смѣетъ посмотрѣть имъ прямо въ глаза, когда они такъ презираютъ прочихъ людей? Или кто можетъ повѣрить, что вотъ этотъ скоро будетъ рабомъ, а этого голова будетъ лежать въ мѣхѣ съ кровью? А что вотъ это за господинъ, одѣтый въ пурпуровое платье и съ діадемой на головѣ, которому поваръ подноситъ перстень, вынутый изъ выпотрошенной рыбы, въ островѣ волнообъятомъ; царь онъ по гордому виду ³¹.

Г. Ты, однако, отлично пародируешь Гомера! Это ты видишь Поликрата, тирана Самосскаго, который считается баловнемъ счастья. И онъ тоже будетъ выданъ сатрапу Ориту стоящимъ подлѣ него слугою Мэандріемъ и будетъ распятъ ³². Бѣдный, онъ скоро лишится своего счастья. Это я тоже слышалъ отъ Клооо.

Х. Люблю за это умницу Клооо. Жги ихъ, моя милая, руби головы, распинай ³³, чтобы они знали, что они люди. Показывай имъ пусть лѣзутъ вверхъ, — тѣмъ больнѣе шлепнутся съ большей высоты, — а по-

томъ ужъ я посмѣюсь, когда увижу каждаго въ моей лодкѣ, нагаго безъ пурпурнаго платья, безъ короны и не на золотомъ ложѣ.

Г. Это такъ и будетъ. А видишь ты, Харонъ, это множество людей? Одни плывутъ по морю, другіе воюютъ, третьи судятся, иные пашутъ землю, иные занимаютъ деньги, иные просятъ милостыню.

Х. Вижу, дѣйствительно, что толпа эта очень разнообразна, а жизнь человѣческая полна сматеній; города людей похожи на пчелиные ульи, въ которыхъ каждый имѣетъ свое жало и жалитъ ближняго; нѣкоторые же, какъ осы, нападаютъ и жалить только болѣе слабыхъ... Но что это за толпа тѣней, которая невидимкою носится надъ ними?

Г. Это надежды, страхъ, безуміе, удовольствія, страсти, алчность, ненависть и т. п. Изъ нихъ безуміе внизу вмѣшивается въ толпу людей и пользуется у нихъ правами гражданства, точно такъ же какъ ненависть, гнѣвъ, зависть, невѣжество, отчаяніе и алчность. Страхъ же и надежды носятъ вверху; первый, нападая, заставляетъ ихъ дрожать и иногда даже прятаться; надежды же парятъ надъ головами и, всякій разъ, какъ человѣкъ думаетъ, что поймалъ ихъ, улетаютъ, оставляя его растеряннымъ, съ разинутымъ ртомъ, какъ ты видишь въ подземномъ царствѣ Тантала, отъ котораго убѣгаетъ вода. Если пристальнѣе присмотришься, то увидишь, какъ въ воздухѣ Мирры прядутъ каждому веретено, къ которому всѣ прикрѣплены тоненькою ниточкой. Видишь, отъ веретена точно паутина протянута къ каждому человѣку?

Х. Вижу,—каждая ниточка очень тонка и почти всѣ онѣ перепутаны между собою.

Г. Это такъ и слѣдуетъ, перевозчикъ: одному назначено судьбою погибнуть отъ того, другому отъ этого, этому быть наслѣдникомъ того, у котораго нить покороче, тому—этого. На это-то и указываетъ тѣмъ, что нити перепутаны. А видишь,—всѣ они висятъ какъ на волоскѣ? Вотъ одинъ высоко поднять вверху и виситъ въ воздухѣ; скоро онъ упадетъ съ большимъ шумомъ, когда нитка не выдержитъ тяжести и оборвется. Другой еле приподнять отъ земли и если и упадетъ, то безъ всякаго шума, такъ что и сосѣди едва услышать о его паденіи.

Х. Какъ все это смѣшно, Гермесъ!

Г. Просто не найдешь подходящихъ словъ, чтобы высказать, какъ это смѣшно. Въ особенности потѣшны ихъ ревностныя заботы и то, что среди всевозможныхъ надеждъ они похищаются милѣйшею Смертью.

У ней много-таки, какъ видишь, слугъ и вѣстниковъ: лихорадки, горячки, чахотки, воспаления, мечи, грабежи, яды, судьи, тираны. Пока людямъ хорошо живется, ни о чемъ такомъ у нихъ и помыслить нѣтъ, а чуть только помянутся, тогда не оберешься аховъ, оховъ да вздоховъ. А еслибы они помнили съ дѣтства, что они смертны, и, пробывъ немного на этомъ свѣтѣ, удаляясь изъ него, оставивъ все на землѣ,—какъ будто бы проснутся,—то, право, разумнѣе бы они жили и меньше горевали бы послѣ смерти. А то они надѣются вѣчно пользоваться настоящими благами и, когда слуга смерти придетъ, позоветъ и уведетъ, опутавши горячкою или чахоткой, злятся на то, что ихъ уводятъ,—потому что надѣялись, что этого никогда не будетъ. Интересно, напримѣръ, знать, что сдѣлалъ бы вотъ этотъ чловѣкъ, который такъ заботливо строитъ себѣ домъ и понукаетъ рабочихъ, еслибы узналъ, что лишь только онъ покроветъ домъ крышей, какъ отправится на тотъ свѣтъ, предоставивъ наследнику пользоваться домомъ, а самъ, несчастный, даже не пообѣдаетъ въ немъ. Или вотъ другой радуется, что его жена родила мальчика, задаетъ по этому случаю пиръ друзьямъ и даетъ сыну имя своего отца ³⁴; еслибы онъ зналъ, что мальчикъ умретъ, лишь только ему исполнится семь лѣтъ, неужто, по твоему, радовался бы онъ его рожденію? Причина та, что онъ видитъ, какъ гордится сыномъ вонъ тотъ отецъ атлета-побѣдителя на Олимпійскихъ играхъ ³⁵, а не видитъ сосѣда, который хоронитъ своего ребенка, и не знаетъ, на какой нитѣ виситъ его сынъ. Видишь, сколько людей спорятъ изъ-за границъ своей земли, или копятъ деньги, а потомъ, еще не попользовавшись ими, призываются названными мною вѣстниками и слугами?

Х. Вижу я все это и думаю себѣ, что ихъ привлекаетъ въ жизни, или что это такое, чего лишившись они такъ печалятся? Вѣдь если обратить вниманіе на ихъ царей, которые кажутся самыми счастливыми, то, не говоря ужъ о шаткой и сомнительной, какъ ты говоришь, судьбѣ ихъ, окажется, что въ ихъ положеніи гораздо болѣе тяжелаго, чѣмъ пріятнаго: страхъ, смятеніе, ненависть, возни, гнѣвъ, лести; всему этому подвержены всѣ они. Я не говорю уже о печали, болѣзняхъ, несчастіяхъ, которымъ они подвержены наравнѣ съ прочими смертными. А если ужъ тяжело и положеніе царей, то каково же состояніе простыхъ смертныхъ? Я хочу указать тебѣ, Гермесь, на что похожими показались мнѣ люди и вся ихъ жизнь. Ты видалъ, конечно, пузыри, вскакивающіе на водѣ подъ шумно-бьющимъ ключемъ? Я разумѣю именно надутые пузыри, отъ которыхъ соби-

рается пѣна. Одни изъ нихъ не велики и скоро лопаются и исчезаютъ, а другіе держатся дольше и, вслѣдствіе присоединенія къ нимъ другихъ, вздуваются до весьма значительнаго объема, но потомъ все-таки и они лопаются; иначе и быть не можетъ. Такова и жизнь человѣческая ³⁶: всѣ люди надути воздухомъ, одни больше, другіе меньше, и у однихъ это состояніе весьма кратковременно, у другихъ болѣе продолжительно, но всѣмъ необходимо лопнуть какъ пузырямъ.

Г. Твое уподобленіе, Харонъ, ничуть не хуже Гомеровскаго сравненія рода людскаго съ листьями ³⁷.

Х. Таковы-то люди, Гермесъ, а между тѣмъ видишь, что они дѣлаютъ и какъ спорятъ между собою изъ-за власти, почестей и богатствъ, хотъ и придется имъ все это оставить на землѣ и явиться къ намъ съ однимъ оболомъ. Знаешь что, такъ какъ мы теперь находимся на значительной высотѣ,—не крикнуть ли мнѣ какъ можно громче и не посоветовать ли имъ оставить напрасные труды и жить всегда имѣя смерть передъ глазами; напимѣръ, такъ: „глушцы, что вы занимаетесь этимъ? перестаньте себя мучить,—вѣдь не вѣчно будете вы жить. Ничто изъ того, чѣмъ вы дорожите, не вѣчно и никто не можетъ ничего взять съ собою, когда умираетъ, но приходится отправляться на тотъ свѣтъ нагому, а его домъ, поле, золото всегда достаются другому и переходятъ изъ рукъ въ руки“. Не думаешь ли ты, что если бы я крикнулъ имъ во всеуслышаніе это и другое въ томъ же родѣ, то жизнь много выиграла бы и люди стали бы гораздо умнѣе?

Г. Чудакъ, ты не знаешь, до чего довели ихъ невѣжество и заблужденія: никакимъ буравомъ нельзя уже просверлить ихъ уши. Они такъ же залѣплены воскомъ, какъ Одиссей залѣпилъ уши своихъ товарищей изъ страха, чтобы они не услышали Сирень ³⁸. Какъ же они могутъ слышать, даже еслибы ты самъ лопнулъ отъ крика? То же, что у васъ Лета,—здѣсь производитъ невѣжество. Есть, правда, между ними немногіе безъ воска въ ушахъ, идущіе по пути истины, зорко смотрящіе на положеніе вещей и понимающіе ихъ сущность...

Х. Такъ не закрывать ли имъ?

Г. Совершенно излишне и это,—говорить то, что они знаютъ. Видишь, какъ они въ сторонѣ отъ другихъ смѣются надъ тѣмъ, что дѣлается кругомъ? Ничто нигдѣ имъ не нравится и они, какъ видно, уже подумываютъ, какъ бы бѣжать къ вамъ изъ этой суетной жизни ³⁹. Ихъ вѣдь всѣ и ненавидятъ за обличеніе невѣжества.

Х. Вотъ молодцы,—благородные люди! Однако мало-таки ихъ, Гермесь!

Г. Довольно и этихъ! Однако пора уже спуститься внизъ.

Х. Мнѣ бы хотѣлось еще одно узнать и если ты покажешь это, то твоя услуга будетъ кончена; именно я хотѣлъ бы видѣть мѣста, гдѣ люди хоронятъ мертвыхъ.

Г. Они называютъ это курганами, склепами и гробницами. Видишь ты эти насыпи, колонны и пирамиды передъ городами? Все это— мѣста для погребенія и сохраненія труповъ.

Х. Съ какой же стати они увѣнчиваютъ камни и мажутъ ихъ благовоніями? А другіе даже, сложивъ костеръ передъ трупами и вырывъ какую-то яму, сожигаютъ тутъ дорогія кушанья и, какъ кажется, льютъ въ яму вино и молоко, смѣшанное съ медомъ.

Г. Ужъ я не знаю, перевозчикъ, что въ этомъ проку для умершихъ. Люди вѣрятъ, что души, поднявшися изъ ада, летаютъ кругомъ и питаются парами сожигаемаго жира и дымомъ, а изъ ямы пьютъ молоко съ медомъ.

Х. Неужели могутъ пить или ѣсть тѣ, у которыхъ и черепа-то совсѣмъ высохли? Смѣшно, впрочемъ, что я это тебѣ говорю: ты вѣдь каждый день водишь ихъ къ намъ, значитъ знаешь, могутъ ли они возвратиться, разъ сошедши подъ землю. А можно бы посмѣяться надъ тобой, Гермесь, если бы тебѣ, у котораго и такъ не мало дѣла, пришлось не только сводить ихъ къ намъ, но и снова водить на землю для питья⁴⁰. О безуміе! о глупцы,—не знаютъ они, какъ велика разница между положеніемъ мертвыхъ и живыхъ, и что у насъ дѣлается; не знаютъ и того, что

Все здѣсь равно, умираетъ безъ гроба или въ гробѣ сокрытій,

Та жъ и единая честь и Иру и Агамемнону,

Равенъ Оерситу здѣсь гордый сынъ гѣлокудрой Фетиды.

Всѣ равно безжизненно-вѣючи тѣни усопшихъ,

Голы, изсохшія, рѣютъ по асфоделонскому лугу⁴¹.

Г. Клянусь Геракломъ, сколько ты черпаешь изъ Гомера! Вотъ встать напомнилъ,—я хочу тебѣ показать гробницу Ахилла. Видишь, вотъ на берегу моря? Это троянскій Сигей; а напротивъ похороненъ Эантъ въ Ритеѣ⁴².

Х. Не велики же гробницы! Покажи ужъ мнѣ и знаменитые города, — Ниневію Сарданапала, Вавилонъ, Микены, Клеоны и самый Иліонъ. Я помню, что многихъ перевезъ оттуда, такъ что цѣлныхъ 10 лѣтъ нельзя было вытащить лодку на берегъ и просушить ее:

Г. Ниневія уже погибла, перевозчикъ, отъ нея не остается и слѣда; нельзя даже сказать, гдѣ она и была. А Вавилонъ вонъ тамъ широко раскинулся съ своими стѣнами и башнями. Скоро и его придется искать, какъ Ниневію. Микены съ Клеонами ⁴³ стыдно и показать тебѣ, а въ особенности Иліонъ. Я увѣренъ, что, возвратившись домой, ты задушишь Гомера за высокопарность его поэмъ. Прежде, впрочемъ, были и эти города богаты, а теперь умерли: вѣдь и города умираютъ, какъ люди, и, что всего удивительнѣе, даже цѣлыя рѣки; на примѣръ, отъ Инаха въ Аргосѣ даже русла не осталось.

Х. Вотъ тебѣ и похвалы твои, Гомеръ, и блестящіе эпитеты: „священный, широкоуличный Иліонъ, хорошо устроенныя Клеоны“! А кстати, кто это такіе тамъ воюютъ и за что они избиваютъ другъ друга?

Г. Это ты видишь Аргивянъ, Лакедемонянъ и ихъ полумертваго предводителя Оэриада, который собственною кровью дѣлаетъ надпись на побѣдномъ памятникѣ ⁴⁴.

Х. Изъ-за чего же у нихъ, Гермесь, война-то?

Г. Изъ-за этого самаго поля, на которомъ они дерутся.

Х. О глупцы,—не знаютъ они, что если даже цѣлымъ Пелопон несомъ завладѣетъ каждый изъ нихъ, то все-таки едва получить отъ Эака одну пядь земли, а это поле будутъ обрабатывать люди одни за другими и плугомъ уничтожатъ до основанія ихъ трофей.

Г. Это такъ и будетъ. Но намъ пора уже сойти и, снова сваливъ горы на старыя мѣста, разстаться и идти,—мнѣ по своему порученію, тебѣ къ лодкѣ. Черезъ нѣсколько времени я самъ явлюсь къ тебѣ съ транспортомъ душъ.

Х. Спасибо тебѣ, Гермесь, вовѣкъ не забуду твоей услуги ⁴⁵. Благодаря тебѣ я вынесъ много пользы изъ своего путешествія (*Разставшись съ Гермесомъ*). Такъ вотъ каковы дѣла несчастныхъ людей! А о Харонѣ никто и не вспомнить! ⁴⁶).

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я.

1) Здѣсь разумѣется Тессалійскій герой Протезилай, сынъ Ифика, изъ цикла преданій, относящихся къ Троянской войнѣ. Грекамъ, отправлявшимся подъ Трою, было предсказано оракуломъ, что первый, вступившій на троянскую землю, непременно погибнетъ, и поэтому всѣ Греки, приставъ къ берегу Трои, медлили сходить на берегъ. Протезилай первый безтрепетно вступилъ

на землю и палъ на мѣстѣ, сраженный копьемъ Гектора. Юная супруга его Лаодамія, получивъ горестное извѣстіе, обратилась къ подземнымъ богамъ съ мольбой возвратить ей мужа хотя на 3 часа (по Лукіану, dial. mort. 28, съ этою просьбой обращается къ Гадесу самъ Протезилая). Просьба была уважена. Когда же настало время Протезилаю вернуться въ подземное царство, Лаодамія умерла вмѣстѣ съ нимъ. О смерти Протезилая см. Гом. Ил. II, 698 слѣд.

2) Гермесъ былъ сынъ Зевса и Май, дочери исполина Атланта; родился онъ на границахъ Аркадіи и Ахан, на горѣ Килленѣ, откуда ниже встрѣчающееся названіе его Κολλίηνος. Первоначально считался онъ воровителемъ стадъ, а потомъ всякаго богатства, откуда бы ни являлось оно; такъ какъ однимъ изъ важныхъ источниковъ богатства служить торговля, то Гермесъ является покровителемъ коммерціи и международныхъ сношеній. Онъ является также посредникомъ между небомъ и землею, вѣстникомъ воли боговъ, преимущественно Зевса. Лукіанъ, обращая вниманіе на послѣднюю сторону представленія этого божества, выводитъ его въ данномъ случаѣ въ качествѣ слуги Зевса, исполнителя его порученій *). Посрадинчество Гермеса простирается до подземнаго царства, куда онъ провожаетъ души усопшихъ (ψυχοποιός), о чемъ Лукіанъ неоднократно упоминаетъ въ нашей сатирѣ. Въ послѣднемъ значеніи Гермесъ часто является въ поэмахъ Гомера съ эпитетомъ διὰκτορος. Харонъ, какъ перевозчикъ душъ черезъ Стиксъ, считаетъ его своимъ товарищемъ по ремеслу и называетъ ниже ψυβιάκτορος. Лукіанъ вообще любилъ посмѣяться надъ разнообразіемъ дѣятельности Гермеса (напримѣръ, Туганп. 1).

3) Въ нашей сатирѣ, какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, Лукіанъ выказываетъ весьма основательное знакомство съ бессмертными поэмами Гомера и часто приводитъ его стихи цѣликомъ или пародируетъ. Но не смотря на свое уваженіе къ великому Гомеру, Лукіанъ часто подшучиваетъ надъ нимъ если находитъ въ его произведеніяхъ что либо достойное сатиры. Особенно любитъ онъ посмѣяться надъ передаваемыми Гомеромъ чудесами (напримѣръ, въ dial. «Пѣтухъ»). Въ данномъ мѣстѣ выраженія подлинника заимствованы изъ Ил. I, 590 слѣд., гдѣ Гефестъ говоритъ о себѣ (по пер. Гнѣдича **):

«Онъ (Зевсъ) уже древле меня, побужденнаго сердцемъ на помощь,
«Ринулъ, за ногу схвативъ, и низвергнулъ съ небснаго прага».

Извѣстно, что въ мифологіи Гефестъ представляется хромоногимъ.

Недѣльности и несообразности преданій народной мифологіи давали Лукіану богатый матеріалъ для сатиры. Въ данномъ мѣстѣ онъ вооружается противъ изображенія верховнаго божества съ чертами характера, не соответствующими представленію, какое долженъ имѣть о немъ человекъ. Кстати замѣтить, что антипатія къ народной мифологіи вовсе не впервые является у Лукіана; она выступаетъ уже давно, съ развитіемъ философскаго мышленія, въ которомъ является новое міросозерцаніе, отличное отъ Гомеровскаго. Еще Ксенофанъ,

*) Туганп. 2. Лукіанъ прямо называетъ Зевса θεσπότης; Гермеса.

**) Въ стихи изъ Илиады цитуются или составлены по пер. Гнѣдича, изъ Одиссея по пер. Жуковскаго.

основатель Элейской школы, въ своихъ элегіяхъ и ямбахъ нападалъ на Гесиода и Гомера. Съ презрѣніемъ отзывались о нихъ и Гераклитъ и Пиеагоръ.

4) *Συνδάκτορος*—см. прим. 2. Слѣдующія слова Харона представляютъ въ высшей степени язвительную сатиру на представленіе о Гермесѣ (см. пр. 7).

5) Лукіанъ употребляетъ здѣсь глаголъ *ἀποδράντα*, представляя Гермеса какъ бы рабомъ Зевса. Если рабъ бѣжалъ отъ господина, то герольдъ объявлялъ объ этомъ во всеуслышаніе съ цѣлью поминки бѣглеца и возвращенія его къ господину.

6) Три героя, прославившіеся во время земной жизни мудростью и справедливостью, именно мнѣческой законодатель критскій Миносъ, братъ его Радаманосъ и сынъ Зевса Эакъ, помогали Плутону въ дѣлѣ суда надъ усопшими. Эакъ у Лукіана является сборщикомъ платы за перевозъ тѣней черезъ Стинсъ (см. прим. слѣд.) и пріемщикомъ ихъ (Каталл. 4. Ἐκείν τοῦς νεκρούς ὡς ἴδουσ ἀπαριθμοῦντος τῷ Αἰακῷ κἀκείνου λογισμένου).

7) Древнѣйшія вѣрованія Италійцевъ и Грековъ утверждали, что душа усопшаго продолжаетъ жить подъ землею, въ тартарѣ. Границею ему служила рѣка Стинсъ, черезъ которую Харонъ перевозилъ тѣни, приводимыя въ подземное царство Гермесомъ. За перевозъ съ каждой тѣни взимался 1 оболъ (мѣдная монета, стоимостью около 4 коп.), который съ этою цѣлью Греки клали въ ротъ усопшаго.—Изъ этого первоначальнаго вѣрованія возникла необходимость погребенія. Чтобы душа могла поселиться для своей второй жизни въ подземной обители, тѣло, съ которымъ она оставалась связанною, должно было быть прикрито землею. Душа, лишенная погребенія, не имѣла жилища; она блуждала, тщетно нормываясь къ покою, который былъ ей дорогъ послѣ волненій и трудовъ жизни... Изъ несчастной она скоро дѣлалась злоторною. Она мучила живущихъ, насыпала на нихъ болѣзни, истребляла ихъ жатвы, устрашала ихъ зловѣщими видѣніями, все для того, чтобы заставить ихъ предать погребенію ея тѣло и ее самое. — Существо, жившее подъ землею, не было настолько отрѣшено отъ всѣхъ человѣческихъ свойствъ, чтобы не нуждаться въ пищѣ. Поэтому въ невѣстные дни каждаго года на каждую могилу приносили трапезу, которая назначалась дѣйствительно и исключительно только для умершаго. Это доказывается тѣмъ, что молоко и вино выливали на могильную насыпь; что въ ней вырывали отверстие для передачи умершему твердой пищи; что при совершеніи жертвы все мясо ея сожигалось, такъ чтобы ни одна часть ея не доставалась живымъ.— У Грековъ передъ каждою могилкой было особое мѣсто, которое они называли *πὸρὰ* и которое служило для закланія жертвы и сваренія ея мяса» (Фюстельде-Куланжъ, «Древнее Общество» ч. I, стр. 12—17). Лукіанъ въ концѣ своей сатиры зло смѣется надъ этими вѣрованіями и обычаями Грековъ.

8) Здѣсь Гермесъ имѣетъ въ виду извѣстную изъ мнѣологіи дерзкую попытку Ота и Эфіальта, сыновей Посейдона и Ифимедей, супруги Алоей, которые грозилъ войною Олимпіицамъ и; съ цѣлью добраться до неба, хотѣли нагромоздить горы одну на другую, но были поражены стрѣлами Аполлона. См. Одисс. XI, 305—320.

9) Осса и Пелій (*Πήλιον*)—горы въ Θεσσαλίᾳ.

10) Мнѣеъ объ Атлантѣ извѣстенъ: этотъ исполинъ, сынъ Титана Іапета и

Океаниды Климены, за поддержку, оказанную имъ Титанамъ въ борьбѣ съ Зевсомъ, былъ посланъ на крайніе предѣлы запада и осужденъ поддерживать сводъ небесный. О Гераклѣ и Атлантѣ см. Штоля «Мнем Кл. Др.», т. I, стр. 98 р. пер.

1) Откъ Одисс. XI, 315.

12) Истръ—греческое имя Дуная.

13) Ита (Οἶτη)—гора на югѣ Фессаліи.

14) Древніе представляли землю въ видѣ обширной плоскости, окруженной со всѣхъ сторонъ океаномъ.

15) Кокитъ (рѣка плача), Пирифлегееонъ (огненная р.), кромѣ того Ахеронтъ (р. гора), Лета (р. забвенія) и Стиксъ—рѣки въ подземномъ царствѣ.

16) Касталія—посвященный Музамъ источникъ на г. Парнасъ.

17) Слова Аенны къ Диомеду. Ил. V, 127.

18) Ливкей, сынъ Афарей, царя Мессенскаго, одаренъ былъ такимъ острымъ зрѣніемъ, что могъ видѣть все, что творится въ нѣдрахъ земли. Онъ и братъ его Идасъ были связаны тѣсной дружбой съ Диоскурами (Касторомъ и Полидекомъ), но однажды разоорились при дѣлѣхъ добычи и Ливкей былъ убитъ Полидекомъ. Apollod. III, II, 2. Pind. Nem. IV, 60 sq.

19) Лукіанъ имѣетъ въ виду Одисс. V, 291—294.

«Такъ онъ сказалъ и, великія тучи поднявши, трезубцемъ

«Воды взбуровилъ и бурю воздвигъ, отовсюду прикликавъ

«Вѣтры противные; облако темное вдругъ обложило

«Море и землю, и тяжкая съ грознаго неба сошла ночь».

Древніе Греки, какъ и Римляне, были чрезвычайно суевѣрны. Всякое слово, всякое дѣйствіе у нихъ имѣло свое значеніе, могло истолковываться въ дурномъ или благоприятномъ смыслѣ. Предзнаменованія въ словахъ или случайныхъ явленіяхъ, по вѣрованію древнихъ, посылались божествомъ Гермесомъ. Пѣніе во время плаванія стиховъ о бурѣ на морѣ или даже упоминаніе о ней могло имѣть дурное значеніе въ глазахъ суевѣрныхъ Грековъ, могло вызвать бурю. Лукіанъ, конечно, не вѣрилъ этому и не упустилъ случая посмѣяться надъ этимъ.

20) Пародія на Ил. III, 226.

21) Милонъ—знаменитый евоей силою Кротонскій атлетъ, жившій при Даріи Гистаспѣ. Изъ подвиговъ его силы самый знаменитый тотъ, который упоминается Лукіаномъ: Крѣпость его желудка соответствовала его силѣ: быка, котораго онъ пронесъ по аренѣ, онъ потомъ съѣлъ въ одинъ день. Смерть его была трагическая: онъ былъ разорванъ дикими звѣрами.

22) Лукіанъ въ сатирѣ не особенно стѣсняется условіями времени. Передъ глазами его «наблюдателей» проходятъ событія и личности, раздѣленные десятками лѣтъ. Такъ, Милонъ жилъ при Даріи, а дальше Лукіанъ вездѣ переноситъ насъ во времена Кира.

23) Здѣсь сатирикъ допускаетъ анахронизмъ: Киръ покорилъ Лидію раньше (именно въ 546 г.) покоренія Вавилона (538 г.).

24) Лукіанъ говоритъ о судьбѣ Креза, Кипра и Камбиза согласно съ Геродотомъ. Онъ вѣритъ повѣстному преданію, записанному у Геродота (I, 30—33),

о свиданіи Крезъ съ Солономъ и ихъ разговорѣ о счастіи. Достоверность этого преданія однако подвержена весьма сильному сомнѣнію. Э. Курциусъ («Исторія Греціи», пер. Веселовскаго, т. I, стр. 275) говоритъ объ этомъ: «Еще въ древности подвергали сомнѣнію встрѣчу Солона съ Крезомъ и есліи Плутархъ, опровергая сомнѣнія, указываетъ на то, что настоящій рассказъ слишкомъ уже соответствуетъ характерамъ обомъ лицъ, то онъ не сознаетъ, что эта внутренняя правдоподобность, дѣлающая для насъ этотъ рассказъ столь драгоценнымъ, заставляетъ тѣмъ болѣе заподозрѣвать историческую достоверность событія; поэтому совершенно бесполезными являются также и старанія устранить, посредствомъ различія болѣе раннихъ и позднѣйшихъ поѣздокъ, хронологическую несообразность, возникающую оттого, что въ дѣйствительности Крезъ вступилъ на престолъ лишь 23 года спустя послѣ окончанія путешествій Солона». Замѣтимъ еще, что самъ Соловъ въ своихъ стихотвореніяхъ нигдѣ не говоритъ объ этомъ свиданіи, тогда какъ о другихъ своихъ путешествіяхъ упоминаетъ, и нѣкоторые ученые въ рассказахъ о Соловѣ принимаютъ за достоверное только то, что подтверждается его стихотвореніями.

25) По Геродоту первымъ счастливецемъ Соловъ призналъ Телла, а Клеобиса и Битона поставилъ на второмъ мѣстѣ.

26) Невѣрно: по Геродоту (I, 50) Крезъ послалъ въ Дельфы упоминаемые здѣсь золотыя кириничи и другіе богатые дары раньше полученія оттуда предсказанія.

27) Въ греч. текстѣ εὐφραία, — собств. употребилъ слова хорошаго значенія, не говори дурныхъ словъ, молчи. Суевѣрному Крезу казалось, что въ словахъ Солона можетъ быть дурное предзнаменованіе. См. прим. 19.

28) Клеоо—одна изъ 3-хъ Миръ (Μοῖραι, Paesae), богинь судьбы. Она прядетъ нить человѣческой жизни.

29) Herod. I, 214.

30) Аписъ—посвященный богу Озирису быкъ въ Египтѣ. Египтяне почитали его, какъ воплощеніе Озириса на землѣ. Аписъ отличался извѣстными характеристическими признаками (чернымъ цвѣтомъ шерсти съ бѣлыми пятнами на лбу и правомъ боку, двупѣтными шерстинками въ хвостѣ и узловатостью въ формѣ жука подъ языкомъ) и содержался въ храмѣ въ Мемфисѣ. Объ убіеніи Камбизомъ Аписа см. Herod. III, 29.

31) Первая половина стиха взята изъ Од. I, 50; со 2-й ср. Од. I, 180.

32) Исторію Поликрата см. у Herod. III, 39—48, 54—57, 120—125. Геродотъ не упоминаетъ объ измѣнѣ Мзаандрія.

33) Упоминаются роды смерти, которыми погибли Киръ, Поликрать и едва не погибъ Крезъ.

34) Ребенку мужскаго пола давалось у Грековъ часто имя дѣда съ отцовской или материнской стороны, иногда имя отца, или другаго родственника, или какое казалось благозвучнѣе и счастливѣе. Нареченіе имени происходило на десятый день по рожденіи. Въ этотъ день отецъ собиралъ все семейство, родственниковъ и друзей и приносилъ жертву. Затѣмъ женщина, держа на рукахъ ребенка, нѣсколько разъ обгала съ нимъ вокругъ священнаго огня на очагѣ. Этотъ обрядъ имѣлъ двойную цѣль: 1) очищеніе ребенка, 2) посвященіе его въ домашній культъ. Присутствующіе могли потомъ слу-

жить свидѣтелями, въ случаѣ, напр., спора о наслѣдствѣ. Обрядъ заканчивался веселымъ домашнимъ промѣмъ; собственно самый обрядъ, а отъ него и весь этотъ день назывался *φιφιδρόμια*.

35) Побѣды на Олимпійскихъ играхъ, по понятію Грековъ, составляло верхъ земнаго блаженства.

36) Petron. satyr. 42,4: Nos non pluris sumus, quam bullae.

37) Ил. VI, 146 (слова Главка къ Диомеду):

«Листьямъ въ дубавахъ древесныхъ подобны сны челоуѣковъ.

«Вѣтеръ одинъ по землѣ развѣваетъ, другіе дубава,

«Вновь раздвѣтая, рождаетъ; и съ новой весной возрастаютъ:

«Такъ челоуѣки: сіи нарождаются, тѣ погибаютъ».

Въ Одиссеѣ рабни Азійскаго сравниваются съ листьями чернаго тополя.

38) Сирены — мнѳическія существа, полуженщины, полунитцы или полурыбы, обитавшія на островахъ между Италіей и Сициліей. Своими волшебными пѣснями онѣ привлекали вниманіе мимоѣзжихъ путниковъ на столько, что тѣ забывали обо всемъ и неудержимо стремились къ островамъ Сирень, гдѣ и погибали. Одиссей, проѣзжая мимо опасныхъ острововъ, заглѣпилъ уши товарищей своимъ воскомъ, а себя приказалъ крѣпко привязать къ мачтѣ и тѣмъ спасся отъ обольщенія. См. Одисс. XII, 154—200.

39) Въ эпоху разложенія античнаго міра многіе философскіе умы не видѣли для себя никакого утѣшенія въ жизни и самоубійство признавали единственнымъ средствомъ избавленія отъ ея суевъ и бѣдствій.

40) Лукіанъ не признаетъ наиболѣе распространенныхъ вѣрованій древнихъ относительно загробной жизни и зло смѣется надъ ними (см. объ этомъ выше, прим. 7). Его смѣлый умъ, отвергшій сказки поэтовъ, возвышался до понятія о нравственномъ адѣ, ожидающемъ грѣшниковъ. Такъ, онъ въ своемъ «Тиранѣ» предлагаетъ для тирана новое и страшное наказаніе въ адѣ, состоящее въ запрещеніи ему пить изъ рѣки забвенія Леты, для того, чтобы онъ вѣчно мучился воспоминаніями о своей земной жизни (Туганп. 29).

41) Пародія на различныя стихи поэмъ Гомера, именно: Ил. IX, 320, 319, Одисс. X, 521; XI, 538. Ирѣ — нищій на Иоакѣ, упоминаемый въ Одиссеѣ; Ферситъ — самый безобразный и презрѣнный между Греками, наглый крикунъ и трусь. См. о немъ Ил. II, 212—270. «Сынъ лѣпокудрой Фетиды» — Ахилл. Асфоделонскій лугъ (по пер. Жуковскаго) — лугъ въ подземномъ царствѣ, на которомъ витали тѣни умершихъ героевъ, покрытый растеніемъ *асфѣделосъ* (похожимъ на лилію, котораго корневыя клубни употреблялись въ пищу бѣднымъ классомъ населенія въ Греціи, картофель древнихъ, по сближенію Пассова).

42) Спгей — мысь на берегу М. Азіи при входѣ въ Геллеспонтъ, Ритей нѣсколько далѣе къ сѣверу. Герой Эантъ, сынъ Таламона, оскорбленный тѣмъ, что послѣ смерти Ахилла его оружіе было передано Одиссею, въ припадкѣ упомярченія избилъ множество скота, думая, что поражаетъ Одиссея, Атридовъ и другихъ сговорившихся противъ него вождей, а потомъ, не вида ни гдѣ спасенія отъ позора, бросился на свой мечъ. См. Софокла «Αἴαςъ», Овидія *Metamorph.* XII, 580—fin. XIII, 1—398.

43) Микены и Блеоны — города въ Арголидѣ. въ Пелопоннесѣ (2-й у Гомера не упоминается).

44) Геродотъ разказываетъ (I, 82), что, когда Брезъ обратился къ Спартакцамъ съ просьбою о помощи противъ Бира, у Спартакцевъ шелъ споръ съ Аргосцами изъ-за клочка пограничной земли, называвшагося Фиреей. Рѣшено было рѣшить споръ сраженіемъ 300 избранныхъ воиновъ съ каждой стороны. Сраженіе было такъ упорно, что только двое изъ Аргивлянъ и одинъ Спартакца, именно Оеріадъ, остались въ живыхъ, да и то потому, что наступила ночь. Аргивяне побѣжали домой, а Оеріадъ снялъ доспѣхи съ убитыхъ враговъ, снесъ ихъ въ свой лагерь и остался на полѣ битвы (Геродотъ не упоминаетъ, что онъ сдѣлалъ кровью надписи на трофеѣ). На другой день обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, — Аргивяне потому, что на ихъ сторонѣ осталось въ живыхъ больше, а Спартакцы потому, что ихъ воинъ остался на мѣстѣ и снялъ доспѣхи съ убитыхъ враговъ, тогда какъ Аргивяне бѣжали. Дѣло кончилось новою битвою, въ которой Спартакцы одержали побѣду (547 г.). Оеріадъ, по разказу Геродота, стыдился того, что онъ остался въ живыхъ когда всѣ его товарищи погибли, оковчиль жизнь самоубійствомъ.

45) Въ подлинникѣ «εὐεργέτης ἐς ἀεὶ ἀναγεγραφήν» — ты будешь на вѣки записанъ моимъ благодѣтелемъ. Εὐεργέτης было почетнымъ титуломъ лица, оказавшихъ услуги государству. Такое лицо получало награды (вѣнокъ, атлею или освобожденіе отъ податей и пр.) по постановленію народа и это постановленіе вырѣзывалось на камнѣ или мѣди (ἀναγρίφαιν). Много надписей такого рода дошло до насъ.

46) О Харонѣ, т. е. о томъ, что придется переѣзжать на его лодкѣ, слѣдовательно—о смерти.

В. Д.,

VI классъ (7 уроковъ). Повтореніе синтаксиса; Саллюстій (de bello Cat.), Цицеронъ (4 рѣчи), Вергилій (1 книга). VII классъ (6 уроковъ): Повтореніе синтаксиса; Ливій (2 книги), Цицеронъ (4 рѣчи), Вергилій (2 книги). VIII классъ (6 уроковъ). Повтореніе синтаксиса; Цицеронъ (de officiis), Ливій (1 книга), Горацій (40 одъ). Греческій языкъ: III классъ (6 уроковъ). Этимологія до глаголовъ на μ . IV классъ (6 уроковъ). Окончаніе этимологіи; главнѣйшія правила синтаксиса; Ксенофонтъ (Anabasis, 1—8). V классъ (6 уроковъ). Повтореніе этимологіи и синтаксическихъ правилъ; 2 книги Ксенофонта Anab., 6 главъ Memoabil., 1 книга Илиады. VI классъ (6 уроковъ). Синтаксисъ члена и падежей; Геродотъ, 6 книгъ Илиады. VII классъ (6 уроковъ). Окончаніе синтаксиса; 6 книгъ Одиссеи, 2 разговора Платона. VIII классъ (6 уроковъ). Повтореніе синтаксиса; Платонъ, Софокль (1 трагедія), Эврипидъ (полкниги), Лизій (1 рѣчь), Демосеенъ (3 рѣчи).

б) *Коллегія Павла Галагана въ Києвѣ*. Она учреждена (26 марта 1870 года) землевладѣльцемъ Полтавской и Черниговской губерній, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Григоріемъ Галаганомъ, въ память его единственнаго покойнаго сына. Пожертвованныя на это учебное заведеніе имущества составляютъ: каменный домъ и недвижимыя имѣнія, оцѣненныя въ 275,200 р., которыя должны перейти въ полное распоряженіе коллегіи по смерти учредителя, обязывающагося вносить ежегодно на ея содержаніе по 12-ти тысячъ рублей. Учредителю коллегіи присвоивается званіе почетнаго попечителя ея и предоставляется, между прочимъ, право избирать директора. Коллегія состоитъ изъ трехъ (или четырехъ) классовъ, съ учебнымъ курсомъ трехъ высшихъ классовъ гимназій, и находится подъ ближайшимъ покровительствомъ университета св. Владиміра. Высшій надзоръ за управленіемъ учебною, воспитательною и хозяйственною частями коллегіи принадлежитъ особому совѣту, въ составъ котораго входятъ 4 профессора, избираемые совѣтомъ университета св. Владиміра, по одному отъ cadaго факультета, директоръ коллегіи, 2 воспитателя и 2 члена, избираемые Киевскимъ городскимъ обществомъ. Коллегія составляетъ закрытое учебное заведеніе; въ число стипендіатовъ могутъ быть принимаемы молодые люди единственно православнаго или греко-уніатскаго исповѣданія, представившіе удостовѣреніе о дѣйствительно бѣдномъ состояніи и свидѣтельства изъ гимназій объ отличныхъ успѣхахъ въ наукахъ и хорошемъ поведеніи. Сверхъ стипендіатовъ, фонхъ подается 30, въ коллегію могутъ быть приняты свободные пансіонеры. Директоръ коллегіи утверждается въ должности министромъ, воспитатели—попечителемъ учебнаго округа. Лица, служація въ коллегіи, получаютъ содержаніе приблизительно въ штатамъ гимназій, по уставу 19-го ноября 1864 года (уставъ 6-го (18-го) іюня 1870 года).

Служація при названныхъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются пра-

вами государственной службы и получают пенсію изъ государственнаго казначейства.

IV. *Частныя учебныя заведенія* (Положеніе 19 февраля 1868 г.). Они раздѣляются на три разряда: училища перваго разряда имѣютъ не менѣе 6 классовъ и втораго разряда не менѣе 3 классовъ. Въ училищамъ 3 разряда принадлежатъ остальные двухклассныя и одноклассныя училища. Выборъ учебныхъ предметовъ въ каждомъ частномъ училищѣ зависитъ отъ лица, желающаго учредить такое училище. При этомъ наблюдается только, чтобы въ числѣ учебныхъ предметовъ находились непременно законъ Божій и русскій языкъ, а въ тѣхъ училищахъ, гдѣ обучаются исторіи и географіи, сверхъ того русская исторія и русская географія, и чтобы учебный планъ каждаго частнаго училища былъ утвержденъ попечителемъ учебнаго округа. Лица мужскаго пола, для полученія права на учрежденіе частнаго училища перваго разряда, должны быть русскими подданными и представить сверхъ того удостовѣреніе объ окончаніи ими курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи; ученые педагоги изъ иностранцевъ; окончившіе курсъ въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ и выдержавшіе, по принятіи русскаго подданства, особое испытаніе, пользуются также правомъ открытія частныхъ училищъ перваго разряда. Частнымъ училищамъ перваго разряда, приближающимся по учебному курсу къ классическимъ гимназіямъ, можетъ быть присвоено названіе частныхъ классическихъ гимназій. Въ преподаванію въ высшихъ трехъ классахъ такихъ училищъ допускаются только лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи; въ низшихъ же классахъ могутъ заниматься преподаваніемъ и лица, имѣющія свидѣтельства на званіе домашняго учителя. Воспитанники частныхъ классическихъ гимназій имѣютъ право на поступленіе въ университетъ, по выдержаніи испытанія, производимаго преподавателями сихъ гимназій при участіи и подъ надзоромъ учебнаго вѣдомства, ворядеомъ, опредѣленнымъ въ инструкціи министра народнаго просвѣщенія.

Изъ существовавшихъ въ 1873 году 1726 частныхъ учебныхъ заведеній было 23 мужскихъ перваго разряда, и только 8 изъ нихъ назывались классическими гимназіями, въ числѣ коихъ въ С.-Петербургѣ было 5, въ Одессѣ 2 и въ Москвѣ 1 гимназія.

Новый гимназическій уставъ былъ уже въ 1873 году введенъ во всей Имперіи. Въ томъ же году онъ распространенъ также на округи Варшавскій (30 апрѣля) и Кавказскій. Въ первомъ изъ нихъ, въ уставѣ допущены лишь весьма немногія измѣненія, вызванныя мѣстными и даже только временными обстоятельствами, какъ выпри-мѣръ, исключены статьи устава, относящіяся до почетныхъ попечителей, возвышено содержаніе преподавателей русскаго языка, исторіи

и географіи; за дополнительные уроки назначено вознагражденіе не въ 60, а въ 40 р., нормальное число уроковъ опредѣлено не въ 12, а въ 15, наконецъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа преподается для желающихъ польскій языкъ. Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ восьмилѣтній курсъ гимназій распределенъ съ самаго начала на 8 отдѣльныхъ классовъ, и лишь въ закавказскихъ прогимназіяхъ, въ виду большой затруднительности для туземцевъ полного усвоенія русскаго языка, преподаваніе греческаго языка начинается не съ III, а только съ IV класса, вслѣдствіе чего въ прогимназіяхъ не желающіе или не имѣющіе средствъ продолжать свое образованіе въ гимназіяхъ могутъ быть вообще увольняемы отъ изученія греческаго языка (отч. за 1873 г., стр. 33 слѣд.).

Относительно нынѣшняго состоянія среднихъ учебныхъ заведеній въ отчетахъ по министерству помѣщены слѣд. данныя ¹⁾: греческій языкъ въ 1876 г. былъ введенъ во всѣхъ 129 гимназіяхъ, а въ четырехъ изъ нихъ преподаваніе его не было еще доведено до VIII класса. По отзыву всѣхъ попечителей знаніе этого языка легче усваивается учениками, нежели знаніе языка латинскаго.

Что касается до участія директоровъ и инспекторовъ въ преподаваніи, то въ 1875 году изъ 137-ми директоровъ и 154 инспекторовъ гимназій и прогимназій только 4 директора не состояли вмѣстѣ съ тѣмъ и преподавателями. При томъ же значительное большинство директоровъ (именно 89 или 65⁰/₀) и инспекторовъ (именно 90 или 60⁰/₀) преподавали основной предметъ гимназическаго курса, то-есть, древніе языки или одни или въ соединеніи съ другими предметами, преимущественно съ отечественнымъ языкомъ или логикой.

О благотворномъ вліяніи института классныхъ наставниковъ на успѣхи учениковъ и ихъ поведеніе, а также объ отношеніяхъ наставниковъ къ родителямъ учениковъ и содѣйствіи сихъ послѣднихъ къ возвышенію успѣшности ученія, всѣ попечители округовъ отзываются съ единогласною похвалою. Къ 1-му января 1876 г. всѣхъ классовъ основныхъ и параллельныхъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ было 1,312 (не считая пригготовительныхъ классовъ), а директоровъ, инспекторовъ и преподавателей, исполнявшихъ обязанности классныхъ наставниковъ, — 1,289 (такъ что изъ всего числа этихъ лицъ только 23 или безъ малаго 2⁰/₀ имѣли въ своемъ вѣдѣніи каждый по 2 класса). Преподавателей, состоявшихъ классными наставниками, было 1,071. Изъ этого числа 363 или 33,8⁰/₀ преподавали одни древніе языки, 219 или 20,4⁰/₀ древніе языки въ соединеніи съ другими предметами, такъ что тѣхъ и другихъ вмѣстѣ было 582 или 54,2⁰/₀. Затѣмъ въ составѣ классныхъ наставниковъ преобладали преподава-

¹⁾ Отч. за 1876 г., Ж. М. Н. Пр. СХСVIII, 1, 31—104.

тели математики (200 или 18,6⁰/о); за ними слѣдовали преподаватели русскаго языка и словесности (144 или 13,4⁰/о), потомъ преподаватели исторіи и географіи (107 или около 10⁰/о) и наконецъ, преподаватели новыхъ иностранныхъ языковъ (38 или 3,5⁰/о).

Въ томъ же разъединеніи, въ какомъ прежде состояли у насъ дѣло обученія и дѣло собственно воспитанія, находились у насъ и отдѣльные предметы обученія. Новый уставъ вывелъ насъ и въ этомъ отношеніи на несомнѣнно лучшій путь, и каждый новый учебный годъ показываетъ, что дѣло идетъ по этому пути все съ большимъ успѣхомъ, и что классная система преподаванія, въ силу которой однородные предметы преподаются въ одномъ и томъ же классѣ однимъ и тѣмъ же преподавателемъ, все болѣе водворяется въ нашихъ гимназіяхъ. Въ 1874 г. такихъ учителей, которымъ ввѣрено было преподаваніе двухъ или болѣе предметовъ, уже насчитывалось 537 или слишкомъ 46⁰/о общаго числа преподавателей. Въ 1875 г. число ихъ возросло, съ присоединеніемъ учебныхъ округовъ Варшавскаго и Дерптскаго, до 1,115, къ концу 1876 г. до 1215. Изъ нихъ 351 занимались преподаваніемъ двухъ древнихъ языковъ, 266 соединяли преподаваніе одного изъ древнихъ языковъ съ преподаваніемъ русскаго языка и словесности, 146 преподаваніе древняго языка съ другимъ предметомъ, какъ напримѣръ, съ исторіей или даже съ однимъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ. Слѣдовательно, болѣе двухъ третей, именно 763, или преподавали оба древніе языка, или соединяли преподаваніе одного изъ нихъ съ другимъ предметомъ; остальные 452 соединяли преподаваніе другихъ предметовъ, какъ то: русскаго языка съ исторіей, или же исторіи съ географіей, математики съ физикой, и 28, въ томъ числѣ, преподавали вмѣстѣ нѣмецкій и французскій языки.

Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ на первый взглядъ, можетъ быть, окажется довольно значительнымъ (въ 1875 г. оно простиралось до 62,273 въ общей сложности по всѣмъ учебнымъ округамъ Имперіи); однако нельзя не обратить вниманіе на то, что уроки, пропущенные по болѣзни, составляли 72⁰/о общаго числа, а пропущенные по другимъ уважительнымъ причинамъ — 26⁰/о. Въ Московскомъ учебномъ округѣ число пропущенныхъ уроковъ въ 1876 г. составляло въ гимназіяхъ 5,5⁰/о, въ прогимназіяхъ 5,1⁰/о. „Если принять“, сказано въ отчетѣ, „въ расчетъ по 2 часа въ недѣлю, какъ, напримѣръ, положено по географіи или исторіи, такая манкировка составляетъ 1 пропущенный урокъ въ 10 недѣль или 4 урока въ годъ по каждому предмету; если же рассчитывать 6 часовъ въ недѣлю, какъ установлено по латинскому языку, то составитъ 1 урокъ въ мѣсяцъ изъ 20. Совершенно избѣгнуть пропуска, по уважительнымъ причинамъ, невозможно; лучшее средство противодѣйствовать

ущербу, который причиняют такі невольныя манкировки ученикамъ, и единственное—это будетъ замѣна отсутствующаго преподавателя наличными, какъ принято за границей или по примѣру С.-Петербургскаго округа.... Справедливо, что преподаватели нашихъ гимназій самые аккуратные изъ служащихъ чиновниковъ, принимая съ соображеніемъ и всѣ другія вѣдомства“.

О числѣ манкировокъ учениковъ въ отчетѣ за 1875 г. говорится, что 46,168 учениками гимназій и прогимназій, которые среднимъ числомъ обучались въ теченіе этого года, было пропущено вообще 2.042,493% урока, что даетъ отъ 44 до 45 пропущенныхъ уроковъ на каждыяго. Пропускъ уроковъ въ высшихъ четырехъ классахъ на 6% относительно выше, чѣмъ въ низшихъ, — „прискорбный фактъ, показывающій, что съ возрастомъ учениковъ падаетъ вліяніе на нихъ внѣшней дисциплины и ослабляется авторитетъ родительской власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ не усиливается въ ученикахъ духъ внутренней дисциплины, а равно и охота къ ученью, и что наклонность къ удовольствіямъ, развлеченіямъ и вообще къ разсѣянной жизни беретъ верхъ и надъ чувствомъ долга, и надъ сознаніемъ собственной пользы, и надъ страхомъ взысканій и отвѣтственности“. Изъ выше указаннаго числа пропущенныхъ уроковъ 68,836 или 3,3% было пропущено по неуважительнымъ причинамъ. Данныя за 1876 г. показываютъ то улучшеніе, что во 2-е полугодіе этого года такихъ манкировокъ приходилось менѣе 1 на каждыхъ двухъ учениковъ.

Вообще же въ нравственномъ состояніи учащагося юношества замѣчается также нѣкоторое, повидимому, улучшеніе. Изъ всего числа 50,000 учениковъ въ 1876 г. имѣли за поведеніе отмѣтку 2 — за первое полугодіе только 257 или 0,5%, за второе 250 или 0,49%; отмѣтку 3 — за первое полугодіе 2,641 или 5,2%, за второе 3,023 или 6%; всѣ остальные получили высшія отмѣтки 4 и 5 за оба полугодія. За неодобрительное поведеніе были уволены 287 учениковъ или 0,56% (въ 1875 г. 280 или 0,59%); изъ нихъ 2 исключены съ лишеніемъ права поступать въ какое-либо учебное заведеніе, 29 — безъ права поступать въ какое-либо учебное заведеніе того же города, и 266 — безъ всякаго ограниченія права на продолженіе ученія.

Число уволенныхъ за безуспѣшность простиралось въ 1876 до 997, что составляетъ 1,9% общаго числа учащихся (въ 1875 г. — 2,3%). Такъ какъ всего вышло 2,466 ч., то слѣдуетъ полагать, что 1,182 ученика уволены за невзносъ платы за ученія.

Число выбывшихъ изъ гимназій и прогимназій до окончанія курса составляло въ 1876 г. 8,293 ч. или 16,3% всего числа учащихся (въ 1873 г. 24%, въ 1874 — 21,1%, въ 1875 17,6%). Если изъ этого числа исключить 2,164 ч., выбывшихъ для воступленія въ другія гимназій и прогимназій, то процентное отношеніе выбывшихъ

уменьшается до 12⁰/. Если же изъ этого числа исключить и умершихъ (182 ч.) и уволенныхъ (2,466 ч.), то остается только 3,481 ч. или 6,8⁰/, дѣйствительно повинувшихъ гимназій по доброй волѣ; изъ нихъ 829 или 1,5⁰/о пожелади перейти въ реальныя училища министерства народнаго просвѣщенія, 984 или 1,9⁰/о въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, 932 или 1,8⁰/о желали поступить на службу частную, общественную или государственную и 739 или 1,4⁰/о выбыли безъ объясненія своихъ намѣреній.

Наибольшее число выбывшихъ относится къ низшимъ классамъ. Изъ пригготовительнаго класса выбыло въ 1876 г. 14⁰/о всего числа обучавшихся, изъ I—16,5⁰/о, изъ II—16,3⁰/о, изъ III—17⁰/о, изъ IV—20,2⁰/о, изъ V—17,8⁰/о, изъ VI—14,4⁰/о, изъ VII—14⁰/о, изъ VIII—10,9⁰/о.

Что же касается до успѣковъ учащихся, то въ 1876 г. число выдержавшихъ переводные экзамены изъ пригготовительнаго въ I классъ составляло 64,5⁰/о, изъ I въ послѣдующій 64,2⁰/о, изъ II—66⁰/о, изъ III—62⁰/о, изъ IV—62,3⁰/о, изъ V—67,9⁰/о, изъ VI—72,9⁰/о, изъ VII—77,1⁰/о, а на испытаніяхъ зрѣлости удовлетворительно выдержало выпускные экзамены 90,7⁰/о учениковъ VIII класса. По главнымъ предметамъ преподаванія, въ среднемъ выводѣ за 1875—1876 учебный годъ, было успѣвавшихъ: по русскому языку и словесности 66,2⁰/о, по математикѣ 63,6⁰/о, по латинскому языку 73,2⁰/о, по греческому (изъ 21,246 обучавшихся этому предмету, начиная съ III класса) 74,7⁰/о

Успѣхи преподаванія, обнаруживаемые на испытаніяхъ зрѣлости въ послѣднее время, весьма значительны. Число признанныхъ зрѣлыми быстро возрастаетъ: въ 1873 г. ихъ было 685, въ 1874 г. (со включеніемъ Дерптскаго учебнаго округа) 918, въ 1875 г. (со включеніемъ и Варшавскаго) 1,298, въ 1876 г. 1,310. Напротивъ, число не выдержавшихъ выпускнаго экзамена, замѣтно уменьшилось. Не выдержали экзамена въ 1873 г.—14,1⁰/о, въ 1874 г.—21,1⁰/о, въ 1875 г.—15,2⁰/о и въ 1876 г.—9,3⁰/о всѣхъ подвергавшихся испытанію зрѣлости. Такое же улучшение замѣчается и по каждому отдѣльному предмету преподаванія: изъ русскаго языка и словесности не выдержало экзамена въ 1876 г. 3,3⁰/о (а въ 1873 г.—11,6⁰/о, въ 1874 г.—8,8⁰/о, въ 1875 г.—6,7⁰/о), по математикѣ 4,6⁰/о (противъ 13,4, 11,4, 7,5⁰/о въ соотвѣтствующіе годы), изъ латинскаго языка 5,1⁰/о (противъ 15,7, 12,1 и 8,7⁰/о), наконецъ изъ греческаго 2,8⁰/о (противъ 9,6⁰/о въ 1874 г., и 4,3⁰/о въ 1875 г.). По другимъ предметамъ преподаванія процентъ не выдержавшихъ испытанія въ 1876 г. составлялъ только 0,6⁰/о. Большинство молодыхъ людей оканчиваетъ гимназическій курсъ 19-ти, 20-ти лѣтъ и 21-го года отъ рожденія. Оно составляло въ 1876 г. 74,6⁰/о общаго числа признанныхъ зрѣлыми; ученики же 18-ти

лѣтъ составляли около 19⁰/₀, 17-ти лѣтъ 6,5⁰/₀. Большинство ихъ поступаетъ въ университеты. Въ 1876 г. предполагали продолжать свое образованіе въ университетахъ 86,5⁰/₀ общаго числа зрѣлыхъ; изъ нихъ 13,4⁰/₀ на историко-филологическомъ факультетѣ, 18,4⁰/₀ на физико-математическомъ, 15,9⁰/₀ на юридическомъ, 36,7⁰/₀ на медицинскомъ, 1,2⁰/₀ на богословскомъ факультетѣ Дерптскаго университета и въ духовныхъ академіяхъ православнаго и римско-католическаго исповѣданія и 0,9⁰/₀ по факультету восточныхъ языковъ.

Наконецъ, въ 1876 г. обучались обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ около 10,000 учениковъ или 10⁰/₀, одному французскому такое же число, а около 15,000 ч. или 30⁰/₀ одному нѣмецкому. — Изъ необязательныхъ предметовъ — гимнастикѣ обучались до 36,000 ч., или 71⁰/₀ общаго числа учениковъ, пѣнію только 19,000 или 38⁰/₀; а черченію и рисованію около 12,000 ч. или 23,6⁰/₀.

Относительно реальныхъ училищъ въ отчетѣ за 1876 г. находятся слѣдующія данныя. Отзывы попечителей округовъ о нравственномъ состояніи учениковъ этихъ училищъ вообще весьма благоприятны. Около $\frac{2}{3}$ ихъ (65,8⁰/₀ въ первомъ и 66⁰/₀ во второмъ полугодіи) имѣли за поведеніе высшую отмѣтку—5; отъ 26,3—27,3⁰/₀ отмѣтку—4 (вмѣстѣ около 93⁰/₀); затѣмъ отъ 7—6⁰/₀ имѣли отмѣтку—3, и только отъ 0,9 до 0,6⁰/₀ были поведенія неудовлетворительнаго. Высканій на 100 учениковъ приходилось 166 (противъ 148 въ 1875 г., — увеличеніе относилось лишь къ болѣе легкимъ наказаніямъ); случаевъ выговоровъ отъ имени педагогическаго совѣта было по 18 на 1000 учениковъ, случаевъ же удаленія за недобрительное поведеніе менѣе 3-хъ на 1000 (въ 1875 г. 4,5), всего 34, изъ коихъ лишь 3 съ лишеніемъ права поступить въ какое-либо учебное заведеніе.

Цифра выдержавшихъ переводные и выпускные экзамены повысилась съ 64,8⁰/₀ до 66,7⁰/₀. Отдѣльно окончили курсъ: а) VI класса основнаго отдѣленія, существовавшаго во время экзаменовъ при 24 училищахъ, съ 565 учениками—316 или 55,9⁰/₀; б) VI класса коммерческаго отдѣленія, существовавшаго при 14 училищахъ, съ 101 ученикомъ,—69 или 68,3⁰/₀; в) дополнительнаго класса, существовавшаго при 8 училищахъ, съ 88 учениками—80 или 91⁰/₀. Всего изъ 750 учениковъ выдержали экзаменъ 465 или 61,6⁰/₀ (а въ 1875 г. изъ 372 учениковъ 200 или 54⁰/₀).

Число выбывшихъ изъ реальныхъ училищъ до окончанія курса (1,320) составляло 11,3⁰/₀ общаго числа учениковъ (11,653), противъ 11,6⁰/₀ въ 1875 г. Значительно же уменьшилось число учениковъ, уволенныхъ за безуспѣшность: въ 1875 г. было уволено 276 то-есть 25⁰/₀ всѣхъ выбывшихъ до окончанія курса или почти 3⁰/₀ общаго числа учениковъ, а въ 1876 г. 293 то-есть 20¹/₂⁰/₀ всего числа выбывшихъ или 2,4⁰/₀ общаго числа. — Число выбывшихъ по окончаніи

курса не многимъ болѣе половины выдержавшихъ выпускные экзамены 465 учениковъ; изъ 316 окончившихъ курсъ по основному отдѣленію выбыли только 88, по коммерческому отдѣленію выбыли всѣ 69, выдержавшіе экзаменъ; также по отдѣленіямъ дополнительнаго класса всѣ 80, всего 237. Остальные перешли въ дополнительный классъ (въ отдѣленіе общее 15, въ механико-техническое 147, въ химико-техническое 66).

При введеніи новыхъ уставовъ одною изъ главныхъ заботъ министерства было, по необходимости, составленіе хорошихъ учебниковъ. Для достиженія этой цѣли министерство исходатайствовало учрежденіе премій, утвержденныхъ 15 мая 1873 г. и получившихъ названіе Петровскихъ въ память двухъ-сотъ-лѣтней годовщины для рожденія Петра Великаго (правила о присужденіи ихъ утверждены 4 августа 1873 г.). Большая премія въ двѣ тысячи рублей и малая въ пять-сотъ рублей выдаются, одинъ годъ за лучшіе учебники для элементарнаго и реальнаго курсовъ, другой годъ — за книги для народнаго чтенія; кромѣ того назначены двѣ преміи ежегодно за лучшіе учебники по предметамъ гимназическаго курса.

— Въ томъ періодѣ развитія, въ какомъ теперь находится изученіе древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ, слѣдуетъ сколь возможно настоятельно требовать, чтобы преподаваніе ихъ, особенно грамматики, ограничилось существеннымъ и необходимымъ. Кромѣ того главное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы привести въ дѣйствіе всю образовательную силу, заключающуюся въ древнихъ языкахъ, способность ихъ пріучить къ логической точности, къ умѣнью самаго тонкаго анализа понятій, — словомъ, извлечь наибольшую пользу изъ самихъ языковъ. Но, для достиженія этой цѣли, необходимо стремиться къ знанію древнихъ языковъ болѣе глубокому, чѣмъ какое было до сихъ поръ. Отъ знакомства же съ литературами древняго міра можно, кромѣ другихъ плодовъ, ожидать главнымъ образомъ той пользы, что оно очиститъ вкусъ, пріучитъ къ болѣе солидному чтенію и направитъ умъ къ высшимъ цѣлямъ. Учебная реформа настоящаго министерства очевидно все болѣе и болѣе приобретаетъ сочувствіе въ нашемъ обществѣ. Тѣмъ, кто еще до сихъ поръ относится къ ней недружелюбно и съ сомнѣніемъ въ дѣйствительной ея пользѣ, послужатъ поученіемъ слова Вѣлинскаго: „Какъ бы ни были велики внѣшнее благоденствіе и внѣшняя сила какого нибудь общества, но если въ немъ торговля, промышленность, пароходство, желѣзныя дороги и вообще всѣ матеріальныя движущія силы составляютъ первоначальныя, главныя и прямыя, а не вспомогательныя только средства

къ просвѣщенію и образованію,—то едва ли можно позавидовать такому обществу ¹⁾“.

Непоколебимая твердость, съ которою правительство узаконяетъ учебную реформу, выражена въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 23 декабря 1873 г., данномъ на имя министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго: „Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитію народнаго образованія въ Россіи, Я утвердилъ въ 1871 и 1872 годахъ составленные, согласно съ такими моими видами, уставы среднихъ учебныхъ заведеній вѣрннаго вамъ вѣдомства, долженствующихъ давать вполне основательное общее образованіе юношеству, готовящемуся къ занятіямъ высшими науками, а не предназначенныхъ себя онимъ приспособлять къ практической дѣятельности.. Какъ лицо, призванное моимъ довѣріемъ къ осуществленію Моихъ предначертаній по части народнаго просвѣщенія, вы усугубите всегда отличавшее васъ рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ нимъ, Я вмѣняю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать вамъ въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе“.

¹⁾ *Бѣлинскаго*, изд. 1862 г., т. XII, стр. 238.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ.

1. Число средних учебных заведений и отношение его къ пространству и народонаселенію Россіи ¹⁾.

Въ учебныхъ округахъ.	Пространство въ мил.	Число жителей.	Число			Одно клас. завед. на мил.	Одно класн. учеб. завед. на жителей.	Число средн. учебн. заведеній.	Одно на мил.	Одно на жителей.	
			Гимназій.	Прогимн.	Всего.						
1. С.-Петербургскомъ	27555	4,693160	15	7	22	1252	213325	7	29	950	161833
2. Московскомъ	9549	14,388296	20	13	33	289	436009	12	45	212	319739
3. Казанскомъ	19279	9,506392	8	3	11	1207	864217	5	16	829	594149
4. Харьковскомъ	7855	10,215939	11	10	21	374	486473	5	26	302	392920
5. Одесскомъ	4289	4,733038	13	10	23	186	205784	8	31	138	152678
6. Киевскомъ	4851	9,574552	11	6	17	285	563209	6	23	210	416284
7. Виленскомъ	5565	6,185053	8	5	13	428	475773	4	17	327	363826
8. Варшавскомъ	2312	6,026421	18	8	26	88	231765	3	29	79	207807
9. Дерптскомъ	1692	1,943991	13	—	13	130	149537	2	15	112	129586
10. Оренбургскомъ	26667	5,100783	6	2	8	3333	637579	3	11	2424	463707
<hr/>											
Всего въ Европейской Россіи	103615	72,367625	123	64	187	554	386998	55	242	428	299039
<hr/>											
11. Зап. Сибири	226332	3,428867	5	3	8	28291	428608	1	19	25148	380985
12. Вост. Сибири											
13. Кавказскомъ	8129	4,893332	4	6	10	812	489332	3	13	625	376410
<hr/>											
Всего въ Азіатской Россіи	234461	8,322199	9	9	18	13025	462344	4	22	10657	378286

¹⁾ Данныя относительно пространства и народонаселенія (последнія относятся къ 1870 г.)—по вычисленію В. Струве (въ изданномъ книжнымъ магазиномъ Шмиддорфа С.-Петербургскомъ календарѣ), основанному на сочиненіи полковника Стрѣльбицкаго. Данныя относительно числа учебныхъ заведеній—изъ отчета Мнн. Нар. Пров. за 1876 г., и изъ отчета по Кавказскому учебн. округу за 1877 годъ (Журн. М. Н. Пр. СХСVIII, 4, 81). Не включены въ списокъ 1 гимназія (коллегія Павла Галагана въ Киевѣ) и 2 прогимназіи (въ Ташкентѣ и Вѣрномъ), о которыхъ свидѣній нѣтъ.

2. Отношение учениковъ: а) классическихъ заведений, б) реальныхъ училищъ, в) вообще среднихъ учебныхъ заведений къ народонаселенію и пространству.

	Въ учебныхъ округахъ.		Одинъ ученикъ классическаго учебнаго заведения приходится на:		Одинъ ученикъ реального училища приходится на:		Одинъ ученикъ среднихъ учебныхъ заведений приходится на:				
	Жителей.	Квадр. м.	Жителей.	Квадр. м.	Жителей.	Квадр. м.	Жителей.	Квадр. м.			
1. Дерптскомъ	526	0,45	2655	2,34	439	0,38					
2. Варшавскомъ	774	0,29	6759	2,58	695	0,26					
3. Одесскомъ	955	0,86	2715	2,46	706	0,64					
4. С.-Петербургскомъ	860	5,95	4224	24,80	714	4,50					
5. Виленскомъ	1508	1,35	5099	4,58	1164	1,04					
6. Киевскомъ	1627	0,82	5928	3,00	1277	0,64					
7. Московскомъ	1827	1,24	10082	6,69	1579	1,04					
8. Харьковскомъ	1989	1,52	11068	8,51	1686	1,43					
9. Казанскомъ	3049	4,25	12901	17,85	2467	3,44					
10. Оренбургскомъ	3160	16,52	12291	64,25	2513	13,44					
Всего въ Европейской Россіи	1464	2,09	6696	9,58	1201	1,72					
11. Западной Сибири	2660	175,54	41815	2760,44	2573	165,08					
12. Восточной Сибири											
13. Кавказскомъ учебномъ округѣ							1608	2,07	4318	7,47	1171

8. Число средних учебных заведений и учащихся ихъ въ 1836, 1847, 1854, 1863 и 1876 гг.

	въ учебныхъ окр-тахъ.		въ 1836 г.		въ 1847 г.		въ 1854 г.		въ 1863 г.		въ 1876 году.					
	Гимназій.	Учениковъ.	Число.	Учениковъ.	Число.	Учениковъ.	Число.	Учениковъ.	Число.	Учениковъ.	Классическ. учебныхъ заведеній.	Учениковъ класс. учебн. заведеній.	Реальныхъ училищъ.	Учениковъ реальныхъ училищъ.	Среднихъ учебныхъ заведеній.	Учениковъ средн. учебн. заведеній.
1. С.-Петербургскомъ	12	2147	13	2929	13	2781	16	4911	22	5453	7	1111	29	6564		
2. Московскомъ	11	2551	12	3165	12	3124	12	4279	33	7683	12	1437	45	9110		
3. Казанскомъ	10	1581	12	2438	12	2067	14	3039	11	3119	5	734	16	3853		
4. Харьковскомъ	6	1336	7	1808	7	1357	7	2702	21	5136	5	923	26	6059		
5. Одесскомъ	5	639	6	1842	7	1692	8	2332	23	4956	8	1743	31	6639		
6. Кіевскомъ	9	3165	11	4151	11	3539	11	4841	17	5882	6	1615	23	7497		
7. Виленскомъ	9	3048	8	3084	8	2089	14	5401	13	4100	4	1213	17	5313		
8. Варшавскомъ (1839)	11	4227	8	2236	8	2089	11	5401	17	4100	3	1213	29	7497		
9. Дерптскомъ	4	760	4	704	4	794	5	1185	26	7778	3	732	15	4423		
10. Оренбургскомъ	—	—	—	—	—	—	—	—	8	1614	2	415	11	2029		
Всего въ Европейской Россіи	77	19474	81	22377	74	17443	87	28690	187	49412	55	10806	242	60218		
11. Западной Сибиріи	2	228	3	353	3	430	3	661	8	606	—	—	9	1371		
12. Восточной Сибиріи	—	—	—	—	—	—	—	—	10	683	1	82	—	—		
13. Кавказскомъ	—	—	—	—	—	—	4	1781	10	3043	8	1033	13	4176		
Всего въ Европейской и Азиатской Россіи	79	19702	84	22730	77	17873	94	31132	205	53744	59	12021	264	65765		

4. Число учеников средних учебных заведений и отношение его къ сословіямъ.

Въ учебныхъ округахъ.	Изъ числа учениковъ (50701) классическихъ учебн. завед.					Изъ числа учениковъ (10888) реальныхъ училищъ.				
	Дворянъ и чиновник.	Духовнаго званія.	Городскихъ сословій.	Сельскаго состоянія.	Иностранц.	Дворянъ и чиновников.	Духовнаго званія.	Городскихъ сословій.	Сельскаго состоянія.	Иностранц.
1. С.-Петербургскомъ	3159	270	1647	275	102	565	27	393	100	26
2. Московскомъ	3864	461	2889	383	86	542	36	666	162	21
3. Казанскомъ	1522	223	1010	295	69	229	31	262	198	14
4. Оренбургскомъ	714	106	588	199	7	123	22	193	75	2
5. Харьковскомъ	2669	379	1398	637	53	487	25	341	49	21
6. Одесскомъ	1810	156	2648	159	183	711	39	818	109	66
7. Киевскомъ	3434	540	1455	349	104	939	65	484	80	47
8. Виленскомъ	2337	177	1329	224	33	763	37	304	79	30
9. Варшавскомъ	4146	240	2566	785	41	563	6	278	31	10
10. Дерптскомъ	1528	229	1539	306	89	124	1	354	229	24
11. Запад. Сибири	292	32	242	40	—	—	—	—	—	—
12. Вост. Сибири	275	31	299	51	27	6	3	68	5	—
Всего	25750	2344	17610	3703	794	5057	292	4161	1117	261

Въ классическихъ учебныхъ заведеніяхъ составляли ученики изъ

	дворянъ	духовн. званія.	городск. сослов.	сельск. сост.	иностранц.	всего числа учащихся.
въ 1876 г.	49,5%	5,5%	34%	7,1%	1,5%	
въ 1873 г.	55,5	5,4	30,7	6,7	1,2	»
въ 1871 г.	59,5	4,6	27,8	5,7	1,1	»

Въ реальныхъ училищахъ

въ 1876 г.	46,4%	2,6%	38,2%	10,2%	2,3%	»
въ 1873 г.	55,3	3,3	30,6	7,1	3,3	»

По вычисленіямъ, приблизительно вѣрнымъ, дворяне и чиновники составляютъ 1,5% всего народонаселенія, лица духовнаго званія 0,8%, городскихъ сословій 9,9%, сельскаго состоянія 81%, иностранцы 0,2%.

5. Число учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній и отношеніе его къ вѣроисповѣданіямъ.

Въ учебныхъ округахъ.	Изъ числа учениковъ классическихъ учебн. заведеній (50701).						Изъ числа учениковъ реальныхъ училищъ (10888).					
	Православнаго.	Римско-католическаго.	Лютеранскаго.	Еврейскаго.	Магометанскаго.	Прочихъ исповѣданій.	Православнаго.	Римско-католическаго.	Лютеранскаго.	Магометанскаго.	Еврейскаго.	Прочихъ исповѣданій.
1. С.-Петербургскомъ	4626	254	369	178	5	21	935	56	84	1	31	4
2. Московскомъ	6944	193	213	146	7	180	1298	51	56	—	19	3
3. Казанскомъ	3119	2796	75	150	65	6	599	15	90	—	5	25
4. Оренбургскомъ	1301	60	35	32	47	139	394	4	8	—	6	3
5. Харьковскомъ	4741	94	113	172	4	1	806	32	42	—	37	6
6. Одесскомъ	2783	221	107	531	—	314	1125	115	72	1	343	87
7. Кіевскомъ	4069	1076	101	632	2	2	748	583	41	—	213	30
8. Виленскомъ	1353	1651	150	908	33	5	335	616	72	3	178	9
9. Варшавскомъ	942	5448	360	1007	8	13	60	726	46	—	59	2
10. Дерптскомъ	458	361	2592	242	—	38	25	82	571	—	45	9
11. Запад. Сибири	520	32	7	47	—	—	—	—	—	—	—	—
12. Вост. Сибири	605	16	7	52	3	—	75	—	—	—	7	—
Итого.	31138	9481	4204	5012	115	751	6400	2280	1082	5	943	178

7. Средства содержанія гимназій и прогимназій:

Въ учебныхъ округахъ.	Число заведен.	Изъ государственн. казначейства.		Изъ сбора платы за содерж. своихъ и разн. вѣд. восп.		Изъ сбора за ученіе.		Обязательныхъ взносовъ отъ почетныхъ почителей.		Изъ суммъ дворянства.
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
1. С.-Петербургскомъ: гимназій	15	402306	55	152298	47	99521	90	—	—	6836
прогимназій	7	135231	23	—	—	38411	4	—	—	—
тѣхъ и др.	22	537537	78	152298	47	137932	94	—	—	6836
2. Московскомъ: гимназій	20	494048	21	164217	75	126895	83	—	—	—
прогимназій	13	129639	50	—	—	21484	70	—	—	—
тѣхъ и др.	33	623687	71	164217	75	148380	53	—	—	—
3. Казанскомъ: гимназій	8	236465	61	33304	5 1/4	68678	49 3/4	—	—	3722
прогимназій	3	16350	—	—	—	3270	58	—	—	—
тѣхъ и др.	11	252815	61	33304	5 1/4	71949	7 3/4	—	—	3722

Въ классическихъ учебныхъ заведеніяхъ составляли ученики:

Православн. испов.	Римско-катол.	Лютеранскаго.	Еврейскаго	Магометанскаго.	Прочихъ исповѣд.
61,4 ⁰ / ₀	18,6 ⁰ / ₀	8,2 ⁰ / ₀	9,8 ⁰ / ₀	0,2 ⁰ / ₀	1,4 ⁰ / ₀

Въ реальныхъ училищахъ:

58,7	20,9	9,9	8,6	0,4	1,6
------	------	-----	-----	-----	-----

По вычисленіямъ, приблизительно вѣрнымъ, изъ всего народонаселенія около 76% православнаго, 10% римско-католическаго, 3% лютеранскаго, 3% магометанскаго исповѣданія, и 9% прочихъ исповѣданій.

6. Относительное распределеніе учениковъ гимназій по классамъ.

	К л а с с ы .								
	Приготовительн.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
Въ 1875 году	12,6 ⁰ / ₀	20,1	19,2	16,2	11,8	7,6	5,4	6,7	
Въ 1876 »	14,9	20,6	18,1	14,8	11,7	7,6	5,7	3,7	2,6
Въ 1877 »	15,3	19,9	17,4	15	11,5	7,9	6	4	3,7

а) въ абсолютныхъ числахъ.

Отъ городскихъ обществъ.		Отъ земствъ.		Изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Отъ единоразовныхъ пожертвованій.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Изъ свѣчнаго и корочнаго сбора съ сиренъ.		Изъ разныхъ источниковъ.		Всего.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
10705	14	400	—	15196	28	1605	85	—	—	—	—	40969	69 ¹)	729740 ³	33
2686	—	—	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	176388	27
13391	14	400	—	15256	28	1605	85	—	—	—	—	40969	69	906228	60
3388	57	13739	—	35483	64	2179	96 ⁴)	—	—	—	—	—	—	839952	96 ⁴)
31050	—	32000	—	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	214474	20
34438	57	45739	—	35783	64	2179	96	—	—	—	—	—	—	1054427	16
1800	—	—	—	4578	91	12941	36 ³)	—	—	—	—	—	—	361490	93
16000	—	4500	—	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40170	58
17800	—	4500	—	4628	91	12941	36	—	—	—	—	—	—	401961	51

Въ учебныхъ округахъ.	Число заведеній.	Изъ государств. казначейства.		Изъ сбора платы за содержаніе своихъ и разнѣхъ вѣд. вѣст.		Изъ сбора за учене		Обязательныхъ взносовъ отъ почетныхъ почителей.		Изъ суммъ дворянства.
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
4. Оренбургскомъ: гимназій	6	126448	40	31,761 р. 76 к. ³⁾		—	—	—	—	—
прогимназій	2	7750	—	—	—	—	—	—	—	—
тѣхъ и др.	8	134198	40	—	—	—	—	—	—	—
5. Харьковскомъ: гимназій	11	233744	30	66529	19	61843	86	500	—	295
прогимназій.	10	98076	40	—	—	17673	50	—	—	—
тѣхъ и др.	21	331820	70	66529	19	79517	36	500	—	295
6. Одесскомъ: гимназій	13	316063	98	53481	58	73547	30	3520	95	—
прогимназій	10	132777	40	—	—	28471	42	3135	—	—
тѣхъ и др.	23	448841	38	53481	58	102018	72	5665	95	—
7. Киевскомъ: гимназій	11	296518	40	41393	—	96600	—	—	—	1676
прогимназій.	6	90208	60	1642	—	12512	90	—	—	—
тѣхъ и др.	17	386728	—	43035	—	109112	90	—	—	1676
8. Виленскомъ: гимназій	8	236589	62	—	—	86534	25	—	—	—
прогимназій	5	87664	1	—	—	18734	50	—	—	—
тѣхъ и др.	13	324253	63	—	—	105268	75	—	—	—
9. Варшавскомъ: гимназій	18	524512	58	—	—	8555 ⁷⁾	—	—	—	—
прогимназій.	8	109692	90	—	—	—	—	—	—	—
тѣхъ и др.	26	634205	48	—	—	8555	—	—	—	—
10. Дерптскомъ: гимназій	13	139140	9	—	—	130338	70	—	—	35624
11. Зап. Сибири: гимназій	3	77587	97	3395	—	8081	9	—	—	—
12. Вост. Сибири гимназій.	2	62193	6	9867	46	6692	—	—	—	—
прогимназій.	3	51802	90	—	—	2215	—	—	—	—
тѣхъ и др.	5	113995	96	9867	46	8907	—	—	—	—
И Т О Г О: гимназій	128	3145618	77	1,324,036 р. 69 к.		4020	95	5415	—	—
прогимназій	67	859192	94	1642 — 142773		64	2135	—	—	—
тѣхъ и др.	195	4004811	71	1,468,452 р. 33 к.		6155	95	54154	—	—

1) Здѣсь показана сумма, отпускаемая Императорск. Человѣк. обществомъ на содержаніе этой гимназіи (22.120 р.), которая внесена въ 4-й графъ вѣдомости.

2) Въ этой суммѣ не значится источниковъ содержанія гимназіи при Историко-этнографическомъ музеѣ.

3) Кромѣ значущейся здѣсь суммы, поступили еще слѣдующія пожертвованія въ пользу права ученія бѣдныхъ дѣтей и другія вспомошествованія 6,321 р. 92 к.; на 1,785 р.; всего же поступило пожертвованій въ 1876 г. 29,651 р. 92 к., кромѣ показанной суммы.

4) Въ расчетъ этихъ суммъ не входитъ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ.

5) Въ томъ числѣ 12,813 р. 25 к. капитала на образованіе стипендій и 128 р. 11 к. на содержаніе.

6) 31,761 р. 76 к. показаны, по отчету попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, онъ считаетъ 46.081 р. 50 к. и прогимназіямъ 375 р. 50 к.; сбора за содержаніе своихъ и разнѣхъ вѣд. вѣст. вѣст.

7) Сверхъ того внесено въ государственный доходъ изъ суммы сбора платы за учене всего 117,979 руб.

Отъ городскихъ обществъ.		Отъ земствъ.		Изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Отъ едино-временныхъ по-жертваній.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Изъ свѣчнаго и коробочнаго сбора съ евреевъ.		Изъ разныхъ источниковъ.		Всего.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
5000	—	—	—	429	—	—	—	23471	23	—	—	—	—	187110	39
16251	14	3000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26965	14
21251	14	3000	—	429	—	—	—	23471	23	—	—	—	—	214075	53
5737	18	16930	—	11278	79	1717	73	71554	88	—	—	—	—	470130	93
3710	—	28725	—	599	34	899	19	27878	—	—	—	—	—	177556	43
9447	18	45655	—	11878	13	2611	92	99432	88	—	—	—	—	647687	36
38370	—	19605	—	3595	13	1187	—	—	—	1617	—	—	—	510987	94
17951	11	8000	—	—	—	133	50	—	—	—	—	—	—	189468	43
56321	11	27605	—	2595	13	1320	50	—	—	1617	—	—	—	700456	37
200	—	27579	65	14443	44	2221	94 ^{1/2}	—	—	4901	79	—	—	491534	52 ^{1/2}
9966	—	14246	60	85	—	500	—	—	—	859	94	—	—	129821	4
9766	—	41826	25	14528	44	2721	94 ^{1/2}	—	—	5761	73	—	—	621355	56 ^{1/2}
1490	—	—	—	16054	46	—	—	—	—	3627	33	4853	33 ^{3/4}	349148	99
311	67	—	—	267	98	—	—	—	—	1092	50	6391	—	114461	69 ^{3/4}
1801	67	—	—	16322	44	—	—	—	—	4719	83	11244	33 ^{3/4}	463610	68 ^{3/4}
—	—	—	—	1981	74	—	—	—	—	—	—	—	—	535049	32
—	—	—	—	1981	74	—	—	—	—	—	—	—	—	109692	90
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	644742	22
33243	88	—	—	716	94	3729	89	—	—	—	—	1040	—	344334	16
3300	—	—	—	2111	81	40	—	—	—	—	—	—	—	94515	87
—	—	—	—	1423	—	900	—	—	—	—	—	—	—	81080	52
—	—	—	—	—	—	500	—	—	—	—	—	—	—	54517	90
—	—	—	—	1423	—	1400	—	—	—	—	—	—	—	135598	42
104234	77	78253	65	107298	14	26523	73 ^{1/2}	95026	11	10146	12	46863	2	4995176	86 ^{1/2}
97689	92	90471	60	1362	32	2027	69	27878	—	1952	44	6391	3 ^{3/4}	1233516	58 ^{3/4}
200924	69	168725	25	108660	46	28551	42 ^{1/2}	122904	11	12098	56	53254	5 ^{3/4}	6228693	55 ^{1/4}

какіе-то гимназій, кромѣ суммъ, имъ же отпускаемой на воспитанниковъ пансіона

юнкюшанъ институтъ.

гому гимназій: капитала съ назначеніемъ %, на опредѣленную цѣль—21,545 руб.; едино-крашеніе церкви, ремонтъ зданій, мебель, учебныя пособия, деньгами и вещами — на ныхъ въ общей вѣдомости.

на ученическую бібліотеку.

изъ специальныхъ средствъ гимназій; всего же сбора платы за ученіе по гимназіямъ ныхъ и разныхъ вѣдомствъ воспитанниковъ въ пансіонахъ въ отчетъ не показано. іе въ гимназіяхъ Варшавскаго округа 104,432 руб. и въ прогимназіяхъ 13,547 руб.

б) Главныя статьи въ

ПОСТУПАЮТЪ.	О О К Р У Г			
	Восточн. Сибири.	Западной Сибири.	Виленскому.	Одесскому.
Изъ государственнаго казначейства	85 ⁰ / ₀	80 ⁰ / ₀	69 ⁰ / ₀	64 ⁰ / ₀
Изъ платы за панс. и за учение	13	12	22	22
Изъ суммъ дворянства	—	—	—	—
Отъ городскихъ обществъ	—	3	0,3	8
Изъ суммъ земствъ	—	—	—	3

Среднимъ числомъ стоимость одного классическаго учебнаго заведенія—31,942 учебныхъ округовъ, 1 гимназія стоитъ въ округѣ Варшавскомъ—23,923 р., Дерптскомъ 39,306 р., въ Восточной Сибири 40,540 р., въ Московскомъ 41,997 р., Харьковскомъ С.-Петербургскомъ 48,649 р.,

8. Средства содержанія реальныхъ

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Число		СРЕДСТВА				
	Реальныхъ училищъ.	При нихъ параллельныхъ клас.	Изъ государственнаго казнач.			Изъ сбора за пансіо-перловъ.	Изъ сбора за учене.
			Руб.	К.	Руб.		
1. С.-Петербургскомъ	7	2	194358	40	6981	23490	50
2. Московскомъ	12	1	201520	70	—	28083	50
3. Казанскомъ	5	2	47326	—	—	13587	9
4. Оренбургскомъ	3	—	19430	40	—	8450	—
5. Харьковскомъ	5	4	79107	40	—	4756	50
6. Одесскомъ	8	11	107641	80	—	46947	50
7. Киевскомъ	6	12	138147	70	—	34535	—
8. Виленскомъ	4	6	122632	61	—	31133	25
9. Варшавскомъ	3	—	63172	91	—	—	—
10. Дерптскомъ	2	3	3846	50	—	9759	17
11. Восточной Сибири	1	—	12600	—	—	850	—
Всего	56	41	989784	42	6981	201592	51

б) Главныя статьи въ

ПОСТУПАЮТЪ.	СРЕДСТВА			
	Варшавскому.	С.-Петербур-скому	Виленскому.	Московскому.
Изъ государственнаго казначейства	100	80,3	77,3	70,3
Отъ городскихъ обществъ	—	3,3	—	12,3
Отъ земствъ	—	3,3	—	5

ОТНОСИТЕЛЬНЫХЪ ЧИСЛАХЪ.

Г а м ъ .

Казанскому.	Оренбургскому	Киевскому.	Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Дерптскому.	Среднимъ числомъ.
62 ⁰ / ₀	62 ⁰ / ₀	62 ⁰ / ₀	59 ⁰ / ₀	59 ⁰ / ₀	51 ⁰ / ₀	40 ⁰ / ₀	64 ⁰ / ₀
26	14	24	32	29	22	37	23
0,9	—	0,3	0,7	—	0,4	10,3	0,8
4	9	1,8	1,4	3	1,4	9	3
1	1,4	6	0,4	4	7	—	2

руб., одной гимназии 39.025 р., одной прогимназии 18,709. Относительно отдельныхъ 26,487 р., Оренбургскомъ 31,185 р., въ Западной Сибири 31,505 р., въ Одесскомъ 42,739 р., Виленскомъ 43,643 р., Киевскомъ 44,684 р., Казанскомъ 45,188 р., и въ

училищъ: а) въ абсолютныхъ числахъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Я .

Изъ суммъ дворянства.		Отъ городовъ общ. и приказ. общ. пр.		Изъ суммъ земствъ.		Изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Единовремен. пожертвованій.		Изъ суммъ управлений учеб. округ.		Изъ сбора съ евреевъ.		Изъ разныхъ источниковъ.		В с е г о .	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
—	—	7830	—	8790	—	104	44	500	—	—	—	—	—	—	—	242054	34
2000	—	37004	84	15500	—	1538	60	400	—	—	—	—	—	1157	—	287234	64
—	—	26311	10	20989	91	—	—	—	—	—	—	—	—	1500	—	110214	10
—	—	13000	—	34500	—	409	27	500	—	—	—	—	—	—	—	76289	67
—	—	21808	10	7500	—	—	—	6670	12	—	—	—	—	—	—	119842	12
—	—	49880	—	31940	—	357	57	1100	—	—	—	—	—	—	—	237866	80
—	—	13605	—	17950	—	2438	3	6080	—	—	—	60	—	10215	—	223030	73
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400	—	—	—	—	—	157278	32
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	63172	91
—	—	11910	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25516	17
—	—	9000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22450	—
2000	190849	54	137169	91	4877	84	15250	12	400	3172	46	12872	—	1564949	80		

ОТНОСИТЕЛЬНЫХЪ ЧИСЛАХЪ.

К Р У Г А М Ъ .

Харьковскому.	Киевскому.	Восточн. Сибири.	Одесскому.	Казанскому.	Оренбургскому.	Дерптскому.	Среднимъ числомъ.
66	61	51,6	45,1	42,9	26	11	63,3
18	6	40	20,9	24,3	17	47	12
6,2	8	—	13,4	19	45	—	8

**Примѣрное содержаніе личнаго состава N...ской гимназіи
въ 1875 году.**

1. Директоръ получаетъ жалованья 1,200 р., дополнительнаго изъ суммъ пансіона 500 р., столовыхъ 800 р., за 12 уроковъ латинскаго языка, по 60 р. за урокъ, 720 р.; всего	3,220 р.
2. Инспекторъ—жалованья 900 р., дополнительнаго изъ суммъ пансіона 300 р., столовыхъ 600 р., за 6 уроковъ латинскаго языка въ основныхъ классахъ 360 р. и за 7 уроковъ въ параллельныхъ классахъ 420 р.; всего	2,580 "
3. Законоучители:	
а) законоучитель православнаго исповѣданія: за 12 уроковъ 900 р., за 2 урока въ параллельныхъ отдѣленіяхъ 100 р., дополнительной платы изъ суммъ пансіона 150 р., за 4 урока въ пригготовительномъ классѣ 200 р.; всего	1,350 "
б) законоучитель римско-католическаго и в) законоучитель лютеранскаго исповѣданія за 2 урока каждый по 100 р.	200 "
4. Преподаватели русскаго языка:	
А) За 12 уроковъ 900 р., за 6 уроковъ 360 р., за 2 урока въ параллельныхъ классахъ 120 р., за исправленіе тетрадей 100 р.; всего	1,480 "
Б) За 4 урока русскаго языка и 8 уроковъ латинскаго языка 900 р., за обязанности класснаго наставника 160 р., за 4 урока русскаго языка по 50 р. и за 2 урока исторіи по 60 р. въ параллельныхъ классахъ 320 р., за исправленіе тетрадей 100 р.; всего	1,480 "
6. В) За 6 уроковъ русскаго языка, за 6 уроковъ ариѳметики и 6 уроковъ чистописанія въ пригготовительномъ классѣ	900 "
7. Преподаватели математики и физики:	
А) За 12 уроковъ 900 р., за 4 урока 240 р., за исправленіе половинной должности воспитателя изъ суммъ пансіона 350 р., за исправленіе должности помощника класснаго наставника 300 р., квартирныхъ по этой должности изъ суммы сбора за ученіе 200 р., за 6 уроковъ физики въ параллельныхъ классахъ 360 р.; всего	2,350 "

8. Б)	За 12 уроковъ 900 р., за 3 урока 180 р., за обязанности класснаго наставника 160 р., за 5 уроковъ въ параллельномъ классѣ 250 р.; всего . . .	1,490 р.
9.	Преподаватели древнихъ языковъ:	
А)	За 12 уроковъ латинскаго языка 900 р., за 5 уроковъ греческаго языка 300 р., за исправленіе половинной должности воспитателя, изъ суммъ пансіона, 350 р., за обязанности класснаго наставника 160 р., квартирныхъ за исправленіе половинной должности воспитателя, изъ суммъ пансіона, 45 р., за исправленіе тетрадей 100 р.; всего	1,855 "
10. Б)	За 12 уроковъ греческаго языка 750 р., за 5 уроковъ Латинскаго языка 300 р., за обязанности класснаго наставника 160 р., за исправленіе тетрадей 100 р.; всего	1,310 "
11. В)	За 12 уроковъ Греческаго языка 900 р., за 1 урокъ 60 р., за исправленіе половинной должности воспитателя, изъ суммъ пансіона, 350 р., квартирныхъ по сей должности 45 р., за 8 уроковъ латинскаго языка въ параллельныхъ классахъ 400 р., за обязанности класснаго наставника 160 р., за исправленіе тетрадей 100 р.; всего	2,015 "
12.	Преподаватель исторіи и географіи—за 10 уроковъ исторіи и 9 уроковъ географіи 1,320 р., за исправленіе половинной должности воспитателя, изъ суммъ пансіона, 350 р., за обязанности класснаго наставника 160 р., за исправленіе должностей секретаря совѣта и бібліотекаря 240 р., за 2 урока географіи въ параллельныхъ классахъ 100 р.; всего	2,170 "
13.	Преподаватели новѣйшихъ иностранныхъ языковъ:	
А)	Нѣмецкаго языка—за 12 уроковъ 750 р., за 5 уроковъ 300 р.; всего	1,050 "
14. Б)	Французскаго языка—за 12 уроковъ 900 р., за 5 уроковъ 300 р., по должности воспитателя изъ суммъ пансіона 700 р., за исправленіе должности помощника класснаго наставника 300 р., квартирныхъ по сей должности (изъ суммъ сбора за ученіе) 200 р.; всего	2,400 "
15.	Учитель чистописанія—за 5 уроковъ 250 р., за 3 урока въ параллельныхъ классахъ 150 р., за преподаваніе черченія и рисованія 200 р.; всего	600 "
16.	Врачъ—300 р. и изъ суммъ пансіона 120 р.; всего	420 "
17.	Бухгалтеръ—изъ суммъ пансіона	400 "

18. Письмоводитель—жалованья 200 р., столовыхъ 200 р.;	
всего	400 р.
19. Экономъ—изъ суммъ пансіона	200 "
20. Учитель гимнастики и танцевъ	300 "
21. " церковнаго пѣнія	75 "
22. " общаго пѣнія	125 "
23. Фельдшеръ—изъ суммъ пансіона	132 "
	<hr/>
	Итого 28,282 р.

Приблизная смета доходовъ и расходовъ пансіона при N...ской гимназiи за 1876 годъ.

Доходы:

Съ 23 частныхъ пансіонеровъ по 250 р. въ годъ	5,750 р.
" 5 казенныхъ " " 200 " "	1,000 "
" 2 воспитанниковъ Государя Императора	420 "
" 27 " " дворянства	6,976 "
	<hr/>

Расходы: Итого 14,146 р.

а) На содержаніе пансіона 8,728 р.

Изъ нихъ:

1. На столъ	4,270 р.	50 к.
2. " одежду	1,511 "	27 "
3. За починку платья	150 "	— "
4. " бѣлье	595 "	— "
5. " обувь	715 "	— "
6. " мелочи	96 "	73 "
7. " больницу	200 "	— "
8. На кухню и прачешную	203 "	— "
9. " лошадь	101 "	50 "
10. " баню	100 "	— "
11. " учебныя пособія	650 "	— "
12. " производство физиче- скихъ опытовъ	45 "	— "
13. " спальню	90 "	— "

б) На хозяйственные расходы 2,759 "

Изъ нихъ:

1. На чистоту	191 р.	— к.
2. " освѣщеніе	284 "	45 "
3. " купальню	30 "	— "
4. " жалованье прислугѣ	1,284 "	— "
5. " мелочи	9 "	55 "
6. " отопленіе	960 "	— "
	<hr/>	

Итого 11,487 р.

СОДЕРЖАНІЕ.

Первый періодъ. Царствованіе Императора Александра I. Стр. 1—217.

Императоръ и ближайшіе сотрудники его. Учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія. Главное правленіе училищъ. Стр. 2—14.

1. *Законодательство объ устройствѣ учебныхъ заведеній.* Стр. 14—67. *Министерство гр. Завадовскаго* (1802—1810). Министръ и товарищъ его. Предварительныя правила народнаго просвѣщенія 24 января 1803 года и отзывы о нихъ современниковъ. Учебные округа и попечители ихъ. Другіе члены Главнаго правленія училищъ. Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, 5 ноября 1804 г.—1) управленіе училищами, 2) образовательныя цѣли, 3) планъ ученія въ гимназіяхъ и учебный планъ уѣздныхъ училищъ, 4) учителя и ихъ обязанности, 5) учащіяся, 6) открытія испытанія, 7) директоръ гимназій и смотритель уѣзднаго училища, 8) права учителей по службѣ и по пенсіямъ, 9) канікулы и праздники, 10) пансіоны, 11) хозяйственная часть, 12) штаты. Устройство учебныхъ заведеній въ Виленскомъ учебномъ округѣ. Мѣры для образованія учителей. Педагогическій институтъ въ С.-Петербургѣ. Составленіе учебныхъ пособій.

II. *Приведеніе въ дѣйствіе устава учебныхъ заведеній и историческое развитіе его.* Стр. 67—177. Преобразованныя гимназій и уѣздныхъ училища въ 1808 г. Число учениковъ. Указъ 6 августа 1809 года. Стр. 67—78. *Министерство гр. Разумовскаго* (1810—1816). Взглядъ на цѣль учебныхъ заведеній. Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Уваровъ; его преобразованія относительно древнихъ языковъ въ Педагогическомъ институтѣ; новый учебный планъ для с.-петербургскихъ гимназій, 31 октября 1811 года; отечественный языкъ; Шишковъ (стр. 84—90). Гр. де-Местръ. Воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Постановленіе объ испытаніи домашнихъ учителей изъ иностранцевъ. 1812 годъ и вліяніе его (преподаваніе Закона Божія; общее настроеніе умовъ; матеріальное состояніе учебныхъ заведеній; награды для благотворителей училищъ и почетные смотрители). Другія распоряженія министерства: относительно метода преподаванія, служебныхъ правъ учителей, завѣдыванія экономическими суммами, стипендій, поведенія учителей, тѣлесныхъ наказаній. Іезуиты (стр. 90—115). *Министерство кн. Голицына* (1819—1824). Уваровъ и дѣятельность его: Главный Педагогическій институтъ; плата за ученіе; измѣненія въ учебномъ планѣ и учебный планъ 1819 года (стр. 116—136). Вліяніе на учебное дѣло заключенія Св. союза: министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; ученый комитетъ и инструкція его; Стурдза; Магницкій и Казанскій учебный округъ; Руничъ и С.-Петербургскій учебный округъ (стр. 136—163). Прочія распоряженія министерства Голицына: преимущества, дарованныя С.-Петербургской гимназій, улучшеніе положенія учителей (стр. 163—166). *Министерство Шникова* (1824) до смерти императора Александра I.

Распоряженія по надзору надъ учебными заведеніями и по цензурѣ учебныхъ книгъ. Предположенія о преобразованіи учебнаго дѣла (стр. 166—177).

III. *Обзоръ внутренняго состоянія учебныхъ заведеній и дѣятельности ихъ.* Стр. 177—217. С.-Петербургскій педагогическій институтъ. Харьковскій педагогическій институтъ. Общая характеристика гимназій Погодина. Многопредметность; трудность учебнаго плана; латинскій языкъ; успѣхи учениковъ и переводы ихъ изъ класса въ классъ; способъ преподаванія; планъ преподаванія Закона Божія Павскаго; методъ Ланкастера; учебныя книги; начальники и преподаватели училищъ; ученики; пропущенные ими уроки, шалости ихъ, наказанія и награды; открытія испытанія; осмотры училищъ, частныя училища; благородные пансіоны; постороннія дѣла, соединенныя съ учебными заведеніями; нѣсколько статистическихъ данныхъ.

Періодъ второй. Царствованіе Императора Николая I (1825 — 1855). Стр. 217—429.

I. Комитетъ устройства учебныхъ заведеній 14 мая 1826 г. и уставъ гимназій и училищъ въздныхъ и приходскихъ 8 декабря 1828 г. Императоръ и взглядъ его на дѣло образованія. Записка Пушкина. Записка Шишкова. Главныя пункты новаго устава: 1) устройство училищной системы, 2) пансіоны при гимназіяхъ, 3) учебный планъ, 4) преимущества, предоставленныя ученикамъ, 5) начальство учебныхъ заведеній, 6) наказанія и награды, 7) испытанія и торжественный актъ, 8) дѣтнія вакаціи, 9) плата за ученіе, 10) штаты. Стр. 217—272. Главный Педагогическій институтъ. *Министерство князя Ливена* (1828—1833). Учебные планы и объемъ курсовъ въ каждомъ классѣ. Руководство для учителей. Стр. 272—289.

II. *Приведеніе въ дѣйствіе устава и развитіе его.* Министерство Уварова (1833—1849). Главныя принципы его. Положеніе о порядкѣ управленія учебными заведеніями и положеніе объ учебныхъ округахъ. Частныя учебныя заведенія. Положеніе о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ. Благородные пансіоны при гимназіяхъ. Стр. 289—311. Дворянскіе институты и шестилѣтній гимназическій курсъ. Методы преподаванія. Система испытаній. Права и преимущества. Строгая дисциплина; тѣлесныя наказанія. Стр. 312—338. Права и обязанности служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Учебныя заведенія и словія; плата за ученіе. Стр. 339—348. Учебный планъ и измѣненія его. Новые предметы: восточные языки; реальныя предметы, реальныя гимназіи и положеніе о реальныхъ классахъ; законовѣдѣніе. 1848 годъ. *Существенное преобразование гимназій распоряженіемъ 21го марта 1849 г. объ измѣненіи §§ 145 и 235 устава гимназій.* Стр. 349—374. Главный Педагогическій институтъ въ этотъ періодъ. Число учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ и отношеніе его къ народонаселенію. *Министерство князя Ширинскою-Шихматова* (1849—1853). Преподаваніе Закона Божія. Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ. Осмотры. Стр. 375—388. Новый учебный планъ 1-го ноября 1851 г.; три рода гимназій. Другія распоряженія: о платѣ за ученіе и о пенсіяхъ. Стр. 388—396. *Министерство Норова* (1853—1858).

III. Общій взглядъ на состояніе учебнаго дѣла. Преподаваніе наукъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ. Критика министерства Уварова Погодинымъ. Воспомнанія фонъ-Брадье. Казанская гимназія. С.-Петербургская 3-я гимназія. Отечественный языкъ и упражненія въ немъ. Литературныя бестыды. Система бадловъ и критическая оцѣнка ея. Успѣхи и поведеніе учениковъ. Пропущенные учителями уроки. Дисциплина. Стр. 396—429.

Третій періодъ. Царствованіе Императора Александра II (съ 19-го февраля 1855 года). Стр. 429 до конца.

Первый отдѣлъ: первая десяти лѣтъ. Стр. 429—503. Гуманные принципы правительства. Вопросъ о дѣлѣ образованія въ литературѣ. Статья Пирогова. Мнѣнія о классическомъ и реальномъ образованіи: представитель послѣдняго—Ушинскій, перваго—Грановскій. Стр. 429—447. *Законодательныя работы:* Главное правленіе училищъ и ученый комитетъ. 1) *Учебный планъ.* Проектъ устава высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній 1860 г. *Министерство Ковалевскаго* (1858—1861). Отзыви о проектѣ устава. *Министерство гр. Путятина* (1861). *Министерство Головинна* (1861—1866). Вторая редакція проекта: проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній; объяснительная записка къ нему. Третья редакція: проектъ устава гимназій и прогимназій. Четвертая редакція. Уставъ о гимназіяхъ и прогимназіяхъ, 19 ноября 1864 г. Офіціальное толкованіе его и приведеніе въ дѣйствіе. Стр. 448—477. 2) Вопросъ о приготовленіи учителей для гимназій: Главный педагогическій институтъ и упраздненіе его; педагогическіе курсы по положенію 20 марта 1860 года; семинарскіе курсы 23 марта 1865 года. Стр. 477—493. 3) Состояніе среднихъ учебныхъ заведеній въ концѣ десятилѣтія. Стр. 493—503.

Второй отдѣлъ: министерство гр. Толстаго (съ 1866 г.). Стр. 503 до конца. *Классицизмъ.* Отдѣльныя мѣры улучшенія. Историческое изложеніе новыхъ реформъ: Историко-филологическій институтъ въ С.-Петербургѣ. Руководящія начала для учебной реформы относительно среднихъ учебныхъ заведеній. Вопросъ о гимназіяхъ въ государственномъ совѣтѣ. Вопросъ о реальныхъ училищахъ. Стр. 504—536. *Современная организація среднихъ учебныхъ заведеній и управленія ими.* Стр. 536 до конца. А. Высшая учебная администрація. Б. Учрежденія для приготовленія учителей. В. Гимназіи: 1) цѣль гимназій, 2) продолжительность курса, 3) прогимназіи, 4) приготовительный классъ, 5) учебный планъ и программы отдѣльныхъ предметовъ учебнаго плана, 6) распределеніе предметовъ ученія между преподавателями, 7) директоръ, инспекторъ и преподаватели, 8) педагогическій совѣтъ и хозяйственный комитетъ, 9) почетный попечитель, 10) дисциплина, 11) порядокъ производства испытаній, 12) права по военной службѣ, 13) лѣтнія вакаціи, 14) плата за ученіе, 15) штаты, жалованье и чины, 16) пансіоны при гимназіяхъ. Стр. 551—634. Г. Реальная училища. Стр. 634—647. Д. Неправительственныя учебныя заведенія. Стр. 647—658. Введеніе учебной реформы. Заключение. Приложенія: Статистическія таблицы. Содержаніе. Указатель собственныхъ именъ. Источники. Синосовъ опечатокъ.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

	СТР.		СТР.
Е. фонъ-Брадке	404	П. Завадовскій	14
П. А. Вадуевъ	518	Е. Банкринъ	360
А. Н. Голлицынъ	115	В. Каразинъ	24
А. В. Головиннъ	455	Ф. Флингеръ	9
Т. Н. Грановскій	441	Е. Ковалевскій	451
Н. Грефе	247	В. Кочубей	6
И. И. Давыдовъ	378	Ө. Крушевскій	257
И. Д. Деляновъ	504	Ф. Лагарпъ	6
А. В. Жуковскій	327	Я. Ламбертъ	231

	СТР.		СТР.
П. М. Леонтьевъ	517	Д. Руничъ	155
К. Ливень	277	М. М. Сперанскій	73
М. Магницкій	139	Е. Сиверсъ	238
И. Мартыновъ	103	Гр. С. Г. Строгановъ	265
Ж. де-Местръ	91	П. Строгановъ	6
Ө. Миддендорфъ	374	А. Стурдза	138
М. Муравьевъ	16	Гр. Д. А. Толстой	503
М. Мусинъ-Пушкинъ	410	А. Тройницкій	518
К. Невозинъ	371	Гр. С. С. Уваровъ	82
Н. Н. Новосильцевъ	5	Н. Фусъ	27
А. С. Норовъ	397	А. Чарторыйскій	5
Н. Озерецковскій	26	П. Ширинскій-Шикматовъ	383
Н. П. Пироговъ	433	А. С. Шишковъ	166
С. Потоцкій	24	И. Штейнманъ	514
Е. Путятинъ	455	А. Шторхъ	240
А. Разумовскій	79	А. Язвинскій	323
Ромель	179	Янковичъ де-Мириэво	27
С. Румовскій	26		

ИСТОЧНИКИ.

I. *Официальные.* а) *Печатные:* официальный органъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ 1803 по 1817 годъ подъ заглавiемъ: *Периодическое сочиненiе о успѣхахъ народнаго просвѣщенiя* (44 нумера, отчасти перепечатанные 2-мъ изданiемъ въ 1826 г.), съ 1821 по 1823 г. подъ заглавiемъ: *Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенiя* (9 частей), съ 1825 по 1828 г. подъ заглавiемъ: *Записка Департамента Народнаго Просвѣщенiя* (3 книги); съ 1829 по 1833 г. подъ заглавiемъ: *Собранiе постановленiй по Министерству Н. Пр. съ 1-ю января 1829 г. по 21-е марта 1833 г., служащее продолженiемъ Записокъ Деп. Н. Пр.* (1 томъ); съ 1834 года подъ заглавiемъ: *Журналъ Министерства Нар. Просв.*, по 12-ти книжекъ въ годъ, изъ коихъ сперва 3 составляли одинъ томъ, а съ 1869 года 2; по октябрю 1878 г. явилось 200 томовъ. Изъ этого составляютъ извлеченiе два сборника: *Сборникъ постановленiй по Министерству Нар. Просв.*, 3 части въ 4-хъ томахъ, 1864 и 1865, и 4-я часть 1871 г. (начиная съ 1875 г. вторымъ изданiемъ) и *Сборникъ распоряженiй по Министерству Нар. Просв.* (1—3 ч. 1866 и 1867, а 4-я ч. 1874). Кроме того издавъ Указатель къ повременнымъ изданiямъ Министерства Нар. Просв., съ 1803 по июнь 1864 года, въ 1864 г. б) *Рукописные:* изъ архива Департамента Нар. Просв. преимущественно «журналы» Главнаго Правленiя Училищъ, которые приведены по числамъ засѣданiй. II. *Неофициальные, печатныя сочиненiя.* а) Историческiя (касающiяся до перваго періода): *Storch, Russland unter Alexander I. Eine historische Zeitschrift. St. Petersburg und Leipzig. Hartknoch.* 9 книжекъ, 1804—1808. М. *Бодановича*, Исторiя царствованiя Императора Александра I и Россiи въ его время. С.-Петербургъ, 1869—1871. 6 т. *А. Пыпина*, Очерки общественнаго движенiя при Александрѣ I. С.-Петербургъ, 1871 (изъ Вѣстника Европы, 1870 и 1871 г.). Автобиографiя *Роммеля*, въ Bülow, Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen, Т. V. 6) Касающiяся исторiи учебныхъ заведенiй: *Материалы* для исторiи и статистики нашихъ гимназiй въ Журн. М. Н. Пр. СХХI, 129—171, 355—390, 493—511 (по этимъ матеріаламъ составлена книга *Marthe, Zur Geschichte der russischen Gymnasien, Programm der Dorotheenstädtischen Realschule in Berlin, 1859*).

М. Сухомякина, Матеріали для історіи просвіщенія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра І. С.-Петербургъ, 1866 (1-я часть въ Журн. М. Н. Пр. СХХVIII, 9—172, 2-я ч. въ приложеніи къ СХХХ-му тому, а 3-я ч. въ прил. къ СХХХII т.). *Е. Θεоктистова*, Матеріали для історіи просвіщенія въ Россіи. І. Магницкій. С.-Петербургъ, 1865 (въ Русскомъ Вѣстникѣ 1864 г.). *А. Воронова*, Историко-статистическое обзорѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа. І ч. съ 1715 по 1828 годъ включительно. ІІ ч. съ 1829 по 1853 г. С.-Петербургъ, 1849 и 1854. *М. Сухомякина*; Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи, въ Журн. М. Н. Пр. СХХI, 3, 1—94. *А. Андрияшева*, Матеріали для історіи учебныхъ заведеній Черниговской дирекціи училищъ отъ 1759 до 1832 г., въ Циркулярахъ по управленію Кіевскимъ уч. окр. 1864 и 1865 г. *М. Сухомякина*, Замѣтки объ училищахъ и народномъ образованіи въ Ярославской губерніи, въ Журн. М. Н. Пр. СХVII, 3, 103—191. *Н. Отто*, Исторія Новгородской дирекціи до 1828 года. Приложение къ Журн. М. Н. Пр. СХХVIII (1865). *Н. Отто*, Вологодская дирекція училищъ до 1850 г. Приложение къ Журн. М. Н. Пр. СХХХII (Октябрь 1866 г.). *К. Петрова*, Исторія Олонеккой дирекціи до 1828 г. Приложение къ Журн. М. Н. Пр. СХХХII; то же, съ 1808 по 1831 г., Журн. М. Н. Провъ., СLXXVI, 3, 1—22. *Я. Грахова*, Краткій историко-статистическій обзоръ Екатеринбургской гимназіи (въ извлеченіи въ Журн. М. Н. Пр. ХСV, 6, 87—111). *Б. Владимірова*, Историческая записка о 1-й Казачьей гимназіи. Казань. 1-я часть и 1-е отдѣленіе 2-й части 1867, а второе отдѣленіе 1868. *Я. Глыбова*, Третья, реальная гимназія въ Москвѣ (1839—1862), 1862. *П. Аничкова*, Историческая записка пятидесятилѣтія третьей С.-Петербургской гимназіи. С.-Петербургъ, 1873. *А. Андрияшева*, Историко-статистическое обзорѣніе пятидесятилѣтія первой Кіевской гимназіи. Кіевъ, 1862. Историческая записка о Бѣлостокской гимназіи. Вильно, 1872. Историческая записка о дѣйствіяхъ и состояніи Симферопольской гимназіи въ 50-ти лѣтній періодъ существованія ея, въ Журн. Н. Пр. СХIX, 6, 45—82. *Θ. Фортунатова*, Историческія записки о пятидесятилѣтіи Олонецкой гимназіи (въ извлеченіи въ Журн. М. Н. Пр. ХСIX, 3, 17). *Копосова*, Краткая историческая записка о четвертой Московской гимназіи въ Журн. М. Н. Пр. СLXVI, 4, 23. *А. Воронова*, Учебныя заведенія въ г. Сумахъ. Приложение къ Журн. Мин. Нар. Пр. СХХVIII. (Автору не удалось воспользоваться слѣдующими источниками: А. Андрияшевъ, Сборникъ постановленій по управленію и устройству Кіевского учебнаго округа; П. Шестаковъ, исторія Смоленской гимназіи; К. П. Яновскій, исторія Кішиневской гимназіи; Н. Фирсовъ, матеріали для історіи Пермской гимназіи, и П. Овсянниковъ, исторія Нижегородской гимназіи).

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	25,	строка	2	сверху	читай	1811
>	31	>	14	>	>	членовъ
>	38	>	1	>	>	коей
>	80	>	12	снизу	>	Ioſann
>	139	>	14	>	>	блестящаго
>	179	>	3	сверху	>	1814
>	>	>	28	>	>	классикахъ
>	208	>	4	снизу	>	ad
>	209	>	2	сверху	>	mercur
>	244	>	3	снизу	>	1766
>	247	>	12	>	>	Г. Германна
>	248	>	8	сверху	>	saltem
>	251	>	16	снизу	>	нѣкоторыхъ
>	280	>	13	> и 281	>	Грефе
>	404	>	13	сверху	>	honos et praemium
>	410	>	6	>	>	полигистора
>	433	>	13	снизу	>	1837
>	517	>	3	>	>	Павелъ Михайловичъ. Умеръ онъ
>	>	>	4	сверху	>	Пританеевъ
>	529	>	18	>	>	Прѣтов ψαδδος
>	530	>	5	снизу	>	Боржистка
>	544	>	18	сверху	>	выходятъ
>	545	>	5	снизу	>	Головинъ.

1-го НОЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ XI-а,
НОЯБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Инноентій, архіепископъ Херсонскій и Тавричскій, біографическій очеркъ (продолженіе).—II. Журналъ путешествія Зиновьева за границей въ 1785—1786 гг.—III. Записки академіи-профессора Тьебо: встрѣчи и знакомства съ достопамятными русскими, замѣтки и анекдоты объ историческихъ лицахъ и событіяхъ.—IV. Очерки и воспоминанія Э. С...ва: IV. Трескинъ и Сперанскій въ Иркутскѣ.—Гаврила Степановичъ Батенковъ.—«Король» Кузнецовъ и проч. въ 1849 г.—V. Разказы, замѣтки, матеріалы и мелочи.—VI. Некрологъ: А. В. Мочубей.—VII. Судебное дѣйство, зрѣлище, составленное и исполненное Горюшкинымъ и его учениками, 1809 г.—VIII. Библиографическій листокъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ „РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1879 г.

(десятый годъ).

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у **Мамонтова**, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у **Мамонтова**, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкой.

Можно получить: «Русскую Старину» 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 г. (съ десятью гравированными на мѣди и на деревѣ портретами) и 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и друг. портретами. Цѣна за каждый годъ 8 руб. съ пересылкой.

М. Семейскій.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

Н. П. КАРБАСНИКОВА.

С.-Петербургъ. Васейная, 14,

Книжная торговля для иногородныхъ Н. П. Карбасникова существуетъ специально для исполненія заказовъ гг. иногородныхъ. Такъ какъ городской торговли фирма производить не будетъ, то всѣ средства и силы фирмы будутъ отданы одному иногородному дѣлу.

Фирма принимаетъ на себя: 1) доставку всевозможныхъ книгъ и учебныхъ пособій, по объявленнымъ книгопродавцамъ и издателями цѣнамъ; 2) составляетъ вновь библиотеки, общественныя и частныя, и пополняетъ существующія разрозненными томами сочиненій и номерами журналовъ за прѣжніе годы; 3) беретъ на себя высылку и иностранныхъ книгъ, по цѣнамъ петербургскихъ книгопродавцевъ; 4) принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты, по цѣнамъ, объявленнымъ редакціями не иначе, какъ на наличныя деньги. Полученныя на подписку деньги немедленно сдаетъ въ редакціи журналовъ вмѣстѣ съ адресами, и получаетъ подписные билеты на имя подписчика. Желающимъ, за приложенную марку, высылаются редакціонные билеты.

Единственная цѣль нашей фирмы, — сдѣлать все возможное для того, чтобы требованія гг. иногородныхъ покупателей дѣйствительно исполнялись скоро и аккуратно, надѣясь своею исправностью вызвать довѣріе со стороны гг. покупателей.

Условія на которыхъ книжная торговля для иногородныхъ исполняетъ заказы:

1) Гг. иногороднымъ покупателямъ книги высылаются обыкновенно не позже, какъ на третій день по полученіи заказа. Задержка въ исполненіи можетъ произойти лишь въ томъ случаѣ, если въ числѣ требуемыхъ книгъ встрѣятся такіе, которые, будучи изданы въ провинціи, не всегда и имѣются у здѣшнихъ книгопродавцевъ, или же когда выписываются книги въ переплетахъ. Что же касается требованій на учебныя пособия и классную мебель, то фирма наша будетъ исполнять заказы средствами петербургскихъ мастерскихъ, съ которыми вошла въ соглашеніе относительно срока исполненія заказовъ.

2) По требованіямъ частныхъ лицъ, неизвѣстныхъ фирмъ, заказы высылаются только на наличныя деньги. Выписывающіе книги или учебныя пособия вѣсомъ не менѣ пуда, могутъ высылать при требованіи приблизительно $\frac{1}{3}$ стоимости всего заказа, а остальныя деньги уплачиваютъ желѣзнодорожной или транспортной конторѣ при полученіи посылокъ.

3) По официальнымъ требованіямъ полковыхъ библиотекъ, земскихъ управъ, гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, а также и лицъ, извѣстныхъ фирмъ, заказы могутъ быть исполняемы безъ приложенія денегъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы уплата по счету была произведена немедленно по полученіи книгъ и счета.

4) Библиотекамъ, земскимъ управамъ, гимназіямъ и лицамъ, вошедшимъ въ постоянныя сношенія съ фирмою и выписывающимъ книги и учебныя пособия на значительныя суммы, можетъ быть сдѣлана уступка отъ 5 до 15⁰%, смотря по книгамъ и суммѣ заказа. При значительныхъ требованіяхъ на наличныя деньги, уступка на нѣкоторые общеупотребительныя учебники, можетъ быть увеличена.

Выписывающіе книги въ переплетахъ благоволятъ сообщать, въ какую цѣну они желаютъ имѣть переплетъ. Пересылка и упаковка на счетъ покупателей.

Примѣчаніе. Въ виду того, что пересылка заказовъ по почтѣ стоитъ гораздо дороже пересылки чрезъ транспортныя конторы, просимъ при требованіи заявлять, какимъ способомъ должна быть препровождена посылка.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ 1878 Г.

НА ЖУРНАЛЬ

СБОРНИКЪ

ИНТЕРЕСНѢЙШИХЪ

УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ

ВСѢХЪ СТРАНЪ

ПРЕЖНЯГО И НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

Годовое изданіе заключаетъ въ себѣ 24 выпуска, отъ 2 до 3 листовъ выпускъ. Срокъ выхода 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

Въ концѣ года подписчикамъ на Сборникъ будетъ выдана въ видѣ преміи книга, отъ 20 до 25 листовъ, вполне законченнаго уголовного процесса.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ достав.		Съ достав.	
Р. К.		пересылк.	
Р.		Р.	
На годъ въ С.-Петербургѣ	6 —	На годъ въ С.-Петербургѣ	6 50
На полгода.	3 —	На полгода.	3 30
На 3 мѣсяца.	2 —	На 3 мѣсяца.	2 20

Отдѣльный выпускъ 25 коп.

Служащіе могутъ подписаться чрезъ казначея, съ расрочкою по 50 к. въ мѣсяць.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ типографіи В. С. Балашева. Екатерин. кан. между Вознесен-и Маринск. мостами д. № 1—90. Въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, Невскій пр. противъ Гостиного двора № 46 и Черкесова.

Гл. иногородныхъ просятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ типографію В. С. Балашева.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ **В. Балашевъ.**

Объ изданіи въ 1879 году еженедѣльнаго журнала

„СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ“

Названіе журнала указываетъ уже цѣль его—служить сельскому населенію. Мы думаемъ, что это населеніе нуждается въ чтеніи, изъ котораго оно могло бы извлекать свѣдѣнія, полезныя въ его быту и непосредственно приложимыя къ жизни, пріобрѣтать по разнымъ отраслямъ наукъ познанія, необходимыя для болѣе полного уразумѣнія явленій природы, среди которой оно живетъ и, наконецъ, узнавать своевременно хотя о главнѣйшихъ событіяхъ внутренней и внѣшней жизни нашего отечества и сосѣднихъ государствъ. Затѣмъ, сельское населеніе, наравнѣ съ городскимъ, нуждается въ чтеніи, которое удовлетворяло бы его духовнымъ потребностямъ, то-есть потребностямъ ума, воображенія и сердца.

Сообразно такому взгляду на потребности сельскаго населенія, въ содержаніе журнала „СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ“ входятъ: правительственныя распоряженія; статьи духовнаго и нравственнаго содержанія; извѣстія о внутренней жизни Россіи; земская лѣтопись; статьи научныя по сельскому хозяйству, врачеванію и промысламъ; краткіе обзоры главнѣйшихъ текущихъ событій какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ; извѣстія о новыхъ полезныхъ книгахъ различнаго содержанія, о новыхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ и проч. Понятно, что въ каждомъ номерѣ не можетъ быть статей по всѣмъ указаннымъ предметамъ, — перечень этотъ выражаетъ лишь общее содержаніе журнала. Въ каждомъ отдѣльномъ номерѣ бываетъ одна статья по какому-либо вопросу внутренней жизни, одна или двѣ статьи техническія, иногда статья религіознаго содержанія, затѣмъ извѣстія внутреннія, политическое обозрѣніе, политическія, или историко-политическія статьи. Въ такомъ своемъ видѣ, выработанномъ по указаніямъ опыта „СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ“, сообщая каждую недѣлю всѣ важнѣйшія извѣстія, можетъ замѣнить сельскому жителю газету и доставить ему много полезныхъ свѣдѣній, приложимыхъ къ практической жизни.

Мы приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы внѣшность „СЕЛЬСКАГО ЧТЕНІЯ“ была вполне изящная въ отношеніи бумаги, печати и рисунковъ къ научнымъ статьямъ.

„СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ“ выходитъ каждую недѣлю, кромѣ праздниковъ Рождества Христова и Св. Пасхи, такъ что въ теченіи года выйдеть 48 нумеровъ; каждый нумеръ будетъ состоять изъ 16-ти страницъ въ два столбца.

Считаемъ долгомъ присовокупить, что ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ наше изданіе, одобрилъ „СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ“ для библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

Подписная цѣна на „Сельское Чтеніе“.

	На годъ:	На $\frac{1}{2}$ года:	На 3 мѣсяца:
Безъ пересылки:	. 3 руб.	2 руб.	1 руб. 25 к.
Съ пересылкою:	. 4 „	2 „ 50 к.	1 руб. 50 „

Отдѣльные нумера „СЕЛЬСКАГО ЧТЕНІЯ“ продаются по 10 к. и высылаются по почтѣ, если при требованіи приложены почтовые марки на 16 коп.

ПОДПИСКА НА „СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ“ ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ: Въ книжномъ магазинѣ „Русская книжная торговля: Невскій, противъ гостиннаго двора, домъ № 42.

Въ Москвѣ: Въ книжномъ магазинѣ И. И. Смирнова, Моховая, въ зданіи университета.

Въ Вильнѣ: Въ конторѣ „СЕЛЬСКАГО ЧТЕНІЯ“.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ Вильну, надписывая свои письма: въ Вильну, Сергѣю Андреевичу Полю.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

- Petrels** L. Mueller.
Vergilliana Ioannes Luniak.
Харонъ или наблюдатели В. Л.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

- Исторія среднихъ учебныхъ заведеній
въ Россіи (Окончаніе)** Е. Шмида.

Редакторъ Е. Θεокτισтовъ.

(Вышла 1-го ноября.)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналь Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СС.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами. д. № 90-1.

1878.

СО ДЕРЖА НІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Догодки касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ Ф. БРУНА.

По поводу Трояна и Бояна „Слова о полку Игоревѣ“ В. Θ. МИЛЛЕРА.

Святой Георгій и Егорій Храбрый А. И. КИРПИЧНИКОВА.

Шлавтъ и его значеніе въ университетскомъ преподаваніи В. И. МОДЕСТОВА.

Ш. М. Строевъ П. МОРАВЕКА.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка В. МАКУШЕВА.

Устройство учебной части въ начальномъ училищѣ при учительской семинаріи. А. БАРАНОВА.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1877 году.

Открытіе учительскаго института въ Оренбургѣ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) институты; б) низшія училища.

Письмо изъ Парижа Л. Л—РА.

Князь П. А. Вяземскій. (Некрологъ.)

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СС.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами. д. № 90 1.

1878

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

8. (4-го октября 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе представленныхъ государственною крестьянкою Воронежской губерніи города Бирюча, Александрю Лимареву директору Красноуфимскаго реальнаго училища десяти пятипроцентныхъ билетовъ восточнаго займа по 100 руб. каждый, и на учрежденіе на проценты съ этихъ денегъ при названномъ реальномъ училищѣ одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія Красноуфимскаго 2-й гильдіи купца Василя Никитича Котларова“.

При этомъ Высочайше повелѣно благодарить жертвовательницу.

9. (4-го октября 1878 года). Объ учрежденіи стипендій при Череповской Маріинской женской гимназіи.

Череповская городская дума, въ засѣданіи 22-го января сего года, постановила ходатайствовать объ учрежденіи при Череповской Маріинской женской гимназіи четырехъ стипендій, имени „министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго“, и на предметъ обезпеченія означенныхъ стипендій, состоящихъ въ уплатѣ

за обученіе въ гимназіи четырехъ ученицъ, дуемою представлено начальству гимназіи восемь облигацій перваго восточнаго займа, по 100 руб. каждая.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе изложеннаго ходатайства Череповской городской думы.

10. (17-го октября 1878 года). Объ учрежденіи стипендій при Костромской и Ярославской мужскихъ гимназіяхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе отказанныхъ, по духовному завѣщанію, вдовою статскаго совѣтника Марією Федотовною Макиною 3000 р. для Костромской и 3000 р. для Ярославской мужскихъ гимназій и на учрежденіе, на проценты съ этихъ капиталовъ, при упомянутыхъ гимназіяхъ по одной стипендіи, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина“.

11. (17-го октября 1878 года). Объ учрежденіи стипендій при Нерехтскомъ городскомъ (бывшемъ уѣздномъ) училищѣ.

Вдова статскаго совѣтника Марія Макина, по духовному завѣщанію, отказала капиталъ въ 2,500 руб., заключающійся въ пятипроцентныхъ банковыхъ билетахъ и въ пятипроцентныхъ же облигаціяхъ С.-Петербургскаго городского кредитнаго общества, на предметъ учрежденія, на проценты съ этого капитала, пяти стипендій, имени покойнаго ея мужа, статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, при Нерехтскомъ городскомъ (бывшемъ уѣздномъ) училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ пяти стипендій.

12. (16-го октября 1878 года). Объ учрежденіи реального училища въ гор. Моршанскѣ.

Его Императорское величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи шестикласснаго реального училища въ городѣ Моршанскѣ, Тамбовской губерніи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, по разсмотрѣніи представленія министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи шестикласснаго реального училища въ городѣ Моршанскѣ, Тамбовской губерніи, принявъ во вниманіе значительность пожертвованій, предлагаемыхъ мѣстными обществами и учреждениями на содержаніе сего училища и не встрѣтивъ по этому препятствія въ принятію недостающей на сей предметъ суммы на счетъ казны, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить въ городѣ Моршанскѣ, съ 1-го іюля 1879 г., шестиклассное реальное училище съ основнымъ отдѣленіемъ, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1872 г. устава и штата реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) На содержаніе означеннаго училища отпускать изъ государственнаго казначейства, съ того же срока, по двадцати одной тысячѣ шестисотъ руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы жертвуемые на сіе училище мѣстными губерскимъ и уѣздными земствами, городскимъ обществомъ, обществомъ взаимнаго кредита и городскимъ общественнымъ банкомъ по шестнадцати тысячѣ восьмисотъ руб. въ годъ, вносились въ мѣстное казначейство и зачислялись въ государственные доходы по подлежащимъ подраздѣленіямъ смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

3) Могушіе быть отъ штатныхъ суммъ Моршанскаго реального училища остатки раздѣлять на двѣ части, одну, соответствующую ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи восполняющихъ обществъ и учреждений, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

13. (24-го октября 1878 года). О присвоеніи Демидовскому юридическому лицѣю права выдавать студентамъ сего лица медали за отличныя сочиненія на предлагаемыя ежегодно темы.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ на при-

своеіе Демидовскому юридическому лицѣю въ Ярославлѣ права выдавать студентамъ сего лицѣя, за отличныя сочиненія на темы, предлагаемыя ежегодно совѣтомъ, золотыя и серебряныя медали, по тому рисунку, какой установленъ для награжденія студентовъ университетовъ.

14. (28-го октября 1878 года). Объ учрежденіи преміи при 1-й Дерптской учительской семинаріи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія Всемилостивѣйше соизволилъ: на учрежденіе при 1-й Дерптской учительской семинаріи преміи для одного изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ воспитанниковъ этой семинаріи, евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, по возможности, сына учителя, на счетъ капитала, въ 100 рублей, пожертвованнаго для сего учителемъ Рижскаго казеннаго начальнаго училища І. Фроммомъ, съ наименованіемъ сей преміи „премія Фромма“. Въмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть „благодарить жертвователя“.

15. (28-го октября 1878 года). Объ учрежденіи при Нерехтскомъ приходскомъ училищѣ, Костромской губерніи, пяти стипендій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Всемилостивѣйше соизволилъ: на учрежденіе при Нерехтскомъ приходскомъ училищѣ, Костромской губерніи, пяти стипендій имени „статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина“; для дѣтей крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ людей его, Макина, а за неимѣніемъ таковыхъ для дѣтей изъ сиротъ бѣднѣйшихъ мѣстныхъ городскихъ обывателей, обучающихся въ этомъ училищѣ, на счетъ процентовъ съ капитала, въ 2,000 рублей, пожертвованнаго вдовою Макиною.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

19-го сентября 1878 года (№ 10). Назначается: директоръ Новгородской гимназіи Аничковъ—окружнымъ инспекторомъ С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Утверждается: почетный гражданинъ, Елабужскій первой гильдіи купецъ Стахѣвъ—почетнымъ попечителемъ Елабужскаго реальнаго училища, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: лаборанту физиологической лабораторіи Императорской Академіи наукъ, коллежскому секретарю Великому — на два мѣсяца.

Магистру Императорскаго Дерптскаго университета Кизерицкому — на одинъ годъ.

Командируется за границу: помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Ивановъ — на три мѣсяца.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго Варшавскаго университета Тачановскій — на два мѣсяца.

Исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета Ламанскій — на одиннадцать мѣсяцевъ.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета графъ Комаровскій — на одинъ годъ, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяць.

4-го октября 1878 года (№ 11), Утверждается на три года: титулярный совѣтникъ Одинцовъ — вновь почетнымъ попечителемъ Красноуфимскаго реальнаго училища, съ 12-го августа 1878 года.

Командируется за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Андреевскій — на десять мѣсяцевъ.

Увольняется въ отпускъ за границу: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вельямновъ-Зерновъ — по 1-е мая 1879 года, по болѣзни.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

3. (28-го сентября 1877 года). Положеніе о стипендіи „вдовы генераль-маіора Надежды Михайловны Коровкиной“ при Воронежской губернской гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) На пожертвованные вдовою генераль-маіора Надеждою Михайловною Коровкиною 5,000 руб., въ 5% билетъ государственнаго банка за № 942, на предъявителя, учреждается, съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 19-го сентября 1878 г., при Воронежской губернской гимназій одна стипендія.

2) Означенной стипендіи присвоается наименование: „стипендія вдовы генераль-маіора Надежды Михайловны Коровкиной“.

3) Упомянутый билетъ причисляется къ специальнымъ средствамъ Воронежской гимназій (отд. IV) и проценты съ него употребляются на содержаніе въ пансіонѣ Воронежской гимназій стипендіата Коровкиной, изъ дворянъ Воронежской губерніи, сироты при матери, или круглаго сироты.

4) Право выбора стипендіата принадлежитъ вдовѣ генераль-маіора Коровкиной, по смерти ея, переходитъ къ дочери ея, женѣ маіора, Маріи Арсеньевнѣ Охотниковой, по смерти же послѣдней — къ Землянскому уѣздному предводителю дворянства, по соглашенію съ ближайшимъ начальствомъ Воронежской гимназій.

5) За безуслѣшность въ наукахъ и недобрительное поведеніе стипендіатъ можетъ быть лишень стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта Воронежской гимназій и по соглашенію онаго съ лицомъ, которому, по п. 4, принадлежитъ право избранія стипендіата.

6) Стипендіатъ, оставшійся на другой годъ въ томъ же классѣ, можетъ сохранить стипендію только по особо уважительнымъ причинамъ, каждый разъ по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназій.

7) Стипендіату, окончившему съ успѣхомъ курсъ наукъ въ гимназій и желающему поступить въ высшее учебное заведеніе, могутъ быть выданы, въ видѣ пособія, тѣ стипендіальныя деньги, которыя останутся неизрасходованными по какимъ-либо причинамъ.

4. (12-го октября 1878 года). Положеніе о стипендіи имени Красноуфимскаго 2-й гильдіи купца Василія Никитича Котлярова при Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) На проценты съ пожертвованнаго государственною крестьянкою Александрою Никитиною Лимаревой капитала въ одну тысячу руб.,

закрывающагося въ десяти билетахъ восточнаго займа, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 4-го октября 1878 г., при Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ стипендія.

2) Означенный капиталъ, въ 1,000 руб., составляя неприкосновенную собственность Красноуфимскаго реального училища, хранится вмѣстѣ съ специальными средствами этого училища въ Красноуфимскомъ уѣздномъ казначействѣ.

3) Стипендія эта именуется „стипендіею Красноуфимскаго 2-й гильдіи купца Василя Никитича Котлярова“.

4) Стипендія назначается на взносъ платы за ученіе недостаточнаго ученика и на покупку учебныхъ пособій.

5) Выборъ стипендіата, отличающагося успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ, предоставляется педагогическому совѣту Красноуфимскаго реального училища.

6) Въ случаѣ закрытія Красноуфимскаго реального училища, капиталъ этотъ передается, для той же цѣли, въ другое средне-учебное заведеніе Пермской губерніи, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

5. (4-го ноября 1878 года). Положеніе о преміи учителя Рижскаго казеннаго начальнаго училища І. Фромма, учрежденной при 1-й Дерптской учительской семинаріи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала 100 руб., пожертвованнаго учителемъ Рижскаго казеннаго начальнаго училища І. Фроммомъ, по случаю празднованія 6-го августа 1878 года 50-лѣтней годовщины существованія 1-й Дерптской учительской семинаріи и въ выраженіе признательности за полученное имъ образованіе въ этой семинаріи, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 28-го октября 1878 года, при названной семинаріи премія Фромма, по фамиліи жертвователя.

2) Проценты съ означеннаго капитала до 1928 года, то-есть, до 100-лѣтней годовщины существованія семинаріи, присоединяются къ основной суммѣ, для увеличенія оной.

3) Съ 1928 года проценты со всего капитала выдаются ежегодно въ день тезоименитства въ Божѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича, въ видѣ преміи, бѣднѣйшему и достойнѣйшему вос-

питаннику семинаріи, евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, по возможности сыну учителя.

4) Право избранія воспитанника и назначенія ему преміи принадлежитъ педагогическому совѣту семинаріи.

5) Означенный въ пунктѣ 1 капиталъ въ 100 руб., съ наросшими процентами до 1928 года, составляя неприкосновенную собственность 1-й Дерптской учительской семинаріи, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ семинаріи и на обязанность педагогическаго совѣта оной возлагается, чтобы сей капиталъ былъ своевременно обмѣниваемъ на выгодныя правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

6. (4-го ноября 1878 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, учрежденныхъ при Нерехтскомъ приходскомъ училищѣ, Костромской губерніи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго въ 28 день октября 1878 г., при Нерехтскомъ приходскомъ училищѣ, Костромской губерніи, учреждаются пять стипендій, съ наименованіемъ „стипендіи статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина“.

2) Означенныя стипендіи обезпечиваются процентами съ отказаннаго по духовному завѣщанію вдовой статскаго совѣтника Марією Макиной, въ память покойнаго ея мужа, статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, капитала, заключающагося въ государственныхъ пятипроцентныхъ банковыхъ билетахъ по номинальной ихъ стоимости, на сумму 2000 рублей.

3) Стипендіаты избираются завѣдывающимъ училищемъ, съ согласія инспектора народныхъ училищъ, преимущественно изъ учениковъ дѣтей крестьянъ бывшихъ крѣпостныхъ людей покойнаго статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, а за неимѣніемъ таковыхъ крестьянскихъ дѣтей, — изъ сиротъ бѣднѣйшихъ мѣстныхъ городскихъ обывателей. Выборъ представляется на утвержденіе попечителя Московскаго учебнаго округа.

4) Стипендіи расходуются на плату за ученіе, на книги, бумагу и другія нужды стипендіатовъ въ учебномъ и матеріальномъ отношеніи.

5) Стипендіаты за неуспѣшность въ ученіи, зависящую не отъ болѣзни или другихъ вполнѣ уважительныхъ причинъ, или за неодобрительное поведеніе, засвидѣтельствованное преподавателями училища: законоучителемъ и учителемъ, по опредѣленію завѣдывающаго училищемъ, съ согласія инспектора народныхъ училищъ и съ утвержденія попечителя учебнаго округа, лишаются стипендіи.

6) Стипендіату, оставшемуся на другой годъ въ томъ же отдѣленіи, только по особо уважительнымъ причинамъ, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, можетъ быть сохранена стипендія.

7) Въ случаѣ состоянія стипендій вакантными, по неимѣнію достойныхъ кандидатовъ, или по другимъ причинамъ, проценты съ основнаго капитала не расходуются ни на какой другой предметъ, а причисляются къ основному капиталу для усиленія размѣра стипендій.

8) Капиталь билетовъ составляетъ неприкосновенную собственность Нерехтскаго приходскаго училища и хранится въ уѣздномъ казначействѣ. Проценты съ онаго ежегодно употребляются на выдачу стипендій.

9) Билеты, по истеченіи срока, или по выходѣ въ тиражъ, замѣняются новыми государственными процентными бумагами, какія въ то время будутъ признаны управленіемъ Московскаго учебнаго округа болѣе выгодными.

10) Въ случаѣ преобразованія Нерехтскаго приходскаго училища въ училище другаго какого-либо рода, или сліянія его съ городскимъ, по положенію 1872 года, какъ капиталъ, такъ и стипендіи должны быть переведены въ преобразуемое училище или въ городское.

11) При увеличеніи расходовъ стипендіальной суммы въ преобразуемомъ училищѣ число стипендій можетъ быть уменьшено.

7. (4-го ноября 1878 г.). Правила для стипендій имени Императора Александра 1-го при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Пензенское губернское земское собраніе, въ ознаменованіе торжественнаго дня столѣтней годовщины со дня рожденія Императора Александра 1-го, въ царствованіе котораго возстановлена Пензенская губернія, пожертвовало Харьковскому университету капиталъ въ 5,000 руб., въ 5% билетахъ, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала при Харьковскомъ университетѣ стипендіи въ 250 р.

§ 2. Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го мая сего года, именуется „спендіею имени Императора Александра 1-го“.

§ 3. Стипендія эта предоставляется студенту, отличающемуся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ, по выбору Пензенскаго губернскаго земскаго собранія, окончившему курсъ въ Пензенской гимназій, преимущественно изъ дѣтей убитыхъ въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, изъ уроженцевъ Пензенской губерніи.

§ 4. Могущіе образоваться по какой-либо причинѣ остатки отъ суммы, опредѣленной на годовое содержаніе стипендіата, причисляются къ основному капиталу.

8. (4-го ноября 1878 года). Правила о стипендіяхъ имени Ѳаддѣя Сергѣевича Романова при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Умершій поручикъ Ѳаддѣй Сергѣевичъ Романовъ, по духовному завѣщанію, пожертвовалъ Харьковскому университету капиталъ въ 10,000 руб. обращенный въ 5% билеты, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала при Харьковскомъ университетѣ двухъ стипендій его имени, по 250 руб. каждая.

§ 2. Стипендіи эти, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 22-го августа (3-го сентября) 1877 года, именуются „спендіями Ѳаддѣя Сергѣевича Романова“.

§ 3. Стипендіи эти предоставляются студентамъ медицинскаго факультета, отличающимся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ, преимущественно изъ дворянъ Ахтырскаго уѣзда, а за неимѣніемъ таковыхъ,—дворянамъ другихъ уѣздовъ Харьковской губерніи.

§ 4. Назначеніе стипендіатовъ предоставляется наслѣдникамъ г. Романова, или предводителю дворянства Ахтырскаго уѣзда.

§ 5. Могущіе образоваться по какой-либо причинѣ остатки отъ суммы, опредѣленной на годовое содержаніе стипендіатовъ, причисляются къ основному капиталу.

9. (2-го ноября 1878 года). Дополнительное объясненіе къ „Примѣрному списку стихотвореній, предлагаемыхъ для заучиванія ученикамъ приготовительнаго и низшихъ четырехъ классовъ“, помѣщенному въ утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія

8-го іюня 1877 г. „Учебныхъ планахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія“, на стр. 42—44.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) № 40. „Уединеніе“ Пушкина. Одна изъ двухъ піесъ того же названія, которая помѣщена въ изданіи Анненкова (т. II, стр. 258), отъ стиха: „Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ“, и до стиха: „Въ душевной зрѣютъ глубинѣ“ (включительно).

2) № 41. „Осень“ (первыя двѣ строфы), Пушкина. Прибавить: первыя двѣ строфы, по Христоматіи Галахова, гдѣ стихотвореніе помѣщено не волюнѣ; по изданію же сочиненій Пушкина Анненковымъ или Исаковымъ это будутъ строфы 1-ая и 7-я.

3) № 50. „Осень и зима“ Пушкина. Описаніе это заимствовано Христоматіей Галахова изъ Евгенія Онѣгина (глава IV, строфы 40, 41 и 42). Отдѣльнаго стихотворенія съ такимъ заглавіемъ у Пушкина нѣтъ.

4) № 51. „Наступленіе зимы“ Пушкина. Также изъ Онѣгина (гл. VII, строфы 29 и 30).

5) № 52. „Зима“ Пушкина. Изъ Онѣгина (гл. 5, строфы 1-я и 2-я).

6) № 54. „Наступленіе весны“ Пушкина, Изъ Онѣгина (гл. VII, строфа 1).

7). № 65. „Монологъ Іоанны д'Аркъ“ (изъ „Орлеанской Дѣвы“). Этотъ монологъ, открывающій четвертое дѣйствіе драмы, образуетъ цѣлое явленіе и занимаетъ въ изданіи сочиненій Жуковскаго четыре страницы. Понятно, что въ цѣлости онъ не можетъ и не долженъ быть заучиваемъ. Достаточно выучить первые шестнадцать стиховъ (отъ стиха: „Молчить гроза военной непогоды“, до стиха: „Вся Франція въ собраніи у трона“—включительно). Или же, въ замѣнъ его, рекомендуется другой монологъ Іоанны, изъ „Пролога“, начиная съ стиха: „Простите вы, холмы, поля родныя“ и до самаго конца.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эр-

гардтъ—вновь деканомъ медицинскаго факультета сего университета на три года, съ 17-го сентября 1878 года.

Директоръ Мозырской прогимназіи, статскій совѣтникъ Носовичъ—директоромъ Слуцкой гимназіи, съ 29-го августа 1878 года.

Старшій учитель Гольдингенской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Бютнеръ—директоромъ сей гимназіи, съ 1-го сентября 1878 года.

Учитель Витебской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Фелицынъ—директоромъ Мозырской прогимназіи, съ 29-го августа 1878 года.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Айвазовскій—почетнымъ попечителемъ Θεодосійской прогимназіи, на три года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: инспекторъ классовъ и членъ совѣта Оренбургскаго Николаевскаго института воспитанія дѣвицъ, коллежскій совѣтникъ Балдинъ, съ утвержденіемъ директоромъ Алексѣевскаго Екатеринбургскаго реальнаго училища, съ 28-го августа 1878 года.

Оставляются на службѣ: на одинъ годъ: директоръ Витебской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шефлеръ, съ 10-го августа 1878 года.

На пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Масловскій, съ 18-го іюня 1878 года.

Директоръ Кронштадтскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Коленко, съ 1-го іюля 1878 года.

Директоръ Николаевской Царскосельской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пискаревъ, съ 29-го іюля 1878 года.

Окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михайловъ, съ 1-го августа 1878 года.

Инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ Чечеть, съ 15-го августа 1878 года.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Голстунскій, съ 31-го августа 1878 года.

Ординарные профессора Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительные статскіе совѣтники: Мерингъ и Эргардтъ, первый съ 1-го сентября, а второй съ 17-го сентября 1878 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: на двадцать дней:

ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Струве, по болѣзни.

На двадцать одинъ день: законоучителю римско-католическаго исповѣданія Ленчицкой учительской семинаріи, священнику Качинскому и преподавательницѣ Радсмской женской гимназіи Зомбковской, обоимъ по болѣзни.

На двадцать восемь дней: управляющему Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера Ляхницкому, по болѣзни.

До 1-го октября 1878 года: учителю Костромской гимназіи Блюсу, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ за границу: на четырнадцать дней: директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Сентъ-Илеръ и экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, надворный совѣтникъ Блюмбергъ.

На двадцать дней: учитель С.-Петербургской третьей прогимназіи Виберъ.

На двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, статскій совѣтникъ Алексѣевъ и хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго Московскаго университета Зографъ.

На три мѣсяца: хранитель геологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета Романовскій и лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета Казанцевъ; послѣдній по болѣзни.

Увольняются, согласно прошеніямъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Рѣдкинъ—отъ занимаемой имъ должности по сему университету, съ 16-го сентября 1878 года.

Наставникъ-руководитель гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, статскій совѣтникъ Шиховскій—отъ настоящей должности, съ 1-го сентября 1878 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: попечительницѣ Черняховскаго, Полтавскаго уѣзда, однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія Бабаниной и поручику Бабанину—за пожертвованія ихъ въ пользу этого училища.

Исключаются изъ списковъ умершіе: директоръ Кіевской второй мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Кустовъ и адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Астенъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:—книгу: „Элементарный курсъ зоологіи. Сост. К. Сентъ-Илеръ. Изд. 8. Спб. 1878 г.“—включить въ число пособій для реальныхъ училищъ и рекомендовать для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, городскихъ и сельскихъ училищъ, а также для ученическихъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій.

— Изданіе Ильина: 1) „Физическая карта Европейской Россіи и 2) Азиатская Россія“ одобрить въ видѣ пособія при преподаваніи русской географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ и городскихъ училищахъ.

— Книгу: „Русская хрестоматія съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. А. Филоновъ. Часть II. Изд. 4-е исправленное. Спб. 1878 г. Цѣна 1 руб. 25 к.— одобрить какъ учебное пособие при преподаваніи словесности для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Курсъ химической технологіи. Сост. примѣнительно къ программѣ, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ Ф. Лесгафтъ. Съ 184 полиטיפажами въ текстѣ. Спб. 1877 г.“—рекомендовать въ видѣ пособія для преподаванія этого предмета въ реальныхъ училищахъ.

— Книгу „Сборникъ статей изъ новѣйшей технической литературы Франціи. Хрестоматія для специальныхъ техническихъ заведеній, съ словаремъ и 32 полиטיפажами въ текстѣ. Изданіе для Россіи. В. Кутузова, Гейдельбергъ. 1878 года“— одобрить въ качествѣ пособія при изученіи французскаго языка въ старшихъ классахъ реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Русская хрестоматія для 3 и 4 классовъ среднеучебныхъ заведеній. Сост. Аркадій Соснецкій, преподаватель Николаевскаго института. Москва. 1878 г. Цѣна 1 руб.“—одобрить какъ учебное пособие по русскому языку въ 3 и 4 классахъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Указатель ко всѣмъ учебнымъ изданіямъ и переводамъ по классическимъ (греческому и латинскому) языкамъ съ начала

книгопечатанія до 1877 г. включительно. Перепечатанъ съ исправленіями и дополненіями изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1877 г. Сост. преподавателемъ IV гимназіи, училища св. Петра и Павла и II военной гимназіи Василиемъ Лебедевымъ. Москва 1878 г. Цѣна 75 коп.—одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданія: 1) Краткій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта. Для народныхъ училищъ и первыхъ классовъ гимназій составленъ Н. Штраухомъ. Спб. 1878 г. Цѣна 60 коп. — одобрить къ употребленію въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

2) Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для употребленія въ школъ и дома, составленный по атласу доктора Аммора и употребительнѣйшимъ руководствамъ Смирнова, Лебедева и др. Н. Штраухомъ. Спб. 1878 г. Цѣна 1 р.—одобрить къ употребленію въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и въ учительскихъ институтахъ.

3) Природа и охота. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ. Спб. 1878 г. Январь—іюль. Подписная цѣна за годъ 12 руб. Редакторъ-издатель Л. П. Сабанѣвъ, — признать вполне заслуживающимъ допущенія къ приобрѣтенію въ фундаментальныя бібліотеки гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книги подъ заглавіями: а) „Элементарная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Я. Блюмбергъ. Спб. 1878 г. Цѣна 1 р. 25 в.“—допустить въ число учебныхъ пособій для женскихъ гимназій, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій.

2) „Сборникъ ариметическихъ задачъ, преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Сост. А. Арбузовъ, А. Мининъ, В. Мининъ, Д. Назаровъ преподаватели Московскихъ гимназій. Изд. 2 Москва 1878 г. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для употребленія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ.

3) „Сборникъ алгебраическихъ задачъ, преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Сост. А. Арбузовъ, А. Мининъ, В. Мининъ и Д. Назаровъ, преподаватели Московскихъ гимназій.

Москва 1878 г. Цѣна 50 коп.“ — допустить въ число учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Одиссея Гомера съ примѣчаніями Е. Шмида. Выпускъ 11. Пѣсни IV—VI. С.-Пб. 1878 г.“ — рекомендовать въ видѣ учебнаго пособия по греческому языку въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, со многими полиטיפажами въ текстѣ и налитографированной таблицей. Шестое изданіе, исправленное и дополненное. Въ двухъ отдѣлахъ. Составилъ К. Краевичъ. С.-Пб. 1878 г. Ц. за оба отдѣла 2 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 3 руб., въсовыхъ за 3 фун.“ — одобрить въ видѣ учебнаго руководства для гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Дополнительныя статьи алгебры. Курсъ VII (дополнительнаго) класса реальныхъ училищъ. Сост. Я. Блюмбергъ. С.-Пб. 1878 г. Ц. 75 коп.“ — допустить въ число учебныхъ пособій для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Neros brevior. Руководство для употребленія въ III классѣ гимназій. А. М. Прага. 1878 г.“ — одобрить какъ учебное пособие по латинскому языку для III класса гимназій и прогимназій.

— „Географическіе очерки и картины. Т. I. Очерки и картины Поволжья. Сост. А. Овсянниковъ. С.-Пб. 1878 г. Ц. 2 руб.“ — одобрить для основныхъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для ученическихъ библиотекъ высшихъ классовъ мужскихъ гимназій.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства, народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книгу: „Начальныя систематическія упражненія въ списываніи и диктовкѣ, съ необходимыми правилами правописанія безъ пособія грамматики. Сост. А. Семеновъ. Изд. 2-е безъ перемѣн. С.-Пб. 1872 г. Ц. 15 коп.“ — одобрить какъ пособие въ начальныхъ город-

скихъ и сельскихъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ гимназій и прогимназій.

— Составленную В. Водовозовымъ книгу: „Русская азбука для дѣтей, изд. 3-е. Ц. 30 коп.“ — одобрить и въ 3-мъ изданіи.

— Составленную А. Фролковымъ книгу: „Первый шагъ. Пособіе при обученіи грамотѣ и первая книга для чтенія въ народной школѣ“. Москва. 1878 г. Ц. 15 коп. — допустить какъ учебникъ въ начальныя училища министерства народнаго просвѣщенія.

— Составленную И. Полкановымъ и В. Васильковой книгу: „Лучи. Книга для класснаго чтенія и упражненій при изученіи русскаго языка въ городскихъ приходскихъ и сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ. Казань. 1877 г. Ц. 70 коп.“ — допустить, въ ея исправленномъ видѣ, для библиотекъ высшихъ училищъ.

— Книгу „Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Сост. Н. Щербина. Изд. 6-е. 1878 г. Ц. 1 руб. 50 коп. въ текствѣ“ — одобрить къ употребленію въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищахъ, въ видѣ учебнаго пособия, а также рекомендовать для раздачи ученикамъ городскихъ, уѣздныхъ и начальныхъ народныхъ училищъ, и ученицамъ женскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Руководство къ обученію письму для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ образцовъ письма на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и греческомъ языкахъ. Сост. согласно указаніямъ министерства народнаго просвѣщенія А. Павловъ, преподаватель Московскаго учительскаго института и Московской 6-й гимназій. Москва. 1878 г. Ц. 85 коп.“ — допустить къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, въ 14-й день октября текущаго года, Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе министромъ народнаго просвѣщенія дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Толстымъ, присужденнаго ему французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, духовныхъ дѣлъ и искусствъ званія officier de l'Instruction

Publique de France и на ношеніе знака отличія, присвоеннаго этому званію.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 17-й день текущаго октября, Высочайше соизволилъ на постановку въ Рыбинской женской начальной школѣ, Ярославской губерніи, портрета въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Екатерины II.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 28-й день минувшаго октября, Высочайше соизволилъ: какъ на присвоеніе одноклассному начальному народному училищу министерства народнаго просвѣщенія въ с. Омфорѣ, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, наименованія по фамиліи жертвователя въ пользу сего училища „училищемъ Махры“, такъ и на постановку въ немъ портрета учредителя С.-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Махры. Выбѣтъ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть: „благодарить“ жертвователя.

— По донсенію управляющаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, 27-го минувшаго сентября, въ 1 ч. по полудни, Ястребинское двухклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, Ямбургскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, удостоили посѣтить Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Первымъ Ихъ посѣщеніемъ былъ II классъ, гдѣ Ихъ Императорскія Высочества разсматривали работы учениковъ 2-го отдѣленія: письменныя упражненія, черченіе геометрическихъ тѣлъ и географическихъ картъ. На отдѣлку и чистоту послѣднихъ обратилъ особенное вниманіе Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ; потомъ отправились въ 1-й классъ, а затѣмъ въ квартиру учителя того же училища Семенова, гдѣ разспрашивали его о предметахъ, которые проходятся въ училищѣ, о началѣ занятій и о исправномъ посѣщеніи учениками классовъ. Послѣ этого Ихъ Высочествамъ угодно было осмотрѣть спальни учениковъ и бабмачно-сапожную мастерскую, въ которой Имъ были показаны башмаки, сдѣланныя самими учениками. Оттуда снова посѣтили 2-й классъ, гдѣ ученики пропѣли гимнъ „Боже Царя храни“. Въ часъ и три четверти Ихъ Императорскія Высочества оставили училище.

— Его сіятельство г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть при Костромскомъ 5-ти классномъ

реальномъ училищѣ, съ 1878—1879 учебнаго года, первый классъ и затѣмъ преобразовать это училище въ 6-ти классное, на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1872 года устава и штатовъ реальныхъ училищъ, съ отнесеніемъ дополнительнаго расхода, необходимаго на содержаніе сего училища, по случаю означеннаго преобразованія его, на сумму сбора за ученіе во вновь открываемомъ классѣ, съ добавкою изъ средствъ городского общества.

— Его сіятельство г. управлявшій министерствомъ разрѣшилъ Рыбинскую мужскую 4-хъ классную прогимназію преобразовать съ наступившаго 1878 — 1879 учебнаго года въ 6-ти классную, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по содержанію прогимназіи на средства городского общества.

— Его сіятельство г. управлявшій министерствомъ разрѣшилъ взимать за ученіе въ Екатеринбургскомъ реальномъ училищѣ, съ наступившаго 1878 — 1879 учебнаго года, съ учениковъ, родители которыхъ принадлежать къ Пермской губерніи, по сорока руб., а съ прочихъ — по пятидесяти руб. въ годъ.

— Его сіятельство г. управлявшій министерствомъ разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ Елабужскомъ реальномъ училищѣ, съ начала 1878 — 1879 учебнаго года, по двадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

Открытіе училищъ.

22-го минувшаго сентября открыта въ г. Духовницѣ, Смоленской губерніи, трехклассная женская прогимназія съ приготовительнымъ при ней классомъ и въ день открытія принято въ приготовительный классъ—23, въ 1-й классъ—21 и во 2-й—9, а всего 53 ученицы.

— 30-го сентября текущаго года открыто въ г. Торжкѣ трехклассное городское училище и въ день открытія принято въ оное 104 ученика; въ томъ числѣ въ 1-й классъ 59 и во II-й—45.

— 24-го сентября текущаго года открыто въ г. Переславлѣ, Владимирской губерніи, трехклассное городское училище и въ день открытія принято въ оное 62 ученика.

— 20-го августа 1878 года открыты въ г. Сердобскѣ (Саратовской губ.) и 30-го того же августа въ г. Слободскомъ (Вятской губ.) двухклассныя городскія по положенію 31-го мая 1872 г. училища, при чемъ учащихся поступило въ Сердобское 107 и въ Слободское 97.

— 11-го истекшаго октября открыто въ г. Ельнѣ, Смоленской губерніи, двухклассное городское училище и въ день открытія принято въ училище 86 учениковъ, распределенныхъ по отдѣленіямъ 1-го класса такъ: въ I отдѣленіи 42, во II—24 и въ III—20 учениковъ.

— Открыты слѣдующія начальныя училища министерства народнаго просвѣщенія: 1) 1-го минувшаго сентября, Волоколамское училище, Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи, въ двухклассномъ составѣ. Учащихся въ оное поступило: въ 1-й классъ 45, въ томъ числѣ 7 дѣвочекъ, а во 2-й классъ 10 мальчиковъ въ младшее отдѣленіе. 2) 17-го минувшаго сентября въ с. Ряховѣ, Ковровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, двухклассное училище. Въ день открытія сего училища принято въ оное 65 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ. 3) 3-го минувшаго сентября въ с. Ольхи, Южновскаго уѣзда, Смоленской губерніи, одноклассное училище. Въ день открытія принято въ училище 21 мальчикъ и 2 дѣвочки.

— 24-го минувшаго сентября послѣдовало открытіе двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Краснополкѣ, Уманскаго уѣзда, Кіевской губерніи, на собственныя средства крестьянъ Помойницкой волости.

— Открыты слѣдующія двухклассныя начальныя училища министерства народнаго просвѣщенія: 1) 5-го октября Никольское училище, Шлиссельбургскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, преобразованное изъ однокласснаго. Въ день открытія училища въ немъ было 94 учащихся, въ томъ числѣ 52 мальчика и 42, дѣвочки и 2) 8-го октября училище въ с. Рамешкахъ, Вѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи, при 60 учащихся ученикахъ.

— 1-го текущаго октября послѣдовало открытіе однокласснаго инородческаго для Чувашъ начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Сихтернѣ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи. При открытіи сего училища поступило учащихся: 18 мальчиковъ и 2 дѣвочки.

— 17-го минувшаго сентября открыто Аовзаское, а 19-го того же сентября Нименское одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія, Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

— 26-го минувшаго августа послѣдовало открытіе однокласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Красной-Камени, Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи.

— 1-го минувшаго сентября открыто одноклассное училище въ

с. Вашкахъ, Кириловскаго уѣзда, Новгородской губ., при 42 учащихся, и 17-го того же мѣсяца двухклассное училище въ с. Жадовѣ, Новгородсѣверскаго уѣзда, Черниговской губ.

— 14-го минувшаго сентября послѣдовало открытіе однокласнаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Заборолѣ, Луцкаго уѣзда, Волинской губерніи.

— Въ день открытія Непрядвенскаго однокласнаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи, принято 35 мальчиковъ и 3 дѣвочки.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія сочинителямъ, переводчикамъ и издателямъ учебныхъ руководствъ и пособій.

По распоряженію управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія г. товарища министра, ученый комитетъ имѣетъ честь объявить сочинителямъ, переводчикамъ и издателямъ учебныхъ руководствъ и пособій, что представляемныя на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія учебныя руководства и пособія должны быть доставляемы въ оный не въ одномъ, а въ двухъ экземплярахъ.

— Департаментомъ народнаго просвѣщенія переданы комиссіонеру департамента народнаго просвѣщенія, книгопродавцу Глазунову, въ С.-Петербургѣ, для продажи, печатные экземпляры списка лицамъ, служащимъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія на 1878—1879 учебный годъ.

ДОГАДКИ КАСАТЕЛЬНО УЧАСТІЯ РУССКИХЪ ВЪ ДѢЛАХЪ БОЛГАРИИ ВЪ XIII И XIV СТОЛѢТІЯХЪ.

Извѣстно, что въ началѣ списка именъ „градоиъ всѣиъ Русскимъ, дальнимъ и ближнимъ“, приложеннаго къ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Лѣтоп. VII, 240), такими значатся: „На Дунаѣ Видицовъ о семи стѣнъ каменныхъ, Мдинъ (ок. Калафата противъ Видина?); объ оиу страну Дуная Тръновъ, ту лежитъ святая Пятница; а по Дунаю: Дрествинъ (Силистрія), Дигинъ (Мачинъ, древняя Диногетія), Килия (старый городъ сего имени противъ нынѣшней Килии); на устьѣ Дуная: новое село Аюлатря (Ликостоміонъ, Вилково); на морѣ: Карна (Варна), Каварна. А на сей сторонѣ Дуная: на устьѣ Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ (Аккерманъ), Чернь (с. Граденица), Аскый торгъ (Яссы) на Прутѣ рѣкѣ; Романовъ торгъ на Молдавѣ, Немечъ, въ горахъ: Корочюновъ, Камень (Шітра), Сочава, Сереть, Баня, Нечюнь, Коломья городокъ на Черемошѣ“.

Приводя это мѣсто, къ сожалѣнію, понинѣ не достаточно объясненное, въ 387-мъ примѣчаніи къ IV-му тому своего великолѣпнаго труда¹⁾, Карамзинъ прибавляетъ отъ себя только слѣдующее: „Князья Галиціи могли владѣть и частью Волошской земли; но сомнѣваюсь, чтобъ они господствовали до Терновы. Сей географъ именуеть, кажется, болгарскіе города русскими единственно для того, что они были завоеваны великимъ княземъ Святославомъ въ X вѣкѣ“.

При всемъ авторитетѣ, которымъ, въ вопросахъ сего рода, всегда

¹⁾ Изд. Эйперлига, I 156.

будетъ пользоваться отъ насъ нашего исторіографа, а въ этомъ случаѣ осмѣливаюсь усомниться въ основательности его мнѣнія. Вотъ мои доводы:

1) Изъ упомянутыхъ въ спискѣ городовъ по обѣимъ сторонамъ Дуная многіе вовсе еще не существовали во времена Святослава; изъ прочихъ одинъ только Дрествинъ поименованъ въ числѣ 80 (или 18) городовъ, имъ завоеванныхъ, и къ которымъ не могли не принадлежать Большой и Малый Прѣславъ, пройденные молчаніемъ въ спискѣ.

2) Во время составленія этого списка едва ли сохранилось въ народѣ воспоминаніе о подвигахъ нашего великаго князя, при смутахъ и переворотахъ, съ тѣхъ поръ непрерывно терзавшихъ Болгарію до покоренія Терновскаго царства Османами.

3) Исторія сего царства имѣетъ отрывочный характеръ, при маломъ числѣ сохранившихся источниковъ и при невозможности различать всѣ событія, положительно случившіяся, отъ поэтическихъ ихъ украшеній и смѣшанныхъ съ ними легендъ. До какой степени эта замѣтка наша справедлива, читатель можетъ усмотрѣть изъ сочиненія г. Иречка, недавно вышедшаго и повсюду встрѣченнаго съ большою похвалою.

При такихъ обстоятельствахъ я, на основаніи данныхъ, заимствованныхъ преимущественно изъ русскаго перевода (Одесса, 1878) труда г. Иречка, попытаюсь показать, что въ вышеприведенномъ спискѣ болгарскіе города могли быть названы русскими потому, что во время составленія Воскресенской лѣтописи у насъ еще не было совершенно забыто участіе, принятое Русскими князьями въ дѣлахъ Болгаріи не за долго передъ тѣмъ.

Къ князьямъ этимъ я не рѣшаюсь причислить Черниговскаго князя Ростислава Михайловича, зятя Венгерскаго короля Бела IV и бана Мачвы, ибо считаю весьма правдоподобнымъ мнѣніе Палацкаго, что этотъ венгерскій вассалъ въ чешскихъ лѣтописяхъ только потому называется „dux Bulgarorum“, что подъ Bulgari здѣсь слѣдуетъ разумѣть православныхъ, а вовсе не по той причинѣ, будто бы онъ привелъ изъ Болгаріи отрядъ войска на помощь тестю своему противъ Чешскаго короля Премысла Оттокара, какъ утверждаетъ г. Макушевъ, который въ критикѣ своей ¹⁾ на книгѣ г. Иречка старается новыми доводами защищать ошибочное мнѣніе Палаузова, видѣннаго въ Руссо

¹⁾ Ж. М. Н. Прог., апрѣль и май 1878 г.

'Оброс Акрополиты не короля Сербскаго Стефана Уроша I, но Русскаго (князя) Ростислава. Но, не говоря о томъ, что рукопись Акрополиты, до насъ дошедшая, не стары, и что, при средневѣковомъ греческомъ писаніи, сокращенное имя *σταφανος* позднѣйшимъ безграмотнымъ переписчикомъ легко могло быть превращено въ *ροσος*; спрашивается: какимъ образомъ изъ словъ „Русскій“ и „Урошь“ могло составить имя Ростиславъ? Притомъ у Акрополиты вмѣсто *Ρόσος* 'Обросъ часто читается просто 'Оброс: это уже явно Урошь, а не задняя часть имени Ростислава.

За то мы, вмѣсто Роса Уроша Византийца, въ правѣ видѣть Русскаго, по крайней мѣрѣ по происхожденію, въ Болгарскомъ деспетѣ Святославѣ, посланномъ въ 1262 году архіепископу Кіевскому Евриилу копию Номоканона, въ которой сказано: „Всея роускіа земля благодержавнаго родіа моего, иже отрасль и корѣнь азъ быхъ свѣтлыхъ преотець моихъ“ ¹⁾. Около того времени Святославъ былъ полусамостоятельнымъ владѣтелемъ при сѣверныхъ отрогахъ западной части Балкана.

Подъ 1271 годомъ упоминается *«Swetizlaus imperator Bulgarorum»*, на ряду съ Сербскимъ королемъ Урошомъ, въ мирномъ договорѣ между королями Венгерскимъ и Чешскимъ ²⁾. Женившись на одной изъ сестеръ ослѣпленнаго Михаиломъ VIII императора Нивейскаго Іоанна Ласкаря, онъ сталъ своякомъ тогдашняго Болгарскаго царя Константина. Еще при жизни этого царя, впаднаго въ тяжкую болѣзнь, супруга его Марія пригласила мужа сестры пріѣхать въ Терновъ, гдѣ старшій тогда уже Святославъ былъ торжественно ею усыновленъ и объявленъ „младшимъ братомъ“ ея сына Михаила; вскорѣ однако онъ тамъ же поплатился жизнью за свою довѣрчивость къ своей „матери“.

Въ декабрѣ того же (1277) года царь Константинъ палъ въ борьбѣ съ гайдукомъ неизвѣстнаго происхожденія, бывшимъ прежде пастухомъ и отличившимся вѣтвѣмъ до такой степени побѣдами надъ Татарами, ворвавшимися въ Болгарію, что ему передавались цѣлыя области, и что онъ сталъ домогаться владѣчества надъ всѣмъ царствомъ. Собственное имя его „Ивайло“ мы впервые встрѣчаемъ у г. Иречка (стр. 366); прежде его знали только подъ прозвищемъ его Кордокубасъ, или правильнѣе, по остроумной догадкѣ г. Срезнев-

¹⁾ *Востоковъ*, Опис. рукоп. Рум. библ. 290.

²⁾ *Emler*, *Regesta Bohemiae et Moraviae*, II, 302.

сваго, Бръдокубасъ, такъ какъ въ греческомъ переводѣ (у Пахимера) это имя гласило Λαδικας. Слово это явно перешло отъ Грековъ въ Туркамъ, у которыхъ капуста иныи еще называется лахана. Г. Макушевъ удивляется ¹⁾, почему г. Иречекъ этого временника называетъ Бръдоковою (то-есть, брѣзвою) вмѣсто Бръдоквенииъ (брюквоидъ), какъ читаетъ г. Срезневскій съ Палаузовимъ. Но Βορδοκοβαςъ есть явно греческая форма имени Бръдоква; слово Бръдоквенииъ предполагаетъ греческое Βορδοκοβανικας. Впрочемъ г. Макушевъ не хочетъ вѣрить въ тожество этого Лаханаса съ Ивайломъ, но увѣренъ, что подъ послѣднимъ слѣдуетъ разумѣть внука венгерскаго вассала Ростислава Іоанна Михайловича, котораго въ свою очередь отождествляетъ съ „мнимымъ“ Асѣневичемъ Іоанномъ, женатымъ на дочери Византийскаго императора. Съ помощью тестя этотъ Іоаннъ надѣялся воспользоваться неудовольствіемъ Терновцевъ противъ вдовствующей царицы, чтобы завладѣть ихъ городомъ и тамъ воцариться. Марія же, желая во что бы ни стало сохранить престолъ за собою и за сыномъ своимъ Михайломъ, не только прибѣгла тогда подъ покровительство Лаханаса, но забывъ стыдъ и узы родства, вышла замужъ за убійцу супруга и отпраздновала съ нимъ свадьбу и коронацію весною 1278 года. Когда же вскорѣ послѣ того новый царь принужденъ былъ выступить съ войскомъ изъ столицы для отраженія Татаръ, Греки воспользовались его отсутствіемъ, чтобы подступить къ Тернову, откуда Марія съ сыномъ были тогда отправлены въ Константинополь, и куда оттуда прибылъ претендентъ Іоаннъ Асѣнь вмѣстѣ съ супругою Ириною, весною 1280 года ²⁾. Но этотъ подручникъ Грековъ не могъ долго тамъ держаться и былъ припужденъ возвратиться въ Константинополь послѣ поражений, нанесенныхъ, гдѣ-то около Средней горы лѣтомъ 1280 года, возвратившимся изъ-за Дуная Бордоковою двумя отрядамъ, посланнымъ императоромъ на помощь зятю. Противники Ивайла провозгласили царемъ въ Терновѣ шурина Іоанна Асѣня Георгія Терсерія, происходившаго изъ знатнаго половецкаго рода, бывшаго также въ свойствѣ съ самыми знатыми боярами и заслужившаго всеобщую любовь своимъ умомъ и храбростью.

Въ невозможности бороться съ подобнымъ соперникомъ, Лаханасъ обратился съ просьбой о помощи къ прежнему врагу своему, „окавному“ Нагаю нашихъ лѣтописцевъ, который, по Пахимеру (V, 4, р.

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. май 1878 г., стр. 69.

²⁾ Палаузовъ, Юго-восточная Европа въ XIV в., 57.

286) съ 1270-хъ годовъ обрѣдывалъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря независимое отъ даяа Золотой орды владѣніе, въ помощію подчинившихся ему туземцевъ изъ Русскихъ, Зыковъ, Готовъ и Алановъ. Подъ послѣдними разумѣются здѣсь не панацкіе, но сосѣди черноморскихъ Готовъ, прежде и послѣ встрѣчающіеся въ мѣстѣ обитателей Таврическаго полуострова. Поэтому Дюбуа ¹⁾, можетъ быть, и не ошибается, полагая, что Матвій Мѣховскій имѣлъ въ виду Алановъ, когда говоритъ объ Уланыхъ, вторично, во время нашествія Татаръ чрезъ Черкесскій перешеекъ, вторглись въ Крымъ, гдѣ ими заняты были многіе города и мѣстечки. Дѣйствительно, мы находимъ у восточнаго автора, приведеннаго Доссонемъ ²⁾, что Ногай, сынъ Татара, сына Бухала (или Могола), сына Вуруджи, завоевалъ часть Россіи, Эрбеди (Арабатъ) и Кереть (Керчь), „dont il s'était formé une principauté“.

Ногай весьма ласково принималъ прибѣгнувшаго подъ его покровительство Ивайла, возилъ его сначала по своимъ конькамъ, но подъ конецъ велѣлъ имѣвнически умертвить его во время одной пирушки.

Таковъ былъ трагическій конецъ болгарскаго „*pastor, latro, dux*“; но подобно тому какъ Лузитанцы свято чтли имя Викіата, прозвище Ивайла долго еще сохранилось въ памяти народа. Когда въ 1294 году появился Псевдо-Лакханасъ, подъ знамена его толпами стали стекаться болгарскіе настуки изъ византійской Фракіи, чтобы сражаться противъ мало-азійскихъ Турокъ.

Между тѣмъ могущество Ногая все болѣе и болѣе возростало. Въ 1285 году Татары одновременно напали на Венгрію и Болгарію, перешли чрезъ Балканъ и опустошили Фракію и Македонію. Хотя Тертерій, чтобъ удержаться на престолѣ, рѣшился выдать дочь свою за Чаку (Чанасъ, Чаки, Чага), сына Ногая; но тѣмъ не менѣе ханъ заставилъ его бѣжать въ Грецію и поставилъ, въ 1292 году, на его мѣсто даниина: царя, боярина Смилца, женатаго на внучкѣ Андроника II, сына и преемника Мизанла VIII. Между тѣмъ Ногай поспорилъ съ ханомъ Тохтою, которому нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ самъ помогъ водвориться въ ордѣ. Дошло между ними до войны, въ которой Ногай, одержавшій сначала побѣду надъ своимъ противникомъ въ мѣстности, именуемой „*Yacsi*“, лежавшей на срединѣ пути между

¹⁾ Voyage autour du Caucase, VI, 235.

²⁾ Histoire des Mongols, IV, p. 751 и 752.

резиденціями обонхъ, а не другія¹⁾—при Теодѣсмагі на Дону), при вторичной встрѣчѣ былъ разбитъ и плѣбленъ, но Новаври²⁾ одинокъ русскимъ войскомъ, который, отрубивъ ему голову, представилъ ее хану; но вмѣсто ожидаемой награды за эту услугу, Токта приказалъ его казнить, по той причинѣ, что простой ратникъ дерзнулъ подвѣять руку на лицо царскаго рода.

Карамзинъ³⁾ не ошибается, догадываясь, что Ногаи, которые еще недавно кочевали въ нашихъ степяхъ, обязаны своимъ названіемъ имени этого татарскаго „kingmaker“, и я не сомнѣваюсь, что мѣсть его находилась на полуостровѣ, образуемъ нижнимъ теченіемъ Днѣстра и его притокомъ Кучурганомъ, или правильнѣе, Курчуганомъ. На картѣ Андрея Визанго 1486 года стоитъ въ этой мѣстности приписка *ya de podau*, тогда какъ въ другихъ морскихъ картахъ XIV и XV столѣтій читается только *zizega*, вмѣсто арабскаго *дзезире* (островъ, полуостровъ).

Въ недалекомъ отсюда разстояніи должно было находиться роковое для Ногай поле битвы, происходившей, по Гаммеру⁴⁾, въ окрестностяхъ Буга: извѣстіе это можно согласовать съ замѣткой Новаври⁵⁾, что Ногай палъ въ сраженіи при Куганникѣ, между тѣмъ какъ отъ этого имени явно произошло названіе Кузьяницкаго лимана, близъ Одессы.

Въ приведенныхъ морскихъ картахъ здѣсь читается приписка *zinestra* (*ginestra*), быть можетъ, какъ я старался показать⁶⁾, судя по дикоростущимъ и теперь еще въ этой мѣстности *linaria genistifolia*, что итальянскіе моряки перевели только по своему татарское названіе этой мѣстности; предоставляю впрочемъ нашимъ ориенталистамъ объяснить настоящее значеніе названія Кузьяникъ.

Если же мнѣ удалось опредѣлить точнѣе прежняго, гдѣ именно погибъ могущественный владѣтель Черноморья, то сомнѣюсь, что поставленъ былъ въ туннѣ разногласіемъ современныхъ писателей касательно года его смерти и приключеній его сына. Византийцы, по которымъ, въ согласіи съ нашими лѣтописцами, Ногай умеръ въ бѣг-

¹⁾ Доссонъ, IV, 760.

²⁾ Доссонъ, IV, 765.

³⁾ Иад. *Эйнерлима*, IV, 58.

⁴⁾ *Gesch. d. G. Horde*, 273.

⁵⁾ *D'Ohsson*, I, 1, 755.

⁶⁾ *Bull. de l'Ac. des Sc. de S.-P.* 1860 г.

ствѣ въ 1293 году ¹⁾, повѣствуютъ, что Чакасъ съ остатками отцовскаго войска двинулся въ Болгарію и съ помощью своего шурина Теодора Святослава, сына Тертерія, успѣлъ оттуда вытѣснить Смилъца и овладѣть Терновомъ, гдѣ Святославу, пережившему внезапно свой образъ дѣйствій, не трудно было съ нимъ справиться.

Но Пахимеру (II, 264 и сл.) татарскаго узурпатора неожиданно схватили и бросили въ тюрьму, гдѣ онъ и былъ удушенъ палачами-жидами въ 1295 году. Послѣ этого рѣшительнаго поступка Святославъ вступилъ на престолъ Асѣневичей, вѣроятно, съ согласія хана Золотой орды, такъ какъ первый послалъ голову убитаго сына Ногай врагамъ сего послѣдняго въ Крымъ.

Въ свою очередь, восточные писатели относятъ сраженіе при Куганликѣ и смерть Ногай къ 699 году геджры, то-есть, къ 1299 году нашей эры, и разказываютъ, что сыновья его Чага (Чакасъ) и Тага съ отрядомъ 1000 человекъ спаслись въ землю Келардовъ и Баткурдовъ ²⁾, то-есть, Польшу или Галицію и Венгрію.

Вскорѣ затѣмъ, Чага, раздѣлавшись съ братомъ убійствомъ ³⁾, отправился въ страну Асовъ (le pays d' Ass), гдѣ стоялъ туманъ его войска, и куда затѣмъ прибыли другіе его воины.

Подъ Асами здѣсь не разумѣются тѣ изъ нашихъ Ясовъ или Алановъ, которые все еще обитали на Кавказѣ и съ помощью Русскихъ князей были побѣждены ханомъ Менгу-Тимуремъ въ 1277 году, то-есть, въ то самое время, когда Ногай былъ еще занятъ борьбою съ Лаханасомъ въ Болгаріи ⁴⁾. Въ сосѣдствѣ съ этою страной, а не съ Волжскою Болгаріей, должна была находиться страна Асовъ, куда былъ отправленъ татарскій полководецъ Субудай Богадуръ послѣ похода, предпринятаго Батиемъ противъ Пулу (Поляковъ) и Баткурдовъ ⁵⁾. Опорю этого смѣлаго мнѣнія можетъ служить нижеслѣдующая приписка въ концѣ древняго Ватиканскаго кодекса (codex gr. reginae, 18), по событіямъ относящаяся къ 6751 (1243) году и обязательно сообщенная мнѣ профессоромъ Э. И. Успенскимъ, который списалъ ее съ оригинала въ Римѣ: Ἡγοράσθη ἡ παροῦσα βίβλος διὰ

¹⁾ *Miralt*, Chron. byz., II, 462.

²⁾ *D'Ohsson*, l. c., 761.

³⁾ Тамъ же, 755.

⁴⁾ *Карамзинъ*, IV, 80.

⁵⁾ См. *Березинъ*, Нашествіе Батии на Россію, въ *Ж. М. Н. Пр.* LXXXVI стр. 83 и 90.

Θεοδώρου Γραμματικοῦ μετὰ τὴν ἀλδροντὴν τῶν ἀθέων ταρτάρου, Βασιλεῦστος ἐν τῇ Βουλγαρίᾳ Καλλιμάνου τοῦ Ἀσάν υἱοῦ Γα τοῦ Ἀσάν...

Если не ошибаюсь, то жилища этихъ Алановъ должны были находиться въ Молдавіи, гдѣ многіе изъ нихъ, подобно Полодцамъ, послѣ сраженія при Калкѣ, нашли убѣжище съ своимъ ханомъ Котаномъ, котораго Карамзинъ (IV, 7) заставляетъ перебираться въ Астраханскія степи до его переселенія въ Венгрію. Безъ сомнѣнія, его примѣру не послѣдовали всѣ его единоплеменники даже послѣ 1279 года, когда большая часть „Бумановъ и Ясовъ“ переселены были изъ Молдавіи въ Венгрію Ладиславомъ IV ¹⁾.

По всей вѣроятности, нынѣшняя столица Молдавіи названіемъ своимъ обязана, какъ еще думалъ Штриттеръ, этимъ мнимымъ Язигамъ позднѣйшихъ авторовъ, чѣмъ и объясняется причина, по которой въ Актахъ патріархата Константинопольскаго Молдавія называется Мавровлахіей „τῆς Ἰασιᾶς“.

Напрасно Карамзинъ (IV, 58) вѣритъ Кантемиру, будто бы тамъ до временъ господаря Молдавскаго Стефана существовала одна только мельница, на мѣстѣ которой онъ построилъ городъ, названный имъ именемъ добраго мельника „Яссія“. Что городъ этотъ существовалъ гораздо раньше, явствуетъ также изъ попавшаго въ Воскресенскую лѣтопись имени „Асскій торгъ“, равно какъ и изъ грамоты Молдавскаго господаря Александра 1407 года, гдѣ говорится о таможенныхъ пошлинахъ, взимаемыхъ въ Яссахъ ¹⁾. Объ этомъ же городѣ говорится также въ валашской грамотѣ 1412 года: „Et quod Forum Jasky-Terg in sinistra parte fluvii Pruth situm maneat pro nobis. Длугошъ (изд. 1711 г. I, 18) отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: Item Dressa (fluvius) cujus fons circa Drogum opidum, ostia prope Jasky-Torg in Pruth, alias Philistinorum forum“ то-есть, торжище „стрѣлковъ изъ лука“, какъ стали называть Ясовъ, потому что таково значеніе ихъ имени на мадьярскомъ языкѣ.

Подобно столицѣ Молдавіи, расположенныя на нижнемъ Днѣстрѣ одно противъ другаго селенія Ясска и Оленешти суть живые еще свидѣтели пребыванія здѣсь въ прежнія времена предковъ нынѣшнихъ Осовъ (Осетовъ, Осетинцевъ). Въ этихъ же мѣстахъ, а не въ

¹⁾ Куликъ, О Тюркахъ, Печенѣгахъ etc. въ Учен. Зап. Имп. Ак. Н. по I-му и III-му Отд. 738.

²⁾ Акты, относящіеся къ Ист. Зап. Россіи, I, 30.

³⁾ См. Mailath (Johann Graf), Geschichte der Magyaren, V, приб. p. 23.

окрестностяхъ Владикавказъ должны были находиться становища тѣхъ 16,000 Аляповъ, которые, по Пахитеру (IV, 16) переселились изъ-за Дуная въ Грецію, гдѣ способны носить оружіе, числомъ 8,000, вступили въ императорскую службу въ 1301 году.

Около этого времени сынъ Чага Кара Кияникъ спасся съ 3,000 всадниковъ во владѣніи Шамшемена; оставшіеся въ урочищѣ Бадулъ близъ „Gueuk“ (Керчь?), они тамъ долге удержались, живя грабежами окрестныхъ областей. Къ нимъ, вѣроятно, относится приписка древняго греческаго синдаксаря ¹⁾ о побѣдѣ предъ Сугдею Посташава (вмѣстѣ Нокаево или Ногаево) войска въ декабрѣ 1299 года.

Еще до этого самъ Чага, не считая себя довольно сильнымъ, чтобы противостоять войску, посланному противъ него Тохтою, перешелъ изъ Молдавіи въ землю Авадакъ (le pays d'Avalac), гдѣ командовалъ Санруджа, одинъ изъ его приближенныхъ (l'un de ses proches). И такъ, кажется, что Чага остался на лѣвой сторонѣ Дуная, если только Новапри ²⁾ подъ словомъ „Avalac“ разумѣлъ Валахію, а не Болгарію. Арестованный военачальниками Санруджи, опасавшимися гнѣва Тохты, Чага былъ запертъ въ замокъ Тутуа и тамъ вскорѣ затѣмъ, въ 700 году геджры, умерщвленъ былъ по приказанію хана.

Передавъ брату своему Бузалуку удѣлъ (l'aravage) Ногаю, Тохта раздѣлилъ (прочія) владѣнія его между своими сыновьями Бегиль-бога и Ирбасси. Бегиль-бога получилъ Самеджи на Дону (то-есть, Исакчу на Дунаѣ) и сосѣдственныя Желѣзнымъ воротамъ области, прежде подвластныя Ногаю (ancien territoire de N. — въ окрестностяхъ не Дербенда, а Орсовы); Ирбасси утвердился на берегахъ, по видимому, рѣки Буга. Между тѣмъ Святославъ, въ связи съ своимъ дядей Эльтемиромъ, деспотомъ Крискимъ (Карнобадъ близъ Шумли?), такъ удачно боролся съ Греками, что послѣдніе принуждены были уступить ему завоеванные имъ по Гему города отъ Тунджи до моря, около 1308 года.

Съ этихъ поръ дружескія отношенія между Греками и Болгарами болѣе не прерывались до самой смерти Святослава († 1322 г.); но война съ Византіяцами возобновилась и продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ при воинственномъ сынѣ его Георгіѣ Тертерѣ II, который, впрочемъ, не долго царствовалъ († 1323 г.).

Во время безначалія, открывшагося тогда въ Болгаріи, болше изъ-

¹⁾ Зап. Одеск. Общ., V, 596.

²⁾ D'Ohsson, IV, 756.

брали царемъ сына Вднѣскаго деспота Шиниана Михайла, съ которымъ начинается послѣдняя династія царства Терновскаго.

Новый царь (1323—1330 гг.) прежде всего завоевалъ обратно оставшіе балканскіе города и послалъ подкрѣпленіе въ завоеванный еще при Тергеріѣ II Филиппополь, гдѣ съ тѣхъ поръ держался полководецъ Михайла Русскій Иванъ съ гарнизономъ, состоявшимъ изъ 2,000 болгарскихъ и аланскихъ всадниковъ. Безъ сомнѣнія, и эти Аланы не пришли туда прямо съ Кавказа, но принадлежали къ тѣмъ изъ ихъ соотечественниковъ, которые по смерти Ногай перешли чрезъ Дунай изъ своихъ жилищъ при нижнемъ Днѣстрѣ и Прутѣ, еще не совершенно покинутыхъ ими въ XV столѣтіи, почему и Иос. Варбаро имѣлъ полное право сказать, что въ его время смежная съ Готіей Аланія простиралась до окрестностей Монкастра ¹⁾. Когда же Иванъ съ своими людьми вышелъ изъ Филиппополя на встрѣчу подступившимъ къ нему на помощь Болгарамъ, греческіе граждане города заперли позади его ворота и съ другой стороны впустили Византіецевъ.

За то Михайлъ не замедлилъ опустошить всю верхнюю Фракію, пользуясь междоусобіемъ, терзавшимъ Грецію по случаю спора за престолъ между императоромъ Андроникомъ II Старшимъ и внукомъ его, Андроникомъ Младшимъ. Начавшись еще въ 1321 году, споры эти возобновились въ 1327 году съ возрастающею силою, весьма кстати для юго-славянскихъ державъ. Сербскій царь держалъ сторону старшаго императора, Михайлъ—младшаго, что не помѣшало ему однако вступитъ вскорѣ затѣмъ въ тайные переговоры съ первымъ, доведеннымъ до крайности побѣдами внука на западъ. Подъ предлогомъ пособія царь Болгарскій отрядилъ Ивана съ 3,000 всадниковъ въ слабо защищенный и изнуренный голодомъ Константинополь, самъ же съ болгарскими и татарскими войсками сталъ лагеремъ у Дямполя (Ямболь). Опасаясь вредныхъ для себя слѣдствій этихъ дѣйствій прежняго своего союзника, Андроникъ Младшій рѣшился оставить западъ и нослѣдовалъ съ войскомъ на берегъ Понта. По всей вѣроятности, русскому сподвижнику царя Болгарскаго поручено было овладѣть Константинополемъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было бы дѣломъ не слишкомъ труднымъ для человека опытнаго и энергичскаго, каковъ былъ Иванъ (Cantacuz., II, 815 и сл.), которому императоръ, недовѣрчивый къ Грекамъ, хотѣлъ вручить дворцовую стражу;

¹⁾ См. *Васильевскій*, Русско-византійскіе отрывки, VII, въ *Ж. М. Н. Пр.* 1877 г., стр. 109.

загнѣ Михаилъ вѣроятно бы остальное ускорѣннѣе перебраломъ и такимъ образомъ успѣлъ бы въ томъ, въ чему напросто стремились Симеонъ и Асѣнъ II. При видѣ опасности, грозившей имперіи, молодой императоръ отправилъ въ тайнѣ вѣстника къ дѣду и умолялъ его не пускать Болгаръ въ дворцы иначе, какъ въ наломъ числѣ, и то безъ оружія, брать предосторожности за обѣдомъ и окружать себя только греческою стражею. Хотя старецъ отвѣчалъ внуку, чтобы тотъ сначала позаботился о немъ, тѣмъ не менѣе самъ послѣдовалъ его совѣту и велѣлъ впустить въ городъ одного только Ивана съ немногими всадниками, и то на короткое время. Въ 17-ти верстахъ отъ городскихъ стѣнъ расположились Иванъ и Андроникъ Младшій, оба страстно желая овладѣть Царьградомъ. Такъ какъ дѣло между ними еще не дошло до формальнаго объявленія войны, то Андроникъ Младшій пригласилъ къ себѣ Ивана вмѣстѣ съ его подчиненными, угощалъ ихъ и надѣлилъ подарками, общая надѣлать ихъ еще болѣе, еслибы они согласились уйдти со своими. Въ то же время онъ отправилъ посла къ Болгарскому царю съ жалобой на нарушеніе договора. Михаилъ, узнавъ такимъ образомъ о неожиданномъ для него прибытіи молодого императора, послѣдовалъ приказанію Ивана немедленно вернуться домой, послѣ чего болгарское войско внезапно исчезло изъ окрестностей Константинополя ¹⁾.

Нѣсколько дней спустя городъ этотъ былъ взятъ врасплохъ Андроникомъ III, и 70-ти лѣтній старикъ низложенъ (24-го мая 1328 года). Михаилъ, обманутый въ своихъ расчетахъ на послѣдствія междоусобія, въ томъ же году напалъ на владѣнія императора. Вскорѣ однако онъ не только примирился съ нимъ, но и заключилъ союзъ противъ Сербскаго короля, съ которымъ оба были въ враждебныхъ отношеніяхъ. Къ греко-болгарскому союзу приступили потомъ еще Валашскій воевода Иванъ Басараба, „Черные Татары“ и „господство Яшко“.

Къ послѣднему безспорно принадлежалъ городъ Ясны, который и теперь по молдавски называется Яши. Въ этихъ же мѣстахъ должны были находиться кочевья Татаръ, называемыхъ „Черными“ по той же причинѣ, по которой смежная съ Угровлахіей Молдавія, которую позже Турки называли Кара-багданъ, была тогда уже извѣстна Грекамъ подъ названіемъ Мавровлахія, и по которой городъ Бѣлый (Аккерманъ) у нихъ превратился въ Черный (Маврокастронъ).

¹⁾ Иречекъ, Ист. Болг., стр. 384—386.

Надежды союзниковъ, что имъ удастся сокрушить могущество юнаго Сербскаго государства, были уничтожены страшнымъ поражениемъ, нанесеннымъ главнымъ силами Болгаръ королемъ Стефаномъ при Вальбуждѣ 28-го іюня 1380 г. Самъ царь Михаилъ палъ на полѣ битвы съ многими изъ своихъ воиновъ; другіе, въ томъ числѣ много боляры, были взяты въ плѣнъ, остальные разбѣжались.

Находился ли нашъ Иванъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ этой кровавой драмѣ,—намъ не извѣстно. Знаемъ только, что онъ вскорѣ затѣмъ снова сталъ играть важную роль въ Болгаріи, если не какъ стратегъ, то по крайней мѣрѣ какъ дипломатъ: ибо Ивану именно и было поручено царемъ Іоанномъ Александромъ (племянникомъ Михаила, вступившимъ на престолъ въ Терновѣ послѣ изгнанія оттуда племянника Стефана Шишмана. II) заключить миръ съ Андроникомъ, послѣ побѣды надъ нимъ, одержанной Волгарами между Роскоастрономъ и Аптосомъ въ 1333 году.

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и приключеніяхъ полководца и митротворца Ивана исторія не упоминаетъ. Но при новомъ порядкѣ вещей, который, благодаря доблестнымъ русскимъ воинамъ и великодушію нашего Монарха, теперь введенъ въ Болгарію, можно надѣяться, что въ ней быстро разцвѣтутъ всѣ отрасли человѣческихъ знаній, что вмѣстѣ съ тѣмъ явятся изслѣдователи, которымъ удастся пополнить пробѣлы въ исторіи этой страны, и что вмѣстѣ съ тѣмъ, разъяснится и спорный пока вопросъ объ участіи, принятомъ полководцемъ Михаиломъ и другими Русскими въ судьбахъ Терновскаго царства до его паденія подъ власть Порты.

Ф. Брунъ.

ПО ПОВОДУ ТРОЯНА И БОЯНА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ».

I.

Въ числѣ доказательствъ положенію, приводимому мною въ изслѣдованіи „Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“ (М. 1877), что авторъ Слова черпалъ старія словеса изъ византийско-болгарскихъ источниковъ, я указалъ на то, что преданія о Троянѣ принадлежатъ южнымъ Славянамъ—Болгарамъ и Сербамъ. Далѣе занятіе сборникомъ болгарскихъ народныхъ пѣсней Верковича натолкнуло меня на новую пѣснь о крагѣ Троянѣ, въ которой упоминается воевода Боянъ, воспѣвшій подвиги Троянови¹⁾. Эта новая пѣснь, соединяющая имена краля Трояна и пѣвца воеводы Бояна, побудила меня отказаться отъ высказанной мною догадки, которая раньше меня была сдѣлана Венелинѣмъ, что въ Боянѣ Слова слѣдуетъ видѣть царевича-кудесника Бояна, сына царя Симеона²⁾; но та же пѣснь еще болѣе подкрѣпила меня въ мысли, что Боянъ принадлежитъ той же національности, какъ и Троянъ, и что оба попали въ Слово изъ одного и того же болгарскаго источника. Имѣя въ виду въ настоящей статьѣ представить эту мысль нѣкоторыми новыми соображеніями, я долженъ буду начать нѣсколько издавѣка и спуститься въ древность, нисходящую болѣе нежели за тысячелѣтіе до нашей эры. Да не удивится

¹⁾ См. Замѣтки по поводу Сборника *Верковича*, I, въ *Ж. М. Н. Пр.*, часть СХСІІІ, отд. 2, стр. 910 слѣд. 1877.

²⁾ См. Взглядъ на Слово о П. И., стр. 130 и слѣд.; *Венелинъ*, Крит. Наслѣд. объ Исторіи Болгаръ (1849), стр. 264.

читатель и не обвинить меня преждевременно въ фантазерствѣ, если по поводу Трояна и Бояна я буду говорить о народныхъ фригійскихъ преданіяхъ. Я надѣюсь показать въ дальнѣйшемъ, что эта экскурсія въ преданія давно исчезнувшаго народа не лишена нѣкоторыхъ интересныхъ результатовъ для славянскаго эпоса.

Въ Македоніи, въ странѣ, гдѣ записаны были братьями Миладновцами пѣсни о Троянѣ, а Верковичемъ—пѣсни объ Орфенѣ, въ глубокой древности, раньше Троянской войны сидѣло рядомъ съ Македонянами племя Бриговъ или Фригійцевъ. Традиція древняго міра, занесенная въ историческую литературу Геродотомъ, Страбономъ, Плиніемъ, Арріаномъ Никомидійскимъ и другими, гласила, что Фригійцы были родственны съ Фракійцами и вмѣстѣ съ ними, а также съ Мизійцами, перешли изъ Европы въ Азію, гдѣ и населили страны, за которыми сохранились имена этихъ народовъ. Геродотъ приводитъ свидѣтельство Македонянь (ὡς Μακεδόνες λέγουσι), что прежде Фригійцы назывались Бригами (Βρίγες), а впоследствии, перешедши изъ Европы въ Азію, назвались Фригами (Φρυγες) ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ ²⁾ тотъ же писатель упоминаетъ въ Македоніи мѣстность, называемую Садами Мидаса, сына Гордіаса, въ которыхъ, по фригійскимъ преданіямъ, былъ пойманъ Силенъ. Надъ этими садами возвышается гора Берміосъ (теперь Турла и Докса) между рѣками Lydias (Карасмазь) и Nafiaspon (Вистрица). По Страбону ³⁾ непомѣрное богатство Мидаса происходило изъ золотыхъ рудниковъ этихъ горъ. Лидійскій историкъ Ксаносъ также упоминалъ о переселеніи Фригійцевъ изъ Европы въ Азію, хотя по заблужденію относилъ это переселеніе ко времени послѣ взятія Трои ⁴⁾. Страбонъ положительно указываетъ на то, что Бриги—Фракійскій народъ ⁵⁾, и что у нихъ и у Фрагійцевъ былъ одинъ и тотъ же культъ богини Котисъ и Ликурга-Диониса ⁶⁾. Остатки Бриговъ существовали въ Европѣ, въ Македоніи еще во времена Геродота. Когда флотъ Персовъ сильно пострадалъ отъ бури при Аѳонскомъ мысѣ, на войско Мардонія внезапно ночью напали,

¹⁾ Herod. VII, 73. ср. также Plin. Н. N. V, 32: Sunt auctores transisse ex Europa Mysos et Brigas et Thynos, a quibus apellantur Mysi, Phryges, Bityni.

²⁾ Herod. VIII, 138.

³⁾ Strabo XIV, 680, 28.

⁴⁾ См. свидѣтельство Ксаноса у Страбона, XIV, 618.

⁵⁾ См. Strabo, VII, 295.

⁶⁾ Strabo, X, 471.

по свидѣтельству Геродота ¹⁾, Фракіиды Бриги (Βρυγοί), избили много воиновъ и ранили самого Мардонія ²⁾. Слѣдуетъ думать, что эти Бриги жили въ странѣ Мигдонійской между Аксіосомъ и Стримонемъ и были потомками древнихъ Мигдонцевъ, упоминаемыхъ какъ фригійское колѣно въ азиатской Фригійи. Съ Бригами Геродота тождественны, конечно, Бриги, упоминаемые Страбономъ въ области рѣки Эригона, то-есть, на сѣверѣ верхней Македоніи. Имя главнаго города ихъ Кудгаі живо напоминаетъ фригійскій городъ Кудгара въ Азіи ³⁾.

Я счелъ нужнымъ остановиться на этихъ свидѣтельствахъ древности о переселеніи Фригійцевъ изъ Европы въ Азію въ виду того, что Фригійцы вообще болѣе намъ извѣстны какъ малоазійскій народъ, между тѣмъ какъ ихъ преданія, какъ увидимъ ниже, прикрѣплены столько же (если не болѣе) къ Македоніи, ихъ древней родинѣ, сколько къ азиатской Фригійи. Вопросъ о національности Фриговъ, въ виду лишь небольшого запаса ихъ словъ, дошедшихъ до насъ, не можетъ быть рѣшенъ окончательно. Несомнѣнно одно, что они были Индоевропейцы, также какъ и Фракіиды. Споръ идетъ между лингвистами лишь о томъ, принадлежать ли они къ арійской, то-есть, азиатской вѣтви Индоевропейцевъ, или къ западной, европейской. Одни (Gosche, Boetticher, Lassen, Cuno, Fr. Lenormant), основываясь на свидѣтельствахъ древнихъ писателей о происхожденіи Армянъ изъ Фригійи и о родствѣ обоихъ языковъ, также на разборѣ фригійскихъ словъ, причисляютъ Фригійцевъ къ Фракіійской семьѣ ⁴⁾. Другіе (Эрвстъ Курціусъ, Фикъ) изъ разбора фригійскихъ словъ заключаютъ

¹⁾ Herod. VI, 45.

²⁾ Къ этому мѣсту Геродота находимъ слѣдующее замѣчаніе у Раулинсона (Herod. III, p. 435): At this time they (the Brygi) seem to have dwelt in the region above Chalcidicé, or perhaps a little more to the west, between the Chalcidicé peninsula and Pieria. Afterwards they were pushed very much further westward, and appear as neighbours to the Illyrians upon the Adriatic.

³⁾ См. Fick, Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas (1873), стр. 410.

⁴⁾ Ср. Герод. VII, 73: Ἀρμένιοι Φρυγῶν ἄποικοι. Eudex. ap. Eustath. ad Dionys. Perieg. v. 694. Ἀρμένιοι τὸ γένος ἐκ Φρυγίας καὶ τῆ φωνῇ πολλὰ φρυγίζουσι. Ср. Steph. Bys. v. Ἀρμενία. См. Lassen, Ueber die Lykischen Inschriften u. die alten Sprachen Kleinasiens въ Zeit. der D. Morg. Ges., X, p. 375 и слѣд.; Gosche, De Ariana linguæ gentisque armeniacae indole. 1847; Boetticher (Paul de Lagarde) Gesam. Abhandlungen (1866), стр. 283—290, гдѣ собраны всѣ фригійскія глоссы, числомъ 63; François Lenormant, Lettres Assyriologiques, t. I, p. 133; Cuno, Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde (1841), p. 274 и слѣд.

о бѣгѣ тѣсногь родствѣ Фригійцевъ съ европейскими народами ¹⁾ Какъ бы то ни было, принадлежали ли Фригійцы къ восточной, или къ западной вѣтви Индоевропейцевъ, несомнѣнно, что они нѣкогда жили въ Македоніи и оставили рядъ преданій о своихъ древнихъ царяхъ, преданій, хорошо извѣстныхъ въ древней Греціи.

Переселеніе ихъ въ Азію и завоеваніе страны, которая по ихъ имени была названа Фригіей, связано съ именемъ древняго царя Мидаса (Сопон ар. Phot. Bibl., p. 130). Имена Мидаса и Гордіаса смѣняются въ царственномъ домѣ Фригійи. Каждый Фригійскій царь, упоминаемый классическими писателями, либо Мидасъ, сынъ Гордіаса, либо Гордіасъ, сынъ Мидаса. Три Мидаса упоминаются у Геродота. Имя одного Мидаса читается на одной фригійской надписи на гробницѣ, найденной въ Доганлу близъ Кутая (Cotyasum) и описанной путешественникомъ Тексъе ²⁾. Сэръ Генри Раулинсонъ предполагаетъ, что Мита, царь народа Муски, современникъ Ассирійскаго Саргона, упоминаемый въ клинообразныхъ надписяхъ,—одинъ изъ фригійскихъ Мидасовъ ³⁾. Историки стараются извлечь историческія черты изъ сказаній о Мидасѣ и приурочить царей съ этимъ именемъ къ разнымъ столѣтіямъ. Мы же, интересуясь пока лишь легендарными чертами, наклонившимися на это національное имя, замѣтимъ прежде всего, что въ родоначальникѣ Фригійскихъ царей, по всей вѣроятности, скрывается какое-то древнее національное божество. У Гезихія упоминается фригійскій лунный богъ *Midas deos*, и изображеніе его, съ признаками луннаго бога Мэна, было открыто на одной вазѣ. Мидасъ изображенъ во фригійской шапкѣ, въ длинномъ хитонѣ, держащимъ коня на поводу, совершенно такъ, какъ на монетахъ Лаодикеи въ

¹⁾ См. *Фикъ*, Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas, стр. 408—416, гдѣ находимъ лингвистическій разборъ фригійскихъ словъ, изъ котораго дѣлается слѣд. выводъ: So wenig es ist, so genügt doch das Wenige zum Beweise, dass die Phryger keine Arier, oder besser gesagt, keine Eranier waren, denn nur die Eranier können bei der geographischen Lage der phrygischen Wohnsitze in Frage kommen... Vielmehr waren die Phryger Europäer, nicht bloss ihren Stammsitzen, sondern auch ihrem Ursprunge nach, denn ihre Sprache weist die sämtlichen Merkmale der einstigen europäischen Spracheinheit auf... *Курциусъ*, Исторія Греціи, I (русск. переводъ), стр. 25: «Фригійскій языкъ близко подходитъ къ эллинскому, быть можетъ, даже ближе, чѣмъ толскій къ среднѣмецкому».

²⁾ *Текъеръ*, Asie Mineure, vol. I, p. 155.

³⁾ См. *Васлинсонъ*, Herod., I, p. 155 изд. 2-е, примѣч. Г. Раулинсона къ Her. I, 14.

Калесирин представляется богъ Мѣн¹⁾. Соберемъ же теперь преданія о Мидасѣ, записанныя классическими писателями.

1. Имя Мидаса связывается съ именемъ еракійскаго пѣвца Орфея. Онъ называется слушателемъ этого музыканта²⁾.

2. Вся древность знала о непомерныхъ богатствахъ Мидаса. Когда онъ еще лежалъ въ колыбели, говоритъ одно преданіе³⁾, — муравьи клали ему пшеничныя зерна въ ротъ, въ знакъ того, что онъ будетъ самымъ богатымъ изъ людей. Поимка Силена въ садахъ Мидаса разказывается иногда въ связи съ поѣздомъ Діониса изъ Эракіи во Фригію. Силень, пойманный поселянами, былъ связанъ вѣнками и приведенъ къ Мидасу⁴⁾. Другія преданія разказываютъ, что Мидасъ поймалъ Силена хитростью, наполнивъ виномъ источникъ, изъ котораго онъ пилъ. Этотъ источникъ находился близъ города Анкиры, построеннаго Мидасомъ, и носилъ его имя⁵⁾. Впрочемъ источники съ именемъ Мидаса упоминаются и въ другихъ странахъ. Для насъ важна та черта, что, по однимъ преданіямъ, источникъ былъ золотой. Мидасъ странствовалъ въ безводной мѣстности своей страны, и отыскивая воды, коснулся въ одномъ мѣстѣ земли: вдругъ оттуда забилъ золотой ключъ. По просьбѣ Мидаса богъ Діонисъ превратилъ этотъ ключъ въ водяной, и изъ него образовалась рѣка Марсиасъ. Затѣмъ Мидасъ возвратилъ Діонису Силена, и богъ въ благодарность дозволилъ ему пожелать, чего хочетъ. Мидасъ пожелалъ, чтобы все, чего онъ коснется, обращалось въ золото; но впоследствии, изнемогая отъ голода передъ золотыми яствами, просилъ Діониса избавить его отъ послѣдствій неразумной просьбы и по приказанію бога искупался въ источникъ Пактолъ (близъ горы Тмола въ Лидіи), вслѣдствіе чего Пактолъ сталъ златоносною рѣкой⁶⁾.

3. Еще другой рядъ сказаній ходилъ объ ослиныхъ ушахъ Мидаса. Они даны ему были Аполлономъ въ наказаніе будто бы за то, что при музыкальномъ состязаніи Аполлона съ Паномъ, Мидасъ пред-

¹⁾ См. *Bulletino dell' Inst. Archeolog.* 1842, p. 43; ср. *Panofka*, König Midas auf Bildwerken въ *Arch. Zeitung* 1845, p. 92; *Mawry*, Histoire des Religions de la Grece antique, III, 123—130; *Fr. Lenormant*, Légende de Sémiramis, p. 51 и слѣд.

²⁾ См. Ovid. Met. XI, 92.

³⁾ Cic. de Div. I, 36; Ael. Var. Hist. XII, 43; Val. Max. I, 6.

⁴⁾ Ovid. Met. XI, 90; Hyg. Fab., 191.

⁵⁾ Paus. I, 4, 5.

⁶⁾ Ovid. Met., XI, 90—145.

почелъ Панову флейту Аполлоновой киварѣ. Мидасъ скривалъ ослиныя уши подъ фригійскою шапкой, однако его брадобрѣй открылъ эту тайну, и вырвавъ яму, сообщилъ ее землѣ. На этомъ мѣстѣ выросъ тростникъ, который при малѣйшемъ колебаніи вѣтра произносилъ слова „царь Мидасъ имѣетъ ослиныя уши“ и распространилъ эту тайну по всей странѣ ¹⁾.—Другія преданія иначе мотивируютъ полученіе Мидасомъ ослиныхъ ушей или превращеніе его въ осла. Мы не можемъ здѣсь подробно изслѣдовать значенія этого мифа; замѣтимъ только, что юмористичное объясненіе ослиныхъ ушей какъ наказанія за неразумную музыкальную критику — объясненіе сравнительно позднее. Ослиныя уши (какъ козлиныя бога Паны и всей породы Сатировъ) находятся въ связи съ древними мифическими представленіями и уже по свидѣтельству древнихъ писателей характеризуютъ Мидаса, какъ мифическую личность изъ рода Сатировъ ²⁾. Поэтому историкъ искусства Павофка ³⁾, и мифологъ Швенкъ ⁴⁾ справедливо видятъ въ этихъ ушахъ признаки луннаго божества. Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе о значеніи осла въ зооморфическихъ олицетвореніяхъ у разныхъ народовъ, замѣтимъ, что подобно тому какъ солнце часто олицетворялось въ образѣ воина, такъ мѣсяць олицетворялся болѣе слабымъ животнымъ той же породы — осломъ. На востокѣ, гдѣ порода осла гораздо выше европейской выродившейся, оселъ въ древности не былъ постоянной мишенью насмѣшекъ. Онъ цѣнился какъ хорошій бѣгунъ и на колесницѣ, запряженной ослами, ведійскіе Діоскуры Асвины обгоняютъ въ состязаніи прочихъ боговъ ⁵⁾. Въ мифологическихъ сказаніяхъ оселъ получаетъ фаллическій характеръ вслѣдствіе его способности плодиться въ двухъ направленіяхъ—съ ослицей и кобылой. Этимъ объясняются нѣкоторые народные обычаи, напримѣръ, средневѣковыя наказанія прелюбодѣвъ и импотентовъ, и нѣкоторыя повѣрья объ ослѣ, о чемъ можно прочесть въ Зоологической мифологіи де-Губернатиса ⁶⁾. Какъ фаллическія божества находились въ связи съ ночью и мѣсяцемъ, такъ и оселъ былъ выбранъ символомъ луннаго бога, чему способствовали и уши, напо-

¹⁾ Ovid. Met. XI, 146—193.

²⁾ Philostr. Vita Apollonii VI, 28: μεταίχε μανάρ τοῦ τῶν Σατύρων λένους ὁ Μίδας οὗτος ὡς ἐδήλου τὰ ὦτα.

³⁾ Archäol. Zeitung 1844, стр. 386, 1845, стр. 92.

⁴⁾ Etymol. mythol. Andeut., стр. 67.

⁵⁾ Aitar. Brah. IV, 2, 9; см. мои Очерки аріійск. миф., т. I, стр. 113.

⁶⁾ Часть I, гл. 3.

минавшія рога молодого мѣсяца. Въ этомъ отношеніи оселъ часто смѣняется козломъ, котораго рога и фаллическія свойства также сдѣлали зооморфическимъ олицетвореніемъ того же свѣтла. Миеологическая роль обоихъ животныхъ идетъ параллельно, хотя лунные признаки козла болѣе извѣстны миеологамъ. Замѣтимъ тутъ же, что ослиныя уши Мидаса, какъ увидимъ ниже, смѣняются иногда козлиными.

Оставляя въ сторонѣ миеологическое значеніе осла, которое могло бы быть предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія, возвратимся къ Мидасу. Резюмируя легендарныя черты этого фригійскаго родоначальника, мы пришли къ убѣжденію, что въ основѣ его лежитъ лунное божество, нѣкогда чествовавшееся этими народами. У Фригійцевъ была своя лунная династія, какъ у Индусовъ—солнечная и лунная. Какъ лунное божество, Мидасъ приходитъ въ столкновеніе съ солнечнымъ—Аполлономъ: избитый мотивъ всѣхъ миеологій. Лунный Панъ, состязавшійся въ игрѣ съ солнечнымъ Аполлономъ, и Силень, пойманный Мидасомъ,—тѣ же личности, какъ и Мидасъ. Какъ мѣсяць блескомъ соперничаетъ съ солнцемъ, но остается побѣжденнымъ, такъ и Мидасъ, получивъ солнечный даръ отъ Діониса—обратить все въ золото, долженъ отказаться отъ этого непосильнаго свойства. Этими древнимъ миеомъ объясняются всѣ черты сказаній о Мидасѣ—его богатство, объясняемое впоследствии золотыми рудниками македонской горы Берміоса, превращеніе въ осла или козла и связь съ музыкантомъ Орфеемъ, котораго слушателемъ онъ является, какъ онъ же былъ слушателемъ (и соперникомъ) музыканта Аполлона.

Сказанія о Мидасѣ, прикрѣпленные къ Македоніи, разошлись по европейскимъ и азіатскимъ сказкамъ. Мотивъ о царѣ съ ушами извѣстнаго свойства и брадобрѣ, открывающемъ его тайну, встрѣчается въ сказкахъ валійской, бретонской, ирландской и въ монгольскомъ сборникѣ Шидди-Куръ ¹⁾. Бенфей, извѣстный знатокъ сказочной литературы, высказываетъ мнѣніе, что сказаніе объ ушахъ Мидаса распространилось съ запада на востокъ и не пришло изъ Индіи въ Европу какъ большинство европейскихъ сказокъ ²⁾. Оно извѣстно на востокѣ въ монгольскомъ сборникѣ Шидди-Куръ, кото-

¹⁾ См. *Jac. Grimm, Kl. Schriften*, IV, стр. 216 слѣд.; *Grimm, Kind—u. Hausm.*, III, стр. 310 и слѣд.; *Edéstand du Ménil, Etudes sur quelques points d'Archéologie et d'histoire littéraire*, стр. 432; *Julg, Mongol. Märchen aus der Sidhi-Kür* (1868), стр. 46 и слѣд., № 22.

²⁾ *Benfey, Panschatantra*, I, стр. XXII, примѣч.

рый представляет передѣлку санскритскаго Веталавачавинсати; но послѣдній сборникъ, сравнительно поздній, могъ на ряду съ индускими сюжетами заимствовать и иностранныя сказанія. Для насъ гораздо важнѣе этихъ сказокъ тѣ, которыя доказываютъ, что фригійское сказаніе доселѣ сохранилось еще въ устахъ народа приблизительно на той почвѣ, гдѣ оно разказывалось въ глубокой древности. Собратель ново-греческихъ сказокъ Беритгардъ Шмидтъ записалъ народную сказку о Мидасѣ на островѣ Закинѣѣ, представляющую отголосокъ классическаго сказанія. Вотъ ея содержаніе: Одинъ молодецъ, тоскуя о смерти отца, шелъ по дорогѣ и сорвалъ тростинку, чтобы сдѣлать себѣ дудку. Когда онъ заигралъ на дудкѣ, она прозвучала: „царь съ пятью покровами имѣетъ козлиныя уши“. Нангрывая на дудкѣ, молодецъ пришелъ въ царство этого царя. Онъ дѣйствительно имѣлъ козлиныя уши, и Мойры предрекли ему, что онъ умретъ, если народъ узнаетъ о его ухахъ. Поэтому голова царя была всегда покрыта пятью вуалями, и никто не видѣлъ его лица, кромѣ его брадобрѣя. Услыхавъ о пѣснѣ молодца о его ухахъ, царь допросилъ брадобрѣя, и тотъ совнался, какъ передалъ эту тайну землѣ. Видя исполненіе предсказанія Мойръ, царь обвинчалъ свою дочь съ молодцемъ, и передавъ ему престолъ, немедленно умеръ ¹⁾).

Замѣчательное сходство съ этою сказкой представляетъ сербская о царѣ Троянѣ съ козьими ушами въ сборникѣ Вука Караджича ²⁾. И здѣсь, и тамъ царь имѣетъ козьи уши въ противоположность бретонской, валійской и ирландской сказкамъ, гдѣ уши царя конскіе, и древне-фригійской и монгольской, въ которыхъ говорится объ ослиныхъ ухахъ. Мотивъ народно-греческой сказки, быть можетъ, древнѣе литературнаго классическаго, такъ какъ Мидасъ, какъ Сатиръ, долженъ былъ скорѣе имѣть козлиныя уши, нежели ослиныя. Эти козлиныя уши, равно принадлежащія героямъ народно-греческой и южно-славянской сказки, показываютъ, что обѣ сказки не почерпнуты изъ классической литературы, приписывающей Мидасу ослиныя уши, а представляютъ отголосокъ устныхъ народныхъ сказаній, ходившихъ въ Македоніи и Греціи. Для насъ особенно любопытно то, что Фригійскій царь Мидасъ получилъ у южныхъ Славянъ, поселившихся въ той мѣстности, гдѣ ходили о немъ сказанія, имя царя Трояна. Это

¹⁾ *Bernhard Schmidt*, Griech. Märchen, Sagen und Volkslieder (1877) p. 70, № 4.

²⁾ № 39; см. *Ө. И. Буслана* Истор. Очерки Русск. Нар. Слов., I, стр.

могутъ служить примѣромъ такого рода сказаній, которыя въ противоположность странствующимъ, мы можемъ назвать осѣдлыми. Известное преданіе, принадлежащее какому-нибудь народу прикрѣпляется къ мѣстности, населенной этимъ народомъ, становится, такъ сказать, осѣдлымъ. Затѣмъ народъ, создавшій это сказаніе, вытѣсняется со своей родины другимъ, или сливается съ завоевателями; но преданіе, разъ прикрѣпленное къ известной области, переходитъ къ новому населенію, хотя, быть можетъ, это населеніе совершенно иного племена. Примѣры такихъ осѣдлыхъ сказаній мы приведемъ ниже.

Болгаро-сербскій царь Троянъ нѣкто иное какъ царь Мидасъ. На аналогію обоихъ указывали уже раньше насъ: но мы идемъ дальше, предполагая, что между обѣими личностями не только такая аналогія, какъ между богатырями разныхъ европейскихъ и азиатскихъ сказокъ, но что Троянъ есть непосредственный преемникъ Мидаса, и что южные Славяне наслѣдовали сказанія о древнемъ Фригійскомъ царѣ вмѣстѣ съ почвою, къ которой они были прикрѣплены. Работа народной фантазіи въ созданіи нѣкоторыхъ пѣсень о Троянѣ ограничилась лишь тѣмъ, что приурочила черты Мидаса къ историческому имени императора Трояна.

Болгарскія пѣсни о царѣ Троянѣ приурочены къ городу Трояну на спускѣ Балканъ. Какъ часто бываетъ въ исторіи народныхъ пѣсней, что въ одну пѣсню вносятся черты другой, такъ сказаніе о царѣ Троянѣ сплетено съ известнымъ преданіемъ о св. Георгіи змѣеборцѣ. Троянъ является язычникомъ, идолослужителемъ, заставляющимъ христіанъ города Трояна кланяться серебряному истукану. За это будто бы онъ потерпѣлъ наказаніе: какъ источникъ Мидаса течетъ золотомъ, и даръ обращать все въ золото угрожаетъ смертью Фригійскому царю, такъ 70 водоемовъ города Трояна вмѣсто воды стали течь золотомъ, и гражданамъ угрожаетъ смерть отъ безводія. Остается близъ города лишь одинъ владъязъ (или озеро), изъ котораго можно было бы добывать воду, но его залегла Сура Ламія, то есть, змѣя. Здѣсь является общеизвестный разказъ о св. Георгіи и царской дочери, при чемъ Георгій, превращающій золотые источники Трояна въ водные, заступаетъ мѣсто классическаго Діониса, освобождающаго Мидаса отъ его губительнаго свойства превращать все въ золото ¹⁾.

Если болгарскія народныя пѣсни сохранили отголоски богатствъ

¹⁾ Болгарскія пѣсни, въ сборникѣ бр. Миладиновцевъ, №№ 31 и 38.

и золотыхъ источниковъ Мидаса, то сербская легенда, приуроченная къ развалинамъ другого города Трояна (внѣ Дюринича, на горѣ Церѣ, разделяющей Звериницъ и Шабацъ), сохранили нѣкоторые намеки на отношенія между Мидасомъ и солнечнымъ Аполлономъ. Царь Троянъ ѣздилъ каждую ночь, такъ какъ боялся солнца, изъ своего города Трояна въ городъ Срѣмъ, къ своей любовницѣ. Чтобы погубить его, братъ или мужъ этой особы насыпалъ Трояновымъ конямъ вмѣсто овса неску, а всѣмъ пѣтухамъ повыдергалъ языки. Троянъ, узнавъ поздно объ обманѣ, бросился на коня, чтобы скакать домой; но солнце застигло его на пути, и онъ спрятался въ стогъ сѣна. Подѣшли коровы, растрепали стогъ, и солнце растопило Трояна¹⁾.

Въ этомъ любопытномъ преданіи Троянъ-Мидасъ носитъ очень древнія черты луннаго божества. Какъ таковой, онъ боится солнца, при восходѣ котораго долженъ умереть, и ѣздитъ только по ночамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляется существомъ женолюбивымъ, и это объясняется фаллическими свойствами лунныхъ олицетвореній. Троянъ женолюбивъ, какъ Силенъ, какъ Панъ съ козьими ушами: вспомнимъ, какъ много ходило въ классическомъ мірѣ разказовъ о любовныхъ продѣлахъ Пана, Фавновъ и Сатировъ.

Разсмотрѣвъ южно-славянскія сказанія о Троянѣ, мы видимъ, что въ нихъ сохранились почти всѣ черты древне-фригійскихъ о Мидасѣ.

1. Древность знала о богатствѣ Мидаса, о его золотыхъ источникахъ. Такіе же источники текутъ въ городѣ Трояна.

2. Способность обращать все въ золото является наказаніемъ, снимаемымъ затѣмъ Діонисомъ, съ которымъ вообще Мидасъ тѣсно связанъ (Силенъ). Золотые водоемы болгарскаго Трояна являются наказаніемъ ему за служеніе истуканамъ и превращаются снова въ водяные, когда Троянъ обратился въ христіанство, при чемъ роль Діониса исполняетъ св. Георгій.

3. Царь Мидасъ приходитъ въ столкновеніе съ Аполлономъ, какъ мѣсяцъ съ солнцемъ, и превращается въ осла (или козла), то-есть, получаетъ уши этихъ животныхъ. Сербскій Троянъ имѣетъ козьи уши и погибаетъ отъ лучей солнца. Мидасъ изображенъ на одной вазѣ съ вонемъ на поводу, какъ будто готовый пуститься въ бѣгъ. Сербскій Троянъ отличается быстротой ѣзды и скачетъ на вонѣ каждую ночь изъ Трояна въ Срѣмъ.

¹⁾ См. Серб. Словарь *Караджича* (1852), стр. 750; *Ф. И. Буслевъ*, Ист. Очерки, I, 387.

Кажется, нѣтъ возможности предположить, что южно-славянскія сказанія—позднѣе литературнаго происхожденія. Древность ихъ видна изъ того, что они вкѣпѣлены, какъ легенды, въ древнѣе городамъ или городищамъ и связаны съ именемъ императора Трояна или краля Латина, какъ называетъ его болгарская пѣсня. Проще предположить, что мы имѣемъ передъ собою сказанія осѣдлыя, переходившія отъ одного народа къ другому, по мѣрѣ того какъ они чередовались въ области первоначальнаго распространенія этихъ сказаній.

II.

Выше мы замѣтили, что греческія традиціи называютъ Мидаса слушателемъ Орфея. Личность этого многоаспектнаго пѣвца и музыканта приурочивается единогласно всѣми греческими писателями къ Фракіи, откуда были родомъ и другіе пѣвцы древности—Фамирисъ, Евмольпъ. Мѣстности, посвященныя имени Орфея—область Птерія у Олимпа и долина Гебреса во Фракіи. Родопскія горы и богатый металлами Панагѣй представляютъ сцену, на которой разыгрываются мною о дивномъ пѣвцѣ. Онъ является сыномъ музы Калліоны и рѣчнаго бога Эагра (Oiaγros), хотя, впрочемъ, уже Пиндаръ называетъ его сыномъ Аполлона. На имя Орфея наклонился цѣлый рядъ преданій разныхъ временъ, въ которыхъ онъ является съ одной стороны дивнымъ пѣвцомъ и киваредомъ, недостижимымъ образцомъ для подражанія поэтамъ, съ другой—установителемъ какого-то религіознаго и нравственнаго ученія, священнослужителемъ, авторомъ цѣлаго ряда житейскихъ предписаній (βίος Ὀρφικος) и того таинственнаго культа, который былъ извѣстенъ подъ именемъ орфическаго. Имя его тѣсно связано съ культомъ Діониса и Аполлона, при чемъ крайне разнорѣчивы свидѣтельства древности объ его отношеніяхъ къ тому и другому боже-ству. По свидѣтельству однихъ, Орфей былъ растерзанъ Менадами за то, что считалъ Геліоса-Аполлона величайшимъ богомъ и пренебрегалъ Діонисомъ, по другимъ—онъ основалъ мистерію Діониса, и по Геродоту—орфическій есть синонимъ вакхическаго ¹⁾. Есть указанія на связь орфическаго ученія съ пнеагорейскимъ и на то, что орфическій образъ жизни былъ проникнутъ восточнымъ аскетизмомъ и вѣрой въ переселеніе душъ. Намъ нѣтъ цѣли вдаваться въ изученіе всѣхъ темныхъ свидѣтельствъ древности объ Орфеѣ пѣвцѣ и жрецѣ; для

¹⁾ Creutzer, Symbol., IV, 30.

насъ важно то, что личность пѣвца Орфея, прославляемая уже древнѣйшими греческими поэтами—Пиндаромъ, Эсхиломъ, Сомонидомъ, Ивикомъ и другими, служившая имъ музой вдохновенія, принадлежить Фракіи и Македоніи, гдѣ о немъ ходило болѣе сказаній, нежели въ собственной Элладѣ. Согласно общему убѣжденію древности, искусство изображало Орфея во фригійской повязкѣ, хотя съ теченіемъ времени онъ сталъ уже чистымъ Грекомъ и во костюмѣ ¹⁾.

И вотъ въ области Родопскихъ горъ, въ той области, къ которой было прикрѣплено имя музыканта Орфея, Ст. Верковичу удалось записать цѣлый рядъ длинныхъ эпическихъ пѣсенъ, въ которыхъ является классическій образъ дивнаго пѣвца, подчиняющаго своей волѣ животныхъ, людей и чудовищъ звуками золотой свирѣли (свирька) ²⁾. Этотъ свирѣльщикъ божественнаго происхожденія носитъ въ разныхъ вариантахъ разные имена — Урфенъ, Орфенъ, Уфренъ, Френъ, Френуше, Хръленъ, Форлепъ, изъ которыхъ одно — Орфенъ — напоминаетъ имя Орфея. Но дѣло, конечно, не въ имени: сходство, быть можетъ, случайное. Дѣло въ томъ, что среди цѣлаго ряда приключеній и подробностей, не имѣющихъ ничего общаго съ классическими преданіями объ Орфее, болгарскія пѣсни объ Орфенѣ представляютъ нѣкоторыя любопытныя аналогіи классическому мифу. Орфена трудно отличить въ большинствѣ пѣсенъ отъ другихъ эпическихъ лицъ болгарскаго эпоса: онъ является древнимъ или даже первымъ царемъ, переводитъ свой народъ изъ одной страны въ другую (нынѣшнюю Болгарію) черезъ Черное море или два Дуная, строитъ городъ, то есть, дѣлаетъ то же, что цари Сада, Чета и цѣлый рядъ другихъ. Но если, какъ часто бываетъ въ народной поэзіи, имя Орфена смѣшано съ другими эпическими именами ³⁾, то все же есть черты, которыя присущи этимъ пѣснямъ, какъ отголоски классическаго мифа. Въ виду того, что въ нашей статьѣ о Веда Словена ⁴⁾ мы уже сообщили содержание нѣкоторыхъ пѣсенъ объ Орфенѣ, ограничимся здѣсь только вышепомянутыми чертами.

¹⁾ *Preller Gr. Myth.*, II, 486; *Virg. Aen.* 6,645. *Thracicus longa cum veste sacerdos.*

²⁾ См. *Верковича*, Веда Словена, I, стр. 290 — 545: пѣсни XI — XV включительно.

³⁾ Есть даже пѣсня объ Урфенѣ разбойникѣ. См. *Dozon*, *Rapports*, p. 78.

⁴⁾ См. *Вѣстникъ Европы* 1877 г., а также *Dozon*, *Les Chants populaires Bulgares. Rapports sur une Mission littéraire en Macédoine* (1874), pp. 22 — 24 и 31—38.

1) Классическій Орфей является установителемъ какого-то религиознаго культа, основателемъ мистерій Діониса, служителемъ этого бога или солнечнаго Аполлона. Болгарскій Орфей постоянно служитъ, какъ говорится въ пѣсняхъ, вышнему богу на небѣ и воспѣваетъ его на своей свирѣ. Проживъ нѣсколько времени на землѣ, онъ оставляетъ жену и мать и улетаетъ на небо, откуда уже не возвращается. Въ одной пѣснѣ разказывается, что Орфей сплзнулъ на землю, чтобы навѣстить свою жену Ресиду; но ни ея, ни его матери не было въ его жилищѣ. Принеся жертву при посредствѣ жреца, онъ узнаетъ, что жена его также вознеслась на небо служить богу. Онъ возвращается туда же, и заканчиваетъ пѣснь, уста его позлатились ¹⁾. Такимъ образомъ Орфей соединяется съ Ресидею на небѣ на службѣ у Бога, какъ Орфей съ Евридикой въ Андѣ.

2) Классическій Орфей божественнаго происхожденія: онъ сынъ музы и рѣчнаго бога или снѣгъ Аполлона. Генеологія Орфея также восходитъ къ солнцу. Онъ сынъ Юди и Юдинскаго царя, но его мать была дочерью солнца отъ земной женщины и до замужества служила дѣвой на небѣ. Такимъ образомъ Орфей является буквально внукомъ Велесовымъ.

3) Орфей привлекаетъ звѣрей и птицъ звуками своей лиры. Когда Орфей игралъ на свирѣли, то со всѣхъ сторонъ слетались птицы въ его чертогъ и сидѣли тѣсно ослѣпленныя, звѣри плясали вокругъ него, и горы волебались ²⁾.

4) Орфей отправляется искать Еврикиду въ Андѣ, куда она скрылась, укушенная змѣей. Орфей по предсказанію ищетъ себѣ невѣстудѣвицу Росиду въ землѣ Морной. Росиду оберегаютъ три змѣя, которыхъ онъ усмиряетъ свирѣлю. Плутону соотвѣтствуетъ Харакскій царь, женихъ Росиды, преслѣдующій бѣглецовъ, Персефонъ — двѣ сестры Росиды, пробуждающія змѣевъ, когда Орфей увелъ свою милую. Уводя Росиду, Орфей держитъ ее лѣвою рукой, а въ правой держитъ свирѣль, на которой играетъ постоянно и этимъ подчиняетъ все своей волѣ. Въ этомъ изводѣ пѣсни Орфей, въ противоположность Орфею, выводитъ благополучно свою лубу изъ Морной земли; но есть пѣсни, гдѣ болгарскій музыкантъ лишается жены. Такъ, въ одной говорится, что Орфей пошелъ на охоту съ ружьемъ и свирѣлю. По возвра-

¹⁾ *Dodon.*, p. 34.

²⁾ См. въ сборникѣ *Верковича* пѣсню: Роженіе Орфево, № XI, стр. 324 и 325.

щелки, онъ находитъ дождь своей протинки. Жена его скрепится на луну, Тогда онъ вытается обивать, и усилить свирѣлью одного духа (Рей), увести Росиду, подняла ее вѣло игрой. Но дорогой ихъ догоняетъ Рей, похищаетъ у него свирѣль, и Росида возвращается. Въ концѣ пѣсни Орфей возносится навсегда на небо ¹⁾).

Въ вышеприведенномъ мы собрали всѣ черты болгарскаго Орфея, напоминающія классическаго. Но эти черты, какъ мы уже сказали, смѣшаны со многими другими, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго съ классическимъ мифомъ, и въ которыхъ Орфей не отличается отъ другихъ эпическихъ царей болгарскаго эпоса. Какъ же объяснить эти черты? Мы склонны видѣть въ мифѣ объ Орфѣѣ другой примѣръ осѣдлыхъ сказаній. Какъ въ древности въ Родопскихъ горахъ ходили въ еракійско-македонскомъ населеніи сказанія о чудномъ пѣвцѣ, такъ они ходятъ въ послѣднихъ отголоскахъ и теперь въ македонскомъ простонародіи, будучи прикрѣплены къ мѣстности. Мы же находимъ ничего невозможнаго въ этомъ объясненіи. Наши былинны, ходящія въ устахъ народа въ XIX в., поютъ о князѣ Владимірѣ, жившемъ въ X в. Почему же классическія сказанія объ Орфѣѣ, которыя, вѣроятно, еще были свѣжи въ языческой Византіи въ первые вѣка нашей эры, не могли перейти къ славянскому населенію Болгаріи и Македоніи, которое уже застала въ этихъ мѣстахъ болгарская орда въ VII в.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ сказанія о Мидасѣ и Орфѣѣ и ихъ македонско-болгарскіе отголоски, мы уже приблизились къ вопросу, давшему поводъ къ этой статьѣ. Мы видѣли, что смѣстникомъ и преимникомъ фригійскаго Мидаса является юго-славянскій Троянъ. Съ другой стороны, память о еракійскомъ пѣвцѣ Орфѣѣ сохранилась въ македонскихъ пѣсняхъ, воспѣвающихъ такого же дивнаго музыканта, при чемъ послѣдній носитъ рядъ различныхъ именъ, изъ которыхъ одно напоминаетъ классическое. И вотъ—въ одной болгарской пѣснѣ находимъ, съ одной стороны, царя Трояна-Мидаса, съ другой—глухое упоминаніе о какомъ-то пѣвцѣ Боянѣ. Сама собою является мысль, что этотъ пѣвецъ Боянъ есть замѣна древняго Орфея, или что имя Бояна—вѣроятно, историческое, какъ и имя Трояна—есть болгарское переименованіе древне-еракійскаго пѣвца. Кто былъ Боянъ, на имя котораго наслышлось сказаніе объ Орфѣѣ, конечно, нѣтъ возможности рѣшить, да оно и не важно. Важно то, что оба имени—Троянъ и Боянъ—оказываются въ русскомъ произведеніи XII в., какъ безсозна-

¹⁾ См. *Dozon, Rapports*, p. 35.

темное заимствование изъ болгарскаго источника, и что явнымъ образомъ Слово о Полку Игоревѣ сохранило нѣкоторыя черты терея-пѣвца болгарскихъ сказаній, который до сихъ поръ еще жидъ этимъ именемъ (Бояна) не называлъ въ болгарскихъ пѣсняхъ, за исключеніемъ одной, гдѣ онъ упоминается въ послѣднихъ стихахъ.

При этомъ случаѣ не могу обойти молчаніемъ мнѣнія профессора А. Н. Веселовскаго о Троянѣ Слова о П. Иг., мнѣнія, развитаго имъ въ очень дѣльномъ разборѣ моей книги о Словѣ, напечатанномъ въ Жур. Мин. Нар. Пров. (августъ 1877 г.). Легендарный Троянъ болгаро-сербскихъ преданій какъ-то не укладывается, говоритъ А. Н. Веселовскій,—въ его пониманіе Слова о П. Иг. (стр. 291). Онъ видитъ объясненіе упоминанію Троянъ въ Словѣ въ средневѣковныя книжныя сказанія о Троянской войнѣ. Имя Троянъ стало какъ бы эпитетомъ Троянскаго народа (подобно тому какъ Русскихъ производили отъ ихъ предковъ Руса, Чеховъ отъ Чеха и т. д.). Вѣкъ Трояна могъ быть обозначеніемъ отдаленныхъ временъ, вѣковъ „Трояна“—троянскихъ дѣлій. Распространенность книжныхъ сказаній о Троянской войнѣ въ средніе вѣка, какъ на востокѣ—въ Византіи, такъ и въ западной Европѣ, не подлежитъ сомнѣнію: отъ троянскихъ героевъ вели средневѣковыя писатели, напримѣръ, генеалогію Франковъ. Разсматривая нѣкоторыя изъ этихъ сказаній, г. Веселовскій обращаетъ особенное вниманіе на нѣкоторыя черты, приурочивающія Троянъ, съ одной стороны, къ Македоніи, съ другой—къ берегамъ Дона, Азовскаго моря, гдѣ—по слову о П. Иг.—лежала земля Троянъ. Собирая въ одну передачу двѣ редакціи сказанія о происхожденіи Франковъ отъ Троянъ, занесенныя хроникой, приписываемою Фредегару Схоластику (послѣ 658 г.), г. Веселовскій излагаетъ это сказаніе въ слѣдующихъ словахъ (стр. 298): Первымъ королемъ Франковъ былъ Пріамъ; при немъ, по взятіи Трои, Троянскій народъ выселился изъ города. При королѣ Фригъ часть Троянъ переселилась въ Европу, отвѣчая призыву Македонскаго короля, котораго тѣснили сосѣди. Въ благодарность за оказанныя услуги они получили осѣдлость въ Македоніи, и еще подвиги Филиппа и Александра Великаго продолжали служить свидѣтельствомъ о древнихъ доблестяхъ Троянъ, смѣшавшихся съ Македонянами. Между тѣмъ главная часть Троянскаго народа, назвавшаяся по имени короля Фригійцами, потонула въ Азій и съѣла наконецъ на берегу Дуная. Здѣсь они снова раздѣлились. Одна часть пошла подъ предводительствомъ короля Франціо въ страну между Рейномъ и Океаномъ и назвались Франками; другая осталась на бе-

регахъ Дуная между Фракіей и Олсавою и получила отъ имени короля Турхотъ (Turshot) или Turquot название Turci или Turqi.

Во второмъ разказѣ Фредегара, внесенномъ въ извлеченіи изъ Григорія Турскаго, г. Веселовскій отмѣчаетъ новую подробность: Франки, прибывшіе на Рейнъ, принялись строить, не далеко отъ рѣки „civitasem ad insar Trojae nominis“. Это, очевидно, книжный домыслъ Фредегара: colonia Траяни на Рейнѣ истолковано троянскою колоніей, въ связи съ троянскимъ происхожденіемъ Франковъ. Замѣтимъ для дальнѣйшаго этотъ фактъ, что названіе города по имени императора Траяна объясняется названіемъ народа Троянъ.

„Нѣсколько иначе передаетъ ту же легенду (о Троянахъ-Франкахъ) анонимный составитель „Gesta regum Francorum“, около 725 г. Въ Троѣ царствовалъ Эней; по взятіи города Греками, онъ бѣжалъ въ Италію; въ то же время Пріамъ и Антеноръ съ 12-ю тысячами человекъ, оставшихся въ живыхъ отъ пораженія, способныхъ носить оружіе, на корабляхъ отправились къ берегамъ Дона и по Мэотійскому болоту прибыли въ Паннонію, лежащую близъ Мэотійскаго озера, гдѣ ими построены городъ Сикамбрія. Когда Алане возстали противъ императора Валентиніана, и разбитые имъ, перешедши Дунай, вскали свасенія у Азовскаго моря, императоръ обѣщалъ освободить отъ податей тѣхъ, кто выслѣдитъ ихъ и побѣдитъ. Трояне побѣждаютъ враговъ, отчего и названы были императоромъ Франками (feros) за ихъ храбрость. Когда впоследствии явился къ нимъ, не смотря на дарованную льготу, сборщикъ податей, Франки обращаютъ въ бѣгство императорскаго полководца, теряютъ въ битвѣ короля своего Пріама, и не видя возможности противостоять Римлянамъ, выселяются изъ своихъ осѣдлостей въ области Рейна“.

Изъ этихъ сказаній видно, что Трояне, съ одной стороны, указываются на Дунай, и отъ нихъ происходятъ Turci или Turqi, въ чемъ, конечно, нельзя не видѣть книжнаго домысла, основаннаго на сходствѣ названія Троянцевъ—Teucii съ названіемъ Turci, съ другой—упоминаются Трояне, яко бы жившіе нѣкогда на Азовскомъ морѣ. „О Туркахъ“, по словамъ г. Веселовскаго, — „Византіяцы слышали не раньше 562 года; въ 576 г. Турскій хаганъ Туресантъ осаждалъ Керчь и Херсонъ. Подъ донскими и дунайскими Торками-Троянами разумѣются азовскіе Турки, родственные дунайскимъ Хагано-Болгарами; разбросаннымъ остаткомъ этой нѣкогда значительной орды, по видимому, были также Торки или Торци, которые подъ этимъ названіемъ часто являются въ русскихъ лѣтописяхъ со времени Вла-

димира Великаго и въ походахъ великихъ князей перѣдно составляли конницу“.

Прилагая эти данныя къ Трояну Слова о П. Иг., г. Веселовскій едѣвающимъ образомъ комментируетъ упоминаніе земли трояной на Дону: авторъ Слова, знавшій объ азовскихъ Готахъ, зналъ и объ азовскихъ Туркахъ; надо предположить, что ему извѣстна была какая-нибудь историческая сказка въ родѣ той, которую приурочили къ своимъ Франкамъ Фредегаръ и Gesta Francorum; тогда понятно будетъ, почему земля Турковъ Торхота на Дону сдѣлалась у него землею Троянской. Память о Троянской землѣ на Дону—трудно представить себѣ у болгарскаго книжника. Если такъ, то и за упоминаніемъ вѣковъ и неопредѣленнаго эпическаго садама вѣка Трояна не зачѣмъ было автору обращаться къ тому же источнику. Если Троянова земля могла у него явиться вслѣдствіе самостоятельнаго знакомства съ какимъ-нибудь средневѣковымъ троянскимъ сказаніемъ, то оттуда же вытекло общее мѣсто о троянскихъ вѣкахъ; понимать ли его въ болѣе широкомъ смыслѣ троянскихъ событій, или въ болѣе специальномъ и мѣстномъ, приурочившемъ Троянъ-Турковъ на Дону? (тамъ же, стр. 302).

И такъ, мы сходимся съ проф. Веселовскимъ въ томъ, что упоминаніе Трояна въ Словѣ не основывается на народныхъ русскихъ сказаніяхъ, а взято изъ книжнаго источника. Только г. Веселовскій думаетъ, что оно почеркнуто авторомъ Слова изъ какого-нибудь средневѣковаго сказанія о Троянахъ, а я нахожу болѣе вѣроятнымъ, что оно заимствовано изъ книжнаго болгарскаго источника, на которомъ отразились мѣстныя болгарскія или южно-славянскія сказанія о Троянѣ, приуроченныя къ развалинамъ города въ Болгаріи.

Какъ ни остроумны соображенія г. Веселовскаго, я все же не считаю возможнымъ согласиться съ его доводами.

1) Во первыхъ, намъ ничего неизвѣстно о томъ, что авторъ Слова зналъ азовскихъ Турвовъ, нѣкогда жившихъ на Азовскомъ морѣ. То обстоятельство, что онъ зналъ объ азовскихъ Готахъ, конечно, еще не можетъ служить тому доказательствомъ.

2) Предположимъ на минуту, что онъ зналъ объ этомъ поглощенномъ Половцами народѣ; для какой же цѣли ему воскрешать воспоминанія о нихъ въ то время, когда Азовское побережье и берега Дона принадлежали страшному врагу Русскихъ—Половцамъ, громившему въ XII вѣкѣ на Дунаѣ даже области Восточной Римской Имперіи? Съ какою цѣлью называть даже землю этого народа зем-

лею Трояновой? По г. Веселовскому, это наименование объясняется тѣмъ, что авторъ зналъ какое-нибудь средневѣкое преданіе о Троянахъ на Дону. Если и допустить, что помимо византийска-болгарскихъ источниковъ авторъ Слова могъ быть знакомъ съ западными — что намъ не представляется вѣроятнымъ, — то во всякомъ случаѣ нельзя указать такого сказанія на западѣ, которое помѣщало бы Троянъ на Дону, называя Турковъ ихъ потомками. Въ приводимомъ г. Веселовскимъ сказаніи изъ *Gesta regum Francorum* не говорится о Туркахъ на Дону, и Трояне, предки Франковъ, пребываютъ тамъ лишь временно. Притомъ можно еще думать, не явился ли въ этомъ сказаніи *Tanaïs flumen* чрезъ смѣшеніе съ Дунаемъ, такъ какъ Трояне строятъ городъ въ Панноніи, который — по этому сказанію — лежитъ *juxta Maeotidas paludes*.

3) Г. Веселовскій полагаетъ, что названіе Троянъ могло стать эпонимомъ Троиискаго народа, и что отъ этого эпонима образовалось прилагательное троянъ. Но до сихъ поръ такой эпонимъ Троянъ нигдѣ не найденъ, и прилагательное троянъ не можетъ быть произведено отъ названія города Трои. Прилагательное имя отъ послѣдняго слова есть тройскъ и троянскъ.

4) Наконецъ, пониманіе троянъ въ смыслѣ троянскій на нашъ взглядъ несомнѣнимо съ вѣкоторыми мѣстами Слова о П. Иг. Вспомнимъ, что Игорь, называющійся въ одномъ мѣстѣ Дажьбожимъ внукомъ, въ другомъ — Троянимъ внукомъ. Слѣдовательно, и земля Троянъ должна быть землею Русскою. Дѣйствительно, мѣсто Слова: „встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою (дивою?) на землю Троянъ“ находится въ соотношеніи съ другимъ, въ которомъ говорится, что Ольгово храброе гнѣздо не было рождено для обиды. Далѣе непонятно было бы и то мѣсто, гдѣ говорится о томъ, что воображеніе Воiana рыщетъ вслѣдъ за Трояномъ (въ тропу Троянъ). Почему Волянъ воспѣваетъ Троянъ, подъ которыми самъ же г. Веселовскій понимаетъ азовскихъ Турковъ? Соединеніе обоихъ именъ Трояна и Воiana, какъ мы видѣли, является въ народной македонской пѣснѣ, и такъ какъ въ ней Троянъ является царемъ-завоевателемъ, то нѣтъ сомнѣній, что и въ этомъ мѣстѣ Сл. о П. Иг. мы имѣемъ мѣстнаго Волгарскаго краля Трояна, а не Троянцевъ.

Проф. Веселовскій указываетъ на упоминаніе Троянъ въ Македоніи и на Дунай въ средневѣковыхъ книжныхъ сказаніяхъ. Объясненія этому факту слѣдуетъ искать въ томъ, что средневѣковые книжные домыслы о происхожденіи древней исторіи народовъ главнымъ

образомъ основываются на сходствѣ именъ, на игръ этимологіахи. Франки напомнили Фриговъ, Турки—Тевгровъ, соловіа Тгајана у Рейна—Троянъ Гомеровыхъ. Любопытно, что у тѣхъ же Македонскихъ Волгаръ, которые знаютъ нѣсни о царѣ Троянѣ, жившемъ въ городѣ Троянѣ, были записаны Верковичемъ пѣсни о разрушеніи города Трее или Троенита-града двѣнадцатью кралами, въ которыхъ трудно не узнать отголосокъ троянскихъ сказаній. Очень можетъ быть, что эта пѣснь, народный отзывъ книжныхъ сказаній, сохранилась благодаря тому, что болгарскій городъ Троянъ напомнилъ какому-нибудь слагателю пѣснь городу Трою. Въ виду того, что эта пѣснь (№ 26 собранія Верковича) еще не обнародована, считаю не лишнимъ изложить ея содержаніе. Она интересна какъ наглядный образецъ того, какъ отражаются литературные сюжеты въ народномъ сознаніи.

Пѣсня въ сборникѣ озаглавлена: Ворба на дванаесте крале съ Троенита крале за мома Талиана. На вопросъ записывавшаго пѣсню, что за городъ былъ Трее, сказатель объяснилъ, что Трее-градъ стоялъ на краю моря, что его построили три брата, рожденные одновременно матерью, и что имя старшаго брата было Дросина. Отмѣтивъ здѣсь народную этимологію, приводящую названіе Трее-града въ связь съ числомъ три. Въ имени Дросина, быть можетъ, скрывается классическій Троеъ, на которому была названа Троя.

Пѣсня открывается проемъ двѣнадцати королей близъ моря на горѣ Троенитой. Троенита планина, по объясненію сказателя, лежала близъ моря; прежде на этомъ мѣстѣ было поле, но двѣнадцать королей насыпали земли, и образовалась гора. Такимъ образомъ, названіе Троенита упоминается и по сѣ сторону моря, и по ту. На шире прислуживала краламъ дѣвица Талиана, по объясненію сказателя, дочь краля Тале. Крали ссорятся между собою за обладаніе красавицей Талианой, и отъ ссоры ихъ сотрясается гора Троенита. (Здѣсь замѣтно, что начало пѣсни искажено: изъ дальнѣйшаго видно, что Талиана была уже замужемъ за однимъ изъ кралеи—Матеашемъ, и что споръ изъ-за нея уже несвоевременный. Въ болѣе полномъ изводѣ пѣснь начиналась сперомъ за Талиану, затѣмъ она выходила замужъ за одного съ условіемъ, чтобъ прочіе женихи защищали ее, если это понадобится и затѣмъ разказывалось похищеніе Талианы троянскимъ царемъ. Въ изводѣ, записанномъ для Верковича, слѣты два момента на основаніи эпического сходства: ссора королей за Талиану и гнѣвъ

королей, когда ее уже похитили. Отъ одной сцены гавва сказатель непосредственно перешоцилъ въ другой).

И такъ, цари негодуютъ, собравшись на горѣ Троеитой на то, что Троеицкій король похитилъ Талиану и увезъ въ свой Троеградъ. Когда она вошла въ городъ, тамъ засіяло ясное солнце. Король Метеаше (очевидно, Менелай) ударилъ себя въ грудь и жалуется кралямъ: „Да будетъ проклятъ Троеицкій король! Мы его пригласили, какъ краля, пировать съ нами и пить вино, а онъ похитилъ мою жену⁴. Короли скалились надъ Метеашемъ, собрали сильное войско и пошли войною на Троеградъ. Девять лѣтъ бились они, но не могли побѣдить Троеицкаго краля и уже не знаютъ что дѣлать. Метеаше благодаритъ ихъ за помощь въ теченіе девяти лѣтъ и проситъ не покинуть его въ горести и отомстить троеицкому кралю. Короли сначала отказываются, ссылаясь на то, что они уже девять лѣтъ не видали своихъ женъ, но потомъ рѣшаются вернуться на время домой, и принесши жертву (курбанъ) вышнему богу, снова со свѣжими войсками возобновить войну. Они расходятся по своимъ землямъ, но черезъ три мѣсяца собираются у краля Метеаше, который задаетъ имъ пирь. Затѣмъ Метеаше садится на своего рыбнаго коня и скачетъ въ садъ, гдѣ летаетъ птица Фернешева. (По объясненію сказателя эта птица, пиле Фернешево, черная дѣвтомъ, водилась въ царскихъ садахъ и была приносима въ жертву, когда начинали войну). Три недѣли гонялся Метеаше за птицей, наконецъ схватилъ ее за черный хвостъ, при чемъ она защищала такъ, что заколебались горы, какъ будто дули семь вѣтровъ. Поймавъ птицу, Метеаше возвращается домой и серебрянымъ ножомъ закалываетъ курбанъ вышнему богу, сопровождая жертву трехдневными молитвами. Затѣмъ онъ засыпаетъ въ утомленіи; во время сна богъ посылаетъ ему своего посланника (изметчіе) Зреенина¹), который объявляетъ ему, что онъ только тогда овладѣетъ городомъ Троеей, когда позоветъ на помощь Юдицкаго краля. Если этотъ король не согласится ему помочь, то они никогда не осмѣютъ Троеицкаго краля. Преснувшись, Метеаше разказываетъ свой сонъ двѣнадцати союзникамъ и по ихъ совѣту отправляется въ землю Юдовъ приглашать ихъ царя. Юдицкій царь, въ которомъ не трудно узнать гомеровскаго Ахиллеса, узнавъ подробно

¹) По объясненію сказателя, обязанность Зреенина (отъ зрѣнія) состояла въ томъ, что онъ съ вершотъ неба смотрѣлъ внизъ на всѣ земли и докладывалъ богу о дѣйствіяхъ людей.

въ чемъ дѣло, соглашается прибыть на помощь со своимъ войскомъ къ Трее-граду. Тогда Матеша возвращается къ себѣ, вмѣстѣ съ союзниками переплываетъ (вплавъ) море и подходитъ съ войскомъ къ городу. Треенска краль выходитъ съ женою на битву и насмѣхается надъ двѣнадцатью королями. Онъ говоритъ, что ихъ усилія напрасны, что никто на землѣ не можетъ его одолѣть, потому что онъ рожденъ Жемскою Юдой¹⁾, кормленъ ея молокомъ и поенъ водою Шеренигой (?). Не успѣлъ онъ окончить этихъ словъ, какъ видитъ—вода на морѣ потѣмнѣла, несется Юдинскій краль на конѣ Туриенѣ съ своими шестикрылыми Юдами. Испуганный Треенскій краль убѣжалъ съ поля и заперся въ городѣ за желѣзными воротами. Три дня онъ отказывается сдаться. Тогда Юдинскій царь велитъ Юдамъ перелетѣть стѣны и отворить ворота. Когда Юды исполнили это, короли-союзники ворвались въ городъ и бѣгутъ во дворецъ, гдѣ застаютъ Треенскаго краля спящимъ на золотой постели съ похищенною Талянкой. Матеша поражаетъ его стрѣлою въ сердце и обнимаетъ жену. Затѣмъ короли, кончаютъ пѣсня, —

Камень на камнѣ не оставили,
Закричали дѣти, заплакали,
Горы заколебались,
По городу они траву посеяли,
Три гада они траву съють,
На четвертый годъ пшеницу жали, —
И такъ городъ запустѣлъ,
Нѣтъ уже города на морѣ,
Только осталась пѣсня для пѣнны,
Дабы помнилса морный городъ Троеинный,
Который востроилъ сильный краль Дросина;
Деять годовъ онъ его строилъ,
Въ деять лѣтъ его разрушилъ.
Отъ бога здорovie, отъ меня пѣсня!

Повторю, что весь интересъ этой, далеко не художественной, пѣсни состоитъ въ томъ, что она можетъ служить образчикомъ народной обработки литературныхъ сюжетовъ. Отъ всего богатства троянскихъ сказаній, отъ ряда событій и именъ народный слагатель пѣсни заимствовалъ лишь сюжетъ—похищеніе Елены и взытіе Трои. Во всемъ прочемъ пѣсня окрасилась народными чертами большин-

¹⁾ По объясненію сказателя Жемска юда называлась такъ отъ Жемской земли. Эта Юда обладала великою силой и лютостью и истребляла цѣлыя войска.

ства другихъ. Къ этимъ, вѣчно повторяющимся въ болгарскихъ пѣсняхъ, чертамъ относится, на примѣръ, обычный пирь кралей съ прислуживающею на пиру красавицею, черная птица, приносимая въ жертву вышнему богу, Жемска Юда, вѣщій сонъ и т. п. Изъ героевъ Троянской войны сказатель запомнилъ только Менелая, который названъ Матеашемъ, быть можетъ, Ахиллеса, если видѣть его въ Юдинскомъ царѣ, и Париса, который называется просто Треенитымъ кралемъ. Има Трее-града сохранилось, по видимому, благодаря существованію города Трояна, такъ что еслибы случайно не сохранилось это имя, и были стерты двѣ-три другія черты, мы, при распространенности и общности такого рода сказочныхъ мотивовъ, какъ похищеніе Елены какимъ-нибудь кощеємъ или великаномъ, не имѣли бы никакихъ основаній заподозрить, что въ основѣ пѣсни былъ положенъ книжный сюжетъ. Подобный примѣръ можетъ служить предостереженіемъ тѣмъ изслѣдователямъ народнаго эпоса, которые ищутъ въ былинахъ только народной основы, прибѣгаютъ преждевременно къ мифологическимъ и историческимъ толкованіямъ и съ увлеченіемъ возстаютъ противъ мысли о возможности заимствованія иноземныхъ сюжетовъ.

Обращаюсь къ другимъ осѣдлымъ сказаніямъ у Болгаръ. Я ужъ имѣлъ случай въ статьѣ „Отголоски Александрія въ болгаро-русскихъ былинахъ“ остановиться на болгарскихъ пѣсняхъ объ Александрѣ Македонскомъ. Находя въ нихъ отголоски книжной „Александріи“, я вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на то, что имя и преданія о Македонскомъ царѣ прикрѣплены до сихъ поръ къ его родинѣ. По свидѣтельству Дозона, народъ называетъ Александра древнимъ царемъ города Драмы въ Македоніи (между Сересомъ и мѣстоположеніемъ древняго города Филиппъ рядъ утесовъ близъ послѣдняго города носить названіе яслей коня Вологлава (Вукефала); конь Вологлавъ или Вологлаватъ часто является въ народныхъ пѣсняхъ). Такимъ образомъ, хотя македонскія пѣсни объ Александрѣ, очевидно, основаны на книжной подкладкѣ, однако распространенность ихъ къ народѣ—именно въ области Македоніи, родинѣ Александра, объясняется, конечно, тѣмъ, что имя царя было прикрѣплено къ древнимъ развалинамъ, къ утесамъ, словомъ—къ самой почвѣ. Конечно, не изъ книжной Александріи можетъ быть объяснено общее убѣжденіе болгарскаго престонародья, что Александръ былъ родомъ Болгаринъ и одинъ изъ ихъ древнихъ царей, а изъ того факта, что классическія преданія объ Александрѣ перешли въ Болгарскій народъ вмѣстѣ съ мѣстностью,

къ которой они были приурочены. Здѣсь передъ нами такой же случай, какъ вышеизложенный переходъ къ Славянамъ фригійскихъ и еракійскихъ сказаній о Мидасѣ и Орфеѣ, хотя случай, осложненный вторженіемъ книжнаго элемента.

Но болгарскія пѣсни объ Александрѣ имѣютъ еще другой интересъ — по отношенію къ нашему эпосу. Въ вышеупомянутой статьѣ я старался показать, что тотъ же сюжетъ лежитъ въ основѣ русскихъ былинъ о Вольгѣ Святославичѣ, что нашъ Вольга — перелицовка Александра, что его походъ въ Индію Богатую есть походъ Александра, и что наша былина представляетъ такой рядъ совпаденій съ извѣстными чертами „Александрія“, которыя устраняютъ, на мой взглядъ, мысль о ея независимомъ происхожденіи и національно-русской основѣ. Отраженіе книжныхъ сюжетовъ, конечно, столь же возможно въ русскихъ былинахъ, какъ и въ болгарскихъ, и работы въ этомъ направленіи должны несомнѣнно привести къ разъясненію исторіи нашего эпоса. Какъ на удачный начиніе въ работахъ подобнаго рода, уважу на статью профессора Веселовскаго: „Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ“ (Вѣстникъ Европы 1875, апрѣль), въ которой указанъ византійскій сюжетъ народныхъ пѣсенъ объ Аннѣ Воинѣ, и его же статью: „Объ одномъ эпизодѣ въ быльнѣ о Сятогорѣ“ (Филолог. Зап. 1876, VI). Притомъ замѣчательно, что анижние сюжеты оказываются въ былинахъ о такъ-называемыхъ старшихъ богатыряхъ, въ которыхъ прежде видѣли древнѣйшіе, стихійные типы боговъ, титановъ русской мифологіи, въ Сятогорѣ, въ Вольгѣ Всеславьевичѣ, не говоря ужъ о Самсонѣ-богатырѣ. Въ дальнѣйшемъ я постараюсь свести на книжный сюжетъ типъ еще одного quasi-національнаго богатыря, но для этой цѣли мнѣ нужно опять вернуться къ фригійскимъ сказаніямъ.

Я уже упомянулъ, что въ фригійскихъ національныхъ преданіяхъ чередуются два имени царей — Мидасъ и Гордіасъ. Основателемъ династіи, по однимъ извѣстіямъ, былъ Гордіасъ. Преданіе разказываетъ, что онъ былъ вѣрнымъ поселяниномъ, имѣвшимъ нару быковъ и повозку. Однажды, когда онъ нахалъ землю, къ нему слетѣлись со всѣхъ сторонъ птицы (Justin. XI, 7), или, по другому изводу, орелъ опустился на зрмо его плуга. Изумленный этимъ случаемъ, Гордіасъ идетъ спросить оракула. Вѣщала дѣва встрѣчаетъ его и объявляетъ, что онъ будетъ царемъ Фригійцевъ. Въстѣ съ тѣмъ она предлагаетъ ему свою руку. Гордіасъ женится на вѣщѣ дѣвѣ, и плодомъ этого брака былъ сынъ Мидасъ. Въ дальнѣйшемъ преданія расходятся. По однимъ, самъ Гордіасъ былъ поставленъ царемъ по слѣдующему слу-

чаю: Во Фригійи поднялись внутренніе раздоры, и оракулъ предсказалъ, что они окончатся лишь съ избраніемъ царя. Для этой цѣли граждане, собравшіеся въ храмѣ, должны были выйти изъ него и идти по дорогѣ, ожидая опредѣленнаго божествомъ царя, которымъ долженъ быть первый, кого они встрѣтятъ ѣдущимъ въ повозкѣ въ храмъ Зевса. Они встрѣтили именно Гордіаса, который изъ простаго крестьянина сталъ основателемъ династіи. По другимъ разказамъ, Гордіасъ еще до поѣздки въ храмъ имѣлъ уже сына Мидаса, и послѣдній, а не отецъ, былъ поставленъ царемъ ¹⁾. Въ память чудеснаго избранія Гордіасъ поставилъ свою повозку въ храмъ Зевса и завязалъ на ярмѣ тотъ хитрый узелъ, который впоследствии, по преданію, по невозможности быть развязаннымъ, былъ разрубленъ Александромъ Македонскимъ.

Замѣчательное сходство съ этимъ классическимъ преданіемъ о царѣ-пахарѣ представляетъ чешское о Премислѣ, на что уже было указано нашими изслѣдователями эпоса. Любушѣ, отправляющей посольствъ искать себѣ мужа, соответствуетъ вѣщая дѣва, предсказавшая Гордіасу его судьбу и вышедшая за него за мужъ. Послѣ Любуши застаютъ Премисла за плугомъ, и когда онъ изъявилъ согласіе идти съ ними, то быки, которыми онъ пахалъ, поднялись на воздухъ и потомъ, опустившись, скрылись въ развѣтвѣ елвы, которая, принявъ быковъ, сомкнулась ²⁾. Поднятіе быковъ на воздухъ и исчезновеніе соответствуетъ тому, что Гордій посвятилъ божеству свою повозку. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что чешская фабула, извѣстная изъ Гайна, XVI вѣка; основана на классическомъ мифѣ. Но отъ этого книжнаго чешскаго преданія нельзя отдѣлить нашу былинку о встрѣчѣ Вольги Всеславьевича съ Микулой Селянниновичемъ, и изслѣдователи русскаго эпоса уже давно указали на ихъ родство. Не смотря на старанія нѣкоторыхъ ученыхъ вложить въ нашу былинку тенденцію, заключающуюся будто бы въ томъ, что народъ противопоставляетъ въ ней силѣ князя-дружинника силу земскую, представителемъ которой является дивный пахарь, мы не могли усмотрѣть такой тенденціи. Ничего подобнаго нѣтъ въ тонѣ былинки. Микула Селянниновичъ—представитель крестьянства—далеко не нѣжно относится къ мужику. Онъ соглашается ѣхать съ княземъ-дружинникомъ за по-

¹⁾ См. Arrian. Anab. II, 3, 1; Aelian. V, Н. 1, 1; Justin. XI, 7; Curtius VI, 1, 15; Plut. Alexand. 18.

²⁾ О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр 207.

лучкою къ тремъ городамъ со крестьянами — Гурчевцу, Орѣховцу, Крестьяновцу, которые пожаловалъ Вольгѣ родной дядюшка, ласковый Владиміръ стольно-Кіевской, слѣдовательно, представитель крестьянства самъ становится дружинникомъ. Онъ же разказываетъ, какъ онъ избивалъ шальгой подорожною мужиковъ-разбойниковъ, просившихъ у него „грошевъ подорожныхъ“. Наконецъ, дочь Микулы — извѣстная паленица Настасья Микулична, выходитъ за Добрыню, котораго считаютъ представителемъ боярскаго сословія. Мы скорѣе склонны думать, что этотъ пахарь — лицо очень близкое къ князю, и что въ немъ мы находимъ въ русской одеждѣ царя и князя Гордіаса и Премысла. Дѣйствительно, наша былина представляется какимъ-то отрывкомъ или эпизодомъ. Съ какою цѣлью сводитъ она Вольгу съ пахаремъ? Какіе подвиги совершилъ этотъ пахарь? Былина обрывается на томъ, что Вольга съ Микулой поѣхали вмѣстѣ, и больше уже ничего неизвѣстно народу объ этомъ его представителѣ, хотя пѣсни о немъ записаны во многихъ вариантахъ и помнятся очень твердо. Чтобы придать смыслъ былинѣ, нужно вспомнить сказанія о Премыслѣ—Гордіасѣ, въ которыхъ встрѣча съ пахаремъ мотивирована предсказаніемъ и ведетъ къ выбору замедѣльца въ правители. Полагаемъ, что тотъ же древній сюжетъ былъ положенъ въ основу нашей быliny, но былъ урѣзанъ, потому что у насъ не мыслимо было сдѣлать князя изъ пахаря. Вслѣдствіе такой урѣзки цѣльный, законченный сюжетъ сталъ эпизодомъ. Обратимъ вниманіе и на отчество Микулы. Вмѣсто имени отца онъ носитъ въ отчествѣ указаніе на свое занятіе: онъ — Селяниновичъ, или по одной пѣснѣ, Святелевичъ ¹⁾). Такое указаніе едва ли есть народная, безыскусственная черта.

Наконецъ, для объясненія того обстоятельства, что именно Вольга, а не другой богатырь, встрѣчается съ Микулой, предлагаемъ, не болѣе какъ въ видѣ догадки, слѣдующее соображеніе: въ классическомъ сказаніи имя Гордіаса связывается съ именемъ Александра Македонскаго. Гордіасъ завязываетъ на повозкѣ узелъ, который никто не можетъ развязать: Микула одинъ въ состояніи поднять свою соху и бросить ее за ракитовъ кустъ. Спутники Александра и онъ самъ напрасно стараются развязать узелъ Гордіаса, и наконецъ, Александръ разрубаетъ его, чтобы совершить, хотя и съ натажкой, то пророчество, которое связывало съ узломъ обладаніе всѣмъ міромъ. Дружина

¹⁾ Гильбердинъ, Онежск. Былины, стр. 942.

съ Вольгой всячески пытаются поднять соку, но это имъ не удается. Такъ какъ въ былинѣ о походѣ Вольги въ Индію Богатую мы нашли отголоски походовъ Александра Македонскаго, то естественно является предположеніе, что и въ былинѣ о встрѣчѣ Микулы съ Вольгой послѣдній внесенъ именно потому, что онъ—замѣна Александра Македонскаго. Въ такомъ случаѣ можетъ быть и три города, съ которыхъ долженъ собрать дани-выходы Вольга по порученію роднаго дядюшки, найдутъ аналогію въ книжныхъ сказаніяхъ объ Александрѣ. Изъ словъ Микулы, бывшаго въ городѣ третьяго дни, видно, что живутъ тамъ мужики—все разбойники. Одна былина, записанная Гильфердингомъ (Онежск. былины, стр. 296), поясняетъ отношенія Вольги къ этимъ городамъ слѣдующимъ образомъ:

Когда ты ли вунцы да вси вѣдь бояра
 Изъ того-ли изъ Туринца славна города
 Ай платили дань да вѣдь во Кіевъ градъ,
 Ай ко ласкову князю ко Владиміру,
 Ай не стали то вносить да дани пошляны.
 Ай тутъ-ли то Вольга Всеславьевичъ
 Ай справляется тутъ Вольга сваряжается
 Со своей дружинишкой хороброю,
 Во Туринець городъ, во Орѣховець.

Затѣмъ слѣдуетъ встрѣча Вольги съ Микулой, и Вольга приглашаетъ его

— Старый ты мой дядюша да вѣдь Микулушка!
 — Ай поѣдемъ-ко да ты ко мнѣ въ помочь,
 — Братъ Туринца города Орѣховца.

Дядюшка соглашается, и вотъ оба богатыря

Пріѣзжали близъ Туринца до города Орѣхова.
 А ты мужики да вѣдь Орѣховцы
 А на тыхъ на рѣченькахъ на быстрыхъ
 Ай подрѣзали мосты да всѣ дубовые,
 Потопили много силы да Вольгиной.
 А и тутъ-ли то Вольга Всеславьевичъ
 Заѣзжая во Туринець съ своимъ дядюшкой.
 Они много силы рубать больше въ плѣвъ беруть,
 Покорили, разорили Туринець отъ городъ Орѣховець.
 Это скоро Вольга поворотъ держитъ
 А во славный во стольный во Кіевъ градъ.
 Заѣзжаетъ Вольга на широкій дворъ,
 Ай сходитъ онъ да со добра коня,
 Ай заходитъ Вольга во высокъ теремъ,

А это тутъ Вольга опочивъ держитъ.
Эта та поѣздка тымъ рѣшилася.

Эта пѣсня, на нашъ взглядъ, наиболѣе цѣльная и законченная между всѣми другими. Хотя она и не объясняетъ намъ, почему нужна была Вольгѣ встрѣча съ Микулой, хотя никакіе особенные подвиги Микулы не поминаются при усмиреніи возмущившагося города, но по крайней мѣрѣ мы узнаемъ, что сюжетъ ея составляетъ одна изъ поѣздокъ Вольги, предпринятая съ цѣлью усмиренія города Туринца и окончившаяся послѣ экзекуціи города возвращеніемъ богатыря въ Кіевъ. Замѣтимъ, что въ этой пѣсни нѣтъ и эпизода о попыткахъ дружины Вольгиной поднять соху. Это усмиреніе мятежнаго города (или городовъ) Вольгою-Александромъ по порученію Владимира напоминаетъ одинъ изъ подвиговъ Александра, внесеннаго въ книжную „Александрію“, именно тотъ,—когда онъ еще юношей по порученію отца Филиппа отправляется противъ возставшаго города Мегнона и усмиряетъ его. (Pseudocall., ed. Mulleri, cap. 23).

Смотря съ этой точки зрѣнія на нашу былинку, мы можемъ объяснить себѣ ея безсвязность тѣмъ, что въ ней скомканы два отдѣльные эпизода изъ сказаній объ Александрѣ: съ одной стороны, одинъ изъ его раннихъ походовъ еще при жизни отца, съ другой—отголосокъ сказанія о Гордіевой колесницѣ и о Гордіѣ-пахарѣ. Зная уже на примѣрѣ болгарскихъ пѣсней о Троянской войнѣ и объ Александрѣ, до какой неузнаваемости могутъ доходить въ устахъ народа завѣдомо книжные сюжеты, мы не удивимся и сложному составу нашей былинки.

Что касается имени нашего пахаря, то для объясненія его представляются намъ двѣ возможности: съ одной стороны, можно было бы мотивировать выборъ имени народнымъ культомъ св. Николая Чудотворца, покровителя коней—по представленію народа (вспомнимъ о чудесной кобылкѣ соловенькой Микулы Селяниновича); но съ другой стороны, и въ сказаніяхъ объ Александрѣ имя Николай играетъ не послѣднюю роль и могло зайти въ русскую былинку по глухой реминисценціи. У Псевдокаллистоена (гл. 18) разказывается, какъ Александръ, посланный отцомъ на Олимпійскія игры, столкнулся съ Николаемъ, сыномъ царя Арея. Оба состязаются въ бѣгѣ на колесницахъ, и Александръ побѣдилъ и переѣхалъ Николая. Жрецъ объявляетъ, что побѣда надъ Николаемъ (побѣдителемъ народа) знаменуетъ будущую побѣду Александра надъ всѣми народами. Такимъ образомъ побѣда надъ Николаемъ имѣетъ символическое значеніе, и

изъ пристрастія къ этимологическимъ толкованіямъ имя Николай должно было запомниться сказателями похождения Александра. Вспомнимъ, что и въ нашей былинѣ есть какъ бы состязаніе въ скачекъ Вольги съ Микулой: Вольга на конѣ своемъ не можетъ догнать соловенькой кобылки Микулы. Только въ нашей былинѣ, содержащей въ себѣ мотивъ о плугѣ, котораго не могъ поднять Вольга съ дружиной, конечно, и кобылка Микулы не могла быть обогнана конемъ Вольги, и состязаніе должно было имѣть иной исходъ. Что народная фантазія въ подобныхъ случаяхъ можетъ поступать довольно произвольно, видно, напримѣръ, изъ былинъ о спорѣ Садка съ Новгородомъ. По однимъ пѣснямъ, Садко остается побѣдителемъ и скупилъ всѣ товары новгородскіе, такъ что въ городѣ остались лишь черепаны да битые горшки. По другимъ наоборотъ, Садко не можетъ скупить всѣ товары, проигрываетъ закладъ и признается, что богаче его Великій Новгородъ.

Къ сожалѣнію, сводя чешскаго Премысла и русскаго Микулу Селяниновича къ классическому типу пахаря и будущаго царя Гордіаса, мы пока не можемъ еще наполнить громадное разстояніе времени между фригійскимъ преданіемъ и русскою былиной, не можемъ прослѣдить генетической связи между ними. Болгарскія народныя пѣсни, которыхъ главное значеніе въ томъ, что они представляютъ переработку классическихъ сюжетовъ, какъ осѣдлыхъ въ Македоніи, такъ и заимствованныхъ изъ книгъ, не сохранили, на сколько мы знаемъ, типа, соответствующаго Гордіасу. Но мы считаемъ возможнымъ воспользоваться однимъ западнымъ указаніемъ, по видимому, свидѣтельствующимъ, что типъ царя-пахаря былъ не чуждъ средневѣковой Византіи. Въ англо-норманской поэмѣ о путешествіи Карла Великаго въ Іерусалимъ сохранился разказъ о золотомъ плугѣ Константинопольскаго короля Гугона. „Карль застаеть Гугона пашущимъ, сидя на золотомъ стулѣ, везомомъ конями. Въ рукахъ у него былъ золотой пруть, подъ ногами дорогая скамейка, руки въ красныхъ перчаткахъ, надъ нимъ распростертъ навѣсъ. Не смотря однакожь на такую пышность въ обстановкѣ, король, по окончаніи дневной работы, самъ выпрагъ воловъ и оставилъ плугъ въ полѣ. Когда же Карль Великій замѣтилъ ему, что плугъ весь сіетъ водою, и его легко могутъ украсть, то Гугонь отвѣчалъ: Въ странѣ моей нѣтъ воровъ; онъ могъ бы простоять здѣсь семь лѣтъ, и никто не сдвинулъ бы его

съ мѣста" ¹⁾). Сходство этого сказанія съ нашею былинной довольно полное. Путешествующему Карлу соответствует ѣдущій Вольга. Въ обоихъ разказахъ встрѣча пахаря въ полѣ; въ обоихъ плугъ описывается какъ необыкновенный: у Микулы, по однимъ пѣснямъ, „омѣшники были серебряные а присошечекъ золотой“; у короля Гугона весь плугъ золотой. По прекращеніи работы, самъ пахарь выпрягаетъ плуговыхъ животныхъ, а плугъ остается въ полѣ.

Такъ какъ въ средневѣковомъ разказѣ король-пахарь называется королемъ Константинопольскимъ, то это можетъ служить указаніемъ на то, что подобное сказаніе было извѣстно въ Византіи. Быть можетъ, когда-нибудь будетъ найдена и византійская основа его, а пока мы можемъ воспользоваться и западнымъ разказомъ въ подтвержденіе нашего взгляда на вѣрность сюжета былинъ о Микулѣ.

¹⁾ *Op. Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 210—211; Ср. *Keller*, Altfranzösische Sagen, I, 37—38.

Восст. Миллеръ.

СВЯТОЙ ГЕОРГІЙ И ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.

I.

Профессоръ Царше, заканчивая введеііе къ одной изданной имъ латинской легендѣ о св. Георгіи, говоритъ: „Когда появится въ печати болѣе матеріала для исторіи легенды, надобно надѣяться, откроется возможность изслѣдовать происхожденіе (Vorgeschichte) нашей латинской передѣлки и отношеніе нѣмецкой пѣсни къ ея источникамъ“¹⁾. Совершенно вѣрно; но интереснѣйшую часть вопроса— Vorgeschichte всевозможныхъ европейскихъ текстозъ, могутъ разъяснить только восточныя и греческія редакціи, а за неизмѣнимъ послѣднихъ — славянскія, какъ непосредственно изъ нихъ происшедшія, и пока наука не обратится въ эту сторону, исторія этой популярной и вліятельной легенды (также какъ и многіе другіе важнѣйшіе вопросы) останется для нея темною.

Для легенды о св. Георгіи въ Славянскихъ земляхъ сдѣлано уже не мало: профессоръ Тихонравовъ издалъ²⁾ апокрифическое мученіе Георгія и матери его Полихроніи — версію, совершенно неизвѣстную на западѣ, а для исторіи легенды и спеціально для древнѣйшихъ западныхъ поэзъ небезинтересную; А. Н. Поповъ издалъ³⁾ сербскій текстъ XIV в., близкій къ латинскимъ апокрифамъ; наконецъ,

¹⁾ *Berichte ueber die Verhandlungen der Königl. Sächs. Gesellsch. der Wissenschaften zu Leipz. Philologisch.-hist. Classe. II. 1876, стр. 265.*

²⁾ Памятники отеч. литературы, II, 100—112.

³⁾ Опис. рукоп. Хлуд., 331 и слѣд.

въ прошломъ году въ Загребѣ ¹⁾ издана съ вариантомъ другая версія апокрифа, столь же интересная, какъ и Хлудовская. Рукописныхъ сказаній о Георгіи у насъ богатство неисчерпаемое: въ пяти бібліотекахъ (Императорской публичной въ С.-Петербургѣ, Московскаго публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, Петербургской духовной академіи, Московской синодальной и графа А. С. Уварова) я нашелъ ихъ, считая съ проложными, болѣе 200; выписки пришлось сдѣлать почти изъ 50. Съ такимъ матеріаломъ можно надѣяться выяснитъ нѣкоторые немаловажные пункты въ исторіи легенды. Къ сожалѣнію, мракъ, все еще окружающій, такъ-сказать, колыбель апокрифовъ и легендъ, недостатокъ многихъ посредствующихъ звеньевъ и одновременное существованіе нѣсколькихъ версій, взаимно вліявшихъ другъ на друга, а главное—недостаточное знакомство съ восточными версіями легенды дѣлають окончательное рѣшеніе вопроса въ настоящее время невозможнымъ.

Болѣе или менѣе ученое изслѣдованіе легендъ начинается, какъ извѣстно, съ болландистовъ. Паленброхъ, изслѣдовавшій легенду о св. Георгіи, считъ древнимъ и подлиннымъ житіе греческое, начинающееся словами: Διοκλητανός ὁ Ρωμαίων ἀτοχράτωρ, ἀναίσιος τῶν σκίπτρων ἐπιλαβόμενος καὶ πρῶτος ²⁾ и пр. Діоклетіанъ воздвигаетъ гоненіе на христіанъ, такъ какъ языческіе боги отказываются давать оракулы. Во время гоненія къ нему является юный военный трибунъ Георгіи, родомъ изъ Каппадокіи, только что недавно схоронившій мать, и въ собраніи чиновъ имперіи объявляетъ себя христіаниномъ. Консулъ Магненцій по знаку императора, и потомъ самъ императоръ напрасно пытаются убѣдить его. Тогда императоръ приказываетъ вогнать его въ тюрьму копыями, но остріе копыя, коснувшись до его тѣла, сгибается точно оловянное. Въ темницѣ заключаютъ Георгіи въ оковы и на грудь ему кладутъ огромный камень. На другой день его снова приводятъ въ собраніе, привязываютъ къ колесу, утыканному острыми мечами, и такимъ образомъ раздирають его тѣло. Сочтя его мертвымъ, императоръ смѣется надъ христіанами и уходитъ приносить жертву богамъ. Съ неба слышится ободряющій Георгіи голосъ; на землю опускается свѣтлый мужъ и обнимаетъ мученика; когда его отвязали отъ колеса, онъ оказался цѣль и невредимъ. При

¹⁾ *Starine*, в. VIII.

²⁾ Въ Моск. Синод. бібліотекѣ есть греческій списокъ этого текста, X вѣка. См. № 184 (по *Матт.* 185) л. 218—235).

видѣ этого чуда, во Христа увѣровали два претора—Анатолій и Протолеонъ, за чтò и были тотчасъ же казнены по приказу императора. Увѣровала и императрица Александра, но консулъ не далъ ей случая высказаться, приказавъ увести ее. Императоръ велитъ бросить Георгія въ ровъ съ негашеною известью, а на третій день приказываетъ достать остатки костей его; но святой оказывается живымъ и невредимымъ. Затѣмъ святого подвергаютъ еще тремъ родамъ мучений: ему надѣваютъ разоженные, утыканные гвоздями желѣзные сапоги, бьютъ его палками по устамъ и бичуютъ воловьими жилами, муки эти какъ бы не дѣйствуютъ на него. Императоръ приходитъ къ заключенію, что Георгію помогаютъ чары; по совѣту Магненція онъ призываетъ на помощь мага Аванасія. Тотъ дважды даетъ Георгію ядовитое питье, но Георгій остается невредимымъ. Аванасій предлагаетъ ему воскресить недавно умершаго мертвеца, чтобы доказать силу своей вѣры. Воскресшій падаетъ къ ногамъ Георгія и объявляетъ себя христіаниномъ; тоже дѣлаетъ и магъ Аванасій. Діоклетіанъ приказываетъ казнить Аванасія и воскресшаго, а Георгія заключить въ темницу. Въ тюрьмѣ Георгій излѣчиваетъ многихъ больныхъ, и между прочимъ, по просьбѣ одного пахаря излѣчаетъ однимъ словомъ своимъ его больного вола. Обратившійся въ христіанство Гликерій съ радостью идетъ на казнь. Въ эту ночь Георгію является во снѣ Христосъ и ободряетъ его дотерпѣть до конца. Проснувшись, Георгій зоветъ своего раба и велитъ ему отнести тѣло его въ Палестину. Діоклетіанъ, призвавъ Георгія по утру, старается склонить его ласками и обѣщаніями принести жертву идоламъ. Георгій изъясляетъ притворно согласіе, и глашатай торжественно объявляетъ это по городу. Но войдя въ храмъ, Георгій заставляетъ Аполлона сознаться, что онъ не богъ, и статуи боговъ, по слову святого, падаютъ на землю. Народъ въ ярости бросается на святого; Діоклетіанъ упрекаетъ его въ вѣроломствѣ, а жена его Александра падаетъ къ ногамъ святого. Императоръ велитъ казнить и Георгія, и императрицу, но послѣдняя умираетъ по дорогѣ къ мѣсту казни. Передъ смертію Георгій произноситъ молитву, въ которой молить Бога простить его мучителямъ; палачъ рубитъ ему голову.

Съ этою редакціей почти во всѣхъ существенныхъ чертахъ сходится также очень распространенный текстъ Липомана, латинскій переводъ котораго изданъ подѣ 23-мъ апрѣля у Сурія и перепечатанъ у болландистовъ. Греческій текстъ Липомана начинается такъ: Ἦ μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ προαιώνιος βασιλεὶα οὐτε ἀρχὴν ἡμερῶν,

ὄθη τέλος ζωῆς ἔχων, ὃ δὲ κατέφυγος и т. д. ¹⁾). Важнѣйшія отличія этой редакціи отъ предыдущей состоятъ въ слѣдующемъ: здѣсь Аонасій не поминается вовсе, воскресить мертвеца приглашаетъ Георгія Магненцій; нѣтъ и явленія Христа во снѣ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ редакція болландистовъ сходится, какъ увидимъ ниже, съ апокрифомъ, гдѣ элементъ чудеснаго развитія сплѣнѣе. За то редакція Липомана сохранила другія апокрифическія черты: такъ, Георгія въ первый же день подвергаютъ многимъ мукамъ и ударяютъ копьями въ животъ; колесо изрѣзало Георгія въ куски; при мукѣ разожженными сапогами раздается ободряющій Георгія голосъ съ неба; мертвецъ, воскресенный Георгіемъ, оказывается умершимъ еще за долго до Р. Х.; подробнѣе изложенъ разговоръ Георгія съ Аполлономъ. Въ концѣ находится приписка псевдо-автора: имя его Пасикратъ онъ—рабъ Георгія и очевидецъ всего описаннаго имъ ²⁾).

Представляются возможными два предположенія: или обѣ эти редакціи b (болландистовъ) и l (Липомана) суть самостоятельныя переработки апокрифа, стремившіяся ослабить его фантастичность, или это—два пересказа древнѣйшаго простѣйшаго житія, украшенные подробностями, взятыми изъ апокрифа; тогда черты, общія обѣмъ редакціямъ и изложенныя иначе въ апокрифѣ, должны принадлежать этому оригиналу. Вотъ эти черты: преніе Георгія, славнаго воина Каппадокійскаго съ Діоклетіаномъ и Магненціемъ, чудесное умягченіе копыя, наложеніе камня на грудь Георгію, мученіе на колесѣ и чудесное избавленіе, заявленіе царицы Александры, заключеніе въ ровъ съ известью, мученіе желѣзными сапогами, воскресеніе мертвеца, обращеніе Гликерія, побѣда Георгія надъ идолами, смерть Александры, молитва и смерть Георгія.

¹⁾ Текстъ этотъ не шеданъ; начало же, дословно сходное съ латинскимъ переводомъ и съ многочисленными русскими списками («Слеса нашего древацное царство ни начала днамъ, ни живни конца иматъ; прехвацное еже и проч. Публ. библ. I, F, 286), взято изъ Оценанія вѣснихъ рукописей *Ламбедія* (IV, № 151); эта вѣсняя рукопись, впрочемъ, представляетъ свободный списокъ: конецъ ея, тамъ же приведенный, взятъ изъ другой редакціи (см. ниже).

²⁾ Этому Пасикрату соответствуетъ рабъ спещатель, qui memoabilia de sancto cum omni diligentia scripsit, встрѣчающійся въ обѣихъ рукописяхъ, которыми пользовались болландисты; онъ это мѣсто выкинулъ, но его подлинность доказывается русскими рукописями напр., Публ. Б. изъ Погод. № 820: «пославъ же темничный стражъ и виде рабъ, видѣо темницы стояи же и воспоминаваніи же (sic) о святѣмъ со всѣмъ опасеніемъ (проч. съчета ем. Погод. 804) и ово-ему владыцѣ во узакъ суцу погловься на земли лежаше плача».

Первое предположеніе не выдерживаетъ провѣрки: апокрифъ имѣетъ такія характерныя черты (напримѣръ, имя мучителя Дадана Персидскаго), которыя не могли быть измѣнены одинаково двумя независимыми другъ отъ друга авторами. Остается, стало быть, допустить *x*—древнѣйшую редакцію съ Діоклетіаномъ. Априорное заключеніе подтверждается несомнѣннымъ фактомъ: болландисты же напечатали въ приложеніяхъ въ 23-му апрѣля слово Андрея Критскаго (жилъ въ концѣ VII и въ началѣ VIII в.) въ похвалу Георгія¹⁾; слово это излагаетъ съ риторическими украшеніями именно тѣ черты, которыя должны составлять *x*. И такъ, этотъ *x* есть основа канонической редакціи, существенные признаки которой суть: мучитель Діоклетіанъ—императоръ Римскій, умѣренное число мукъ и умѣренное число чудесъ. Для краткости будемъ означать эту редакцію, или лучше сказать, эту семью редакцій буквою *A*.

Къ ней же относятся:

1) Житіе Георгія въ краткихъ греческихъ Минеяхъ, начинающееся обыкновенно такъ: ὁ ἕνδοξος καὶ θαυματοῦς καὶ μέγας μάρτυρ Γεώργιος κατὰ τοὺς χρόνους ἧν Διοκλητιανοῦ τοῦ Βασιλέως и пр. Противъ Андрея Критскаго есть двѣ незначительныя отмѣны, а именно—мученика на колесѣ спускаютъ внизъ, и Александра умираетъ въ тюрьмѣ, а не на дорогѣ²⁾.

2) Краткое житіе русскихъ прологовъ. Въ нихъ опущена царица Александра и два мученія: известковый ровъ и желѣзные сапоги³⁾.

¹⁾ Ту же редакцію и, въ видѣ ближайшемъ къ *i*, имѣетъ въ виду одинъ изъ древнѣйшихъ гимновъ Георгію см. *Maçi Spec. IX*, 731.

²⁾ См. греч. Минею Βαρθολομαίου Κοβτλου Μουσιάνου Венец. 1843 г., составляющую перепечатку Венеціанской же Минеи 1555 г.; ея новогреческое переложеніе пара Ματθίου Ταπτιου изд. въ Венеціи 1640 г. Ея переводъ въ русскихъ печатныхъ прологахъ: Москва 1643, 1685, 1696 гг., съ тѣми же тремя чудесами. Въ рукописныхъ прологахъ при томъ же житіи другія чудеса см. напр. Публ. В. 1, F. 495 (XVI в.); то же въ Макар. Минеяхъ, апрѣля, л. 581 и 584.

³⁾ Древнѣйшій прологъ этого типа, какой мнѣ случалось видѣть, относится къ XIII в. (Публ. б. 1, F. 47); здѣсь за житіемъ слѣдуетъ чудо о иконѣ, въ ноше стрѣлы Сарацинъ. Тотъ же текстъ въ Публ. библ. 1, F. 277; 1, F. 279; 1, F. 269; 1, F. 301; изъ Погод. ММ 261, 224 и др. Въ нѣкоторыхъ прологахъ къ мученію на колесѣ, которое изложено согласно съ болландистами, прибавлено какъ бы новое мученіе: «и по семь съ горы на оружіе пущенъ бысть». При такомъ добавленіи чудесъ всегда больше: очевидно, редакція—составная. Сюда относятся Публ. В. 1, F. 421 (XVI в.); 1, F. 426; 1, F. 312 и др. То же Мак. Мин. л. 536.

3) Житіе у Метафраста ¹⁾. Текстъ этотъ мѣстами ближе къ *l*, мѣстами къ *b*; Аѳанасій является здѣсь не какъ противникъ Георгія, а только какъ одинъ изъ увѣровавшихъ.

4) Житіе въ минеяхъ Димитрія Ростовскаго (переложеніе *l*).

5) Любопытный сводный текстъ представляетъ сербскій Молитвословъ, напечатанный въ Венеціи въ 1547 г. ²⁾: имѣя передъ собою греческіе оригиналы *b* и *l* (или славянскіе переводы съ греческаго), авторъ заимствовалъ то изъ того, то изъ другаго, стараясь изложить житіе подробнѣе и эффектнѣе.

6) Въ рускомъ сборникѣ XVII в. (Публ. Б. 1, F, 281 л. 20 и слѣд.) встрѣчается переводъ *l*, въ которомъ передъ самымъ концемъ, послѣ пренія съ діаволами, прибавлено чудо о томъ, какъ Георгій, по вызову Діоклетіана, на полняетъ пищей пустыне сосуды, стоящіе на столѣ, и провзращаетъ мгновенно „древо съ вѣтми и съ овощомъ“; это очевидная вставка изъ апокрифическаго житія.

Оканчивая съ этою группой житій Георгія, считаю не лишнимъ присоединить слѣдующія замѣчанія, касающіяся не лишенныхъ интереса мелочей.

1) Текстъ *l*, напечатанный у Сурія, не есть текстъ древній и подлинный: онъ составленъ изъ двухъ вариантовъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ двойнаго указанія на значеніе Магненція и изъ сличенія его съ русскими текстами. Напримѣръ, у Липомана мы читаемъ первое мученіе такъ: *His* (дерзкими словами Георгія) *commotus imperator et furore accensus jussit vecte illum ita verberari, ut ejus viscera in terram funderentur. Quo facto ejus corpus sanguine circumfusum erat* и т. д. Далѣе же сказано, что императоръ *jussit eum de ligno deroni*. Очевидная нелѣпость, объясняемая тѣмъ, что писецъ механически соединялъ два текста. Погод. № 808: „Разгнѣвавшись царь повелѣ святаго повѣсивши копіемъ ударити“, а потомъ: „повелѣ, снемши съ древа весті въ темницу“. 1, F, 286: „Разгнѣвавшись царь повелѣ его копіемъ ударити, еже бы утробѣ его низу измятися. Семуже вскорѣ бывшу, тѣло его кровію обогрися“... Потомъ царь „повелѣ его всадити въ темницу“.

2) На Руси ходили въ переводѣ два варианта *l*; одинъ изъ нихъ сербскаго происхожденія, какъ видно изъ сличенія того же 1, F, 286 съ сербскимъ печатнымъ Молитвенникомъ. Напримѣръ: 1, F, 286:

¹⁾ См. Migne Patrologiae Curs. и пр. II, 4 и слѣд.

²⁾ Указанъ мнѣ А. Ѳ. Бычковымъ.

Копіеже олову подобно возвратися вспять осуетися; тогда св. Георгій рече: благодарю тя Господи І. Х., яко слузѣ дьяволу возврати оружіе вспять до конца разруши“. Сербск.: „копіеже олову подобно възвратисе вспеть осуетисе. Тогда святой рече: благодарю те Господи І. Х., яко слузѣ дьяволу възвратисе вспеть оружіе до конца и того грдыню раздруши“.

3) Текстъ *b* былъ извѣстенъ на Руси уже въ началѣ XV в., какъ это видно изъ рукописи гр. Уварова № 509 (перч. XV в.), № 384 и его сборникъ Q. 191 съ годомъ (1438). Переводъ былъ сдѣланъ въ южно-славянскихъ земляхъ; онъ заходилъ на Русь въ болгарскихъ спискахъ, какъ это видно изъ формъ: пръвый, влѣхвъ, пакы, въ темницу и пр., встрѣчающихся у гр. Уварова № 509; но онъ былъ извѣстенъ и въ Сербіи, какъ это видно изъ сличенія того же сербскаго Молитвенника съ Погод. № 808. Напримѣръ № 808: „Сія же рекъ мучитель абіе повелѣ Аѳанасія со иже изъ мертвыхъ воскресимъ кромѣ всякого истязанія или вопрошенія мечною осудити смертію, яко свѣтлымъ гласомъ Бога единого Христа исповѣдающихъ; святаго же мученика Георгія въ темницу затворивше во юзахъ пребыти, дондеже народныхъ вещей упражненіе приметь, о страдалцѣ разсмотреть“. Сербск.: „Тогда абіе повелѣ царь Аѳанасія убо съ иже изъ мрътвыхъ вскръспимъ кромѣ всякаго истезанія или вопрошенія мѣчною осудити смъртію, яко свѣтломъ гласомъ Бога единого Христа исповѣдающе. Святаго же Георгія повелѣ въврѣщи въ тьмницу дондѣже народныхъ вещей упражненіе приметь и о страдалци съмотритъ“.

4) На юго-западѣ въ XVI, если не въ XV в., существовалъ подстрочный переводъ обѣихъ редакцій съ латинскаго, съ того самаго текста, который потомъ изданъ у Сурія. Это видно изъ рукописи Синод. библ. № 219, XVI, а можетъ быть, и XV вѣка; выраженія въ родѣ не въ темномъ мѣстѣ (non obscuro loco) несомнѣнно указываютъ на латинскій оригиналъ, а предисловіе ко второму житію: „не дивися, чительнику“ и проч. есть переводъ съ предисловія, напечатаннаго у Сурія.

Отъ этой такъ-называемой канонической редакціи А рѣзко отличаются, какъ сказано выше, двѣ апокрифическія: 1) ближайшая къ А редакція съ Аѳанасіемъ и многими чудесами (B), и 2) напечатанная у Тихонравова редакція съ Полихроніей (C).

Текстъ B дошелъ до насъ во множествѣ версій, крайне разнообразныхъ и по времени, и по народностямъ, и по литературной формѣ. Къ нему именно относится запрещеніе Геласія на 1-мъ римскомъ со-

борѣ 494 года, который упоминаетъ житіе Кирика съ Улитой и житіе Георгія, „quae ab hereticis perhibentur conscripta“¹⁾.

Изъ извѣстныхъ доселѣ несомнѣнно самый древній текстъ этой группы представляетъ вѣнскій палимпсестъ, описанный Детлефсеномъ²⁾ и относимый имъ по орфографіи къ IV или V вѣку. Детлефсенъ, не зная полнаго текста апокрифа, который тогда не былъ еще изданъ, не могъ вѣрно прочесть и рассмотреть отрывки. Имѣя подъ руками цѣлый рядъ полныхъ текстовъ и воспользовавшись указаніями извѣстнаго знатока дѣла проф. С.-Петербургскаго университета Г. С. Дестуниса³⁾, я рѣшаюсь предложить нѣсколько измѣненій въ чтеніи этого палимпсеста.

Отрывокъ I-й. Въ словѣ *προ(σ)αριζει* Детлефсенъ совершенно напрасно прибавилъ сигму и невѣрно перевелъ этотъ глаголъ словомъ *agitabat*; читать слѣдуетъ какъ написано: *προαριζει* и переводить словомъ *выбралъ*. Измѣнять слово въ *προαριζιστο* (см. прим. Детлефсена а. 1.) нѣтъ необходимости. Читая *προαριζει*, мы имѣемъ вопервыхъ, тотъ же вѣрный смыслъ, какой получается отъ конъектуры, не прибѣгая ни къ какимъ примѣненіямъ; вовторыхъ, имѣемъ этотъ глаголъ въ томъ же времени, какъ и слѣдующіе глаголы: *διδωσιν* и *προκαθιζει*. Форма *προαριζει*, а не *προαριει* едва ли должна смущать и вполне понятна въ смыслѣ *избралъ*“ (слова Г. С. Дестуниса и изъ письма ко мнѣ).

Отрывокъ II-й. Непонятное слово: *και θυθη ο ταυρος*. Детлефсенъ читаетъ: *και (ε)θυθη ο ταυρος*—*et sacrificatus est taurus*; но по смыслу принесеніе вола въ жертву здѣсь неумѣстно. Проф. Дестунисъ предлагаетъ двѣ догадки: *ηχθη*—былъ приведенъ, или *ετεθη*—былъ поставленъ, обѣ одинаково пригодныя по сличенію съ полнымъ текстомъ.

Ibid. стр. 7. Детлефсенъ разобралъ только слово *αιωνας*, Г. С. Дестунисъ, по сличенію съ русскимъ, предлагаетъ читать *α(υ)βασιλευ*) *εις*

¹⁾ Панеброхъ сомнѣвается, то ли это житіе, такъ какъ въ апокрифѣ, ему извѣстномъ, еретическаго ничего нѣтъ, но извѣстно, что въ это раннее время слово *еретическій* приишло къ всемъ преданіямъ, которые не соглашались признать господствующую церковь, часто остроумно прозвѣвавшая въ нихъ отзвуки язычества. Доказательства же въ пользу того, что именно *B* подвергся осужденію Геласія суть: 1) несомнѣнно раннее появленіе, 2) сопоставленіе съ Кирикомъ, и болѣе точное указаніе на его содержаніе, встречающееся въ славянскихъ индексахъ, о чемъ см. ниже.

²⁾ *Sitz. der Ak. zu Wien* 1858 г., т. 27, стр. 383 и слѣд.

³⁾ За эти указанія и совѣты приношу Г. С. Дестунису мою глубокую благодарность: безъ его одобренія я не дерзнулъ бы и затронуть Детлефсена.

αἰῶνας ζῆτης. Ср. въ русскомъ текстѣ, который въ этомъ случаѣ ближе къ палимпсесту, чѣмъ латинскіе тексты: ты, царю, въ вѣки живи.

Ibid. относительно страницъ 19 и начала 20-й не разобранныхъ Детлефсеномъ, проф. Дестунисъ предлагаетъ, въ виду полнаго текста, гдѣ воля „разступися на двѣ части“, слѣдующую чрезвычайно остроумную догадку: „не попытаться-ли возстановить греческій текстъ слѣдующимъ образомъ: καὶ διήρτηεν αὐτὸν εἰς δύο βασιλείας, то-есть, и раздѣлили его на два царства, гдѣ послѣднее слово по небрежности написано вм. μερίδας или тому подобнаго по смыслу слова; написавъ В въ значеніи цифры, писецъ могъ возобновить ее для слѣдующаго слова“. Кроме того, весь этотъ отрывокъ слѣдуетъ помѣстить послѣ 3-го: явленіе Христа вездѣ предшествуетъ борьбѣ съ магомъ.

Отрывокъ III-й. „Соображая съ Ев. Матѳ. XI, 11 и Лук. VII, 28; возстановляю такъ текстъ автора житія: ὅτι ἐν γεννητοῖς (а не ὡν) γυναικῶν μεῖζων (а не μεῖζωνα) Ἰωάννου τοῦ βαπτιστοῦ (ε)ν προφήταις (а не της) οὐκ εἰσηγείται (а не οὐκ εἶ ἤγεται) ἐν τῇ βασιλείᾳ μου, καὶ ἐν μάρτυσιν μεῖζων σου οὐκ ἐγγύρται (а не ἐπάγεται)—ибо между рожденныхъ женами не считается (никто) въ царствѣ моемъ большимъ Іоанна Крестителя, а въ мученикахъ никто больше тебя не возставалъ. Что же касается до первыхъ словъ этого отрывка: ἀγίων ἀγγέλων, имъ могло предшествовать что-нибудь въ родѣ καὶ δυνάμι сὲ τῇ δεξιᾷ μου καὶ τῇ δυνάμει τῶν“... (Дестунисъ). Ср. въ русскомъ: „и клянутися десницею моею и силою ангелы и архангелы мои яко въ пророцѣхъ больше нѣсть Іоанна Крестителя“ и пр. Gallicanus: Per me ipsum iurabo et per potentiam meam et per angelos meos и т. д. S. Gallensis: Per me ipsum iuro et pro electis angelis meis etc.

Отрывокъ IV-й. Непонятное Детлефсену указаніе на положеніе тѣла вѣдомаго на казнь мученика объясняется галликанскимъ текстомъ: et cum venisset ad portam ferream et posuit unum pedem forinsecus et alium (по греч. чит. τὸν, а не τὴν) altrinsecus.

Догадка Детлефсена (стр. 406), что Георгій передъ смертію молится о спасеніи души двухъ обращенныхъ имъ военачальниковъ, оказывается неудачною; „два трибуна“ его молитвы прекрасно объясняются галликанскимъ текстомъ: domine deus omnipotens, qui misisti ignem sub Helia propheta et consumpsit duos quingenarios etc. (Zarnke 68).

Отрывокъ V-й. Вм. ὅτι πᾶς ἄν, ὅσος τις и т. д. и въ строѣхъ 5: πᾶς ὄν ἄν, ὅσος γе и пр. проф. Дестунисъ предлагаетъ читать σνος какъ ἄνθρωπος (въ 1-мъ случаѣ: ὅτι πᾶς ἄνθρωπος, ὅστις καταζωοθῆ и т. д. и

ниже $\pi\alpha\varsigma$; $\sigma\upsilon\nu$ $\tilde{\alpha}$ $\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$, $\delta\varsigma$ $\gamma\upsilon$ и пр.; это болѣе правильное чтеніе вполне удобно по контексту.

Такимъ образомъ изъ палимпсеста можно извлечь слѣдующіе факты: Георгія мучить персидскій царь Дадіанъ съ 70-ю царями въ продолженіе семи лѣтъ. Въ темницу къ мученику приходитъ Христось, предсказываетъ ему трехкратную смерть, воскресеніе и будущую славу. Дадіанъ, не будучи въ состояніи склонить муками Георгія, призываетъ мага Аванасія „разрушить его волшебство“. Аванасій показываетъ предварительно свое искусство на быкѣ, котораго шептаніемъ раздѣляетъ на двѣ части. Идя на послѣднюю казнь, Георгій молитъ Бога погубить огонь мучившихъ его царей. Передъ казнью онъ слышитъ гласъ Господа, который обѣщаетъ ему быть милостивымъ ко всѣмъ, призывающимъ его святое имя; Георгій послѣ этого приказываетъ палачу исполнить повелѣнное.

То же самое, но съ большими подробностями и безъ пропусковъ пересказываютъ два сербскіе текста XIV в. (Хлуд. и Starine) и два латинскіе IX вѣка¹⁾; между собою они сходны въ общихъ чертахъ и расходятся въ подробностяхъ. Георгій вездѣ называется Каппадокійскимъ, но въ сербскихъ текстахъ онъ—купецъ, а въ латинскихъ—вельможа и воинъ. Онъ приходитъ къ Дадіану (Gallicanus-Dacianus, Sanguall. Dacianus²⁾). Персидскому и его помощникамъ (число ихъ: въ Gallic. и S. Gall. 72, въ St. 6, въ вар. и у Хлудова въ этомъ мѣстѣ не обозначено) и обличаетъ язычниковъ. Въ латинскихъ текстахъ царь вступаетъ съ нимъ въ преніе, въ сербскихъ прямо приказываетъ бить его. Дважды принимаются мучить святаго и солью насыпаютъ его раны. Потомъ на него надѣваютъ разоженные желѣзные (Хлуд.: мѣдные) сапоги, снова терзаютъ его тѣло, и бьютъ молотомъ по головѣ такъ сильно, что мозгъ течетъ коздрями.

Видя бесполезность всѣхъ этихъ мукъ, царь велитъ посадить его въ темницу и положить ему на тѣло огромный камень (S. Gall. нѣтъ). Христось, явившійся къ святому, утѣшаетъ и ободряетъ его почти тѣми же словами, чтѣ и въ Палимпсестѣ. На другой день снова мучать Георгія, нанеся ему опредѣленное число ранъ (250 Star. 130

¹⁾ 1-й—Gallicanus, изд. Арндтомъ въ *Berichte der philos. hist. Classe der Königl. Sachs. Gesellsch.* 1874, 2-й—*ibid.* 1875—Парнке.

²⁾ Обѣ еорны—передѣлка греческая; *t* вм. *d* объясняетъ законъ передвиженія иѣмныхъ, примѣры котораго не рѣдки въ рѣкн. этого времени; *s* вм. *t* является вслѣдствіе выговора.

Хлуд., 140 Gallic. и S. Gall.). Царь вызываетъ маговъ; приходитъ Аванасій, показываетъ свое искусство надъ быкомъ, напрасно пытается отравить Георгія нащептанною чашей, покоряется Богу Георгія и казнень царемъ (сербск. 25-го ноября, Gallic. mense Ianuarius, S. Gall. безъ указанія времени). Георгія приводятъ къ колесу, которое сперва пугаетъ его; онъ управляетъ себя за неосновательный страхъ. Тѣло его раздроблено на части и брошено въ сухой колодезь (Хлуд.: его на колесѣ спускають съ горы). Господь съ ангелами собираетъ его кости и воскрешаетъ его. Видя это, многіе увѣровали во Христа, въ томъ числѣ и Анатолій съ своимъ домою (лат. cum omni exercitu suo; въ St. Анатолиось, Хлуд.: Анатолиовъ; въ Gallic. Athanasius), который и казнень за то царемъ. Георгія заливаютьъ свинцомъ, положивъ ему на голову огромный камень, потомъ вѣшаютъ стремглавъ, сажаютъ въ мѣднаго вола и наконецъ уводятъ назадъ въ темницу (въ лат. прибавка: вторичное явленіе Христа: это мѣсто въ большомъ лат. апокрифѣ—Gallic.—интерполировано изъ другихъ главъ; см. неумѣстное превращеніе тѣла святаго въ порошокъ, не мѣшающее ему оставаться живымъ). На слѣдующій день царь (въ лат. Магненцій, являющійся здѣсь въ первый разъ) предлагаетъ Георгію доказать силу своего Бога чудомъ: по молитвѣ Георгія 14 (Star. 15; Gall. 22) деревянныхъ сѣдалищъ залы пускають вѣтви. Но язычники приписываютъ чудо своимъ богамъ, а Георгія вновь подвергаютъ мукамъ: тѣло его распиваютъ на части и вывариваютъ въ котлѣ. Господь вторично воскрешаетъ Георгія. Къ нему приходитъ женщина, именемъ Схолостика (Хлуд.: Лихосталанка, Gallic. безъ имени) и проситъ оживить ея вола; Георгій даетъ ей свой жезлъ, и воля оживаетъ. царь (Gallic. Tranquillinus, S. Gall.: reges, въ русскомъ позднѣйшемъ спискѣ Публ. библ. 1, F. 243: Стракилинъ; въ другомъ Хлуд. спискѣ сербскомъ же XIV в. № 189: Стратіанъ) приглашаетъ Георгія воскресить мертвецовъ въ преветхой ракъ; мертвецы воскресаютъ въ опредѣленномъ числѣ (St. 13, var. 18, Хлуд.: 1, Gallic. 17, S. Gall. 18); царь спрашиваетъ одного изъ нихъ объ имени; тотъ называетъ себя (Хлуд.: Левеосъ, St. вѣтъ, Gallic.: Iovis, S. Gall.: Iobius), объявляетъ, что онъ умеръ за много лѣтъ до Р. X. (St.: 30 сотъ, var. 400, Хл.: 300, Gallic.: 460, S. Gall.: 200), рассказываетъ о загробныхъ мукахъ, крестится вмѣстѣ со всѣми совоскресшими и исчезаетъ. Царь велитъ запретъ Георгія къ вдовицѣ. Георгій проситъ у ней хлѣба; она отправляется къ сосѣдямъ, но въ ея отсутствіе Георгій получаетъ пищу чудеснымъ образомъ (балка пускаетъ ростки и съ неба

является пшца). По просьбѣ своей хозяйки Георгій исцѣляетъ ея убогаго сына (St. и Хл.: трехъ лѣтъ, Gallic.: трехъ мѣсяцевъ, S. Gall.: 9 лѣтъ). Увидѣвъ чудесно выросшее изъ дома вдовицы дерево, царь снова приказываетъ мучать Георгія; его бьютъ и жгутъ огнемъ, онъ умираетъ въ третій разъ; царь велитъ похоронить его на вершинѣ горы (St.: Свиріонцѣй, вар. Сіонцѣй; Хлуд.: Сврѣонъ; Gallic.: Azinagis, S. Gall.: Setes). Въ третій разъ воскресаетъ Георгій и обращаетъ въ христіанство воиновъ, погребавшихъ его (имена ихъ—Хл.: Григорій, Укли-сиріусъ, Манаосъ; St.: Галиксинъ, Гритодіосъ, Аснлоросъ, Магадодресъ; вар. именъ нѣтъ; S. Gall.: также нѣтъ, Gallic.: Silicodies, Silentarius, Massarius). Царь обѣщаетъ Георгію всевозможныя награды, если онъ принесетъ жертву богамъ; Георгій изъясняетъ притворное согласіе. Царь посылаетъ его ночевать къ царѣцѣ, которую святой и обращаетъ въ христіанство. На другое утро Георгій, выслушавъ незаслуженныя упреки вдовицы, посылаетъ ея сына вывезти идола изъ храма; Аполлонъ выходитъ, разказываетъ исторію своего паденія (за отказъ поклониться человѣку) и проваливается по слову Георгія. Святой входитъ въ храмъ и свергаетъ остальныхъ идоловъ, закинувъ имъ поясъ за шею. Царь упрекаетъ его за обманъ и жалуется на него царѣцѣ; та объявляетъ себя христіанкою и по повелѣнію мужа послѣ мученій принимаетъ смерть отъ меча. Царь отсыплетъ Георгія на казнь; во время пути онъ проситъ палачей остановиться и молить Бога наказать его мучителей; съ неба слодитъ огонь и пожираетъ мучителей съ его язычниками. Тогда Георгій произноситъ вторую молитву—за вѣрныхъ христіанъ, которые будутъ чтить его память, и слышитъ съ неба гласъ, обѣщающій исполнить его моленіе ¹⁾. Георгію рубятъ голову, раздаются удары грома, земля содрогается (у Хл.—гѣло Георгія снѣгають и прахъ равѣвають, по повелѣнію „нечестиваго“ — sic — по вѣтру; землетрасенія нѣтъ). Слѣдуетъ находящаяся у Линомана приписка раба Пасикрата (въ St.—безъ имени, у Хлуд. и S. Gall.—ея нѣтъ).

Сравнивая этотъ апокрифъ съ отрывками палимпсеста, нельзя не убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло съ одною и тою же редакціей, хотя палимпсестъ представлялъ, вѣроятно, болѣе краткую и первоначальную версію. Что касается отношенія дошедшихъ до насъ версій къ палимпсесту, оба латинскіе текста сходятся съ нимъ въ означеніи числа подвластныхъ Дадіану царей, чего мы не находимъ въ серб-

¹⁾ Въ S. Gall. порядокъ моленій Георгія обратный.

слихъ текстахъ¹⁾. Изъ латинскихъ текстовъ предпочтеніе нужно отдать Галликанскому, который въ двухъ мѣстахъ до известной степени сохранилъ чрезвычайно образныя, можетъ быть, восточныя выраженія палимпсеста. Ср. въ III отр. палимпсеста: „Въ четвертый же разъ я приду и возьму залогъ, который вложилъ я въ твою святую сѣнь“ (душу въ тѣло). Gall. с. 5. In quarto venio ad te et reddis mihi quod tibi commendavi“. Въ стр. V подъ одеждой Георгія очевидно разумѣется его тѣло. Gall. с. 20. Video enim animas (чит. anima) populorum oculos apertos festinanter vestimenta mea partire sibi ad confidendum dominum Salvatorem nostrum. Ne forsitan non sufficiat corpus meum (гюсса) ac vestimenta mea huic populo. Святъ Галльскій текстъ есть попытка сократить и осмыслить подробный анокрифъ (принадлежитъ ли попытка греческому оригиналу, или латинскому писцу—рѣшить трудно; можетъ быть, въ ней участвовали двѣ руки).

Важный документъ, указывающій широкое распространеніе анокрифа, представляетъ мусульманская редакція житія, сохранившаяся въ известной хроникѣ Табарі²⁾. Мусульманнѣ пересказываетъ житіе довольно свободно, дозволяетъ себѣ переищать отдѣльныя его части и дѣлаетъ вставки изъ другихъ легендъ³⁾, но все же несомнѣнно, что онъ руководился не темнымъ воспоминаніемъ, не устнымъ разказомъ, а литературнымъ греческимъ или сирійскимъ преданіемъ.

Георгій (Держдизисъ) въ Табарі—купецъ, какъ и въ сербскомъ текстѣ, но купецъ особаго рода: онъ наживаетъ деньги, чтобы потомъ раздавать ихъ бѣднымъ. Мѣсто мученія его и столица Дадіана (Dadyané)—Мосуль; мученія и чудеса Георгія передаются съ большими подробностями и украшеніями, но въ осмовѣ они сходны съ латинскимъ и сербскимъ текстами. Магъ (здѣсь безъ имени) не только шептаніемъ своимъ превращаетъ одного быка въ двухъ, но на глазахъ у всѣхъ свѣтъ пшеницу и мѣзъ мгновенно выросшихъ и созрѣв-

¹⁾ Въ Хлуд. № 189 (сводный текстъ изъ В. и С, сербск. XIV в.) въ первой молитвѣ Георгій указываетъ на число царей—7.

²⁾ Переведена *Цотенбергомъ* (*Hermann Zotenberg*) Paris, 1869 и слѣд. Авторъ хроники род. въ Табаристанѣ 838—831 г., умеръ въ 929—923 гг.; отъ оригинала мы имѣемъ только отрывки, но до насъ дошелъ персидскій переводъ хроники, сдѣланный въ 963 г. Житіе Георгія см. II, 57 и слѣд.

³⁾ Такъ, напримѣръ, мнѣ кажется, что мучитель до известной степени отождествленъ съ Нимвродомъ, мучившимъ Авраама (см. *Weil*, *Abraham*) Сл. упреки, которые дѣлаетъ Георгій мучителю, съ легендой у Вейля.

шихъ колосьевъ приготовляетъ хлѣбъ ¹⁾. Въ изложеніи чуда Георгія надъ воломъ Схололастики (здѣсь безъ имени) авторъ идетъ дальше оригинала: мясо и шкура коровы, замѣняющей вола оригинала, уже съѣдены собаками. Въ исторіи воскрешенія мертвецовъ, мусульманская редакція противъ ожиданія, сходится съ латинскими текстами, и притомъ такъ, что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ единства источника ²⁾. Заключение Георгія къ вдовицѣ также плохо мотивировано. Въ замѣнъ колеса является колесница, которую перевозятъ черезъ Георгія, куски его тѣла сжигаютъ и прахъ бросаютъ въ море (ср. послѣднюю смерть у Хлудова). Обращеніе царицы и истребленіе идоловъ пересказаны кратко, но согласно съ европейскими редакціями. Любопытно только одно отступленіе: показано число идоловъ, и число это 71, то-есть, приблизительно то же, что число царей въ палимпсестѣ и латинскихъ пересказахъ. Въмѣсто двухъ предсмертныхъ молитвъ Георгія, мы находимъ только одну; смерть Георгія и христіанъ предшествуетъ казни язычниковъ.

Легенда въ этомъ или близкомъ къ этому видѣ пользовалась у мусульманъ съ ранняго сравнительно времени большою популярностію и въ устной передачѣ подвергалась естественно измѣненіямъ. Готтингеръ (Hottinger, Hist. orientalis, изд. 1670, стр. 151 и слѣд.) говоритъ, что смерть и воскресеніе Георгія упоминаются въ комментаріяхъ къ Корану. Кессей (ibid) согласно съ Табари разказываетъ, что Георгій жилъ въ городѣ Мосулѣ, и въ него увѣрвали жена царя, старуха, у которой его держали въ узахъ, и (sic) мать воскрешеннаго имъ ребенка. У Масуди Джерджисъ рожденъ еще во времена

¹⁾ Одно изъ обычныхъ чудесъ апокрифическаго чудотворства (ср. Переходы апостольскіе), попавшее сюда подъ вліяніемъ оригинала, въ которомъ Аванасій пашетъ на двухъ половинкахъ вола.

²⁾ Георгій воскрешаетъ девять мужчинъ, пять женщинъ и трехъ дѣтей; имя говорящаго Toubil. Ср. S. Gall. 13: Et surrexerunt de limo illo *quinque viri et VIII mulieres et III infantes*. Еще ближе Gallie. *quinque viri et novem mulieres et infantuli tres*. Впрочемъ, отступленія въ St. и Хл. на счетъ числа воскресшихъ принадлежатъ ихъ писцамъ, а не оригиналу, какъ это видно изъ позднѣйшихъ русскихъ рукописей апокрифа, наприимѣръ, Пуб. Библи. № 243 имѣетъ: *мужъ р, аженъ ѳ и дѣтей трос*, но различное преданіе проявляется въ имени говорящаго, который и въ этомъ позднѣйшемъ спискѣ называется Елевеевъ (Хл. Девешевъ); формы *Jobis* (Gallie.) и *Jobius* (S. Gall.) указываютъ по видимому, не на *Jobu*, а на *Job* въ греческомъ оригиналѣ, которую сохранила мусульманская редакція.

апостольскія и посланъ Богомъ къ царю Мосула ¹⁾, чтобы проповѣдывать ему христіанство; два раза убиваетъ его царь, и Богъ два раза воскрешаетъ его. Въ третій разъ царь приказалъ его сжечь, а пепелъ бросить въ Тигръ; за это Богъ истребилъ царя со всѣми его подданными.

Этотъ видъ окончательной смерти мученика не есть произвольное добавленіе пересказчика, но подлинная черта одной изъ книжныхъ редакцій, какъ это видно изъ Хлудовскаго текста. Несходство въ этомъ пунктѣ Масуди съ Табарі, по видимому, указываетъ на одновременное существованіе у мусульманъ нѣсколькихъ версій того же апокрифа.

Оттеръ, извѣстный путешественникъ XVIII в. по Турціи и Персіи (Otter, Voyage en Turquie et en Perse I, 137, 1748), говоритъ: „Въ Мосулѣ показываютъ мѣсто мученія нѣкоего Джерджиса (d'un nommé Dgergis), котораго почитаютъ пророкомъ. Онъ происходилъ, говорятъ, изъ города Рамлы и былъ посланъ къ царю Ниневіи по имени Эфлуну (Efloun), который поклонялся идоламъ и принуждалъ народъ дѣлать то же. Джерджисъ сотворилъ много чудесъ, чтобъ отвлечь его отъ идолопоклонства, но тиранъ не слушалъ его и подвергъ всѣмъ родамъ мученій. Жители разказываютъ, что онъ убивалъ пророка 70 разъ, и столько же разъ Богъ воскрешалъ его; что облако, остановившееся надъ городомъ, погубило этотъ невѣрный народъ; что Джерджисъ наконецъ умеръ естественною смертію и погребенъ около Рамлы, гдѣ и донныи показываютъ его могилу“.

Это свидѣтельство любопытно во многихъ отношеніяхъ: во первыхъ, авторъ, очевидно, не догадался, что Джерджисъ и Георгій побѣдоносецъ—одно и то же лицо и потому не могъ даже невольно подтягивать сказаніе къ житію; во вторыхъ сказаніе въ устахъ разказчика, ушло довольно далеко отъ книжной традиціи: 70 смертей вмѣсто трехъ—естественная гиперболизация; Ниневія явилась на сцену, думаю, подъ вліяніемъ извѣстныхъ мусульманскихъ легендъ о Нимвродѣ и Авраамѣ; имя Эфлуна, можетъ быть, объяснить что-нибудь ориенталистамъ. Но любопытнѣе всего указаніе на естественную смерть Георгія. Это не произвольнъ разказчика, такъ какъ раннее указаніе на существованіе

¹⁾ Другіе мусульманскіе пересказы, какъ видно изъ Рено (*Reinaud, Description des monuments musulmans du cabinet de M-r le Duc de Blacas, 1828, I, 184*), дѣлаютъ изъ Мосула мѣсто рожденія Георгія: St. George était un soldat chrétien originaire de la ville de Mossoul sur le Tigre.

такой версии мы находимъ, можно сказать, на другомъ концѣ міра— въ Британіи. Адаманъ, жившій въ концѣ VII в. (см. *Migne Patrologiae Cursus*, т. LXXXVIII, стр. 810 и слѣд.) передаетъ разказъ Аркульфа, посѣтившаго востокъ. Не смотря на монастыри, построенные Георгію въ землѣ Франковъ, на стихи Венанція Фортуната и латинскій гимнъ, приписанный Амвросію; Аркульфъ, по видимому, въ первый разъ услышалъ о Георгіи въ Константинополѣ, гдѣ святой пользовался уже обширною извѣстностью; вотъ что, между прочимъ, онъ узналъ: *In Drispoli civitate cujusdam confessoris Georgii in quadam domu statua marmorea in columna, contra quam alligatus persecutionis tempore flagellatus est, formula depicta est; qui tamen post flagellationem solutus e vinculis multis vixit annis*¹⁾.

Откуда мусульмане получили легенду о св. Георгіи? Нѣтъ ничего невозможнаго и въ предположеніи непосредственной связи между редакціями греческою и мусульманскою; но еще ближе связи мусульманъ съ литературой сирійскою,²⁾ въ которой несомнѣнно существовала, и въ очень раннее время, сходная съ изслѣдуемою легенда о Георгіи³⁾. Пій Цингерле говоритъ (*Zeitschr. d. deutsch. Morgenländ. Ges.* XV, 645): „Въ сирійской (судя по предыдущему— древней), праздничной Миней разказывается, что пепель прославленнаго на востокъ мученика Георгія разбросанъ по горамъ, послѣ его смерти отъ огня, согласно приказанію тиранна; тогда

Приказалъ Христось царь
Всѣмъ горамъ:
Сохраните мнѣ старательно
Этотъ пепель.

¹⁾ Любопытно, что нѣчто подобное описанной Аркульфомъ мѣстной святинѣ существовало до послѣдняго времени, можетъ быть, существуетъ и теперь ближе къ Іерусалиму. Въ путешествіи Ипполита Вишенекаго (нач. XVIII в.), по рип. Публ. библ., л. 44, находится слѣдующее любопытное мѣсто: «Отъ Вилелема ходили во святыи великомученика Георгія въ монастырь; въ томъ мѣсцу св. Георгій жила 3 лѣта (не послѣ мученія ли?)... Есть у церкви образъ намалюванъ св. великомученика Георгія, въ той же церкви и донныи чудодѣйствіе великое и лавдуги есть, що святымъ ковано; теперь теми желъзами кують бсноватихъ и испѣлевають, не только христіане, але и Турки здрави бывають». Ср. Tit. Tobler: *Torographie u. s. w.*, II, 501 и слѣд.

²⁾ Ассеманъ (*Stephanus Erodus*) въ предисловіи ко II-му тому *Acta ss. Marturum etc.* 1748 г. упоминаетъ о сирійскомъ житіи *Георгія*, Антонія (Анатолія?) и императрицы Александры, но не называетъ его, относя ихъ къ числу сходныхъ съ греческими.

„Къ сожалѣнію, легенда, на которой основана пѣсня, сколько мнѣ извѣстно, не напечатана. Что же касается до пѣсни, то г. Цингерле былъ такъ любезенъ, что сообщилъ мнѣ о ней слѣдующее: она напечатана въ Римѣ въ 1866 г. въ *Officia sanctorum juxta ritum ecclesiae Maronitarum*; этой книги приобрѣлъ онъ послѣдній экземпляръ, Пѣснь упоминаетъ о трехъ смертяхъ Георгія“.

Съ одной изъ сирійскихъ легендъ стоитъ, по видимому, въ непосредственной связи легенда эіюпская. Въ 1846 г. въ I-мъ томѣ *Zeitschr. f. d. morgenländische Gesellschaft* ¹⁾ проф. Эвальдъ указалъ на доставленную въ Тюбингенъ эіюпскую рукопись подъ названіемъ *Gadela Georgis* (Ms. aeth. 16), писанную въ 1509 г. и заключающую въ себѣ, во первыхъ, неполный сборникъ чудесъ велико-мученика Георгія, во вторыхъ, похвальное ему слово Теодота, еп. Анкиры въ Галатіи, и третьихъ, житіе Георгія. Проф. Крель, директоръ Лейпцигской университетской бібліотеки, былъ такъ любезенъ, что выписалъ эту рукопись изъ Тюбингена въ Лейпцигъ, перевелъ начало житія и сообщилъ мнѣ въ общихъ чертахъ его содержаніе.

Нач. „Въ тѣ дни жилъ одинъ князь Седомскій (*Sedôm-Sodom?* Крель), по имени Дедьянъ (*Dedjanôs*), великій государь Персіи; онъ имѣлъ власть надъ всѣми царствами, и всѣ цари земли были подчинены ему. Онъ былъ невѣренъ Творцу своему и одебелѣлъ ²⁾, какъ Навуходоносоръ, и возгордился, какъ безбожные, и учинилъ великое гоненіе и поборалъ на христіанъ и на царства христіанскія. И написалъ онъ во всѣ концы земли письмо, гдѣ говорилъ: „Я, Дедьянъ, пишу друзьямъ своимъ, государямъ, сущимъ подъ моею властью. Здравствуйте! Я слышалъ о христіанахъ, какое смущеніе производятъ они ради мужа, называемаго Іисусомъ, рожденнаго одною женщиной по имени Маріей: весь городъ (*sic*) возмущенъ имъ. Теперь придите ко мнѣ всѣ съ своими судьями и полководцами, чтобы знать, чего я желаю отъ васъ, и чтобы мы, посовѣтовавшись о дѣлѣ, были бы единодушны“ ³⁾.

¹⁾ Ueber eine zweite Sammlung aeth. NB. in Tubingen.

²⁾ *Krehl*: Er war treulos gegen s. Schöpfer und dick (wiederspänstig).

³⁾ Ср. у *Сурія*: *Diocletianus maximus semper augustus, aeternus imperator, omnibus per omnem provinciam ac Romanorum ditionum ducibus praesidibus ac magistratu aliquo fungentibus salutem. Quoniam ad divinas nostras aures fama quaedam pervenit, quae non medicriter nos perturbavit, haeresim quandam valde impiam eorum, qui Christiani dicuntur vigere coepisse, quippe qui Iesum quem Maria quaedam Judaica femina peperit, ut deum colunt...*

Георгій слышитъ, что Дедьянъ собираетъ къ себѣ князей міра, и рѣшается идти къ нему просить у него мѣста правителя Мителѣи (Miteljâ), которое прежде занималъ отецъ его Анастасосъ (Anstatjós). Онъ пустился въ путь съ большими дарами, но, услышавъ о враждѣ Дедьяна къ христіанамъ, рѣшается отдать свои богатства не ему, а бѣднымъ, и двинуться ноберниномъ христіанства. Его приводятъ передъ князей и спрашиваютъ: кто онъ таковъ. Онъ говоритъ, что отецъ его назывался Анастасосъ, а дѣдъ—Іоаннъ, князь Каппадокіи; мать его была Тѣобеста (Tijobesta), а сестры назывались Мартой и Касей (Kasjâ). Онъ защищаетъ христіанство и истиннаго Бога противъ языческихъ боговъ Аполлона, Зевеса, Посейдона (Pasedjâ) и Скамандра (Sakamandros). Когда онъ былъ брѣднемъ въ темницу, къ нему явился Христосъ, который сказалъ ему: „Ты трижды умрешь и я трижды воскрешу тебя. Въ четвертый разъ я приду къ тебѣ въ облакъ съ пророками, апостолами и мучениками. Крѣпись и не бойся: я буду съ тобою“.

Трижды тернить Георгій смерть—отъ колеса, отъ огня и отъ меча, но Христосъ всякій разъ воскрешаетъ его; наконецъ онъ восхищенъ на небо.

Между семидесятью князьями, окружающими Дедьяна, названы: Magnantejos, царь Арменіи, Martjânds, Achlejâs, Achregjâs и Fergmêtes. Роль мага Аонасіа апокрифа играетъ врачъ именемъ Atnatêvos.

Весь разказъ пересыпанъ молитвами и обращеніями къ Богу, занимающими большую часть книги.—

Къ этому, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко изложено содержаніе, проф. Крель приобщилъ еще одно драгоценное свѣдѣніе: Георгій вездѣ называется Магъ (по сирійски—господинъ) Georgis; это наводитъ на предположеніе, что источникъ вѣионской легенды—сирійскій.

Это предположеніе кажется мнѣ и основательнымъ, и многозначительнымъ: гдѣ могъ сложиться апокрифъ, какъ не въ той землѣ, которая лежала въ центрѣ страны, упоминаемыхъ въ легендѣ, и гдѣ въ IV—V вв., когда сложилась легенда (за tertiana ad quem принимаю греческій палимпсестъ), Персидскіе цари представлялись властителями многихъ царствъ, раздавателями троновъ и въ то же время злыми врагами христіанской религіи? Ниже мы увидимъ, что предположеніе о сирійскомъ происхожденіи легенды подтверждается и другими фактами: древними храмами во имя Георгія, именемъ мучителя и др. Съ вопросомъ о мѣстѣ происхожденія отнюдь не тождественъ вопросъ о языкѣ, на которомъ составлена легенда: собственныя имена

эоіопской легенды всѣ греческаго происхожденія, хотя сильно попорченныя: Анастасосъ есть Анастасій, Тѣобеста — Теониста (богѣврная), Απλατεvos — Аеонасіѣ, Μαγνantejōs — Магненціѣ (другія имена изуродованы до неузнаваемости). Боги Дадьяна — боги греческаго Олимпа; спеціально сирійскихъ божествъ нѣтъ и слѣда.

Извѣстно, что въ это время въ Сиріи греческій языкъ пользовался даже болѣшими правами, чѣмъ сирійскій, и если изрѣдка встрѣчались образованные Сирійцы, не знавшіе совсѣмъ по гречески, то еще чаще можно было встрѣтить природныхъ Сирійцевъ, не писавшихъ иначе какъ по гречески; кромѣ того, тамъ было много потомковъ греческихъ поселенцевъ, для которыхъ греческій языкъ былъ разговорнымъ. Надо думать, что авторомъ нашей легенды былъ или такой природный Грекъ; или Сиріецъ, знакомый съ греческимъ языкомъ и культурою; первоначальнымъ языкомъ могъ быть съ одинаковымъ удобствомъ и греческій съ сиріитами, и сирійскій съ эллинизмами.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ документовъ становится очевиднымъ, что толки о двухъ несходныхъ редакціяхъ легенды — латинской и греческой, начавшіеся со времени болландистовъ и не прекращающіеся до настоящаго времени ¹⁾, не смотря на изданіе палимпсеста, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Никакой самостоятельной латинской легенды нѣтъ и не было, а была одна легенда, явившаяся въ Европу на греческомъ языкѣ, рано переведенная, между прочимъ, и на латинскій языкъ, и рано подвергшаяся осужденію западной церкви,

Не смотря на строгій приговоръ Геласія, эта греческая легенда въ латинскомъ переводѣ продолжала пользоваться на западѣ уваженіемъ ²⁾: Рабонъ Мавръ говоритъ, что Георгій пострадалъ при Дацианѣ, царѣ Персидскомъ, „qui dominabatur super LXX reges“ и пр. Западные книгохранилища подъ некраспорѣчнымъ заглавіемъ: *passio sti Georgii* скрываютъ, навѣрное, не одинъ десятокъ пересказовъ апокрифа, интересныхъ и послѣ публикацій Аридта и Цариве. Два изъ такихъ пересказовъ мнѣ удалось имѣть въ рукахъ.

Въ Мюнхенской королевской библіотекѣ подъ № 14,418 есть руко-

¹⁾ См. статью *Vernaleken* въ *Germania*, IX, 471 и слѣд.; *Zarncke*: *Berichte* и пр., 1874, стр. 4 и слѣд.

²⁾ О разительной популярности этой легенды на почвѣ византійской свидѣтельствуегъ такой фактъ: въ житіи Василія Новаго Константина Копронима называютъ *Δατιανὸν καὶ παρατάτην* (см. *Василіевскаго*, Русско-византійскіе отрывки, Ж. М. Н. П. 1877 г. июль, 323). Слѣдовательно въ VIII—IX в. имя врага Георгія было нарицательнымъ.

пись IX в., гдѣ Passio st. Georgii начинается такъ: *Erat quidam rex paganorum nomine dacianus qui scripsit literas in omne regnum suum ut uenirent ad eum omnes gentes sub regno ejus eos interrogans utrum dii innumeri paganorum, an X-us solus debuisset adorari at uenerunt ad eum sicut legimus septuagesimo secundo regas cum immense multitudiŕne. Tunc rex dacianus iussit diversa adferre genera penarum quibus adficerentur atque damnarentur omnes qui Christi nomen colerent и т. д.* Далѣе авторъ кратко говоритъ о выступленіи Георгія, трибуна Каппадокійскаго (ср. S. Gall.), о его страданіяхъ, смерти и увѣровавшихъ черезъ него язычниковъ. Въ заключеніе онъ приглашаетъ вѣрныхъ христіанъ почитать день его памяти.

Очевидно, это короткая и немудреная проповѣдь на день св. Георгія, составленная во времена разительнаго варварской латини по апокрифу; самъ ли проповѣдникъ рѣшился умолчать о троекратной смерти и другихъ не внушавшихъ довѣрія чудесахъ Георгія, или онъ имѣлъ подъ руками текстъ, редакторъ котораго ихъ выкинулъ — не извѣстно.

Другая тоже мюнхенская (Cod. lat 1133 — 4655, 8° min. s. XIII) версія апокрифа начинается такимъ образомъ: *Erat quidam miles nobilis et diues ualde tribunus nomine Georgius de prouincia caradocie hic congregauit immensitatem auri et profectus est ad inperatorem Dacianum in ciuitate Militine ¹⁾ ut probaret eum comitem ²⁾.* Далѣе рукописи пересказываетъ апокрифъ со всѣми смертями и чудесами, но опускаетъ эпизоды объ Аванасіи и о царицѣ Александрѣ: вѣроятно, редактору, какъ и Варонію, контубергншъ съ нею, святою, показался *surprestant*. Любопытно, что Дадіанъ клянется богамъ: *Agabagade и Apolline*. Первое имя и отсутствіе Аванасіи ставятъ этотъ, къ сожалѣнію не законченный, текстъ въ непосредственную связь съ французскою стихотворною передѣлкой легенды.

Если, несмотря на запрещеніе Геласія, даже влерики продолжали переписывать апокрифъ, иногда сокращая его изъ причинъ, тѣмъ съ большимъ правомъ овладѣла имъ національная поэзія и искусство. Его перелажали въ стихи во всѣхъ почти христіанскихъ странахъ; имъ украшали стѣны храмовъ. Къ сожалѣнію, этотъ богатый матеріалъ далеко не собранъ вполне; едва ли половина его находится въ общедоступныхъ изданіяхъ; такъ напримѣръ, мы знаемъ о существова-

¹⁾ Ср. въ велонск. Mitelja.

²⁾ Ср. у болландистовъ: *majoris cupidus dignitatis*.

ни нѣсколькихъ французскихъ поэмъ о св. Георгіи ¹⁾, а въ печати имѣемъ только одинъ текстъ, изданный Люзаршемъ ²⁾, да и это изданіе сдѣлалось библиографическою рѣдкостью. Сравнивая французскую поэму съ известными намъ текстами, видимъ, что порядокъ событій слегка измѣненъ, и всему приданъ рыцарскій колоритъ. Даціанъ en la cité de Melitaine созываетъ своихъ бароновъ. Георгій былъ „tror pros en chevalerie“ и не принялъ предложенія Даціана, который обѣщалъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. За преніемъ Георгія съ Даціаномъ слѣдуетъ непосредственно казнь на колесѣ, а затѣмъ поселеніе Георгія у бѣдной вдовы; одна изъ предварительныхъ смертей Георгія опущена. Воскресеніе мертвецовъ излагается послѣ смерти императрицы, и истребленіе Георгіемъ идоловъ предшествуетъ не окончательной, а только второй его смерти. Боги Даціана—Agaba, Rache et Aroloine (стр. 98). Любопытно, что не Магненцій, какъ въ обихъ латинскихъ редакціяхъ, а царь, какъ во всѣхъ славянскихъ, приглашаетъ Георгія совершить чудо надъ 14 престолами. Любопытна и борьба рыцарственнаго поэта съ своимъ грубымъ источникомъ: въ послѣднемъ изувѣрь-тиранѣ, узнавъ объ обращеніи жены своей, сейчасъ же подвергаетъ ее мученіямъ; у французскаго поэта онъ сперва съ горестію восклицаетъ:

Oh douce gaine que feroi,
Coment morir te soffreroi?

а потомъ велитъ повѣсить ее за волосы. Въ эпизодѣ съ императрицей есть и болѣе существенныя вставки: Александра въ знавъ презрѣнія къ земнымъ благамъ бросаетъ на землю корону и перфиру во время мученія Георгія креститъ ее росой, низведенною съ неба.

Винovníкъ всѣхъ этихъ перемѣнъ—не авторъ Люзаршевой поэмы, но одинъ изъ его предшественниковъ, какъ это оказывается изъ рукописи Британскаго музея 20 Д. VI. 16. На 68-мъ листѣ этой рукописи начинается французское провансское житіе Георгія, которое сходится съ Люзаршевымъ текстомъ не только въ порядкѣ событій, но и въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ, такъ что сомнѣніе въ ихъ

¹⁾ См. Царикс, l. c., 10; *Germ.* IV, 501; *Ebert. Jahrb.* I, II.

²⁾ La vie de la vierge Marie de maitre Wace suivie de la vie de St. George, poëme inedit du même trouvère. Туръ. 1859 г. Предположеніе издателя и Гольцмана, что авторъ этой поэмы известный Васъ, можетъ считаться опровергаемымъ; см. *Germ.* IV, 501 и слѣд.

ближайшей родственной связи не возможно ¹⁾. Какого рода эта связь?

Въ Лондонской рукописи, сравнительно съ Люзаршемъ, много лиш-нихъ подробностей, не произвольно внесенныхъ, но взятыхъ изъ латинскаго текста; такъ Георгій передъ мученіемъ на колесѣ бесѣдуетъ съ собою; куски его тѣла повергаются въ колодезь, послѣ чего Дацианъ идетъ обѣдать; въ эпизодѣ съ вдовой изъ дома ея вырастаетъ дерево; за житіемъ слѣдуетъ приписка лжеавтора Евсевія, раба Георгія, присутствовавшего при мученіи. И такъ, поэма Люзарша не можетъ служить источникомъ прозаическаго пересказа.

Съ другой стороны Лондонская рукопись не можетъ служить источникомъ Люзарша уже по одному тому, что она писана позднѣе Турской поэмы; кромѣ того, у Люзарша есть подробность, встрѣчающаяся въ латинскомъ текстѣ и не находящаяся въ прозаическомъ французскомъ текстѣ: столъ съ яствами, спускающійся въ домъ вдовы. И такъ, надо предположить, что французская проза и поэма Люзарша имѣли общій источникъ, судя по произвольнымъ перестановкамъ, не латинскій, а французскій; и поэтъ, и прозаикъ сокращали его, первый больше, второй меньше. Этотъ источникъ и вышеуказанный Мюнхенскій текстъ истекли изъ одной латинской легенды, близкой къ С.-Галльскому тексту, Paltene котораго есть несомнѣнно испорченное Militene ²⁾.

Такимъ образомъ предположеніе Барча (Герм. IV, 502), что

¹⁾ Послѣ эпизода со вдовой у *Luz.* мы читаемъ такое обращеніе Дациана:

Jorge, par quel art par quel guiles
 Decès tu les gens de mes viles
 Sil dist: Deus a eu tot puissance
 Se que il viaut fait sans dotance
 Jorge, se dist lors Daciens,
 Vaut donc tes Deus miaus que li miens?
 Li sains dist: Li miens fist le monde и т. д.

Въ прозѣ: Georges, qar me di pas quel mal engui tu destroit tot cest peuple? Seinz Georges li respondi: Nostre sire mes dex en cui ie crois aeuire fait partot sa volente. Dacyens li dist: Est plus granz tes dex que appolins? и т. д.

²⁾ Другія доказательства: со времени смерти воскрешеннаго мертвеца прошло какъ въ S. Gall., такъ и у Люзарша, 200 лѣтъ; имя мертвеца въ S. Gall.—Jobius, у Люзарша—Jobel; снѣгъ вдовницы у Люзарша очевидно не 3-хъ мѣсяцевъ, какъ въ Gallic., такъ какъ вдова проситъ святаго дать ея сыну возможность oïr et veïr et parler. Чешскій отрывокъ, о которомъ упоминаетъ Wocel (см. *Denkschriften der Akad. zu Wien* 1860, стр. 58) есть также переводъ С. Галльскаго текста.

текстъ Люзарша есть сокращеніе (пѣснь или прозаическая легенда— не извѣстно) дѣлается фактомъ.

Несомѣнно на апокрифической редакціи основана извѣстная нѣмецкая пѣснь, записанная въ X вѣкѣ¹⁾. Авторъ не имѣлъ текста передъ собою, но сочинялъ на основаніи слышаннаго, и какъ кажется, не вполне понятого, по памяти, ему часто измѣнявшей, такъ что мы не имѣемъ возможности опредѣлить, какою изъ редакцій апокрифа онъ пользовался. Тасіанус, три смерти и три воскресенія, колонна, нускающая ростки, колесо, разрубающее тѣло Георгія на десять частей, и обращеніе Александры въ ея палатахъ встрѣчаются одинаково во всѣхъ редакціяхъ, но первая смерть отъ меча и двѣ спасенныя отъ голодной смерти женщины не могутъ быть указаны ни въ одномъ текстѣ²⁾. Затруднительные для пониманія стихи 44—48, я полагаю, слѣдуетъ относить не къ вызову идоловъ и не къ общанію Георгія поклониться имъ, какъ это дѣлаетъ профессоръ Царнке (l. c., 11—12), а къ воскресенію мертвецовъ; тогда порядокъ эпизодовъ окажется въ соотвѣтствіи съ легендой³⁾.

Въ области живописи апокрифъ нашелъ обстоятельное выраженіе въ стѣнныхъ изображеніяхъ замка Нейгауза⁴⁾. Къ сожалѣнію, они изданы не вполне, и издатель ихъ не зналъ полного апокрифическаго текста, который помогъ бы ему понять и изображенія, и надписи⁵⁾.

¹⁾ См. *Haupt in Verhandl. der Ak. der Wiss. zu Berlin* 1854, 501 и слѣд. Тотъ же текстъ въ *Denkmäler Müllenhoffa* и *Шерера*, № 17). Ср. *Zarncke* въ *Beirichtener die Verhandl. d. sachs. Gesellsch. zu Leipzig*. 1874.

²⁾ Двѣ женщины, можетъ быть, объединеніе жены Сколотини и вдовы; на пребываніе у последней указываютъ стихи отъ 19—20 (по Царнке).

³⁾ Вызовъ идола здѣсь потому нельзя предполагать, что въ легендѣ пребываніе у царицы не слѣдуетъ за нимъ, а предшествуетъ ему, да и въ пѣснѣ этому событію посвящены три послѣдвія полустиха; кромѣ того, въ ст. 44... *ten man uf hiez er stant* приказаніе отдается не идолу, а человѣку; къ тому же идолу и *ставать* не зачѣтъ. Общаніе Георгія не напоминаетъ ни однимъ словомъ; къ тому же, пользуясь выраженіемъ Царнке, такому толкованію противорѣчить *der knappe Ton des Gedichtes*. При моемъ же объясненіи три стиха переводятся вполне удовлетворительно: (мертв.) ому человѣку велѣлъ онъ (Георгій) встать

Велѣлъ къ себѣ подойти, велѣлъ скоро говорить.

Онъ сказалъ.

Сказалъ: они были погублены, чертомъ всѣ обмануты

(то-есть, мертвецъ былъ въ аду, какъ умершіе въ язычествѣ; см. Gall. 13: *ideo datus est mihi locus angustus et obscurus* etc.).

⁴⁾ *Denkschr. d. Ak. zu Wien*. 1860 г., стр. 59 и слѣд., ст. *Воцеля*.

⁵⁾ Судя по описанію Воцеля, магу приводятъ двухъ быковъ; это согласно съ

Апокрифу же, но строго процензурованному, слѣдуетъ и англосаксонская поэма, изданная Гартвикомъ и относимая имъ къ первой половинѣ XI вѣка¹⁾. Авторъ начинается съ такого заявленія: „Невѣрные невѣрно написали въ своихъ книгахъ о св. Георгіи; мы хотимъ объяснить вамъ, въ чемъ заключается правда“. Здѣсь мы не встрѣчаемъ ни троекратной смерти Георгія, ни оживленія вола, ни оживленія мертвецовъ, ни эпизода о вдовицѣ, ни обращенія Александры, ни произрастанія престоловъ; изъ эпизода объ Аеанасіи исключено чудо мага надъ быкомъ. Здѣсь налагаются только пренія Георгія съ Дацианомъ, да рядъ мукъ Георгія въ томъ же приблизительно порядкѣ, какъ и въ апокрифѣ. Отъ извѣстныхъ мнѣ редакцій апокрифа пересказъ мученій отличается только одною незначительною подробностью: мучитель велитъ водочить Георгія лицомъ по землѣ. Кромѣ того, предлагая Георгію принести жертву Аполлону, царь обращаетъ его вниманіе на милость языческихъ боговъ къ нему, Георгію.

Всѣ эти перемѣны слѣдуетъ отнести не на счетъ англосаксонскаго поэта: они были уже въ латинскомъ житіи, которому онъ рабски слѣдовалъ. Существованіе такого житія доказывается повдѣйшими мартирологіями, гдѣ пересказываются всѣ тѣ же черты и въ томъ же порядкѣ; я имѣлъ въ рукахъ два такіе мартирологія: Нюрнбергскій 1486 г. (*Viola Sanctorum seu Martyrologium*) и s. l. 1499 г. имѣющихъ дословно сходный текстъ житія Георгія; все отличіе его отъ текста, которому слѣдовалъ англосаксонскій поэтъ, состоитъ въ большей сжатости и нѣсколькихъ, вставленныхъ очевидно впоследствии строкахъ о побѣдѣ Георгія надъ змѣемъ и о Диоклетіанѣ²⁾. Тотъ же текстъ, какъ увидимъ ниже, послужилъ источникомъ и Якову de Voragine. На томъ же источникѣ—сокращенномъ апокрифѣ, но не такъ близко слѣдуя за нимъ, основывается старо-англійская римованная поэма,

Галликанскимъ текстомъ, но совершенно чуждо всѣмъ текстамъ, что онъ убиваетъ быка лдомъ; это, по видимому, должно быть отнесено на счетъ фантазіи художника. Еще изъ изображеній мученія, слѣдовавшихъ апокрихическому тексту, укажу на базилику св. Антонія Падуанскаго (см. *La basilica di Sto Antonio di Padova dal Gonzati*, I, 270 и слѣд., ерески Jacopo d'Avanzi), чтобъ исправить ошибку издателей: при мученіи на колесѣ и при казни Георгія является не *il poto mago*, который нигдѣ Георгія не переживаетъ, а царь.

¹⁾ *Anglo-saxon passion of St. George, from MS. in the Cambridge University Library. Lond. 1850 (Percy Society, № LXXXVIII).*

²⁾ Безъ этихъ вставокъ такое житіе существуетъ въ рип. Британскаго музея Ар. 406 в. XIV fol. 29 и E. I. 47 (Nero) 201.

напечатанная Гейлиномъ (The historie of that most famous saint and souldier of Christ Iesus st. George etc. Lond. 1633 by Pet. Heylyn) по рукописи, принадлежавшей Лондонскому епископу; ея авторъ писалъ, по видимому, по памяти, такъ какъ перепуталъ и сократилъ муки и главнымъ богомъ Дадіана называетъ Mahonde. Специальная черта, связывающая эту поэму съ житіемъ мартирологовъ—та, что мученика влекутъ на казнь лицомъ по землѣ. Въ концѣ авторъ, кажется, своимъ умомъ исключилъ казнь Дадіана.

Исключеніе изъ апокрифа всѣхъ маловѣроятныхъ чертъ было не единственнымъ способомъ обходить запрещеніе Геласія; другіе книжники, желавшіе сохранить чудеса апокрифа и читавшіе другое житіе, согласовавшееся съ церковною исторіей, которая не знала никакого Дадіана и превосходно помнила Діоклетіаново гоненіе, пытались и отчасти успѣли пустить въ ходъ редакціи составныя, также не оставшіяся безъ вліянія на поэзію. Родина такъихъ гибридообразныхъ редакцій опять-таки прежде всего Византія.

Болландисты указываютъ впервые на греческую редакцію „in qua vetusta graeca augentur variis circumstantiis, miraculis atque tormentis, quae in solis latinis apocryphis antea legebantur“ (103). Въ ней мученію Георгія предшествуетъ псевдоисторическое введеніе, излагающее исторію войны Максиміана и Діоклетіана противъ Персовъ ¹⁾. Мучителемъ является Діоклетіанъ, но не забытъ и Дадіанъ: вмѣстѣ съ Магненціемъ и Теогнисомъ онъ оказывается графомъ, племянникомъ Максиміана и областеначальникомъ.

Въ той же группѣ слитныхъ редакцій относится и житіе, которымъ пользовался въ половинѣ XIII вѣка Петръ Партенопейскій; характерные признаки этого житія: время мученія—290 г. sub pontificatu Marcelli; мѣсто мученія—Меллина; Аванасій и Александра не упоминаются вовсе.

Житіе это, какъ увидимъ ниже, чрезвычайно важно для исторіи западной поэзіи; къ сожалѣнію, болландисты сообщили изъ него три строчки, а о рукописяхъ до сихъ поръ, сколько я знаю, нѣтъ никакихъ извѣстій ²⁾.

¹⁾ Авторъ этого введенія могъ взять идею его изъ Chronicon Paschale (см. изд. Диндорфа, стр. 510), гдѣ мученіе Георгія относится къ 284 г. и ко времени войны Римлянъ съ Персами, но не при Діоклетіанѣ, а при Баринѣ. Максиміана поминаетъ реторическое житіе Метаараста, который тоже говоритъ о Персидскомъ походѣ.

²⁾ Изъ сличенія Мюнхенской рукописи, № 4655, съ тѣми немногими свѣдѣніями

Довольно любопытное, тоже слитное житіе находится въ одномъ латинскомъ прекрасно написанномъ Пассионалѣ Британскаго музея (Harl. 2800 I, л. 56 и слѣд.) XIII вѣка. Оно начинается такъ:

«Eo tempore, quo Diocletianus romani orbis gubernandum suscepit imperium cum undique respublica multis ac diuersis incommodis Carausio uidelicet per id tempus in Britannis sumpta purpura rebellante Adulleo ¹⁾ quoque Egyptum inuadente cum quinque gentiani etiam Affricam iustarent, Narseus quoque rex Persarum orienti bellum inferebat. Cum itaque ad tot Romane respublice pericula sedanda se solum minus sufficere uideret Herculeum Maximianum sibi quondam commilitonem ex Cesare Augustum creauit, Constantium et Galerium Maximianum in eius locum Cesares substituit и т. д.

Далѣе авторъ разсказываетъ о происхожденіи Діоклетіана и о началѣ гоненія. Дацапъ—одинъ изъ исполнителей вельнѣи нечестивыхъ императоровъ; мѣсто его дѣятельности не обозначено; сказано только, что своимъ рѣшительнымъ приказомъ и выставкой орудій казни онъ подвѣствовалъ на многихъ слабодушныхъ и обратилъ ихъ къ язычеству:

«Contigit eodem tempore illuc aduenisse de partibus Cappodociae quendam uirum illustrem nomine Georgium, qui in sua ciuitate dignitates honore potiebatur; sic cum esset ingenio alacer et probis moribus atque affatu suauis et ob hoc non solum conciuibus suis uerum omnibus in confinio circumquodque manentibus gratus et carus ut prefectoriam super eos acciperet dignitatem omnes uno assensu communiter expetebant, collatamque ex communi sumptu pecuniam eidem offerebant ut si aliter non posset jus potestatis per pecunias a dominis consequeretur. Hic cum insanam et furiosam cognouisset iudicis tyrannidem omnemque collecti multitudinem populi profanis sacrificiorum ritibus omniconamine cogente tyranno insistentem, cum etiam plerique uenerandum atque cunctis tremendum Christi nomen tam publice quam priuatim blasphemare quidam quidem coacti, quidam uero etiam uoluntarii non uererentur grauissima mentis anxietate totus intremuit, atque interno cordis suspirio lacrimabiliter ingemuit moxque omnem quam pro emendis terrenis honoribus secum ex Cappadocia attulerat pecuniam egenis distribuit alacriter.

Затѣмъ излагается съ большими риторическими украшеніями и весьма подробно тотъ же очищенный апокрифъ, который мы видѣли въ основѣ англосаксонской поэмы и печатнаго мартирологія.

Не смотря на надутый, широковѣщательный стиль житія, явно указывающій на редактора-ритора, старавшагося приумножить текстъ

которыя имѣемъ мы о составѣ редакціи Петра, видно, что онъ или его предшественникъ пользовался именно такимъ текстомъ: только здѣсь находимъ мы обращеніе Магненція, замѣнившаго Аенансія мага.

¹⁾ I. Achilleo.

хитросплетеніями, несмотря на то, что мы имѣемъ дѣло не съ оригиналомъ, а съ спискомъ, мѣстами сильно неграмотнымъ, по Лондонской рукописи, какъ по подробному изложенію оригинала мартирологіевъ, мы лучше можемъ судить о связи этого оригинала съ апокрифомъ. Въ Gallic., испитавъ искусство Аеанасія,

«Imperator iussit sanctam Georgium produci ante conspectum suum et dixit ad eum: George, propter te adquisivi hunc magum, aut certe solvas magicas eius aut certe solvat magica tua; aut certe perdat te, aut certe perdas eum. Tunc respiciens beatus Georgius vidit iuvenem, dixit: festinanter fac quod debes facere. Video enim te comprehendere vestigia domini ¹⁾. Et ea hora accipiens Athanasius calicem invocavit nomen (sic) demoniorum et dedit sancto Georgio bibere et nihil ei nocuit ²⁾. Et dixit magus imperatori: unum est, quod et (ei?) facio, sed si non nocuero eum, convertar ad dominum. Tunc accipiens calicem Athanasius invocavit nomina priorum ³⁾ demonum et dedit et bibere et nihil ei nocuit.

Въ Лондонской рукописи:

Qui (Athanasius) cum fuisset presentatus dixit Datianus: Georgi, hunc, quem vides, magum per multas lustrando ciuitates quesitum ac tandem inuentum propter te huc adduxi. Hic ergo quia non minimum de tuis artibus presumis in quibus etiam et multum valere ut pote id in multis experti non negamus, solue magicas eius artes si potes ut ex hoc artes tuas diminas potius quam malificiosissimas esse probemus aut certe si hoc facere diffidis, dum ille tuas soluerit, manifestum pateat omnibus, quam iuste inter maleficia vindicentur. Sanctus vero G. respiciens iuvenem dixit ei: video te paulatim comprehendere gratiam dei. Tunc sumens Ath. calicem maleficiis plenum inuocauit nomina demoniorum super eum deditque sancto bibere. Quem ille accipiens crucis Christi signaculo munivit atque inuocato eius nomine qui cunctis imperat demonibus incunctanter totum ebibit nichilque ei nocuit. Quo facto dixit ad presidem magus: Unum superest quod faciam in quo si ei non preualuero, constat profecto quod magna et insuperabilis est uirtus Christianorum unde consequens erit ut et ego conuertar et credam in crucifixum. Quo accepto iterum calice inuocauit nomina fortium demonum, quorum scilicet principatum atque potentiam estimabat potioreм и т. д.

Очевидно, что оригиналъ Лондонской рукописи есть тотъ же апокрифъ, но очищенный отъ слишкомъ чудесныхъ подробностей и пересказанный болѣе литературно. Принадлежитъ ли честь такой литера-

¹⁾ Сербск. стр. 78 твори еме еси помисляль, видюу оубо яко даръ божи постигль те есть.

²⁾ Хлуд. и сербск. вар.: послѣ молитвы Георгій благословляетъ чашу.

³⁾ Очевидная ошибка. Сербск. И възъмь иноу чашоу смѣси чари горьше того бѣсы наричь. Публ. библ. 243. И вземъ чашу иную наля въ ю и смѣсиль наи лютьши чары и нарицаа иныа бѣсы горше первымъ.

турной передѣлки латинскому западу, или Византіи—мы не знаемъ; но ниже увидимъ, что въ Византіи несомнѣнно существовалъ апокрифъ, очищенный сходнымъ же образомъ ¹⁾).

Оригиналъ Лондонской рукописи пользовался большою популярностію; безъ историческаго вступленія о Діоклетіанѣ и Максиміанѣ, слѣдовательно, въ видѣ болѣе первоначальномъ, тотъ же текстъ находится въ Лейпцигской пергаменной рукописи № 814 ²⁾. Тѣмъ же оригиналомъ пользовался и составитель текста житія Георгія въ Золотой Легендѣ.

Сличая разказъ Золотой Легенды (Graesse, 259 и слѣд.) съ нѣмецкимъ Пассіоналемъ ³⁾, съ Пассіоналемъ старочешскимъ ⁴⁾ и старофранцузскою рукописью Лейпцигской бібліотеки конца XIII или начала XIV в. (къ сожалѣнію, безъ конца и безъ начала), я убѣдился, что вся дѣятельность Якова де-Ворагине въ данномъ случаѣ—какъ, вѣроятно, и во многихъ другихъ—ограничилась только тѣмъ, что онъ приставилъ къ началу короткое предисловіе съ дикими этимологіями имени Георгія и интерполировалъ разказъ ссылками на Августина и Амвросія; текстъ же передъ нимъ лежалъ готовый, составившійся изъ того же оригинала Лондонской рукописи и нѣсколькихъ воссоединившихся съ нимъ чертъ большаго апокрифа.

Непосредственную связь оригинала Лондонской рукописи съ *Legenda Aurea* доказываетъ не только та же послѣдовательность мученій и событій, но и совпаденіе въ незначительныхъ подробностяхъ и въ выраженіяхъ.

Leg. Aur. Eo tempore imperantibus Diocletiano et Maximiano sub preside Daciano tanta persecutio christianorum fuit, ut infra unum mensem XVII milia martirio coronarentur unde inter tot tormentorum generā multi christiani deficiebant et ydolis immolabant. Quod videns sanctus Georgius tactus dolore cordis intrinsecus omnia, quae habebat, dispersit, militarem habitum abjecit,

¹⁾ Съ этою или къ ней близкою версіей въ связи старѣйшій изъ латинскихъ гимновъ, приписываемый св. Амвросію (у Минья № LXIX), какъ можно думать на основаніи стиховъ отъ 15—23.

²⁾ Вторая половина житія подвергалась чрезвычайно сильнымъ сокращеніямъ.

³⁾ *ed. Кёрке, Quaedl. 1852.* Вотъ всѣ отличія изложенія Пассіоналя отъ *Leg. A.*: Пассіональ ничего не знаетъ о покореніи Георгіемъ Палестины (см. ниже), слегка видоизмѣняетъ первую муку Георгія (вм. *equuleum* Георгія вѣшаютъ за руки), опускаетъ чудо, описанное Григоріемъ Турскимъ и съ большими подробностями чудо подъ Іерусалимомъ. Само собою разумѣется, что въ Пассіоналѣ нѣтъ введенія Якова и его цитаты изъ Амвросія.

⁴⁾ См. *Vybor z liter. česke, 302* и слѣд.

christianorum habitum induit et in medium prosiliens exclamavit: omnes dii gentium demonia! dominus autem caelos fecit 1). Cui praeses iratus dixit qua praesumptione audes Deos nostros daemona appellare? Dic, unde es tu aut quo nomine voceris?

Лонд. рѣш.: Si quidem tam acerbissima tamque creberrima persecutio flagrabat ut inter unius spacium mensis ad decem et septem milia passos diligentissimi tradunt historici... Itaque exutus (sc. Georgius) clamide terreni imperii qua peropportunitatem temporis ob insigne dignitatis utebatur indutusque habitu quo se christianum diutius non celaret, divino afflatus spiritu in medium sacrificantis populi sese iniecit atque in conspectu furentis presidis talem in vocem prorupit: omnes dii gentium demonia, deus autem noster celos fecit... Tunc dixit (Datianus) ad Sanctum G. que tam infrenata ac furiosa incitavit praesumptionis audacia an cujus officii munimine ista temere persequi audes., ut deos nostros... demones esse dicas. Fateri de qua provincia uel ex qua civitate huc advenisti uel quo nomine voceris...

Нравственное чувство редактора заставило его опустить эпизодъ о розданныхъ Георгіемъ деньгахъ ex sumptu communi. Изъ полнаго апокрифа редакторъ счелъ нужнымъ внести двѣ черты: явленіе Христа въ темницѣ и мученіе Александры. Мимоходомъ упоминается одна фантастическая черта, которой не находили ни въ одномъ апокрифѣ: Георгій при первомъ столкновеніи съ Даціаномъ объявляетъ ему, что онъ завоевалъ Палестину 2). Въ этой чертѣ отразилось вліяніе національно-поэтическаго представленія о Георгіи, какъ оно составилось послѣ перваго Крестоваго похода.

Отъ половины XIII в. мы имѣемъ обширную, болѣе чѣмъ въ 6000 стиховъ нѣмецкую поэму, главнымъ героемъ которой является св. Георгій; авторъ ея, много разъ называющій себя внутри поэмы, — Рейнботъ фонъ-Дорнъ. Подробно разбирать эту поэму я не имѣю возможности: разъясненіе исторіи братьевъ Георгія (имена ихъ, разумѣется, — имена свв. Феодора Стратилата и Димитрія Солунскаго), его походовъ и завоеваній, отношеніе поэмы въ такъ-называемому Ломбардскому циклу 3) и къ источникамъ эпизодически вставленныхъ чудесъ, напримѣръ, о знамени, ниспосланномъ съ неба, можетъ дать

1) Слова, приведенныя по латыни и въ англосаксонской поэмѣ.

2) По свидѣтельству болландистовъ (стр. 104 — 105), у Гиляріона (1472 г.) Георгій тоже Palaestinam devicit; у Баптисты Мантуанскаго онъ

Inde Palaestinam veniens ea regna Latinis
Regibus infraenaus etc.

3) Кромѣ дѣйствующаго у Рейнбота властелина Сальнеке, ср. стр. 1589 и слѣд. съ прїездомъ Ротера въ Константинополь.

темы нѣсколькимъ нѣмецкимъ диссертациямъ; къ тому же текстъ поэмы Рейнбота до сихъ поръ не имѣеть сколько-нибудь сноснаго изданія ¹⁾. Я ограничусь только указаніемъ нѣкоторыхъ данныхъ для опредѣленія источниковъ французскаго оригинала Рейнбота ²⁾.

Французскій текстъ, служившій основаніемъ поэмы Рейнбота, произошелъ изъ соединенія текста Петра Партенопейскаго (или его оригинала: время редакціи Петра опредѣляется гг. 1215—1251, а поэмы Рейнбота гг. 1231—1253) съ текстомъ извѣстнаго намъ апокрифа въ редакціи, болѣе близкой къ Санъ-Галленской, чѣмъ къ Галликанской. Изъ перваго основа Рейнбота взята, несомнѣнно, указаніе на годъ мученія 290), на современнаго будто бы событію папу Марцелла (см. стр. 380 и 407) и попытку слить историческихъ императоровъ съ апокрифическимъ Даціаномъ. Самый разказъ ведется по апокрифу, эпизоды котораго переставлены и видоизмѣнены отчасти французскимъ оригиналомъ, отчасти самимъ Рейнботомъ. Диоклетіанъ и Максиміанъ отодвигаются на задній планъ, Даціанъ называется императоромъ, и при немъ поминаются подчиненные ему короли (см. напр., строфы 1640, 1660) ³⁾. Но авторъ и въ срединѣ разказа имѣлъ передъ собою редакцію Петра Партенопейскаго: изъ нея беретъ онъ неизвѣстное апокрифу обращеніе Магненція (von Mayedon); Георгій, постоянно носящій титулъ маркиза и графа, иногда, напримѣръ, въ стр. 1885, оказывается трибуномъ; Даціанъ въ стр. 4838 вдругъ вспомнилъ о своихъ властителяхъ; отсюда же, вѣроятно, заимствовалъ авторъ послѣднюю молитву Георгія.

Имѣя подъ руками не одну поэму Люзарша, но и прозаическій

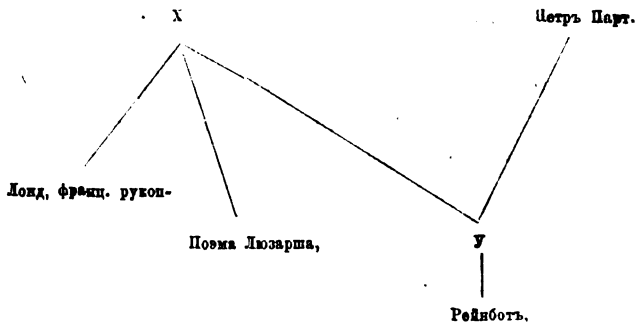
¹⁾ Единственные издатели его Гагенъ и Бюшингъ—для своего времени издатели почтенные; но въ настоящее время такимъ текстомъ пользоваться уже неудобно: попавшіе не на свое мѣсто эпизоды (см., напр., стр. 1965 и слѣд.) затрудняютъ пониманіе. Будущій издатель легко приведетъ ихъ въ порядокъ, обративъ вниманіе на прозаическіе пересказы поэмы Рейнбота, о которыхъ см. ниже. Словарь Мейера говоритъ о приготовленіи критическаго изданія Францемъ Пейеромъ.

²⁾ До сихъ поръ мы имѣемъ только отрицательныя данныя: Бартъ (*Germ.* IV, 502 и слѣд.) указалъ на разнопласія поэмы, названной *Люзаршемъ* съ Рейнботомъ и на невозможность уже по одному объему принять эту поэму за источникъ Рейнбота; пр. Царнке заявилъ (*Bericht.* etc. 1874 стр. 10), что по справкѣ Гастона Париса парижскій текстъ № 7204 тоже не источникъ Рейнбота.

³⁾ Число ихъ то 7, то 14, что не сходно съ латинскими редакціями; но 7 царей мы видѣли изъ славянскихъ версій, а 14—выдумка поэта въ виду 14 престоловъ.

французскій пересказъ того же текста въ Лондонской рукописи, мы можемъ идти далѣе Барча въ опредѣленіи отношенія Рейнбота къ французскому тексту.

Основа Рейнбота въ близкомъ родствѣ съ источникомъ Люзарша и Лондонской рукописи; это видно изъ чуждаго латинскимъ и славянскимъ апокрифамъ размѣщенія эпизодовъ (пребываніе у вдовы предшествуетъ всѣмъ мукамъ, исключая одной; казнь царицы предшествуютъ воскресенію мертвецовъ), изъ совпаденія въ имени мертвеца (Johel), изъ крещенія Александры въ облагѣ и многихъ другихъ чертъ. Эта основа совмѣщала въ себѣ подробности, исключенныя то поэтомъ Люзарша, то лондонскимъ прозаикомъ, слѣдовательно, стремилась не къ краткости, а къ полнотѣ; кромѣ того, какъ было сказано выше, составитель ея переплелъ разказъ апокрифа болѣе каноническою версіей Петра Партенопейскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что къ этой сложной основѣ Рейнбогъ отнесся несравненно свободнѣе, нежели другіе и замѣчаніе Барча о „Treue, mit der die mittelalterlichen Dichter gerade in Factis sich an ihre Vorlage hielten“ къ нему не относится. Къ такому выводу можно было прійти даже не имѣя подъ руками новыхъ фактовъ: если онъ дозволилъ себѣ внести длинныя самостоятельныя эпизоды о предшествующей дѣятельности Георгія и его братьевъ, если онъ вноситъ длинныя лирическія отступленія и остроты надъ свободой нравовъ французскихъ женщинъ (чего, конечно, онъ не могъ встрѣтить въ своемъ французскомъ источникѣ), то мы должны допустить, что онъ позволялъ себѣ перемѣны и въ пересказѣ фактовъ заимствованныхъ. Онъ самостоятельно нарисовалъ сценку изъ рыцарскихъ временъ, вводя Георгія къ императрицѣ; онъ пошелъ несравненно далѣе своихъ

предшественниковъ, давая видную роль женщинѣ; самъ онъ счелъ болѣе удобнымъ помѣстить всѣ крупныя мѣсты Георгія и первую смерть его послѣ пребыванія у царицы и т. д.

Литературная исторія Георгія доказываетъ, что не только забавная литература XV и XVI вѣковъ пользовалась старыми поэмами, но и составители назидательныхъ книгъ не пренебрегали ими. Уже Гагенъ и Бюшингъ указали на связь нѣмецкаго сборника житій конца XV в., называемаго *Sommertheil* ¹⁾, съ Рейнботомъ. Въ этомъ сборникѣ ²⁾ исторія св. Георгія въ своей первой и большей половинѣ есть ничто иное, какъ изложеніе поэмы Рейнбота безъ всякихъ дополненій, но съ опущеніемъ или сокращеніемъ лирическихъ мѣстъ и разсужденій; мѣстами даже видны слѣды рѣзъ (см. примѣры у Гагена и Бюшинга) ³⁾; но изложивъ эпизодъ съ Аванасіемъ, здѣсь названнымъ Анастасіемъ,—составитель пересказываетъ чудо Георгія о змѣѣ и дѣвицѣ и потомъ снова мученіе Георгія отъ Даціана Персидскаго, опускаая только мученіе на колесѣхъ и царицу Александру. Источникомъ при этомъ повторительномъ изложеніи служила ему не Золотая Легенда, а тотъ текстъ, которымъ она пользовалась, и который гораздо точнѣе переданъ въ стихотворномъ нѣмецкомъ Пассіоналѣ ⁴⁾.

Въ Британскомъ музеѣ находится очень интересная нѣмецкая рукопись XV в. (Add. 19. 462), заключающая въ себѣ тоже сводный текстъ изъ Рейнбота и чудо о змѣѣ. Послѣ короткаго введенія (*Es spricht sant paulus wer da volgertet uns an dz end, der gewint die kronen des siges* и пр.) начинается исторія отца и братьевъ Георгія: *Es wz gar ain edler margraff ze palastin der hies jorg und wz gar ain erwürdiger fürst und wz zum ersten ain haiden* и т. д. Годъ начала гоненія Діоклетіана обозначенъ совершенно произвольно (221 г. отъ Р. X.). Чудо о змѣѣ вводится прежде мученія и влетено въ исторію Георгія и его братьевъ ⁵⁾. Изложеніе самого мученія слѣдуетъ об-

¹⁾ S. l. а., но также въ XV в. была издана и другая часть сборника *Wintertheil*; экземпляръ его существуетъ въ библиотекѣ Лейпцигскаго университета.

²⁾ Я пользовался экземпляромъ Публ. библ. 1477 года, Augsburg; безъ названій текстъ перепечатанъ въ Аугсбургѣ же въ 1497 г.

³⁾ Единственнымъ, сколько-нибудь крупнымъ отличіемъ состоятъ въ томъ, что число подкоролей не 7, а 70, и что въ первой части Даціанъ не упоминается. Это вліяніе другой версіи.

⁴⁾ Здѣсь также Георгія вѣшаютъ за руки, и также опущено чудо, переданное Григоріемъ Турскимъ и пр.

⁵⁾ О его изложеніи см. ниже.

щему плану Рейнбота, но въ подробностяхъ отклоняется отъ него. Очевидно отсутствіе литературной связи этой рукописи съ такъ называемымъ Sommertheil.

И такъ, на западѣ отчасти вслѣдствіе офіціального гоненія на апокрифъ, отчасти по собственному побужденію переписчики шли на сдѣлку съ совѣстью (конечно—безсознательно) и производили на свѣтъ редакціи составныя. Обѣ причины существовали и у насъ, и слѣдствіи оказались тѣ же.

Апокрифическое житіе Георгія ясно и положительно осуждается въ славянскихъ indexesъ запрещенныхъ книгъ: въ Погодинскомъ Номоканонѣ XIV вѣка осуждается Георгіево мученіе отъ Дадьяна, а позднѣе запрещается Евнатіево мученіе, въ которомъ повѣствуется о его семикратной смерти, и Ѳедора Тирона; въ нѣкоторыхъ indexesъ прямо указывается, что всамый святой умреть только одинъ разъ ¹⁾. Въ русско-сербскомъ indexѣ ²⁾ читаемъ: и о мученицѣхъ льжно написано въ пророкохъ (sic! въ русскихъ текстахъ вѣрно чтеніе: и о мученицѣхъ криво складено тако якоже есть истина писана въ mineяхъ четихъ или въ приложѣхъ) Георгіево мученіе како отъ Дадьяна царя мучень, Никитино мученіе нарицающе его царева сына³⁾ и пр. Георгіево мученіе упоминается и въ печатной Кирилловой книгѣ 1644 г. Покровительствуемое церковью, проложное житіе съ Диоклетіаномъ получило большую силу, но не могло подавить апокрифа: оно вліяло на переписчиковъ его только такимъ образомъ, что они иногда, особенно въ началѣ, замѣняли Дадьяна Диоклетіаномъ, который оставался однако царемъ Персидскимъ ³⁾. Мнѣ впрочемъ, не случалось встрѣтить русской редакціи, въ которой апокрифъ *B* являлся бы въ чистомъ видѣ: обыкновенно начало его берется изъ версіи *C*, а послѣ пренія съ царемъ идетъ текстъ близкій къ сербскому ⁴⁾ (см. Публ. библ. I, F, 243, XVII в.). Такой текстъ

¹⁾ См. *Летописи Археогр. Комиссіи*, I, 25 и слѣд., статья *А. Н. Пыпина*.

²⁾ См. Jagić: *Slovenski tekstovi kanona sm. Opisi i izvodi*, III. 1877 г. стр. 219.

³⁾ Яковъ de Voragine въ предисловіи къ Георгію поминаетъ такое житіе, гдѣ онъ пострадалъ sub Diocletiano imperatore Persarum praesentibus LXXX (позднѣйшій вариантъ вм. 70) regibus). Здѣсь нѣтъ литературной связи, а только общій наивный пріемъ.

⁴⁾ Старѣйшая изъ видѣнныхъ мною такихъ рукописей, Хлудовскій прологъ XIV в. (№ 189), съ первыхъ же строкъ выдаетъ свое сербское происхожденіе: «въ онѣхъ днехъ по вѣнесени Га наша Іс х^тъ възвесахоу хр тияньскы родѣ ѿ незаконныхъ» и проч.

встрѣчается иногда и въ видѣ сокращенномъ (например, *ibid.* I, Q, 332 тоже XVII в.).

Обращаюсь къ третьей и послѣдней версiи мученiя Георгiа (С), характеристическими чертами которой являются появленiе въ легендѣ отца и матери Георгiа, отсутствiе чудесъ, изобилiе мученiй и мѣсто мученiя—Диосполисъ. Хотя до сихъ поръ она извѣстна только въ славянскихъ текстахъ, но несомнѣнно переведена съ греческаго. Кромѣ апriorныхъ данныхъ, кромѣ собственныхъ именъ, это доказывается вышеуказанною вѣнскою рукописью, описанною у Ламбециа. Конецъ ея читается такъ: *στραφείς ὁ ἅγιος Γ. λέγει τῷ σπεκουλᾶτορι: δεῦρο τέκνον, πληροσὸν σου τὴν οἰκονομίαν. καὶ προσελθὼν ὁ σπεκουλᾶτωρ ἀπέταμεν τὸν γενεῖον αὐτοῦ αὐχένα καὶ αὐθῶς ἐγένετο ὁ ἀήρ συννεφής καὶ σεισμός καὶ ἀστραπαὶ καὶ βρονταὶ καὶ ὑδάτων πλῆθος. Διαβόντες δὲ οἱ χριστιανοὶ τὸ ἅγιον λείψανον κηδεύσαντες ἔθαψαν αὐτὸ τῇ μητρὶ αὐτοῦ Πολυχρονίᾳ ἐν τόπῳ ἐπισκόπῳ ἐν Διοσπόλει. ἐτελειώθη δὲ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ μεγαλομάρτυς Γ. μηνὶ ἀπριλίῳ χγ' ἡμέρᾳ παρασκευῆ ὥρα ἄναστη βασιλεύοντος τοῦ Κορίσιου ἡμῶν I. X. ὧ ἡ δοξα и проч.*

Ср. у Тихонравова: „и обращайся Г. рече къ мечнику: приступи, кончай поведаѣнное; и приступи къ мечнику, усеки главу его; и абие небо облачно бысть и трусь великъ и молнiя, и туча велика; и вземше христiане тѣло, положиша и съ Полихронiею въ честнѣ мѣстѣ, въ Диосполѣ. Успе же святый Г. мѣсяца апрѣля въ 23 день 9 часъ, царствующу Господу нашему I. X., ему же слава“ и проч. ¹⁾

Старѣйшiй списокъ этой версiи (XIV в.) находится въ библиотекѣ Хлудова (см. каталогъ ея, стр. 406), въ одномъ Торжественникѣ, въ которомъ, по словамъ А. Н. Попова, не смотря на сербское правописание, видѣнъ болгарскiй изводъ.

У Тихонравова мучитель называется Дадьянъ мѣстный князь ²⁾; при немъ поминаются, какъ сидѣвшiе съ нимъ на судищѣ между другими, Магнентiй и Феогнiй (чит. Феогнiй) ³⁾. Въ Погодинской руко-

¹⁾ То же съ небольшими отиѣнами въ Погодинскомъ сборникѣ XVI в. (Публ. библ. № 806): обращайся святый къ мечнику и рече: кончай, брате, службу свою и усеки вошию честную главу его. И абие небо облачно бысть и трусь великъ и молнiя и туча велика. Благовѣрнiи же врестьяне погребоша честное тѣло его съ матерью въ Диосполѣ градѣ мѣсяца апрѣля въ 24 день, яже исцѣвленiя вѣрными подаютъ.

²⁾ То же у Хлуд.; Унд. № 1296, Синод. № 563 и др.

³⁾ Сидѣ же на судищи съ отрокомъ пришедшемъ нарраромъ съ князю и магнентiю и феогнiю и вешиъ предстоющимъ. Прое. Дескннъ остроумно и без-

писи № 808 мучитель называется Діоклетіанъ, родомъ отъ Персиды ¹⁾. Имя отца Георгія разнится не существенно; онъ называется Геронтъ, Геронтій, Горонтъ, Горонтій. Мать называется то Полифронія (Пог. 808, Публ. № 86; бѣлорусск. сб. Публ. № 122; *ibid.* № 243 и др.), то Полихронія (Тих., Синод. № 553). Судя по вѣнской рукописи и по аналогіи съ Геронтомъ „Полихронія“ есть форма оригинала ²⁾.

За исключеніемъ нѣсколькихъ сокращенныхъ редакцій (напримѣръ, Син. №№ 553 и 122), во всѣхъ рукописяхъ житіе начинается словами: „ненавидѣй исперва чловѣка, злый совѣтникъ діаволъ“ и проч. Послѣ краткаго вступленія о гоненіи на христіанъ, слѣдуетъ эпизодъ, совершенно неизвѣстный каноническому житію и апокрифу: Геронтъ, не подозрѣвающій въ смѣхъ христіанина, приглашаетъ его принести жертву идоламъ; тотъ отказывается и доказываетъ отцу лживость его религіи; ночью, какъ бы въ наказаніе за осужденіе христіанства, на Геронта нападаетъ злой недугъ; онъ раскаявается и принимаетъ христіанство; черезъ 15 дней (Син. № 122 по ошибкѣ: 15 лѣтъ) онъ умираетъ. Послѣ его смерти, Георгій истребляетъ идоловъ. Жрецъ Селиванъ ³⁾ доноситъ на него царю, и Георгій призванъ предъ царя. Слѣдуетъ длинный рядъ мученій, знакомыхъ намъ по апокрифу. Наконецъ, царь пытается склонить Георгія лестію и, по видимому, успѣваетъ; Георгій идетъ ночевать въ покои царицы и всю ночь проводитъ въ славословіи Господа. Евнухъ Евтропій (у Тих. безъ

спорно объяснилъ непонятнаго *атрона*: надо читать *сапрапомъ пришедшимъ*; но *трапомъ* и пр. остаются непонятными.

¹⁾ То же Рум. М. Писк. № 560, Унд. № 622, № 1109; то же Публ. библ. изъ вновь описанныхъ № 86 и др.

²⁾ Выдуманная родителей Георгію, авторъ попалъ на простую мысль назвать ихъ *старикомъ* и *старухой*: они—представители стараго поколѣнія, которое только въ женской половинѣ безкорыстно и добровольно принимало новое ученіе; мужчины же дѣлались христіанами въ страхъ передъ смертію. Сперва я думалъ наставлять на формѣ «Полихронія», *многосудрая*, которую легко замѣнить Премудростію—Софіей нашихъ стиховъ. Можетъ быть, впоследствии и найдется славянскій, вышедшій изъ греческаго, или греческій текстъ, гдѣ ошибочное чтеніе *Полифронія* породило *Софію*. Тогда выяснится литературный источникъ этого эпизода стиха.

³⁾ Въ Син. бѣлорусск. № 122 онъ называется *офеховникъ*, а въ рукописи гр. Уварова, нач. XVI в. № 348, листъ 266. онъ «схоластикъ егеръ, именовъ Суливанъ»; въ этой рукописи мученикъ называется «Георгій кумъсъ (comes) сѣнъ Герона Схоластика».

имени, Публ. № 86: Оутропій; бѣлорусск. Син. № 122 „стражникъ“ — испорченное каженникъ—Еуроне) доносить объ этомъ царикѣ; слѣдуетъ бесѣда Георгія съ царицей, которая оканчивается обращеніемъ послѣдней въ христіанство. Георгій идетъ въ языческій храмъ и поясомъ за шею свергаетъ главнаго идола ¹⁾. Слѣдуютъ мученіе и смерть царицы, описанныя согласно съ апокрифомъ. Когда Георгій идетъ на казнь, его видитъ и привѣтствуетъ мать его Полихронія. Царь велитъ схватить ее и подвергнуть мукамъ, среди которыхъ она и умираетъ. Георгій передъ смертію молится за вѣрующіихъ, и гласъ съ небеси обѣщаетъ исполнить его моленіе.

Была ли эта редакція извѣстна на западѣ? Указать такой текстъ я не въ состояніи, но многія косвенныя доказательства приводятъ къ убѣжденію, что и на западѣ въ очень раннее время былъ извѣстенъ если не этотъ текстъ, то его основа.

Вопервыхъ, во многихъ и раннихъ мартирологахъ и календаряхъ мученіе Георгія локализируется „in Persida civitate Diospoli“, а Діосполись не встрѣчается ни въ *A*, ни въ *B* ²⁾.

Далѣе: эту же редакцію *C*, по видимому, имѣютъ въ виду Missalle, приписываемое Амвросію Медиоланскому, но составленное немного позднее его и не разъ, вѣроятно, дополненное ³⁾: оно знаетъ *innumeraabilia tormenta*, которыми подвергъ Георгія царь Персидскій, но не знаетъ, что Георгій воскресалъ нѣсколько разъ.

Венанцій Фортунатъ ⁴⁾, извѣстный Галльскій поэтъ IV в., перечисляетъ эти безчисленныя муки, очевидно, давая волю фантазіи:

¹⁾ Синод. № 553 двухъ: Ираклія и Аполлона.

²⁾ *Usuardi Martyrologium Coloniae 1490 г. Nono Kal. Maji: In Perside civitate Diospoli passio sti Georgii martyris. Cujus gesta passionis etsi inter apocryphas commemorantur historiae, tamen illustrissimum ejus martyrium inter coronas martyrum ecclesiae dei venerabiliter honorat. Notker Balbulus (Царикъ предмсл. къ Georgialied, стр. 5) прибавилъ къ словамъ Грабана Мавра указаніе на Діосполись; Яковъ де-Ворагине указываетъ въ предисловіи на свидѣтельство Беды, что Георгій пострадалъ: in persica civitate Diospoli, quae prius Lydda vocabatur. Но въ стихотворномъ календарѣ Беды такого указанія мы не встрѣчаемъ (см. d'Archerly: Specilegium sive Collectio veterum aliquot a scriptorum Parisiis 1723, статья 2-я). Изъ календарей указаніе переходитъ въ короткія житія. Напримѣръ, печатная Vita Sanctorum sive Martyrologium Norimbergi 1486, озаглавленная: in Persida civitate Dyospoli passio sancti Georgii martyris.*

³⁾ См. Acta SS. I. c.

⁴⁾ I., 1. Epigr. 13 (цитирую по Acta SS. и по брошюрѣ Фрика: de S. Georgio equite ac martyre. Lipsiae, 1693).

Carcere, caede, fame, vinclis, site (?), frigore (?), flammis
Confessus Christum duxit ad astra caput.

Въ другомъ же мѣстѣ онъ же говоритъ, что Георгій

— probus igne redit (а не былъ изжаренъ и воскресенъ),
nec ipsis merus obit.

Наконецъ, одна изъ распространенныхъ позднѣе на западѣ состав-
ныхъ греческихъ редакцій, именно та, которая предпосылаетъ житію
псевдонсторическое введеніе, по свидѣтельству Папebroха, знала отца
Георгія Геронтія ¹⁾.

Перехожу къ важнѣйшему вопросу этой главы: въ какомъ отноше-
ніи находятся между собою редакціи А, В и С?

Влижайшая литературная связь редакція С съ полнымъ текстомъ
В не подлежитъ сомнѣнію: въ уста Георгію влагаются однѣ и тѣ же
молитвы; дословно сходенъ былъ теперь перебитый въ разныхъ вари-
антахъ разговоръ Георгія съ царицей ²⁾; что же касается до самыхъ
фактовъ, то все, за исключеніемъ исторіи родителей Георгія, что мы
находимъ въ С, мы находимъ и въ В.

Съ другой стороны редакція А въ простѣйшемъ и древнѣйшемъ
своемъ видѣ (у Андрея Критскаго) еще ближе къ В; нежели къ С;
такъ какъ въ ней находимъ, хотя и въ смягченномъ видѣ, воскре-
сеніе мертвеца, воскресеніе быка и превіе Георгія съ бѣсами; един-
ственное существенное отличіе—имя мучителя.

¹⁾ См. въ Acta SS. commentarius praevius не 10-й параграфъ, какъ цити-
руетъ ниже Папebroхъ, а 11-й. Жаль, что мы не имеемъ объ этой версіи болѣе
точныхъ свѣдѣній: она стоитъ въ близкой связи съ ред. С по тексту Тихо-
нравова. Встрѣчающіеся здѣсь Магнентій и Теогиій, въ дальнѣйшемъ ходѣ раз-
каза ни на что не нужны, — очевидно—Magmentius и Theognis «tertiae descriptionis».

²⁾ Ср. у Тих., стр. 107 и 108 съ 1, F, 243: бывшу же вечеру и воставъ убо
Г. нача глаголати: кто богъ велий, яко богъ нашъ? Ты еси богъ творяй чу-
деса единъ! И пакы: что возвехишиася язъцы и людие тщетнымъ научишася
ново... «Послушай, царице Александрѣе, пророка глаголюща: сѣди на херувимѣ,
яви силу твою, прииди на ны и спасеши ны; пророкъ Аввакумъ рече: Господи!
услышахъ слухъ твой и убоихся, разумѣхъ дѣла твоя и удивихся». Царица рече
къ мученику: но почто услышавъ пророкъ убоихся? что ли разумѣвъ удивися (въ
Погод. здѣсь полнѣе, чѣмъ у Тих. Пророкъ рече: сниде Господь, яко дождь на
руно и приде спасе (sic) насъ; далѣе какъ у Тих. Полнѣе всего это мѣсто въ
латинскомъ Галликанскомъ текстѣ, но и тамъ пропущено руно и роса; въ Са-
галльскомъ есть descendit sicut ros, но объясненія не приложено. Въ сербскихъ
редакціяхъ (Хл. и St.) есть свои незначительные пропуски.

Въ какомъ отношеніи стоятъ *A* и *B*? Есть ли апокрифъ украшенное житіе, или житіе есть смягченный апокрифъ?

Гудшидтъ (Sitzungsber. der Sächs. Gesellsch. 1861 г., 175 и слѣд.) и Царнке (I. с., 4) склоняются, по видимому, къ послѣднему мнѣнію, и они правы: апокрифъ извѣстенъ Геласію; встрѣчается въ палимпсестѣ V в., а о житіи каноническомъ долго и помину нѣтъ. Редакторъ, заботившійся объ очищеніи житія, легко могъ замѣнить никому невѣдомаго Дадіана историческимъ гонителемъ христіанъ; но амплификатору не было необходимости спасать честь Діоклетіана. Съ другой стороны, тѣ чудесныя подробности, которыя воиолѣ умѣстны и развиты въ *B*, излагаются въ *A* робко и нерѣшительно. Переходъ апокрифа въ житіе совершается въ нѣкоторыхъ пунктахъ на нашихъ глазахъ: толпа воскресшихъ мертвецовъ, новѣствующихъ о загробной жизни, превращается сперва въ одного мертвеца колухрѣмовъ, потомъ въ недавно умершаго, Асанасій еще уцѣлѣлъ у болландистовъ, но уже исчезъ у Сурія и т. д.

Древность и широкое распространеніе *B* заставляютъ признать его первичность и по отношенію къ *C*, другой независимой отъ *A* и болѣе рѣшительной попыткѣ удалить изъ житія высокочтимаго святаго все, что не внушало довѣрія читателямъ и вызывало запрещеніе Номаноновъ. Существованіе иконы XIII в. ¹⁾, на боковыхъ изображеніяхъ которой Георгій подвергается многимъ мучамъ, но не воскрешаетъ ни мертвецовъ, ни быка, при отсутствіи его отца и матери, доказываетъ, что исторія родителей Георгія присочинена впоследствии. Отчего эта попытка не имѣла успѣха — не извѣстно.

Редакція *C* произошла изъ древнѣйшей формы *B* черезъ исключеніе и смягченіе чудесныхъ подробностей; но отношеніе *C* къ той формѣ апокрифа, какую представляютъ дошедшія до насъ латинскія и славянскія версіи, кажется болѣе запутаннымъ. Редакція *B* интерполирована, и по видимому, именно посредствомъ *C*, такъ что въ ней является цѣлый рядъ дубликатовъ: 1) идолы побѣждены словами Георгія внѣ храма, и они же свергнуты поясомъ, какъ существа бездушныя; 2) Георгій передъ казнью дважды принимается молиться Богу (о наказаніи язычниковъ и о вѣрныхъ), останавливая исполнителей казни почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, и въ нѣкоторыхъ версіяхъ пограничный огнемъ царь распоряжается его казнью (см. Starine, стр. 92);

¹⁾ О ней см. ниже.

3) гроза и землетрясеніе послѣ смерти Георгія совершенно излишни при условіи казни язычниковъ.

Но версія *B*, до насъ дошедшія, прошли черезъ столько рукъ, что говорить объ этомъ положительно я не рѣшаюсь; публикація восточныхъ текстовъ, разумѣется, свободныхъ отъ вліянія *C*, разрѣшить вопросъ безноворотно. Теперь же надо довольствоваться выводомъ, что, изслѣдуя основу легенды о Георгіи, мы должны имѣть въ виду *B*, а не *A* и не *C*, редакція производная; къ этому ведетъ литературно-историческая критика; мы увидимъ, что сюда же приведутъ насъ и другіе пути.

Всѣ легенды о мученикахъ, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, повѣдѣнныя переписчиками реформировались по извѣстному шаблону. Житіе Георгія переписывалось и передѣлывалось такъ часто, что должно было принять въ себя массу общихъ мѣстъ. Необходимо видѣлить ихъ, чтобы не трудиться напрасно, отыскивая источникъ такого эпизода, который не принадлежитъ къ основѣ, а является простымъ литературнымъ приѣмомъ.

Саме собою разумѣется, что не всякая черта житія Георгія, встречающаяся кромѣ него хотя бы въ цѣломъ рядѣ житій, можетъ быть признана такимъ общимъ мѣстомъ и исключена изъ основы: возможны случаи ассимиляціи черты основной общему приѣму житій; кромѣ того, житіе Георгія пользовалось такою раннею популярностью, что могло пустить въ ходъ свою спеціальную черту, могло сдѣлать ее литературнымъ приѣмомъ. Наконецъ, основа легенды Георгія могла совпадать съ житіями въ силу эстетической или логической необходимости въ нѣкоторыхъ пунктахъ, одинаково неизбежныхъ во всякомъ законченномъ разказѣ.

Нѣкоторые эпизоды всякаго житія мученика сами собою вызвали риторическія распространенія, въ которыхъ только дословное сходство, а не единство содержанія, можетъ доказывать литературную связь; къ числу такихъ риторическихъ общихъ мѣстъ относятся преніе мученика съ мучителемъ, пѣсни и псалмы, которые поетъ мученикъ на пути къ мѣсту мукъ или во время ихъ, молитвы передъ мученіемъ¹⁾,

¹⁾ Понятно, что даже дословное сходство, если оно объясняется общими источникомъ, не можетъ служить доказательствомъ литературной связи. Такъ, напримеръ, Георгій передъ своимъ варнымъ поминаетъ трехъ отроковъ;

увѣщанія мучителя и обѣщаніе имъ награды за отступничество, пренія мученика съ обращающимися имъ въ христіанство. Всѣ эти риторическіе топики мы находимъ и въ житіи Георгія во всѣхъ полныхъ редакціяхъ; они могутъ помочь опредѣлить отношеніе редакцій, но не имѣютъ ничего общаго съ основой житія.

Топиками историческими въ житіи мученика можно назвать тѣ эпизоды, которые соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности не какъ спеціальныя черты того или другаго мученія, а какъ общія явленія, встрѣчавшіяся сотни разъ во время каждаго гоненія. Сюда относятся: самообличеніе Георгія, нѣкоторые виды мукъ (бичеваніе, темница, желѣзные или мѣдные сапоги и пр.), обращеніе зрителей мученія, даже самыхъ мучителей, обращенія въ тюрьмѣ и пр. Съ этими топиками надо обращаться осторожнѣе, нежели съ риторическими: они могутъ принадлежать къ основѣ, если основа историческая, и могутъ быть передѣлкой соотвѣтствующей черты миеологической основы.

Уже А. Мори указалъ на ветхій и новый завѣтъ, какъ на источникъ многихъ общихъ мѣстъ, встрѣчающихся въ житіяхъ святыхъ. Отношеніе житія Георгія къ Библии заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія.

Я не стану говорить о риторическихъ заимствованіяхъ, встрѣчающихся во всѣхъ полныхъ редакціяхъ ¹⁾, но остановлю вниманіе

въ двухъ выпускахъ сентябрьскихъ Миней Маларія можно указать не менѣе пяти случаевъ, гдѣ мученикъ или мученица, идя на огненное мученіе, помпнаютъ тѣхъ же 3-хъ отрковъ.

¹⁾ Замѣчу только мимоходомъ, что встрѣчающаяся уже въ надписестѣ рѣчи Христа въ Георгію основана на Ев. Мате. II, 11, гдѣ Іоаннъ названъ большимъ изъ людей. Явленіе Христа въ темницѣ, какъ уже замѣтилъ Мори (*Les légendes pieuses* etc., 25) есть общее мѣсто, обязанное своимъ существованіемъ буквальному толкованію христіанской идеи, такъ выраженной св. Квириниомъ: *non exravescio carcere, oredene Deum mecum esse in carcere*. Приводимыя въ житіяхъ рѣчи Христа иногда очень сходны съ рѣчью къ Георгію; такъ св. Викторъ говоритъ Христу: *Pax tibi, Victor noster: ego sum Iesus qui in sanctis meis injurias et tormenta sustineo. Viriliter age et esto robustus, ego enim tecum sum, fortis adiutor in proelio et fidelis post pugnam et victoriam remunerator in regno*. Другое выраженіе той же идеи—подирраженія свыше—гласъ съ небесъ во время мученія, встрѣчающееся во всѣхъ редакціяхъ Георгія, есть также общее мѣсто (см. *Мая. Миней, сент. 2-го, Маюнтъ, 3-го сент. св. Аннии и др.*). Сюда же относятся и гласъ съ неба послѣ предсмертной молитвы мученика, обещающій ему исполненіе ея (*Мая. Миней, сент. 6-го св. Евдокія, 7-го сент. св. Савонта, 16-го сент. св. Евеніи и др.* тоже въ апокрифахъ см. *Thilo Hist. Josephi Fabri* 49). Съ этими обѣщаніями иногда связанъ народный культъ. См. *Балмисскій, Церковно-народный мѣсяцословъ: о св. Садохъ, св. Варварѣ и др.*

читателей на цѣлѣхъ эпизодахъ. Одна изъ важнѣйшихъ чертъ начальной редакціи, не встрѣчающаяся въ производныхъ, есть эпизодъ о вдовицѣ, который сильно напоминаетъ исторію Иліи въ III-й книгѣ Царствъ (т. XVII). И тамъ, и здѣсь угодникъ Божій скрывается отъ тирана (Георгій по волѣ тирана) въ домъ убогой вдовицы и чудеснымъ образомъ доставляетъ себѣ и ей пропитаніе; и тамъ, и здѣсь угодникъ производитъ чудо надъ сыномъ своей хозяйки: Илья воскрешаетъ его, Георгій исцѣляетъ. Въ русской редакціи (Публ. библ. 1, F, 243) есть даже дословное сходство: „Мученикъ же Христовъ Георгій рече къ женѣ затворенной съ нимъ; гдѣде, жего, и принеси хлѣбъ, яко алченъ есмь. И рече жена ко святому: Живъ Господь Богъ твой, яко нѣсть въ дому моемъ хлѣба“¹⁾. Весь этотъ эпизодъ, такъ хорошо обставленный въ книгѣ Царствъ, въ житіи Георгія является довольно непонятнымъ и плохо мотивированнымъ; если эта вдовица была „жена затворенная“, какъ она могла идти „къ сусѣдемъ“? Въ чемъ заключается „укоризна христіаномъ“, ради которой главнымъ образомъ запираетъ Георгія мучитель ко вдовицѣ? Зачѣмъ въ Галликанскомъ кодексѣ *angelus Domini portavit Georgium raptum de coelo* (Zarnske, 273)²⁾, послѣ того какъ *repleta est mensa mulieris omnibus bonis*?

Все это приводитъ къ заключенію, что если эпизодъ о вдовицѣ и не заимствованъ цѣликомъ изъ Библии, во всякомъ случаѣ онъ переработанъ подъ ея вліяніемъ. Мотивомъ для сближенія Иліи съ Георгіемъ могла служить огненная казнь, которой въ обоихъ случаяхъ подверглись жрецы и служители нечестія³⁾. Весьма вѣроятно, что это перенесеніе сказанія обусловило сліяніе мусульманской фигуры Кедера—Георгія съ Иліей въ одну легендарную фигуру (см. ниже).

Съ эпизодомъ о вдовицѣ соединенъ въ легендѣ эпизодъ о чудесномъ процвѣтеніи сухой балки. Сходныя чудеса часто встрѣчаются въ легендахъ, но ихъ нельзя включить всѣ въ одну группу, какъ то дѣлаетъ Мори⁴⁾; процвѣтаетъ жезлъ св. Христофора, посажен-

¹⁾ Библ. 1. с.: Прими убо мѣхъ и укрузь хлѣба въ рудъ своей да имъ. И рече жена: *живъ Господь Богъ твой*, аще есть у мене опрѣснокъ, но токмо гореть мукъ съ водою.

²⁾ Черта несомнѣнно взятая изъ исторіи Иліи (XIX, 6).

³⁾ Эта же казнь жрецовъ повліяла, по видимому, на апокризъ объ Мельхиседекѣ; см. *Порфирьевъ* Ветхов. апокризъ; стр. 117.

⁴⁾ *Legendes pieuses etc.* 74 и слѣд.

ный иль въ землю; обращается въ дубъ жезлъ св. Франциска, пускаетъ ростки палка св. Бонифація, св. Поликарпа, св. Бернарда и др.; въ народной греческой пѣснѣ ¹⁾ процвѣтаетъ жезлъ св. Василія, пока онъ говоритъ азуку; въ апокрифическомъ евангеліи процвѣтаетъ вѣтвь въ рукахъ св. Іосифа и пр.; все это безопасно можно отнести на счетъ процвѣтшаго жезла Ааронова (Числѣ XVII). Другую группу сказаній составляютъ внезапно возросшія деревья, доставляющія пищу угодникамъ Божиимъ; они нерѣдко встрѣчаются въ мусульманскихъ легендахъ; такъ высохшая пальма оживаетъ и даетъ плоды, когда за нее берется послѣ родовъ Марія, мать Иссы (Weil, 284); во рву Іосифа вырастаютъ трава, деревья и протекаетъ источникъ. Сюда же относится и эпизодъ легенды Георгія; рано сдѣлавшись извѣстною на востокѣ, именно она, надо думать; породила приводимый Вейлемъ (стр. 62) эпизодъ объ Энохѣ-Идрисѣ—даръ безсмертія сближаетъ его съ Георгіемъ-Хызромъ—о томъ, какъ ангелъ смерти въ образѣ прекрасной дѣвы приглашаетъ его раздѣлить съ нимъ палатку, Идрисъ отказывается; когда онъ всталъ, къ его услугамъ явилась внезапно финиковая пальма; въ дальнѣйшемъ разказѣ есть еще черта изъ нашей легенды: Идрисъ проситъ ангела убить его и потомъ снова оживить, чтобъ онъ лучше могъ служить Богу.

Въ легендѣ о Георгіи процвѣтаетъ не одна балка, но и 14 престоловъ; трудно предположить существованіе двухъ столь однородныхъ чудесъ въ основѣ легенды: дубликаты всегда служатъ признакомъ редакцій позднѣйшихъ, неумѣло распространенныхъ или сводныхъ. Такимъ же дубликатомъ представляется мнѣ и вдова съ царицей, которая въ основномъ сказаніи, вѣроятно, представлены были однимъ лицомъ. Въ эпизодѣ о царицѣ есть одна странность, которой могли не замѣтить развѣ наивные средневѣковые переписчики и переводчики: что за фантазія пришла царю отвести молодого христіанина на ночь въ покой своей жены ²⁾? А между тѣмъ докладъ казенника Евтропія и обращеніе царицы на площади во время мученія Георгія очень похожи на позднѣйшія подправки въ виду приличія и въ параллель съ другими житіями, гдѣ жена мучителя обращалась въ

¹⁾ См. *Fauriel*, Chants populaires de la Grèce moderne, II, 249.

²⁾ Въ галликанской редакціи дѣло изложено очень прозрачно: *Et nunc ingredere in palatium ad reginam meam Alexandram et ibi requiesce cum ea.* 1, F, 243: «но иди въ палату мою да почиши у царицы».

христіанство при видѣ твердости мученика (такъ св. Екатерина обращаетъ императрицу) ¹⁾.

Въ какомъ видѣ этотъ эпизодъ налагался въ основѣ, и къ какой изъ двухъ влослѣдствіи слитыхъ въ одною разказѣ версій былъ ближе эпизодъ о увѣровавшей въ праведника женѣ?

Къ сожалѣнію, на эти два тѣсно-связанные вопроса можно отвѣчать только шаткими предположеніями. Основываясь исключительно на этомъ неумѣстномъ ночлегѣ Георгія въ покояхъ царицы, можно думать, что мы имѣемъ дѣло съ грубымъ сказаніемъ, гдѣ царь въ награду за предполагаемое обращеніе Георгія отдаетъ ему свою жену. Или мы можемъ видѣть здѣсь отзвукъ мѣста, юный герой котораго былъ любовникомъ жены своего врага. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ эпизодъ о царицѣ несравненно ближе къ празниходу, а вдовица обязана своимъ существованіемъ всецѣло Библіи.

Если же смотрѣть на этотъ ночлегъ, какъ на доказательство неумѣлости перваго редактора житія, который желалъ дать Георгію случай обратить въ христіанство жену мучителя, а себѣ самому случай показать свою начитанность, мы должны клониться въ пользу первичности эпизода о вдовицѣ, а чтобы придать ему какой-нибудь смыслъ, можемъ, на основаніи словъ царя о посрамленіи, предположить въ празниходѣ обычное искушеніе женской красотой, общее мѣсто всѣхъ почти легендъ аскетическаго характера, здѣсь попорченное изъ желанія приурочить библейскій эпизодъ.

Имя Александры, конечно, не дастъ намъ ничего для рѣшенія вопроса, такъ какъ оно, если не заимствовано изъ исторіи Александрійскаго епископа Георгія (см. ниже), то взято изъ календаря.

Столько же запутаннымъ оказывается вопросъ о томъ, куда отнести мага Аванасія, его борьбу съ Георгіемъ и его мученическую смерть. Въ палимпсестѣ онъ дѣйствуетъ точно также, какъ и въ редакціи В; пересказъ А есть только смягченіе В; слѣдовательно его принадлежность къ пражитію не можетъ подлежать сомнѣнію. Но каково его отношеніе къ основѣ?

¹⁾ Это историческое общее мѣсто: извѣстно, что христіанство охотно принималось женщинами; но безъ сомнѣнія, во многихъ случаяхъ на него имѣла вліяніе жена Пилата. Въ видѣ дубликата этотъ эпизодъ встрѣчается въ мусульманской легендѣ о Моисѣ: чудеса послѣдняго обращаютъ къ истинному Богу дочь Фараона и жену его Асію; первую отецъ казнитъ; вторую осуждаетъ на казнь, но она умираетъ безболѣзненно отъ напитка, даннаго ей ангелами (*Weil*, 16—23).

Борьба христіанъ съ представителями языческой науки (высшее проявленіе которой по народному представленію — магія) и религи и частое обращеніе послѣднихъ въ христіанство ¹⁾—историческое общее мѣсто. Придавать этой борьбѣ спеціальную окраску составлания чудесами могла, между прочимъ, и исторія Моисея—разумѣю его состязаніе съ жрецами Фараона. Но едва ли это можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, чтобъ исключить весь эпизодъ изъ основы. Я полагаю, что онъ былъ и въ ней, и въ пражити, но имѣлъ нѣсколько другой видъ. Во всякомъ раннемъ не интерполированномъ, вылившемся aus einem Gusse разказѣ мы склонны предполагать болѣе единства и стройности, а даже въ древнѣйшей группѣ В эпизодъ этотъ представляется исковерканнымъ: что за странность это паханіе на двухъ половинкахъ быка? Можно ли предполагать такое паханіе въ палимпсестѣ, гдѣ между смертью быка и словами царя: „считая тебя довольно сильнымъ“ или искуснымъ и т. д. такъ мало пространства? Что сдѣлалось потомъ съ этимъ быкомъ? Почему автору такъ понравились быки, что онъ снова выводитъ быка на сцену, но на этотъ разъ чтобъ оживить его черезъ Георгія? Между опытомъ искусства Аванасія и его борьбой съ Георгіемъ должна быть связь образовъ, а здѣсь она на столько прервалась, что средневѣковое искусство (см. выше) возстановляло ее на свой страхъ, заставляя Аванасія убивать быка тѣмъ же ядомъ въ ухо.

Полагаю, что быкъ Аванасія и быкъ Георгія—одинъ и тотъ же быкъ: Аванасій показываетъ свое искусство, убивая его, а Георгій—оживляя, что будетъ совершенно согласно съ общимъ представленіемъ о волшебствѣ, черной магіи съ одной стороны и чудотворствѣ съ другой. Косвенное подтвержденіе этого вижу въ томъ, что 2 различныя редакціи, пересказывающія оживленіе быка Георгіемъ, придаютъ ему разныхъ хозяевъ: въ А это Гликерій, въ В—какая-то жена Схоластика. Объ имени Аванасія мнѣ придется говорить ниже.

Къ числу историческихъ общихъ мѣстъ принадлежитъ и разрушеніе Георгіемъ идоловъ: распространеніе христіанства вело за собою разрушеніе капищъ, и вромѣ того, многіе ревностные христіане стремились доказать тщету язычества, оскорбляя святыни язычниковъ безъ боязни небеснаго мщенія.

Уничтоженіе идоловъ въ житіяхъ и апокрифахъ проявляется въ

¹⁾ См. обращеніе мудрецовъ въ романѣ о Варлаамѣ и Иосаѣ и мои указанія параллельныхъ мѣстъ—Пов. о Варл. и Иос., стр. 222.

разнообразныхъ формахъ: святой разбиваетъ бездушные кумиры, при чемъ иногда куски ихъ раздаетъ бѣднымъ; такое разореніе предшествуетъ мученію и отчасти мотивируетъ его ¹⁾. Въ такомъ видѣ въ редакціи съ Полихроніей мимоходомъ разказывается разрушеніе Георгіемъ капищъ прежде мученія и подробно излагается истребленіе идоловъ, предшествующее его смерти. Или же идолы падаютъ безъ физической причины передъ лицомъ представителей истинной вѣры, какъ Дагонъ передъ свиной завѣта (I Царств., гл. 5) ²⁾.

Иногда обѣ формы сливаются вмѣстѣ, какъ это случилось и въ В. Иногда, также какъ и во всѣхъ версіяхъ Георгія, святой, чтобы получить доступъ въ храмъ, примѣрно соглашается поклониться идоламъ ³⁾; въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ непремѣнной необходимости искать путей литературнаго заимствованія, достаточно видѣть единство выраженія той же идеи: предполагается (и это предположеніе отчасти подтверждается фактами), что язычники боялись чудотворной силы христіанъ и безъ обѣщанія принести жертву не пускали завѣдомыхъ христіанъ въ свои храмы. Кромѣ того, такой неожиданный переходъ отъ пріятнаго ожиданія—видѣть побѣду своей религіи, къ горю—видѣть ея поруганіе прекрасно мотивируетъ послѣдующую злобу язычниковъ.

Такимъ образомъ эпизодъ о благочестивомъ обманѣ Георгія можетъ быть признанъ вставочнымъ, не принадлежащимъ къ основѣ, не особенно ловко склееннымъ съ эпизодомъ объ фигурировавшей въ основѣ женщинѣ. Но въ то же время сходства всѣхъ редакцій доказываютъ, что эпизодъ этотъ принадлежитъ пражитію.

То обстоятельство, что этотъ эпизодъ чуждъ основѣ, вовсе не лишаетъ его интереса: въ пересказѣ борьбы Георгія съ идоломъ встрѣчаются черты, въ высшей степени интересныя, открывающія изслѣдователю довольно далекую перспективу.

¹⁾ См. житіе Теодора Стратилата, житіе Созонта 4-го сент. въ Мак. Мин. и мн. др. Въ апокрифѣ объ Іовѣ (*Migne, Dict.*, II, 413) всѣ несчастія Іова мотивируются тѣмъ, что онъ разрушилъ идолы сатаны. Особою подробно и остроумно изложено такое физическое истребленіе идоловъ въ сказаніи объ Авраамѣ, сказаніи очевидно еврейскаго происхожденія. (См. Мусульм. легенды и *Тысонга-вова* Отреч. кн. I, 32.)

²⁾ *Thilo*, Hist. de nativitate Mariae: идолы египетскіе падаютъ передъ лицомъ Христа младенца. *Ibid.*, Ev. infantiae Salv. идолъ падаетъ, объяснивъ язычникамъ причину. При рожденіи Моисея падаютъ всѣ египетскіе идолы (*Wcil*, 134). Въ Эссее падаетъ идолъ Діаны по слову Іоанна (*Migne, Dict.*, II, 348—9.)

³⁾ См. напр. Мак. Мин., 4-го сент. св. Ерміонія.

Побѣдѣ добраго начала надъ злымъ предшествуетъ разказъ о началѣ борьбы добра со зломъ. Въ В (1, F, 243) Аполлонъ такъ говоритъ Георгію о себѣ: „Егда владыка Христосъ утверди небеса и землю основа и постави рай во Едемѣ на востокъ солнца и сотвори челоувѣка, персть вземъ отъ земли и рече ко ангеломъ своимъ: идите, поклонитесь дѣлу руку моею; азъ же рѣкъ: азъ есмь пламя огненный, да не поклонюся калу николиже; и разгнѣвася на мя Господь и отверже славы своея и оттолѣ сажу въ гору въ бѣсъ (sic!); аще могу кого прельстити Господня, то мнѣсть приобрѣтеніе ¹⁾; восхожу же до третьяго небесе и слышу еже творить Господь на челоувѣки и, отвѣтъ варивъ, приду къ нимъ и вложу вся злая мысли и овы же ввергу въ огонь и въ воду... Тако ми силы моя, яко морскими силами и глубинами обладаю и тобою самимъ и аще бы хотѣлъ погубилъ“.

Кириллъ Туровскій зналъ это преданіе объ отпаденіи діавола и обличалъ его: „понеже еретицы глаголють, яко не хотя Адаму дьяволь (дополнить: поклонитися), того ради отпаде съ небесъ; но дьяволъ прежде созданія Адамля тремя деньми свержень бысть съ небесъ“ (по нид. проф. Сухомлинова, 121—122) ²⁾.

По апокрифической книгѣ Адама, принадлежащей дуалистической сектѣ христіанъ св. Іоанна (Migne, I. c., стр. 30), одинъ изъ ангеловъ не хочетъ поклониться Адаму. По корану Магомета (II, 32 и VII, 11) Иблисъ приводитъ тотъ же аргументъ, что и Аполлонъ у Георгія: „какъ я, изъ огня созданный ангелъ, могу поклониться челоувѣку, сдѣланному изъ земли?“ ³⁾ Проф. Порфирьевъ (Апокр., 38 и слѣд.) думаетъ, что источникъ этого сказанія — Талмудъ, но приводимыя имъ цитаты не доказываютъ этого ⁴⁾.

За то съ Талмудомъ несомнѣнно въ связи другое мѣсто нашего апокрифа. Воскрешенный Георгіемъ мертвецъ объясняетъ мучителю: „Челоувѣкъ всякъ родився отъ матери и вѣруетъ въ имя Господне,

¹⁾ Gall. 65. Et nunc permaneo super statuas casuras et si potuero aliquem inducere, ipsum est mihi lucrum.

²⁾ Кириллъ, какъ видно изъ книги г. Порфирьева, въ этомъ случаѣ повторять слова Анастасія Сиванта (VII в.), во время котораго сказаніе пользовалось большою популярностью.

³⁾ См. то же подробнѣе Tabari par Zottenberg, I, XXV—XXVI.

⁴⁾ Магометъ могъ взять это преданіе изъ вѣровавій дуалистовъ-христіанъ, жившихъ въ Аравіи. Съ этимъ связано и убѣжденіе магометанъ о высокомъ званіи и умственныхъ способностяхъ Адама (см. Tabari).

аще имуть (sic) множество грѣховъ, но покой имуть въ день недѣльный“ (1, F, 243. Gall.: *omnis homo qui natus fuerit super terram, confiteatur Dominum Jesum Christum Salvatorem nostrum et si habuerit multa peccata et si recesserit de hoc saeculo et venerit in noviesimis loco, verum etiam diem dominicorum accipiet indulgentiam, ut respiciat ad Dom. Jesum Chr., quem confessus est, ut videat eum deambulantem cum angelis suis*). Въ этомъ случаѣ воскресеніе замѣнило еврейскую субботу (Порфирьевъ, 35).

Подробное изложеніе ученія о дэмонахъ и воскресеніе Георгіемъ мертвеца могутъ служить условнымъ доказательствомъ древности апокрифа: извѣстно, что именно въ послѣднія времена имперіи вѣбра въ демоновъ приняла ужасающіе размѣры, одинаково у язычниковъ и христіанъ. „Надземные и земные демоны“, говоритъ Лактанцій (II, 15),—„знаютъ многое будущее, но не все: истинное рѣшеніе Господа имъ неизвѣстно“. Заклинаніе труповъ, по словамъ Бурхардта (Const. и пр., стр. 271 и 275),—перешло отъ язычниковъ къ христіанамъ и встрѣчается въ древнѣйшихъ апокрифахъ¹⁾.

Не возможно разобрать, какія изъ многочисленныхъ мученій апокрифическаго Георгія принадлежатъ къ основѣ, какія—къ числу общихъ мѣстъ. Не трудно указать на каждую мнуу десять, двадцать параллельныхъ случаевъ; но изъ тождества двухъ—трехъ мукъ нельзя выводить заключенія о литературной связи житія съ нашимъ апокрифомъ. Ее можетъ доказывать только совпаденіе многихъ моментовъ и расположеніе ихъ въ одинаковой или сходной послѣдовательности. И такихъ случаевъ не мало.

Нельзя не замѣтить связи между апокрифомъ о Георгіи и мученіемъ Никитинымъ (Тих., II, 112 и слѣд.) Никиту бьютъ гонимыми жилами, кладутъ на одръ, подъ которымъ разложенъ огонь, сбрасываютъ съ горы, при чемъ слуги, его сбрасывавшіе, увѣровали въ него; дѣволъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говоритъ мученику о своихъ подвигахъ противъ людей; волхвы также напрасно поятъ его ядомъ

¹⁾ Въ апокрифическихъ Дѣяніяхъ апостольскихъ, приписываемыхъ Вавилонскому епископу Абдіасу (на самомъ же дѣлѣ, какъ полагаютъ, сочиненныхъ по латыни) св. Іоаннъ воскрешаетъ двухъ мертвецовъ. Любопытно детальное сходство этого разказа съ нашимъ апокрифомъ. Іоаннъ также словомъ свергаетъ идола, выпиваетъ ядъ, поднесенный ему жрецомъ, воскрешаетъ по повелѣнію жреца Аристодема двухъ мертвецовъ и тѣмъ обращаетъ его въ христіанство. Сходство, очевидно, не случайное: или надо предположить вліяніе Георгія на Абдіаса, или единство источника; первое вѣроятнѣе.

и также принуждены увѣровать въ Христа; Никита также воскрешаетъ мертвецовъ. Слова мучителя: „о чадо, кто ты потвори? Ци Егорій ты потвори, его же умучи братъ мой Дадьянъ?“ (стр. 114) и намекъ на позднія еретичества (стр. 117) несомнѣнно доказываютъ, что оригиналомъ служилъ нашъ апокрифъ, а Никитино мученіе—только подражаніе ему.

Не столь ясна связь Георгіева мученія съ Ипатіевымъ (ibid. 121 и слѣд.). Господь въ темницѣ говоритъ сходныя слова и предрекаетъ мученику смерть седмирицею. Христосъ также приходитъ въ громъ, чтобы воскресить его. Народъ, обращенный имъ, въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Аванасій, проситъ знаменія; Ипатій также воскрешаетъ мертвеца (жену игемона), который свидѣтельствуетъ объ истинности христіанства; кости Ипатія послѣ второй смерти истерты и глубоко зарыты въ землю; мучитель также предлагаетъ ему первосвященство за измѣну христіанству, и онъ притворно соглашается; его варятъ три дня въ коноби; въ Римѣ сбрасываютъ съ горы, жгутъ въ мѣдномъ волѣ и пр. Но эти черты разбросаны въ апокрифѣ между многими другими, чуждыми Георгію: говорящимъ конемъ, битвой съ змѣею, чудеснымъ плаваніемъ и пр. Вообще это апокрифъ очень сложный и фантастичный.

Житіе Пантелеона (Пантелеймона), какъ оно изложено въ известной нѣмецкой повѣсти (см. Haupt Zeitschr. 6. 198; Goedeke, MA. 206 и слѣд.) во многомъ сходно съ исправленнымъ житіемъ Георгія. Пантелеймонъ именемъ Христа излѣчиваетъ больныхъ, состязается съ мудрецами передъ царемъ, который убиваетъ излѣченныхъ имъ. Его жгутъ факелами, бросаютъ въ кипящее олово, на колесѣ спускаютъ съ горы¹⁾. Передъ нимъ падаютъ языческіе боги. Мечъ, которымъ его хотятъ казнить, гнется какъ копье въ житіи Георгія. Голосъ съ неба передъ смертью обѣщаетъ исполненіе его желанія.

Мученіе Георгія сходится иногда во многихъ подробностяхъ съ житіями мученицъ (см. напримѣръ мученіе Параскевы отъ Диоклетіана). Въ виду стиха о Егорѣ для насъ любопытно сходство его мученія съ житіемъ Вѣры, Надежды, Любви и Софіи. Въ Мак. Минеяхъ это житіе помѣщено въ двухъ редакціяхъ; въ полной муні до-

¹⁾ Сравнительно рѣдко встрѣчающееся мученіе. Въ подробныхъ актахъ Пантелеймона тамъ отмѣна, что и въ редакціяхъ А. и В. житія Георгія: вертящееся колесо разрываетъ тѣло святаго (Миней Дмитрія Ростовск., 24-го іюля).

черей очень сходны съ муками Георгія: мученицы также молятся о наказаніи мучителя (въ полной редакціи—Адріана, въ краткой—Диоклетіана), который также гибнетъ отъ небеснаго огня. Для составителя стиха это сходство могло послужить однимъ изъ побудительныхъ причинъ для составленія сказанія о матери и сестрахъ Георгія.

Если во многихъ изъ приведенныхъ выше случаяхъ — число случаевъ, подобныхъ Павтелеймону можно было бы увеличить по произволу—нельзя доказать литературной связи, то допустивъ ее, исследователь не сталъ бы долго раздумывать надъ вопросомъ о томъ, гдѣ оригиналъ и гдѣ копія: палимпсестъ свидѣтельствуетъ о древности апокрифа Георгіева, а древность другихъ житій болѣе чѣмъ сомнительна.

Запутаннѣе вопросъ объ отношеніи этого апокрифа къ мусульманскому сказанію объ Авраамѣ. Мусульманская легенда объ Авраамѣ и Нимвродѣ (см. Tabari I, VI и слѣд.; Weil, 70 и слѣд. Rosenhöhl и др.) есть легенда сложная: на Нимврода перенесенъ библейскій разказъ о Навуходоносорѣ, огненной печи отроковъ и скотскихъ превращеніяхъ царя; въ битвѣ Нимврода съ богомъ справедливо видятъ парсіискія сказанія объ Ормуздѣ и Ариманѣ; смерть Нимврода отъ мухи указываетъ на еврейскую Midgash¹⁾. Но кромѣ всего этого, въ легендѣ есть черты, поразительно напоминающія Георгія: Авраамъ, по указанію Нимврода, воскрешаетъ мертвеца, за много лѣтъ умершаго, и потомъ снова возвращаетъ его гробу. Воскрешеніе мертвецовъ, положимъ, есть черта не специфическая, но какъ Георгій воскрешаетъ быка (черта на столько необычная, что передѣлыватель каноническаго житія счелъ нужнымъ заставить Георгія усмѣхнуться при просьбѣ Гликерія), подобно тому Авраамъ оживляетъ четырехъ убитыхъ птицъ. Дочь царя, видя бесполезность мученія, увѣровала въ патріарха и потомъ стала его женою.

Совпаденіе на столько замѣтно, что изъ единства идеи объяснить его невозможно: въ то же время оно не на столько сильно, чтобы можно было одинъ изъ разказовъ считать источникомъ другаго; удобнѣе предположить, что въ сказаніи объ Авраамѣ мы находимъ не вліяніе легенды о Георгіи, а ея основы, попавшей въ Аравію въ домагометовское время; самая же легенда въ томъ видѣ, какъ она извѣстна намъ изъ Табари, явилась впоследствии, уже въ христіанской пере-

¹⁾ Ниже мы увидимъ, что то же преданіе долго сохранялось у позднѣйшихъ огнепоклонниковъ, перенесенное въ преслѣдователя Зороастра.

работѣ. Если такое предположеніе подтвердится, легенда объ Ибрагимѣ будетъ для насъ драгоценна, потому что доказываетъ несомнѣнную принадлежность къ основѣ Георгія обращеніе дарипы.

И такъ, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое приблизительное понятіе объ этой искомой основѣ. Изъ нея можно вывести штриховъ въ родѣ молитвъ, разговоровъ, обращеній свидѣтелей и учителей, надо исключить: явленіе Христа въ темницѣ, многократныя одобренія свыше, разрушеніе идоловъ, одинъ изъ эпизодовъ о женщинѣ и одинъ изъ эпизодовъ о процвѣтшемъ деревѣ. То, что останется въ ней, можно привести въ такую не лишнюю стройности схему: герой блага и истины борется съ представителемъ злаго начала, на сторонѣ котораго физическая сила; первый одерживаетъ надъ вторымъ рядъ побѣдъ и проявляетъ свое могущество; надъ его тѣломъ не властны мученія и самая смерть; уничтоженный онъ воскресаетъ и не чувствуетъ мукъ. Но и въ себя онъ троекратно побѣждаетъ смерть: даетъ жизнь мертвецу человеку, мертвому животному и мертвому (сухому) дереву.

Что касается до заключенія — наказанія зла, это такое общее мѣсто всякаго поэтическаго вымысла, на которомъ трудно основываться.

Чудо Георгія о змѣѣ и о дѣвницѣ не только впоследствии времени способствовало популярности Георгія болѣе самого житія его¹⁾, но по мнѣнію многихъ, послужило зерномъ, изъ котораго развился его культъ и легенда. Вотъ почему необходимо ознакомиться съ его литературною исторіей, прежде чѣмъ пытаться объяснять основу легенды.

Болландисты, придающіе этому чуду аллегорическое толкованіе, а буквальный его смыслъ считающіе апокрифомъ, по своей обычной манерѣ возлагаютъ вину за распространеніе апокрифа на Якова de Voragine и вообще на латинцевъ, которые усвоили его отъ невѣжественныхъ Турокъ Сиріи. Единственный найденный ими греческій текстъ въ довольно поздней Миланской рукописи, по ихъ мнѣнію, заимствованъ съ латинскаго.

Это невѣрно. Чудо Георгія о змѣѣ было извѣстно въ Греціи задолго до Крестовыхъ походовъ; Миланская рукопись есть, вѣроятно,

¹⁾ Особенно черезъ посредство искусства. См. напримѣръ, *Jameson, Sacred and legendary art.* Third edit. Lond. 1857. Vol. II, стр. 404 и слѣд.

оригинальный греческій текстъ: ея *Lasia* ¹⁾ встрѣчается въ массѣ русскихъ пересказовъ чуда отъ XVI до XVIII в. въ формѣ *Laocia*, царь *Sevius* есть Селевей тѣхъ же русскихъ чудесъ, два раза (въ Соф. библи. № 1490 XVI в. и Погод. № 618 XVI же в.) встрѣтившійся мнѣ въ болѣе осмысленной формѣ *Селѣвкѣй* и измѣняющійся въ XVII и XVIII вѣкахъ въ *Селевинъ*, *Селивей*, даже *Соловей* и *Савелій*.

Раннее существованіе этого сказанія у насъ доказывается, между прочимъ, извѣстною *Погодинскою* иконой, относимую профессоромъ *Срезневскимъ* къ XIII в. и изображающею все житіе *Георгія*, посредникъ же: „*Св. Гергія, змѣя и іелисаву*“, ведущую змѣя за рогъ, и фресками *Староладожской* церкви (см. *Христіанскія Древности Прохорова* 1871, кн. 3), построенной въ XII вѣкѣ, гдѣ змѣя ведетъ царевна, обвязавъ его поясомъ.

Къ намъ это чудо попало, разумѣется, изъ *Византіи*, гдѣ, по свѣдѣтельству *Кедина*, на праздникъ *Рождества Христова* въ палаты императора приносили „*τὸν ἄγιον Γ. ἕφ ἵππων ἄλλο δρακόντιον*“ ²⁾. Къ числу косвенныхъ доказательствъ существованія этого сказанія на греческомъ языкѣ можно отнести и болгарскіе духовные стихи, гдѣ чудо слилось съ остатками мифовъ классическихъ (см. ниже).

Болландисты правы въ томъ отношеніи, что на западѣ чудо о змѣѣ стало поздно пользоваться популярностью: не только въ древне-нѣмецкой пѣснѣ и въ англо-саксонскомъ житіи, но и во французскомъ оригиналѣ *Рейнбота* и у самаго *Рейнбота* это чудо не упоминается (видѣть въ стр. 465, согласно которой *Георгій* убиваетъ льва и медвѣдя, дракона и змѣя, намекъ на чудо—большая натяжка: *Рейнботъ* не сталъ бы намекать на такой эпизодъ, еслибы могъ развѣять его). Но считать *Якова de Voragine* первымъ редакторомъ чуда ужъ и аргюги было не возможно: мы видѣли, какъ *несамостоятеленъ* составитель *Золотой Легенды*. Мнѣ удалось списать латинскій текстъ изъ *Мюнхенской* рукописи несомнѣнно XII вѣка (*Cod. lat. mon. 14473 s. XII in 4° maj.*), несомнѣнно доказывающій, что латинская редакція чуда возникла изъ греческой.

¹⁾ Если только память не обманула *Панеброха*.

²⁾ Ср. о барельежномъ изображеніи *Георгія*, освобождающаго дѣвицу, съ греческою, хотя и попорченною русскимъ художникомъ надписью у *Корн. Тромомина*, *Очерки съ лучшихъ произведеній живописи* и пр. М. 1839, стр. 228 и слѣд.

Чуду предшествуетъ вступленіе, можетъ быть, взятое изъ какого нибудь житія:

Cum seuissimorum principum Diocletiani et Maximiani in dei famulos inmanis tyrannitas descuiret ut ubicunque terrarum christicolae fuissent inuenti vel diis mortalibus libamina offerent vel diuersis suppliciis macerati spiritum exhalarent omnipotentis Dei clementia suos famulos cunctis actibus corroborabat ita ut nec minis possent terreri nec per diversorum tormentorum genera ad deorum culturam compelli, sed eorum regibus et tribunis assistentes intrepidi Christum Dei filium Deam uirum et uerum asserebant pro nobis passum a perfidis iudeis crucifixum mortuum et sepultum et die tercio resurrexisse a mortuis non negabant, in cuius nomine signa et mirabilia facientes innumerabilem multitudinem paganorum ad christianam religionem in dies conuertebant. Inter quos martyr Christi Georgius inter cetera miracula que fecerat unum quidem famosissimum et admodum dignum memoria operatus est miraculum, quod caritati uestre, dilectissimi, non longe narrantibus nec sermonibus phalaris sed potius intelligibilibus conpediose studium est exarare.

Мѣсто дѣйствія—городъ Lasia въ провинціи Каппадокіи, гдѣ царствовалъ Seuius, идолопоклонникъ. Рѣшивъ привести его къ истинѣ христіанства, Богъ посылаетъ на городъ дракона, который поселяется in maris stagno (?) ¹⁾ и начинаетъ истреблять народъ. Царь пытается освободиться отъ дракона силою, но его войска разбиты. Граждане горюютъ и обвиняютъ царя, что онъ не можетъ выдумать средства избавленія. Царь предлагаетъ имъ такой планъ дѣйствій:

Est equidem consilium nostrum, ut per dies singulos puer unus in egressum draconis exponatur in holocaustum, quem draco ueniens deuoret nec amplius querat quod manducet et sic tota gens ab iniqua peste poterit illa lesa permanere. Melius est nos per diem unum puerum draconi tradere quam nefaria nece simul omnes interire aut ignotas regiones peragrare. Cumque omnes filii nostri fuerint expositi et ego unicum filium quam habeo exponam draconi ad deuorandum.

Когда доходитъ очередь до царевны, царь велитъ убрать ее въ драгоценный нарядъ, но увидѣвъ ее готовую идти на смерть, онъ не можетъ удержать своей горести и предлагаетъ народу „auri sexcenta centena milia... et etiam ipsum regnum“ за дочь, но народъ не соглашается, и царевна выходитъ къ озеру.

Contigit itaque ut adleta Christi egregius martyr Georgius inde (?) iter faciens paululum a via declinaret—uolebat enim equum adquare — et intrans stagnum uidit regiam virginem ibi sedentem sicut superius diximus esse orna-

¹⁾ L. Aur.: stagnum instar maris.

tam, a qua sciscitabatur cur esset ibi destituta et quid populus longe positus exspectaret.

Царевна уговариваетъ Георгія уѣхать немедленно, но онъ настаиваетъ на своемъ, и она излагаетъ ему все дѣло. Георгій спрашиваетъ ее: кому вѣруеть ея отецъ? Она говоритъ: Юпитеру, Меркурію и Аполлону. Георгій совѣтуетъ ей вѣровать во Христа и обращается къ Богу съ молитвою:

Et subito factus est sonitus aquarum magnus et terrore puella conuorsa uoce magna exclamauit dicens: Domine, fuge, quia ecce draco malignissimus adpropinquat. Tunc sanctus georgius sancte crucis signo se protegens iuit in occursum eius et ait: Domine Jesu Christe, da mihi virtutem tuam ut hodie huius draconis caput conteram et sciant omnes quia tu mecum es et laudent nomen tuum benedictum in secula seculorum. Ad hanc uocem ueniens draco mittissimus ut agnus et omni ferocitate deposita se ad pedes eius proiecit et sanctus ait puelle: solue comas tuas et prebe mihi cordas tricaram tuarum. Puella nero festinanter suis obtemperans mandatis dissolutis crinibus tradidit sanctoque postulauerat. Beatus georgius acceptis conarum redimiclis ligauit draconem et tradidit puelle dicens: Accipe eum in nomine domini mansuetam et pium et humilem et perge segura.

Увидавъ дракона, народъ пришелъ въ ужасъ, но Георгій обѣщаетъ убить дракона, если народъ изъявитъ желаніе креститься; народъ съ радостію согласился, и драконъ былъ убитъ. Тогда Георгій повзвалъ епископа Александра и въ пятнадцать дней крестилъ съ нимъ 40,000 человекъ, послѣ чего въ городъ былъ выстроенъ храмъ, изъ котораго потекъ цѣлительный источникъ, а святой отправился по своимъ дѣламъ ¹⁾.

Изложеніе этого чуда въ Золотой Легендѣ во многихъ подробностяхъ отличается отъ вышеприведеннаго: мѣсто дѣйствія Silene въ Ливіи, царь не названъ, святой не спрашиваетъ царевну о вѣрѣ; дракона побѣждаетъ онъ оружіемъ и перевязываетъ поясомъ царевны; трущъ дракона отгаскиваютъ четыре пары быковъ; епископа Александра легенда не знаетъ и т. д. Очевидно, это—двѣ различныя редакціи, связанныя только отдаленнымъ родствомъ: первая изъ нихъ

¹⁾ Что это переводъ съ греческаго—доказывается не только сходствомъ подробностей съ чудомъ русскимъ (см. ниже), но и слѣдующими въ той же рукописи чудесами, которыя мы встрѣчаемъ въ русскихъ сборникахъ чудесъ; одно изъ нихъ буквально съ тѣмъ же введеніемъ, но сильно попорченнымъ См. напр. Увар. сб. № 434 XVI в. «Добро есть отцы и брате и чада духовныя тайти цареву тайну» и пр. Лат. Misterium, sicut scriptum est, regis celare et non detegere bonum est etc.

переведена дословно съ греческаго; вторая, можетъ быть,—западная передѣлка переведеннаго съ греческаго текста. Первой не особенно почастливилось на западѣ: воѣ наши свѣдѣнія о ея распространеніи ограничиваются указаніемъ болландистовъ (стр. 105), что кардиналъ Стефанскій въ XIV в. передѣлалъ легенду, въ которой были имена Ласія (у него Лация) и Севія. Вторая съ небольшими сокращеніями ¹⁾ вошла въ Золотую Легенду, послужила основой для разказа Пассионаля ²⁾, легенды 1412 г. и „Spiel“, сочиненнаго въ 1473 г. (Greiff, Germ. I, 165 и слѣд.) ³⁾.

Къ той же редакціи принадлежитъ нѣмецкій Ruff, напечатанный у Гёдеке (Dicht. des Mittelalt., 230 и слѣд.), распространяющей сюжетъ краткимъ изложеніемъ житія по редакціи А; ее же зналъ и латинскій гимнъ, напечатанный у Моне ⁴⁾, такъ какъ онъ мѣстомъ дѣйствія считаетъ Ливію. Сюда же относятся и многія народныя редакціи, напримѣръ, напечатанная у Эрлаха (Die Volkslieder der Deutschen. Mannheim 1834 г. I, 401) по рукописному пѣсеннику 1601 г.: мы встрѣчаемъ здѣсь тотъ же восьми-дневный срокъ, выпрошенный народомъ у царя. Любопытно, что королю пѣсня даетъ популярное имя Эрнста ⁵⁾. Въ ней царица не ведетъ змѣя на поясѣ, но Георгій убиваетъ его на мѣстѣ. Также изложена смерть змѣя и въ лужицкой пѣснѣ (Haupt и Schmalzer, I, 278), въ которой всего отъ змѣя погибло 13 человекъ, а царица идетъ четырнадцатою. Въ ней мѣсто дѣйствія не указано, но съ специально западною редакціей сближаетъ ее предложеніе денегъ Георгію и указаніе на огромность змѣя. Последнее обстоятельство особенно рѣзко выставляется на видъ во второй лужицкой пѣснѣ (ibid. II, 147), гдѣ змѣя влекутъ къ

¹⁾ Въ началѣ составитель не говоритъ, что именно царь предложилъ давать людей дракону, а ниже народъ упрекаетъ его: tu, o rex, hoc edictum facisti. Это буквально повторяется въ нѣмецкой легендѣ 1412 г.: tu, here, du hast den rat uns zem ersten geben (Germ. I, 191).

²⁾ Непосредственную связь Золотой Легенды съ Пассионалемъ доказываютъ: восемь дней срока, данные народомъ царю, быки, оттаскивающие змѣя, четыре поученія и пр.

³⁾ Spiel естественно украсилъ легенду множествомъ вымышленныхъ подробностей; издатель напрасно, по моему, настаиваетъ на его непосредственной связи съ редакціей 1412 г.: у составителя пѣсемъ подъ руками такая редакція, гдѣ Георгій не заклиналъ змѣя, а прямо поражалъ его оружіемъ; въ противномъ случаѣ онъ воспользовался бы заклинаніемъ.

⁴⁾ Lat. Hymnen: Freiburg, 1855, II, 318.

⁵⁾ Ср. ibid IV, 258 болѣе короткое изложеніе чуда.

Берлину 70 лошадей. Трудно понять, почему Гауптъ ¹⁾ выводитъ эти пѣсни изъ Россіи: еслибъ онѣ произошли отъ нашихъ дужовныхъ стиховъ, въ нихъ было бы болѣе сказочнаго элемента; еслибъ онѣ вышли изъ русской редакціи чуда, въ нихъ остались бы спеціальныя черты ея, болѣе рѣзкія, чѣмъ исхожденіе дракона изъ воды. Моравская пѣсня ²⁾ еще далѣе распространяетъ мотивъ громадности вмѣя: 3,000 воловъ и 200 коней не могутъ сдвинуть его съ мѣста; Георгій съ однимъ своимъ конемъ исполняетъ это дѣло, заручившись общаніемъ гражданъ принять христіанство. Эту пѣсню сближаетъ съ западною редакціей и битва Георгія съ вмѣемъ у озера.

Въ одномъ пунктѣ и моравская и вторая луницкая пѣсни расходятся съ Золотою Легендой и сходятся съ греческимъ чудомъ: Георгій передъ битвой спрашиваетъ дѣвицу о вѣрѣ. Вѣроятно, это черта начальнаго текста, опущенная въ сокращеніи.

Любопытныя отгѣны представляетъ датская баллада о св. Георгіи (Gruntvig, II, 560) ³⁾. Она начинается съ рѣчи, обращенной къ Георгію (изъ послѣдующаго видно, что рѣчь эту говоритъ Богоматерь) съ повелѣніемъ идти къ городу Табиамъ и убить дракона. Царевна выходитъ изъ города съ барашкомъ на рукахъ ⁴⁾. Георгій сперва поражаетъ дракона копіемъ, а когда оно разлетается въ дребезги,—мечемъ; царь предлагаетъ Георгію въ замужество свою дочь; тотъ отказывается, такъ какъ далъ обѣтъ оставаться рыцаремъ св. Дѣвы.

Развиваясь все дальше и дальше въ томъ же рыцарско-поэтическомъ направленіи, легенда подъ вліяніемъ модныхъ сюжетовъ и новыхъ условій жизни могла принимать весьма курьезныя формы: Гагенъ и Бюшингъ (I. c., XXII) указываютъ вліяніе Бевиса и др. по-

¹⁾ *Neues Lausitz, Magazin* 1860, стр. 186 и слѣдд.

²⁾ *Súňla Moravské národní písně. V Brně* 1860 № 33.

³⁾ Я пользовался ею въ англійскомъ переводѣ: *Ancient danish ballads translated from the originals by Alex. Prior*. 1860, II, 52 и слѣдд.

⁴⁾ Этотъ барашекъ, вѣроятно, есть принадлежность древнѣйшихъ символическихъ изображеній чуда о змѣи: онъ выражаетъ невинность, чистоту церкви Божіей, защищаемой Георгіемъ. Въ западной легендѣ дракону даютъ на съѣденіе сперва двухъ овецъ, потомъ овцу съ человѣкомъ, и потому на позднѣйшихъ изображеніяхъ трудно различить, принадлежитъ ли барашекъ древнему оригиналу иконы, или явился подъ вліяніемъ легенды. Одно изъ позднихъ изображеній могло повліять на датскую балладу. Изображеніе съ барашкомъ можно видѣть, напримеръ, у *Weigel* и *Zestermann*: *Die Anfänge der Druckerkunst in Bild u. Schrift* № 335.

добныхъ сюжетовъ на романахъ, воспѣвающихъ св. Георгія. Не менѣе любопытна редакція, которою пользовался авторъ книжки: *Mémoires et observations, faites par voyageur en Angleterre. A la Hay 1698 г.* (приписывается Макс. Миссону), стр. 214—232: здѣсь западнокійское происхождение Георгія, Либія и Силена остается безъ измѣненія; попытки храбрыхъ витазей сразиться со змѣемъ кончаются ихъ смертію. Наконецъ на запросъ городского мера оракулъ *Gribouligri* велитъ кормить дракона; ему даютъ сперва животныхъ, потомъ двухъ молодыхъ людей—жениха и невѣсту; одинъ старикъ совѣтуетъ замѣнить ихъ преступниками. Потомъ дракона снова кормятъ звѣрями—слонами, носорогами и пр.; когда не хватило запасовъ, на съѣденіе ему высылаютъ выбранныхъ по жребію 13 дѣвѣцъ ¹⁾, въ томъ числѣ Клеоделинду ²⁾, дочь царя Карторико III, который напрасно предлагаетъ за нее полцарства. Является св. Георгъ, сынъ славнаго капитана *Affrino Barzane*, союзника Карторико III. Георгъ пытается укротить змѣя, представляя ему комическія реликвіи, въ родѣ картъ Каина, портрета палессы Іоанны, писаннаго св. Лукой, и т. п. Послѣ побѣды надъ дракономъ, ему предлагаютъ руку принцессы. Какъ поступилъ онъ, не извѣстно; одни говорятъ, что онъ отказался; другіе—что принялъ предложеніе и произвелъ 12 человекъ дѣтей; во всякомъ случаѣ онъ получилъ отъ образованнаго короля позволеніе возвѣститъ народу свою религію реликвій, *qu'il appelloit autrement la religion chrétienne*. Драконъ въспослѣдствіи взбунтовался и былъ убитъ Георгомъ. Авторъ, очевидно, вольнодумецъ-реформаторъ.

Любопытное осложненіе того же чуда встрѣчается въ вышеупомянутой нѣмецкой рукописи Британскаго музея (*Add. 19, 462*). Убѣгая отъ Дациана, Георгій проходитъ въ Индію къ городу Силене, гдѣ царствовалъ „*der gerecht künig*“. Онъ издалъ законъ, что всякій, обидѣвшій женщину, долженъ лишиться обоихъ глазъ. Въ такомъ преступленіи оказался виновнымъ его сынъ и наслѣдникъ царства, и отецъ, не задумываясь, присудилъ и его къ тому же наказанію. Народъ въ отчаяніи: какъ имъ будетъ управлять слѣпой царь? Тогда „*der gerecht künig*“ рѣшилъ дѣло такъ: одинъ глазъ пусть выколютъ

¹⁾ Число это, повидимому, указываетъ на связь источника этого пересказа съ источникомъ первой лужицкой пѣсни.

²⁾ Имя Клеоделинды или Клеодилинды присвоивалось царевнѣ въ Англіи довольно часто, какъ это видно между прочимъ изъ того, что г-жа Джемсонъ (*Sacred and legendary art*, 3-ье изд. Lond. 1857, стр. 399) именно такъ называетъ ее, желая изложить популярнѣйшую легенду о Георгіи.

виноватому, а другой ему царю. Такимъ образомъ и былъ удовлетворенъ законъ ¹⁾.

Самая побѣда Георгія надъ змѣемъ пересказывается довольно свободно: совѣтъ снабжать дракона пищею даетъ „abgot“; прежде чѣмъ отправиться на битву, Георгій сообщаетъ о своемъ намѣреніи служителямъ. Послѣ битвы отецъ царевны предлагаетъ Георгію свою дочь въ замужество, но тотъ, кѣмъ обаявъ ее, беретъ съ нея обѣщаніе жить по его волѣ и посылаетъ ее въ монастырь.

Русскихъ списковъ чуда раньше XVI в. мнѣ не случалось встрѣчать. Эти списки распадаются на три редакціи: двѣ изъ нихъ первоначальныя, а третья произошла черезъ интерполяцію одной редакціи посредствомъ другой. Изъ первоначальныхъ одна, очень близкая къ вышенамеченной Мюнхенской, излагаетъ чудо о змѣи, какъ случившееся прежде мученія Георгія, что по большей части обозначено и въ заглавіи; другая—какъ случившееся послѣ смерти мученика, и къ чуду о змѣи прибавляетъ чудо о житіи Георгія. Типомъ первой ²⁾ можетъ за нимѣнимъ лучшей служить Погод. рукопись XVI в. № 808 л. 19. Нач.: „Придѣте, богоизбранніи людіе стада Христова, и услышите, како Богъ прославляетъ своя угодики (рек. своими угодики) преславными чудеса. Градъ называется Лаосія, царь Селевшъ (то-есть, Селевкъ); онъ поклоняется Аполлону, Гераклу, Скамандру и Артеמידѣ. Богъ „помянувъ и призрѣ толико душъ града того погибнути хотящихъ въ путьхъ погибельныхъ, яко древне Садому и Гоморру“ посылаетъ на городъ бѣдствіе: недалеко было озеро, и въ немъ же вогнездиса зъ живаше сосозага (?) сїи рѣчь дѣволъ кровопивецъ“ ³⁾. Царь пытается осилить змѣя войсками, но напрасно; тогда онъ предлагаетъ народу жертвовать въ пищу змѣю дѣтей, етъ богатныхъ и до бѣдныхъ, начиная съ него царя. Когда народъ изъявилъ согласіе, царь готовитъ дочь на смерть; но имъ овладѣваетъ раскаяніе; онъ предлагаетъ народу за выкупъ оставить ему дочь; народъ

¹⁾ Источникъ этого эпизода—очень распространенный разказъ, приурочивавшійся очень часто въ Залеку см. *Oesterley, Gesta Rom.*, стр. 347 и 720—1. Онъ вошелъ сюда по ассоціаціи представленій: царь, жертвующій наравнѣ съ гражданами, въ силу своего слова, единородною дочерью, напомнилъ писцу справедливаго царя.

²⁾ Помѣщается обыкновенно подъ 26-мъ ноябрю.

³⁾ Въ сб. Публ. библ. № 621, Q. тоже какое-то непонятное для меня слово; въ сб. той же библ. Отд. XVII, № 16 л. 354, оно опущено; въ последнемъ любопытна ссылка на Феодора, тоже освободившаго городъ отъ змѣи.

не соглашается. Дѣвицу выводятъ на сѣдѣніе змѣю. „Въ то время лучша греческому войску отъ персѣи брани возвратитися съ побѣдою, въ нихъ же бѣ храбрый воинъ, именемъ Георгій“. По повелѣнію Божию, онъ одинъ уклонился въ сторону къ озеру: и увидѣлъ дѣвицу. Дѣвица уговариваетъ его уѣхать поскорѣе, но онъ общается ей свою помощь, если она увѣруетъ въ Іисуса Христа. Изъ отвѣта дѣвицы видно, что отецъ ея преслѣдовалъ христіанъ. Георгій вывѣстаетъ къ небу о помощи, и съ неба слышится ободряющій его гласъ. Змій выходитъ изъ озера на берегъ и прыщеть ядомъ на Георгія; святой заклинаетъ его именемъ Божиимъ, и змій начинаетъ лизать его ноги. По повелѣнію Георгія, царевна на своемъ полѣи ведетъ змія въ городъ. Горожане разбѣгаются въ ужасѣ; Георгій предлагаетъ имъ увѣровать въ Бога, и тогда обѣщается убить змія; въ противномъ случаѣ грозить пустить его на городъ. Когда Георгій убилъ змія, царь обращается къ Богу съ благодарственной молитвою. Привлеченный Георгіемъ епископъ Александръ креститъ въ 15 дней 40.000 человекъ. Изъ земли истекаетъ водный источникъ, исцѣляющій всякіе недуги ¹⁾. Георгій уѣзжаетъ, провождаемый людьми града съ великимъ плачемъ; царь строитъ въ его имя церковь, и царевна, нареченная Маріей ²⁾, посвящаетъ себя Богу.

Очевидно, что это только другой переводъ оригинала мюнхенской рукописи. Между вариантами этой редакціи любопытнѣе другихъ довольно пространное изложеніе того же чуда, находящееся въ сборникѣ гр. Уварова (F, № 349, л. 109 и слѣд. XVI в.). Его начало „отъ чудеса на чудеса придемъ“ указываетъ на то, что оно составляло часть какаго-то обширнаго сочиненія. Георгій называется здѣсь „красная вѣтвь горонстіа и полоухронія“, городъ—Лаосія, царь—Селевій, царевна—Лаодамія. Всего любопытнѣе опредѣленія змѣя: „Вшедъ бо въ царя помышленіе и въ вельможъ его, яко проявленіемъ бѣсовскимъ помышленіе положи тако: яко аще чада ваша и съ животн безсловесными приведете въ брашно змѣви, помилуетъ васъ и къ тому не изведеть

¹⁾ Съ этимъ источникомъ, можетъ быть, въ связи чудотворная чаша св. Георгія, находящаяся, по словамъ Гелиота (*Hippolyt Heliot*, нѣм. пер. *Ausführliche Geschichte aller Klöster* 1753, стр. 244), на островѣ Амурго, то наполняющаяся водою, то пустѣющая. По крайней мѣрѣ я не знаю другаго чуда, съ нею связаннаго.

²⁾ Въ 888 *Марія Самарянини*, что объясняется приведеннымъ выше уподобленіемъ ея разговора съ Георгіемъ о бесѣдѣ Христа съ Самаряною.

къ вамъ змій: Богъ бо есть Посидоновъ и морю снѣтъ" ¹⁾). Царевна, одѣтая въ багряницу, идетъ на сѣдѣніе къ змѣю „съ коньми и мексами, съ волами и со овцами и съ пенъ". Любопытна еще сатирическая выходка на счетъ нравовъ современныхъ автору воиновъ: Георгій спрашиваетъ дѣвицу кратко, „не яко нѣдци отъ воинъ, иже, егда что узрять таково (то-есть, дѣвушку безъ провожатыхъ) кричатъ, лаютъ, безчиннѣ вошіють и безстудная глаголанія вѣщаютъ". Прекрасно изложено появленіе змія: онъ движется съ шумомъ, бурѣ подобнымъ; изъ пасти его валитъ дымъ, изъ очей сыпятся искры; онъ оглушаетъ все своимъ свистомъ. Разказавъ о смерти змія, авторъ защищаетъ Георгія противъ тѣхъ, которые упрекаютъ его за употребленіе въ этомъ случаѣ физическаго оружія—меча.

Нѣтъ сомнѣнія, что это не оригиналъ, а списокъ съ чуда, судя по ореографіи, довольно древняго. Имя Лаодаміи не принадлежитъ исключительно этому списку, но встрѣчается и въ другихъ (Публ. библ. 1, 0, 239 XVII в.; 1, Q, 383 тоже XVII в.; въ Погод. 808, XVI в.—въ формѣ Лаодимія); но Посейдона мнѣ встрѣчать нигдѣ не случилось.

Редакція чуда „по смерти" много короче; она встрѣчается также въ рукописи XVI в., напримѣръ, въ той же Погод. № 808 л. 178, Нач.: „Како изреку страшную сію и преславную тайну? Что возглаголю или что помышлю?" Градъ называется Геваль ²⁾ и стоитъ въ странѣ Палестинской. Здѣсь прямо указано, что царь дѣйствуетъ по повелѣнію боговъ; онъ отдаетъ свою дочь уже послѣ того, какъ всѣ граждане отдали своихъ дѣтей. Нѣтъ плача отца и предложенія выкупить дочь золотомъ. „Святый же и великій мученикъ и страсто-терпецъ Христовъ Георгій, почтенный отъ небеснаго царя воинъ, иже въ жизни снѣ и по смерти сіяя великими чюдеса, по смотрѣнію убо Божію, спасти насъ погибающихъ и избавити града нашего отъ толквія бѣды, въ той убо часъ приста на мѣстѣ томъ, якоже нѣкій воинъ, грядый отъ рати" ³⁾. Георгій не спрашиваетъ дѣвицу о

1) Читай: *Богъ бо бѣ морю, Посидоновъ снѣтъ или бѣ бо снѣтъ Посидоновъ, морю Бои.*

2) Уваръ! об. XVI в. № 514 вк. *Геваль* читаетъ *Нанава*. Макаръевскія Минеи л. 535 и слѣдд. *Геваль*.

3) Масса рукописей (Погод. 801, 800, изъ новоописанныхъ № 86 и др.) произошло изъ одного списка, который сдѣлалъ ошибку, прочитавъ вк. *отъ рати* бессмысленно *отъ орати*.

вѣрѣ, но прямо обращается къ Богу съ молитвою; дѣвица также ведетъ змѣя, какъ овцу, и народъ также въ ужасѣ разбѣгается. Имени епископа Александра нѣтъ, нѣтъ и чуда объ источникѣ; отъѣзжая, Георгій велитъ праздновать его память 23-го апрѣля. Когда создана была церковь, Георгій послалъ въ нее свой щитъ, который и остался висѣть подъ куполомъ, ничѣмъ не поддерживаемый. Въ заключеніе прибавляется небольшое послѣсловіе съ похвалою Георгію.

Слитная редакція есть, по видимому, русскій продуктъ. Это редакція чуда до смерти, заимствовавшая изъ редакціи „по смерти“ риторическое начало (како изреку и пр.) и въ концѣ чуда о щитѣ (см. Публ. библ. 1, Q, 333; Погод. № 818; Соф. библ. № 1490 и многія другія).

Димитрій Ростовскій въ Минеяхъ локализируетъ чудо „при градѣ Виритѣ“ (Бейрутѣ), въ странѣ Сирофиникійской, подъ вліяніемъ разказовъ путешественниковъ, но излагаетъ его по западной редакціи, сходно съ Золотой Лѣгандой ¹⁾.

А. Виритичинство.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ ней крещены: XX millia excerptis parvulis et muliebribus, у Рост. два десять и пять тысяць кромя женъ и дѣтей.

ПЛАВТЬ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ ¹⁾.

Мн. гг.! Первое мое слово должно быть слово благодарности факультету, который (съ величайшею любезностью доставилъ мнѣ возможность снова вступить въ родную мнѣ университетскую среду, покинутую мною по уважительнымъ причинамъ, десять мѣсяцевъ тому назадъ, въ Кіевѣ. Да и трудно было бы для меня не воздать прежде всего этой должной благодарности, когда я испытываю въ эту минуту чувство нравственнаго удовлетворенія, какое не всегда выпадаетъ въ жизни человѣку, чувство тихаго, но глубокаго удовольствія отъ достиженія того, что когда-то представлялось лишь въ мечтахъ и казалось неосуществимымъ въ дѣйствительности? Я хочу этимъ сказать, что мнѣ, многіе годы дѣйствовавшему на профессорскомъ посту вдали отъ мѣста, дорогаго по воспитанію и по самымъ свѣтлымъ юношескимъ воспоминаніямъ, которыя всякій бережетъ всю жизнь, какъ свою сердечную отраду, довелось наконецъ вступить на кафедру въ томъ самомъ зданіи, которое въ теченіе трехъ свѣтлыхъ лѣтъ юности было мѣстомъ моего жительства и въ теченіе четырехъ лѣтъ было мѣстомъ моего образованія. Это священное зданіе, памятникъ временъ Петра Великаго, вдвойнѣ священно для меня въ эту минуту: въ немъ соединяется для меня свѣтлое прошедшее съ торжественнымъ настоящимъ, и, какъ живые свидѣтели того и другаго, въ немъ сошлись и слышатъ мои слова глубоко уважаемый наставникъ, образовавшій цѣлый рядъ поколѣній филологовъ, и дорогіе то-

¹⁾ Вступительная лекція, сказанная 10-го ноября текущаго года въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

варшнн юности, теперь всѣмъ извѣстныя и мощныя двигатели науки.

Все здѣсь — и мѣсто, и люди, и преданія — говоритъ о наукѣ, и голосъ ея здѣсь безспорно раздастся сильнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было русскомъ университетѣ. Громкія имена представителей науки по разнымъ отраслямъ знанія, имена, которыми справедливо гордится Петербургскій университетъ, привлекаютъ къ нему толпы ищущихъ просвѣщенія юношей со всѣхъ концовъ нашего необъятнаго государства и въ то же время заставляютъ искать чести стать въ ихъ среду людей, для которыхъ въ процвѣтаніи отечественной науки сливаются лучшія мечты жизни, а въ послѣдствіи этому процвѣтанію заключается главная цѣль и задача ихъ существованія. Не удивляйтесь поэтому, если я, послѣ многихъ лѣтъ преподаванія въ другихъ университетахъ, уже давно достигши высшихъ степеней профессорскаго званія, считаю за великую для себя честь стоять на этомъ мѣстѣ въ званіи приватъ-доцента, въ которомъ до сихъ поръ являлись передъ вами лишь начинающіе свое профессорское поприще преподаватели. Я счастливъ тѣмъ, что снова могу говорить съ университетской каедрой, которую всегда считалъ своимъ призваніемъ, и притомъ въ такомъ университетѣ, гдѣ съ преподавательскихъ каедръ раздаются голоса важнѣйшихъ представителей науки въ нашемъ отечествѣ.

Предметомъ своихъ чтеній на первый разъ я избралъ Плавта, съ которымъ я намѣренъ познакомить своихъ слушателей ближайшимъ образомъ на его комедіи *Trinamius*. Въ исторіи римской литературы можно встрѣтить не мало именъ, которыя могутъ привлечь къ себѣ вниманіе филолога и дать пищу его спеціальному изученію. Что, напримѣръ, можетъ быть интереснѣе Тацита, какъ по трагическому содержанію его произведеній, ставящихъ насъ лицомъ къ лицу съ римскимъ обществомъ въ одну изъ самыхъ критическихъ эпохъ его существованія, какъ по ихъ духу, по тому высокому нравственному тону, который господствуетъ надъ всѣмъ, что вышло изъ рукъ великаго историка, такъ, наконецъ, и по могучему и своеобразному языку, свойственному лишь сильному таланту и первостепенному мастеру литературнаго слова? Какой глубокой интересъ можетъ доставить своими сочиненіями Сенека, полный высокихъ нравственныхъ истинъ и неустайно твердившій о достоинствѣ человѣческой природы и о несокрушимой твердости духа въ то время, когда все говорило о крайнемъ паденіи нравственной личности и безсиліи человѣка под-

няться на ноги безъ помощи Искупителя! А Вергилій, Гораций, Табулль, Овидій, весь этотъ цвѣтъ латинской поэзіи, Цицеронъ—ораторъ латинской прованческой рѣчи, первый ораторъ народа, съ самыхъ раннихъ лѣтъ своего существованія преданнаго искусству краснорѣчія, развѣ не могутъ, каждый самъ по себѣ, послужить предметомъ для курса, въ которомъ нашли бы бездну поучительнаго внимательные слушатели? Далѣе Лукрецій со своею философскою поэмою о видимой природѣ и съ особенностями своего языка, еще не дошедшаго до классической законченности,—Катуллъ, первый крупный лирическій поэтъ въ Римѣ, съ его еще не окончательно выработанными лирическими развѣрами—все это писатели, изученіе которыхъ интересно столько же со стороны литературной, сколько и со стороны строго филологической, на которую университетское преподаваніе обращаетъ особенное вниманіе.

Но я остановился на Плавтѣ. Остановился я на немъ, съ одной стороны—потому, что это писатель, еще новый въ Петербургскомъ университетѣ, а съ другой—потому, что имѣя въ виду главнымъ образомъ слушателей-специалистовъ, я хотѣлъ предложить имъ для изученія именно писателя, который, будучи въ высшей степени интересенъ со стороны литературной, въ то же время сосредоточиваетъ въ себѣ обильный матеріалъ для ближайшаго ознакомленія съ вопросами, составляющими, такъ сказать, сущность ученой филологіи нашего времени.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое Плавтъ, какъ одинъ изъ представителей римской литературы, и какое онъ имѣетъ значеніе въ университетскомъ преподаваніи?

Плавтъ есть самый яркій представитель римской комедіи, то-есть, того вида литературы, которому особенно подчастливилось на римской почвѣ съ того времени, какъ Римляне, познакомясь съ греческою литературой, стали заботиться о разработкѣ на своемъ языкѣ разныхъ видовъ литературнаго творчества, доведенныхъ Греками до полной законченности. Вамъ извѣстно, м. г., что римская литература не имѣла того правильнаго и естественнаго роста, который составляетъ особенность греческой литературы, гдѣ одинъ видъ поэзіи или прозы выходилъ изъ другаго или слѣдовалъ за другимъ съ той генетическою необходимостью, какая свойственна явленіямъ всякаго естественно развивающагося организма, явленіямъ, вытекающимъ прямо изъ хода свободнаго развитія народной жизни, своеобразно природнымъ свойствамъ и духовнымъ потребностямъ народа. Римская

литература, или правильнѣе, то, что общеповенно разумѣютъ подъ этимъ названіемъ, возникла подъ непосредственнымъ влияніемъ греческой литературы и представляетъ собою въ общемъ стремленіе перенести на латинскую почву одновременно всѣ тѣ виды поэзіи и прозы, которые съ такою стройностію развивались у Эллинскаго народа, начиная съ эпемъ Гомера до произведеній Менандра, Филемона, Дифила и другихъ представителей новой афинской комедіи, начиная съ исторической прозы Геродота до философскихъ системъ, какъ онѣ развились во время, слѣдовавшее за Аристотелемъ. Это стремленіе началось въ началѣ VI столѣтія по основаніи Рима, послѣ того, какъ Римскій народъ, подчинивъ своей власти всю южную Италію, встрѣтился лицомъ къ лицу съ греческою культурою и во очю увидѣлъ чудеса эллинской образованности въ цвѣтущихъ греческихъ городахъ Кампаніи, Луманіи и Калабріи.

Но не всѣ виды греческой литературы, на которые разомъ нахлынулись-было римскіе писатели, имѣли одинаковій успѣхъ на новой почвѣ и достигли въ своей латинской оболочкѣ широкаго развитія. Такъ трагедія, для которой тогдашнее римское общество, еще не имевшее воинственныхъ привычекъ и сохранившее въ своихъ нравахъ слѣды деревенской престоы и грубости, *vestigia turis*, не исчезнувшія еще и во времена Горация, не было подготовлено по степени своего духовнаго развитія, и которая не имѣла глубочайшихъ основъ ни въ національной исторіи Рима, ни въ мнѣстическихъ вѣрованіяхъ Латинскаго народа, во все время римской литературы оставалась далеко ниже своихъ греческихъ образцовъ и не произвела ничего сколько-нибудь замѣчательнаго въ національномъ духѣ, какъ и наша трагедія въ лицѣ Сумарокова, Княжнина и Озерова. Лирическая поэзія, такъ высоко и разнообразно развивавшаяся у Грековъ въ раннюю пору ихъ исторіи и достигшая высшаго цвѣта въ эоійской и дорической школахъ, у Римлянъ долгое время почти совсѣмъ не подаетъ своего голоса и появляется на свѣтъ уже тогда, когда всѣ другіе виды поэзіи и прозы получили первоклассныхъ, или по крайней мѣрѣ, значительныхъ представителей, то-есть, въ самое послѣднее время республики и доходитъ до классической обработки лишь въ произведеніяхъ Горация, котораго одного изъ всѣхъ лирическихъ поэтовъ Квинтиліанъ считаетъ заслуживающимъ чтенія. На столь позднее развитіе лирики были, конечно, также свои причины и главнымъ образомъ неподготовленность латинскаго языка къ тому разнообразію стихотворныхъ размѣровъ, которыми обладаета греческая лирика, обработанная

рукою своихъ высшихъ мастеровъ въ лицѣ Аллея, Сафо, Анакреонта и Пиндара.

Совсѣмъ другая судьба ожидала въ Римѣ комедію. Здѣсь мы видимъ полетъ и развитіе, какого не испытали у Римлянъ ни одинъ видъ поэзіи. Едва прошло два-три десятка лѣтъ съ того дня, какъ пѣлиный таронскій Грекъ, известный подъ своимъ латинскимъ именемъ Ливіа Андроника, поставилъ на сцену первую латинскую драму, переведенную съ греческаго или только составленную по греческому образцу, — и у Римскаго народа появляется комикъ съ первокласснымъ талантомъ и цѣлымъ рядомъ мастерскихъ передѣлокъ съ греческаго, возводитъ римскую комедію на такую высоту, дальше которой не достигалъ въ Римѣ, быть можетъ, никакой другой видъ поэтической литературы. Явленіе это было бы для насъ непонятно, еслибы мы не обратили вниманія на то обстоятельство, что Римскій народъ съ незапамятныхъ временъ обнаруживалъ способность къ комическому выраженію и представленію, и имѣя зачатки драматической поэзіи комическаго характера еще въ своихъ фесценникахъ довелъ комическое представленіе до замѣчательнаго развитія въ своей Сатирѣ, а заимъ въ Ателлахъ, еще въ то время, когда о греческомъ театрѣ и произведеніяхъ Аристофана, Менандра, Филимона, Дифила и всей необозримой массы комическихъ писателей Греціи у него не было еще никакого представленія. При естественномъ расположеніи народа къ комическому изображенію и при развитіи къ нему вкуса національными, хотя и грубыми, представленіями, нужно было только появиться образцу, которому національная комедія должна была бы слѣдовать, чтобы этотъ видъ драматической литературы пошелъ впередъ быстрыми шагами къ процвѣтанію. Здѣсь мы видимъ подтвержденіе закона, управляющаго развитіемъ всѣхъ человѣческихъ обществъ, что только то изъ заимствуемаго у другихъ народовъ можетъ развиваться плодотворно у народа заимствующаго, къ чему есть у этого послѣдняго національное влеченіе, и чему положены задатки въ народномъ характерѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ 514 — 240 г. до Р. X. на другой годъ послѣ окончанія первой Пунической войны поднимается на римской сценѣ драма въ греческомъ вкусѣ, драма, поставленная иностранцемъ и написанная языкомъ, какъ имѣемъ право думать, не много лучшимъ того, на какомъ представлялись Нѣмцами царю Алексѣю Михайловичу комидійныя дѣйства, а въ 519 (285 до Р. X.) уже выступаетъ съ своею комедіей, поэтъ, одаренный несомнѣннымъ комическимъ дарованіемъ, изъ природныхъ Латинявъ,

Гл. Невій, который ставитъ затѣмъ на сцену не менѣе тридцати комедій, возбужденныхъ въ себѣ смѣлѣйшимъ интересомъ и получившихъ общественное значеніе, какъ это мы знаемъ изъ печальной судьбы этого римскаго юмани, умершаго въ изгнаніи; но не успѣли комедіи Невіа сойти со сцены, какъ появляется Плавтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ комедія греческаго характера вступаетъ въ періодъ цвѣтущаго состоянія, имѣя своими представителями, кромѣ Плавта, еще двухъ великихъ первостепеннаго таланта—Цедикія и Теренція. Но склонность Римскаго народа къ комическому представленію не удовлетворяется богатнымъ репертуаромъ, усвоеннымъ римскою сценою тремя этими комиками и цѣлымъ рядомъ ихъ подражателей. Лишь только явилась, благодаря паденію могущества аристократіи въ эпоху Гракховъ, возможность вводить на комическую сцену не Грековъ только, а и Римлянъ и выставить римскіе нравы, не прикрывая ихъ греческою одеждою, и вотъ комедія плаца, *fabula palliata*, какъ называлась греко-воображательная комедія въ Римѣ, сдѣлалась національною комедіею, комедіею тоги, и мы видимъ въ римской литературѣ новыхъ триумфировать сильныхъ комическихъ талантовъ въ лицѣ Титинія, Атти и Афрагія. Не довольствуясь, наконецъ, національнымъ содержаніемъ комедій, построенной по комедіямъ греческаго образца, римскіе великіе пошла дальше въ національномъ направленіи и принялись во второй половинѣ VII столѣтія города, то-есть, сто лѣтъ спустя послѣ появленія на сценѣ Плавтовскихъ комедій, обрабатывать особый видъ народной комедій съ постоянными комическими масками—Ателланы: это направленіе породило новые таланты, и мы встрѣчаемся съ именами Помпонія и Новія, доведшихъ старинную народную драму до настоящаго литературнаго развитія.

Вотъ какое значеніе имѣла въ римской литературѣ комедія, выставившая, благодаря прирадившимъ склонностямъ народа къ комическому изображенію, цѣлый рядъ талантливыхъ писателей, какового не представляется намъ никакой другой видъ литературъ Римскаго народа. И во главѣ этого-то ряда талантовъ стоитъ Плавтъ, также превзойдѣвшій всѣхъ своихъ собратьевъ силой дарованія и значеніемъ своихъ произведеній въ исторіи всемірной литературы, какъ Крыловъ возвышается надъ всѣми русскими баснописцами, а Пушкиль—надъ лирическими поэтами.

Особенность Плавтова таланта, составляющая и достоинство его произведеній, заключается въ необыкновенной живости изображенія, полного неистощимаго остроумія, и въ чарующей свѣжести языка

бойкаго, гибкаго, живаго, носимаго въ каждомъ оборотѣ такую же яркую печать латинской народности, какъ языкъ Крылова: сапечатленъ характеромъ чисто русской народности. Въ этомъ языкѣ нѣтъ никакой искусственности, манерности или натянутости. Вы чувствуете здѣсь на каждомъ шагѣ, что это живой языкъ народа, схваченный мастерскою рукою прямо съ рынка и улицы. Особенно Плавтъ не подражаетъ въ искусствѣ рисовать типы низшихъ слоевъ городского населенія, разныхъ сводниковъ, паразитовъ, плутовъ-рабовъ, публичныхъ женщинъ и т. п. и смѣнить насъ сценами шутокъ, перебранокъ, плутокъ и всей житейской суаги, какъ она выстунаетъ на свѣтъ Божій среди людей, живущихъ мелочными интересами. Все это придавало его мѣсамъ на сценѣ такую жизненность, о какой и понятія не даютъ мѣсы Теренція и Цецилія (отъ комедій послѣдняго сохранилось лишь нѣсколько отрывковъ), составлявшіяся для высшихъ классовъ народа и отличавшіяся поэтому всего болѣе тщательною литературною отдѣлкою. Познакомиться съ Плавтомъ значитъ войти въ ближайшее знакомство съ бытовыми чертами римскаго городского населенія, не смотря на то, что лица, выводимыя комикомъ, носятъ греческія имена и ходятъ по сценѣ не въ римской одеждѣ.

Но Плавтъ, какъ я сказалъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія не только какъ комическій писатель рѣдкаго таланта и какъ одинъ изъ главныхъ представителей римской литературы, но и какъ таковой писатель древности, занятіе которымъ служитъ превосходною школою высшаго филологическаго образованія и раскрываетъ передъ молодыми филологами, такъ сказать, тайны научной филологіи нашего времени, и въ этомъ нѣтъ никакого преувеличенія.

Прежде всего здѣсь дѣло касается текста писателя. Всѣ писатели римской древности дошли до насъ въ текстѣ болѣе или менѣе искаженномъ, особенно тѣ, для которыхъ не имѣется рукописей, относящихся еще ко времени существованія древней образованности. Но такихъ рукописей, писанныхъ уставомъ и предшествующихъ времени паденія Западной Римской имперіи сохранилось очень мало, да и тѣ обыкновенно доходятъ до насъ какъ палимпсесты, libri rescripti, рукописи съ верхнимъ наслоемъ новѣйшаго текста, восстановить изъ-подъ котораго древній текстъ требуется большое искусство и не всегда удается. Но вообще говоря, латинскіе писатели, читаемые въ школахъ высшихъ и низшихъ, имѣютъ текстъ приблизительно вѣрный и дошли до насъ въ такомъ состояніи, что чтеніе ихъ можетъ

происходить безъ особенныхъ заботъ со стороны учащагося и даже учащаго. Критическіе приемы, выработавшіяся въ наукѣ въ продолженіе четырехъ столѣтій, на столько содѣйствовали очищенію текстовъ отъ невѣжественной примѣсы и порчи среднихъ вѣковъ, что пріучили огромное большинство филологовъ смотрѣть на изданія древнихъ авторовъ, какъ на такія, гдѣ древній авторъ является намъ, говоря вообще, въ своемъ подлинномъ видѣ. Другое дѣло—Плавтъ. Нѣтъ писателя, который не смотритъ на все вниманіе, какое удѣлялось ему въ древнемъ мірѣ, дошелъ бы до насъ въ такомъ сомнительномъ видѣ, въ какомъ мы находимъ текстъ главнаго представителя римской комедіи. И этотъ сомнительный видъ онъ приобрѣлъ не только въ средніе вѣка, когда происходило наибольшее искаженіе древнихъ писателей на западѣ, но и въ самой древности. Комедіи его, покупавшіяся театральными антрепренѣрами, подвергались передѣлкѣ, сокращеніямъ, перестановкамъ, прибавкамъ уже вскорѣ по ихъ появленіи изъ-подъ пера автора. Мало того: такъ какъ комедіи эти пользовались большою популярностью, то вскорѣ послѣ смерти Плавта стали выходить подъ его именемъ пьесы, ему не принадлежащія. Это обстоятельство доставило не мало хлопотъ еще древнимъ ученымъ, какъ напримѣръ, знаменитому грамматикъ Элію Стилоу и еще болѣе знаменитому ученику его Варрону Реатинскому, которые старались отдѣлать подлинныя произведенія Плавта отъ подложныхъ. Количество комедій, ходившихъ въ древности съ именемъ Плавта, доходило до 130. Несомнѣнно же подлинными признаны Варрономъ лишь двадцать-одна комедія, тѣ самыя комедіи, которыя, кромѣ послѣдней, дошли и до нашего времени, хотя не всѣ въ полномъ видѣ. Если прибавить къ нимъ тѣ девятнадцать комедій втораго класса, названія которыхъ намъ извѣстны, и которыя, по изслѣдованію Ричля, принадлежать къ тѣмъ, какія Варронъ оставилъ подъ сомнѣніемъ, тогда образуется общее число въ 40 комедій, а отъ него сюда еще очень далеко до 130. Какъ же велика была поддѣлка подъ Плавтовы произведенія въ древности!

И такъ находящійся въ нашихъ рукахъ текстъ Плавтовыхъ комедій подвергся значительнымъ измѣненіямъ еще въ древности и спасенъ отъ болѣе небрежнаго съ нимъ обращенія учеными послѣдняго столѣтія республики, принявшими близко къ сердцу дѣло гениальнаго поэта. Но кто могъ защитить его отъ невѣжественной руки средне-вѣковаго переписчика, которому было чуждо не только пониманіе характеристическаго языка Плавтовой эпохи, но и знакомство съ пра-

вильнымъ латинскимъ языкомъ послѣдующаго времени? Впрочемъ средневѣковные переписчики были только дурными вошителями, передававшими, не мудрствуя лукаво, но мѣрѣ своего разумія текстъ дошедшихъ до нихъ рукописей. Иначе стали относиться къ комедіямъ Плавта въ первое время Возрожденія. Тутъ же довольствовались уже воспроизведеніемъ традиціоннаго текста твореній римскаго комика, а стали его переделывать по своему, измѣняя, выпуская мѣста писателя и вставляя свои по произволу. Въ такомъ видѣ и были составлены первыя печатныя изданія, въ основаніе которыхъ были положены наименѣе достовѣрные списки, очень распространенные въ Италіи въ XV столѣтіи. Съ половины XVI столѣтія дѣло стало поправляться: были найдены два новыхъ списка, изъ которыхъ одинъ (Codex vetus, В у Ричля) относится къ XI столѣтію, а другой (Codex Descriptus, С у Ричля)—къ XII столѣтію. Списки эти, какъ и хранящійся безъ пользы въ Ватиканѣ Codex Ursinianus (D у Ричля), происходятъ изъ источника, который основывался на рецензій IX столѣтія, принадлежавшей нѣкоему Калліопію, дали возможность представить текстъ Плавтовнхъ комедій въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился до переделокъ, сдѣланныхъ Итальянцами въ концѣ среднихъ вѣковъ и при началѣ періода Возрожденія. Въ нихъ сохранились многія существенныя особенности Плавтова языка; но полного вида текста римскаго комика они не представляютъ. Въ 1815 году извѣстный филологъ Анжело Май, внослѣдствіи кардиналь, открылъ въ Амброзіанской бібліотекѣ въ Миланѣ палимпсестъ, который подъ библейскимъ текстомъ скрывалъ въ себѣ произведенія Плавта въ томъ видѣ, какъ они издавались еще въ самой древности. Анжело Май относилъ происхождение этого списка ко II столѣтію; но гораздо вѣроятнѣе мнѣніе Ричля, приписывающаго его къ IV или къ V столѣтіямъ. Открытіе этого палимпсеста произвело въ изданіи Плавтова текста рѣшительный переворотъ. Въ немъ текстъ Плавта явился въ очень древней оболочкѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ знали его во время Римской имперіи.

Открытіе списка такой древности не рѣшало однако вопроса о Плавтовѣ текстѣ даже и тѣхъ комедій, которыя въ немъ сохранились лучше другихъ и вообще остановиться на текстѣ палимпсеста нельзя: во-первыхъ, потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ текстъ этотъ представляетъ менѣе древнія формы, чѣмъ какія намъ переданы даже списками, имѣющими своимъ источникомъ рецензію Калліопія; во-вторыхъ, потому, что текстъ Плавта сохранился, частію по винѣ неудачно употреб-

женныхъ химическихъ средствъ для его восстановления; въ большинствѣ случаевъ въ столь неясномъ и неудобочитаемомъ видѣ, что пользование имъ сопряжено съ большими затрудненіями; а въ третьихъ, потому, что при всей своей древности, палимпсестъ не сохраняетъ текста Плавтовыхъ комедій (въ тому же онъ не передаетъ ни одной комедіи въ цѣльномъ видѣ), въ какомъ онъ вышелъ изъ-вѣдъ пера писателя, не передавая въ то же время въ цѣлости того языка, который былъ дѣйствительнымъ языкомъ Плавтовой эпохи, то-есть, половины VI столѣтія отъ основанія Рима. Вслѣдствіе всего этого и послѣ открытія Амвросіанскаго палимпсеста для филологической критики осталось открытымъ огромное поприще: ей предстояло съ перваго раза не только догадываться о чтеніи, представляемомъ палимпсестомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ пергаментъ испорченъ, но и восстанавливать древность формъ языка тамъ, гдѣ языкъ Плавта кажется подновленнымъ въ послѣдующее время. Трудъ не малый, и можно сказать, нескончаемый.

Но ученые нашего времени задались задачей—возстановить текстъ Плавта въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ самого автора, избавить его не только отъ тѣхъ измѣненій, какія онъ претерпѣлъ въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія, но и отъ всѣхъ тѣхъ искаженій, какія съ нимъ приключились въ древности. Возможно ли это? Надо сказать правду, что знаніе языка древнѣйшаго времени римской литературы шагнуло сильно впередъ въ послѣдніе годы; точное изданіе древнѣйшихъ надписей дало важную точку опоры для знакомства съ древними формами языка, современными языку римскихъ комиковъ VI столѣтія Рима; но все-таки это знаніе слишкомъ недостаточно для такого громаднаго труда, какой принялъ на себя Ричль съ своими послѣдователями. Не говоря ужъ о томъ, что мы никакими судьбами не можемъ возстановить утраченныхъ или передѣланныхъ сценъ, необыкновенно смѣлымъ представляется даже и то, что хотять возстановить подлинный языкъ Плавта въ каждомъ стихѣ, въ каждомъ словѣ, въ каждой формѣ. Какъ мнѣ это ни прискорбно—ибо дѣло идетъ о моемъ учителѣ,—но я долженъ сказать, что, при всей огромной эрудиціи Ричля, дѣятельность его по отношенію къ исправленію Плавтова текста постоянно стояла на скользкой дорогѣ. Наиболѣе разительное возраженіе противъ излишней смѣлости его приемовъ будетъ то, что самые приемы эти нерѣдко мѣнялись, и Ричлю сегодня приходилось совершенно отказываться отъ того, что вчера онъ считалъ неопровержимо вѣрнымъ. Стоитъ слышать вто-

рое изданіе его *Trinismus* съ первымъ, чтобы видѣть, какъ велика разница въ чтеніи текста одной и той же комедіи при помощи однихъ и тѣхъ же источниковъ. Къ обычнымъ приемамъ знаменитаго филолога сочинять стихи въ замѣнъ пропущенныхъ и для избѣжанія hiatus то переставлять слова, то вводить разныя частицы, какъ *jam*, *hercle*, *po!* и т. п., прибавились въ послѣднее время его жизни привычка прибавлять *o* не только къ окончанію творительнаго падежа, но и винительнаго (въ личныхъ мѣстоименіяхъ), приемъ, встрѣченный очень рѣзкою полемикой со стороны одного очень важнаго нѣмецкаго филолога и произведшій тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе, что прежде Ричль на этотъ пунктъ былъ совершенно другаго взгляда.

Вы видите, мм. гг., что, приступая къ чтенію Плавта, вы невольно ставите себя въ необходимость обратить серьезное вниманіе на тѣ критическіе приемы, при помощи которыхъ восстанавливается текстъ древнихъ авторовъ, и съ которыми я долженъ васъ познакомиться по мѣрѣ своего разумія. Плавтова текста нельзя читать такъ, какъ мы читаемъ, положимъ, Цицерона, Горация или Виргилія. Тутъ намъ по неволѣ приходится имѣть дѣло не только съ традиционными искаженіями произведеній великаго писателя, но и съ массой тѣхъ сомнительныхъ поправокъ, какими исполнены новѣйшія изданія. Я не хочу этимъ сказать, что мы должны принять на себя работу, которая оказывается не совсѣмъ по силамъ даже Ричлю, Гепперту и многимъ другимъ ученымъ, сдѣлавшимъ изученіе Плавта предметомъ специальныхъ своихъ занятій въ продолженіе всей своей жизни, но считалъ нужнымъ сдѣлать для васъ яснымъ, что избѣжать критики текста при чтеніи Плавта мы не въ состояніи.

Критика же Плавтова текста невольно связана съ двумя сторонами филологическихъ студій нашего времени—съ изученіемъ древнѣйшихъ формъ латинскаго языка, преимущественно по надписямъ, сохранившимъ ихъ въ точномъ видѣ, какой могъ уцѣлѣть только на камнѣ и металлѣ, и съ изученіемъ древнѣйшей просодіи и метрики, которыя у Плавта имѣютъ свои особенности и представляютъ для изучающаго ихъ не мало камней преткновенія.

И вотъ, мм. гг., мы только говорили о чтеніи Плавта, а передъ нами уже разстилается цѣлый рядъ задачъ, ближайшее прикосновеніе къ которымъ вводить, такъ сказать, въ самое сердце филологіи. Затрогивая эти задачи, мы, съ одной стороны, становимся лицомъ къ лицу съ судьбой и состояніемъ текстовъ древнихъ писателей, дошедшихъ до насъ черезъ посредство длиннаго ряда пере-

писчиковъ и подвергшихся измѣненіямъ, которыя иногда дѣлаютъ писателя не узнаваемымъ, съ другой—дѣлаемъ рѣшительный шагъ къ историческому изученію языка, единственно научному и плодотворному. Только поставленное на такіа основы изученіе древнихъ писателей достигаетъ той ученой высоты, которая достойна нашего времени, и можетъ возбудить въ средѣ нашихъ филологовъ то научное движеніе, которое поможетъ намъ со временемъ создать свою филологическую школу и занять почетное мѣсто въ исторіи науки.

В. Модестовъ.

П. М. СТРОЕВЪ.

Жизнь и труды П. М. Строева. *Н. Барсукова.* С.-Петербургъ, 1878.

Книга, заглавіе которой выставлено въ началѣ этой статьи, заключаетъ въ себѣ біографію и исторію трудовъ извѣстнаго русскаго біографа, оказавшаго столько незабвенныхъ услугъ русской исторіи. Появленіе такой книги, и притомъ немного дѣтъ спустя по смерти того, о комъ она говоритъ, производитъ впечатлѣніе очень пріятное; значить, матеріалы для біографіи покойнаго не утрачены, какъ это часто у насъ бываетъ, и нашелся трудолюбивый человѣкъ, который пожелалъ заняться ихъ обработкой. Болѣе близкое знакомство съ книгой еще увеличиваетъ это пріятное впечатлѣніе: матеріалу собрано много, расположено онъ въ извѣстной системѣ; наконецъ, авторъ желаетъ дать оцѣнку всей долгой дѣятельности П. М. Строева. Будущій историкъ просвѣщенія въ Россіи много почерпнетъ изъ этой книги, потому что если идетъ рѣчь объ успѣхахъ русской образованности и науки, нельзя миновать личность П. М. Строева, хотя онъ и не игралъ блестящей роли, и имя его извѣстно нынѣ лишь въ небольшомъ кругу специалистовъ. Уважемъ нѣкоторыя наиболѣе любопытныя черты изъ содержанія этой книги.

Павелъ Михайловичъ Строевъ родился въ 1746 году. Онъ получилъ образованіе въ пансіонѣ Виллерса, а потомъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ. Отзывъ П. М. Строева объ этомъ замѣчательномъ учебномъ заведеніи вполне подтверждаетъ извѣстія другихъ лицъ о его достоинствахъ. Здѣсь уже, по словамъ біографа, обнаружилась любовь Строева къ исторіи: онъ читаетъ

исторію Щербатова, купленную на свои карманныя деньги, и знакомится съ Библіоникой Новикова.

Въ университетѣ Строевъ поступилъ въ 1812 году, но слушать лекціи началъ только въ 1813. Наибольше повліяли на него лекціи Мерзлякова, Каченовскаго и особенно Тимковскаго. Вліяніе Мерзлякова сказалось на стилѣ будущаго археографа. 1814 годъ былъ началомъ ученой и литературной дѣятельности Строева. Онъ издалъ тогда „Краткую російскую исторію для начинающихъ“. Цѣль книги—„чтобы не только учащіеся, но и всѣ начинающіе знакомиться съ отечественнымъ бытописаніемъ, могли имѣть въ сей исторіи вѣрное его начертаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ руководство къ чтенію обстоятельнѣйшихъ напихъ историковъ“¹⁾. Въ этой книгѣ мы видимъ сжатое и ясное изложеніе главнѣйшихъ фактовъ нашей исторіи. Дѣленіе исторіи на періоды сходно съ теперешнимъ. Внутренняя исторія изложена очень кратко. Есть нѣкоторыя попытки характеризовать главныхъ личности, но вообще оцѣнкою фактовъ авторъ мало занимается. Учебникъ Строева держался до 30-хъ годовъ, и это весьма понятно: на нашихъ глазахъ издаются учебники, во всемъ почти уступающіе книжкѣ Строева. Ея достоинства были въ свое время оцѣнены вполне, и было предположеніе перевести ее на польскій языкъ.

Въ Сынѣ Отечества за 1814 и 1815 года появилось нѣсколько статей Строева, а вскорѣ и самъ онъ началъ издавать журналъ, подъ заглавіемъ: Современный наблюдатель російской словесности. Изъ статей въ Сынѣ Отечества особеннаго вниманія заслуживаетъ „О родословіи владѣтельныхъ князей Русскихъ“—отрывокъ изъ большаго, не появившагося въ свѣтъ разсужденія. Это первый шагъ Строева на поприщѣ генеологическихъ розысканій, на которомъ онъ сдѣлалъ такъ много; здѣсь ясно высказана необходимость правильныхъ родословій и также ясно указаны всѣ трудности этого дѣла²⁾. Эта статья обратила на себя вниманіе государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева.

Современный наблюдатель російской словесности произвелъ переполохъ въ литературномъ мірѣ: специально-критическій журналъ былъ тогда новинкою. Первая статья его: „Письмо къ Самсонову“ очень живо излагаетъ толки по поводу появленія новаго жур-

¹⁾ Изданіе—2-е 1819 года. Предисловіе, стр. VI.

²⁾ Напримѣръ, невѣрность составителей, стремленіе аристократіи возвеличивать свое происхожденіе и пр.

нала. Изъ статей Наблюдателя особенно интересенъ разборъ Россіады Хераскова и „Нѣчто о мѣологіи Славянъ Россійскихъ“. Появившіяся предъ тѣмъ критическія статьи Мерзлякова, хотя, по словамъ Вѣлинскаго, и навлекли на автора много нареканій, были однако слабы и касались преимущественно слога и изложенія, оставляя въ сторонѣ содержаніе Россіады; по мнѣнію Мерзлякова, она все же была „громада недвижная, окруженная неизмѣннымъ величіемъ“. Строевъ пошелъ далѣе и подробно разобралъ всю поэму. Онъ доказывалъ, что самое событіе — взятіе Казани — вовсе не такъ важно, чтобы быть предметомъ героической поэмы. Особенное вниманіе посвящено было Строевымъ указанію историческихъ невѣрностей — смѣшенію взятія Казани Іоанномъ Грознымъ съ дѣломъ на Угрѣ при Іоаннѣ III. Художественная сторона поэмы, по мнѣнію критика, тоже слаба: характеры недостаточно обрисованы: „Руссы весьма сходствуютъ съ Римлянами“¹⁾; слогъ напыщенный, описанія сухія и часто негнѣны. Общее заключеніе автора о Россіадѣ — что въ ней „не соблюдены правила, безъ коихъ ее нельзя ставить на ряду съ образцами древнихъ и новыхъ временъ“, и что „мы не имѣемъ еще истинно хорошей поэмы“²⁾. Статья Строева вызвала у многихъ негодованіе противъ него; почтенный адмиралъ Шишковъ находилъ, что авторъ „хочетъ показать свой умъ, но показываетъ вмѣсто сего свою глупость, невѣжество и худой нравъ“. Новѣйшіе критики находятъ статью умною и энергическою замѣткою³⁾.

Статья „Нѣчто о мѣологіи Славянъ Россійскихъ“ напечатана сперва въ Наблюдателѣ, а потомъ издана отдѣльно. Это первое научное изслѣдованіе по нашей мѣологіи. До появленія въ свѣтъ труда Строева не было по этой части ничего путнаго. Книга Чулкова при множествѣ ошибокъ была чуть ли не самою лучшею. Рядомъ съ фактами вносились въ изложеніе славянскихъ языческихъ вѣрованій собственныя измышленія авторовъ; да и лѣтописныя извѣстія не провѣрялись критикой: вспомнимъ, напримѣръ, Услава, измышленнаго изъ „усъ златъ“. Статья Строева написана на основаніи извѣстій лѣтописи и Византійцевъ. Строевъ признаетъ существованіе Перуна—бога грома, Дажьдбога, Стрибога, Велеса, Хорса, Симаргла и Мокоса. Послѣднія три божества онъ скло-

¹⁾ *Совр. Наблюд.* № 1, стр. 37.

²⁾ Тамъ же, № 3 стр. 72 и 82.

³⁾ *Бѣлинскій*, Сочиненія, Т. V и VIII; *Галаховъ*, Исторія литер., т. II, 160

неть признать варяжскими, а не славянскими. На основаніи Прокція и Константина Порфиророднаго разобраны нѣкоторые обряды. Основаніе теперешней мѣологии, какъ науки, положено, безъ сомнѣнія, здѣсь. Интересно высказанное въ этой же статьѣ мнѣніе, что Слово о полку Игоревѣ написано въ восточномъ или библейскомъ тонѣ.

Наблюдатель помѣщалъ на своихъ страницахъ и разборы новыхъ книгъ, напримѣръ Библіографіи Сопикова, Каталога Селмія и пр. Кромѣ того, есть въ немъ свѣдѣнія библіографическія и смѣсь.

Мы уже говорили, что Румянцовъ обратилъ вниманіе на Строева по поводу его статей въ Сынѣ Отечества. Въ 1815 году Строевъ вступилъ въ комиссію печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; онъ принималъ участіе въ изданіи 2-го и 3-го томовъ Собранія государственныхъ грамотъ (1819 и 1822 года). Въ то же время (1817—1822 г.) Строевъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ издалъ Судебникъ Іоанна IV и Законы Іоанна III, а затѣмъ одинъ издалъ Софійскій временникъ. Кромѣ того, по желанію канцлера, Строевъ предпринималъ путешествіе по ближнимъ къ Москвѣ монастырямъ съ цѣлью отысканія въ нихъ и описанія древнихъ рукописей.

Помимо своихъ прямыхъ результатовъ это путешествіе весьма важно тѣмъ, что дало Строеву мысль объѣздить и осмотрѣть такимъ образомъ всю Россію. По смыслу инструкціи, данной Строеву А. Ѳ. Малиновскимъ при его первой поѣздкѣ, онъ долженъ былъ разобратъ въ монастыряхъ рукописи, составить имъ описи, слѣлать извлеченія и со всего любопытнаго снять копии. Въ 1817 году Строевъ съ Калайдовичемъ отправились въ Воскресенскій монастырь. Здѣсь они отыскали Святославовъ сборникъ и законы Іоанна III. Отсюда путешественники отправились въ Саввинъ Стoroжевскій монастырь, гдѣ не могли однако осмотрѣть библіотеку, а затѣмъ въ Волоколамскій, откуда Калайдовичъ возвратился въ Москву, а Строевъ продолжалъ здѣсь работу одинъ. Находка Похвалы кагану Владимиру и словъ Кирилла Туровскаго не удовлетворяли Строева. Онъ искалъ сочиненій историческихъ, но ихъ совсѣмъ не попадалось, не смотря на то, что число разобранныхъ рукописей простирается до 450. Результаты работъ своихъ Строевъ изложилъ въ „Краткой запискѣ о примѣчанія достойныхъ пьесахъ“. Записки этой, по словамъ г. Барсукова, не сохранилось, описаніе же Волоколамскихъ рукописей и выписки изъ

рукописей хранятся въ бібліотекѣ гр. А. С. Уварова и въ Румянцевскомъ музеѣ.

Въ августѣ 1817 г. занятія Строева въ Волоколамскомъ монастырѣ кончились. Замѣтимъ, что условія для работы его были не особенно благоприятны; такъ сперва Строевъ не имѣлъ переписчика, потомъ у него вышли какія-то неприятности, которыя, по мнѣнію г. Барсукова, заставили его вернуться въ Москву, гдѣ дѣло и было улажено. Строевъ возлагалъ много надеждъ на бібліотеку Саввина Сторжевскаго монастыря, гдѣ по слухамъ была „дѣлая палата рукописныхъ книгъ, тетрадей, столпцевъ“. Снабженный инструкціями, онъ отправился туда, но надежды его не оправдались. Онъ описалъ всего 17 рукописей, и по замѣчанію Ундольскаго, описалъ всѣ, а не тѣ только (какъ думалъ Востоковъ), „кои признаны заслуживающими замѣчанія“. Большаго собранія собственноручныхъ писемъ царя Алексѣя Михайловича, которое ожидали тамъ найдти, не оказалось. Изъ Саввина монастыря въ 1818 году Строевъ отправился въ Воскресенскій, гдѣ ему было поручено обратить особенное вниманіе на рукописи и особенно заняться собраніемъ свѣдѣній о Никонѣ. Строевъ нашелъ здѣсь много интереснаго. Онъ описалъ до 140 рукописей, изъ коихъ многія относились къ XIII и XIV вѣку. Кромѣ большаго количества поученій св. отцевъ, нашлись очень важныя акты, на примѣръ, дѣянія собора 1667 года и акты, относящіеся къ установленію патріаршества. Здѣсь же найденъ Всемирный хронографъ, къ которому присоединенъ сборникъ, составленный изъ временника Нестора и его продолжателей и доходящій до 1534 года. Составленное имъ описаніе рукописей Воскресенскаго монастыря напечатано потомъ Сахаровымъ и выдано имъ за свое; но крайней мѣрѣ самъ Строевъ говорилъ, что это „чистая передѣлка“ его каталога. Въ 1820 году, опять по порученію Румянцева, Строевъ отправляется въ Боровской Пафнутьевъ монастырь и въ Серпуховъ. Поиски здѣсь не дали почти ничего. Снята была надпись съ камня въ церкви Св. Ирины, да описано менѣе десяти рукописей, не имѣющихъ особенной важности. Это была послѣдняя поѣздка Строева, совершенная по порученію канцлера.

Въ 1819 году, какъ сказано выше, изданъ Судебникъ Іоанна IV и законы Іоанна III, съ прибавленіями, найденными Строевымъ. Тексту предпослано обширное предисловіе, въ которомъ издатели (Строевъ и Калайдовичъ), излагаютъ свой взглядъ на важность изученія законовъ для знакомства съ исторіей и затѣмъ предлагаютъ обзоръ-

ніе исторіи нашего законодательства. Первые законы, по мнѣнію издателей, были скандинавскіе, законы же византийскіе явились позднѣе и имѣли силу болѣе въ дѣлахъ церковныхъ. Не забудемъ, что въ то время когда высказывалось это мнѣніе вопросъ о степени византийскаго вліяніи еще не начиналъ разрабатываться. Предисловіе оканчивается сравненіемъ двухъ судебниковъ. Изданы законы по нѣсколькимъ спискамъ. Издатели говорятъ, что они старались наблюдать точность, такъ что „не только ни одно слово или реченіе, но ниже самая буква не проронена противъ подлинника“. Это изданіе Судебника, а равно и позднѣйшее, тоже приготовленное Строевымъ — для Актовъ Историческихъ, признаются лучшими. Послѣ изданія Судебника Строевъ занялся изданіемъ Софійскаго временника, о находкѣ котораго мы уже упоминали. Временникъ изданъ на средства гр. Руманцова. Выпускъ его въ свѣтъ замедлился по слѣдующимъ причинамъ: Строевъ первый открылъ источникъ первоначальной нашей лѣтописи — Амартола, но смѣшалъ его съ Кедринимъ; по этому поводу завязалась обширная переписка, результатомъ которой было то, что Строевъ долженъ былъ уничтожить свои замѣтки о заимствованіяхъ нашего лѣтописца, вслѣдствіе того, что никакъ не могли рѣшить — изъ кого заимствовалъ нашъ лѣтописецъ, изъ Кедрина или Амартола. Строевъ настаивалъ, что это Кедринъ. Въ 1823 году появилось наконецъ изданіе Временника. Оно замѣчательно по предисловію, въ которомъ Строевъ изложилъ свой взглядъ на составъ нашихъ лѣтописей. По его мнѣнію, „до насъ дошли только сборники, болѣе или менѣе полные, обстоятельныя или краткіе“. Первый собиратель по времени близокъ къ Нестору, первому лѣтописцу. Лѣтописи велись въ каждомъ княжествѣ, въ каждомъ почти монастырѣ. Изъ этихъ то записокъ и составлялись потомъ сборники, дошедшіе до насъ. Сборники эти восходятъ до 60-хъ годовъ XVI столѣтія. Этотъ взглядъ Строева получилъ теперь широкое развитіе, приведенное между прочимъ и къ тому выводу, что самая Повѣсть временныхъ лѣтъ — есть такой же сборникъ. „Прошло послѣ этого около 50-ти лѣтъ“, говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — „и мысль эта, тогда многимъ казавшаяся смѣлою, сдѣлалась достояніемъ науки“¹⁾.

Строевъ занимался также исторіей Сибири. Онъ собралъ цѣлую книгу матеріаловъ для исторіи Сибири. Книга эта, равно какъ и

¹⁾ Лѣтопись замѣтій археографической комисіи; вып. 4, стр. 1.

статья „Критическій розыскъ въ объясненіи и поправленіи бытосказаній и хронологіи въ начальной исторіи Сибирскаго царства“, напечатаны не были. Матеріалы были подарены Царскому, статья не напечатана, потому что на то не послѣдовало согласія Малиновскаго. Намѣреніе Строева заняться изданіемъ Сибирскаго лѣтописца, принадлежащаго гр. Руманцову, тоже не осуществилось. Въ то же время Строевъ писалъ критическія статьи въ Сынѣ Отечества. Здѣсь помѣщенъ имъ разборъ статьи Усенскаго „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“ и напечатанъ разборъ статьи Каченовскаго о языкѣ славянскомъ: Строевъ доказывалъ, что въ IX столѣтіи у Славянъ былъ одинъ общій языкъ, и опровергалъ Каченовскаго, признававшаго тожество древне-славянскаго языка, съ сербскимъ. Въ 1821 году окончилось участіе Строева въ Сынѣ Отечества.

Здѣсь встаетъ будетъ сказать о его участіи въ Сѣверномъ Архивѣ Булгарина и въ Московскомъ Вѣстникѣ Погодина. Въ Сѣверномъ Архивѣ напечатана замѣчательная статья Строева „О византійскомъ источникѣ Нестора“, въ которой онъ доказываетъ, что таковымъ источникомъ былъ Амартоль. Статья эта перепечатана впоследствии въ VI-мъ томѣ Записокъ академіи наукъ. Кромѣ статей, Строевъ напечаталъ въ Сѣверномъ Архивѣ нѣсколько историческихъ документовъ; но въ 1827 году онъ поссорился съ Булгариннымъ и бросилъ сотрудничество въ его журналѣ. Въ 1828 году въ Московскомъ Вѣстникѣ Строевъ полемировалъ съ Полевымъ. Полемика началась съ того, что, разбирая книгу Аделунга „Баронъ Мейербергъ“, Полевой воспользовался замѣчаніями, слышанными отъ Строева, не указавъ при этомъ источника. Понятно, что Строевъ разсердился, замѣчанія его по поводу хронологическихъ неточностей въ напечатанныхъ Полевымъ документахъ ¹⁾ подлили масла въ огонь, и ученая полемика перешла въ личные нападки. Въ томъ же Московскомъ Вѣстникѣ Строевъ выступилъ защитникомъ Арцибашева, автора замѣчаній на исторію Государства Россійскаго, противъ нападокъ Руссова и князя П. А. Вяземскаго. Строевъ замѣтилъ, что самъ Карамзинъ искалъ только истины и съ благодарностью принималъ всѣ исправленія, защитники же его выходятъ изъ себя, отъ нѣкоторыхъ поправокъ въ его труду. Здѣсь встаетъ приба-

¹⁾ Нота о турецкихъ дѣлахъ, представленная въ 1728 г. императрицѣ Еккатеринѣ I и письмо турецкаго визиря къ графу Руминцеву въ 1776 году.

вить, что еще въ началѣ 1818 году Строевъ имѣлъ случай лично познакомиться съ Карамзинимъ и съ тѣхъ поръ не разъ оказывалъ ему услуги разными учеными справками.

Въ 1823 г. Строевъ избранъ былъ членомъ московскаго общества исторіи и древностей. Здѣсь произнесъ онъ знаменитую свою рѣчь о необходимости снаряженія археографической экспедиціи. Общество, глухо отнесясь къ предложенію Строева, дало однако ему возможность посѣтить и осмотрѣть Новгородскую Софійскую библиотеку. Записка, представленная имъ обществу по этому поводу, излагаетъ результаты его занятій. Онъ обращаетъ вниманіе общества на важность для исторіи языка древнихъ списковъ богослужебныхъ книгъ, и старается показать, какое значеніе имѣютъ для изученія исторіи отрывки лѣтописей и небольшіе сборники. „Не въ сихъ ли небольшихъ лѣтописцахъ и отрывкахъ“, говорятъ онъ, — „должно искать исторической истины, которая въ большихъ сборникахъ потемнѣла, а часто и совсѣмъ скрыта невѣжествомъ и тупоуміемъ ихъ собирателей?“ Не меньшую важность, по мнѣнію Строева, имѣютъ рукописи, извѣстныя подъ именемъ цвѣтниковъ или сборниковъ.

Давно интересовала Строева исторія казачества. Онъ занимался составленіемъ исторіи Донскаго войска, которая должна была обнимать все существованіе казаковъ со времени ихъ появленія до преобразованія войска при императорѣ Александрѣ I. Такъ гласило объявленіе, помѣщенное въ Сынѣ Отечества 1816 года. Черезъ семь лѣтъ послѣ того Строеву пришлось вернуться къ этимъ занятіямъ въ качествѣ помощника В. Д. Сухорукову, которому отъ комитета по устройству земли войска Донскаго поручено было заняться историческимъ и статистическимъ описаніемъ земли войска. Извлеченіе матеріала для этого труда изъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ выпало на долю Строева. Онъ съ жаромъ принялся за дѣло и доставилъ Сухорукову, съ которымъ велъ постоянную переписку, множество выписокъ изъ дѣлъ турецкихъ, крымскихъ, донскихъ, малороссійскихъ и пр. Подробности всего этого дѣла читатели найдутъ въ книгѣ г. Барсукова, мы же упомянемъ лишь о томъ, что трудъ Сухорукова появился въ свѣтъ только въ 1869 году. Изъ предисловія къ нему видно, что изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ составителю было доставлено 1,544 акта.

Въ то же время Строевъ занимался составленіемъ „Ключа къ исторіи Государства Россійскаго“. Строевъ самъ предложилъ Карамзину составить „Ключъ“, на что Карамзинъ, разумѣется, согласился

и даже просилъ Строева исправлять его ошибки. Четыре года занимался Павелъ Михайловичъ этимъ „тяжелымъ, чрезмѣрно утомительнымъ трудомъ“. Но указатель, готовый уже въ 1826 году, напечатанъ былъ только въ 1836. По словамъ И. И. Срезневскаго, „Ключъ“ этотъ показалъ, что и гдѣ есть у Карамзина; Пушкинъ говоритъ, что указатель этотъ облегчилъ до невѣроятія изученіе русской исторіи.

Въ 1825 году Строевъ предложилъ Румянцеву планъ составленія ученыхъ словарей. Словари должны были быть слѣдующіе: а) историческій, съ извѣстіемъ о князьяхъ, царяхъ, іерархахъ, и съ прибавленіемъ родословныхъ; б) географическій и топографическій съ указаніемъ удѣловъ, на которне дѣлилась Русь, здѣсь же исторія городовъ, описаніе водъ, горъ, селеній и пр.; в) толковый—для уразумѣнія языка лѣтописей и другихъ письменныхъ памятниковъ древнѣйшей словесности. Все изданіе по мысли Строева должно было стоить 10,000 р. Но Румянцевъ, занятый тогда другимъ ученымъ предпріятіемъ (составленіемъ каталога манускриптовъ Патриаршей бібліотеки), которое было поручено Калайдовичу, отказался начать дѣло,—оно такъ и заглохло. Въ томъ же году Строевъ представилъ обществу исторіи и древностей планъ изданія хронографовъ. Хронографовъ, говорилъ онъ,—два разряда, и во второмъ есть статьи русскаго переводчика о дѣлахъ русскихъ и славянскихъ. Строевъ совѣтовалъ выбросить всѣ событія всемірной исторіи и сдѣлать сводъ всѣхъ отечественныхъ извѣстій, вошедшихъ въ хронографъ, съ указаніемъ источниковъ. Осуществить это дѣло пришлось гораздо позже А. Н. Попову. Тогда же Строевъ началъ было трудиться надъ изданіемъ двухъ лѣтописцевъ, принадлежавшихъ обществу исторіи и древностей, но дѣло затянулось до 1829 г., когда онъ самъ, занятый археографическою экспедиціей, отказался отъ изданія.

Въ 1825 году Строевъ сдѣлался смотрителемъ Толстовой бібліотеки рукописей и книгъ гр. Ѳ. А. Толстого. Но еще въ 1818 году онъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ началъ заниматься описаніемъ Толстовскихъ рукописей. Въ трудѣ этомъ рукописи расположены по форматамъ; это расположеніе издатели считали единственно возможнымъ; позднѣе Строевъ отказался отъ этого мнѣнія; но еще въ то время Калайдовичу указывалъ на неудобство такого расположенія Востоковъ. Для справокъ приложены указатели. Нельзя не сказать, что составленный Востоковымъ каталогъ Румянцевскихъ рукописей неизмѣримо выше Строевскаго. Это понималъ гр. Румянцовъ, и этимъ, кажется, объясняется, почему онъ не придавалъ большаго значенія

труду Строева. Строеву однако принадлежит честь составленія перваго ученаго библиографическаго описанія русскихъ рукописей. Упомянемъ кстати, что Строевъ описалъ и всѣ старопечатныя книги гр. Толстого, при чемъ въ описаніи своемъ помѣстилъ и всѣ предисловія или послѣловія къ нимъ цѣлкомъ или въ отрывкахъ. Старопечатными книгами Строевъ считалъ напечатанныя до 1727 г. Онъ приложилъ тутъ же описаніе и позднѣйшихъ рѣдкихъ книгъ. Строевъ занимался еще составленіемъ сборника извлеченій изъ рукописей гр. Толстого, готоваго изданіе въ родѣ *Extraits et notices des manuscrits* и т. д. и накопилъ было матеріалъ для перваго тома; но изданіе это не явилось въ свѣтъ. Вотъ очеркъ главнѣйшихъ работъ Строева до 1829 года. Замѣтимъ еще, что Строевъ помогалъ многимъ ученымъ, выписывая извѣстія изъ рукописей, наводя справки, и т. п. Въ числѣ многихъ лицъ обращались къ нему между прочимъ М. М. Сперанскій и архимандритъ Фотій.

Обратимся теперь къ главному подвигу ученой жизни Строева, къ знаменитому его археографическому путешествію. Въ 1826 году Строевъ избранъ былъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, и Академія дала ему средства осуществить давно задуманное предпріятіе. Еще въ рѣчи своей въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ Строевъ развилъ свой планъ о такой экспедиціи. По его мнѣнію, прежде осуществленія главной задачи этого общества—изданія лѣтописей, необходимо было привести въ извѣстность „письменные памятники исторіи и древней словесности“. Для этого недостаточно былъ осмотрѣть Московскія бібліотеки, но слѣдовало, чтобы вся Россія превратилась „въ одну бібліотеку, намъ доступную“. Для „извлеченія и приведенія въ извѣстность всѣхъ памятниковъ нашихъ древнихъ письменъ“, необходимо было, по мысли Строева, организовать ученую экспедицію, которая должна была бы разобрать и описать всѣ книгохранилища общественныя, а по возможности, и частныя. Экспедиція должна была объѣхать въ три приѣма всю Россію: сперва сѣверъ, потомъ—середину, и наконецъ—западъ. Строевъ полагалъ на это отъ четырехъ до пяти лѣтъ. По описаніи всѣхъ бібліотекъ, должно составить общій роспись всѣхъ памятниковъ нашей литературы. Соединивъ затѣмъ воедино всѣ частныя каталоги, можно будетъ приступить къ изданію и критикѣ и издать „цѣлое собраніе лѣтописей и писателей русской исторіи, пособіе для древней литературы, дипломатіи и исторіи“. Во время путешествія археографъ не долженъ упускать изъ виду и вещественныхъ древностей. Въ 1828 году Строевъ представилъ свой

проектъ президенту Академіи Наукъ С. С. Уварову, при чемъ однако планъ всего предпріятія остался въ общихъ чертахъ тотъ же, и подробно былъ разработанъ только предметъ ея занатій. Кромѣ описанія рукописей, археографъ долженъ былъ съ однихъ дѣлать вѣрные списки, относительно же другихъ ограничиться извлеченіемъ и критическимъ разборомъ, съ третьихъ снимать fac-simile. Признано было необходимымъ имѣть въ виду и вещественныя древности и вести записки „относительно главнаго предмета путешествія, такъ и всего, что способно содѣйствовать расширенію историческихъ и древле-статистическихъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ“. Для успѣха дѣла признавалось необходимымъ содѣйствіе мѣстныхъ властей археографу и устраненіе тягостныхъ формальностей. Въ другой запискѣ, поданной немного позже, Строевъ указалъ, на что именно надо обратить вниманіе въ этомъ отношеніи, напримѣръ, на бесплатную пересылку актовъ въ Академію, на безпошлинныя подорожныя, на содѣйствіе властей въ присканіи удобныхъ помѣщеній и пр. Записка Строева, прочитанная въ Академіи Кругомъ, была принята благосклонно, и Академія, въ засѣданіи 21-го мая 1828 г., рѣшила отправить Строева, ассигновавъ ему ежегодно по 10,000 руб. Разныя вѣдомства сдѣлали распоряженіе о томъ, чтобы мѣстныя власти оказывали исследователю свое содѣйствіе. Строевъ пригласилъ на помощь себѣ двухъ помощниковъ—Лебедева и Городскаго, и даже нашелъ необходимымъ заключить съ ними условіе на все время экспедиціи. Въ то же время Строевъ предлагалъ Московскому обществу исторіи прикомандировывать къ нему, года на два или на три, по одному изъ студентовъ университета, съ цѣлью „развитія и усовершенствованія историко-археологическихъ талантовъ, уже проявившихся, а чрезъ то—приготовленіе трехъ молодыхъ антикваріевъ, а быть можетъ, и историковъ“. Но Московскій университетъ не нашелъ удобнымъ исполнить это предложеніе. Къ экспедиціи присоединился только одинъ студентъ-ботаникъ изъ Дерптскаго университета.

Январь и февраль 1829 года прошли въ сборахъ, и только въ мартѣ Строевъ со спутниками выѣхали изъ Москвы. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ новое порученіе отъ академика Френа. Френъ просилъ его обращать вниманіе на древнія арабскія и монгольскія монеты и на надписи, съ которыхъ совѣтовалъ дѣлать fac-simile, или по крайней мѣрѣ, отпечатки. Кромѣ того, Френъ совѣтовалъ Строеву не упускать изъ виду народныя преданія, собраніе восточныхъ древностей и рукописей и собраніе словъ татарскихъ и чувашскихъ. Г. Барсу-

ковъ справедливо замѣчаетъ, что для исполненія всѣхъ этихъ порученій Фрема въ сущности необходимо было бы снарядить еще новую экспедицію.

Изъ Москвы экспедиція отправилась въ Архангельскъ, куда и пришла 24-го марта. Распутица помѣшала Строеву объѣздить все побережье; онъ однако посѣтилъ Онегу и Кійскій монастырь. Не будучи въ состояннн посѣтить Кола, Кемь, Мезень и другіе города, онъ обратился къ Архангельскому губернатору съ просьбой вытребовать оттуда старинныя бумаги въ Архангельскъ. Бумаги были вытребованы, и только въ Кола не нашлось ничего, ибо, по донесенію тамошняго начальника, нашествіе неприятелей и пожаръ истребили ихъ въ 1809 и 1823 годахъ. Въ ожиданнн полученія бумагъ въ Архангельскѣ Строевъ съѣздилъ въ Николаевскій Корельскій монастырь, гдѣ отыскалъ шесть грамотъ. Давно уже манилъ къ себѣ Строева монастырь Соловецкій; но вслѣдствіе различныхъ недоумѣній съ мѣстнымъ начальствомъ ему не пришлось побывать тамъ. Дѣло въ томъ, что на основаннн полученныхъ въ Петербургѣ открытыхъ листовъ, онъ требовалъ себѣ особаго казеннаго судна, а губернаторъ предлагалъ ему плыть съ отрядомъ лейтенанта Рейнеке, а назадъ вернуться на частномъ суднѣ. Не дождавшись ничего отъ Архангельскаго губернатора, Строевъ 11-го іюля отправился въ Вологду. По дорогѣ экспедиція посѣтила Холмогоры, Пинегу, монастыри Красногорскій и Веркольскій. Результатомъ поисковъ былъ списокъ Псковскаго лѣтописца и нѣсколько грамотъ; большинство же древнихъ актовъ оказывалось сгнившимъ, сгорѣвшимъ и т. п. Особенно обильную жатву дала работа въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ, издавна славившемся богатою библиотекою. Здѣсь найдено было между прочимъ путешествіе архимандрита Антонія въ Царьградъ. „Мои портфели тучнѣютъ непрерывно“, писалъ Строевъ. Изъ Шенкурска Строевъ выслалъ въ Академію Наукъ двѣ рукописи — твореній Григорія Басонова и грузинскій Номоканонъ. Академія передала Номоканонъ Розенкамфу, и этотъ извѣстный канонистъ увѣдомилъ Строева, что высоко цѣнить его находку. Въ Вельскѣ и Верховажѣ Строевъ узналъ, что архивы этихъ городовъ переведены въ Вологду, гдѣ однако „овныхъ дѣлъ не оказалось“, и всѣ поиски за ними остались тщетными, хотя Строевъ обращался за помощію къ сенаторамъ Корнилову и Мертенсу, ревизовавшимъ тогда вологодскія присутственныя мѣста. Изъ самой Вологды экспедиція стала производить розыски по губерніи. Запасшись открытымъ листомъ отъ мѣстнаго архіерея, Строевъ

посѣтилъ Тотму, Устюгъ, Сольвычегодскъ и Яренскъ и 18-го сентября вернулся въ Вологду, гдѣ осматрѣлъ архивы епархіальный и казенные и семинарскую бібліотеку. Въ то же время онъ входилъ въ сношенія съ мѣстными любителями старины и пріобрѣталъ у нихъ рукописи. Послѣднимъ въ 1829 году былъ осматрѣнъ архивъ Спасо-Прилуцкаго монастыря, но здѣсь Строеву и его помощникамъ отвели такое сырое помѣщеніе, что оба его товарища заболѣли и подали въ отставку. Это побудило Строева отправиться въ Петербургъ, чтобы подыскать другихъ сотрудниковъ. На академическомъ актѣ 1829 года былъ прочитанъ первый отчетъ Строева. По его исчисленію, у него набралось уже до 752 листовъ различныхъ матеріаловъ для русской исторіи, литературы и бібліографіи. Обращая вниманіе на важность отысканныхъ имъ матеріаловъ, Строевъ совершенно основательно указалъ на необходимость непосредственнаго знакомства съ нашимъ сѣверомъ для пониманія нашей исторіи. „Двина и Поморье“, говорилъ онъ, — „суть земли классическія для исторіи русскаго. Тамъ только можно постигать народный духъ нашихъ предковъ и фізіономію естественную и государственную древней Россіи“.

Начало 1830 года прошло для Строева въ различныхъ хлопотахъ. Наконецъ получено было разрѣшеніе на продолженіе экспедиціи, и св. синодъ далъ епархіальному начальству предписаніе о содѣйствіи работамъ экспедиціи. Въ помощники себѣ Строевъ выбралъ Я. И. Бередникова. Бередниковъ поѣхалъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, а самъ Строевъ въ Вологду, откуда, по осмотру еще нѣкоторыхъ архивовъ, переѣхалъ въ маѣ тоже въ Кирилловъ монастырь. 141 грамота отъ 1435 до 1690 г. были здѣсь найдены и списаны. Отсюда Бередниковъ поѣхалъ въ Бѣлозерскъ, Череповецъ и окружные монастыри, а Строевъ вновь въ Вологду. Затѣмъ они вмѣстѣ перебрались въ Костромскую губернію и объѣздили нѣкоторые уѣзды. Много возлагалъ надеждъ Павелъ Михайловичъ на Галичскій Паисіевскій монастырь, но сперва его не пустили въ тамошнюю ризницу, а потомъ увѣдомили, что никакихъ бумагъ въ монастырѣ нѣтъ. Между тѣмъ холера заставила Строева поскорѣе ѣхать въ Ярославль и потомъ въ Москву, гдѣ онъ и долженъ былъ на время остаться, потому что городъ былъ оцѣпленъ. Здѣсь онъ занялся приведеніемъ своихъ бумагъ въ порядокъ.

Въ это время М. М. Сперанскій, занятый составленіемъ полнаго собранія русскіихъ законовъ, обратился къ Строеву съ просьбою „поименовать древніе памятники нашего законодательства“. Въ отвѣтъ на эту просьбу Строевъ „приготовилъ четыре изрядные тома списковъ

съ грамотъ и разныхъ юридико-дипломатическихъ актовъ, для представленія въ Академію Наукъ, а потомъ для сообщенія во второе отдѣленіе собственной Е. И. Величества канцеляріи. Собственно для Сперавскаго были изготовлены три тома историко-юридическихъ актовъ. Въ мѣѣ 1831 г. Строевъ и Бередииковъ снова отправились въ путь. Во время путешествія по монастыряхъ Московскій епархіи между ними произошла размолвка вслѣдствіе того, что Бередииковъ начаталъ въ Сынѣ Отечества нѣкоторые изъ списанныхъ экспедиціей актовъ. Дѣло окончилось однако примиреніемъ, при чемъ Бередииковъ далъ подписку „не имѣть никакихъ сношеній съ издателями журналовъ“. Долго прожили они въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, гдѣ нашли 12⁰ грамотъ 1868 — 1689 годовъ и много другихъ важныхъ рукописей; съ грамотъ были при этомъ сняты копии. Изъ лавры Строевъ поспѣшилъ въ Ярославль и началъ тамъ свои розысканія; Бередииковъ же отправился въ Рыбинскъ, Романовъ, Мологу, Мышкинъ, Угличъ, Пошехонье и оттуда, по осмотрѣ нѣкоторыхъ монастырей около Ростова, проѣхалъ въ Москву, куда еще ранѣе прибылъ Строевъ, вынужденный къ тому сильною простудою. Излагая въ своемъ отчетѣ Академіи результаты своихъ трудовъ въ 1831 году, Строевъ старался обратить особенное ея вниманіе на отысканные имъ акты изъ смутнаго времени, которые имѣли, по его мнѣнію, особенное значеніе по своей рѣдкости.

Въ началѣ 1832 года дѣятельность экспедиціи опять возобновилась: Бередииковъ отправился въ Тихвинъ и Устюжну, а Строевъ поѣхалъ въ Петербургъ тѣ четыре тома историко-юридическихъ актовъ, о которыхъ уже было упомянуто выше. При просмотрѣ ихъ гр. Уваровъ замѣтилъ, что одинъ чинъ вѣнчанія на царство Василія Іоанновича. Шуйскаго іюня 1-го 1606 г. достаточно вознаграждаетъ всѣ расходы по снаряженію экспедиціи. Онъ считалъ также очень важнымъ памятникомъ рѣчь Гермогена при совершеніи обряда вѣнчанія.

Строевъ пробылъ въ Петербургѣ до конца февраля, затѣмъ вернулся въ Москву и сталъ собираться снова въ путешествіе, но прожилъ тамъ до мая, занимаясь разборомъ архива Пушкарскаго приказа и въ Патріаршей библиотекѣ. Въ послѣднихъ числахъ мая онъ поѣхалъ въ Новгородъ и занимался тамъ въ Софійской библиотекѣ, откуда почерпнулъ, по предположенію г. Барсукова, много матеріаловъ для библиологическаго словаря, издаваемаго теперь Академіей ¹⁾.

¹⁾ Объ этомъ словарѣ будетъ упомянуто ниже.

Изъ Новгорода, гдѣ Строевъ имѣлъ случай познакомиться съ архимандритомъ Фотіемъ, онъ переехалъ въ Псковъ. Бередииковъ между тѣмъ работалъ по монастырямъ и архивамъ Новгородской и Псковской губерній. Неполученіе денегъ изъ Академіи замедлило отъѣздъ Строева въ Тверь, куда онъ прибылъ лишь въ сентябрѣ. Туда же былъ вызванъ и Бередииковъ.

Изъ Твери Строевъ отправился въ Старую Рязань для осмотра найденныхъ тамъ древностей. Поручивъ Бередиикову объѣхать Старицу, Зубовъ и Ржевъ, Строевъ самъ посѣтилъ Старую Рязань, а затѣмъ Спасскъ. Въ Рязани встрѣтился онъ съ прикомандированнымъ къ нему художникомъ Ѡ. Г. Солнцевымъ, который уже сдѣлалъ снимки съ найденныхъ древностей ¹⁾. Осмотрѣвъ тамошнія гробницы, Строевъ предположилъ, что здѣсь же должны быть и остатки церкви. Не имѣя времени самъ заняться раскопками, онъ поручилъ производство ихъ г. Солнцеву, снабдивъ его подробною инструкціей. Г. Солнцевъ, какъ это видно изъ его донесенія Строеву, нашелъ разрушенные остатки каменной церкви, но не кончилъ вполнѣ раскопокъ и вернулся въ Москву. Конецъ 1832 года Строевъ и Бередииковъ употребили на осмотръ архивовъ Тверской губерніи. Бередииковъ посѣтилъ Красный Холмъ, Калязинъ, Кашино, Бѣжецкъ и нашелъ тамъ весьма много грамотъ. Изъ Тверской губерніи Бередииковъ поѣхалъ въ Тихвинъ и оттуда былъ вызванъ Строевымъ въ Петербургъ. При этомъ ему было поручено осмотрѣть архивы въ лежащихъ по дорогѣ монастыряхъ и городахъ. Изъ отчета, представленнаго Строевымъ Академіи, мы видимъ, что въ три года экспедиція осмотрѣла восемь губерній. Особенно много найдено въ бібліотекахъ Патріаршей и Софійской Новгородской. Собранный матеріалъ составилъ большой вкладъ въ исторію славяно-русской литературы; много также собрано было актовъ историко-юридическихъ, на важность которыхъ Строевъ уже ранѣе обращалъ вниманіе Академіи; эти акты составили, по его словамъ, пять томовъ, въ дополненіе къ четыремъ прежнимъ, уже въ началѣ года представленнымъ императору Николаю Павловичу.

Въ 1833 году Строевъ намѣревался окончить осмотръ сѣверо-востока Европейской Россіи. Первые мѣсяцы этого года онъ провелъ въ Москвѣ, занимаясь въ Пушкинскомъ примазѣ и Патріаршей бібліотекѣ, гдѣ въ одномъ сундукѣ съ старыми неразобранными бума-

¹⁾ Найдены были три гробницы, въ одной—«остовъ духовной особы съ остатками одежды и обуви».

гами нашель, между прочимъ, подлинное дѣло Никона. Изъ Москвы Строевъ поѣхалъ во Владиміръ, а Бередниковъ въ Переяславль, Александровъ и Юрьевъ. Затѣмъ Строевъ посѣтилъ Нижній, гдѣ нашель весьма мало интереснаго, и въ іюлѣ отправился въ Казань. Отъ казанскаго прокурора Солнцева Строевъ узналъ, что много бумагъ въ Казани сгорѣло, но есть еще много подлинныхъ грамотъ и актовъ за періодъ отъ Іоанна Грознаго до Петра I. Большинство ихъ впрочемъ оказалось уже напечатанными въ казанскихъ изданіяхъ, такъ что вообще поиски Строева въ Казани и Свияжскѣ нельзя назвать удачными. Кое-что имъ получено изъ домашняго архива гг. Геркевыхъ, владѣльцевъ села Юматова. Осматривать архивы Пермской губерніи Строевъ не нашель нужнымъ; по желанію его, ему были высланы бумаги изъ архивовъ Соликамскаго и Кунгурскаго. Изъ Свияжска Строевъ вернулся въ Москву, а Бередниковъ поѣхалъ въ Вятку для осмотра городовыхъ архивовъ отъ Арска до Вятки и оттуда до Козьмодемьянска. Не смотря на тяжкую болѣзнь, Бередниковъ успѣлъ посѣтить нѣсколько архивовъ и въ ноябрѣ вернулся въ Москву. Последніе мѣсяцы 1833 г. Строевъ посвятилъ приведенію въ порядокъ матеріаловъ экспедиціи. Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1834 г. онъ напечаталъ „Хронологическое указаніе домашнихъ матеріаловъ отечественной исторіи литературы, филологіи до XVIII вѣка“. Эта статья была какъ бы общимъ отчетомъ его трудовъ. Кромѣ того, матеріалы, имъ собранные, легли въ основу его библиологическаго словаря.

Нездоровье не позволило Строеву предпринять въ 1834 году дальнюю поѣздку, и онъ остался въ Москвѣ, гдѣ занимался разборомъ присланныхъ изъ Перми бумагъ. По окончаніи этого разбора, онъ былъ допущенъ въ архивъ Оружейной палаты, но воспользовавшись общаціемъ акад. Гамеля доставить оттуда все интересное, привелъ въ порядокъ десятый томъ актовъ историко-юридическихъ. Между тѣмъ Бередниковъ, посѣтивъ монастыри Зеленецкій и Александро-Свирскій и городъ Олоонецъ, проѣхалъ въ Петрозаводскъ, а отсюда хотѣлъ пробраться въ знаменитую богатствомъ рукописей Выговскую пустынь, но это ему не удалось ¹⁾. Изъ Петрозаводска Бередниковъ поѣхалъ въ Каргополь; по дорогѣ посѣтилъ монастыри Мурманскій и Челмо-

¹⁾ *Е. Барсова*: Описаніе рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголекенской библіотекѣ, С.-Пб. 1874 г. Изъ историческаго очерка Выговской библіотеки видно, что самыя дорогія рукописи и книги исчезли изъ нея безслѣдно (стр. 17—18).

горскій, гдѣ надѣялся найти грамоту о сснлѣ великихъ княгинь Софіи Витовтовны и Софіи Ѡминишны, но не нашелъ ихъ. Изъ Каргополя черезъ Онегу онъ поѣхалъ въ Соловки. Многіе документы были уже присланы въ Академію Соловецкимъ архимандритомъ Досифеемъ и переданы Строеву. Много еще нашелъ тамъ и Бередниковъ: свои поиски онъ началъ съ библиотеки, въ которой находилось 1,004 рукописи и 2,532 печатныхъ книги, списокъ наиболѣе важныхъ актовъ (преимущественно XVI вѣка) выслалъ Строеву. Въ сентябрѣ 1834 год. археографическая экспедиція покончила свое существованіе.

Для академическаго акта 1834 г. Строевъ прислалъ подробный отчетъ въ своихъ занятіяхъ. Изъ этого отчета видно, что экспедиція успѣла собрать до 3,000 актовъ историко-юридическихъ (1340—1700 гг.), а также большое количество лѣтописей, сказаній, житій, поученій и пр. Затѣмъ Строевъ предложилъ продолжить экспедицію и начать печатать собранное. Въ то же время онъ проводилъ мысль о необходимости учрежденія въ Петербургѣ „государственнаго хранилища“ всѣхъ рукописей.

Дѣло печатанія актовъ не было однако сосредоточено въ рукахъ ихъ собирателя; при министерствѣ народнаго просвѣщенія была учреждена для этой дѣли особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ князя П. А. Ширинскаго-Шихматова. Строевъ былъ назначенъ только однимъ изъ членовъ ея на ряду съ Бередниковымъ, Сербиновичемъ Устряловымъ. Во время своего путешествія Строевъ успѣвалъ переписываться съ различными учеными. Мы уже упоминали о порученіи, которымъ снабдилъ его Френъ. Академикъ Гамель поручилъ ему отыскать въ Архангельскѣ свѣдѣнія объ иностранцахъ, заводившихъ въ Россіи фабрики, Кругъ задавалъ различные вопросы, баронъ Ровенкампфъ переписывался о кормчихъ, гр. Ѡ. А. Толстой о приобрѣтеніи рукописей и пр. Въ 1832 году у Строева завязалась переписка съ Н. Г. Устряловымъ, готовившимъ тогда къ изданію сказанія князя Курбскаго. Строевъ указалъ Устрялову на лучшей списокъ сочиненій Курбскаго, сообщилъ, что и гдѣ найти, и какъ этимъ воспользоваться, и наконецъ прислалъ собственную статью о Курбскомъ. Самъ Устряловъ сознавался, что безъ списка, указаннаго Строевымъ, изданіе было бы немисливо.

Въ первомъ же засѣданіи коммисіи, для изданія собранныхъ актовъ окончательная редакція матеріаловъ и печатаніе ихъ было поручено не Строеву, а Бередникову. Естественно, что при такомъ направленіи дѣла Строевъ не пожелалъ оставаться въ Петербургѣ

и возвратился въ Москву, гдѣ сталъ заниматься въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Вызываемый неоднократно въ комиссію, Строевъ посылалъ туда собранные имъ въ Москвѣ матеріалы, а затѣмъ пріѣхалъ наконецъ и самъ. Вместе съ Бередниковымъ онъ разсматривалъ и приводилъ въ порядокъ акты, собранные во время экспедиціи, которые и были раздѣлены ими на четыре тома. Отъ изданія ихъ Строевъ отказался и подалъ въ отставку, которая и была принята. На мѣсто его былъ назначенъ А. А. Краевскій. У Строева остались еще черновыя выписки, необходимыя для составленія библиологическаго словаря. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній С. С. Уваровъ согласился оставить ихъ въ рукахъ Строева и выхлопоталъ ему ежегодную пенсію въ 2,000 руб.

Въ Москвѣ Строевъ началъ было заниматься составленіемъ библиологическаго словаря, славяно-русской литературы до XIII вѣка, но другія дѣла отвлекли его, а словарь такъ и остался не оконченнымъ. Словарь печатается теперь академикомъ Бычковымъ. Г. Барсуковъ, видѣвшій корректурные листы словаря, сообщаетъ, что онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: статей расположенныхъ въ видѣ словаря, частью обработанныхъ, частью же нѣтъ, и слѣдсі, куда входятъ мелкія статьи, снимки и различныя извѣстія. Водворившись опять въ Москвѣ, Строевъ занялся описаніемъ старопечатныхъ славянскихъ книгъ, принадлежавшихъ И. Н. Царскому, и напечаталъ этотъ трудъ въ 1836 году.

Выйдя изъ комиссіи, Строевъ не прерывалъ однако связей съ нею. Онъ велъ оживленную переписку съ Бередниковымъ, изъ которой ясно видна дѣятельность комиссіи. Въ то же время онъ и непосредственно сносился съ комиссіей, доставлялъ ей матеріалы и дѣлалъ тѣ или другія указанія. По поводу, напримѣръ, юридическихъ актовъ, присланныхъ въ комиссію Царскимъ, Строевъ извѣщалъ, что эти акты маловажны, и предложилъ комиссіи издать его собственную большую коллекцію. Переговоры по этому дѣлу кончились тѣмъ, что у Строева вытребовали эти акты въ качествѣ собранныхъ археографическою экспедиціей и поручили ихъ печатаніе Устрялову и Коркунову. Вообще отношенія между комиссіей и Строевымъ были натянуты, но какъ ни высоко ставилъ себя Бередниковъ, главный въ ней дѣятель, однако и онъ чувствовалъ нужду въ совѣтахъ и указаніяхъ Строева: возникаетъ ли мысль объ изданіи русскихъ лѣтописей,—къ Строеву обращаются съ просьбой доставить свѣдѣнія о всѣхъ извѣстныхъ лѣтописяхъ, поименовать лучшіе списки и указать, гдѣ они хранятся;

понадобились ли списки настоятелей Троицкой лавры, — о доставленіи ихъ просятъ Строева. Тотъ же Строевъ приготовляетъ къ издачію акты Кунгурскіе и Соликамскіе. Наконецъ въ 1837 году археографическая комиссія получила образованіе какъ постоянное учрежденіе, и Строевъ, согласно его желанію, сдѣлавъ былъ корреспондентомъ ея; онъ доставлялъ комиссіи множество актовъ и указаній, на примѣръ, матеріалы для исторіи и статистики сѣвера, акты Никольскаго Корельскаго монастыря, акты XV, XVI, XVII вѣковъ. А сколько указаніями воспользовался Бередниковъ, не упоминая о ихъ источникѣ, то-есть, о томъ же Строевѣ! Между тѣмъ работы самого Строева продолжались безостановочно. Занимаясь составленіемъ списковъ настоятелей и іерарховъ, онъ пересматривалъ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, сенатскій старыхъ дѣлъ и съ сентября 1837 г. до конца февраля 1838 пересмотрѣлъ 17,000 разныхъ дѣлъ. Небрежность, съ которою содержался этотъ архивъ, навела Строева на мысль предложить перенести его въ одну изъ государственныхъ библіотекъ. Онъ предлагалъ свои услуги для этого дѣла, но желаемого разрѣшенія не получилъ. По поводу списка іерарховъ и настоятелей у Строева завязалась переписка съ протоіереемъ І. Григоровичемъ, составлявшимъ каталогъ настоятелей бѣлорусскихъ монастырей. Эта же работа надъ спискомъ іерарховъ и настоятелей заставила Строева отказаться отъ составленія описанія Москвы, что предлагалъ ему тогдашній генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ. Въ то же время князь Ширинскій-Шихматовъ предлагалъ Строеву принять званіе члена комиссіи съ оставленіемъ въ Москвѣ для занятій словаремъ и осмотра Синодальной библіотеки и нѣкоторыхъ архивовъ. Строевъ и самъ желалъ не покидать Москвы и хлопоталъ о сохраненіи за нимъ пенсіи, что и было исполнено: 23-го февраля 1839 года онъ утвержденъ былъ членомъ археографической комиссіи. Въ теченіе 1839 года онъ продолжалъ работать въ архивѣ старыхъ дѣлъ, началъ издавать сочиненіе своего брата С. М. Строева: Описаніе славяно-россійскихъ рукописей, находящихся во Франціи и Германіи ¹⁾, помогалъ Григоровичу въ изданіи актовъ и Бередникову въ изданіи лѣтописей, доставилъ въ комиссію большое собраніе актовъ о Соловецкомъ возмущеніи, которые не были однако напечатаны, сдѣлавъ указаніе на начало образованія регулярныхъ войскъ въ Россіи и пр. Занятія въ Московскихъ архивахъ дали Строеву

¹⁾ Книга вышла въ 1841 году.

мысль устроить особую экспедицію для осмотра ихъ. Мысль эта была принята комиссіей, но дѣло потомъ затянулось, и предложеніе Строева было забыто. Въ 1842 г. подъ руководствомъ Строева началъ свою ученую дѣятельность извѣстный археологъ И. Е. Забѣлинъ, котораго Строевъ „завербовалъ“ трудиться вмѣстѣ съ нимъ. Въ 1843 году былъ прикомандированъ къ Строеву для занятій въ архивахъ Н. В. Калачовъ. Въ то же время состоялась продажа собранія Строевскихъ рукописей числомъ 301 М. П. Погодину. Впослѣдствіи эти рукописи поступили въ Императорскую Публичную бібліотеку.

Павлу Михайловичу принадлежитъ честь отысканія и изданія Выходовъ государей Михаила и Алексѣя. Книги эти, говоритъ Строевъ въ письмѣ къ князю Ширинскому-Шихматову, — раскрываютъ „частную жизнь царей“, приемы, забавы, различные обряды и пр. Строевъ принялся готовить книги къ изданію, которое взялъ на себя Царскій. Къ изданію текста Строевъ хотѣлъ приложить обширное „историческое, археологическое и филологическое вступленіе“; но предисловіе это однако не появилось, ибо С. С. Уваровъ и князь Ширинскій торопили Строева; послѣдній настоялъ однако на необходимости снабдить текстъ обширнымъ толковымъ указателемъ. Указатель этотъ даетъ возможность успѣшно пользоваться самимъ изданіемъ, которое безъ него во многомъ было бы непонятно указателю Строева въ то же время есть толковый словарь для объясненія домашняго быта нашихъ царей. Въ 1844 году Выходы появились въ печати; немногіе тогда отдали справедливость Строеву; Бѣляевъ въ Москвитянинѣ выразилъ удивленіе, что Строевъ не нашелъ ничего болѣе интереснаго для изданія; самъ Погодинъ, гораздо позднѣе (въ 1874 г.) сознался, что въ этомъ указателѣ собранъ матеріалъ для тридцати „новомодныхъ диссертаций“. Одновременно почти съ изданіемъ Выходовъ, Строевъ издалъ записки М. В. Данилова и описаніе бібліотеки Московскаго общества исторіи. Это описаніе и вообще служба бібліотекаремъ общества причинили Строеву множество неудовольствій. Сочлены, сами почти ничего не дѣлавшіе для общества, побуждали его торопиться и упрекали въ бездѣятельности; наконецъ, ссоры съ сочленами заставили его оставить должность бібліотекаря. Описаніе бібліотеки общества исторіи вышло въ 1845 году и составлено было по тому же плану, что и другія описанія Строева. Разобранъ былъ этотъ трудъ В. М. Ундольскимъ. Помимо работъ въ археографической комисіи, Строевъ былъ членомъ

коммисіи для печатанія Древностей государства Россійскаго, но въ дѣлахъ ея не принималъ участія и скоро совѣтъ вышелъ изъ нея. Кромѣ того онъ издалъ дополненіе къ описаніямъ старопечатныхъ книгъ Толстаго и Царскаго, и въ качествѣ адъюнкта II-го отдѣленія Академіи Наукъ, занимался сводомъ русскихъ грамматикъ, для задуманнаго тогда академіей изданія учебника русской грамматики и грамматики философской и исторической.

Для изданій археологической коммисіи Строевъ продолжалъ доставлять много матеріаловъ; особенно замѣчательны сообщенные имъ акты изъ смутнаго времени, извлеченные изъ архива запаснаго дворца, гдѣ онъ работалъ вмѣстѣ съ И. Е. Забѣлинымъ. Эти акты помѣщены въ I-мъ и III-мъ томахъ Дополненій къ актамъ историческимъ. Въ послѣдній разъ въ 1851 году Строевъ переслалъ въ коммисію большое количество случайно попавшихся ему актовъ, которые должны были войти въ V-й и VI-й томы дополненій и въ предложенное коммисіей общее дополненіе. Строевъ настаивалъ, чтобы тамъ же были напечатаны давно имъ присланные акты Соловецкіе.

Первые три тома Березниковскаго изданія Русскихъ лѣтописей побудили Строева указать издателю замѣченныя имъ ошибки. Сперва онъ излагалъ ихъ въ письмахъ, а послѣ выхода IV-го тома лѣтописей прислалъ Березникову цѣлую тетрадь исправленій. Она однако осталась безъ употребленія. Въ 1847 г. Строевъ задумалъ составить указатель и родословныя таблицы къ первымъ IV-мъ томамъ лѣтописей, въ которыхъ должны были окончиться лѣтописи древнія. Въ 1849 году выборка матеріала для указателя была ужь окончена, но оказалось, что вслѣдствіе перенесенія второй Псковской лѣтописи изъ IV-го тома въ V-й и другихъ перемѣнъ въ планѣ печатанія, надо было составлять указатель уже къ шести томамъ. Четырехтомный указатель Строевъ думалъ окончить въ три года, но затѣмъ увидѣлъ, что работа требуетъ больше времени. По этому поводу между нимъ и коммисіей снова возникли недоразумѣнія, затянувшія дѣло, и лишь въ 1861 году коммисія получила отъ Строева указатель, состоявшій изъ однихъ ссылокъ на страницы лѣтописей, и найдя его неудобнымъ для печати въ такомъ видѣ, рѣшилась воспользоваться имъ только какъ матеріаломъ. Новый указатель къ лѣтописямъ, какъ извѣстно составляется академикомъ А. Ѳ. Вычковымъ при содѣйствіи г. Барсукова. Кромѣ работъ надъ указателемъ, Строевъ занимался въ 1848 году изданіемъ описанія рукописей Царскаго. За этотъ трудъ Академія избрала Строева въ экстраординарные академики. Въ журналахъ по-

явились разборы, отдавшіе должную честь автору описанія. Въ томъ же 1848 году зашла въ Археографической комисіи рѣчь объ изданіи писцовыхъ книгъ. Березниковъ и Строевъ выражали свое мнѣніе объ этомъ изданіи, совершенно одинаковое. Строевъ полагалъ, что ихъ надобно издавать „въ видѣ извлеченій или таблицъ“. Въ 1849 — 1851 годахъ Строевъ занимался разборомъ родословныхъ таблицъ Зубрицкаго, переписывался съ академикомъ Куниковъ по поводу бесѣдъ Фотія и приготовлялъ къ печати Тверскую лѣтопись, по рукописи, принадлежавшей Погодину; этотъ послѣдній трудъ его однако остался не изданнымъ, и уже нѣсколько лѣтъ спустя, археографическая комисія выпустила въ свѣтъ изданіе той же лѣтописи, приготовленное А. Θ. Бычковымъ, по словамъ котораго, замѣтки Строева „во многомъ облегчили трудъ изданія“.

Павель Михайловичъ участвовалъ также въ работахъ по словарю русскаго языка, задуманному Академіей Наукъ. Ему поручено было исправить и дополнить букву К. Плана изданія Строевъ не одобрялъ и предсказывалъ, что дѣло кончится ничѣмъ, что, къ сожалѣнію, и оправдалось.

Съ 1851 по 1856 годъ Строевъ составлялъ указатель къ Дворцовымъ разрядамъ; но къ сожалѣнію, трудъ этотъ пропалъ безслѣдно.

Въ 1864 году исполнилось пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности П. М. Строева. Несмотря на престарѣлый возрастъ свой, онъ однако до конца жизни не прерывалъ ученыхъ занятій. Онъ занялся окончательно отдѣлкою давно начатаго труда „Списки іерарховъ“ и по этому случаю входилъ въ сношенія со многими лицами. Не болѣе какъ за полтора мѣсяца до своей кончины, онъ еще получилъ отъ П. П. Яковлева списки настоятелей Сергіевой пустыни. П. М. Строевъ скончался 5-го ноября 1876 года. Ученые труды его, оставшіеся въ рукописи, перешли въ Академію Наукъ и археографическую комисію, и изъ нихъ Списки іерарховъ изданы, подъ редакціей г. Семевского, а матеріалы для исторіи литературы (Библиологической словарь) издаются академикомъ Бычковымъ.

Въ некрологѣ своемъ о П. М. Строевѣ профессоръ К. Н. Вестушевъ-Рюминъ ¹⁾ замѣтилъ по поводу удаленія Строева изъ комисіи, что исторія справедливо оцѣнитъ значеніе Строева и его заслуги. Сочиненіе г. Барсукова оправдываетъ эти слова: оно представляетъ

¹⁾ *Русская Старина* 1876 г. № 2.

намъ дѣятельность Строева со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ изображаетъ въ очень выгодномъ свѣтѣ. Нельзя поэтому не быть благодарнымъ г. Барсукову за его интересную книгу: много въ ней новаго, много такихъ свѣдѣній, которыя совершенно иначе освѣщаютъ уже извѣстное. Конечно, можно сѣтовать, что въ почтенномъ трудѣ его нѣтъ того или другаго, можно находить одно лишнимъ, другое недостаточно подробнымъ, видѣть тѣ или другіе недостатки въ расположеніи матеріала; но во всякомъ случаѣ положительная сторона книги далеко оставляетъ ихъ за собою, и дѣлаетъ этотъ трудъ очень важнымъ вкладомъ въ исторію русской науки.

Н. Моравскъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка. Варшава, 1878.

Новый трудъ профессора Колосова „Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка“ (напечатанный безъ ъ-а) посвященъ разработкѣ еще мало изслѣдованной русской діалектологии. По собственнымъ словамъ автора (стр. II), его „задача заключалась въ томъ, чтобъ опредѣлить звуковой и формальный типъ великорусскаго сравнительно съ бѣло- и малорусскимъ“, а потому онъ специально изслѣдуетъ только великорусское нарѣчіе, а мало- и бѣлорусское, какъ самъ выражается (стр. I), „лишь привлекаетъ къ сравненію съ великорусскимъ“. Такое оправданіе напоминаетъ французскую поговорку: *qui s'excuse, s'accuse*. Судя по заглавію, читатель ожидаетъ характеристики всего народнаго русскаго языка, а вмѣсто того получаетъ характеристику одного великорусскаго нарѣчія сравнительно съ мало- и бѣлорусскимъ. Изъ двухъ великорусскихъ поднарѣчій сѣверное авторъ изучалъ не только по письменнымъ источникамъ, но также изъ устъ народа во время своей ученой командировки въ сѣверо-восточныя губерніи Россіи въ 1875—1876 гг. „Разности этого поднарѣчія“, говоритъ онъ (стр. II), — „сравнительно съ южнымъ опредѣлены мною во всѣхъ случаяхъ; но дальнѣйшаго расчлененія великорусскаго нарѣчія на части—характеристики его говоровъ—я не имѣлъ въ виду“. Въ примѣчаніи къ этимъ послѣднимъ словамъ читаемъ: „Книга эта можетъ однако служить и для характеристики нѣкоторыхъ народ-

ныхъ говоровъ, такъ какъ при каждой звуковой или формальной чертѣ, въ ней отмѣченной, обозначена мѣстность, въ языкѣ населенія которой черта эта употребительна“. Иными словами, авторъ предоставляетъ самимъ читателямъ составить по его книгѣ характеристику нѣкоторыхъ народныхъ говоровъ. Но что собранный имъ матеріалъ для этого недостаточенъ, и что изслѣдованіе народныхъ говоровъ весьма важно, видно изъ слѣдующихъ его словъ на стр. 27: „Только спеціальныя обслѣдованія каждаго говора порознь могутъ до извѣстной степени выяснить причины, вызвавшія различіе въ замѣнахъ ъ“. Указывая, что въ книгѣ г. Колосова нѣтъ характеристики народныхъ говоровъ, мы ни мало не хотимъ обвинять его въ такомъ недостаткѣ: при современномъ состояніи русской діалектологіи такой трудъ мы считаемъ невозможнымъ. И безъ того г. Колосовъ много сдѣлалъ сравнительно со своими предшественниками.

Не распространяясь объ устарѣвшихъ трудахъ Максимовича, Надеждина и П. А. Лавровскаго, упомянемъ объ изслѣдованіяхъ только трехъ предшественниковъ г. Колосова.

Въ V книжкѣ Вѣстника Русскаго Географическаго Общества за 1852 г. была напечатана статья В. И. Даля „О нарѣчіяхъ Русскаго языка“; позже она была перепечатана при его Словарѣ. Авторъ ограничился однимъ только великорусскимъ нарѣчіемъ, или какъ онъ называетъ, языкомъ, который онъ дѣлитъ на семь нарѣчій: московское, восточное или нижнерусское (суздальское, владимірское), западное или смоленское (бѣлорусское), сѣверное или новгородское (верхнерусское), рязанское, сибирское и новорусское. Авторъ опредѣляетъ границы и представляетъ вратую характеристику каждаго изъ этихъ нарѣчій, обращая вниманіе на особенности звуковыя, формальныя и словарныя; но какъ классификація нарѣчій, такъ и ихъ характеристика, неудовлетворительны въ научномъ отношеніи: это—трудъ диллетанта, хотя и знатока великорусскаго нарѣчія. Всего онъ обнимаетъ 40 страницъ (18—54).

Въ 1864 году въ Филологическихъ Запискахъ появилось изслѣдованіе А. А. Потебни „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“, позже (1866 г.) изданное отдѣльно въ книгѣ подъ заглавіемъ „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1-е: о полногласіи)“, гдѣ занимаетъ стр. 53—156. Авторъ раздѣляетъ русскій языкъ на два нарѣчія, великорусское и малорусское, подраздѣляя первое на два поднарѣчія, южное и сѣверное, или акающее и окающее, и считая бѣлорусское говоромъ (западнымъ) перваго изъ нихъ. Съ та-

кимъ дѣленіемъ русскаго языка на нарѣчія не согласенъ г. Колосовъ: онъ признаетъ бѣлорусское такимъ же самостоятельнымъ нарѣчіемъ русскаго языка, какъ великорусское и малорусское. По его словамъ (стр. 262—263), „сходясь одними звуковыми чертами съ южно-великорусскимъ, бѣлорусское другими разнится отъ него и сходится съ сѣвернымъ; третьи—разнятся отъ всего великорусскаго и сходится съ малорусскимъ, и наконецъ, имѣетъ самостоятельныя, ему исключительно свойственныя звуковыя черты, которыя отличаютъ его какъ отъ великорусскаго, такъ и отъ малорусскаго. То же слѣдуетъ сказать и о бѣлорусскихъ формахъ“. Такимъ образомъ оказывается несостоятельнымъ дѣленіе русскаго языка на нарѣчія, предложенное г. Потебней и его предшественниками И. И. Срезневскимъ и П. А. Лавровскимъ.

Малорусское нарѣчіе обслѣдовано г. Потебней обстоятельнѣе, чѣмъ великорусское: на первое приходится 65 страницъ (92 — 156), а на второе только 39 (53—91), то-есть, столько же, сколько у Даля; но между трудами того и другаго есть большая разница. Г. Потебня—специалистъ съ надлежащею подготовкой: онъ относится критически къ своимъ источникамъ, распредѣляетъ данныя языка по научной системѣ, объясняетъ ихъ и иногда указываетъ на причины и время ихъ появленія, сравнивая данныя современнаго языка съ данными древняго языка и славянскихъ нарѣчій.

Дополненіемъ къ сказанному въ этомъ изслѣдованіи о малорусскомъ нарѣчій служатъ „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій“ (134 стр.) того же автора, напечатанныя въ Филологическихъ Запискахъ за 1870 г. и перепечатанныя отдѣльно въ слѣдующемъ году.

Позже (въ 1876 году) о малорусскомъ нарѣчій появилось обширное изслѣдованіе г. Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчій“ (376 стр.). Авторъ, какъ самъ говоритъ (стр. 37), „задался цѣлю содѣйствовать успѣхамъ исторіи русскаго языка разъясненіемъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчій на основаніи живыхъ современныхъ говоровъ его, а также памятниковъ русской письменности съ XI в. до XVII включительно“. Если не всегда можно согласиться съ выводами и объясненіями автора, то все-таки должно признать трудъ его весьма почтеннымъ не только по объему, но и по содержанію: авторъ старался опредѣлить время и указать причины появленія особенностей малорусскаго нарѣчій и уяснить отношенія его къ великорусскому и бѣлорусскому, а иногда и къ другимъ славянскимъ нарѣчіймъ.

И такъ, оказывается, что малорусское нарѣчіе болѣе обследовано, чѣмъ великорусское, которое составляетъ „спеціальнѣйшій предметъ“ труда г. Колосова: на 40 стр. у Даля и на 39 стр. у г. Потебни мы имѣемъ книгу варшавскаго профессора въ 276 стр., считая 10 стр. предисловія. Но не только объемомъ, а также содержаніемъ трудъ его отличается отъ трудовъ его предшественниковъ. Если обратимъ вниманіе на источники, которыми они пользовались, то увидимъ, что одинъ только Даль изучалъ языкъ изъ устъ самаго народа, а гг. Потебня и Житецкій писали свои изслѣдованія по печатнымъ матеріаламъ. Не говоря ужъ о томъ, что въ распоряженіи г. Колосова было несравненно большее количество источниковъ послѣдняго рода, мы должны замѣтить, что онъ пользовался еще рукописами архива Географическаго общества, и что всего важнѣе, сѣверное великорусское поднарѣчіе изучалъ на мѣстѣ во время своей командировки. Еслибъ онъ ограничился только систематическимъ изложеніемъ личныхъ своихъ наблюденій, то и тогда трудъ его имѣлъ бы важное значеніе для науки, но въ немъ мы находимъ гораздо болѣе: не смотря на богатство матеріаловъ, изданныхъ и неизданныхъ, авторъ не хотѣлъ, или какъ выражается, „не могъ ограничиться подборомъ фактовъ и сообщеніемъ ихъ въ системѣ. О каждой особенноти народнаго языка“, говоритъ онъ,—„я долженъ былъ высказаться, объясняя ея отношеніе къ другимъ его чертамъ и указывая на связь явленій современнаго русскаго языка съ соотвѣтствующими имъ въ древнерусскомъ“. Онъ старался также выяснитъ причины, вызвавшія тѣ или другія особенноти народнаго языка, и опредѣлитъ время появленія этихъ особенностей. Такимъ образомъ, въ его трудѣ мы имѣемъ не только систематическій „обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка“, но и ихъ исторію. На сколько удачно онъ выполнилъ эту задачу, будетъ, хотя отчасти, видно изъ предлагаемаго разбора его книги.

Какъ видно изъ самаго заглавія, она раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой говорится о звуковыхъ, а во второй—о формальныхъ особенностяхъ народнаго русскаго языка. Эти двѣ части труда г. Колосова несоразмѣрны: въ первой 203 страницы, а во второй только около 50 (стр. 204—252). Но не только несоразмѣрностью онѣ различаются: какъ увидимъ ниже, первая половина (а не часть) обработана гораздо старательнѣе, чѣмъ вторая.

Переходя къ разбору труда г. Колосова, мы остановимся прежде всего на источникахъ, перечисленныхъ имъ на стр. IV—V. На стр.

VI читаемъ: „Не всё, конечно, перечисленные здѣсь источники имѣютъ одинаковую цѣнность. Важнѣе другихъ №№ 1, 5, 8—9, 16—18, 20—24“. Между этими болѣе важными источниками находимъ подъ № 23 сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ Шейна. Объ этомъ сборникѣ читаемъ на стр. 151 слѣдующее замѣчаніе автора: „Сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ Шейна представляетъ нѣкоторыя колебанія въ передачѣ такого характера бѣлорусскаго *р*: въ немъ иногда для одной и той же мѣстности встрѣчается и твердое, и мягкое *р*: бряли (брели) 76, господарь 81, но—пирад *і*в., гради *і*в. 82. Сомнительно, чтобы такія звуковыя противорѣчія существовали въ дѣйствительности“. Если жь это источникъ сомнительный, то онъ не можетъ быть причисленъ къ болѣе важнымъ, или что то же, достовернымъ. Мы относимся съ недоувѣріемъ не только къ упомянутому сборнику Шейна, но и къ другимъ наиболѣе важнымъ источникамъ г. Колосова и даже причисляемъ къ нимъ изданія Академіи Наукъ (Областной словарь съ дополненіями; Памятники и образцы народнаго языка и словесности) и рукописи Географическаго общества. Неудовлетворительность Областнаго словаря была уже замѣчена Далемъ; что же касается остальныхъ матеріаловъ Академіи и Географическаго общества, какъ изданныхъ, такъ и не изданныхъ, то всѣмъ извѣстно, что они доставлены болѣею частію лицами, вовсе не приготовленными къ записыванію народной рѣчи, а потому лингвистъ долженъ пользоваться ими съ осторожностью. Еще съ болѣшимъ недоувѣріемъ мы относимся къ изданіямъ частныхъ лицъ, между которыми много дилетантовъ и едва ли найдется два три специалиста, заслуживающихъ полное довѣріе.

Неудовлетворительность нѣкоторыхъ источниковъ вводила иногда г. Колосова въ заблужденія и не разъ была причиною недоразумѣній и недоумѣній. Такъ, на стр. 4 онъ приводитъ изъ пѣсенъ слѣдующіе примѣры замѣнъ конечнаго *ъ* широкимъ *ы*:

Ай зговоритъ стольный князь да Владиміры.

Да не знамы тебѣ ни имени, ни вотчины.

Два брата и Борисы да и Глѣбы.

Первые два примѣра вьаты изъ Онежскихъ былинъ Гильфердинга, а послѣдній изъ сборника Безсонова: „Калѣви перехожіе“. „Послѣдній примѣръ въ источникѣ, откуда онъ заимствованъ“, говоритъ г. Колосовъ, — „напечатанъ такъ: Два братаи... Очевидно, издатель (г. Безсоновъ) допустилъ возможность небывалаго слова братаи. Я не сомнѣваюсь, что нужно читать: Два брата и. Въ этомъ и я вижу

вставку, вызванную условіями стиха. Какъ на фактъ народной метрики, а не народной фонетики, смотрю и на *ы* приведенныхъ выше примѣровъ". Какъ бы то ни было, г. Колосовъ принимаетъ, что *ы* въ этихъ примѣрахъ стоитъ на мѣстѣ *э*; мы же полагаемъ, что записыватели этихъ стиховъ слышали въ народѣ протяженіе конечнаго *э*, глухое произношеніе котораго походило на *ы*, и только по недоразумѣнію написали *ы* вмѣсто *э*, какъ бы слѣдовало: Владиміръ, знамъ, Борисъ, Глѣбъ. Вѣдь, самъ г. Колосовъ не только не отрицаетъ „возможности произнесенія глухаго языкомъ и по сѣ пору въ нѣкоторыхъ говорахъ“ (стр. 7), но даже самъ „дважды, въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ окающаго нарѣчія, слышалъ глухой звукъ, близкій къ *е* въ одномъ словѣ, къ *и*—въ другомъ“. Мало того, о формѣ сарцо онъ самъ замѣчаетъ: „Быть можетъ, записавшій сарцо неточно передалъ слышанные имъ звуки, а лишь приблизительно. Быть можетъ, между *с* и *р* въ этомъ словѣ вѣрнѣе бы поставить глухой звукъ“. Мы не сомнѣваемся, что записавшій это слово слышалъ въ народѣ глухой звукъ, близкій къ *а*, а въ такомъ случаѣ слѣдуетъ допустить, что глухой въ народномъ русскомъ языкѣ произносится, смотря по мѣстностямъ, близко то къ *а*, то къ *е*, то къ *и*. Нѣтъ никакого основанія отрицать возможности и четвертаго случая—произнесенія глухаго близко къ *ы*. Такой выговоръ глухаго существуетъ, на примѣръ, у Сербовъ, тогда какъ ихъ сосѣди Хорваты произносятъ этотъ звукъ близко къ *е* и *и*.

Въ примѣчаніи на стр. 5 читаемъ: „Безъ отношенія къ звуковому строю живой народной рѣчи стоитъ и удвоеніе гласныхъ въ случаяхъ подобныхъ слѣдующему:

Тутъ пріѣхали *коо* граду ко Кіеву.
Стоитъ церковъ *сааборная*,
Сааборная, богомольная.

Опять неумѣлость записывателей ввела въ заблужденіе г. Колосова. Мы не сомнѣваемся, что въ народѣ слышалась долгота, которую они передали удвоеніемъ гласныхъ, какъ это дѣлали въ старину сербскіе и польскіе писцы. Удвоеніе гласныхъ въ подобныхъ случаяхъ ничѣмъ не объяснимо, а что долготу можно принять за удвоеніе, въ этомъ мы убѣдились на опытѣ, наблюдая говоръ Молизскихъ Славянъ въ южной Италіи. Въ поговоркѣ: Како Мара прѣда, нако грѣда,—долгіе *а* и *е* въ произношеніи равнялись двойнымъ гласнымъ, и нужно

было нѣсколько разъ прослушать, чтобъ убѣдиться, что въ данномъ случаѣ долгота, а не удвоеніе.

На стр. 59 говорится: „Непонятны слѣдующіе случаи, въ которыхъ измѣнилось на *a* ударяемое *o*“. Затѣмъ слѣдуютъ примѣры изъ Сборника духовныхъ стиховъ Варенцова, изъ Областного словаря, изъ сборника сказокъ Аванасьева, изъ Онежскихъ былинъ Гильфердинга и изъ Памятниковъ народнаго языка и словесности, изданныхъ II-мъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ; а въ заключеніе авторъ говоритъ (стр. 60): „Смѣна на *a* ударяемаго *o*—явленіе на столько же необычное и для южнаго нарѣчія, какъ и для сѣвернаго. Она не только не стоитъ въ связи съ особенностями русской фонетики, но прямо противорѣчитъ имъ“. Это противорѣчіе русской фонетики, какъ намъ кажется, указываетъ на неудовлетворительность источниковъ: и въ самомъ дѣлѣ, большая часть примѣровъ, приводимыхъ г. Колосовымъ, заимствована изъ источниковъ, которые онъ самъ признаетъ менѣе важными, то-есть, менѣе достовѣрными, а это должно было бы заставить его менѣе довѣрять и такимъ, которые онъ счѣтаетъ болѣе важными.

На стр. 122 читасмъ: „Въ мотъ (=моеть) и сердитуть (=сердитуетъ) едва ли можно видѣть уподобленіе и стяженіе звуковъ: мало вѣроятно, чтобъ *e* уподобилось *o*, и еще менѣе вѣроятно уподобленіе *e*—*u*. Не представляютъ ли эти случаи выпаденія *e*?“ Примѣры взяты изъ рукописей Географическаго общества, въ которыхъ, какъ мы уже замѣтили, слѣдуетъ относиться критически.

На стр. 133 г. Колосовъ говоритъ: „Не знаю, какъ понимать форму следкихъ вмѣсто сладкихъ. Предполагаетъ неорганическое умягченіе *л* (сладкихъ)?“ Примѣръ взятъ изъ Сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ Шейна, а что тексты г. Шейна не заслуживаютъ полнаго довѣрія, видно изъ отзыва о нихъ самого автора на стр. 151 въ примѣчаніи. На непослѣдовательность г. Шейна въ передачѣ звуковъ народнаго языка указывается также въ примѣчаніи на стр. 148.

Приведа (на стр. 221) изъ рукописей Географическаго общества формы: на водамъ (=на водѣ), въ избахъ, головахъ, рукахъ (=головы, руки), г. Колосовъ замѣчаетъ: „За исключеніемъ означенной мѣстности, нигдѣ въ русскомъ языкѣ эти странныя формы не повторяются“. Сомнительно, чтобъ онѣ гдѣ-либо существовали, кромѣ указаннаго источника.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, видно, что г. Колосовъ, стремясь къ пол-

нотѣ данныхъ, иногда неосторожно пользовался такими источниками, къ которымъ слѣдовало бы относиться съ недоувѣріемъ: отсюда у него недоумѣнія и недоразумѣнія.

Если этотъ недостатокъ въ трудѣ г. Колосова происходитъ отъ неудовлетворительности нѣкоторыхъ источниковъ, то въ другомъ недостаткѣ виноватъ онъ самъ: сравнительно-историческій методъ, которому онъ слѣдуетъ, не выдержанъ: а) сравненія со славянскими нарѣчіями случайны, и б) положенія и объясненія иногда не согласны съ исторіей языка.

Подобно своимъ предшественникамъ, гг. Потєбнѣ и Житецкому, г. Колосовъ указываетъ иногда на сходство или тожество явленій въ русскомъ языкѣ и родственныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Къ сожалѣнію, сравненія съ ними нашего народнаго языка случайны и неполны. Случайность сравненій видна лучше всего изъ того, что на первыхъ 138 страницахъ онѣ довольно часты, на слѣдующихъ 65 страницахъ (138—203) рѣдки, а на послѣднихъ 48 (204—252) почти вовсе не встрѣчаются. Не въ укоръ г. Колосову, а ради пополненія такого пробѣла въ его диссертации, приведемъ рядъ опущенныхъ у него сравненій народнаго русскаго языка съ славянскими нарѣчіями.

На стр. 6 читаемъ: „Гдѣ употребляется членъ *тъ*, тамъ передъ нимъ на мѣстѣ древнихъ глухихъ въ темѣ словъ является соотвѣтствующая имъ замѣна, чистый гласный звукъ“. То же самое явленіе замѣчаемъ въ болгарскомъ нарѣчіи по всѣмъ тремъ его говорамъ: въ сѣверо-восточномъ или собственно болгарскомъ—*сонъ*—*сънь*—*тъ*, *вкуютъ*, на *царятъ*,—въ семиградскомъ (вымершемъ): *члякотъ* (человѣкъ), въ юго-западномъ или македонскомъ: *йозикотъ* (языкъ) т. п. При этомъ замѣчательна въ македонскомъ говорѣ градація членовъ: *тъ*, *та*, *то*—для отдаленныхъ предметовъ; *нъ*, *на*, но—для отсутствующихъ и *съ*, *ва*, *во*—для близъ находящихся.

Говоря о глухихъ звукахъ, авторъ съ недоувѣріемъ относится къ показаніямъ гг. Головацкаго, Вагилевича и И. И. Срезневскаго, по словамъ которыхъ они существуютъ въ карпатскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія (примѣч. на стр. 7—8). Не мѣшало бы при этомъ вспомнить, что они сохранились въ большей или меньшей степени въ болгарскомъ, сербско-хорватскомъ, словенскомъ, чешскомъ и словацкомъ, и что въ лужицкихъ нарѣчіяхъ они имѣютъ ту же замѣну, какъ и въ русскомъ (*о*, *е*), а въ польскомъ *ѳ* переходитъ въ *е*.

Остатки ринезма указаны только въ сербско-хорватскомъ нарѣчіи (примѣч. на стр. 13—14). Ринезмъ существуетъ въ македонскомъ

говорѣ болгарскаго (мъндръ, бѣдешъ, зѣмби, гѣмби, рендове, йензико, гренда, пендесе) и въ каринтійско-забѣльскомъ говорѣ словенскаго нарѣчія (чока тока, іміе, вргѣѣ), и еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія носовые правильно употреблялись въ семиградскомъ говорѣ болгарскаго нарѣчія (мѣка, мѣжъ, скѣпъ, вдѣтъ, сѣтъ, — мѣсацъ, мѣсо, свѣтъ, пѣтъ, чѣсто, мѣ, мѣти, видѣтъ). На форму творит. п. ед. ч. сущ. и прилаг. жен. р. на *ит* въ опавско-островицкомъ говорѣ моравскаго нарѣчія (tum dluchum cestum = tou dlouhou cestou, *ит* = *оѣ*) слѣдуетъ также смотрѣть, какъ на остатокъ ринезма. Наконецъ, извѣстно разнообразіе носовыхъ въ говорахъ польскаго нарѣчія.

Смѣну *о* на *а* г. Колосовъ считаетъ такою особенностію южно-великорусскаго, которая рѣзко отличаетъ его не только отъ остальныхъ частей русскаго языка, но и отъ всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій (стр. 54); а въ примѣчаніи приводитъ сообщеніе, сдѣланное ему письменно профессоромъ Бодуэномъ-де-Куртене о сходномъ явленіи въ нѣкоторыхъ словенскихъ говорахъ. Печатавъ это сообщеніе, профессоръ Колосовъ, конечно, думалъ, что передаетъ важную научную новость, а между тѣмъ еще въ 1841 году профессоръ И. И. Срезневскій говорилъ то же самое, что теперь слышимъ изъ устъ почтеннаго казанскаго профессора: въ замѣчательной характеристикѣ словенскаго нарѣчія и его говоровъ, напечатанной въ XXXI части Журн. Мин. Нар. Просв., подъ заглавіемъ „О хорутанскихъ Словенцахъ“, г. Срезневскій говоритъ, что въ самомъ большемъ и наиболѣе важномъ нижне-краинскомъ говорѣ (по рѣкѣ Гурѣ къ Савѣ въ Крайнѣ и по р. Сани въ Штириі) краткое *о* выговаривается, какъ *а* (gavariti). Черезъ четыре года, въ другомъ своемъ трудѣ, не утратившемъ научнаго значенія понынѣ (О сродствѣ звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ, тамъ же, ч. XLVIII, 1845 г.), нашъ заслуженный славистъ отказался отъ прежняго своего мнѣнія и утверждалъ, что въ нижне-краинскомъ говорѣ даже долгое *о* переходитъ въ *а* (паніжън, аче, бажи). Это второе мнѣніе, какъ намъ вѣжется, не противорѣчитъ первому, а только дополняетъ его, то есть, краткое *о* всегда выговаривается какъ *а*, а долгое иногда. Если же вѣрно, что въ словенскомъ нарѣчіи удареніе и долгота смѣшались и всѣ слоги безъ ударенія кратки, то будемъ имѣть въ нижне-краинскомъ говорѣ явленіе тождественное съ замѣчаемымъ въ южно-великорусскомъ, а слѣдовательно, вышеприведенное положеніе г. Колосова оказывается ошибочнымъ.

Смѣны *а* на *о* (стр. 62 и слѣд.) не приведено ни одного при-
часть сс, отд. 2.

мѣра изъ славянскихъ нарѣчій. Она существуетъ въ македонскомъ говорѣ болгарскаго (сно'о=снаха, зноеть=звиемъ, незнойна делия, доде, 'азно=казна), и какъ увѣряетъ Гильфердингъ, въ кашубскомъ польскаго нарѣчія (pop в. ran), что, впрочемъ, отрицаетъ Стремлеръ; встрѣчается также и въ литературномъ польскомъ языкѣ изъ стари: *blōgi*, *blōgosć*, *blōgoslawić* и т. п.

На стр. 72 читаемъ: „Измѣненіе *e* въ *ě* послѣ согласныхъ свойственно всему русскому языку; оно роднитъ его съ польскимъ и отличаетъ отъ всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій“. Противорѣчіе этому находимъ въ примѣчаніи въ вышеприведеннымъ словамъ, гдѣ указаны примѣры измѣненія *e* въ *ě* въ болгарскомъ, моравскомъ и словенскомъ нарѣчіяхъ. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще сербо-лужицкое.

На стр. 84—86 говорится о мѣнѣ *y* и *e* и не приводится ни одного примѣра изъ славянскихъ нарѣчій, хотя такая мѣна весьма обычна въ сербско-хорватскомъ (*узети*, *уторы*, *узуе*, *праунук*, — *вътиша*=*оутиша*, *въдарити*) и словенскомъ (*zverlo*=*жоупель*, *brplo*=*брьльно*) нарѣчіи.

Смѣны *e* на *и* (стр. 108 и слѣд.) также не приведено ни одного примѣра изъ славянскихъ нарѣчій. Она весьма обычна въ болгарскомъ (*дѣбѣль*, *мѣжи*, *смѣа*, *да сачуи*), а по словамъ И. И. Срезневскаго (О сродствѣ звуковъ въ славянск. нарѣч.), встрѣчается во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

О сокращеніи *и* въ *j* (стр. 121) въ славянскихъ нарѣчіяхъ также не упоминается, хотя общеизвѣстно, какъ оно распространено въ чешскомъ (*jměno*, ст.-чеш. *jmě*=*яма*) изъ стари, и встрѣчается въ словацкомъ (*pajme*=*a* именно).

Опущенія гласныхъ (стр. 124 и слѣд.) также не приведено ни одного примѣра въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Оно весьма употребительно въ сѣверо-восточномъ говорѣ болгарскаго, въ которомъ опускаются *a*, *и*, *o*: *стриа*=*страна*, *прича*=*прилича*, *готвишь*=*готовишь*.

Въ главѣ о согласныхъ (стр. 139—203) приведены примѣры, и то случайные, только смягченія и мѣны согласныхъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ, а въ концѣ ея авторъ ограничивается замѣчаніемъ (стр. 203, примѣч.): „О различнаго рода измѣненіяхъ согласныхъ, подобнымъ отмѣченнымъ въ этой (IV-й) главѣ, въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ—см. упомянутыя не разъ уже статьи Иречка, Костмиха, Петровскаго и книгу Шемберъ“. Спрашивается, отчего же авторъ въ этой

главѣ не потрудился самъ подобрать примѣровъ, какъ сдѣлалъ то въ главѣ о гласныхъ, а заставляетъ читателей обращаться за справками къ указаннымъ имъ статьямъ, немногимъ доступнымъ по языку, на которомъ писаны, или по мѣсту ихъ напечатанія (въ журналахъ)? Если жь онъ хотѣлъ освободить себя отъ такого труда, то по крайности слѣдовало обстоятельнѣе указать на изслѣдованія по части славянской діалектологіи: онъ указываетъ или на слишкомъ спеціальныя статьи по чешской діалектологіи (о говорахъ), или же на труды, не выдерживающіе строгой критики (Шемберы, г. Петровскаго). Отчего не указаны болѣе почтенные труды гг. Срезневскаго, Миклошича, Гатталы, Гильфердинга, Микуцкаго, Водуэна-де-Куртена, Новикова, Даничича, Малиновскаго, Цейновы, Смолера и нѣкоторыхъ другихъ? Очевидно, что эти указанія столь же случайны, какъ и сравненія съ славянскими нарѣчіями въ первыхъ главахъ.

Посмотримъ, что же счелъ нужнымъ авторъ сообщить изъ славянской діалектологіи въ этой главѣ.

На стр. 141, говоря о смягченіи гортанныхъ, онъ указываетъ на *кя* въ болгарскомъ нарѣчіи на основаніи статьи г. Петровскаго, который приводитъ одинъ только примѣръ майкя изъ сборника пѣсенъ Миладиновыхъ, не заслуживающаго довѣрія со стороны лингвистовъ. Признаемъ, что такой выговоръ *к* въ словѣ майкя дѣйствительно встрѣчается въ сѣверо-восточномъ говорѣ болгарскаго нарѣчія, какъ видно изъ пѣсенъ, хорошо записанныхъ М. С. Дриновымъ; но въ первыхъ, такой выговоръ въ другихъ говорахъ не встрѣчается, а въ вторыхъ, и въ этомъ говорѣ мы не знаемъ другаго примѣра, кромѣ вышеприведеннаго слова. Если авторъ счелъ нужнымъ привести примѣръ непосредственнаго смягченія гортанныхъ, то ему слѣдовало бы обратиться не къ болгарскому нарѣчію, а къ польскому: въ говорѣ Дрезвянъ такое смягченіе было весьма обычно (кјоло, кјоняизъ, гјонумбъ, гјумно); оно употребляется доселѣ въ Восточной Пруссіи (кярца, скарца, глардзонъ). Не понятнo, почему авторъ въ сравненіи своемъ русскаго языка съ славянскими нарѣчіями ограничился однимъ только примѣромъ непосредственнаго смягченія гортанныхъ, а на смягченіе другихъ согласныхъ не обратилъ вниманія; а между тѣмъ тутъ было обширное поле для сравненій: великорусское *жд* невольно напоминало старо-славянское, а бѣлорусское и малорусское *дж*—ново-болгарское и сербо-хорватское; русское *ж* находится въ моравскомъ и отчасти въ чешскомъ и словенскомъ и т. д. и т. д.

Примѣровъ умягченія согласныхъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ не приведено ни одного. Укажемъ на сѣверо-восточный говоръ болгарскаго, гдѣ встрѣчаемъ: дошла, излязъ, излязла, трыва и т. п.

Примѣры мѣны согласныхъ сходной въ русскомъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ неполны: указаны $й = м$ въ чешскомъ и болгарскомъ (стр. 167), $\phi = хв$ въ сербскомъ (171), $\delta = р$ въ чешскомъ (175), $х = с$ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (179). Изъ многого не указанного приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ болгарскомъ нарѣчій, по говорамъ, встрѣчаемъ слѣдующую мѣну согласныхъ: въ сѣверовосточномъ $м = в$ (тезна мъгла), въ македонскомъ $в = м$, $х = в$, $хв = \phi$ (рамни дворе, руоо, койдеъъ, стоеъъ, вляаше = ахаше, фатило), въ семиградскомъ $х = \phi$ (befme, teaf = тѣхъ). Въ сербскомъ съ XIV вѣка $н$ мѣняется съ $м$, $л$, $д$ (меронхъ и меронхъ, мезимацъ, млози, Млетки = Внетки, код = конь, juxta). Въ чешскомъ замѣчаемъ мѣну $б$ и $в$, $ћ$ и $с$ (счела, лежи = lehku, по домажлице. гов.) и т. д., и т. д.

Опущенія согласныхъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ также не приведено ни одного примѣра. Оно весьма распространено въ болгарскомъ: въ сѣверовосточномъ говорѣ опускается $в$ (по 'се село, 'сете момци, за зиманье, семи, сичци), въ македонскомъ $в$, $д$, $к$, $х$ (земали, слѣкое, облекое, ситѣ; — по'еме = пойдеме; — 'азно казна; — сно'о = сноза, 'оро = хоро, о'дее = хадее, помина (х), видо (х)). Оно встрѣчается и въ чешскомъ; tselit = stelit, tĭbro = stĭbro.

Можно было бы привести много случаевъ сходнаго въ славянскихъ нарѣчіяхъ съ русскимъ измѣненія согласныхъ, но считаемъ это неумѣстнымъ.

Во второй части труда г. Колосова (о формахъ), состоящей всего изъ 48 страницъ, только на стр. 221 мелькомъ упомянуто о сербской формѣ твор. ед. жен. на $ом$ и въ примѣчаніи въ стр. 204 сказано: „Существующіе славянскіе языки хотя и владѣютъ всѣми тремя родами, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно уже отмѣтить факты, какъ бы указывающіе на начало паденія категоріи рода. Такъ, словенскій языкъ обнаруживаетъ мѣстами наклонность переводить имена среднего рода въ мужескій: dober vin, zip je lep, globoki jezer“. Примѣры взяты изъ Сравнительной грамматики Миллошича, но дурно понаты: въ нихъ мы видимъ не переводъ именъ среднего рода въ мужескій, а глухой выговоръ окончаній (извѣстно, что въ словенскомъ нарѣчій каждая не ударяемая гласная произносится глухо: žrbē = жребѣ, pŕiel = пришель, človk), а потому мы написали бы

кириллицею приведенные примѣры такъ: добръ винь, зрнь келепъ, глобокъ кезерь. Такое глухое произношеніе окончаній мы слышали собственными нашими ушами у Молискихъ Славлянъ: ябуць, земля, небъ, менъ, тебъ, земля травъ пунъ, хомъ домъ (нойдемъ домоѣ) и т. д.

Еслибы г. Колосовъ болѣе старательно обработалъ эту часть своего труда, которой самъ придаетъ особое значеніе, какъ видно изъ предисловія („систематическаго обзора формъ народнаго языка до сихъ поръ у насъ не появлялось“), то конечно, не ограничился бы двумя примѣрами, случайно выхваченными изъ славянской діалектологіи, а провелъ бы сравненіе формъ народнаго русскаго языка съ формами славянскихъ нарѣчій послѣдовательно. Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ этимъ заняться. Ограничиваемся общимъ замѣчаніемъ, что во второй части своего труда г. Колосовъ покидаетъ сравнительно-историческій методъ и ограничивается обзоромъ формъ: кромѣ двухъ вышеуказанныхъ случаевъ, сравненій съ славянскими нарѣчіями нѣтъ, и въ исторіи русскаго языка авторъ обращается рѣдко. Замѣчательно также, что въ этой части мы встрѣчаемся на каждой страницѣ съ аркаизмами, которыхъ не допускаетъ авторъ въ первой части. Причина понятна: во первыхъ, авторъ подъ конецъ, очевидно, спѣшилъ, а во вторыхъ, формальныя особенности языка не такъ легко поддаются произвольнымъ толкованіямъ, какъ звуковыя. Вотъ почему также во второй части нѣтъ того увлеченія своимъ ученіемъ, которое замѣчается въ первой, гдѣ не всегда положенія и объясненія автора согласны съ исторіей языка и славянской діалектологіей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такого увлеченія.

Подобно И. И. Срезневскому, г. Колосовъ отрицаетъ существованіе носовыхъ въ русскомъ языкѣ даже въ доисторическое время (стр. 12), при чемъ ссылается на свой „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка“, гдѣ будто бы такое положеніе имъ доказано; но къ сожалѣнію, вмѣсто доказательствъ, мы нашли только предположенія и соображенія. Принимая за доказанное, что „цѣльный нѣвогда обще-славянскій языкъ раздѣлился на двѣ вѣтви: западную и южную“, и что „русскій языкъ впоследствии развился изъ послѣдней“ (стр. 30), не имѣющей ринезма, авторъ заключаетъ, что носовые не существовали въ нашемъ языкѣ даже въ доисторическое время. Такое умозаключеніе невѣрно. Можно доказать, что ринезмъ нѣвогда употреблялся въ юго-славянскихъ нарѣчіяхъ, и что кое-гдѣ онъ удѣлялъ въ нихъ до-

нынѣ. Въ болгарскомъ нарѣчїи до XI вѣкѣ ѿ правильно отличался отъ ѿ: у Константина Порфиророднаго въ сочиненїи De administrando imperio (949—952) упоминаются племена Ρογγίνοι (=Рождане, отъ рѣд. Ρήγιος въ заливѣ Рендина) и Μιλήγγοι (=Миленцы); у Теофана подъ 754 годомъ встрѣчается Τοόντζα = Тѣшта (Тодѣтѣца у Кедрина); у Анны Комниной 1081 г. Σφετζάνιον = звѣчаишь (у Халкокондилы Σφετζάνιον) и т. п.; смѣшеніе носовыхъ и ихъ замѣна чистыми и глухими относятся къ XI—XII вв. Слѣды употребленія носовыхъ въ сербо-хорватскомъ нарѣчїи встрѣчаются въ грамотахъ и лѣтописяхъ IX—XII в.: Сarento = Хорятъ 887 г.; Τζέντζα, Τζέντζα у Конст. Порф. 949—952 = Цѣтина = Centena въ латинскихъ грамотахъ 1045—1089; Μουνсіμηρος Serviae princeps 875—889, у Конст. Порф., = Мунсимир, Croatiae dux 892, = 2 Montemerus, dux Sclaviniae 873—875 = Мѣтимиръ; Νέστογγος = Нестѣгъ 1057 у Кедрина; Λογγομήρος = Лѣгомиръ 1154 у Киннама; замѣна же носовыхъ чистыми встрѣчается уже съ конца IX вѣка (Tugina 892, Τούγα = Тѣга 949 у К. П.), а въ XI в. уже обычна: Luca (жупа) = Лѣка 1059, Dubrave 1078, Tuqumir 1102 и т. д.—Въ словенскомъ нарѣчїи носовые попадаютъ въ X—XIII вв.: Lonsnitz = Лѣжница, рѣка, въ грам. 970 и 1045 г., Zwaentzo XIII в.; въ Фрейзингенской рукописи, относимой Шафариковъ, къ концу X вѣка: smet = сѣтъ, rogonzo = порѣчъ, mogonska = могѣшта и т. п. Такимъ образомъ очевидно, что носовые существовали въ югославянскихъ нарѣчїяхъ до XI—XII вѣковъ. Они существуютъ до сихъ поръ въ македонскомъ говорѣ болгарскаго и забѣльско-варинтійскомъ словенскаго нарѣчїя, какъ было выше сказано; слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній полагать, что ихъ не могло быть въ рускомъ, яко бы выдѣлившимся изъ вѣтви югославянской. Мы можемъ только одно съ достовѣрностью сказать, что въ юго-славянскихъ нарѣчїяхъ носовые пропали раньше, чѣмъ въ западныхъ. Такъ, въ чешскомъ слѣды ихъ употребленія встрѣчаются до половины XIII вѣка, какъ это мы старались показать въ нашихъ Читенїяхъ о старочешской письменности (Филологич. Записки 1877—1878 г.). Разнообразіе выговора носовыхъ въ польскомъ, по говорамъ, общеизвѣстно. По этому нельзя сомнѣваться, что носовые существовали во всѣхъ славянскихъ нарѣчїяхъ въ исторически извѣстное время; слѣдовательно, они должны были существовать и въ рускомъ; а что они дѣйствительно существовали въ IX—X вв., видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ числѣ славянскихъ племенъ, подчиненныхъ Кїевскому князю, читаемъ у Баварскаго гео-

графа IX вѣка Lendizi=Лядичи, отъ лѣда, лѣда, пашня, и Unlizi=Личи; у Константина Порфиророднаго одно изъ русскихъ племенъ называется Δευτζανήνοι = Лѣчане (срв. польск. Łęszanie), а имя нашего Святослава какъ у него, такъ и у Льва Дьякона, постоянно и очень часто пишется Σφενδοσλάβος. Не только *быль* ринемъ въ русскомъ языкѣ, но и *есть* еще кое-гдѣ въ народномъ языкѣ, какъ видно изъ примѣровъ, приведенныхъ самимъ же г. Колосовымъ на стр. 13.

На стр. 16—30 г. Колосовъ говоритъ о ѣ, прозванномъ имъ загадочнымъ звукомъ. По его мнѣнію, ѣ „въ періодѣ изобрѣтенія письменности и въ первые вѣка ея по звуку было близко къ я (стр. 19)“, а потому окончаніе *ѣе* сравнительной степени въ оканчивающемъ нарѣчій онъ считаетъ древнѣе, чѣмъ *ѣе* литературнаго языка и южно-великорусскаго нарѣчія. Въ другомъ своемъ трудѣ („Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка“) г. Колосовъ считаетъ ѣ самымъ загадочнымъ звукомъ въ славянскихъ нарѣчійхъ и путемъ разныхъ филологическихъ соображеній приходитъ къ предположенію, „что ѣ или было дифтонгомъ *іа*, или звукомъ *а*, видоизмѣненнымъ слитіемъ съ нимъ *и* и получившимъ вслѣдствіе этого видоизмѣненія какое-то особенное произношеніе, быть можетъ, похожее на *ä*, *á*“ (Варш. Унив. Узв. 1877 г. № 1, стр. 44).

Мнѣніе г. Колосова, что ѣ было звукомъ близкимъ къ я, не оправдывается ни исторіей языка, ни славянскою діалектологіей.

Звукъ ѣ въ болгарскихъ собственныхъ именахъ Византіицы X—XII вв. передаютъ разнообразно, но передача этого звука черезъ *е* древнѣе и чаще, чѣмъ черезъ *а*, *ai*, *ea*, *ia*: Πρεσθλάβος Констант. Порф., Βελιτζα 900 Ж. св. Клим., Βελιγράδα 1018 Кедр., Χλεβήνα 1078 Ник. Вр., Αν. Κ., Πρεσπα 978 Кедр. и др.; Βαλαθίστα (=Belasica?), Πρίλακος 1014 Кедр., Πρόσακος, Πρόσιακος 1199 Ник. Хон.; Πραισθλάβα Левъ Д.; Δαβόλις 1018 Кедр.

Въ сербо-хорватскихъ собственныхъ именахъ Византіицы и латинскіе памятники IX—XI вв. звукъ ѣ изображаютъ черезъ *е* или *і*, и притомъ написаніе черезъ *е* гораздо древнѣе и чаще, чѣмъ черезъ *і*: Belegradum, Βελιγράδα, Belgrada, Belegrava, Bellegrata 878, 949, 1059, 1096, 1097;—Bellica, pater Minidragi (850—89),—Belica, locus Sclavoniae,—Belitzin, Chrobatiae urbs 949, Belotiza, filius Vaccanae 1080, Belovar locus, Belço frater Michae 1070, Belszich villanus 1059,—Ded, Dedo 1074, 1080, Dedomir 1080, Dedacha 1070, Dedochna 1073,—Lepa regina 1078, 1083, Lesani vicus 1085—1095, Lesnek oppidum

Serbiae 949, Levigrada insula Dalmatiae 998,—Плѣва Croatiae Zupania 949, — Хлебѣна urbs Хлебѣана Zupania 949 и т. д.;—Villa locus ad Salonam 1000, Billay 1080, Озе (=Осѣтъ) 1078, Suđoz (=Свѣдокъ) 1069, Stinica prope Salonam 1000 (срв. Stanice castrum 1070).

Что касается замѣчанія г. Колосова, будто бы замѣну њ на та „находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ сербскаго письма“ (прим. къ стр. 21), то провѣривъ ссылку на Serbische Leseköbner Шафарика (не 15, а 12 §), видимъ, что такая замѣна встрѣчается въ памятникахъ болгарскаго происхожденія или сохранившихся въ болгарскихъ спискахъ, и притомъ довольно поздняго времени; слѣдовательно, это—болгаризмъ. Исключеніе можетъ составлять только *dad* вм. *дѣдъ*, встрѣчающееся въ хорватскихъ грамотахъ 1062, 1069 и 1070 гг. (а не 892, 1066 и 1072, какъ у Шафарика, стр. 42) при двухъ только именахъ Uolesa (Volessa=Волеша) и Johannes (см. Рачкаго, Documenta historiae chroaticae periodum antiquum illustrantia, Zagrabiae 1877, pp. 62, 73, 82): въ другихъ случаяхъ употребляется форма *ded*, *dedu*: Johannes dedu 1070, Drusinie ded 1072, Stoiana ded 1070—1073 (ibid 80, 93, 96). Появленіе формы *dad* вм. *ded* въ хорватскихъ грамотахъ мы объясняемъ такъ: извѣстно, что дѣдомъ въ грамотахъ называется епископъ боснійскихъ богомиловъ, секты болгарскаго происхожденія; извѣстно, что боснійскіе богомилы были не только въ постоянныхъ сношеніяхъ съ болгарскими, но даже подчинялись имъ; а потому можно допустить, что Волеша и Иванъ были по происхожденію Болгаре. Во всякомъ случаѣ *dad* въ хорватскихъ грамотахъ есть болгаризмъ: замѣны њ на та не знаютъ ни Сербы, ни Хорваты.

Въ старо-словенскомъ нарѣчїи њ выговаривалось какъ *e*: Trebina 890, Pregrad 1040, Lesach (=въ лѣсахъ, деревня) XIII в.— њ въ чешскихъ собственныхъ именахъ латинскіе памятники передаютъ черезъ *e*, *ie*, *a*. Devin 1030, provincia Decinensis, Dyecinensis 1295, 1341, Zlaimagus (Славомѣръ=Славомиръ) 1062, Dacin 1128. Мѣна њ и *a* (я) изрѣдка встрѣчается въ старо-чешскихъ памятникахъ (конца XIII и XIV в.). Что касается, наконецъ, польскаго нарѣчїя, то добросовѣстныя изслѣдованія профессора Бодуэна-де-Куртенэ доказали, что „въ древности њ являлось въ немъ въ видѣ *e* во многихъ случаяхъ тамъ, гдѣ оно приняло теперь видъ (звукъ) *a*“ (О древне-польск. яз., 584), изъ чего можно заключать, что было время, когда њ выговаривалось, если не какъ *e*, то близко къ нему. Къ тому же самому заключенію приводятъ насъ примѣры изъ дру-

гихъ славянскихъ нарѣчій: выговоръ *ъ*, какъ *е*, общераспространенъ; *я* какъ замѣна *ъ*, встрѣчается въ болгарскомъ, чешскомъ и польскомъ. Такъ было въ старину; такъ осталось и понинѣ.

Въ болгарскомъ нарѣчїи *ъ* выговаривается или какъ *я* (място, гнявъ, бялъ), или какъ *ѣ* (брѣгъ, бѣгъ, бѣда), но съ слѣдующимъ различіемъ по говорамъ: въ сѣверо-восточномъ—ударяемое *ъ* выговаривается, какъ *я* (дѣца, бѣла, вѣра), неударяемое какъ *е* (белѣло, девойка); въ македонскомъ въ обоихъ случаяхъ какъ *е* (седло, лепо, вера); а въ семиградскомъ, какъ *е*, *ѣа*, *а*, *іа* (dete, measto, csliaк = человекъ, bessada).

Въ сербскомъ нарѣчїи, по говорамъ, *ъ* имѣетъ тройное произношеніе: въ сѣверовосточномъ какъ *е*, въ сѣверозападномъ какъ *и*, въ южномъ какъ *ије* (вера, вира, виѣра). Первое произношеніе существуетъ также у Хорватовъ-Кайкавцевъ, а второе у Чакавцевъ.

Въ словенскомъ нарѣчїи *ъ* произносится, какъ *ѣ* (брѣгъ, вѣкъ, ей (срейда, мейсто) и *и* (свить, ликъ).

Такое же произношеніе находимъ и въ чешскомъ (dědek, pe-děle, — lito, mlíko); но въ немъ иногда встрѣчается и *а* вм. *ъ* (odolati). Въ словацкомъ *ъ* выговаривается какъ *е*, въ верхне-лужицкомъ, какъ *иѣ* (виѣра, свѣтъ, лиѣто), а въ польскомъ какъ *е*, *и*, *я*, причѣмъ есть и двойныя формы: dżęko и dziąło, bięda и biada, и т. п.

Такимъ образомъ, славянская діалектологія съ своей стороны свидѣтельствуетъ, что выговоръ *ъ* за *е* существуетъ во всѣхъ нарѣчїяхъ, а за *а* (*я*) попадаетъ только иногда въ болгарскомъ, чешскомъ и польскомъ; поэтому мы полагаемъ, что *ъ* было звукомъ среднимъ между *е* и *а*, и что въ немъ преобладалъ первый звукъ, уступавшій второму только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

На стр. 47 читаемъ: „Въ эпоху нераздѣльности славянскаго племени, въ періодъ единаго, цѣльнаго славянскаго языка, въ немъ были сочетанія *ар*, *ал*, тамъ, гдѣ представляютъ ихъ другіе родственные языки“. Напрасно г. Колосовъ относитъ сочетанія *ар*, *ал* къ эпохѣ абсолютнаго единства славянскаго міра: онѣ существовали въ историческое время у равныхъ славянскихъ племенъ, а въ ихъ числѣ и у Русскихъ. Такъ, у Болгаръ находимъ Даргомира (Δαργαμῆρος Θεοφιλ. VII в.) и города Варну (Варна=Врана, съ 678 г. у Θεοφана, Konst. Порф., Кедр. и др.) и

Паргу (въ Албаніи),—у Сербовъ—Даргомира 805 и Ардагаста (Αρδάγαστος=Радогость, VII, Теофил.), у Словенцевъ—князя Валдуха (Valtunch, Valtunc=Владухъ) 772 г., у Полабскихъ Славянъ—Даржко (Tharsocho=Дражко, 798), у Русскихъ—Новгардъ (Νενογάρδα у Констант. Порф.), Холмгардъ (Holmgardhr, Holmgardia), Киевгардъ (Chunigard у Гельмольда, Kaenugardia въ сагахъ и Острогардъ (Ostragard,—последніе примѣры въ сагахъ). Сочетаніе *ар* у Полабскихъ Славянъ сохранилось до позднѣйшаго времени (гардъ, карва, варна, и т. п.). Остатки сочетаній *ар*, *ал* находятся и въ народномъ русскомъ языкѣ, какъ видно изъ примѣровъ, приводимыхъ на стр. 53 самимъ г. Колосовымъ: варта, варвой, галва.

На стр. 142 г. Колосовъ говоритъ: „претвореніе *ι* въ *э* указываетъ на основное произношеніе *ι* за *h^а*, а на слѣдующей: „считаю вѣроятнымъ, что древнерусскій знакъ какъ придыхательное *h*, такъ и нѣмое *г*“. Что звукъ *h* новѣе звука *ι* доказывается тѣмъ, что въ чешскомъ нарѣчій, гдѣ онъ господствуетъ, онъ не существовалъ до половины XIII вѣка. Изъ остальныхъ нарѣчій онъ существуетъ въ верхнеукраинскомъ говорѣ словенскаго (hora, holób); а въ двухъ говорахъ словацкаго *h* замѣняетъ *κ* (въ верхнетренчанскомъ: hdo, nihdo) и *χ* (hládek, tihý). Поэтому нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобъ *h* существовало въ древнемъ общерусскомъ языкѣ.

Можно было бы привести еще нѣсколько примѣровъ увлеченія г. Колосова своимъ ученіемъ; на примѣръ, на стр. 54 замѣчаніе: „въ южновеликорусскомъ слово голова дошло до первоначальной праславянской формы галва слѣдующимъ путемъ: галва—галва—гольва—голова—голова—галва“; на стр. 144—145 теорія о смягченіи зубнаго *д* (*жд* изъ *дж* или изъ *дз*), на стр. 142—143 предположеніе ступени *дз* для объясненія смягченія *ι* въ *э* и т. п. Но мы считаемъ излишнимъ увеличивать объемъ нашей статьи подобными примѣрами. Изъ приведенныхъ уже указаній видно, что авторъ иногда увлекался своимъ ученіемъ и ставилъ такія положенія и предположенія, которыя не согласны съ исторіей языка и славянскою діалектологіей. Такое увлеченіе весьма понятно въ ученомъ, вложившемъ душу свою въ свой трудъ, а это замѣтитъ всякій, кто внимательно прочтетъ книгу г. Колосова; поэтому мы не обвиняемъ его въ увлеченіи, а только отмѣчаемъ то, съ чѣмъ мы не согласны. Люди болѣе насъ компетентные найдутъ въ его трудѣ ошибки и промахи, ускользнушіе отъ нашего вниманія, а придирчивая критика отмѣтитъ неровность въ изложеніи (иногда излишнее стремленіе къ

точности, иногда одни предположенія), смѣшеніе понятій (правописаніе сербскихъ памятниковъ смѣшано съ языкомъ—стр. 9) и т. п. Но каковы бы ни были недостатки труда г. Колосова, онъ теряютъ значеніе передъ самыми положительными достоинствами: многими изъ печатныхъ источниковъ онъ воспользовался первый, многое извлечено изъ рукописей Географическаго Общества, многое основано на личныхъ наблюденіяхъ; собранное такимъ образомъ богатство данныхъ народнаго русскаго языка не только систематически расположено, но по возможности объяснено, осмыслено. Вотъ почему мы полагаемъ, что трудъ г. Колосова будетъ настольною книгою у каждаго занимающагося русскою діалектологіей: съ нимъ будутъ справляться, изучать его.

Винентій Манушевъ.

УСТРОЙСТВО УЧЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ НАЧАЛЬНОМЪ УЧИЛИЩѢ ПРИ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРІИ.

При каждой учительской семинаріи существуетъ начальное училище, которое имѣетъ важное значеніе для семинаріи, какъ спеціальнаго учебнаго заведенія, задача котораго состоитъ въ приготовленіи учителей для народныхъ училищъ. Можно сказать, что учительская семинарія безъ начальнаго при ней училища не мыслима. Какъ странно было бы, напр., земледѣльческое училище безъ образцовой фермы, такъ еще страннѣе была бы учительская семинарія безъ училища. Человѣкъ, знакомый съ сельскимъ хозяйствомъ только теоретически, принявшись за хозяйство, не избѣгаетъ, безъ сомнѣнія, на первыхъ порахъ промаховъ и ошибокъ, и результатомъ ихъ будутъ матеріальные убытки; неизбѣжны же промахи и ошибки учителя, принявшагося за учебно-воспитательное дѣло безъ предварительной практической подготовки, причинять большее зло: они болѣе или менѣе отзовутся на умственномъ и нравственномъ развитіи тѣхъ дѣтей, которыхъ судьба отдастъ въ руки къ подобному учителю. Такъ какъ учительскія семинаріи спеціально назначены для приготовленія учителей, то онѣ должны дать воспитанникамъ не только достаточныя научныя познанія и развитіе, но и практически подготовить ихъ къ учительской дѣятельности въ народныхъ школахъ. Только при этихъ условіяхъ учительскія семинаріи выполнять свою задачу, и могутъ сдѣлаться рассадниками дѣльных и вполне подготовленныхъ преподавателей и такимъ образомъ оправдать тѣ надежды, которыя на нихъ возлагаются.

Для практическаго ознакомленія воспитанниковъ съ учебно-воспитательнымъ дѣломъ и служить начальное училище, существующее при каждой учительской семинаріи. По отношенію къ воспитанникамъ семинаріи это училище имѣетъ двоякое значеніе: вопервыхъ, оно даетъ возможность воспитанникамъ практиковаться въ преподаваніи, во вторыхъ, представляя образецъ народной школы, оно даетъ возможность воспитанникамъ изучить учебно-воспитательное дѣло народныхъ училищъ во всѣхъ подробностяхъ. Сообразно съ этимъ видоизмѣняются и практическія занятія воспитанниковъ въ училищѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что воспитанники по выходѣ изъ семинаріи поведутъ свое преподаваніе такъ, какъ они вели его въ училищѣ при семинаріи, что при устройствѣ учебной части во ввѣренныхъ имъ школахъ, они прежде всего будутъ подражать тому, что они видѣли въ томъ же училищѣ, и чѣмъ лучше будетъ образецъ, тѣмъ лучше конечно могутъ быть и подражанія. Отсюда слѣдуетъ, что въ дѣлѣ практической подготовки воспитанниковъ семинаріи къ учительской дѣятельности важную роль играетъ та или другая постановка учебно-воспитательнаго дѣла въ начальномъ училищѣ, и если учительская семинарія желаетъ обстоятельно приготовить въ этомъ отношеніи воспитанниковъ, она обязана невредливо позаботиться о томъ, чтобы ея училище служило образцомъ правильно устроенной школы во всѣхъ отношеніяхъ. Такой взглядъ на начальное училище при семинаріи выраженъ въ инструкціи для учительскихъ семинарій министерства народнаго просвѣщенія: „начальное училище, состоящее при семинаріи, должно по устройству и курсу своему соответствовать всѣмъ требованіямъ министерства народнаго просвѣщенія отъ подобнаго рода школы, для того, чтобы воспитанники семинаріи видѣли въ немъ образецъ хорошо устроенной народной школы“ (§ 123).

Сопоставляя двоякое назначеніе для воспитанниковъ училища при семинаріи, — служить образцомъ хорошо устроенной школы и доставлять имъ въ то же время практику въ преподаваніи, можно повидимому заключить, что эти требованія противорѣчатъ одно другому. Однако такое заключеніе будетъ не совсѣмъ правильно. Дѣло въ томъ, что преподаваніе въ училищѣ лежитъ на обязанности особаго учителя, на долю же воспитанниковъ приходится небольшое число уроковъ, и прежде чѣмъ дать урокъ воспитанникъ долженъ обстоятельно къ нему приготовиться при содѣйствіи учителя школы и под контролемъ наставника семинаріи; если послѣднее условіе строго со-

блюдется, то, какъ показывается опытомъ, неудовлетворительно данный урокъ является весьма рѣдкимъ исключеніемъ. Вообще можно сказать: чѣмъ болѣе при наставникѣ и веденіи практическихъ занятій воспитанниковъ принимаются во вниманіе и соблюдаются интересы училища, тѣмъ менѣе чувствительною становится для учениковъ замѣна уроковъ учителя уроками воспитанниковъ. О томъ, какъ этого достигнуть, мы подробно говорили въ статьѣ: „О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ семинаріи въ начальномъ училищѣ“ ⁴⁾.

Не считая поэтому практику воспитанниковъ препятствіемъ для правильной постановки учебной части въ училищѣ, мы тѣмъ не менѣе должны сознаться, что правильное и образцовое устройство этой части—дѣло далеко не легкое. Не смотря на постоянно возрастающее число народныхъ школъ, до сихъ поръ еще не рѣшены обстоятельно два существенные вопроса: чему учить и какъ учить въ народной школѣ? Относительно перваго изъ этихъ вопросовъ имѣются указанія въ инструкціи для одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, но, во первыхъ, указанія эти сдѣланы въ общихъ чертахъ, во вторыхъ, инструкція издана въ видѣ опыта на четыре года и слѣдовательно не даетъ окончательно утвердившихся положеній. Если обратимся за рѣшеніемъ этихъ вопросовъ къ педагогической литературѣ, то встрѣтимъ самыя разнообразныя и часто совершенно противоположныя мнѣнія. Кромѣ того, совѣты и указанія нашихъ педагоговъ (да простятъ они намъ за откровенность!) страдаютъ часто важнымъ недостаткомъ,—непреложимостью на практикѣ; это объясняется тѣмъ, что гг. педагоги имѣютъ въ виду не дѣйствительную школу, а идеальную, существующую только въ ихъ воображеніи. Съ нами, полагаемъ, согласится каждый, кому приходилось заниматься вопросомъ объ обученіи въ народной школѣ.

Замѣтимъ еще, что вслѣдствіе того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ находится вопросъ объ обученіи въ народныхъ школахъ, является разнообразіе взглядовъ и требованій лицъ, подъ ближайшимъ надзоромъ которыхъ состоятъ народныя школы. Угодить всѣмъ при подготовкѣ воспитанниковъ семинаріи не въ состояніи: отсюда легко можетъ родиться недовольство учителями, вышедшими изъ учительской семинаріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и недовѣріе къ учительскимъ семинаріямъ.

⁴⁾ Ж. М. Н. Цр., февраль 1878 г.

И такъ, вопросъ объ устройствѣ учебной части въ начальномъ училищѣ при учительской семинаріи заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по своему важному значенію въ дѣлѣ практической подготовки воспитанниковъ семинаріи въ учительской дѣятельности, такъ и по тѣмъ затрудненіямъ, съ которыми соединяется правильное его рѣшеніе. Вотъ почему этотъ вопросъ мы выбрали предметомъ настоящей статьи. Представляя наши соображенія и выводы и присоединяя къ нимъ подробный учебный планъ начального училища при Новоторжской учительской семинаріи, мы съ одной стороны имѣемъ въ виду вызвать сужденіе лицъ, знакомыхъ съ положеніемъ учебнаго дѣла въ народныхъ школахъ и интересующихся успѣхами народнаго образованія вообще и учительскихъ семинарій въ частности, съ другой стороны пытаемъ надежду, что лица, принадлежащія къ педагогической корпораціи учительскихъ семинарій, не откажутъ въ сообщеніи результатовъ своей дѣятельности въ этомъ отношеніи.

I.

Задача народной школы состоитъ въ развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ дѣтей и сообщеніи имъ элементарныхъ свѣдѣній. Училище, состоящее изъ учительской семинаріи, помимо этой прямой своей задачи, имѣетъ, какъ мы сказали, и другую, — оно доставляетъ воспитанникамъ семинаріи возможность приобрести практическимъ путемъ знанія и умѣнья, необходимыя для учителя народной школы. Выполненіе второй изъ этихъ задачъ должно несомнѣнно отразиться на постановкѣ учебной части въ училищѣ и повести къ нѣкоторымъ особенностямъ въ устройствѣ этой послѣдней. Выясненіемъ этихъ особенностей мы прежде всего и займемся.

Сообщеніе воспитанникамъ свѣдѣній, относящихся къ воспитанію и обученію вообще и веденію учебно-воспитательнаго дѣла въ народной школѣ въ частности, лежитъ на обязанности не одного, а нѣсколькихъ преподавателей; такъ общую педагогичку и дидактику преподаетъ директоръ семинаріи, а методику — наставники соответствующихъ предметовъ. Руководство воспитанниками въ ихъ практическихъ занятіяхъ точно такъ же распределяется между всѣми преподавателями; такъ руководство воспитанниками 2-го класса во время посѣщенія ими училища принадлежитъ директору семинаріи; подготовленіе воспитанниковъ 3-го класса къ урокамъ, даваемымъ ими въ училищѣ, совершается подъ контролемъ наставниковъ и при участіи

учителя начального училища; въ разборѣ и оцѣнкѣ этихъ уроковъ принимаютъ участіе директоръ, наставники и учитель; приложение методовъ и приѣмовъ обученія на практикѣ и вообще всѣ подробности по обученію въ училищѣ воспитанники изучаютъ, посѣщая училища и присутствуя на урокахъ учителя.

Учебное дѣло народныхъ школъ находится въ неопредѣленномъ положеніи и далеко еще не разработано; существуютъ весьма разнообразныя мнѣнія, какъ относительно результатовъ, которыхъ должна достигать народная школа, такъ и относительно способовъ, съ помощію которыхъ достигаются эти результаты. Особенно большое разнообразіе встрѣчается въ методахъ и приѣмахъ обученія; даже различаются они не по своимъ существеннымъ признакамъ, а по составителямъ тѣхъ руководствъ, въ которыхъ эти приѣмы проводятся и рекомендуются: такъ грамотѣ учить, напримѣръ, по Бунакову, Водозову, Паульсону, барону Корфу и пр.

Весьма естественно предположить, что между преподавателями семинаріи окажутся послѣдователи различныхъ мнѣній и взглядовъ на обученіе въ народной школѣ; въ такомъ случаѣ воспитанники на урокахъ педагогикѣ могутъ услышать одни совѣты и наставленія, на урокахъ методикѣ—совсѣмъ другіе, въ училищѣ же не увидятъ примѣненія ни тѣхъ, ни другихъ. Въ возможности подобнаго явленія намъ пришлось убѣдиться въ одной изъ учительскихъ семинарій. Что подобнаго явленіе не нормально и не приводитъ къ желаемымъ результатамъ, и что, напротивъ, между мнѣніями преподавателей и учителя должно существовать полное согласіе и единство по вопросамъ обученія въ училищѣ, въ этомъ убѣждаетъ насъ слѣдующее: во-первыхъ, для воспитанниковъ хотя и полезно имѣть понятіе о различныхъ взглядахъ на задачу и методы обученія въ народной школѣ, но гораздо важнѣе и полезнѣе для нихъ составить опредѣленный взглядъ на результаты, которыхъ можетъ достигать народная школа и обстоятельно изучить одинъ изъ путей, ведущихъ къ этимъ результатамъ. Въ этомъ только случаѣ воспитанники будутъ имѣть подъ ногами твердую почву и, являсь въ школу, поведутъ учебное дѣло по опредѣленному и знакомому пути безъ всякихъ колебаній ¹⁾. По мнѣнью

¹⁾ Не основательно поступаютъ тѣ изъ лицъ, завѣдывающихъ школами, которые, не видя еще результатовъ преподаванія учителей: новичковъ, любятъ навязывать свои мнѣнія и требуютъ, чтобы обученіе велось согласно съ ихъ личными взглядами.

же накопленія наблюдений и пріобрѣтенія опытности, они скорѣе могутъ улучшать и совершенствовать свое преподаваніе. Что они не остановятся на точкѣ замерзанія и не останутся только слѣпыми подражателями видѣннаго и изученнаго въ семинаріи, въ этомъ порукою служить тотъ уровень познаній и развитія, съ какими воспитанники ованчиваютъ курсъ.

Вовторныхъ, положеніе методикъ и частныя приемы обученія становятся вполнѣ ясными и осязательными только на практикѣ. Присутствуя на урокахъ учителя и своихъ товарищей, упражняясь сами въ преподаваніи и выслушивая разборы прѣбывающихъ уроковъ, воспитанники сознательнѣе относятся къ тому, или другому приему обученія, уясняютъ послѣдовательность въ передачѣ свѣдѣній, связь одного упражненія съ другимъ и пр. Для удовлетворенія этому важному условію необходимо полное согласіе между положеніями и требованіями, высказываемыми на урокахъ методикъ, и веденіемъ учебныхъ занятій въ училищѣ, другими словами, должно существовать полное согласіе между теоріею и практикою. Нельзя не замѣтить, что при такихъ условіяхъ, сами наставники, присутствуя на урокахъ воспитанниковъ, обогащаются наблюденіями и пріобрѣтаютъ много указаній, содѣйствующихъ установленію болѣе правильнаго взгляда на задачи школы и способы ихъ достиженія.

Въ третнихъ, ради интересовъ учащагося въ начальномъ училищѣ необходимо, чтобы при обученіи сохранялось единство и послѣдовательность, какъ необходимыя условія для успѣшнаго хода обученія. Какъ же достигнуть этого, когда въ училищѣ преподаютъ нѣсколько лицъ, именно учитель и воспитанники? Рѣшеніе этого вопроса значительно упрощается, когда взгляды и требованія по обученію въ училищѣ наставниковъ семинаріи и учителя одинаковы. Въ противномъ случаѣ, воспитанники, готовясь къ урокамъ главнымъ образомъ при содѣйствіи и наблюденіи наставниковъ, будутъ вести преподаваніе въ иномъ духѣ и на иныхъ началахъ, чѣмъ учитель школы. При такихъ условіяхъ, конечно не можетъ быть и рѣчи о послѣдовательности и единствѣ обученія, а слѣдовательно и объ успѣшномъ ходѣ занятій въ училищѣ.

Наконецъ, въ виду важнаго значенія, какое имѣетъ училище въ дѣлѣ практической подготовки воспитанниковъ, не рационально при постановкѣ и веденіи учебнаго дѣла въ училищѣ полагаться на одного только учителя школы, какъ бы опытенъ и свѣдущъ онъ ни былъ. Правда, личная опытность и способности учителя составляютъ

важное условіе для успѣшности обученія, но только при общихъ усиліяхъ всѣхъ преподавателей, только при участіи каждаго изъ нихъ, какъ въ разработкѣ подробностей, касающихся учебнаго дѣла, такъ и въ провѣркѣ на практикѣ принятыхъ положеній, возможна правильная постановка учебной части въ училищѣ, — такая именно постановка, которая можетъ служить дѣйствительно образцомъ для воспитанниковъ.

Такимъ образомъ, какъ для болѣе успѣшной подготовки воспитанниковъ, такъ и для успѣшнаго хода занятій въ училищѣ, необходимо, чтобы между положеніями, высказываемыми на урокахъ педагогичеи и методики относительно обученія въ народныхъ школахъ, и дѣйствительною постановкою учебнаго дѣла въ начальномъ училищѣ существовало полное согласіе и соотвѣтствіе. Это соотвѣтствіе между теоріею и практикою составляетъ первую особенность въ устройствѣ учебной части въ начальномъ училищѣ при учительской семинаріи.

Начальныя училища, открываемыя при учительскихъ семинаріяхъ, суть училища одноклассныя. Въ одноклассныхъ училищахъ, какъ извѣстно, должны преподаваться слѣдующіе предметы: законъ Божій, чтеніе и письмо, ариметика и пѣніе. Но можно-ли ограничиться ими въ училищѣ при учительской семинаріи? Къ числу народныхъ училищъ, въ которыхъ назначаются учителями воспитанники семинарій, относятся и двухклассныя. Въ этихъ училищахъ курсъ ученія пятилѣтній, а потому въ нихъ вышеупомянутые предметы преподаются въ большемъ объемѣ и кромѣ того еще прибавляются: грамматика, русская географія и исторія, краткія свѣдѣнія по естествовѣдѣнію и черченіе. Конечно, воспитанники семинаріи обладаютъ по этимъ предметамъ свѣдѣніями болѣе чѣмъ достаточными для того, чтобы преподавать ихъ въ двухклассныхъ училищахъ; затѣмъ на урокахъ методики воспитанникамъ сообщаются свѣдѣнія о методахъ и приѣмахъ обученія этимъ предметамъ; но при всемъ томъ въ ихъ практической подготовкѣ окажется нѣкоторый пробѣлъ; отсюда могутъ явиться затрудненія для назначенія воспитанниковъ учителями 2-го класса двухклассныхъ училищъ. Между тѣмъ въ виду того, что двухклассныя училища доставляютъ большую часть юношей, поступающихъ въ учительскія семинаріи ¹⁾ и, можно сказать, лучшихъ изъ нихъ, весьма желательно въ интересахъ самихъ семинарій, чтобы для по-

¹⁾ По крайней мѣрѣ это вѣрно относительно Новоторжской учительской семинаріи.

ступленія воспитанниковъ учителями въ эти училища не было никакихъ препятствій. Еслибы при учительскихъ семинаріяхъ состояли двухклассныя училища, то и указанныхъ затрудненій не могло бы существовать. Нѣкоторые учительскія семинаріи, напримѣръ, Поливановская и Алферовская, дѣйствительно нашли возможнымъ открыть двухклассныя училища, но къ сожалѣнію мы не знаемъ, на какихъ основаніяхъ устроены эти училища, а именно существуетъ-ли при нихъ два учителя, или одинъ, а другаго замѣняютъ воспитанники. Во всякомъ случаѣ, едва ли съ однимъ учителемъ можетъ идти успѣшно обученіе; для приглашенія же другаго потребуются денежныя средства, которыми можетъ располагать не всякая учительская семинарія. Поэтому мы находимъ возможнымъ рѣшить вопросъ иначе.

Мы сказали, что для полной подготовки воспитанниковъ семинаріи къ учительской дѣятельности въ двухклассныхъ училищахъ имъ необходимо только ознакомленіе съ приемами обученія на практикѣ тѣмъ предметамъ, которые преподаются во 2-мъ классѣ этихъ училищъ. Чтобы удовлетворить этому условію, достаточно только расширить курсъ одноклассныхъ училищъ, состоящихъ при учительскихъ семинаріяхъ. Такое расширеніе курса съ одной стороны не можетъ противорѣчить указаніямъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ въ инструкціи для одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ обозначенъ minimum сообщаемыхъ свѣдѣній въ этихъ училищахъ, съ другой стороны вполне оправдывается практикой. Какъ показываетъ опытъ, сверхъ предметовъ, положенныхъ въ одноклассныхъ школахъ, возможно прибавить: элементарныя свѣдѣнія изъ грамматики, свѣдѣнія по русской исторіи и естественной исторіи, сообщаемыя путемъ чтенія, бесѣды по родновѣдѣнію и отечествовѣдѣнію и черченіе въ связи съ изученіемъ геометрическихъ тѣлъ. Съ введеніемъ же этихъ свѣдѣній въ курсъ училища при учительской семинаріи воспитанники ея получаютъ возможность ознакомиться на практикѣ съ приемами обученія всѣмъ предметамъ, положеннымъ въ двухклассныхъ училищахъ, хотя и не во всей ихъ полнотѣ. Необходимость такого расширенія курса начального училища при учительской семинаріи составляетъ вторую особенность въ устройствѣ его учебной части.

Въ одноклассныхъ и первомъ классѣ двухклассныхъ народныхъ училищъ курсъ ученія продолжается три года; поэтому въ правильно устроенныхъ школахъ ученики дѣлятся на три группы или отдѣле-

ни. Къ 1-му или младшему отдѣленію относятся ученики, вновь поступившіе, во 2-му или среднему — прочувшіеся годъ, и къ 3-му или старшему отдѣленію, — прочувшіеся два года. Эти три отдѣленія учениковъ, рѣзко отличающіеся между собою познаніями и развитіемъ, составляютъ какъ бы три отдѣльные класса; между тѣмъ обученіе ихъ всёхъ возлагается на одного учителя. Въ особенно многочисленныхъ школахъ, если позволяютъ денежные средства, учителю дается еще помощникъ; но два учителя — явленіе въ одноклассной школѣ вообще рѣдкое и исключительное.

Такимъ образомъ одному учителю приходится заниматься съ тремя отдѣленіями учениковъ, отличающихся какъ познаніями, такъ и развитіемъ. Это обстоятельство въ высшей степени усложняетъ учебное дѣло въ народныхъ школахъ; существуетъ даже мнѣніе, что занятія одного учителя съ нѣсколькими группами учениковъ суть не болѣе, какъ педагогическій фокусъ, доступный весьма немногимъ учителямъ. Конечно, подобно смѣніе не основательно; но что заниматься одному учителю съ тремя отдѣленіями дѣйствительно не легко, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Къ тому же вопросъ этотъ весьма мало еще разработанъ въ нашей педагогической литературѣ. А между тѣмъ онъ на столько важенъ, что отъ правильнаго рѣшенія его зависитъ успѣхъ народныхъ школъ. Обойти же его пока невозможно, такъ какъ одного года обученія въ народной школѣ недостаточно, а на трехъ, или по крайней мѣрѣ двухъ учителей для каждаго училища не хватаетъ средствъ.

Важность этого вопроса видна изъ слѣдующаго. Такъ какъ ученики трехъ отдѣленій обладаютъ не одинаковыми познаніями, то одновременное преподаваніе какого бы то ни было предмета всѣмъ ученикамъ не возможно; поэтому учителю приходится заниматься съ каждою группою отдѣльно. Занимаясь съ однимъ отдѣленіемъ, учитель другимъ двумъ даетъ какое-нибудь занятіе, или, какъ обыкновенно говорятъ, самостоятельную работу. Отсюда понятно, что изъ всего учебнаго времени на занятія съ каждымъ отдѣленіемъ учитель можетъ удѣлить только третью часть, или другими словами, въ теченіе трехъ лѣтъ обученія въ школѣ ученики занимаются непосредственно съ учителемъ только одинъ годъ, а остальные два года хотя и находятся подъ надзоромъ учителя, но заняты самостоятельными работами. Выводъ поистинѣ поразительный и вполнѣ заслуживающій вниманія!

Если такимъ образомъ оказывается, что учителя народныхъ школъ должны большую часть учебнаго времени просиживать за самостоятельными работами, то естественно рождаются вопросы: въ чемъ же состоятъ эти работы? достаточно ли на нихъ обращается вниманіе? На эти вопросы, къ сожалѣнію, получается отвѣтъ весьма неутѣшительный: въ большинствѣ народныхъ школъ всѣ самостоятельныя работы сводятся къ двумъ, а именно списыванію съ книги и рѣшенію задачъ. Конечно, списываніе съ книги и рѣшеніе задачъ упражненія полезныя, но неужели для самостоятельныхъ занятій по родному языку нельзя ничего лучше придумать кромѣ механическаго списыванія съ книги? Можно найти что-либо въ книгахъ для чтенія, напр., въ „Родномъ словѣ“ Ушинскаго. А если этого не дѣлается, то только потому, что самостоятельнымъ работамъ не придается того значенія, какое онѣ имѣютъ, не сознается важность ихъ. На эти работы нельзя смотрѣть только какъ на неизбѣжное слѣдствіе занятій одного учителя съ тремя отдѣленіями учениковъ; напротивъ, онѣ необходимы для развитія у дѣтей самостоятельности, для укрѣпленія и примѣненія сообщаемыхъ знаній и для выработки умѣній и навыковъ.

Итакъ, если занятія съ тремя отдѣленіями составляютъ большое мѣсто нашихъ народныхъ школъ, то не слѣдуетъ ли отсюда, что учительскія семинаріи, отъ которыхъ ожидаютъ хорошо подготовленныхъ учителей, обязаны, при устройствѣ учебной части въ своихъ училищахъ, обращать на эти занятія особенное вниманіе и вмѣстѣ съ учебнымъ матеріаломъ разработать самостоятельныя работы, какія могутъ быть полезны для каждаго отдѣленія и по каждому предмету.

Возможно обстоятельная разработка самостоятельныхъ работъ составляетъ третью особенность учебнаго дѣла въ начальномъ училищѣ при учительской семинаріи.

II.

Ознакомившись съ тѣми особенностями учебнаго дѣла, которыя должны быть приняты во вниманіе при устройствѣ учебной части въ начальномъ училищѣ при учительской семинаріи, — особенностями, обусловливаемыми тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ училище для воспитанниковъ семинаріи, мы переходимъ къ изложенію нашихъ соображеній и выводовъ относительно самаго устройства учебной части.

Прежде всего рассмотрим, какой способ занятий с тремя отделениями учеников следует считать наиболее удобным и выгодным для успешности учебного дела.

Занятия с тремя отделениями можно вести тремя образам: 1) заниматься сразу со всеми учениками, 2) заниматься в течение урока с тремя отделениями порознь, уделяя им занятия с каждым приблизительно третью часть урока, и 3) заниматься с одним отделением.

Первый из этих способов может употребляться в весьма редких случаях, так как немного придумать таких занятий, которые удобно вести с учениками, имеющими не одинаковое познания и развитие. Для примера укажем на следующее: ведется беседа по картинке со всеми учениками, при чем ученики младшего отделения называют предметы, изображенные на картинке, ученики среднего отделения высказывают мысль о каждом предмете, а ученики старшего отделения описывают в известной последовательности изображенное на картинке, или: ученикам старшего отделения диктуется статья, в то же время ученикам среднего отделения диктуются отдельные предложения, а ученикам младшего отделения — слова из этой статьи. Этот примеров достаточно, чтобы видеть, не сколько подобный способ мало приложим и неслучаен. Он может употребляться иногда с пользой при занятиях с двумя группами; так чтение по первоначально-славянски весьма удобно вести сразу с учениками среднего и старшего отделений.

Второй способ состоит в том, что учитель в течение каждого урока уделяет часть времени на занятия с каждым отделением порознь. Например, первую часть урока учитель занимается со старшим отделением, задав двум остальным самостоятельную работу; затѣм, задав самостоятельную работу старшему отделению, учитель переходит к среднему и занимается с ним вторую часть урока; наконец, дав ученикам среднего отделения слова самостоятельную работу, учитель переходит к младшему и занимается с ним остальную часть урока. Из этого примера обнаруживаются следующие недостатки и неудобства второго способа: 1) с каждым отделением учителю приходится заниматься такое непродолжительное время, в которое трудно не только сообщить новые знания, но даже прочесть обстоятельно коротенькую статью, 2) в течение урока приходится задавать самостоятельны

работы четыре раза, 3) трудно уделить время на проверку этих работ, 4) такой способ тяжелъ для учителя, такъ какъ ему придется „метаться“ отъ одного отдѣленія къ другому, 5) ежедневно нужно готовить не менѣе 16 самостоятельныхъ работъ. Однако и этотъ способъ пригоденъ иногда для занятій съ двумя отдѣленіями; такъ при письмѣ подъ тактъ можно уделить половину урока одному отдѣленію и половину — другому.

Третій способъ состоитъ въ томъ, что учитель, задавъ двумъ отдѣленіямъ самостоятельныя работы, занимается весь урокъ съ остальнымъ отдѣленіемъ и только въ концѣ урока уделить нѣсколько времени на проверку исполненныхъ работъ.

Сравнивая эти три способа занятій съ тремя отдѣленіями, нельзя не отдать преимущества послѣднему. При этомъ способѣ не имѣютъ мѣста тѣ недосытки и неудобства, которые мы замѣтили въ двухъ первыхъ. Кроме того, при этомъ способѣ самостоятельныя работы, задаваемые на большее время, могутъ быть серьезнѣе и принесутъ пользу.

Наконецъ, учитель здѣсь легко можетъ распределять самостоятельныя работы по предметамъ обученія и внести ихъ въ расписание классныхъ занятій, а это послужитъ къ установленію нѣкоторой системы и послѣдовательности въ самостоятельныхъ занятіяхъ.

И такъ мы предпочитаемъ третій способъ, первый же находимъ удобнымъ только при обученіи чтенію по церковно-славянски, а второй при обученіи письму подъ тактъ.

Теперь предстоитъ рѣшить вопросъ: сколько уроковъ вообще нужно ежедневно назначить въ каждомъ отдѣленіи, сколько изъ нихъ нужно отдѣлить на занятія съ учителями и сколько — на самостоятельныя работы?

Для рѣшенія этого вопроса обращаемся къ инструкціи для одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ ней мы находимъ слѣдующую таблицу числа недѣльныхъ уроковъ въ одноклассныхъ училищахъ:

	Отдѣленія:		
	Младш.	Средн.	Старш.
Законъ Божій	6	6	4
Чтеніе и письмо	7	7	10
Арифметика	5	5	6
Всего	18	18	20

Замѣнивъ, что въ одноклассныхъ школахъ учительки всѣхъ трехъ отдѣленій обыкновенно помѣщаются въ одной комнатѣ и слѣдовательно законоучитель и учитель въ одно время заниматься не могутъ, не трудно сообразить, что таблица эта не представляетъ дѣйствительнаго числа уроковъ, даваемыхъ въ каждомъ отдѣленіи законоучителемъ и учителемъ; указанное въ ней число уроковъ по каждому предмету возможно только въ томъ случаѣ, когда каждое отдѣленіе помѣщается въ особомъ классѣ и имѣетъ отдѣльнаго учителя. Дѣйствительное же число уроковъ учителя и законоучителя будетъ 20 въ недѣлю, или 6 — въ младшемъ, 7 — въ среднемъ и 7 — въ старшемъ отдѣленіяхъ; остальные 36 уроковъ придутся на самостоятельныя занятія. Такого числа уроковъ недостаточно на занятія съ учителемъ даже въ народныхъ школахъ, не только въ начальномъ училищѣ при семинариі, въ которомъ по необходимости курсъ долженъ быть увеличенъ.

Обращаясь къ педагогическимъ сочиненіямъ, въ которыхъ находятся указанія по этому вопросу, мы, наоборотъ, встрѣчаемъ слишкомъ большія требованія, непосильныя и для учителя и для учениковъ; такъ баронъ Корфъ въ своемъ сочиненіи „Русская начальная школа“ назначаетъ для каждаго отдѣленія по 6-ти уроковъ въ день, или по 36-ти въ недѣлю. Мыслимо ли держать въ школѣ 9—10-ти лѣтнихъ дѣтей по 6-ти часовъ каждый день, а при томъ главнымъ образомъ за самостоятельными работами, которыя болѣе утомляютъ ихъ, нежели занятія съ учителемъ? Да и учитель едва ли будетъ въ состояніи заниматься по 6-ти часовъ съ тою энергіею и напряженіемъ, какія необходимы при занятіяхъ съ тремя отдѣленіями.

Основываясь на опытѣ и наблюденіяхъ, мы находимъ возможнымъ и вполнѣ достаточнымъ въ начальномъ училищѣ при семинариі назначить для младшаго отдѣленія 18 уроковъ въ недѣлю въ первое и 24 урока — во второе полугодіе, для учениковъ средняго отдѣленія — 28 уроковъ и для учениковъ старшаго отдѣленія — 30 уроковъ въ недѣлю. Если отдѣлить изъ этого общаго числа уроковъ на законъ Божій 4 урока въ недѣлю, то на остальные предметы останется: въ младшемъ отдѣленіи — 16 (20), въ среднемъ — 24 и старшемъ — 26 уроковъ. При такихъ условіяхъ на занятія съ учителемъ придется въ трехъ отдѣленіяхъ 26 уроковъ въ недѣлю. Однако это число можетъ еще увеличиться, если чтеніе по первоначально-славянски вести одновременно съ учениками средняго и старшаго отдѣленій

и для письма подь тактъ назначать одинъ урокъ на два отдѣленія. Слѣдующая таблица показываетъ, какъ мы распредѣляемъ означенное число уроковъ, кромѣ выдѣленныхъ на законъ Босній, по отдѣленнымъ и предметамъ, согласно высланнымъ нами требованіямъ относительно расширенія курса въ училищѣ, состоящемъ при учительской семинаріи.

ПРЕДМЕТЫ ОБУЧЕНІЯ.	Младш. отд.			Средн. отд.			Старш. отд.		
	Съ учителя.	Самост.	Всего.	Съ учителя.	Самост.	Всего.	Съ учителя.	Самост.	Всего.
Чтеніе-письмо, объяснительное чтеніе	4	6(9)	10(13)	3	11	16	2	10	16
Чтеніе по церковно-славянски.	—	—	—	1			1		
Грамматическія свѣдѣнія	—	—	—	1			1		
Чтеніе статей по исторіи и естествовѣдѣнію, бесѣды по родно-и отечествовѣдѣнію	—	—	—	—	—	—	2	—	—
Арифметика.	2	2(3)	4(5)	3	3	6	3	3	6
Письмо подь тактъ	2	—	2	2	—	2	2	—	2
Черченіе.	—	—	—	—	—	—	1	1	2
В С Е Г О .	8	8(12)	16(20)	10	14	24	12	14	26

Переходимъ къ вопросу о постановкѣ самостоятельныхъ занятій.

Самостоятельныя работы составляютъ существенно важную сторону учебнаго дѣла въ народныхъ школахъ, какъ по количеству приходящагося на нихъ учебнаго времени, такъ и по той пользѣ, какую онѣ могутъ принести, если разумно ими пользоваться. Важность и даже необходимость самостоятельныхъ работъ видна еще изъ того, что все обученіе въ народныхъ школахъ ограничивается класснымъ преподаваніемъ; здѣсь не можетъ быть и рѣчи о задаваніи уроковъ

на домъ, такъ какъ домашняя обстановка учениковъ не представляетъ для того нужныхъ условий. Нужно поэтому удивляться, какъ мало до сихъ поръ обращается вниманія на самостоятельныя работы; въ этомъ, между прочимъ, слѣдуетъ, по нашему мнѣнiю, искать причину неудовлетворительности результатовъ, достигаемыхъ народными школами. Пора бы нашимъ педагогамъ, занимающимся вопросомъ объ обученiи въ народныхъ школахъ, обратить вниманiе на эту насущную потребность школъ!

Посредствомъ самостоятельныхъ работъ, какъ мы сказали, могутъ преслѣдоваться различныя цѣли обученiя; самостоятельныя работы представляютъ отличное средство для развитiя умственныхъ способностей и для приобрѣтенiя навыка къ самостоятельному труду; онѣ даютъ возможность учащимся приобрѣтать новые знанiя и основательнѣе усвоивать знанiя, сообщаемыя имъ на урокахъ съ учителемъ; наконецъ онѣ необходимы для приобрѣтенiя навыковъ и умѣнiй. Чтобы самостоятельныя работы действительно достигали означенныхъ цѣлей, необходимо: 1) правильно распредѣлять время между самостоятельными работами, сообразно учебнымъ предметамъ, къ которымъ онѣ относятся, и цѣлямъ, для достиженiя которыхъ онѣ служатъ, 2) цѣлесообразно выбирать темы для этихъ работъ и 3) выработать болѣе удобные способы для ихъ провѣрки.

Какъ при обученiи назначается определенное количество времени на каждый учебный предметъ, сообразно съ количествомъ и качествомъ учебнаго матеріала, такъ слѣдуетъ назначить определенное количество времени на каждый родъ самостоятельныхъ работъ, смотря по степени ихъ важности для достиженiя известныхъ учебныхъ цѣлей. Количество учебнаго времени, назначаемого на изученiе каждаго учебнаго предмета, определяется обыкновенно числомъ недѣльныхъ уроковъ; этотъ же способъ можно примѣнить и къ самостоятельнымъ работамъ. Какъ ни разнообразны самостоятельныя работы по своему содержанию, все-таки возможно раздѣлить ихъ всѣ на небольшое число группъ, и затѣмъ на каждую изъ этихъ послѣднихъ назначить определенное число недѣльныхъ уроковъ.

Всѣ самостоятельныя работы по родному языку раздѣляются на устныя и письменныя. Къ первымъ относятся: во первыхъ самостоятельное чтенiе, во вторыхъ ученiе наизусть. Подъ самостоятельнымъ чтенiемъ, или чтенiемъ про себя мы разумѣемъ чтенiе учениками новыхъ статей и повторенiе статей, прочитанныхъ съ учителя

лемъ; подъ ученьемъ наизусть мы разумѣемъ заучиванье учениками прочитанныхъ съ учителемъ и объясненныхъ имъ стихотвореній и басенъ. Письменные самостоятельныя работы весьма разнообразны, но изъ нихъ слѣдуетъ выдѣлять тѣ работы, которыя даются въ связи съ сообщеніемъ грамматическихъ свѣдѣній. Въ такомъ случаѣ къ письменнымъ самостоятельнымъ работамъ будутъ относиться: 1) письменныя упражненія и 2) грамматическія упражненія. Что касается до самостоятельныхъ работъ по ариметикѣ и черченію, то онѣ болѣе или менѣе однообразны, а потому нѣтъ надобности въ особой для этихъ работъ классификаціи.

Итакъ, всѣ самостоятельныя работы мы раздѣляемъ на 6 видовъ: самостоятельное чтеніе, ученье наизусть, письменныя, грамматическія, ариметическія упражненія и черченіе. Слѣдовало бы прибавить самостоятельныя работы по чистописанію, но такъ какъ на письмо подъ тактъ мы считаемъ выгоднѣе назначать одинъ урокъ на два отдѣленія, по половинѣ урока на каждое, то здѣсь само собою подразумѣваются и самостоятельныя занятія письмомъ: занимаясь половиною урока съ однимъ отдѣленіемъ, учитель даетъ другому отдѣленію самостоятельную работу по письму.

Указанное нами распредѣленіе самостоятельныхъ работъ приложимо только къ курсу средняго и старшаго отдѣленій школы. Курсъ же младшаго отдѣленія такого свойства, что въ теченіе учебнаго года самостоятельныя работы въ этомъ отдѣленіи должны постоянно мѣняться, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ мѣняться и распредѣленіе ихъ по видамъ. На этомъ основаніи самостоятельныя работы въ младшемъ отдѣленіи мы оставляемъ безъ классификаціи.

Изъ вышеприведенной таблицы числа недѣльныхъ уроковъ въ начальномъ училищѣ видно, что на самостоятельныя работы въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ приходится по 14 уроковъ въ недѣлю. Это общее число уроковъ между отдѣльными видами самостоятельныхъ работъ мы распредѣляемъ слѣдующимъ образомъ:

	Число уроковъ	
	Сред. отд.	Ст. отд.
Самостоятельное чтеніе	2	2
Ученье наизусть	2	2
Письменныя упражненія	5	4
Грамматическія упражненія	2	2

	Число уроковъ.	
	Сред. отд.	Ст. отд.
Арифметическія упражненія	3	3
Черченіе	„	1

Какъ скоро сдѣлано подобное распредѣленіе самостоятельныхъ работъ, ихъ можно внести въ расписаніе классныхъ занятій. При составленіи этого расписанія слѣдуетъ по возможности соблюсти, чтобы: 1) ежедневно въ каждомъ отдѣленіи были непременно занятія съ учителемъ, 2) занятія съ учителемъ и самостоятельныя занятія чередовались между собою, 3) самостоятельныя работы устные чередовались съ письменными въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится одно самостоятельное занятіе за другимъ. Для примѣра приводимъ нижеслѣдующее расписаніе недѣльныхъ занятій въ училищѣ, составленное на основаніи нашихъ соображеній и выводовъ, и пригодное для втораго полугодія, когда въ младшемъ отдѣленіи полагается 4 урока въ день. Для краткости чтеніе статей по исторіи и естествовѣдѣнію, а также и бесѣды по родиновѣдѣнію мы соединили съ объяснительнымъ чтеніемъ.

ДНИ.	ОТДѢЛ.	1-й урокъ.	2-й урокъ.	3-й урокъ.	4-й урокъ.	5-й урокъ.
Понедѣль- никъ.	Младш. Средн. Старш.	Самост. зан. Самост. чтеніе. Объяснит. чтеніе.	Чтеніе—письмо. Письмен. упражн. Письмен. упражн.	Самост. зан. Арифметика. Самост. чтеніе.	Самост. зан. Арифмет. упражн. Арифметика.	— Объяснит. чтеніе. Черченіе (самост.).
Вторникъ.	Младш. Средн. Старш.	Самост. зан. Ученъе назвустъ. Объяснит. чтеніе.	Арифметика. Письмен. упражн. Арифмет. упражн.	З а к о н ь Письмо похъ тактъ.	Б о ж і й. Самост. занят. Объяснит. чтеніе. Граммат. упражн.	— Чтеніе по пер- ковно-славянск.
Среда.	Младш. Средн. Старш.	Самост. зан. Арифмет. упражн. Объяснит. чтеніе.	Чтеніе—письмо. Ученъе назвустъ. Письмен. упражн.	Письмо похъ тактъ. Ученіе назвустъ.	Самост. занят. Объяснит. чтеніе. Граммат. упражн.	— — Грамматика.
Четвертъ.	Младш. Средн. Старш.	Самост. зан. Грамматика. Письмен. упражн.	Арифметика. Граммат. упражн. Ученъе назвустъ.	Самост. зан. Письмен. упражн. Арифметика.	Самост. занят. Арифметика. Граммат. упражн.	— Письмо похъ тактъ.
Пятница.	Младш. Средн. Старш.	Самост. зан. Объяснит. чтеніе. Арифмет. упражн.	Чтеніе—письмо. Письмен. упражн. Письмен. упражн.	З а к о н ь Письмо похъ тактъ.	Б о ж і й. Самост. занят. Письмен. упражн. Арифметика.	— Арифмет. упражн. Объяснит. чтеніе.
Суббота.	Младш. Средн. Старш.	Чтеніе—письмо. Арифмет. упражн. Самост. чтеніе.	Самост. зан. Арифметика. Арифмет. упражн.	Письмо похъ Самост. чтеніе. тактъ.	Самост. занят. Письмен. упражн. Арифметика.	— — Черченіе.

Относительно выбора самостоятельных работ мы ограничимся общими замѣчаніями, такъ какъ изъ приложеннаго плана вполне можетъ быть уяснена эта сторона учебнаго дѣла. Главныя требованія въ этомъ отношеніи состоятъ въ слѣдующемъ. Вопервыхъ, самостоятельныя работы должны быть въ тѣсной связи съ сообщаемымъ учебнымъ матеріаломъ; такъ при прохожденіи букваря ученикамъ дается письмо буквъ прочитанныхъ словъ; при объяснительномъ чтеніи — изложеніе отвѣтовъ на вопросы учителя изъ прочитанныхъ статей, заучиваніе прочитанныхъ стихотвореній; при прохожденіи извѣстнаго отдѣла ариметики — вычисленія и задачи, относящіяся къ этому отдѣлу; при сообщеніи грамматическихъ свѣдѣній — разборъ, приискваніе примѣровъ и пр. Повторныхъ, между самостоятельными работами должна быть строгая послѣдовательность: такъ работы, приучающія учениковъ къ изложенію мыслей, начинаясь изложеніемъ краткихъ отвѣтовъ на предложенные вопросы, постепенно усложняются и доходятъ до изложенія цѣлыхъ статей по плану и безъ плана, даннаго учителемъ. Въ третьихъ, при выборѣ самостоятельныхъ работъ слѣдуетъ сообразоваться съ силами учениковъ и временемъ: если работа слишкомъ трудна, то ученики могутъ не выполнить ее и слѣдовательно время пропадетъ даромъ; если работа требуетъ большаго времени, то ученики исполнять ее спѣшно, кое-какъ; если, напротивъ, работа очень легка и не сложна, то, окончивъ ее раньше времени, ученики будутъ шалить и мѣшать занятіямъ другихъ отдѣленій. Наконецъ, для успѣшнаго исполненія работы необходимо, чтобы ученики вполне понимали то, что отъ нихъ требуется; поэтому учитель, задавая самостоятельную работу, долженъ обстоятельно разъяснить свои требованія.

Нѣтъ сомнѣній, что и при соблюденіи всѣхъ означенныхъ условій самостоятельныя работы могутъ достигнуть цѣли только въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ постоянно и основательно выполняться учениками. А для этого необходима повѣрка каждой выполненной учениками работы. По отношенію къ училищу при учительской семинаріи подобная повѣрка не представляетъ никакихъ затрудненій; кромѣ учителя, какъ извѣстно, въ училищѣ ежедневно находятся два воспитанника 3-го класса, на которыхъ и можетъ быть возложена эта повѣрка. Для повѣрки же самостоятельныхъ работъ однимъ учителемъ требуется особый навыкъ и сноровка. Считаемо не лишнимъ по этому поводу указать на нѣкоторые общіе приемы.

Повѣрка самостоятельныхъ работъ бываетъ классная и домашняя.

Въ первомъ случаѣ учитель для повѣрки работъ удѣляетъ нѣсколько времени въ концѣ урока, во второмъ случаѣ, отбирая тетради, учитель повѣряетъ работы у себя дома. Эта послѣдняя повѣрка должна повторяться черезъ опредѣленные промежутки времени по отношенію ко всѣмъ письменнымъ работамъ, а изъ отдѣльныхъ работъ повѣряются на дому только такія, которыя требуютъ обстоятельнаго просмотра и исправленія, напримѣръ, письменное изложеніе цѣлыхъ статей и проч. Классная повѣрка можетъ быть также двоякая: общая и частная. Общая повѣрка бываетъ тогда, когда результаты работы у всѣхъ учениковъ должны быть совершенно одинаковы; въ этомъ случаѣ не трудно въ короткое время проверить работы всѣхъ учениковъ.

Такъ, напримѣръ, если ученикамъ было дано: выписать изъ нѣсколькихъ данныхъ предложеній подлежащія и сказуемыя, то учитель можетъ проверить эту работу, заставивъ каждого ученика прочитать по одному, или болѣе членовъ предложеній. Частная проверка бываетъ въ томъ случаѣ, когда дана самостоятельная работа устная, а также и письменная, но результаты могутъ получиться не одинаковые. Проверять подобныя работы нужно у каждого ученика отдѣльно, а такъ какъ для этого потребуется много времени, то учитель ограничивается спрашиваньемъ только тѣхъ учениковъ, на которыхъ менѣе надѣется.

Необходимымъ условіемъ успѣшности преподаванія служить между прочимъ предварительная разработка на весь учебный годъ плана занятій, сообразно съ познаніями и развитіемъ учениковъ, а затѣмъ составленіе на основаніи этого плана подробныхъ программъ преподаванія по каждому учебному предмету, сообразно съ количествомъ учебнаго времени. Составленіе подобныхъ программъ важно въ томъ отношеніи, что онѣ даютъ возможность правильно распорядиться учебнымъ временемъ и вести преподаваніе въ системѣ и послѣдовательности, распредѣляя учебный матеріалъ равномерно въ теченіе всего учебнаго года.

Нечего и говорить, что составленіе подобныхъ программъ обязательно для начальнаго училища при учительской семинаріи, но программы въ этомъ случаѣ должны быть составлены на особнхъ условіяхъ. По нашему мнѣнію, въ программахъ, составляемыхъ для преподаванія въ училищѣ, слѣдуетъ не только обозначить подробно учебный матеріалъ для каждого отдѣленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ указать по возможности самостоятельныя работы. Такого рода программы

необходимы для правильнаго хода зятій въ училищѣ и въ высшей степени полезны для воспитанниковъ семинари. Имѣя ихъ въ рукахъ, воспитанники обстоятельнѣе уяснятъ себѣ все, что относится къ веденію учебнаго дѣла въ училищѣ вообще и къ самостоятельнымъ занятіямъ въ частности. Мало того, даже по выходѣ воспитанниковъ изъ семинари эти программы послужатъ имъ хорошимъ пособіемъ, особенно въ первое время ихъ учительской дѣятельности. Въ виду испытанной нами на опытѣ пользы составленія такихъ программъ, мы считаемъ не бесполезнымъ сообщить подробный учебный планъ занятій, составленный нами для начальнаго училища при Новоторжской учительской семинари, тѣмъ болѣе что изъ него лучше уяснится вопросъ о самостоятельныхъ работахъ. Мы далеки отъ мысли видѣть въ нашемъ планѣ что-нибудь законченное и совершенное; напротивъ мы смотримъ на него, какъ на первый опытъ, и полагаемъ, что по мѣрѣ большей практики и наблюденій въ немъ придетъ многое измѣнять, дополнять и исключать.

Не входя въ подробныя объясненія тѣхъ основаній, которыми мы руководились при выборѣ и распредѣленіи учебнаго матеріала, а также и при выборѣ методовъ обученія, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, необходимыхъ для пониманія плана.

Весь учебный матеріалъ въ планѣ распредѣленъ по недѣлямъ; при чемъ количество этого матеріала рассчитано на то число недѣльных уроковъ по каждому предмету, которое показано въ вышеприведенныхъ нами таблицахъ; точно также по числу недѣльных уроковъ рассчитаны и самостоятельныя работы въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ; что же касается до этихъ работъ въ младшемъ отдѣленіи, то число уроковъ для каждаго рода самостоятельныхъ работъ указано въ самомъ планѣ. Весь учебный годъ раздѣленъ на 24 недѣли, причемъ приняты въ расчетъ только учебные дни.

Статьи для чтенія въ младшемъ отдѣленіи означены по „Родному Слову“ Ушинскаго, годъ I-й; а въ среднемъ отдѣленіи — по „Родному Слову—годъ 2-й“; при этомъ всѣ письменныя упражненія, находящіяся въ этихъ книгахъ, отнесены къ самостоятельнымъ работамъ. Что касается до старшаго отдѣленія, то здѣсь выбрать книгу для чтенія весьма трудно, такъ какъ ни одна изъ книгъ, назначенныхъ для класснаго чтенія въ народныхъ школахъ не пригодна для старшаго отдѣленія, какъ по выбору матеріала, такъ и по изложенію. По необходимости пришлось остановиться на хрестоматіи Ушинскаго „Дѣтскій міръ“. Хотя эта книга по изложенію и трудна для учени-

ковъ старшаго отдѣленія однокласнаго училища, но по крайней мѣрѣ по содержанію она соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя вынесены нами по отношенію статей для чтенія въ училищѣ при учительской семинаріи. Такимъ образомъ статьи для чтенія въ старшемъ отдѣленіи означены по „Дѣтскому міру“ Ушинскаго ч. 1-я. Матеріалъ для чтенія по церковно-славянски въ планѣ не указанъ, такъ какъ при выборѣ его не представляется никакихъ затрудненій, особенно если чтеніе ведется по Евангелію.

Учебный матеріалъ по грамматикѣ выбранъ и распределенъ для средняго отдѣленія по краткому руководству Тихомірова, а для старшаго отдѣленія по „Родному Слову“ Ушинскаго — годъ 3-й.

Программа преподаванія ариеметики составлена по методикѣ Евтущевскаго, но на основаніи опыта и наблюденій измѣнена система прохожденія чиселъ въ предѣлахъ отъ 20 до 100, а именно: числа въ этихъ предѣлахъ проходятся цѣлыми десятками, при чемъ обращается особенное вниманіе на рѣшеніе задачъ, усвоеніе учениками приѣмовъ для устнаго вычисленія и усвоеніе таблицы умноженія. Наконецъ программа преподаванія письма подѣ такъ составлена по руководству Гербача. Что же касается обученія грамотѣ, черченію и родновѣдѣнію, то въ этомъ случаѣ мы не придерживались въ точности какихъ-либо извѣстныхъ руководствъ.

Младшее отдѣленіе.

1-я НЕДѢЛЯ.

Письмо-чтеніе: Предварительныя бесѣды учителя съ учениками о школьныхъ порядкахъ и классныхъ предметахъ. Понятіе о звукѣ вообще. Упражненія въ раздѣленіи рѣчи на слова и словъ на слоги (части). Звуки: *у, а*, (выдѣленіе ихъ изъ словъ, прискливаніе словъ съ этими звуками, опредѣленіе части слова, въ которой они слышатся).—Ариеметика. Нѣтъ.—Письмо подѣ такъ: Объясненіе способа, какъ сидѣть во время письма, какъ держать карандашъ или грифель. Ознакомленіе съ линіями прямой и кривой (овальной), отвѣсной, лежневой и наклонной.—Самостоятельныя занятія: Рисованіе очертавія простѣйшихъ предметовъ (4 ур.). Черченіе ливій прямыхъ-лежневыхъ и наклонныхъ и овальныхъ (4 ур.).

2-я НЕДѢЛЯ.

Письмо-чтеніе: Звуки: *о, с, р, м, и, ш* (прежнія упражненія и сліаніе звуковъ).—Ариеметика. Нѣтъ.—Письмо подѣ такъ: Предварительныя упражненія для развитія руки.—Самостоятельныя занятія: Тѣ же.

3-я НЕДЕЛЯ.

Письмо-чтение: Понятіе о буквѣ. Письменные и печатныя буквы: о, а, с, н, ш, р, м, у (письмо буквъ и словъ, чтение словъ написанныхъ и составленныхъ изъ подвижныхъ буквъ).—Арифметика: Изученіе чиселъ: 1, 2 и 3.—Письмо подъ тактъ: Письмо элементовъ буквъ 1-й и 2-й группы.—Самостоятельныя занятія: Письмо буквъ по мѣрѣ ихъ изученія (4 ур.). Зачеркиваніе изученныхъ буквъ на доскуткахъ газетъ (2 ур.). Письмо элементовъ буквъ 1-й и 2-й группы (2 ур.).

4-я НЕДЕЛЯ.

Письмо-чтение: Звуки и буквы: к, л, н, т.—Арифметика: Изученіе числа 4.—Письмо подъ тактъ: Письмо тѣхъ же элементовъ и буквъ: и, ш, м.—Самостоятельныя занятія: Письмо буквъ (4 ур.); письмо прочитанныхъ словъ (2) зачеркиваніе буквъ (1); письмо тѣхъ же элементовъ (1).

5-я НЕДЕЛЯ.

Письмо-чтение: Понятіе о гласныхъ и согласныхъ звукахъ, выводимое изъ рассмотрѣнія изученныхъ звуковъ. Произношеніе согласныхъ звуковъ твердое и мягкое. Знаки ъ и ѿ; чтение и письмо словъ съ этими знаками. Звуки и буквы: н ѿ. (Чтение по букварю Тихомірова).—Арифметика: Изученіе числа 5.—Письмо подъ тактъ: Письмо буквъ: л, н, т.—Самостоятельныя занятія: Письмо буквъ (3); зачеркиваніе буквъ (1); письмо прочитанныхъ словъ (2); разложеніе изученныхъ чиселъ при помощи крестиковъ, черточекъ (2).

6-я НЕДЕЛЯ.

Письмо-чтение: Звуки и буквы: е, (ѣ), ѣ, и, ю, я.—Арифметика: Изученіе числа 6.—Письмо подъ тактъ: Письмо буквъ: н, ѿ, р. Самостоятельныя занятія: Тѣ же.

7-я НЕДЕЛЯ.

Письмо-чтение: Звуки и буквы: ч, х, д, ж.—Арифметика: Число 7.—Письмо подъ тактъ: Письмо буквъ: к, у, в, ч.—Самостоятельныя занятія: Тѣ же.

8-я НЕДЕЛЯ.

Письмо-чтение: Звуки и буквы: з, б, в.—Арифметика: Число 8.—Письмо подъ тактъ: Письмо элементовъ буквъ 3-й и 4-й группы. Самостоятельныя занятія: Письмо буквъ (3); зачеркиваніе изучаемыхъ буквъ (1); письмо прочитанныхъ словъ (2); разложеніе числа 8 (1); письмо элементовъ буквъ 3-й и 4-й группы.

9-я НЕДЕЛЯ.

Письмо-чтение: Звуки и буквы: ф, (ѳ), ш, і, ѣ, э.—Арифметика: Число 9.—Письмо подъ тактъ: Письмо буквъ: і, ш, з, е. Самостоятельныя занятія. Тѣ же.

10-я НЕДЕЛЯ.

Объяснительное чтение: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 1-го и № 2-го (Родное Слово, годъ 1-й). Ученые наизусть стихотворенія «Пѣтушокъ».—Ариф-

МЕТРИКА: Число 10.—Письмо подъ тактъ: Письмо буквъ: с, в, ч, х, ѣ.—Самостоятельные занятія: Письмо словъ изъ № 1-го и № 2-го (3 ур.); письмо по сѣткѣ буквъ 1-й группы (3); составленіе табличекъ (2).

11-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 3 и № 4.—Арифметика: Ознакомленіе съ цифрами.—Письмо подъ тактъ: Письмо буквъ: э, з, ж, ъ, о, е.—Самостоятельные занятія: Письмо словъ и предложеній изъ № 3-го и № 4-го (3). Письмо по сѣткѣ буквъ 2-й группы (3); письмо цифръ (2).

12-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе: Бесѣда въ связи съ чтеніемъ № 5-го. чтеніе и разсказъ статей «Рѣпка» и «Теремокъ мышкы». — Арифметика: Ознакомленіе съ знаками: +, —, =. Составленіе табличекъ.—Письмо подъ тактъ: Письмо буквъ: я, д, ѣ, ю, а, б.—Самостоятельные занятія: Письмо словъ и предложеній изъ № 5-го (3); письмо по сѣткѣ буквъ 3-й группы (3); письмо цифръ и составленіе табличекъ (2).

13-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 6-го и № 7-го. Чтеніе статей: «Старикъ и волкъ», «Козликъ», «Буренушка». — Арифметика: Ознакомленіе съ знаками \times , \div . Составленіе табличекъ. — Письмо подъ тактъ. Повтореніе буквъ 1-й и 2-й группы.—Самостоятельные занятія: Письмо словъ и предложеній изъ № 6-го и № 7-го (4); письмо словъ, означающихъ понятія одного рода (2); письмо названій предметовъ, изображенныхъ на картинкѣ въ № 2 (1); письмо по сѣткѣ буквъ 4-й группы (2); составленіе табличекъ (2) повтореніе прочитанныхъ статей (1).

14-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 8 и № 9. Чтеніе статей: «Два пѣтушка», «Война грибовъ». Ученіе наизусть стихотворенія: «Буренушка». — Арифметика: Вычисленіе формулъ.—Письмо подъ тактъ: Повтореніе буквъ 3-й и 4-й группы. — Самостоятельные занятія: Письмо словъ и предложеній изъ № 8 и № 9-го (4); письмо словъ, выражающихъ понятія одного рода (2); письмо названій предметовъ, нарисованныхъ на картинкѣ въ № 4 (1); повтореніе прочитаннаго (1); вычисленіе формулъ (2); письмо труднѣйшихъ буквъ (2).

15-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 10 и № 11. Чтеніе статьи: «Козлятки и волкъ». Чтеніе и ученіе наизусть стих.: «Утро». — Арифметика: Повтореніе. — Письмо подъ тактъ: Повтореніе буквъ 3-й и 4-й группы.—Самостоятельные занятія: Письмо словъ и предложеній изъ № 10 и № 11-го (4); письмо словъ, выражающихъ понятія одного рода (2); письмо названій предметовъ, изображенныхъ на картинкѣ въ № 5 (1); повтореніе прочитаннаго (1); вычисленіе формулъ (2); письмо по сѣткѣ словъ изъ буквъ 1-й и 2-й группы (2)

16-я НЕДЕЛЯ.

Объяснительное чтение: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 12, № 13 и № 14. Чтеніе и разсказъ статьи: «Колобокъ».—Арифметика: Число 11.—Письмо подъ тактъ: Письмо словъ изъ буквъ 3-й и 4-й группы.—Самостоятельныя занятія: Письмо словъ и предложеній изъ № 12, № 13 и № 14 (5); письмо словъ по родамъ (1); письмо названій предметовъ по картинкѣ въ № 7 (1); повтореніе прочитаннаго (1); письмо по сѣткѣ словъ изъ буквъ 3-й и 4-й группы (2); составленіе табличекъ для числа 11 и вычисленіе формулъ (2).

17-я НЕДЕЛЯ.

Объяснительное чтение: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 15 и № 16. Чтеніе и разсказъ статей: «Медвѣжья лапа», «Лиса и дятель». — Арифметика: Число 12.—Письмо подъ тактъ: Письмо элементовъ прописныхъ буквъ 1-й и 2-й группы.—Самостоятельныя занятія: Письмо словъ и предложеній № 15 и № 16 (4); письмо словъ по родамъ (2); повтореніе прочитаннаго (2); письмо элементовъ прописныхъ буквъ 1-й и 2-й группы (2); составленіе табличекъ для числа 12 и вычисленіе формулъ (2).

18-я НЕДЕЛЯ.

Объяснительное чтение: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 17 и № 18. Чтеніе и разсказъ ст.: «Пчелки на развѣдкахъ». Чтеніе и ученіе наизусть стих.: «Урокъ».—Арифметика: Число 13 и 14.—Письмо подъ тактъ: Письмо прописныхъ буквъ: И, Ш, Щ, Ч, Л, А, С, Е. — Самостоятельныя занятія: Письмо словъ и предложеній № 17 и № 18 (4); письмо словъ по родамъ (2); повтореніе прочитаннаго (2); письмо прописныхъ буквъ (2); составленіе табличекъ и вычисленіе формулъ (2).

19-я НЕДЕЛЯ.

Объяснительное чтение: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 19 и № 20. Чтеніе и разсказъ ст.: «Умѣй обождать», «Четыре желанія».—Арифметика: Числа 15 и 16.—Письмо подъ тактъ: Письмо прописныхъ буквъ: Ъ, Э, З, Х, Ж, О, Ё, Я.—Самостоятельныя занятія: Письмо словъ и предложеній № 19 и № 20 (4); письмо словъ по родамъ (2); повтореніе прочитаннаго (1); письмо прописныхъ буквъ (2); составленіе табличекъ и вычисленіе формулъ (3).

20-я НЕДЕЛЯ.

Объяснительное чтение: Бесѣды и чтеніе № 21 и № 22. Чтеніе и разсказъ статьи: «Трусливый Ваня»; чтеніе и ученіе наизусть стих.: «Птчка».—Арифметика: Числа 17 и 18.—Письмо подъ тактъ: Письмо элементовъ прописныхъ буквъ 3-й и 4-й группы. — Самостоятельныя занятія: Письмо словъ и предложеній № 21 и № 22 (2); письмо недоконченныхъ предложеній № 21 и № 22 (4); самостоятельное чтеніе сказки: «Пѣтухъ да котъ» (2); письмо элементовъ прописныхъ буквъ (2); составленіе табличекъ и вычисленіе формулъ (2).

21-я НЕДЕЛЯ.

Объяснительное чтение: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 23 и № 24. Чтеніе и разсказъ статей: «Лиса и кувшинъ», «Пѣтухъ да собака».—Арифметика:

Числа 19 и 20.—Письмо подъ тактъ: Письмо прописныхъ буквъ: *I, У, Н, М, Ю, Р, К.*—Самостоятельныя занятія: Письмо словъ и предложеній № 23 и № 24 (2); письмо недоконченныхъ предложеній № 23 и № 24 (4); самостоятельное чтеніе сказки: «Мѣна» (2); письмо прописныхъ буквъ (2); составленіе табличекъ и вычисленіе формулъ (2).

22-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 25, № 26 и № 27. Чтеніе стих.: «Малыя сиротки—Божьи дѣтки».—Арифметика: Рѣшеніе задачъ устно и письменно на числа отъ 1 до 20; усвоеніе таблицы сложенія и таблицы умноженія на 2.—Письмо подъ тактъ: Письмо прописныхъ буквъ: *В, Ф, Г, П, Т, Б, Д.*—Самостоятельныя занятія: Письмо словъ и предложеній № 25 № 26 и № 27 (2); письмо недоконченныхъ предложеній изъ тѣхъ же номеровъ (5); ученіе наизусть прочтавшаго стихотворенія (1); письмо прописныхъ буквъ (2); составленіе табличекъ и вычисленіе формулъ (2).

23-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 28, № 29, № 30 и № 31.—Арифметика: То же.—Письмо подъ тактъ: Письмо труднѣйшихъ прописныхъ буквъ.—Самостоятельныя занятія: Письменные отвѣты на вопросы изъ № 28, № 29, № 30 и № 31 (6); повтореніе выученныхъ стихотвореній (2); письмо прописныхъ буквъ (2); составленіе табличекъ и вычисленіе формулъ (2).

24-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе: Бесѣды въ связи съ чтеніемъ № 32—№ 36.—Арифметика: То же.—Письмо подъ тактъ: Письмо труднѣйшихъ прописныхъ буквъ.—Самостоятельныя занятія: Письменные отвѣты на вопросы изъ прочтанныхъ номеровъ (6); повтореніе стихотвореній (2); письмо прописныхъ буквъ (2); составленіе табличекъ и формулъ (2).

Среднее отдѣленіе.

1-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Въ школь», «Приглашеніе въ школу» и стих: «Осень». Сам. чт.: «Братецъ Иванаушка и сестрица Аленушка» (1-я и 2-я ч. Уч. назв. стихотв. «Осень». Письм. упражн: письменные отвѣты на вопросы учителя изъ прочтанныхъ статей (2); письменные отвѣты изъ III отд. № 1 (3).—Письмо подъ тактъ. Письмо по сѣткѣ № 2-й строчныхъ буквъ 1-й группы.—Грамматика; грамматическія упражненія Звуки гласные, согласные и полугласный; замѣчанія о правописаніи; диктантъ. Упраж.: приписываніе словъ, въ которыхъ встрѣчаются данныя звуки.—Арифметика; арифметическія упражненія: Повтореніе пройденнаго въ младшемъ отдѣленіи. Упраж.: вычисленіе формулъ и письменное рѣшеніе задачъ; таблица сложенія и таблица умноженія на 2.

2-я НЕДЕЛЯ.

Объяснительное чтение; самостоятельное чтение; ученье наизусть; письменныя упражненія: Чтеніе статей: «Утренніе лучи», «Классная и грифельная доска» и стихотв. «Изба». Сам. чтеніе, — окончаніе сказки: «Братец Иван-пушка». Ученье наизусть, — стихотв. «Изба». Письмен. упраж.: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 2 (3). — Письмо подъ тактъ: Письмо по сѣтѣ № 2 буквъ 2-й группы. — Грамматика; грамматическія упражненія: Понятіе о слогахъ; раздѣленіе словъ по числу слоговъ; диктантъ. Упраж.: раздѣленіе данныхъ словъ на слоги; прискиваніе словъ односложныхъ, двухсложныхъ и проч. — Арифметика; арифметическія упражненія: Тѣ же.

3-я НЕДЕЛЯ.

Объяснительное чтение; самостоятельное чтение; ученье наизусть; письменныя упражненія: Чтеніе статей: «Какъ строятся дома», «Сила не право» и стихотв. «Мать и дѣти». Самост. чтеніе: повтореніе прочитаннаго съ учителемъ. Ученье наизусть, — стихотв.: «Мать и дѣти». Письмен. упраж.: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 3 (3). — Письмо подъ тактъ: Письмо по сѣтѣ словъ изъ буквъ 1-й и 2-й группы. — Грамматика; грамматическія упражненія: Понятіе объ удареніи въ словѣ; диктантъ. Упраж.: выписываніе словъ и обозначеніе на нихъ ударенія; прискиваніе словъ съ удареніемъ на 1-мъ, 2-мъ и т. д. слогахъ. — Арифметика; арифметическія упражненія: Ознакомленіе съ третьимъ десяткомъ; числа 21 и 24. Упраж.: составленіе табличекъ и вычисленіе формулъ.

4-я НЕДЕЛЯ.

Объяснительное чтение; самостоятельное чтение; ученье наизусть; письменныя упражненія: Чтеніе статей: «Пища и питье» «Дѣдушка и внучекъ» и стихотв.: «Не сжатая полоса». Самост. чтеніе: «Плутишка котъ» (полов.). Ученье наизусть, — стихотв. «Не сжатая полоса». Письм. упраж.: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 4 и № 5 (3). — Письмо подъ тактъ: То же. — Грамматика; грамматическія упражненія: Слова, означающія предметы и части предметовъ. Упраж.: выписываніе и прискиваніе словъ, означающихъ предметы и части предметовъ. — Арифметика; арифметическія упражненія: Число 25, 27, 28 и 30. Упраж.; составленіе табличекъ, вычисленіе формулъ, таблица умноженія на 3.

5-я НЕДЕЛЯ.

Объяснительное чтение; самостоятельное чтение; ученье наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Хлѣбъ и вода», «Споръ животныхъ» и стихотвореніе «Колыбельная пѣсня». Самост. чтеніе: «Плутишка котъ» (оконч.). Ученье наизусть прочитаннаго стихотворенія. Письменныя упражненія: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 6 (3). — Письмо подъ тактъ. Письмо строчныхъ буквъ 3-й группы. — Грамматика; грамматическія упражненія. Слова, обозначающія качества предметовъ. Упражненіе: выписываніе словъ, обозначающихъ качество; приписываніе качествъ даннымъ предметамъ. — Арифметика; арифметическія упражненія. Четвертый десятокъ; числа 32, 36, 40. Упражненія: составленіе табличекъ; вычисленіе формулъ; таблица умноженія на 4.

6-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтение; самостоятельное чтение; ученье наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Одежда», «Лиса и козель» и стихотвореніе «Что сдѣлала зима». Самост. чтеніе: повтореніе прочитаннаго съ учителемъ. Ученье наизусть стихотв. «Что сдѣлала зима». Письменное упражненіе: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 7 и № 8 (3).—Письмо подъ тактъ. Письмо строчныхъ буквъ 4-й группы.—Грамматика; грамматическія упражненія. Предметы одушевленные и неодушевленные. Упраж. выписываніе и прискиваніе словъ, означающихъ предметы одушев. и неодушев.—Арифметика; арифметическія упражненія. Пятый десятокъ; числа 42, 45, 48, 50. Упражненія: составленіе табличекъ; вычисленія, таблица умноженія на 5.

7-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтение; самостоятельное чтение; ученье наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статьи: «Какъ рубашка въ полѣ выросла». Самост. чтеніе: «Сивка бурка» (треть). Ученье наизусть: Повтореніе прежнихъ стихотвореній. Письмен. упраж: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 9 (3)—Письмо подъ тактъ. Письмо словъ изъ буквъ 3-й и 4-й группы. Грамматика, грамматическія упражненія. Слова, обозначающія предметы. Упраж: приискпваніе словъ, означающихъ дѣйствія данныхъ предметовъ. Арифметика, арифметическія упражненія. Шестой десятокъ; числа 54, 56, 60. Упраж: вычисленія; ршенія задачъ, таблица умноженія на 6.

8-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтение, самостоятельное чтение, ученье наизусть, письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Васька», «Мышки», «Орелъ и Кошка» и стих. «Печальный конь». Самост. чтеніе: «Сивка бурка» (треть). Ученье наизусть стих. «Печальный конь». Письм. упраж: отвѣты на вопросы учителя (3); изъ отд. III № 10 (2). Письмо подъ тактъ. Тоже. — Грамматика, грамматическія упражненія. Повтореніе пройденнаго; диктантъ. Упраж: разборъ данныхъ словъ съ указаніемъ: 1) что означаетъ слово, 2) сколько слоговъ, 3) гдѣ стоитъ удареніе.—Арифметика, арифметическія упражненія. Седьмой десятокъ; числа 63, 94, 70. Упраж: вычисленія, ршеніе задачъ, таблица умноженія на 7.

9-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтение, самостоятельное чтение, ученье наизусть, письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Цѣтушковъ съ семьей», «Лягушка и волкъ» и стихотв. «Зайка». Самост. чтеніе: «Сивка бурка» (ожонч.). Ученье наизусть стихотв. «Зайка». Письменн. упраж: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 11 и № 12 (3).—Письмо подъ тактъ. Письмо прописныхъ буквъ 1-ой группы.—Грамматика, грамматическія упражненія. Тоже. Арифметика, арифметическія упражненія. Восьмой десятокъ; числа 72, 80. Упраж: вычисленія; ршеніе задачъ, таблица умноженія на 8.

10-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтение, самостоятельное чтение, ученье наизусть, письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Огородъ» и «проказы старухи зимы». Самост.

чтеніе: повтorenіе прочитаннаго съ учителемъ. Ученъе наизусть: повтorenіе прежнихъ стихотвореній. Письм. упраж: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 13 и № 14 (3).—Письмо подъ тактъ. Письмо прописныхъ буквъ 2-й группы.—Грамматика, грамматическія упражненія. Понятіе о подлежащемъ; диктатъ. Упраж: изъ данныхъ предложеній выписать подлежащія.—Арифметика арифметическія упражненія. Девятый десятокъ; числа 81 и 90. Упраж: вычисления; рѣшеніе задачъ; таблица умноженія на 9.

11-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; самостоятельное чтеніе; ученъе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Капустная бабочка», «Въ потѣ лица», и стихотв. «Въ дорогѣ». Самост. чтеніе: «Не плюй въ колодезь». Ученъе наизусть стихотв. «Въ дорогѣ». Письм. упражненія: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 15 и № 16 (3). Письмо подъ тактъ. Письмо прописныхъ буквъ 3-й группы.—Грамматика, грамматическія упражненія. Понятіе о сказуемомъ. Упражненія: къ даннымъ подлежащимъ прискаты сказуемыя и наоборотъ. Арифметика; арифметическія упражненія. Десятый десятокъ; числа 96 и 100. Упражненія: повтorenіе таблицы умноженія.

12-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе, самостоятельное чтеніе; ученъе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статьи: «Исторія одной яблоньки» и стихотворенія: «Ласточки». Самостоят. чтеніе: «Не плюй въ колодезь» (оконч.). Ученъе наизусть стихотворенія: «Ласточки». Письм. упражненія: отвѣты на вопросы учителя (3); изъ III отд. № 18 (2). Письмо подъ тактъ: Письмо прописныхъ буквъ 4-й группы. Грамматика, грамматическія упражненія. Предложеніе и его члены; диктатъ. Упражненія: Прискиваніе предложеній и подчеркиваніе въ нихъ подлежащаго и сказуемыхъ. Арифметика, арифметическія упражненія. Выводъ и опредѣленіе дѣйствій сложенія и вычитанія. Упражненія: нахожденіе суммы и разности данныхъ чиселъ.

13-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе, самостоятельное чтеніе, ученъе наизусть, письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Какъ человекъ ѣздитъ по землѣ»; «Ивановъ червячекъ» и стихот.: «Весеннія воды». Самост. чтеніе: повтorenіе прочитаннаго съ учителемъ. Ученъе наизусть стих. «Весеннія воды». Письменные упражненія: отвѣты на вопросы учителя (2), изъ III отд. № 19 и № 20 (3). Письмо подъ тактъ. Письмо по сѣткѣ № 3-й словъ съ проп. буквами: А, Б, В, Г и Д. Грамматика, грамматическія упражненія. Пояснительныя слова въ предложеніи. Упражненія: въ данныхъ предложеніяхъ отыскать пояснительныя слова и поставить вопросы. Арифметика, арифметическія упражненія. Выводъ и опредѣленіе дѣйствій умноженія и дѣленія. Упражненія: нахожденіе произведенія и частнаго данныхъ чиселъ.

14- НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; самостоятельное чтеніе; ученъе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Какъ ѣдятъ безъ лошадей», «На лугу гдѣ-

томъ» и стихотв.: «Сѣнокосъ». Самост. чтеніе: «Змѣй и цыганъ» (полов.). Ученые наизусть стих. «Сѣнокосъ». Письм. упражненія: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 21 и № 22 (3).—Письмо подъ тактъ. Письмо словъ съ буквами: *Е, Ж, З, И, К*.—Грамматика; грамматическія упражненія. Предложенія краткія и распространенныя; диктантъ. Упраж.: распространить предложенія краткія по даннымъ вопросамъ.—Арифметика; арифметическія упражненія. Рѣшеніе задачъ на мѣры сыпучихъ тѣлъ въ иредѣлѣ чиселъ первой согнн. Упраж.: письменное рѣшеніе задачъ на мѣры сыпучихъ тѣлъ.

15-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; самостоятельное чтеніе; ученые наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Какъ ѣздить по водѣ», «Путешествіе воды». Самост. чтеніе: «Змѣй и цыганъ» (окопчаніе). Ученые наизусть: повтореніе прежнихъ стихотвореній. Письм. упраж.: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 23 и № 24 (3). Письмо подъ тактъ. Письмо словъ съ буквами: *Л, М, Н, О, П*.—Грамматика, грамматическія упражненія. Повтореніе пройденнаго, диктантъ. Упраж.: разборъ данныхъ предложеній съ указаніемъ: 1) какую часть предложенія каждое слово составляетъ; 2) что обозначаетъ слово; 3) сколько слоговъ и 4) гдѣ удареніе.—Арифметика, арифметическія упражненія То же.

16-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; самостоятельное чтеніе; ученые наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «По водѣ на колесахъ»; «Засуха»; «Пища растеній» и стихотв.: «Вечерняя заря». Самост. чтеніе: повтореніе прочитаннаго съ учителемъ. Ученые наизусть стих. «Вечерняя заря». Письм. упраж. отвѣты на вопросы учителя (3); изъ III отд. № 25 (2).—Письмо подъ тактъ. Письмо словъ съ буквами: *Р, С, Т, У, Ф*.—Грамматика, грамматическія упражненія. То же.—Арифметика, арифметическія упражненія. Рѣшеніе задачъ на мѣры длины. Упраж.: письменное рѣшеніе задачъ на мѣры длины.

17-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; самостоятельное чтеніе; ученые наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Какъ летаютъ люди по воздуху», «Жалобы Зайки» и стих. «Нива». Самост. чтеніе: «Какъ аукнется». Ученые наизусть стих.: «Нива». Письмен. упраж.: отвѣты на вопросы учителя (2); изъ III отд. № 26 (3).—Письмо подъ тактъ. Письмо словъ съ буквами: *Х, Ц, Ч, Ш, Щ*.—Грамматика, грамматическія упражненія. Корень и окончаніе слова; диктантъ. Упраж.: въ данныхъ словахъ отдѣлить корень отъ окончанія.—Арифметика, арифметическія упражненія. То же.

18-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; самостоятельное чтеніе; ученые наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Село и деревня», «На полѣ лѣтомъ» и стих.: «Христосъ воскресъ». Самост. чтеніе: «Мужикъ и медвѣдь» ученые наизусть стихотвор.. «Христосъ воскресъ». Письмен. упражненія: подборъ вопросовъ къ статьѣ: «село и деревня» и отвѣты на нихъ (2); изъ III отд. № 27 (3).—Письмо

подъ тактъ. Письмо словъ на буквы: *Ъ, Э, Ю, Я*.—Грамматика, грамматическія упражненія. Понятіе о приставкѣ; диктантъ. Упраж.: въ данныхъ словахъ отдѣлять приставку, корень и окончаніе. — Ариѳметика, ариѳметическія упражненія. Рѣшеніе задачъ на мѣры вѣса. Упражненія: письменное рѣшеніе задачъ на мѣры вѣса.

19-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Городъ», «Мизгирь» и стихотв.: «Урожай». Самостоятельное чтеніе: повтореніе прочитаннаго. Ученіе наизусть стихотв. «Урожай» Письм. упражненія: подборъ вопросовъ «Урожай» и отвѣты на нихъ (2); изъ III отд. № 28 и № 29 (3). Письмо подъ тактъ. Письмо фразъ на первыя пять прописныхъ буквъ алфавита.—Грамматика, грамматическія упражненія. Сомнительные гласные звуки; диктантъ. Упраж.: письмо словъ съ сомнительными гласными звуками.—Ариѳметика, ариѳметическія упражненія. Словесное счисленіе и нумерація чиселъ до 1,000. Упраж.: письмо чиселъ по порядку въ данномъ предѣлѣ.

20-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Какія бываютъ растенія», «Въ лѣсу лѣтомъ», «Споръ деревьевъ». Самост. чтеніе: «Ученый медвѣдь». Ученіе наизусть: повтореніе прежнихъ стихотвореній. Письм. упраж.: вопросы и отвѣты изъ статей: «Столъ и стулъ» (2), изъ III отд. № 31 и № 32 (3).—Письмо подъ тактъ. Письмо фразъ на слѣдующія пять буквъ.—Грамматика, грамматическія упражненія. Сомнительные согласные звуки; диктантъ. Упраж.: письмо словъ съ сомнительными согласными звуками.—Ариѳметика, ариѳметическія упражненія. Сложеніе чиселъ въ предѣлѣ тысячи. Упраж.: вычисленія и рѣшеніе задачъ на сложеніе.

21-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; самостоятельное чтеніе, ученіе наизусть, письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Орелъ и ворона», «Новый хлѣбъ» и стихотв.: «Пѣсня пахара». Самост. чтеніе: повтореніе прочитаннаго съ учителемъ. Ученіе наизусть стих. «Пѣсня пахара». Письмен. упраж.: отвѣты и вопросы къ статьѣ: «Нашъ классъ» (2); изъ III отд. № 33 (3).—Письмо подъ тактъ. Письмо фразъ на слѣдующія пять буквъ.—Грамматика, грамматическія упражненія. Нѣкоторыя правила объ употребленіи буквы *е, ѣ, э*; диктантъ. Упраж.: письмо коренныхъ словъ съ буквою *ѣ*.—Ариѳметика, ариѳметическія упражненія. Вычитаніе чиселъ въ предѣлѣ тысячи. Упраж.: вычисленія и задачи на вычитаніе.

22-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе, самостоятельное чтеніе, ученіе наизусть, письменное упражненіе. Чтеніе статей: «Овца», «Хавронья», «Уточка», «Гуси» и стих. «Пѣсенки цвѣтовъ». Самост. чтеніе: повтореніе прочитаннаго. Ученіе наизусть: «Пѣсенки цвѣтовъ». Письмен. упраж.: вопросы и отвѣты изъ статьи: «Тюльпанъ» (2); отд. III изъ № 34 (3).—Письмо подъ тактъ. Письмо фразъ

на слѣдующія пять буквѣвъ.—Грамматика, грамматическія упражненія. Тѣ же.—Арифметика, арифметическія упражненія. Умноженіе чиселъ въ предѣлѣ тысячи. Упраж.: вычисленія и задачи на умноженіе.

23-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе, самостоятельное чтеніе, ученіе наизусть, письменныя упражненія. Чтеніе статей: „Изъ дѣтскихъ воспоминаній“. Самост. чтеніе: повтореніе. Ученіе наизусть: повтореніе. Письменныя упраж.: отд. III, изъ № 35 (5).—Письмо подъ тактъ. Письмо фразъ на слѣдующія пять буквѣвъ. Грамматика, грамматическія упражненія. Повтореніе пройденнаго; диктантъ. Упраж.: разборъ словъ въ данныхъ предложеніяхъ съ указаніемъ: 1) числа слоговъ, 2) ударенія, 3) корня, 4) что означаетъ слово, 5) какой членъ предложенія, 6) на какой вопросъ отвѣчаетъ.—Арифметика, арифметическія упражненія. Дѣленіе чиселъ въ томъ же предѣлѣ. Упраж.: вычисленія и задачи на дѣленіе.

24-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе, самостоятельное чтеніе, ученіе наизусть, письменныя упражненія. Чтеніе статей: „Изъ дѣтскихъ воспоминаній“. Сам. чтеніе: повтореніе. Ученіе наизусть: повтореніе. Письмен. упраж.: отд. III, изъ № 36 (5).—Письмо подъ тактъ. Письмо фразъ на остальные буквы.—Грамматика, грамматическія упражненія. Тѣ же.—Арифметика, арифметическія упражненія. Рѣшеніе задачъ на четыре дѣйствія. Упраж.: вычисленіе и рѣшеніе задачъ.

Старшее отдѣленіе.

1-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе басни: «Мартышка и очки» и статей: «Дѣти въ рошѣ», «Лошадь». Бесѣда о странахъ свѣта. Самостоятельное чтеніе: «Охотникъ до сказокъ». Ученіе наизусть прочитанной басни. Письм. упражненія: письмо выученной басни (1); отвѣты на вопросы учителя изъ статьи: «Дѣти въ рошѣ» (2); описаніе лошади по плану учителя (1).—Письмо подъ тактъ. Письмо словъ и короткихъ предложеній по одной линейкѣ.—Грамматика. Повтореніе пройденнаго въ среднемъ отдѣленіи. Упраженія: письменный разборъ (Диктантъ дѣлается при каждомъ удобномъ случаѣ).—Арифметика. Повтореніе пройденнаго въ среднемъ отдѣленіи въ послѣднія шесть недѣль. Упраженія: вычисленія и рѣшеніе задачъ.—Черченіе.—Бесѣда о формѣ классной комнаты. Сам. занятія: письменные отвѣты на вопросы учителя.

2-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе стихотворенія: «Птичка» и статей: «Играющія собаки», «Два

козлика», «Овца». Беседа о планѣ классной комнаты. Сам. чтеніа: «Лихо дноглазое». Ученые наизусть стихотворенія: «Птичка». Письм. упражненія: письмо выученнаго стихотворенія; изложеніе разгаза «Два козлика»; описаніе овцы; сравненіе овцы съ лошадыю. — Письмо подъ тактъ. Письмо короткихъ предложеній по одной линейкѣ. — Грамматика. Повтореніе пройденнаго въ среднемъ отдѣленіи. Упраженія: письменный разборъ. — Арифметика. Повтореніе пройденнаго въ послѣдніа шесть недѣль въ среднемъ отдѣленіи. Упраженія: вычисленія и рѣшеніе задачъ. — Черченіе. Беседа о формѣ лица. Сам. занятія: отвѣты на вопросы учителя.

3-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученые наизусть; письменныа упражненія. Чтеніе басенъ «Муха», «Лисица и виноградъ» и статей: «Персики», «Свинья». Беседа о планѣ зданія школы. Сам. чтеніе: «сказка о куцѣхъ Остолопѣхъ». Ученые наизусть прочитанныхъ басенъ. Письмен. упражненія: письмо выученныхъ басенъ (2); описаніе свиньи; сравненіе свиньи и овцы. — Письмо подъ тактъ. То же. — Грамматика. Понятіе объ имени существительномъ и имени прилагательномъ. Упраженіе: изъ § 8 (Родное Слово—годъ 3-й). — Арифметика. Нумерація чиселъ любой величины. Упраж.: письмо чиселъ въ извѣстномъ предѣлѣ. — Черченіе. Изученіе куба. Сам. черченіе куба съ проводочной модели.

4-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученые наизусть; письменныа упражненія. Чтеніе басни «Щука и котъ» и статей «Два путешественника», «Кошка». Беседа по плану семинарской земли. Самос. чтен.: «Никита Кожемяка». Ученые наизусть прочитан. басни. Письм. упраж.: письмо выученной басни (2); описаніе кошки; отвѣты на вопросы учителя. — Письмо подъ тактъ. Упраженіе въ скорписи на буквы: о, а, б. — Грамматика. Понятіе объ имени числительномъ и мѣстоименіи. Упраж.: изъ §§ 10 и 11. — Арифметика. Сложеніе цѣлыхъ отвлеченныхъ чиселъ. Упраж.: сложеніе данныхъ чиселъ. — Черченіе: Изученіе призмы. Сам. черченіе призмы съ проводочной модели.

5-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученые наизусть; письменныа упражненія. Чтеніе басни «Слонъ и моська» и статей: «Вѣрная собака», «Собака». Беседа по плану г. Торжка. Самост. чтеніе: «Столица и ея окрестности» (пол). Ученые наизусть прочит. басни. Письм. упражненія: письмо выучен. басни (2), сравненіе вошки и собаки; отвѣты на вопросы учителя. — Письмо подъ тактъ. Упраженія и слова на буквы о, а, б. — Грамматика. Понятіе о глаголѣ: Упраж. изъ § 13. — Арифметика. Вычитаніе цѣлыхъ отвлеченныхъ чиселъ. Упраженія: вычитаніе данныхъ чиселъ; вычисленія на сложеніе и вычитаніе. — Черченіе. Повтореніе о кубѣ и призмѣ. Сам. черченіе куба и призмы съ деревянныхъ моделей.

6-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтение; чтение статей по естествознанию и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтение; ученые наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Два плуга», «Пауль», «Бѣлка». Бесѣда по картѣ Новгородскаго уѣзда. Самост. чтеніе: «Столица и ея окрестности» (оконч.) Ученые наизусть: повтореніе прежнихъ басенъ и стих. Письм. упражненія: Описаніе бѣлки; сравненіе бѣлки и собаки; отвѣты на вопросы учителя (2). — Письмо подъ тактъ. Упражненія въ скорописи на буквы: ж, р, я. — Грамматика. Понятіе о предлогѣ. Упраж. изъ § 19. — Арифметика. Рѣшеніе задачъ на сложеніе и вычитаніе. Упражненія: вычисленіе и рѣшеніе задачъ на сложеніе и вычитаніе. — Черченіе. Изученіе пирамиды. Самост.: черченіе пирамиды съ проволочной модели.

7-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтение; чтение статей по естествознанию и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтение; ученые наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе стих. «Казачья колебельная пѣсня» и статей: «Волгатство», «Тюлень». Бесѣда по картѣ Тверской губерніи. Самост. чтеніе: «Деревня, губернской и уѣздный городъ». Ученые наизусть прочт. стихотворенія. Письм. упражненія: письмо выучен. стихотворенія (2); описаніе тюленя; отвѣты на вопросы учителя. — Письмо подъ тактъ. Упражненія и слова на буквы: ж, р, я. — Грамматика. Повтореніе пройденнаго; нѣкоторыя правила правописанія. Упраж. изъ прежнихъ параграфовъ. — Арифметика. Умноженіе дѣльных отвѣченныхъ чиселъ. Упраж.: вычисленія на умноженіе; вычисленія на сложеніе, вычитаніе и умноженіе. — Черченіе. Изученіе цилиндра. Самост.: черченіе цилиндра съ проволочной модели.

8-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтение; чтение статей по естествознанию и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтение; ученые наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе басни «Осель и Соловей» и статей: «Добросовѣстный дикарь», «Канарейка». Бесѣда по картѣ Тверской губерніи. Самост. чтеніе: «Проселочная дорога». Ученые наизусть прочт. басни. Письмен. упражненія: письмо выученной басни (2); описаніе канарейки; отвѣты на вопросы учителя. — Письмо подъ тактъ. Упражненія въ скорописи на буквы: у, д, з. — Грамматика. Понятіе о временахъ глагола. Упраж. изъ § 20 и § 21. — Арифметика. Дѣленіе дѣльных отвѣченныхъ чиселъ. Упраж.: дѣленіе данныхъ чиселъ и рѣшеніе задачъ. — Черченіе. Изученіе конуса. Сам. черченіе конуса съ проволочной модели.

9-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтение; чтение статей по естествознанию и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтение; ученые наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе стих. «Ласточки» и статей: «Чужое янчко», «Куры». Бесѣда по картѣ Россіи. Самост. чтеніе: «Крестьянская изба». Ученые наизусть прочт. стихотворенія. Письмен. упражненія: письмо выученнаго стихотворенія; описаніе курицы; отвѣты на вопросы учителя. — Письмо подъ тактъ. Упражненія

и слова на буквы: *у, д, з*.—Грамматика. Понятіе о лицахъ и числахъ. Упраж. изъ § 22 и § 23.—Арифметика. То же.—Черчение. Изученіе шара. Сам. черченіе пирамиды, цилиндра и конуса съ деревянныхъ моделей.

10-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе стихотвореній: «Весна», «Весеннія воды» и статей: «Раскапаніе», «Апсть». Бесѣда по картѣ Россіи. Самост. чтеніе: повтореніе нѣкоторыхъ изъ прежнихъ статей. Ученіе наизусть прочитанныхъ стихотвореній. Письм. упражненія: письмо выученныхъ стихотвореній; сравненіе аиста и курицы; отвѣты на вопросы учителя. Письмо подъ тактъ.—Упражненія на буквы: *х, ж, ф*.—Грамматика. Понятіе о родахъ именъ и глагола. Упраж. изъ § 24.—Арифметика. Рѣшеніе задачъ на всѣ четыре дѣйствія. Упраж.: вычисленія формулъ и рѣшеніе задачъ.—Черченіе. Повтореніе объ изученныхъ тѣлахъ. Сам. черченіе тѣлъ.

11-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе статей: «Пѣсня птички», «Кобчикъ». Бесѣда по картѣ Россіи. Самост. чтеніе: «Сѣверный олень». Ученіе наизусть: повтореніе прежнихъ стих. и басень. Письмен. упражненія: описаніе кобчика; отвѣты на вопросы учителя (3).—Письмо подъ тактъ. Упражненія и слова на буквы: *х, ж, ф*.—Грамматика. Спряженіе глагола въ трехъ временахъ; правила правописанія. Упраж.: изъ § 25 и § 29.—Арифметика. То же.—Черченіе. О линіяхъ; измѣреніе прямой линіи. Сам. черченіе линій.

12-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе, ученіе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе стих. «Лѣтній вечеръ», сказка «О рыбацѣ и рыбѣ» (треть) и статьи „Лягушка“ (полов.). Самост. чтеніе: „Слонъ“. Ученіе наизусть прочитан. стихотворенія. Письмен. упражненія: письмо выученнаго стихотворенія; изложеніе сказки; отвѣты на вопросы учителя. — Письмо подъ тактъ. Письмо фразъ съ прописными буквами.—Грамматика. Употребленіе двоеточія и ковычекъ. Упраж. изъ § 30 и § 31.—Арифметика. Таблица мѣръ; раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ. Упраж.: изученіе мѣръ и задачи на раздробленіе и превращеніе.—Черченіе. Обь углахъ. Самост. черченіе угловъ.

13-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе сказки „О рыбацѣ и рыбѣ“ и статьи: „Лягушка“ (окончаніе). Бесѣда о земномъ шарѣ. Самост. чтеніе: „Медвѣдь“. Ученіе наизусть прежняго стих. „Лѣтній вечеръ“. Письмен. упражненія: письмо выученнаго сти-

хотворенія; разказъ о превращеніи лягушки; изложеніе сказки.—Письмо подъ тактъ. Письмо фразъ съ прописными буквами.—Грамматика. Мѣстоименіе *ся* при глаголѣ; повтореніе. Упраж. изъ § 37.—Арифметика. Сложеніе и вычитаніе именованныхъ чиселъ. Упраж.: примѣры на вычисленіе и рѣшеніе задачъ.—Черченіе. Объ окружности. Самостоятельное черченіе окружности и ливій въ вей.

14-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія. Чтеніе стихъ „Пѣсня бѣдняка“ и статей: „Окунь“. Бесѣда о земномъ шарѣ. Самост. чтеніе: „Кротъ“ и „Лисица“. Ученіе наизусть прочт. стихотворенія. Письмен. упражненія: письмо выученнаго стихотворенія; отвѣты на вопросы учителя.—Письмо подъ тактъ. Письмо мелкимъ почеркомъ подъ диктантъ.—Грамматика. Понятіе о союзахъ. Упраж. изъ § 40 и § 41.—Арифметика. Умноженіе именованныхъ чиселъ. Упражненіе: примѣры на вычисленіе и рѣшеніе задачъ.—Черченіе. Измѣреніе угловъ. Самост. черченіе угловъ по транспортіру.

15-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія.—Письмо мелкимъ почеркомъ подъ диктантъ. Чтеніе басни: «Трудолюбивый медвѣдь» и статей: «Ось и чека», «Яблоня и ея части». Самост. чтен.: «Китъ». Ученіе наизусть прочтан. басни. Письмен. упраж.: Письмо выучен. басни; описаніе окуни; отвѣты на вопросы учителя.—Грамматика. Понятіе о слитномъ предложеніи; знаки препинанія. Упраж.: разстановка знаковъ препинанія въ данныхъ предложеніяхъ.—Арифметика. Дѣленіе именованныхъ чиселъ. Упраж.: прим. на вычисленіе и рѣшеніе задачъ.—Черченіе. Треугольники. Сам. черченіе треугольниковъ.

16-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія.—Письмо мелкимъ почеркомъ подъ диктантъ. Чтеніе статей «Бодливая корова», «Чѣмъ питается яблоня» и «Вода» (2). Самост. чтеніе: «Утка», «Соловей». Ученіе наизусть: повтореніе прежнихъ стихъ. и басенъ. Письм. упраж. отвѣты на вопросы учителя изъ прочтанныхъ статей.—Грамматика. Понятіе о придаточномъ предложеніи; знаки препинанія. Упраж. изъ § 42.—Арифметика. Рѣшеніе задачъ на четыре дѣйствія съ именованными числами. Упраж. примѣры на вычисленіе и рѣшеніе задачъ.—Черченіе. Четырехугольники и многоугольники. Сам. черченіе четырехугольниковъ и многоугольниковъ.

17-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученіе наизусть; письменныя упражненія.—Письмо мелкимъ почеркомъ подъ диктантъ. Чтеніе стихъ. «Утро» и

статей «Бленовое обмячво», «Воздухъ». Самост. чтен. «Ласточка», «Хищныя птицы». Ученъе наизустъ прочитан. стихотворенія. Письм. упраж. письмо выученнаго стихотворенія; отвѣты на вопросы учителя. — Грамматика. Тоже. Арифметика. Тоже. — Черченіе. Понятіе о квадратныхъ мѣрахъ. Сам. черченіе сложныхъ фигуръ.

18-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей; по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученъе наизустъ; письменныя упражненія. — Письмо мелкимъ почеркомъ подѣ диктантъ. Чтеніе басни „Свинья подѣ дубомъ“ и статей: „Что было въ Россіи за тысячу лѣтъ“ „Путешествіе воды и дождь“. Самост. чтеніе: „Дятель“. Ученъе наизустъ прочитан. басни. Письм. упраж.: Письмо выучен. басни; отвѣты на вопросы учителя. Грамматика. — Имена существительныя собственныя и нарицательныя; полное и усѣченное окончаніе именъ прилагательныхъ. Упраж. изъ §§ 44 и 70. — Арифметика. Рѣшеніе задачъ на происхожденіе и сокращеніе дробей. Упраж. Примѣры на вычисленіе и рѣшеніе задачъ съ именованными числами. — Черченіе. Измѣреніе площадей прямоугольниковъ и параллелограмовъ. Сам. черченіе сложныхъ фигуръ.

19-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе, чтеніе статей по естествознанію и исторіи, бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученъе наизустъ; письменныя упражненія. — Письмо мелкимъ почеркомъ подѣ диктантъ. Чтеніе басни: „Волкъ и лютъ“ и статей: „Призваніе князей“, „Роса, иней, градъ и снѣгъ“. Самостоят. чтеніе: „Ужь“. Чтенъе наизустъ: прочитан. басни. Письм. упраж.: письмо выучен. басни, отвѣты на вопросы учителя. — Грамматика. Понятіе о склоненіи именъ существительныхъ и прилагательныхъ; правописаніе. Упраж. письменное склоненіе именъ существительныхъ съ прилагательными. — Арифметика. Рѣшеніе задачъ на увеличеніе и уменьшеніе дробей. Упраж.: примѣры на вычисленіе и рѣшеніе задачъ съ именованными числами. — Черченіе. Измѣреніе площадей треугольниковъ и многоугольниковъ. Сам. черченіе сложныхъ фигуръ.

20-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе, чтеніе статей по естествознанію и исторіи, бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученъе наизустъ; письменныя упражненія. — Письмо мелкимъ почеркомъ подѣ диктантъ. Чтеніе стих. „Молитва дѣтяти“ и „Всенощная въ деревнѣ“ и статей: „Олеги“, „Зима“ (2). Сам. чтеніе: повтореніе нѣкоторыхъ изъ прочит. статей. Ученъе наизустъ прочитан. стихотвореній. Письмен. упраж.: письмо выучен. стихотвореній; описаніе зимы. — Грамматика. Тоже. — Арифметика. Рѣшеніе задачъ на сложеніе и вычитаніе дробей. Упражн.: примѣры на вычисленіе и рѣшеніе задачъ съ именованными числами. — Черченіе. Понятіе о масштабѣ и планѣ. Сам. черченіе плановъ класса и дома.

21-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе, чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученъе наизустъ; письменныя упражне-

нія.—Письмо мелкимъ почеркомъ подъ диктантъ. Чтеніе статей: „Игорь“, „Весна“ (3). Самост. чтен.: повтореніе. Ученъе наизусть; повтореніе; письменное упраж. Описаніе весны.—Грамматика. Понятіе о склоненіи именъ числительныхъ; прописаніе. Упраж.: письменное склоненіе именъ числительныхъ.—Арифметика. Рѣшеніе задачъ на нахожденіе частей цѣлаго и цѣлаго по даннымъ частямъ. Упраж.: рѣшеніе задачъ на дроби. — Черченіе. Понятіе о кубическихъ мѣрахъ. Сам. черченіе тѣлъ.

22-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученъе наизусть; письменныя упражненія.—Письмо мелкимъ почеркомъ подъ диктантъ. Чтеніе статей: „Ольга правительница“ и „Лѣто“ (полов.). Сам. чтеніе: повтореніе. Ученъе наизусть: повтореніе. Письм. упраж.: отвѣты на вопросы учителя; описаніе лѣта.—Грамматика. Понятіе о склоненіи мѣстоименій. Сам. письменное склоненіе мѣстоименій.—Арифметика. Повтореніе пройденнаго.—Черченіе. Понятіе объ измѣреніи объема тѣла. Сам. черченіе тѣлъ.

23-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученъе наизусть; письменныя упражненія.—Письмо мелкимъ почеркомъ подъ диктантъ. Чтеніе статей: „Владиміръ; Крещеніе Руси“ и „Лѣто“ (оконч.). Сам. чтеніе: повтореніе. Ученъе наизусть: повтореніе. Письмен. упраж.: отвѣты на вопросы учителя; описаніе лѣта.—Грамматика. Повтореніе пройденнаго. Упраж. разборъ, склоненіе и разстановка знаковъ препинанія.—Арифметика. Упраж.: вычисленіе формулъ и рѣшеніе задачъ съ объясненіемъ.—Черченіе. Тоже.

24-я НЕДѢЛЯ.

Объяснительное чтеніе; чтеніе статей по естествознанію и исторіи; бесѣды по географіи. Самостоятельное чтеніе; ученъе наизусть; письменныя упражненія.—Письмо мелкимъ почеркомъ подъ диктантъ. Чтеніе статей: „Ярославъ“ и „Осень“. Сам. чтеніе: повтореніе. Ученъе наизусть: повтореніе. Письм. упр.: отвѣты на вопросы учителя; описаніе осени.—Грамматика. Повтореніе пройденнаго. Упраж.: разборъ, склоненіе и разстановка знаковъ препинанія.—Арифметика. Тоже.—Черченіе. Повтореніе пройденнаго. Сам. черченіе тѣлъ.

А. Барановъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1877 ГОДУ.

Испытаніями зрѣлости въ 1877 году заканчивается первое пятилѣтіе со времени введенія новыхъ правилъ объ испытаніяхъ и новаго устава гимназій, Высочайше утвержденнаго въ 1871 году. Числовыя данныя объ испытаніяхъ, за это время, съ каждымъ годомъ значительно измѣнялись, указывая постепенное и быстрое улучшение. Поэтому среднихъ выводовъ по пятилѣтней сложности, мы полагаемъ, дѣлать не слѣдуетъ, за исключеніемъ развѣ немногихъ статистическихъ опредѣленій, установившихся съ самаго начала, какъ напримѣръ, распредѣленія окончившихъ гимназическій курсъ по возрастамъ. Средніе выводы за пять лѣтъ, по другимъ вопросамъ, касающимся испытаній зрѣлости, были бы очевидно ошибочны и ниже дѣйствительно достигнутыхъ результатовъ, которые соответствуютъ числамъ послѣдняго года. Испытанія 1877 года на столько благоприятны, что нельзя ожидать значительнаго возвышенія въ будущемъ успѣховъ со стороны учащихся; невѣроятно и ихъ пониженіе. Повидимому, испытанія зрѣлости въ послѣднемъ отчетномъ году достигли нормы, которая и впредь мало будетъ измѣняться, независимо отъ ежегоднаго возрастанія числа подвергающихся испытанію. Число же являющихся къ испытаніямъ зрѣлости въ правительственныя гимназіи по всей вѣроятности будетъ продолжать расти, судя по численности уче-

никовъ, принятыхъ въ младшіе классы гимназій и прогимназій и по усиливающемуся приливу учащихся въ эти учебныя заведенія.

Число явившихся къ испытаніямъ зрѣлости, въ истекшее пятилѣтіе, опредѣляется слѣдующими цифрами:

въ 1873 году . . .	1,178	чел.
„ 1874 „ . . .	1,383	„
„ 1875 „ . . .	1,684	„
„ 1876 „ . . .	1,605	„
„ 1877 „ . . .	1,776	„

Изъ приведенныхъ здѣсь чиселъ усматривается, что въ 1877 году изъявили желаніе подвергнуться испытанію въ полтора раза болѣе или точнѣе на 50,7% болѣе, нежели въ 1873 году. Если исключить Дерптскій учебный округъ, вошедшій въ составъ общей отчетности только съ 1874 года, и Варшавскій, представившій отчеты объ испытаніяхъ въ первый разъ не ранѣе 1875 года, то окажется, что общее число явившихся на экзамены 1877 года, въ остальныхъ учебныхъ округахъ (1372), возросло на 16,4% въ сравненіи съ 1873 годомъ.

Распредѣленіе явившихся къ испытаніямъ по учебнымъ округамъ и соотвѣтствующія числа предыдущихъ лѣтъ показаны въ слѣдующей таблицѣ:

	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.
Въ С.-Петербургскомъ	188	205	194	194	231
„ Московскомъ	245	212	252	288	300
„ Казанскомъ	249	231	123	122	174
„ Оренбургскомъ	—	—	45	60	54
„ Харьковскомъ	157	130	171	138	166
„ Одесскомъ	76	107	167	146	138
„ Кіевскомъ	177	167	221	166	182
„ Виленскомъ	66	78	105	94	85
„ Варшавскомъ	—	—	150	168	176
„ Дерптскомъ	—	216	199	202	228
„ Западной Сибири	14	24	30	19	24
„ Восточной Сибири	6	13	27	8	18
Всего	1,178	1,383	1,684	1,605	1,776

Уменьшеніе, въ сравненіи съ 1873 г., замѣчается по этой таблицѣ только въ одномъ Казанскомъ учебномъ округѣ, отъ котораго, черезъ два года послѣ введенія новыхъ правилъ объ испытаніяхъ,

именно въ 1875 г., отчислены были 7 гимназій: 4 вошли въ составъ вновь учрежденнаго Оренбургскаго округа, 2 присоединены къ Московскому и седьмая къ учебному округу Харьковскому.

Во всѣхъ остальныхъ учебныхъ округахъ, число явившихся къ испытаніямъ зрѣлости въ 1877 г. болѣе или менѣе значительно увеличилось въ сравненіи съ 1873 г.: въ Киевскомъ учебномъ округѣ на 2,8%, Харьковскомъ на 5,7%, Московскомъ на 22,4%, С.-Петербургскомъ на 22,8%, Виленскомъ на 28,7%, Одесскомъ на 81,5%, въ Западной Сибири на 71,4%, а въ Восточной Сибири возрасло втрое болѣе, нежели было въ 1873 году. Тоже число увеличилось въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, въ сравненіи съ 1874 г., на 3,5%; въ Варшавскомъ, въ сравненіи съ 1875 г., на 17,3%, въ Оренбургскомъ на 20% и даже въ Казанскомъ увеличилось со времени его раздѣленія на 41,4%.

Главный контингентъ экзаменующихся постоянно составляется изъ учениковъ правительственныхъ гимназій: въ 1877 г. явилось ихъ, въ испытаніямъ зрѣлости, 1,506 человекъ въ 117 гимназійхъ различныхъ учебныхъ округовъ, что составляетъ около 13 молодыхъ людей, оканчивающихъ гимназическій курсъ, среднимъ числомъ, въ каждомъ учебномъ заведеніи. Наиболѣе оказалось таковыхъ въ Московскомъ учебномъ округѣ—268 человекъ въ 20 гимназійхъ округа, по 13 учениковъ, среднимъ числомъ въ каждомъ учебномъ заведеніи; за тѣмъ:

въ Киевскомъ . . .	176	въ 10 учебн. завед.	по 17 чел.
„ Дерптскомъ . . .	167	„ 11 „	„ 15 „
„ Варшавскомъ . . .	166	„ 18 „	„ 9 „
„ Казанскомъ . . .	157	„ 8 „	„ 19 „
„ Харьковскомъ . . .	153	„ 10 „	„ 15 „
„ С.-Петербургск. . .	145	„ 15 „	„ 9 „
„ Одесскомъ . . .	104	„ 8 „	„ 13 „
„ Виленскомъ . . .	79	„ 8 „	„ 10 „
„ Оренбургскомъ . . .	50	„ 5 „	„ 10 „
„ Западн. Сибири. . .	22	„ 2 „	„ 10 „
„ Восточн. Сибири. . .	18	„ 2 „	„ 9 „

Такимъ образомъ, наиболѣе экзаменующихся оказывается въ учебныхъ округахъ Московскомъ, Киевскомъ, Дерптскомъ и Варшавскомъ; если же принять въ основаніе среднее число оканчивающихъ курсъ, приходящееся по расчисленію на каждую гимназію округа, въ такомъ

случай первенство принадлежитъ Казанскому учебному округу, въ которомъ выпускныхъ учениковъ приходилось на каждое учебное заведение по 19. Въ Киевскомъ округѣ явилось въ испытаніи по 17 учениковъ, въ Дерптскомъ и Харьковскомъ по 15, Одесскомъ и Московскомъ по 13, въ остальныхъ шести учебныхъ округахъ по 9 и 10 человекъ среднимъ числомъ на каждую гимназію округа.

Изъ трехъ училищъ, учрежденныхъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ, пожелаши принять участіе въ испытаніяхъ зрѣлости только 25 учениковъ; изъ 4 частныхъ гимназій — трехъ въ С.-Петербургѣ и одной въ Москвѣ — всего 21 человекъ, и постороннихъ лицъ, подвергавшихся испытанію въ правительственныхъ гимназіяхъ, одновременно съ ихъ учениками, явилось — 225. Молодые люди послѣдней категоріи составляли въ 1873 г. 17% общаго числа подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости, въ 1874 г. 19%, въ 1875 г. 15%, въ 1876 г. 14% и въ 1877 г. 12,6%; слѣдовательно ихъ число, начиная съ 1874 года, постоянно уменьшается. Распределеніе по учебнымъ округамъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ гимназіяхъ, показано въ слѣдующей, прилагаемой при семъ таблицѣ, въ которой объяснено и процентное ихъ отношеніе къ общему числу экзаменуемыхъ въ каждомъ округѣ, въ отчетномъ году и въ предыдущихъ годахъ:

	1877 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.
Въ Дерптскомъ . . .	61 (26,7%)	—	43%	43,7%	33,2%
„ С.-Петербургскомъ	47 (20,3%)	13,8%	20%	25,7%	19,6%
„ Одесскомъ . . .	34 (24,6%)	21%	15,9%	10,1%	25,4%
„ Московскомъ . . .	25 (8,3%)	12,6%	18,4%	11,5%	8,7%
„ Казанскомъ . . .	17 (9,7%)	20%	18,6%	17%	14,8%
„ Харьковскомъ . . .	13 (7,8%)	33,1%	14,6%	11,1%	11,6%
„ Варшавскомъ . . .	10 (5,6%)	—	—	4,6%	3,5%
„ Виленскомъ . . .	6 (7,5%)	4,5%	5,1%	4,7%	2,1%
„ Киевскомъ . . .	6 (3,3%)	14,6%	4,2%	6,3%	4,2%
„ Оренбургскомъ . . .	4 (7,4%)	—	—	11,1%	6,6%
„ Западной Сибири .	2 (8,2%)	—	—	10%	10,5%
„ Восточной Сибири	—	—	7,6%	—	—
Всего постороннихъ .	225 (12,6%)	17,2%	19%	15,3%	13,8%

Изъ этой таблицы видно, что число постороннихъ лицъ, являющихся въ правительственныхъ гимназіяхъ къ испытаніямъ зрѣлости, довольно значительно, абсолютно и въ процентномъ отношеніи, только

въ учебныхъ округахъ Дерптскомъ, С.-Петербургскомъ и Одескомъ. Въ Дерптскомъ оно было еще болѣе значительно въ предыдущіе годы и понизилось съ 43% до 26%; въ С.-Петербургскомъ и Одескомъ колеблется, за все пятилѣтіе, около 20% и до 25%; въ остальныхъ учебныхъ округахъ значительно менѣе и за послѣдній отчетный годъ не достигало 10%. Воспитанники частныхъ гимназій и церковныхъ училищъ, всѣ вмѣстѣ, составляли въ 1877 г. только 2,6% общаго числа явившихся къ испытаніямъ, въ 1876 году 3,1% и въ 1875 г. 3%.

Успѣшность испытаній зрѣлости опредѣляется, въ сущности, не числомъ явившихся на экзаменъ, но числомъ дѣйствительно ему подвергавшихся и числомъ признанныхъ зрѣлыми. Изъ лицъ, изъявившихъ желаніе подвергнуться экзамену, на основаніи правилъ объ испытаніяхъ, устраняются во 1-хъ, тѣ ученики гимназій, которые, судя по успѣхамъ въ отдѣльныхъ предметахъ и поведенію, признаются не достигшими зрѣлости умственной или нравственной, и во 2-хъ, тѣ изъ постороннихъ, которые въ представленныхъ ими документахъ обнаружили такой же недостатокъ зрѣлости (§ 44 правилъ объ испытаніяхъ п. в), или обучались ранѣе въ казой либо гимназій, но по расчисленію времени, со дня выхода изъ нея, не могли окончить гимназическаго курса къ наступающему сроку экзамена (§ 44 п. а), а также лица, не достигшія 17 лѣтняго возраста (§ 44 п. б).

Число молодыхъ людей, недопущенныхъ до экзамена въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, изображено въ слѣдующей таблицѣ:

Не были допущены къ испытанію:	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.	въ 1877 г.
Гимназисты:					
по малоуспѣшности	90 (10,2%)	40 (3,8%)	33 (2,4%)	38 (2,7%)	57 (3,7%)
по нравственной незрѣлости	20 (2,3%)	7 (0,7%)	3 (0,2%)	5 (0,3%)	2 (0,1)
Постороннія лица:					
по п. а § 44 п. в. т. е. н.	2	14	4	4	6
по п. б. того же §	2	3	2	—	2
по п. в. того же §	4	—	—	—	—
Отсрочено испытаніе по болѣзни:					
гимназистамъ	4	11	4	7	5
постороннимъ	5	4	4	10	1

Отложено на годъ по п. 1.

§ 55:

гимназистамъ	3	4	6	—	5
постороннимъ	2	—	—	—	1

Всего устранено отъ

испытаній	132	83	56	64	79
	(11,1%)	(6%)	(3,3%)	(3,9%)	(4,4%)

Начиная съ 1875 г. замѣчается, по этой таблицѣ, весьма незначительное увеличеніе числа отказанныхъ, всего только на 23 человѣка или на 1,1% въ отношеніи къ общему числу явившихся къ испытаніямъ зрѣлости. Такой излишекъ въ общемъ итогѣ находится въ зависимости отъ числа гимназистовъ, недопущенныхъ къ экзамену по малоуспѣшности, которое, считая съ 1875 года, также увеличилось на 24 человѣка или на 1,3% общаго числа выпускныхъ учениковъ гимназій. Управленіямъ гимназій хорошо извѣстны познанія и степень умственнаго развитія каждаго изъ учениковъ, окончивающихъ курсъ. Допускать къ экзамену всѣхъ безъ различія, въ томъ числѣ и молодыхъ людей, не усвоившихъ себѣ основательно знанія необходимыхъ имъ наукъ, означало бы тоже, что возстановлять прежній, отмиженный порядокъ производства экзамена, когда къ нему приступали на удачу и вовсе не знающіе предмета, вынудъ случайно вопросъ знакомый или бѣгло прочитанный, получали иногда аттестатъ о твердомъ знаніи науки. Строгая разборчивость въ этомъ отношеніи, практикуемая нынѣ въ гимназіяхъ, избавляетъ экзаменационныя комиссіи отъ излишняго и тяжелаго труда допрашивать дурно приготовленныхъ, а съ другой стороны, вынуждаетъ молодыхъ людей старательно и добросовѣстно работать въ теченіе курса, чтобы заблаговременно составить о себѣ хорошее мнѣніе въ средѣ учебнаго своего начальства. Наиболѣе устраненныхъ отъ экзамена за малоуспѣшность, въ 1877 году, оказалось въ Московскомъ учебномъ округѣ— 16 человѣкъ въ 20 гимназіяхъ округа; затѣмъ въ 18 гимназіяхъ Варшавскаго округа устранено 18 учениковъ и въ 8 гимназіяхъ Казанскаго округа— 10 учениковъ. Во всѣхъ остальныхъ девяти учебныхъ округахъ въ сложности не допущены къ экзамену только 18 человѣкъ. Слѣдовательно, за исключеніемъ Казанскаго округа, далеко не во всѣхъ гимназіяхъ оказывались такіе неисправные ученики: они проявлялись случайно въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, въ видѣ исключеній.

Число недопущенныхъ въ экзаменамъ по другимъ рубрикамъ составляетъ ничтожное количество. Такъ, напримѣръ, не допущены къ испытанію за неodobрительное поведеніе 2 ученика, одинъ въ Московскомъ учебномъ округѣ, другой въ Западной Сибири, что составляетъ въ общемъ итогѣ 1 учащагося на 1000 человекъ. Изъ постороннихъ лицъ не допущены къ экзамену, по § 44 правилъ объ испытаніяхъ, 8 человекъ или 3,5% общаго числа лицъ этой категоріи экзаменующихся: 2 обнаружили невѣрность въ представленныхъ бумагахъ (прощеніяхъ, живеописаніяхъ), а 6 человекъ устранены потому, что ранѣ обучались въ какомъ либо учебномъ заведеніи и, по расчисленію времени, не могли окончить къ сроку экзамена, положеннаго восьмилѣтняго гимназическаго курса. Такое явленіе изобличаетъ, со стороны молодыхъ людей означеннаго разряда, невниманіе къ установленнымъ правиламъ или попытку какимъ либо образомъ уклониться отъ ихъ соблюденія, такъ какъ воспрещеніе приступить къ экзамену ранѣ срока не могло быть имъ неизвѣстно. Не имѣвшихъ установленнаго 17-ти-лѣтняго возраста (п. 6. § 44) въ 1877 году къ испытанію не являлось. Испытаніе отсрочено по болѣзни 6 молодымъ людямъ, что составляетъ 3 человека изъ 1,000, и на годъ отложено также 5 ученикамъ гимназій и 1 постороннему лицу, по п. i § 55 правилъ объ испытаніяхъ, за упорное неисполненіе требованій наблюдателя, за пользованіе не дозволенными пособіями или другой какой либо обманъ. Итакъ, попытки злоупотребленій еще проявляются на испытаніяхъ зрѣлости, правда, чрезвычайно рѣдко между учащимися, но ежегодно, за исключеніемъ впрочемъ, предыдущаго 1876 года, въ которомъ ни одного подобнаго случая не было замѣчено. Такія попытки, не имѣя вліянія на общую массу экзаменующихся, конечно, побуждаютъ училищное начальство усиливать строгость въ наблюденіи за порядкомъ и за точнымъ исполненіемъ предписанныхъ правилъ. Въ 1877 г. провинились въ этомъ отношеніи 1 ученикъ Ваземской гимназій (Московского округа), 3 ученика 4-й и 5-й Варшавскихъ гимназій, 1 постороннее лицо въ гимназійхъ Западной Сибири и 1 ученикъ изъ гимназій Восточной Сибири. Въ сравненіи съ 1873 г., въ послѣднемъ отчетномъ году число не допущенныхъ къ экзамену уменьшилось почти на половину, какъ въ общемъ итогѣ по всѣмъ разрядамъ учащихся, такъ и въ отдѣльности число гимназистовъ, устраненныхъ за малоуспѣшность; въ первомъ случаѣ уменьшеніе простирается до 40,1%, во второмъ до 36,6%. За уstra-

неніемъ или за болѣзнію показанныхъ выше 79 человекъ, действительно подверглись испытанію зрѣлости — 1,697. Распределеніе ихъ на разряды по мѣсту воспитанія, успѣхи оказанные на экзаменѣ и соответствующія числа за предыдущіе четыре года показаны въ слѣдующей, при семъ прилагаемой таблицѣ, въ которой объяснено и процентное отношеніе каждаго разряда экзаменующихся къ общему числу подвергавшихся испытанію, а также процентъ удостоенныхъ аттестата зрѣлости и процентъ не выдержавшихъ испытанія по каждому разряду особо и въ общемъ итогѣ по всѣмъ разрядамъ:

Годы	Число	Процентъ къ общему числу	Число	Процентъ къ общему числу	Число	Процентъ къ общему числу
1897	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1898	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1899	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1900	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1901	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1902	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1903	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1904	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1905	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1906	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1907	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1908	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1909	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1910	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1911	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1912	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1913	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1914	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1915	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1916	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1917	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1918	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1919	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1920	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1921	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1922	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1923	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1924	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1925	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1926	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1927	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1928	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1929	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1930	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1931	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1932	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1933	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1934	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1935	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1936	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1937	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1938	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1939	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1940	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1941	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1942	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1943	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1944	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1945	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1946	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1947	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1948	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1949	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1950	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1951	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1952	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1953	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1954	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1955	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1956	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1957	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1958	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1959	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1960	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1961	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1962	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1963	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1964	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1965	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1966	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1967	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1968	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1969	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1970	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1971	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1972	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1973	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1974	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1975	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1976	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1977	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1978	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1979	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1980	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1981	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1982	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1983	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1984	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1985	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1986	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1987	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1988	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1989	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1990	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1991	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1992	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1993	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1994	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1995	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1996	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1997	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1998	1,697	100	1,697	100	1,697	100
1999	1,697	100	1,697	100	1,697	100
2000	1,697	100	1,697	100	1,697	100

Въ 1873 г.	Въ 1874 г.	Въ 1875 г.	Въ 1876 г.	Въ 1876 г.	Въ 1877 г.
Всего испытаемо	770 (74,1%)	990 (75,9%)	1328 (81,6%)	1826 (85,4%)	1438 (84,7%)
Ученниковъ правительств. гимназій	25 (2,4%)	26 (2,1%)	21 (1,3%)	30 (2%)	23 (1,3%)
церковныхъ училищъ	66 (6,4%)	47 (3,6%)	32 (2%)	17 (1,1%)	21 (1,2%)
частныхъ гимназій	178 (17,1%)	240 (18,4%)	247 (15,9%)	208 (13,5%)	215 (12,7%)
Постороннихъ лицъ	1039	1806	1628	1541	1697
Удостоенныя аттестата или свидетельства					
срѣдности 2):					
Ученниковъ правительств. гимназій	584 (75,8%)	781 (78,8%)	1127 (84,8%)	1166 (90,7%)	1305 (90,7%)
церковныхъ училищъ	23 (92%)	28 (100%)	29 (95,2%)	30 (100%)	23 (100%)
частныхъ гимназій	21 (31,8%)	30 (68,8%)	22 (68,7%)	14 (82,4%)	18 (85,7%)
Постороннихъ лицъ	57 (52%)	79 (32,9%)	129 (82,2%)	100 (48,1%)	198 (47,9%)
В С Е Г О	685 (65,9%)	918 (70,3%)	1298 (79,7%)	1310 (85%)	1449 (85,4%)
Не выдержавъ испытанія 3):					
Ученниковъ правительств. гимназій	186 (24,1%)	209 (21,1%)	201 (15,2%)	120 (9,3%)	133 (9,3%)
церковныхъ училищъ	2 (8%)	—	1 (4,8%)	—	—
частныхъ гимназій	45 (68,2%)	17 (36,1%)	10 (81,2%)	3 (17,6%)	3 (14,3%)
Постороннихъ лицъ	121 (88%)	161 (67,1%)	118 (47,9%)	108 (51,9%)	112 (52%)
В С Е Г О	354 (34,1%)	387 (29,7%)	330 (20,2%)	231 (15%)	248 (14,6%)

1) Въ скобкахъ показано процентное отношеніе членности каждаго разряда къ общему числу всѣхъ экзаменованныхъ.

2) Въ скобкахъ обозначены % выдержавшихъ и не выдержавшихъ экзамена.

Случая приложенную здѣсь таблицу со свѣдѣніями, выше приведенными, получимъ слѣдующіе выводы: число явившихся къ испытаніямъ зрѣлости увеличилось въ 1877 году, въ сравненіи съ 1873 годомъ, на 50,7⁰/₀;

число подвергавшихся испытанію на 63,8⁰/₀

число выдержавшихъ экзаменъ и получившихъ

аттестаты зрѣлости на 111⁰/₀

Такимъ образомъ, число получившихъ аттестаты зрѣлости, всѣхъ разрядовъ въ совокупности, увеличилось въ теченіе пяти лѣтъ болѣе, чѣмъ вдвое. Если же изъ общей суммы признанныхъ зрѣлыми въ 1877 году, исключить Дерптскій и Варшавскій учебные округа, какъ не входившіе въ отчетность перваго года примѣненія новыхъ правилъ объ испытаніяхъ, то увеличеніе числа признанныхъ зрѣлыми въ 1877 г., въ сравненіи съ 1873 годомъ, составитъ 65,7⁰/₀, процентъ весьма высокій, доказывающій значительное улучшеніе, какъ въ отношеніи прилива въ гимназіи подвергающихся испытанію, такъ и въ отношеніи числа успѣшно выдерживающихъ установленный экзаменъ.

Увеличеніе числа получившихъ аттестаты зрѣлости находится въ непосредственной зависимости во 1-хъ, отъ усиливающагося выпуска изъ всѣхъ гимназій молодыхъ людей, означивающихъ въ нихъ курсъ ученія, и во 2-хъ отъ значительнаго уменьшенія числа невыдерживающихъ экзамена. Число учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ въ 1877 году къ испытаніямъ зрѣлости, почти вдвое болѣе такого-же числа за 1873 г.; число получившихъ, изъ нихъ среды, аттестаты зрѣлости удвоилось еще въ 1876 году въ сравненіи съ цифрою 1873 года, въ 1877 году оно представляло увеличеніе на 123⁰/₀. Число не выдерживающихъ испытанія понизилось въ теченіе пятилѣтія, въ общей сложности съ 34,1⁰/₀ до 14,6⁰/₀, а въ частности, для учениковъ правительственныхъ гимназій, составляющихъ главную массу экзаменующихся, съ 24,1⁰/₀ до 9,2⁰/₀, уменьшеніе весьма значительное: въ 1873 г. болѣе $\frac{1}{2}$ всѣхъ подвергавшихся испытанію оказывались недостаточно къ нему подготовлены, въ 1877 году не выдерживаютъ экзамена менѣе 15⁰/₀, а изъ учениковъ правительственныхъ гимназій менѣе 10⁰/₀. Число учениковъ трехъ государственныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ, подвергавшихся испытанію, осталось почти безъ измѣненія и весьма не значительно. Молодые люди этой категоріи оказываютъ на экзаменѣ прекрасные успѣхи и весьма удачно его проходятъ. Въ 1874, 1876 и 1877 годахъ воспитанники означенныхъ училищъ выдержали удовлетворительно испытанія всѣ,

безъ исключенія; въ 1873 г. не выдержали экзамена только 2, въ 1875 г. только 1. Число подвергавшихся испытанію учениковъ частныхъ гимназій уменьшилось за пять лѣтъ съ 66 до 21; но и число невыдерживающихъ экзаменъ между ними также значительно уменьшилось, съ 68% до 14,3%. Число постороннихъ лицъ, подвергающихся испытаніямъ зрѣлости не измѣнилось значительно съ 1873 г.; число успѣшно выдержавшихъ между ними испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости возвысилось однако съ 57 до 103 человекъ или съ 32% до 47,9%. Нельзя не признать, что процентъ не выдерживающихъ экзамена изъ числа молодыхъ людей, воспитанныхъ въ гимназій или выбывшихъ изъ гимназій до окончанія курса и послѣ известнаго промежутка времени подвергающихся въ гимназій испытанію, до сего времени еще весьма великъ. На мѣры, уже принятія къ облегченію, на сколько возможно, учащимся этого разряда успѣшнаго прохожденія испытаній зрѣлости было указано въ прошлогоднемъ отчетѣ нашемъ объ испытаніяхъ зрѣлости, напечатанномъ въ Ж. М. Н. П. (Сентябрь 1877 г.).

Выше приложенная таблица изображаетъ не случайное какое-либо возвышеніе процента успѣвающихъ, но постепенное съ каждымъ годомъ и довольно равномерное увеличеніе числа учениковъ правительственныхъ гимназій, подвергающихся испытаніямъ зрѣлости, а съ другой стороны столь же постепенное и равномерное уменьшеніе числа невыдерживающихъ экзамена по всѣмъ разрядамъ учащихся. Такимъ образомъ подтверждается сказанное нами въ началѣ этой статьи, что только послѣдній отчетный годъ представляетъ дѣйствительно установившуюся норму и что средніе выводы за предыдущіе годы вышли бы ошибочны и ниже достигнутыхъ результатовъ. Полагаемъ, не будетъ слишкомъ опрометчиво выразить надежду, на основаніи законовъ аналогіи, что и въ будущемъ установившаяся норма не понизится, а если подвергнется какимъ либо незначительнымъ измѣненіямъ, то вѣроятно къ лучшему. Изъ болѣе подробной вѣдомости, приложенной въ концѣ статьи, видно, что на испытаніяхъ зрѣлости 1877 года наиболѣе успѣховъ оказали ученики правительственныхъ гимназій С.-Петербургскаго учебнаго округа: число удовлетворительно выдержавшихъ испытанія между ними достигало до 99,8%; не выдержавъ экзамена только 1 во всѣхъ гимназійск. округа. Въ Одесскомъ учебномъ округѣ успѣшно окончили экзаменъ 97,1%; только 3 не выдержали испытанія изъ 101 учениковъ гимназій, подвергавшихся испытанію. Затѣмъ слѣдуютъ:

Западная Сибирь	95 ⁰ / ₀
Виленскій округъ	94,9 ⁰ / ₀
Казанскій	93,2 ⁰ / ₀
Московскій	91,2 ⁰ / ₀
Варшавскій	90 ⁰ / ₀
Харьковскій	88,6 ⁰ / ₀
Кіевскій	87,6 ⁰ / ₀
Восточная Сибирь	87,3 ⁰ / ₀
Дерптскій округъ	86,2 ⁰ / ₀
Оренбургскій	70,2 ⁰ / ₀

Изъ постороннихъ лицъ успѣшнѣе держали экзаменъ явившіеся къ нему въ Московскомъ учебномъ округѣ; число признанныхъ зрѣлыми этого разряда въ означенномъ округѣ достигало до 60,9⁰/₀, въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ до 57,4⁰/₀, и въ Дерптскомъ до 54,1⁰/₀; въ остальныхъ учебныхъ округахъ число постороннихъ лицъ, участвовавшихъ въ испытаніяхъ, такъ незначительно, что выводы процентныхъ отношеній едва ли можно считать рациональными. Семь учениковъ частной гимназии, явившихся къ испытаніямъ въ Москвѣ, всѣ безъ исключенія выдержали экзаменъ; изъ 14 учениковъ частныхъ гимназій въ С.-Петербургѣ получили удовлетворительныя отмѣтки только 11, что составляетъ 78,6⁰/₀. Объ ученикахъ церковныхъ училищъ объяснено уже выше.

Наиболѣе выданныхъ аттестатовъ зрѣлости приходится, на каждую изъ правительственныхъ гимназій въ Казанскомъ учебномъ округѣ по 18

Въ Дерптскомъ	„ 16
„ Харьковскомъ и Кіевскомъ	„ 15
„ Одесскомъ	„ 13
„ Московскомъ	„ 12
„ С.-Петербургскомъ	„ 11
„ Виленскомъ	„ 9
„ Западной Сибири	„ 10

въ Варшавскомъ, Оренбургскомъ округахъ и Восточной Сибири по 7, въ училищахъ иностранныхъ воспитаній въ С.-Петербургѣ по 7; въ частной гимназій въ Москвѣ окончилъ курсъ гимназическаго ученія также 7 человекъ, и въ частныхъ гимназій въ С.-Петербургѣ по 8 ученика получили аттестаты зрѣлости въ каждомъ учебномъ заведеніи этого разряда, въ средней сложности.

Обращаясь къ usefulness экзаменуемыхъ по отдельнымъ предметамъ курса, получаемъ следующие выводы за первое пятилетіе:

Не выдержали экзамена:	въ 1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.
Изъ закона Боснія . . .	2	10	7	6	4
	0,2%	0,7%	0,4%	0,4%	0,2%
„ математики . . .	172	242	185	136	143
	16,5%	18,5%	11,8%	8,8%	8,4%
„ русскаго языка . . .	161	172	171	111	127
	15,4%	13,2%	10,5%	7,2%	7,4%
„ латинскаго языка . . .	199	244	168	134	132
	19,1%	18,7%	10,3%	8,7%	7,7%
„ греческаго языка ⁴⁾ . . .	1	14	82	74	97
	0,3%	1,1%	7,6%	5,9%	5,7%
„ исторіи . . .	10	27	21	20	16
	0,9%	2%	1,3%	1,2%	0,9%
„ географіи . . .	3	5	5	—	4
	0,3%	0,4%	0,3%	—	0,2%
„ физики и математической географіи . . .	3	3	10	2	8
	0,3%	0,2%	0,6%	0,1%	0,1%
„ логики . . .	—	—	—	—	4
	—	—	—	—	0,2%
„ новыхъ иностранныхъ языковъ . . .	—	11	12	11	12
	—	0,8%	0,7%	0,7%	0,7%

Общее число не выдержавшихъ испытанія 354 387 330 231 248
 (0,3%) 41 34,1% 29,7% 20,2% 15% 14,6%

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ 551 828 661 494 542

Незначительное увеличеніе по этой таблицѣ числа невыдержавшихъ экзамена въ 1874 г., въ сравненіи съ предыдущимъ 1873 годомъ, по математикѣ, исторіи и географіи можетъ быть объяснено возвышеніемъ требованій по этимъ предметамъ, со стороны экзаменуемыхъ, на второй годъ по введеніи новыя правила объ испытаніяхъ.

⁴⁾ Здѣсь показано процентное отношеніе числа невыдержавшихъ экзамена къ числу подержавшихся испытанію собственно по одному этому предмету.

Низкій процентъ невыдержанныхъ испытаній въ 1873 г. изъ греческаго языка объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ первый годъ послѣ реформы только 33% всѣхъ экзаменуемыхъ подвергались испытанію въ этомъ предметѣ. Число же невыдержавшихъ испытанія по закону Божію въ 1874 г. увеличилось отъ введенія въ общую отчетность гимназій Дерптскаго учебнаго округа, въ которомъ болѣе встрѣчается неудовлетворительныхъ отбѣтовъ по этому предмету, нежели въ прочихъ учебныхъ округахъ. За этими исключеніями, по всѣмъ прочимъ предметамъ учебнаго курса замѣчается, начиная съ 1873 года значительное и равномерное уменьшеніе процента не выдерживавшихъ испытаній, который колеблется, въ послѣдніе два года, по главнымъ предметамъ: русскому, латинскому языкамъ и математикѣ около 7 или 8%, по греческому языку около 6%, по прочимъ предметамъ преподаванія не превышаетъ или не многіе превышаетъ 1%. Если же принять во вниманіе большее различіе подготовленности, оказываемое на испытаніяхъ зрѣлости, между учениками правительственныхъ гимназій и посторонними лицами, являющимися на экзаменъ въ гимназій со стороны, и раздѣлить эти два разряда учащихся, стель мало сходно между собою, то усѣбность учениковъ гимназій, отдѣльно взятая, окажется въ такомъ случаѣ значительно выше показанной въ таблицѣ.

Возьмемъ для примѣра послѣдній отчетный годъ. Изъ постороннихъ лицъ не выдержали испытанія въ 1877 году:

Изъ математики	76 (35,5%)
„ русской словесности	73 (33,9%)
„ латинскаго языка	76 (35,3%)
„ греческаго языка	54 (25,1%)
„ исторіи	14 (6,5%)
„ географіи	4 (1,8%)
„ физики и математической географіи	1 (0,4%)
„ логики	4 (1,8%)
„ новыхъ языковъ	11 (5,1%)
„ закона Божія	3 (1,3%)
Всего	112 (52%)

Общее число неудовлетворительныхъ отбѣтовъ 318.

Ученики трехъ церковныхъ училищъ въ С.Петербургѣ и одной частной гимназій въ Москвѣ, подвергавшіеся испытаніямъ, какъ уже

сказано выше, все выдержали экзаменъ; изъ учениковъ 3 частныхъ гимназій въ С.Петербургѣ не выдержали испытанія:

изъ греческаго языка	1 (7,1%)
„ математики	2 (14,2%)
„ физики	2 (14,2%)

Всего 3, одинъ изъ одного предмета и двое изъ двухъ предметовъ каждый.

За исключеніемъ вышеозначенныхъ разрядовъ экзаменующихся, изъ учениковъ правительственныхъ гимназій не выдержали испытаній по главнымъ предметамъ курса:

	въ 1877 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.
По математикѣ	63 (4,3%)	13,4%	11,4%	7,5%	4,5%
Изъ русской словесности	54 (3,7%)	11,6%	8,8%	6,7%	3,1%
„ латинскаго языка	56 (3,9%)	15,7%	12,1%	8,7%	5%
„ греческаго языка	42 (2,9%)	0,3%	9,6%	4,3%	2,8%

Изъ остальныхъ предметовъ курса не выдерживающіе экзамена встрѣчаются очень рѣдко, какъ исключенія: въ 1877 г. не выдержали испытаній изъ учениковъ правительственныхъ гимназій—по закону Вожию 1 въ Дерптскомъ округѣ, изъ исторіи—2 (одинъ въ Дерптскомъ и одинъ въ Киевскомъ), изъ новыхъ языковъ одинъ въ Дерптскомъ округѣ. Числовыя данныя, показанныя въ послѣдней приложенной таблицѣ, изображаютъ постепенное улучшеніе результатовъ преподаванія въ нашихъ правительственныхъ гимназіяхъ, безъ примѣса постороннихъ элементовъ, и тѣмъ болѣе утѣшительны, что близкое сходство процентныхъ выводовъ за послѣдніе два года обнаруживаетъ уже нѣкоторую устойчивость опредѣлившейся нормы. Лучшихъ результатовъ трудно желать: по тремъ предметамъ (русской словесности, латинскому языку и математикѣ) число не выдержавшихъ экзамена колеблется около 4%, возвышался или понижался весьма не значительно, вѣроятно отъ причинъ совершенно случайныхъ; по греческому языку такой процентъ понижается до 3; по другимъ предметамъ курса почти вовсе не встрѣчается дурно приготовленныхъ.

Число неудовлетворительныхъ отиѣтовъ, поставленныхъ по всемъ предметамъ преподаванія въ общей сложности, постоянно превышаетъ число не выдержавшихъ испытанія. Въ 1877 году, какъ видно изъ вѣдомости № 2, приложенной къ концу этой статьи, неудовлетворительныхъ отиѣтовъ оказалось въ общемъ итогѣ 542, тогда какъ общее число не выдержавшихъ экзамена составляло 248 человекъ.

Въ отдѣльности для учениковъ правительственныхъ гимназій приходится:

Не выдержавшихъ экзамена	133
Неудовлетворительныхъ отмѣтокъ	219

Учениковъ частныхъ гимназій:

Не выдержавшихъ экзамена	133
Неудовлетворительныхъ отмѣтокъ	5

Постороннихъ лицъ:

не выдержавшихъ экзамена	112
неудовлетворительныхъ отмѣтокъ	318

По этому расчету выходитъ, что каждый не выдержавшій экзамена оказался неисправнымъ по крайней мѣрѣ по двумъ предметамъ курса въ общей сложности, изъ постороннихъ лицъ каждый по тремъ предметамъ, изъ учениковъ частныхъ гимназій 1 по одному предмету и 2 по двумъ предметамъ каждый, изъ учениковъ правительственныхъ гимназій 86 по двумъ предметамъ преподаванія и 47 по одному какому либо предмету.

Если для вывода процента не выдержавшихъ экзамена по каждому предмету мы будемъ принимать въ основаніе не общее число подвергавшихся испытанію, но общее число не выдержавшихъ испытанія, съ тою цѣлью, чтобы узнать, какой именно предметъ наиболее затрудняетъ дурно приготовленныхъ вообще, по какому предмету слабѣйшіе вообще оказываются всего чаще неисправными, то получимъ выводы вполне согласные съ предыдущими таблицами. Такъ, напри- мѣръ, въ послѣднемъ отчетномъ году число не выдержавшихъ испытанія по главнымъ предметамъ преподаванія составляло въ отношеніи въ общему числу не выдержавшихъ испытаній вѣрности:

по математикѣ	57,6%
„ русской словесности	51,2%
„ латинскому языку	58,2%
„ греческому языку	39,1%

Для учениковъ правительственныхъ гимназій въ отдѣльности:

по математикѣ	47,3%
„ русской словесности	40,6%
„ латинскому языку	42,1%
„ греческому языку	31,5%

Для постороннихъ лицъ:

по математикѣ	69,6%
„ русской словесности	65,1%
„ латинскому языку	67,8%
„ греческому языку	48,2%
„ исторіи	12,5%
„ географіи	3,5%
„ физики и математической географіи	0,8%
„ логики	3,5%
„ новымъ языкамъ	9,8%
„ закону Божію	2,6%

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы вывести слѣдующія заключенія: изъ молодыхъ людей, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости, около половины оказали неудовлетворительные успѣхи по каждому изъ трехъ предметовъ курса—по математикѣ, русской словесности и латинскому языку; между учениками правительственныхъ гимназій нѣсколько менѣе половины, между посторонними нѣсколько болѣе половины. Математика представляетъ наиболѣе затрудненій для дурно приготовленныхъ; затѣмъ слѣдуетъ по степени трудности изученія латинскій языкъ и русская словесность. Разница однако же въ процентахъ не выдерживающихъ экзамена по тому или другому изъ названныхъ предметовъ весьма не значительна и составляетъ для учениковъ гимназій около 6%, для постороннихъ лицъ около 4%. По греческому языку менѣе не выдерживающихъ экзамена, нежели по другимъ тремъ главнымъ предметамъ; ихъ число не превышаетъ между учениками гимназій $\frac{1}{3}$ общаго числа не выдержавшихъ испытаній зрѣлости, между посторонними лицами нѣсколько менѣе половины. Изъ исторіи и новыхъ языковъ не выдержали экзамена около 10% всѣхъ не выдержавшихъ изъ числа постороннихъ лицъ. Въ числѣ же учениковъ гимназій, какъ уже было сказано выше, только двое не выдержали экзамена изъ исторіи и 1 изъ новыхъ языковъ. По прочимъ предметамъ преподаванія даже между посторонними лицами не выдерживающіе испытаній не многочисленны: ихъ процентъ колеблется отъ 0,8 до 3,5.

Письменные отвѣты по четыремъ главнымъ предметамъ преподаванія составляютъ основаніе испытаній зрѣлости; не удовлетворившіе известнымъ требованіямъ въ этомъ отношеніи, не допускаются къ продолженію экзамена. Поэтому наиболѣе не выдержавшихъ экзамена

оказывается на письменныхъ испытаніяхъ. Въ 1877 году, изъ учениковъ правительственныхъ гимназій не выдержали испытаній:

	Письменныхъ.	Устныхъ.
По математикѣ	52 (3,6%),	11 (0,7%),
Изъ русской словесности	51 (3,5%),	3 (0,2%),
„ латинскаго языка	45 (3,1%),	11 (0,7%),
„ греческаго языка	35 (2,4%),	7 (0,4%).
Постороннихъ лицъ:		
По математикѣ	57 (26,5%),	21 (9,7%),
Изъ русской словесности	57 (26,5%),	17 (7,4%),
„ латинскаго языка	63 (29,3%),	13 (6%),
„ греческаго языка	38 (17,6%),	16 (7,4%).

Отъ результатовъ испытаній зрѣлости, какъ они представляются въ статистическихъ отчетахъ гимназій, переходимъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, къ ихъ повѣркѣ другими способами, черезъ посредство и при содѣйствіи профессоровъ мѣстныхъ университетовъ и другихъ членовъ попечительскихъ совѣтовъ, которые приняли на себя внимательный пересмотръ письменныхъ работъ учениковъ и представили подробные о нихъ отзывы въ управленія учебныхъ округовъ. Мы нагѣрены предпослать обзорѣнію cadaго предмета преподаванія особую таблицу, изображающую успѣшность испытаній по этому предмету въ различныхъ учебныхъ округахъ, означенную учениками на экзаменахъ за послѣдній отчетный годъ. Соответствующія цифры за предыдущіе четыре года приведены въ таблицахъ, помѣщенныхъ въ нашемъ отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости за 1876 годъ, напечатанномъ въ минувшемъ году въ Ж. М. Н. П. (августъ и сентябрь); въ означеннымъ таблицамъ присоединены были весьма подробные выводы изъ числовыхъ данныхъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія. Избѣган повтореній и перевечатанія обширныхъ таблицъ, мы удовольствуемся только ссылками на эти выводы и заключенія.

Русская словесность.

Въ 1877 году не выдержали испытанія изъ русскаго языка и словесности:

Въ учебныхъ округахъ:	Учениковъ гимназій.	Постороннихъ лицъ.	Всего вѣсть.
С.-Петербургскомъ	0,6%	17%	3,9%
Московскомъ	3,6%	21,7%	5%
Казанскомъ	2%	26,6%	4,3%

Оренбургскомъ	12,7 ⁰ / ₀	25 ⁰ / ₀	13,7 ⁰ / ₀
Харьковскомъ	3,3 ⁰ / ₀	16,6 ⁰ / ₀	4,3 ⁰ / ₀
Одесскомъ	1 ⁰ / ₀	40,6 ⁰ / ₀	10,5 ⁰ / ₀
Кіевскомъ	2,9 ⁰ / ₀	16,6 ⁰ / ₀	3,4 ⁰ / ₀
Виленскомъ	1,2 ⁰ / ₀	75 ⁰ / ₀	4,8 ⁰ / ₀
Варшавскомъ	6 ⁰ / ₀	40 ⁰ / ₀	8,1 ⁰ / ₀
Дерптскомъ	8,4 ⁰ / ₀	52,4 ⁰ / ₀	20,2 ⁰ / ₀

Въ Восточной и Западной Сибири вовсе не было въ 1877 году невыдержавшихъ испытанія изъ русскаго языка и словесности. Приведенныя здѣсь цифры вообще довольно схожи съ выводами за предыдущіе два года: процентъ не выдерживающихъ экзамена изъ русской словесности, между учениками гимназій, за всѣ три года колебался въ округахъ С.-Петербургскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ отъ 0 до 3,3⁰/₀; въ Варшавскомъ, Московскомъ, Кіевскомъ и Виленскомъ только за послѣдніе два года 1876 и 1877 понизился до 6⁰/₀ и ниже 6⁰/₀; въ Дерптскомъ возвысился съ 3,7⁰/₀ до 8,4⁰/₀; въ Оренбургскомъ составлялъ:

въ 1875 г.	23,7 ⁰ / ₀
„ 1876 „	18 ⁰ / ₀
„ 1877 „	12,7 ⁰ / ₀

Процентъ не выдержавшихъ экзамена по тому же предмету изъ числа нестороннихъ лицъ въ 1877 г. превышалъ 27⁰/₀ только въ округахъ Одесскомъ, Дерптскомъ, Варшавскомъ и Виленскомъ, а въ 1876 г. въ округахъ Московскомъ, Кіевскомъ и Дерптскомъ.

Русскія сочиненія подвергавшихся испытанію въ С.-Петербургскомъ округѣ разсматривалъ окружный инспекторъ Фокковъ. Не повторяя лестныхъ отзывовъ о письменныхъ работахъ учениковъ С.-Петербургскаго округа, какіе были высказаны рецензентами въ предыдущемъ году и напечатаны въ послѣднемъ отчетѣ, и не опровергая ихъ, г. Фокковъ обратилъ свое вниманіе преимущественно на недостатки, еще встрѣчающіеся въ сочиненіяхъ, общіе многимъ ученикамъ, отъ которыхъ слѣдовало бы, разумѣется, стараться освободить молодыхъ людей. Такъ онъ указываетъ въ иныхъ сочиненіяхъ недостатки въ планѣ изложенія и недостатки въ примѣненіи правилъ логики, которую молодые люди проходятъ въ одномъ изъ высшихъ классовъ гимназій, а также неловкіе обороты рѣчи въ родѣ слѣдующаго: „примѣръ того, что наука служитъ къ тому, чтобы сокращать опыты

нашей жизни, мы видимъ изъ того....“ Во многихъ сочиненіяхъ Н. О. Фокковъ замѣтилъ пристрастіе къ иностраннымъ словамъ, употребляемымъ безъ всякой надобности и нужды взаимнъ русскихъ выраженій, какъ на примѣръ: традиціи, фазы, примитивныя успѣхи, метаморфозы, вояжированіе, констатированіе, инсинуаціи и т. д. Что же касается собственно до орфографіи, то въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ онъ замѣтилъ двойственное правописаніе, одно въ черновомъ экземплярѣ, другое въ переписанномъ на бѣло, ставящее экзаменующихъ въ затрудненіе, какъ рѣшить и чему приписать дѣлаемые ошибки, — поспѣшности ученика или его незнанію, такъ на примѣръ: идилія и идилия, арѳа и арфа, ни сколько и нисколько. Такая двойственность встрѣчается однако, по объясненію г. Фоккова, преимущественно въ сочиненіяхъ учениковъ, пишущихъ менѣе правильно, и вовсе отсутствуетъ въ сочиненіяхъ хорошихъ, каковыя принадлежатъ ученикамъ 3-й, 6-й и 1-й С.-Петербургскихъ гимназій. Въ заключеніе Н. О. Фокковъ добавляетъ, что несмотря на указанные недостатки, имъ замѣченные въ нѣкоторыхъ работахъ, сочиненія, представленныя на испытаніяхъ зрѣлости по русскому языку, слѣдуетъ признать вообще удовлетворяющими правиламъ объ испытаніяхъ. Изъ 215 сочиненій, представленныхъ гимназіями и церковными училищами, только одно, принадлежащее гимназисту, признано неудовлетворительнымъ, 51 сочиненіе удостоено отмѣтки 5, 68 отмѣтки 4 и 89 отмѣтки 3. Шесть другихъ сочиненій, получившихъ неудовлетворительныя отмѣтки, принадлежатъ исключительно постороннимъ молодымъ людямъ.

Сочиненія, написанныя на испытаніяхъ зрѣлости въ Московскомъ учебномъ округѣ разсматривалъ заслуженный профессоръ Буслаевъ. Обращая преимущественно вниманіе на оцѣнку ученическихъ работъ, производимую экзаменаціонными комиссіями, почтенный профессоръ указываетъ на недостатокъ твердо установившихся основаній оцѣнки, еще проявляющійся во многихъ случаяхъ, недостатокъ, на который и въ прежніе годы онъ обращалъ вниманіе, а также въ 1876 году профессоръ Тихонравовъ. Испытательныя комиссіи Московскаго округа, по мнѣнію профессора, годъ отъ году болѣе представляютъ отрадное явленіе и въ настоящее время привели уже къ счастливымъ результатамъ, хотя еще не во всѣхъ гимназіяхъ въ одинаковой степени. Преимущество этого учрежденія онъ видитъ въ свободѣ сужденій, принадлежащей по праву каждому члену комиссіи. Коллегіальное обсужденіе, въ средѣ комиссій, обнаруживаетъ спорные пункты и можетъ повести къ преніямъ, которыя тѣмъ

болѣе заслуживаютъ поощренія, что еспособствуютъ справедливой оцѣнкѣ ученическихъ работъ и въ самой комиссіи обнаруживаютъ энергію, свидѣтельствующую о благосостояніи гимназій и служащую залогомъ ея будущахъ успѣховъ. Такое стремленіе къ исполненію своего назначенія профессоръ замѣтилъ особенно въ испытательныхъ комиссіяхъ гимназій: Костромской, Тверской, Орловской, Ярославской, Нижегородскаго Александровскаго института, Рязанской и нѣкоторыхъ другихъ. Напротивъ, въ гимназіяхъ Владимірской, Тульской, двухъ Смоленскихъ, Московскихъ 2-й и 6-й, члены комиссій довольствуются голословною оцѣнкою сочиненія, выставляя баллъ, или прибавляя краткое „хорошо“, „удовлетворительно“, „согласенъ съ членами комиссій“. „Не могу не выразить“, добавляетъ профессоръ, „крайняго сожалѣнія, что они не пользуются даннымъ имъ правомъ свободно высказывать свои мнѣнія“. Какъ примѣръ, особенно разительный, такого пассивнаго отношенія къ дѣлу, г. Буслаевъ, приводитъ сочиненіе Владимірской гимназій, на которомъ всѣ члены комиссій выставили отмѣтку 3, одинъ же ставитъ 4 съ голословною аттестаціею—хорошо. „Чтобы не согласиться съ большинствомъ“, замѣчаетъ профессоръ, „необходимо объяснить мотивы“.

Въ особенности радуется профессора, каждый разъ, указаніе на отношеніе работы экзаменующагося къ его годовымъ успѣхамъ и къ прежнимъ письменнымъ работамъ, хотя бы выраженное краткимъ „я ожидалъ отъ него лучшаго сочиненія“. Уравновѣсить оцѣнку сочиненія, писаннаго на экзаменѣ, въ тревожномъ состояніи духа, съ правильнымъ и спокойнымъ теченіемъ годовыхъ работъ, по мнѣнію почтеннаго профессора, должно быть вмѣнено въ непремѣнную обязанность испытательнымъ комиссіямъ (§§ 56 и 67 правилъ объ испыт. зрѣл.). Нельзя не пожелать, пишетъ онъ, большаго единства въ образѣ дѣйствій гимназическихъ комиссій и согласія въ принципахъ. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ не оказалось ни одного ученика съ отмѣткою 5, а именно въ Московскихъ 4-й и 6-й, Александровской гимназій Смоленскаго земства, Нижегородской, Тульской, Владимірской и частной Поливанова. Профессоръ Буслаевъ порицаетъ излишнюю строгость и скупость въ этомъ отношеніи: отъ ученическаго сочиненія требуется, по его мнѣнію, не гениальность и литературное совершенство, но исполненіе извѣстныхъ условій успѣшнаго обученія.

Заслуженный профессоръ Буличъ, разсматривавшій сочиненія абитуриентовъ Казанскаго учебнаго округа, находитъ заданную имъ

въ 1877 г. тему „Значеніе Волги въ развитіи Россіи“ очень удачно выбранною. Они знакомы съ рѣкою съ самаго дѣтства, продолжаетъ профессоръ, и въ развитіи темы должны были примѣнять не только воспоминанія изъ географическаго учебника, но собственные наблюденія, видѣнное, слышанное и читанное вообще. Такая тема, лучше другой, могла выяснить настоящую степень развитости учениковъ VIII класса. Послѣ чтенія написанныхъ сочиненій остается чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Не имѣвъ возможности лично просматривать сочиненія предыдущаго 1876 года, вочтенный профессоръ въ 1877 г. замѣтилъ за два года весьма значительные успѣхи въ знаніи и въ употребленіи на практикѣ роднаго языка; сочиненія по достоинству содержанія и по изложенію стали несравненно выше; знаніе грамматики и правильное употребленіе языка очевидны во всѣхъ сочиненіяхъ, за весьма малыми исключеніями. Почти вездѣ соблюдается особенная строгость въ распредѣленіи отмѣтокъ, такъ что, по совѣсти сказать, многія ниже дѣйствительнаго достоинства сочиненій. Слабѣ другихъ Астраханская и Симбирская гимназій. Въ послѣдней на грамматическія ошибки смотрѣли сквозь пальцы, преподаватель щедръ при оцѣнкѣ и руководствовался правиломъ, имъ самимъ высказаннымъ: „да ни одинъ же отъ нихъ не погибнетъ“, что, конечно, прибавляетъ профессоръ, дѣлаетъ честь его доброму сердцу, но рождаетъ успѣхъ преподаванія. Другіе члены комиссіи вынуждены были часто понижать оцѣнку. Лучшими во всѣхъ отношеніяхъ профессоръ считаетъ гимназій Саратовскую, Самарскую и 1-ю Казанскую.

Сочиненія экзаменовавшихся въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ рассматривали: преподаватель Сѣверный, окружные инспекторы Великановъ и Владимірскій. По ихъ отзывамъ, большинство сочиненій безукоризненны въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ, особенно въ гимназіяхъ Пермской и Уфимской. Оцѣнка письменныхъ работъ экзаменаціонными комиссіями въ иныхъ случаяхъ признана излишне снисходительной, отчасти въ Оренбургской гимназій и въ Екатеринбургской, которая съ трудомъ исправляется, послѣ бывшаго въ ней неурядства, при прежнемъ директорѣ. Какъ примѣръ нисходительности, допущенной однако не безъ основанія, рецензенты указываютъ работу ученика Оренбургской гимназій Суюнучъ-Галиева: она не соотвѣтствуетъ вполнѣ, по ихъ мнѣнію, требованіямъ правилъ объ испытаніяхъ, но признана таковою, въ виду не русскаго происхожденія абитуриента,—это первый Киргизъ, окончивающій курсъ гимназій,

отъ времени ея основанія. Управленіе учебнаго округа такими словами его аттестуетъ въ своихъ отчетахъ: „Киргизъ Тургайской области Суюнучъ-Галиевъ, поступившій въ приготовительный классъ гимназіи, оказывалъ значительное вліяніе на инородцевъ своимъ примѣромъ и руководствомъ, постоянно направлялъ ихъ къ труду честному и добросовѣстному; несмотря на болѣзнь, продолжавшуюся почти цѣлый годъ, неуспыннымъ трудомъ не только вознаградила потерю, но сталъ выше многихъ изъ товарищей, такъ что, по общему убѣжденію членовъ педагогическаго совѣта, найдемъ вполне достойнымъ награжденія серебряною медалью. Предполагалъ поступить въ С.-Петербургскій университетъ по юридическому факультету“.

Профессоръ Лебедевъ, разсматривавшій сочиненія учениковъ гимназій и востороннихъ лицъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, указываетъ въ нихъ много недостатковъ въ стилистическомъ отношеніи, въ логическомъ и даже ошибокъ чисто грамматическихъ. Особенно непріятно его поражало многословіе. Почтенный профессоръ предлагаетъ совѣтъ: приучать учениковъ строго обдумывать и взвѣшивать каждую мысль, каждое слово, „слѣдуя въ этомъ отношеніи прекраснымъ и поучительнымъ образцамъ не даромъ изучаемой ими классической литературы“. Въ сочиненіяхъ различныхъ гимназій, онъ не замѣчалъ особо выдающейся разности; но въ обиліи высшихъ отѣтовъ 4 и 5 нѣкоторыхъ гимназій усматриваетъ излишнюю щедрость и благодуміе цѣнителей. Въ отвѣтъ на это мнѣніе, окружный инспекторъ Лукьяновъ въ засѣданіи попечительскаго совѣта заявилъ, что, въ сравненіи съ работами предыдущихъ годовъ, замѣтно въ сочиненіяхъ улучшеніе, въ нихъ встрѣчается менѣе орфографическихъ ошибокъ и не столь грубаго характера, какъ прежде. Выборъ темъ для сочиненій, на испытаніяхъ зрѣлости 1877 г., былъ, впрочемъ, крайне не удачный: „Вліяніе чловѣка на природу и природи на чловѣка“, — тема, которая въ предыдущіе годы и въ другихъ учебныхъ округахъ оказывалась не по силамъ для выпускныхъ учениковъ гимназій.

По мнѣнію ординарнаго профессора Некрасова, разсматривавшаго сочиненія, написанныя на испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ Одесскаго учебнаго округа, всѣ сочиненія съ полною справедливостію можно назвать болѣе чѣмъ удовлетворительными; большинство положительно хороши и, въ настоящемъ году лучшихъ сочиненій больше, нежели было въ предыдущіе годы; притомъ, они встрѣчаются не въ одной какой-либо гимназіи исключительно, но попадаются во мно-

гихъ. Экзаменаціонныя комиссіи нельзя упрекнуть ни въ излишней требовательности, ни въ послабленіи; отзывы ихъ членовъ на каждомъ сочиненіи весьма подробны и обстоятельны. „Трудно“, продолжаетъ почтенный профессоръ, „почти невозможно, чтобы въ нашемъ краѣ, съ разнообразнымъ населеніемъ, не встрѣчались иногда мѣстныя выраженія или вульгарное слово. Но подобные недостатки попадаются очень рѣдко“. Сочиненія богаты содержаніемъ, выказываютъ навыкъ къ письму и знакомство учениковъ съ важнѣйшими событіями изъ жизни и дѣятельности Екатерины II, а также съ литературою того времени.

Въ Киевскомъ учебномъ округѣ сочиненія учениковъ гимназій: Киевской 2-й, Подтавской, Нѣжинской и Коллегіи Павла Галагана разсматривалъ ординарный профессоръ Котляревскій. По его отзыву, общая черта, которая пріятно бросается въ глаза во всѣхъ сочиненіяхъ учениковъ означенныхъ учебныхъ заведеній, за немногими исключеніями, это—хорошо выдержанное правописаніе и отсутствіе грамматическихъ ошибокъ. Что же касается до содержанія, изложенія мыслей въ послѣдовательномъ порядкѣ и логики, профессоръ находитъ сочиненія не вполне удовлетворительными. Такой недостатокъ онъ относитъ не къ личной неравности писавшихъ, но къ свойству предмета, о которомъ писали, находя для гимназистовъ вообще непосильною заданную имъ тему: „Почему Россія побѣдила Наполеона въ отечественную войну 1812 года“. Огромное большинство сочиненій представляетъ сборъ свѣдѣній и разсужденій о Франціи, Наполеонѣ, войнѣ 1812 г., ея причинахъ, о любви къ отечеству, нашей непобѣдимости; но рѣдкое сочиненіе отвѣчаетъ прямо на заданный вопросъ; шаткость оснований отражается на слогѣ: у однихъ сухой до крайности, у другихъ отличается вычурною надутостью. Естественную, оживленную простоту изложенія нашель профессоръ у весьма немногихъ. „Справедливость однако требуетъ сказать“, добавляетъ почтенный рецензентъ, „что сочиненія текущаго года стоятъ гораздо выше прошлогоднихъ, прогрессъ не можетъ подлежать сомнѣнію“. Приговоры и сужденія членовъ экзаменаціонныхъ комиссій, по его мнѣнію, были почти всегда вѣрны и справедливы.

Сочиненія учениковъ остальныхъ гимназій округа разсматривали директоры 1-й Киевской гимназій дѣйствительный статскій совѣтникъ Андриашевъ и Киевской шестиклассной прогимназій С. С. Михайловъ. Они вынесли почти одинаковыя впечатлѣнія: нѣкоторая шаткость въ основныхъ сужденіяхъ, отсутствіе грубыхъ ошибокъ грамматическихъ,

уменьшеніе числа провинціализмовъ, справедливость оцѣнки, сдѣланной экзаменаціонными комиссіями. Въ Новгородъ-Обверской гимназій, они обратили вниманіе попечительскаго совѣта на небрежность и неудовлетворительность почерка почти всѣхъ учениковъ. Тема для сочиненія ученикамъ означенныхъ гимназій, по обстоятельствамъ, предложена другая: „Причины побѣдъ Греховъ надъ Персами въ Персидскія войны“.

Въ Виленскомъ учебномъ округѣ на испытаніяхъ зрѣлости предложена была тема: „Вліяніе преобразованій Петра Великаго на характеръ русской литературы“. Большую часть сочиненій, по отзыву разсматривавшаго ихъ директора народныхъ училищъ С. С. Святко, оказались вполне удовлетворительными; нѣкоторые отличаются обиліемъ историческихъ фактовъ и правильнымъ взглядомъ на ихъ внутренній смыслъ; но, съ другой стороны, у многихъ изъ абитуриентовъ замѣтны сбивчивыя понятія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ и грубыя ошибки, указывающія на скудный запасъ свѣдѣній по исторіи литературы и русской исторіи. Въ отношеніи къ языку, нельзя отрицать достаточно нѣжнаго и твердаго знанія грамматики. Орфографическія ошибки попадаются рѣдко и должны быть приписаны скорѣе недосмотру и поспѣшности, чѣмъ незнацію; но ясностью, точностью выраженій, легкостью и плавностью изложенія отличаются весьма немногія. Замѣтны наклонность къ употребленію высокопарныхъ выраженій, напыщенныхъ фразъ и попадаются провинціализмы (вліяніе мѣстныхъ нарѣчій, особенно подольскаго).

Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ разсмотрѣніемъ сочиненій, составленныхъ на испытаніяхъ зрѣлости, занимались ординарные профессора Колосовъ, Яковлевъ и лекторъ русскаго языка Бергъ. Судя по ихъ отзывамъ, труды молодыхъ людей представляли, со стороны языка, отрадное явленіе: орфографическихъ ошибокъ почти не встрѣчается. Въ оборотахъ рѣчи попадаются неправильности въ немногихъ случаяхъ. „Несомнѣнно“, пишетъ профессоръ Колосовъ, „что въ послѣдніе годы успѣхи по русскому языку въ гимназіяхъ округа значительно подвинулись впередъ“. Недостатки, которыми страдаютъ въ настоящее время сочиненія абитуриентовъ, заключаются преимущественно въ неудовлетворительности содержанія. Хотя тему, предложенную на экзаменѣ, слѣдуетъ считать вполне доступною для учениковъ, окончивающихъ гимназическій курсъ (значеніе Кіева, Москвы и Петербурга въ исторіи Россіи), но многіе съ нею не справились. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ встрѣчается излишнее накопле-

ніе фактическихъ подробностей, историческій разказъ, вмѣсто разсужденія; въ другихъ, наоборотъ, отсутствіе наиболее важныхъ и необходимыхъ историческихъ данныхъ и въ замѣнѣ ихъ—дѣтскія разсужденія о томъ, почему люди живутъ въ городахъ, что такое столица и т. п. Профессоръ Колосовъ выражаетъ надежду, что съ каждымъ годомъ сочиненія на испытаніяхъ зрѣлости, въ гимназикахъ округа, будутъ приближаться къ той нормѣ, которую слѣдуетъ желать, и ихъ недостатки станутъ уменьшаться: „Сразу всего сдѣлать нельзя“. Съ оцѣнкою, выставленною преподавателями, рецензенты, за немногими исключеніями, вполне согласны.

Изъ Дерптскаго учебнаго округа, Восточной и Западной Сибири не получено подробныхъ отчетовъ о письменныхъ работахъ на испытаніяхъ зрѣлости. Мы должны довольствоваться, для опредѣленія успѣховъ молодыхъ людей, тою аттестаціею о нихъ, которую экзаменаціонныя коммиссіи выразили въ выставленныхъ отиѣткахъ балами. Для сличенія сообщаемъ цифры за цѣлое пятилѣтіе.

Неудовлетворительныхъ сочиненій оказалось:

	Въ Дерптскомъ округѣ.	Въ Восточной и За- падной Сибири.
въ 1874 г.	15,3%	8,3%
„ 1875 г.	20,7%	1,8%
„ 1876 г.	19,7%	23%
„ 1877 г.	20,2%	0

Латинскій языкъ.

Число невыдержавшихъ испытаній изъ латинскаго языка, за послѣдній отчетный годъ, изображено въ слѣдующей таблицѣ:

Въ учебныхъ округахъ:	Учениковъ гимназій.	Посторон- нихъ лицъ.	Всѣхъ лицъ.
С.-Петербургскомъ	—	8,2%	1,8%
Московскомъ	4,4%	34,7%	6,7%
Базанскомъ	0,6%	13,3%	1,8%
Оренбургскомъ	19,1%	—	17,6%
Харьковскомъ	3,3%	41,6%	6,1%
Одесскомъ	1,9%	68,7%	11,2%
Кіевскомъ	5,3%	33,3%	6,2%
Виленскомъ	—	50%	2,4%
Варшавскомъ	6%	20%	6,8%
Дерптскомъ	5,4%	47,5%	16,7%

Въ Западной Сибири всѣ ученики гимназій выдержали испытанія изъ латинскаго языка удовлетворительно, а также одинъ посторонній, подвергавшійся испытанію вмѣстѣ съ ними. Въ Восточной Сибири не выдержалъ 1 гимназистъ, что составляетъ 6,2% общаго числа подвергавшихся испытанію въ означенномъ округѣ.

Въ сравненіи съ предыдущими двумя годами замѣчается увеличеніе числа гимназистовъ, невыдержавшихъ испытанія, только въ одномъ Оренбургскомъ учебномъ округѣ; напротивъ, въ нѣкоторыхъ другихъ оказывается постепенное и довольно значительное уменьшеніе, такъ напримѣръ, въ округахъ:

	1875 г.	1876 г.	1877 г.
„ С.-Петербургскомъ.	1,4%	0,6%	0
„ Московскомъ . .	17,3%	9,6%	4,4%
„ Харьковскомъ . .	5,4%	5%	3,3%
„ Кіевскомъ . . .	9,6%	5,7%	5,3%

Процентъ невыдержавшихъ испытанія, изъ числа постороннихъ лицъ, болѣе подверженъ колебанію, и въ округахъ Харьковскомъ, Одесскомъ, Кіевскомъ и Дерптскомъ онъ увеличился, въ другихъ уменьшился.

Въ С.-Петербургскомъ округѣ, профессоръ Пемаловскій присутствовалъ на испытаніяхъ зрѣлости въ училищѣ св. Петра и рассматривалъ письменныя работы учениковъ означеннаго училища, а также 3-й С.-Петербургской гимназій. Что касается до устнаго испытанія, то, по его словамъ, абитуриенты безъ грубыхъ ошибокъ могутъ переводить *Livія à livre ouvert*, при чемъ удовлетворительно отвѣчаютъ на вопросы изъ грамматики, при которыхъ главное вниманіе было обращено на правила этимологій. Согласно съ достоинствомъ устныхъ отвѣтовъ найдено и качество письменныхъ упражненій.

Преподаватель С.-Петербургскаго университета Г. И. Лапшинъ присутствовалъ на устныхъ испытаніяхъ въ С.-Петербургскихъ 4-й и 5-й гимназійхъ, въ гимназій Человѣколюбиваго Общества, въ училищахъ при церквахъ св. Анны и Реформатской, а также рассматривалъ письменныя работы учениковъ означенныхъ учебныхъ заведеній. Онъ замѣтилъ навыкъ переводить съ русскаго языка на латинскій, твердость въ знаніи этимологическихъ формъ и правилъ синтаксиса и въ употребленіи такихъ конструкцій, которыя составляютъ особенность латинскаго языка. Слабѣ работы учениковъ гимназій Человѣколюбиваго Общества; но даже эти работы гораздо лучше, чѣмъ въ

минувшемъ году. Устные испытанія шли удовлетворительно, даже весьма удовлетворительно, особенно въ училищѣ св. Анны, 4-й и 5-й гимназіяхъ. Столь же лестный отзывъ данъ окружнымъ инспекторомъ Нейлисовымъ, разсматривавшимъ письменныя работы учениковъ другихъ гимназій. Изъ числа 195 пересмотрѣнныхъ имъ переводовъ, отмѣткою 5 оцѣнены 30 работъ или почти 15¹/₂ ‰, отмѣткою 4—70 или 36 ‰, отмѣткою 3—95 или 48¹/₂ ‰. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Нейлисовъ добавляетъ: оцѣнка латинскихъ и греческихъ работъ подлежащими комиссіями—разумно строга; нѣкоторое снисхожденіе сдѣлано только экзаменовавшимся при равныхъ заведеніяхъ постороннимъ лицамъ, которыя вообще значительно уступаютъ гимназистамъ. Исправленіе всѣхъ латинскихъ экстермпоралій самое тщательное и добросовѣстное; не оставлено безъ вниманія малѣйшей погрѣшности, неловкаго выраженія и даже описки.

Ординарный профессоръ Добротворскій, разсматривавшій латинскіе переводы Казанскаго учебнаго округа, замѣтилъ вообще большой навыкъ учениковъ гимназій въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, а во многихъ случаяхъ чисто латинскую конструкцію и фразеологию, богатство лексическаго запаса, изысканность выраженій и даже классическую красоту слога. Въ Саратовской гимназій всѣ работы безукоризненны, совершенное отсутствіе грамматическихъ ошибокъ, даже въ переводахъ, получившихъ отмѣтку 3. Слабѣе другихъ Симбирская гимназія, въ которой знаніе латинскаго языка усиливается, но медленно. Профессоръ порицаетъ излишнюю иногда строгость оцѣнки, вообще правильной. Въ Самарской гимназій у многихъ справедливо было бы повысить баллы съ 4 на 5 и съ 3 на 4. Въ Астраханской гимназій понижается оцѣнка съ 5 на 4 только за то, что ученикъ не потрудился передѣлать отрывочную русскую рѣчь въ періодическую, подражая образцовымъ классическимъ писателямъ. Изъ 159 работъ, пересмотрѣнныхъ профессоромъ, удостоены

отмѣтки	5 — 40	или	25,1 ‰
„	4 — 56	„	35,2 ‰
„	3 — 59	„	37,1 ‰.

По отзыву, представленному окружнымъ инспекторомъ Великановымъ, разсматривавшимъ латинскіе переводы Оренбургскаго учебнаго округа, наилучшіе результаты достигнуты преподаваніемъ въ Оренбургской гимназій. Всѣ работы учениковъ означенной гимназій вообще удовлетворительны и большинство доказываетъ достаточныя

познанія въ этимологiи, синтаксисѣ и въ стилистическомъ отношенiи; отмѣтки на работахъ сдѣланы, со стороны экзаменаціонной комиссіи, со значительною степенью строгости. Прочія гимназіи округа замѣтно слабѣе по грамматикѣ и въ особенности относительно стилистики. Въ сравненiи съ письменными упражненiями прежнихъ лѣтъ усматривается нѣкоторое улучшеніе, подающее надежду, что познанія учениковъ могутъ современемъ возвыситься до уровня, указаннаго учебными планами.

Профессоръ Делленъ, разсматривавшій латинскія *extemporalia* Харьковскаго учебнаго округа, нашелъ оцѣнку, имъ сдѣланную экзаменаціонными комиссіями, правильною и вообще успѣхи учениковъ, за немногими исключенiями, удовлетворительными. По среднему выводу полученныхъ учениками отмѣтокъ за латинскіе переводы, гимназіи округа располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Харьковская 2-я, средній выводъ — 4,3, Воронежская — 3,8, Новочеркасская — 3,7, Харьковская 1-я, Пензенская и Харьковская 3-я — 3,6, Усть-Медвѣдичская и Курская 3,4, Сумская — 3,3 и Тамбовская — 3. Особенно хорошимъ слогомъ отличились ученики Усть-Медвѣдичской гимназіи, хотя въ другихъ отношенiяхъ они стоятъ ниже учениковъ прочихъ гимназій.

Доцентъ Лебедевъ, представляя въ попечительскій совѣтъ Одесскаго учебнаго округа отчетъ о просмотрѣнныхъ имъ латинскихъ переводахъ, свидѣтельствуетъ, что хорошее знаніе этимологiи и синтаксиса составляетъ лучшую ихъ сторону. Что же касается изящества выраженій и стилистической выработанности языка, то этого рода достоинствами отличаются только тѣ сочиненiя, которыя удостоены высшей отмѣтки — 5. Неправильности, которыя ему случалось находить въ переводахъ, вообще не многочисленны и по характеру своему скорѣе могутъ быть приняты за описки, нежели за признакъ незнанія; такъ напримѣръ — *in romano civitate*. Изъ Одесскихъ гимназій лучшею въ отчетномъ году оказалась 2-я. Весьма значительное количество хорошихъ работъ, справедливо аттестованныхъ высшими отмѣтками 4 и 5, представила Херсонская гимназія, въ которой замѣтно постоянное и существенное улучшеніе. Въ гимназіяхъ Кишиневской, Екатеринославской, Таганрогской, которыхъ *extemporalia*, впрочемъ, вполнѣ удовлетворительны, въ оцѣнкѣ достоинства каждаго перевода г. Лебедевъ замѣтилъ менѣе строгости, нежели въ другихъ гимназіяхъ. Переводы учениковъ Керченской гимназіи въ отчетномъ году не представляютъ тѣхъ замѣчательныхъ, блестящихъ стилис-

тическихъ достоинствъ, какими отличались переводы двухъ предыдущихъ годовъ. Значительно слабѣ другихъ ему показались переводы учениковъ Симферопольской гимназіи.

Кіевскій учебный округъ. По отзыву ординарнаго профессора г. Модестова, пересмотрѣнные имъ переводы учениковъ гимназій 1-й и 2-й Кіевскихъ и Житомирской, въ общей сложности, довольно удовлетворительны. Встрѣчаются однако ошибки этимологическія, довольно грубыя даже (*vinci esse, sumitti esse, colligavit* вм. *collegit*), неправильное правописаніе обще-извѣстныхъ собственныхъ именъ (*Emilius, Tigranus, Siga*), неумѣніе справиться съ послѣдовательностью временъ и съ оборотами косвенной рѣчи. Тѣмъ не менѣ профессоръ замѣчаетъ, что число ошибокъ и недостатки въ сочиненіяхъ съ каждымъ годомъ уменьшаются, хотя въ пропорціи незначительной. Въ Кіевской 1-й гимназій ученики имѣютъ болѣе навыка къ правильному построенію фразы. Въ Кіевской 2-й оцѣнка вообще снисходительна. Переводы учениковъ остальныхъ гимназій округа были разсматриваемы окружнымъ инспекторомъ Ростовцевымъ и директоромъ Кіевской 3-й гимназій Александровичемъ. Рецензенты замѣтили мало ошибокъ этимологическихъ, хотя попадаетъ правописаніе въ родѣ: *Tiverio* вм. *Tiberio, Hispaniam* вм. *Hispaniam*. Синтаксисъ и стилистика слабѣ. По замѣчанію г. Ростовцева, Черниговская гимназія, которая отнеслась къ работамъ учениковъ съ особенною строгостью и дала наиболѣе неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, едва ли по успѣхамъ своихъ питомцевъ въ латинскомъ языкѣ не стоитъ выше остальныхъ учебныхъ заведеній.

Въ Виленскомъ учебномъ округѣ письменныя работы, по свидѣтельству разсматривавшаго ихъ члена попечительскаго совѣта дѣйствительнаго статскаго совѣтника Балвановича, исполнены лучше переводовъ предыдущаго года и показываютъ вообще твѣрдое знаніе этимологіи и синтаксиса, хорошее знакомство съ синониміею, фразеологіею и весьма часто конструкцію рѣчи, согласную съ духомъ латинскаго языка. Отзывы рецензентовъ сдѣланы весьма подробные и обстоятельныя, оцѣнка работъ произведена равномѣрная во всѣхъ гимназіяхъ и справедливая, кромѣ Витебской гимназій, въ которой преподаватели отнеслись снисходительно къ нѣкоторымъ довольно крупнымъ ошибкамъ противъ синтаксиса.

Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ пересмотръ латинскихъ переводовъ приняли на себя ординарный профессоръ Коссовичъ и доцентъ Ястребовъ. Покойный профессоръ И. А. Коссовичъ составилъ таблицу отмѣтокъ по каждой гимназій: изъ 59 представленныхъ ему переводовъ,

27 получили высшія отмѣтки 4 и 5 и 32 отмѣтку 3. Эту таблицу онъ поясняетъ слѣдующими словами: „Съ мнѣніемъ гг. членовъ испытательныхъ комиссій я вполне согласенъ, ибо оцѣнка работъ каждый изъ нихъ произведена была добросовѣстно. Очевидно, что преподаваніе древнихъ языковъ въ Варшавскомъ округѣ увѣнчивается все болѣе и болѣе успѣхомъ, что является прямымъ послѣдствіемъ введенія учебной реформы и расширенія курса преподаванія древнихъ языковъ. Кромѣ того, ежегодное увеличеніе числа студентовъ, поступающихъ на историко-филологическій факультетъ, ясно свидѣтельствуетъ, что преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа приняло желаемое направленіе“. Повидимому, того же мнѣнія и г. Ястребовъ, который въ подробномъ отзывѣ своемъ указываетъ достоинства переводовъ и добавляетъ: этимологическихъ ошибокъ почти совсѣмъ нѣтъ, ошибокъ противъ синтаксиса очень мало, и тѣ незначительны.

Изъ Дерптскаго округа, Восточной и Западной Сибири не получено подробныхъ отчетовъ о письменныхъ работахъ, исполненныхъ на испытаніяхъ зрѣлости.

Замѣняемъ ихъ указаніемъ на аттестаціи, сдѣланныя преподавателями. За послѣдніе четыре года признано неудовлетворительными отвѣтовъ письменныхъ и устныхъ:

	въ Дерптскомъ округѣ.	въ Западной и Восточной Сибири.
1874 г. .	34,4 ⁰ / ₀	11,1 ⁰ / ₀
1875 г. .	17,2 ⁰ / ₀	3,7 ⁰ / ₀
1876 г. .	19,7 ⁰ / ₀	15,3 ⁰ / ₀
1877 г. .	16,7 ⁰ / ₀	2,7 ⁰ / ₀

Греческій языкъ.

Въ послѣднемъ отчетномъ году не выдержали испытанія изъ греческаго языка:

Въ учебныхъ округахъ:	Учениковъ правительств. гимн.	Постороннихъ лицъ.	Всѣхъ вѣсть.
С.-Петербургскомъ . . .	—	4,2 ⁰ / ₀	1,3 ⁰ / ₀
Московскомъ . . .	2 ⁰ / ₀	13 ⁰ / ₀	2,8 ⁰ / ₀
Казанскомъ . . .	2 ⁰ / ₀	26,6 ⁰ / ₀	4,3 ⁰ / ₀
Оренбургскомъ . . .	14,8 ⁰ / ₀	—	13,7 ⁰ / ₀
Харьковскомъ . . .	2,6 ⁰ / ₀	25 ⁰ / ₀	4,3 ⁰ / ₀

Одесскомъ	1,9 ⁰ / ₁₀	3,1 ⁰ / ₁₀	2,2 ⁰ / ₁₀
Кіевскомъ	1,1 ⁰ / ₁₀	33,3 ⁰ / ₁₀	2,2 ⁰ / ₁₀
Виднскомъ	—	50 ⁰ / ₁₀	2,4 ⁰ / ₁₀
Варшавскомъ	2,6 ⁰ / ₁₀	20 ⁰ / ₁₀	3,7 ⁰ / ₁₀
Дерптскомъ	9 ⁰ / ₁₀	57,2 ⁰ / ₁₀	22 ⁰ / ₁₀

Испытанію изъ греческаго языка не подвергались ученики трехъ Сибирскихъ гимназій—Тобольской, Томской и Красноярской, и гимназій Архангельской С.-Петербургскаго учебнаго округа. Преподаваніе означеннаго предмета будетъ доведено до VIII класса въ послѣднихъ двухъ гимназійхъ въ 1877—1878 году, а въ первыхъ двухъ только въ 1878—1879 году. Независимо отъ сего, по свидѣніямъ, имѣющимся въ Департаментѣ народнаго просвѣщенія, оказывается, что греческому языку не обучались въ 1876—1877 учебномъ году нѣсколько учениковъ старшаго класса, въ гимназійхъ:

Орловской (Московскаго округа)	2
Симбирской (Казанскаго округа)	3
Уфимской и Пермской (Оренбургскаго округа)	6
Пензенской (Харьковскаго округа)	3
Ришельевской, Кишиневской и Симферопольской (Одесск. окр.)	6
Черниговской (Кіевскаго округа)	2

Въ означенныхъ гимназійхъ, въ видѣ льготы, дозволено было и постороннимъ лицамъ подвергаться испытаніямъ зрѣлости безъ греческаго языка; но сколько именно воспользовались этою льготою, свидѣній о томъ отъ управленій округовъ не доставлено.

Въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, профессоръ Дестунисъ присутствовалъ на устныхъ испытаніяхъ по греческому языку въ гимназійхъ 1-й, 2-й, 3-й, Человѣколюбиваго Общества, въ училищѣ св. Петра и нашелъ, что устные отвѣты учениковъ свидѣлствуютъ болѣею частью о старательной и добросовѣстной ихъ подготовкѣ. Относительно письменныхъ ихъ работъ онъ вполне согласенъ съ оцѣнкою, выставленною на нихъ экзаменаціонными комиссіями. Профессоръ повторяетъ замѣчаніе, сдѣланное имъ и въ предыдущіе годы, что устные отвѣты учениковъ почти постоянно даютъ о нихъ лучшее понятіе, нежели ихъ письменныя работы. На основаніи такого заявленія, попечительскій совѣтъ округа, въ журналѣ своихъ засѣданій, копію съ котораго представилъ въ министерство, выводитъ заключеніе, что было бы полезно допускать до словеснаго испытанія по

крайней мѣрѣ тѣхъ экзаменующихся, которыхъ письменныя работы найдены будутъ испытательною комиссіею сомнительными.

Въ отчетахъ объ испытаніяхъ зрѣлости за 1876 г. и въ предыдущихъ отчетахъ по тому же предмету, напечатанныхъ въ Ж. М. Н. Пр. (августъ 1876 г., стр. 67, сентябрь 1877 г., стр. 84), подробно уже было объяснено, почему не представляется ни надобности, ни возможности въ настоящее время вводить какія либо измѣненія въ установленныя правила объ испытаніяхъ или допускать какія либо отъ нихъ отступленія. Въ упомянутыхъ отчетахъ указаны §§ 53, 57 и 67 правилъ объ испытаніяхъ, въ которыхъ весьма точно опредѣлены мѣры, обеспечивающія строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ познаній экзаменующихся и вмѣстѣ съ тѣмъ обозначенъ порядокъ разрѣшенія встречающихся сомнительныхъ случаевъ.

Окружный инспекторъ Нейлисовъ, разсматривавшій письменныя работы остальныхъ гимназій округа, подтверждаетъ мнѣніе профессора Дестуниса о строгой правильности оцѣнки и поясняетъ, что въ числѣ 164 представленныхъ экстерпориаль, 22 или почти 13½% получили отмітку 5, отмітку 4—66 или 40%, отмітку 3 — 75 или 46% и только одинъ переводъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ.

Переводы на греческій языкъ учениковъ гимназій Казанскаго учебнаго округа, по отзыву разсматривавшаго ихъ ординарнаго профессора Добротворскаго, вообще отличаются соблюденіемъ правилъ этимологіи и синтаксиса, правильностью греческихъ оборотовъ, а нѣкоторые — чистотою и изяществомъ; рецензіи преподавателями сдѣланы съ примѣрною тщательностью и обстоятельностью. Оцѣнка работъ довольно строгая, на многихъ работахъ ее можно было бы повысить. Въ Вятской гимназіи, преподаватель Еллинскій, самъ отличный знатокъ греческаго языка, предъявляетъ требованія, хотя справедливыя, но слишкомъ строгія для молодыхъ людей, можно сказать—идеальныя. Работы Астраханской гимназіи замѣчательно хороши, такъ что многія удовлетворяютъ даже высокимъ требованіямъ г. Еллинскаго. Лучшими въ округѣ, по обоимъ древнимъ языкамъ, повидимому профессоръ считаетъ 1-ю и 2-ю Казанскія гимназіи. Несравненно слабѣе знаніе греческаго языка въ гимназіяхъ Самарской и Симбирской. Изъ 156 работъ, пересмотрѣнныхъ профессоромъ, 75 удостоены отмітокъ 4 и 5, 73 отмітки 3 и 8 признаны неудовлетворительными.

Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ работы по греческому

языку были внимательно рассмотрѣны преподавателемъ Оренбургской гимназіи Малиною, потомъ вторично окружными инспекторами Великаговымъ и Владимірскимъ. Оказывается, что общій результатъ испытаній вышелъ значительно благоприятнѣе предыдущаго года, но экзаменаціонными комиссіями допущено еще много послабленій въ оцѣнкѣ. Въ большинствѣ переводовъ ошибки противъ флексій очень рѣдки, погрѣшности противъ синтаксиса замѣчены только въ неточномъ пониманіи формъ условныхъ предложений и употребленія отрицательныхъ частицъ. Синонимы, фразеологія, связь предложений—оставляютъ желать еще многого.

Профессоръ Делленъ, разсматривавшій греческіе переводы учениковъ гимназій въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, остался ими доволенъ и находитъ оцѣнку, сдѣланную экзаменаціонными комиссіями, въ различныхъ гимназіяхъ округа, правильною. По среднему выводу полученныхъ учениками отмѣтокъ, гимназіи располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Харьковская 2-я, средней выводъ—4,6, Усть-Медвѣдичкая—4, Воронежская 3,7, Харьковская 3-я и Курская—3,5, Пензенская и Новочерасская—3,4, Харьковская 1-я, Сумская и Тамбовская 3,3.

„Гимназіи Одесскаго округа“, пишетъ доцентъ Лебедевъ въ отчетѣ, представленномъ попечительскому совѣту, „даютъ намъ первый выпускъ молодыхъ людей, обучавшихся греческому языку съ 3-го класса; тѣмъ пріятнѣе видѣть, что дѣло столь новое, на первыхъ же порахъ, пошло съ такимъ быстрымъ успѣхомъ“. Пересмотрѣнные переводы выказываютъ хорошее знаніе этимологическихъ формъ и правильное примѣненіе важнѣйшихъ правилъ синтаксиса. Недосмотры и ошибки, которыя ему случалось находить, не многочисленны и не важны. Достоинство переводовъ, представленныхъ изъ различныхъ гимназій, по мнѣнію почтеннаго рецензента, довольно равномерно, за исключеніемъ Таганрогской гимназіи, экстермпоралии которой показались ему слабѣе прочихъ, но оцѣнка, сдѣланная различными экзаменаціонными комиссіями, въ иныхъ случаяхъ болѣе строгая, въ другихъ снисходительна. Во 2-й Одесской гимназіи нѣтъ ни одного перевода, не смотря на ихъ положительно хорошія качества, съ отмѣткой выше 3-хъ. Въ Рихельевской, очень многіе, написанные весьма порядочно, имѣютъ отмѣтку не выше, съ прибавкою словесной аттестаціи: ἀμελῶς; γέγραφε, при чемъ въ результатѣ оказываются самыя незначительныя ошибки. Въ гимназіяхъ Херсонской и Екатеринославской аттестаціи сдѣланы слишкомъ щедро.

Заслуженный ординарный профессор Гогоцкій, присутствовавший на испытаніяхъ зрѣлости въ Черниговской гимназій Кіевского учебнаго округа въ качествѣ депутата и разсматривавшій письменныя работы учениковъ гимназій Кіевской 1-й, Житомирской, Черниговской и Каменецъ-Подольской, сообщаетъ въ своемъ отчетѣ попечительскому совѣту, что преподаваніе греческаго языка во всѣхъ этихъ гимназіяхъ и усѣхъ учениковъ по означенному предмету значительно подвигаются впередъ. Лучшими оныя считаетъ Кіевскую 1-ю гимназію и Черниговскую, въ которой отъѣемъ нѣкоторыхъ учениковъ, окончивших курсъ — превосходны. Попадаются однако въ болѣе слабыхъ работахъ ошибки противъ спряженій и склоненій и несправильности орфографическія и синтаксическія, указывающія, что ученики не упражнялись самостоятельно, внѣ класса, въ чтеніи какихъ нибудь, хотя бы легкихъ греческихъ статей. Доцентъ Мищенко въ работахъ гимназій Кіевской 2-й, Полтавской и Нѣжинской, а также коллегія Павла Галагана, нашелъ довольно много ошибокъ противъ орфографіи, просодіи, этимологіи, синтаксиса. Этими недостатками объясняется и строгость экзаменаціонныхъ комиссій въ гимназіяхъ Кіевской 2-й и Нѣжинской, въ которыхъ ни одинъ ученикъ не удостоился вышей отѣтки 5 по единогласному приговору всѣхъ членовъ комиссій. Работы коллегія Павла Галагана болѣе удовлетворительны. Въ Немировской гимназій оцѣнка работъ, по мнѣнію пересматривавшаго ихъ директора Кіевской 2-й гимназій Кустова, сдѣлана правильно, въ Новгородсѣверской снисходительно. Изъ 14 учениковъ этихъ двухъ гимназій только двое удостоены отѣтки 4, остальные представили работы менѣе удовлетворительныя.

По отзыву окружнаго инспектора Сольскаго, разсматривавшаго переводы абитуриентовъ Виленскаго учебнаго округа, письменныя работы учениковъ гимназій удовлетворительны и представляютъ улучшеніе въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ, особенно замѣтное въ твердомъ знаніи синтаксиса и въ приобрѣтеніи достаточнаго лексическаго запаса. Среднимъ числомъ на каждый переводъ приходится во всѣхъ гимназіяхъ по 7 ошибокъ; въ отдѣльности, въ Ковенской и Слудской гимназіяхъ по 4, въ Витебской по 5, максимумъ въ Минской по 15. Лучшими почтенный рецензентъ однако считаетъ переводы Витебской гимназій; оцѣнку вообще всѣхъ работъ находитъ правильною.

Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ разсмотрѣніе греческихъ переводовъ возложено было попечительскимъ совѣтомъ на ординар-

каго профессора Маржинскаго и доцента Дьячана. Профессоръ Мѣржинскій пишетъ въ представленномъ имъ отзывѣ: работы вообще удовлетворяютъ требованиямъ правилъ объ испытаніяхъ, знаніе греческаго языка дѣлаетъ желаемые успѣхи, въ особенности въ 4-й и 5-й Варшавскихъ гимназіяхъ и въ Сувалеской, на которыя онъ считаетъ обязанностью даже обратить вниманіе неучителя округа. Рецензии преподавателей отличаются полнотою, внимательностью и строгостью въ опредѣленіи балловъ, хотя используютъ иногда отъ нихъ вниманіе; впрочемъ рѣдко, пропущенное придыханіе, jota subscripta и мѣлкіе употребительная форма греческаго глагола (ἀλεψαν вм. ἄλπου). Е. Дьячанъ того же мнѣнія и добавляетъ: ученики хорошо знакомы съ греческою географіею, не дѣлаютъ никакихъ ошибокъ противъ просодіи; молодые люди твердо усвоили себѣ греческія флексіи. Правда, иногда попадаются погрѣшности противъ тонкостей греческаго синтаксиса; имъ это болѣе чѣмъ извинительно для ученика гимназіи, который не имѣетъ возможности спеціально заняться изученіемъ предмета, требующаго много труда и усидчивости".

Подробнаго отчета о письменныхъ испытаніяхъ въ Дерптскомъ учебномъ округѣ мы не имѣемъ. Число невыдержавшихъ экзамена изъ греческаго языка, въ гимназіяхъ означеннаго округа, простиралось:

въ 1874 г. до	25,1%
1875 " "	20,7%
1876 " "	17,1%
1877 " "	22%

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ также отчета за 1877 г. о письменныхъ работахъ учениковъ Московскаго учебнаго округа, по латинскому и греческому языкамъ. Профессоръ Ивановъ, которому было поручено ихъ рассмотрѣніе, долженъ былъ прервать свои занятія для присутствія въ Московскомъ окружномъ судѣ, въ качествѣ присяжнаго заведателя; а затѣмъ самыя работы воспитанниковъ гимназій по древнимъ языкамъ были вытребованы въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ же профессора Иванова остался неоконченнымъ. Изъ особаго дѣла, производимаго въ Департаментѣ народнаго просвѣщенія, усматривается, что въ 1877 году были вытребованы изъ всѣхъ учебныхъ округовъ и всѣхъ гимназій работы, исполненныя на испытаніяхъ зрѣлости, а также классныя и домашнія работы по древнимъ языкамъ учениковъ различныхъ классовъ. Для рассмотрѣнія ихъ учреждены при ученномъ комитетѣ министерства двѣ ком-

миссін, на которыя возложено было г. министромъ народнаго просвѣщенія избрать изъ числа представленныхъ переводовъ образцы для отсылки на всемірную выставку въ Парижѣ, въ педагогическій ея отдѣлъ, и въ то же время, пользуясь такимъ значительнымъ скопленіемъ ученическихъ работъ, опредѣлить по нимъ относительный уровень преподаванія и успѣховъ въ каждомъ учебномъ округѣ, сравнительно съ другими округами, и въ каждой гимназіи сравнительно съ гимназіями того же округа, и на сколько, судя по этимъ работамъ, въ настоящее время означенныя учебныя заведенія достигаютъ своихъ цѣлей? Коммисіи, прежде всего выдѣлили изъ массы представленныхъ классныхъ и домашнихъ упражненій тѣ переводы, которые были исправлены учителями и переписаны на блѣ, такъ какъ по нимъ нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія, что въ нихъ принадлежитъ ученику и что учителю, при чемъ коммисіи руководствовались примѣромъ бывшей выставки въ Вѣнѣ, на которой обращено было вниманіе исключительно на подлинныя упражненія учениковъ, не переписанныя, но только исправленныя преподавателями. Выводы и замѣчанія коммисій и ученаго комитета, по подлиннымъ ученическимъ работамъ, представляютъ значительный интересъ; ихъ указанія, основанныя на сравнительномъ изученіи работъ въ различныхъ училищахъ и округахъ, принесутъ несомнѣнно значительную пользу для хода учебнаго дѣла въ нашихъ гимназіяхъ и будутъ, какъ мы слышали, вскорѣ нанечатаны.

Математика.

Число невыдержавшихъ испытаній изъ математики изображено въ слѣдующей таблицѣ:

Въ учебныхъ округахъ.	Учениковъ правительств. гимназій.	Постороннихъ лицъ.	Всѣхъ въ суммѣ.
С.-Петербургскомъ	—	23,4%	8,7%
Московскомъ	3,6%	30,4%	5,7%
Казанскомъ	4%	26,6%	6,2%
Оренбургскомъ	10,6%	—	9,8%
Харьковскомъ	8%	58,3%	11,7%
Одесскомъ	—	53,1%	12,7%
Кіевскомъ	4,1%	16,6%	4,5%
Виленскомъ	3,8%	50%	6%
Варшавскомъ	7,3%	20%	8,1%

Дерптскомъ	4,2%	44,2%	14,9%
Западной Сибири	5%	—	4,7%
Восточной Сибири	12,5%	—	12,5%

Въ сравненіи съ предыдущими годами замѣтно въ большинствѣ учебныхъ округовъ значительное уменьшеніе, между учениками гимназій, числа невыдерживающихъ испытанія изъ математики. Въ Казанскомъ учебномъ округѣ число неудовлительно подготовленныхъ понизилось съ 17,1% до 4%, въ Оренбургскомъ съ 23,7% до 10,6%, Киевскомъ съ 25% до 4,1%, Виленскомъ съ 19,3% до 3,8%. Въ Московскомъ учебномъ округѣ число не выдержавшихъ испытанія составляло:

въ 1875 г.	10,3%
„ 1876 „	6%
„ 1877 „	3,6%

Въ Одесскомъ учебномъ округѣ:

въ 1874 г.	13,6%
„ 1875 „	1,3%
„ 1876 „	0
„ 1877 „	0

Въ остальныхъ четырехъ округахъ, въ Восточной и Западной Сибири, оно держится довольно равномерно, за послѣднее время, около одного уровня, или подвержено совершенно неправильнымъ (вѣроятно случайнымъ) колебаніямъ, именно составляло:

Въ учебныхъ округахъ:	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.
С.-Петербургскомъ	3,8%	2,1%	3,3%	0
Дерптскомъ	15,4%	3,5%	3,7%	4,2%
Харьковскомъ	6,7%	0,6%	7,5%	8%
Варшавскомъ	—	15,6%	3,2%	7,3%
Восточной и Западной Сибири	5,5%	7,5%	12,5%	8,3%

Успѣхи постороннихъ лицъ подвержены болѣе случайному колебанію и зависятъ отчасти отъ числа молодыхъ людей этой категоріи, являющихся на экзаменъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ учебномъ округѣ экзаменовались 4 человека, изъ нихъ не выдержали экзамена 3, что составляетъ 75%; на другой годъ явились къ испытанію 15 человекъ и не выдержали 5—33,3%; въ другомъ учебномъ округѣ при-

нимали участіе въ испытаніяхъ зрѣлости 60 человѣкъ, не выдержали 34, что составляетъ 56%.

Въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ разсмотрѣніе письменныхъ работъ по математикѣ возложено было на окружнаго инспектора Михайлова, который въ недавнемъ отзывѣ объясняетъ слѣдующее: изъ 889 работъ по всѣмъ четыремъ отдѣламъ этой науки—69% удостоены высшихъ оцѣнокъ 4 и 5, 23,2% оцѣнки 3 и только 7% получили неудовлетворительныя оцѣнки. Изъ послѣднихъ, около половины принадлежатъ постороннимъ лицамъ, подвергавшимся испытанію въ гимназіяхъ. Въ большинствѣ случаевъ работы оцѣнены совершенно точно по ихъ достоинству и доказываютъ, что молодые люди вполне усвоили гимназическій курсъ математики и приобрѣли навыкъ къ производству вычисленій. Изъ черновыхъ видно, за немногими исключениями, что абитуриенты сразу овладѣваютъ условіями задачи; а въ Вологодской гимназій нѣкоторые ученики просили позволенія писать отвѣты прямо на бѣло и работы исполнили отлично. Письменные работы учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій не уступаютъ въ хорошихъ качествахъ работамъ учениковъ правительственныхъ гимназій. Испытанія постороннихъ лицъ за послѣдній годъ доказали, что примененная къ нимъ строгость благотворно подѣйствовала на этотъ разрядъ учащихся: они являются къ испытаніямъ болѣе подготовленными, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. По каждому изъ четырехъ отдѣловъ математики, въ общемъ итогѣ учащихся всѣхъ разрядовъ, получены слѣдующіе результаты. Удостоились оцѣнокъ:

	4 и 5.	3.	Признаны неудовлетворительными:
По арифметикѣ	87,6%	10,6%	1,1%
„ алгебрѣ	80,8%	17,5%	1,7%
„ геометріи	59,5%	27%	13,5%
„ тригонометріи	67,2%	29,4%	3,4%

Заслуженный профессоръ Давыдовъ, разсматривавшій письменныя работы абитуриентовъ Московскаго учебнаго округа, пришелъ къ заключенію, что эти работы обнаруживаютъ, какъ и въ предыдущихъ годахъ, весьма удовлетворительное состояніе преподаванія математики въ гимназіяхъ Московскаго округа. Въ особенности онъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что иногородныя гимназіи, которыя много отставали отъ столичныхъ нѣсколько лѣтъ на-

задѣ, нѣмѣ почти сравнялись съ ними по достигнутымъ учебнымъ результатамъ. Въ способѣ оцѣнки замѣчается, по его мнѣнію, большое разногласіе: не домогаясь совершенной равномѣрности, во всякомъ случаѣ было бы желательнѣе достигнуть болѣе однообразія въ этомъ отношеніи. Нѣкоторыя учебныя заведенія относятся очень строго къ работамъ учащихся, въ нихъ случалась требовательность дѣлается чрезмѣрною. Въ другихъ заведеніяхъ, напротивъ, оказывается излишняя снисходительность. Лучшими изъ Нижегородскихъ гимназій почтенный профессоръ считаетъ Владимирскую и Костромскую.

Въ Казанскомъ учебномъ округѣ работы по математикѣ рассматривалъ заслуженный профессоръ Котельниковъ. Многія, по его мнѣнію, въ состояніи удовлетворить самого строгаго рецензента; ихъ оцѣнка добросовѣстна и безпристрастна, за весьма немногими исключеніями. Въ Вятской гимназій нѣкоторыя работы заслуживаютъ повышенія балла; напротивъ, въ Симбирской гимназій встрѣчаются случаи излишняго снисхожденія.

Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ пересмотръ работъ по математикѣ былъ возложенъ на члена попечительскаго совѣта, директора Оренбургской гимназій, д. ст. с. Мѣшкова, совместно съ двумя преподавателями. По отзыву означенныхъ лицъ, работы гимназій Оренбургской, Уфимской, Уральской найдены удовлетворительными, оцѣнка, сдѣланная экзаменаціонными комиссіями — правильною. Исключеніе составляютъ работы одного ученика Уральской гимназій, получившаго отмітку 5, котораго исчисленія, однако, по арифметикѣ и геометріи ведены въ черновыхъ листахъ очень небрежно и переписаны на бѣло съ значительными погрѣшностями. Въ Пермской гимназій работы, за исключеніемъ немногихъ, страдаютъ ошибками въ вычисленіяхъ, небрежностью ихъ расположенія и выполненія, и даже недоконченностью. Въ Екатеринбургской гимназій работы учениковъ удовлетворительны по исполненію, но страдаютъ погрѣшностями противъ русскаго языка и грамматики.

Профессоръ Имшенецкій, рассматривавшій работы по математикѣ учениковъ Харьковскаго учебнаго округа, замѣтилъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ неумѣніе провѣрять сужденіемъ то, что усвоено памятью, недостатокъ соображенія. Въ большинствѣ отвѣтовъ, переписанныхъ на бѣло, по его мнѣнію, остается желать еще многого, какъ въ отношеніи логическаго порядка, точности, краткости, такъ и въ отношеніи общепринятаго порядка и расположенія вычисленій. Впрочемъ, лучшіе изъ представленныхъ отвѣтовъ уже показываютъ резуль-

таты, которыхъ можно достигнуть и въ этомъ направленіи. Желательно, чтобы хорошее математическое изложеніе стало достояніемъ большинства. Лучшими, по достоинству отвѣтовъ, профессоръ указываетъ гимназій Пензенскую и Харьковскую 1-ю.

По мнѣнію профессора Карастелева, разсматривавшаго работы Одесскаго учебнаго округа по всѣмъ четыремъ отраслямъ математики, задачи, предложенныя на испытаніяхъ зрѣлости въ отчетномъ году, были выбраны удачно. Хотя онѣ не требуютъ слишкомъ продолжительныхъ вычисленій, но даютъ ясное понятіе объ основательности теоретическихкихъ познаній, приобрѣтенныхъ молодыми людьми и навыкѣ ихъ примѣнять въ вычисленіямъ. Вообще, профессоръ не нашелъ большой разницы между отвѣтами учениковъ различныхъ гимназій. Наибольшій процентъ вполне удовлетворительныхъ отвѣтовъ представленъ по алгебрѣ, около 90⁰/₁₀₀; затѣмъ, около 80⁰/₁₀₀ можно признать вполне хорошими по остальнымъ тремъ частямъ математическаго курса. Указывая въ своемъ отвѣтѣ весьма подробно различныя достоинства и приемы въ работахъ абитуриентовъ, по каждой отрасли этой науки, почтенный профессоръ упоминаетъ свою двадцатилѣтнюю дѣятельность въ качествѣ, сначала, преподавателя во 2-й Одесской гимназій, а потомъ въ качествѣ преподавателя Ришельевскаго лицей и профессора университета, на вступительныхъ экзаменахъ въ лицей и въ университетъ, и сообщаетъ любопытныя, по нашему мнѣнію, наблюденія свои надъ постепеннымъ измѣненіемъ, происходившимъ въ преподаваніи гимназическаго курса. „Рѣшеніе самыхъ простыхъ задачъ, пишетъ онъ, изъ ариметики, алгебры, геометріи и тригонометріи въ былое время затрудняло лучшихъ учениковъ. При значительномъ числѣ поступающихъ, на экзаментъ можно было ознакомиться со свѣдѣніями каждаго только въ продолженіи немногихъ минутъ, такъ, что экзамены для поступленія въ университетъ служили одною формальностью, не имѣвшею ни малѣйшаго вліянія на преподаваніе въ гимназіяхъ. Теперь нельзя поступить ни на одинъ изъ четырехъ факультетовъ, не умѣя привести двухъ дробей къ одному знаменателю или не зная какъ измѣряется площадь треугольника. Серьезныя требованія въ познаніяхъ отъ желающихъ получить аттестаты зрѣлости и письменная форма испытаній, обставленная условіями, гарантирующими самостоятельное, безъ посторонней помощи, производство работъ, имѣли по его словамъ „громдное вліяніе на улучшеніе преподаванія математики въ гимназіяхъ, и правила объ испытаніяхъ 1872 г. составляютъ замѣчательную эпоху въ

и исторіи средняго образованія въ Россіи, вполнѣ обезпечивая его успѣхи". Профессоръ хвалитъ методу, введенную въ Одесскомъ учебномъ округѣ для приготовленія питомцевъ гимназій къ испытаніямъ зрѣлости: въ продолженіи второй половины учебнаго года ученики VIII класса исполняютъ нѣсколько разъ пробныя письменныя работы по математикѣ при той же самой обстановкѣ, при которой должны нѣтъ исполнять на испытаніяхъ зрѣлости. Эта подготовительная практика имѣетъ самыя благодѣтельныя послѣдствія. Приобрѣтая навыкъ и зная объемъ требованій, ученики гимназій приступаютъ съ увѣренностью и на экзаменѣ къ исполненію своихъ письменныхъ работъ.

Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, по приглашенію попечителя округа, профессоръ Ромеръ отправился въ Полтавскую гимназію съ цѣлью провѣрить вообще успѣхи учениковъ и строго оцѣнить письменныхъ и устныхъ отвѣтовъ лицъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости, такъ какъ въ этомъ учебномъ заведеніи было замѣчено нѣкоторое послабленіе при постановкѣ балловъ. Профессоръ ознакомился, въ то же время и въ той же гимназій, съ уровнемъ и методомъ преподаванія математики въ IV и VI классахъ и просматривалъ письменныя работы, исполненныя на испытаніяхъ зрѣлости учениками той же Полтавской гимназіи и гимназій: Кіевской 2-й, Камеицево-Подольской, Нѣжинской и волегіи Павла Галагана. На выпускномъ экзаменѣ въ послѣднемъ указанномъ учебномъ заведеніи и въ 1-й Кіевской гимназій присутствовалъ профессоръ Хандриковъ, а во второй Кіевской гимназій профессоръ Шиллеръ. Наконецъ письменныя работы другихъ гимназій округа побѣрали доцентъ Ермаковъ и директоръ Кіевского реальнаго училища Палиенко. Означенныя лица нашли успѣхи учениковъ вообще довольно удовлетворительными; но указываютъ на недостатокъ навыка со стороны учениковъ ясно и точно выражаться, на снисходительность оцѣнки во многихъ случаяхъ со стороны преподавателей и на небрежность рецензій. Нѣкоторые изъ экзаменуемыхъ не поняли предложенныхъ задачъ, другіе вдавались въ вычисленія слишкомъ сложныя, не умѣя ихъ упростить.

Письменныя работы по математикѣ учениковъ Виленскаго учебнаго округа рассматривалъ членъ попечительскаго совѣта, директоръ Маріинскаго высшаго женскаго училища С. С. Тунимовъ. Познанія молодыхъ людей онъ признаетъ весьма удовлетворительными и ихъ работы значительно лучше предыдущихъ двухъ годовъ, оцѣнку правильную. Какъ на исключеніе онъ указываетъ на Слудскую гим-

назію, въ которой познанія учениковъ не вполнѣ удовлетворительны и оцѣнка снисходительна. Общее число удовлетворительныхъ отбѣтокъ во всѣхъ гимназіяхъ округа составляетъ:

по ариметикѣ	96 ⁰ / ₁₀₀
„ алгебрѣ	94,7 ⁰ / ₁₀₀
„ геометріи	98,7 ⁰ / ₁₀₀
„ тригонометріи	93,4 ⁰ / ₁₀₀

Письменные работы по математикѣ въ Варшавскомъ учебномъ округѣ рассматривали экстраординарный профессоръ Андреевскій и доцентъ Соиниъ. Первый изъ нихъ находитъ, что большинство лучшихъ работъ относится къ алгебрѣ и тригонометріи. Особенно пріятно замѣтить, продолжаетъ почтенный рецензентъ, что работы отчетнаго года по тригонометріи превосходятъ по своему достоинству работы прошлыхъ годовъ. Работы 6-й Варшавской гимназіи, по своему достоинству, занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду математическихъ работъ всего учебнаго округа. Оцѣнку письменныхъ отбѣтокъ, сдѣланную экзаменаціонными комиссіями, профессоръ считаетъ въ нихъ случаямъ, однако, снисходительною, въ другихъ чрезмѣрно строгою: „Изъ сожалѣнію, очевидно“, пишетъ г. Соиниъ въ представленномъ имъ отбѣтѣ, „что преподаватели не выработали себѣ никакой нормы для оцѣнки работъ. Не только въ различныхъ гимназіяхъ, но часто въ одной и той же гимназіи, сходныя по достоинству работы оцѣнивались не одинаково. Мало этого, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ критическія уклоненія влекли за собою пониженіе балла съ 5 на 4, а въ другихъ отбѣтками 4 и 5 награждаемы были работы, содержащія даже грубыя ошибки“. Успѣхи по математикѣ въ отчетномъ году, во мнѣнію г. Соиниа, во всѣхъ гимназіяхъ, работъ которыхъ были ему доставлены на разсмотрѣніе, слѣдуетъ считать выше удовлетворительныхъ, исключая Сѣдлецкой, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ отличными. Работы Плонской гимназіи и оцѣнка ихъ преподавателемъ удовлетворяетъ самаго строгатаго критика. На слабѣе успѣхи въ Сѣдлецкой гимназіи онъ уже обращать вниманіе почетнаго совѣта въ предыдущемъ 1876 г. и улучшенія не замѣтилъ. Не вполнѣ удовлетворительны и работы Ломжинской гимназіи.

Изъ Дерптскаго учебнаго округа, Восточной и Западной Сибири отчетовъ о письменныхъ работахъ по математикѣ не доставлено.

Число не выдержавшихъ экзамена изъ математики въ означенныхъ учебныхъ округахъ простиралось:

		Въ Дерптскомъ округѣ.		Въ Западной и Во- сточной Сибирн.
Въ 1874 году	до	26,9 ⁰ / ₁₀₀	до	5,5 ⁰ / ₁₀₀
„ 1875 „	„	19,7 ⁰ / ₁₀₀	„	7,4 ⁰ / ₁₀₀
„ 1876 „	„	17,6 ⁰ / ₁₀₀	„	11,5 ⁰ / ₁₀₀
„ 1877 „	„	14,9 ⁰ / ₁₀₀	„	8,3 ⁰ / ₁₀₀

Сдѣланныя нами извлеченія изъ отзывовъ, представленныхъ профессорами мѣстныхъ университетовъ и другими членами попечительскихъ совѣтовъ, вполне убѣждаютъ, что преподаваніе въ гимназіяхъ дѣйствительно достигло той высоты и проявляетъ ту степень успѣшности, на которыя указываютъ статистическіе отчеты учебныхъ заведеній. Лица, которыя занимались пересмотромъ письменныхъ работъ исполненныхъ учениками, оканчивающими курсъ, отзываются о нихъ съ большою похвалою. Такія одобрительныя мнѣнія тѣмъ болѣе имѣютъ значенія и тѣмъ болѣе внушаютъ довѣрія, что рецензенты не упускали случая указывать малѣйшіе замѣчаемые ими недостатки. Въ немногихъ только учебныхъ округахъ усилія преодолѣть прежнее неустройство не увѣнчались еще полнымъ успѣхомъ. Такъ въ Оренбургскомъ округѣ рецензенты не вполне довольны работами учениковъ по математикѣ и латинскому языку, въ Харьковскомъ округѣ по математикѣ и русскому языку, въ Киевскомъ по древнимъ языкамъ и математикѣ. Но, и въ этихъ случаяхъ рецензенты замѣчаютъ значительное улучшеніе, въ сравненіи съ предыдущими годами, и подають надежду, что скоро установится желаемая норма даже въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя считались наиболѣе отсталыми.

Сравнивая, за послѣдній отчетный годъ, успѣшность испытаній по главнымъ предметамъ курса въ различныхъ учебныхъ округахъ и преимущественно по ея отношенію къ ученикамъ правительственныхъ гимназій, получимъ слѣдующіе выводы: наиболѣе успѣшно производились испытанія изъ русской словесности въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Одесскомъ и Виленскомъ; число не выдержавшихъ экзамена по этому предмету въ означенныхъ учебныхъ округахъ не превышало 1,2% въ разрядѣ учениковъ гимназій; и въ тѣхъ же учебныхъ округахъ наиболѣе были успѣшны испытанія по другимъ предметамъ. Совсе не было гимназистовъ, не выдержавшихъ испытанія: изъ латинскаго языка въ округахъ С.-Петербургскомъ и Виленскомъ, изъ греческаго въ тѣхъ же двухъ округахъ, изъ математики въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ и Одесскомъ. Въ

послѣдовательности учебныхъ округовъ, соотвѣтственной успѣшности испытаній, на экзаменахъ изъ латинскаго языка, Одесскій учебный округъ (1,9% не выдержавшихъ) уступаетъ однако преимуществу Казанскому округу (0,6%), изъ греческаго языка Киевскому (1,1%), а по математикѣ въ Виленскомъ округѣ оказалось 3,8% не выдержавшихъ экзамена изъ учениковъ гимназій, въ Московскомъ же учебномъ округѣ нѣсколько менѣе: 3,6%.

Выше указано было нами среднее число учениковъ гимназій, не выдержавшихъ экзамена въ 1877 г. по каждому изъ главныхъ предметовъ курса:

русской словесности	3,7%
латинскаго языка	3,9%
греческаго языка.	2,9%
математики.	4,3%

Процентъ не выдержавшихъ экзамена оказывается выше опредѣлившейся средней нормы только въ слѣдующихъ учебныхъ округахъ: изъ русскаго языка и словесности въ Оренбургскомъ округѣ, Варшавскомъ и Дерптскомъ; изъ латинскаго языка—въ Московскомъ округѣ, Оренбургскомъ, Киевскомъ, Варшавскомъ, Дерптскомъ и Восточной Сибири; изъ греческаго—въ округахъ Оренбургскомъ и Дерптскомъ, а по математикѣ—въ округахъ Оренбургскомъ, Харьковскомъ, Варшавскомъ, Восточной и Западной Сибири.

Испытанія зрѣлости въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа удостоились въ 1877 году посѣщенія г. министра народнаго просвѣщенія. По приглашенію попечителя округа, на экзаменахъ присутствовали профессоръ мѣстнаго университета, а также епископъ Гермогенъ и главный наблюдатель за преподаваніемъ закона Божія въ С.-Петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ священникъ Коловоловъ. Независимо отъ сего, испытанія были посѣщаемы попечителемъ округа, его помощникомъ и окружными инспекторами.

Въ Московскихъ гимназіяхъ присутствовали преосвященный Игнатій, епископъ Можайскій, попечитель округа и одинъ изъ окружныхъ инспекторовъ. Помощникъ попечителя присутствовалъ на испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ Смоленской и Вяземской; въ Можайскую гимназію на все время испытаній былъ командированъ окружный инспекторъ Вейнбергъ.

Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ, попечитель присутствовалъ на испытаніяхъ зрѣлости въ Екатеринбургской гимназіи и на послѣд-

нихъ испытаніяхъ въ Уфимской; въ послѣдней, во все время испытаній, депутатомъ отъ управленія округа находился окружный инспекторъ Владимірскій. Испытанія въ Оренбургской гимназій произведены были подъ наблюденіемъ управлявшаго округомъ, въ отсутствіи попечителя, окружного инспектора Великанова; а въ гимназіяхъ Уральской и Пермской испытанія зрѣлости производились безъ депутатовъ.

Во всѣхъ гимназіяхъ Харьковскаго учебнаго округа испытанія зрѣлости производились въ 1877 году, отчасти или вполнѣ, въ присутствіи депутатовъ, назначенныхъ попечителемъ. На испытаніяхъ по математикѣ въ трехъ Харьковскихъ гимназіяхъ присутствовалъ профессоръ Брю, по остальнымъ предметамъ въ 1-й Харьковской—профессоръ Делленъ, во 2-й—профессоръ Дриновъ и въ 3-й—профессоръ Потенія. Въ Сумскую гимназію были командированы профессора Ишменецкій и Лебедевъ, въ Курскую—проф. Лебедевъ, въ Воронежскую—проф. Пѣховскій, въ Тамбовскую и Пензенскую—проф. Петровъ, въ Новочеркасскую и Усть-Медвѣдичскую—окружный инспекторъ Лукьяновъ.

Въ Киевскомъ учебномъ округѣ, время профессоромъ математики Ромера, Хандримова, Шиллера, которые присутствовали на испытаніяхъ въ гимназіяхъ Полтавской, Киевской 1-й и 2-й, и въ Коллегіи Павла Галагана, какъ выше нами упомянуто, командированы были въ качествѣ депутатовъ: окружный инспекторъ Ростовцевъ въ Новгородсверскую гимназію и профессоръ Гогоцкій въ Черниговскую. Кроме того, учебныя заведенія, находящіяся въ Киевѣ посѣщали во время испытаній попечитель округа и его помощникъ.

Въ Виленскомъ учебномъ округѣ помощникъ попечителя Д. С. С. Малиновскій присутствовалъ на экзаменахъ въ Ковенской гимназій по исторіи и древнимъ языкамъ, и въ Гродненской по исторіи и латинскому языку; окружный инспекторъ Сольскій въ гимназіяхъ Виленской, Шавельской, Мииской и Мовилевской по исторіи и древнимъ языкамъ, въ Витебской и Гродненской—по математикѣ и древнимъ языкамъ.

На испытанія зрѣлости въ Варшавскія гимназіи были командированы профессора Коссовичъ, Мѣржинскій, Волесовъ и Яковлевъ. Въ провинціальныя же гимназіи того же учебнаго округа не представилось возможности назначить депутатовъ. Попечитель округа отзывается, въ этомъ отношеніи, обремененіемъ профессоромъ занятіями по университету, при болѣе ограниченномъ составѣ преподавателей

сравнительно съ другими русскими университетами; а также неизвѣннѣ въ своемъ распоряженіи суммы на покрѣтіе расходовъ командировки; неизвѣннѣ въ распоряженіи гимназій и специальныхъ средствъ, часть которыхъ могла бы быть употреблена съ тою же цѣлью.

Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, для осмотра гимназій, были командированы, какъ видно изъ годового отчета попечителя округа: профессоръ Гаусманъ въ Феллинскую гимназію, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ въ экзаменаціонной комиссіи; и специально по древнимъ языкамъ профессоръ Гершельманъ, а по русскому языку профессоръ Висковатовъ—въ три гимназій г. Ревеля, три гимназій г. Риги, Митавскую, Либавскую и Дерптскую. Ревизія профессора Гершельмана возбудила много педагогическихъ вопросовъ, которые попечитель предполагалъ передать на разсмотрѣніе совываемаго имъ съѣзда учителей всѣхъ гимназій округа.

Случаевъ разногласія между членами испытательныхъ комиссій, представленныхъ на разрѣшеніе попечительскихъ совѣтовъ, въ 1877 году было: въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ 3 и въ Харьковскомъ 2 (по протесту профессоровъ Лебедева и Ишмененкаго, касающихся одного ученика Сумской гимназіи). Они разрѣшены въ пользу экзаменующихся. Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ было 10 случаевъ разногласія въ 7 гимназійхъ округа, касающихся 10 письменныхъ работъ по русскому языку и словесности, по древнимъ языкамъ и геометріи. Двѣ работы, изъ числа означенныхъ, признаны попечительскимъ совѣтомъ удовлетворительными, остальные восемь большинствомъ членовъ признаны неудовлетворительными.

Отступленій отъ порядка, установленнаго для испытаній зрѣлости, и нарушенія утвержденныхъ правилъ, по свидѣтельству попечителей учебныхъ округовъ, нигдѣ не допускалось, за весьма немногими исключеніями которыя и были указаны лицами, командированными отъ управленій округовъ для присутствія на экзаменахъ, или разсматривавшими письменныя работы абитуриентовъ. Такъ, напримѣръ, въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, въ латинскихъ переводахъ двухъ учениковъ училища св. Петра профессоръ Помяловскій замѣтилъ въ нѣкоторыхъ частяхъ такое буквальное сходство, которое оказалось ему не случайнымъ. Въ Лазаревскомъ институтѣ (Московского учебнаго округа) запасныя темы по арифметикѣ и геометріи были вскрыты преждевременно; эта ошибка вынудила управленіе округа разослать по гимназіямъ новыя запасныя темы. Въ другомъ учебномъ округѣ, въ одной

гимназіи по ошибѣ вскрыта важная тема вѣсто основной и предложена экзаменуемымъ для исполненія. Такіе единичные случаи, конечно, не представляютъ повода дѣлать какія либо измѣненія въ правилахъ объ испытаніяхъ. Управленіями соответствующихъ округовъ приняты мѣры, чтобы подобныя ошибки болѣе не встрѣчались. Нѣкоторыя гимназіи представляютъ на разсмотрѣніе попечительскихъ совѣтовъ только тѣ письменныя работы учениковъ, которыя признаны удовлетворительными; работы неудовлетворительныя на пересмотръ совѣта не отсылаютъ, изымая ихъ такимъ образомъ отъ установленнаго контроля. Профессоры мѣстныхъ университетовъ обратили вниманіе попечителей учебныхъ округовъ на это обстоятельство, признавая необходимымъ имѣть въ виду и лучшія работы, и худшія, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ успѣшности преподаванія въ каждой гимназіи.

Чаще встрѣчаются сѣтованія, направленные противъ способа производить оцѣнку учебныхъ работъ и примѣненія въ ней преподавателями того или другаго балла. Такъ, напримѣръ, въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ профессоръ Помяловскій замѣтилъ, что нѣкоторые преподаватели ограничиваются постановкою балла безъ всякихъ объясненій, чѣмъ руководствовались при оцѣнкѣ, и безъ указанія отношеній, какое имѣли работы на испытаніяхъ зрѣлости къ другимъ годовымъ работамъ ученика и вообще къ его успѣхамъ. Онъ полагалъ полезнымъ ввести на будущее время болѣе подробную оцѣнку. Тотъ же недостатокъ въ рецензіяхъ замѣченъ и въ другихъ учебныхъ округахъ, какъ напримѣръ, въ Одесскомъ, Варшавскомъ и Московскомъ; подробныя указанія по сему предмету, изложенныя въ отзывѣ профессора Буслаева, приведены нами выше.

Съ другой стороны высказываются старанія упрочить результаты, добытые черезъ введеніе въ наши среднія учебныя заведенія испытаній зрѣлости, и приспособить на практикѣ установленныя правила въ высшей, по возможности, степени совершенства. Такъ, попечительскій совѣтъ Виленскаго учебнаго округа, убѣждаясь, при разсмотрѣніи латинскихъ экстермпоралій, что нѣкоторыя ошибки никакъ нельзя отнести къ незнанію писавшихъ, но слѣдуетъ объяснять непривычною обстановкою, счелъ полезнымъ послѣдовать примѣру Одесскаго учебнаго округа и рекомендовать управленіямъ гимназій мѣру, давно практикуемую въ означенномъ округѣ: производя въ теченіе года классныхъ упражненій со всею экзаменаціонною обстановкою. Ученики VIII класса, такимъ способомъ за-

благовременно освобождаются со всѣми условіями и порядкомъ производства испытаній зрѣлости. Благотворныя послѣдствія этой системы приготовления молодыхъ людей къ экзамену указаны нами выше, въ отзывѣ профессора Карастелева о письменныхъ работахъ учениковъ Одесскаго округа по математикѣ.

По возрасту, большинство удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости въ 1877 году имѣли болѣе 19 лѣтъ, какъ и въ предшествовавшіе годы. Для сравненія приводимъ здѣсь процентное отношеніе признанныхъ зрѣлыми, каждаго возраста, къ общему ихъ числу за все послѣднее пятилѣтіе.

Изъ числа удостоенныхъ аттестатами или свидѣтельства зрѣлости, было:

	въ 1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.
17 лѣтъ	7,3%	7,4%	5,5%	6,5%	4,8%
18 "	19,2%	21,6%	19,4%	19%	20%
19 "	26,7%	27%	27%	27,5%	27,9%
20 "	23,4%	19,6%	23,8%	21,1%	24,4%
21 года и болѣе. . .	23,4%	23,1%	25%	26%	22,9%

Большинство подвергающихся испытаніямъ зрѣлости составляется, какъ выше упомянуто, изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, а потому ихъ возрастъ наиболѣе подходит къ общей нормѣ, установленной по пятилѣтней сложности. Въ 1877 г., изъ числа учениковъ означенныхъ учебныхъ заведеній, какъ видно изъ таблицы № 3, приложенной къ концу этой статьи, 19-лѣтняго возраста насчитывалось до 29%, 20-лѣтняго—24,3%, 21-го года и свыше 21,7%, трехъ старшихъ возрастовъ вмѣстѣ—75%, 18-лѣтняго—20,1% и 17-лѣтняго всего только 4,8%. Между учениками церковныхъ училищъ, окончившими гимназическій курсъ въ 1877 году, преобладали молодые люди 18-лѣтняго возраста и составляли 47,8%, 19-лѣтняго возраста насчитывалось до 21,7%, 20-лѣтняго также 21,7%; старше 20-лѣтняго возраста учениковъ вовсе не имѣлось въ числѣ удостоенныхъ аттестата зрѣлости, а 17-лѣтняго возраста признано зрѣлыми не болѣе 8,7%. Такимъ образомъ оказывается, что въ училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ большинство учениковъ оканчиваетъ курсъ нѣсколько моложе, нежели въ правительственныхъ гимназіяхъ, и почти такое же распределеніе

по возрастамъ усматривается въ частныхъ гимназіяхъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ:

17-ти лѣтъ	5,5 ⁰ /о
18-ти "	38,9 ⁰ /о
19-ти "	16,7 ⁰ /о
20-ти "	22,2 ⁰ /о
21-го года и свыше	16,7 ⁰ /о

Напротивъ, между посторонними лицами, признанными зрѣлыми, молодыхъ людей младшихъ возрастовъ весьма мало и преобладаютъ старшіе возрасты. Въ 1877 г. удостоено свидѣтельствами зрѣлости учащихся этого разряда:

17-ти лѣтъ	3,9 ⁰ /о
18-ти "	8,7 ⁰ /о
19-ти "	16,5 ⁰ /о
20-ти "	26,2 ⁰ /о
21-го года и свыше	44,7 ⁰ /о

Распредѣленіе признанныхъ зрѣлыми по возрастамъ въ 1877 г. установилось довольно правильно и равномерно (близкое къ общей средней нормѣ) почти во всѣхъ учебныхъ округахъ. Повсюду преобладаетъ 19-ти лѣтній возрастъ, исключая только учебныхъ округовъ: Оренбургскаго, въ которомъ наиболѣе окончило курсъ молодыхъ людей 20-ти лѣтъ (33,3⁰/о), Кіевскаго, въ которомъ преобладаютъ ученики 21-го года и выше (28 5⁰/о) и Виленскаго, въ которомъ преобладаетъ тотъ же старшій возрастъ (33,8⁰/о).

Около 90% всѣхъ признанныхъ зрѣлыми заявили желаніе поступить въ университеты или другія учебныя заведенія, соответствующія имъ по курсу, каковы напримѣръ: медико-хирургическая академія въ С.-Петербургѣ, историко-филологическій институтъ, Лейпцигская филологическая семинарія и т. п. Около 9% имѣли въ виду поступить въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, техническія и военныя, и только 1% удостоенныхъ аттестата зрѣлости избрали поприще практической дѣятельности, посвятить себя, по окончаніи гимназическаго курса, службѣ военной, гражданской, дѣятельности учебной, коммерческой или сельско-хозяйственной.

Распредѣленіе абитуриентовъ по занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали въ предыдущіе годы, изображено въ слѣдующей таблицѣ:

Предполагали посту- пить:	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.
На поприще прак- тической дѣятель- ности	11 (1,6 ⁰ /о)	14 (1,5 ⁰ /о)	28 (2,2 ⁰ /о)	11 (0,9 ⁰ /о)	13 (0,9 ⁰ /о)
Въ высшія специ- альныя учебныя за- веденія	99 (14,4 ⁰ /о)	114 (12,5 ⁰ /о)	176 (13,6 ⁰ /о)	166 (12,7 ⁰ /о)	140 (9,6 ⁰ /о)
Въ университеты .	577 (84 ⁰ /о)	777 (85,8 ⁰ /о)	1092 (84,1 ⁰ /о)	1133 (86,5 ⁰ /о)	1296 (89,4 ⁰ /о)
Итого	687	905	1296	1310	1449

Молодые люди, не имѣвшіе намѣренія продолжать свое образо-
ваніе въ какомъ либо высшемъ учебномъ заведеніи и, по окончаніи
гимназическаго курса, поступавшіе непосредственно на поприще прак-
тической дѣятельности, по ихъ крайне ограниченному числу, за всѣ
предыдущія пять лѣтъ, составляли очевидно лишь случайныя исклю-
ченія между учащимися. Изъ 13 лицъ этой категоріи въ 1877 году
5 намѣревались поступить въ военную службу, 3 на службу граждан-
скую, 2 посвятить себя дѣятельности коммерческой, 2 — сельско-хо-
зяйственной и 1 только дѣятельности учебной.

Около 9 или 10⁰/о предполагали поступить въ высшія спеціальныя
учебныя заведенія, именно: 44 человѣка, около одной трети всѣхъ
лицъ этой категоріи или точнѣе 31,4⁰/о, въ институтъ инженеровъ
путей сообщенія; 30 человѣкъ или 21,4⁰/о въ технологическій инсти-
тутъ; 25 человѣкъ или 17,8⁰/о въ горный институтъ, и столько же
въ институты лѣсные или земледѣльческія академіи. Почти такое же
распредѣленіе поступающихъ въ высшія спеціальныя училища изъ
гимназій усматривается и въ предыдущіе годы, съ той только раз-
ницей, что училища земледѣльческія и лѣсныя начинаютъ болѣе
привлекать абитуриентовъ гимназій: въ 1876 г. молодыхъ людей этого
разряда насчитывали только 13 или 7,8⁰/о, въ 1875 г.—9 или 5,2⁰/о.
Затѣмъ, въ 1877 г. въ строительное училище намѣревались посту-
пить только 3 (3,5⁰/о), въ академію художествъ только 1 и въ высшія
военно-учебныя заведенія 8, именно:

въ артиллерійское	4
„ инженерное	1

въ морское	1
„ пажескій корпусъ . . .	1
„ военное училище . . .	1

Число избирающихъ для окончанія своего образованія университетскій курсъ, какъ видно изъ выше приведенной таблицы, съ каждымъ годомъ увеличивается абсолютно и въ процентномъ отношеніи. Таблица ихъ распредѣленія по факультетамъ за цѣлое пятилѣтіе при семъ прилагается:

Предполагали поступить на факультеты:	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.	въ 1877 г.
Историко-филологическій	54 9,5%	97 12,4%	153 14%	176 15,5%	210 16,2%
Физико-математическій .	104 18%	159 20,4%	211 19,3%	241 21,3%	265 20,4%
Юридическій	177 30,6%	193 24,8%	262 24%	208 18,4%	246 19%
Медицинскій	234 40,5%	309 39,7%	445 40,8%	481 42,5%	545 42%
Богословскій	1 —	12 1,5%	10 0,9%	16 1,4%	22 1,7%
Восточныхъ языковъ . .	6 1%	7 0,9%	11 1%	11 1%	8 0,6%
Всего	577	777	1092	1133	1296

За исключеніемъ богословскаго факультета, на который поступаютъ почти исключительно абитуриенты гимназій Дерптскаго учебнаго округа, и факультета восточныхъ языковъ, число избирающихъ другіе факультеты, какъ видно изъ приведенной таблицы, стремится къ уравненію. Въ 1873 году избирающіе физико-математическій факультетъ превосходили почти вдвое числомъ избирающихъ факультетъ историко-филологическій, избирающіе же юридическій — втрое, медицинскій — вчетверо. Въ 1877 г. три первые факультета почти сравнялись числомъ; юридическій факультетъ превосходить историко-филологическій всего только на 17%, физико-математическій на 26%; а на медицинскій поступаетъ вдвое болѣе абитуриентовъ, нежели на каждый изъ трехъ остальныхъ факультетовъ. Независимо отъ болѣе или менѣе равномернаго распредѣленія абитуриентовъ по факультетамъ, число поступающихъ на каждый изъ нихъ въ 1877 г. значи-

тельно увеличилось въ сравненіи съ 1873 годомъ. Число поступающихъ на юридическій факультетъ увеличилось на 39%, медицинскій на 133%, физико-математическій на 155%, историко-филологическій—на 288%.

За исключеніемъ медицинскаго факультета, который привлекаетъ наиболѣе абитуриентовъ изъ гимназій во всѣхъ учебныхъ округахъ, въ округахъ: С.-Петербургскомъ, Варшавскомъ и Дерптскомъ замѣчается въ 1877 г. преимущественное стремленіе молодыхъ людей въ поступленію на юридическій факультетъ; въ Московскомъ округѣ, Казанскомъ, Оренбургскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ, Киевскомъ на физико-математическій, и только въ Виленскомъ округѣ преобладаютъ числомъ поступающіе на историко-филологическій факультетъ. Наиболѣе филологовъ однако же, изъ всѣхъ учебныхъ округовъ, готовятъ округа: Московскій, Дерптскій и С.-Петербургскій. Въ первомъ, въ 1877 г., пожелади избрать означенный факультетъ 41, во второмъ 33 и въ послѣднемъ 30 молодыхъ людей.

Лучшіе воспитанники гимназій награждаются ежегодно, послѣ выпускныхъ экзаменовъ, медалями золотыми и серебряными во всѣхъ учебныхъ округахъ, кромѣ Дерптскаго, въ которомъ этотъ порядокъ введенъ, въ настоящее время, только въ одной Рижской Александровской гимназій. По правиламъ объ испытаніяхъ, золотой медали удостоиваются только тѣ ученики, которые имѣютъ по 5-ти въ обоихъ древнихъ языкахъ и въ математикѣ, при среднемъ выводѣ изъ прочихъ предметовъ болѣе 4½, а серебряной—по 5 въ двухъ изъ означенныхъ главныхъ предметовъ и болѣе 4 въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ прочихъ предметовъ, при отличномъ поведеніи въ томъ и другомъ случаѣ. Въ 1877 г. роздано подобныхъ наградъ наиболѣе въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, 18 золотыхъ медалей и 17 серебряныхъ, затѣмъ:

въ Московскомъ округѣ.	9	золотыхъ	13	серебряныхъ
„ Киевскомъ	9	„	13	„
„ Казанскомъ	10	„	11	„
„ Харьковскомъ	8	„	12	„
„ Варшавскомъ	7	„	12	„
„ Одесскомъ	10	„	6	„
„ Виленскомъ	6	„	9	„
„ Оренбургскомъ	5	„	4	„
„ Дерптскомъ	1	„	3	„

въ Западной Сибири . . . —	„	2	„
„ Восточной Сибири . . . —	„	1	„
Всего . . . 83		103	„

Увеличивающееся число раздаваемыхъ медалей, при существующемъ порядкѣ ихъ назначенія, также указываетъ отчасти на улучшение нравственности питомцевъ гимназій и ихъ успѣхи въ ученіи. Если принять въ основаніе изчисленій только число удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ раздавались награды медалями, исключивъ тѣ гимназіи Дерптскаго округа, въ которыхъ онѣ не введены, то за послѣднее пятилѣтіе получимъ слѣдующіе результаты:

Въ 1873 году всего получили медали 57 человекъ, что составляло 9,7% въ отношеніи къ общему числу гимназистовъ, признанныхъ зрѣлыми,

въ 1874 г.	77 человекъ или	11,3%
„ 1875 г.	146 „ „	14,3%
„ 1876 г.	150 „ „	14,4%
„ 1877 г.	186 „ „	15,9%

Независимо отъ такого отличія, присуждаемаго гимназіями лучшимъ своимъ ученикамъ, ежегодно представляется въ министерство народнаго просвѣщенія именной списокъ тѣхъ изъ нихъ, которые, на основаніи оказанныхъ успѣховъ въ учебныхъ предметахъ, способностей, прилежанія и твердости характера, подають наибольшія надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ наукахъ, съ показаніемъ въ какой университетъ и факультетъ или въ какое высшее спеціальное училище они поступили. Означенные списки ежегодно печатаются въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія при отчетахъ объ испытаніяхъ зрѣлости, и министерство слѣдитъ за дальнѣйшими научными занятіями тѣхъ молодыхъ людей, внесенныхъ въ списки, которые продолжаютъ свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, ему подвѣдомственныхъ, заботясь по возможности, также о денежныхъ ихъ средствахъ къ продолженію ученія. Годъ отъ году представляемые списки растутъ и число внесенныхъ въ нихъ молодыхъ людей увеличивается. Въ 1873 году такихъ абитуриентовъ гимназій, подававшихъ наиболѣе надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ наукахъ, насчитывалось 100 человекъ или 17% всего числа гимназистовъ, признанныхъ въ тотъ годъ зрѣлыми.

въ 1874 г.	108 человекъ или	13,8%
„ 1875 г.	147 „ „	13,1%
„ 1876 г.	178 „ „	15,8%
„ 1877 г.	205 „ „	15,7%

Распредѣленіе этихъ способнѣйшихъ молодыхъ людей по факультетамъ, къ которымъ они себя предназначали, за цѣлое пятилѣтіе показано въ слѣдующей таблицѣ:

Предполагали поступить на факультеты:	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.
Историко-филологическій	22	28	43	52	66
Физико-математическій	29	38	49	51	48
Юридическій	13	13	22	19	32
Медицинскій	36	24	32	52	54
Богословскій	—	5	1	3	5
Восточныхъ языковъ	—	—	—	3	—
Всего	100	108	147	178	205

За исключеніемъ факультетовъ богословскаго и восточныхъ языковъ, которые избираетъ вообще весьма малое число абитуриентовъ, въ 1873 году юридическій факультетъ менѣ другихъ привлекалъ молодыхъ людей, считающихся лучшими учениками гимназій, и то же явленіе повторяется въ слѣдующіе года. Въ 1873 г. преобладало число поступающихъ на медицинскій факультетъ, въ 1874 и 1875 гг. на физико-математическій; въ 1876 г. три факультета—историко-филологическій, физико-математическій и медицинскій уравнились числомъ, а въ 1877 г. беретъ перевѣсъ уже факультетъ историко-филологическій. Независимо отъ сего, число лучшихъ и способнѣйшихъ изъ учениковъ гимназій, поступающихъ въ университеты, на каждомъ факультетѣ значительно увеличилось въ послѣднемъ отчетномъ году, въ сравненіи съ 1873 годомъ, хотя и въ различной степени: на медицинскомъ факультетѣ увеличилось на 50%, физико-математическомъ на 65%, юридическомъ на 146%, болѣе чѣмъ вдвое, и на историко-филологическомъ—втрое—на 200%.

Изъ среды способнѣйшихъ молодыхъ людей, историко-филологическій факультетъ преимущественно избирали молодые люди въ учебныхъ округахъ: Московскомъ, С.-Петербургскомъ и Виленскомъ, медицинскій—въ округахъ Харьковскомъ, Оренбургскомъ и Киевскомъ, юридическій — въ округахъ Дерптскомъ и Варшавской. Въ Казань

скомъ учебномъ округѣ и въ Одесскомъ по ровну поступили: на медицинскій факультетъ 16 молодыхъ людей изъ числа наиболѣе способныхъ, и на физико-математическій столько же.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

Темы и задачи, предложенныя для письменнаго рѣшенія на испытаніяхъ зрѣлости въ 1877 году (одинаковыя для гимназій одного и того же округа).

1. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Главныя отличительныя черты Жуковского и Пушкина.

2. По латинскому языку.

Въ древнѣйшія времена римскіе сенаторы имѣли обыкновеніе брать съ собою въ засѣданіе несовершеннолѣтнихъ сыновей, чтобы они, присутствуя при преніяхъ, заблаговременно привыкали къ порядку государственнаго управленія. Когда однажды было постановлено, чтобы состоявшееся по одному важному дѣлу рѣшеніе до поры до времени сохранялось въ тайнѣ, молодой Папірій, возвратившись съ отцомъ домой вечеромъ, былъ спрошенъ матерью, о чемъ такъ долго совѣщались въ сенатѣ. Мальчикъ отвѣчалъ, что онъ долженъ хранить глубокое молчаніе; но это еще болѣе возбудило любопытство матери и она настоятельно начала требовать отъ сына, чтобы онъ открылъ ей тайну. Тогда Папірій сказалъ: въ сенатѣ разсуждали о томъ, полезнѣ ли для государства, чтобы одинъ мужъ бралъ двухъ жень, или чтобы одна женщина выходила за двухъ мужей. Мать ничего не сказала на это, но на другой день, когда сенаторы собрались въ курію, многочисленная толпа женщинъ осадила двери и слезно начали умолять, чтобы относительно браковъ не было дѣлаемо никакого нововведенія. Сенаторы совершенно не могли понять, что значать эти просьбы матронъ и нѣкоторое время находились въ недоумѣніи, пока наконецъ Папірій не объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло. Тогда, успокоивъ женщинъ и велѣвъ имъ разойтись по домамъ, сенатъ публично благодарилъ Папірія за сохраненіе тайны и за находчивость, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ, чтобы впредь никто изъ сенаторовъ не вводилъ съ собою сыновей, за исключеніемъ Папірія. Впослѣдствіи этотъ молодой человекъ прославился и на гражданскомъ поприщѣ (во время мира и войны) и неоднократно оказывалъ услуги государству.

3. По греческому языку.

Александръ Македонскій былъ недоступенъ лести такъ, что многіе историки, которые разказали его подвиги въ панегирическомъ тонѣ, надѣясь получить за это большую награду, сильно ошиблись въ расчетѣ. Разъ, когда онъ плылъ по Гидасну и Аристокбулъ читалъ составленное имъ описаніе единоборства Александра съ Поромъ, гдѣ выдумалъ много небывалаго и нелѣпаго, царь, разсердившись, схватилъ книгу и бросилъ ее въ рѣку, сказавъ: «я съ тобой, Аристокбулъ, сдѣловало бы сдѣлать то же, такъ какъ ты разказываешь обо мнѣ небывлицы и заставляешь меня убивать словомъ однимъ ударомъ кулака». Затѣмъ, обратившись къ Онесикриту, который плылъ съ нимъ на одномъ кораблѣ, онъ сказалъ: «ахъ, какъ бы я желалъ послѣ смерти воскреснуть на нѣкоторое время, чтобы увидѣть, какъ люди будутъ относиться къ тому, что теперь обо мнѣ пишутъ. Впрочемъ, сколько отъ меня зависить, я буду стараться, чтобы потомству попались въ руки только такія книги, которымъ оно вполне можетъ довѣрять».

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

4 работника въ 14 дней вырыли яму, имѣющую форму прямоугольнаго параллелепипеда, 120 саж. дл., 9,8 саж. шир. и $3\frac{2}{3}$ саж. глуб. Во сколько дней тѣ же работники выкоютъ яму (такой же формы) въ 80 саж. дл., 7 саж. ширин. и $5\frac{1}{2}$ саж. глуб., и сколько каждый изъ нихъ получитъ, если вырытія каждымъ части отнесатся между собою $= 2\frac{1}{2} : 1,2 : 2,9 : 1,0999\dots$ и за вырытіе одной кубической сажени земли платилось имъ $50\frac{7}{8}$?

б) По алгебрѣ.

Разность двухъ дробей $=$ суммѣ 10 членовъ арифметической прогрессіи, въ которой 1-й членъ $= \frac{1}{200}$, 10-й членъ $= 0,015$, а знаменатели этихъ дробей $=$ корнямъ уравненія $X^2 - 7X + 10 = 0$. Найдти эти дроби.

в) По геометріи.

Боковая поверхность прямого конуса $= 428,49$ кв. д., будучи развернута на плоскости, представляетъ круговой секторъ въ 36° . Найдти объемъ такого конуса.

г) По тригонометріи.

Рѣшить равнобедренный треугольникъ, въ которомъ неравная сторона, принямая ее за основаніе, равна $= \sqrt{\quad}$ 3 арш., а высота $= \frac{3}{4}$ арш.

II. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Россія въ 1812 и 1812 годахъ.

Запазная. Крестовые походы и ихъ слѣдствія.

2. По латинскому языку.

Основная. Въ консульство Квинта Фабія и Кая Марція Рутіла между цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ и народнымъ трибуномъ Публиемъ Семпроніемъ возникло пререканіе ¹⁾ изъ-за того, что первый, по простествіи ²⁾ восемнадцати мѣсяцевъ, каковой срокъ ³⁾ времени былъ опредѣленъ Эмилиевымъ закономъ для цензорской должности, никакою силою не могъ быть побужденъ къ тому, чтобы отказаться отъ службы ⁴⁾, хотя товарищъ его Кай Плавцій уже сложилъ съ себя должность ⁵⁾. Ссылаясь ⁶⁾ въ народномъ собраніи неоднократно ⁷⁾ на Эмилиевъ законъ и превознося похвалами виновника онаго, диктатора Мамерка Эмпілія, Семпроній сказалъ ⁸⁾: «Скажи, пожалуй, Аппій Клавдій, какъ бы ты думалъ поступить ⁹⁾, еслибы ты былъ цензоромъ въ то время, когда Кай Фурій и Маркъ Геганій были цензорами? Аппій возразилъ ¹⁰⁾, что этотъ вопросъ трибуна не относится къ его дѣлу ¹¹⁾, ибо если Эмилиевъ законъ и обязывалъ ¹²⁾ тѣхъ цензоровъ, при которыхъ былъ предложенъ ¹³⁾, однако, ни его, ни кого либо изъ тѣхъ, кто послѣ изданія этого закона были избраны цензорами, этотъ законъ не могъ обязывать. Между тѣмъ какъ Аппій, не встрѣчая ¹⁴⁾ ничего одобренія ¹⁵⁾, говорилъ это, Семпроній возбуждалъ противъ него ненависть народа, разказывая о дѣйствіяхъ его предковъ и выводя ¹⁶⁾ изъ этого, что родъ Аппіевъ гораздо враждебнѣе ¹⁷⁾ для свободы народа, чѣмъ Тарквиніи. Обратясь затѣмъ къ самому Аппію, Семпроній протестанно ¹⁸⁾ опровергаетъ ¹⁹⁾ его мнѣніе и, окончивъ рѣчь, велитъ схватить его и отвести въ темницу. (Но, тогда какъ шесть трибуновъ одобряли дѣйствіе ²⁰⁾ своего товарища, (остальные) три, по приглашенію ²¹⁾ Аппія, взяли его подъ свою защиту ²²⁾, и онъ, несмотря на ненависть всѣхъ сословій, продолжалъ исправлять должность цензора ²³⁾.

¹⁾ certamen. ²⁾ соотвѣтств. еормоу отъ circumagere. ³⁾ spatium. ⁴⁾ abdicare. ⁵⁾ слагать съ себя должность se magistratu abdicare. ⁶⁾ ссылаться recitare. ⁷⁾ edentidem. ⁸⁾ inquit. ⁹⁾ думать поступить — выразить соотвѣтств. еормоу отъ facere. ¹⁰⁾ возразить... не = negare. ¹¹⁾ causa. ¹²⁾ tenere. ¹³⁾ ferre. ¹⁴⁾ не встрѣчая = безъ. ¹⁵⁾ assensus. ¹⁶⁾ colligere. ¹⁷⁾ враждебный infestus. ¹⁸⁾ multis verbis. ¹⁹⁾ refellere. ²⁰⁾ actio. ²¹⁾ appellare. ²²⁾ взять подъ защиту auxilio esse. ²³⁾ исправлять должность цензора censuram gerere.

Запасная. Послѣ битвы при Каннахъ всѣ военачальники окружили Ганнибала, подражали ¹⁾ его съ побѣдой и совѣтовали ему, чтобы онъ, окончивъ ²⁾ съ такою большою войной и самъ воспользовался спокойствіемъ ³⁾ остальной части дня и слѣдующей ночи, и далъ отдохнуть ⁴⁾ утомленнымъ воинамъ, Магарбалъ же, начальникъ конницы, полагая, что всего менѣе слѣдуетъ медлить, сказалъ: «Напротивъ, дабы ты зналъ, что достигнуто ⁵⁾ этой битвой, на пятый день ты будешь пировать какъ побѣдитель въ Капитоліи. Слѣдуй: я съ конницей отправляюсь впередъ ⁶⁾, дабы они знали, прежде, чѣмъ ты прибудешь, что ты прибылъ». Ганнибалу представилось это событіе слышномъ радостнымъ и слишкомъ великимъ для того, чтобы быть въ состояніи тотчасъ же во всей силѣ почувствовать ⁷⁾ его. Поэтому онъ сказалъ, что похваляетъ намѣреніе ⁸⁾ Магарбала, но что для обсужденія ⁹⁾ плана нужно

время. На это замѣтилъ Магарбаль: «Да, боги не все даютъ одному и тому же. Побѣждать умѣешь, Ганнибаль, побѣдой пользоваться не умѣешь». Между тѣмъ преторы созвали сенатъ въ Гостиліеву курію для совѣщанія ¹⁰⁾ о защитѣ города, ибо были увѣрены, что непріятель, по уничтоженіи ¹¹⁾ войскъ, приступитъ къ осадѣ Рима, каковое дѣло только и оставалось де въ настоящей войнѣ. Рѣшили собрать свѣдѣнія ¹²⁾ о томъ, гдѣ находится Ганнибаль и что замышляетъ, но прежде, чѣмъ это было исполнено, доставлено было письмо отъ консула Теренція, въ которомъ значилось, что Ганнибаль сидитъ у Каннъ, занимаясь, не соответственно дѣлу побѣдителей и обычаю великаго полководца, продажей ¹³⁾ плѣнныхъ и иной добычи. Надежды Римлянъ оживились и они начали готовиться къ отпору.

1) поздравлять кого либо съ чѣмъ либо gratulari alci de aliqua re. 2) покончить съ чѣмъ либо perfungi aliqua re. 3) воспользоваться спокойствіемъ quietem. 4) дать отдохнуть dare quietem. 5) достигнуть agere. 6) отправляюсь впередъ praecedo. 7) во всей силѣ почувствовать сарге animo. 8) voluntas. 9) обсужденіе передать глаголомъ pensare. 10) совѣщаніе передать глаголомъ consulere. 11) уничтоженіе передать глаголомъ delere. 12) собрать свѣдѣнія cognoscere. 13) заниматься продажей — nundinari.

3. По греческому языку.

Основная. Камбизъ ¹⁾, намѣреваясь отправиться въ походъ противъ Эсіоповъ ²⁾, сперва послалъ къ царю ихъ развѣдчиковъ ³⁾ съ дарами, внушивъ ⁴⁾ имъ, что они должны говорить. Когда эти послы пришли къ царю Эсіоповъ, они подали ему дары и сказали слѣдующее: «Камбизъ, царь Персовъ, желая сдѣлаться твоимъ другомъ, послалъ насъ къ тебѣ, приказавъ вступить съ тобою въ переговоры ⁵⁾, и преподноситъ ⁶⁾ тебѣ эти дары, коими и самъ всего болѣе наслаждается. Но царь Эсіоповъ, замѣтивъ, что они вриши развѣдчиками, сказалъ имъ: «и вы говорите неправду, и царь вашъ человекъ несправедливый; ибо, еслибы онъ былъ справедливъ, онъ не желалъ бы иной страны, кромѣ своей, и не (пытался) бы поработить ⁷⁾ людей, которыми ни въ чемъ не былъ обиженъ. Теперь же, давъ ему этотъ лукъ, передайте слѣдующія слова: царь Эсіоповъ совѣтуетъ царю Персовъ тогда отправиться въ походъ противъ Эсіоповъ, когда Персы также легко, какъ я, будутъ натягивать ⁸⁾ столь огромные луки; а до тѣхъ поръ пусть благодаритъ боговъ за то, что они не навели насъ на мысль ⁹⁾ приобрести еще ную землю, кромѣ вашей земли.

1) Καμβίσης, 2) Эсіопъ Αἰθίοψ. 3) развѣдчикъ ὁ κητόπτης (ου). 4) внушать ἐντέλλεσθαι. 5) вступать въ п. εἰς λόγους τινὶ ἔρχεσθαι. 6) — даетъ. 7) поработить εἰς δουλοσύνην ἄγειν. 8) ἔλκειν. 9) наводитъ на мысль кого либо ἐπὶ νοῦν τρεῖταιν τινὶ.

Запасная. Астіагъ ¹⁾ очень любилъ своего внука ²⁾ Кира и ни въ чемъ ему не отказывалъ. Такъ, напримѣръ, узнавъ, что этотъ послѣдній сильно желаетъ поохотиться въ открытомъ полѣ ³⁾, овъ отправилъ его съ дядей ⁴⁾ и стражами, чтобы тѣ оберегали его отъ опасныхъ мѣстъ ⁵⁾, а также, еслибы

появился какой-нибудь дикій звѣрь. Киръ спрашивалъ у сопровождавшихъ его, къ какимъ звѣрямъ не должно приближаться и какихъ можно смѣло преслѣдовать. Они говорили, что медвѣди, кабаны ⁶⁾ и львы растерзали ⁷⁾ уже многихъ, приближавшихся къ нимъ, и что олени и серны ⁸⁾ безвредны ⁹⁾. Говорили они также, что слѣдуетъ остерегаться опасныхъ мѣстъ не менѣе, чѣмъ звѣрей, ибо многіе уже съ лошадьми низвергались ¹⁰⁾ въ бездны ¹¹⁾. Киръ внимательно слушалъ все это, но какъ только завидѣлъ выскочившаго оленя, позабывъ обо всемъ, что слышалъ, преслѣдовалъ его, не обращая вниманія ни на что, какъ только (на то), куда онъ бѣжалъ. Положивъ на мѣстѣ этого оленя, равно какъ и кабана, налетѣвшаго на него вскорѣ послѣ того, Киръ, съ разрѣшенія своего дѣда, подарилъ ихъ своимъ товарищамъ. При этомъ онъ такъ заманчиво изобразилъ имъ прелести охоты въ открытомъ полѣ, что всѣ пожелали испытать это удовольствіе.

¹⁾ Ἀσπίτης. ²⁾ ἔκρυπος. ³⁾ ἔξω. ⁴⁾ ὁ θάϊος. ⁵⁾ опасное мѣсто ἢ δυσχωρία. ⁶⁾ ὁ κάπρος. ⁷⁾ растерзать διαφθεῖραίν. ⁸⁾ серна ἢ ὄρχις. ⁹⁾ ἀσπής, sc. ¹⁰⁾ низвергаться отъ κατακρημνίζω Рава. ¹¹⁾ оставить безъ перевода.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Основная. Чайный торговецъ, имѣя вексель въ 1.500 рублей, дисконтируетъ его (коммерчески), считая по $3\frac{1}{2}\%$ въ годъ, за 2,4 мѣсяца до срока и на вырученную сумму покупаетъ чай двухъ сортовъ—по 3 руб. 50 коп. и по 3 руб. 80 коп. за фунтъ. Смѣшавъ оба сорта, купецъ рассчиталъ, что продавая смѣсь по 3 руб. 60 коп. за фунтъ, онъ только выручитъ свои деньги, не получивъ ни прибыли, ни убытку. Сколько онъ купилъ фунтовъ чаю 1-го сорта и сколько 2-го сорта?

Запасная. Отъ своего имѣнія землевладелецъ отдѣлилъ $\frac{2}{3}$ для себя и за половину оставшейся земли при продажѣ взялъ вексель въ 4.500 руб., подлежащій уплатѣ чрезъ 4 мѣсяца, считая по 6% въ годъ. Узнать во сколько цѣнилось имѣніе и сколько было десятинъ, если цѣна десятины 90 рублей (учетъ коммерческій)?

б) По алгебрѣ.

Основная. Число учениковъ болѣе 100, но меньше 200. Если этихъ учениковъ разсадить на скамьи по 10 человѣкъ на каждую, то для одной изъ скамей не достанетъ полнаго числа, а только 5 человѣкъ. Если же разсадить по 13, то для послѣдней скамьи остается лишь 6 человѣкъ. Какимъ числомъ учениковъ удовлетворяются условия вопроса?

Запасная. Два путешественника А и В одновременно отправляются изъ одного пункта въ городъ, находящійся отъ нихъ на разстояніи 120 верстъ. А дѣлаетъ въ часъ четырема верстами болѣе чѣмъ В и прибываетъ въ городъ пятью часами ранѣе. Сколько верстъ проходитъ каждый путешественникъ въ часъ?

в) По геометріи.

Основная. Черезъ точку S, взятую на продолженіи діаметра круга (радіусъ коего= r) и находящуюся отъ центра круга на разстояніи= d , проведена къ кругу касательная SA (A есть точка касанія). Опредѣлить объемъ тѣла, получаемаго отъ обращенія SA окожо продолженнаго діаметра круга и узнать отношеніе этого объема къ объему шара.

Запасная. Пирамида, коей высота= h , а объемъ= V , пересѣчена на разстояніи $\frac{1}{3}$ высоты (считая отъ основанія) плоскостію параллельною основанію. Опредѣлить площадь сѣченія и объемы обѣихъ частей, на которыя разсѣкается пирамида.

г) По тригонометріи.

Основная. Въ косоугольномъ треугольникѣ ABC дано основаніе BC = 43,5 метр. высота AD=30 метр. и уголъ B = $63^{\circ} 14'$. Опредѣлить остальные углы и стороны треугольника.

Запасная. Въ параллелограммѣ извѣстны: діагональ $d = 15,67$ метр. и углы $\varphi = 47^{\circ} 15'$; $\varphi' = 26^{\circ} 7'$, которые эта діагональ при одной изъ своихъ оконечностей образуетъ со сторонами параллелограмма. Вычислить его стороны, углы и площадь.

III. ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Воспитательное значеніе театра.

Запасная. Вліяніе мореплаванія на развитіе человѣчества. (Для Оренбургской гимназіи эта тема по ошибкѣ, сдѣланной распечатывавшимъ конвертъ, была основною).

2. По латинскому языку.

Основная. Когда римскіе воины, оставленные въ Капуѣ гарнизономъ, составили заговоръ ¹⁾ съ цѣлью ²⁾ завладѣть этимъ городомъ, и когда они, послѣ открытія ихъ замысла, боясь наказанія ³⁾, отложились отъ римскаго народа, М. Валерій диктаторъ обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: «Вовны, я (тогь) М. Валерій Корвѣ, знатность котораго вы узнали ⁴⁾ по моимъ къ вамъ благодареніямъ, а не по несправедливымъ поступкамъ. Такъ обнажайте ужь ⁵⁾ (лучше) вы мечъ противъ меня, чѣмъ я противъ васъ. *Предпринимайте* ⁶⁾ то, чего не предпринимали отцы и дѣды ваши, ни тѣ, которые удалились на священную гору, ни тѣ, которые впоследствии заняли Авентинъ. Ждите, пока къ каждому изъ васъ, какъ нѣкогда къ Коріолану, не выйдутъ изъ города навстрѣчу ваши матери и жены съ распущенными волосами». Вождь ихъ Т. Квинцій, обратился къ своимъ, сказавъ: «и со мнѣ ⁷⁾, воины, если я къ чему нибудь *придемъ* ⁸⁾, вы имѣете лучшаго вождя въ миру, чѣмъ къ войнѣ. Чего (же еще) намъ нужно желать, и почему ⁹⁾ мы, оставивъ ее *стеротъ* ¹⁰⁾ ожесто-

ченіе ¹¹⁾), надежду, обманчивыхъ совѣтниковъ, не отлаемъ себя самихъ и все наше (имущество) подъ защиту *испытанною его милосердія* ¹²⁾? Когда всё своимъ крикомъ *стали* ¹³⁾ изъяслять на это согласіе, Т. Квинцій, выступивъ передъ знамена, *объявилъ* ¹⁴⁾, что войско *предоставитъ себя* ¹⁵⁾ въ распоряженіе ¹⁶⁾ диктатора, и просилъ его, чтобы онъ *вступился* ¹⁷⁾ за дѣло этихъ *злослучившихъ* ¹⁸⁾ гражданъ. Диктаторъ, похваливъ Квинція и велѣвъ прочимъ не *унывать* ¹⁹⁾, самъ *поскакалъ* ²⁰⁾ во *весь опоръ* ²¹⁾ обратно въ городъ и, съ согласія сенаторовъ внесъ въ Петелинской рождѣ въ народное собраніе (законъ), чтобы никому изъ воиновъ *возмущеніе* ²²⁾ не ставилось въ *вину* ²³⁾; онъ также просилъ *убѣдительноше* ²⁴⁾ Квиритовъ, чтобы никто ни въ шутку, ни *серьезно* ²⁵⁾ не корилъ кого-либо изъ нихъ этимъ дѣломъ.

¹⁾ Conspirare. ²⁾ de. ³⁾ вслѣдствіе страха. ⁴⁾ sentire aliqua re. ⁵⁾ = скорѣе (prius). ⁶⁾ inducere in animum. ⁷⁾ = меня (au). ⁸⁾ = я пригоденъ usus mei est. ⁹⁾ и почему не = quin. ¹⁰⁾ omittere. ¹¹⁾ = гнѣвъ. ¹²⁾ узнанной вѣрности. ¹³⁾ изъясляли. ¹⁴⁾ сказалъ. ¹⁵⁾ = будетъ, ¹⁶⁾ potestas. ¹⁷⁾ вступаться за чье либо дѣло = causam alicujus suscipere. ¹⁸⁾ = бѣднхъ. ¹⁹⁾ bonum animum habere. ²⁰⁾ revehi. ²¹⁾ citato equo. ²²⁾ = secessio. ²³⁾ fraus. ²⁴⁾ bona venia. ²⁵⁾ serio. ²⁶⁾ exprobrare alicui aliquid.

Запасная. Ксерксъ, презирая малочисленность враговъ, приказалъ начать битву тѣмъ, родственники которыхъ были убиты въ маравонскомъ сраженіи: стремясь отмстить за своихъ, они сдѣлались началомъ пораженія. За симъ, съ приходомъ бесполезной толпы произошло большее побойще. Три дня здѣсь происходилъ бой. На четвертый день, когда Леониду довели, что вершина занята 20 тысячами непріятелей, тогда онъ уговариваетъ союзниковъ отступить и сохранить себя для лучшихъ временъ отечества, что онъ со Спартакцами долженъ попытать счастья, что онъ болѣе обязанъ отечеству, чѣмъ жизни; что прочихъ слѣдуетъ сберечь для защиты Греціи. Выслушавъ приказъ царя, прочіе ушли, остались одни Спартакцы. Въ началѣ этой войны, вопрошая въ Дельфахъ оракула, они получили отвѣтъ, что или царю Спартакскому, или городу должно пасть. И по этому царь Леонидъ, отправляясь на войну, такъ настроилъ своихъ воиновъ, что они шли съ душою готовою къ смерти, тѣснины занялъ для того, чтобы съ немногими воинами или съ большою славою побѣдить, или съ меньшимъ для государства ущербомъ пасть. И такъ, распустивъ союзниковъ, онъ увѣщаетъ Спартакцевъ помнить, что, какъ бы они ни сражались, имъ должно пасть; чтобы не ждали, пока будутъ обидены врагомъ, но что, пока ночь даетъ случай, надобно устремиться на непріятелей врасплохъ и неожиданно; что нигдѣ побѣдители не погибнуть почетише, чѣмъ въ лагерѣ враговъ.

8. По греческому языку.

Основная. Послѣ побѣды, которую Греки одержали надъ Персами при Саламинѣ,Themistocles, *говоря въ собраніи* ¹⁾, сказалъ, что имѣетъ планъ *смелый* ²⁾ и полезный для государства, но что *нужно держать (его) въ тайнѣ* ³⁾ отъ народа. Афиняне велѣли ему сообщить (о томъ) одному Аристиду и привести въ исполненіе, если тотъ *одобрить* ⁴⁾ (это). Themistocles открылъ Аристиду, что замышляетъ сжегъ флотъ Лакедемонянъ; ибо такимъ образомъ сдѣ-

даются Аеняне *могущественнѣйшими* ⁶⁾ и *властвующими* ⁷⁾ надъ всѣми. Ари- стидъ, представъ предъ народъ, объявилъ, что нѣтъ ничего полезнѣе (во) и несправедливѣе плана, который *замышляетъ* ⁷⁾ произвести Θεμιστοκλѣ. Тогда Аеняне, услышавъ это, приказали Θεμιστοκλѣ *оставить* ⁸⁾ (эту мысль).

¹⁾ δημηγορέω. ²⁾ σωτήριος. ³⁾ ἀπόρρητος, οὐ πρὸς τίνα. ⁴⁾ δοχίμαζο. ⁵⁾ величай- шими. ⁶⁾ χείριστος. ⁷⁾ διαπορεύομαι. ⁸⁾ παύομαι.

Запасная. Воины, не удивляйтесь, что я огорченъ ¹⁾ настоящимъ поло- жениемъ дѣлъ. Я вступилъ съ Киромъ въ права гостепрѣимства ²⁾ и онъ оказалъ мнѣ, изгнанному изъ отечества, и другія почести ³⁾, и далъ мнѣ де- сять тысячъ дариковъ. Получивши ихъ ⁴⁾, я не сохранилъ ихъ для собствен- наго своего употребленія ⁵⁾ и не *истратилъ для своего удовольствія* ⁶⁾, но израс- ходовалъ на васъ. А именно, сперва я велъ войну противъ Θρακίηцевъ и отнять землю у *живущихъ тамъ* ⁷⁾ Грековъ. А когда позвалъ Киръ, я, взявши васъ, отправился, чтобы помочь ему, въ чемъ онъ нуждался, за тѣ благодѣ- лянiя, которыя я получилъ отъ него ⁸⁾. Но такъ какъ вы не хотите идти вмѣстѣ со мною, то мнѣ необходимо или, *измѣнивъ вамъ, остаться другомъ Кира* ¹⁰⁾ или, *обманувъ его доверенность* ¹¹⁾, идти съ вами. Не знаю, справедливо-ли я поступлю, но во всякомъ случаѣ я предпочту ¹²⁾ васъ и буду терпѣть съ вами, чтѣ-бы ни пришло ¹³⁾.

¹⁾ χαλεπῶς φέρειν. ²⁾ перевесть: Киръ сдѣлалъ мнѣ роство. ³⁾ оказать поч- еть—τιμάω. ⁴⁾ ихъ—перевесть относительною мѣст. ⁵⁾ перевесть: не обратилъ (κατατίθημι med.) ихъ себѣ въ собственность. ⁶⁾ καθήδουκαθίω. ⁷⁾ перевесть при- частиемъ. ⁸⁾ ἐνοικέω. ⁹⁾ за то, что хорошаго (εὖ) я получилъ (πάσχω) отъ него. ¹⁰⁾ перевесть: пользоваться дружбой Кира. ¹¹⁾ ψεύδομαι πρὸς τίνα. ¹²⁾ αἰρέομαι. ¹³⁾ δεῖ.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Основная. Два купца, сложившись деньгами, купили товаръ въ Россіи и продали его за границей за 31,878 франковъ, получивши при этомъ 15% при- были. По скольку *рублей* они сложились, если вклады ихъ относятся какъ $\frac{7}{16} : \frac{4}{9}$, а 3,6 франковъ равны цѣнѣ одного рубля?

Запасная. Купецъ смѣшалъ 3-хъ сортовъ ламповое масло 7,4 пуда по 4,36 р. за пудъ, 5,6 пуда по 6,8 р. за пудъ и 6,25 пуда масла 3-го сорта. Сколько стоитъ фунтъ масла 3-го сорта, если купецъ, продавая по 7,98 руб. пудъ смѣся, получилъ 3,85 руб. прибыли?

б) По алгебрѣ.

Основная. Изъ куска чугуна выдито нѣсколько ядеръ равнаго вѣса и нѣсколько котловъ тоже равныхъ по вѣсу. Еслибы вѣсъ каждаго ядра, выра- женный въ фунтахъ, былъ на 2 меньше числа сдѣланныхъ котловъ, а вѣсъ каждаго котла на 2 ф. больше числа сдѣланныхъ ядеръ, то общій ихъ вѣсъ превышалъ-бы удвоенную разность числа котловъ и ядеръ на 800 фунт.; а

еслибы вѣсъ каждаго предмета въ фунтахъ былъ равенъ числу сдѣланныхъ предметовъ того же рода, то общій ихъ вѣсъ равнялся бы 881 фунт. Сколько было сдѣлано ядеръ и котловъ?

Запасная. При $a=15$ и $b=5,2(3)$, корни уравненія: $(a^2-b^2)^2 \cdot x^2 - 2(a^2+b^2) \cdot x + 1 = 0$ составляютъ крайніе члены пятичленной геометрической прогрессіи. Требуется найти подходящую дробь, выражающую третій членъ этой прогрессіи съ точностью до $\frac{1}{10000}$?

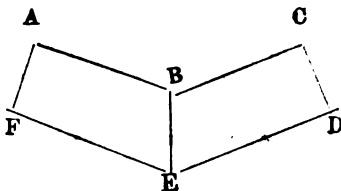
в) По геометріи.

Основная. Вычислить вѣсъ воды, наполняющей сосудъ, имѣющей видъ шароваго сегмента о двухъ параллельныхъ основаніяхъ, которыхъ радиусы $a=3$ дюймамъ и $b=5$ дюймамъ, при чемъ извѣстно, что высота сосуда есть средняя геометрическая между обоими радиусами и что 1 кубическій дюймъ воды вѣситъ 3,84 золот.

Запасная. Сплошной желѣзный конусъ, въ которомъ радиусъ основанія—2,5 дюйма, а высота—6,3 дюйма, плаваетъ въ ртути вершиной внизъ. Определить объемъ погруженной части конуса. Плотность ртути = 13,6, плотность желѣза = 7,8.

г) По тригонометріи.

Основная. Участокъ лѣса ABCDEF имѣетъ видъ союженныхъ трапеціи и параллелограмма съ общей стороною BE. Стороны AF=348 саж., FE=614 саж.

ED=600 с., DC=322 с. и AB=517 саж. Углы $C=F=68^{\circ}17'18''$. Сколько десятинъ въ участкѣ?

Запасная. По одну сторону рѣки находятся двѣ точки А и В, изъ которыхъ видны двѣ другія точки С и D, лежащія по другую сторону рѣки въ одной плоскости съ первыми. Расстояніе между А и В равно 3784 саж., а углы BAC, BAD, ABC, ABD соответственно равны $87^{\circ}25'$, $47^{\circ}32'$, $46^{\circ}34'$, $84^{\circ}35'$. Найти расстояніе между С и D.

IV. ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. «Вліяніе природы на человѣка и человѣка на природу».

Запасная. «О причинахъ и значеніи соревнованія».

2. По латинскому языку.

Основная. Valer. Maximus. I, 7, 4.

«Когда, при празднованіи торжественныхъ игръ въ Римѣ, какой-то отецъ семейства, прежде чѣмъ процессія (пропра) вступила въ циркъ, провелъ черезъ него раба своего, уже наказаннаго розгами, къ смертной казни, то Юпитеръ, явившись во снѣ одному изъ плебеевъ, Атинію, приказалъ, чтобы онъ сказалъ консуламъ, что ему при празднованіи послѣднихъ игръ не нравилась *первой ленивейшей тогда въ циркѣ* (однимъ словомъ praesultor), и что послѣдуетъ большое несчастье для города, если это не будетъ *заложено* (expiare) болѣе *внимательнымъ* (attentus) *постороніемъ* (instauratio) игръ. Тотъ боясь *обезпокоить* (fatigare) высшее начальство быть можетъ пустою *болынію* (religio), не исполнилъ приказанія бога, и тотчасъ съня его, внезапно заболѣвши, умеръ. Атиній, когда послѣ этого тотъ же богъ спросилъ его во снѣ, достаточно ли онъ наказанъ за неисполненіе приказанія, опять молчалъ и *тотчасъ былъ разбитъ параличемъ* (debilitate corporis solvi). Тогда только Атиній, по совѣту своихъ друзей, которымъ онъ сообщилъ обо всемъ, велѣлъ отнести себя *въ носилкахъ* (lectica, ae) къ консуламъ, а оттуда въ сенать, гдѣ онъ все дѣло разказалъ по порядку. И, къ большому удивленію всѣхъ присутствующихъ, тотчасъ члены его *получили* (чрезъ redire) прежнюю *снѣжность* (mollitia) и *крѣпость*, такъ что онъ могъ возвратиться домой *пѣшкомъ*. Сенать, испуганный этимъ чудомъ, велѣлъ *устроить* самое внимательное и болѣе великолѣпное *постороніе* (устроить повтореніе черезъ глаголъ instaurare).

Запасная. Valer. Maxim. III, 1, 2.

«Когда Маркъ Катонъ, будучи еще отрокомъ, пришелъ къ Суллы (Sulla, ae) для *привѣтствія* (черезъ глаголъ salutare) и видѣлъ тамъ головы убитыхъ, лежація *въ передней комнатѣ* (atrium), то онъ, сильно возмущенный этимъ *варварствомъ* (atrocitas), спросилъ наставника своего Сарпедона, почему еще не нашелся никто, который *убилъ бы* столь жестокаго тирана. Когда тотъ отвѣтилъ, что людямъ недостаетъ не столько желанія, сколько *возможности* (facultas) къ умерщвленію Суллы, потому, что онъ окруженъ очень сильною стражею, то онъ умолялъ Сарпедона дать ему *кинжалъ* (ferrum), увѣряя, что ему очень легко будетъ умертвить этого *жестокаго варвара* (monstrum crudelissimum). Сарпедонъ, узнавши такимъ образомъ намѣреніе своего молодого воспитанника и хорошо зная его *отважный характеръ* (animus), послѣ этого уже никогда не водилъ Катона къ Суллѣ, не обмысливъ его предварительно (*прежде обмыслившаго* excussus). Ничто не достойно болѣе удивленія, чѣмъ этотъ поступокъ Катона. Ибо мальчишье на самомъ мѣстѣ совершенной жестокости не боялся *виновника* (auctor) ея, страшнаго тогда даже самымъ смѣлымъ, сильнымъ, и *высоко поставленнымъ* (qui summis honoribus functi sunt) Римлянамъ. Даже Марій, еслибы онъ былъ на мѣстѣ Катона, скорѣе думалъ бы о *возможно скорѣйшемъ удаленіи* (fuga), чѣмъ объ умерщвленіи Суллы».

3. По греческому языку.

Основная. Plut. Pericles. 8. 8. 2.

«Когда Периклъ уже *приближался* (eipi) къ смерти, около него сидѣли знатнѣйшіе изъ гражданъ и тѣ изъ его друзей, которые *остались въ живыхъ* часть сс, отд. 4.

(περιέμι). Они говорили о *всехъ доблестяхъ и могуществахъ*, перечисляли (διηγείσθαι) его подвиги и *многие* (πλήθος) трофеев. Ибо какъ полководецъ и побѣдитель онъ ихъ поставилъ девять въ честь (ὕπερ) города. Такъ они бесѣдовали между собою, предполагая, что онъ *уже мыслитъ созианія* (καθαρόνματι τὴν αἰσθητικὴν) и не понимаетъ (ихъ разговора). Но онъ *тогда* (τοῦχῆνω) все *слушалъ со вниманіемъ* (τὸν νοῦν προσέχω) и *превашии мѣзъ* (ὑπολαμβάνειν) сказалъ, что онъ удивляется, что они вспоминаютъ и восхваляютъ тѣ дѣла, которыя *въ отмошеніи случайности* (πρὸς τύχην) считаются общими и достались на долю многимъ полководцамъ, а о прекраснѣйшемъ и величайшемъ дѣлѣ не упоминаютъ. Ибо, сказалъ онъ, никто изъ Аоннянъ не *надмѣзъ* (περιβάλλεται) *по моему сниту* (διὰ) *чернаго платья*.

З а п а с н а я. Бир. I. 2. 6. 7. 8.

«Мальчиковъ у Персовъ воспитывали слѣдующимъ образомъ: ходили они ежедневно на такъ называемую свободную площадь и тамъ учились справедливости, а ихъ учителя, избираемые изъ такихъ старшихъ, которые, казалось, *могли сдѣлать* (ἐπιδείκνυμι) мальчиковъ какъ можно лучшими, большую часть дня *судили мѣзъ* (δικάζειν τινί); ибо у мальчиковъ, какъ и у взрослыхъ, были другъ на друга *жалобы* (τὸ ἐγκλημα, τὸς) на воровство, *грабежъ* (ἢ ἀρπαγή-ης), *насиліе*, *обманъ* (ἢ ἀπάτη-ης), *руководство* (ἢ κακολογία-ας) и тому подобное. Учители наказывали тѣхъ, которыхъ признавали виновными, а также наказывали тѣхъ, которые несправедливо *жаловались* (αἰχάλειν). Но кромѣ того, было наказаніе и за *проступокъ* (τὸ ἐγκλημα-ατος), за который люди *несаидатъ* (μισοῦν). другъ друга, но не судятъ, (именно) за неблагодарность, и о комъ бы они ни узнали, что онъ *можетъ оказать благодарность и не оказываетъ*, того они *строго* (ισχυρῶς) наказывали.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Основная. Пять селеній условились построить мостъ по снѣтѣ за 90,820 рублей такимъ образомъ, чтобы каждому селенію пришлось заплатить во столько разъ болѣе, во сколько разъ его разстояніе отъ проектированнаго моста менѣе. Сколько заплатило каждое селеніе, когда разстояніе отъ моста до перваго селенія $\frac{1}{3}$ версты, до втораго— $1\frac{1}{4}$ версты, до третьяго—3 версты до четвертаго— $3\frac{1}{2}$ версты и до пятаго 4 версты.

З а п а с н а я. Изъ Франціи привезли въ Петербургъ 75 кусковъ шелковой матеріи по 82 метра въ каждомъ кускѣ, цѣною по три франка 92 сантима каждый метръ. По какой цѣнѣ должно продавать въ Петербургѣ аршинъ этой матеріи, чтобы на весь товаръ получить 197 руб. 79,6, коп. прибыли, когда известно, что мириаметръ равенъ 14061-му аршинну, а монета въ 5 франковъ равна 1 руб. 24 коп?

б) По алгебрѣ.

Основная. Крестьянинъ продѣлъ нѣкоторое количество барановъ по 12 руб., овецъ по $2\frac{1}{4}$ руб., а агнать по $\frac{1}{2}$ руб. Сколько онъ продалъ головъ скота каждаго рода, если всего было продано имъ 50 головъ и отъ продажи выручено 108 руб.?

Запасная. Нѣкто говоритъ, что онъ въ текущемъ году сберегъ 78 руб., а, что сберегая отъ самаго поступленія на службу каждый годъ двумя рублями болѣе чѣмъ въ предыдущій, онъ накопилъ уже 1850 р. Сколько лѣтъ онъ находится на службѣ и сколько сберегъ въ первый годъ?

в) *По геометріи.*

Основная. Извѣстны двѣ меньшія стороны a и b прямоугольника, вписаннаго въ кругъ, радіусъ котораго $=r$; опредѣлить третью сторону этого треугольника и вычислить ее при $a=1$ ф. 8 дюйма, $b=5$ ф. и $r=3,5$ ф.

Запасная. Пирамида, высота которой $=h$, раздѣлена на три части въ отношеніи $m : n : p$ плоскостями, параллельными основанію данной пирамиды; опредѣлить разстоянія, полагая $m=2$, $n=3$, $p=4$ и $h=24$ метрамъ.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Опредѣлить площадь треугольника, когда извѣстны сумма двухъ его сторонъ: a и b , и два угла: A и C , прилежащіе къ одной изъ нихъ. Вычислить эту площадь, полагая $a+b=7\frac{1}{2}$ фут., $\angle A=20^{\circ}54'$ и $\angle C=57^{\circ}54'46''$.

Запасная. Въ треугольникѣ ABC даны: его площадь $=p$, сумма двухъ сторонъ его $AC+BC=a$ и уголъ между ними содержащійся $\angle C=B$. Найдти всѣ стороны треугольника.

V. ПО КІЕВСКОМУ ОКРУГУ.

Темы, тексты и задачи по гимназіямъ: Кіевской 2-й, Нѣжинской, Полтавеной и коллегіи Павла Галагана.

1. По русскому языку.

Почему Россія побѣдила Наполеона въ Отечественную войну 12-го года?

2. По латинскому языку.

Сципіонъ Африканскій Эмилианъ, который разрушилъ Каррагенъ, послѣ столькихъ полученныхъ при Нуманціи пораженій, избранный во второй разъ Консуломъ и посланный въ Испанію, оправдалъ ¹⁾ въ Испаніи счастье и храбрость, доказанна ²⁾ имъ въ Африкѣ, и въ періодъ времени одного года и трехъ мѣсяцевъ, какъ явился туда, окружилъ Нуманцію *осадными работами* ³⁾ и разрушивъ ее, сравнялъ съ землею. И нѣкто изъ лицъ какой-нибудь другой фамиліи прежде его не увѣковѣчилъ ⁴⁾ имени своего болѣе славнымъ разрушеніемъ городовъ, такъ какъ онъ, разрушивъ Каррагенъ и Нуманцію, избавилъ насъ отъ страха предъ первымъ и оскорбленій ⁵⁾ послѣдней. Этотъ человекъ на вопросъ Трибуна Корбона, что онъ думаетъ объ убійствѣ Тиверія Гракха, отвѣчалъ, что если Гракхъ имѣлъ намѣреніе овладѣть государствомъ, то онъ убитъ справедливо, и когда все собраніе закричало при этомъ, онъ сказалъ: «не пугавшись столько разъ крика вооруженныхъ враговъ, какимъ образомъ

5*

могу я смутиться отъ вашего крика, для которыхъ Италия мачиа-⁴⁾ 6). Возвратившись въ городъ въ краткій промежутокъ времени, онъ въ консульство М. Аквилія и К. Семпронія, за сто пятьдесятъ лѣтъ до настоящаго времени, послѣ двухъ консульствъ и двухъ триумфовъ, а также послѣ того, какъ онъ были два раза уничтожены пугала государства, (однажды) утромъ былъ найденъ мертвымъ въ постели съ нѣкоторыми знаками удушенія ⁷⁾. О смерти такого великаго человѣка не было произведено слѣдствія и было вынесено изъ дому съ закрытою головою тѣло того, при помощи котораго Римъ вознесъ главу надъ всѣмъ земнымъ шаромъ. *Произошла ли смерть его* ⁸⁾ *по воле судьбы* ⁹⁾ какъ многіе повѣствуютъ, или вслѣдствіе ¹⁰⁾ козней, какъ нѣкоторые передаютъ, во всякомъ случаѣ жизнь провелъ онъ самымъ достойнымъ образомъ, такъ что она до того времени не затѣивалась ничьею славою ¹¹⁾, кромѣ развѣ дѣдовскою.

⁴⁾ respondere. ⁵⁾ experior. ⁶⁾ opus. ⁷⁾ perpetuae memoriae commendare. ⁸⁾ contumelia. ⁹⁾ poverca. ¹⁰⁾ fauces elidere. ¹¹⁾ mortem obire. ¹²⁾ fatalis. ¹³⁾ conflutus. ¹⁴⁾ fulgor.

3. По греческому языку.

Около этого времени, когда Кононъ былъ въ Аеннахъ, Лакедемонецъ, дѣлая фуражировку ¹⁾ изъ Маравона, подошелъ къ самымъ стѣнамъ Аеннанъ. Кононъ же, выведши Аеннанъ и всѣхъ остальныхъ, бывшихъ въ городѣ, построилъ ихъ въ боевой порядокъ у гимназія съ цѣлью сразиться, если они подойдутъ ²⁾. Увидѣвъ это, Лакедемонецъ посѣбно отступилъ ³⁾, и нѣкоторые изъ нихъ—немногіе, которые находились въ арьергардѣ ⁴⁾, были убиты легко вооруженными ⁵⁾. Тогда Аеннане стали по отношенію къ Конону еще болѣе готовы ⁶⁾ на все, ради чего ⁷⁾ онъ пришелъ, и опредѣлилъ, чтобы онъ собралъ тысячу тяжелооруженныхъ, сто всадниковъ и пятьдесятъ триумъ. Лакедемонецъ же, вида, что приходитъ ⁸⁾ въ Пірей много судовъ съ хлѣбомъ, сказалъ: совершенно бесполезно то, что мой отрядъ ⁹⁾ уже долгое время отрѣзываетъ ¹⁰⁾ Аеннанъ отъ ихъ области, если не будетъ занимаемо ¹¹⁾ то (мѣсто), откуда приходитъ доставляемый моремъ хлѣбъ ¹²⁾, и что лучше всего послать туда Мильтіада. Когда (предложеніе) это было одобрено и когда снаряжено ¹³⁾ было со стороны союзниковъ пятьдесятъ судовъ, болѣе транспортных ¹⁴⁾ чѣмъ военныхъ ¹⁵⁾—Мильтіадъ отправился.

¹⁾ проνομία. ²⁾ πρόσεισι. ³⁾ ἐπάγω. ⁴⁾ ὁ ἐπί πᾶσι. ⁵⁾ φίλος. ⁶⁾ πρόθυμος. ⁷⁾ ἐφ' ἧ. ⁸⁾ καταβίω. ⁹⁾ οἱ μετ' αὐτοῦ. ¹⁰⁾ αἰρούω. ¹¹⁾ ἔχω. ¹²⁾ ὁ κατὰ θάλατταν εἶδος. ¹³⁾ κληρώω. ¹⁴⁾ στρατιωτικῆς. ¹⁵⁾ ταυῦς.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

210 рублей раздѣлили между собою А, В и С, часть А составляетъ $\frac{2}{3}$, часть В и $\frac{1}{3}$ частей В и С вмѣстѣ взятыхъ. Сколько получить каждый?

б) По алгебрѣ.

Первый членъ арифметической прогрессіи есть 6, сумма семи членовъ 105,

найти разность и показать, что сумма n членовъ такой прогрессіи относится къ суммѣ $n - 3$, какъ $n + 3 : n - 3$.

в) По геометріи.

Мѣдный шаръ, коего радіусъ равенъ 3 дюймамъ, имѣющій шарообразную концентрическую внутри пустоту, погружается до половины въ воду; зная что дюймъ воды вѣситъ 3,84 золотника и что плотность мѣди есть 8,9, найти радіусъ шарообразной пустоты.

г) По тригонометріи.

Вершина горы на разстояніи 100 саж. представляется подъ угломъ 30° , какаѧ еѧ вышина?

Темы, темы и задачи по гимназіямъ: Кіевской 1-й, Житомирской, Каменецъ—Подольской, Немировской, Черниговской и Новгородъ—Сѣверской.

1. По русскому языку.

Причины побѣд Грековъ надъ Персами въ Персидскія войны.

2. По латинскому языку.

Въ то время, какъ это происходитъ въ городѣ и въ Италіи, Гн. Помпей велъ замѣчательную войну противъ Митридата, который послѣ отъѣзда Лукулла снова собралъ большія силы новаго войска. Однако царь, разбитый и обращенный въ бѣгство, а также лишившись ¹⁾ всѣхъ военныхъ силъ, бросился въ Арменію къ тестю Тиграну, въ то время самому могущественному царю, если только онъ не былъ, можетъ быть, отчасти ²⁾ ослабленъ ³⁾ оружіемъ Лукулла. И такъ, преслѣдуя въ одно время обѣихъ, Помпей вошелъ въ Арменію. Первый явился къ Помпею сынъ Тиграна, но бывшій въ раздорѣ съ отцемъ, вскорѣ и самъ съ мольбами и лично предоставилъ власти его себя и царство, напередъ заявивъ ⁴⁾, что не будетъ кромѣ Помпея никакого другаго мужа, ни Римлянина, ни изъ иной націи, съ которымъ бы онъ *вступилъ въ союзъ* ⁵⁾; поэтому всякая доля, какую онъ назначить ⁶⁾, несчастная или съ астиная, будетъ для него сносною; не постыдно быть побѣждену тѣмъ, котораго побѣдить не дозволено богами ⁷⁾ и не безчестно подчиниться ⁸⁾ тому, котораго судьба возвысила надъ всѣми. Почетъ власти оставленъ былъ царю наказанному однако (уплатою) огромной суммы денегъ, которыя всѣ, какъ было въ обычаѣ Помпея, *отданы были въ распоряженіе* ⁹⁾ квестора и *записаны въ государственныя кассовыя книги* ¹⁰⁾. Сирія и другія провинціи, которыя онъ заваялъ было, были отняты, и однѣ возвращены народу Римскому, другія тогда въ первый разъ присоединены къ его владѣніямъ, какъ наприкладъ Сирія,

которая тогда впервые стала данницею ¹¹⁾, предѣлы власти царя ограничены Арменією.

¹⁾ exuere. ²⁾ qua. ³⁾ infringere. ⁴⁾ praefari. ⁵⁾ societati se committere. ⁶⁾ auctorem esse. ⁷⁾ nefas. ⁸⁾ summitti. ⁹⁾ in potestatem redigere. ¹⁰⁾ publicis litteris describere. ¹¹⁾ stipendiarius.

3. По греческому языку.

Пославъ триреми за деньгами въ Лакедемонъ, онъ, созвавъ собраніе, сказалъ слѣдующее:

Мнѣ необходимо повиноваться отечественнымъ ¹⁾ властямъ, вамъ же я считаю нужнымъ ²⁾ быть какъ можно болѣе расположенными ³⁾ къ войнѣ, такъ какъ вы живя между варварами, испытали отъ нихъ уже много зла. Вамъ слѣдуетъ показать примѣръ ⁴⁾ остальнымъ союзникамъ для того, чтобы мы (могли) какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе вреда надѣлать непріятелямъ, пока не возвратятся изъ города тѣ, которыхъ я послалъ привезти деньги, такъ какъ ~~печки~~ удалился, отдавъ дары бывшимъ здѣсь въ недѣльности ⁵⁾, считая ихъ излишними ⁶⁾. А царь, когда я приходилъ къ нему, постоянно откладывая ⁷⁾ *besyду со мною* ⁸⁾, я же не могъ заставить ⁹⁾ себя часто ходить въ его дворецъ ¹⁰⁾. Съ своей стороны общаю вамъ достойно отблагодарить васъ за все добро, оказанное ¹¹⁾ намъ въ то время, пока мы ожидаемъ ¹²⁾ денегъ. И такъ, съ помощью боговъ покажемъ же варварамъ, что и безъ заискиванья ¹³⁾ у нихъ мы въ состояніи наказать враговъ.

Послѣ этой рѣчи многіе, поднимаясь, и особенно обвиняемые ¹⁴⁾ въ противодѣйствіи ¹⁵⁾ ему, изъ страха предлагали *общественные доходы* ¹⁶⁾, даже сами общая свои собственные (деньги). Получивши это и выплативъ каждому изъ матросовъ *путевыя деньги* ¹⁷⁾ отъ острова по пяти драхмъ, онъ поплылъ противъ города, который былъ ему враждебенъ.

¹⁾ οἱκοί. ²⁾ ἀξίω. ³⁾ πρόθυμος. ⁴⁾ ἐξηγήσομαι. ⁵⁾ ὑπάρχω. ⁶⁾ περιττός. ⁷⁾ ἀναβάλλομαι. ⁸⁾ διαλέγομαι. ⁹⁾ πείθω. ¹⁰⁾ θύραι. ¹¹⁾ συμβάινω. ¹²⁾ προσδέχομαι. ¹³⁾ θαυμάζω. ¹⁴⁾ ἐναντιόομαι. ¹⁵⁾ αἰτιάζω. ¹⁶⁾ πόρος χρημάτων. ¹⁷⁾ ἐφοδιάζομαι.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Куплено пшеницы и ржи 120 пудовъ и заплачено за все количество 127 руб. 8 коп.; пудъ пшеницы стоитъ 1 руб. 40 коп., а пудъ ржи 78 коп. Сколько куплено того и другого?

б) По алгебрѣ.

Начальная скорость брошеннаго вертикально вверхъ снаряда равна 700 футамъ въ секунду, найдти высоту, до которой снарядъ достигнетъ и время отъ начала движенія до возвращенія, полагая, что снарядъ движется въ пустотѣ.

в) По геометріи.

Построить треугольникъ по данному основанію АВ, суммѣ двухъ остальныхъ сторонъ и одному углу при основаніи.

По тригонометріи.

Найти углы треугольника, коего стороны суть 32 саж., 40 саж. и 66 саж.

VI. ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Вліяніе преобразованій Петра Великаго на характеръ русской литературы.

Запасная. Вліяніе поэзіи на нравственное образование челоуѣка.

2. По латинскому языку.

Основная. Ганнибалъ пробывъ въ Адруметѣ нѣсколько дней, чтобы дать своимъ воинамъ отдохнуть отъ морской качки. Его вывели изъ бездѣйствія гонцы, которые въ страхѣ принесли вѣвѣстіе, что вокругъ Каррагена занято непріателемъ. Тогда Ганнибалъ большими переходами двинулся къ Замѣ, которая находится отъ Каррагена на разстояніи 5 дней пути. Посланные впередъ каррагенскіе лазутчики были шойманами римскими караульными и отведены къ Сципіону. Онъ передалъ ихъ военнымъ трибунамъ, позволилъ, отложивъ всякій страхъ, осмотрѣть все и приказалъ повести ихъ по лагерю, куда захотятъ. Потомъ, спросивъ ихъ, хорошо ли они все разсмотрѣли, Сципіонъ далъ имъ провозачникъ и отослалъ обратно къ Ганнибалу. Ганнибалъ не слишкомъ весело выслушалъ все, что разказывали лазутчики, и отправилъ къ Сципіону гонца, просить у него личнаго свиданія для переговоровъ.

Запасная. Между эскадронными командирами, которые были посланы во всѣ страны для разслѣдованія, былъ Манлій, сынъ консула. Онъ случайно встрѣтилъ лагерь враговъ, въ которомъ были тускуланскіе всадники подъ начальствомъ Гемилы. Узнавъ римскихъ всадниковъ, Гемиль спросилъ, съ однимъ ли эскадрономъ Римляне будутъ воевать и что будутъ дѣлать консулы съ ихъ арміями. Они придутъ во время, отвѣчалъ Манлій, и съ ними Юпитеръ, свидѣтель нарушеннаго вами договора. На это Гемиль говорить, не хочешь ли, пока выдвинете войска съ большими усиліями, сразиться со мною, чтобы по исходу нашей борьбы было видно, на сколько всадникъ латинскій превосходитъ римскаго. Забывъ приказаніе отца, Манлій устремляется въ битву, побѣждаетъ врага и возвращается въ лагерь къ отцу, который приказалъ казнить его за нарушеніе дисциплины военной.

3. По греческому языку.

Основная. Алкивіадъ вошелъ въ гавань въ тотъ день, когда городъ праздновалъ Плинтеріи, причеиъ образъ Аены былъ закрытъ. Это признали нѣкоторые неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ и для Алкивіада и для города, такъ какъ въ этотъ день никто изъ Аенянъ не осмѣлился бы предпринять важное дѣло. По прибытіи Алкивіада, толпа народа собралась къ его кораблямъ и желала видѣть его. Одни говорили, онъ самый способный изъ

гражданъ, другіе — считали его виновникомъ всѣхъ несчастій. Въ народномъ собраніи одержали верхъ первые.

Запасная. Увидѣвъ своихъ друзей, Алкивиадъ сошелъ съ корабля и съ ними вошелъ въ городъ. Въ народномъ собраніи онъ защищалъ себя въ томъ, что не совершилъ преступленія и утверждалъ, что съ нимъ поступили несправедливо; то же говорили и другіе и никто не противорѣчилъ, такъ какъ этого не позволило бы народное собраніе; такимъ образомъ онъ былъ провозглашенъ полководцемъ, какъ человѣкъ способный возстановить прежнюю силу государства. Послѣ этого собралъ онъ большое войско и отплылъ съ нимъ противъ Андроса, отпавшаго отъ Аѳонянъ».

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Нѣкто одну часть своего капитала употребилъ на покупку вполне вѣрнаго векселя въ 8.820 руб., а другую отдалъ въ займы съ такимъ условіемъ, чтобы ему, вмѣстѣ съ процентными деньгами, было уплачено черезъ полгода 7.245 рублей. Вексель былъ приобретенъ за 8 мѣсяцевъ до срока съ учетомъ (математическимъ) по 6 со ста. Спрашивается: а) какая изъ частей этого капитала была употреблена выгодно и б) какой процентъ получился на весь капиталъ отъ той и другой операціи въ совокупности?

Запасная. На улицѣ 40 фонарей; они горятъ по $6\frac{1}{2}$ часовъ въ сутки и освѣщеніе улицы стоитъ въ недѣлю 145,6 рубля. Освѣщеніе другой улицы, на которой такіе же фонари горятъ по 5 часовъ и 40 минутъ въ сутки, стоитъ въ 10 дней 276 руб. Сколько фонарей на второй улицѣ?

б) По алгебрѣ.

Основная. Отданъ капиталъ въ банкъ и черезъ годъ получено прибыли 200 рублей; капиталъ вмѣстѣ съ процентными деньгами былъ оставленъ въ банкѣ еще на годъ. Послѣ этого капиталъ, вмѣстѣ съ выросшими на него процентами, составлялъ 2,420 руб. Какъ великъ капиталъ, внесенный въ банкъ?

Запасная. Изъ города С. въ городъ М. отправился внизъ по рѣкѣ пароходъ, дѣлавшій $8\frac{1}{2}$ миль въ каждыя три часа. Часомъ позже изъ г. М. отплылъ противъ теченія другой пароходъ, проходившій въ каждыя 4 часа по 5 миль. При встрѣчѣ этихъ пароходовъ оказалось, что первый изъ нихъ прошелъ пространство вдвое большее того пути, который былъ пройденъ вторымъ. Определить разстояніе по рѣкѣ между городами М. и С.?

в) По геометріи.

Основная. По данной сторонѣ a правильнаго шестигольника определить объемъ тѣла, происшедшаго отъ обращенія этой фигуры около оси, проходящей черезъ вершины двухъ противоположныхъ ея угловъ. Для цифернаго вычисленія: $a=10$ дюймамъ?

Запасная. Въ шарѣ проведена плоскость на разстояніи одной сажени отъ центра. Определить объемъ этого шара, если извѣстно, что площадь означеннаго сѣченія заключаетъ въ себѣ 1,57 квадратнаго сажени?

г) По тригонометріи.

Основная. Въ правильной пирамидѣ, имѣющей своимъ основаніемъ квадратъ, высота втрое болѣе ребра основанія; опредѣлить наклоненіе боковыхъ граней къ основанію и боковыхъ реберъ къ высотѣ?

Задача я. Опредѣлить острые углы прямоугольнаго треугольника по слѣдующимъ даннымъ: 1) перпендикуляръ, опущенный изъ вершины прямого угла на гипотенузу, равенъ 4 футамъ, и 2) разность отѣжковъ гипотенузъ, образованныхъ тѣмъ же перпендикуляромъ, содержитъ въ себѣ 1,53 фута.

VII. ВЪ ВАРШАВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку:

Основная. «Значеніе Кіева, Москвы и Петербурга въ исторіи Россіи»

Задача я: написать сочиненіе на тему:

- Куда какъ упоренъ въ трудѣ человекъ!
- Чего онъ не сможетъ, лишь было бѣ терпѣнье:
- Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!

2. По латинскому языку:

Основная. Сицилія первая изъ всѣхъ *иноземныхъ* ¹⁾ націй *ступила въ дружбу* ²⁾ съ римскимъ народомъ, прежде всѣхъ названа была провинціею, прежде всѣхъ она *показала* ³⁾ Римлянамъ, какъ прекрасно господствовать надъ иноземными народами, и она одна отличалась такою вѣрностію и такою благорасположеніемъ къ римскому народу, что города этого острова, однажды *ступившіе* съ нимъ *въ союзъ* ⁴⁾, уже никогда послѣ этого отъ него не *отлапались* ⁵⁾. И *не такъ скоро* ⁶⁾ пало бы великое *моущество* ⁷⁾ Карфагена, еслибы Сицилія не была съ одной стороны *складомъ* ⁸⁾ продовольствія, а съ другой *убжищемъ* ⁹⁾ для римскаго флота. Потому во вторую пуническую войну М. Марцеллъ *завотился* ¹⁰⁾ не только о римскихъ союзникахъ въ Сициліи, но и *шадилъ* ¹¹⁾ побѣжденныхъ непріятелей. Ибо, взявши силою прекрасный городъ Сиракузы, онъ не только *оставилъ* его *въ цѣлости* ¹²⁾ но и украсилъ такъ, что этотъ городъ служилъ памятникомъ его побѣдъ и его *кротости* ¹³⁾ и умѣренности. Извѣстный М. Катонъ называлъ Сицилію *житницею* ¹⁴⁾ римскаго государства, *кормилицею* ¹⁵⁾ римскаго народа, но сверхъ того Римляне, во время великой и весьма трудной *войны съ союзниками* ¹⁶⁾ испытали, что Сицилія была для нихъ не только житницею, но и *постояннымъ государственнымъ казначействомъ* ¹⁷⁾, ибо безъ всякихъ *издержекъ* ¹⁸⁾ съ ихъ стороны, она *доставкою* ¹⁹⁾ кожи ²⁰⁾, одежды и хлѣба одѣвала, кормила и вооружала многочисленныя римскія войска.

Задача я. Читаемъ въ *лѣтописяхъ*, что въ *востскую* ¹⁾ войну, когда албанское озеро *чрезвычайно* ²⁾ *поднялось*, ³⁾ къ Римлянамъ бѣжалъ одинъ Венедецъ, человекъ знатнаго происхожденія, и сказалъ, что *по пророчицѣмъ*, ⁴⁾ запи-

саннимъ у Веентцевъ, Вен не могутъ быть взяты, пока это озеро будетъ *выступать изъ береговъ*, ⁵⁾ и что, если вода озера, *будучи спущена*, ⁶⁾ *потечетъ* ⁷⁾ къ морю собственнымъ *теченіемъ*, ⁸⁾ это будетъ *выблельно* ⁹⁾ для римскаго народа; если же вода такъ будетъ *отведена* ¹⁰⁾, что ей нельзя будетъ дойти до моря, то это будетъ *спасительно* ¹¹⁾ для Римлянъ. *Вследствіе* сего ¹²⁾ исполнено было это удивительное *отведеніе* ¹³⁾ воды албанскаго озера для *оплодотворенія* ¹⁴⁾ подгородныхъ полей. Когда въ послѣдствіи Веентцы, утомленные войною, отправили пословъ къ сенату, одинъ изъ нихъ, говоря, сказалъ, что тотъ перебѣзчикъ не все осмѣлился высказать сенату, ибо въ тѣхъ же прощаніяхъ Веентцевъ записано, что Римъ скорѣе будетъ взятъ Галлами. И мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что это исполнилось. Не задолго до взятія города Галлами услышанъ былъ голосъ *со стороны рожъ* ¹⁵⁾ Весты, что слѣдуетъ *отстроить* ¹⁶⁾ стѣны и ворота, и что Римъ будетъ взятъ, если объ этомъ не *заботятся* ¹⁷⁾.

3. По греческому языку.

Основная. Когда Египетскій царь, собравъ много денегъ, *желалъ* ¹⁾ вести войну съ Персидскимъ царемъ, то онъ *послалъ* ²⁾ за *Агезилаемъ*, ³⁾ обѣщая ему предводительство. Агезилай узнавъ объ этомъ *съ удовольствіемъ*, ⁴⁾ полагая, что онъ однимъ и тѣмъ же походомъ освободитъ Азіатскихъ эллиновъ и *накажетъ* ⁵⁾ Персидскаго царя *за прежнія обиды* ⁶⁾. Когда же посланный за нимъ Египетскій царь не *всприимъ* ⁷⁾ ему предводительства, то Агезилай, обманутый въ самомъ *важномъ* ⁸⁾ дѣлѣ, сталъ *обдумывать* ⁹⁾, что ему слѣдуетъ *дѣлать*.

Между тѣмъ сперва союзники отложились отъ царя, а затѣмъ оставили его и всѣ другіе Египтяне. Самъ царь отъ страха *бѣжалъ въ Сидонъ*, ¹⁰⁾ а *возмущившіеся* ¹¹⁾ Египтяне избрали двухъ царей. Тогда Агезилай, *рассудивъ* ¹²⁾, что, если онъ ни одному изъ нихъ не будетъ *помогать* ¹³⁾, то ни одинъ изъ нихъ не будетъ выдавать жалованья Эллинамъ, выступилъ въ походъ съ тѣмъ изъ царей, который, но его мнѣнію, *благопріятствовалъ Эллинамъ* ¹⁴⁾ и, побѣдивъ въ сраженіи *противника Эллиновъ*, ¹⁵⁾ *возвелъ* ¹⁶⁾ перваго на престолъ.

Запаянная. Послѣ взятія города, Киръ, *давая порученія* ¹⁾ своимъ военачальникамъ, замѣтилъ *отсутствіе* ²⁾ своего лучшаго друга, *Абрадата* ³⁾. Поэтому, позвавъ въ которыхъ изъ бывшихъ тутъ *ординарцевъ*, ⁴⁾ спросилъ: «скажите мнѣ, не выдалъ ли кто либо изъ васъ Абрадата? Я удивляюсь, что онъ теперь нигдѣ не показывается, тогда какъ онъ прежде *наотщалъ* ⁵⁾ насъ часто».

Тогда одинъ изъ ординарцевъ отвѣтилъ: «Государь, *его нѣтъ въ живыхъ* ⁶⁾. *Устремивъ* ⁷⁾ свою колесницу на *густые ряды* ⁸⁾ храбро сражающихся Египтянъ, онъ и его друзья погибли и, еслибы наша конница не явилась вовремя, Египтяне убили бы многихъ изъ нашихъ». Послѣ этого, *продолжалъ* ⁹⁾ ординарецъ, «жена его *подняла* ¹⁰⁾ трущ и, *положивъ* ¹¹⁾ на колесницу, *свезла* ¹²⁾ къ рѣкѣ *Пактолу* ¹³⁾».

Услыхавъ это, Киръ *вскочилъ* ¹⁴⁾ на колесницу и поѣхалъ къ *мѣсту печалы* ¹⁵⁾. Увидѣвъ трупъ Абрадата и рыдающую женщину, Киръ заплакалъ и сказалъ *вдоумъ* ¹⁶⁾: «твой мужъ *прекрасно* ¹⁷⁾ умеръ, ибо онъ палъ побѣдителемъ».

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ:

Основная. При производствѣ работы посредствомъ паровой машины употреблено 42,560 пудовъ угля въ теченіи 108 дней. Вслѣдствіе нѣкотораго усовершенствованія, сдѣланнаго въ устройствѣ этой машины, оказалось, что нужно только 140 пудовъ угля въ 37 часовъ для произведенія той же силы. Спрашивается—каково годовое сбереженіе, если машина дѣйствуетъ 333 дня въ году по 16 часовъ въ сутки и если 100 пудовъ угля стоить 13 р. 50 к.

Запасная. Нѣкто купилъ участокъ земли въ 416 саж.—2 арш. длиною и 0,24 версты шириною по 30 рублей за десятину; въ уплату онъ отдалъ хлѣбъ въ зернѣ по 2 р. 40 к. за мѣшокъ. Объемъ мѣшка равенъ $\frac{1}{2}$ кубическаго аршина; хлѣбомъ же наполнены 16 тарей, каждая въ $2\frac{1}{2}$ арш. длины, $1\frac{1}{2}$ арш. ширины и 4 фута + 8 дюймовъ глубины. Въ десятинѣ 2,400 квадратныхъ сажень.

Сколько купившій участокъ земли долженъ приплатить денегъ?

б) По алгебрѣ:

Основная. Два тѣла, разстояніе между которыми вначалѣ 382,6 фута, двигаются на встрѣчу одно къ другому. Одно изъ нихъ въ первую секунду проходитъ 6 футовъ, во вторую 10 футовъ, въ третью 14 футовъ и т. д., въ каждую слѣдующую секунду 4-мя футами болѣе, чѣмъ въ предыдущую; спустя 5 секундъ начинаетъ двигаться другое тѣло, проходя въ каждую секунду 16,1 фута.

Черезъ сколько секундъ тѣла эти столкнутся?

Запасная. Нѣкто изъ бочки, содержащей 81 ведро вина, отлилъ нѣкоторое число ведеръ, а бочку долилъ водою; потомъ отъ этой смѣси онъ отлилъ столько же ведеръ, сколько и въ первый разъ, и опять долилъ бочку водою; послѣ четырехъ разъ въ бочкѣ осталось только 16 ведеръ чистаго вина. Спрашивается: по скольку ведеръ онъ отливаетъ?

в) По геометріи:

Основная. Въ шарѣ, радиусъ котораго R , сдѣлано цилиндрическое отверстіе; ось цилиндра проходитъ черезъ центръ шара, а діаметръ основанія цилиндра равенъ радиусу шара. Опредѣлить: какая часть объема шара останется послѣ того, какъ будетъ просверлено указанное цилиндрическое отверстіе въ шарѣ.

Запасная. Даны: 1) объемъ усѣченной пирамиды съ параллельными основаніями $V = 1,3125$ куб. фута, и 2) сторона нижняго ея основанія $A = 1$ футу. Полагая, что основанія пирамиды суть правильные шестиугольники, а высота пирамиды (усѣченной) равняется апоземъ нижняго основанія, требуется опредѣлить сторону верхняго основанія.

г) По тригонометріи:

Основная. Площадь треугольника равна 200 квадратнымъ дюймамъ; одна сторона треугольника равна 45 дюймамъ, а другая 30 дюймамъ.

Опредѣлить углы этого треугольника и третью сторону.

Запасная. По даннымъ двумъ діагоналямъ и одной сторонѣ параллелограмма вычислить другую сторону и углы параллелограмма. Діагонали суть: большая=6 футамъ; меньшая=4 футамъ, а сторона=3 футамъ.

VIII. ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

1. По русскому языку.

Основная. «Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою, тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ» (Карамзинъ).

Запасная. «Чужую бѣду руками разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу».

2. По латинскому языку.

Основная. Патронъ, предводитель Грековъ, находившійся въ войскѣ Дарія, слѣдовалъ за колесницею царя, высккивая случай поговорить съ нимъ, потому что предчувствовала злодѣйство Бесса. Онъ пристально смотрѣлъ на царя, и царь, лишь только обратилъ къ нему свой взоръ, повелѣлъ спросить его, не хочетъ-ли онъ чего либо сказать. Патронъ отвѣчалъ, что дѣйствительно хочетъ говорить съ нимъ, но безъ свидѣтелей. И когда велѣно было ему подойти ближе, то онъ безъ толмача (потому что Дарій зналъ греческій языкъ) сказалъ: «Царь! изъ 50,000 Грековъ насъ осталось не много; всѣ мы сопутники твоей участи,—и въ этомъ несчастномъ положеніи пребываемъ такими же, какими были во время твоей славы. Прошу и умоляю: «поставь себѣ палатку въ нашемъ лагерѣ, позволь намъ быть твоими тѣлохранителями. Мы потеряли Грецію, Бактры уже не принадлежать намъ; вся надежда на тебя». Дарій, сколько можно было замѣтить по его лицу, почти безъ страха началъ выспрашивать Патрона о причинѣ совѣта, который онъ ему предлагалъ. Тотъ, думая, что не надобно долге отклонять открытія злоумышленій, сказалъ: «Бессъ и Нарбазанъ посягаютъ на твою жизнь; настоящій день или убійцамъ, или тебѣ будетъ послѣднимъ!» На эти слова Дарій, говорить, далъ слѣдующій отвѣтъ: что хотя вѣрность Грековъ ему извѣстна, однако онъ никогда не отдѣлится отъ своихъ подданныхъ; что онъ лучше желаетъ претерпѣть между ними все, что бы судьба ему не назначила, нежели сдѣлаться бѣглецомъ.

Запасная. Разъ какъ-то Камбизъ спросилъ Прексаспа, что думаютъ Персы о немъ, своемъ царѣ. Тотъ отвѣчалъ, что они чрезвычайно хвалятъ его во всемъ; но что только вину онъ ужъ слишкомъ преданъ. Въ отвѣтъ на эти необдуманно произнесенныя слова, возбужденный гнѣвомъ Камбизъ сказалъ, что тотчасъ онъ самъ узнаетъ, справедливо-ли Персы судятъ о немъ, или сами они, судя такимъ образомъ, сумасшедшіе. Если онъ попадетъ стрѣлой прямо въ сердце его (Прексаспа) сына, который стоятъ тамъ въ передней, то изъ этого будетъ ясно, что Персы не правы; если же онъ дастъ промахъ, то пусть и онъ, пожалуй, думаетъ, что они разсуждаютъ справедливо и что онъ

сумасшедшій. Съ этими словами онъ, натянувъ лукъ, пустилъ стрѣлу въ сердце отрока; когда тотъ упалъ, онъ приказалъ осмотрѣть рану. Когда нашли, что стрѣла попала прямо въ сердце, онъ былъ внѣ себя отъ радости и съ улыбкой обратился къ отцу: «О Прекраспъ, ты знаешь теперь, что я не сумасшедшій и что, напротивъ, Персы лишились ума. А теперь скажи мнѣ, видалъ-ли ты когда нибудь человѣка, который бы такъ искусно пускалъ стрѣлу. Несчастный Прекраспъ сказалъ, что, по его мнѣнію, и самъ богъ не могъ бы лучше попасть».

3. По математикѣ:

а) По ариметикѣ.

Основная. Нѣкто употребилъ $\frac{1}{2}$ своего капитала на торговлю, $\frac{1}{6}$ часть капитала на устройство имѣнія, $\frac{1}{4}$ часть капитала на заводы, остальной капиталъ на покупку акцій. Торговля принесла ему 6%, акцій 10% прибыли, а напротивъ отъ имѣнія и заводовъ онъ получилъ по $\frac{1}{2}$ % убытку. Всего же онъ получилъ 721 рубль прибыли. Какъ великъ былъ его капиталъ?

Запасная. Три брата получили въ наслѣдство 78,000 и, согласно завѣщанію, раздѣлили ихъ между собою такъ, что часть перваго относилась къ части втораго, какъ $\frac{2}{3} : \frac{3}{7}$, а часть втораго къ части третьяго, какъ $\frac{5}{14} : \frac{2}{10}$. Потомъ они предприняли спекуляцію и первый далъ свою часть для этой цѣли на 8 мѣсяцевъ, второй на 10, а третій на 12 и получили прибыли 3,099 рублей. Спрашивается, сколько прибыли получилъ каждый братъ?

б) По алгебрѣ.

Основная. В. отдалъ въ ростъ 12,600 рублями болѣе, чѣмъ А., черезъ что онъ получаетъ процентовъ въ годъ 730 рублями болѣе. С. отдалъ въ ростъ 3,000 рублями болѣе, чѣмъ А., и беретъ на свой капиталъ двумя процентами болѣе чѣмъ А., черезъ что онъ получаетъ въ годъ процентовъ 380 руб. болѣе. Спрашивается: сколько каждый изъ нихъ отдалъ въ ростъ и какъ велики проценты (на 100 р.), получаемые каждымъ?

Запасная. Одинъ помѣщикъ занялъ у другаго 20,000 рублей, заложилъ ему лѣсъ, приносящій ежегодно чистаго дохода 1,500 р. Сколько лѣтъ второй помѣщикъ имѣетъ право пользоваться лѣсомъ, чтобы доходомъ съ него погасился долгъ и сложные проценты на него по 5 со ста?

в) По геометрѣ:

Основная. Высота сферическаго сегмента, коего поверхность содержитъ 21,98 квадр. фута, равна 1,4 фута. Вычислить объемъ шара, которому принадлежитъ этотъ сегментъ.

Запасная. Площадь сектора равна 98,2 квадр. дюймамъ, а площадь круга, отъ котораго взятъ секторъ, равна 2,880 квадр. дюймамъ. Определить длину дуги, ограничивающей секторъ и число градусовъ въ ней.

г) По тригонометрии.

Основная. Определить катеты и углы, а также площадь прямоугольнаго треугольника, въ которомъ гипотенуза $a=589,2$ фут., а разность катетовъ $t=317, 26$ фут.

Запасная. Въ косоугольномъ треугольникѣ сторона $a=1/2$ сажени, сторона $b=1/2$ сажени и сторона $c=1/2$ сажени. Вычислить углы треугольника А. В. С.

Изъ учебныхъ округовъ Казанскаго, Одесскаго, Дерптскаго и Восточной Сибири темы, предложенныя на испытаніяхъ зрѣлости, не доставлены.

№ 1.

**ВѢДОМОСТЬ О ПОДВЕРГАВШИХСЯ ИСПЫТАНІЮ И УДОСТОЕН-
НЫХЪ АТТЕСТАТА ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1877 ГОДУ.**

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желаніе подвергнуться исп.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытаніе	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.		Посторонніе на основаніи § 44 пунктъ:			Всего (я процентное содержаніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1. § 55.
				По мало-успѣшности.	По нравственной неурядности.	а.	б.	в.			
<i>С.-Петербургскій:</i>											
15 правительств. гимназій.	145	47	192	1	—	—	—	—	1 (0,5%)	—	—
3 церковныя училища.	—	—	25	2	—	—	—	—	2 (8%)	—	—
3 частныя гимназіи . . .	—	—	14	—	—	—	—	—	—	—	—
Во всѣхъ 21 заведеніи.	145	47	231	3	—	—	—	—	3 (1,3%)	—	—
<i>Московскій:</i>											
20 правительств. гимназій.	268	25	293	16	1	1	—	—	18 (6,1%)	1 (Посторон.)	1 (Вяз. гимн.)
1 частная гимназія . . .	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—
Во всѣхъ 21 заведеніи.	268	25	300	16	1	1	—	—	18 (6%)	1	1
<i>Казанскій:</i>											
8 правительств. гимназій.	157	17	174	10	—	2	—	—	12 (6,8%)	—	—
<i>Оренбургскій:</i>											
5 правительств. гимназій.	50	4	54	2	—	—	—	—	2 (3,7%)	1. (Гимн.)	—
<i>Харьковскій:</i>											
10 правительств. гимназій.	153	13	166	3	—	1	—	—	4 (2,4%)	—	—
<i>Одесскій:</i>											
8 правительств. гимназій.	104	34	138	3	—	—	—	2	5 (3,6%)	—	—
<i>Кіевскій:</i>											
10 правительств. гимназій (съ коллегією Павла Галагана)	176	6	182	4	—	—	—	—	4 (2,1%)	3. (Гимн.)	—

Удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ 1877 году.

Подверг. испытан.			Удостоены аттестата или свидетельства зрѣлости.					Удостоены медалей.		
Гимназисты. изъ основннхъ	Посторонние.	Всего.	Гимназисты.	Посторонние.	Всего.	Среднее число на каждое училище.	Золотой.	Серебряной.	Всего (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).	
—	—	—	143 (99,3%)	27 (57,4%)	170 (89%)	11 ⁵ / ₁₅	18	17	35	
144	47	191	—	—	23 (100%)	7 ² / ₅	—	—	—	
—	—	23	—	—	11 (78,6%)	3 ² / ₃	—	—	—	
—	—	14	—	—	—	—	—	—	—	
144	47	228	143	27	204 (89,4%)	9 ⁵ / ₂₁	18	17	35 (24%)	
250	23	273	228 (91,2%)	14 (60,9%)	242 (88,6%)	12 ² / ₂₀	9	13	22	
—	—	7	—	—	7 (100%)	7	—	—	—	
250	23	280	228	14	249 (88,9%)	11 ⁴ / ₂₁	9	13	22 (9%)	
147	15	162	137 (93,2%)	6 (40%)	143 (88,2%)	17 ⁷ / ₈	10	11	21 (15%)	
47	4	51	33 (70,2%)	3 (75%)	36 (70,6%)	7 ¹ / ₅	5	4	9 (27%)	
150	12	162	133 (88,6%)	5 (41,6%)	138 (85,1%)	15 ³ / ₁₀	8	12	20 (15%)	
101	32	133	98 (97,1%)	8 (25%)	106 (80%)	13 ² / ₈	10	6	16 (16%)	
169	6	175	148 (87,6%)	3 (50%)	151 (86,3%)	15 ¹ / ₁₀	9	13	22 (15%)	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили же- ланіе подвер- гнуться исп.			Не были допущены къ ис- пытанію.						Отсрочено исп.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимна- зисты		Посторон- ніе на ос- нованіи § 44 пунк- товъ:			Всего (и процент- ное со- держаніе къ зая- вившимъ желаніе.	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1. § 55.
				По мало-успѣш- ности.	По правдивой неложности.	а.	б.	в.			
<i>Виленскій:</i>											
8 правительств. гимназій.	79	6	85	1	—	2	—	—	3 (3,5%)	—	—
<i>Варшавскій:</i>											
18 правительств. гимназій.	166	10	176	13	—	—	—	—	13 (7,4%)	—	3 (4-й и 5 Варш. гимн.)
<i>Дерптскій:</i>											
11 правительств. гимназій.	167	61	228	—	—	—	—	—	—	1 (Гимн.)	—
<i>Западная Сибирь:</i>											
2 правительств. гимназій.	22	2	24	1	1	—	—	—	2 (8,3%)	—	1 (Посторо)
<i>Восточная Сибирь:</i>											
2 правительств. гимназій.	18	—	18	1	—	—	—	—	1 (5,5%)	—	1 (гимназ.)
Итого:											
Въ 117 правит. гимназіяхъ.	1505	225	1730	55	2	6	—	2	65	6 (5 гимна.)	6 (5 гимн.)
3 церковн. училищахъ.	—	—	25	2	—	—	—	—	2	—	—
4 частн. гимназіяхъ.	—	—	21	—	—	—	—	—	—	—	—
А всего:											
Въ 124 учебн. заведен.	1505	225	1776	57	2	6	—	2	67 (3,7%)	6	6

¹⁾ Въ Дерптскомъ округѣ медали раздавались только въ Рижской Александровской округа медали по уставу не полагаются.

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидетельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое училище.	Золотой.	Серебряной.	Всего (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
78	4	82	74 (94,9%)	—	74 (90,2%)	9 ² / ₈	6	9	15 (20%)
150	10	160	135 (90%)	3 (30%)	138 (86,2%)	7 ¹² / ₁₈	7	12	19 (14%)
166	61	227	143 (86,2%)	33 (54,1%)	176 (77,5%)	16	1	3	4 (57%) ¹⁾
20	1	21	19 (95%)	1 (100%)	20 (95,3%)	10	—	2	2 (10%)
16	—	16	14 (87,5%)	—	14 (87,5%)	7	—	1	1 (7%)
1438	215	1653	1305 (90,7%)	103 (47,9%)	1408 (85,1%)	12	—	—	—
—	—	23	—	—	23 (100%)	7,7	—	—	—
—	—	21	—	—	18 (85,7%)	4,5	—	—	—
1438	215	1697	1305	103	1449 (85,3%)	11,6	83	103	186 (15,9%)

гимнази, изъ 7 признанныхъ зрѣлыми 4 удостоены этой награды; въ другихъ гимназіяхъ

№ 3. Распределение признанных зрѣлыми по возрастамъ.

Учебные округа.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
		Число	Процентное отношеніе.	Число	Процентное отношеніе.	Число	Процентное отношеніе.	Число	Процентное отношеніе.	Число	Процентное отношеніе.
С.-Петербургскій.											
Ученики правител. гимназій . . .	143	3	—	28	—	47	—	32	—	33	—
» церковныхъ училищъ . . .	23	2	—	11	—	—	—	5	—	—	—
» частн. гимн.	11	1	—	4	—	1	—	4	—	1	—
Посторонніе.	27	1	—	4	—	4	—	5	—	13	—
Всего	204	7	3,4	47	23	57	27,9	46	22,5	47	23
Московскій.											
Ученики правител. гимназій . . .	228	12	—	53	—	69	—	53	—	41	—
» частн. гимн.	7	—	—	3	—	2	—	—	—	2	—
Посторонніе.	14	—	—	1	—	3	—	4	—	6	—
Всего	249	12	4,8	57	22,9	74	29,7	57	22,9	49	19,7
Казанскій.											
Ученики гимназій . . .	137	8	—	23	—	39	—	37	—	30	—
Посторонніе.	6	—	—	—	—	2	—	2	—	2	—
Всего	143	8	5,6	23	16,1	41	28,6	39	27,2	32	22,4

Учебные округа.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.	18-ти лѣтъ.	19-ти лѣтъ.	20-ти лѣтъ.	21-го года и болѣе.					
		Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.					
Оренбургскій.											
Ученики гимназій.	33	—	5	9	11	5					
Посторонніе. . . .	3	—	—	—	1	2					
Всего	36	3	8,3	5	14	9	25	12	33,3	7	19,4
Харьковскій.											
Ученики гимназій.	133	4	—	34	—	38	—	33	—	24	—
Посторонніе. . . .	5	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—
Всего	138	4	2,9	34	24,6	38	27,5	33	23,9	29	21
Одесскій.											
Ученики гимназій	98	—	—	15	—	31	—	25	—	27	—
Посторонніе. . . .	8	2	—	1	—	—	—	4	—	1	—
Всего	106	2	1,9	16	15,1	31	29,2	29	27,3	28	26,4
Кіевскій.											
Ученики гимназій.	148	6	—	25	—	39	—	37	—	41	—
Посторонніе. . . .	3	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—
Всего	151	6	4	25	16,5	40	26,5	37	24,5	43	28,5

Учебные округа.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе	
		Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.
Виленскій.											
Ученики гимназій.	74	4	—	13	—	16	—	16	—	25	—
Посторонніе . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего . .	74	4	5,4	13	17,6	16	21,6	16	21,6	25	33,8
Варшавскій.											
Ученики гимназій.	135	11	—	35	—	39	—	35	—	15	—
Посторонніе . . .	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—
Всего . .	138	11	8	35	25,4	39	28,2	35	25,4	18	13
Дерптскій.											
Ученики гимназій.	143	11	—	28	—	40	—	32	—	32	—
Посторонніе . . .	33	1	—	2	—	7	—	11	—	12	—
Всего . .	176	12	6,8	30	17,1	47	26,7	43	24,4	44	25
Западная Сибирь.											
Ученики гимназій.	19	1	—	2	—	7	—	3	—	6	—
Посторонніе . . .	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Всего . .	20	1	5	3	15	7	35	3	15	6	30

Учебные округа.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.	
Восточная Сибирь.											
Ученики гимназій.	14	—	—	1	7,1	5	35,7	4	28,6	4	28,6
Итого: учениковъ правительственныхъ гимназій .	1305	63	4,8	262	20,1	379	29	318	24,3	283	21,7
учениковъ церковныхъ училищъ	23	2	8,7	11	47,8	5	21,7	5	21,7	—	—
» частныхъ гимназій	18	1	5,5	7	38,9	3	16,7	4	22,2	3	16,7
Постороннихъ .	103	4	3,9	9	8,7	17	16,5	27	26,2	46	44,7
А всего. . .	1449	70	4,8	289	20	404	27,9	354	24,4	332	22,9
Maximum	249 Москов.	8,3% Оренбург.		25% Варшав.		29,7% Московск. Сибирь.		33,3% Оренбург.		33,8% Виленск.	
Minimum	36 Оренбург. Сибир.	1,9% Одескій. В.Сибирь.		14% Оренбург. В. Сибирь.		21,6% Виленск.		21,6% Виленск. З. Сибирь.		13% Варшавск.	

1000
1000
1000

80
90

№ 5.

СПИСОКЪ ГИМНАЗИСТОВЪ, УДОСТОВЕРЕННЫХЪ ВЪ 1877 ГОДУ
АТТЕСТАТА ЗРѢЛОСТИ, ОТЪ КОТОРЫХЪ УЧЕБНОЕ ИХЪ НА-
ЧАЛЬСТВО ОЖИДАЛО ДАЛЬНѢЙШИХЪ УСПѢХОВЪ ВЪ НАУ-
КАХЪ.

№ 5. Списокъ гимназистовъ, удостоенныхъ въ 1877 году аттестата зрѣлостныхъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназін, въ конхъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
С.-Петербургскій	С.-Петербургская 1-я	Вознесенскій Владимиръ (Спб. университета).
	» 2-я	—
	» 3-я	Барбашевъ (Спб. унив.).
	» 6-я	Бусовъ Николай (Спб. унив.). Семеновъ Викторъ (Спб. унив.).
	Брештатская	Семирадскій Тома (Лейпциг. филолог. семинарію).
	Царскосельская	—
	Псковская	Жгерскій (Спб. историко-филолог. институтъ).
	Вологодская	Лошвовъ (Спб. историко-филолог. институтъ).
Архангельская	—	
Итого	(9)	7
Московскій	Московская 1-я	Миллюковъ, князь Долгоруковъ, Стрѣльцовъ и Шамоинъ (Моск. универс.).
	» 3-я	—
	Ярославская	—
	Тверская	Успенскій и Смоленскій (Моск. универс.).
	Тульская	Березницкій (Москов. унив.).
	Бостромская	Лавровъ (Москов. унив.).
	Смоленская	Зубовъ и Дурасовичъ (Москов. универс.).
	Владимірская	—
	Вяземская	Акуловъ и Ѳедотовъ (Москов. универс.).
	Елецкая	Видловскій и Хрущовъ (Моск. универс.).
	Нижегородская	Альмедингенъ (Спб. универс.).
Нижегородскій вист.	Пусковъ Сергій (Москов. ун.).	
Лазаревскій вистит.	Чарыховъ и Перешиваловъ (Моск. универс.).	
Итого	(13)	18

ности, отъ которыхъ учебное ихъ начальство ожидало дальнѣйшихъ въ наукахъ.

истовъ съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ кои имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	В СЕГ О.
—	Шуленниковъ Николай (Спб. ун.). Вознесенскій Алексѣй (Спб. унив.).	Петровъ Павелъ (?). Ларионовъ Дмитрій (Медико-Хирург. Акад.). Бубновъ (?).	
—	—	—	
—	Богдановскій Владиміръ (Спб. ун.).	Михайловъ Владиміръ (?).	
—	—	Мудвиогнъ Владиміръ (?).	
Александровъ Николай (Спб. универс.)	—	—	
—	—	—	
Сулъчевъ (Москов. унив.)	—	—	
Титрофановъ Павелъ (Спб. ун.).	—	Левановскій Николай (Медико-Хирург. Акад.).	
3	3	6	19
—	—	—	
Сверовъ (Москов. унив.)	—	Гурбатовъ (Моск. унив.)	
Сваевъ (Москов. унив.)	—	—	
—	—	Владиславлевъ и Рубцовъ (Москов. унив.)	
Докровскій и Предтеченскій (Москов. унив.)	—	—	
Сидягинъ (Москов. унив.)	—	—	
—	—	—	
Судрявцевъ (Москов. унив.)	—	—	
—	—	—	
Ростовцевъ Александръ (Моск. универс.)	—	Ростовцевъ Иванъ (Моск. универс.)	
—	—	—	
Сидягинъ Александръ (Спб. ун.)	—	—	
—	—	Казанскій (Моск. унив.)	
8	—	5	31

УЧЕБНЫЕ ОБРУГВ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимна
		Историко-филологическіи
Казанскій	ИМП. Казанская 1-я	—
	Казанская 2-я	Шоввинъ (Лейпц. семн.).
	» 3-я	Братухинъ, Спасскій, Усаннъ (Казан. унив.).
	Сибирская	—
	Самарская	Лозановъ, Щегловъ (?).
	Саратовская	Никифоровъ (Лейпц. семн.).
	Вятская	Короваевъ (Историко-филолог. инстит.).
	Астраханская	—
Итого	(8)	8
Оренбургскій	Оренбургская	—
	Уральская	Янецъ (Историко-филолог. инст.).
	Пермская	—
	Уральская Екатеринбургская	Иконниковъ, Владиміръ (Сиб. универс.).
Итого	(5)	2
Харьковскій	Сумская	—
	Воронежская	Бунинъ (Моск. унив.).
	Певзенская	—
	Новочеркасская	Уваровъ и Мержановъ (Харьк. универс.).
	Усть-Медвѣдичкая	Ульявовъ (Моск. унив.).
Итого	(5)	4

стествовъ, съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ кои имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
Гордочъ (Спб. унив.).	Ципловскій (Казан. универс.).	Гордочъ и Ястребовъ (Казан. унив.). Эманъ (Казан. унив.).	
Канонниковъ, Кошвинскій (Медико-Хирург. Акад.). Дешке (Казан. унив.). Кубышевъ (Моск. унив.). Шаровскій, Быковъ и Пльинскій (?).	—	Канонниковъ и Кошвинскій (Медико-Хирург. Акад.). Дешке (Казан. унив.). Кубышевъ (Моск. унив.). Шаровскій, Быковъ и Пльинскій (?). Петровъ (Медико-Хирург. Акад.).	
Петровъ и Тронцкій (Спб. универс.).	—	—	
Петровскій, Голубевъ, Григорьевъ (Спб. унив.).	—	—	
11	1	11	31
Каменевъ (Спб. унив.).	Суюнучъ - Галиевъ (Спб. универс.).	Каменевъ (Медико-Хирург. Акад.).	
Крупенинъ (Спб. унив.).	—	Крупенинъ (Медико-Хирург. Акад.).	
Скворкинъ (Спб. унив.).	—	Скворкинъ (Казан. унив.). Церквицкій (Медико-Хирург. Акад.).	
3	1	4	10
Пономаренко (Харьк. унив.).	—	Пономаренко (Моск. ун.).	
Адакаевскій (Харьк. унив.).	—	Адакаевскій, Евграфовъ и Пгнатъевъ (?).	
Фуконевскій (Харьк. унив.).	—	Фуконевскій (Харьк. унив.).	
Петровъ (Моск. унив.).	—	—	
4	—	5	13

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Одесскій	Ришельевская	Брауенгеймеръ Сергій (Новороссійскій универс.)
	Херсонская	Воскресенскій Алексій (Историко-филолог. инстит.)
	Таганрогская	—
	Симферопольская	—
	Керченская	—
Итого	(5)	2
Кіевскій	Кіевская 1-я	—
	» 2-я	Чистяковъ Дмитрій (унив. св. Влад.)
	Житомирская	—
	Каменецъ-Подольская	Фавицкій Владиміръ (унив. св. Влад.)
	Полтавская	Макаренко Андрей (Московский универс.), Печай Павелъ (университетъ св. Влад.)
	Итого	(5)
Виленскій	Виленская	—
	Ковенская	Смѣлянскій Никита (Московский универс.)
	Гродненская	—
	Минская	Миткевичъ Константинъ (Историко-филолог. инст.)
	Слуцкая	Ахраловичъ Юсифъ (Московский универс.)
	Витебская	Чулицкій Владиміръ и Левицкій Аркадій (Слб. унив.)
	Могилевская	Браузе Владиміръ (Нѣжинскій историко-филолог. инст.)
Итого	(7)	6

ИСТОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОИ
ИМѢЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	В СЕГ О.
—	—	—	
—	—	—	
айеръ Сергѣй (Спб. унив.).	—	Муженко, Иордановъ, Бру- симовскій, Бархатъ и Розенблюмъ (Медико- Хирург. Акад.).	
есслеръ Александръ (Новор. универс.).	Субашіевъ Эмману- иль (Новор. ун.).	—	
ейвишъ, Самуиль, Кабановъ Сибровичъ (Спб. унив.).	—	—	
5	1	5	13
имонъ Никита и Студеницкій Алексѣй (унив. св. Влад.).	Крыжановскій Вла- диміръ, Страховъ Владиміръ (унив. св. Влад.).	—	
—	Шефтель Моисей (Спб. унив.).	Кереновскій Петръ и Ко- вальскій де-Шмиденъ (унив. св. Влад.).	
—	—	Подвысоцкій Владиміръ (унив. св. Влад.).	
—	—	—	
—	—	Ещинъ и Твердохлѣбовъ (унив. св. Влад.).	
2	3	5	14
едоровъ Михаилъ (Спб. унив.).	Федоровъ Венед. (Спб. унив.).	Врублевскій Фаддей (Ме- диико-Хирург. Акад.).	
—	Ферсноръ Алек- сандръ (Спб. ун.).	—	
вановъ Никита (Спб. унив.).	Бахъ Феодоръ (Спб. универс.).	—	
одзинскій (Спб. унив.).	—	Гурвичъ Исаакъ (Меди- ко-Хирург. Акад.).	
—	—	—	
риго Брониславъ (Спб. ун.).	—	—	
—	—	—	
4	3	2	15

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназій, въ коихъ они обучались.	Имена гимна
		Историко-филологическій.
Варшавскій	Варшавская 1-я	—
	» 2-я	Ковицъ Генрихъ (Слб. унив.)
	» 4-я	—
	» 5-я	Энглертъ Осипъ (Моск. унив.)
	» 6-я	—
	Калишская	—
Кѣлецкая	Кѣлецкая	—
	Люблинская	Давидъ Владиславъ (Варшав. универс.)
	Холмска	—
	Сѣлецкая	Корабевичъ Тома (Слб. унив.)
	Бѣльская	Зухмантовичъ Федось (Нѣжин. историко-филолог. инстит.)
	Сувацкая	—
	Мариампольская	Выгодскій Яковъ (Слб. унив.)
Итого	(13)	6
Дерптскій	Рижская губернская	Клевартъ Артуръ, Беренгритъ Александръ (Дерпт. унив.)
	» городская	—
	» Александровскъ	—
	Ревальская губернская	Розенфельдъ Рихардъ (Лейпц. филолог. семин.)
	Дерптская	Штернъ Эрнстъ и Лепиусъ Юсифъ (Лейпц. филолог. семин.)
Аренбургская	—	

ИСТОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОИ
ИМѢЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
Обинскій и Поплавскій (Варш. универс.).	Лагодовскій Августъ (Варш. унив.).	Полякъ Соломонъ (Меди-ко-Хирург. Акад.).	
—	Курбатовъ Мордко (Спб. унив.).	—	
—	Этингеръ Енохъ (Моск. унив.).	—	
Кубантъ Ксаверій (Варш. ун.).	—	—	
—	—	—	
—	Любомудровъ Гавриилъ (Варшавск. унив.).	—	
—	Домбровскій Осипъ (Варш. унив.).	Каминскій Адамъ (Варш. унив.).	
—	Соколовскій Станиславъ (Спб. ун.).	—	
—	Пясецкій Осипъ (Варш. унив.).	—	
Щукъ Василій (Моск. унив.).	—	—	
—	—	Купаховичъ Константинъ (Варш. унив.).	
—	—	Ротерозень Моисей (Меди-ко-Хирург. Акад.).	
—	—	—	
4	7	4	21
—	Штрандманъ, Циммерманъ, Транзее, Энгельгардъ (Дерпт. унив.).	Шейрманъ Евгеній (Богосл. фак. Дерпт. ун.).	
—	Фелькерзаамъ и Садовскій (Спб. ун.).	—	
—	Бульмеринкъ Августъ (Дерпт. ун.).	Вахтеръ Филиппъ (Дерпт. унив.).	
—	Кашкадамовъ Августъ и Кроль Юлій (Спб. ун.).	—	
—	—	Вельбергъ Юганъ (Дерпт. унив.).	
—	—	Бергмамъ и Гюргенсъ (Богосл. фак. Дерпт. ун.).	
—	Миндлеръ Эрнстъ (Моск. унив.).	Брюль Людвигъ и Эрнстъ Ростиславъ (Дерпт. ун.).	
не Христлибъ (Дерпт. унив.).	—	Адеркасъ Оттомаръ (Дерпт. унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимна
		Историко-филологическій.
	Митавская	Вейнбергъ Карлъ (Лейпц. фи семи.).
	Гольдингенская	Краузе Эбергартъ и Фрейбергъ Теодоръ (Дерпт. унив.). Розенштейнъ Яковъ (Москов. универс.).
Итого . . .	(8)	9
Восточная Сибирь . .	Иркутская	—
Всего . . .	79 изъ 117	66

зистовъ съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ кои имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	В С Е Г О.
— Грундманъ Вильгельмъ (Дерпт. универс.).	Вундербаръ Іосифъ (Дерпт. унив.). Тарашкевичъ Станиславъ (Спб. ун.). Шмидтъ Густавъ (Дерпт. унив.).	Коске Рихардъ (Богосл. фак. Дерпт. унив.). Гольцъ Георгъ (Дерпт. унив.). Озе Яковъ (Богосл. фак. Дерпт. унив.).	
2	13	6 и Богосл. 5	35
Юринскій и Неустроевъ (Спб. универс.).	—	Буляковъ (Медико - Хирург. Акад.).	
48	32	54 и Богосл. 5	205

ОТКРЫТІЕ УЧИТЕЛЬСКАГО ИНСТИТУТА ВЪ ОРЕНБУРГѢ.

Мысль объ учрежденіи учительскаго института въ Оренбургѣ возникла еще въ началѣ 1876 года. Тогда же г. попечитель Оренбургскаго округа освѣдомился у г. Оренбургскаго генераль-губернатора, не найдено ли будетъ возможнымъ уступить для сей цѣли одно изъ зданій военнаго вѣдомства, находящихся въ Оренбургѣ. Генералъ-адъютантъ Крыжановскій, заботливости коего большая часть учебныхъ заведеній Оренбургскаго учебнаго округа обязана своимъ устройствомъ и вѣшнимъ благосостояніемъ, изъявилъ полную готовность уступить для института прекрасное зданіе, служившее прежде помѣщеніемъ Неплюевского кадетскаго корпуса, а потомъ военной гимназіи. Заручившись согласіемъ на такое пожертвованіе, г. попечитель отвѣчалъ на запросъ, сдѣланный ему г. министромъ народнаго просвѣщенія, слѣдующее: „Вашему сіятельству угодно было спросить меня—не признаю ли я необходимымъ учрежденіе въ Оренбургскомъ округѣ учительскаго института, съ присовокупленіемъ подробныхъ соображеній о той мѣстности, въ которой, по моему мнѣнію, слѣдовало бы открыть этотъ институтъ, способовъ помѣщенія онаго и времени, съ котораго учрежденіе такого учебнаго заведенія было бы желательно и возможно. Узнавъ о такомъ предложеніи вашего сіятельства въ Петербургѣ и не считая себя въ правѣ замедлить съ своей стороны рѣшеніемъ столь важнаго вопроса, я, независимо отъ возможнаго отвѣта изъ Оренбурга, при посредствѣ управляющаго округомъ, позволяю себѣ высказать здѣсь же мнѣніе свое, такъ какъ данныя, необходимыя для него, не требуютъ особыхъ справокъ. Необходимость

учительскаго института въ Оренбургскомъ округѣ не нуждается въ моихъ глазахъ даже и въ доказательствахъ: такъ она справедлива и убѣдительно. Достаточно обратить вниманіе на полное отсутствіе собственнаго контингента учителей въ Оренбургскомъ округѣ не только для среднихъ учебныхъ заведеній, но въ значительной степени и для низшихъ, чтобы считать мысль объ учительскомъ институтѣ самую благодѣтельною для всего восточнаго края. На сколько ощутительна и велика нужда въ подобномъ учрежденіи, наглядно опредѣляется уже не разъ возникавшимъ ходатайствомъ нѣкоторыхъ городовъ объ открытіи у нихъ городскихъ училищъ и отказами въ такомъ ходатайствѣ единственно по неимѣнію приготовленныхъ преподавателей. Въ примѣръ приведу городъ Стерлитамакъ (Уфимской губерніи), ходатайство коего отклонено самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія; городъ Орскъ (Оренбургской губерніи), гдѣ, по моему предложенію, устроено приходское училище вмѣсто желаемаго городского; въ Пермской губерніи города Оса и Чердынъ получили разрѣшеніе условное, въ виду настоятельнѣйшей нужды въ учебныхъ заведеніяхъ и самаго усиленнаго ходатайства, но учителя назначены лишь временно—или до выдержанія ими установленнаго испытанія, или до подготовки спеціальныхъ преподавателей для городскихъ училищъ. Не упоминаю о другихъ городахъ, въ которыхъ намѣреніе устроить городскія училища останавливалось при самомъ началѣ, благодаря личнымъ объясненіямъ учебнаго начальства съ городскими властями. Чѣмъ шире распространяется потребность въ обученіи и образованіи, вслѣдствіе новыхъ условій жизни общественной и государственной, и чѣмъ меньше въ прежнее время заготовлено было средствъ для этого въ заволжской сторонѣ Россіи, тѣмъ рѣшительнѣе нынѣ обнаруживается тамъ готовность учреждать учебныя заведенія, тѣмъ осязательнѣе невозможность удовлетворить такой готовности педагогическими силами. Уѣздныя училища доживаютъ свой вѣкъ, а потому къ открытію ихъ вновь не замѣчается желанія; впрочемъ удовлетворительное снабженіе и этихъ училищъ преподавателями встрѣчаетъ не мало препятствій и многіе города продолжаютъ оставаться безъ тѣхъ учебныхъ заведеній, которыми интересуются граждане и на содержаніе коихъ готовы отпускать необходимыя средства. Въ виду столь неутѣшительнаго положенія Оренбургскаго округа, я смѣло утверждаю, что устройство учительскаго института составляетъ неотложную необходимость, несравненно большую, чѣмъ въ какомъ либо другомъ учебномъ округѣ Россіи. Не исключаю при этомъ и Сибири, которая,

по крайней мѣрѣ, для западныхъ своихъ областей, можетъ не безъ удобства содержать стипендіатовъ и въ Оренбургскомъ институтѣ. Что касается до мѣстности, гдѣ было бы удобнѣе открыть упомянутый институтъ, то многія весьма вѣскія соображенія побуждаютъ меня предпочесть городъ Оренбургъ. Здѣсь, во-первыхъ, сосредоточено окружное учебное управленіе, ностоянный и бдительный надзоръ коего не можетъ не оказать добраго вліянія на успѣхи заведенія и въ нравственномъ, и въ педагогическомъ отношеніяхъ; во-вторыхъ Оренбургъ представляетъ наиболѣе учебныхъ силъ и средствъ, которыя будутъ увеличиваться, благодаря удобству сообщенія посредствомъ почти готовой желѣзной дороги въ Самару и Сызрань; затѣмъ Оренбургъ составляетъ до сихъ поръ центръ главнаго административнаго управленія, къ которому тяготѣетъ наибольшая часть территоріи учебнаго округа—губерніи Оренбургская и Уфимская и области Уральская и Тургайская. Въ то время, какъ Пермь, вслѣдствіе пароходнаго сообщенія по Камѣ и Волгѣ до самой Самары, не можетъ встрѣтить особаго затрудненія для помѣщенія своихъ стипендіатовъ въ Оренбургскомъ институтѣ, едвали оказалось бы достаточно учащихся не только изъ области Уральской и губерніи Оренбургской, но и изъ восточныхъ частей Уфимской губерніи, если бы пришлось устроить институтъ въ Перми. Наконецъ, ни въ какой другой мѣстности не было бы такъ легко, какъ въ Оренбургѣ пріискать даровое, готовое и удобное зданіе подъ институтъ, ибо въ этомъ городѣ находится не мало казенныхъ домовъ военнаго вѣдомства, свободныхъ отъ употребленія. Прилагаемое при семъ письмо генераль-губернатора, генераль-адъютанта Крыжановскаго служитъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ справедливости моихъ словъ: уступаемый имъ каменный въ два съ половиною этажа домъ—одно изъ лучшихъ зданій города Оренбурга, на лучшей его улицѣ, представляетъ вполне удобное помѣщеніе какъ по прочности своей, такъ и по обширности принадлежащаго ему пустаго мѣста. Вліяніе городской жизни на воспитанниковъ не можетъ оказаться опаснымъ, такъ какъ Оренбургъ далеко не предлагаетъ тѣхъ соблазновъ и развлеченій, какими отличаются даже нѣкоторые уѣздные города средней Россіи“.

Дѣло объ учрежденіи института было внесено на разсмотрѣніе его въ законодательномъ порядкѣ и 28 декабря 1876 года было высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта объ открытіи Оренбургскаго учительскаго института съ 1-го іюля 1877 года, съ отнесеніемъ всего расхода по содержанію онаго на средства казны и съ

единовременнымъ отпускомъ, изъ того же источника, 10000 руб. на первоначальное обзаведеніе и приспособленіе помѣщенія института.

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Уступленное военнымъ вѣдомствомъ зданіе было занято башкирскимъ эскадрономъ, который могъ очистить его лишь къ концу 1877 года. Съ другой стороны оказалось необходимымъ ремонтировать его во всѣхъ частяхъ и даже капитально. Вслѣдствіе того нельзя было и думать объ открытіи института въ означенный выше срокъ.

Попечитель округа ходатайствовалъ о разрѣшеніи отложить открытіе института до 1-го іюля 1878 года съ употребленіемъ всей суммы, назначенной по штату на содержаніе его въ теченіе перваго учебнаго года, на исправленіе, надлежащее приспособленіе и расширение уступленныхъ ему изданій и ходатайство это было уважено.

Между прочимъ оказалось необходимымъ сдѣлать въ зданію, предназначенному для института, двѣ значительныя пристройки, стоимость коихъ, вмѣстѣ со стоимостью ремонта и другихъ расходовъ, значительно превысила сумму въ 28,900 руб., ассигнованную на сей предметъ, а потому г. министромъ было разрѣшено присоединить къ означенной суммѣ и тѣ 10,000 руб., которые сначала предполагалось употребить на первоначальное обзаведеніе института. Что же касается до снабженія его разными учебными пособиями, коллекціями и т. п., то на это разрѣшено было употребить остатки отъ содержанія института въ 1878 и 1879 годахъ, имѣющіе составить по приблизительному исчисленію до 8,000 руб.

Такимъ образомъ осуществилась мысль объ учрежденіи учительскаго института въ Оренбургѣ. Приемныя испытанія были произведены въ половинѣ августа, а открытіе его послѣдовало 30-го числа того же мѣсяца, въ высоторжественный день тезоименитства Государя Императора. Еще наканунѣ главный корпусъ института былъ убранъ флагами, придававшими ему совершенно праздничный видъ. Затѣмъ, въ самый день открытія, предъ литургіей, директоръ института собралъ въ актовомъ залѣ всѣхъ служащихъ и воспитанниковъ и объяснилъ имъ важность обязанностей, лежащихъ на нихъ. Всѣ отправились сначала въ ближайшую Вознесенскую церковь для слушанія литургіи и молебствія о здравіи Государя Императора, а затѣмъ въ соборъ. Торжество открытія происходило въ залѣ заведенія въ присутствіи мѣстнаго преосвященнаго, г. генераль-губернатора, попечителя округа и другихъ начальствующихъ лицъ.

Г. попечитель округа вошелъ на кафедру и объявивъ объ откры-

ти по высочайшему повелѣнію института, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Мм. Гг. кто изъ васъ дозволить себѣ усумниться въ чувствѣ истиннаго счастья тѣхъ, кому Провидѣніе и благопріятныя условія дадутъ возможность или открывать новые разсадники просвѣщенія, или же способствовать къ открытію ихъ? Такое чувство испытываетъ въ настоящую минуту мѣстное учебное начальство, пригласившее васъ на новое торжество въ его скромной, чуждой шума и грома, но тѣмъ не менѣе глубоко полезной сферѣ. Было бы грѣхомъ не похвалиться тѣмъ, что подобныя торжества не рѣдки въ Оренбургскомъ краѣ, особенно въ центрѣ его, въ самомъ Оренбургѣ, гдѣ не проходитъ и трехъ лѣтъ сряду, чтобы не возникало какое-либо учебно-воспитательное заведеніе, удовлетворяющее новымъ или усиленнымъ запросамъ на образованіе.

„Назначеніе учительскихъ институтовъ состоитъ въ приготовленіи учителей для городскихъ училищъ, которыя предназначены замѣнить существовавшія у насъ въ теченіе трехъ четвертей вѣка училища уѣздныя. Уѣздныя училища, первоначально проектированныя еще въ 1803 году и окончательно организованныя уставомъ 1828 года, давно уже обнаружили невозможность удовлетворять предназначенной для нихъ цѣли, а именно „дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей, вмѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго образованія, доставить тѣ свѣдѣнія, кои, по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ наиболѣе полезны“. Курсъ ихъ не соответствовалъ практическому ихъ назначенію, будучи исключительно теоретическимъ. Если и допущено было открытіе при нихъ особыхъ дополнительныхъ курсовъ для обученія искусствамъ и наукамъ, наиболѣе пригоднымъ для торговаго и промышленнаго быта, то и это не помогало дѣлу главнымъ образомъ потому, что общій теоретическій курсъ училищъ уѣздныхъ ни по количеству и качеству познаній, ни по развитію учащихся не подготавливалъ ихъ къ слушанію дополнительныхъ курсовъ. Присоединимъ къ этому отсутствіе всякой связи курса уѣздныхъ училищъ съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній, ограниченность свѣдѣній, сообщаемыхъ учащимся, и мы легко поймемъ, почему третій классъ уѣздныхъ училищъ оставался почти пустымъ, почему такъ часто трехклассныя уѣздныя училища преобразовывались въ двухклассныя или приходскія; почему наконецъ, все чаще отъ земствъ и городскихъ обществъ поступали ходатайства о совершенномъ ихъ преобразованіи.

„Новыя городскія училища, учреждаемыя въ замѣнъ уѣздныхъ, должны, по мысли министерства народнаго просвѣщенія, доставлять правильное элементарное, религіозно-нравственное и умственное образованіе, составляющее общую основу для всего дальнѣйшаго ученія и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщать, на сколько возможно, такія прикладныя познанія, которыя соотвѣтствуютъ нуждамъ мѣстнаго городского населенія. Установивъ въ системѣ городскихъ училищъ высокое начало религіозно-нравственнаго и народнаго значенія элементарнаго образованія, министерство не забыло въ подробномъ устройствѣ этихъ училищъ и такихъ начальныхъ познаній, которыя необходимы какъ для продолженія основательнаго систематическаго общаго образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и для усвоенія первоначальныхъ прикладныхъ знаній. Проектъ министерства, по обсужденіи его въ государственномъ совѣтѣ, былъ удостоенъ высочайшаго утвержденія 31-го мая 1872 года. Но новыя училища требуютъ и новыхъ дѣятелей, вполне подготовленныхъ для нихъ. Понятно поэтому, что открытіе институтовъ учительскихъ должно было предшествовать устройству училищъ городскихъ. Не прежде 1874 года появились первые институты, пока только въ столицахъ,—Петербургѣ и Москвѣ; лишь въ слѣдующіе два разрѣшено было открыть институты — въ Вильнѣ, Феодосіи, Глуховѣ, Казани и Бѣлгородѣ. Такимъ образомъ къ концу 1876 года оказалось семь институтовъ, частію уже открытыхъ, большею же частію только разрѣшенныхъ.

„При такомъ недавнемъ началѣ новаго учрежденія—думать о скоромъ возникновеніи его и въ Оренбургскомъ округѣ не представлялось большой и вѣрной надежды. Однако учительскій институтъ нынѣ возникаетъ и у насъ. Этотъ фактъ лучше всего указываетъ на заботливость правительства объ успѣхахъ просвѣщенія въ нашемъ краѣ“.

Г. попечитель сообщилъ здѣсь различныя подробности о томъ, какимъ путемъ шло дѣло объ учрежденіи института. Онъ заключилъ свою рѣчь словами:

„Объявляя учительскій институтъ открытымъ, позволяю себѣ пригласить васъ, мм. гг., присоединиться къ намъ въ благодареніи Господу Богу за Его милости и въ молитвахъ своихъ выразить горячія пожеланія благоденствія Тому, изъ рукъ кого какъ непрерывно и щедро изливаются блага на Русскую землю“.

Г. генераль-губернаторъ обратился къ присутствовавшимъ съ слѣ-

дующими словами: „Мм. гг., изъ прекрасной рѣчи многоуважаемаго попечителя вы ознакомились съ цѣлью открытаго нынѣ заведенія. Значеніе его чрезвычайно важно; оно должно готовить людей, при посредствѣ которыхъ будутъ распространяться въ народѣ здравыя познанія, основанныя на религіозныхъ началахъ и на ясномъ пониманіи обязанностей простаго русскаго гражданина передъ Государемъ, отечествомъ и обществомъ. Конечно, съ сокрушеннымъ сердцемъ вы слѣдили за проявленіемъ въ послѣднее время въ нашемъ отечествѣ какой-то партіи непрошенныхъ сумасбродовъ, ищущихъ основать благоденствіе Русскаго народа на неуваженіи существующихъ законовъ, на ниспроверженіи всякаго порядка, на неповиновеніи властямъ, на крови ничѣмъ неповинныхъ жертвъ; отнимите только у людей этой партіи почву подъ ихъ ногами, то-есть учите простой народъ мыслить правильно, руководиться религіею и уважать законъ, и партія эта исчезнетъ сама собою. Заведеніе, сегодня открытое, должно достигать этой благой цѣли и потому-то я и назвалъ его чрезвычайно важнымъ. Конечно, милости Государя Императора мы прежде всего обязаны созданиемъ нашего института; но не должны мы забывать въ благодарности нашей и заботъ г. министра народнаго просвѣщенія и нашего почтеннаго попечителя. А потому съ радостнымъ сердцемъ я приглашаю васъ. мм. гг., помолитесь вмѣстѣ съ нашимъ архипастыремъ о драгоцѣнномъ здравіи Государя Императора и всѣхъ членовъ Августѣйшей Фамиліи, а также о здравіи графа Дмитрія Андреевича Толстаго и попечителя Оренбургскаго учебнаго округа Петра Алексѣевича Лавровскаго“.

Послѣ сего преосвященный, съ соборнымъ духовенствомъ и законоучителями всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Оренбурга, совершилъ молебствіе съ водосвятиемъ, по окончаніи коего, предъ выносомъ креста, исправляющій должность законоучителя института, священникъ Поспѣловъ произнесъ приличное торжеству слово.

По окончаніи молебствія генералъ-губернаторъ и прочіе посѣтители осматривали зданіе во всѣхъ частяхъ: высокія и свѣтлыя комнаты, чистая отдѣлка ихъ и вполне приличная обстановка какъ классовъ, такъ дортуаровъ и другихъ помѣщеній произвели на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе. Отовсюду раздавались похвалы. Затѣмъ всѣ возвратились въ актовъй залъ, гдѣ директоръ института В. И. Филомаитскій произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Мм. гг., на нашу долю выпало быть свидѣтелями небывалаго доселѣ развитія учебнаго дѣла. Въ самое короткое время, въ какіе ни-

Будь 10—12 дѣтъ открыта цѣлая масса учебныхъ заведеній. И счастьемъ этимъ призваны пользоваться всѣ сословія и всѣ возрасты, начиная съ тѣхъ, кто ищетъ науки въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова и кончая тѣми, кому нужно лишь среднее и начальное образованіе. Другая характеристическая особенность учебнаго дѣла за упомянутый періодъ времени сказывается въ замѣчательной основательности предпринятыхъ мѣропріятій и въ необыкновенной послѣдовательности усвоенныхъ принциповъ. Здѣсь не было ломки, столь вредной въ дѣлѣ образованія и воспитанія.

„Открытое нынѣ учебное заведеніе имѣетъ цѣлью содѣйствовать начальному образованію. Еще очень недавно у насъ мало прилагали старанія къ просвѣщенію массы, но не такъ посмотрѣлъ на это нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія. Въ своемъ первомъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ графъ Д. А. Толстой высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Во всѣ предшествовавшія Вашему Величеству царствованія обращалось почти исключительное вниманіе правительства на высшія и среднія учебныя заведенія; къ образованію же массы народа, для которой высшее и среднее образованіе, говоря вообще, недоступно, приложено было мало заботъ. Оставаясь при убѣжденіи, что слѣдуетъ всачески содѣйствовать большому развитію науки въ университетахъ и укорененію ея въ нашемъ обществѣ, а также принимать мѣры къ увеличенію числа гимназій и упроченію въ нихъ основательнаго ученія, я смѣю думать, что отличительная черта просвѣтительнаго царствованія Вашего Величества повѣдомству всемилостивѣйше ввѣреннаго мнѣ министерства должна состоять въ образованіи народа“. Нельзя не видѣть въ такомъ взглядѣ, давно уже прилагаемомъ къ дѣлу, вполне надежныхъ залоговъ къ преуспѣянію нашего дорогаго отечества. Недостаточность просвѣщенія въ низшихъ слояхъ общества—самый главный недугъ Русскаго народа, мѣшающій ему пользоваться, какъ должно, предоставленными ему благами; противъ этого то недуга и призваны дѣйствовать, въ числѣ прочихъ учебныхъ заведеній, учительскіе институты и учительскія семинаріи. И тѣ, и другія имѣютъ цѣлью приготовленіе учителей—первые для высшихъ начальныхъ учебныхъ заведеній, такъ называемыхъ городскихъ училищъ, послѣднія—для сельскихъ школъ.

„Говорить что-либо о полной цѣлесообразности такихъ учрежденій я считаю совершенно излишнимъ. Кто не знаетъ, что хорошій учитель составляетъ первую и существеннѣйшую потребность всякой

школы. Дайте школѣ отличное помѣщеніе, богатыя учебныя коллекціи, хорошія средства; но если у ней не будетъ толковаго учителя, она окажется не только бесполезною, но даже вредною и лишь напрасно будетъ отрывать дѣтей отъ домашнихъ занятій. И на оборотъ: свѣдущій и толковый учитель, при самыхъ скудныхъ средствахъ, при самой жалкой обстановкѣ школы, сумѣетъ принести пользу. Распространеніе школъ крайне необходимо, но ихъ можно открывать только тогда, когда представляется возможность снабдить ихъ хорошими преподавателями. Нѣтъ несправедливѣе мнѣнія, какъ то, что учить и воспитывать можетъ всякій. Даже не всякій, имѣющій отличныя знанія, можетъ быть хорошимъ преподавателемъ и воспитателемъ. Для этого требуются особенныя способности и серьезная подготовка. Вотъ почему учрежденіе учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій слѣдуетъ признать однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ событій настоящаго царствованія: они ставятъ дѣло начальнаго образованія на твердую и вѣрную почву, обезпечивая его съ самой главной стороны. Въ нихъ учащіеся не только приобрѣтаютъ необходимыя знанія, но и практически ознакомляются, въ устраиваемыхъ при этихъ заведеніяхъ образцовыхъ училищахъ, съ различными методами и приемами преподаванія и воспитанія. Остается только желать, чтобы институты и семинаріи какъ можно болѣе размножались.

„Что касается до нашего учебнаго округа, то учрежденіе въ немъ института имѣетъ особенное значеніе. Развитие начальнаго образованія особенно необходимо въ мѣстностяхъ, смежныхъ съ Сибирью. Здѣсь весьма значительная часть населенія принадлежитъ къ инородческимъ племенамъ, просвѣщеніе которыхъ давно уже признано одною изъ существеннѣйшихъ потребностей государства. Но просвѣщеніе это можетъ совершаться двоякимъ путемъ: путемъ школьнаго образованія и воспитанія, уже усвоеннымъ въ послѣднее время, и путемъ неизбѣжнаго житейскаго общенія инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Послѣдній путь въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ передача началъ цивилизаціи и гражданственности, даже важнѣе перваго. Это есть путь естественный, составляющій необходимое слѣдствіе встрѣчи двухъ расъ, между тѣмъ какъ школа дѣйствуетъ болѣе или менѣе искусственно. Кромѣ того, по отношенію къ отдѣльнымъ единицамъ школа дѣйствуетъ сравнительно не долго и кругъ ея дѣйствія сравнительно не великъ, между тѣмъ какъ общеніе неизбѣжно дѣйствуетъ въ теченіе всей ихъ жизни и ему при-

частью въ большей или меньшей мѣрѣ все инородческое населеніе, не исключая и тѣхъ, кто испыталъ на себѣ благотворное вліяніе школы. При этомъ, однако, нельзя не сознаться, что интеллигентные классы общества, для которыхъ существуютъ среднія и высшія учебныя заведенія, живя въ мѣстностяхъ, имѣющихъ инородческое населеніе, почти не соприкасаются съ этимъ послѣднимъ: ихъ не связываютъ никакіе интересы. Такимъ образомъ, общеніе, о которомъ я упомянулъ, составляетъ удѣлъ низшихъ слоевъ русскаго общества; вотъ еще причина, по которой слѣдовало обратить на нихъ вниманіе. Русскіе поселенцы и русское купечество призваны историческимъ ходомъ событій послужить дѣлу обрусенія инородческихъ племенъ.

„Позвольте мнѣ, мм. гг., сообщить теперь нѣсколько свѣдѣній о вновь открытомъ институтѣ. Всѣхъ, подавшихъ прошенія о приѣмѣ въ него, было 40. Изъ нихъ 12 не явились на приѣмныя испытанія, изъ остальныхъ оказались достойными приѣма 15. Всѣ поступившіе православнаго исповѣданія и по сословіямъ распредѣляются такъ: 1 сынъ чиновника, 8 духовнаго званія, 5 мѣщанъ и 1 крестьянинъ. По мѣсту первоначальнаго воспитанія распредѣленіе поступившихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1 изъ IV класса гимназіи, 6 изъ I и II классовъ духовныхъ семинарій, 3 изъ окончившихъ курсъ въ духовномъ училищѣ и 5 изъ окончившихъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ. Независимо отъ пребыванія въ указанныхъ заведеніяхъ, всѣ поступившіе имѣли еще дополнительную подготовку, благодаря которой уровень ихъ знаній оказался соответствующимъ изданнымъ на сей предметъ программамъ. Сверхъ того изъ общаго числа поступившихъ трое имѣютъ званіе учителя городского приходскаго училища и одинъ званіе учителя сельскаго народнаго училища. Ко дню поступленія въ институтъ эти молодые люди, равно какъ и трое изъ остальныхъ, состояли на учебной службѣ.

„Личный составъ служащихъ въ институтѣ состоитъ въ настоящее время изъ девяти человѣкъ, — директора, трехъ учителей наукъ, двухъ учителей искусствъ, врача, письмоводителя и эконома. Для преподаванія Закона Божія, впредь до опредѣленія для сей цѣли особаго лица, прикомандированъ законоучитель здѣшней женской гимназіи.

„Помѣщеніе института вы уже изволили видѣть. На текущій учебный годъ оно вполне удовлетворитъ потребностямъ заведенія, относительно же послѣдующаго времени дѣло съ избыткомъ обезпечено тѣмъ, что, по ходатайству г. попечителя, разрѣшено пристроить къ корпусу института два флигеля; флигели эти, нынѣ уже выведенные

до половины средняго этажа, въ будущемъ году должны быть, по условію, совершенно окончены и тогда помѣщеніе института сдѣлается положительно образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

„Наконецъ, что касается до снабженія института всѣмъ необходимымъ, то для этой цѣли, по ходатайству г. попечителя, разрѣшено употребить остатокъ отъ содержанія сего заведенія, имѣющіе получиться, по случаю некомплекта классовъ, въ нынѣшнемъ и будущемъ годахъ. Къ сему должно присовокупить, что остатки эти предвидятся въ такомъ количествѣ, что представляютъ полную возможность приобрести для института всѣ, указанныя уставомъ, учебныя коллекціи, равно какъ и все прочее необходимое имущество.

„Къ всему этому должно прибавить, что благодаря личному живѣйшему участію г. попечителя, институтъ имѣетъ возможность начать свой первый учебный годъ почти одновременно со всѣми учебными заведеніями. Обстоятельство это чрезвычайно важно: оно дастъ возможность распределить учебный курсъ нынѣшнихъ воспитанниковъ института безъ особенныхъ отступленій отъ нормальнаго порядка, столь вредно отзывающихся на общемъ ходѣ дѣла.

„Изъ этого краткаго очерка вы, мм. гг., видите, что институтъ поставленъ на твердую почву. Онъ обладаетъ всѣми условіями для правильнаго своего развитія. Предстоящая намъ дѣятельность очень многосложна; но мы уяснили себѣ ея значеніе и ободренные благосклоннымъ вниманіемъ къ нашему дѣлу со стороны начальниковъ края и учебнаго округа, равно какъ поддерживаемые обнаруженнымъ сегодня сочувствіемъ со стороны мѣстнаго общества, смѣло пойдемъ по предназначенному намъ пути.

„Обращаясь теперь къ вамъ, будущіе питомцы наши. Вы уже въ такомъ возрастѣ, что я могу говорить съ вами иначе, чѣмъ съ дѣтьми. Узнавъ васъ короче, я нашелъ, что вы принадлежите къ двумъ категоріямъ. Одни изъ васъ уже занимались преподаваніемъ и воспитаніемъ, состоя даже на службѣ при разныхъ училищахъ; другіе еще не пробовали своихъ силъ на педагогическомъ поприщѣ и почти всѣ поступили въ институтъ, будучи вынуждены, по разнымъ причинамъ, выйти изъ того или другаго учебнаго заведенія прежде окончанія курса. На первыхъ я смотрю съ твердой вѣрой въ ихъ будущее. И въ самомъ дѣлѣ: службу свою, по отзыву ближайшаго начальства, они исполняли отлично, но не смотря на это, рѣшились оставить ее, ради усовершенствованія своего образованія. Столь похвальное стремленіе, конечно, вполне ручается за энергичныя усилія этихъ молодыхъ лю-

дей къ достиженію предполагаемой ими цѣли. Остается только пожелать, чтобы ихъ труды увѣнчались успѣхомъ. Вторая категорія, по видимому, видитъ въ институтѣ средство выбраться на торный путь. Но вотъ что и скажу на это. Безъ сомнѣнія весьма похвально, что, послѣ неудачъ, вы не упали духомъ и рѣшились еще разъ попытаться счастья. Но намъ, вашимъ будущимъ наставникамъ, недостаточно этого. Намъ нужно, чтобы вы прежде, чѣмъ взяться за дѣло, обстоятельно уяснили себѣ обязанности, соединенныя съ тѣмъ званіемъ, къ которому вы вознамѣрились готовиться. Обязанности эти очень серіозны. Онѣ требуютъ безупречной религіозно-нравственной чистоты, непрерывнаго умственнаго самосовершенствованія, ибо педагогъ, не слѣдящій за преподаваемою имъ наукою, скоро становится нигде негоднымъ, — требуютъ, наконецъ, полнаго самообладанія и необыкновеннаго терпѣнія, ибо только при этихъ качествахъ возможно успѣшное обученія дѣтей. Слѣдуетъ сказать также, что нѣтъ званія, болѣе отвѣтственнаго, чѣмъ званіе учительское. Отвѣтственность здѣсь не юридическая, а нравственная, гораздо болѣе тяжкая для честной натуры. Скажетъ ли учитель чтонибудь вскользь, сдѣлаетъ ли чтонибудь неосмотрительно, чему придаетъ значенія, ученики съ необыкновенною воспримчивостію, свойственною ихъ возрасту, не оставляютъ ничего незамѣченнымъ, все подхватываютъ и изъ всего дѣлаютъ то или другое употребленіе. Вотъ почему учителю нужно на все обращать вниманіе, все обдумывать, ибо въ педагогическомъ дѣлѣ нѣтъ мелочей.

„И такъ для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ учителемъ, необходимо выработать въ себѣ хорошаго христіанина, дороже и выше всего ставящаго нашу православную религію; выработать личность, до самоотверженія преданную престолу и отечеству, привыкшую строго относиться къ своимъ обязанностямъ, умѣренную въ своихъ личныхъ желаніяхъ и осмотрительную въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ; личность, привыкшую къ постоянному труду, непрерывному самосовершенствованію и самообладанію. Вотъ въ краткихъ словахъ цѣль, къ достиженію которой вы должны неуклонно стремиться. Сознаю, что она не легка, но трудъ все преодолеваетъ.

„Да поможетъ Господь Богъ всѣмъ вамъ вести свое дѣло успѣшно!“

По окончаніи этой рѣчи хоръ пѣвчихъ исполнилъ, подъ аккомпаниментъ оркестра, народный гимнъ.

По заведенному обычаю всѣмъ гостямъ была предложена отъ института хлѣбъ-соль. Во время обѣда первые тосты были провозгла-

шены за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича, и всего царствующаго дома. Тосты эти, провозглашенные генераль-губернаторомъ, были приняты съ неподдѣльнымъ восторгомъ и сопровождались продолжительнымъ „ура“.

Послѣ сего начальникъ края обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами: „Милостивые Государи! я уже имѣлъ честь обратить ваше вниманіе на то, чѣму непосредственному ходатайству предъ Государемъ Императоромъ обязанъ открытый сегодня институтъ призваніемъ къ жизни. Со вступленіемъ графа Д. А. Толстаго въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія число учебныхъ заведеній въ нашемъ Оренбургскомъ краѣ стало быстро возрастать. Г. министръ призналъ возможнымъ даже посѣтить нашъ край, несмотря на его отдаленность отъ Петербурга и трудность путей сообщенія. Слѣдя принятой имъ системѣ, онъ пожелалъ изучить на мѣстѣ наши учебныя нужды и лично ознакомиться со всѣми лицами, призванными служить въ нашемъ краѣ учебному дѣлу. Убѣжденъ, мм. гг., что всѣ вы, вполне сознавая вмѣстѣ со мной всю важность столь серьезныхъ заботъ и попеченій, подобно мнѣ, пожелаете графу Дмитрію Андреевичу полнаго успѣха въ его благихъ начинаніяхъ и съ особеннымъ удовольствіемъ отнесетесь къ сердечно провозглашенному мною тосту за его здоровье!“

Тостъ этотъ былъ принятъ крайне сочувственно присутствующими, у которыхъ еще свѣжо было въ памяти недавнее посѣщеніе министромъ Оренбургскаго края. Тостъ за здоровье генераль-адъютанта Н. А. Крыжановскаго былъ предложенъ г. попечителемъ округа въ рѣчи, въ которой онъ замѣтилъ между прочимъ: „Заслуги дорогаго нашего начальника края такъ велики и разнообразны, что распространяться о нихъ вообще я нахожу неумѣстнымъ уже потому, что они совершались на глазахъ большинства присутствующихъ здѣсь еще больше, чѣмъ на моихъ. Не думаю, чтобы предстояла надобность говорить что сдѣлано Николаемъ Андреевичемъ вообще по народному образованію въ управляемой имъ области: достаточно на этотъ разъ замѣтить, что безъ его вліянія, участія, сочувствія и распорядительности мы не досчитывались бы въ настоящее время многихъ рассадниковъ образованія, и въ городахъ и селеніяхъ, рассадниковъ, наполненныхъ и часто переполненныхъ теперь учащимися“.

Г. попечитель сообщалъ присутствующимъ, что педагогическій совѣтъ института единогласно положилъ ходатайствовать о постановкѣ портрета Николая Андреевича въ актовую залѣ этого учебнаго заведенія.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЕ ИНСТИТУТЫ:

1. Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ.

Въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ къ 1-му января 1878 года состояло преподавателей: законоучителей — 1, ординарныхъ профессоровъ — 5, экстраординарныхъ — 5, преподавателей — 8, всего — 19 лицъ. Наставниковъ было — 4, въ томъ числѣ одинъ изъ преподавателей.

Конференція института имѣла въ 1877—1878 учебномъ году 12 засѣданій. Главными предметами занятій конференціи, кромѣ текущихъ дѣлъ, были слѣдующіе: 1) по установленному въ 1876—1877 учебномъ году правилу, въ число студентовъ института принимаются безъ повѣрочныхъ испытаній тѣ воспитанники гимназій, которые имѣютъ въ аттестатѣ зрѣлости по древнимъ языкамъ отмѣтки не ниже 4. Конференція постановила освобождать отъ повѣрочныхъ испытаній окончившихъ курсъ съ аттестатомъ зрѣлости въ гимназій при институтѣ, хотя бы отмѣтки въ аттестатѣ по древнимъ языкамъ и были ниже 4, потому что успѣхи и степень подготовки воспитанниковъ институтской гимназій хорошо извѣстны начальству института, и потому что означенные воспитанники сдаютъ испытанія зрѣлости въ присутствіи профессоровъ института, такъ что было бы совер-

шенно излишне подвергать ихъ новымъ повѣрочнымъ испытаніямъ у тѣхъ же профессоровъ института. Дабы не помѣшать конкуренціи молодыхъ людей, подвергающихся повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ института, съ воспитанниками, окончившими курсъ въ институтской гимназіи, постановлено сравнивать отмѣтки, получаемыя послѣдними на испытаніяхъ зрѣлости, съ отмѣтками первыхъ, полученными на повѣрочныхъ испытаніяхъ. 2) Для упражненія студентовъ IV-го курса разряда русской словесности въ связномъ устномъ изложеніи, одна изъ четырехъ лекцій сего предмета въ IV-мъ курсѣ съ начала 1878 года назначена для пробныхъ чтеній студентовъ на разныя темы, напримѣръ, разборъ какихъ-либо произведеній русской словесности, при чемъ положено имѣть два пробныхъ чтенія въ каждую лекцію. 3) Относительно годовыхъ сочиненій студентовъ III-го и IV-го курсовъ разряда древнихъ языковъ были установлены болѣе точныя и опредѣленныя правила. 4) Рассмотрѣны отзывы наставниковъ-руководителей о занятіяхъ студентовъ IV-го курса въ гимназіи при институтѣ. 5) Произведено предварительное распредѣленіе окончившихъ въ 1878 году курсъ наукъ въ институтѣ 8-го выпуска на учительскія мѣста: изъ нихъ 10 назначены преподавателями обоихъ древнихъ языковъ, 3—латинскаго языка, 1—греческаго, 6—русскаго языка и словесности, 3—русскаго и латинскаго языковъ, 4—русскаго и обоихъ древнихъ языковъ, и одинъ, какъ Кавказскій стипендіатъ, назначенъ въ распоряженіе попечителя Кавказскаго учебнаго округа. 6) Рассмотрѣнъ составленный инспекторомъ института, профессоромъ Некрасовымъ, отчетъ произведенной имъ ревизіи состоянія библиотеки института. 7) Согласно съ § 4 Положенія о гимназіи при институтѣ, были разсматриваемы протоколы занятій педагогическаго совѣта гимназіи. 8) Слѣдя за занятіями командированныхъ за границу бывшихъ воспитанниковъ института, конференція сообщаетъ имъ свои замѣчанія и совѣты для руководства въ ихъ ученыхъ занятіяхъ. Конференціею рассмотрѣнъ былъ отчетъ, присланный г. Адриановымъ за второе и третье полугодія командировки, и признанный удовлетворительнымъ. Г. Аквилоновъ, къ сожалѣнію, не могъ по болѣзни докончить къ сроку свой отчетъ, но изъ подробныхъ объясненій его въ письмахъ къ директору института несомнѣнно, что онъ занимается весьма усердно и успѣшно. Главный предметъ его занятій—сочиненія Плутарха; тема для магистерской диссертациі—О порядкѣ параллельныхъ біографій Плутарха. 9) Въ засѣданіи конференціи 23-го марта 1878 года

г. Ждановъ, возвратившійся изъ командировки за границу, прочиталъ вробную лекцію на тему „О придаточныхъ предложеніяхъ“. Конференція постановила признать лекцію вполне удовлетворительною по содержанию, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовать г. Жданову, чтобы онъ обратилъ вниманіе на выработку болѣе живой и внятной дикціи.

Въ теченіе 1877—1878 учебнаго года прочитаны были въ институтѣ слѣдующіе курсы: По закону Божію: въ 1-мъ курсѣ (одна лекція въ недѣлю) былъ прочитанъ приготовительный курсъ о необходимости религіи и Божественнаго откровенія; во 2-мъ курсѣ (одна лекція) было изложено о признакахъ истиннаго откровенія, о христіанскомъ вѣроученіи и его источникахъ; въ 3-мъ курсѣ (одна лекція)—было изложено догматическое ученіе о дѣлахъ Божіихъ относительно міра и человѣка. По греческому языку и словесности: въ 1-мъ курсѣ (пять лекцій) — 1-я и 2-я пѣсни Одиссеи, большая часть первой и часть второй книги Киропедіи Ксенофонта и пройдена этимологія въ связи съ переводами съ русскаго языка на греческій; во 2-мъ курсѣ (семь лекцій) преподаватель прочиталъ три олинскія рѣчи, первую и вторую филиппику и рѣчь о мирѣ Демосоена и первую пѣснь Иліады, а также прошелъ синтаксисъ съ переводами съ русскаго языка на греческій; другой преподаватель прочиталъ 60 главъ девятой книги Геродота и руководилъ переводами съ русскаго языка на греческій; въ 3-мъ курсѣ (пять общихъ лекцій) профессоръ Наукъ прочиталъ „Филоклету“ Софокла съ переводомъ на латинскій языкъ, преподавалъ грамматику (ученіе о наклоненіяхъ) и руководилъ упражненіями въ переводахъ съ латинскаго на греческій; преподаватель Нейлисовъ читалъ шестую книгу Фукидида и „Гекубу“ Еврипида (880 стиховъ). Для студентовъ разряда древнихъ языковъ профессоръ Соколовъ читалъ греческія государственныя древности (двѣ лекціи). Главное содержаніе курса было: религіозные союзы Грековъ или амфиктіоніи, древнее устройство дорійскихъ государствъ, древнія аристократическія правленія, политическое устройство второстепенныхъ греческихъ государствъ въ историческое время, аѣнское государственное устройство, исторія Аѣнцъ послѣ Херонепской битвы, политическіе союзы Грековъ съ конца IV вѣка до установленія римскаго владѣнства; преподаватель Нейлисовъ (одна лекція) руководилъ письменными переводами съ латинскаго и русскаго языковъ на греческій; въ 4-мъ курсѣ (три общихъ лекціи) профессоръ Наукъ прочиталъ „Семь противъ Фивъ“ Эсхила, преподавалъ грамматику (ученіе о наклоненіяхъ) и руководилъ упражненіями въ переводахъ

съ латинскаго языка на греческій. Для студентовъ разряда древнихъ языковъ профессоръ Наукъ читалъ (двѣ лекціи въ недѣлю) греческую метрику (ямбическіе и трохайческіе стихи, *stetici*, *bacchi*, *dochmii*, дактилическіе и анапестическіе размѣры, хоріамбы, гликоны). Профессоръ Соколовъ читалъ древности греческаго культа (одна лекція). Содержаніе курса было: сравненіе религіи Гомеровской и религіи историческаго времени, обряды культа, домашній культъ, апофеозы, культы родовъ, фратрій, делговъ, религіозныя общества; государственный культъ, алтари, изображенія боговъ: *Zeus*; человѣческія жертвоприношенія, мистеріи, оракулы; праздники аеинскаго года, олимпійскія игры. Въ концѣ курса было прочитано о публичныхъ лекціяхъ въ древности, вышедшихъ изъ различныхъ представленій на играхъ. Студенты разряда древнихъ языковъ разъ въ недѣлю писали, подъ руководствомъ профессора, греческія *extempora*. — Для домашняго чтенія по греческому языку было назначено: студентамъ 1-го курса: на первое полугодіе—девятая книга Одиссеи, на второе—двѣнадцатая книга; студентамъ 2-го курса: на первое полугодіе 18-я книга Илліады, на второе—третья филиппика Демосоеена; студентамъ 3-го и 4-го курсовъ разряда древнихъ языковъ: на первое полугодіе—13, 14 и 15-я книги Илліады, на второе—19, 20 и 21-я книги Илліады. По латинскому языку и словесности: въ 1-мъ курсѣ (шесть лекцій) профессоръ Шеборъ прочиталъ Цицерона *Sato maior de senectute*. Чтенію была предпослана біографія Цицерона и очерки его литературной дѣятельности, причемъ было обращено особенное вниманіе на философскія его сочиненія. Преподаватель Мусселиусъ прочиталъ седьмую и часть восьмой книги Энеиды Виргилія, прошелъ всю этимологию и часть синтаксиса и руководилъ нѣсколько переводами съ русскаго языка на латинскій. Во второмъ курсѣ (восемь лекцій) профессоръ Миллеръ, для пріученія студентовъ къ пониманію лекцій, читаемыхъ на латинскомъ языкѣ, комментировалъ на этомъ языкѣ латинское сокращеніе Илліады; известное подъ названіемъ *Homerus Latinus*, предпославъ разсужденіе объ авторѣ и сочиненіи. Профессоръ Шеборъ прочиталъ рѣчи Цицерона *de imperio* См. *Pompeii* и *pro Q. Ligario*. Чтенію предшествовало разсужденіе о Цицеронѣ какъ практическомъ ораторѣ и теоретикѣ краснорѣчія, оцѣнка его рѣчей и риторическихъ сочиненій; сдѣланы необходимыя замѣчанія о древнемъ краснорѣчій; его исторіи, родахъ и дѣленіи рѣчей; чтенію обѣихъ рѣчей предпосланы непосредственно къ нимъ относившіяся введенія. Кромѣ того профессоръ Шеборъ прошелъ

синаксисъ, за исключеніемъ статьи о падежахъ, и руководилъ устными и письменными переводами съ русскаго языка на латинскій. Въ 3-мъ курсѣ общихъ лекцій по латинскому языку было шесть. Профессоръ Миллеръ, изложивъ о жизни и сочиненіяхъ Виргилія, прочиталъ первую и часть девятой книги Энеиды; профессоръ Помяловскій прочиталъ 51 главу шестой книги *Annales* Тацита; преподаватель Кесслеръ руководилъ устными и письменными переводами съ русскаго языка на латинскій. Студенты разряда древнихъ языковъ имѣли сверхъ того пять лекцій: профессоръ Миллеръ руководилъ студентовъ въ переводахъ съ греческаго языка на латинскій первой книги Анабазиса Ксенофонта; профессоръ Помяловскій читалъ римскія государственныя древности. Содержаніе курса было: источники — *monimenta non litterata, monimenta litterata*: монеты, надписи, памятники литературные; пособія; очеркъ топографіи Рима; вопросъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Италіи; гражданское состояніе жителей Римскаго государства: трибы, *curiae*, роды, свобода и рабство *civitas, Latini, peregrini, clientela* и *patronatus*, патриціи и плебеи, реформы Сервія Туллія, возникновеніе нобилитета; римская магистратура: царскій періодъ, республиканскій періодъ — переходъ отъ царской власти къ магистратурѣ, консульство, *decemviri legibus scribundis, tribuni militares consulari potestate, диктатура, претура, цензура, народный трибунатъ, эдильство, квестура, magistratus minorum, magistratus extra ordinem creati, прислуживши магистратовъ*. Для студентовъ разряда древнихъ языковъ 3-го и 4-го курсовъ вмѣстѣ профессоръ Миллеръ читалъ исторію римской литературы этого времени, различіе между современниками Цезаря и современниками Августа, жизнь и сочиненія главныхъ писателей, именно М. Цицерона и его брата Цезаря, Корнелія Непота, Саллюстія, Лукреція, Катудда и его товарищей, Виргилія, Горация, Овидія, Тибулла, Промерція, Веррія, Флакка (*de significatione verborum*), Тита Ливія. Въ курсѣ римской литературы обращено было особенное вниманіе на авторовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ. Въ 4-мъ курсѣ общихъ лекцій по латинскому языку было пять. Профессоръ Миллеръ, изложивъ о жизни и сочиненіяхъ Горация, прочиталъ девять одъ первой книги, четвертую книгу и *carmen saeculare*. Кромѣ того онъ руководилъ студентовъ въ переводахъ на латинскій языкъ статей изъ первой части учебника Фохта „Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій“. Профессоръ Шенборъ прочиталъ комедію Плавта „*Menaechmi*“. До начала чтенія про-

профессоръ познакомилъ студентовъ съ вопросами, касающимися біографіи, литературной дѣятельности и произведеній Плавта и съ результатами, добытыми современной наукой по части изученія римской комедіи вообще и Плавта въ частности. При чтеніи разъяснены были метры и сдѣланы необходимыя замѣчанія относительно языка Плавта. Время, оставшееся свободнымъ по окончаніи чтенія комедіи Плавта, было употреблено на чтеніе Тибулла, именно вѣтвей, посвященныхъ Деліи. Нѣсколько лекцій посвящено было обзорному современнаго состоянія изученія Тибулла. Специальныхъ лекцій по разряду древнихъ языковъ въ 4-мъ курсѣ было три. Кромѣ лекцій исторіи римской литературы студенты 4-го курса занимались, подъ руководствомъ профессора Миллера, устными и письменными переводами на латинскій языкъ *Memorabilium Ксенофонта*. Со студентами того же курса и разряда профессоръ Миллеръ (*privatissime*) читалъ разъ въ недѣлю комедію Плавта *Miles gloriosus*, обращая вниманіе преимущественно на вопросы грамматики и метрики. Студенты разряда русской словесности имѣли одну особую лекцію въ недѣлю по латинскому языку, и подъ руководствомъ профессора Миллера занимались устными и письменными переводами на латинскій языкъ Греческой исторіи Ксенофонта. Для домашняго чтенія по латинскому языку было назначено студентамъ 1-го курса на первое полугодіе *Caesaris de bello Gallico* шестая книга, на второе полугодіе — *Caesaris de bello civili* вторая книга; студентамъ 2-го курса на первое полугодіе первая половина риторическаго сочиненія Цицерона *Brutus*, на второе полугодіе — вторая половина того же сочиненія; студентамъ 3-го курса разряда древнихъ языковъ на первое полугодіе 32-я книга Тита Ливія; студентамъ 4-го курса разряда древнихъ языковъ на первое полугодіе — *Ciceronis in M. Antonium oratio Philippica II*, на второе полугодіе — 38-я книга Тита Ливія. — По философіи профессоръ Владиславлевъ въ 1-мъ курсѣ (три лекціи) читалъ логику и психологію. Во 2-мъ курсѣ (двѣ лекціи) по исторіи классической философіи дано понятіе объ исторіи философіи, главныхъ періодахъ философіи вообще, источникахъ и пособіяхъ для изученія ея, указаны начатки греческой философіи у пэтовъ, рассмотрѣны ученіе іонической школы, великогреческихъ школъ, софистовъ, Сократа и его школы, Платона и Аристотеля, стоиковъ, эпикурейцевъ, скептиковъ и эклектиковъ, іудейско-александрійской школы, новопитавгородцевъ и новоплатоновцевъ. Въ 3-мъ курсѣ по исторіи христіанской философіи (одна лекція) сдѣлано обзорное направленіе патристической философіи, схоластической и

философіи новаго времени; одна лекція въ недѣлю была посвящена на чтеніе со студентами Никомаховской этики Аристотеля. По русскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ профессоръ Некрасовъ въ 1-мъ курсѣ (двѣ лекціи) изложилъ ученіе о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Практическія упражненія студентовъ состояли въ устномъ и письменномъ разборѣ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ памятниковъ древней церковно-славянской письменности. Въ 2-мъ курсѣ (двѣ лекціи) былъ изложенъ синтаксисъ русскаго языка. Практическія упражненія состояли въ устномъ и письменномъ разборѣ памятниковъ древней русской письменности, преимущественно съ синтаксической точки зрѣнія. Въ 3-мъ и 4-мъ курсахъ для студентовъ разряда русской словесности (двѣ лекціи) было изложено ученіе о звукахъ и формахъ юго-славянскихъ нарѣчій. Практическія упражненія состояли въ чтеніи и разборѣ важнѣйшихъ памятниковъ древней юго-славянской письменности. Сверхъ того, въ возмѣщеніе лекцій, пропущенныхъ въ 1875—1876 году по случаю отсутствія профессора Некрасова, въ 3-мъ курсѣ (одна лекція) для студентовъ обоихъ разрядовъ читались лекціи по синтаксису русскаго языка. — По русской словесности профессоръ Галаховъ прочиталъ для студентовъ 3-го курса разряда русской словесности (три лекціи) исторію древней русской литературы, за исключеніемъ отдѣла народной словесности; изъ новаго періода литературы пройдено отъ Петра I до Пушкина. Студенты разряда русской словесности 3-го и 4-го курсовъ писали годичныя сочиненія. Такъ какъ студенты 3-го курса еще не прошли полнаго курса исторіи русской словесности, то, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, темы для ихъ годичныхъ сочиненій были выбраны такія, которыя требовали преимущественно компилятивной работы. Всего было назначено 13 темъ, по числу студентовъ 3-го курса разряда русской словесности. Лучшія сочиненія представлены студентами: Владиміромъ Ивановскимъ — на тему „Жизнь и сочиненія нѣмецкаго поэта Гюнтера“ и Тихомировымъ — на тему „Гамлетъ, трагедія Шекспира: мнѣніе о ней Гервинуса (въ его сочиненіи „Шекспиръ“) и Ульрица (въ его сочиненіи Shakspeare's Dramatische Kunst“). Владиміръ Ивановскій, изложивъ въ первомъ отдѣлѣ жизнь и судьбу поэта Гюнтера, по книгѣ Ромета и *Leben und Dichten Günther's*, во второмъ говоритъ о его сочиненіяхъ, сравнивъ похвальную оду нѣмецкаго поэта на заключеніе мира австрійцевъ съ турками въ Пассаровицѣ съ похвальной же одой Ломоносова на взытіе Хотина. Изложеніе отличается обстоятельностью, надлежащею мѣрою и хорошо — вы-

работаннымъ литературнымъ языкомъ. Въ сочиненіи Тихомирова три части: въ первой переданъ взглядъ Гервинуса на характеръ Гамлета, во второй—взглядъ Ульрици на тотъ же самый предметъ; такъ какъ эти взгляды противоположны, то третья часть заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя критическія замѣтки на мнѣніе Ульрици, подлежащее возраженіямъ и несогласное съ мнѣніемъ такого авторитета, какъ Гёте. Добросовѣстность работы Тихомирова видна въ тщательномъ изложеніи. Въ 4-мъ курсѣ для студентовъ разряда русской словесности профессоръ Галаховъ (четыре лекціи) прочиталъ весь новый періодъ исторіи русской словесности. Четвертая лекція съ января 1878 года удѣлена была для чтенія студентовъ по теоріи словесности, какъ такого учебнаго предмета, который введенъ въ учебный планъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. По назначенію профессора и по указаннымъ имъ матеріаламъ раздѣ въ недѣлю двое студентовъ читали пробныя уроки. Въ теченіе полугодія были студентами объяснены главнѣйшіе роды прозы и поэзіи. Для курсовыхъ сочиненій студентамъ 4-го курса были даны 14 темъ по числу студентовъ. Лучшія сочиненія представлены студентами Правдинымъ и Румянцевымъ. Сочиненіе Правдина на тему „Споръ классиковъ съ романтиками въ нашей литературѣ“ состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: первый содержитъ въ себѣ обзоръ литературныхъ явленій, подготовившихъ полемику; второй излагаетъ первый періодъ этой полемики, въ лицѣ князя П. А. Вяземскаго со стороны романтизма, и Мих. Дмитріева—со стороны классицизма; третій имѣетъ предметомъ дѣятельность Полеваго, какъ редактора журнала Московскій Телеграфъ, старавшагося познакомиться публику съ романтизмомъ; четвертый—дѣятельность Надеждина, выразившюся съ одной стороны въ статьяхъ Вѣстника Европы и Телескопа, а съ другой—въ его магистерской диссертациі „О романтической поэзіи“, имѣвшей предметомъ поставить вопросъ на твердую почву и разъяснить истинную сущность романтизма и его отлчіе отъ классицизма. Въ сочиненіи Румянцева на тему и мнѣніе Лессинга о баснѣ и значеніе его собственныхъ басенъ—четыре отдѣла; первый посвященъ изложенію ученія Лессинга о баснѣ (опредѣленіе и дѣленіе басни, разборъ мнѣній объ этомъ родѣ сочиненій, введеніе животныхъ въ басню, какъ дѣйствующихъ лицъ; польза басенъ въ школьномъ преподаваніи); второй отдѣлъ излагаетъ мнѣніе Гримма о происхожденіи и сущности басни; третій—противоположное ему мнѣніе Гервинуса; предметъ четвертаго отдѣла—значеніе басенъ Лессинга. По всеобщей исторіи въ 1-мъ курсѣ профессоръ Соголовъ (три лекціи) про-

читалъ дравнюю исторію Востока, Греціи и Рима до галльскихъ походовъ Юлія Цезаря. Во второмъ курсѣ профессоръ Астафьевъ (двѣ лекціи) прочиталъ исторію среднихъ вѣковъ — отъ начала христіанства до паденія Византійской имперіи — 1453 года. Въ третьемъ курсѣ для студентовъ разряда русской словесности, профессоръ Астафьевъ (три лекціи) прочиталъ новую исторію отъ паденія Византіи до нашего времени (1866). Кроме того, тотъ же профессоръ читалъ для желающихъ студентовъ 3-го и 4-го курсовъ необязательныя, по одной въ недѣлю, лекціи, содержаніемъ которыхъ былъ обзоръ средне-вѣковыхъ источниковъ. Послѣ предварительнаго ознакомленія съ значеніемъ историческихъ источниковъ, какъ пособія при преподаваніи исторіи, и послѣ обзора задачъ средне-вѣковыхъ источниковъ разсмотрѣны: Иорданъ, Давидъ Діаконъ, Григорій Турскій, Эйнгардъ, Нитгардъ, лѣтописи Фульдскаго, Бертинская и Вестагненская, хроника Реммона и Рихера, Луитпрандъ, Видукиндъ, жизнеописаніе архіепископа Брунона, составленное Ротгаромъ, Титмаръ Мерзебургскій, Ламбертъ Герстфельдскій, Адамъ Бременскій, Гельмгольдъ и Арнольдъ Любекскій. По русской исторіи профессоръ Замысловскій въ 1-мъ курсѣ (двѣ лекціи) прочиталъ общій курсъ русской исторіи до вступленія на престолъ Іоанна III; во 2-мъ курсѣ (двѣ лекціи) — общій курсъ русской исторіи отъ царствованія Федора Ивановича до царствованія императора Александра I. По педагогикѣ преподавателемъ Белларминовымъ во 2-мъ курсѣ (двѣ лекціи), послѣ предварительныхъ объясненій цѣли и задачи теоретическаго курса педагогики, разсмотрѣны: истинныя, одностороннія и ложныя теоріи воспитанія; главныя общія педагогическія начала, которыя должны имѣть въ виду преподаватели при своей практической дѣятельности; педагогическія средства, ведущія къ осуществленію цѣлей воспитанія. Въ 3-мъ курсѣ (двѣ лекціи), послѣ краткаго обзорѣня исторіи гимназій въ Германіи протестантской и въ Россіи, разсмотрѣны: дидактическое значеніе всѣхъ учебныхъ предметовъ гимназическаго курса, общіе педагогическіе методы и спеціальныя методы изъясненія, методика языковъ латинскаго, греческаго и русскаго. По географіи преподавателемъ Голубовымъ въ 1-мъ курсѣ (двѣ лекціи) прочитано краткое описаніе пяти частей свѣта въ физическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Лекціи по новымъ языкамъ не были приурочены къ курсамъ, но были раздѣлены на два отдѣленія, низшее и высшее, по познаніямъ студентовъ, желающихъ заниматься этими языками. Желавшимъ изъ студентовъ разряда древнихъ языковъ 3-го и 4-го курсовъ было пред-

ложено въ 1877—1878 году, въ замѣнъ домашнихъ чтеній писать курсовыя сочиненія на заданныя профессорами темы, разработка которыхъ требовала чтенія древнихъ авторовъ. На заданныя темы было представлено студентами 13 сочиненій. Преподавателю Нейлисову поданы были работы студентами 3-го курса Санчурскимъ, Климовичемъ, Флоровымъ и Смирновымъ. Санчурскій писалъ на тему: „Отношеніе Лукіана къ философіи и изображеніе имъ современныхъ философовъ“. Положивъ въ основаніе своей работы три діалога Лукіана—*Βίον, ἀρεῖς, Ἀλιεύς* и *Σοφιστῶν*, авторъ, послѣ краткаго очерка жизни Лукіана, представилъ: а) состояніе философіи во II вѣкѣ по Р. Х. и ученія главнѣйшихъ философскихъ школъ; б) личное отношеніе Лукіана къ философіи и глубокое уваженіе, которое онъ питалъ къ этой наукѣ; в) разочарованіе Лукіана, вызванное лицемеріемъ и нравственною испорченностью философовъ и заставившее его обратиться къ сатирѣ, и г) переводъ діалоговъ *Βίον ἀρεῖς* и *Σοφιστῶν* и значительной части—именно защитительной рѣчи—діалога *Ἀλιεύς*, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ необходимыхъ для пониманія объясненій. Сочиненіе студента Санчурскаго написано языкомъ чистымъ и правильнымъ, группировка отдѣльныхъ фактовъ въ общую картину удачна, а переводъ—близкій и плавный. Студентъ Климовичъ представилъ переводъ рѣчей изъ Эвклидида первой книги главъ 68—85 и объясненіе къ нимъ. Переводъ въ большинствѣ случаевъ вѣренъ, хотя мѣстами нѣсколько тяжелъ; объясненія же, которыя оканчиваются 74-ю главою, хотя заключаютъ много лишняго и прямо къ дѣлу не относящагося, но свидѣтельствуютъ о томъ, что студентъ вѣрно понимаетъ историка Пелопонезской войны и хорошо ознакомился съ комментаріями латинскими и нѣмецкими, а также со сколіями. Работа студента Флорова представляетъ довольно-хорошій переводъ рѣчи Лисіи противъ Эратосена, но въ ней нѣтъ разбора отдѣльныхъ частей этой рѣчи и указанія на художественное ея значеніе. Профессору Миллеру подалъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ студентъ 4-го курса Горрманъ на тему „*de disionibus et synizesibus in quinto libro Aeneidos Vergilii*“. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и встрѣчаются невѣрныя сужденія, но вообще сочиненіе написано весьма тщательно, разсудительно и хорошимъ латинскимъ языкомъ. Оно показываетъ, что авторъ не напрасно работалъ надъ изслѣдованіемъ метрической стороны Вергилія. Профессору Шебору представлены работы студентами 4-го курса Горанекиемъ, Евг. Зеленецкимъ, Орлинымъ, Покрываловымъ и Раевымъ. Всѣ эти работы, по

отзыву профессора, удовлетворительны и свидетельствуют о томъ, что писавшіе ихъ серьезно и добросовѣстно отнеслись къ дѣлу. Евг. Зеленецкій и Раевъ представили переводы двухъ комедій Плавта, первый—комедіи „Pseudolus“, второй — „Miles gloriosus“, съ необходимыми для пониманія содержанія примѣчаніями. Переводъ удаченъ, такъ какъ оба переводчика старались не только вѣрно и точно передать содержаніе, но; по мѣрѣ возможности, выразить въ переводѣ характеристическія особенности рѣчи Плавта. Изъ перевода и примѣчаній вообще видно, что оба переводчика весьма основательно изучили переведенными ими комедіи и положили такимъ образомъ хорошее основаніе для дальнѣйшаго изученія столь интереснаго и важнаго для филологической науки писателя. Студенты Горанскій, Орлинъ и Покрываловъ занялись изученіемъ Саллюстія и представили: Горанскій—переводъ шестидесяти главъ сочиненія Саллюстія *de bello Jugurthino* съ примѣчаніями, Покрываловъ — переводъ съ примѣчаніями всего сочиненія Саллюстія *de coniuratione Catilinae*. Оба перевода могутъ быть названы удачными, но переводъ Покрывалова отличается болѣею точностію и болѣеимъ единствомъ стиля. Видно, что Покрываловъ основательно изучилъ переведенное имъ сочиненіе Саллюстія по лучшимъ изданіямъ и добросовѣстно воспользовался ихъ указаніями. Студентъ Орлинъ представилъ сочиненіе подъ названіемъ „Этимологическія и синтаксическія особенності языка Саллюстія по его сочиненію „Catilina“. Работа эта, по полнотѣ своей, тщательному изученію языка Саллюстія и добросовѣстному и осмотрительному отношенію къ пособиямъ, которыми пользовался Орлинъ, можетъ быть признана удовлетворительною. Упрекнуть автора можно развѣ въ недостаточно-точной классификаціи матеріала языка, такъ какъ къ синтаксису имъ отнесены данныя, принадлежащія собственно къ области статистики и фразеологіи. Профессору Соколову представлены работы студентами 3-го курса: Лавромъ Соколовымъ, Мих. Ивановскимъ и Болвановичемъ. Студентъ Соколовъ написалъ сочиненіе на тему „Научное значеніе новаго отрывка Діонисія Галикарнасскаго о сраженіи при Аскулѣ (279 года до Р. Х.)“. Главный недостатокъ этого объемистаго сочиненія (болѣе 300 страницъ) — многословіе, обиліе лишняго матеріала. Не было никакой нужды подробно разказывать предшествовавшую исторію посольства Постулія, войны Римлянъ съ Тарантамъ, первой кампаніи Пирра. Но во всѣхъ этихъ разказахъ видно, что Соколовъ основательно познакомился со многими древними авторами, факты сообщаетъ болѣею частію вѣрно, знаетъ исторію начала

III-го вѣка до Р. Х. хорошо. Отрывокъ Діонисія о битвѣ при Аскулѣ разобралъ довольно тщательно. Характеристика Діонисія Галикарнасскаго сдѣлана съ большимъ стараніемъ, и приведены нѣкоторые примѣры невѣрнаго пониманія внутренняго устройства Рима, встрѣчающіеся у Діонисія. Авторъ представилъ свое рѣшеніе спорнаго вопроса о ходѣ сраженія при Аскулѣ: онъ думаетъ, что сраженіе происходило въ одинъ день, а не въ два. Сочиненія студентовъ Ивановскаго и Болвановича написаны на тему: „Разборъ сочиненія Плутарха περί τῆς 'Πρόβου κακοῦθειας“. Ивановскій довольно старательно слѣдуетъ Геродоту съ трактатомъ Плутарха, отмѣтилъ важныя мѣста въ этомъ трактатѣ, обратилъ вниманіе на замѣчанія Грота, но въ то же время не избѣгъ ошибокъ и неточностей при передачѣ мыслей Геродота и Плутарха.

Занятія студентовъ 4-го курса въ гимназій при институтѣ происходили въ 1877—1878 году на прежнихъ основаніяхъ. Студенты обоихъ разрядовъ посѣщали въ гимназій по девяти уроковъ въ недѣлю: студенты разряда древнихъ языковъ—уроки латинскаго и греческаго языковъ, студенты разряда русской словесности—уроки русскаго и латинскаго языковъ.

Студентовъ къ 1-му января 1877 года состояло—115, въ томъ числѣ: штатныхъ—97, стипендіатовъ: Дерптскаго учебнаго округа—2, Кавказскаго—4, Виленскаго—7, Сибирскихъ—3, духовнаго вѣдомства—2; въ теченіе 1877 года поступило—39, въ томъ числѣ: изъ гимназій—15, изъ духовнаго вѣдомства—24; въ теченіе 1877 года вышло—36, изъ нихъ до окончанія курса—10, по окончаніи курса—26; затѣмъ къ 1-му января 1878 года оставалось на лицѣ—117, въ томъ числѣ: штатныхъ—95, стипендіатовъ: Дерптскаго учебнаго округа—1, Кавказскаго—5, Виленскаго—7, Сибирскихъ—3, Астраханской городской управы—2, духовнаго вѣдомства—4.

На содержаніе института ассигновано было изъ государственнаго казначейства по финансовою смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія: на содержаніе личнаго состава управленія и учащихся—44,626 руб., на содержаніе воспитанниковъ—35,600 руб., на хозяйственные расходы—17,400 руб., итого—97,626 руб.; изъ нихъ израсходовано—96,604 руб. 99 к., затѣмъ къ 1-му января 1878 года осталось на лицѣ—1,021 руб. 1 коп. Сверхъ того на содержаніе особой библиотеки для пользованія молодыхъ людей, готовящихся къ профессорскому званію, отпущено было—1,160 руб., изъ нихъ израсходовано—1,153 р. 97 к., осталось къ 1878 году—6 р. 3 к.

Библиотека института пополнялась въ продолженіе 1877—1878 г. покупкою книгъ по предложеніямъ членовъ конференции, присылкою казенныхъ изданій и дарами нѣкоторыхъ ученыхъ. Разобраны по отдѣламъ всѣ книги приобретенныхъ или пожертвованныхъ для библиотеки института библиотекъ Нарышкинской, Гана и Шульгинской. Къ 1-му января 1878 года фундаментальная библиотека института состояла изъ 9,400 названій въ 17,673 томахъ; учебная библиотека— изъ 198 названій въ 8,435 томахъ.

Общее состояніе здоровья студентовъ было удовлетворительно. Къ 1-му января 1877 года оставался одинъ больной; въ теченіе 1877 года заболѣло—78. изъ нихъ выздоровѣло—77, умеръ—1, къ 1878 году оставался 1 больной.

2. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Къ 1-му января 1878 года въ историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ состояло преподавателей: а) штатныхъ—8, именно 5 ординарныхъ профессоровъ и 3 исправляющихъ должность экстраординарныхъ; и б) преподавателей по найму—8, именно по географіи, французскому языку и нѣмецкому. Сверхъ того, директоръ института преподавалъ исторію русской литературы, а двое изъ числа состоявшихъ на лицо трехъ дежурныхъ наставниковъ преподавали нѣкоторые отдѣлы греческой и римской словесности. Изъ положенныхъ по уставу института предметовъ не преподавался одинъ, — педагогика, за отсутствіемъ преподавателя, а изъ числа положенныхъ штатныхъ преподавательскихъ должностей оставались незамѣщенными двѣ должности экстраординарныхъ профессоровъ.

Конференція института имѣла въ 1877 году 26 засѣданій. Въ распредѣленіи предметовъ преподаванія введены слѣдующія дополненія и измѣненія: 1) Преподаваніе въ открывшемся съ сентября мѣсяца того года 3-мъ курсѣ института устроено согласно составленнымъ на этотъ предметъ конференціею и утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія правиламъ, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ: въ высшихъ курсахъ института, начиная съ 3-го, учреждаются два спеціальныхъ отдѣленія—классическое и славяно-русское. Въ составъ спеціальнаго преподаванія въ классическомъ отдѣленіи на 3-мъ курсѣ входятъ: римскія древности, греческія древности, греческая метрика и спеціальный курсъ исторіи классическаго міра; кромѣ того, для студентовъ классическаго отдѣленія обязательно

домашнее чтеніе греческихъ и латинскихъ авторовъ, для провѣрки котораго въ одинъ изъ учебныхъ дней недѣли назначается два часа для греческихъ и латинскихъ авторовъ попеременно. Специальные предметы славяно-русскаго отдѣленія слѣдующіе: славянскія нарѣчія, исторія славянскихъ литературъ, исторія русской литературы и русская исторія; при преподаваніи имѣется въ виду упражнять студентовъ этого отдѣленія въ чтеніи и разборѣ славяно-русскихъ памятниковъ. Для обоихъ отдѣленій обязательны лекціи по объяснительному чтенію римскихъ и греческихъ авторовъ, упражненіе въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій и греческій, исторія русскаго языка, всеобщая исторія и философія. Студенты обоихъ отдѣленій обязаны подачею сочиненій по предметамъ своихъ специальностей; число сочиненій въ году не менѣе двухъ для каждаго студента.

2) Признавъ желательнымъ, чтобы преподаваніе философіи заканчивалось до 4-го курса, на которомъ для студентовъ, сверхъ слушанія лекцій по другимъ предметамъ, приготовленія къ лекціямъ и письменныхъ работъ, будутъ еще обязательны и практическія занятія по преподаванію въ гимназій, конференція нашла необходимымъ увеличить число лекцій по философіи въ нижнихъ курсахъ института, и именно на 1877—78 учебный годъ назначить по этому предмету въ 1-мъ и 2-мъ курсахъ, вмѣсто двухъ, по три лекціи въ недѣлю. 3) Такъ какъ по наблюденіямъ профессоровъ историческіе предметы оказалося, что студенты института имѣютъ, въ большинствѣ, весьма недостаточныя познанія въ географіи, вслѣдствіе чего и историческія данныя усвоятся студентами не съ тою отчетливостію, кака была бы желательна, то конференція опредѣлила: въ двухъ младшихъ курсахъ института ввести преподаваніе географіи, назначить для сего, въ каждомъ курсѣ, по двѣ лекціи въ недѣлю. 4) Имѣя въ виду, что увеличеніе числа лекцій по философіи и введеніе преподаванія географіи въ первомъ и второмъ курсахъ, безъ соответствующаго сокращенія числа лекцій по другимъ предметамъ, было бы обременительно для студентовъ, конференція, согласно съ мнѣніемъ профессоровъ русской словесности и русской исторіи, признала возможнымъ ограничить число лекцій по русской исторіи въ обоихъ младшихъ курсахъ и по славянской филологіи, вмѣсто трехъ по каждому предмету, двумя; преподаваніе же исторіи русской литературы въ общихъ курсахъ института на будущее время отнѣсти вовсе, оставивъ его только на 2-мъ курсѣ при одной лекціи на 1877—78 учебный годъ для окончанія чтенія начатаго уже отдѣла исторіи русской литературы.

Предпринятые въ 1877 году конференціей, съ утвержденія г. министра народнаго просвѣщенія, измѣненія въ способахъ контроля надъ занятіями студентовъ, касались устройства провѣрки домашняго чтенія греческихъ и римскихъ писателей и назначенія времени для испытаній по новымъ языкамъ. Двухлѣтній опытъ несомнѣнно доказалъ пользу существовавшаго въ институтѣ устройства домашняго чтенія древнихъ классическихъ авторовъ и его провѣрки какъ по отношенію къ количеству матеріала, прочитываемаго въ учебномъ году, такъ и по отношенію къ точности его усвоенія, провѣряемаго по свѣдѣніямъ воспоминаній; но тотъ же двухлѣтній опытъ указалъ на желательность въ некоторыхъ незначительныхъ измѣненій въ этомъ дѣлѣ. По существовавшему до конца 1876—77 учебнаго года порядку, домашнее чтеніе производилось въ одинъ, свободный отъ лекцій, день недѣли, съ утра до 7-ми часовъ вечера, а время отъ 7-ми до 9 1/2 часовъ вечера назначалось для провѣрки чтенія. Внимательныя наблюденія за ходомъ занятій этого рода привели конференцію къ заключенію, что продолжительное, почти непрерывное, въ теченіе цѣлаго дня, изученіе одного и того же текста утомляло студентовъ, такъ что вечеромъ, во время провѣрки чтенія, замѣчался иногда недостатокъ желательной свѣжести и интенсивности вниманія. Въ избѣжаніе этого неудобства, конференція постановила: домашнее чтеніе древнихъ классическихъ авторовъ, въ каждомъ курсѣ, раздѣлить на два дня такимъ образомъ, чтобы студенты посвящали этому занятію послѣобѣденные и вечерніе часы одного дня и утреніе до 12-ти часовъ — другаго, слѣдующаго, а съ 12-ти до 2-хъ часовъ этого втораго дня производилась бы провѣрка чтенія. Во время производства переводныхъ испытаній въ концѣ 1876—77 учебнаго года, нѣкоторые студенты просили о дозволеніи имъ подвергнуться испытаніямъ по новымъ языкамъ въ началѣ слѣдующаго 1877—78 учебнаго года, при чемъ объясняли, что они желали бы воспользоваться ваканционнымъ временемъ для приготовленія къ этимъ испытаніямъ. Не усматривая необходимости приуроченія производства испытаній по новымъ языкамъ по времени испытаній переводныхъ; признавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ большей успѣшности занятій студентовъ по главнымъ предметамъ институтскаго преподаванія желательнымъ, чтобы студенты заканчивали изученіе новыхъ языковъ возможно ранѣе, и полагая, что для этой цѣли усилено самостоятельное занятіе ими въ теченіе двухмѣсячнаго ваканціоннаго времени можетъ имѣть весьма важное значеніе, — конференція ходатайствовала о предоставленіи ей

права, въ случаѣ усмотрѣнія надобности въ томъ, позволять студентамъ подвергаться испытаніямъ изъ новыхъ языковъ въ началѣ учебнаго года, каковое право и предоставлено конференціи предложеніемъ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 15-го іюля, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы испытанія эти производились по окончаніи приемныхъ испытаній, до начала лекцій.

Для поощренія студентовъ къ самостоятельнымъ научнымъ занятіямъ, конференція постановила, чтобы преподаватели главныхъ предметовъ прилагали къ отчетамъ о прочтанныхъ курсахъ, представляемымъ въ концѣ каждаго учебнаго года, отзывы о сочиненіяхъ всѣхъ студентовъ двухъ старшихъ курсовъ и о лучшихъ сочиненіяхъ студентовъ низшихъ курсовъ, и чтобы, на основаніи такихъ отзывовъ, въ годовыхъ отчетахъ о состояніи и дѣятельности института, указывались лучшія сочиненія студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ.

Преподаватели института и другія служащія въ ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: директоръ института Лавровскій — напечаталъ въ Извѣстіяхъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ „Замѣтку о текстѣ русскихъ былинъ“ и прочелъ въ торжественномъ собраніи института рѣчь „Изъ перваго пятилѣтія гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко въ царствованіе Александра Благословеннаго“; законоучитель Хойнацкій — напечаталъ статьи: въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ — „Институтская Свято-Александровская церковь въ г. Нѣжинѣ. Историко-статистическій очеркъ“, въ руководствѣ для сельскихъ пастырей — „Святая чудотворная икона Божіей Матери Почаевская, какъ памятникъ вѣковаго общенія нашего съ южными славянами“ и въ церковномъ Вѣстникѣ — „Старинныя эктени о освобожденіи подъ игомъ агарянскія работы сущихъ православныхъ христіанъ“; инспекторъ Аристовъ — напечаталъ „О дѣлахъ рукописей въ XVI столѣтіи“ и въ Извѣстіяхъ Института — „О землѣ Половецкой“ и прочелъ въ торжественномъ собраніи института рѣчь — „О состояніи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I“; профессора: Люперсельскій — помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Института статью: „Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла“ и произнесъ въ торжественномъ собраніи института рѣчь — „О высшей политикѣ императора Александра Благословеннаго“; Будиловичъ — помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Института — „Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія“, въ журналѣ Гражданинъ — „Очерки этнографиче-

ской и государственной исторіи юго-славянъ“ и приготовилъ для напечатанія во 2-мъ выпускѣ Извѣстій Института разсужденія — „Первобытные славяне въ ихъ бытѣ и понятіяхъ по даннымъ языка“; Фохтъ—напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: „Грамматическія замѣтки“ и замѣтки къ рецензій на „Полный русско-латинскій словарь Орлова; Гротъ помѣстилъ въ Извѣстіяхъ института статью „Козловъ. Философскіе этюды. Критическій очеркъ“ и приготовилъ для 2-го выпуска того же изданія рѣчь, произнесенную на торжественномъ актѣ института, подъ заглавіемъ „Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа“; наставникъ Добіашъ—напечаталъ въ Извѣстіяхъ института „Исслѣдованія въ области греческаго мѣстоименія“. Командированъ былъ за границу съ ученою цѣлію инспекторъ института, ординарный профессоръ Аристовъ — на IV археологической сѣздѣ.

Денежныя средства института въ 1877 году находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ суммъ: по финансовой смѣтѣ ассигновано къ отпуску изъ государственнаго казначейства: на содержаніе личнаго состава—44,926 руб., на содержанію воспитанниковъ—25,000 руб., на хозяйственныя расходы—17,400 руб., всего - 87,326 руб., а съ остаткомъ отъ 1876 года—109,868 руб. 92 к.; б) специальныхъ средствъ: пожертвованныхъ капиталовъ и процентовъ съ нихъ оставалось отъ 1876 года—184,984 руб. 91¹/₂ коп., въ теченіе 1877 года поступило—16,067 руб. 55 к., изъ нихъ израсходовано—30,386 руб. 76¹/₂ к., затѣмъ къ 1-му января 1878 года состояло на лицо—170,665 руб. 70 коп.; сбора за слушаніе лекцій въ бывшемъ лицей—55 руб. 96¹/₂ к., которые были сполна израсходованы; вырученныхъ отъ продажи книгъ бывшаго лицея—60 руб. 12 к. и суммъ бывшаго пансіона лицея—45 руб. 5¹/₄ к.; двѣ послѣднія суммы полностью сохранились къ 1-му января 1878 года.

Студентовъ къ 1-му января 1877 года состояло—33, въ теченіе 1877 года поступило—16, въ томъ числѣ: изъ высшихъ учебныхъ заведеній—3, изъ гимназій—8, изъ духовныхъ семинарій—6; въ теченіе года вышло — 2, изъ нихъ одинъ по собственному желанію, а другой былъ опредѣленъ въ уѣздные учителя; затѣмъ къ 1-му января 1878 года состояло на лицо—47, которые распределены были по курсамъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ курсѣ—16, во 2-мъ—13 и въ 3-мъ—18. Изъ числа студентовъ 3-го курса одна половина изъявили желаніе поступить на классическое отдѣленіе, а другая—на славяно-русское. Все студенты находятся на казенномъ содержаніи.

Фундаментальная и студенческая библиотеки института, состоявшія къ 1-му января 1877 года: первая—изъ 5,770 названій книгъ въ 16,655 томахъ, а послѣдняя—изъ 31 названія въ 699 томахъ, получили въ теченіе года весьма значительныя приращенія. Такъ, въ 1877 году доставлена въ институтъ библиотека, приобретенная въ 1876 году за 5,000 руб. отъ наследниковъ покойнаго профессора Шевырева, заключающая въ себѣ 3,815 названій въ 7,359 томахъ; отдѣлъ русской словесности и исторіи русской литературы въ этой библиотекѣ представляетъ собою полное (до 50-хъ годовъ) и съ знаніемъ дѣла составленное собраніе относящихся къ этимъ предметамъ сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма рѣдки и частію даже вовсе не существуютъ въ продажѣ; въ другихъ отдѣлахъ также содержится много книгъ, необходимыхъ для пополненія фундаментальной институтской библиотеки, нѣкоторыя могутъ быть съ пользою зачислены въ составъ студенческаго отдѣла библиотеки. Въ томъ же году приобретена институтомъ за 15,000 марокъ (7,650 руб. 50 к.) библиотека покойнаго профессора Лейпцигскаго университета Ритчля, содержащая значительное число важныхъ и частію дорогихъ книгъ по древне-классической филологіи, всего въ количествѣ 3,019 названій въ 4,930 томахъ. Независимо отъ столь значительныхъ единовременныхъ поступленій, библиотека института постоянно пополнялась покупкою книгъ по предложеніямъ профессоровъ и преподавателей и присланою изданій высшихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ. Всего въ 1877 году приобретено: для фундаментальной библиотеки—7,767 названій книгъ въ 17,188 томахъ, на сумму 20,327 руб. 36 к., для студентской—67 названій въ 246 томахъ, на сумму 467 р. 47 к.; такъ что къ 1-му января 1878 года состояло книгъ: въ фундаментальной библиотекѣ 13,537 названій 33,838 томовъ, на сумму 34,558 руб. 10 к., и въ студентской—98 названій 945 томовъ на сумму 1,040 руб. 76 к., а въ обѣихъ библиотекахъ вмѣстѣ—13,635 названій 34,783 тома, на сумму 35,598 руб. 86 к. Въ извѣщаемся при библиотекѣ института минцъ-кабинетѣ къ 1-му января 1878 года состояло 4,588 номеровъ монетъ и медалей, на сумму 2,968 руб. 82 коп.

Обзоръ дѣятельности Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы въ 1877—1878 году.

Московское общество испытателей природы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, продолжало въ 1877—1878 году поддерживать дѣятельныя

сношенія какъ съ русскими, такъ и съ иностранными учеными и учрежденіями. Черезъ посредство своего вице-президента и секретарей, общество обмѣнивалось изданіями и вело корреспонденцію научнаго содержанія съ 88-ю учрежденіями и болѣе чѣмъ со 100 лицами въ Россіи находящимися, и съ 60-ю лицами и 271-мъ учрежденіями иностранными, то-есть всего съ 519-ю мѣстами. Изъ сношеній Общества съ заграничными учрежденіями особеннаго вниманія заслуживаютъ сношенія съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки. Благодаря дѣятельному посредничеству Смитсонова института и государственнаго геолога Гайдена въ Вашингтонѣ, Общество получаетъ почти всѣ сѣверо-американскія изданія естественно-научнаго содержанія, издаваемые государственными учрежденіями и учеными обществами Соединенныхъ Штатовъ. То же должно сказать объ Италіи. Благодаря въ особенности посредничеству профессоровъ Тодара и Токкани въ Палермо, Сенонера въ Вѣнѣ и многимъ другимъ, Общество получаетъ также почти всѣ итальянскія сочиненія естественно-историческаго содержанія, издаваемые обществами и государственными учрежденіями въ Италіи. Затѣмъ заслуживаютъ вниманія сношенія Общества съ Германіей, 80 научныхъ учрежденій которой присылаютъ постоянно свои изданія. Сношенія Общества съ отдаленными, вѣдь европейскими центрами просвѣщенія, каковы Батавія, Калькутта, Іеддо и Мельбурнъ, хотя и не многочисленны, тѣмъ не менѣе приносятъ Обществу большую часть естественно-историческихъ литературныхъ произведеній, выходящихъ въ этихъ центрахъ, и знакомятъ Общество съ происходящею тамъ ученою дѣятельностію. Въ особенности же сношеніе Общества съ Мельбурномъ и Батавіей не ограничивались однимъ обмѣномъ изданій. Такъ, изъ Мельбурна были получены нѣкоторыя письма отъ барона Мюллера, обѣщающаго въ скоромъ времени выслать въ даръ Обществу коллекціи различныхъ австралійскихъ животныхъ; въ Батавіи Общество принимало участіе въ празднованіи столѣтней годовщины существованія „Общества наукъ и искусствъ“ отправкою поздравительнаго адреса и избраніемъ президента сего Общества, д-ра ванъ-Киндерена въ число своихъ почетныхъ членовъ. Сношенія Общества съ отдѣльными лицами, какъ въ Россіи, такъ и за-границею, имѣли предметомъ вопросы научные. Общество неоднократно служило посредникомъ между разными учеными для разъясненія различныхъ вопросовъ, напримѣръ распространенія животныхъ и растений въ предѣлахъ Россіи, уменьшеніе воды въ рѣкахъ, и другихъ.

Въ 1877 — 1878 году Общество имѣло случай коснуться интере-

9*

совъ сельскаго хозяйства и оказать содѣйствіе интересамъ практическимъ, по слѣдующему поводу. Усть-Медвѣдицкая земская управа и комитетъ Ростовскаго на Дону сельско-хозяйственнаго сѣзда обратились въ Общество съ просьбою указать имъ мѣры для борьбы съ грибомъ, причинившимъ тамъ большіе убытки на пшеничныхъ и ржаныхъ поляхъ. Присланные образцы поврежденныхъ растений были пересланы члену Обществу, профессору А. А. Фишеру фонъ-Вальдгейму, по опредѣленію котораго паразитъ оказался *Rusticia graminis*. А. А. Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ представилъ Обществу пространную записку о размноженіи этого грибка и о мѣрахъ для усиленной борьбы съ нимъ. Копія съ этой записки были препровождены какъ въ Усть-медвѣдицкую земскую управу, такъ и въ комитетъ Ростовскаго сельско-хозяйственнаго сѣзда. Общество продолжало также переписку съ г. Ревужскимъ въ Ревизни, въ Венгріи, по вопросу о вредности короюда-типографа для здоровыхъ еловыхъ деревьевъ. Этотъ болѣе чѣмъ столѣтній вопросъ обострился въ послѣдніе годы вслѣдствіе чрезвычайнаго размноженія короюда въ Австро-Венгріи. Въ спорѣ о томъ, нападаетъ ли короюдь-типографъ на здоровыя деревья, или нѣтъ, сдѣланъ шагъ впередъ въ томъ смыслѣ, что нѣкоторые компетентныя учрежденія высказались въ пользу мнѣнія о безвредности короюда-типографа для здоровыхъ елей. Къ этому мнѣнію, поддержанному въ прошломъ столѣтіи Тиршемъ, позднѣе Перрисомъ, Ревужскимъ, и высказанному въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Общества испытателей природы профессоромъ Линдеманомъ, присоединились въ 1877 году академія наукъ въ Пештѣ и лѣсная академія въ Хемницѣ.

Научная дѣятельность Общества выразилась и въ 1877—1878 году, подобно предъидущимъ годамъ, изданіемъ Записокъ, продолжавшихъ выходить подъ редакціей вице-президента К. И. Ренара. Въ теченіе года вышущено пять номеровъ бюллетени, въ которыхъ помѣщены слѣдующія статьи: барона Шодовара — „Новые роды и виды семейства Carabidae“, К. Э. Линдемана — „Продолженіе монографіи короюдовъ Россіи“, В. Е. Яковлева — „Новыя полужесткокрылыя Астраханской фауны“ и „Описаніе новыхъ видовъ Aradidae“, К. Берга — „Бабочки Патагоніи“, К. Э. Фауста — „О нѣкоторыхъ южно-русскихъ видахъ *Silpha*“ и „Описаніе новыхъ видовъ жуковъ русской фауны“, д-ра Я. Бедряги — „Образованіе пигментовъ у ящерицъ“, О. И. Родошковскаго — „Новый методъ опредѣленія шмелей“, К. П. Перепелкина — „О строеніи спинной струны у миноги“, Э. Э. Балліона — „Каталогъ жуковъ, собранныхъ въ Кульджіи“, А.

А. Фишера фонъ-Вальдгейма — „О видахъ *Eptiloma*“ и „Обзоръ растений, поражаемыхъ ржавчиною (*Ustilaginae*)“, Д. А. Кожевникова — „Исторія развитія цвѣтка въ семействѣ *Agaceae*“, Э. Э. фонъ-Гердера — „Прибавленіе къ его *Plantae Paddeanae*“ и „Прибавленіе къ его *Plantae Severzovianaе*“, д-ра Гельдрейха — „О родѣ *Leopoldia*“, И. Мюллера — „О лишаяхъ восточно-сибирскихъ тундръ“ и „О лишаяхъ Московской губерніи“, барона Ф. Тюмена — „О грибахъ Сибири“, Г. А. Трауттольда — „О методахъ и теоріяхъ въ геологіи“ и „Объ окаменѣlostяхъ мѣловой формации въ Россіи“, Н. П. Вишнякова — „О жилой камерѣ нѣкоторыхъ русскихъ аломонитовъ“, С. Н. Никитина — „О *Mesites Puzerefskii*“, К. О. Милашевича — „Палеонтологическіе этюды“ и „Отвѣтъ Пренделя“, П. А. Пренделя — „Отвѣтъ на статью г. Милашевича“ и „Нѣсколько словъ по поводу Отвѣта г. Милашевича“, Р. Ф. Германа — „Исслѣдованіе объема атомовъ и удѣльнаго вѣса органическихъ соединеній“. Въ тѣхъ же номерахъ бюллетеней Общества напечатаны письма изъ путешествій и экскурсій: гг. Зандеберга, Альб. Эд. Регеля, Г. А. Трауттольда и А. К. Беккера, и біографія покойнаго члена Общества Н. И. Желѣзнова, составленная профессоромъ Трауттольдомъ. Въ числѣ поименованныхъ авторовъ имѣются иностранные ученые, именно проф. Мюллеръ — въ Женевѣ, проф. Гельдрейхъ — въ Аеянахъ, проф. Тюмень — въ Клостернейбургѣ близъ Вѣны, проф. Бергъ — въ Буэнос-Айресѣ и Зандебергъ — въ Стокгольмѣ.

Общество имѣло 8 очередныхъ и одно годовое засѣданіе. Въ этихъ засѣданіяхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, были доложены слѣдующіе 22 реферата научнаго содержанія: президента А. Г. Фишера фонъ-Вальдгейма — „О метаморфозѣ вообще“, Л. П. Сабанѣва — „О волкѣ“, К. Э. Линдемана — „О *Dendroctonus micans*“, С. А. Усова — „О возрастныхъ измѣненіяхъ у *Aquila fulva*“, П. М. Кулешова — „Объ уродливыхъ измѣненіяхъ внутреннихъ половыхъ органовъ у разнополовыхъ двойнь коровы“, Д. А. Кожевникова — „Объ исторіи развитія и морфологіи цвѣтка въ семействѣ ароидныхъ“, В. А. Тихомирова — „О яборанди и пилокарпинѣ“ и „О распознаваніи примѣсей къ чаю“, Г. А. Трауттольда — „О находеніи *Lepidesthes* въ мячковскомъ горномъ известнякѣ“ и „О найденной имъ передней конечности ихтиозавра“, С. Н. Никитина — „Объ аммонитахъ группы *Amaltheus funiferus*“ и „О желѣзныхъ рудахъ Таврической губерніи“, А. П. Сабанѣва — „О сгущеніи газовъ“, Э. Б. Шене — „О присутствіи озона въ воздухѣ“, Ф. А. Бредихина —

„О работахъ, сдѣланныхъ въ астрономической обсерваторіи Московскаго университета“, Н. А. Любимова — „О телефонъ“ и „О новомъ снарядѣ для поясненія явленій земнаго магнетизма“, Я. И. Вейнберга — „О передачѣ телеграфическихъ знаковъ безъ помощи проволоки“ и „О значеніи лѣсовъ въ климатическомъ отношеніи“, П. М. Хайновскаго — „О телефонъ“, В. В. Николаева — „Исслѣдованіе токопрохожденія въ воздушныхъ телеграфныхъ проводахъ“, Г. Г. Запдебергъ, извѣстный шведскій путешественникъ, посѣтившій засѣданіе въ качествѣ гостя, сообщилъ о естественныхъ богатствахъ прибрежій Ледовитаго океана.

Въ 1877 — 1878 году Общество потеряло девять членовъ, умершихъ въ томъ году. Вновь избрано въ число членовъ 18 лицъ, изъ коихъ 7 почетныхъ и 11 дѣйствительныхъ; за симъ число членовъ Общества увеличилось девятью лицами.

Денежныя средства Общества, 2,857 руб., ежегодно получаемыя отъ правительства, и членскіе взносы, которыхъ поступило всего 184 руб., были употреблены преимущественно на изданіе бюллетеня. Нѣкоторое усиленіе средствъ произошло благодаря Н. П. Вишнякову, принявшему на себя расходы по напечатанію таблицъ къ сочиненію его, помѣщенному въ бюллетеняхъ Общества.

Въ бібліотеку Общества поступило книгъ и журналовъ — 1,082 названія, весьма значительной цѣнности. Сверхъ того Общество получило въ даръ: а) коллекцію водорослей, собранныхъ шведскою экспедиціею на Шпицбергенѣ, отъ Стокгольмской академіи наукъ; б) коллекціи окаменѣлостей изъ Ронка (въ Италіи) и изъ Антверпена, отъ г. Лефевра въ Брюсселѣ, и в) коллекцію третичныхъ раковинъ отъ г. Лоулей. Въ свою очередь Общество передало въ ботаническій кабинетъ Московскаго университета, для постоянного пользованія, всѣ свои обширныя гербаріи, и передало въ зоологическій музей коллекцію шкуръ птицъ, собранныхъ бывшимъ секретаремъ Л. П. Сабанѣвымъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, преимущественно на Уралѣ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Продолжаемъ очеркъ состоянія начальныхъ учебныхъ заведеній Вилевской дирекціи.

Частныхъ училищъ въ означенной дирекціи два. Обученіе въ одномъ изъ нихъ, содержимомъ г-жею Гейслеръ, производилось въ те-

ченіе всего года правильно и аккуратно и на происходившихъ предъ лѣтними каникулами, въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ училищнаго совѣта, экзаменахъ учащіяся обнаружили вполне удовлетворительные по всѣмъ предметамъ успѣхи. По закону Божію, какъ православнаго, такъ и римско-католическаго исповѣданія, твердо знали главныя молитвы и сознательно разсказывали важнѣйшія событія изъ св. исторіи ветхаго и новаго завѣта; по русски читали бѣгло, правильно и съ пониманіемъ; хорошо дѣлали пересказъ и грамматическій разборъ прочитаннаго; писали подъ диктовку безъ большихъ ошибокъ и толково произносили выученные наизусть стихи; по ариметикѣ довольно быстро рѣшали на память и на доскѣ задачи на всѣ 4 дѣйствія по руководству Евтушевскаго; по французски и нѣмецки читали съ довольно правильнымъ произношеніемъ и переводили на русскій и съ русскаго достаточно скоро и сознательно; не менѣе удовлетворительно отвѣчали и мальчики, обучавшіяся латинскому языку; въ заключеніе экзамена дѣти весьма стройно пропѣли хоромъ на три голоса пѣсню: „Ахъ ты воля“ и народный гимнъ „Боже Царя храни“. Вообще результаты экзаменовъ, по отзыву участвоваго инспектора, свидѣтельствуютъ объ опытности и усердіи, съ какими преподаватели и преподавательницы, приглашенные въ школу г-жи Гейслеръ, исполняли принятыя ими на себя обязанности. Насколько эта школа достигла предположенной ею цѣли—приготовленія дѣтей въ среднія учебныя заведенія, можно судить также по числу ея воспитанниковъ, поступившихъ съ началомъ учебнаго года въ различныя заведенія: всего ихъ принято 35 человекъ, въ томъ числѣ въ гимназіи—8, прогимназіи — 9, реальныя училища—10 и военныя гимназіи — 8.

На нравственное развитіе учащихся въ школѣ г-жи Гейслеръ было также обращено должное вниманіе: сама содержательница имѣла за дѣтьми постоянный надзоръ, приучала ихъ къ порядку, чистоплотности, соблюденію вѣжливости и благоправія, равно какъ исполненію религиозныхъ обязанностей и слѣды добраго воспитательнаго вліянія школы обнаруживаются сами собой въ веселыхъ лицахъ дѣтей, ихъ скромной и приличной наружности, свободномъ и вѣжливомъ обращеніи.

Одноклассное для дѣтей обоаго пола начальное училище на станціи Вилейка Ландварово-Роменской желѣзной дороги содержится на счетъ средствъ общества этой дороги. вмѣсто прежняго, хотя удобнаго, но нѣсколько тѣснаго помѣщенія, въ настоящемъ году для

училища построены особый просторный и приспособленный къ нуждамъ заведенія домъ съ квартирой для учительницы; классная мебель и необходимѣйшія учебныя пособия имѣются; отопленіе и прислуга доставляются обществомъ, которое производитъ, кромя того, изъ своимъ суммъ на жалованье учительницъ 420 руб., православному законоучителю 120 руб., на книги и учебныя пособия 60 руб., а всего 600 руб. въ годъ. По отзыву участковаго инспектора, мальчики старшаго отдѣленія читаютъ довольно бѣгло и сознательно по книгѣ Паульсона, разказываютъ прочитанное, пишутъ подъ диктовку съ незначительными ошибками, толково произносятъ выученные наизусть стихи и ознакомлены нѣсколько съ логическимъ и грамматическимъ разборомъ; по ариметикѣ рѣшаютъ умственно и на доскѣ нетрудныя задачи на всѣ 4 дѣйствія. Кромѣ предметовъ, входящихъ въ составъ курса народныхъ школъ Виленскаго учебнаго округа, въ Вилейскомъ училищѣ нѣсколькимъ мальчикамъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія преподаются еще начала нѣмецкаго языка.

Училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій. Къ этому разряду принадлежитъ одно только училище—приходское при Виленской евангелическо-лютеранской церкви. Въ матеріальномъ отношеніи оно обезпечено довольно удовлетворительно: имѣетъ просторное и удобное помѣщеніе, съ отопленіемъ и прислугой, въ церковномъ домѣ; снабжено удобною и красивою классною мебелью и нужнѣйшими учебными пособиями; только по прежнему часто испытываетъ недостатокъ въ книгахъ и руководѣльныхъ для дѣвочекъ матеріалахъ, вслѣдствіе ограниченности суммы, отпускаемой на эти предметы изъ евангелическо-лютеранской коллегіи. Хотя большинство учащихся въ лютеранскомъ училищѣ составляютъ дѣти иностранцевъ, при поступленіи въ школу не знающіе ни слова по русски и дома упогребляющіе только нѣмецкій языкъ, учебное дѣло въ отчетномъ году шло здѣсь съ достаточнымъ успѣхомъ, особенно по общимъ предметамъ. На произведенныхъ предъ лѣтними каникулами экзаменахъ ученики 2-го класса, хотя не совсѣмъ правильно, но довольно бѣгло читали по книгѣ для чтенія Паульсона, хорошо дѣлали логическій и грамматическій разборъ и довольно вѣрно пересказывали содержаніе выученныхъ на память стихотвореній; по географіи давали обстоятельныя отвѣты о странахъ и частяхъ свѣта, водахъ, горахъ и государствахъ Европы съ ихъ главными городами, правильно указывая ихъ на картѣ; изъ русской исторіи послѣдовательно разказывали важнѣйшія событія до Куликовской битвы вклю-

чительно; по арифметикѣ обнаружили надлежащую основательность въ рѣшеніи довольно сложныхъ письменныхъ задачъ на всѣ четыре дѣйствія надъ простыми и именованными числами; имѣли понятіе о дробяхъ, а устные задачи рѣшали скоро и правильно. Въ 1-мъ классѣ ученики старшей группы достаточно скоро и сознательно читали по русски, недурно произносили стихотворенія, удовлетворительно рѣшали умственные и письменныя задачи въ предѣлахъ сотни и кое-какъ писали подъ диктовку; дѣти младшей группы начинали читать по букварю Тихомирова, хотя не понимали содержанія читаемаго, и рѣшали умственные задачи до 10. Письмо, какъ русское, такъ и нѣмецкое, въ обоихъ классахъ велось хорошо и большинство учащихся 2-го класса приобрѣло красивый и скорый почеркъ. По нѣмецки въ 1-мъ классѣ занимались только механическимъ чтеніемъ, а во 2-мъ читали и переводили на русскій языкъ и дѣлали грамматическій разборъ; успѣхи удовлетворительныя. Пѣнію обучались оба класса вмѣстѣ, составляя общій хоръ изъ мальчиковъ и дѣвочекъ, и хотя унисономъ, но весьма стройно и пріятно исполняли подъ звуки мелодикона не только псалмы, церковныя пѣсни и нѣкоторыя нѣмецкія мелодіи, но и гимны — „Боже Цари храни“ и „Коль славенъ“, а также до 20 номеровъ русскихъ пѣсень по сборнику Садоваго; учитель пѣнія, кистеръ мѣстной церкви, учить толково.

Еврейскія училища. Казенныя. Согласно распоряженію учебнаго округа, основанному на предписаніи министерства народнаго просвѣщенія, Свецианское казенное еврейское училище 1-го разряда было преобразовано въ двухклассное съ приготовительнымъ классомъ по положенію 23-го марта 1873 года. Открытіе его послѣдовало 19-го сентября, послѣ произведенныхъ передъ тѣмъ пріемныхъ испытаній; изъ числа лицъ, изъявившихъ желаніе поступить въ училище, удостоились пріема въ 1-й классъ 1-е отдѣленіе 17, 2-е отдѣленіе—12 и во 2-й классъ—4, а всего 33 мальчика. Подъ помѣщеніе нанята довольно удобный и просторный домъ, въ которомъ училище, при нынѣшнемъ его двухклассномъ составѣ и не очень значительномъ числѣ учащихся, можетъ расположиться съ надлежащимъ удобствомъ; но впоследствии предположено прискать болѣе обширную и соответствующую нуждамъ трехкласснаго училища квартиру. Равнымъ образомъ, необходимо устроить для него лучшую классную мебель и приобрести потребное количество книгъ, руководствъ, учебныхъ пособій и гимнастическихъ приборовъ; на это могутъ быть употреблены какъ остатки отъ суммы, назначенной вообще на содер-

жаніе училища, такъ и сумма, ассигнованная на училищную библиотеку, о чемъ уже сдѣлано надлежащее представленіе. Прочія матеріальныя нужды этого новаго заведенія, какъ-то наемъ прислуги, покупка дровъ и т. п., могутъ быть удовлетворяемы въ надлежащей мѣрѣ на счетъ штатной суммы, такъ что остается только желать, чтобы взносы ея еврейскими обществами производились болѣе аккуратно, нежели въ упраздненномъ Свенцянскомъ казенномъ училищѣ 1-го разряда, гдѣ учителя по нѣсколькимъ мѣсяцамъ оставались безъ жалованья за недостаткомъ денежныхъ поступленій въ училищную кассу.

Учебная часть въ Свенцянскомъ начальномъ училищѣ съ самаго его открытія получила правильную постановку и можно съ увѣренностью сказать, что въ будущемъ она достигнетъ вполне удовлетворительныхъ успѣховъ; ручательствомъ въ этомъ можетъ служить специальная подготовка къ дѣлу, энергія и усердіе новоназначенныхъ молодыхъ учителей.

Училища 1-го разряда. За преобразованиемъ Свенцянскаго казеннаго еврейскаго училища 1-го разряда въ двухклассное начальное еврейское по положенію 23-го марта 1873 года, въ вѣденіи дирекціи остались три казенныя училища 1-го разряда: въ уѣздныхъ городахъ Лидѣ и Опшяніи и въ м. Меречи, Трокскаго уѣзда. Два первыя имѣютъ удобное, просторное и свѣтлое помѣщеніе въ наемныхъ домахъ, послѣднее помѣщается тоже въ наемной квартирѣ, но не имѣющей всѣхъ нужныхъ для учебнаго заведенія удобствъ, притомъ не совсѣмъ сухой и теплой; лучшаго помѣщенія въ ничтожномъ еврейскомъ мѣстечкѣ, при всемъ стараніи, прискать было невозможно. Отопленіемъ, прислужкой, книгами и учебными пособиями казенныя еврейскія училища 1-го разряда снабжаются въ достаточномъ количествѣ и вообще ихъ матеріальное обезпеченіе, при ассигнуемой на ихъ содержаніе суммѣ изъ свѣчнаго съ евреевъ сбора, можно было бы назвать вполне удовлетворительнымъ, если бы назначенныя къ отпуску деньги были своевременно вносимы еврейскими обществами. Къ сожалѣнію, неаккуратность ихъ взноса не только не уменьшилась, но, кажется, еще увеличилась, къ крайнему неудобству какъ самыхъ заведеній, лишаемыхъ возможности платить своевременно прислужкѣ и домовладѣльцамъ за наемъ помѣщенія, приобретать дрова, книги, учебныя пособия и т. п., такъ и учащихъ, которые, не получая въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ слѣдующаго имъ содержанія, впадаютъ въ долги и терпятъ всевозможныя лишенія, на-

конецъ—и дирекціи, принужденной вести по этому предмету постоянную утомительную переписку съ губернскимъ правленіемъ.

Состояніе учебной части въ этихъ училищахъ, особенно въ Оммянскомъ и Лидскомъ, было удовлетворительно и успѣхи учащихся оказались достаточными по всѣмъ предметамъ. Въ младшемъ классѣ дѣти читають хотя медленно, но правильно по книгѣ „Русская грамота“ и могутъ объяснить отдѣльныя слова; знаютъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній и пишутъ подъ диктовку небольшія предложенія. Ученики же старшаго класса читають бѣгло, сознательно и довольно правильно какъ читанныя въ классѣ, такъ и нечитанныя статьи; могутъ прочитанное пересказать своими словами; выученныя наизусть басни и стихотворенія произносятъ живо и съ выразительностію; подъ диктовку пишутъ съ весьма незначительными ошибками; особенно отличаются въ грамматическомъ и логическомъ разборѣ, который производять быстро, правильно и весьма подробно; къ исправленію главнаго недостатка учениковъ-евреевъ,—нечистаго и неправильнаго произношенія, было приложено все стараніе со стороны учащихся и многіе мальчики усвоили себѣ чистый русскій выговоръ. По ариметикѣ ученики 2-го класса скоро и правильно рѣшаютъ довольно трудныя задачи надъ простыми, именованными и дробными числами, причемъ выказываютъ особенную сообразительность при отысканіи рѣшенія и быстроту въ производствѣ умственнаго счисленія и выкладокъ на доскѣ; нѣкоторые же хорошо дѣлають сложене и вычитаніе на счетахъ; въ 1-мъ классѣ занимаются преимущественно умственнымъ счисленіемъ въ предѣлахъ сотни и производствомъ двухъ первыхъ ариметическихъ дѣйствій надъ болѣе значительными числами. Упражненія въ чистописаніи производятся правильно и въ систематическомъ порядкѣ, начиная съ элементовъ и оканчивая мелкою скорописью, причемъ въ Оммянскомъ училищѣ съ успѣхомъ употребляется система тактическаго обученія, а въ остальныхъ преобладаетъ списываніе съ прописей и книгъ; почерки у большинства учениковъ красивые. Успѣхи по предметамъ собственно еврейскимъ гораздо слабѣе, что зависитъ частію отъ рутиннаго ихъ преподаванія, а еще болѣе отъ гибельнаго вліянія меламдовъ, которые съ раннихъ лѣтъ пріучають дѣтей къ бессмысленному, чисто механическому затверживанію на память текста священныя книгъ, безъ всякаго ихъ объясненія. Поступающіе въ училище мальчики съ трудомъ отвыкають отъ киванья взадъ и впередъ и крикливаго, односторонняго чтенія, безъ выразительности и остановокъ. И потому,

хотя изученіе текста книги Бытія въ 1-мъ классѣ, прочихъ книгъ Моисеевыхъ и нѣкоторыхъ пророческихъ во 2-мъ — сопровождается буквальнымъ переводомъ на русскій языкъ, но это едва ли можетъ принести дѣтямъ какую нибудь пользу, такъ какъ смыслъ всего читаемаго остается для нихъ недоступнымъ.

По еврейскому и нѣмецкому языкамъ дѣти учатся читать, писать, переводить и знакомятся съ важнѣйшими правилами грамматики, но не достигаютъ въ этомъ значительныхъ успѣховъ, какъ по трудности этихъ предметовъ, такъ и потому, что сами преподаватели недостаточно съ ними знакомы и особенно слабы въ нѣмецкомъ языкѣ. Кроме означенныхъ предметовъ, въ Опшянскомъ училищѣ дѣти были обучаемы пѣнію, и при помощи своихъ учителей довольно стройно и правильно выполняли гимны „Боже Царя храни“, „Коль славенъ“, и нѣсколько русскихъ народныхъ пѣсень.

При нѣкоторыхъ казенныхъ училищахъ 1-го разряда состояли особыя послѣобѣденныя смѣны, именно: при Опшянскомъ смѣна для дѣвочекъ и при Лидскомъ — для мальчиковъ и особая для дѣвочекъ. Хотя учащимся въ нихъ были преподаваемы только русскій языкъ, ариѳметика и чистописаніе, но при краткости учебнаго времени и неаккуратномъ хожденіи въ классъ, дѣти не могли сравниться въ успѣхахъ съ учениками училищъ и потому составляли какъ бы приготовительныя къ нимъ классы.

Школы русской грамотности въ г. Вильнѣ. Къ этому разряду принадлежатъ 5 двухклассныхъ школъ для мальчиковъ, 2 двухклассныя при нихъ мужскія смѣны, 1 одноклассная школа для мальчиковъ и 4 одноклассныя смѣны для дѣвочекъ. Всѣ эти училища въ матеріальномъ отношеніи обезпечены достаточно и имѣютъ приличную внѣшнюю обстановку: помѣщаются въ просторныхъ, чистыхъ и удобныхъ наемныхъ квартирахъ, снабжены постоянной прислугой и получаютъ надлежащее количество дровъ для отопленія, а также книгъ и необходимыхъ учебныхъ пособій. Школа № 8-й, находившаяся въ предмѣстьи г. Вильны—Антоколь. въ отчетномъ году переведена въ предмѣстье Снипишки, гдѣ живетъ гораздо больше евреевъ, чѣмъ на Антоколь, и гдѣ поэтому училище можетъ приносить пользу несравненно большому числу лицъ. Подъ помѣщеніе школы нанятъ чистенькій и удобный домикъ, уступленный домовладѣльцемъ-евреемъ за дешевую цѣну изъ желанія оказать услугу своимъ единовѣрцамъ.

Учебныя занятія въ мужскихъ двухклассныхъ школахъ русской

грамотности въ теченіе всего года продолжались непрерывно; но правильность ихъ въ нѣкоторыхъ школахъ была нарушена внѣшними обстоятельствами, именно: четыре учителя были командированы для слушанія дополнительныхъ курсовъ при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ, а затѣмъ послѣдовалъ переводъ ихъ въ другія училища и замѣщеніе ихъ должностей новыми лицами. Такія перемѣны въ личномъ составѣ учащихся должны были вредно отозваться на успѣхѣхъ учебныхъ занятій; при всемъ томъ, учебная часть почти всѣхъ 7-ми двухклассныхъ школъ грамотности оказалась въ состояніи вполне удовлетворительномъ.

По русскому языку ученики 1-го класса, поступившіе совершенно неграмотными и непонимающими почти ни одного русскаго слова, читали по учебной книжкѣ Паульсона довольно бѣгло и съ пониманіемъ, подъ диктовку лучшіе изъ нихъ писали безошибочно, а прочіе съ самыми незначительными ошибками, и только мальчики, поступившіе послѣ Пасхи, обнаружили недостаточную бѣглость въ чтеніи. Ученики 2-го класса читали по книгѣ Водовозова разказы изъ географіи, естественной и русской исторіи, совершенно правильно и съ выразительностію, выученныя на память стихотворенія произносили хорошо, логическій и грамматическій разборъ производили быстро и отчетливо; подъ диктовку писали почти безъ ошибокъ и даже переложеніе прочитаннаго на экзаменѣ стихотворенія сдѣлали весьма удачно; пересказъ прочитаннаго почти у всѣхъ былъ осмысленный. По ариѳметикѣ большинство учениковъ 1-го класса хорошо рѣшали письменныя задачи на всѣ 4 дѣйствія надъ простыми и именованными числами и умственными въ предѣлахъ сотни; ученики же 2-го класса весьма хорошо рѣшали довольно сложныя и трудныя задачи на 4 дѣйствія простыхъ дробей, какъ умственно, такъ и письменно, послѣдовательно и толково объясняли ходъ задачи и всѣ приемы ея рѣшенія; вообще въ счисленіи ученики еврейскихъ школъ обнаружили быстроту, бойкость и сообразительность, — качества, развиваемыя въ нихъ постояннымъ употребленіемъ счета въ обиходѣ домашней жизни. Преподаваніе чистописанія производилось, большею частію, по тактическому способу и, какъ показали представленныя на экзаменъ образцы письма, шло съ надлежащимъ успѣхомъ: ученики, особенно 2-го класса, приобрѣли правильный и красивый почеркъ и навыкъ писать скорописью. Такимъ образомъ, успѣхи учениковъ двухклассныхъ школъ грамотности оказались вполне удовлетворительными; ихъ можно назвать даже очень хорошими, если принять во вниманіе непродолжительность

учебнаго времени (2¹/₂ часа въ день), неразвитость учениковъ при поступленіи въ училище, неакуратное хожденіе ихъ въ классъ, обыкновенную измѣнчивость ихъ состава и, наконецъ, указанныя выше перемѣны въ личномъ составѣ учащихся. Такіе отрадные результаты учебныхъ занятій слѣдуетъ приписать усердію, акуратности и педагогической опытности, которыми отличается большая часть учителей. Одноклассная школа № 8-й стояла ниже другихъ училищъ по своимъ успѣхамъ, вслѣдствіе малочисленности учащихся, ихъ крайней бѣдности и неакуратнаго хожденія въ классъ; но съ переводомъ ея съ Антокольскаго въ Снипишское предмѣстіе, какъ число учащихся значительно возрасло, такъ, можно надѣяться, и успѣхи ихъ будутъ лучше прежнихъ. Во всѣхъ восьми мужскихъ еврейскихъ школахъ русской грамотности въ отчетномъ году окончили курсъ и получили свидѣтельства 86; переведено изъ 1-го класса во 2-й 156 мальчиковъ.

Въ женскихъ одноклассныхъ смѣнахъ при школахъ грамотности № 1-й, 3-й, 5-й и 8-й успѣхи учащихся оказались достаточно удовлетворительными. Поступившія послѣ Пасхи дѣвочки младшей группы усвоили механизмъ чтенія, но еще мало понимали читаемое, могли писать довольно правильно слова и короткія предложенія, знали два первыя ариѳметическія дѣйствія, недурно рѣшали умственные задачи въ предѣлахъ десятка и писали элементы буквъ; прочія дѣвочки, обучавшіяся съ начала года, читали твердо и довольно правильно и могли пересказать содержаніе прочитаннаго, произносили наизусть небольшія стихотворенія, рѣшали несложныя задачи на 4 дѣйствія. Ученицы старшей группы бѣгло читали по учебной книжкѣ Паульсона, хорошо пересказывали прочитанное, удовлетворительно произносили выученныя наизусть стихи, правильно писали подъ диктовку, знали склоненія и спряженія и могли указать главныя и второстепенныя части въ предложеніи; по ариѳметикѣ хорошо рѣшали задачи на 4 дѣйствія надъ простыми числами; почеркъ приобрѣли недурной. Хотя женскія смѣны, вслѣдствіе крайней бѣдности учащихся, неакуратнаго посѣщенія ими уроковъ, непродолжительности учебнаго времени и незначительности денежнаго вознагражденія учителей, не могутъ сравниться въ успѣхахъ съ мужскими школами, но все-таки онѣ приносятъ существенную пользу еврейскому населенію города, приучая дѣвочекъ къ русскому языку и сообщая имъ важныя въ торговыхъ и промышленныхъ занятіяхъ познанія въ русской грамотѣ и

счисленіи. Въ отчетномъ году изъ 4-хъ женскихъ смѣнъ вышло окончившихъ курсъ и получившихъ свидѣтельства 37.

Частныя училища. Къ разряду еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеній принадлежатъ: трехклассное съ приготовительнымъ классомъ женское училище Кагана, двухклассныя женскія училища Шрейбера и Фунта, одноклассное училище для мальчиковъ Каплана, ешиботъ Троковского и субботная школа для ремесленниковъ; изъ нихъ училища Кагана и Фунта получаютъ субсидію изъ свѣчнаго съ евреевъ сбора (Кагана 700 и Фунта 300 руб.), а прочія содержатся на частныя средства.

Отдѣленія сельскихъ училищъ. Подъ этимъ именемъ въ Виленской дирекціи извѣстны небольшія сельскія школы, открываемыя въ отдаленныхъ отъ сельскихъ училищъ деревняхъ для дѣтей, которыя по дальности разстоянія, малолѣтству или какимъ нибудь другимъ причинамъ не могутъ посѣщать волостныхъ школъ. Такія отдѣленія заводятся, обыкновенно, самими крестьянами, но не иначе, какъ съ согласія законоучителя и учителя ближайшаго народнаго училища, которымъ вмѣнено въ обязанность испытывать избираемое въ учителя отдѣленія лицо и слѣдить за его преподаваніемъ. Обученіемъ дѣтей по деревнямъ занимаются большею частію крестьяне, обучавшіеся въ народныхъ училищахъ, иногда же отставные солдаты, заштатные причетники и т. п. Вознагражденіе за свои труды они получаютъ самое незначительное — отъ 10 до 50 руб. въ зиму, со столомъ и квартирой, и довольствуются такою небольшою платою только потому, что занятія ихъ съ дѣтьми происходятъ въ зимнее, свободное отъ хозяйственныхъ работъ, время. Помѣщеніе для деревенской школы отводится въ одной изъ крестьянскихъ избъ, или же учитель съ учениками переходитъ изъ одного дома въ другой. Книги и учебныя пособія покупаютъ родители обучающихся мальчиковъ, иногда же волостное училище снабжаетъ свои отдѣленія учебниками изъ училищной бібліотеки. Обученіе въ деревенскихъ школахъ ограничивается чтеніемъ, письмомъ, счисленіемъ и изученіемъ молитвъ. Большая часть учителей употребляетъ рутинные способы обученія; но тѣ, которые сами обучались въ хорошихъ народныхъ школахъ по улучшеннымъ методамъ, стараются по возможности прилагать ихъ и въ своей учебной практикѣ. Нерѣдко можно встрѣтить отдѣленія, въ которыхъ обученіе чтенію производится по звуковой методѣ, дѣтямъ объясняютъ читаемое, упражняютъ ихъ въ умственномъ счисленіи и обращаютъ вниманіе на сознательность и разумность усвоенія ими

учебнаго матеріала. Въ такихъ школахъ мальчики выучиваются правильно и хорошо читать по русски и по славянски, могутъ пересказывать прочитанное, пишутъ безъ грубыхъ ошибокъ подѣ диктовку, произносятъ недурно заученныя на память басни и легкіе стихи, довольно скоро рѣшаютъ умственно и на доскѣ небольшія ариѳметическія задачи, читаютъ твердо и съ пониманіемъ важнѣйшія молитвы, разказываютъ кое-что изъ св. исторіи и наконецъ могутъ похвалиться недурнымъ почеркомъ. Вообще, нѣкоторыя отдѣленія, по успѣхамъ учащихся, близко подходятъ къ правильно устроеннымъ народнымъ училищамъ; прочія же служатъ только начальной ступеню элементарнаго обученія. Такъ какъ открытіе училищныхъ отдѣленій зависитъ отъ мѣстныхъ, часто совершенно случайныхъ причинъ, то число ихъ по губерніи ежегодно измѣняется: въ 1877 году было ихъ 88.

Училище при Виленскомъ воспитательномъ домѣ „Иисусъ Младенецъ“ имѣетъ довольно удобную и просторную классную комнату въ зданіи воспитательнаго дома, съ нужнымъ количествомъ мебели и учебныхъ пособій, и получаетъ достаточное содержаніе изъ суммъ Виленскаго приказа общественнаго призрѣнія. Контингентъ учащихся образуется изъ воспитанниковъ дома, для которыхъ ученіе составляетъ только весьма незначительную долю ихъ ежедневныхъ занятій, предписываемыхъ принятою въ этомъ заведеніи системою воспитанія. Большая часть времени употребляется здѣсь на работы по дому, въ саду, огородѣ, или мастерскихъ; на уроки же отдѣляется не болѣе 2¹/₂ часовъ для каждой изъ трехъ группъ, на которыя раздѣлены мальчики и дѣвочки по ихъ возрасту и успѣхамъ въ наукахъ. Не смотря на такую краткость учебнаго времени, утомленіе отъ работъ, неблагоприятное вліяніе на воспитанниковъ закрытаго заведенія, успѣхи учащихся, на произведенныхъ предѣ лѣтними каникулами экзаменахъ, оказались болѣе чѣмъ удовлетворительными. По закону Божію дѣти младшей группы знали твердо и съ пониманіемъ важнѣйшія молитвы, средней — всю ветхо-завѣтную исторію, старшей — исторію новаго завѣта, о праздникахъ и объясненіе Богослуженія. По русски старшіе ученики читали довольно бѣгло по книгѣ Водовозова, произносили выученныя на память басни и стихотворенія, писали подѣ диктовку съ соблюденіемъ знамовъ препинанія и могли разобрать предложеніе въ грамматическомъ и логическомъ отношеніи. По славянски читали и переводили на русскій языкъ по книгѣ для чтенія изъ 4-хъ Евангелистовъ. Изъ русской исторіи разказывали довольно подробно о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ — отъ осно-

ванія Русскаго государства до настоящаго времени. Изъ географіи, кромѣ общихъ понятій о землѣ и ея поверхности, ознакомились съ Европейской и Азіатской Россіей и могли указать на нѣмой картѣ всѣ важнѣйшіе русскіе города, равно какъ столицы въ европейскихъ государствахъ. По арифметикѣ бойко рѣшали умственные и письменныя задачи на всѣ 4 дѣйствія надъ простыми и именованными числами и могли дѣлать сложеніе и вычитаніе на счетахъ. Пишутъ почеркомъ правильнымъ и довольно красивымъ. Ученики младшей и средней группъ отвѣчали всѣ, за малыми исключеніями, въ предѣлахъ положенной программы удовлетворительно. Дѣти составляютъ весьма стройный хоръ, который поетъ въ домової церкви заведенія. Вообще состояніе учебной части въ этомъ училищѣ вполне хорошо, что слѣдуетъ приписать усиленному труду и настойчивости учителя Левицкаго и усерднымъ занятіямъ законоучителя Филаретова, который добровольно увеличилъ число уроковъ по своему предмету, воспользовавшись часами, когда дѣти были свободны отъ другихъ занятій. Благотворное вліяніе учителя и законоучителя на воспитанниковъ сказалось, между прочимъ, и въ томъ, что между ними развилась любовь къ чтенію назидательныхъ духовныхъ книгъ, которыя были выдаваемы имъ въ теченіе всего года, а послѣ экзамена лучшимъ ученикамъ розданы въ награду.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Я отказываюсь от попытки представить здѣсь отчетъ о той роли, которую играло учебное дѣло на всемирной выставкѣ. Письмо мое приняло бы слѣшкомъ большіе размѣры. Почти всѣ государства имѣли свои педагогическіе отдѣлы, и всѣ органы нашей печати, посвященные педагогикѣ, занимались подробнымъ разсмотрѣніемъ того, что было выставлено ими. Особенно *Revue pédagogique* постаралась удовлетворить въ этомъ отношеніи любопытство своихъ читателей. Въ дѣломъ рядѣ номеровъ этого изданія появились статьи, изъ которыхъ каждая была написана специалистомъ. Въ июльской книжкѣ вы найдете Францію, Австро-Венгрію, Италію, Португалію, Россію и Швейцарію; въ августовской—центральную и южную Америку, Бельгію, Данію, Испанію, Грецію, Соединенные Штаты, Норвегію и Нидерланды. Здѣсь собрано все, что можетъ интересовать читателя относительно учебнаго дѣла на выставкѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что книгопродавцу Деллаграву, которому пранадлежитъ упомянутое изданіе, пришла счастливая мысль выпустить подъ заглавіемъ: „Чужеземныя государства на всемирной выставкѣ“ (*Les nations étrangères à l'exposition universelle*) любопытный сборникъ, который не утратитъ дѣны долго послѣ того, какъ о выставкѣ перестанутъ уже говорить. Сборникъ этотъ состоитъ изъ 26 томовъ и каждый изъ нихъ посвященъ описанію какой-либо одной страны со слѣдующими рубриками: 1) историческій очеркъ; 2) географія и статистика; 3) подробный отчетъ о томъ, что извѣстная страна доставила на выставку. Этотъ сборникъ

будеть содѣйствовать распространенію во Франціи полевыми и точными свѣдѣніи о государствахъ, въ которыхъ наша публика съ непрестательными дерзновеніемъ относила съ слишкомъ равнодушіемъ.

Выставка, устроенная нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, была весьма интересна. Она привлекала къ себѣ вниманіе многими любителями такъ, напримеръ, въ особой залѣ собраны были различныя вещи, привезенныя въ послѣдніе годы путешественниками, которыя были командированы на казенный счетъ съ ученою цѣлью. Это была выставка археологическая и этнографическая. На ряду съ нею министерство устроило выставку, имѣющую важное значеніе для исторіи театра; а именно небольшія модели главнѣйшихъ декорацій, которыя были употребляемы у насъ въ театральныя представленія начиная съ XIV вѣка до теперешняго времени. Впервые публика могла составить себѣ ясное понятіе о декораціяхъ при представленіи истерій, о которыхъ знали у насъ очень мало. Успѣхъ упомянутой выставки былъ таковъ, что министерство сочло полезнымъ сохранить ее, устроивъ постоянный этнографическій музей. Назначена уже комиссия для обсужденія вопроса, каковыя образомъ слѣдуетъ организовать его, а въ палату депутатовъ внесено требованіе особаго кредита съ этою цѣлью. Бромъ того различныя правительства пожертвовали тѣ или другія части своихъ педагогическихъ коллекцій и существуютъ намереніе устроить изъ нихъ музей педагогическій, директоромъ всего будетъ г. Бюиссонъ. Впрочемъ рѣшительное слово зависитъ тутъ отъ палаты, а носятя слухи, будто она не очень расположена къ обоимъ упомянутымъ проектамъ.

Министерство народнаго просвѣщенія воспользовалось выставкой, чтобы совзвать въ Парижѣ изъ департаментовъ значительное число сельскихъ учителей. На расходы для этой цѣли ассигнованы были необходимыя суммы департаментскими и городскими совѣтами; содержание же въ столицѣ обошлось не слишкомъ дорого, ибо учителя были помѣщены въ зданіяхъ лицеевъ, опустѣвшихъ по случаю ваканцій. Они посѣщали выставку подъ руководствомъ приставленныхъ къ нимъ педагоговъ, которые вообще отзываются о нихъ съ большимъ одобреніемъ. Въ Сорбоннѣ присутствовали они на различныхъ, нарочно для нихъ устроенныхъ чтеніяхъ; а чтобы соединить пріятное съ полезнымъ, дано было нарочно для нихъ во Французскомъ театрѣ нѣсколько піесъ Расина и Мольера. Нѣтъ сомнѣнія, что путешествіе, о которомъ идетъ рѣчь, должно было принести имъ значительную

пользу. Г. Дефодонъ, редакторъ *Manuel général de l'instruction primaire*, сообщилъ въ этомъ изданіи любопытныя о немъ свѣдѣнія.

Что касается до чтеній въ Сорбоннѣ, о которыхъ я говорилъ сейчасъ, то они появились теперь въ печати подъ заглавіемъ: *Conférences pédagogiques*. Вотъ содержаніе этой книги: вмѣсто предисловія рѣчь къ учителямъ министра народнаго просвѣщенія; затѣмъ чтенія: г. Левассера—о преподаваніи географіи; г. Берже—о преподаваніи отечественнаго языка; г. Бруара, инспектора начальныхъ школъ—о преподаваніи исторіи; г. Тоста—объ учительскихъ сѣздахъ и учебныхъ бібліотекахъ; г. Жирара—о преподаваніи естественныхъ наукъ; г. Мицеля Бреала—о преподаваніи французскаго языка; доктора Ріала—о школьной гигиенѣ; г. Дюпона (Duraigne)—объ обученіи пѣнію; г. Бюссона, главнаго инспектора начальныхъ школъ и редактора педагогическаго словаря—о наглядномъ обученіи. Въ рѣчи своей министръ говорилъ довольно подробно объ учительскихъ сѣздахъ и заявилъ о намѣреніи своемъ устроить въ каждомъ кантонѣ педагогическую бібліотеку и музей; совѣтовалъ учителямъ учреждать между собою общества взаимнаго вспоможенія, сберегательныя кассы и т. п.

Недавно появился обширный трудъ г. Греара (Gréard) объ успѣхахъ начальнаго обученія въ Парижѣ и департаментѣ Сены отъ 1867 до 1877 года. Авторъ уже давно занимаетъ должность директора начальныхъ училищъ и въ этомъ званіи оказалъ весьма существенныя услуги. Книга, о которой идетъ рѣчь, есть собственно подробный отчетъ объ его дѣятельности. Извлекаю изъ нея нѣсколько интересныхъ свѣдѣній. Въ 1867 году число начальныхъ школъ въ упомянутой мѣстности, получавшихъ содержаніе изъ государственнаго казначейства, а также содержимыхъ частными лицами, простиралось до 1491; в настоящее время оно понизилось до 1404. Уменьшеніе коснулось преимущественно частныхъ училищъ и это потому, что они не могутъ выдерживать соперничества съ отлично устроенными школами *Société des frères de la doctrine chrétienne* и школъ муниципальных. За то число учениковъ во всѣхъ означенныхъ школахъ возросло съ 155,770 до 195,447, т. е. увеличилось на 39,747. Между тѣмъ народонаселеніе Парижа въ этотъ періодъ времени умножилось лишь на 100,000 человекъ. Въ 1867 г. 9,000 дѣтямъ отказано было въ приемѣ въ муниципальныя школы и пріюты за неимѣніемъ мѣста, а въ послѣднее время не было принято, по той же причинѣ, 6,000 дѣтей. Въ теченіе десяти лѣтъ возникло 105 новыхъ школъ, а 153

школы были расширены. Г. Греаръ полагаетъ, что слѣдуетъ учредить училища еще для 16,000 дѣтей, остающихся неграмотными не по винѣ своихъ родителей, а единственно потому, что имъ негдѣ учиться. Первая часть упомянутой мною книги содержитъ исключительно статистическія данныя, вторая посвящена педагогическимъ соображеніямъ автора, весьма интереснымъ. Почтенная дѣятельность г. Греара была увѣнчана на всемірной выставкѣ наградой.

Въ минувшемъ октябрѣ министръ народнаго просвѣщенія представилъ президенту республики докладъ о состояніи среднихъ учебныхъ заведеній во Франціи, съ которымъ считаю также не лишнимъ познакомить нашихъ читателей уже потому, что, со времени учрежденія университета при Наполеонѣ I, были обнаружены лишь два подобныя статистическія отчета: одинъ въ 1843 году министромъ Вильменомъ, а другой въ 1865 году г. Дюрюи. Теперешній министръ прежде всего обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ послѣдніе годы, особенно же начиная съ 1871 года, обнаруживается значительный прогрессъ въ сферѣ среднихъ учебныхъ заведеній: возникаютъ новые лицеи и новые коллегіумы ¹⁾; и казна, и городскія общества расходуя на нихъ большія суммы; учебныя планы подверглись тщательному пересмотру; училища, о которыхъ идетъ рѣчь, снабжены въ такой мѣрѣ, какъ никогда прежде, всякаго рода учебными пособиями; вездѣ введены гимнастическія упражненія. Статистическія таблицы, приложенныя къ отчету, знакомятъ насъ съ матеріальными средствами лицеевъ и коллегіумовъ, съ ихъ доходами и расходами, съ числомъ учащихся, распредѣленіемъ учебныхъ предметовъ, письменными упражненіями учениковъ, мѣрами поощренія и исправительными, результатами годичныхъ конкурсовъ; тутъ же наконецъ содержатся свѣдѣнія о высшей нормальной школѣ и школѣ нормальной Клонійской, о частныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, о репетиторахъ въ лицейхъ и т. д. Изъ упомянутаго документа видно, что въ настоящее время существуетъ во Франціи 86 лицеевъ, изъ которыхъ впрочемъ 5 только что учреждаются; нѣкоторые изъ лицеевъ имѣютъ загородныя отдѣленія (*petits collèges*) для дѣтей до 12-лѣтняго возраста; при другихъ находятся сады и даже довольно обширные парки. Что касается до бюджета лицеевъ, то вотъ нѣкоторыя цифры: плата за каждаго ученика простирается среднимъ чи-

¹⁾ Лицеями называются правительственныя гимназій, а коллегіумами (*collèges*) гимназій, содержимыя муниципалитетами.

слѣмъ до 787 фр., а содержаніе его стоитъ 932 фр., — дефицитъ въ 145 фр. покрывается нособіемъ отъ казны. Въ Парижѣ директора лицеевъ получаютъ по 9,000 фр. жалованья, кромѣ того квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ; въ провинціяхъ жалованье, дотро по средствамъ лицеевъ, назначается отъ 7,500 до 5,500 франковъ. Помощники директора (такъ называемые *conseillers*, надзирающіе преимущественно за воспитательною частью) получаютъ въ столицѣ по 8,000 франковъ, а въ департаментахъ отъ 5,600 до 3,600. Преподаватели раздѣлены относительно содержанія на 4 разряда: въ Парижѣ по 7,500, 7,000, 6,500 и 6,000 фр., въ провинціяхъ отъ 5,000 до 3,000 фр.

Во всѣхъ лицейхъ находится 2,349 преподавателей и лицъ, занимающихъ различныя административныя должности. Что касается до преподавателей, то вотъ какъ распределяются они по разнымъ предметамъ:

Математика	140
Физика, химія и естественная исторія	84
Философія	35
Исторія	68
Языки древніе и отечественный .	390
Новѣйшіе иностран. языки . .	88
Спеціальныя предметы	57
Всего	862

Всѣ означенныя лица имѣютъ различныя ученыя степени; докторовъ между ними 51.

Распределеніе времени въ лицейхъ согласовано съ установленнымъ въ Парижскомъ лицей Людовика Великаго такимъ образомъ: 4 часа въ день на уроки (отъ 8 до 10 и отъ 2½ до 4½); 7 час. 25 минутъ на приготовленіе къ урокамъ; 2 часа на рекрецію и 1 часъ 30 минутъ на завтраки, обѣдъ и ужинъ. Зимомъ ученики встаютъ въ 5 ч. 30 минутъ, а ложатся спать въ 8 съ половиною; лѣтомъ встаютъ въ 5 час. и ложатся въ 9 я. По четвергамъ ходятъ они къ обѣднѣ, а по воскресеньямъ къ обѣднѣ и вечерней. Отпускомъ изъ заведеній пользуются они лишь одинъ разъ въ двѣ недѣли; впрочемъ для лучшихъ по поведенію и успѣхамъ допускается исключеніе.

Наказанія употребляются въ лицейхъ слѣдующія: дурной балъ; добавочныя занятія въ рекреационное время; выговоръ директора; лише-

не отпуска на бодрѣ или менѣе продолжительный срокъ; арестъ въ карцерѣ подѣ надзоромъ наставника; исключеніе изъ лицея. Мѣрами поощренія служатъ: заведеніе имени ученика въ дневной приказъ по классу; право пользоваться отпускомъ помимо установленныхъ сроковъ; различныя награды въ теченіе года; большія награды предѣ Пасхой и на торжественномъ актѣ, которымъ заканчивается учебный годъ. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ лицеяхъ письменныя учрежденія учениковъ, удостоившіяся отличія, вносятся въ особую книгу, которая хранится въ заведеніи; иногда же лучшихъ шесть учениковъ въ каждомъ классѣ садятся на особую скамью, которая называется „почетною скамьею“ (banc d'honneur).

Содержаніе лицеевъ относится на предствѣ тѣхъ городовъ, гдѣ они учреждены. Въ 1876 году общій бюджетъ ихъ простирался до 24.028,867 фр., съ слѣдующимъ подраздѣленіемъ его:

Плата за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонахъ	13.148,157 фр.
Плата за ученіе	2.655,570 „
Казенныя стипендіи	1.019,676 „
Стипендіи департаментскихъ, общинныхъ совѣтовъ и частныхъ лицъ	646,556 „
Различныя пособія отъ казны	3.913,951 „
Пособія отъ департаментскихъ и общинныхъ совѣтовъ	233,494 „
Проценты съ капиталовъ, принадлежащихъ лицамъ	17,996 „
Случайные доходы (отъ продажи стараго имущества, отдачи въ наемъ нѣкоторыхъ частей зданій и т. п.)	725,768 „
Суммы на подарки ученикамъ, на празднества, устраиваемыя въ заведеніяхъ, на пособія бѣднѣйшимъ ученикамъ по окончаніи ими курса и т. п.	1.667,686 „

Изъ указаннаго выше общаго бюджета лицеевъ приходится среднимъ числомъ на каждый изъ лицъ по 300,000 фр. Цифры, приведенныя здѣсь, относятся къ 1876 году; въ 1875 году бюджетъ простирался лишь до 19.207,059 фр., и такъ какъ лицеевъ было тогда 77, то среднимъ числомъ на каждый приходилось по 250,000 фр. Значительнымъ увеличеніемъ своимъ въ 1876 году бюджетъ былъ обязанъ главнымъ образомъ государственному казначейству.

Къ концу 1876 года состояло во всѣхъ лицеяхъ 40,995 учениковъ, то-есть среднимъ числомъ по 500 ч. въ каждомъ заведеніи;

изъ нихъ 258 интерновъ и полупансіонеровъ и 242 экстерна; въ 1875 году учениковъ было лишь 32,630.

Кромѣ лицеевъ существуютъ во Франціи 252 общинныхъ коллегіума (colléges communaux) содержимые муниципалитетами или различными обществами и частными лицами; обучаются въ нихъ 38,236 молодыхъ людей, слѣдовательно почти столько же, сколько въ правительственныхъ лицеевѣхъ.

Наше министерство народнаго просвѣщенія постановило недавно, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ черченіе должно отнынѣ считаться обязательнымъ предметомъ во всѣхъ классахъ до класса реторики; въ этомъ же классѣ и во II-мъ воспитанники будутъ обучаться искусству чтенія въ слухъ. Искусствомъ этимъ особенно славится у насъ извѣстный драматическій писатель и членъ Французской академіи г. Легуве. Ему поручено составить руководство въ правильному и выразительному чтенію, которое уже и появилось въ свѣтъ: оно будетъ принято во всѣхъ нашихъ лицеевѣхъ, коллегіумахъ, а также въ начальныхъ нормальныхъ школахъ.

Несомнѣнно, что такъ называемыя у насъ педагогическія конференціи, предназначенны преимущественно для учителей начальныхъ школъ (это все равно, что учительскіе съѣзды въ Россіи) могутъ приносить значительную пользу. Конференціи эти учреждены были въ 1837 году. Постановлено было тогда, что они будутъ устраиваемы во всѣхъ департаментахъ, въ главныхъ городахъ каждаго кантона, въ опредѣленные сроки, а именно по одному разу въ мѣсяцъ зимою, и по два раза въ мѣсяцъ лѣтомъ. Сначала предписаніе это исполнялось въ точности, но потомъ мало по малу забыли о немъ, и конференціи собирались лишь изрѣдка. Въ настоящее время министр народнаго просвѣщенія обратился къ ректорамъ академій (извѣстно, что обязанности ихъ такія же, какъ въ Россіи обязанности попечителей округовъ) съ циркуляромъ, въ которомъ предлагаетъ имъ возобновить упомянутое учрежденіе. Постановленія 1837 года отчасти измѣнены въ слѣдующемъ смыслѣ: 1) конференціи могутъ заниматься исключительно лишь педагогическими вопросами; 2) предсѣдательство въ этихъ собраніяхъ обязательно принадлежитъ инспекторамъ начальныхъ училищъ или инспекторамъ академій. Въ томъ же циркулярѣ министр спрашиваетъ мнѣнія ректоровъ объ учрежденіи педагогическихъ конференцій не для тѣхъ или другихъ кантоновъ, но для цѣлыхъ департаментовъ, которыя собирались бы по одному разу въ годъ.

II.

Подъ заглавіемъ „Восточный вопросъ въ XVIII вѣкѣ и происхождение тройственнаго союза“ (*La question d'Orient au XVIII siècle et les origines de la triple alliance*) появилась недавно весьма любопытная книга. Авторъ ея, г. Альберъ Сорель, главный секретарь сената и профессоръ исторіи дипломатіи въ Шюль политическихъ наукъ, уже извѣстенъ нѣсколькими солидными сочиненіями, какъ напримѣръ „Очеркъ международнаго права“ и „Дипломатическая исторія франко-германской войны“. Въ новой своей книгѣ г. Сорель занимается изслѣдованіемъ событій, происходившихъ отъ 1769 до 1776 года, то-есть съ того времени, какъ Фридрихъ II впервые выступилъ съ планомъ раздѣла Польши до присоединенія къ Австріи Буковины. Г. Сорель—весьма талантливый писатель; онъ рельефно изобразилъ роль, принадлежавшую Фридриху среди тогдашнихъ обстоятельствъ, особенно же удался ему эпизоды двухъ свиданій, происходившихъ между прусскимъ королемъ и императоромъ Іосифомъ II въ Нейссъ и Нейштадтѣ; очень хорошо изложенъ имъ также образъ дѣйствій Маріи-Терезіи, и то, какимъ образомъ мало по малу Кауницъ поддался Фридриху. Г. Сорель не былъ въ своемъ распоряженіи новыхъ документовъ, но онъ основательно знакомъ съ новѣйшею литературою, относящеюся къ его предмету. Повторяю, книга его очень интересна, но не думаю, чтобы основной ея взглядъ не вызвалъ серьезныхъ возраженій. Видѣть въ раздѣлахъ Польши не настоящую историческую необходимость, а лишь торжество матеріальной силы и дипломатическаго искусства, это такой взглядъ, отъ котораго пора отказаться въ настоящее время.

Другая книга, имѣющая серьезное значеніе для исторіи XVIII вѣка, это—мемуары кардинала Берни, изданные г. Массономъ, бібліотекаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Упомянутый кардиналъ, одинъ изъ фаворитовъ г-жи Помпадуръ, руководилъ внѣшнюю политикой Франціи отъ 1755 до 1758 г.,—именно въ тотъ періодъ времени, когда началась столь несчастная для нашего отечества семилѣтняя война. Онъ вообще не отличался строгостью своихъ нравовъ, велъ чисто свѣтскую жизнь, писалъ остроумные стихи, щеголялъ своими остротами; Вольтеръ прозвалъ его *Babet la bouquetière*,—все это составило ему репутацію крайняго легкомыслія, которая была неразлучна съ воспоминаніемъ о немъ и до сихъ поръ. Утверждали, что онъ былъ главнымъ виновникомъ союза Франціи съ Австріей, но и

туть приписывали ему самыя презрѣнныя побужденія, а именно будто бы союзъ былъ устроенъ имъ подѣ влияніемъ злобы противъ Фридриха, который жестоко издѣвался надъ его стихотвореніями. Что касается до причинъ постигшей его немилости, то онѣ оставались совершенно необъясненными. Мемуары, о которыхъ идетъ рѣчь, вполнѣ опровергаютъ установившійся взглядъ и доказываютъ, что мотивы, далеко не эгоистическіе и весьма серьезныя руководили политикою министра. Мемуары эти вообще очень интересны: въ первыхъ главахъ, посвященныхъ молодости Берни, содержится много новыхъ подробностей объ общественныхъ и литературныхъ нравахъ въ началѣ XVIII вѣка; далѣе идетъ разказъ о политическихъ событіяхъ, о первыхъ столкновеніяхъ съ Англіей, о заключеніи союза съ Австріей, о борьбѣ парламентовъ съ духовенствомъ, объ участи Франціи въ семилѣтней войнѣ и т. д. Отнынѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Берни вовсе не хотѣлъ войны и далеко не былъ пророчникомъ франко-австрійскаго союза, что немилость, въ которую онъ впалъ была вызвана главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ продолжалъ отстаивать интересы мира даже когда война уже началась и не побоялся навлечь на себя неудовольствіе воинственной партіи, во главѣ коей находились г-жа Помпадуръ, Шуазель и цѣлая фаланга бездарныхъ генераловъ. Все это доказывается какъ нельзя болѣе убѣдительно письмами Берни къ Шуазелю. Изъ обнаруженныхъ нынѣ мемуаровъ мы видимъ, что кардиналъ былъ человѣкъ разсудительный, осторожный, хотя и нѣсколько тщеславный; что онъ вѣрно судилъ о событіяхъ и людяхъ своего времени и не обольщался на счетъ того нравственнаго растлѣнія, которое должно было принести Францію къ гибели. Издатель мемуаровъ, г. Массонъ, справедливо замѣчаетъ, что документы XVIII вѣка, хранящіеся въ архивахъ, содержатъ по всему вѣроятію еще много такого, что находится въ противорѣчій съ господствующими теперь мнѣніями.

Подтвержденіемъ этого служатъ между прочимъ два тома, изданные герцогуемъ Бродемъ, подѣ заглавіемъ: „Le secret du roi“. Тутъ дѣло идетъ также о XVIII вѣкѣ. Давно уже было извѣстно, что помимо своихъ министровъ и главнѣйшихъ дипломатовъ, Людовикъ XV находился въ тайныхъ и весьма дѣятельныхъ сношеніяхъ съ различными дипломатическими своими агентами. Какую же цѣль преслѣдовалъ онъ при этомъ? Какія лица служили его орудіями и какое вліяніе обнаруживала секретная дипломатія короля на ходъ тогдашнихъ событій? Все это было мало извѣстно до послѣдняго времени. Въ

1866 году одинъ изъ нашихъ ученыхъ, къ сожалѣнiю уже умершiй, г. Бутарикъ обнаруговалъ, на основанiи документовъ, найденныхъ имъ въ национальныхъ архивахъ, весьма любопытное сочиненiе подъ заглавiемъ: „Correspondance secrète inédite de Louis XV, sur la politique étrangère“, но г. Бутарикъ имѣлъ въ своихъ рукахъ лишь отрывки этой корреспонденцiи, вслѣдствiе чего многое представлялось въ ней совершенно непонятнымъ. Однимъ изъ главныхъ агентовъ короля былъ графъ Броля, предокъ тавереринскаго герцога: ему поручены были особенно важныя дѣла. Герцогъ Броля, на основанiи данныхъ, содержащихся въ семейномъ его архивѣ, приступилъ къ рѣзке архивовъ въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и военнаго министерства, гдѣ ему и удалось открыть множество совершенно неизвѣстныхъ доселѣ документовъ. Они придають значительный интересъ его книгѣ. Мы видимъ изъ нея, что въ 1756 году графъ Броля ѣздилъ по приказанiю Людовика XV въ Польшу, чтобы содѣйствовать тамъ избранiю королемъ принца Конти; разказъ объ этой поѣздкѣ занимаетъ значительную часть перваго тома и содержитъ не мало свѣдѣнiй для дипломатической исторiи не только Польши, но также Пруссiи, Австрiи и Россiи. Второю томъ служить какъ бы дополненiемъ къ упомянутымъ выше мемуарамъ кардинала Берни. Графу Бролю очень хотѣлось занять мѣсто посланника въ Вѣнѣ въ то время, какъ состоялся союзъ между Францiей и Австрiей; онъ не успѣлъ въ этомъ, но на пути въ Варшаву провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣнѣ затѣмъ былъ прикомандированъ къ французской армiи, дѣйствовавшей въ Германiи, а отъ 1764 до 1766 г. находился въ Англии, гдѣ вступилъ въ сношенiя съ пресловутымъ кавалеромъ д'Еономъ. Въ книгѣ герцога Броля на ряду съ его предкомъ выступаютъ и другiя замѣчательныя личности—Верженъ, Дюмурьё и т. д. Вообще книга читается съ большимъ интересомъ. Упомянутыя мною сочиненiя Сореля, герцога Броля и мемуары кардинала Берни (нужно присоединить сюда также появившуюся нынѣшнимъ лѣтомъ корреспонденцiю одного изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ королевы Марiи-Антуанетты, шведа графа Ферзена), составляютъ не маловажный вкладъ въ исторiю XVIII вѣка.

А вотъ и еще чрезвычайно почтенный трудъ, относящiйся къ той же категорiи: два первые тома обширнаго сочиненiя г. Ломенио Мирабо, — не только о знаменитомъ трибунѣ, но и о всемъ его семействѣ (*Les Mirabeau, par Louis de Lomenie*). Недавно умершiй авторъ этой книги составилъ себѣ извѣстность своею превосходною

книгою о Бомарше. Еще въ молодости своей онъ сошелся съ побочнымъ сыномъ Мирабо и авторомъ мемуаровъ о немъ, г. Монтиньяи, который передалъ ему много неизданныхъ документовъ. Не менѣе тридцати лѣтъ употребилъ г. Ломени на то, чтобы мало по малу пополнять ихъ, рыться и въ правительственныхъ и въ частныхъ архивахъ и результатомъ этихъ продолжительныхъ изслѣдованій является теперешній его трудъ, который онъ не успѣлъ издать самъ при своей жизни. Авторъ слѣдитъ за семействомъ Мирабо съ очень отдаленнаго времени: онъ считаетъ сомнительнымъ, чтобы семейство это—какъ полагаютъ многіе—было италіанскаго происхожденія (изъ Флоренціи), но ему удалось доказать, что въ прежнее время оно вовсе не принадлежало къ дворянству; напротивъ, въ началѣ оно было въ полномъ смыслѣ слова плебейскимъ. Тѣмъ не менѣе уже издавна играло оно довольно видную роль въ Провансѣ. Г. Ломени сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о дѣдѣ и бабушкѣ Мирабо, особенно же объ его дядѣ (le bailli de Mirabeau), извѣстномъ морякѣ, бывшемъ губернаторѣ Гваделупы, который участвовалъ подъ начальствомъ маршала Рихелье въ экспедиціи къ Портъ-Магону и командовалъ одно время галерами, принадлежавшими Мальтійскому ордену. Судьба этого ордена во второй половинѣ XVIII вѣка очень интересно изложена авторомъ. Второй томъ монографіи посвященъ отцу Мирабо, который самъ называлъ себя обыкновенно „другомъ людей“ (l'ami des hommes), по имени одного изъ наиболѣе извѣстныхъ своихъ сочиненій: на ряду со свѣдѣніями о жизни этого своенравнаго, взбалмошнаго и грубаго человѣка, читатель найдетъ тутъ много любопытнаго о провинціальномъ дворянствѣ въ XVIII вѣкѣ, о тогдашнемъ судопроизводствѣ, полиціи, объ эконоимическихъ теоріяхъ, бывшихъ тогда въ большомъ ходу. Въ особой главѣ излагаются доктрины физиократовъ, рьянымъ приверженцемъ которыхъ былъ пресловутый „другъ людей“. Разказъ о враждебныхъ отношеніяхъ этого оригинала къ своей женѣ поясняетъ среди какой непривлекательной обстановки выросъ знаменитый ораторъ революціи и служитъ введеніемъ къ его біографіи, которая займетъ два слѣдующіе тома. Они появятся въ непродолжительномъ времени, ибо авторъ оставилъ рукопись, совершенно готовую къ печати. На дняхъ Французская академія избрала г. Тена пріемникомъ г. Ломени, и нѣтъ сомнѣнія, что г. Тень, самъ много занимавшійся XVIII вѣкомъ, сумѣетъ въ своей вступительной рѣчи достойнымъ образомъ оцѣнить заслуги автора замѣчательныхъ монографій о Бомарше и Мирабо.

Появилось у насъ въ послѣднее время нѣсколько произведеній по исторіи англійской литературы. Г. Жюссеравъ (Jusserand) защищалъ въ Сорбоннѣ диссертацию подъ заглавіемъ „Театръ въ Англии со времени завоеванія ея Норманнами до непосредственныхъ предшественниковъ Шекспира“ (Le théâtre en Angleterre depuis la conquete normande jusqu'aux prédecesseurs immédiats de Shakspeare). У насъ еще не появлялось объ этомъ отдѣльнаго изслѣдованія. Въ предисловіи въ своей книгѣ авторъ очень остроумно проводитъ параллель между гениемъ англо-саксонскимъ и французскимъ: англійскій гений всегда независимъ, не подчиняется предвзятымъ теоріямъ. „Даже авторы, какъ будто слѣдующіе тѣмъ или другимъ теоріямъ, навримеръ Бенъ-Джонсонъ, въ сущности заставляютъ ихъ сообразоваться съ полетомъ своей фантазіи; непрерывно выходятъ они изъ предначертанныхъ для самихъ себѣ рамокъ; дѣятельность ихъ ума не стѣсняется ничѣмъ; это вовсе не тѣ расудительные писатели, которые надѣваются чистые нарукавники прежде чѣмъ взяться за перо; болѣею частью вышли они изъ народа, думаютъ и говорятъ въ одно и то же время, не подвергаютъ свою мысль предварительному испытанію; жизнь, огонь, безцеремонность импровизаціи отражается въ каждой ихъ строкѣ; для нихъ главное—идея; какъ скоро эта идея родилась, ее облачаютъ въ первую попавшуюся одежду и выпускаютъ на свѣтъ Божій. Во Франціи, напротивъ, для идеи назначено уже заранѣе готовое одѣяніе; тѣмъ хуже для нея, если она не умѣетъ приладиться къ нему“. Книга г. Жюссерава раздѣлена на шесть главъ: авторъ поочередно говоритъ въ нихъ о мистеріяхъ, нравоучительныхъ зрѣлищахъ, фарсахъ, первоначальныхъ трагедіяхъ и національной драмѣ. Все это изложено съ большимъ талантомъ, въ книгѣ много цитатъ, удачно переведенныхъ по французски, но съ подстрочнымъ подлиннымъ текстомъ.

Г. Стапферъ (Stapfer) издалъ сочиненіе о Шекспирѣ и отношеніяхъ его къ древней литературѣ (Shakspeare et l'antiquité), Это трудъ совершенно другаго рода. Авторъ ея былъ извѣстенъ доселѣ отличнымъ этюдомъ о Стернѣ и книгою подъ оригинальнымъ заглавіемъ: „Les artistes juges et parties“, о которой мы уже приходилось упоминать въ своихъ письмахъ. Хотя о Шекспирѣ существуетъ очень обширная литература и въ Англии и въ Германіи и въ другихъ странахъ, онъ нашелъ однако возможнымъ взглянуть на него съ оригинальной точки зрѣнія. Г. Стапферъ подвергъ подробному разбору исключительно тѣ произведенія великаго драматурга, сюжетъ коихъ

займствоваль изъ древняго міра.—Троила и Крестиду, Тимона Аонисаго, Перикла, Юлія Цезаря, Антонія и Клеопатру, Корюлана. Онъ изучаетъ, чѣмъ воспользовался Шекспиръ отъ древнихъ писателей, что онъ внесъ своего, и какимъ образомъ тѣ же самыя сюжеты, прежде и послѣ, были разрабатываемы другими писателями; при этомъ высказываетъ онъ много тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній о психологіи Шекспира, о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми онъ обладалъ, о встречающихся у него анахронизмахъ, объ его воззрѣніяхъ на древній міръ, о политическихъ его симпатіяхъ и антипатіяхъ. Нѣсколько любопытныхъ страницъ посвящено развитію классическихъ знаній въ англійскомъ обществѣ XVI вѣка. Все это дѣлаетъ книгу г. Станфера очень полезною и вмѣстѣ съ тѣмъ очень пріятною для чтенія; нельзя сомнѣваться что Французская академія удостоитъ ее одною изъ своихъ премій. Авторъ не думаетъ ограничиться упомянутымъ трудомъ: въ непродолжительномъ времени издастъ онъ изслѣдованіе о Шекспирѣ и греческихъ трагикахъ, посвященное вопросу о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ вращалась древняя и новѣйшая драма. Затѣмъ общаетъ онъ намъ книгу подъ заглавіемъ: „Шекспиръ, Мольеръ и германская критика“.

Профессоръ словеснаго факультета въ Гаанѣ, г. Бюхнеръ вознамѣрился также испробовать свои силы на Шекспирѣ. Въ книгѣ своей „Hamlet le Danois“ онъ утверждаетъ будто комментаторы преувеличили значеніе этого писателя, приписавъ ему много такого, о чемъ онъ и не помышлялъ. Авторъ подвергнувъ изслѣдованію преданія о Гамлетѣ, легенды англійскія и дѣтскія и прослѣдилъ какимъ образомъ выводили Гамлета на англійской сценѣ до Шекспира: цѣль всего этого доказать, что еще прежде чѣмъ появился Шекспиръ, уже существовали піесы, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Гамлетъ, и великій драматургъ воспользовался ими. „Но, говоритъ авторъ, подвергнувъ произведенія своихъ предшественниковъ передѣлкѣ, онъ не позаботился установить надлежащее соотвѣтствіе между цѣлями и отдѣльными частями. Небрежностью этою и объясняется главный недостатокъ Шекспировскаго Гамлета: характеръ его отнѣченъ двойственностью; это какъ бы двулицый Янусъ; одно лице его носитъ отпечатокъ прежняго творчества, а другое создано Шекспиромъ“. Многіе возражать; конечно, на это, что г. Бюхнеръ — плохой критикъ и что только поэтому видитъ онъ противорѣчія тамъ, гдѣ въ действительности ихъ не существуетъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что нынѣшнимъ лѣтомъ, когда

я долженъ былъ на время прервать свою корреспонденцію, вышло весьма замѣчательное сочиненіе г. Эрнеста Дениса о Гуссахъ и гусситскихъ войнахъ (*Huss et la guerre des Hussites, par Ernest Denis*). Авторъ его отлично знакомъ съ чешскимъ языкомъ съ чешскою и съ нѣмецкою литературой, относящеюся къ его предмету; ему известны также сочиненія гг. Новикова и Гильфердинга; книга его является плодомъ продолжительнаго, вѣрнее добросовѣтнаго труда, написана она съ талантомъ, а потому можетъ рассчитывать на обширный кругъ читателей. Особенно удачны главы, посвященныя событіямъ, которыя произошли въ Богеміи послѣ трагической смерти Гусса.

III.

Ориенталисты наши понесли двѣ тяжкихъ потери въ лицѣ г. Слана, члена Института, профессора арабскаго языка въ школѣ восточныхъ нарѣчій, и г. Гарсена де-Траси, занимавшаго кафедру въ той же школѣ. Оба они сошли въ могилу въ очень преклонныхъ лѣтахъ. Г. Сланъ былъ по происхожденію Англичанинъ, въ молодости состоялъ переводчикомъ при нашей арміи въ Алжирѣ, а позднѣе сдѣлался преподавателемъ, — сначала преподавалъ алжирское арабское нарѣчье, а затѣмъ литературный арабскій языкъ. Наиболее замѣчательнымъ изъ его ученихъ трудовъ считаютъ переводъ съ комментаріями Ибнъ-Халдуна. Г. Гарсенъ де-Траси особенно прославился своими изслѣдованіями объ индустанской литературѣ; ежегодно во вступительныхъ лекціяхъ къ своему курсу онъ подробно и съ огромною эрудиціей резюмировалъ движеніе науки въ сферѣ его специальности. Англичане сознавались, что немногіе изъ ихъ ориенталистовъ могли бы занять мѣсто на ряду съ нимъ; и такъ какъ въ настоящее время трудно приискать достойнаго ему преемника, то по всему вѣроятію кафедра его останется вакантною или подвергнется преобразованію.

Умеръ также человекъ, принимавшій, между прочимъ, большое участіе въ вопросахъ, касавшихся у насъ народнаго просвѣщенія: монсиньоръ Дюпанлу, епископъ Орлеанскій. Онъ былъ нѣкогда директоромъ Парижской духовной семинаріи и профессоромъ духовнаго краснорѣчія въ Парижскомъ богословскомъ факультетѣ; уже въ то время энергически требовалъ онъ для духовенства права учреждать среднія учебныя заведенія. Въ училищахъ, находившихся подъ его

управленіемъ, онъ заботился объ упроченіи классическихъ знаній и мысли свои по этому поводу изложилъ въ довольно обширной книгѣ; ему же принадлежитъ другое сочиненіе педагогическаго содержанія „Les femmes savantes et les femmes studieuses“. Назначенный сенаторомъ въ 1872 году монсеньоръ Дюпанлу былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ закона, въ силу коего возникли у насъ четыре католическихъ университета — въ Парижѣ, Лиллѣ, Анжерѣ и Тулузѣ. Въ семинаріи г. Орлеана, гдѣ онъ былъ епископомъ, изученіе древнихъ языковъ достигало блестящихъ результатовъ и г. Дюпанлу часто приглашалъ туда извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ, чтобы присутствовать на представленіяхъ греческихъ трагедій, разыгрываемыхъ воспитанниками.

Къ числу замѣчательныхъ нашихъ ученыхъ, скончавшихся въ послѣднее время, принадлежалъ г. Ноде, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Академіи надписей и изящной словесности. Родился онъ въ 1786 году и съ 1817 г. занималъ мѣсто въ академіи. Почти до послѣдней минуты онъ не переставалъ посѣщать ее и принималъ дѣятельное участіе въ ея трудахъ. Специальностью его были римская исторія и древности и важнѣйшими изъ его произведеній считаются: „Объ администраціи Римской имперіи со временъ Діомлеціана“, „Объ Остготской монархіи въ Италіи“, „Объ устройствѣ почтъ у Римлянъ“; кромѣ того принадлежатъ ему отличающіяся значительными достоинствами изданія Плавта, Катутла, Горация и Тацита. Онъ былъ профессоромъ латинской поэзіи въ Collège de France и директоромъ Парижской національной бібліотеки. Умеръ также г. Пьеръ Шарпантье, извѣстный уже тѣмъ, что на его долю выпала честь занять катедру Виктора Леклера въ Сорбоннѣ. Нѣкоторыя изъ его сочиненій, какъ напримѣръ „Исторія возрожденія европейской литературы въ XV вѣкѣ“ и „Исслѣдованія о римскихъ писателяхъ временъ имперіи“ пользовались въ свое время успѣхомъ.

Наконецъ и въ педагогическомъ нашемъ мірѣ нужно отмѣтить прискорбную утрату: я говорю о смерти г-жи Маріи Паль-Карпантье, главвой директрисы дѣтскихъ пріютовъ, имя коей очень популярно во Франціи и пользуется извѣстностью даже въ Европѣ. Еще когда была она очень молода, было поручено ей организовать первый дѣтскій пріютъ и примѣнить въ немъ систему нагляднаго обученія; старанія ея увѣнчались значительнымъ успѣхомъ и съ тѣхъ поръ она не переставала знакомить публику съ результатами своей дѣятельности въ различныхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ „Совѣты касательно

устройства дѣтскихъ пріютовъ“ и „Наглядное обученіе въ дѣтскихъ пріютахъ“ получили преміи Французской академіи. Въ 1867 году, во время всемірной выставки, она читала замѣчательныя лекціи собравшимся въ Парижъ сельскимъ учителямъ и въ томъ же году Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ присудила ей премію, учрежденную для лицъ, которыя практическою своею дѣятельностью оказали наиболѣе услугъ начальному образованію. Сочиненія г-жи Папъ-Карпантье считаются у насъ классическими и вѣроятно еще долго удержатъ за собою эту репутацію.

Л. Л—ръ.

КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ.

(Некрологъ).

16-го ноября, въ засѣданіи II-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, академикъ Я. К. Гротъ прочелъ по поводу кончины кн. П. А. Вяземскаго слѣдующія строки:

„10-го ноября, скончался старѣйшій сочленъ нашъ по Академіи и старѣйшій же собратъ нашъ по литературѣ. Родившись въ 1792 году, князь Вяземскій началъ свою литературную дѣятельность уже въ 1808, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 16-ти лѣтъ отъ роду, и, продолжая ее до послѣднихъ дней жизни, какъ бы опровергъ собою известное положеніе науки, что чѣмъ ранѣе силы развиваются, тѣмъ ранѣе и увядаютъ.

„Онъ умеръ въ Баденъ-Баденѣ черезъ 26 лѣтъ послѣ Жуковского, который кончилъ свое поприще тамъ же, спустя 26 лѣтъ послѣ смерти Карамзина.

„Грустны могли казаться послѣдніе годы жизни кн. Вяземскаго: онъ провелъ ихъ не только на чужбинѣ, но и въ совершенномъ умственномъ одиночествѣ, вдали отъ современнаго движенія родной литературы, переживъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и товарищей, почти забытый молодымъ поколѣніемъ, считая между живыми литераторами лишь немногихъ, ему сочувствовавшихъ и цѣнившихъ его талантъ. Но судьба облегчила ему перенесеніе этихъ лишеній, сохранивъ ему до гроба вѣрнаго друга, достойную спутницу жизни, избранную имъ еще въ молодые годы, неизмѣнно дѣлившую съ нимъ на долгомъ пути и радость, и горе. Самъ поэтъ никогда не разрывалъ связи съ русскою литературой, постоянно продолжалъ слѣдить за нею, какъ и

за всёмъ, что происходило въ отечествѣ, а былъ счастливъ въ тиши уединенія, въ тѣсномъ кругу семьи и немногихъ близкихъ.

„Справедливо ли было равнодушіе, или, вѣрнѣе, пренебреженіе, съ какимъ современная литература относилась къ князю Вяземскому? Положительно, нѣтъ. И въ этомъ случаѣ, какъ бываетъ такъ часто въ людскихъ дѣлахъ, виною было недоразумѣніе: покойнаго считали гордымъ, спѣсивымъ, холоднымъ: это было несправедливо. Въ его талантѣ преобладала критическая струя; его сила была въ эпиграммѣ и сатирѣ; онъ не умѣлъ сдерживать остраго и бойкаго слова, и вотъ что поссорило его съ молодымъ поколѣніемъ, когда оно въ своихъ увлеченіяхъ давало пищу его перу.

„Блестящаго ума и таланта въ князѣ Вяземскомъ не могли отрицать и враги его: съ поэтическимъ дарованіемъ онъ соединялъ самостоятельность и глубину мысли, рѣзкость и оригинальность выраженія; сатира его была мѣткая и язвительна. Понятно, почему онъ особенно сочувствовалъ фонъ-Визину и посвятилъ этому писателю свой главный историко-литературный и критическій трудъ. Эта превосходная монографія, которая впервые познакомила автора съ высокимъ наслажденіемъ прилежнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія, даетъ понятіе, какого значенія въ этой сферѣ дѣятельности могъ бы достигнуть нашъ покойный сотоварищъ, еслибъ обладалъ постоянствомъ въ трудѣ и привычкою къ ученымъ занятіямъ. Впрочемъ, есть слухъ, что въ портфель его остался еще другой оконченный трудъ этого рода, предметъ котораго—также родственная ему и фонъ-Визину по свойству ума личность, именно извѣстный своимъ остроуміемъ князь Козловскій.

„Къ сожалѣнію, князю Вяземскому не былъ чуждъ тотъ недостатокъ, который такъ часто препятствуетъ полному развитію силы и даровитости русскаго человѣка: его не увлекала жажда труда, онъ легко предавался бездѣйствію. „Если“, говорилъ онъ мнѣ однажды,— „я не сдѣлалъ въ литературѣ ничего значительнаго, то это произошло, главнымъ образомъ, отъ моего образа жизни: я никогда не умѣлъ рано вставать и день мой рѣдко начинался до полудня“. При такомъ недостаткѣ дѣятельности, виною котораго, впрочемъ, въ позднѣйшіе годы былъ и тяжкій недугъ, надо еще удивляться, какъ успѣлъ князь Вяземскій, посреди свѣтской жизни, въ которой онъ по своему положенію враждался, написать такъ много замѣчательнаго: это объясняется только высокою степенью его ума и способностей. Къ отсутствію энергической дѣятельности присоединялась въ немъ и

безпечность даже о собственныхъ своихъ интересахъ. Иначе онъ, конечно, давно озаботился бы собрать и издать свои сочиненія, и тогда его мѣсто въ литературѣ было бы, безъ сомнѣнія, и опредѣленно, и видно. Но князя Вяземскаго знали большею частью только по наслышкѣ, и многіе на него смотрѣли сквозь мутные очки сословнаго предубѣжденія. Кто зналъ его близко, не могъ не уважать въ немъ человека съ душою теплою, съ умомъ просвѣщеннымъ, съ сердцемъ, сочувствовавшимъ всему доброму и прекрасному, въ какихъ бы житейскихъ условіяхъ оно ни проявлялось. Недостатокъ дѣятельности не мѣшалъ ему цѣнить это свойство въ другихъ и отдавать справедливость всякому честному и полезному труду.

„Года два тому назадъ, родственникъ покойнаго, графъ С. Д. Шереметевъ, предпринялъ изданіе сочиненій поэта, почти противъ воли его. Съ трудомъ собрался старецъ написать по этому поводу родъ автобіографической записки, о которой его просили, и которая въ настоящее время уже печатается впереди приготавлиаемаго тома. Пожелаемъ, чтобъ это изданіе установило въ потомствѣ справедливый судъ о писателѣ, котораго Карамзинъ, убѣдившись въ его талантѣ, благословилъ на служеніе поэзіи, котораго высоко ставили Жуковский, Пушкинъ и Гоголь. Кончаю этими немногими словами, въ надеждѣ, что ко дню годоваго собранія Академіи Наукъ М. И. Сухомлиновъ, вмѣстѣ съ отчетомъ по нашему отдѣленію, представитъ болѣе полный обзоръ дѣятельности и оцѣнку заслугъ нашего знаменитаго сочлена. А покуда почтимъ память поэта, повторивъ давно произнесенное имъ „слово примиренія“, которому теперь всепримиряющая смерть даетъ новую силу и новое значеніе:

Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
 Чья не посѣй его рука:
 Богъ въ помочъ вамъ, младое племя,
 И вамъ, грядущіе вѣка!»

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЗДНѢЙШАГО ПЕРІОДА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Нерѣдко возникалъ вопросъ о томъ, какія обстоятельства вызвали главнымъ образомъ, во времена императоровъ, упадокъ римской поэзіи. Самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ не сразу послѣ блестящихъ временъ Августа наступилъ поворотъ къ худшему. Напротивъ, превосходство съ формальной стороны, свойственное Вергилію, Овидію и Горацию, сохранялось еще у поэтовъ 1-го вѣка послѣ Р. Х.; оно было даже доведено до большаго совершенства; а что касается содержанія, то означенная эпоха произвела даже нѣкоторыя превосходныя творенія. Послѣ Ювенала однако все болѣе и болѣе выступали наружу посредственность и диллетантизмъ, еще и въ серебряномъ и золотомъ вѣкѣ римской поэзіи часто вызывавшіе сожалѣніе наилучшихъ знатоковъ, какъ напр. Горация. Между многочисленными поэтами въ промежутокъ времени отъ III до VI столѣтія (отъ II вѣка, за исключеніемъ Ювенала, принадлежавшаго отчасти и къ III, кромѣ нѣсколькихъ бездѣлицъ ничего не сохранилось) лишь очень немногіе настолько отличаются умомъ и вкусомъ, чтобы и теперь возбуждать удовольствіе и всеобщій интересъ. Впрочемъ, чтобы быть справедливыми, мы должны при оцѣнѣ именно римской литературы, дошедшей до насъ въ болѣе отрывочномъ видѣ нежели греческая, принимать отчасти въ соображеніе также и затеряныя или по крайней мѣрѣ отрывочно сохранившіяся произведенія. Было бы большою ошибкой полагать, что лишь лучшіе писатели каждаго вѣка дошли до насъ, спасенные отъ смутъ среднихъ вѣковъ. Случай-

ность, капризъ переписчиковъ, своеобразный вкусъ, преобладавшій въ различныхъ эпохи, имѣли часто гораздо болѣе вліянія, чѣмъ истинное величіе и неоспоримыя достоинства литературныхъ произведеній. Съ другой стороны было бы рискованно дѣлать заключенія изъ нрѣдко слишкомъ лестныхъ отзывовъ современниковъ или потомства о затерявшихся римскихъ сочиненіяхъ: но опять таки вѣрно и то, что даже между мало цитируемыми авторами часто встрѣчались дѣятели перваго разряда. Вспомнимъ только о Тацитѣ, о которомъ такъ рѣдко упоминается и то лишь болѣею частью изъ за содержанія, а не изъ за его историческаго и стилистическаго искусства. Не приписали ли бы мы высокую хвалу, воздаваемую ему (ср. напр. IV, 15, 1; VII, 33, 1) младшимъ Плиніемъ, лишь дружбѣ, если бы случайно не сохранилась болѣшая часть его сочиненій? Но тѣмъ обстоятельствомъ, что они сохранились, мы обязаны не столько ихъ значенію—ибо въ послѣднія времена древности жившимъ образомъ не были способны понять Тацита, а тѣмъ болѣе оцѣнить его—сколько тому обстоятельству, что одинъ римскій императоръ III вѣка, причислявшій Тацита къ своимъ предкамъ, позаботился о распространеніи его рукописей.

Обратимся впрочемъ къ нашей задачѣ, хотя сказанное едва ли можно назвать отступленіемъ. Между поэтами III вѣка по Р. X. первое мѣсто принадлежитъ тому, чьи сочиненія затерялись за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ, а именно Септимію Серену, пользовавшемуся славой около 250 года Его „*Opuscula ruralia*“, написанныя какъ бы въ подражаніе Анніану Фалиску, жившему при Адрианѣ, обнаруживаютъ при великомъ метрическомъ искусствѣ много изящества—сколько именно можно заключить о цѣломъ по скуднымъ отрывкамъ (они собраны и критически разобраны въ прибавленіи къ моему изданію Рутілія Намаціана, Лейпцигъ, 1870 г., стр. 44 и слѣд.).

Между сохранившимися твореніями послѣдующихъ вѣковъ, первое мѣсто безспорно занимаютъ стихотворенія Клавдіана, Рутілія Намаціана и Меробавда не только по свидѣніямъ, которыя мы почерпаемъ у этихъ свидѣтелей роковыхъ для римской имперіи событій, но и по поэтическимъ достоинствамъ, превосходному изложенію, хотя и не свободному отъ недостатковъ того времени, а также и вслѣдствіе метрическаго совершенства. Кромѣ ихъ болѣшая часть поэтовъ IV вѣка, какъ языческихъ, такъ и христіанскихъ, представляетъ интересъ только по отношенію къ содержанію, или по отношенію къ метричѣ. Глубиною чувства и благородною простотою языка отличаются нѣкоторые хри-

стихотворенія, написанныя въ формѣ ритмическихъ строкъ безъ соблюденія метра. Именно это послѣднее условіе и порвало связь съ древнею поэзіей какъ римскою, такъ и греческою, отличительная черта коей состоитъ главнымъ образомъ въ соблюденіи долготы и краткости слоговъ. Упомянутыя гимны составляютъ переходъ къ ритмическимъ средневѣковымъ стихотвореніямъ, на ряду съ которыми продолжала еще существовать и метрическая поэзія.

Но всѣ указанныя исключенія не въ состояніи опровергнуть того факта, что съ конца 1-го вѣка по Р. Х. римская поэзія находится въ упадкѣ. О причинахъ этого явленія мнѣнія ученыхъ очень расходятся.

Нѣкоторые старались объяснить его тѣмъ, будто Римляне или Италійцы вообще очень мало были одарены отъ природы поэтическимъ талантомъ. Момизенъ особенно рѣзко развивалъ эту мысль въ литературныхъ отдѣлахъ своей римской исторіи. Но мнѣніе его кажется намъ ошибочнымъ.

Никто, конечно, не вадумаетъ утверждать, что Италійцы относительно поэтическаго дарованія могутъ равняться съ Греками до временъ Александра Великаго. Однако есть же середина между высотою таланта и совершеннымъ отсутствіемъ его. Народъ, славившійся такими поэтами, какъ Лукрецій, Проперцій и Овидій, не можетъ считаться лишенымъ поэтическаго дарованія. То обстоятельство, что въ теченіе долгаго времени Римляне такъ мало сдѣлали для поэвіи, часто даже пренебрегали ею, объясняется очень просто тѣмъ извѣстнымъ фактомъ, что въ Римѣ индивидуальныя силы каждаго гражданина, на сколько ему позволяли интересы его частной жизни, были поглощаемы политическою и военною дѣятельностью, въ ущербъ искусству и наукѣ. Чѣмъ болѣе, однако, Римляне со времени пуническихъ войнъ сознавали, что въ государственномъ организмѣ и индивидуумѣ имѣетъ свои субъективныя права, тѣмъ болѣе они отказывались отъ своего отвращенія или пренебреженія поэзіей: вмѣсто недостатка въ поэтахъ появилось излишество ихъ; и между этими поэтами встрѣчается не мало императоровъ, а также и другихъ мужей знатнѣйшаго происхожденія.

Важнѣе вопросъ (котораго мы впрочемъ здѣсь касаться не можемъ), было ли во всѣхъ отношеніяхъ полезно для римской поэвіи вплоть до временъ Августа все болѣе и болѣе усиливавшееся подражаніе Грекамъ? Что оно господствовало, едва ли можно отрицать; нужно было бы только изслѣдовать—принесло это подражаніе вредъ или

пользу. Точное изслѣдованіе слишкомъ далеко отвлекло бы насъ отъ нашей задачи. А потому скажемъ только, что въ одномъ отношеніи, а именно въ подражаніи греческой метричѣ, Римляне не заслуживаютъ упрёка. Они поступали тутъ съ удивительнымъ тактомъ, пользуясь съ одной стороны всѣми отраслями греческой метрики, исключая дорійской и хоровой, а съ другой, строго соблюдая особенности латинскаго языка, послѣдовательность и правильность. И это имѣло благотворныя послѣдствія, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что латинскій языкъ уже нѣсколько вѣковъ ранѣе подпалъ бы тому вырожденію, которое мы встрѣчаемъ въ IV, V и VI вѣкахъ по Р. Х. въ плебейской латыни, если бы метрика его оставалась все въ томъ же запущеніи, какое обнаруживаетъ сатурнійскій стихъ, и даже гораздо болѣе строгіе стихи Плавта и Теренція,—несмотря на то, что вездѣ, даже и въ этихъ старѣйшихъ памятникахъ римской поэзіи, также какъ и у греческихъ поэтовъ, принималось въ расчетъ лишь количество слоговъ, а не грамматическое удареніе. Если этого не случилось, если латинскій языкъ, не утративъ силы и достоинства, блестятъ красотой и благозвучіемъ, то этимъ онъ обязанъ Энию и Луцилію, Луверенцію и Катуллу, а также и поэтамъ Августова вѣка и наконецъ поэтамъ I вѣка по Р. Х., ставившимъ себя въ образецъ Виргилію, Горацию и особенно Овидію.

Возможно ли, чтобы строгое метрическое искусство, въ которому названные поэты отчасти стремились и достигали его, породило главнымъ образомъ упадокъ римской поэзіи, какъ утверждаетъ между прочимъ Кене въ своей книгѣ „Ueber die Sprache der Römischen Epiker“, книгѣ, содержащей, на ряду со многими здравыми идеями, не мало удивительныхъ странностей? На это можно было бы возразить, что наиболѣе блестящій римскій поэтъ Овидій былъ (подобно Виргилію, хотя и въ другомъ родѣ) необыкновенно искуснымъ версификаторомъ и что самыя значительныя произведенія римской поэзіи отличаются величайшимъ совершенствомъ съ точки зрѣнія метрики. Основной принципъ, на которомъ зиждется упомянутое предположеніе, невѣренъ, ибо древность — какъ греческая, такъ и римская — не могла даже допустить возможности какого-либо великаго поэта безъ полнаго совершенства метрической формы. Авторъ, который допустилъ бы, примѣрно, только одинъ гекзаметръ изъ 7 стопъ или только одинъ пентаметръ съ однимъ спондеемъ во второй половинѣ, подвергся бы безошадному осмѣянію. Древніе не ограничивались лишь требованіемъ избѣгать барбаризмовъ, въ родѣ упомянутыхъ, которые

можно встрѣтать развѣ въ наше время у людей, пишущихъ на мертвыхъ языкахъ; они полагали, и совершенно справедливо, что поэзія основывается не только на природномъ дарованіи, но и на искусствѣ, которому нужно научиться и которое прежде всего должно нарушиваться въ техничѣ стиха. Поэтому учащемуся юношеству съ помощью стихотвореній Гомера, Феогнида, Виргилія и Горация преподавалась просодія, метрика и стихосложеніе съ такою основательностью и строгостью, о которыхъ наши педагоги, даже самыя дѣльныя, не имѣютъ и понятія. Можно доказать, что побои, на которые такъ часто жаловались ученики римскихъ школъ, доставались имъ обыкновенно на урокахъ метрики и просодіи.

Если принять также во вниманіе, что поэты постоянно изучали лучшіе образцы и подражали имъ, что они непрерывно имѣли сношенія съ грамматиками и риторами и вращались въ самомъ образованномъ кругу общества, то никто не рѣшится утверждать, будто стихотворство даже въ наиболѣе трудныхъ метрахъ стоило древнимъ столько же труда, сколько стоитъ оно филологамъ нашего времени, пишущимъ стихи по латини или по гречески, какъ бы эти филологи ни были свѣдуши въ языкѣ и поэзи древнихъ.

Причина ранняго паденія римской поэзіи, по моему мнѣнію, совершенно иная, чѣмъ та, о которой упомянуто выше: она заключается въ недостатокъ подходящаго содержанія. Можетъ быть мнѣніе это найдутъ страннымъ и возразятъ: развѣ исторія римскаго народа, болѣе богатая и величественная, чѣмъ исторія всякаго другаго, не представляла неисчерпаемый матеріалъ для поэтовъ? развѣ эпоха императоровъ не открывала достаточно простора для индивидуальнаго образованія и развитія, столь благоприятныхъ главнымъ образомъ для поэзіи, между тѣмъ какъ во времена республики интересы гражданъ были почти совсѣмъ поглощены государственными заботами?

Что касается перваго изъ этихъ замѣчаній, то конечно сознаніе величія римской имперіи никогда не покидало римскихъ поэтовъ. Даже самыя поздніе изъ нихъ, какъ язычники, такъ и христіане, — даже такіе, которые и не были природными Римлянами, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Во всѣхъ ихъ произведеніяхъ на подобіе красной нити проглядывала вѣра въ вѣчность Рима, въ его призваніе къ господству надъ вселенной, въ его звѣзду, которая не допуститъ до униженія и паденія семихолмный городъ. Доказательствомъ служатъ, между прочимъ, стихотворенія Клавдіана. Но если вообще нужны здѣсь доказательства, то еще съ бѣльшимъ правомъ можно упомянуть о стихо-

твореніи Рутилія Намаціана, написанномъ въ началѣ паденія западной Римской Имперіи подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ завоеванія Рима Аларихомъ; между тѣмъ, Рутилій Намаціанъ, какъ извѣстно, былъ Галлъ, а не Римлянинъ. Идея о Римѣ и его призваніи перешла и къ Византіяцамъ, которые до самого завоеванія Константинополя Турками не только считали себя наслѣдниками древнихъ Римлянъ, но называли себя даже Римлянами. Тѣ же возрѣнія присущи и средне-вѣковымъ поэтамъ. Но сознанія силы національнаго величія еще недостаточно, чтобы вызвать процвѣтаніе поэзіи у какого-либо народа. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ извѣстнымъ фактомъ, что возникающее величіе государства, хотя и часто, однако далеко не всегда, связано съ процвѣтаніемъ поэзіи, да и не всегда влечетъ оно за собой это процвѣтаніе.

Слѣдующія строки докажутъ, какъ я полагаю, что условія для успѣшнаго развитія римской поэзіи были крайне неблагопріятны въ царствованіе Августа, а позднѣе еще болѣе ухудшились. Впрочемъ, если судить только по количеству поэтовъ, то можно было бы, пожалуй, утверждать, что поэзія процвѣтала даже до самой эпохи переселенія народовъ. Вѣдь говорятъ же Гораций о своемъ времени (ер. II, 1, 107—110; 117):

Mutavit mentem populus levis, et calet uno
Scribendi studio: pueri patresque severi
Fronde comas vincti cenant et carmina dictant.—
Scribimus indocti doctique poemata passim.

Но количество не было одинаковаго уровня съ качествомъ.

Политическія и соціальныя условія были слишкомъ неблагопріятны. Со временъ Цезаря и Августа авторитетъ сената и самодержавности народа уступилъ власти отдѣльнаго лица, — власти, сперва выражавшейся въ формахъ крайне простыхъ и скромныхъ. По видимому, полная свобода слова, какъ то показываетъ исторія литературы, далеко не такъ необходима для поэзіи, какъ для исторіи и для краснорѣчія: но многіе изъ римскихъ императоровъ не предоставляли поэзіи даже и той малой доли свободы, которая ей нужна. Не одинъ римскій поэтъ за свободу своего слова заплатилъ смертью или изгнаніемъ.

Религія, безспорно существенный факторъ въ поэтическомъ развитіи народовъ, давно уже утратила владычество надъ умами Римлянъ. Древнеиталійская религія совсѣмъ измѣнилась. Еще гораздо ранѣе паденія республики первоначальный ея характеръ былъ из-

вращень тѣмъ, что Римляне сами усердно наполняли ее мисологіей Грековъ. Начиная съ Гракковъ отгѣснили ее на задній планъ въ образованномъ классѣ общества равняя философскія системы Грековъ, а въ простонародѣ разныя божества, проникавшія въ Италію изъ Азіи и Египта. Такимъ образомъ общество въ періодъ императоровъ колебалось между суевѣріемъ и невѣріемъ; не рѣдко то и другое совмѣщалось въ одномъ и томъ же лицѣ.

Вслѣдствіе всего этого пришли въ упадокъ національная трагедія также какъ національный эпосъ, черпавшія нѣкогда свои силы въ народныхъ легендахъ и исторіи. Политическая комедія, не получившая большаго развитія у Римлянъ еще во времена республики, какъ доказываетъ известное замѣчаніе Цицерона (*de republica* IV, 10, 11 ed. Orell.) — хотя комедія и была отчасти замѣнена сатирами Луцилія — не могла конечно процвѣтать при императорахъ. Не болѣе какъ курьезомъ представляется то, что другъ младшаго Плинія, Виргиній Романъ, въ царствованіе Траяна, написалъ — вѣроятно только для своихъ друзей — подражаніе древнеиталійской комедіи (см. *Phil. epist.* VI, 21). Комедія другаго рода, которую Римляне республиканской эпохи обрабатывали весьма усердно по образцу новой аттической Менандра, Дифила и Филемона, не пролагала уже себѣ новыхъ путей послѣ того какъ четыре ея рода, — *Palliata*, *Togata*, *Atellana* и *Mimus* развились одна послѣ другой до паденія республики. Недостатки, которыми римское общество страдало въ республиканскій періодъ, проявлялись болѣе или менѣе сильно въ періодъ послѣдующій, но характеръ ихъ въ сущности не измѣнялся. Лишь умы стали мелочнѣе и болѣе вялы, времена прозаичнѣе; съ III-го же вѣка наступаетъ рѣзкій поворотъ къ худшему. Большою помѣхой была также утрата политической свободы, — утрата, понудившая и Горація для своего отличенія общественныхъ золь взять въ образецъ новую аттическую комедію, а не древнюю и не Луцилія. Продуктомъ времени императоровъ, подъ спеціальнымъ покровительствомъ Мecenата и Августа, слѣдуетъ считать пантомиму и балетъ, все болѣе и болѣе поглощавшіе вниманіе страстнаго до зрѣлищъ народа, и пережившіе паденіе Западной Имперіи; но по самому характеру своему они не принадлежали къ литературѣ.

Лирика съ давнихъ поръ отстала у Римлянъ отъ другихъ родовъ поэзіи. Если не принимать въ расчетъ „*polymetri*“ Левія, то впервые лирика была обрабатываема съ искусствомъ Катулломъ, впоследствии же еще съ большимъ успѣхомъ Гораціемъ. Но оды Горація

никогда не могли до такой степени войти въ кровь и плоть римскаго общества, какъ Энеида Виргилія или Метаморфозы Овидія.

И такъ изъ высшихъ родовъ литературы наиболѣе занимались трагедіей и эпосомъ, черпавшими свое содержаніе не изъ римской исторіи, а изъ греческой мифологіи; произведеніямъ такого рода никакое искусство не могло доставить популярности и прочности у Римлянъ.

Какъ извѣстно, уже во времена республики Римлянами усердно культивировалась дидактическая поэзія, соответствовавшая главнымъ образомъ практическому складу ихъ ума. Даже Гораций, одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые наиболѣе были проникнуты духомъ греческой поэзіи, отстаетъ ее въ „ars poetica“—произведеніи, которое оказало на позднѣйшую поэзію Римлянъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ полагають обыкновенно. Онъ говоритъ:

omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.

Потому-то даже самыя лучшія произведенія дидактической поэзіи написанныя Римлянами, далеко превосходятъ свои ближайшіе образцы—Александрійцевъ. Этотъ родъ поэзіи успѣшно культивировался и въ вѣкъ императоровъ.

Наконецъ и сатира (характеръ которой, значительно разнящійся отъ древне-римской „satira“ и почти соответствующій теперешнему понятію этого слова, былъ измѣненъ Луціліемъ, а еще болѣе Горациемъ) нашла себѣ отличнаго представителя въ Ювеналѣ, съ которымъ не можетъ соперничать схоластическій и вращающійся преимущественно въ отвлеченныхъ понятіяхъ Персій. Также и эпиграмма, черпавшая свое содержаніе изъ жизни римскаго народа, нашла искуснаго представителя въ Марціалѣ, хотя у него иногда и обнаруживается бѣдность содержанія.

На основаніи сказаннаго выше не слѣдуетъ удивляться моему замѣчанію, что римская поэзія послѣ Августа страдала бесцелостностью. Неудивительно также и то, что часто проглядываютъ одинаковыя воззрѣнія, одинаковые взгляды на политическія и социальныя явленія у позднѣйшихъ римскихъ писателей, при чемъ лишь отчасти можно приписать это подражанію одного автора другому.

Разумѣется, означенные недостатки въ I-мъ вѣкѣ до Р. X. не такъ сильно выступали наружу, какъ позднѣе, отчасти вслѣдствіе высокой культуры тогдашняго римскаго общества, отчасти же вслѣдствіе борьбы римской свободы съ наступавшимъ гнетомъ, — борьбы, которую увѣковѣчилъ Тацитъ въ своихъ произведеніяхъ.

Я пройду молчаніемъ II-й вѣкъ, ибо отъ него дошли до насъ, за исключеніемъ произведеній Ювенала, лишь незначительныя поэтическія отрывки; перейду прямо къ III-му вѣку, въ которомъ дѣло значительно ухудшилось.

Послѣ Марка Аврелія, вслѣдъ за умерщвленіемъ Коммода, наступили безпрерывныя перомѣны въ правленіи и междуусобія. Внутреннія смуты, а также все болѣе и болѣе учащавшіяся вторженія варваровъ подорвали все то, что еще сохранилось отъ древне-римской доблести, разрушили много центровъ образованности на Рейнѣ и Дунаѣ, въ Азіи и Африкѣ, и вызвали повсемѣстное одичаніе. Не содѣйствовало, разумѣется, въ извѣстномъ отношеніи процвѣтанію поэзіи и то обстоятельство, что христіанство встрѣчало въ обществѣ все болѣе и болѣе приверженцевъ, а съ IV-го вѣка сдѣлалось даже государственною религіей, ибо сначала, какъ извѣстно, относилось оно враждебно къ языческой поэзіи. Лишь постепенно состоялся своего рода компромиссъ. Однако, духовная борьба, со времени равноправности христіанства и язычества, довольно горячо вѣдѣнная между представителями обѣихъ направленій, никоимъ образомъ не была въ состояніи дать новый толчокъ поэзіи. Древній міръ совершилъ путь, предназначенный ему судьбой; онъ вступилъ въ старческій возрастъ, поколѣніи выродились. Потому-то поэзія и осталась въ прежней своей колеѣ. Подобно своимъ предшественницамъ, христіанскіе поэты ставили себѣ въ образецъ поэтовъ Августава времени, особенно же Вергилія. Этимъ же слѣдуетъ объяснять то, что чѣмъ больше ощущался недостатокъ содержанія, чѣмъ сильнѣе во всѣхъ произведеніяхъ отражалась скудость истиннаго вдохновенія, тѣмъ болѣе старались заинтересовывать публику вышинею формою, языкомъ и стихосложеніемъ.

Какъ на общію особенность римскихъ авторовъ слѣдуетъ указать на нелюбовь ихъ къ безыскусственному изложенію. Этой чертѣ національнаго характера съ начала I-го вѣка до Р. X. стала способствовать риторика, которая вскорѣ, не смотря даже на противодѣйствіе правительства, стала сильно процвѣтать въ Римѣ (см. Suet., „de grammaticis et rhetoribus“). Не только на поэзію распространялось ея вліяніе, но и на прозу, иногда даже на такія отрасли ея, которыя менѣе всего поддаются риторическимъ прикрасамъ. Извѣстно, какъ могущественно вліяла риторика на большую часть поэтовъ Августава времени, особенно на Овидія. Въ слѣдующемъ вѣкѣ и въ позднѣйшія времена вліяніе ея приняло невѣроятныя размѣры: писатели старались даже превзойти и безъ того уже сильно вычурныя

выраженія поэтовъ времени Августа; все, что отличалось простотой, не удовлетворяло вкусамъ публики, и не только поэты, но даже прозаики утратили наконецъ способность выражать безъ ухищреній самую простую и обыкновенную мысль. Чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже встрѣчаются исключенія.

Какъ относительно языка, такъ и относительно метрики, классическіе поэты Августова времени считались образцовыми. Притомъ въ метрику соблюдалось слѣдующее правило: допускать лишь изрѣдка вольности, которыя часто встрѣчаются у упомянутыхъ поэтовъ, и не допускать вовсе такихъ, которыя у нихъ рѣдки; въ стихосложеніи же предоставлять просторъ всевозможнымъ ухищреніямъ.

Позволю себѣ поговорить объ этомъ нѣсколько подробнѣе: это необходимо для того, чтобы уразумѣть многое, кажущееся намъ непонятнымъ въ римской поэзіи.

Вычурность въ поэзіи почти столь же стара, сколько и настоящее стихотворное искусство. Уже у Гомера встрѣчаются образцы ея, хотя и трудно рѣшить употреблены-ли они безсознательно или съ явнымъ намѣреніемъ. Впрочемъ, слѣпое усердіе позднѣйшихъ греческихъ грамматиковъ внесло въ стихотворенія Гомера много вычуръ и ухищреній, о которыхъ Гомеръ и Гомериды навѣрно не имѣли понятія, и эти мнимые Гомеровскіе образцы послужили потомъ образцами для позднѣйшихъ авторовъ. Точно такъ же поступали и латинскіе грамматикъ съ своимъ Вергиліемъ, который, впрочемъ, имѣетъ не мало стихотворныхъ кунштюковъ, хотя и не такихъ, которыхъ въ немъ по большей части искали.

Предназначенныхъ вычуръ не лишены и поэтическія произведенія Лазоса, учителя Пиндара, въ которыхъ не встрѣчалось буквы *z*. Точно такъ же замѣчается склонность къ нимъ у Симонида, современника и соперника Пиндара, но до насъ дошло извѣстіе, что она не осталась безнаказанною, ибо Тимокреонъ Родосскій, заклятый врагъ Симонида, осмѣялъ этого послѣдняго въ дошедшей до насъ эпиграмкѣ за то, что тотъ прославилъ Геркулеса въ двухъ строкахъ, изъ которыхъ первая составляетъ дактилическій гекзаметръ, а вторая только съ перестановленными словами трохаическій тетраметръ.

Александрійцы и позднѣйшіе Греки, старавшіеся замѣнить отсутствіе содержанія, а нерѣдко и недостатокъ изобрѣтательности въ своихъ стихотвореніяхъ искусственною внѣшнею формою, исробовали всѣ роды поэтическихъ фокусовъ. Греческая антологія можетъ свидѣтельствовать объ этомъ. И въ этомъ отношеніи Римляне были

усердными учениками Александрийцевъ, ибо тому нерасположенію ихъ къ безыскусственной красотѣ, о которомъ мы упоминали выше, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала наклонность ихъ къ разнымъ стихотворнымъ ухищреніямъ.

Еще Энній, основатель дактилической поэзіи въ Римѣ, отецъ латинскаго гекзаметра, подобно другимъ римскимъ поэтамъ занимавшимся также и грамматикой (см. о связи грамматики съ поэзіей у Римлянъ d. g. m. pg. 9 sqq.), писалъ стихотворенія, начальныя буквы которыхъ составляли фразу: „Q. Ennius fecit“. Таковой же фокусъ, по свидѣтельству Светонія (de grammaticis, 6) представляло стихотвореніе грамматика Опиія, жившаго въ I-мъ вѣкѣ до Р. К.

Въ царствованіе Августа Овидій составилъ изъ четырехстишии („tetrasticha“) друга своего Эмилиа Мацера стихотвореніе, направленное противъ плохихъ поэтовъ вообще, и явилось вслѣдствіе того первымъ изобрѣтеніемъ такъ называемаго центона; онъ имѣлъ очень много послѣдователей:

Квинтиліанъ упоминаетъ (IX, 4, 90) о слѣдующемъ гекзаметрѣ одного современнаго ему поэта:

astra tenet caelum, mare classes, area messes,

замѣчая при этомъ, что если прочесть гекзаметръ этотъ съ конца то произойдетъ сотадовъ стихъ:

messes area, classes mare, caelum tenet astra.

При этомъ онъ прибавляетъ, что сотадовъ стихъ:

caput exseruit mobile pinus repetita

такимъ же образомъ обращается въ ямбическій триметръ:

repetita pinus mobile exseruit caput.

Начиная съ III-го вѣка, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, хитросплетенія такого рода встрѣчаются все чаще и чаще. Постарался представить здѣсь краткій ихъ обзоръ.

Прежде всего позволю себѣ поговорить подробнѣе о такъ называемыхъ центонахъ, которые составляли не столько собственныя стихотворенія автора, сколько стихотворенія Вергилія, употребляемыя, или вѣрнѣе злоупотребляемыя, для извѣстныхъ цѣлей. Извѣстно, что популярность Вергилія у Римлянъ была столь же велика, какъ и популярность Гомера у Грековъ; стихотворенія его переходили, можно сказать, въ плоть и кровь уча-

щагося юношества. Потому-то и любилъ дѣлать изъ нихъ выписки (также какъ и изъ Гомеровскихъ), главнымъ образомъ изъ Энеиды, съ цѣлью составлять изъ ея стиховъ или изъ нѣкоторыхъ ихъ частей (иногда съ незначительными переиънами) новыя стихотворенія, отчасти серьезнаго, отчасти шутиваго или свѣтскаго содержанія; но эти стихотворенія преслѣдовали уже совсѣмъ другія цѣли чѣмъ тѣ, которыя имѣлъ въ виду самъ Виргилій. Правила центавовъ, не всѣми впрочемъ одинаково строго соблюдаемыя, сообщаетъ Авзоній въ введеніи (*praefatio*) къ своему „*cento partialis*“. Древнѣйшимъ образцомъ такого рода можно считать трагедію „*Medea*“, написанную около 200-го года Гозидіемъ Гетой и заключающую въ себѣ болѣе 450 стиховъ, которые состояли отчасти изъ гекзаметровъ, а отчасти изъ *versus paroniaci* для хоровыхъ пѣсней.

Самое остроумное и искусное стихотвореніе такого рода — это „*cento partialis*“ Авзонія, который, впрочемъ, въ концѣ дѣлаетъ изъ благопристойныхъ стиховъ Виргилія такое употребленіе, какое послѣдній наврядъ могъ предвидѣть.

Для изложенія событій библейской исторіи, и главнымъ образомъ Новаго Заветъа, былъ написанъ во второй половинѣ IV-го вѣка центонъ нѣкіемъ Пробой, происходившимъ отъ одной изъ благороднѣйшихъ римскихъ фамилій. Множество подобныхъ стихотвореній различнаго содержанія, появившихся въ Африкѣ во время господства тамъ Вандаловъ, можно найти въ латинской антологіи (*Anth. lat. ed. Riese, I pg. 23—49*).

Перехожу теперь къ другимъ вычурамъ римскихъ поэтовъ.

Самый простой состоялъ въ томъ, что два лица, ведущія диспутъ о какой-либо строго опредѣленной темѣ, употребляютъ въ своихъ рѣчахъ всегда одинаковое число стиховъ. Это встрѣчается иногда еще и у греческихъ драматиковъ. У Римлянъ такой примѣръ представляетъ разговоръ Горация съ Лидіей (III, 9). Подобныя такъ называемыя *diverbia* находимъ и у Виргилія, *eccl. 3, 5, 7, 8*.

Не слѣдуетъ удивляться и тому, что поэты, если приходилось имъ черезъ извѣстное число стиховъ выразить одну и ту же мысль въ стихѣ, періодически повторяющемся (такъ называемый „припѣвъ“ „*versus intercalaris*“), ставили передъ послѣднимъ всегда одинаковое число стиховъ. Катулъ, правда, этого не дѣлаетъ въ стихотвореніяхъ 62 и 64, подобно Виргилію въ 8-й элогѣ, а также автору стихотвореній, носящихъ заглавіе „*pervigilium Veneris*“. За то такъ

поступаютъ Немезіанъ и Овидій; послѣдній въ ан. I, 6, 25—56 (по моему изданію), heroid. 9, 147—164.

Все сказанное легко объясняется тѣмъ закономъ, что метрическія строфы заключаютъ въ себѣ всегда извѣстное число стиховъ. Произошло же это именно оттого, что строфическую равномерность примѣняли къ стихотвореніямъ, лишеннымъ метрическихъ строфъ, но требующимъ однако симметріи при изложеніи противоположныхъ или одинаковыхъ мыслей.

Нельзя не считать однако совершенно бесполезнымъ препровожденіемъ времени попытку новѣйшихъ ученыхъ, старавшихся отдѣлять строфами такія стихотворенія, въ которыхъ не вводится ни говорящихъ лицъ, ни *ирреѣвовъ* (*versus imaequalares*). Попытки эти были сдѣланы напр. съ буколическими стихотвореніями Виргилія, съ элегіями Тибулла и Проперція, а также и съ произведеніями трагика Сенеки, понятно не безъ значительныхъ измѣненій, перестановокъ и выбрасываній стиховъ, мѣшающихъ предполагаемой симметріи. Менѣе естественна, хотя тѣмъ не менѣе употребительна (напр. у Эмилиа Мацера, современника Овидія, и у Марціала въ „хепіа“ и „арорфогета“) попытка составлять всѣ стихотворенія одной книги изъ равнаго числа стиховъ. Это, какъ извѣстно, бываетъ въ двустипіяхъ такъ называемаго Катона и въ состоящихъ всегда изъ трехъ строкъ загадкахъ Симпозія, жившаго въ началѣ III вѣка, а не въ IV или въ V вѣкѣ.

Авзоній сочинялъ на разные предметы *monosticha*, *tetrasticha* и *heptasticha*, а Пруденцій или Амёнъ *tetrasticha historiae biblicae*. Далѣе, грамматики, сообщая вкратцѣ содержаніе (*argumenta*) объясняемыхъ ими книгъ, употребляли одно и то же число стиховъ, напр. Сульпиція Аполлинарія *argumenta* на Теренція состоятъ всегда изъ 12 строкъ, а *argumenta* на Плавта (кромѣ акростиховъ) постоянно изъ 15 строкъ. На Энеиду ищются *decasticha*, написанныя какимъ-то псевдо-Овидіемъ, кромѣ того *monosticha*, составленныя неизвѣстными авторами, *tetrasticha* на буколики и георгіки,—все это изъ позднѣйшихъ временъ. Подобныя же вещи содержатъ и латинская антологія, какъ напр. въ *carmina duodecim versantium* (*Anthol. lat. ed. Riese II pag. 49—80*).

Еще болѣе странныя другія явленія, образовавшіяся изъ только что названныхъ. Такъ напр. въ „*technopaegnum*“ Авзонія всѣ стихи оканчиваются односложнымъ словомъ. Въ первомъ стихотвореніи первое слово вездѣ также односложно и притомъ каждый слѣдующій

стихъ начинается концомъ предъидущаго, а послѣдній стихъ оканчивается первымъ словомъ перваго стиха:

res hominum fragiles alit et regit et perimit fors
fors dubia aeternumque labans, quam blanda fovet spes.

vis tamen hic nullast: verumst focus et nihili res.

Гораздо привлекательнѣе „schema epianalepsis“, когда именно въ двустопиши первая половина гекзаметра равна второй половинѣ пентаметра, что встрѣчается иногда еще у Овидія и у Марціала. Такъ напр. у Овидія ам. I, 9, 1, 2:

militat omnis amans, et habet sua castra cupido,
Attice, crede mihi, militat omnis amans.

Ясно, что такимъ образомъ мысли повторяемаго полустопиши придается риторическій колоритъ.

Въ томъ же родѣ сочиняемы были дѣльны стихотворенія Пентадией, Седудией и Венандией Fortunatomъ.

Другой родъ стихотворной забавы заключался въ употребленіи или равносложныхъ или постепенно увеличивающихся числомъ слоговъ словъ. Такъ напр. carmina duodecim sapientum 495—506 въ латинской антологіи (изданія Ризе) состоятъ изъ стиховъ, заключающихъ въ себѣ по 6 словъ, при чемъ каждое слово состоитъ изъ 6 буквъ.

Еще большую странность представляетъ versus rhoralicus, получившій свое названіе отъ того, что онъ все увеличивается или растетъ въ ширину; начинается онъ односложными, а кончается пятисложными словами. Умничавшіе древніе грамматики полагали, что и у Гомера нашли примѣръ такого стиха:

Ω μαχαρ Ἀτρεΐδῃ, μορεγένης, ὀλβιόδαμον,

однако это невярно, ибо Ἀτρεΐδῃ во времена Гомера являлось какъ четырехсложное слово, да и вообще въ Илиадѣ и Одиссеѣ въ патронимическихъ словахъ никогда не бываетъ двугласной.

Въ означенномъ размѣрѣ написано неизвѣстнымъ авторомъ satmen paschale, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Авзонія. Оно начинается стихомъ:

spes deus aeternae stationis conciliator.

Еще замисловатѣе тѣ стихи, которые можно одинаково читать съ

начала и съ конца. Вотъ, наприимѣръ, стихъ, о которомъ упоминаетъ Сидоній, *epist.* IX, 14:

Roma, tibi subito motibus ibit Amor,

остающийся безъ перемѣны, если читать буквы съ конца. Часто однако, по свидѣтельству того же Сидонія (тамъ же), сочинялись стихи, при чтеніи которыхъ начиная съ конца выходилъ размѣръ или тотъ же самый или другой. Древніе грамматикѣ отыскивали и у Виргилія подобный стихъ. Если напр. *Aen.* I, 8:

Musa mihi causas memora, quo numine laeso

читать съ конца, то образуется опять гекзаметръ:

laeso numine quo, memora causas mihi, Musa,

хотя, впрочемъ и очень плохой. Выше мы уже говорили, что и Квинтиліанъ упоминаетъ о такихъ хитросплетеніяхъ.

Въ латинской антологіи находится стихотвореніе Порфирія, состоящее изъ 8 двустихій, изъ которыхъ каждое можетъ быть читаемо съ конца. Стихотвореніе это помѣщено и въ моемъ изданіи на стр. 30. Другія, такъ называемыя „*versus recurrentes*“, авторы коихъ намъ неизвѣстны, помѣщены тамъ же на стр. 31, 32.

И съ буквами происходило не мало фокусовъ.

Уже въ очень древнее время сочиняли акростики; они встрѣчаются и у Эннія. Этихъ акростиковъ очень много въ антологіи и въ христіанскихъ стихотвореніяхъ. Извѣсны также акростихическія „*argumenta*“ на комедіи Плавта. Около 230 года Сиріецъ Коммодіанъ написалъ въ ритмическихъ гекзаметрахъ «*Instructiones*», апологію христіанства противъ язычниковъ и Іудеевъ. Это стихотвореніе вполнѣ акростихическое, только въ послѣдней главѣ надо читать строки начиная съ послѣднихъ стиховъ. Далѣе, между христіанскими гимнами встрѣчаются такъ называемыя алфавитныя, въ которыхъ отдѣльныя строфы начинаются сообразно порядку буквъ алфавита съ а, в, с, и т. д., при чемъ надо было прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ, чтобы отыскивать слова, начинающіяся на х и на у. Извѣстно, что и въ еврейской поэзіи есть алфавитныя стихотворенія. Иногда встрѣчаются и „*telesticha*“, такія стихотворенія, послѣднія буквы отдѣльныхъ стиховъ коихъ образуютъ новый стихъ, а иногда такія, гдѣ подобнымъ же образомъ образуется стихъ въ серединѣ; въ этомъ случаѣ, конечно, число буквъ всѣхъ стиховъ должно быть одинаковое и при томъ нечетное. См. *Anthol. lat. carm.* 214, ed. Riese.

Даже и въ прозѣ можно поддѣлать такую игру буквами. Грамматикъ Фульгенцій, напримѣръ, въ концѣ V-го вѣка написалъ всеобщую исторію, состоявшую изъ 23 книгъ, соотвѣтственно числу буквъ латинскаго алфавита; въ этомъ сочиненіи каждый разъ избѣгаемы были слова, содержащія буквы, соотвѣтствовавшія числу книги: такъ, напримѣръ, въ 1-й книгѣ слова съ буквой *a*, во 2-й *b*, и т. д.

Все, что только можно было придумать въ этомъ родѣ, превзошелъ однако Публилій Оптаціанъ Порфирій, современникъ императора Константина. Нельзя не остановиться на этомъ писателѣ, который, вслѣдствіе того что въ прошломъ году я издалъ его (у Тейбнера), какъ бы воскресъ теперь изъ мертвыхъ. Такъ какъ до сихъ поръ стихотворенія его, за немногими исключеніями, были печатаемы только крупными буквами, безъ раздѣленія словъ и знаковъ препинанія, то историки и филологи почти не обращали на него вниманія, хотя для тѣхъ и для другихъ онъ представляетъ не мало интереснаго. Чтобы съ одной стороны, курьезное искусство Порфирія не прошло незамѣченнымъ, а съ другой, чтобы стихотворенія его могли быть понимаемы надлежащимъ образомъ, они напечатаны мною два раза: сперва всѣ маленькими буквами, а потомъ значительнѣйшая часть ихъ и большими. Для облегченія пониманія присоединенъ мною комментарий, разъясняющій, впрочемъ, не все, ибо въ названныхъ стихотвореніяхъ есть вещи до такой степени темныя, запутанныя или даже целѣныя, что и Эдипъ не могъ бы разгадать ихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію произведеній Порфирія, сообщу кое-что объ его жизни, такъ какъ бѣольшая часть сохранившихся его стихотвореній написаны по поводу очень роковаго для него обстоятельства въ его судьбѣ. Порфирій (писавшій свое имя Porfyrius, а не Porphyrius) былъ родомъ вѣроятно изъ Африки (см. стр. VII предисловія къ моему изданію), провинціи, выставившей, начиная съ Теренція и до VI-го вѣка по Р. Х., значительный контингентъ какъ языческихъ, такъ и христіанскихъ писателей. Къ сожалѣнію, бѣольшая ихъ часть, по африканской своей натурѣ, имѣетъ особенную склонность къ необычному, ненормальному и невѣроятному; этимъ недостаткомъ страдалъ и Порфирій.

Безъ сомнѣнія онъ принадлежалъ къ почетнѣйшимъ членамъ римскаго сената, ибо Константинъ называетъ его въ своемъ письмѣ *frater carissime*. Однако въ 323 или въ 324 году его постигло тяжкое несчастіе. По неизвѣстнымъ причинамъ онъ былъ сосланъ въ зато-

ченіе если вѣрить ему, на основаніи ложнаго обвиненія, но все же, не совсѣмъ безвинно. Онъ говоритъ объ этомъ II, 31—35:

respice me falso de crimine, maxime Caesar,
exulis afflictum poena; nam cetera causae
nunc obiecta mihi venia, venerabile nomen,
vince pia.

Куда отправили его, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ въ довольно жалкое и скучное мѣсто, ибо, какъ выражается онъ, I, 12, по поводу очень скромной обложки панегирика императору, который до тѣхъ поръ получалъ обыкновенно его стихотворенія въ переплетѣ, блестящемъ золотомъ, пурпуромъ и серебромъ:

vix locus hoc saltem praebuit, unde venis.

Тамъ, лишенный домашняго очага, разлученный съ сыномъ, онъ переносилъ невзгоду столь же сворбно, какъ вѣкогда Овидій, сосланный въ Скцію. Подобно ему, но съ большимъ успѣхомъ, онъ старался пользоваться своимъ талантомъ, чтобъ добиться возвращенія на родину.

Такъ какъ приближалось время двадцатилѣтняго юбилея Константина (vicennalia), юбилей, праздновавшягося въ 325 г., какъ свидѣлствуютъ историки, сперва въ Никее—по окончаніи Никейскаго собора, затѣмъ въ Никомедіи и наконецъ въ Римѣ, и такъ какъ по поводу этихъ празднествъ предвидѣлась амнистія, то Порфирій написалъ панегирикъ, состоявшій изъ 20 главъ, со всевозможными хитросплетеніями, преподнесенный императору вѣроятно въ Никомедіи (ср. стихотвореніе IV). И Порфирій достигъ своей цѣли: онъ былъ возвращенъ на родину. Вѣроятно даже, что поэтъ получилъ повышение, ибо по всему слѣдуетъ заключить, что онъ одно и то же лице съ тѣмъ Публиемъ Оптаціаномъ, который въ 329 и въ 339 г., каждый разъ выродолженіе одного мѣсяца, исправлялъ должность префекта города Рима.

О дальнѣйшей его судьбѣ и о годѣ его смерти ничего не извѣстно.

Вообще, какъ для біографіи многихъ древнихъ поэтовъ, такъ и для біографіи Порфирія, сочиненія его служатъ единственнымъ источникомъ. Только о возвращеніи его изъ ссылки упоминаетъ Иеронимъ въ своей хронологіи, да и то невѣрно, а именно изъ 23 году царствованія Константина.

Изумительные фокусы панегирика доказываютъ, что Порфирій обладалъ уже большою опытностью въ стихотворномъ искусствѣ, иначе онъ не былъ бы въ состояніи написать упомянутое произведение и притомъ въ такое сравнительно короткое время, ибо былъ сосланъ въ 323 или въ 324 г.

По стиху XV, 15:

ista canit ruris tibi vates ardua metra,

можно заключить, что онъ поэтически описывалъ деревенскую жизнь подражая Анніану Фалиску и Септимію Серену, И грамматикъ Фульгенцій, довольно ненадежный, впрочемъ, авторитетъ, упоминаетъ о нѣкоторыхъ стихахъ, авторомъ которыхъ называетъ Порфирія (стр. 31 моего изданія); стихи эти не содержатъ никакихъ изъ его стихотворныхъ фокусовъ, хотя и въ нихъ замѣтна столь обычная ему склонность къ искусственности.

Несомнѣнно, что прежде чѣмъ сочинить панегирикъ Константину, онъ уже испытывалъ свои силы въ разнаго рода стихотворныхъ литературныхъ упражненіяхъ. Онъ былъ уже извѣстенъ императору. Сохранилось одно письмо Порфирія къ Константину, въ которомъ онъ выражаетъ благодарность за благосклонный приемъ одному изъ своихъ вышурныхъ сочиненій и проситъ о подобномъ же приемѣ другому въ томъ же родѣ: *denique oratus, augustissime domine, temeritati meae da veniam et quae nunc quocumque pietatis tuae favore ausus sum versibus indigare, dignanter admittite, audaciae meae fomitem auctoritatis tuae clementia suscitavit.*

Несправедливо считаютъ предисловіемъ къ панегирику какъ это письмо, такъ и отвѣтъ императора. Напротивъ, содержаніе обоихъ писемъ ясно показываетъ, что они относятся не къ времени изгнанія Порфирія, а скорѣе къ времени предшествовавшему изгнанію, а именно послѣ пораженія Лицінія, когда императоръ Константинъ принялъ титулъ „Invictus“ (323 г.).

Не лишено вѣроятія, что поэтическіе фокусы, не принадлежащіе панегирику и встрѣчающіеся въ рукописяхъ Порфирія, были написаны имъ еще прежде.

Перейдемъ теперь къ описанію главнѣйшихъ изъ его стихотворныхъ ухищреній. Мы увидимъ, что первый издатель этого поэта былъ не совсѣмъ не правъ, замѣтивъ, что Одиссею во время его десятилѣтнихъ странствованій пришлось преодолѣть не меньше трудностей для возвращенія на родину, чѣмъ Порфирію при сочиненіи имъ панегирика съ тою же цѣлью.

Первое стихотвореніе написано просто и безъ всякихъ прикрасъ: оно скорѣе — введеніе къ панегирику и содержитъ жалобы на бѣдственное положеніе поэта.

Второе стихотвореніе, въ которомъ Порфирій умоляетъ императора о помилованіи, имѣетъ форму квадрата (подобно стихотвореніямъ за №№ 3, 5, 6, 7, 8, 10, 14, 18, 22, 24), то-есть, его отдѣльные стихи содержатъ столько же буквъ, сколько стиховъ во всемъ стихотвореніи, большею частью 35. Вообще почти всѣ стихотворенія Порфирія суть, такъ сказать, въ своемъ родѣ произведенія водческаго искусства.

Въ серединѣ квадрата вставлено множество изреченій, по большей части въ стихахъ, а иногда въ прозѣ, отчасти какъ *acrosticha*, *telesticha*, *mesosticha*, отчасти же какъ діагонали четырехугольника, или же иначе.

Въ экземплярѣ, врученномъ императору, буквы акростиховъ и т. д. были окрашены пурпуромъ и сурикомъ; въ моемъ изданіи для обозначенія ихъ служитъ болѣе крупный шрифтъ. Такимъ образомъ во 2-мъ стихотвореніи на всѣхъ четырехъ сторонахъ квадрата имѣется стихъ:

sancte tui vatis Caesar miserere serenus

Стихъ этотъ проходитъ крестомъ черезъ середину, какъ сверху внизъ, такъ и слѣва на право; онъ повторяется въ 18-й строку (поперечная линія) и снова образуется посредствомъ восемнадцатой буквы отдѣльныхъ стиховъ (продольная линія).

Въ четыре прямоугольника, образованные такимъ образомъ, вставлены всегда въ одинаковомъ разстояніи сверху, снизу, справа и слѣва по восьми буквъ стиха:

aurea sic mundo disponas saecula toto.

Въ 5-мъ стихотвореніи вставлены буквы:

Aug. XX.

Caes. X.

Извѣстно, что въ то самое время какъ императоромъ Константиномъ былъ празднуемъ двадцатилѣтній юбилей (*vicennalia*) царствованія его въ званіи Августа, старшій сынъ его отъ Фавсты, Константинъ, праздновалъ свой десятилѣтній юбилей (*decennalia*) въ званіи Цезаря.

Упомянутыя буквы тоже состоятъ изъ стиховъ, а именно изъ слѣдующихъ:

cum sic scripta placent, audent sibi devia Musae
per varios signare modos devotaque mentis
gaudia, quae pingens loquitur mea, Phoebe, Camena,
summe parens, da voce pia tricennia fari.

Съ словами „summe parens“ Порфирій обращается къ Юпитеру.

Въ срединѣ 7-го стихотворенія вставленъ также квадратъ, заключенный въ четыре шестиугольника. Эти шестиугольники соприкасаются съ равнобедренными треугольниками, такъ что всѣ треугольники равны. По сторонамъ квадрата и шестиугольниковъ, а также и равныхъ сторонъ треугольниковъ, имѣются слѣдующіе стихи:

Ausonium columen, lux alma et gloria Romae
virtutum specimen, mitis clementia mundi,
iustitiaeque parens, spes felix, otia rerum,
aetherium munus nobis per saecula missum,
rektorisque dei per te praesentia pollet.

Въ 8-е стихотвореніе вставлено:

Jesus Christus.

Christus съ извѣстною монограммою. Буквы, образующія оба имени, содержатъ стихи:

alme, salutari nunc haec tibi pagina signo
scripta micat, resonans nominibus domini,
nate, deo solus, salvator sancte bonorum,
tu deus es iusti, gratia tu fidei.

Кромѣ того прозаическія слова:

sit victoria comes Aug. et patris eius.

Хотя и мало вѣроятно, чтобы Порфирій былъ христіаниномъ, но такъ какъ при Константінѣ впервые христіанская религія получила официальное признаніе, то нечего удивляться, что поэтъ выражаетъ уваженіе къ ней какъ въ упомянутомъ стихотвореніи, такъ и въ другихъ. Вообще со временъ Константина и между язычниками, и между христіанами обнаруживается терпимость. Въ IV, V и VI вѣкахъ трудно опредѣлить изъ произведеній иныхъ писателей—были ли они язычники или христіане. Тѣмъ болѣе странно, что Беда До-

стопочтенный — по собственнымъ его словамъ — не хотѣлъ даже брать въ руки стихотворенія Порфирія, какъ проникнутыя язычествомъ. Впрочемъ, быть можетъ, онъ смѣшивалъ нашего поэта съ ново-платоническимъ философомъ того же имени, рьянымъ противникомъ христіанства.

Въ 14-мъ стихотвореніи содержится опять монограмма Христа. Буква X образована словами:

*summi dei auxilio nutuque perpetuo tutus orbem totum pasavit
trucidatis tyrannis;* а буква P словами:

Constantinus pius et aeternus imperator, reparator orbis.

Въ 18-мъ стихотвореніи всѣ четыре стороны квадрата образованы стихомъ:

alme, tuas laurus aetas sustollet in astra.

Кромѣ того какъ діагонали, такъ и линіи, проходящія въ серединѣ по направленіямъ сверху внизъ и слѣва на право, образуютъ слѣдующіе стихи:

*aurea lux vatium, silvae mihi praemia serva.
aucta deo virtus Musas magis ornat aperta.
aurea victorem pietas sonat ubere lingua.
Aonios latices pietas iuvat armaque diva.*

Наконецъ тамъ же вставленъ еще одинъ квадратъ, углы коего упираются въ средину четырехъ сторонъ большаго квадрата. Бока его образованы слѣдующими двумя стихами:

*Augusti florem pietas iuvat, arma, tropaea.
Aonii frutices, pietas iuvat ubere glaeba.*

Но этимъ не исчерпываются всѣ фокусы. Какъ видно изъ одного стихотворенія, впрочемъ едва ли принадлежащаго Порфирію, можно еще иначе соединить сосѣднія стороны разныхъ геометрическихъ фигуръ, такъ что выйдутъ слѣдующіе стихи:

*Augusti florem pietas sustollet in astra.
Aonii frutices, pietas sustollet in astra.
Aurea victorem pietas iuvat armaque diva.
Aurea victorem pietas magis ornat aperta.
Aucta deo virtus Musas iuvat armaque diva.
Aucta deo virtus Musas sonat ubere lingua.
Aonios latices pietas magis ornat aperta.
Aonios latices pietas sonat ubere lingua.*

Слова *artha*, *troraea*, а также *arthaque diva* суть именительные надежи. Въ стихахъ:

Aonii frutices, pietas iuvat ubere glaeba
Aonii frutices, pietas sustollet in astra

надо подразумѣвать *acc. vos*, а при *pietas* конечно *Caesaris*.

Умолчу о другихъ квадратахъ Порфирія, отчасти еще болѣе хитро составленныхъ, чѣмъ выше упомянутые, ибо удобопонятно описать ихъ трудно, не перепечатывая цѣлыхъ стихотвореній, и переходу къ другимъ его вымысламъ.

Стихотвореніе 9-е представляетъ собою пальму; вѣтви ея (образуемыя средними буквами) и стволъ содержатъ пять стиховъ, заключающихъ въ себѣ воззваніе къ музамъ и императору.

Особенно искусно составлены стихотворенія XXa, XX в, XXVI, XXVII. Первые два, служащія заключеніемъ панегирика (одно изъ нихъ состоитъ изъ 26 ямбическихъ катаlecticескихъ диметровъ, а другое изъ 26 дактилическихъ гекзаметровъ), представляютъ гидравлическій органъ. Извѣстно, что органы такого рода были очень любимы Римлянами въ эпоху императоровъ. Писатели часто упоминаютъ о нихъ и Витрувій подробно описываетъ ихъ конструкцію. Между прочимъ, Неронъ очень забавлялся ими. Ямбическое стихотвореніе—прямоугольникъ образуетъ нижнюю часть гидравлическаго органа, дактилическое стихотвореніе, четырехугольникъ съ двумя прямыми, двумя тупыми и однимъ острымъ угломъ, — верхнюю его часть. Каждый стихъ ямбическаго стихотворенія состоитъ изъ 25 буквъ, а каждый слѣдующій увеличивается на одну букву, такъ что послѣдній стихъ имѣетъ вдвое болѣе буквъ чѣмъ первый. Ямбическое стихотвореніе содержитъ въ себѣ описаніе правднества, прославленію котораго этотъ панегирикъ и былъ посвященъ, а второе стихотвореніе—описаніе гидравлическаго органа. Между обоими ими проходитъ стихъ:

Augusto victore iuvat rata reddere vota.

Стихотвореніе XXVI, состоящее изъ 24 строкъ, представляетъ изображеніе языческаго жертвенника съ описаніемъ его конструкціи. Средніе стихи отъ 7—18 имѣютъ по 28 буквъ; такое же число ихъ содержится въ стихахъ 1-мъ и 2-мъ, также въ 22—24, а 3—6 включаютъ въ себѣ 36, 34, 32 и 30 буквъ; стихи же 19—22 наоборотъ 30, 32, 34, 36.

Стихотвореніе XXVII, состоящее изъ 15 гекзаметровъ, представляетъ фигуру свирѣли, причемъ первый стихъ имѣетъ 42 буквы, а каждый слѣдующій одною буквою менѣе, такъ что послѣдній всего 28. Стихотвореніе это, соотвѣтственно своей формѣ, прославляетъ пастьшескую свирѣль.

И въ греческой антологіи встрѣчаются подобныя игрушки, на примѣръ „Свирѣль“ Феокрита, „Топоръ“, „Яйцо“, „Крылья Кунидона“ Симміа, „Жертвенникъ“ Дозіада и такое же стихотвореніе Везантіана (они напечатаны въ извѣстномъ собраніи Бергеа подъ заглавіемъ *Anthologia Graeca minor*, pgg. 510—518). Но не говоря уже о томъ, что въ этихъ стихотвореніяхъ не такъ тщательно соблюдены геометрическія пропорціи, какъ это сдѣлалъ Порфирій посредствомъ точнаго опредѣленія числа буквъ отдѣльныхъ стиховъ, и что кромѣ того греческія стихотворенія состоятъ пѣзъ очень различныхъ размѣровъ, понять ихъ гораздо труднѣе, чѣмъ только что описанныя три стихотворенія Порфирія, принадлежащія безспорно къ лучшимъ изъ его произведеній.

Наконецъ упомяну еще, что въ стихотвореніи подъ № XIX моего изданія вставлено изображеніе корабля съ веслами, рулемъ и мачтой. Мачту образуетъ извѣстная монограмма для обозначенія слова *Χριστός*. Буквы, представляющія корабль съ его принадлежностями, образуютъ греческое двустипшіе и пять латинскихъ гекзаметровъ.

Въ заключеніе поговорю о такихъ ухищреніяхъ Порфирія, которыя не изображаютъ фигуръ.

Въ XVI стихотвореніи, состоящемъ изъ 38 стиховъ, образуется акростихъ словами:

domino nostro Constantino, perpetuo Augusto.

Посредствомъ 10-й, 19-й и 28-й буквы каждаго отдѣльнаго стиха образуются стихи:

*νετμεν σοι, βασιλεῦ Χριστὸς καὶ σοὶς τελευσοῖν
τιμὸν εὐσεβείης κρατέειν ἀρετῆς τε βραβεῖον
εὐνομίης ἀρχεῖν τε καὶ Δύσονόισιν ἀνάσσειν.*

Здѣсь *κρατέειν* сказано въ смыслѣ *esse victorem*, а *εὐνομίης* зависить отъ *ἀρχεῖν* те.

И въ XIX-е стихотвореніе также вставлено, какъ мы видѣли, греческое двустипшіе, а въ XXIII в.—гекзаметръ. Съ перваго взгляда это кажется невозможнымъ, такъ какъ греческій алфавитъ нисколько не тождественъ съ латинскимъ. Но Порфирій прибѣгаетъ къ слѣдую-

щей уловкѣ: вмѣсто греческихъ буквъ, рознащихся по формѣ отъ латинскихъ, онъ ставитъ латинскія буквы, схожія съ греческими только по формѣ, а не по произношенію, т. е. вмѣсто греческихъ Η, Δ, Ρ, С, Χ латинскія Η, Α (но безъ поперечной линіи въ серединѣ), Ρ, С, Χ. Тамъ же, гдѣ требуется буква К онъ ставитъ вездѣ слогъ КА, какъ напр. Kana, kakatis. Извѣстно, что древніе грамматики въ подобныхъ словахъ допускали *k* вмѣсто *c*, а въ словахъ Karthago, Kalendae буква *k* была даже всегда употребительнѣе.

Рассмотримъ теперь стихотвореніе XIII-е. Оно имѣетъ слѣдующій размѣръ:

- — — — — | — — — — —
- Princeps beate, placido sub axe iammunC
 Justis serene populis, favente mundO
 Victor triumpha tribuens, salubre numeN
 Saeculis amore dominans perenne faustiS
5. Auctor salutis! Oriens quietus ibiT
 Votis favente domini superne dextraA
 Gaudet subire placidum regentis omeN
 Virtus vigore radians serena praestaT
 Sanctis videre superis remota mundI
10. Totum sub orbe moderans salubre numeN
 Vincens ubique superos favente nutV
 Saeculum per omne dominans, beate, soluS.

Если прочесть строки этого стихотворенія не слѣва на право, какъ мы обыкновенно читаемъ, а справа на лѣво, то выйдутъ совершенно тѣ же стихи и тотъ же смыслъ.

Только надо выпустить букву *s* въ словѣ regentis: omen regenti' placidum subire gaudet.

Подобно Энию, Луцилю и Лукрецію и поэты позднѣйшихъ временъ выпускали букву *s* въ окончаніяхъ *is* и *us*, напримѣръ auctor de figuris vel schematibus (Anthol. lat. ed. Riese c. 485); см. d. r. m. poet. Lat. 345.

Впрочемъ, если прочесть строки стихотворенія XIII-го съ конца, то аверстихъ и телестихъ pius Augustus Constantinus пропадаютъ.

Своего рода чудо представляетъ стихотвореніе XV:

alme, decus mundi summum, rector pius orbis,
 Auguste, invicta populos virtute gubernans,
 iustitia imperii nationum Constantine

- effrenatarum moderamine pacificator,
 5. quem divus genuit Constantius induperator,
 aurea Romanis propagans saecula nato;
 heu nimis ad caelum properans, ni linqueret ille
 aeternum auxilium invictum iustumque piumque.
 alme pater patriae, nobis te, maxime Caesar,
 10. Ausoniae decus o, lux pia Romulidum,
 est placitum superis tunc haec in gaudia mundi
 perpetius bene sic partiri munera saeculis.
 sidera dant patri, et patris imperium,
 sancte, tibi, magnae data fu lux aurea Romae.
 Ista canit ruris tibi vates ardua metra.

Здѣсь первый стихъ состоитъ лишь изъ двухсложныхъ словъ (у древнихъ не встрѣчаются стихи, состоящие изъ словъ односложныхъ), второй изъ трехсложныхъ, третій изъ четырехсложныхъ, четвертый изъ пятисложныхъ. Пятый стихъ есть *versus rhythmicus*, слова его увеличиваются постепенно, начиная съ одного слога до пяти. Шестой стихъ, какъ по смыслу, такъ и по размѣру, остается не измѣненнымъ, если замѣнять первое слово четвертымъ, а второе третьимъ. Восьмой стихъ заключаетъ въ себѣ всѣ восемь частей рѣчи, подобно средне-вѣковой поговоркѣ:

vae tibi ridenti, quia mox post gaudia flebis.

Въ осьмомъ стихѣ находятся только имена существительныя и имена прилагательныя. Девятый стихъ остается опять гекзаметромъ, а десятый пентаметромъ, если читать ихъ съ конца. Въ одиннадцатомъ стихѣ такимъ же образомъ изъ гекзаметра образуется пентаметръ. Если же читать двѣнадцатый и тринадцатый стихи съ конца, то опять выходитъ гекзаметръ и пентаметръ. Подобнымъ же образомъ превращаются стихи четырнадцатый и пятнадцатый изъ гекзаметровъ и пентаметровъ въ сотадовы:

— — — — —

Сотадовы стихи уже у Александрійцевъ были любимымъ размѣромъ; у Римлянъ они употреблялись Энноемъ, Акціемъ и Варрономъ, хотя, правда, съ большими вольностями. Гораздо болѣе строгіе законы соблюдаемы были при употребленіи упомянутыхъ стиховъ поэтами эпохи императоровъ, Петроніемъ, Марціаномъ и Теренціаномъ Мавромъ.

Кончаю этотъ обзоръ разсмотрѣнiемъ стихотворенiя, помѣщеннаго въ моемъ изданiи подъ № XXV, хотя, можетъ быть лучше было бы помѣстить его въ концѣ. Оно гласитъ:

ardua componunt felices carmina Musae,
dissona coniectunt diversis vincula metris
scrupea pargentes, torquentes pectine vates,
undique confusis constabunt singula verbis.

Въ этихъ стихахъ, не нарушая смысла и размѣра, могутъ мѣняться мѣстами первое и четвертое слово, также какъ второе и третье и наконецъ пятое. Вслѣдствiе того возникаютъ 17 новыхъ строфъ того же самаго объема, въ которыхъ, правда, смыслъ отдѣльныхъ стиховъ иногда тяжель и вычурень.

По представленнымъ мною образцамъ читатель можетъ убѣдиться, что я былъ правъ, утверждая, что никогда еще свѣтъ не видѣлъ стихотворенiй, по своей искусственности равныхъ стихамъ Порфирiя, да врядъ ли и увидитъ что-либо подобное.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о достоинствѣ этихъ произведенiй относительно формы и содержанiя.

Прежде всего бросается въ глаза, что здѣсь и рѣчи быть не можетъ о высокому полетѣ фантази, первомъ условiи настоящей поэзи. Какъ бы ни владѣлъ языкомъ Порфирiй, какимъ бы ни отличался онъ метрическимъ талантомъ, тѣ трудности, которыя онъ самъ себѣ создавалъ, были слишкомъ велики, а границы, въ которыхъ онъ вращался, слишкомъ тѣсны для того, чтобы давать просторъ фантази. Несмотря на то многое вышло у него очень удачно; вообще тѣ его стихотворенiя читаются легко и прiятно, въ которыхъ хитросплетенiя не доходятъ до крайнихъ размѣровъ: напримѣръ, гидравлическiй органъ, жертвенникъ и пастушеская свирѣль.

Панегирики императору Константину въ сущности мало отличаются по содержанiю отъ множества другихъ подобныхъ произведенiй того времени. Образцомъ такихъ стихотворенiй служили многiя мѣста изъ Овидiя, Виргилiя и Горация. Ихъ примѣру слѣдовали и другiе.

Такъ напримѣръ Порфирiемъ прославляются: 1) побѣды Константина надъ его соперниками, изъ которыхъ послѣднiй, Лицинiй, былъ побѣжденъ за два года до двадцатилѣтняго юбилея императора; 2) счастливыя войны съ варварами, Германцами, Сарматами, Парянами и т. д.; 3) посольства къ Константину изъ самыхъ отдален-

ныхъ странъ; 4) заслуги его, по умиротворенію государства, законодательству, а также по снабженію провіантомъ Рима; нерѣдко съ похвалою упоминалось о сыновьяхъ его, особенно о многообъщавшемъ Кристѣ, котораго, впрочемъ, какъ извѣстно, постигла вскорѣ трагическая смерть. Похвалы императору были небезосновательны. Константинъ, въ первыя двѣ трети своего царствованія, былъ вообще милосерднымъ и чрезвычайно дѣятельнымъ монархомъ. Лесть Порфирія кажется намъ иногда черезъ чуръ преувеличенною, но преувеличенія эти нужно приписать воззрѣніямъ и привычкамъ тогдашняго времени, а также не слѣдуетъ терять изъ виду, что Порфирій писалъ въ изгнаніи и во что бы то ни стало желалъ добиться помилованія.

Относительно языка Порфирій беретъ за образецъ поэтовъ Августовой эпохи, преимущественно Овидія и Виргилія. Иногда онъ подражаетъ и Лукану. Языкъ его нерѣдко страдаетъ туманностью, неестественностью, повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же словъ и мыслей. Потому-то и въ моемъ изданіи остались необъясненными нѣкоторыя мѣста, особенно въ стихотвореніи XXII, и къ сожалѣнію едва-ли ббольшая ихъ часть получитъ когда-нибудь удовлетворительное объясненіе.

Впрочемъ и въ латинской антологіи встрѣчается не мало стихотвореній, вышедшихъ изъ-подъ пера уроженцевъ Африки,—стихотвореній мало или даже и вовсе непонятныхъ.

Метрическіе законы соблюдаются Порфиріемъ весьма точно и тщательно. Впрочемъ иногда, вынуждаемый затруднительностью своей задачи, онъ дозволяетъ себѣ вольности, которыя у хорошихъ поэтовъ почти никогда не встрѣчаются. Такъ, на примѣръ, онъ допускаетъ hiatus и въ тезисѣ и даже при краткомъ *e*, на примѣръ, IX, 24: *Crispe avis melior*; кромѣ того онъ принимаетъ, хотя и рѣдко, *qm* за двѣ согласныя, такъ что предшествующая краткая гласная продолжается или обращается въ долгую; нерѣдко и *h* считаетъ онъ согласною. На примѣръ: IV, 27 *excisâque*; XX и 20 *votaque*; XXIII, 4 *uidique*; XVI, 27 *caeditque, habens*.

Объ вольности основаны на ложныхъ теоріяхъ позднѣйшихъ грамматиковъ и встрѣчаются также у нѣкоторыхъ христіанскихъ поэтовъ (см. d. r. m. pg. 314). И отдѣльных вольностей не мало у Порфирія, на примѣръ XV, 3 *natio*, XVI, 27 *ratus*, XIV, 11 *sûplex*. Впрочемъ и у другихъ позднѣйшихъ поэтовъ наталкиваемъ на подобныя же отступленія отъ принятаго произношенія. Списокъ всѣхъ этихъ не-

правильностей Порфирія по метрикѣ и просодіи можно найти въ Index'ѣ моего изданія, главнымъ образомъ на стр. 75, подъ словомъ *metrica*.

Кромѣ поэтическаго своего значенія, опредѣлить которое я старался выше, и вромѣ нѣкоторыхъ не маловажныхъ данныхъ для исторіи Константина, стихотворенія Порфирія представляютъ главнымъ образомъ филологическій интересъ. Изъ древнихъ писателей ороографія его намъ наиболѣе извѣстна. Вслѣдствіе множества употребленныхъ имъ акростиховъ, телестиховъ, мезостиховъ и т. д., съ большою точностью можно выяснитъ у него ороографію множества словъ. Такъ какъ образованный слой общества во времена императора Константина еще очень тщательно обращался съ ороографіей (языкъ же низшихъ классовъ былъ тогда уже очень неправиленъ и небреженъ), то свидѣтельство Порфирія нерѣдко важно, тѣмъ болѣе, что принятое имъ правописаніе болѣею частью согласно со свидѣтельствами древнихъ грамматиковъ и съ лучшими рукописями и надписями. Желающіе познакомиться съ этимъ подробнѣе найдутъ въ моемъ Index'ѣ списокъ отступленій, которыя позволялъ себѣ Порфирій.

Послѣ всего сказаннаго мною едвали можетъ казаться страннымъ, что стихотвореніями Порфирія живо интересовались его современники, а также и Римляне послѣдующихъ вѣковъ.

Святой Иеронимъ сообщаетъ въ своей хроникѣ объ амнистіи Порфирія слѣдующее: *Porphyrius misso ad Constantinum insigni volumine exsilio liberatur*. Также и вышеприведенное стихотвореніе латинской антологіи, адресованное къ королю Вандаловъ Эразамунду (№ 214 ed. Riese), написано безъ сомнѣнія въ подражаніе подобнымъ же произведеніямъ Порфирія. Въ такомъ же родѣ составлены стихотворенія Венанція Фортуната „*de signaculo sanctae crucis*“ и „*de sancta cruce*“ а также „*ad Syagrium, Augustodunensem episcopum*“ (II, 4; 5; V, 7 ed. Migne); хотя Венанцій Фортунатъ и утверждаетъ, что онъ создалъ этими произведеніями что-то еще небывалое, однако по всему вѣроятію ему были извѣстны стихотворенія Порфирія.

Сочинители латинскихъ стихотвореній въ средніе вѣка подражали, что впрочемъ очень естественно, главнымъ образомъ позднѣйшимъ римскимъ поэтамъ, хотя на нихъ иногда вліяли и изучаемые ими (особенно въ монастыряхъ) и другіе поэты лучшихъ временъ, преимущественно Виргилій, Овидій, Луканъ, Гораций и Стацій. И въ то время очень интересовались различнаго рода поэтическими хитросплетеніями, сочинители коихъ обнаруживали удивительную ловкость

въ стихотворномъ искусствѣ, подобную которой нынѣ не легко найти. Неудивительно поэтому, что Порфирій и между средневѣковыми монахами имѣлъ много почитателей. Такъ, напримѣръ, Веда упоминаетъ о немъ (de metris p. 2380 ed. Putsch), приводя похвальный ему отзывъ Иеронима, и сожалѣетъ только, впрочемъ не совсѣмъ основательно, что произведенія его носятъ языческой характеръ. Рабанъ Мавръ, по собственному его свидѣтельству, подражалъ Порфирію въ своихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ честь Святаго Креста, хотя, если позволено пользоваться словами Виргилія, по *rassibus aequis*: въ стихотворномъ искусствѣ и слогѣ онъ стоитъ гораздо ниже Порфирія. Еще ниже Рабана въ этомъ отношеніи стоитъ св. Бонифатій; написавшій стихотвореніе, недавно обнаруженное; оно найдено въ одной Вюрцбургской рукописи X вѣка и издано г. Лаубманомъ въ „Запискахъ Баварской Академіи наукъ“.

Въ Бернской рукописи, оказавшейся мнѣ очень полезною при изданіи Порфирія, находится подъ № 212 множество произведеній съ различными вычурами, авторами которыхъ были: *Alcuinus*, *Josephus*, *Abbas Scotus*, *Teudulfus*, ученые время Карла Великаго, когда снова стали живо интересоваться произведеніями классической древности.

Въ X вѣкѣ *Abbas Floriacensis* написалъ одному германскому императору похвальную вѣсть съ акrostихомъ, мезостихомъ и телестихомъ, при чемъ онъ, безъ сомнѣнія, взялъ за образецъ произведеніе Порфирія; о чемъ свидѣлствуетъ его ученикъ и биографъ *Aimoius*.

Даже въ концѣ XV вѣка императоръ Максимилианъ, при въздѣ своемъ въ Вѣну, былъ привѣтствуемъ Иоанномъ Стаблемъ стихотвореніемъ, въ которомъ авторъ, по его собственному свидѣтельству, подражалъ Порфирію.

Тѣмъ интересомъ, который возбуждалъ въ средневѣковыхъ ученыхъ Порфирій, и объясняется то обстоятельство, что произведенія его сохранились во многихъ рукописяхъ, не смотря на смутныя времена, а равно и то, что многія извлеченія изъ нихъ находятся въ средневѣковыхъ антологіяхъ.

Въ печати произведенія Порфирія впервые появились въ 1590 г.; большая часть его стихотвореній, извлеченныхъ изъ двухъ по достоинству своему различныхъ рукописей и притомъ написанныхъ обыкновеннымъ шрифтомъ, была издана извѣстнымъ французскимъ филологомъ *Petrus Pitheaeus* въ книгѣ, носившей заглавіе: *Epigrammatia et poemata vetera*. Пять лѣтъ спустя всѣ уцѣлѣвшія стихотворенія Пор-

фирія, за исключеніемъ двухъ (IV, XVII), впервые мною обнародованныхъ (впрочемъ второе изъ нихъ вѣроятно не принадлежитъ Порфирію были изданы Павломъ Вельзеромъ, принадлежавшимъ къ одному Аугсбургскому семейству, славившемуся своею любовью къ литературѣ и искусству. При этомъ онъ пользовался довольно плохю рукописью. Въ его изданіи всѣ кувститоми Порфирія наглядно изображены печатью и краской: но чтеніе и пониманіе стихотвореній было чрезвычайно затруднено тѣмъ, что, за исключеніемъ перваго, они напечатаны прописными буквами, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ изданіяхъ, безъ раздѣленія словъ и знаковъ препинанія. Такимъ образомъ, до выхода въ свѣтъ моего изданія, Порфирій почти не былъ извѣстенъ какъ филологамъ, такъ и историкамъ; въ изданіи Migne, въ *Patrologia Latina*, Tom. XIX, даже имя поэта написано невѣрно (Publius вмѣсто Publilius).

Позднѣйшіе издатели перепечатывали изданіе Вельзера. Стихотворенія „Жертвенникъ“, „Пастушеская Свирѣль“, а также и „Гидравлическій Органъ“ нашли, впрочемъ, комментаторовъ; особенно слѣдуетъ упомянуть, что Верндорфъ подробно комментировалъ ихъ во 2-мъ томѣ *poetae Latini minores*.

Въ моемъ изданіи (Лейпцигъ, 1877 г.) было устранено множество ошибокъ отчасти благодаря тому, что мнѣ удалось воспользоваться богатымъ рукописнымъ матеріаломъ, отчасти же по той причинѣ, что я прибѣгалъ къ конъектурамъ. Для поясненія трудныхъ мѣстъ, на сколько это было вообще возможно, я присоединилъ экзегетическій комментарий.

Послѣ того почета, которымъ пользовались произведенія Порфирія въ позднѣйшей древности и въ средніе вѣка, наступила въ XVI столѣтіи реакція. Даже сами издатели его произведений жестоко порицали его за невѣроятные фокусы, которые только усугубляли его недостатки. Что касается до меня, то я высказывалъ выше мое сужденіе о немъ. Впрочемъ, при оцѣнкѣ всякаго произведенія, слѣдуетъ не столько останавливаться на вопросѣ, заслуживаетъ авторъ порицанія или похвалы, сколько стараться понять время и условія, при которыхъ онъ дѣйствовалъ. Съ этой точки зрѣнія сочиненія Порфирія вовсе не кажутся намъ дикими произведеніями правдой фантазіи; они возникли во 1) вслѣдствіе всеобщей въ эпоху позднѣйшихъ императоровъ склонности, за недостаткомъ подходящаго содержанія, заинтересовывать читателей искусственностью вышней формы, и во 2) вслѣдствіе стремленія превзойти и затмить метрическое искус-

ство какъ поэтовъ Августова времени, такъ и поэтовъ 1-го вѣка по Р. X. Еще задолго до Порфирія, какъ мы это видѣли, были въ большомъ ходу у римскихъ поэтовъ различныя стихотворныя хитросплетенія, отличавшіяся отъ его хитросплетеній не столько сущностью, сколько тѣмъ, что они были менѣе замысловаты и запутаны. Древніе сами понимали, что Порфирій только подчинялся вкусу своего времени: это доказывается успѣхомъ, которымъ онъ пользовался въ обществѣ, и тѣмъ подражаніемъ ему, которое проявлялось послѣ IV вѣка и въ средніе вѣка.

Хотя произведенія Порфирія не могутъ удовлетворять требованіямъ теперешнихъ читателей, обращающихъ болѣе вниманія на содержаніе, чѣмъ на форму, я не считалъ подробный разборъ ихъ за потерянный трудъ: полагаю, что онъ служитъ не лишнимъ пополненіемъ къ исторіи римской поэзіи, нѣкоторые отдѣлы коей, несмотря на множество монографій, все еще недостаточно выяснены.

Порфирій — такой писатель, для оцѣнки вычуръ коего надо непременно имѣть ихъ предъ глазами. Поэтому я считаю не лишнимъ воспроизвести здѣсь два его стихотворенія: № № 2 и 15.

№ 2.

SANCTETVIVATISCAESARMISERERESERENVS
 AVGVSTEOMNIPOTENSALMOMORTALIASVNSTA
 NVMINELAETIFICANSNOBISADGAVDIANOMEN
 CONSTANTINETVVMFECVNDICARMINISEXHO
 TEDVCEDETMVSASNAMTRISTISCVRARECVSAT
 EGREGIOSACTVSIAMSEDENTCRIMINAPARCAE
 TVNCMELIVSDOMINVMTEVOXSECVRASONABIT
 VIRTVVMRECTORPOTVITVIKPRANGEREVERSV
 ISTAMODOETMAESTOSICSALTIMDICEBEVATI
 VIXMINICALLIOPEPAVITANTICONSCIANTV
 ADNVTAVSAPRECEMVATISQVEEDICEREFATA
 TRISTIASIGNATORABTESVTLIMITECLAUDA
 TVBERARI CARMENMEDIISVTCONSONAINOMNI
 SITNOTAPRIMASVIET SITPARSEXTIMATALIS
 CEVMEDIAEPRIMISOC CVBRENSAPTIVSISTIC
 ACLATERVMFINESETPARSQVAEDIVIDITORS
 EMEDIOCAPVTESSEQVEATVERSVQVEREFEBE
 SANCTETVIVATISCAESARMISERERESERENVS
 ALMESALVSOBBISROMAEDECVSINCLYTEFAMA
 REMELIORPRIETATEPARRENSADMARTIAVICTOR
 MITIORADVENIAMPERMVLCENSASPERALEGV
 IVSTITIAAETERNAEVIRESETGLORIASAECLIS
 SPESDATAPLENABONISETFELIXCOPIAREBVS
 EXIMIVMCOLVMENTEVETEVVMVIRTUTEFIDEQVE
 ROMAEMAGNBPARENSARMISCIVILIBSVLTO
 ETVMMILAVSGRATADEIMENSCLARASVPERNE
 REBVSMISSASALVSPERTEPAKOPTIMEDVCTOR
 ETBELLISSECVRAQVIESSANCTAOMNIAPERTE
 SOLISIVRASVISFIDISSIMADEXTRAMARITIS
 ETSOCIALEIVGVMPRAEBETCONSORTIAVITA
 RESPICEMEFALSODECRIMINEMAXIMERECTOR
 EXVLISAFFLICTVMPOENANAMCETERACAVSAE
 NVNCOBIECTAMIHIVENIAVENERABILENVMEN
 VINCEPIAETSOLITOSVPERANSFATALIANVT
 SANCTETVIVATISCAESARMISERERESERENVS

№ 15.

- I. Alme, decus mundi summum, rector pius orbis,
 II. Auguste, invicta populos uirtute gubernans,
 III. Iustitia imperii nationum Constantine
 IIII. Effrenatarum moderamine pacificator
 V. Quem diuus genuit Constantius induperator, 5
 VI. Aurea Romanis propagans saecula nato;
 VII. Heu nimis ad caelum properans, ni linqueret ille
 VIII. Aeternum auxilium inuictum iustumque plumque.
 VIIII. Alme pater patriae, nobis te, maxime Caesar,
 X. Ausoniae decus o, lux pia Romulidum, 10
 XI. Est placitum superis tunc haec in gaudia mundi
 XII. Perpetuis bene sic partiri munera saeculis.
 XIII. Sidera dant patri, et patris imperium,
 XIII. Sancta, tibi, magnae data tu lux aurea Romae.
 XV. Ista canit ruris tibi uates ardua metra. 15

Д. Шиллеръ.

О ПОСТЕПЕННОСТИ ВЪ ПИСЬМЕННЫХЪ УПРАЖНЕНИЯХЪ ПО ДРЕВНИМЪ ЯЗЫКАМЪ.

Кто имѣлъ случай познакомиться съ темами для переводовъ съ русскаго на древніе языки, задаваемыми ученикамъ нашихъ гимназій, тотъ навѣрно замѣтилъ, что эти темы часто не соответствуютъ курсу того класса, ученикамъ котораго онѣ предлагаются: онѣ или слишкомъ легки, или чрезмѣрно трудны, и часто не замѣчается въ нихъ того постепеннаго перехода отъ легкаго къ болѣе трудному, который необходимъ для достиженія цѣли, преслѣдуемой письменными упражненіями. А это важный недостатокъ. Центръ тяжести преподаванія древнихъ языковъ состоитъ именно въ этихъ письменныхъ работахъ, такъ что отъ вѣрнаго распредѣленія ихъ, болѣе чѣмъ отъ чего-либо другаго, зависитъ успѣхъ классическаго направленія гимназій. Вотъ почему я считаю не лишнимъ коснуться этого вопроса. Но прежде, чѣмъ предложить мѣры, которыя могли бы способствовать устраненію недостатка, слѣдуетъ выяснитъ причины этого явленія, поражающаго насъ главнымъ образомъ относительно старшихъ классовъ, начиная съ шестаго.

Въ младшихъ классахъ, до пятаго включительно, еще не такъ трудно установить постепенность въ упражненіяхъ, руководствуясь мыслями, высказанными г. Кесслеромъ по поводу этого вопроса въ засѣданіи Общества классической филологіи и педагогики (ср. протоколъ, напечатанный въ ноябрьской книжкѣ Журн. Мин. Народн. Просв.). Въ этихъ классахъ проходятся этимологія и синтаксисъ, на правила которыхъ предлагаются примѣры для перевода. Въ стар-

нию же класса дѣло гораздо труднѣе: тамъ, кромѣ вѣрнаго употребленія эвимиологическихъ формъ и примѣненія простыхъ синтаксическихъ правилъ, требуется синонимика, фразеологія и стилистика, которыя не могутъ изучаться по учебнику, но усваиваются только внимательнымъ и продолжительнымъ чтеніемъ древнихъ авторовъ и навыкомъ въ составленіи переводовъ. Такая, болѣе самостоятельная, дѣятельность — передача роднаго слова на чужой языкъ въ духѣ этого языка — это своего рода искусство, правила котораго, какъ и правила всякаго искусства вообще, будучи основаны на общихъ законахъ, тѣмъ не менѣе не могутъ передаваться такъ просто, какъ передаются грамматическія правила или математическія теоремы; не только рассудокъ, но и воображеніе, и эстетическое чувство при этомъ играютъ большую роль. Тутъ-то при равномъ стараніи не всё одинаково успѣваютъ и результаты должны быть болѣе разнообразны, чѣмъ достигаемые при преподаваніи элементовъ, гдѣ все почти зависитъ отъ прилежанія и памяти ученика. Смотри по составу учениковъ, болѣе или менѣе удачному, не только въ одномъ и томъ же классѣ различныхъ заведеній письменныя работы бывають далеко не одинаковаго достоинства, но даже въ одномъ и томъ же заведеніи можетъ случиться, что въ младшемъ классѣ работы положительно превращають своимъ достоинствомъ и трудностію работъ старшаго класса.

Эта неравность еще значительно зависитъ отъ личности преподавателя; надо принять во вниманіе, кромѣ знанія языка и опытности въ преподаваніи, еще даровитость учителя, потому что — повторю — писать хорошо по латини, или по гречески, писать хорошо на любомъ языкѣ — это искусство, не всѣмъ одинаково доступное и приобретаемое при равныхъ условіяхъ въ очень различной степени.

Какъ же въ этомъ отношеніи дѣло поставлено у насъ? Способны ли, по бѣльшей части, наши преподаватели древнихъ языковъ руководить учениками такъ, какъ слѣдуетъ? Отверженно говоря — нѣтъ, и вотъ почему: безъ сомнѣнія, у насъ столько же умныхъ и даровитыхъ людей, сколько и въ Германіи и во Франціи и гдѣ бы то ни было на свѣтѣ. Ничто не скажетъ, что Русскіе менѣе другихъ способны излагать мысли правильнымъ и изящнымъ образомъ на своемъ, или на чужомъ языкѣ. Многими замѣчено — и я могу подтвердить это собственнымъ опытомъ — что даръ слова, умѣнье ясно и складно выражаться, болѣе свойственны Русскимъ, чѣмъ, напримѣръ, Нѣмцамъ. Дѣло, стало быть, не въ томъ, что способности нѣтъ, а въ томъ,

что способность эта развита не въ томъ направленіи, въ которомъ она требуется для удачнаго руководства письменными занятіями по древнимъ языкамъ. Какую подготовку имѣеть большинство преподавателей древнихъ языковъ для этихъ занятій? Самую, пожалуй, сказать, неудовлетворительную. Укажутъ на мѣры, принятія правительствомъ для того, чтобы мѣста преподавателей древнихъ языковъ были занимаемы людьми хорошо подготовленными; такъ, напримеръ, на учрежденіе историко-филологическихъ институтовъ и т. п. Не смѣю касаться вопроса, на сколько эти мѣры целесообразны: замѣчу только, что умѣніе владѣть чужимъ языкомъ пріобрѣтается въ молодости и только въ исключительныхъ случаяхъ достигнимо для взрослого человѣка. Рѣдко кто въ университетѣ научился писать по латыни, поступивъ въ высшее учебное заведеніе съ такими познаніями по этому предмету, съ какими, во общему отзыву профессоровъ, поступало и нынѣ еще поступаетъ у насъ въ эти заведенія большинство молодыхъ людей. Но допустимъ, что я ошибаюсь, положимъ даже, что всѣ кончившіе курсъ высшего учебного заведенія дѣйствительно способны исполнять возлагаемыя на нихъ обязанности. Сколько ихъ въ сравненіи со всѣмъ числомъ преподавателей древнихъ языковъ? Установилась ли въ гимназіяхъ извѣстная традиція, выработались ли извѣстныя нормы преподаванія, которыя могли бы служить руководствомъ и точками опоры для молодаго преподавателя? Нѣтъ, напротивъ, — онъ, получившій, въ сравненіи съ своими старшими товарищами, образованіе, болѣе приспособленное къ ожидающимъ его занятіямъ, является какииъ-то авторитетомъ въ своемъ дѣлѣ, который не ищетъ, а иногда и не принимаетъ совѣта отъ своихъ, болѣе опытныхъ, хотя бы и менѣе подготовленныхъ сослуживцевъ. — Другой родъ преподавателей древнихъ языковъ — иностранцы, болшею частью Нѣмцы. Они, вслѣдствіе болѣе усиленныхъ и лучше направленныхъ занятій въ пройденныхъ ими заведеніяхъ, нерѣдко основательнѣе знаютъ древніе языки; но за то затрудняются русскимъ языкомъ. Въ лучшемъ случаѣ они только до нѣкоторой степени внимаютъ въ духъ русской рѣчи. Что болѣе вредитъ дѣлу, недостаточное ли знаніе русскаго языка, или неполное знакомство съ древними языками — объ этомъ пусть судятъ другіе. Но очевидно, что учебный составъ нашихъ гимназій еще не такой, чтобы требовать отъ него отличнаго устройства преподаванія древнихъ языковъ.

Замѣтная послѣдовательность и несообразность въ письменныхъ работахъ — это только симптомъ, который исчезнетъ тогда, когда

устраняется причина общего недостатка. Перебъны къ лучшему нельзя ожидать отъ однихъ университетовъ и историко-филологическихъ институтовъ — они, по приведенной выше причинѣ, не много могутъ помочь намъ, — но улучшение зависить отъ самихъ гимназій: Надо стараться, на сколько это возможно при данныхъ условіяхъ, поставить дѣло на болѣе прочныхъ основаніяхъ, чтобы будущіе учителя, получивъ въ гимназій болѣе основательную подготовку, могли впоследствии довести дѣло до того совершенства, которое пока еще въ социальнѣю остается *pius desiderium*.

Какая же цѣль этихъ столь затруднительныхъ занятій? Вѣдь не та, которая имѣется въ виду при подобныхъ упражненіяхъ по новымъ языкамъ, а именно та, чтобы въ концѣ концовъ ученики умѣли писать по латини такъ, какъ пишутъ на родномъ языкѣ. Никто въ переводахъ на древніе языки не можетъ видѣть того, что Нѣмцы называютъ „самобытною цѣлью (Selbstzweck)“; они напротивъ только могутъ имѣть значеніе средства. Переводы назначены для того, чтобы 1) ученики, изучая древніе языки не только усвоили ихъ основательно въ этимологическомъ, синтаксическомъ и лексикологическомъ отношеніяхъ, но и вошли бы въ духъ ихъ и достигли бы вѣрнаго и полного пониманія древнихъ авторовъ, 2) черезъ сравненіе своего роднаго языка съ древнимъ развили бы умъ и эстетическое чувство и 3) вмѣстѣ съ тѣмъ познакомились бы съ преимуществами и особенностями самого роднаго языка. Сообразно съ этимъ и должны быть устроены письменныя упражненія. Есть сторонники того мнѣнія, что тѣ же самые результаты достигаются менѣе труднымъ путемъ, а именно переводами, устными и письменными, съ древняго на родной языкъ. Это мнѣніе нашло защитниковъ и въ Германіи. Указу на рефератъ, представленный Виртембергскому правительству въ 1869 году (ср. Schmid, Das Recht der lat. und griech. Schreibübungen in den höheren Schulen Württembergs). Референтъ говоритъ (стр. 23): „при подробномъ грамматическомъ разборѣ предложеній и заучиваніи словъ и фразъ, встрѣчающихся у читаемаго автора, косвенно получается гораздо болѣе выгоды для составленія переводовъ на древній языкъ (Composition), чѣмъ на оборотъ. Нѣкоторые преподаватели пронаводятъ чтеніе главнымъ образомъ съ той точки зрѣнія, чтобы этимъ научить учениковъ составлять переводы на древній языкъ“. Они сознаютъ (стр. 26): „что латинская грамматика (этимологія и синтаксисъ), въ той ясности и твердости знанія, которая непременно требуется для пониманія всякаго латинскаго пи-

сателя, можетъ быть усвоена учениками не иначе, какъ черезъ многократное упражненіе въ устныхъ и письменныхъ переводахъ на латинскій языкъ“, но утверждаетъ (стр. 27), „что эта цѣль достигается равнымъ образомъ и переводами систематически расположенныхъ латинскихъ предложений и періодовъ на родной языкъ. Если, следовательно, уже переводить на латинскій языкъ, то темы должны выбираться изъ области римскаго древняго быта, или изъ быта современныхъ Римлянамъ народовъ, должны быть приспособлены къ латинскому слогу, и черезъ это на столько облегчены для ученика, что онъ, при нѣкоторомъ стараніи, можетъ чувствовать удовольствіе, что составилъ нѣчто дѣйствительно похожее на латинскую рѣчь (die Genugthuung wirklich etwas lateinisch klingendes zu Stande gebracht zu haben)“. Мнѣніе, что переводамъ на древній языкъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія, было принято въ расчетъ при составленіи правилъ для гимназій въ Эльзасѣ и Лотарингіи. По инструкціи, данной тамошнимъ директорамъ въ декабрь 1877 года (ср. Zeitschr. f. Gymn. - Wesen. März — April 1878, стр. 299) переводы на греческій языкъ отиѣняются для старшаго класса (Prima=VII и VIII классамъ) и не требуются при выпускномъ экзаменѣ. Въмѣсто того, при переходѣ въ старшій классъ, ученики обязаны составить такой переводъ, который хранится потомъ въ гимназій и представляется экзаменаціонной комиссіи для соображенія при оцѣнкѣ ученика на испытаніи зрѣлости. Но такое постановленіе сдѣлано только относительно греческаго языка, и притомъ предоставлено на усмотрѣніе преподавателя по временамъ предлагать своимъ ученикамъ extemporalia для провѣрки и повторенія. Причина очевидна. Греческій языкъ занимаетъ совершенно иное мѣсто въ кругу предметовъ, входящихъ въ гимназическій курсъ, чѣмъ латинскій. Въ греческомъ довольствуются тѣмъ, чтобы ученики писали этимологически вѣрно, съ соблюденіемъ главныхъ синтаксическихъ правилъ; далѣе въ этомъ направленіи не возможно идти въ гимназій, а этого достигаютъ уже по окончаніи курса секунды (нашего VI класса). Греческія упражненія въ такомъ случаѣ, въ продолженіи двухъ лѣтъ (курсовъ VII и VIII классовъ) не представляютъ почти ничего новаго, лишены всякаго интереса для учениковъ, такъ что ученики не только не получаютъ успѣховъ, но даже отстаютъ вслѣдствіе небрежнаго съ ихъ стороны отношенія къ этимъ, надобнымъ имъ, упражненіямъ, которыя впрочемъ отнимаютъ у нихъ драгоцѣнное время. У насъ этимъ недостаткомъ, и даже въ большей еще мѣрѣ, страдаютъ латинскія

упражнения въ старшихъ классахъ, именно вследствие отсутствия последовательности въ преподаваніи темъ, вследствие того „топтали на одномъ и томъ же мѣстѣ“, какъ удачно назвали этотъ неприводительный трудъ; ученики упражнялись въ тѣхъ же давно извѣстныхъ имъ союжнѣтвѣхъ и ablativus absolutus и т. п., при переводѣ темъ, не доставляющихъ имъ никакого интереса, ни относительно содержанія, ни относительно формъ. Что извѣстно выбора темъ, то я приведу сужденіе извѣстнаго педагога, редактора педагогической энциклопедіи Шмидта, высказанное по поводу вышеупомянутого реферата, представленнаго Виртембергскому министерству (стр. 92). Онъ говоритъ: „Я 27 лѣтъ преподавалъ въ среднихъ классахъ и слѣдовало бы мнѣ имѣть нѣкоторую опытность относительно этого возраста учениковъ. Я въ большомъ количествѣ предлагалъ подражанія (Imitationen) и темы для упражненія въ томъ, что встрѣчалось при чтеніи автора; въ первые годы моей службы я и не давалъ своимъ ученикамъ почти никакихъ другихъ задачъ, кромѣ таковыхъ, которыя составлялъ самъ по предлагаемымъ г. референтомъ принципамъ. Но впоследствии я болѣе и болѣе сталъ отказываться отъ преимущественнаго употребленія подобныхъ темъ, по слѣдующимъ двумъ причинамъ. Во-первыхъ, я долженъ былъ всегда самъ составлять такія задачи и не могъ пользоваться никакимъ пособіемъ, потому что автора подобной книги не можетъ знать, что именно я прохожу при чтеніи съ моими учениками. Но чѣмъ болѣе успѣваютъ ученики, тѣмъ болѣе становится настоящимъ искусствомъ (ein virkliches Kunststück) составлять для нихъ удовлетворительныя темы. Между темъ мнѣ удалось нѣкоторыя—другія это удастся легче и лучше,—но чисто я былъ недоволенъ своимъ сочиненіемъ, хотя не рѣдко надъ нимъ просиживалъ поздно ночью. Вотъ почему мнѣ очень понятно возраженіе, внесенное г. референту—что у учителей для такого труда недостаетъ времени. И впоследствии я иногда самъ составлялъ темы для переводовъ, но рѣдко по тѣмъ принципамъ; отъ преимущественнаго примѣненія такихъ темъ меня удерживала вторая причина. Придерживаясь прочитанныхъ мнѣ авторовъ, я самъ былъ слишкомъ стѣсненъ; и желаніе учениковъ обогатить свой умъ новыми матеріалами оставалось такимъ образомъ безъ достаточнаго удовлетворенія. Все болѣе и болѣе я научался цѣнить существующіе сборники, изъ которыхъ могъ выбирать задачи; я и самъ иногда обрабатывалъ правившіеся мнѣ отрывки изъ нѣмецкихъ сочиненій, все менѣе приравливая ихъ къ латинскому слогу; конечно

отрывки должны быть годны для перевода на латинскій языкъ — и такимъ образомъ я достигалъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ прежде. Я старался предлагать своимъ ученикамъ, приближающимся уже къ юношескому возрасту, разнообразныя интересныя темы, взятыя изъ современной жизни, и теперь еще увѣренъ въ томъ, что поступаешь вѣрно. Самые дѣльные изъ моихъ товарищей достигаютъ точно такъ же. Что касается неохоты, съ которою будто бы нѣкѣдшнее поколѣніе относится къ этимъ упражненіямъ, то мы такой цѣти и не замѣчали. Лѣтцамъ боялся этой работы, какъ и всякой другой, но даже менѣе даровитые ученики, которые конечно далеко не достигали, объективной правильности, имѣли значительную пользу отъ болѣе близкаго знакомства съ древнимъ языкомъ, отъ пониманія многихъ выраженій, которыя безъ этого оставались бы имъ непонятными, отъ увеличенія умственной изворотливости, а съ возрастаніемъ сила возрастала и одета. Я не достигъ бы этого предлагаемыми подражаніями мѣстъ изъ читаемыхъ въ классѣ древнихъ авторовъ. Не могу не согласиться съ мнѣніемъ г. Шмидта, но замѣчу, что онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ домашнія работы, а не классныя. Эти два рода упражненій должно различать одно отъ другаго, такъ какъ цѣль ихъ различна. Домашнія работы имѣютъ назначеніе заставить ученика, при помощи всѣхъ доступныхъ ему законныхъ пособій, то-есть грамматики, словаря и текста древнихъ авторовъ, увеличивать кругъ своихъ познаний относительно того, что одновременно происходитъ въ классѣ; классная же работа главнымъ образомъ назначена служить средствомъ для проверки уже приобретенныхъ ученикомъ познаний. Отъ того ему отказываютъ въ пользованіи какими бы то ни было пособиями, и заставляютъ его писать въ предѣлахъ довольно ограниченной времени, такъ, что онъ можетъ дать только готовое. Изъ этого слѣдуетъ, что классныя упражненія гораздо тѣснѣе должны примѣняться къ переходному въ классѣ грамматическому курсу, или читаемому автору. Въ нашихъ гимназіяхъ на практикѣ слишкомъ малое значеніе придаютъ этимъ домашнимъ занятіямъ, обращая слишкомъ большое вниманіе на классныя занятія; следовательно ученикамъ производится какъ бы письменное испытаніе, а возможности подготовиться какъ слѣдуетъ домашними упражненіями къ этому экзамену, не дается. Слѣдуетъ усилить домашнія занятія въ сравненіи съ классными и тѣмъ болѣе, чѣмъ выше классъ, гдѣ можно требовать отъ ученика болѣе самостоятельнаго труда. Противъ домашнихъ переводовъ обыкновенно приводятъ слѣдующее: 1) трудно предупредить списываніе; 2) при-

бавляется работѣ ученикамъ уже и безъ того обремененнымъ занятіями; 3) на преподавателей возлагается непосредственный трудъ поправки оруженнаго количества работъ. На это можно указать слѣдующее: 1) Ученики рѣдко сличиваютъ дѣланию и это не можетъ остаться незамѣченнымъ; они обыкновенно „средничаютъ“ свои работы съ работами лучшихъ учениковъ — и изъ этого по неволѣ извлекаютъ какую-нибудь пользу; но и это неправильное отношеніе къ дѣлу не можетъ усвоиваться отъ вниманія преподавателя, особенно въ высшихъ классахъ, гдѣ домашнимъ работамъ должно придавать болѣе значенія; extemporalе показываетъ дѣланы въ действительности познания ученика. 2) Если намъ ученики заведены работами, то это не причина освобождать ихъ отъ необходимыхъ занятій; слѣдуетъ лучше, уменьшить работы менѣе важныя. Впрочемъ работа утомляетъ человека не только своимъ объемомъ, но болѣе еще однообразіемъ; всякая перемена — своего рода отдыхъ. Большая часть задачъ на домъ работъ касается памяти — обыкновенно ученики затрудняются произношеніемъ не исторіи, географіи и т. д., — а это занятіе упражняетъ расуодокъ и доставляетъ ученику то пріятное чувство, которое всегда соединено съ трудомъ, производящимъ обязательный результатъ. Ученикъ, слѣдовательно, охотно и поэтому сравнительно легко исполнить эту задачу. Не говорю уже о томъ, что приобретаемое черезъ серьезное отношеніе къ домашнимъ переводамъ, болѣе подробное и твердое знаніе синтаксиса и фразеологій древняго языка значительно облегчаетъ ученику пониманіе древнихъ авторовъ и такимъ образомъ сокращаетъ трудъ при чтеніи ихъ. 3) Учителю не прибавится труда, если соразмѣрно съ увеличеніемъ числа домашнихъ работъ будетъ уменьшено число классныхъ; а поправлять тѣ или другія — одно и то же; скорѣе еще поправка домашнихъ работъ менѣе утомительна; онѣ хотя и больше по объему, но содержатъ менѣе ошибокъ, такъ какъ составлялись при помощи грамматики и словаря.

На основаніи этихъ соображеній позволю себѣ сдѣлать слѣдующія предложенія:

1) По латинскому языку въ I классѣ не дѣлать extemporalia, въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это слово, но заставлять учениковъ писать на доскѣ переводы элементарныхъ фразъ, послѣ предварительнаго устнаго перевода и разбора этихъ фразъ въ классѣ. Во II классѣ: каждую недѣлю по одному extemporalе, для провѣрки того, выучили ли ученики встрѣчавшіяся слова и пройденныя статьи грамматики. Начиная съ III до V класса включительно: каждую не-

дѣлю предлагать поочередно одинъ разъ extempore, другой разъ домашнюю работу. Начиная съ VI класса: одинъ разъ въ мѣсяцъ extempore—можно на это отдѣлить и два часа подрядъ, — а каждую остальную недѣлю по домашнему упражненію.

2) По греческому языку можно обойтись почти безъ домашнихъ работъ и ограничиться классными: въ III классѣ только въ томъ видѣ какъ предлагается для I-го по латинскому языку; начиная съ IV класса еженедѣльно по одному extempore, а въ высшихъ классахъ, когда ученики усвоили этимологию и главныя правила синтаксиса, порѣже, чтобы сберечь время для чтенія писателей.

Темы для классныхъ работъ удобно выбирать изъ читаемыхъ въ классѣ авторовъ; для домашнихъ же лучше составить самому—кто чувствуетъ къ этому способность — или же брать изъ существующихъ печатныхъ сборниковъ, стараясь болѣе и болѣе устранять въ этихъ темахъ зависимость русской рѣчи отъ латинскаго слова и такимъ образомъ приучать учениковъ къ самостоятельной обработкѣ даннаго матеріала, а въ высшихъ классахъ предлагать исключительно избранныя темы изъ современныхъ русскихъ писателей:

Ф. Гельве.

**Протоколъ засѣданія С.-Петербургскаго отдѣленія Общества
классической филологіи и педагогикѣ 25-го апрѣля 1878 года.**

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ В. Х. Лемоніуса, въ присутствіи членовъ: Б. И. Смирнова, Л. А. Миллера, Ф. Ф. Кесслера, г. Кербера, А. И. Чистякова, Я. Г. Моера, А. И. Давиденкова, И. А. Смирнова, Н. В. Рубинскаго, А. А. Гофмана, А. А. Коммершанга, г. Вюрма, Ф. Ф. Гельбе, г. Влишберга, М. П. Востова и г. Швейдара.

1) Прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Прочитано отношеніе Кіевскаго отдѣленія общества классической филологіи и педагогикѣ о выборѣ должностныхъ лицъ общества. Причѣмъ слѣдующія лица получили избирательные голоса: на должность предсѣдателя общества А. И. Георгіевскій получилъ 9 избирательныхъ голосовъ, В. Х. Лемоніусъ 3 голоса; на должность товарища предсѣдателя В. Х. Лемоніусъ получилъ 3 голоса, А. И. Чистяковъ 7 голосовъ. Въ члены совѣта общества абсолютное большинство голосовъ получили: А. И. Чистяковъ (7), К. И. Смирновъ (7), И. Ф. Пираковъ (7), Ф. Ф. Кесслеръ (6), Л. А. Миллеръ (5), А. Д. Вейсманъ (5), А. А. Гофманъ (5) и М. В. Пугонскій (5).

3) Прочитанъ отчетъ о дѣятельности Харьковскаго отдѣленія общества за истекшее трехлѣтіе.

4) Предъявлено письмо г. Вейсмана на имя г. предсѣдателя Общества съ просьбой о выдачѣ ему суммъ въ размѣръ 1,000 рублей для продолженія печатанія его греко-русскаго словаря. Рѣшено: предоставить совѣту общества войти съ г. Вейсманомъ въ переговоры,

какого рода обезпеченіе можетъ отъ представить Обществу относительно своевременной уплаты сдѣланной ему ссуды, и, если совѣтъ найдетъ это обезпеченіе удовлетворительнымъ, то выдать ему означенную сумму.

5) Э. Э. Кесслеръ прочелъ рефератъ о постепенности въ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ гимназій при переводахъ съ отечественнаго языка на латинскій и греческій.

Авторъ обратилъ вниманіе на тѣ правила, которымъ по его мнѣнію должны слѣдовать преподаватели при составленіи темъ для письменныхъ переводовъ. По мнѣнію его, во 1) ученикамъ должны быть предлагаемы такого рода работы, для выполненія коихъ они имѣютъ достаточныя познанія и практику. Поэтому для переводовъ съ русскаго языка на латинскій и греческій не должно быть назначено ни словъ, ни указаній на обороты въ русскомъ текстѣ, такъ какъ письменныя упражненія не имѣютъ въ виду доставленія ученикамъ познаній, но служатъ только критеріумомъ пройденнаго въ классѣ. Вслѣдствіе этого письменныя упражненія не должны идти въ уровень съ тѣми, что проходятся устно, но должны слѣдовать за ними въ известномъ разстояніи. Въ такомъ только случаѣ письменныя работы раскроютъ передъ преподавателемъ, на что онъ долженъ обращать вниманіе. Въ 2) преподаватель долженъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы задаваемая работа не была основана на единичномъ значительномъ количествѣ вновь усвоенныхъ грамматическихъ правилъ. Подобное нагроможденіе въ упражненіи новыхъ правилъ затрудняетъ ученика, мѣшая ему ориентироваться въ своей работѣ. Въ 3) однимъ изъ главныхъ условій, облегчающихъ успешное выполненіе письменныхъ работъ, считается постепенный переходъ отъ болѣе простаго къ сложному. Материаломъ въ низшихъ классахъ должна служить хрестоматія, переводимая учениками въ классѣ; причемъ преподаватель обязанъ самъ составлять темы именно изъ этого матеріала. Въ томъ же видѣ продолжаютъ письменныя работы и въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ начинается чтеніе древнихъ авторовъ: прочитанное представляетъ богатый матеріалъ для составленія письменныхъ упражненій. Въ 4) согласно съ учебными планами письменныя работы учениковъ IV и даже III классовъ должны состоять не только изъ отдѣльныхъ фразъ, но и изъ связныхъ слоговъ. Это приучаетъ ученика налагать свои упражненія не только латинскими словами, но и придавать имъ колоритъ латинской связной рѣчи. Въ 5) при назначеніи домашнихъ письменныхъ работъ преподаватель долженъ при-

держиваться выше изложенныхъ правилъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно кое-что указать ученику, напримеръ, соответствующіе параграфы изъ грамматики и т. под. Въ старшихъ классахъ, по мнѣнію г. Кесслера, письменныя упражненія должны быть главнымъ образомъ домашнія, ибо такія работы даютъ возможность ученику серьезнѣе и сосредоточеннѣе отнестись къ дѣлу.

Какъ сказано выше, преподавателю слѣдуетъ самому составлять темы для письменныхъ упражненій изъ матеріала, доставляемаго читаемыми въ классѣ авторами. Но при этомъ не рекомендуется давать ученику буквальный русскій переводъ латинскаго текста читаемаго автора, потому что едва-ли найдутся у авторовъ статьи, которыя вполне соответствовали бы уровню познаній даннаго класса. Такъ какъ нѣкоторые пункты, намѣченные референтомъ, вызвали возраженія, то вопросы, возбужденные ими, остались пока открытыми, и собраніе по этимъ вопросамъ не сдѣлало никакихъ постановленій, ожидая обсуждения реферата г. Кесслера въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій.

6) Въ этомъ же засѣданіи Э. Э. Гельбе прочелъ свою статью тоже по вопросу о постепенности въ письменныхъ упражненіяхъ при переводахъ съ русскаго языка на древніе. Содержаніе ея не излагается здѣсь, ибо она помѣщена въ этой же книгѣ Журн. Мин. Нар. Просв.

Отчетъ о дѣятельности Московскаго Отдѣленія Общества классической филологіи за 1876 и 1877 годы.

1876 г.

Въ 1876 году Московское Отдѣленіе имѣло семь засѣданій, а именно:

24-го янв. 1876 г. происходило подъ предсѣдат. М. Н. Каткова XX очередное засѣданіе, въ которомъ: 1) А. Г. Семеновичъ сообщилъ о найденной имъ въ Рязанской гимназической библіотекѣ книгѣ подъ заглавіемъ: „Полный Латинскій Геснеровъ Лексиконъ, законченный Сивьковскимъ. Москва 1798 г.“ 2) Е. Е. Вачинскій сообщилъ свои наблюденія „относительно употребленія у Гомера сослагательнаго на-

клоненія въ независимыхъ предложеніяхъ" и 3) В. Д. Исаенковъ сообщилъ планъ издаваемого имъ вмѣстѣ съ Е. К. Павленковскимъ руководства для латинск. стилистич. упражненій, по учебнику Зипфле (Aufgaben zu lateinischen Stilübungen, часть I).

28-го февр. 1876 г. подъ предсѣдат. М. Н. Каткова XXI очередное засѣданіе, въ которомъ Е. В. Черный прочелъ начало своего реферата „объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ“.

24-го марта 1876 г. подъ предсѣдат. М. Н. Каткова XXII очередное засѣданіе, которое было посвящено памяти свѣтлѣвшаго, ровно годъ тому назадъ, предсѣдателя Московскаго Отдѣленія П. М. Леонтьева. Кромѣ того въ этомъ засѣданіи: 1) В. А. Гринмутъ прочелъ переведенный имъ рефератъ почтеннаго члена Р. Г. Вестфала: „объ образованіи основъ и временъ русскаго глагола“ и 2) Э. В. Черный прочелъ 2-ю часть своего реферата: „объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ“.

1-го мая 1876 г. подъ предсѣдат. М. Н. Каткова XXIII очередное засѣданіе, въ которомъ Э. В. Черный прочелъ 3-ю часть своего реферата: „объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ“.

30-го окт. 1876 г. подъ предсѣдат. А. Г. Семеновича XXIV очередное засѣданіе, въ которомъ: 1) В. А. Гринмутъ сообщилъ свой критическій разборъ книги „Трагедія Софокла, Филоклетъ“ изданная въ СПб. 1876 г. г. Григоревскимъ; 2) А. Г. Семеновичъ сообщилъ свои наблюденія касательно „русскихъ фамилій, выраженныхъ родительнымъ принадлежності (напр. Дурново, Жываго, Сукихъ и т. п.) сравнительно съ подобнымъ же употребленіемъ этого падежа въ древнихъ языкахъ“; 3) А. Г. Семеновичъ сообщилъ нѣсколько мѣстъ изъ Овидія для поясненія „Ille ego“, Verg. Aen. I. 1.

27-го ноября 1876 г. подъ предсѣдат. М. Н. Каткова XXV очер. зас., въ которомъ 1) В. Д. Исаенковъ сообщилъ свой критическій разборъ „рѣчи Цицерона за Сестра Росція Америна (sic!), переведенной г. Клевановымъ“; 2) Э. В. Черный прочелъ окончаніе своего реферата: „объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ“.

22-го дек. 1876 г. подъ предсѣдат. М. Н. Каткова XXVI очер. зас., въ которомъ 1) П. А. Каленовъ сообщилъ свой рефератъ „Чтеніе Платона въ старшихъ классахъ нашихъ гимназій“; 2) В. А. Гринмутъ прочелъ отрывки изъ оригинальной попытки перевести

Гомера на русскій простонародный языкъ, сдѣланный въ 40-тъ годахъ Сениковскимъ (бар. Брамбеусомъ).

1877 г.

Въ 1877 г. Моск. Отдѣленіе имѣло пять засѣданій, а именно:

29-го января 1877 г. подъ предсѣдат. М. Н. Каткова XXVII оч. зас., въ которомъ были прочитаны: 1) отчетъ о дѣятельности Моск. Отд. за 1876 г.; 2) денежный отчетъ за 1876 годъ и 3) были выбраны вновь казначей, секретарь и библіотекаръ на 1877 г.

25-го февр. 1877 г. подъ предсѣдат. М. Н. Каткова XXVIII оч. зас., въ которомъ 1) св. Н. Г. Малиновскій сдѣлалъ сообщеніе о „Лексиконѣ триназычномъ Поликарпова. Москва, 1704“; 2) В. Д. Исаенковъ прочелъ „Переводъ на русскій и латинскій языки четырехъ статей изъ приготовляемой имъ виѣсть съ К. К. Павликовскимъ въ печати второй части „Эюфле, статьи для перевода“.

9-го апр. 1877 г. подъ предсѣд. А. И. Георгіевскаго XXIX очер. засѣд., въ которомъ: 1) Э. В. Черный познакомилъ гг. членовъ съ планомъ и характеромъ печатаемаго имъ „Русско-Греческаго Словаря для гимназическаго курса“ и сообщилъ нѣкоторыя выдержки изъ него; 2) В. А. Грингмутъ прочелъ свою статью подъ заглавіемъ: „Существенный пробѣлъ въ практикѣ нашей гимназической педагогики“.

29-го октября 1877 г. подъ предсѣдат. А. Г. Семеновича XXX очер. зас., въ которомъ Е. А. Шмидтъ прочелъ свою статью подъ заглавіемъ „Паллада Афина“.

3-го декабря 1877 г. подъ предсѣд. М. Н. Каткова XXXI оч. зас., въ которомъ В. А. Грингмутъ сообщилъ „попытку объяснить нѣкоторыя трудныя мѣста изъ трагедіи Софокла „Антигона“ (ст. 2, 10, 30, 88)..

Протоколь XXXII засѣданія (29 апрѣля 1878 года).

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ члена совѣта А. Г. Семеновича и въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ Х. П. Ауссема, В. А. Грингмута, Л. О. Лавровскаго, И. Д. Лебедева, М. И. Студеникова, Э. В. Чернаго, Е. А. Шмидта и кандидатовъ въ дѣйствительные члены Е. И. Торъ-Ланге и И. Г. Семеновича.

1) Подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Прочтенъ отчетъ о дѣятельности Московскаго Отдѣленія за 1877' годъ.

3) Е. А. Шмидтъ прочелъ свою статью о Гермесѣ, въ которой доказывалъ, что Гермесъ первоначально былъ богъ свѣта. Опровергнувъ мнѣнiе другихъ мiеологовъ, и въ особенности мнѣнiе М. Мюллера, будто Гермесъ есть богъ утренней зари, референтъ подводилъ поочередно всѣ извѣстные эпитеты и атрибуты Гермеса подъ основное понятiе свѣта. Въ заключенiе онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчанiй о значенiи Пана и Весты въ древней греко-италiйской мiеологии. По поводу этого реферата завязались весьма оживленныя и продолжительныя пренiя, въ которыхъ принимали дѣятельное участiе всѣ присутствовавшiе.

5) Г. предсѣдательствующiй сообщалъ, что по уставу Московское Отдѣленiе должно приступить къ выбору своего совѣта на новое трехлѣтiе, а также къ выбору своего казначея, секретаря и библиотекаря на текущiй 1878' годъ. При этомъ г. предсѣдательствующiй присовокупилъ, что, къ величайшему сожалѣнiю, казначей Моск. Отдѣленія А. Г. Кудравцевъ, вслѣдствiе тяжелой своей болѣзни, нашелся вынужденнымъ просить Общество уволить его на будущее время отъ должности казначея. На основанiи этого заявленiя, всѣ присутствовавшiе члены открытымъ, единогласнымъ рѣшенiемъ признали избранными: 1) въ предсѣдатели Московскаго отдѣленiя: М. Н. Каткова; 2) въ члены совѣта Московскаго отдѣленiя: Ю. К. Фелькеля и А. Г. Семеновича; 3) въ казначей, секретаря и библиотекаря: В. А. Грингмута.

5) Прочтено отношенiе совѣта Общества въ С.-Петербургѣ отъ 2-го февраля 1878 года, при которомъ препровожденъ былъ списокъ членовъ, баллотировавшихся въ засѣданiи 31-го января 1878 года по предложенiю Московскаго Отдѣленiя, а именно: А. К. Фишера, Е. Е. Штейгера, I. П. Громича, Ф. К. Греве, К. М. Венера, М. К. Модестова, Н. И. Козловскаго и И. П. Минарича. Всѣ они единогласно признаны членами Общества.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВУХСОТѢЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

СТРАН.

Высочайшія повелѣнія.

1. (14-го августа 1878 года).—Объ учрежденіи стипендій при Муромскомъ реальномъ училищѣ	1
2. (14-го августа 1878 года).—Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 6-й гимназіи	—
3. (14-го августа 1878 года).—Объ учрежденіи стипендіи при Харьковской Маріинской женской гимназіи	2
4. (15-го августа 1878 года).—Объ учрежденіи стипендій при Муромской женской прогимназіи	—
5. (19-го сентября 1878 года).—Объ учрежденіи стипендіи при 6-й С.-Петербургской прогимназіи	—
6. (2-го сентября 1878 года).—О назначеніи штатнаго учителя русскаго языка въ Дерптской гимназіи	5
7. (19-го сентября 1878 года).—Объ учрежденіи стипендіи при Воронежской мужской гимназіи	—
8. (4-го октября 1878 года).—Объ учрежденіи стипендій при Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ	25

9. 4-го октября 1878 года Объ учрежденіи стипендіи при Череповской Маріинской женской гимназін	25
10. (17-го октября 1878 г.) Объ учрежденіи стипендіи при Костромской и Ярославской мужскихъ гимназіяхъ	26
11. (17-го октября 1878 г.) Объ учрежденіи стипендій при Нерехтскомъ городскомъ (бывшемъ уѣздномъ) училищѣ	—
12. (16-го октября 1878 г.) Объ учрежденіи реального училища въ гор. Моршанскѣ	—
13. (24 го октября 1877 г.) О присвоеніи Демидовскому юридическому лицѣу права выдавать студентамъ сего лицѣа преміи за отличныя сочиненія на предлагаемыя ежегодно темы	27
14. (28-го октября 1878 г.) Объ учрежденіи преміи при 1-ой Дерптской учительской гимназін	28
15. (28-го октября 1878 г.) Объ учрежденіи при Нерехтскомъ приходскомъ училищѣ, Костромской губерніи, пяти стипендій	—

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

25-го августа 1878 года (№ 14)	10
23-го сентября 1878 года (№ 15).	182

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (15-го іюня 1878 г.) Уставъ общества естествоиспытателей при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ	6
2. (7-го октября 1878 г.) Правила о стипендіи Александра Извъкова, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	9
3. (28-го сентября 1878 г.) Положеніе о стипендіи вдовы генераль-маіора Надежды Михайловны Коровкиной при Воронежской губернской гимназін	29
4 (12-го октября 1878 г.) Положеніе о стипендіи имени Красноуфимскаго 2-й гильдіи купца Василя Никитича Котлярова при Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ	30
5. (4-го ноября 1878 г.) Положеніе о преміи учителя Рижскаго казеннаго начальнаго училища І. Фромма, учрежденной при 1-й Дерптской учительской семинаріи	31

6. (4-го ноября 1878 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, учрежденныхъ при Нерехтскомъ приходскомъ училищѣ, Костромской губерніи	32
7. (4-го ноября 1878 г.) Правила для стипендіи императора Александра 1-го при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.	33
8. (4-го ноября 1878 г.). Правила о стипендіяхъ имени Оа-дѣя Сергѣевича Романова 'при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	34
9. (2-го ноября 1878 г.). Дополнительное объясненіе къ „Примѣрному списку стихотвореній, предлагаемыхъ для заучиванія ученикамъ приготовительнаго и низшихъ четырехъ классовъ, помѣщенному въ утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 8-го іюня 1877 г. „Учебныхъ планахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія“, стр. 42—44	—

**ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ТОВАРИЩА МИНИСТРА.**

19-го сентября 1878 года. (№ 10).	—
4-го октября 1878 года. (№ 11)	—

**Определенія ученаго комитета министерства народнаго
просвѣщенія.**

О книгѣ: „Курсъ опытной физики“ А. П. Шимкова, профессора Харьковскаго университета: 1) Общая физика и акустика, съ чертежами и рисунками въ текстѣ 13

О книгахъ подъ заглавіями: 1) „Краткій курсъ естествовѣдѣнія“. Составилъ Гердъ. Съ 137 рисунками въ текстѣ 2) „Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ“. Составилъ Е. Пржевальскій, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Съ 86 фигурами въ текстѣ 3) „М. Фостера: Начальный практическій курсъ физиологій“. Переводъ съ англійскаго С. В. Пантелѣевой 4) „Географія для элементарныхъ

училищъ. Съ 42 типами народовъ и 88 другими рисунками. Сост. **Ө. Пуцквичъ**. Изд. 2-е дополненное и исправленное. 14

О книгѣ: „Конструкторъ“. Руководство къ проектированію машинъ для инженеръ-механиковъ, строителей, фабрикантовъ и техническихъ и реальныхъ училищъ. Соч. профессора Рело, директора королевской промышленной академіи въ Берлинѣ. Перевели подъ редакцію профессоровъ Императорскаго технического училища, инженеръ-механики: **Е. Зотиковъ**, **П. Тетеревъ** и **Н. Зиминъ** Съ 714 полтипажами въ текстѣ

О книгахъ подъ заглавіями: 1) Русскія достопамятности. Изд. **А. Мартынова**. Томы I и II. 2) „Leitfaden für den Unterricht in der Geschichte mit besonderer Berücksichtigung der neueren deutschen Geschichte für die mittleren Klassen der Gymnasien, für Realschulen, höhere Bürgerschulen, höhere Töchterschulen und Schullehrer-Seminarien, von Wilhelm Müller. 3) „Lateinisches Lesebuch für Anfänger enthaltend zusammenhängende Erzählungen aus Herodot von D-r G. Weller. Ausgabe 14“. 4) „Словарь къ латинской книгѣ для чтенія изъ Геродота, Д-ра Г. Веллера. Перевелъ съ нѣмецкаго **О. П. Витошинскій**, преподаватель древнихъ языковъ въ Псковской гимназіи. 5) „Краткая грамматика латинскаго языка. Сост. **Л. Пальмпвейгъ** и **Э. Кесслеръ**, преподаватели 3-й С.-Петербургской гимназіи, 6) „Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ. Книга I-я. Сост. заслуженный преподаватель при С.-Петербургской 6-й гимназіи **М. Николенко**. 5-е изданіе, исправленное, 7) „Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и другихъ странъ. Сост. **А. П. Субботинъ**

О книгѣ: „Руководство къ геометрическому линейному черченію“. Составлено для реальныхъ училищъ, примѣнительно къ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія, директоромъ Казанскаго реального училища **А. И. Орловымъ**. Выпускъ I-й. Съ атласомъ чертежей въ 28 таблицъ 15

О книгахъ подъ заглавіями: 1) „Учебникъ химіи“. Сост. **С. Ковалевскій**, преподаватель химіи и физики въ С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ. 2) „Латинскія упражненія“. Курсъ 2 кл. гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія. Сост. **Ф. Ф. Райманъ**, преподаватель Новгородской

гимназій. 3) „Христоматія по древне-греческой исторіи и литературѣ“. Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій. Для четырехъ высшихъ классовъ гимназій. Составилъ Ф. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназій, и Н. Баталинъ, преподаватель русскаго языка въ Московской 6-й гимназій. Часть III. Статьи для повторенія всего синтаксиса, съ прибавленіемъ латинскихъ статей. 4) Для разбора и письменныхъ упражненій. „Христоматія для употребленія при преподаваніи русскаго языка“. Курсъ второй. Составилъ П. Васистовымъ. Изд. 8-е. 5) „Русская христоматія“ Сост. Левъ Подивановъ. Часть III. Для V, VI, VII и VIII классовъ среднеучебныхъ заведеній. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи, и при руководствованіи учениковъ въ сочиненіяхъ. Съ присовокупленіемъ краткой теоріи слога, прозы и поэзіи, разборовъ и многихъ примѣчаній. и сборникъ для класснаго и внѣкласснаго чтенія. 6) „Руководство къ всеобщей и отечественной исторіи“. Курсъ VI класса классическихъ гимназій, составленный примѣнительно къ примѣрной программѣ министерства народнаго просвѣщенія. Выпускъ первый. Средняя исторія и отечественная до вняженія Василія III включительно. Сост. И. Беллярминовъ. 7 Orthographiae et prosodiae latinae summarium“. In usum instituti historici-philologici Petropolitani. Conscripsit Lucianus Mueller. 8) „Xenophontis Anabasis“. Текстъ съ словаремъ, составленнымъ Я. Кремеромъ, преподавателемъ древнихъ языковъ при Московской 4-й гимназій. Изд. 6-е. 9) Изданіе: „Атласъ по всеобщей и русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній“. Сост. преподаватель Николаевской Царскосельской гимназій И. Тихомировъ —

О книгѣ: „Бытъ Грековъ и Римлянъ“. Соч. Ф. Ф. Велитскаго. Переводъ съ чешскаго членовъ Кіевскаго отдѣла общества классической филологіи и педагогика подъ редакціей И. Я. Ростовцева. Выпускъ 2-й. 17

О книгѣ: „Полный словарь польскаго и русскаго языка, составленный П. П. Дубровскимъ. Часть польско-русская. Томъ I. —

О книгѣ: „Концентрической учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ 3 частей.

Курсъ элементарный. Сост. В. С. Игнатовичъ. Части I и II. Изданіе 5-е.	17
О книгѣ: „Употребленіе знавовъ препинанія въ русскомъ письмѣ“. Съ проложеніемъ синтаксиса русской рѣчи и синтаксическаго диктанта. Сост. П. И. Богдановъ.	—
О книгахъ подъ заглавіями: 1) Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Курсъ III и IV классовъ гражданскихъ гимназій. Составилъ И. Беллярминновъ. Изданіе 9-е, съ рисунками въ текстѣ и съ 2-мя картами. 2) „Византійскіе этюды топографическіе и историческіе, съ весьма большимъ количествомъ политипажей А. Г. Паспати. Въ Константинополѣ. 3) „Руководство для учителей“ къ преподаванію ариметики въ 2-хъ классныхъ начальныхъ училищахъ. Сост. Ѳ. П. Еленевъ. 5) Начальная геометрія. Сост. Е. Пржевальскій 6) „Руководство въ полному курсу русскаго чистописанія, въ трехъ отдѣлахъ, съ приложеніемъ французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ прописей. Сост. учитель каллиграфіи въ гимназіяхъ В. Пожарскій. Изд. 2-е исправленное и дополненное.	18
О книгѣ: „О преподаваніи закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Сост. С. Ширскимъ	—
О книгѣ: „Элементарный курсъ зоологіи. Сост. К. Сентъ-Илеръ. Изд. 8	38
О книгахъ: 1) „Физическая карта Европейской Россіи и 2) Азіятская Россія“. Изд. Ильина.	—
О книгѣ. „Русская хрестоматія“ съ примѣчаніями. Сост. А. Филоновъ	—
О книгѣ: „Курсъ химической технологіи“. Сост. Ф. Лесгавтъ Съ 184 политипажамъ въ текстѣ	—
О книгѣ: „Сборникъ статей изъ новѣйшей технической литературы Франціи. Хрестоматія для спеціальныхъ 'техническихъ заведеній, съ словаремъ и 42 политипажамъ въ текстѣ. Изданіе для Россіи В. Кутузова	—
О книгѣ: „Русская хрестоматія для 3 и 4 классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Аркадій Соснецкій	—
О книгѣ: „Указатель ко всѣмъ учебнымъ изданіямъ и переводамъ по классическимъ (греческому и латинскому) языкамъ съ начала книгопечатанія до 1877 г. Сост. Василиемъ Лебедевымъ	—

О книгѣ: 1) „Краткій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта“. Для народныхъ училищъ и первыхъ классовъ гимназій составленъ Н. Штраухомъ 2) Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для употребленія въ школѣ и дома, составленный по атласу доктора Аммора и употребительнѣйшимъ руководствамъ Смирнова, Лебедева и др. Н. Штраухомъ. 3) Природа и охота. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ редактора-издателя Л. П. Сабанѣева 39

О книгахъ подъ заглавіями: „1) „Элементарная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Я. Блюмбергъ. 2) „Сборникъ ариметическихъ задачъ, преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіи учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній Сост. А. Арбузовъ, А. Мининъ, В. Мининъ и Д. Назаровъ

О книгѣ: „Одиссея Гомера“ съ примѣчаніями Е. Шмида. Выпускъ 11, Пѣсни IV—VI 40

О книгѣ: „Учебникъ физики“. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, со многими политипажамъ въ текстѣ и налитографированной таблицей. Шестое изданіе, исправленное и дополненное. Въ двухъ отдѣлахъ Составилъ К. Краевичъ

О книгѣ: „Дополнительная алгебра“. Курсъ VII (дополнительнаго класса реальныхъ училищъ). Сост. Я. Блюмбергъ

О книгѣ: „Neros brevior“. Руководство для употребленія въ III классѣ гимназій А. М

О книгѣ: „Географическіе очерки и картины. Т. I. Очерки и картины Поволжья. Сост. А. Овсянниковъ

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Начальная систематическія упражненія въ списываніи и диктовкѣ“, съ необходимыми правилами правописанія безъ пособія грамматики. Сост. А. Семеновъ

О книгѣ: Русская азбука для дѣтей, Сост. В. Водозовымъ изд. 3-е 41

О книгѣ „Первый шагъ“. Пособіе при обученіи грамотѣ и первая книга для чтенія въ народной школѣ. Сост. А. Фролковымъ.

О книгѣ: „Лучи“. Книга для класснаго чтенія и упражне- ній при изученіи русскаго языка въ городскихъ приходскихъ и сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ Сост. И. Полка- новымъ и В. Васильковымъ	—
О книгѣ: „Пчела“. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Сост. Н. Щербина . . .	—
О книгѣ: „Руководство къ обученію письму для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ образцовъ пись- ма на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и греческомъ языкахъ Сост. А. Павловъ	—
Официальныя извѣщенія	19—
Открытіе училищъ	22—43

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами С. Шафранова	1
О нѣкоторыхъ славянскихъ и по славянски писанныхъ руко- писяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ. Ѳ. Успенскаго . . .	63
Законодательство иконоборцевъ. В. Васильевскаго . . .	95
Римская литература при Калигулѣ, Клавдіѣ и Неронѣ. В. Модестова	130
Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени. Л. Майкова	171
Догадки касательно участія русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Ф. Бруна	127
По поводу Трояна и Боана „Слова о полку Игоревѣ“. Всев. Миллера	239
Святой Георгій и Егорій храбрый. А. И. Киричникова . . .	268
Плавть и его значеніе въ университетскомъ преподаваніи В. Модестова	238
П. М. Строевъ. П. Моравека	340

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго обще- ства. Томъ XXIII	220
--	-----

М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Викентія Макушева

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

О дѣленіи классовъ въ начальныхъ школахъ на группы. В. Вахтерова	1
Устройство учебной части въ начальномъ училищѣ при учительской семинаріи. А. Баранова	15

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Отчетъ о двадцать первомъ присужденіи наградъ графа Уварова	1
Новыя ученыя работы о феодализмѣ въ Италіи. В. Виноградова	17
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты; б) институты, в) низшія училища.	30
Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1877 году	83
Открытіе учительскаго института въ Оренбургѣ.	190
Письмо изъ Парижа Л.—Л-ра.	228
Князь П. А. Вяземскій. (Некрологъ)	244

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Petreis. L. Mueller.	147
Vergiliana. Ioannes Luniak.	151
Харонъ или наблюдатели. В. Л.	157
Отрывокъ изъ исторіи литературы позднѣйшаго періода римской имперіи. Л. Миллера.	177
О постепенности въ письменныхъ упражненіяхъ по древнимъ языкамъ. Ф. Гельбке	210

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Е. К. Шида.

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

С.-Петербургъ,
Басейная, 14.

Н. Н. КАРБАСНИКОВА.

С.-Петербургъ,
Басейная, 14.

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ ПРОДАЕТСЯ:

НАРОДНОЕ И ШКОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ **ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ** **А. БРЭМА.**

Обработанное Фр. Шидлеромъ.

Томъ 1-й Млекопитающія. Томъ 2-й Птицы.

Сочиненіе, заслужившее такіа громкіа похвалы со стороны всѣхъ корифеевъ западной науки, было оцѣнено по достоинству и русскою публикою, какъ это свидѣтельствуеъ продажа двухъ изданій этой книги полнаго изданія въ шести томахъ, не смотря на довольно высокую цѣну ея. Съ тѣмъ чтобы дать этой превосходной во всѣхъ отношеніяхъ книгѣ еще большее распространеніе и сдѣлать ее болѣе доступною для дѣтскаго чтенія и употребленія въ школахъ, извѣстный натуралистъ и педагогъ Шедлеръ предпринялъ обработку ея для лучшаго приспособленія къ школьному и дѣтскому чтенію. Даже въ тѣхъ семьяхъ и школахъ, гдѣ существуетъ большое изданіе сочиненія Брэма, приобрѣтеніе дешеваго изданія той же книги для дѣтскаго употребленія далеко не лишне, такъ какъ оно болѣе приспособлено для чтенія дѣтей, нежели полное изданіе, и содержитъ почти всѣ рисунки его.

Съ цѣлью сдѣлать это изданіе дѣйствительно доступнымъ, цѣна его въ Книжной Торговлѣ для иногородныхъ Н. П. Карбасникова въ настоящее время понижена (вмѣсто 8 руб.) на 5 р. 50 к. за два огромныхъ тома самой убористой печати, въ 100 большихъ печатныхъ листовъ, со множествомъ рисунковъ. За коленкоровый переплетъ обохъ томовъ 1 рубль. На пересылку прилагаютъ за 7 фунтовъ по разстоянію (приблизительно отъ 50 до 1 р. 50 к. на экземпляръ).

ШКОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ Брэма одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для учебныхъ библиотекъ гимназій, реальныхъ училищъ и народныхъ школъ и ученымъ комитетомъ IV отдѣленія Его Величества канцеляріи для библиотекъ женскихъ институтовъ и гимназій.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЕТСЯ:

СБОРНИКЪ ДРЕВНИХЪ КЛАССИКОВЪ ДЛЯ РУССКИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ

По англійской серіи классиковъ въ изложеніи Л. Коллинза 20 томиковъ. Одобрены ученымъ комитетомъ мин. нар. проsv. и рекомендованы для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. I. Гомеръ, Илиада. II. Гомеръ, Одиссея. III. Платонъ, пер. Ф. Резенера. IV. Ксенофонтъ, подъ ред. М. Прахова. V. Геродотъ, пер. А. Н. Пыпина. VI. Аристофанъ, пер. Вейнберга, подъ ред. проф. Люгембиля. VII. Эврипидъ, пер. П. Вейнберга. VIII. Эсхиль, пер. П. Вейнберга. IX. Софокль. X. Цицеронъ, пер. Ф. Резенера. XI. Тацитъ, пер. Брюлловой-Кавелиной. XII. Юлій Цезарь, пер. Брюлловой-Кавелиной. XIII. Вергилій, подъ ред. проф. И. Помяловскаго. XIV. Гораций, подъ ред. проф. И. Помяловскаго. XV. Лукіанъ. XVI. Титъ Ливій. XVII. Овидій, подъ ред. проф. Помяловскаго. XVIII. Письмо Плинея. XIX. Теренцій и Плавтъ, пер. П. Вейнберга, подъ ред. Помяловскаго. XX. Ювеналь, пер. П. Вейнберга, подъ ред. проф. Помяловскаго.

Цѣна за всѣ 20 томиковъ 15 рублей, въ коленкоровомъ переплетѣ 19 рублей, на пересылку за 7 фунтовъ.

Книжная торговля для иногородныхъ Н. П. Карбаеникова существуетъ спеціально для исполненія заказовъ гг. иногородныхъ. Такъ какъ городской торговли фирма производитъ не будетъ, то всѣ средства и силы фирмы будутъ отданы одному иногородному дѣлу.

Фирма принимаетъ на себя: 1) доставку всевозможныхъ книгъ и учебныхъ пособій по объявленнымъ книгопродавцами и издателями цѣнамъ; 2) составляетъ вновь библиотеки, общественныя и частныя и пополняетъ, по возможности, существующія разрозненными томами сочиненій и номерами журналовъ за прежніе годы; 3) беретъ на себя высылку и иностранныхъ книгъ по цѣнамъ петербургскихъ книгопродавцевъ; 4) принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты по цѣнамъ, объявленнымъ редакціями, но не иначе какъ на наличныя деньги; полученныя на подписку деньги немедленно сдаетъ въ редакціи журналовъ, вмѣстѣ съ адресами, и получаетъ подписные билеты на имя подписчика. Въ доказательство немедленной передачи денегъ въ редакцію желающихъ за приложенную иногородную марку высылаются редакціонныя билеты.

По официальнымъ требованіямъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, IV отдѣленія Его Величества Канцеляріи, а также Военно-Учебныхъ заведеній заказы исполняются и безъ приложенія денегъ впередъ съ тѣмъ, чтобы уплата по счету была произведена немедленно по полученіи книгъ и счета.

Единственная цѣль нашей фирмы — сдѣлать все возможное, для того чтобы требованія и иногородныхъ покупателей дѣйствительно исполнялись скоро и аккуратно, — и мы надѣемся своею исправностью вызвать довѣріе со стороны и покупателей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ 1878 Г.

НА ЖУРНАЛЪ

СБОРНИКЪ

ИНТЕРЕСНѢЙШИХЪ

УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ

ВСѢХЪ СТРАНЪ

ПРЕЖНЯГО И НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

Годовое изданіе заключаетъ въ себѣ 24 выпуска, отъ 2 до 3 листовъ выпускъ. Срогъ выхода 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

Въ концѣ года подписчикамъ на Сборникъ будетъ выдана въ видѣ преміи книга, отъ 20 до 25 листовъ, вполнѣ законченнаго уголовного процесса.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ достав.		Съ доставкою пересылк.	
	Р. К.		Р. К.
На годъ въ С.-Петербургѣ	6 —	На годъ въ С.-Петербургѣ	6 50
На полгода.	3 —	На полгода.	3 30
На 3 мѣсяца.	2 —	На 3 мѣсяца.	2 20

Отдѣльный выпускъ 25 коп.

Служащіе могутъ подписаться чрезъ казначея, съ разсрочкою по 50 к. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ типографіи В. С. Балашева. Екатерин. кан. между Вознесен-и Маріинск. мостами д. № 1—90. Въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, Невскій пр. противъ Гостиного двора № 46 и Черкесова.

Гл. иногороднымъ просятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ типографію В. С. Балашева.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ **В. Балашевъ.**

1-го ДЕКАБРЯ вышла и разслана подписчикамъ XII-я,
ДЕКАБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Записки Тьebo: встрѣчи и знакомства съ достопамятными русскими людьми въ 1765—1785 гг. (окончаніе).—II. Журналъ и воспоминанія В. М. Зиньова, 1786—1790 гг. (окончаніе).—III. Очерки, рассказы и воспоминанія Э. М. С...ва: Глава V-я: Жизнь и служба въ Симбирскѣ, 1834—1839 гг.—Шиллингъ.—Губернаторъ и общество.—Наборъ.—Гр. Протасовъ.—Переводъ казенныхъ крестьянъ въ удѣль.—Одинъ изъ губернскихъ романовъ.—И. С. Жиркевичъ.—Губернаторъ и предводитель дворянства.—Бунтъ лашманъ-татаръ.—Императоръ Николай въ Симбирскѣ.—Нищія и картежники.—Царевна Тамара.—Ссылные поляки.—Губернаторъ Хомутовъ.—Баль.—Демонстрація дворянства.—Закрытіе раскольничьей обители.—Бунтъ удѣльныхъ и проч.—IV. Историческіе матеріалы: собственноручныя повелѣнія и замѣтки Екатерины II.—Анекдоты объ Александрѣ I.—Замѣтки г. Дива и П. Ѳ. Перфильевой и проч.—V. Приключеніе Густава, короля шведскаго, 1788 г.—Стихотвореніе В. П. Петрова, съ предисловіемъ П. А. Ефремова.—VI. Князь Долгоруновъ, казенные въ 1739 г., къ портретамъ ихъ, изданнымъ «Русской Стариной» въ 1878 г.—VII. Обзоръ 12-ти книгъ «Русской Старины» за 1878 г.—VIII. Списокъ лицъ, сообщившихъ статьи и матеріалы, и проч. и проч.

Приложеніе: Указатель именъ въ XXII т. «Русской Старины».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1879 г.
(десятый годъ).

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у Мамонтова, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у Мамонтова, Кузнецкій мость, д. Фирсанова, и у Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкой.

Можно получать: «Русскую Старину» 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 г. (съ десятью гравированными на мѣди и на деревѣ портретами) и 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и друг. портретами. Цѣна за каждый годъ 8 руб. съ пересылкой.

М. Семейскій.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Отрывокъ изъ исторіи литературы позднѣйшаго періода римской имперіи. . . . Л. Миллера.

О постепенности въ письменныхъ упражненіяхъ по древнимъ языкамъ. . . . Ф. Гельбке.

Редакторъ **Е. Феокистовъ**

(Вышла 1-и декабря.)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

AN INITIAL FINE OF 25 CENTS
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN
THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY
WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH
DAY AND TO \$1.00 ON THE SEVENTH DAY
OVERDUE.

AUG 20 1963	
30 Oct 50 REC'D LD	
AUG 20 1963	
F2S 59 1H	
	REC. CIL MAR 4 '76
REC'D LD	
SEP 2 1963	
LIBRARY USE	REC. CIL 402 3 76
AUG 16 1963	NRLF LIBRARY USE OCT 10 1960
AUG 17 1963	
31 Aug '63 ZF	
IN ST	
AUG 17 1963	
	LD 21-100m-7,40 (6936s)

842262
L451
A4
v. 200
THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

